

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Сривови

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ.

ТОМЪ СТО ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

1875

МАРТЪ. 660026

СОДЕРЖАНІЕ:

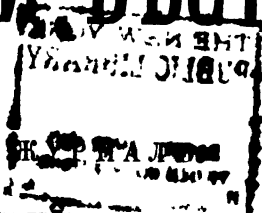
- I. ВОЙНА И РЕВОЛЮЦІЯ. Очерки нашего времени. Продолженіе. В. П. Везобразова.
- II. ОСАДА КОРИНФА. Поэма лорда Байрона. Д. Е. Мина.
- III. УНИВЕРСИТЕТСКІЙ ВОПРОСЪ. Гл. XIV—XX. Н. А. Любимова.
- IV. ЗАКОНЪ И ЖЕНЩИНА. Романъ Вилки Коллинза. Переводъ съ англійскаго. Часть вторая. Гл. XXXV—XLII.
- V. ТАЙТИ. Листки изъ записной книжки. Тишанскаго.
- VI. ПАРИЖСКІЕ СИЛУЭТЫ. Петра Петрова.
- VII. ЦЕРКОВИЩЕ. Стихотвореніе. М. А. Хитрово.
- VIII. АННА КАРЕНИНА. Романъ. Часть вторая. Гл. XI—XXVII. Гр. Л. Н. Толстаго.
- IX. НОВЫЯ СОЧИНЕНІЯ ВСЕВОЛОДА КРЕСТОВСКАГО:
1) *Кровавый Путь*. Хроника о новомъ смутномъ времени государства Россійскаго. С.-Петербургъ, 1875. 2) *Изъ походныхъ очерковъ*. С.-Петербургъ, 1872. 3) *На западъ и на востокъ*. С.-Петербургъ, 1872. А.
- X. ПО ПОВОДУ ОДНОЙ НОВОЙ ПОВѢСТИ. Т. Н.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

- I. ПАРИЖАНЕ. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. Переводъ съ англійскаго. Книга одиннадцатая, гл. II—V.
- II. ВОЕННЫЯ ДѢЙСТВІЯ НА ОКУСЪХЪ И ПАДЕНІЕ ХИВЫ. Макъ-Гахана. Переводъ съ англійскаго (съ рисунками). Часть первая, гл. XIV—XXI. Часть вторая, гл. I—V.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый

М. КАТКОВЫНЪ.

ТОМЪ СТО ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

МОСКВА.

Въ Университетской тилографіи (Катковъ и К").

На Страстномъ Бульварѣ.

1875.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый

М. Батковичъ.

ТОМЪ СТО ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°).

На Страстномъ Бульварѣ.

1875.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
660026
BOTON, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
1918

ВОЙНА И РЕВОЛЮЦІЯ*

ОЧЕРКИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

3) Революція и французское общество.

V.

До сихъ поръ мы видѣли причины бурныхъ потрясеній Франціи и болѣзненнаго направленія ея политической жизни въ ея государственномъ строѣ, сложившемся задолго до великой революціи прошедшаго столѣтія. Мы видѣли что эта революція не только не исправила, но усилила нѣкоторые существенные пороки французскаго государственнаго организаціи,—административный произволъ и бюрократическую централизацію,—несовмѣстимые ни съ условіями современнаго общественнаго быта, ни съ требованіями политической свободы, которой тщетно ищетъ эта страна. Какими бы страшными драматическими эпизодами ни сопровождалась революція 1789 года, сама собою она не внесла почти ничего органически новаго въ государственное устройство и управленіе не только Европы, но и Французской націи. ** Самыи види-

*См. Русск. Вѣстн. 1872 № 9, 1873 №№ 2, 4, 5 и 9 и 1874 №№ 2 и 11.

** Мы говоримъ здѣсь о государственномъ устройствѣ и управленіи, то-есть, о сферѣ публичнаго права. На почвѣ частнаго или гражд-

мый ея результатъ въ этомъ отношеніи есть начало народнаго представительства, но оно и практически (въ Великобританіи), и въ идеѣ существовало гораздо ранѣе; историческіе зачатки народнаго представительства встрѣчаются всюду за нѣсколько вѣковъ до французской революціи, они почти всюду были заморены французскимъ бюрократизмомъ и возродились снова въ нынѣшнемъ столѣтіи въ другихъ государствахъ, но безъ потрясаній, подобныхъ французскимъ. Французская революція скорѣе окомпрометтировала это начало, и ужасомъ наведеннымъ на всю Европу скорѣе замедлила его распространеніе.

Но что-нибудь революція 1789 года да внесла во французскій государственный организмъ, что-нибудь ей неотъемлемо принадлежить, и на это-то мы бы хотѣли теперь взглянуть. Главное и едва ли не единственное новое начало вложенное съ 1789 года во французское государственное устройство есть понятіе о *народномъ верховенствѣ* (la souveraineté du peuple). Это понятіе съ тѣхъ поръ и бродитъ во всѣхъ полостяхъ этого организма и до сихъ поръ опредѣляетъ собою всѣ французскія политическія партіи.

„Когда была взята штурмомъ Бастилія (въ 1789 году), говоритъ Л. Штейнъ, королевскія войска были отчасти разбиты, отчасти перешли на сторону народа, мятежъ изъ пригородовъ Парижа разлился повсюду, весь старый государственный порядокъ былъ сломанъ, всѣ прежнія власти уничтожены и королевство и дворъ лишились всякой дѣйствительной силы, тогда только замѣтили что безъ всякой господствующей въ обществѣ власти оставаться было однако невозможно. Но кому же возсоздать эту власть? Для многихъ, которые еще до сихъ поръ никакъ не могутъ или не хотятъ разложить смутное понятіе народнаго верховенства на элементы его дѣйствительнаго содержанія, было бы очень поучительно разсмотрѣть, со всею серіозностью и безъ всякихъ предразсудковъ, именно этотъ моментъ въ исторіи француз-

дамскаго права, революція 1789 года, *разрываетъ* послѣдніе узлы феодальнаго общества и всесословныхъ привилегій, какъ мы объ этомъ упоминали не разъ, сдѣлала многое во Франціи. Но то же самое дѣло сдѣлано въ другихъ государствахъ путемъ реформъ, безъ всякихъ революціонныхъ переворотовъ.

* L. Stein *Geschichte der sozialen Bewegung in Frankreich*, I, 18, p. 94.

ской революціи. Что иное может значить народное верховенство какъ не то что совокупность народа имѣеть въ своихъ рукахъ полную власть надъ народомъ же? Такъ и случилось въ это время. Народъ (la nation) царствовалъ, и неограниченно. Онъ царствовалъ какъ масса *безусловно равноправныхъ* людей. Еслибъ было когда-нибудь возможно чтобы народъ и одинъ народъ царствовалъ, то эта возможность должна была существовать именно тутъ. Если понятіе народа какъ единицы имѣеть какую-либо реальную сущность для государственнаго и управленія, то здѣсь она должна была бы сама собою выказаться. Но если вмѣсто какого-либо дѣйствительнаго верховенства (вмѣсто какой-либо организаціи верховной государственной власти) возникло распадѣніе всякаго публичнаго порядка, то въ самомъ упомянутомъ понятіи должно заключаться нѣчто смутное. Дѣйствительно, исторія неоднократно доказывала что всякій разъ когда народное верховенство было объявляемо какъ высшее начало государственнаго устройства, начиналась нескончаемая неурядица въ государствѣ и обществѣ. Эта неурядица доказываетъ внутреннее противорѣчіе въ самомъ началѣ, и это противорѣчіе объясняется изъ понятія объ обществѣ. Всякая верховная государственная власть требуетъ какого-либо единства, возведеннаго на степень личной воли. Потому народное верховенство должно непременно предполагать какое-нибудь единство въ народѣ. Если его нѣтъ, то единственная власть находится въ опасности; если же оно невозможно, то невозможно и само народное верховенство. Между тѣмъ понятіе о народѣ какъ о единицѣ (о націи) есть представленіе объ немъ только въ отношеніи къ другимъ народамъ. Внутри себя народъ живетъ не иначе какъ въ извѣстномъ общественномъ порядкѣ, который содержится въ равновѣсіи преобладаніемъ тѣхъ или другихъ общественныхъ элементовъ, и который влечетъ за собою господство однихъ интересовъ и подчиненіе другихъ, взаимную зависимость, борьбу и противоположность всѣхъ интересовъ. Потому народное верховенство приводитъ въ дѣйствительности къ верховенству общества (то-есть, къ отсутствію государства и государственной власти). Но какъ во всякомъ обществѣ существуютъ противоположности могущественныхъ и трудно примиримыхъ интересовъ, изъ которыхъ каждый надѣется выиграть черезъ подчиненіе себя другихъ, то призываніе верховенства общества приводитъ въ

дѣйствительности къ признанію верховенства, верховной власти, извѣстныхъ, господствующихъ въ данное время, интересовъ. Нѣтъ возможности избѣжать этого послѣдствія. Такимъ образомъ, народное верховенство уничтожая всякую государственную власть, стоящую вѣзъ и выше этой социальной борьбы интересовъ, вооружаетъ каждый изъ нихъ верховнымъ правомъ. Но какъ каждый изъ нихъ стремится къ подчиненію себѣ другихъ, то всѣ они вооруженные своимъ верховенствомъ и выступаютъ одинъ противъ другаго. При этомъ исчезаетъ всякое понятіе о какой бы то ни было верховной власти, непременно предполагающее какое-либо личное единство воли, и на его мѣсто становится узаконенная борьба всѣхъ социальныхъ противоположностей. Такъ само собою разрушается смутное представленіе народнаго верховенства. Въ то время какъ въ этомъ представленіи не заключается ничего инаго кромѣ безсознательнаго признанія верховенства общества (подлѣ другаго верховенства государства или государственной власти), оно въ дѣйствительности дѣлаетъ общественный раздоръ неизбѣжнымъ, узаконяетъ его, и вмѣсто свободы, производитъ только безпорядокъ и владычество толпы. Горе тѣмъ кто считаетъ возможнымъ полагать этотъ принципъ въ основаніе государственнаго устройства. Они хотятъ невозможнаго: они хотятъ противорѣчіе сдѣлать порядкомъ, а противоположности единствомъ; во Франціи же, опираясь на Руссо, отдались мечтѣ о томъ что верховенство народа практически возможно. Казалось что эта мечта осуществилась въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ (въ 1789 году); однако вѣчные, непреложные законы человеческой жизни не замедлили своимъ дѣйствіемъ дать поученіе, котораго никогда не слѣдовало бы позабывать.“

Трудно кажется найти болѣе рѣшительное и болѣе ясное опроверженіе ученія о народномъ верховествѣ, чѣмъ приведенныя нами мысли одного изъ главныхъ двигателей государственной науки въ нынѣшнемъ столѣтіи. Вся эта аргументація Л. Штейна отличается не только блестящею логикою, но и реальною правдою, которая всегда лежитъ въ основаніи всѣхъ его политическихъ сужденій, несмотря на кажущуюся ихъ отвѣченность.* Къ сожалѣнію и самая ясная логика и самые ясные уроки исторіи вразумляютъ не всѣхъ.

* Превосходная критика ученія о народномъ верховествѣ, съ

Догматъ народнаго верховенства сталъ съ 1789 года основнымъ умозрительнымъ началомъ во французскомъ государственномъ правѣ и въ томъ или другомъ видѣ вносился съ тѣхъ поръ во всѣ безчисленныя ея конституціи, за исключеніемъ развѣ партіи Людовика XVIII, октроированной королевскою властью, но вмѣстѣ съ тѣмъ и признаваемой во Франціи насиліемъ иновременнаго нашествія, нарушеніемъ національнаго французскаго права, и отвергаемой ея политическими мыслителями. Этотъ догматъ, одѣланный съ тѣхъ поръ главнымъ политическимъ вѣроученіемъ всей революціонной европейской демократіи въ нынѣшнемъ столѣтіи, и до нынѣ исповѣдуемый ея невѣжественными массами не въ одной только Франціи, * ничего инаго не можетъ внести въ дѣйствительную политическую жизнь всякой современной націи кромѣ анархіи. Онъ и не былъ съ послѣдовательностію принятъ въ законахъ ни одного государства новѣйшаго міра, ни даже республикъ (Швейцаріи и Сѣверо-Американскихъ Штатовъ). Даже древнія республики, въ которыхъ только и дѣйствовало практически это начало, обязаны ему преимущественно своею скоротечностію, несмотря на благоприятныя для него условія ихъ общественнаго быта, совсѣмъ противоположнаго нашему. ** Такую же и еще худшую анархію вносить этотъ догматъ своими непримиримыми логическими противорѣчіями и въ кругъ политическихъ идей: онъ до сихъ поръ значительно спутанъ въ лучшихъ политическихъ умахъ Франціи этимъ злополучнымъ догматомъ, не соединимымъ съ

другихъ точекъ зрѣнія, можно также найти у Вауччи (*Geschichte des allgemeinen Staatsrechts*, pp. 304—13, разборъ *Contrat social* Руссо).

* Этотъ догматъ и его практическіе постулаты (каково напримѣръ предоставленіе законодательной власти самимъ члѣнами народнаго собранія, уничтоженіе народнаго представительства, и такъ далѣе) входятъ въ политическую программу социальнo-демократической партіи въ Германіи, которая руководитъ огромнымъ большинствомъ всѣхъ германскихъ рабочихъ ассоціацій. См. A. Held. *die deutsche Arbeiter presse*, Leipzig, 1873, p. 55.

** См. между прочимъ L. Stein, *Geschichte der sozialen Bewegung in Frankreich*, III. B. (*Die Republiken des Altherthums*, p. 158). Авторъ доказываетъ что рабство было *conditio sine qua non* не только общественнаго, но и политическаго быта древнихъ республикъ и въ томъ числѣ народнаго верховенства.

самыми насущными началами государственнаго устройства и управления нашего времени.

Но признавая что анархическій принципъ народнаго верховенства былъ водворенъ на практической государственной почвѣ Франціи великою революціей, нельзя съ другой стороны не признать что онъ дѣйствуетъ такъ губительно во французскомъ государственномъ строѣ только въ связи съ описанными нами его исконными историческими особенностями, практически гораздо болѣе существенными чѣмъ этотъ отвлеченный принципъ.

Правда, этотъ принципъ составляетъ коренную сущность политическаго ученія Ж. Ж. Руссо, а это ученіе сдѣлалось евангеліемъ всѣхъ умственныхъ вождей великой революціи (кромя Мирабо, который со своими государственными доктринами стоитъ посреди нея совсѣмъ особнякомъ) и было именно тою революціонною философіей XVIII столѣтія, тою революціей въ идеяхъ, которая предшествовала ея фактическому взрыву. * Однако Ж. Ж. Руссо при всей силѣ своего таланта былъ только *первое дитя своего вѣка* (какъ его называетъ Блунчли), и именно французскаго; только во Франціи его доктрина могла сдѣлаться сколько-нибудь дѣйствующимъ началомъ въ политической жизни и оттуда въ лицѣ всѣхъ ея французскихъ послѣдователей пошла она по всему свѣту, какъ зерно всего политическаго и социальнаго радикализма XIX столѣтія. Этотъ радикализмъ хотя и всюду распространенъ, но онъ все-таки по преимуществу французскій. Въ собственномъ отечествѣ Руссо, въ Женевской республикѣ, онъ и его сочиненія подвергнулись самымъ ожесточеннымъ гоненіямъ, и никогда въ Швейцаріи, хотя и республиканской (но нисколько не революціонной въ своемъ бытѣ), Руссо не былъ такъ популяренъ какъ во Франціи. „Магическое дѣйствіе сочиненій Руссо на міръ того времени (то-есть французскій) было бы для насъ необъяснимою задачей, говоритъ Блунчли, еслибы мы не знали что въ личности Жанъ-Жака время видѣло самого себя. Ему недоставало почти всѣхъ условій необходимыхъ для политической

* См. I. C. Bluntschli, *Geschichte des allgemeinen Staatsrechts u. der Politik*, München, 1867. (IX cap., J. J. Rousseau, *Die Staatslehre der Französischen Revolution*, pp. 292—328).

дѣятельности. Онъ не имѣлъ въ себѣ никакихъ качествъ нужныхъ для государственнаго человѣка. Его историческое образованіе было очень скудно, онъ съ дѣтства гораздо болѣе углублялся въ романы чѣмъ въ исторію; онъ не прошелъ серьезной школы ни по одной наукѣ, занимаясь то тѣмъ, то другимъ съ дилеттантскою прихотью.“

Возведенное впервые въ систему въ сочиненіяхъ Руссо и доведенное до крайнихъ своихъ предѣловъ начало численнаго владычества толпы, весь этотъ духъ самаго необузданнаго демоса, конечно очень противоположны патріархальному королевскому управленію старой Франціи, и однакожь этотъ разрушительный демагогическій духъ нигдѣ лучше не могъ воспріять свои силы и вдохновенія и нигдѣ не могъ лучше сжиться со всѣмъ государственнымъ порядкомъ какъ въ этой же самой Франціи. Понятіе Руссо и всей его школы объ общей народной волѣ (*volonté générale de la nation*), выраженной посредствомъ поголовной подачи голосовъ, и лежащее въ основаніи этого понятія представленіе о народѣ какъ о численной суммѣ заключающихся въ немъ совершенодѣльных индивидуумовъ, развѣ всѣ эти понятія не были родственны этому старому режиму, который въ теченіе вѣковъ изглаживалъ всякія историческія мѣстныя и іерархическія общественныя различія и нивелировалъ до нельзя всѣ историческія неровности и выпуклости французскаго общества? Ярмо бюрократическое, производившее всю эту нивелировку, какъ нельзя легче смѣнилось ярмомъ якобинскимъ, которое, въ свою очередь, какъ нельзя легче уступило мѣсто бюрократіи. Посреди націи утратившей всякіе общественные историческіе союзы и корпораціи, измельченной давно на индивидуальныя атомы, могло быть вскормлено дикое отождествленіе понятія о народѣ, имѣющемъ многовѣковую историческую жизнь въ прошедшемъ и будущемъ, съ суммою наличныхъ жителей государственной территоріи. Только къ государственному строю такой націи какъ Французская могло притаться это воззрѣніе, коренное въ политической доктринѣ Руссо, обуславливающее собою ученіе о народномъ верховенствѣ. Практически это воззрѣніе на народъ не слишкомъ удалилось отъ стараго французскаго режима: въ томъ и другомъ случаѣ одинаково грубый взглядъ на народъ какъ на стадо *равноупынныхъ* особей—все равно, называются ли они подданными, или гражданами. Сословнымъ привилегіямъ,

которыя, какъ мы уже объясняли, имѣли во Франціи совсѣмъ исключительный характеръ, не бывъ соединены ни съ какими обязанностями предъ государствомъ, ни съ какою государственною службой, противопоставляется въ революціонной доктринѣ безусловное поголовное политическое равенство всѣхъ гражданъ. О политическихъ преимуществахъ, истекающихъ изъ преимущественнаго исполненія государственныхъ обязанностей, не имѣли ни тогда, ни теперь во Франціи понятія, такъ какъ въ ея бюрократической системѣ управленія (даже самоуправленія) всякій несетъ государственную службу не иначе какъ за деньги, за жалованье.

Отрицаніе Ж. Ж. Руссо народнаго представительства, * какъ искажающаго верховенство народа, который де непосредственно долженъ законодательствовать въ своихъ комиціяхъ, также не было противно государственному порядку издавна изгнавшему начало представительства изъ законодательства и управленія. На мѣсто неограниченнаго абсолютизма безотвѣтственной административной власти было еще легче поставить такой же абсолютизмъ той же власти якобы исполняющей общую народную волю; а бюрократической централизациі какъ нельзя лучше соотвѣтствовало математическое дѣленіе націи на районы по числу душъ. Тираниія большинства надъ меньшинствомъ въ каждомъ районѣ (въ мѣстныхъ народныхъ собраніяхъ) и затѣмъ во всемъ государствѣ, для выраженія общей народной воли, по своему духу и по своимъ практическимъ послѣдствіямъ была очень близка къ бюрократическому и беззавому самовластию стараго режима, которое и могло безпрепятственно продолжаться, только подъ другимъ названіемъ *исполнительной* ** власти, делегатовъ народа-самодержца. Эти делегаты или довѣренные народа должны были оставаться такими же, какъ и интенданты Лудовика XVI, полномочными, распорядителями въ дѣйствительныхъ ежедневныхъ дѣлахъ населеній. Они должны

* Представительство преслѣдуется всѣми исповѣдниками народнаго верховенства; они требуютъ на мѣсто его всенародныхъ собраній, обезпеченныхъ верховною властью.

** Это выраженіе *исполнительная* власть (вмѣсто административная), *puissance exécutif*, невѣрное и въ теоріи и въ практикѣ, создано французскою революціей и ея доктринами.

быть также неподсудны никакой иной власти кромѣ верховной воли народнаго большинства; но каждому простому смертному дойти до этого верховнаго народнаго собранія, не только центральнаго, но и областного, также далеко какъ и до короля. Коммиссары Конвента и Парижской коммуны были такими всемогущими владыками въ провинціи и на нихъ не было никакаго суда кромѣ самого Конвента, или того скопища разбойниковъ что засѣдало въ Парижской ратушѣ, подъ обманнымъ титуломъ общинныхъ представителей. Дойти до Конвента или до этого скопища могли развѣ только самые безлокайные люди. Дойти лично до королевской власти противъ злоупотребленій чиновниковъ конечно легче чѣмъ до расправы въ этихъ народныхъ комиціяхъ, гдѣ настоящій диктаторъ могъ еще легче скрываться за кулисами чѣмъ въ бюрократическихъ канцеляріяхъ. О судебной и дѣйствительной отвѣтственности должностныхъ лицъ, какъ и вообще о какомъ-либо *правѣ* подвластныхъ въ отношеніи къ власти, не могло быть и рѣчи. Понятіе права столько же бездѣйственно въ системѣ управленія построеной на началѣ народнаго самодержавія, какъ и въ старомъ французскомъ режимѣ. Противъ противозаконныхъ дѣйствій власти и ея органовъ не предполагается въ пользу гражданъ никакихъ юридическихъ гарантій, и эта власть не связана даже закономъ, который не существуетъ для народной воли; никакихъ гарантій народу-государю (*le peuple souverain*) противъ самого себя не нужно, и *никакой законъ не можетъ стѣснять его воли*, — такъ буквально выражается самъ Ж. Ж. Руссо.

Какъ далека вся эта государственная теорія и вся эта революціонная ея практика отъ Англій, гдѣ однако политическая свобода утвердилась наиболѣе прочнымъ образомъ! Никогда понятіе о народномъ верховенствѣ, которымъ такъ гордятся до сихъ поръ Французы всѣхъ партій, за исключеніемъ развѣ самыхъ крайнихъ легитимистовъ, не имѣло силы въ Великобританскомъ государствѣ, и верховная власть, какъ личная, всецѣло принадлежитъ въ немъ королю, и *de jure*, и *de facto*. Тѣмъ не менѣ самый ничтожный англійскій простолюдинъ, какъ недавно торжественно заявлялъ это нынѣшній

* Въ *Contrat social*. (Ср. Bluntschli *Geschichte des Allgemeinen Staatsrechts*, p. 305).

консервативный глава великобританскаго правительства, пользуется болѣе широкими и болѣе неприкосновенными правами чѣмъ самый знатный аристократъ въ континентальной Европѣ. Дѣло въ томъ что помимо права, помимо закона, по своей воли, никто не управляетъ въ Англіи. Во Франціи и до революціи и послѣ революціи всякій управлялъ по своей волѣ; какъ это происходитъ, не взирая на всѣ конституціи, мы достаточно объясняли прежде. О неприкосновенности закона и присвоенныхъ имъ каждому гражданину правъ всего менѣе думаютъ въ этой странѣ. Это явленіе, истекающее изъ всей административной исторіи Франціи, было какъ нельзя болѣе съ руки для практическихъ исполнителей революціонной философской доктрины XVIII столѣтія.

Наиболѣе проникнувшійся государственною системою Руссо законодатель революціи Сіесъ * какъ нельзя лучше успѣлъ согласовать ея начала, въ ихъ практическихъ послѣдствіяхъ, со старымъ административнымъ механизмомъ и со всѣми прерогативами его власти, которыя потомъ и остались, въ своемъ существѣ нетронутыми. Еще лучше доказалъ легкость этого согласованія Наполеонъ I. Великій императоръ и теоретически (въ основныхъ началахъ всѣхъ своихъ учрежденій), и исторически прямо шелъ отъ Сіеса, котораго онъ признавалъ своимъ лучшимъ законодательнымъ совѣтникомъ. ** Оставаясь въ принципѣ вѣренъ теоріи народнаго верховенства, какъ государь поставленный на престолъ народною волей; осуществляя еще болѣе призракъ этого принципа въ устройствѣ централь-

* Авторъ деклараціи правъ (*droits de l'homme*), этого исповѣданія вѣры революціи. (Ср. Bluntschli, *Geschichte des Allgem. Staatsrechts*, pp. 321—328.)

** Несмотря на приверженность Сіеса къ основнымъ началамъ политической философіи Руссо, его здравый законодательный и политическій умъ заставлялъ его отказываться отъ многихъ чудовищныхъ логическихъ требованій этой философіи (напримѣръ онъ признавалъ необходимымъ народное представительство и ограниченіе народнаго верховенства законами, вопреки системѣ Руссо). Сверхъ того нравственная честность Сіеса (отчасти и благородіе) заставила его устранить себя и отъ ужасовъ революціи, и отъ деспотизма Наполеона. Едва ли императоръ не былъ болѣе вѣренъ, въ своемъ правленіи, системѣ Руссо, чѣмъ самъ законодатель революціи.

ныхъ и мѣстныхъ представительныхъ собраній, Наполеонъ I легко могъ сохранить за властью, перешедшею въ его руки, все внутреннее, самое практическое ея содержаніе, то-есть весь административный ея абсолютизмъ какой та же власть имѣла при неограниченной королевской монархіи. Кромвель, подобный же излюбленникъ народной массы, не могъ имѣть этой власти, ибо ее не откуда было ему взять; она въ этомъ видѣ совсѣмъ не существовала въ англійскомъ государственномъ строѣ.

Бюрократическая централизація и самовластіе ея органовъ были усовершенствованы имперіей и доведены до такихъ крайнихъ предѣловъ какихъ они не знали даже при старомъ режимѣ, но общія начала этого управленія тѣ же самыя. Если представительныя учрежденія созданныя Наполеономъ I были только призракомъ представительства и насколько не ограничивали его власти, даже въ законодательной дѣятельности, то и въ этомъ отношеніи было бы несправедливо обвинять во всемъ его личное властолюбіе, какъ бы велико оно ни было. Очень дерзко ворвался онъ съ своими гренадерами въ сонмъ народныхъ представителей (совѣтъ пятисотъ) и разогналъ ихъ 10го ноября 1799 года, со словами: „Je ne veux plus de factions“, * но этотъ дерзкій поступокъ и эти слова были только выраженіемъ общихъ желаній французскаго общества. Когда онъ черезъ нѣсколько дней заявилъ что хочетъ „чтобы не было ни якобинцевъ, ни умѣренныхъ, ни роялистовъ, а чтобы вездѣ были только Французы“; ** когда онъ въ послѣдствіи часто и откровенно говорилъ о своемъ отвращеніи ко всякимъ парламентскимъ преніямъ, то насколько все это было согласно съ его личными инстинктами, настолько же соответствовало дѣйствительнымъ потребностямъ окружавшаго его общества. При внутреннемъ характерѣ всего государственнаго строя Франціи, при абсолютизмѣ административной власти, насколько неизмѣненномъ революціей, парламентское правленіе, какъ мы уже говорили, только усиливаетъ этотъ абсолютизмъ и дѣлаетъ его наименѣе выносимымъ для народа, отдавая весь народъ въ распоряженіе одной партіи. Самый деспоти-

* Я не хочу болѣе *кромольныхъ* партій.

** *Qu'il n'y ait plus de Jacobins, ni de modérés, ni des royalistes, mais partout des Français.*

ческій диктаторъ способенъ, въ этихъ условіяхъ административной власти, скорѣе смягчить ея суровость для общества строгимъ личнымъ надзоромъ, строгимъ выборомъ должностныхъ лицъ. И до и послѣ Наполеона I во Франціи царствовали префекты, но самыя лучшіе и любимыя народомъ префекты были при немъ. Если администрація неограничена въ существѣ своей власти и мелодсудна, то своеволие ея органовъ только и можетъ быть сдержано крѣпкою рукою ея личнаго главы, который несетъ нелегкую отвѣтственность предъ исторіей, а безличное парламентское большинство не страшится даже и этого суда, какъ это отлично доказываетъ нынѣшнее національное собраніе во Франціи. Въ этихъ условіяхъ государственнаго управленія, борьба парламентскихъ партій только разстраиваетъ страну своимъ никому немужнымъ шумомъ и только лугаетъ ее смѣною однихъ мѣстныхъ воеводъ другими, столь же пристрастными. Мы это и видимъ теперь во Франціи: созваніе національнаго собранія послѣ вакацій устрашаетъ все общество, кромѣ немногихъ политикановъ. Если законъ и государственныя учрежденія не подчиняютъ администрацію, въ ея повседневныхъ отношеніяхъ къ обществу, безпристрастной нормѣ права, то это безпристрастіе ожидается по необходимости отъ диктаторской власти, которая бы не находилась въ распоряженіи партіи. Въ этой борьбѣ за захватъ неограниченной административной власти, всѣ политическія партіи получаютъ характеръ *кромольный*, какъ выражался Наполеонъ.

Залоздалые поклонники догмата народнаго самодержавія могутъ замѣтить намъ что французской революціи не удалось послѣдовательно воплотить этотъ догматъ въ государственномъ строѣ Франціи и что имперія, ложно прикрываясь имъ, скорѣе его подмѣняла, чѣмъ ему слѣдовала. Мы всего менѣе думаемъ это ослабивать, предоставляя другимъ вѣрить въ возможность всецѣлаго пракческаго осуществленія этого ученія въ какомъ бы то ни было обществѣ. Исторія, какъ единственный опытъ для политическихъ теорій, есть самый достовѣрный способъ оцѣнки ихъ практическихъ достоинствъ. Есть до сихъ поръ люди наивно вѣрующіе что несостоятельность французской революціи (собственно Конвента и террора) произошла только потому что не были до конца доведены всѣ ея разрушенія и созиданія, что еслибъ она не была остановлена рукою Наполеона,

то непремѣнно водворила бы царство небесное на землѣ, что также точно г. Тьеръ помышлялъ это сдѣлать комму-нѣ, и т. д. Всѣ такія разсужденія, не признающія никакого смысла въ исторію, потеряли всякое значеніе предъ судомъ современной науки, хотя и повторяются непросвѣщенными фанатиками революціи. Несостоятельность всякой утопической политической доктрины въ томъ именно и заключается что она не принимаетъ въ расчетъ исторически сложившагося общества, и когда встрѣчаетъ на своемъ пути его историческую реальность, объ нее разбивается, но винить не себя, а историческія обстоятельства, въ которыхъ только обнаружилась сама эта реальность, человекъ какъ оны дѣйствительно есть и сдѣланъ исторіей.

Но опровергать революціонныя мечты и чаянія здѣсь нѣтъ никакой надобности. Мы хотѣли только заявить фактъ что единственное новое государственное начало (народное верховство) внесенное революціей въ старый государственный строй Франціи не измѣнило его въ дѣйствительности, что вліяніе этого начала ничтожно, сравнительно съ могуществомъ многовѣковыхъ историческихъ началъ, проникающихъ собою весь этотъ строй и нами изложенныхъ, что главное практическое дѣйствіе новаго революціоннаго начала заключалось именно въ чрезвычайномъ усиленіи дѣйствія этихъ старыхъ началъ и что въ нихъ гораздо болѣе чѣмъ въ переломахъ произведенныхъ въ государствѣ великой революціей кроется коренной хроническій недугъ Французскаго государства. Въ государственномъ управленіи Франціи, обусловленномъ всеми особенностями ея исторіи и нисколько не измѣненнымъ революціей, кроется, какъ мы объясняли, причина благодаря которой такъ естественны всякіе насильственные перевороты, и всякое новое движеніе въ обществѣ, приводящее въ другихъ странахъ къ реформамъ, разрѣшается революціоннымъ взрывомъ. Мѣнялись требованія общества, идеи, содержаніе жизни, но революціонные конфликты общества и государства были тѣ же въ XIV столѣтіи какъ и въ XVIII и XIX. Многовѣковое движеніе къ упраздненію феодальной (сословной) организаціи общества, закончившееся взрывомъ 1789 года, было улущено совѣмъ изъ виду французскою монархіей XVIII столѣтія, вопреки всѣмъ ея историческимъ традиціямъ. Главная заслуга французской монархіи и ея лучшихъ представителей, придавав-

шая ей крѣпость, вопреки всяческому ударамъ, заключалась въ борьбѣ съ феодальными привилегіями, въ гражданскомъ уравнии подданныхъ. Чрезвычайною энергіей этой специфической дѣятельности она подавляла всякія домогательства къ политической свободѣ, вознаграждала общество за ея отсутствіе и побуждала всѣхъ строптивыхъ представителей этихъ домогательствъ, поземельную аристократію, общину и всякія самостоятельныя и представительныя корпораціи. Выродившіеся въ XVIII столѣтіи потомки этой великой въ свое время династіи выпустили изъ своихъ рукъ это многовѣковое движеніе Французскаго государства. Остатки феодальныхъ привилегій были сломаны революціей; въ этомъ окончательномъ уравнии обществъ на почвѣ права заключалось ея главное дѣло, но и въ немъ ей принадлежитъ только ломка. Оно было организовано и собственно создано только законодательствомъ Первой Имперіи. Новое гражданское право со всѣми своими гарантіями, безусловная равноправность и личная гражданская свобода всѣхъ членовъ французскаго общества и затѣмъ охрана этого новаго частнаго права самостоятельною судебною властью (несмѣняемость судей) положены въ основаніе кодексовъ Наполеона I, которые останутся самымъ великимъ его историческимъ подвигомъ и которыми онъ разрѣшилъ единственную опредѣленную государственную задачу революціи 1789 года. * Это была настоящая историческая задача революціи. А вопросъ о политической свободѣ былъ всего менѣе ею поставленъ; если онъ и занималъ собою умы наиболѣе просвѣщенныхъ членовъ генеральныхъ штатовъ (Мирабо, а позже талантливѣйшій изъ жирондистовъ), то большинству онъ былъ чуждъ. Вопросъ французской революціи не есть вопросъ о свободѣ: это давно слѣдовало бы понять.

Вся область частнаго права (преимущественно гражданского), со всею законодательною и судебною своею организациею, составляетъ донынѣ самую крѣпкую и самую блестящую сторону Французскаго государства. Эта область здѣсь такъ превосходно выработалась что Франціи могутъ позавидовать всѣ безъ изъятія европейскія націи, даже Великобританская. Въ сферѣ французскаго частнаго права встрѣчаемъ именно тѣ гарантіи законности и права, отсутствіе

* Cp. L. Stein *Geschichte der sozialen Bewegung*, 18, I, p. 257—267.

которыхъ есть самая характеристическая черта Французской націи въ области публичнаго права (или государственнаго въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова). Вся эта область въ своемъ внутреннемъ существѣ, въ основныхъ началахъ государственнаго управленія и административной власти, во всѣхъ ихъ отношеніяхъ къ обществу и лицу, осталась и послѣ революціи и глубокихъ реформъ ея великаго организатора въ томъ же самомъ положеніи въ какомъ она была при старомъ режимѣ. Но Наполеонъ I не могъ найти въ революціонномъ движеніи никакихъ положительныхъ началъ для преобразованій въ этой области кромѣ смутнаго принципа народнаго верховенства. Онъ охотно удовлетворилъ этому принципу, въ самомъ коренномъ его требованіи, торжественно признавъ народную волю основаніемъ своей власти, тѣмъ болѣе что это нисколько не воспрепятствовало ему столь же торжественно искать помазанія главы римско-католической церкви. Иные рьяные лоборники Французской имперіи, а также нѣкоторые французскіе мыслители, * высказывали убѣжденіе что Французская нація по самой своей натурѣ способна только къ гражданской, а не къ политической свободѣ, другими словами, къ *равенству*, а не къ *свободѣ*. Дѣйствительно французская демократія, развившая свои теории исключительно на почвѣ догмата народнаго верховенства, не хуже Римской республики уживается съ цесаризмомъ: она это доказала не только исторически, но даже и въ самыхъ своихъ умозрѣніяхъ. Въ своихъ крайнихъ и притомъ послѣдовательныхъ требованіяхъ, французская демократія осуждаетъ начало народнаго представительства и относится къ нему не только съ пренебреженіемъ, но съ жесточеніемъ, противопоставляя ему, весьма логически съ своей точки зрѣнія, свои мѣстныя, самодержавныя народные комиціи, или народныя громады, въ лицѣ которыхъ только дѣйствительно и можетъ весь народъ проявить или упражнять свою верховную волю (по французскому техническому выраженію *exercice sa volonté souveraine*). Въ видѣ какъ бы невольной уступки господствующему въ этихъ образованныхъ классахъ предубѣжденію въ пользу представительства, — такъ-сказать по нуждѣ, — французская

* Знаменитый французскій философъ Кузенъ, во время Второй Имперіи.

демократія посылаетъ своихъ представителей, но не иначе какъ съ *mandat impératif*, то-есть съ прямыми обязательными для нихъ полномочіями отъ избирателей. Эти полномочія и практически и теоретически противны самому понятію о государственномъ народномъ представительствѣ и совсѣмъ его подкалываютъ, какъ мы это и видимъ во Франціи.

Въ этомъ равнодушіи отчасти даже враждебности современной демократіи къ народному представительству, кроется инстинктивное сознаніе чего-то болѣзненнаго, неладнаго, въ представительствѣ, когда оно является въ формѣ французскаго парламентаризма. Оно кажется практическимъ народнымъ массамъ, въ лучшемъ случаѣ, учрежденіемъ бесплоднымъ для удовлетворенія ихъ насущныхъ потребностей, а въ худшемъ случаѣ, оно кажется имъ даже механизмомъ который нарочно придуманъ для служенія своекорыстнымъ интересамъ высшихъ владѣльческихъ классовъ, для олигархическаго захвата государственной власти съ цѣлью доставленія высшимъ классамъ власти надъ низшими. И таково отчасти дѣйствительно всякое центральное представительное собраніе не связанное со страной сверху до низу неразрывными узами мѣстнаго самоуправленія, и занимающееся словопреніями и личными счетами партій. Французскія представительныя собранія всего менѣе содѣйствовали практическому улучшенію законодательства, администраціи и быта страны. Всѣ самыя значительныя, и въ наше время столь важныя, промышленныя реформы были произведены во Франціи, при Второй Имперіи, посреди безмолвія парламентской трибуны. Нельзя поэтому удивляться что демократизированныя рабочія массы, не имѣя во Франціи, включительно съ своими вожаками, никакого сознанія условій свободнаго правовѣрнаго государства, бросаются въ объятія цесаризма, который по крайней мѣрѣ обѣщаетъ имъ, съ болѣе обезпеченнымъ положеніемъ промышленности и съ публичными работами, болѣе продолжительный и вѣрный заработокъ. Онѣ и колеблются въ своихъ смутныхъ представленіяхъ между двумя полюсами, имперіей, дающей имъ *rapet et circonsences*, и коммуной, этимъ собственнымъ желаннымъ царствомъ, изъ котораго ихъ изгоняютъ войска и имперіи и республики. О коммуналистскихъ чаяніяхъ рабочаго класса мы будемъ говорить въ свое время, когда займемся рабочимъ вопросомъ, а теперь возвращаемся къ предмету насъ занимающему.

Политическія ученія воодушевлявшія вождей и ораторовъ французской революціи и вся такъ-называемая революціонная философія предшествовавшая 1789 году были, хотя и въ нѣскольکو ивыхъ формахъ, распространены всюду въ то время въ Европѣ. Въ Германіи государственная философія Канта и въ особенности Фихте имѣла въ своей основѣ тѣ же самыя принципы какъ и политическія системы Руссо и Сіеса, и въ томъ числѣ народное верховенство. * Эти два германскихъ философа пользовались громаднымъ вліяніемъ на современниковъ; ихъ практическіе политическіе выводы, если и не столь рѣзкіе и рѣшительные относительно окружающаго ихъ государственнаго порядка, тѣмъ не менѣе заключали въ себѣ положительное его осужденіе и подрывали его нравственныя основы. Если ученія Канта и Фихте не были столь доступны для публики какъ сочиненія Руссо, за то они проповѣдывались съ университетской кафедры, глубоко проникали въ умы молодаго поколѣнія, переходившаго съ университетской скамьи къ практической дѣятельности по вѣсѣмъ ея отраслямъ. Хотя и Кантъ и въ особенности Фихте ** имѣли нѣкоторыя столкновения съ властями, но они преподавали свои ученія съ тою свободою какою издавна пользуется университетская наука въ Германіи, и съ несравненно большею свободою чѣмъ въ то же время обращались тѣ же политическія ученія во Франціи. А университеты всегда владычествовали въ умственной жизни Германіи, тогда еще больше чѣмъ теперь. Конечно политическія умозрѣнія, оглашавшія университетскія стѣны, держались на извѣстномъ почтительномъ разстояніи отъ преобладающей государственной власти и не позволяли себѣ слишкомъ наступательныхъ на нее дѣйствій; требованія чистаго разума, какъ бы они ни были радикальны сами по себѣ, всегда строго

* См. Bluntschli, *Geschichte des allgemeinen Staatsrechtes*, pp. 328—336 (Immanuel Kant, I. Gottlieb Fichte).

** Фихте, съ горячимъ сочувствіемъ относившійся къ первымъ движеніямъ французской революціи, печатно защищавшій ее и откровенно признавшій себя демократомъ, долженъ былъ удалиться изъ лейпскаго университета въ Берлинъ, гдѣ король Фридрихъ Вильгельмъ II принялъ его подъ свое личное покровительство (см. тамъ же р. 366).

различались съ требованіями практической политики. „Изъ всѣхъ цивилизованныхъ націй, говорилъ Кантъ, Нѣмецъ всего легче подчиняется правительству подъ которымъ онъ живетъ, и всего болѣе далекъ отъ страсти къ новаторству и отъ сопротивленія существующему порядку“.

Событія нынѣшняго вѣка (и именно 1848—49 годовъ) въ Германіи доказали что едва ли можно упомянутую черту считать за непреложное національное свойство Германица. Давно впрочемъ пора перестать считать національныя свойства народа за нѣчто неизмѣнное и не зависящее отъ разнообразныхъ историческихъ условій посреди которыхъ онъ живетъ и отъ того или другаго государственнаго порядка, который даетъ такое рѣшительное направленіе чувствамъ и мыслямъ каждой націи. А этотъ порядокъ, если и слагается отчасти подъ вліяніемъ особенныхъ національныхъ свойствъ народа, то едва ли не еще въ большей степени слагается подъ вліяніемъ историческихъ обстоятельствъ и дѣйствующихъ въ нихъ личностей. Также точно давно пора перестать считать тѣ или другія политическія *идеи*, т.-е. теоріи вращающіяся въ высшихъ слояхъ общества, разрозненными съ дѣйствительнымъ государственнымъ порядкомъ господствующимъ въ странѣ, и считать ихъ вредными или опасными независимо отъ этого порядка, не взирая на тѣ или другія его свойства. Развѣ не знаменателенъ фактъ что тѣ же самыя политическія ученія получали, подъ вліяніемъ различнаго государственнаго порядка, совсѣмъ различное направленіе во Франціи и въ Англіи, и что тѣ же самыя идеи являвшіяся пагубными и разрушительными въ одномъ государствѣ были совсѣмъ безвредны въ другомъ. Мы уже говорили каковы самыя крайніе республиканцы въ Великобританіи. Всѣ эти различные элементы народной жизни, — національный характеръ общества, идеи волнующія образованныя его сферы, экономическіе интересы, занимающіе собою всѣ его классы, и наконецъ характеръ самого государственнаго строя или наряда, находятся въ тѣсномъ между собою взаимодействіи, но *только во взаимодействіи*. Ни одинъ изъ этихъ элементовъ самъ по себѣ, независимо отъ другихъ, не опредѣляетъ историческихъ судебъ народа. Отъ непризнанія этой самой простой истины и происходитъ между прочимъ это не прекращающееся двухстороннее заблужденіе: то во всемъ виноваты общество, народъ, противъ государства и правитель-

ства, то наоборотъ, во всемъ виноваты государство и правительство предъ народомъ.

Та же самая политическая философія радикальная въ своихъ принципахъ, то же самое естественное право съ его презрительнымъ отношеніемъ ко всякому положительному и историческому праву, та же теорія государства основанная на воображаемомъ договорѣ (народа съ государственною властью) и прямо истекающее изъ нея ученіе о верховенствѣ народной воли и верховномъ правѣ ея на низверженіе государственной власти, тѣ же теоріи и тѣ же ученія въ XVIII столѣтіи одинаково господствовали въ Германіи какъ и во Франціи. Но въ Германіи всѣ эти доктрины и ихъ адепты становятся въ примирительныя отношенія къ историческому государству, требуя реформы, а не революціи, тогда какъ во Франціи тѣ же самыя доктрины служатъ въ рукахъ демагоговъ оружіемъ для разрушенія государственнаго порядка. Нельзя же не видѣть причины такого различнаго дѣйствія тѣхъ же ученій въ общемъ государственномъ строѣ германскаго общества, существенно отличномъ отъ строя французскаго. Сколько ни было первоначальнаго историческаго сродства между Германіей и Франціей, и сколько ни было также въ послѣдствіи напущено въ германскую правительственную сферу и бюрократію французскихъ понятій, все-таки государственная жизнь въ той и другой странѣ текла различными направленіями и государственный порядокъ имѣлъ далеко не одинаковыя основанія въ Германіи и во Франціи. Великія реформы совершившіяся въ первой четверти нынѣшняго столѣтія въ Германіи, и преимущественно въ Пруссіи, произошли нисколько не въ духъ Французскаго государства и французской революціи, хотя онѣ и совершились отчасти подъ ея ударами.

Еще одно историческое явленіе можетъ подтвердить нашу мысль что вліяніе политическихъ теорій на движеніе практической политической жизни вообще слишкомъ преувеличивается и что напротивъ вліяніе жизни на теоріи гораздо сильнѣе, чѣмъ это вообще думаютъ. Политическая философія и наука именно въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія отрѣшились и отъ догматическаго радикализма вообще и отъ ученія о договорномъ государствѣ; со всѣхъ кафедръ самыми знаменитыми представителями государственныхъ знаній въ Германіи преподавались самыя консервативныя историче-

скія начала государственнаго права. Между тѣмъ, въ это самое время, и въ Германіи и во всей Европѣ готовились революціонныя движенія; общество становилось въ болѣе и болѣе враждебныя отношенія къ государству, и надъ Европой пронеслась буря 1848—49 годовъ. Какъ она ни была скоротечна, она однако глубоко потрясла всѣ престолы и всѣ власти. Эта буря собиралась въ теченіе всего періода великой реакціи 1815—1848 годовъ, когда законодательство всей Европы, кромѣ Англии, оцѣпенѣло въ своей неподвижности, когда бюрократическій и административный абсолютизмъ Франціи сдѣлался всюду господствующимъ, и когда правительства стали отказываться даже отъ тѣхъ государственныхъ началъ которыя сами провозглашали въ началѣ вѣка. Самымъ разительнымъ примѣромъ всему этому служить Пруссія. Какъ радикальныя теоріи ученыхъ и философовъ конца XVIII столѣтія были не въ силахъ потрясти въ Пруссіи государственный порядокъ, также точно умѣренныя и охранительныя ученія послѣдующаго поколѣнія были не въ силахъ предотвратить перевороты 48—49 годовъ. Гегель, котораго называли философомъ крайней прусской бюрократической ортодоксіи, все-сильно властвовалъ надъ умами до этой эпохи, и однакоже на берлинскихъ улицахъ произошли революціонныя оргіи не лучше парижскихъ. Какимъ бы нравственнымъ могуществомъ ни обладали ученія науки въ исторической жизни народовъ, но ихъ вліяніе проявляется очень не быстро, преимущественно посредственнымъ образомъ, черезъ законодателей и правителей, черезъ посредство понятій которыя они вносятъ въ свою дѣятельность и которыя восприняты ими на почвѣ науки и въ школахъ. Это вліяніе научныхъ идей вмѣстѣ съ тѣмъ находится въ тѣсной зависимости отъ того дѣйствительнаго государственнаго строя въ которомъ живутъ и дѣйствуютъ законодатели и правители. Такъ послѣ 1849 года возникла во всей Европѣ передѣлка въ государственномъ устройствѣ и управленіи, въ духѣ преимущественно Великобританскаго государства, а не Французскаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ революціонныя элементы стали всюду болѣе и болѣе ослабѣвать. Это сочувствіе къ великобританскому государственному строю, усилившееся въ правительственныхъ сферахъ и значительно подвинувшее ихъ къ преобразовательной дѣятельности, было плодомъ движенія науки среди котораго воспиталось новое поколѣніе государственныхъ людей (въ особенности въ Германіи).

Замѣчательно что нѣтъ страны гдѣ ученіе о народномъ верховенствѣ было бы менѣе распространено чѣмъ въ Англіи, даже въ XVIII столѣтіи, когда оно было господствующимъ на континентѣ. Нынѣ это ученіе, держащееся въ государственномъ правѣ Франціи какъ его основное начало, въ большомъ ходу среди германской соціальной демократіи, которая если и безсильна пока произвести серіозныя политическія замѣшательства, однако располагаетъ огромною арміей въ рабочихъ массахъ, всегда готовою воспользоваться всякимъ случаемъ для смуты. Но несмотря на сочувственныя связи между рабочими классами Германіи, Франціи и Англіи, несмотря на многія общія въ средѣ ихъ всѣхъ стремленія и на нѣкоторые общіе органы дѣйствія, въ понятіяхъ англійскаго рабочаго класса нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ вѣрованія въ догматъ народнаго верховенства. Даже въ политическихъ кругахъ Англіи настроенныхъ къ республиканскому образу мыслей нѣтъ и рѣчи объ этомъ догматѣ, признаваемомъ во Франціи не только республиканцами, но и конституционными монархистами за фундаментъ государственнаго зданія.

Принято думать что этотъ злосчастный догматъ унаслѣдованъ Франціей отъ XVIII вѣка, отъ ея философіи и революціи, и что онъ до сихъ поръ остается главною причиною всего ея революціоннаго недуга. Однако необходимо значительно ограничить дѣйствіе этой причины. Этотъ догматъ дѣйствительно самый анархическій и тлѣтворный, но было бы странно думать что всѣ тѣ шайки мятежниковъ, толпы городскихъ рабочихъ, которые всегда готовы по первому кличу выскочить изъ своихъ подлодій и мастерскихъ и идти на баррикады во Франціи, чтобы всѣ они сознательно исповѣдывали этотъ догматъ о народномъ верховенствѣ и о верховномъ правѣ народа-государя по своему произволію разрушать и созидать государственный порядокъ. Если даже эти мятежныя и невѣжественныя толпы непрерывно, по рутинѣ, восклицаютъ о своемъ священномъ правѣ инсуррекции, то эти клики имѣютъ никакъ не болѣе смысла чѣмъ восторженное въ этомъ же случаѣ пѣніе *Марсельзы*, авторъ которой, какъ извѣстно, всего меньше думалъ о революціонномъ возстаніи, сочиняя свою пѣсню. И не только эти во всякое время организованныя во Франціи войска революціи, но даже и ихъ болѣе образованныя предводи-

тели не отдають себѣ сознательнаго отчета въ теоріи народнаго верховенства которую боготворять французскіе радикалы, съ одинаковымъ жаромъ вооружающіеся противъ выборныхъ властей и противъ народныхъ представителей, какъ и противъ королевскихъ, императорскихъ и всякихъ бюрократическихъ властей. Въ настоящую минуту всѣ крайніе французскіе республиканцы сопротивляются плебисциту о формѣ правленія, хотя этотъ плебисцитъ былъ бы самымъ послѣдовательнымъ приложеніемъ ученія о верховной народной волѣ; чѣмъ же лучше она могла бы, казалось, заявить себя, какъ не постановленіемъ своего безаллеяціоннаго рѣшенія относительно желаемой ею формы правленія? Однако предложить этотъ вопросъ народу согласны только имперіалисты, а всѣ отъявленные республиканцы безусловно отвергаютъ этотъ способъ разрѣшенія нескончаемаго вопроса о формѣ правленія. Правда, французскіе республиканцы, чистые, то-есть желающіе республики по внутреннему убѣжденію, а не вслѣдствіе историческихъ обстоятельствъ и не вслѣдствіе одной только невозможности устроить монархію (какъ Тьеръ и его приверженцы въ лѣвомъ центрѣ національнаго собранія), всегда проповѣдывали что республика выше чьей бы то ни было воли, что она не подлежитъ обсужденію, также точно какъ крайніе легитимисты признають въ всякихъ преніи монархію. Такимъ образомъ республика, которая, съ другой стороны, ея же словѣдниками защищается какъ форма правленія наиболѣе соотвѣтствующая принципу народнаго верховенства, вступаетъ въ смертельную борьбу съ этимъ же принципомъ, при самомъ, казалось бы, простомъ практическомъ его примѣненіи.

Но возможно ли примирить неразрѣшимыя внутреннія противорѣчія ученія о народномъ верховенствѣ, когда оно, какъ мы уже достаточно говорили выше, не только въ каждомъ практическомъ своемъ примѣненіи, но во всемъ своемъ существѣ распадается на понятія одно другому противорѣчащія. Здѣсь мы хотѣли только показать что поклонники этого ученія во Франціи сами отъ него отказываются, ломая по своему произволенію чтимую ими народную волю и не признавая себя повинными предъ самыми законными ея приговорами. Поэтому нельзя говорить о принципѣ народнаго верховенства, положенномъ въ основаніе французскаго государственнаго строя великою революціей, а также

и о самой этой революціи, ничего кромѣ этого принципа въ государственномъ отношеніи не создавшей, какъ о первой причинѣ всѣхъ дальнѣйшихъ потрясеній въ этомъ стрѣ.

Самое значительное и самое вредное послѣдствіе политической доктрины народнаго верховенства, знамя которой было дѣйствительно впервые водружено на практической государственной почвѣ революціей и съ тѣхъ поръ подымается во всякомъ французскомъ переворотѣ, есть то вліяніе которое съ тѣхъ поръ эта доктрина возымѣла на политическіе умы и правящіе классы во Франціи. Нѣсколько поколѣній государственныхъ людей Франціи, въ теченіе всего нынѣшняго столѣтія, были теоретически воспитаны исключительно по понятіямъ этой доктрины. Она сдѣлалась непрекаемымъ догматомъ для всѣхъ политическихъ партій, кромѣ легитимистской, и уже это одно прелятствовало усвоенію во Франціи государственныхъ понятій выработанныхъ наукою новаго времени. Съ помощью этихъ понятій производились глубокія реформы въ государственномъ управленіи всѣхъ другихъ странъ. Единственныя руководящія государственныя идеи каждой французской партіи заключались въ томъ или другомъ пониманіи и толкованіи принципа народнаго верховенства, въ которомъ собственно и заключался весь *политическій* (не социальный) * результатъ такъ-называемыхъ великихъ принциповъ 1789 года, *grands principes de la révolution*, отъ которыхъ, какъ извѣстно, не дерзаетъ отказываться ни одна партія, кромѣ легитимистской. Этимъ было обусловлено то обстоятельство что каждая партія заботилась исключительно объ устройствѣ верховной государственной власти, о сооруженіи того или другаго искусственно придуманнаго механизма высшихъ властей (*les grands pouvoirs publics*), для примиренія принципа народнаго верховенства съ практическими потребностями государственнаго управленія и общественнаго порядка. Казалось что эту, въ сущности неразрѣшимую задачу, всего услѣпнѣе могла разрѣшить партія такъ - называемой конституціонной монархіи, заключавшая въ себѣ въ теченіе всего нынѣшняго вѣка самыхъ просвѣщенныхъ и уважаемыхъ

* Не должно терять изъ виду что мы постоянно говоримъ только объ одной политической (государственной) сторонѣ революціи, отличая ее отъ социальной.

политическихъ людей Франціи (центры теперешняго національнаго собранія) и имѣющая своимъ родоначальникомъ Бенжамена Констана; * но это могло казаться лишь при поверхностномъ взглядѣ и на политическую программу этой партіи и на дѣйствительныя государственныя нужды нашего времени.

Въ теченіе нынѣшняго столѣтія, эта партія имѣла въ своихъ рукахъ власть нѣсколько разъ: при законной монархіи (реставраціи), июльской монархіи, при Второй Имперіи, послѣ реформы 1868 года, и при нынѣшней республикѣ, въ правленіе г. Тьера. Въ каждую изъ этихъ эпохъ дѣйствовали во французскомъ правительствѣ люди съ различными отѣнками убѣжденій и характеровъ, но все принадлежавшіе по общему направленію своимъ государственнымъ воззрѣніямъ къ одной и той же категоріи политическихъ людей, которые были прозваны въ 30хъ годахъ *доктринерами*, и которыхъ большею частью принято называть *парламентаристами*. Они приверженцы французскаго парламентаризма, парламентскаго правленія въ самомъ узкомъ смыслѣ этого слова. Мы уже достаточно говорили о французскомъ парламентаризмѣ, основанномъ на подражаніи наружнымъ формамъ великобританской конституціонной жизни, безъ усвоенія внутренняго ея духа. Здѣсь нѣтъ намъ болѣе надобности распространяться объ этомъ предметѣ. Мы уже указали на главныя причины несостоятельности французскаго парламентскаго правленія, которое не имѣетъ ничего общаго съ великобританскимъ и въ которомъ съ представительными формами законодательной власти, по воображаемому англійскому образцу, соединяется *абсолютизмъ административной власти*, нынѣ немислимый въ великобританскомъ государственномъ управленіи. При отрицаніи всякой *правомѣрности*, всякаго дѣйствительнаго конституціонализма въ государственномъ управленіи, всякихъ гарантій противъ его самовластія, были тщетны всякія попытки конституціонныхъ гарантій въ государственномъ устройствѣ.

Мы не можемъ не возвращаться безпрерывно къ этому самому большому мѣсту во французскомъ государственномъ организмѣ; мы уже достаточно подробно его описали въ пре-

* Срав. Bluntschli, *Geschichte des allg. Staatsrechts*, pp. 515—540 (*Die constitutionelle Staatslehre und das Vernunftrecht*).

Амандскихъ главахъ чтобы для читателей была ясна сущность того историческаго недуга который главнѣйше производилъ всѣ революціонныя смуты во Франціи. Революція измѣнила гражданскій строй общества и, хотя насильственно, вырвала самый болѣзненный феодальный въ немъ вередъ, сословную организацію и сословное неравенство, но основной недугъ въ государственномъ строѣ Франціи, бюрократическую централизацию и неограниченный никакими судебными и правомѣрными гарантіями произволь административной власти, она не только не поправила, но даже усилила, и именно усилила догматомъ народнаго верховенства. Этотъ догматъ, несостоятельный въ теоріи, приводящій къ анархіи въ своемъ практическомъ примѣненіи, можетъ въ лучшемъ случаѣ оставаться въ государственномъ правѣ безъ его испроверженія, лишь посредствомъ разныхъ конституціонныхъ фикцій, только прикрывающихъ собою обманъ. Такимъ образомъ въ силу французскаго парламентаризма подлѣ монарха, главы исполнительной власти, неограниченнаго въ своемъ административномъ произволѣ, какъ верховнаго начальника неограниченныхъ въ своемъ бюрократическомъ самовластіи административныхъ учреждений, ставится народное представительство, яко бы выражающее верховную волю народа, также ничѣмъ не ограничивую, не только относительно законодательной дѣятельности, но и даже административной. Отсюда возникаетъ или смертельная борьба между двумя владыками, оканчивающаяся низверженіемъ одного въ силу верховной власти другаго, или устанавливается такъ-называемое во Франціи парламентское правленіе, — идеаль французскихъ конституціоналистовъ и либеральныхъ бюрократовъ, — т.-е. самовластіе большинства народнаго представительства, нисколько не уменьшающее неограниченнаго деспотизма административной власти, а только усиливающее всѣ его практическія невыгоды исключительнымъ политическимъ духомъ, который тогда примѣшивается ко всякому административному распоряженію. Сверхъ того, къ жизни мѣстныхъ народонаселеній, во всякомъ случаѣ закабаленной ю власть префектовъ и подпрефектовъ, примѣшиваются парламентскія бури, пугающія воображеніе мирныхъ обывателей возможностью революціи, ничего не прибавляя

къ ихъ благосостоянію. На дняхъ одинъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ и здравомыслящихъ политическихъ людей Франціи, г. Лабуле, сказалъ мѣткое слово посреди преній національнаго собранія о формѣ правленія: „Nous donnons le spectacle d'un peuple tranquille avec des législateurs agités“. Масса мирныхъ обывателей, составляющая почти весь Французскій народъ, не любитъ этого парламентскаго правленія, которое держится всегда въ искусственномъ эквилибрѣ, ежеминутно готовомъ покачнуться. Эта масса гораздо болѣе любитъ диктатуру. Мы уже объяснили почему эти внутренніе инстинкты практической массы во Франціи, какъ и всюду чуждой политикѣ, не такъ нелѣпы какъ это кажется французскимъ конституціоналистамъ, живущимъ въ искусственной, тепличной атмосферѣ политическихъ кружковъ. Французскій конституціонализмъ ни въ управленіи, ни въ движеніи законодательства, не даетъ тѣхъ удовлетвореній практическимъ потребностямъ народа, какія способенъ дать только здоровый конституціонализмъ: французское парламентское правленіе не спасаетъ мѣстныхъ народонаселенія отъ административнаго бюрократическаго произвола, который лежитъ въ самыхъ нѣдрахъ французскаго государственнаго строя, и оно не произвело и не производитъ тѣхъ глубокихъ законодательныхъ реформъ которыя необходимы для искорененія этого порока. Для этого послѣдняго дѣла парламентскій режимъ оказался немогущимъ, потому что онъ былъ занятъ исключительно борьбою каждой партіи за охрану своего *устройства верховной власти* противъ устройства ея предлагаемаго другими партіями. Такова до сихъ поръ картина политической жизни Франціи, и тутъ мы касаемся еще одного особаго вопроса, почти еще не тронутаго нами, слора о формѣ правленія. Этотъ споръ дру-гое печальное и тяжкое наслѣдіе революціи.

Перерывъ въ историческомъ развитіи формы правленія есть, безъ сомнѣнія, величайшее зло революціи XVIII столѣтія, самымъ специфическимъ образомъ принадлежащее этой катастрофѣ. Въ сравненіи съ нимъ начало народнаго верховенства, какъ начало практически почти не дѣйствующее, гораздо меньшее зло, и наихудшія послѣдствія его обнаружилась именно вслѣдствіе утраты Франціей съ конца XVIII столѣтія всякой исторической законной формы правленія. При этомъ фактѣ, начало народнаго верховенства, съ помощью ко-

того сѣются теоретически возсоздать форму правленія, сдѣлалось особенно ядовито. Форма правленія образуется только исторически, и не творится теоріей. Нѣтъ сомнѣнія что споръ объ основныхъ началахъ образа правленія, вслѣдствіе насильственнаго разрушенія его законной исторической формы, не прерывавшейся въ теченіе десяти вѣковъ, достаточно самъ по себѣ чтобы произвести и поддерживать революціонное состояніе въ государствѣ. Въ иные моменты, какъ именно въ настоящій, можетъ даже казаться что въ этомъ спорѣ единственная причина этого состоянія и что съ тѣмъ или другимъ его разрѣшеніемъ должны совсѣмъ покончиться революціонныя потрясенія во Франціи. Такъ говорятъ предводители всѣхъ парламентскихъ партій, и едва ли даже не всѣ они искренне и большею частію патриотически убѣждены что это дѣйствительно такъ; что установивъ *окончательно* (?) форму правленія желаемую каждымъ изъ нихъ, республику, монархію конституціонную, договорную, или монархію легитимистскую, по божественному праву, Франція покончитъ съ революціями.

Политическихъ людей скептически относящихся въ этой странѣ ко всякой формѣ правленія не много, а въ средѣ дѣйствующихъ партій ихъ почти совсѣмъ нѣтъ. Только политическіе мыслители-теоретики, находящіеся не у дѣла, могутъ позволить себѣ такой скептицизмъ; примѣромъ этому можетъ служить Э. Ренавъ, который едва ли не главнѣйше вслѣдствіе своего нежеланія безусловно примкнуть ни къ одной изъ партій, спорящихъ объ образѣ правленія, утратилъ въ политическихъ кругахъ громкую популярность, которою онъ такъ еще недавно пользовался.

Необычайная страстность съ которою всѣ французскія партіи предаются вопросу о формѣ правленія, исключительно предъ всякими другими государственными дѣлами, не объясняется одною историческою необходимостью поставившею этотъ вопросъ. И въ другихъ государствахъ бывали революціонныя и насильственныя разрушенія формы правленія и перерывы въ историческомъ законномъ развитіи верховной власти, но они вездѣ случались какъ исключительные историческіе случаи, продолжались временно, и въ историческомъ строеніи государства вездѣ отыскивались элементы къ возобновленію и закрѣпленію мгновенно порванной исторической нити. Во Франціи, эти перерывы сдѣлались хроническими

съ злохи революціи; съ тѣхъ поръ въ теченіе почти цѣлаго вѣка, здѣсь не было ни одного образа правленія который бы можно было признать законнымъ, на основаніи началъ государственнаго права, съ того времени дѣйствующаго. Въ этомъ, какъ намъ кажется, виновно болѣе всего главное изъ этихъ началъ—народное верховенство, которое не позволяетъ, при послѣдовательномъ своемъ примѣненіи, организовать ничего, кромѣ непрерывной анархіи. Въ питаемой этимъ началомъ во всѣхъ партіяхъ надеждѣ теоретически, а ригорі построить форму правленія,—надеждѣ тщетной и невозможной—видимъ мы самое вредное послѣдствіе этого ученія. Другое практически не менѣе вредное его послѣдствіе—логоловная подача голосовъ (suffrage universel), логически вытекающая изъ народнаго верховенства. Поголовное, безразличное участіе всего народа въ политическихъ правахъ вредно уже потому что даетъ оруліе въ руки людей которые не въ состояніи имъ пользоваться, ставить самую значительную силу въ государствѣ въ распоряженіе необразованныхъ и незрѣлыхъ массъ, которыя могутъ безсознательно употребить ее на пагубу и другимъ и самимъ себѣ. Это право, далѣе, извращаетъ самое понятіе о политической льготѣ, о правѣ членовъ общества на участіе въ государственномъ управленіи, ибо эта льгота и это право являются не естественными послѣдствіями обязанности, тяготы на пользу государству основанной на способности исполнить эту обязанность, а какою-то произвольною льготой, даруемой для удовольствія гражданъ, для украшенія ихъ политическаго быта. Исполненіе обязанности, безъ которой невозможно никакое право, представляется здѣсь какимъ-то побочнымъ и постороннимъ дѣломъ, которое зависитъ отъ доброй воли людей считающихъ себя прежде всего одаренными правомъ на государство, но вольными пользоваться и не пользоваться этимъ правомъ, исполнять и не исполнять свои обязанности предъ государствомъ, по своему усмотрѣнію и благоизволенію! Ложныя политическія понятія возникающія изъ поголовнаго избирательнаго права подрываютъ въ своемъ основаніи всякое понятіе о политической правоспособности, безъ котораго невозможна никакая здоровая политическая жизнь. Изъ поголовнаго избирательнаго права извлекла для себя пользу только Вторая Имперія; возможность эксплуатировать это право давно убѣдила наиболѣе здравомы-

слящихъ Французовъ въ его практической несостоятельности. Къ несчастію, однажды дарованное народу право, какъ бы оно ни было лагубно для него самого, не можетъ быть отъ него отобрано иначе какъ путемъ насилій и потрясеній; сверхъ того логическое голосованіе крѣпко держится въ умахъ всѣхъ фанатиковъ догмата народного верховенства на теоретической почвѣ этого догмата.

Таковы послѣдствія единственнаго *положительнаго* дѣйствія катастрофы XVIII столѣтія на государственный строй Франціи. Всѣ эти послѣдствія ученія о народномъ верховенствѣ, какъ мы видимъ, имѣютъ гораздо болѣе теоретическій чѣмъ практической характеръ, то-есть главная сущность всѣхъ этихъ послѣдствій заключается въ тѣхъ ложныхъ отвлеченныхъ понятіяхъ о государственномъ правѣ которыя этотъ революціонный принципъ внесъ во всѣ политическія воззрѣнія и вѣрованія французскихъ государственныхъ людей нынѣшняго вѣка. Практическое значеніе доктрина народного верховенства получила главнѣйше вслѣдствіе всѣхъ издревле свойственныхъ французскому государственному строю историческихъ и національных пороковъ, зачавшихся, какъ мы видѣли, въ самыхъ первоначальныхъ періодахъ исторіи Франціи. Такимъ образомъ издавна начавшееся распаденіе всѣхъ стихій мѣстнаго самоуправленія и окончательное исчезновеніе ихъ въ XVIII столѣтіи лишили французское представительство той земской мѣстной почвы на которой зачинается участіе общества въ государственномъ управленіи и на которой оно организуется какъ многочисленное, сложное цѣлое изъ представителей живыхъ историческихъ интересовъ. Въмѣсто такого общества, воспитаннаго въ сознаніи своихъ мѣстныхъ обязанностей предъ государствомъ и уже поэтому самому разчлененнаго на разнородныя группы, соотвѣтственно разнородности этихъ обязанностей, стояла во Франціи масса личныхъ атомовъ, не имѣвшихъ никакихъ взаимныхъ между собою государственныхъ отношеній, какія есть въ русскихъ земствѣ и мирѣ, германскихъ *Landschaft* и *Gemeinde*, англійскихъ графствѣ и приходѣ. Всѣ эти первобытныя историческія клѣточки государственнаго организма, соединяющія на первыхъ ступеняхъ государственной жизни воедино общество съ государствомъ, были раздавлены продолжительнымъ процессомъ централизаціи, который можно назвать историческимъ процессомъ истолченія народа, сложной

органической исторической единицы называемой націей, посредствомъ самаго могущественнаго для такого дѣла государственнаго механизма—называемаго бюрократіей. И конечно нигдѣ нѣтъ народной массы столь удобной для всякихъ политическихъ экспериментовъ какъ во Французской націи, гдѣ народъ представляетъ самъ въ себѣ мало самостоятельныхъ жизненныхъ силъ для противодѣйствія вивисекціямъ, надъ нимъ производимымъ изъ государственнаго центра, то революціонерами, то диктаторами.

На такой почвѣ доктрина народнаго верховенства могла не остаться плодомъ личныхъ мечтаній уединенныхъ мыслителей, какъ осталась въ другихъ странахъ. Между этою доктриною и многовѣковымъ развитіемъ Французскаго государства издавна были самыя тѣсныя логическія связи, обнаружившіяся гораздо ранѣ XVIII столѣтія. И цѣлыя массы народонаселеній, провинціи, города (именно Парижъ) и отдѣльныя сословія, дворянство, городскіе патріціи, общины и наконецъ первоначальныя представительныя собранія, генеральные штаты, всѣ общественные и народные союзы, постоянно домогались *верховенства правъ*, прерогативъ верховной власти въ государствѣ, не соглашаясь ни на какія съ нею сдѣлки и уступая только силѣ. Эту печальную историческую картину, продолжающуюся до сихъ поръ въ странѣ и націи, одаренныхъ самыми высокими природными качествами, мы уже очертили. Какъ ни трудны всякія обобщенія разнообразныхъ фактовъ столь сложной картины, мы позволяемъ себѣ однако сдѣлать слѣдующее замѣчаніе. Когда народъ всею своею исторіей насильственно отлучается отъ всякаго права участія въ государственномъ управленіи, то въ историческіе моменты крайней политической необходимости такого участія, онъ стремится получить для себя мѣсто въ государственномъ строѣ или формальнымъ договоромъ съ властью или революціоннымъ насиліемъ. Всякіе такіе договоры, какъ бы ни были торжественны, не имѣютъ силы сами по себѣ, безъ людей добровольно желающихъ ихъ исполнять съ обѣихъ сторонъ и безъ внутреннихъ условій и въ государствѣ и въ обществѣ благоприятныхъ для исполненія договора, прежде же всего безъ государственнаго воспитанія совершаемаго, и надъ людьми власти и надъ людьми подвластными, историческою жизнью. Это непреложно доказываетъ вся европейская исторія, а государственная теорія сверхъ того показы

заеть безсмысліе самаго существа всякаго договора народа съ государственною властію, его противорѣчіе самымъ основнымъ современнымъ понятіямъ о государствѣ какъ о союзѣ людей не имѣющемъ ничего общаго съ договорнымъ началомъ. Вслѣдствіе несостоятельности договора, является и непрерывно повторяется насиліе противъ власти, еще болѣе бесплодное....

Мы вошли во всѣ эти разсужденія чтобы возобновить въ памяти читателей уже изложенный прежде нашъ общій взглядъ на хроническій революціонный недугъ Франціи, — какъ на результатъ не одной только катастрофы XVIII столѣтія, а всей ея исторіи, безъ которой была бы непонятна самая эта катастрофа. Единственное прямое послѣдствіе великой революціи въ государственномъ строѣ Франціи есть разрушеніе исторической законной формы правленія, которая въ теченіе 80 лѣтъ, до настоящаго дня, никакъ не можетъ возсоздаться. Это обстоятельство усложняетъ собою общее болѣзненное состояніе Французскаго государства и въ настоящую минуту господствуетъ надъ всѣми другими. Объ этомъ вопросѣ мы считаемъ необходимымъ поговорить отдѣльно, въ будущей главѣ, не только потому что онъ любопытенъ самъ по себѣ, но и потому что въ трудностяхъ его разрѣшенія заключается весь нынѣшній пароксизмъ многолѣтнихъ страданій Франціи.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ВЛАДИМІРЪ БЕЗОБРАЗОВЪ.

ОСАДА КОРИНѠА

ПОЭМА ЛОРДА БАЙРОНА *

Была пора: мы дружно составляли
Одинъ кружокъ товарищей лихихъ.
Изъ края въ край мы весело блуждали,
Не страшень былъ намъ говоръ волягъ морскихъ!
Безъ устали, бывало, безъ кручины,
Взбирались мы на горныя вершины,
Иль по рѣкамъ пускались смѣло въ бродъ, —
Всегда въ трудахъ и вѣчно безъ заботъ.
И гдѣ бъ найдти ночлегъ ни приходилось:
Въ пустынь ли на подвижномъ пескѣ,
Во мглѣ ль пещерѣ, иль въ телломъ уголкѣ, —
Какъ сладко намъ вездѣ спалось и снилось!
Пришлось ли лечь на берегу морскомъ,
Или на даѣ ладьи въ просторѣ водномъ, —

* Байронъ, написавшій *Осаду КоринѠа* въ 1815 году въ Лондонѣ предположилъ своей поэмѣ слѣдующія, посаужившія ей основныя историческія данныя:

Въ 1715 году, сильная турецкая армія, подъ предводительство великаго визиря, намѣреваясь проложить себѣ дорогу въ сера Мореи и съ этою цѣлью рѣшась осадить важнѣйшій пунктъ страны, Наполи-ди-Романію, нашаа лужымыъ сначала атаковать

Или въ лѣсу на войлокѣ походномъ
 Съ подложеннымъ подъ голову сѣдломъ,
 Вездѣ мы спимъ, бывало, крѣпкимъ сномъ,
 И, вставъ чуть свѣтъ, опять ужь въ путь готовы.
 Трудъ ни по чемъ былъ нашему кружку!
 Не зная нѣтъ, мы гнали прочь тоску,
 Всѣ молоды, отважны и здоровы.
 Мы были смѣсь пришельцевъ разныхъ странъ,
 Всѣхъ языковъ и убѣжденій дѣти:
 Кто вѣрилъ въ Библію, кто въ Алкоранъ,
 Кто посѣщалъ храмъ Божій, кто мечети,
 А кто совсѣмъ не вѣрилъ ни во что;
 Но обойди хоть цѣлый міръ, едва ли
 Найдешь кружокъ — я поручусь за то —
 Кто бъ такъ, какъ мы, не вѣдалъ злой печали.

Однихъ ужь нѣтъ, давно пастѣлъ ихъ прахъ;
 Ты разбрелся по всѣмъ предѣламъ міра;
 Ты съ Клефтами бунтуютъ на горахъ
 Взвращающихъ въ ущелія Элира,
 Гдѣ живъ еще свободы древней духъ,
 Гдѣ кровью мстятъ за горькій стыдъ неволи;
 О прочихъ же давно умолкнулъ слухъ
 И не слышать объ ихъ безвѣстной долѣ.
 Нѣтъ! никогда намъ не сойтись опять,
 Чтобъ странствовать и вмѣстѣ пировать.

ривъ, на который и произвела нѣсколько штурмовъ. Комендантъ
 крѣпости, видя что гарнизонъ слабѣетъ и находя невозможнымъ
 дальнѣйшее сопротивление, вынужденъ былъ вступить въ перегово-
 ры съ Турками, но въ то время когда договорились о статьяхъ ка-
 питуляціи, одинъ изъ пороховыхъ магазиновъ, гдѣ находилось до
 шестисотъ бочекъ пороху, совершенно случайно, взлетѣлъ на воз-
 духъ въ турецкомъ лагерѣ, причѣмъ погибло отъ 6 до 700 человекъ.
 Раздраженные этимъ невѣрныя не захотѣли болѣе слышать о сдачѣ
 крѣпости и такъ стремительно повели штурмъ что вскорѣ овладѣли
 Коринѳомъ, причѣмъ перерѣзали боольшую часть гарнизона, въ
 томъ числѣ умертвивъ и коменданта крѣпости сирѣнора Минотти.
 Остальные, вмѣстѣ съ Антоніо Бембо, чрезвычайнымъ проводито-
 ромъ Венеціи, были взяты военнопленными." *History of the Turks*,
 vol. III, p. 151.

Да, въ эти дни мы не знавались съ горемъ!
 Но и теперь, тѣснитъ ль въ грудь печаль,
 Мечты мои, какъ ласточки надъ моремъ,
 Уносятся туда въ нѣмую даль,
 Черезъ материкъ, черезъ воздухъ, сини воды,
 Туда, туда — въ далекій край свободы.
 Онъ будить звукъ всегда въ моихъ струнахъ,
 И звуки струнъ не даромъ же зываютъ
 Къ немногимъ тѣмъ которые въ мечтахъ
 Въ волшебный край со мною улетаютъ.

Пойдемте же и взглянемъ на просторъ
 Тѣхъ чудныхъ странъ съ Акро-Коринескихъ горъ!

I.

Промчалось много, много лѣтъ,
 И бурныхъ грозъ, и бранныхъ бѣдъ,
 Черезъ Коринѣ; но и досель
 Крѣпка Элады цитадель.
 Ни труссы страшные земли,
 Ни натискъ бурь не потрясли
 Скалы сѣдой, гдѣ, ключъ къ странѣ,
 Стоитъ такъ гордо въ вышинѣ
 Коринѣ на грани двухъ морей,
 Чтò съ двухъ сторонъ стремятся къ ней,
 Какъ бы на бой, и у скалы
 Смиряютъ бурные валы.
 Но еслибы могла опять
 Земля изъ нѣдръ своихъ отдать
 Ту кровь которой тамъ межъ горъ
 Поля улитаны съ тѣхъ поръ
 Какъ брата свергъ Тимолеонъ *
 И деслотъ Персіи сражень, —

* Тимолеонъ, коринескій уроженецъ, спасъ въ одномъ изъ сраженій съ Картагегянами жизнь брату своему Тимолеону, въ послѣдствіи же собственною рукою умертвилъ его за намѣреніе овладѣть верховною властью въ Коринѣ, ставя свой долгъ отечеству выше родственныхъ отношеній.

То въ этомъ морѣ кровяномъ
 Весь потонулъ бы Истмъ кругомъ.
 И еслабь кости падшихъ тамъ
 Собрать всё въ груди по полямъ,
 То въ высь поднялся бь мавзолей,
 Быть-можетъ, выше и грознѣй,
 Чѣмъ горный тотъ Акрополисъ,
 Чьи башни съ тучами слились.

II.

На Киееронѣ—бравы кликъ!
 Тамъ блещетъ двадцать тысячъ пикъ,
 И вдоль по Истму, у горы,
 Межь двухъ морей стоятъ шатры,
 И полумѣсяцъ на шатрахъ
 Играетъ въ утреннихъ лучахъ:
 То чалмоносцы облегли
 Коринѣа и близко, и вдали.
 Туда вослѣдъ лашамъ текутъ
 Отряды сляговъ, и верблюды
 Несетъ Араба на спинѣ,
 Татаринъ мчится на конѣ
 И, бросивъ стадо, Туркоманъ
 Туда принесъ свой ятаганъ.
 Тамъ громъ орудій, взрывовъ трескъ
 Волнъ заглушаютъ ревъ и плескъ,
 И смерть чугунные шары,
 Свистя, несутъ съ высотъ горы.
 И распадается стѣна
 Подъ тяжкой силой чугуна;
 Но со стѣны, сквозь пыль и дымъ,
 Огнемъ и мѣткимъ и живымъ
 Врагъ отвѣчаетъ прямо въ станъ
 На каждый выстрѣлъ мусульманъ.

III.

Но кто подъ самую стѣною
 Всѣхъ впереди передъ толпой,
 Ведущей къ ней подкопы мнѣ?
 Кто этотъ дерзкій паладинъ,

Постигшій глубже, чѣмъ сыны
 Османа, темный смыслъ войны?
 Кого такъ мчитъ ретивый конь,
 Сквозь дымъ, въ убійственный огонь,
 Туда гдѣ вылазка враговъ
 Османовъ въ страхѣ гонеть въ ровъ,
 И гдѣ съ несбитыхъ батарей
 Огонь направленъ въ нихъ сильнѣй?
 Кто этотъ вождь, вносящій жаръ
 Въ уладшихъ духомъ янычаръ?—
 Гяуровъ ужасъ, стѣнъ гроза,
 Стамбула гордость и краса,
 Во всемъ искусный—строить рать,
 Огонь орудій направлять,
 Разить копьемъ, вращать булатъ,—
 Тò Альль, адрійскій ренегатъ.

IV.

Родясь въ Венеціи, свой родъ
 Отъ славныхъ предковъ Альль ведетъ;
 Но, изгнанъ съ вольныхъ береговъ,
 Онъ поднялъ мечъ на земляковъ,—
 Тотъ самый мечъ которымъ онъ
 Владѣть былъ ими обученъ.
 Обрывъ главу, теперь чалмой
 Обвилъ чело отступникъ злой.—
 Въ тотъ вѣкъ, извѣдавъ много золь,
 Коринѣ съ Мореей перешель
 Подъ власть Венеціи, и вотъ,
 У крѣпостныхъ его воротъ,
 Въ ряды враговъ страны родной
 Онъ сталъ съ той ревностью какой
 Пылаеть, бѣшенствомъ объять,
 Одинъ лишь юный ренегатъ,
 Въ которомъ гордый духъ кипитъ
 Воспоминаніемъ обидъ.
 Теперь ему въ отчизнѣ нѣтъ
 Свободы милой прежнихъ лѣтъ,
 Съ тѣхъ поръ какъ тайнымъ былъ врагомъ
 Вложенъ „въ пасть льва“, передъ дворцомъ

Святаго Марка, въ часъ ночной,
 Довошь съ презрѣнной клеветой.
 Овъ бѣгствомъ жизнь услѣлъ сласти,
 Чтобъ дней остатокъ провести
 Съ отчизной въ гибельной войнѣ
 И доказать родной странѣ
 Кого она лишилась въ немъ,
 Въ великомъ воинѣ своемъ,
 Который клялся крестъ затмить,
 Рѣшась погибнуть, иль отмстить.

V.

Комурги, * страшный твой конецъ
 Поднесъ Евгению вѣнецъ,
 Когда послѣдній вождь въ строю
 Ты палъ въ Карловицкомъ бою,
 Не за себя, за мусульманъ
 Каяня побѣду христіанъ!—
 Комурги, громъ твоихъ побѣдъ
 Дотоли помнитъ будетъ свѣтъ,
 Пока Европа не придетъ
 Съ Элады сбросить рабства гнетъ
 Взамѣнъ свободы, данной ей
 Мечомъ Венеціи вождей!
 Прошло съ тѣхъ лоръ уже сто лѣтъ,
 Какъ ты, о, баловень побѣдъ,

* Алл Комурги, любимецъ трехъ султановъ и великій визирь Ахмета III, отягавшій Пелопонезъ у Венеціи въ одну кампанію, былъ смертельно раненъ въ слѣдующую войну противъ Нѣмцевъ, въ сраженіи подъ Будой (на равнинѣ Карловицкой), въ Венгріи, въ ту минуту когда дѣлалъ усмія остановить бѣгство своей гвардіи. Послѣднимъ его распоряженіемъ былъ приказъ—отрубить голову генералу Брейнеру и нѣкоторымъ другимъ нѣмецкимъ лѣвничкамъ, а послѣдними словами: „О, еслибы точно также я могъ распорядиться и со всеми остальными собаками-христіанами!“ Слова и поступокъ достойные Каагула! Комурги былъ юноша безгранично самолюбивый, съ непомернымъ честолюбіемъ. Когда ему разъ сказали что тогдашній противникъ его принцъ Евгений Савойскій „великій моаководецъ“, онъ отвѣчалъ: „А я стану еще выше его и на его же собственный счетъ!“

Послѣдній вождь османскихъ силъ,
 Морею Портъ возвратилъ,
 Весь край огнемъ опустошивъ
 И авангардъ свой поручивъ
 Младому Альпу, и тогда,
 Съ землею ровняя города,
 Тебѣ отступникъ заявилъ
 Какъ твердъ онъ въ новой вѣрѣ былъ.

VI.

Слабѣютъ стѣны; все сильнѣй,
 Все чаще, жарче съ батареяй
 Пальба направлена на нихъ,
 Неумолкая ни на мигъ.
 И раскаленныхъ пушекъ громъ
 Грохочетъ въ полѣ боевомъ,
 И съ страшнымъ трескомъ здѣсь и тамъ
 Валятся башни по стѣнамъ,
 И въ мигъ, какъ въ прахъ онѣ падутъ
 Отъ взрыва бомбъ, съ горящихъ грудъ
 Сверкаетъ пламя сквозь проломъ,
 Взвиваясь огненнымъ столбомъ,
 Иль, какъ боида страшный хвостъ,
 Разсылавшись въ миллионы звѣздъ,
 Ихъ искры мечетъ до небесъ,
 Гдѣ сквозь густой, двойной навѣсъ
 Изъ дымной мглы и сѣрыхъ тучъ
 Не проникаетъ солнца лучъ.

VII.

Но не изъ мести лишь одной
 Злой Альпъ, отступникъ молодой,
 Свирѣлый, учить Турковъ рать
 Искусству стѣны сокрушать.
 Изъ-за ограды крѣпкихъ стѣнъ
 Онъ мнитъ похитить дѣву въ лѣнъ
 У непреклоннаго отца,
 Который юныя сердца

Еще въ то время разлучилъ
 Какъ Альфъ Венеціи служилъ,
 Когда, счастливецъ, не былъ онъ
 Еще измѣной заклеименъ,—
 Въ тѣ дни, когда онъ въ карнавалъ,
 Въ пирахъ, всѣхъ блескомъ ослабляя,
 И всѣхъ живяще въ часъ ночной
 Пѣлъ серенады надъ волной
 Въ честь Итальянки молодой.

VIII.

И всѣмъ казалось что его
 Франческа любить одного,
 Затѣмъ что слышали не разъ
 Всѣ женихи ея отказъ.
 Когда жъ адриіскій бурный валь
 Лавчотто въ чуждый край умчалъ,
 Сталъ гаснуть блескъ ея очей,
 И ликъ печальный сталъ блѣднѣй,
 И стали каждый день вдвоемъ
 Ее видать съ духовникомъ.
 И если изрѣдка на балъ
 Она являлась въ карнавалъ,
 То въ грустныхъ взорахъ шумный свѣтъ
 Читалъ печали тайный слѣдъ.
 И сталъ простѣй ея нарядъ,
 И невнимательнѣе взглядъ,
 И голосъ менѣе пѣвучъ,
 И легкій шагъ не такъ летучъ
 Среди танцующихъ гостей
 Всю ночь до утреннихъ лучей.

IX.

Отправленъ дожемъ край блюсти,—
 Край что Венеціи вожди
 Отъ Патры до Эвбейскихъ водъ
 У Порты отвѣли въ тотъ годъ,

Когда Собескій сокрушилъ
 Подъ Будой мощь османскихъ силъ,—
 Минотти, храбрый генералъ,
 Въ тѣ дни въ Коринѣ възсѣдалъ,—
 Въ тѣ дни, когда разцвѣлъ какъ рай
 Подъ властью дождей Грековъ край,
 И прежде чѣмъ нарушенъ былъ
 Тотъ миръ, что ихъ освободилъ.
 Минотти дочь привезъ съ собой,
 И красоты еще такой
 На высотахъ морейскихъ горъ
 Никто не видывалъ съ тѣхъ поръ
 Какъ Менелаева жена
 Бѣжала, гостемъ прельщена,
 Заставивъ лить такъ долго кровь
 За незаконную любовь.

X.

Стѣна разрушена пальбой,
 И завтра съ раннею зарей
 Въ проломъ по грудамъ падшихъ стѣнъ
 Начнется приступъ злыхъ племенъ.
 Уже изъ Турокъ и Татаръ
 Колонны выбраны; ихъ жаръ
 Неукротимъ: не даромъ ихъ
 Зовутъ „отрядомъ роковыхъ“.
 Они проложатъ луть мечомъ,
 Застелятъ трулами проломъ,
 И какъ по лѣстницѣ взойдутъ
 По труламъ въ городъ, гдѣ ладутъ.

XI.

Ужь ночь. Надъ гребнемъ темныхъ скалъ
 Холодный, полный мѣсяцъ всталъ.
 Струится бездна синихъ водъ.
 Безбрежнымъ моремъ средь высотъ
 Простерлась неба синева,
 И звѣзды, свѣта острова,

По ней рассыпались, полны
Духовной, чудной тишины.
О, кто, глядя на нихъ, мечтой
Не уносился въ край святой?
Кто не желалъ исчезнуть въ немъ,
Чтобъ слиться съ вѣчнымъ ихъ огнемъ?
Прозрачны, полны синей мглы,
Уснули волны у скалы,
По мелкимъ камнямъ чуть журча,
Какъ струйки чистаго ключа.
Надъ моремъ дремлютъ вѣтерки,
Висятъ на древкахъ бунчуки
И въ складкахъ ихъ Османовъ гербъ
Баеститъ луны серебристый серпъ.
И все заснуло крѣпкимъ сномъ;
Невозмутимый миръ кругомъ,
Лишь стража окликъ подастъ,
Да звонко конь вдали заржетъ,
Да эхо вторитъ межъ холмовъ,
Да слышенъ въ станѣ у враговъ
Немолчный говоръ, гулъ глухой,
Какъ шелестъ листьевъ предъ грозой.
Но чу! воззвалъ въ обычный часъ
Къ молитвѣ муэдзина гласъ,
И, звукъ волшебный, несся онъ,
Какъ призрака пустыни стонъ,
Какъ вѣтерка чуть слышный свистъ
Въ струнахъ Эола. Звонко, чисто
И мелодически - унылъ,
Онъ сердце въ трепетъ приводилъ.
Онъ къ осажденнымъ въ грудь проникъ,
Пророческой судьбы ихъ кликъ;
Онъ осаждающихъ смутилъ
Зловѣщимъ ужасомъ могилъ, —
Тѣмъ трепетомъ душевныхъ мукъ,
Когда въ насъ сердце биться вдругъ
Перестаетъ, чтобы олять
Еще сильнѣй затрепетать,
Какъ бы стыдясь что такъ оно
Пустой тревогой смущено.

Въ такой невольный трелеть насъ
 Приводить звонъ въ полночный часъ,
 Когда гудить за урокой
 Души отшедшей въ мѣръ иной.

XII.

Стоитъ на взморьѣ Альловъ станъ.
 Пробилъ ужъ зорю барабанъ,
 Прочли молитву, часовыхъ
 Разставили и — лагерь стихъ.
 Всѣ спать. Одинъ лишь Альль не спитъ;
 Онъ завтра въ битвѣ утолитъ
 Всѣ муки долгія свои
 Блаженствомъ мщенья и любви.
 Часы бѣгутъ, и молить онъ
 Чтобъ укрѣпилъ въ немъ душу сонъ
 Для дѣлъ кровавыхъ; но кипятъ
 Въ немъ думы черныя какъ адъ.
 Онъ здѣсь одинъ въ толпѣ невѣждъ;
 Не дѣлать съ ними онъ надеждъ
 Затмить луною крестъ въ бою;
 Не вѣрить вовсе что въ раю
 За каплю крови будетъ онъ
 Любовью Гурій награжденъ.
 И не пылаетъ сердце въ немъ
 Тѣмъ вдохновительнымъ огнемъ
 Съ какимъ суровый патріотъ
 На смерть за родину идетъ.
 Онъ здѣсь одинъ — отступникъ злой,
 Измѣнникъ родины святой,
 Одинъ безъ друга, безъ родныхъ,
 Въ толпѣ враговъ, въ толпѣ чужихъ.
 Они на смерть готовы съ нимъ,
 Затѣмъ что онъ нелобѣдимъ,
 Затѣмъ что онъ, гяуровъ бичъ,
 Сулитъ имъ въ битвѣ рядъ добычъ.
 И пресмыкаются они
 Предъ нимъ затѣмъ что искони
 Передъ людьми высокихъ думъ
 Смирался въ черни темный умъ.

Но все же родомъ онъ изъ тѣхъ
 Съ кѣмъ жить — въ глазахъ ихъ — тяжкій грѣхъ!
 Они завидуютъ ему,
 Что славенъ онъ, надѣвъ чалму,
 Тогда какъ въ юности своей
 Онъ былъ упорный назарей.
 Они не знаютъ какъ убить
 Духъ гордый дерзостью обидъ;
 Они не знаютъ, имъ чужда
 Души озлобленной вражда;
 Они не знаютъ какъ объять
 Желаньемъ мести ренегатъ.
 Онъ вождь, но въ мѣрѣ вѣчно такъ:
 Кто впереди, тотъ и вождакъ.
 Шакаловъ такъ смиряетъ левъ
 И, ихъ добычей овладѣвъ,
 Одинъ съѣдаетъ всю корысть,
 Имъ оставляя кости грызть.

XIII.

И лихорадочнымъ огнемъ
 Онъ весь горитъ, и тяжело въ немъ
 Трепещетъ сердце, коетъ грудь,
 И тщетно хочетъ онъ заснуть —
 Малѣйшій шорохъ, каждый звукъ
 Совъ гонитъ прочь для новыхъ мукъ.
 Чалма ладитъ ему чело,
 Грудь стиснулъ ланцирь тяжело,
 Хотя, бывало, заурядъ
 Онъ крѣлко спалъ подъ грузомъ латъ,—
 Спалъ не въ постели луговой
 И не въ такой тиши ночной,
 Какъ въ этотъ часъ, но въ бурной мглѣ,
 Подъ хладнымъ небомъ, на землѣ.
 И Альлъ не въ силахъ ждать внутри
 Палатки утренней зари.
 Идетъ на взморье, гдѣ кругомъ
 Бойцы уснули крѣлкимъ сномъ.
 Кто усыпилъ ихъ? Почему
 Не слится въ ставъ лишь ему?

Трудовъ имъ больше, смерть вѣрнѣй,
 И многимъ, можетъ, въ жизни сей
 Насталъ послѣдней ночи сонъ,
 А онъ ничѣмъ не возмущенъ!
 И Альпъ, безсонницей томимъ,
 Бойцамъ завидуетъ простымъ.

XIV.

И утолились муки въ немъ
 На свѣжемъ воздухѣ ночномъ.
 Прохладой вѣяло съ небесъ,
 И снова духомъ онъ воскресъ.
 За нимъ былъ лагерь; передъ нимъ
 Съ зубчатымъ берегомъ своимъ
 Сверкалъ, вѣзаясь въ грудь земли,
 Заливъ Лепантскій; а вдали
 Сіялъ съ высотъ Дельфійскихъ горъ
 Снѣговъ незыблیمый шатеръ.
 И лился блескъ отъ тѣхъ снѣговъ,
 Какъ лился много ужъ вѣковъ,
 Протекшихъ здѣсь, гдѣ нѣтъ зимы,
 И не исчезнетъ снѣгъ, какъ мы.
 Рабы, тираны — всѣхъ должна
 Смыть съ міра времени волна;
 Но бѣлый, зыбкій тотъ покровъ,
 Изъ легкихъ сотканный паровъ,
 Межъ тѣмъ какъ гибнетъ все окрестъ,
 Сіяетъ вѣкъ въ сосѣдствѣ звѣздъ.
 Какъ ткань, какъ облако, какъ паръ,
 Онъ тамъ раскинутъ людямъ въ даръ
 Самой Свободою, когда,
 Простясь съ Элладой навсегда,
 Она въ долины грустный взоръ
 Послѣдній, кинула съ тѣхъ горъ,
 Гдѣ въ вѣщихъ лѣсныхъ столько разъ
 Гремѣлъ ея могучій гласъ.
 Но и теперь она порой
 Еще слетаетъ въ край родной
 Къ полямъ, принявшимъ видъ пустынь,
 Къ останкамъ храмовъ и святынь,

Чтобъ пробудить сердца людей
 Воспоминаньемъ славныхъ дней.
 Вотще! Въ нихъ духъ не оживеть,
 Пока сіянье не блеснетъ
 Той вѣчно памятной заре,
 Когда тиранъ бѣжалъ изъ при,
 И палъ съ улыбкой на устахъ
 Великій Спарты сынъ въ горахъ.

XV.

Не позабылъ и Альль злодѣй
 О славѣ этихъ чудныхъ дней.
 Бродя въ безмолвіи ночномъ,
 Онъ вспомнилъ, въ мысляхъ о быломъ,
 О тѣхъ герояхъ старины,
 Чья кровь лилась за честь страны.
 И, этой думою смущенъ,
 Онъ сознавалъ какъ жалокъ онъ,
 Предатель, обнажившій мечъ
 Противъ отчизны въ шумѣ сѣчь,
 Притектій полрищемъ измѣнъ
 На святотатный приступъ стѣнъ.
 О, такъ ли въ битву шли съ врагомъ
 Вожди, чей прахъ лочилъ кругомъ?
 Они вели фаланги въ бой
 Въ защиту родины святой;
 Они погибли, но жива
 Ихъ вѣчной доблести молва.
 Объ ней гласить просторъ полей,
 Гласять ущелья горъ объ ней;
 Она живетъ во мглѣ лѣсовъ,
 Гремить и въ говорѣ валовъ;
 Ихъ духъ витаетъ на горахъ;
 Ихъ память искрится въ струяхъ
 Ручьевъ долинь, въ волнахъ рѣки,
 И, шлется, шелчуть вѣтерки
 Ихъ имена, и каждый холмъ,
 Колонна каждая на немъ,
 И каждый камень на холмахъ
 Скрываетъ ихъ священный прахъ.

И вѣчно будетъ ихъ страна,
 Хоть нынѣ рабству предана,
 Страной свободы, славныхъ дѣлъ.
 И патриотъ, когда созрѣлъ
 Въ немъ подвигъ доблести, всегда
 Укажетъ съ гордостью туда
 И, вдохновенный стариной,
 Съ тираномъ смѣло вступить въ бой,
 Чтобъ грудью родину свою
 Иль отстоять, иль пасть въ бою.

XVI.

По взморью мраченъ бродитъ онъ,
 Прохладой ночи оживленъ.
 Недвижна зыбь лучицъ морскихъ:
 Приливъ съ отливомъ воли ихъ
 Не укращаетъ и лунѣ
 Не покоряются онѣ. *
 Къ скалѣ ли рвутся ихъ валы,
 Спокойно ль льются отъ скалы,
 Шумятъ ли въ морѣ и кипятъ,
 Или въ заливѣ тихо спятъ,—
 Безмолвно смотритъ въ нихъ луна,
 Надъ ними власти лишена.
 Угрюмъ, не слыша ихъ угрозъ,
 Надъ ними хмурится утесъ,
 И, какъ въ былыя времена,
 Черта у ногъ его видна,
 Гдѣ въ бурю лѣнятся валы,
 Не досягая до скалы—
 На золотой грядѣ песковъ
 Межъ волнъ и зеленіи луговъ.

По взморью онъ бродитъ при свѣтѣ луны
 На выстрѣлѣ ружейный отъ грозной стѣны.
 Но видно никѣмъ не примѣченъ онъ тамъ,
 Не то—какъ бы смѣлъ подойти онъ къ стѣнамъ?

* Нечего кажется напоминать читателю что приливъ и отливъ почти вовсе непримѣтны въ Средиземномъ морѣ.

Измѣна ль таилась въ гяурскихъ рядахъ,
 Рука ль ихъ ослабла, или въ сердцѣ ихъ страхъ,—
 Не знаю! Но только не слышно палбы
 И пули не свищутъ отъ частой стрѣльбы,
 Хотя онъ такъ близко стоялъ у воротъ,
 Гдѣ съ моря прикрытъ бастіонами входъ,
 Что могъ бы слышать какъ тамъ за стѣною
 Угрюмо пароль принималъ часовой,
 Какъ мѣрнымъ онъ шагомъ у крѣпкихъ воротъ
 По плитамъ расхаживалъ взадъ и впередъ.

И тутъ подъ стѣною увидѣлъ змиръ
 Собакъ одичалыхъ надъ трулами лиръ:
 Грызутъ, пожираютъ лсы мертвыхъ тѣла,
 Лежавшія грудой во рву безъ числа,
 И мясо сдираютъ, какъ кожу съ плодовъ,
 Ихъ бѣлые зубы съ татарскихъ головъ,*
 И въ острыхъ зубахъ, какъ плодовъ скорлупа,
 Хрустятъ и трещатъ мертвецовъ черепа.
 И такъ заняты они дѣломъ своимъ,
 Что даять на Альла нѣтъ времени имъ,
 И даже нѣтъ силы подняться съ земли:
 Такъ жадно на трулахъ, простертыхъ въ лыли
 И въ жертву имъ брошенныхъ грозной войной,
 Они утоляли гладъ бѣшеный свой.
 И Альль, по зеленымъ и алымъ чалмамъ,
 Разбросаннымъ всюду по зыбкимъ пескамъ,
 Узналъ съ содроганьемъ тѣхъ лучшихъ бойцовъ,
 Которыхъ онъ самъ устремлялъ на враговъ.
 Ихъ головы бриты; лишь пряди косы
 Спускались съ затылка, и лютые лсы,
 Тѣ длинныя косы въ зубахъ волоча,
 Съ головъ рвали кожу, сердито ворча.
 А дальше,— гналъ коршунъ отъ ладали прочь
 Крыломъ своимъ волка, который въ ту ночь,

*. Описанную здѣсь картину я видѣлъ собственными глазами подъ стѣною сераля въ Константинополѣ, въ одномъ изъ небольшихъ углубленій, выдолбленныхъ Босфоромъ въ утесъ, образовавшемъ родъ террасы между дворцомъ и волнами. Помните, Гобгоузъ говоритъ о такомъ же фактѣ въ своемъ путешествіи. Надобно думать, что то были трупы какихъ-нибудь осажденныхъ алычаръ." Байронъ.

Почуя добычу, подкрался къ стѣнѣ,
 Держась подлѣ взморья, отъ псовъ въ сторонѣ,
 И жадно глодалъ въ ожиданіи дня
 Исклеванный птицами остовъ коня.

XVII.

Отъ страшной картины Альпъ взоръ отвратилъ;
 Догнѣвъ въ бою онъ безрелетель былъ,
 По тутъ согласился бѣ охотнѣе онъ
 Услышать бойцовъ умирающихъ стонъ,
 Узрѣть ихъ боренье со смертью вокругъ,
 Чѣмъ видѣть убитыхъ, которымъ нѣтъ мукъ.
 Въ насъ гордость раждаетъ опасности часъ,
 Въ какомъ бы смерть видѣ ни встрѣтила насъ:
 Тамъ слава разкажетъ о томъ кто убитъ,
 Тамъ почестъ на подвиги смѣлыхъ глядитъ.
 За то послѣ боя какъ тягостно намъ
 Скитаться въ крови по безгробнымъ тѣламъ
 И видѣть какъ черви, какъ птицы небесъ,
 Какъ хищные звѣри, покинувши лѣсъ,
 На трулъ человѣка свершаютъ набѣгъ,
 Ликуя о томъ, что погибъ человѣкъ.

XVIII.

Есть храмъ близъ Коринѳа; въ развалинахъ онъ,
 Творенье давно позабытыхъ племенъ.
 Въ немъ двѣ-три колонны, да нѣсколько плитъ,
 Да мраморъ, да мохомъ поросшій гранитъ.
 О, время, ты все истребляешь на вѣкъ,
 Что создалъ, что снова создастъ человѣкъ!
 О, время! щадишь ты лишь столько отъ дѣлъ
 Свершенныхъ давно, чтобъ потомокъ скорбѣлъ
 О томъ что погибло, о томъ что опять
 Создастъ онъ, чтобъ снова забвенью предать:
 Обломки и груды каменьевъ въ пыли,
 Воздвигнутыхъ сыномъ безсильнымъ земли!

XIX.

Пристѣвъ на базу подѣ столбомъ,
 Склонилася Альпъ къ рукѣ челомъ,
 Задумчивъ, мраченъ и угрюмъ,
 Подавленъ тяжестію думъ.
 И онъ покинулъ головой
 На грудь стѣсненную тоской,
 Томясь, вздыхая тяжело,
 Стуча перстами о чело,
 Какъ наша бѣглая рука
 Стучитъ по клавишамъ пока
 Мы не исторгнемъ мѣрный тонъ
 Изъ струнь хранившихъ долги сонъ.
 И былъ онъ мраченъ. Вдругъ съ тоской
 Вдохнулъ какъ будто вѣтръ ночной;
 Но былъ ли вѣтромъ пробужденъ
 Межъ камней этотъ тихій стонъ?

Онъ голову подвѣялъ, онъ въ море глядитъ,
 Какъ зеркало море недвижное спитъ.
 На камни глядитъ онъ, не зыблется мохъ;
 Откуда жь привесся таинственный вздохъ?
 На флаги взглянулъ онъ — недвижны они,
 На гѣсъ Киперона — онъ дремлетъ въ тѣни.
 Все тихо; въ лицо не пахнетъ вѣтерокъ.
 Чтò жь это за голосъ? откуда притекъ?
 И Альпъ обернулся — въ сѣньи луны
 На камнѣ онъ видитъ тѣнь чудной жены.

XX.

Вдрогнувъ, вскочилъ онъ, самъ не свой,
 Какъ будто врагъ вступилъ съ нимъ въ бой.
 „О, Боже праотцевъ моихъ!
 Кто ты? откуда? какъ въ сей мигъ
 Явилась въ станъ враговъ своихъ?“
 Рукой дрожащей хочетъ онъ
 Перекреститься; но, смущенъ

Упрекомъ совѣсти, безъ силъ
 Онъ руку въ страхѣ опустилъ.
 Глядитъ, и вмигъ узналъ черты
 И образъ дивной красоты:
 Его невѣста передъ нимъ,
 Франческа съ видомъ неземнымъ.

Все тѣ же розы средь лавить,
 Но блѣдный тускъ по нимъ разлитъ.
 Гдѣ блескъ улыбки устъ молодыхъ,
 Такъ оживлявшій прелесть ихъ?
 Лазурь въ очахъ ея темнѣй,
 Чѣмъ синева въ волнахъ морей;
 Но какъ волны холодной плескъ,
 Очей недвижныхъ страшень блескъ.
 Подъ тканью легкой какъ туманъ
 Сіяютъ грудь и дивный станъ;
 И блещетъ роскошь плечъ нагихъ
 Межъ черныхъ прядей косъ густыхъ,
 Сбѣгавшихъ волнами на нихъ.
 Она не вдругъ дала отвѣтъ,
 Но противъ мѣсяца на свѣтъ
 Сначала руку подняла
 И, мнилось, такъ она была
 Прозрачна, призрачно-нѣжна,
 Что свѣтитъ сквозь нее луна.

XXI.

„Угодно судьбѣ чтобъ пришла я къ тебѣ
 Сласти твою душу на радость себѣ.
 Тебя я искала въ рядахъ мусульманъ,
 Пройдя мимо стражи чрезъ вражескій станъ.
 Ты знаешь сказанье: и яростный левъ
 Отъ дѣвъ келорочныхъ бѣжитъ, оробѣвъ.
 И Богъ милосердый, дающій покровъ
 Невиннымъ отъ злобы тирана лѣсовъ,
 Своей благодатью мой путь освѣня,
 Отъ рукъ мусульманскихъ избавилъ меня.
 Пришла я; но если напрасно пришла,
 Не узришь меня никогда, никогда!

Ты страшное дѣло изъ мести свершилъ;
 Безумецъ, ты вѣрѣ отцовъ измѣнилъ!
 Сбрось на земь чалму и крестомъ пресвятымъ
 Себя освѣти, и ты будешь моимъ;
 Смой съ гордаго сердца нечистую кровь,
 И завтра навѣкъ соединишь насъ любовью.*

„Но гдѣ жь мы отпразднуемъ свадебный пиръ?
 Не здѣсь же средь мертвыхъ, отшедшихъ въ тотъ мѣръ?
 Не здѣсь же, гдѣ завтра мечу и огню
 Сыновъ и святыни Христа предаю?
 Здѣсь завтра лошады врагамъ не найти!
 Одну лишь тебя я поклялся спасти.
 Съ тобой улечу я въ счастливую даль,
 Тамъ мы, обвѣнчавшись, забудемъ печаль,
 Тамъ блага всѣ въ жизни тебѣ подарю.
 Но прежде Венеціи гордость смирю,
 Но прежде ея ненавистныхъ дѣтей,
 Меня обезчестившихъ кривдой своей,
 Заставлю извѣдать какъ бичъ мой разить:
 Изъ злыхъ скорпіоновъ онъ бѣшенствомъ свить.*

Тогда, нѣмая отъ тоски,
 Она слегка его руки
 Коснулась мертвою рукой.
 И холодъ смерти гробовой
 Проникъ до сердца, до костей.
 И оторвать руки своей
 Онъ отъ руки ея не могъ.
 И столько страха и тревогъ
 Не ощущалъ онъ никогда,
 Какъ здѣсь отъ лальцевъ изо льда,
 Къ нему примерзшихъ въ этотъ мигъ,—
 Такъ тонкихъ, длинныхъ, не живыхъ.
 Какъ камень сердце тяжело
 Въ груди утало, и чело
 Остыло. Онъ взглянулъ: увы!
 Какъ страшно измѣнились вы,
 Черты прекраснаго лица,
 Безъ мысли какъ у мертвеца,
 Безъ искры жизни, безъ любви,
 Игравшей такъ въ ея крови,
 Какъ солнца лучъ въ верхахъ струи.

Не видно движенья въ устахъ ледяныхъ,
 Слова безъ дыханья исходятъ изъ нихъ,
 И грудь не волнуется ей вздохомъ любовь,
 И въ жилахъ не льется застывшая кровь.
 Въ очахъ неподвижныхъ сверкающій свѣтъ,
 Но дики ихъ взоры и жизни въ нихъ нѣтъ,
 Какъ взоры того кто въ мучительномъ снѣ
 При мѣсяцѣ бродитъ въ ночной тишинѣ.
 Такъ смотрятъ портреты съ старинныхъ обоей,
 Колеблемыхъ вѣтромъ ночью порою,
 Когда, при мерцаньи лампы, въ тѣни,
 Безъ жизни, но словно живые, они,
 Какъ призраки ночи, по мрачнымъ стѣнамъ
 Какъ будто выходятъ изъ тѣсныхъ ихъ рамъ,
 Съ нахмуреннымъ ликомъ; а буря реветъ,
 Волнуя обои и взадъ и впередъ.

„Пусть ты отвергъ любовь мою;
 Но Божьимъ именемъ молю—
 Сорви чалму; во прахъ склонись
 Челомъ преступнымъ, и клянись,
 Что ты помилуешь дѣтей
 Злосчастной родины твоей.
 Не то, погибшій навсегда,
 Ужь не увидишь никогда
 Не этотъ міръ — ты въ немъ чужой!—
 Но небеса и образъ мой.
 Не отвергай моей мольбы,
 И пусть жестокъ ударъ судьбы,
 Онъ можетъ грѣхъ твой искулить
 И благость къ грѣшнику склонить.
 Когда жъ еще промедлишь мигъ,
 Прійми проклятье силъ святыхъ,
 Тобой отвергнутыхъ! Взгляни,
 Ужь гаснуть звѣздные огни.
 Вонъ тучка къ мѣсяцу лыветъ,
 Она летитъ и вмигъ уйдетъ.
 Коль не смиришь души своей,
 Пока воздушный парусъ сей
 Скрываетъ свѣтлый чолъ луны,
 То Богъ и люди отщены.
 Твой страшенъ жребій, но страшнѣе
 Безсмертье гибели твоей.“

И въ небо смотритъ Ахилъ, и вотъ,
 По небу облако плыветъ.
 Но безпредѣльно гордый духъ
 Ко всѣмъ мольбамъ остался глухъ,
 И, какъ стремительный потокъ,
 Всѣ чувства въ Ахилѣ превозмогъ.
 Ему смириться! Онъ готовъ
 Дрожать отъ робкихъ женскихъ словъ!
 Онъ, оскорбленный, пощадитъ
 Враговъ, которымъ смертью мститъ!
 О, нѣтъ! Хотя бы грянулъ громъ,
 Пусть гранетъ! Сердце крѣлко въ немъ!

И долго онъ смотрѣлъ, пока
 Неслись чрезъ мѣсяцъ облака.
 И вотъ прошли, и яркій лучъ
 Сверкнулъ на землю изъ-за тучъ.
 „Судьбы, сказалъ онъ, не страшусь!
 Ужь поздно! Нѣтъ, не измѣняюсь!
 Гроза, колебля, гнетъ тростникъ;
 Но дубъ не гнетъ, а ломитъ вмигъ.
 Всему Венеція виной;
 На вѣкъ я врагъ ей заклятой.
 Но ты моя; бѣги жь со мной!“

Взглянулъ — ея ужь нѣтъ!

Блещитъ на колоннѣ лишь мѣсяца свѣтъ.
 Исчезла ли въ землю, слилась ли съ лучомъ —
 Не видить, не знаетъ; все пусто кругомъ.

XXII.

Промчалась ночь. Встаетъ заря,
 И, какъ для радости горя,
 Разсвѣтъ ночную гонитъ тѣнь
 И предвѣщаетъ знойный день.
 Восходитъ солнце сквозь туманъ,
 И вотъ яроснулся вражій станъ.

Чу! Бой барабанный и гулъ отъ шаговъ,
 И звукъ заунывный турецкихъ роговъ,
 И вѣянье въ битву несомыхъ знаменъ,
 И говоръ немолчный различныхъ племенъ.

Чу! ржанье и топотъ коней предъ грозой,
И трескъ отъ оружья и крики: на бой!
Подъ конскою гривой шумать бунчуки
И строятся въ полѣ на приступъ полки.

Курдь, Татаринъ, Туркомякъ!
Покидайте ратный станъ!
Мчитесь, рыскайте вокругъ,
Чтобъ никто отъ вашихъ рукъ
Изъ бѣжавшихъ черезъ валъ,
Старъ, иль младъ, не избѣжалъ!
Мчитесь по полю, пока
На проломъ идутъ войска.

Все ужь готово; кони кипятъ.
Гривы волнуютъ, бьются, храпятъ,
Бѣлою лѣвой кропятъ удила.
Войско за войскомъ! Нѣтъ имъ числа.
Кольи какъ лѣсъ; фитили зажжены;
Тысячи жерлъ противъ сбитой стѣны
Грануть готовы послѣдній ударъ.
Всѣхъ впереди полки янычаръ:
Альץ во главѣ ихъ; блеститъ отъ меча
Лучъ въ обнаженной рукѣ до плеча.
Ханъ и лаши выѣзжаютъ впередъ;
Самъ ихъ Комурги на приступъ ведетъ.

Съ первой пушкой вѣстовой
Смѣло кинемся на бой!
На Коринѣ! и смерть врагу!
Богъ, пророкъ! Гу, Алла-гу!

XXIII.

Какъ волки съ воємъ, въ часъ ночной,
Летятъ на буйвола грозой;
А буйволъ, съ яростью въ глазахъ,
Реветъ, колытомъ толчетъ въ прахъ
И подымаетъ на рога
Остервенѣлаго врага:
Такъ мчатся на стѣну орды,
Такъ гибнуть первые ряды.

И, расшибаясь какъ стекло,
 Не мало тамъ кольчугъ легло
 Подъ градомъ ядеръ, подъ огнемъ
 Гранаты взметавшихъ пылъ столбомъ.
 И какъ подъ острою косою
 Трава ложится полосой,
 Такъ на землѣ, какъ палъ во прахъ,
 Лежить рядами ладшій врагъ.

XXIV.

Но какъ весеннихъ водъ напоръ
 Свергаетъ груды камней съ горъ
 И вокругъ обрушенной скалы
 Катить всплывенные валы,
 Стремясь, какъ падаютъ снѣга
 Съ вершины Альповъ на луга:
 Такъ наконецъ передъ толлою
 Враговъ, улорной и густой,
 Утомлены, сокрушены,
 Коринѳа падаютъ сыны.
 Рука съ рукой, плечо съ плечомъ,
 Герои рубятся съ врагомъ
 И массою падаютъ во прахъ,
 Не уступая ни на шагъ.
 Тамъ крикъ побѣды, ладшихъ стонъ
 И копій трескъ, и сабель звонъ
 Сливался съ грохотомъ палубы,
 И гулъ отчаянной борьбы
 Къ далекимъ неся городамъ.
 Въ волненьи страха ждали тамъ,
 Въ чью пользу бой судьба рѣшитъ,
 Веселье ль, горе ли сулитъ
 Сей страшный громъ, сей грозный споръ,
 Потрясшій гуломъ вѣдра горъ,
 Все заглушающій сей гласъ,
 Предъ коимъ вся земля тряслась
 Отъ Саламина до высотъ
 Мегары и Пирейскихъ водъ.

XXV.

И бой килить, — послѣдній бой,
 Кровавый, страшный, роковой.
 И вотъ воиномъ въ городъ врагъ;
 Онъ грабитъ, рѣжетъ, все во прахъ
 Ниспровергаетъ. Передъ нимъ
 Въ крови, по сколькимъ мостовымъ,
 Бѣгутъ, подымая страшный стонъ,
 Толпы дѣтей, и дѣвъ, и женъ.
 Но гдѣ возможность есть бойцу
 Встать въ бой съ врагомъ лицомъ къ лицу,
 Еще кружки отважныхъ тамъ
 Солпротивляются врагамъ
 И прислонясь къ стѣнѣ спиной,
 Ведутъ уловный, тщетный бой.

Межъ нимъ, въ красѣ своихъ сѣдинъ,
 Могучъ и ростомъ исполинъ,
 Сражался старецъ. Бодръ и смѣлъ,
 Онъ полукругомъ вражыхъ тѣлъ
 Путь предъ собою устилалъ
 И невредимый отступалъ.
 Хоть подъ кирасой много ранъ
 Скрывалъ безстрашный ветеранъ,
 Но эти раны—славный слѣдъ
 Кровавыхъ битвъ минувшихъ лѣтъ.
 Хоть старъ, все жь крѣпокъ онъ какъ сталь,
 И силой, мужествомъ едва ль
 Сравнится наша юность съ нимъ.
 Одинъ, невѣрными тѣснимъ,
 Онъ отражалъ ихъ вокругъ себя
 И страшно саблею рубя,
 Османскихъ многихъ матерей
 Въ тотъ грозный день лишилъ дѣтей,—
 Дѣтей, еще не зрѣвшихъ свѣтъ,
 Когда впервые, мужъ побѣдъ,
 Свой мечъ онъ въ цвѣтъ юныхъ силъ
 Турецкой кровью оросилъ.

Ужь много лѣтъ съ тѣхъ поръ прошло,
 Какъ сынъ единственный его
 Нашелъ въ бою у Дарданеллъ
 Свой преждевременный удѣлъ.
 Съ тѣхъ поръ вступивъ съ луною въ брань,
 Минотти гибельная длава
 Сынѡвъ османскихъ безъ числа
 Какъ жертву сыну принесла.
 И если крови страшный пиръ
 Даетъ тѣнямъ желанный миръ,
 То и Патроклъ не такъ отмщень,
 Какъ сынъ его что былъ сражень
 Тамъ гдѣ, Евролу отдѣлавъ,
 Шумить вдоль Азіи проливъ,
 Гдѣ въ дни миновшіе легло
 Бойцовъ несмѣтное число;
 Но мы не знаемъ гдѣ ихъ прахъ,
 Гдѣ пали храбрые въ бояхъ.
 Нѣтъ камня надъ ними; ихъ пелель истлѣвъ;
 И жить въ лѣсполюбныхъ — ихъ вѣчный удѣлъ!

XXVI.

Чу! снова крики: Алла-гу!
 То Альль тѣснимому врагу
 Съ отборнымъ войскомъ янычаръ
 Несетъ рѣшительный ударъ.
 Чтобъ могъ разить быстрѣ мечъ,
 У Альля руки влооть до плечъ
 Обважены; летя впередъ,
 Мавить онъ рати, онъ зоветъ.
 Пусть на другомъ убранство латъ
 Вячетъ враговъ корыстный взглядъ;
 Пусть у другаго изъ лашей
 Чама богаче, мечъ цѣнящій;
 Но Альля всякъ узнаетъ вмигъ
 По грознымъ взмахамъ рукъ нагихъ.
 Гдѣ Альль, тамъ жарче бой кипить;
 Гдѣ онъ, тамъ яростнѣй разить
 Его орда ряды враговъ.
 Тамъ стягъ его средь бунчуковъ
 Всѣхъ выше вьется, какъ лучи

Кометы пламенной въ ночи.
 Гдѣ эта грозная рука
 Ведеть османскія войска,
 Повсюду смерть и гибель тамъ;
 Тамъ нѣтъ лошады бѣглецамъ,
 Тамъ нѣтъ лошады и бойцу,
 Который, близкій ужь къ концу,
 Борясь со смертью на землѣ,
 Въ крови, безъ страха на челѣ,
 Рукой ослабленной еще
 Разить врага, но ужь вотще.

XXVII.

Минотти бьется, невредимъ.
 Вдругъ Альль является предъ нимъ.
 „Старикъ, сдавайся! для любви,
 Для дочери твоей живи.“
 — О, нѣтъ, отступникъ, никогда!
 Кулю ли жизнь цѣной стыда?
 „Франческа, другъ души моей!
 Ужель погибнуть должно ей,
 Старикъ, по гордости твоей?“
 — Ты ей не страшень! — „Гдѣ жь она?“
 — Въ странѣ, откуда изгнана
 Душа злодѣя—въ небесахъ!“
 И съ злой усмѣшкой на губахъ
 Минотти видитъ какъ сражень,
 Какъ громомъ, страшной вѣстью онь.
 „Когда жь, о Боже! дочь твоя
 Скончалась?“ — „Въ эту ночь, и я
 О ней напрасныхъ слезъ не лью;
 Не посрамишь ты кровь мою
 И не падеть она рабой
 Предъ Магометомъ и тобой.
 Сражайся!“ Тщетно въ бой онь звалъ,
 Ужь Альль межъ трупами лежалъ.
 Пока Минотти злая рѣчь,
 Убийственнѣй чѣмъ острый мечъ,

Явила грудь его тоской,
 Раздался выстрѣлъ роковой,
 Направленный изъ царскихъ вратъ
 Сосѣдней церкви, гдѣ отрядъ
 Бойцовъ, собравъ остатки силъ,
 Жестокій бой возобновилъ.
 И прежде чѣмъ замѣтилъ взоръ
 Откуда выстрѣлъ данъ въ улоръ, —
 Ахль, закружившись, лалъ во прахъ.
 Сверкнулъ, какъ молнія, въ глазахъ
 Огонь и вѣчной ночи мракъ
 Покрылъ его померкшій зракъ.
 Съ предсмертной мукой на челѣ
 Лежалъ онъ въ корчахъ на землѣ.
 Его прилодняли; но ликъ,
 Въ крови, въ пыли, былъ страшенъ, дикъ;
 Сочилась кровь изъ блѣдныхъ губъ
 И былъ онъ холоденъ какъ труль.
 Не билось сердце, блескъ въ глазахъ
 Потухъ и замеръ стонъ въ устахъ.
 Онъ умеръ, но кончины мигъ
 Не возвѣстилъ ни вздохъ, ни крикъ,
 И прежде чѣмъ мелькнула въ немъ
 Мечта о Промыслѣ благомъ,
 Ужь духъ его умчался въ адъ,
 До самой смерти—рenegать.

XXVIII.

Тогда въ рядахъ друзей, враговъ
 Поднялся волъ до облаковъ,
 И былъ онъ радостенъ и дикъ,
 Крикъ торжества и мщенья крикъ.
 И снова вспыхнулъ бой: съ плеча
 Съкутъ мечи, о мечъ стуча,
 Трещать, ломаясь, древки ликъ
 И всюду смерть и смерти-крикъ.
 Межъ тѣмъ, въ крови, въ дыму, въ пыли,
 Мивотти каждый футъ земли,

Рубясь, упорно защищалъ
 И шагъ за шагомъ отступалъ.
 Съ нимъ горсть отважныхъ удалцовъ
 Путь прорубаетъ сквозь враговъ,
 Стремясь проникнуть въ Божій храмъ,
 Откуда, въ мщеніе врагамъ,
 Тотъ грянулъ выстрѣлъ, что смирилъ
 Въ свирѣломъ Альфѣ рьяный пылъ.
 Туда-то трудною тролой
 Стремилась храбрыхъ грозный строй,
 И, обратясь лицомъ къ врагу,
 Неся на каждомъ смерть шагу,
 Вслѣдъ за вождемъ, сквозь толъ густыхъ,
 Проникъ подъ своды стѣнь святыхъ:
 За ихъ твердыней, кончивъ трудъ,
 Герои духъ переведутъ.

XXIX.

Минутный отдыхъ! Вновь орды,
 Сомкнувшись въ плотные ряды,
 Такъ сильно ринулись, что имъ
 Ужь нѣтъ возврата и самимъ.
 Такъ узокъ путь ведущій въ храмъ,
 Что еслибъ лервымъ ихъ рядамъ
 Вложилъ страхъ въ душу мысль бѣжать,
 Рядовъ имъ заднихъ не прорвать:
 Имъ надо биться, погибать!
 Пусть гибнуть: гдѣ одинъ падетъ,
 Тамъ сотня мстителей встаетъ,
 И, не слабѣя отъ рѣзни,
 Тѣснѣй смыкаются они.
 И вотъ ужъ Турки у воротъ.
 Еще противится имъ входъ:
 Еще изъ оконъ, изъ дверей,
 Изъ всѣхъ отверстій и щелей
 Ихъ поражаетъ частый градъ
 Каменьевъ, пуль, ручныхъ гранатъ.
 Но дверь колеблется, листы
 Желѣза прочь, трещать болты...
 Нагнулась, ладаеть, и вотъ
 Последній часъ Коринѳу бьетъ!

XXX.

Предъ алтаремъ, суровъ, угрюмъ,
 Исполненный зловѣщихъ думъ,
 Стоитъ Минотти; а надъ нимъ,
 Одвѣяъ свѣтомъ неземнымъ,
 Блеститъ Матюны ликъ въ лучахъ,
 Со взоромъ благодати въ очахъ.
 Онъ тамъ блеститъ надъ алтаремъ,
 Чтобъ мы сливались съ божествомъ,
 Когда, колѣна приклоня,
 Мы зримъ, какъ свѣтлый ликъ Ея
 Съ предвѣчнымъ Сыномъ внемлетъ намъ
 И воскресляетъ къ небесамъ
 Улыбкой кроткой гласъ молитвъ.
 Она и нынѣ въ шумѣ битвъ
 Глядитъ на гибнущихъ въ крови
 Все тѣми жъ взорами любви.
 Къ ней старецъ взоръ возвелъ; потомъ,
 Грудь осѣнивъ себѣ крестомъ,
 Схватилъ свѣчу предъ алтаремъ.
 Онъ ждетъ; межъ тѣмъ и здѣсь и тамъ
 Османы рвутся въ Божій храмъ.

XXXI.

Подъ мозаикой древнихъ плитъ
 Есть склепъ: тамъ прахъ усопшихъ спитъ;
 Тамъ есть и надписи имъ въ честь,
 Но ихъ нельзя теперь прочесть.
 Теперь обломками щитовъ,
 Мечами, шлемами бойцовъ
 Покрыты, кровью залиты
 Гербы, надгробные щиты.
 Теперь тамъ всюду мертвецы:
 Вверху — убитые бойцы,
 Внизу — подъ еводами, въ гробахъ,
 Усопшихъ предковъ бревныи прахъ.

Но и усолшихъ мирный солъ
 Войною не былъ пощаженъ:
 Она, проникнувъ въ мракъ сырой,
 Тамъ въ корридорахъ подъ землей
 Скопила страшный свой припасъ,
 И въ дни осады, въ грозный часъ,
 Тамъ учредила средь лучинъ
 Пороховой свой магазинъ.
 Туда проложенъ ужъ приводъ,
 Послѣдній роковой оплотъ
 Въ борьбѣ отчаянной! — И вотъ —

XXXII.

Ворвался врагъ какъ лютый звѣрь,
 И кто сразится съ нимъ теперь?
 Всѣ пали, некого губить!
 Чтобъ жажду мщенья утолить,
 На трулы врагъ заноситъ мечъ,
 Срубаетъ головы имъ съ плечъ;
 Тѣ съ злобой статуи святыхъ
 Свергають въ прахъ изъ нишей ихъ;
 Тѣ грабятъ, рушатъ все вокругъ;
 Тѣ другъ у друга рвутъ изъ рукъ
 Святую утварь, образа
 И все что кинется въ глаза.
 Ужь къ алтарю они бѣгутъ!
 Еще стоитъ на немъ сосудъ,
 Изъ злата чистаго литой,
 Тяжелый, съ хитрою рѣзбой,
 Манящій цѣнностью своей
 Глаза свирѣпыхъ дикарей.
 Сегодня утромъ въ немъ вино
 Въ Христову кровь освящено
 Для очищенья отъ грѣховъ
 Души готовыхъ въ бой сыновъ.
 Предъ алтаремъ пылають въ рядъ
 Дѣвнадцать золотыхъ лампадъ —
 Корысть безцѣнная, она
 Врагу послѣдней быть должна!

XXXIII.

Бѣгутъ, и первый изъ враговъ
Схватить добычу ужъ готовъ.

Но, упредивъ,

Минотти пламенной свѣчой
Поджогъ приводъ пороховой,

И — грянулъ взрывъ!

И вмигъ сводъ храма, стѣны, плиць,
Алтарь, добыча, рядъ гробницъ,
И склепъ, и все что было тамъ,
Живые, мертвые, весь храмъ,
Взлетѣли съ трескомъ къ небесамъ.

И дрогнулъ городъ; стѣны въ прахъ;
Волна отхлынула; въ горахъ,
Какъ отъ удара подъ землей,
Раздался страшный гулъ глухой.

И съ дымомъ, съ пламенемъ, клубясь,
Пыль къ небу вихремъ поднялась

И возвѣстила что судьбой
Рѣшенъ свирѣлый, долгій бой.

И все, что было на землѣ,
Взвилось ракетами во мглѣ.

И много воиновъ живыхъ
Подъ облака взлетѣло вмигъ,

И, обгорѣлые, изъ мглы,
Упали внизъ съ дождемъ золы,

Кто на долину, кто въ заливъ,
Въ немъ сильно воду возмутивъ

И оставляя въ ней круги.

Кто тутъ друзья, кто тутъ враги,
Кто Франкъ, кто Турокъ — какъ узнать?

Того не скажетъ намъ и мать!

Увы! качая въ прежни дни,

Лаская сына у груди

И съ нѣжной кротостью глядя

На спящее свое дитя,

Воображала ли она
 Что день придетъ когда война
 Такъ эти члены исказить,
 Что въ нихъ и мать не различить
 Черты ей милаго лица! —
 И внизъ летѣли безъ конца
 Каменья, бревна, головни,
 И, въ землю врѣзавшись, они
 Дымились многіе тамъ дни.

И все живое этотъ громъ
 Смутилъ на много миль кругомъ.
 Взвились птицы; стаи лсовъ
 Отъ тѣлѣ бѣжали въ глубь лѣсовъ;
 Верблюды вырвались изъ рукъ;
 Волъ опрокинулъ въ полѣ плугъ;
 Порвавъ узду, пугливый конь
 Бѣжалъ на волю, весь огонь;
 Лягушки крикъ свой средь трясины
 Въ нестройный слили хоръ одинъ;
 А на горахъ, гдѣ гулъ не молкъ,
 Взывалъ не одинъ голодный волкъ.
 И, вторя вою волчьихъ стай,
 Шакалы вдругъ подняли лай,
 Протяжный, жалобно-глухой,
 Какъ дѣтскій плачъ, иль лесій вой.
 И, мощно крыльями взмахнувъ,
 Орелъ раскрылъ въ испугѣ клювъ.
 И съ крикомъ съ горнаго гнѣзда
 Поднялся медленно туда
 Гдѣ за клубами дымныхъ тучъ
 Сіяетъ солнца яркій лучъ,
 И, выше, выше возносясь,
 Онъ наконецъ исчезнулъ съ глазъ
 За черной тучей громовой.

Такъ палъ Коринѣъ передъ луной!

ДМИТРИЙ МИНЪ.

УНИВЕРСИТЕТСКІЙ ВОПРОСЪ*

XIV.

Перехожу къ вопросамъ о порядкѣ назначенія профессоръ и объ устройствѣ университетскаго управленія, — вопросамъ стоящимъ на второмъ планѣ сравнительно съ капитальными задачами преобразованія: измѣненіемъ системы экзаменовъ и правильнымъ устройствомъ преподаванія, но тѣмъ не менѣе имѣющимъ важное значеніе въ университетской жизни. Вопросъ о назначеніи профессоръ показался мнѣ многочисленнымъ противникамъ (известно что мое *Мнѣніе по поводу предстоящаго пересмотра устава университетовъ* породило въ свое время цѣлую литературу возраженій и обличеній), особенно и, можно прибавить, единственно удобнымъ къ тому чтобы во имя яко бы либеральныхъ идей и мнимой преданности святымъ университетскихъ правъ обвинить меня въ ретроградномъ направленіи, въ желаніи подслужиться власти, въ измѣнѣ университету. Я былъ объявленъ врагомъ университетовъ за то что высказался, — какъ высказывался двѣнадцать лѣтъ тому назадъ

* См. *Русскій Вѣстникъ*, № 1 и 2.

при обсужденіи проекта устава 1863 года, — противъ начала исключительнаго самопополненія университетовъ и въ пользу двойнаго пути при выборѣ профессоровъ: чрезъ избраніе совѣта и въ нѣкоторыхъ случаяхъ чрезъ прямое назначеніе министромъ. „Не думаю, говорилъ я, чтобы было полезно пресѣкать министру возможность прямымъ путемъ содѣйствовать укрѣпленію и обновленію той или другой университетской корпораціи, хотя, съ другой стороны, право выбора въ смыслѣ рекомендаціи должно, полагаю, остаться за университетами во всей силѣ.“ Право министра, прибавлялъ я, не отвергается абсолютно и уставомъ 1863 года, но обставлено условіями долженствующими парализовать его полезное дѣйствіе, вносить разладъ въ дѣло требующее согласныхъ усилій правительственной власти и самой корпораціи, связывать руки въ хорошемъ, не пресѣкая возможности сдѣлать дурное.

Вотъ мысли за которыя я былъ объявленъ врагомъ университетовъ и ихъ самостоятельности. Но въ такомъ случаѣ надлежало бы объявить врагами университетовъ составителей университетскихъ уставовъ во всемъ образованномъ мірѣ. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, происходило и происходитъ назначеніе профессоровъ въ Германію, какъ производилось и производится оно во Франціи и своеобразной Англіи? Полагаю что въ высшей степени важно при составленіи или пересмотрѣ нашихъ уставовъ имѣть въ виду какъ рѣшаются тѣ же вопросы въ странахъ откуда мы заимствовали университетъ, откуда продолжаемъ заимствовать науку. Начнемъ съ Германіи. Раскроемъ статуты Берлинскаго университета и прочтемъ какой порядокъ установленъ закономъ для назначенія профессоровъ этого знаменитаго учрежденія (см. Koch. *Die Preussischen Universitäten*, Berlin, 1839, T. I, 147 и др.). Замѣчу что университетскаго совѣта въ нашемъ смыслѣ нѣтъ въ Берлинскомъ университетѣ, какъ и въ большинствѣ германскихъ университетовъ, и общее собраніе всѣхъ ординарныхъ профессоровъ бываетъ почти только для выбора ректора и сенаторовъ, высшій же органъ внутренняго университетскаго управленія, сенатъ, состоящій изъ ректора, его предшественника, четырехъ декановъ и пяти ординарныхъ профессоровъ, не имѣетъ участія въ назначеніи профессоровъ. Избраніе, *въ смыслѣ рекомендаціи*, предоставлено факультетамъ. Въ статутахъ каждаго изъ факульт-

тетовъ читаемъ: „Когда становится вакантною какаля-либо ординарная каеэдра, факультету (то-есть собранію его ординарныхъ профессоровъ) дозволяется предложить министерству, въ формѣ мотивированнаго мнѣнія, трехъ къ занятію открывшейся каеэдры способныхъ лицъ. Министерство предоставляетъ себѣ увеличивать число ординарныхъ профессуръ согласно нуждамъ факультета и имѣющимся средствамъ“. (Ist ein Ordinariat erledigt, so ist der Fakultät gestattet, drei für dasselbe geeignete Männer mittelst eines motivirten Gutachtens dem Ministerium vorzuschlagen. Das Ministerium behält sich vor, die Zahl der ordentlichen Nominalprofessuren nach Maassgabe des Bedürfnisses der Fakultät und der vorhandenen Mittel zu vermehren.) Вообще же, какъ сказано въ основныхъ положеніяхъ статутовъ Берлинскаго университета, корпусъ учащихся состоитъ „изъ королевскою властію и министерствомъ *призываемыхъ и опредѣляемыхъ* ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ и изъ учащихся принимающихъ участіе въ преподаваніи, подѣ наименованіемъ приватъ-доцентовъ, съ одобренія и подѣ авторитетомъ университета“ (sowohl der von Uns und Unserem Ministerium.... *berufenen und angestellten*, ordentlichen und ausser-ordentlichen Professoren, als auch aus den mit Genehmigung und unter Autorität der Universität unter dem Namen der Privatdozenten an dem Lehrgeschäfte Theil nehmenden Lehrern). Въ статутахъ факультетовъ Боннскаго университета (Кохъ, I ст. 283 и друг.) находимъ: „факультету дозволяется для замѣщенія сдѣлавшейся вакантною или нѣкоторое время незанятою профессуры предлагать съ мнѣніемъ чрезъ пожелательство министерству трехъ способныхъ лицъ“ (ist der Fakultät gestattet, zur Besetzung jüngst erledigter, oder eine Zeit lang unversehen gebliebener Professuren drei geeignete Männer durch das Kuratorium dem Ministerium gutachtlich in Vorschlag zu bringen). Факультетская рекомендація не имѣетъ обязательной силы для министерства, и „въ Боннѣ, напротивъ, какъ свидѣтельствуешь г. Кавелинъ въ своей статьѣ *Гстройство и управление нѣмецкихъ университетовъ* (Русскій Вѣстникъ, 1865, № 2, стр. 541), назначеніе профессоромъ можно предложенныхъ кандидатовъ — дѣло довольно обыкновенное“.

Такимъ образомъ въ странѣ славящейся процвѣтаніемъ науки, обладающей ученымъ сословіемъ уважаемымъ во

всемъ мірѣ по его первокласснымъ заслугамъ, дорожащей своими университетами какъ главнымъ сокровищемъ, не считается полезнымъ давать этимъ учрежденіямъ, какъ ни высоко стоятъ они, право исключительнаго самополненія, и согласно опыту исторіи, участіе университета въ избраніи профессора допускается въ формѣ *рекомендаціи*, то есть признается то начало которое, будучи указано мною, подверглось глумленію и обличенію со стороны нашихъ знатоковъ.

Несостоятельность начала исключительнаго самополненія университетовъ принадлежитъ къ числу предметовъ наименѣе спорныхъ. Оно давно уже осуждено исторіей и практикой. Въ Германіи вопросъ можно считать рѣшеннымъ еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія, какъ не трудно убѣдиться, на примѣръ, читая уже не разъ упоминаемое нами сочиненіе геттингенскаго профессора Мейнерса (*Meiners: Ueber die Verfassung und Verwaltung deutscher Universitäten*, 1801) и ознакомившись съ исторіей основанія Берлинскаго университета. Германскіе университеты пользовались правомъ самополненія лишь въ отдаленную эпоху своего существованія, когда они еще сохраняли характеръ самостоятельныхъ корпорацій въ средневѣковомъ смыслѣ. Но когда правительства, становясь просвѣщеннѣе, стали ближе интересоваться судьбами университетовъ, оказывать имъ особое покровительство, снабжать ихъ привилегіями и фондами; они вмѣстѣ съ тѣмъ естественно присвоивали себѣ долю участія въ дѣлахъ отъ которыхъ зависитъ благосостояніе университетовъ.

„Первое ограниченіе, говоритъ Мейнерсъ, состояло въ томъ чтобъ избранные университетами преподаватели и должностныя лица были представляемы на утвержденіе мѣстныхъ государей или правительствъ. Этотъ шагъ вскорѣ повелъ къ другому, вслѣдствіе котораго начальства высшихъ учебныхъ заведеній стали требовать чтобъ эти заведенія, для замѣщенія какого-либо мѣста или должности, представляли нѣсколько кандидатовъ, дабы можно было избрать изъ нихъ достойнѣйшаго. При основаніи университета въ Галле, факультеты юридическій и медицинскій испросили себѣ дозволеніе представлять на вакантныя мѣста двухъ кандидатовъ, надѣясь что одинъ изъ нихъ будетъ утвержденъ государемъ. Пункты содержащіе это дозволеніе были въ послѣдствіи включены и въ уставъ Геттингенскаго университета.“ Установился по-

радокъ рекомендаціи, въ главныхъ чертахъ сохранившійся и донынѣ. Самъ Мейнерсъ высказывался рѣшительнымъ образомъ не только противъ начала самопополненія, но и противъ права рекомендаціи, и считалъ полезнымъ совершенно устранить университетскіе совѣты и факультеты отъ участія въ избраніи профессоровъ. Приведу его сужденія не потому чтобы держался подобнаго мнѣнія въ его исключительности, но потому что соображенія такого авторитетнаго лица, добытыя долгою практикой университетской дѣятельности, во всякомъ случаѣ заслуживаютъ вниманія людей способныхъ свободно отнестись къ дѣлу. Привожу ихъ отчасти и для того чтобы показать что въ странѣ университетской по преимуществу можно держаться по вопросу о назначеніи профессоровъ крайняго мнѣнія, предлагать отнять у университетовъ всякое право избранія и рекомендаціи, — чего я не предлагалъ и съ чѣмъ несогласенъ, — и никѣмъ не считаться врагомъ университетовъ. Прибавлю мимоходомъ что имя Мейнерса не лишено значенія въ исторіи Московскаго Университета. Къ нему обращался въ 1804 году знаменитый попечитель Муравьевъ для приглашенія геттингенскихъ ученыхъ на кафедру Московскаго Университета. Имъ были рекомендованы Гофманъ, Буле, Рейсъ и другіе. (*Исторія Московскаго Университета* Шевырева, стр. 343.)

Дѣйствительное избраніе и утвержденіе профессоровъ, говорить Мейнерсъ (т. II, 35), нынѣ въ большинствѣ университетовъ зависитъ отъ главы страны и поставленныхъ имъ попечителей*; лишь въ весьма немногихъ отъ самихъ университетовъ или отъ ихъ отдѣльныхъ коллегій и должностныхъ лицъ (von den hohen Schulen selbst oder einzelnen Collegiis und Beamten derselben). Университеты гдѣ профессора избираются и утверждаются главою страны или имъ поставленными попечителями различаются между собою тѣмъ что въ однихъ общее собраніе профессоровъ или отдѣльные факультеты имѣютъ право или только позволеніе предлагать кандидатовъ на открывшіяся мѣста, въ другихъ — нѣтъ. Возникаетъ вопросъ: что лучше, то ли когда университеты сами избираютъ профессоровъ или когда профессора избира-

* Мейнерсъ говоритъ о попечителяхъ, а не о министрахъ, потому что въ его эпоху попечители изъ самовниковъ были по отношенію къ университетамъ высшими представителями правительственной власти.

ются высшимъ начальствомъ? Лучше ли если университеты или ихъ коллегіи имѣютъ право или дозволеніе предлагать или рекомендовать преподавателей, или предпочтительнѣе если они таковыхъ не имѣютъ?

„Безъ всякаго спора лучше чтобы преподаватели въ университетахъ были избираемы властью, а не университетскими сенатомъ или факультетами. Правда, сколь бы ученые ни были полечители, имъ невозможно однако во всѣхъ отрасляхъ знанія имѣть столько свѣдѣній чтобы, на основаніи собственнаго знанія, выбирать людей способныхъ для преподаванія и рѣшать на какихъ ученыхъ должно быть обращено вниманіе и кто изъ таковыхъ наиболѣе достоинъ избранія. Этого не могъ бы сдѣлать даже ученѣйшій изъ профессоровъ равно также какъ и полечитель. Но благонамѣренному и просвѣщенному полечителю не трудно добыть свѣдѣнія которыхъ самъ онъ не имѣетъ и не можетъ имѣть. Полечители преимущественно живутъ въ большихъ городахъ, гдѣ проживаютъ ученые вполне знакомые съ каждою отраслью литературы. При этомъ полечители всегда знаютъ, во вѣранныхъ имъ университетахъ, надежныхъ ученыхъ людей, которые или сами могутъ дать имъ совѣтъ, или посоветоваться объ этомъ съ своими друзьями и знакомыми. Этими путями легко опредѣлить какъ число, такъ и достоинство кандидатовъ на вакантныя мѣста. Допустивъ это, нельзя отрицать что почти безъ изъятія всѣ полечители будутъ избирать того кандидата котораго имъ рекомендуетъ самый свѣдущій и безпристрастный совѣтникъ. Для полечителей нѣтъ никакого другаго или по крайней мѣрѣ никакого болѣе сильнаго интереса какъ поддержать и увеличить преуспѣваніе университетовъ надъ которыми они поставлены. Этотъ интересъ лобуждаетъ ихъ, при замѣщеніи должности преподавателя, освѣдомляться какъ можно точнѣе кто изъ кандидатовъ наиболѣе достоинъ занять вакантное мѣсто, и отыскавъ такого они предпочтутъ его прочимъ. Люди изъ которыхъ имъ придется выбирать не свои для нихъ, и часто даже не были прежде извѣстны имъ и по имени. Слѣдовательно, почти никогда не можетъ быть повода для пристрастнаго расположенія полечителей къ кандидатамъ, и также рѣдко можетъ случиться чтобъ они имѣли причину враждовать противъ кого-нибудь изъ кандидатовъ. Если полечитель избересть достойнаго, то не только будетъ имѣть неоцѣненное удовле-

твореніе постуливъ по совѣсти, но и выборъ послужить самому ему въ честь. Если же онъ дастъ себя увлечь непроявляемымъ предстательствомъ и выберетъ не самаго достойнаго, то подвергнется тайному, а иногда и явному порицанію.

Избирающіе академическіе сенаты или факультеты конечно имѣютъ то преимущество предъ полечителями что члены сената и факультетовъ лично знаютъ права кандидатовъ на преподавательскія должности. Но съ другой стороны, они уступаютъ полечителямъ въ томъ отношеніи что въ нихъ рѣдко можно предполагать добрую волю выбрать того кого они сами считаютъ достойнѣйшимъ. Самые достойные кандидаты часто бываютъ или противниками, или соперниками самихъ избирателей или ихъ друзей и знакомыхъ. Сами избиратели, или ихъ друзья и знакомые, имѣютъ родныхъ или рекомендованныхъ имъ людей, которыхъ имъ хотѣлось бы пристроить. Слѣдовательно въ большей части случаевъ, интересы избирателей побуждаютъ ихъ устранять достойнѣйшихъ и выбирать менѣе достойныхъ. Безпристрастные выборы академическими сенатами и факультетами имѣли бы мѣсто только относительно мѣстъ гдѣ не представляется конкуренціи и замѣщеніе коихъ скорѣе выгодно для всѣхъ членовъ университета. А такіе случаи — нельзя не сознаться въ этомъ — довольно рѣдки. Итакъ, до тѣхъ поръ пока остается несомнѣннымъ что академическіе сенаты и факультеты чаще бываютъ пристрастны чѣмъ полечители университетовъ несвѣдуци, необходимо утверждать что выборъ профессоровъ лучше предоставлять начальникамъ нежели самимъ преподавателямъ университетовъ. Исторія и опыты высказали объ этомъ свой вѣковой приговоръ.

Предложеніе и рекомендація кандидатовъ академическими сенатами и факультетами составляютъ зло еще не столь большое какъ дѣйствительные выборы ими преподавателей. Но и это все-таки есть зло, которое надобно отмѣнить или котораго надо стараться избѣгать. По тѣмъ же причинамъ по какимъ слѣдуетъ опасаться что сенаты и факультеты устранять лучшихъ кандидатовъ, и выберутъ менѣе достойныхъ, можно ожидать и того что сенаты и факультеты не включаютъ въ списокъ кандидатовъ достойныхъ людей, а предлагаютъ и рекомендуютъ лишь менѣе достойныхъ. Гдѣ установлено чтобы сенаты или факультеты

предлагали нѣсколько кандидатовъ, а высшимъ властямъ предоставлялся выборъ только изъ предложенныхъ, тамъ возникалъ если не явный нелотизмъ, то по крайней мѣрѣ духъ землячества и тайный заговоръ противъ чужихъ, вредный для университетовъ. Поэтому, если высшя власти ограничатся при выборѣ только одними рекомендованными имъ лицами, то не рѣдко удостовѣряется что онѣ не лучшими людьми могутъ замѣстить вакантныя должности. Если же онѣ не обратятся къ сенатамъ и факультетамъ, то возбуждаютъ въ нихъ неудовольствіе и сдѣлаютъ ихъ заклятыми врагами тѣхъ лицъ кого сами выберутъ. Тогда сенаты и факультеты станутъ жаловаться на неуваженіе къ ихъ привилегіямъ и будутъ ненавидѣть и даже преслѣдовать лицо навязанное имъ вопреки этимъ привилегіямъ. Слѣдовательно, всего лучше чтобы при выборѣ преподавателей была предоставлена полная свобода основателямъ и начальникамъ университетовъ; послѣдніе же, при замѣщеніи преподавательскихъ должностей, совѣтовались бы съ людьми которые вполнѣ извѣстны имъ какъ самые надежные совѣтники.

„Но бывали же, возразятъ мнѣ, полечители столь же пристрастные какъ и несвѣдущіе, которые безъ всякаго вниманія ко благу университета и безъ всякой заботы о собственной чести опредѣляли въ преподаватели людей неспособныхъ, или по рекомендаціи ненадежныхъ совѣтниковъ, или потому что не могли ничѣмъ другимъ вознаграждать за услуги оказанныя имъ самимъ, или близкимъ къ нимъ людямъ. Конечно такіе полечители бывали и по временамъ будутъ бывать и въ послѣдствіи. Если такая казнь отрясется надъ университетомъ, то ему нисколько не поможетъ привилегія предлагать или рекомендовать кандидатовъ. Безсовѣстные начальники не уважатъ ссылокъ на привилегіи или сумѣютъ такъ распорядиться чтобъ имъ предложили тѣхъ кандидатовъ которымъ они благопріятствуютъ.“

Вопросъ о наилучшемъ устройствѣ университетовъ былъ въ особенности на очереди въ Германіи въ эпоху когда въ Пруссіи, возрождавшейся послѣ Наполеоновскаго погрома, возникла мысль объ основаніи университета въ Берлинѣ и многіе ученые высказывали свои соображенія о значеніи и желательномъ устройствѣ новаго учрежденія. Въ числѣ высказавшихся извѣстный философъ Шлейермахеръ (*Gelegentliche Gedanken über Universitäten, Berlin, 1808*) особенно выи-

мательно разбиралъ взаимныя отношенія государства и учебной корпораціи, какую представляет собою университетъ. Указывая что успѣхъ учрежденія главнымъ образомъ зависитъ отъ удачнаго выбора лицъ его составляющихъ,—„безъ чего оно при самыхъ лучшихъ законахъ и статутахъ можетъ остаться однимъ пустымъ подобіемъ дѣла“,—Шлейермахеръ называетъ заботу о выборѣ преподавателей первою и труднѣйшею заботой по отношенію къ университету. „Замѣчаютъ, говоритъ онъ, дѣльные періоды когда иной университетъ почти сплошь состоитъ изъ отличнѣйшихъ преподавателей, и другіе, когда мѣста замѣщены ниже чѣмъ посредственностями. Это, какъ кажется, имѣетъ свое объясненіе въ томъ обстоятельстве что правительства обыкновенно поручаютъ заботу о замѣщеніи этихъ должностей какому-либо значительному государственному лицу. Если оно имѣетъ прямой талантъ и истинное рвеніе, то не приминетъ собрать лучшихъ людей; но слѣдуетъ за нимъ другой неспособный избиратель и мало-по-малу плохіе выборы замѣщаютъ отличныхъ преподавателей рядомъ ничтожностей...“ Но слѣдуетъ ли отсюда что право назначенія должно быть предоставлено самимъ университетамъ? Противъ такого права самопополненія университетовъ Шлейермахеръ высказывается самымъ рѣшительнымъ образомъ. „Конечно, говоритъ онъ, самъ университетъ наилучше знаетъ въ чемъ нуждается какъ скоро обнаруживается пробѣлъ и представляется случай къ расширенію, и такъ какъ у его членовъ необходимо надо предполагать знакомство со всѣмъ что есть замѣчательнаго въ отечественной области науки, то они должны знать въ комъ найти удовлетвореніе нуждамъ университета. Но къ сожалѣнію, никто конечно не подастъ голоса за то чтобъ университету предоставить исключительное право избранія (*allein leider möchte wohl Niemand dafür stimmen ihr jede Wahl allein zu überlassen*). Университеты вообще такъ славятся духомъ хеакихъ интригъ, что при подобномъ устройствѣ надлежало бы ждать самыхъ вредныхъ послѣдствій отъ духа партій, возбужденныхъ въ литературныхъ распряхъ, отъ страстей и разныхъ личныхъ комбинацій.“ Планъ предложенный Шлейермахеромъ не былъ и едва ли можетъ быть признанъ практическимъ. По его мнѣнію, при назначеніи на тѣ мѣста по отношенію къ которымъ „непосредственно высказывается интересъ государства какъ таковаго“ (*für Stellen an denen*

das Interesse des Staats als solchen sich unmittelbar ausspricht) инициатива должна идти отъ правительства. Полечитель вспомошествоемый училищнымъ совѣтомъ предлагаетъ, то-есть указываетъ лицъ, избраніе принадлежитъ университету (соотвѣтствующему факультету въ соединеніи съ частію членовъ философскаго факультета). Для кафедръ же имѣющихъ строго научный характеръ инициатива идетъ отъ университета, предлагающаго трехъ кандидатовъ изъ которыхъ и выбираетъ начальство.

Знаменитый Савиньи въ рецензіи на *Мысли Шлейермахера* (въ *Гейдельбергскомъ Ежегодникѣ*, 1808, тетрадь III) называетъ планъ Шлейермахера искусственнымъ. „Гдѣ есть основаніе, говоритъ онъ, приписывать правительству узкія воззрѣнія, тамъ такой порядокъ конечно имѣлъ бы выгоды; но вообще мы не думаемъ чтобы при немъ университетъ могъ достигъ высокаго процвѣтанія. Когда какой-либо университетъ прочно лодымался,—это произошло, навѣрное можно сказать, благодаря научному смыслу полечителя, умѣншаго стать въ свободное сношеніе съ преподавателями. Пусть не возражаютъ намъ что здѣсь предполагается невѣроятный случай такого полечителя который бы самъ имѣлъ цѣну и имя какъ ученый: этого мы не требуемъ, ибо открытое живое пониманіе каждаго самостоятельнаго, сильнаго, богатаго духомъ явленія въ научной области,—а въ этомъ все дѣло,—можетъ очень хорошо имѣть мѣсто и безъ производительнаго таланта. Но всякое избирательное право преподавателей кажется намъ потому сомнительнымъ (alles Wahlrecht der Lehrer aber ist deshalb bedenklich). Величайшая оласность для научнаго учрежденія есть односторонность направленія, при которой въ концѣ-концовъ гибнетъ всякая свободная жизнь.“

Еще менѣе практическою признана была мѣра предложенная знаменитымъ Фихте (*Deducirter Plan einer zu Berlin zu errichtenden höhern Lehranstalt*, 1807). Фихте предлагалъ предоставить назначеніе профессоровъ соглашенію Академіи Наукъ (по его плану составленной преимущественно изъ профессоровъ окончившихъ преподавательскую дѣятельность) съ совѣтомъ преподавателей. Въ планѣ Фихте нѣтъ рѣчи о министерствѣ и полечительствѣ, но сомнѣваюсь чтобъ его идеальный университетъ, родъ ученаго монашескаго ордена, повравился нашимъ якобы защитникамъ совѣтской автономіи. По идеальному построенію славнаго философа, новый

университетъ долженъ былъ быть семинаріей профессоровъ подготовляющею людей науки и построенной на совершенно новыхъ началахъ. „Замѣчательно, говоритъ профессоръ Деллинггеръ, президентъ (послѣ покойнаго Либиха) Баварской Академіи Наукъ (въ брошюрѣ *Die Universitäten sonst und jetzt*. 2e. Ausgabe, 1871), что такой чисто нѣмецкій умъ какъ Фихте, какъ бы подъ вліяніемъ французскихъ революціонныхъ идей, могъ совѣтовать полную ломку существующаго и возведеніе учрежденія, которое, выросшее изъ Платоновой мысли о государствѣ управляемомъ философами, совершенно угнетало бы индивидуальность воспитываемыхъ въ немъ учителей и ученыхъ, уничтожило бы ихъ свободу и основало бы родъ литературнаго монашества съ самыми деспотическими формами.“

Мы видѣли выше какъ рѣшило прусское законодательство вопросъ о порядкѣ назначенія профессоровъ. Въ правительственныхъ совѣтахъ воспреобладали мысли знаменитаго ученаго и практическаго государственнаго мужа Вильгельма Гумбольдта, и Берлинскій университетъ, а за нимъ Боннскій, возникли въ формахъ общихъ германскимъ университетамъ. Участіе университетовъ въ выборѣ профессоровъ допущено въ формѣ рекомендаціи.

XV.

Но если такова буква закона, то спрашивается, каково практическое его осуществленіе, какой обычный путь назначенія профессоровъ въ Германіи? Не суть ли постановленія закона обветшалые остатки старины, которые отживаютъ свой вѣкъ? Не тяготятся ли университеты участіемъ правительственной власти въ рѣшеніи задачи о выборѣ лицъ, столь существенной для внутренняго развитія учрежденія, не стремятся ли они къ достиженію права самополненія, какъ идеала либеральнаго университетскаго устройства? Нѣтъ ли указаній что этому праву принадлежатъ будущее? Никакихъ подобныхъ указаній не имѣется; законодательное рѣшеніе труднаго вопроса считается ловкимъ удовлетворительнымъ по возможности, и незамѣтно на малѣйшаго движенія въ пользу начала самополненія, какъ изъ наиболѣе компетентныхъ людей не считаемаго

либеральнымъ благомъ къ какому слѣдуетъ стремиться. Вопросъ о порядкѣ назначенія преподавателей, какъ и другіе вопросы университетскаго устройства, лѣтъ двадцать тому назадъ внимательно обсуждался въ совѣтахъ прусскихъ университетовъ. Дѣло было послѣ событій 1848 и 1849 годовъ въ эпоху богатую увлеченіями всякаго рода, когда и по вѣдомству просвѣщенія задумывались обширныя преобразованія чуть не всѣхъ его частей. По распоряженію министра Ладенберга, университеты были приглашены къ обсужденію дѣйствующихъ постановленій и къ свободному выраженію своихъ желаній. Обсужденію подвергался и вопросъ о назначеніи профессоровъ. Одни университеты высказались за сохраненіе установившагося порядка; нѣкоторые считали полезнымъ устройство при министерствѣ совѣта въ родѣ французскаго *conseil de l'instruction publique*, съ своей стороны подающаго голосъ при назначеніи профессоровъ; нѣкоторые желали выговорить для университетовъ право *veto*. Галльскій университетъ, высказываясь за устройство совѣта при министрѣ, мотивировалъ свое мнѣніе довольно вѣскимъ соображеніемъ. При парламентской формѣ, указывая на оное, есть опасность чтобъ иной министръ, служа выраженіемъ эфемернаго большинства палаты, не нанесъ вреда неизмѣннымъ интересамъ народнаго просвѣщенія во имя минутныхъ парламентскихъ интересовъ.

На основаніи мнѣній факультетовъ и иного матеріала имѣющагося въ министерствѣ, былъ составленъ рядъ вопросовъ (136 касательно полнаго проекта университетскихъ преобразованій), которые и обсуждались отъ 24го сентября до 12го октября 1849 года въ особой комиссіи университетскихъ преподавателей (по два отъ каждаго университета), подъ предсѣдательствомъ оберъ-регірунгсъ-рата Дг. Шульца. На основаніи какъ этихъ предварительныхъ работъ, такъ и подобныхъ же работъ по другимъ частямъ вѣдомства просвѣщенія, составленъ былъ полный проектъ закона преобразованій по учебной части, который и предполагалось внести въ палаты. Въ этомъ проектѣ, въ отдѣлѣ объ университетахъ (см. официальное изданіе *Die Gesetzgebung auf dem Gebiete des Unterrichtswesens in Preussen*, Berlin, 1870), § 180, касающійся назначенія профессоровъ окончательнo формулованъ такъ: „При назначеніи ординарныхъ или экстраординарныхъ профессоровъ, факультеты обще съ сенатомъ

(in Gemeinschaft mit dem Senat) имѣютъ право мѣняемъ предлагать (gutachtlich in Vorschlag zu bringen) одного или нѣсколькихъ кандидатовъ извѣстныхъ учеными трудами и даромъ преподаванія, какой бы странѣ ни принадлежали они (ohne Rücksicht auf das Land dem sie angehören); въ экстраординарные профессора должны быть по преимуществу избираемы туземные приватъ-доценты выдающіеся ученостію, научнымъ духомъ и преподавательскимъ талантомъ. Мнѣніями факультетовъ и сената отвѣтственный министръ народного просвѣщенія не стѣсняется въ своемъ свободномъ выборѣ (in seiner freien Wahl nicht beschränkt).“ Таковъ былъ результатъ преобразовательныхъ соображеній по интересующему насъ вопросу. Впрочемъ законопроектъ такъ и остался проектомъ и никакого измѣненія не послѣдовало доселѣ въ порядкѣ назначенія университетскихъ преподавателей,—порядкѣ такъ удовлетворительно дѣйствующемъ.

Отъ области законодательства перейдемъ въ область обычая. Въ 1869 году, вышло небольшое сочиненіе о нѣмецкихъ университетахъ анонимнаго автора, наименовавшего себя „однимъ нѣмецкимъ профессоромъ“ (*Von Deutschen Hochschulen Allerlei was da ist und was da sein sollte, von einem deutschen Professor. Berlin 1869*). Сочиненіе не отличается особенными достоинствами, но не лишено интереса какъ указаніе вопросовъ какіе въ новѣйшее время занимаютъ университетскіе кружки, и какъ очеркъ нѣкоторыхъ сторонъ современнаго университетскаго быта въ Германіи. Какъ же относится авторъ къ вопросу объ избраніи преподавателей? Приведемъ страницу гдѣ авторъ изображаетъ обычный вывѣ въ германскихъ университетахъ порядокъ назначенія профессоровъ. Для поясненія замѣтимъ что въ большинствѣ случаевъ, катедры въ германскихъ университетахъ замѣщаются или приватъ-доцентами успѣвшими въ какомъ-либо университетѣ пріобрѣсти солидную ученую репутацію, или профессорами перезываемыми изъ одного университета въ другой.

„Въ настоящее время, говоритъ авторъ (стр. 164), дѣло происходитъ большею частію слѣдующимъ образомъ: Инициатива возникаетъ со стороны факультета гдѣ оказывается вакантное мѣсто, или вслѣдствіе кончины или выхода преподавателя, или потому что есть потребность или желаніе пополнить число преподавателей. При этомъ обыкновенно указываютъ на разныхъ лица которыя могли бы соответство-

вать нуждамъ факультета; число предлагаемыхъ кандидатовъ почти всегда бываетъ не менѣе и не болѣе трехъ, причемъ на первомъ мѣстѣ выставляется наиболѣе благопріятствуемый кандидатъ. Иногда однако прибавляютъ на списокъ замѣчаніе что кандидаты размѣщены не по степени желанія предлагающихъ, и что каждый изъ нихъ былъ бы одинаково любъ факультету. Но рѣшеніе вопросовъ и притомъ обо ихъ — слѣдуетъ ли вообще приглашать новаго преподавателя, и должно ли вниманіе остановиться на лицахъ указанныхъ факультетомъ, находится въ рукахъ министерства.“

Нынѣшнее отношеніе факультетовъ къ назначенію преподавателей авторъ указанной книжки не находитъ удовлетворительнымъ. „При теперешнихъ учрежденіяхъ, говоритъ онъ, перевѣса на сторонѣ того что полезно не оказывается, а между тѣмъ каждая попытка улучшить дѣло встрѣчаетъ разнообразнѣшія помѣхи“. Затруднительно отмѣнить вполнѣ участіе профессоровъ въ дѣлѣ назначенія преподавателей, еще затруднительнѣе предоставить факультетамъ безусловную свободу избранія. „Приходится увертываться отъ неудобствъ: содѣйствіе товарищей по наукѣ нужно для правильной оцѣнки личностей, но вмѣстѣ съ тѣмъ приходится ограничивать это содѣйствіе для отпора интригамъ.“ Во всякомъ случаѣ, надлежало бы твердо и совершенно ясно опредѣлить мѣру вліянія факультетовъ. Что касается интригъ, съ одной стороны, и промаховъ патроната съ другой, то противъ этихъ золъ автору кажется нѣтъ лучшаго охранительнаго средства какъ гласность.

„Опытомъ дознано, замѣчаетъ онъ далѣе, что зло усиливается если — какъ бываетъ въ иныхъ мѣстахъ — мнѣніе факультетовъ предоставляется посредническому рѣшенію собранія всѣхъ ординарныхъ профессоровъ, — совѣта или сената, — и уже это рѣшеніе вносится въ министерство. Большая часть обсуждающихъ дѣло, не имѣя потребныхъ спеціальныхъ свѣдѣній, и желая дѣйствовать объективно, всегда будутъ состоять въ зависимости отъ чужаго совѣта, а это поведетъ лишь къ тому что откроетъ доступъ незаконнымъ предложеніямъ, причемъ интрига найдетъ много средствъ для своей дѣятельности. Въ виду всего этого, сосредоточеніе права избранія въ одномъ мѣстѣ, при министерствѣ, кажется мнѣ, представляетъ наименѣе неудобствъ. И еслибъ удалось подчинить пользованіе этимъ правомъ цѣлесообразному кон-

тролю посредствомъ гласности, то было бы достигнуто самое лучшее какое только возможно устройство.“

Г. Кавелинъ, въ статьѣ о нѣмецкихъ университетахъ, на которую я уже ссылаюсь, разказываетъ что ему случилось въ Германіи со многими лицами говорить о порядкѣ назначенія профессоровъ въ тамошнихъ университетахъ. Не безъ некотораго удивленія передаетъ г. Кавелинъ (*Русск. Вѣстн.* 1865, № 25, стр. 541) что не встрѣтилъ даже въ профессорахъ ревности относительно права участвовать въ выборѣ преподавателей. Напротивъ того, многіе, говоритъ онъ, находятъ „что юридическое участіе университетовъ въ замѣщеніи вакантныхъ кафедръ вредно, потому что на выборъ кандидатовъ имѣютъ вліяніе партіи и интриги, личные соображенія, духъ касты или узко и односторонне понимаемые мѣстные интересы; что Тюбингенскій университетъ, благодаря именно этому обстоятельству, болѣе и болѣе уединяется, получаетъ односторонній характеръ, становится исключительно мѣстнымъ университетомъ и наполняется главнымъ образомъ одними Швабами, съ возможнымъ устраненіемъ другихъ уроженцевъ, что напротивъ Мюнхенскій университетъ обновился и расцвѣлъ именно потому что правительство, ничѣмъ не стѣсняемое въ выборѣ профессоровъ, могло привлечь туда лучшія силы. Основываясь на этомъ, многіе радуются когда министерство, не обращая вниманія на предложенныхъ кандидатовъ, назначаетъ отъ себя другихъ, и считаютъ очень благопріятнымъ условіемъ для университета когда обновленіе его учебнаго состава зависитъ исключительно отъ правительства, безъ участія факультетовъ.“ Не доказываетъ ли этотъ разказъ что въ Германіи скорѣе можно встрѣтить приверженцевъ полнаго устраненія университетовъ отъ избранія профессоровъ чѣмъ партизановъ права исключительнаго самопополненія? Изъ послѣднихъ я присилъ бы указать мнѣ хоть одного.

XVI.

Какъ происходитъ назначеніе профессоровъ во Франціи? Укажу на порядки существующіе въ этой странѣ не какъ на примѣръ для подражанія. Порядки эти интересны для насъ въ другомъ отношеніи. Во французское законодатель-

ство по этой части, какъ одно изъ основныхъ началъ, долгое время входилъ, а отчасти и нынѣ входитъ принципъ внесенный и въ нашъ университетскій уставъ, но у насъ не получившій, и можетъ-быть къ лучшему, никакого серьезнаго значенія и остающійся мертвою буквой. Я говорю о началѣ *конкурса*. При первомъ взглядѣ, это начало побѣды достойнѣйшаго кажется въ высшей степени справедливымъ и либеральнымъ. Оно имѣетъ повтому много приверженцевъ. Въ пользу его, какъ главнаго способа назначенія, высказались и нѣкоторые наши университеты при обсужденіи устава 1863 года (Московскій большинствомъ 18 голосовъ противъ 8). Но историческій опытъ Франціи, гдѣ это начало практиковалось постоянно въ большей или меньшей силѣ, едва ли свидѣтельствуетъ въ его пользу, и въ этой странѣ противъ него неоднократно высказывались компетентнѣйшіе люди, какъ напримѣръ Кузень. Состязаніе лицъ дѣйствующихъ на общемъ поприщѣ и стремящихся къ одной цѣли,—въ нашемъ случаѣ къ достиженію профессорскаго званія,—есть великая и плодотворная сила: но можно ли сдѣлать изъ него нѣчто въ родѣ совмѣстнаго экзамена нѣсколькихъ лицъ? Не очевидно ли что призъ на такомъ турнирѣ едва ли всегда достается достойнѣйшему? Люди наиболѣе достойные и извѣстные не явятся на такое состязаніе. А въ состязаніи молодыхъ надеждъ легко можетъ быть увѣнчана лишь наиболѣе бойкая. Между тѣмъ истинная конкуренція должна бы быть не между надеждами, а между лицами осуществившими уже надежды. Институтъ приватъ-доцентовъ есть въ этомъ отношеніи къ сѣбѣ не сравнимое учрежденіе. Въ немъ истинный конкурсъ не надеждъ, которыя неизвѣстно еще сдержатъ ли свои обѣщанія, а положительныхъ заслугъ подлежащихъ прямому сравненію. У насъ конкурсъ допускаемый уставомъ университетовъ не регламентированъ никакими подробностями, и на практикѣ имѣетъ значеніе не болѣе простаго вызова желающихъ, когда таковыхъ не имѣется подъ рукой. Должна ли эта форма и на будущее время сохраниться въ уставѣ, или требуется измѣненіе относящихся къ ней постановленій? Для отвѣта на этотъ вопросъ полезно обратиться къ практикѣ французскаго законодательства. При этомъ замѣтимъ что въ дѣлѣ отношеній правительственной власти къ университетскимъ корпораціямъ, ми-

истерство во Франціи имѣеть значительно большія полномочія чѣмъ въ Германіи и у насъ.

Во Франціи нѣтъ университетовъ въ германскомъ или нашемъ смыслѣ. Именемъ университета называется вся совокупность учрежденій управляемыхъ министерствомъ народного просвѣщенія. Университетъ дѣлится на академіи (наши округа), имѣющія во главѣ ректоровъ (наши попечители,—въ Парижѣ вице-ректоръ, такъ какъ ректоромъ считается министръ). При академіяхъ находятся независимые одинъ отъ другаго факультеты, имѣющіе во главѣ декановъ, назначаемыхъ правительствомъ изъ профессоровъ. Факультетъ медицинскій и юридическій носятъ даже особое названіе медицинской и юридической школъ. Рядомъ съ факультетами въ Парижѣ находятся учрежденія Collège de France и Музеумъ Естественной Исторіи, для свободнаго публичнаго преподаванія различныхъ отраслей знанія, безъ всякаго отношенія къ требованіямъ испытаній на ученые степени (относительно Музеума многое, впрочемъ, измѣнилось въ послѣднее время). Прочтемъ постановленія нынѣ дѣйствующихъ законовъ о порядкѣ замѣщенія вакансій какъ въ факультетахъ, такъ и въ этихъ учрежденіяхъ.

Декретъ 9го марта 1852 года. „§ 2. Когда предстоитъ назначить штатнаго профессора (professeur titulaire) на какомъ-либо факультетѣ, министръ предлагаетъ президенту республики (вообще главѣ государства) кандидата избраннаго имъ или между докторами достигшими по крайней мѣрѣ тридцатилѣтняго возраста, или въ двойномъ рекомендаціонномъ спискѣ (sur une double liste de présentation), необходимо требуемомъ отъ факультета, гдѣ открылась вакансія, и отъ академическаго совѣта.... *

* Совѣтъ при учебномъ округѣ (академіи) состоитъ изъ ректора академіи (въ родѣ нашего попечителя), какъ председателя, члена назначаемаго министромъ просвѣщенія, префекта или его уполномоченнаго, епископа или его уполномоченнаго, духовнаго лица назначаемаго епископомъ, представителя отъ одной изъ протестантскихъ церквей назначаемаго министромъ въ нѣкоторыхъ округахъ, гдѣ есть протестантская консисторія, уполномоченнаго отъ еврейской консисторіи въ округахъ гдѣ есть таковая, генераль-прокурора кассационнаго суда или прокурора суда первой инстанціи, члена кассационнаго суда или суда первой инстанціи, четырехъ членовъ изби-

„Въ случаѣ вакантной каѳедры въ Collège de France и „Музеѣ Естественной Исторіи, Школѣ Новыхъ Восточныхъ Языковъ, или вакантнаго мѣста въ Бюро Долготъ, или на „Обсерваторіяхъ Парижской и Марсельской, профессора или „члены этихъ учрежденій представляютъ двухъ кандидатовъ; „соотвѣтствующій классъ Института также двухъ. Кромѣ „того, министръ можетъ предложить на выборъ президента „республики (главы государства) кандидата извѣстнаго своими трудами.“

Въ дополненіе къ этимъ постановленіямъ, декретомъ 21го августа 1854 года выражены слѣдующія требованія:

„§ 6. Чтобы стать профессоромъ факультета надлежитъ „имѣть возрастъ не менѣ тридцати лѣтъ, быть докторомъ „по отдѣлу наукъ того факультета и въ продолженіе двухъ „по крайней мѣрѣ лѣтъ читать курсъ въ правительствен- „номъ учрежденіи или курсъ частный надлежаще автори- „зованный (dîment autorisé), подобный курсамъ факульте- „товъ.“

„§ 7. Равнымъ образомъ могутъ быть назначены профессо- „рами факультетовъ члены Института преподававшіе въ про- „долженіе по крайней мѣрѣ шести мѣсяцевъ курсъ въ усло- „віяхъ указанныхъ предыдущимъ параграфомъ.

„§ 8. Когда предстоитъ замѣстить вакантную каѳедру въ „одномъ изъ факультетовъ Парижской академіи (Парижскаго „учебнаго округа), соотвѣтствующіе факультеты въ депар- „таментахъ получаютъ о томъ извѣщеніе; они могутъ реко- „мендовать министру кандидатуру одного изъ своихъ чле- „новъ.

„§ 9. Временныя замѣщанія (suppléances) на факультетахъ „министромъ ввѣряются состоящимъ при факультетахъ (ag- „régés) или докторамъ.

„§ 10. Назначеніе состоящихъ при факультетахъ (agrégés) „продолжаетъ производиться по конкурсу.“

Чтобы понять значеніе этихъ параграфовъ, въ которыхъ, какъ мы видимъ, началу конкурса предоставлено уже весьма скромное мѣсто (лишь для agrégés, то-есть для считающихся при факультетахъ кандидатовъ на профессорскія

раемыхъ общимъ совѣтомъ при министерствѣ; наконецъ въ совѣтъ приглашаются деканы факультетовъ съ совѣщательнымъ голосомъ по дѣламъ касающимся ихъ факультетовъ.

мѣста, приче́мъ необходимость быть *agrégé* можно обойти получениемъ докторской степени), полезно обратиться къ исторіи французскихъ узаконеній по учебной части. Возьмемъ въ руководителя лицо долгое время занимавшее видныя мѣста въ высшей учебной администраціи Франціи. Я говорю о Курно (Cournot). Въ сочиненіи его *Объ учрежденіяхъ народнаго просвѣщенія во Франціи (Des institutions d'instruction publique en France, Paris 1864)* мы находимъ слѣдующій историческій очеркъ судебъ какимъ въ разныя времена подвергалось начало конкурса, нынѣ почти лишившееся значенія во французскомъ законодательствѣ по учебной части.

„Въ университетахъ въ Средніе Вѣка мы повсюду встрѣчаемъ систему конкурса объ руку съ системой выбора сословіемъ профессоровъ, утверждаемаго властью духовною, муниципальною или туземнаго государя. Однако, несмотря на всю демократичность принципа конкурса, революціонный Конвентъ не рѣшился ввести его въ учебныхъ заведеніяхъ учрежденныхъ по его предписанію (въ училищахъ центральныхъ, санитарныхъ и пр.). Равнымъ образомъ этотъ принципъ отвергнутъ и закономъ 1го мая 1802 года объ учрежденіи спеціальныхъ школъ юридической, медицинской и другихъ поименованныхъ въ законѣ. Въ этомъ законѣ сказано что преподавателей будетъ назначать первый консулъ, избирая ихъ изъ трехъ представленныхъ ему кандидатовъ: одного представленнаго ему компетентнымъ классомъ Института, другаго общими училищными инспекторами, третьяго преподавателями училища въ которомъ оказалось вакантное мѣсто. Но два года спустя, когда традиціи опять начали превозмогать, закономъ о юридической школѣ отъ 13го марта 1804 года было постановлено что на кафедры правъ преподаватели будутъ назначаться по публичному конкурсу, въ которомъ судьями должны быть профессора, а предсѣдателями генераль-инспекторы.

„Потомъ органическимъ декретомъ 1808 года было объявлено что на кафедры и всѣхъ факультетовъ преподаватели будутъ назначаться по конкурсу; что даже для факультета богословія слѣдуетъ назначать конкурсъ, въ которомъ судьями будутъ члены этого факультета, а кандидатовъ, въ числѣ трехъ, имѣеть представлять епархіальный епископъ.

Странно видѣть что императоръ такимъ образомъ провозгласилъ принципъ конкурса, отвергнутый Конвентомъ.

„Все это было измѣнено предписаніемъ отъ 17го февраля 1815 года, коимъ объявлено что королевскій совѣтъ народнаго просвѣщенія будетъ назначать пожизненно профессоровъ факультетовъ, избирая ихъ изъ четырехъ кандидатовъ, изъ коихъ два должны быть представлены факультетомъ, и два совѣтомъ провинціального университета. Вотъ еще странность состоящая въ томъ что королевское правительство возвратилось по этому дѣлу къ системѣ Конвента.

„Послѣ событій 1815 года, училищныя власти не считали дѣйствительно отмѣненными ни органической декретъ 1808 года, ни предписаніе 17го февраля, и послѣ нѣсколькихъ колебаній по поводу пункта о которомъ идетъ рѣчь, прибѣгли наконецъ къ слѣдующей сдѣлкѣ. Конкурсъ удержанъ для факультетовъ права и медицины, а система установленная предписаніемъ 1815 года для факультетовъ точныхъ наукъ и словесности, съ легкимъ измѣненіемъ, состоявшимъ въ томъ что двумя кандидатами представленными отъ академическаго совѣта могутъ быть тѣ же лица которыя представлены факультетомъ.

„Въ 1852 году послѣдовала реакція противъ конкурсовъ и вообще противъ всего чѣмъ ограничивалось всемогущество министерства. Тогда, относительно порядка замѣщенія вакантныхъ кафедръ, факультеты права и медицины были подчинены тому же правилу какое было установлено для факультетовъ наукъ и словесности, и даже было опредѣлено что правительство можетъ назначить преподавателемъ и такое лицо которое не внесено въ списки кандидатовъ представленныхъ факультетами и академическимъ совѣтомъ.

„Эта предосторожность была кажется излишнею. Опытъ доказалъ что представительные списки не могли быть, по крайней мѣрѣ въ провинціи, ничѣмъ инымъ какъ простою формальностью. Очень скоро установилась обычай что въ случаѣ вакантной кафедры, министръ, для временнаго замѣщенія ея, высылалъ въ качествѣ лица *исполняющаго должность* преподавателя (*chargé de cours*) того самаго человека котораго онъ предназначалъ для окончательнаго занятія кафедры. Такое временное порученіе продолжается два, три года; такъ нужно для того чтобы профессорамъ повелѣтъ пришлось поставитъ на первомъ мѣстѣ въ спискѣ предста-

вляемыхъ лицъ имя человѣка котораго остается только утвердить въ должности и котораго они уже привыкли личитъ своимъ товарищемъ. Академическій совѣтъ, которому не слѣдъ перечить власти въ ея выборахъ, тѣмъ болѣе что онъ встрѣтилъ бы много помѣхъ еслибы вздумалъ провѣрить права прочихъ кандидатовъ, ему неизвѣстныхъ (по предметамъ мало для него знакомымъ), невольнo слѣдуетъ примѣру факультета. Извѣщаютъ только въ самое послѣднее время объ открытїи мнимаго конкурса; но на эти извѣщенїя дѣйствительные конкурренты, если они есть, не отзываются, зная что вопросъ уже рѣшенъ помимо ихъ; впрочемъ, случается что одинъ или два изъ молодыхъ докторовъ просятъ чтобъ имена ихъ были внесены въ списокъ на второмъ мѣстѣ, въ видѣ нѣкоторой рекомендаціи предъ властями для повышенїя въ будущее время. Ясно что тутъ нѣтъ ничего серьезнаго, да и жалѣть объ этомъ нечего, такъ какъ провинціальныя факультеты и академическіе совѣты для того чтобы сдѣлать хорошій выборъ находятся въ положенїи менѣе благоприятномъ чѣмъ министръ, могущій посоветоваться съ лицами высшаго авторитета, на которыхъ и слагается нравственная отвѣтственность за выборъ.

„Слѣдственно постановленіе закона представлять избирательныя списки сдѣлалось теперь лишь пустою и даже нѣсколько смѣшною формальностью; да притомъ оно отчасти затрудняетъ власть въ тѣхъ случаяхъ гдѣ было бы полезно предоставить ей полную свободу дѣйствїй. Такъ, напримѣръ, часто бываетъ нужно перемѣстить какого-нибудь профессора изъ одного факультета въ другой болѣе важный, или въ такой гдѣ по основательнымъ причинамъ желалось бы поручить ему должность декана; но можетъ ли онъ согласиться на такое повышенїе, если вынужденъ при этомъ обмѣнять свою должность на другую ненадежную и временную, и если для этого ему придется просить чтобы за него подали голосъ тѣ которые сами хотѣли бы получить мѣсто декана ему назначаемое?“

Никогда быть-можетъ не подымался столь рѣзкій и вмѣстѣ компетентный голосъ противъ французской системы устройства университетовъ, какъ голосъ Кузена въ его знаменитомъ *Отчетѣ о состоянїи народнаго просвѣщенїя въ Германїи (Rapport sur l'état de l'instruction publique dans quelques pays de l'Allemagne et particulièrement en Prusse,*

1832), составленномъ послѣ повѣдки въ Германію по порученію министерства. Несчастное состояніе провинціальныхъ французскихъ факультетовъ, „отдѣленныхъ одинъ отъ другаго, разсѣянныхъ и какъ бы затерянныхъ въ своемъ одиночествѣ“, въ сравненіи съ процвѣтающими университетамъ Германіи изображено имъ самыми рѣзкими чертами. Сравнивъ счастливую систему германской конкуренціи въ формѣ *privat-docentovъ* съ французскимъ конкурсомъ, онъ говоритъ: „Хотите ли вы имѣть идеаль нелѣпago устройства высшаго образованія? Вообразите себѣ что назначеніе профессоровъ дѣлается въ нѣсколько недѣль путемъ конкурса между молодыми людьми, часто не написавшими ни строчки, не преподававшими года, и которые въ концѣ нѣсколькихъ испытаній получаютъ иногда въ двадцать лѣтъ неотчуждаемое званіе, которое могутъ сохранить до семитесяти лѣтъ, ничего не дѣлая, которые съ перваго дня назначенія до конца жизни получаютъ то же содержаніе, много ли, мало ли у нихъ учениковъ, отличаются ли они или не отличаются, прозябаютъ ли въ забвеніи или становятся знаменитыми людьми. И между тѣмъ именно такую организацію встрѣчаемъ въ образованной странѣ, рядомъ съ Германіей, и удивительное дѣло! система эта тамъ поддерживается не столько властію сколько ложнымъ общественнымъ мнѣніемъ: до такой степени что семь или восемь мѣсяцевъ тому назадъ гг. Брюсе и Мажанди, европейскія знаменитости, послѣ двадцати лѣтъ успѣшнаго преподаванія, принуждены были для полученія званія профессора идти на конкурсъ съ дѣтьми которыя можетъ-быть не успѣли еще дочестъ сочиненій написанныхъ этими славными людьми.“

Въ заключеніе скажу два слова объ англійскихъ учрежденіяхъ. Они слишкомъ своеобразны чтобы служить предметомъ подражанія и даже сравненія. Нити управленія англійскихъ университетовъ находятся главнымъ образомъ въ рукахъ, по выраженію Губера, коллегіальной олигархіи, то-есть собранія начальниковъ отдѣльныхъ коллегій (*heads of colleges*), изъ которыхъ слагается университетъ. Профессоры какъ таковые не суть главные представители университетовъ, какъ профессоры на материкѣ, и въ управленіи коллегіями не участвуютъ. Посѣщеніе ихъ немногочисленныхъ лекцій скорѣе формальность чѣмъ существенное требованіе отъ студентовъ. Такъ по крайней мѣрѣ было до послѣдняго

времени. Порядокъ и условія назначенія и содержанія чрезвычайно разнообразны, смотря по тому правительствомъ ли основана и содержится кафедра, или самимъ университетомъ, или частными жертвователями, такъ что одна профессура не похожа на другую. Все опредѣляется отчасти волей основателей, отчасти особыми статутами. Вообще способъ назначенія профессоровъ въ старыхъ англійскихъ университетахъ приводится къ четыремъ системамъ (Demogeot et Montucci, *De l'enseignement superier en Angleterre*, 1870, Paris, стр. 111): назначеніе общимъ собраніемъ университета (*convocation*, на участіе въ которомъ имѣетъ право всякій докторъ и магистръ университета), болѣе тѣснымъ собраніемъ тѣхъ или другихъ членовъ университета, въ университетскими избирателями, правительствомъ (а именно первымъ министромъ). Изъ всѣхъ формъ избранія худшею по общему признанію считается первая. Второй способъ, говорятъ Деможо и Монтуччи, отдающій избраніе въ руки небольшого числа университетскихъ дѣятелей (или настоящихъ членовъ университета, или докторовъ и магистровъ опредѣленнаго факультета, или директоровъ коллегіи), не болѣе перваго удовлетворителенъ. Это опять собраніе, хотя и болѣе ограниченное, можетъ-быть болѣе свѣдущее, но, съ другой стороны, болѣе доступное вліяніямъ камарадеріи, болѣе пристрастное. "По замѣчанію Марка Паттисона, мелкія интриги и личные раздоры, бичъ не одного, а всѣхъ университетовъ, дѣлаютъ то что невозможно довѣрить членамъ университета выборъ ихъ товарищей одинаковаго съ ними ранга." Назначеніе на нѣкоторыя кафедры принадлежитъ архіепископу Кантерберійскому, лорду-канцлеру, президенту Лондонскаго Королевскаго Общества, Коллегіи Медиковъ и т. д. Коммиссія 1852 года изслѣдовавшая состояніе англійскихъ университетовъ отдаетъ этой системѣ преимущество предъ двумя первыми. Наконецъ, послѣдняя система имѣетъ то неудобство что соображенія чисто политическаго свойства могутъ имѣть вліяніе на выборъ министра, зависящаго отъ парламентскаго большинства. Но вообще, замѣчаютъ Деможо и Монтуччи, выборы сдѣланные правительствомъ доселѣ оказывались самыми безпристрастными и лучшими.

XVII.

Какъ произошли параграфы нынѣ дѣйствующаго университетскаго устава коими опредѣляется порядокъ назначенія профессоровъ? Не безынтересно прослѣдить исторически тѣ фазы чрезъ которыя прошла ихъ редакція въ различныхъ университетскихъ уставахъ и проектахъ уставовъ со времени учрежденія министерства просвѣщенія и основанія, въ царствованіе Александра I, университетовъ въ различныхъ мѣстностяхъ Русскаго государства. Первый изъ нихъ былъ Дерптскій, „Актъ постановленія“ котораго подписанъ 12го декабря 1802 года. „Этотъ Актъ“, говорилъ профессоръ Парротъ, чьи совѣты по вопросу объ учрежденіи Дерптскаго университета имѣли особенное вліяніе въ правительственныхъ сферахъ (Rede bei Gelegenheit der Publication der Statuten der Universität am 21 September 1803, стр. 7), „былъ фундаментомъ и капитальною стѣною зданія, внутреннее раздѣленіе коего требовало новой работы. Законы для внутренней организаціи, ближайшее опредѣленіе всѣхъ старыхъ и новыхъ отношеній заведенія, спеціальныя законы для учащихся еще не существовали. Совѣтъ университета получалъ почетное порученіе, какое могло быть возложено на него лишь въ силу высшаго довѣрія, — порученіе самому начертить всѣ эти законы. Императорское высшее учебное управленіе въ Петербургѣ, неустанно подъ глазами монарха продолжающее, вмѣстѣ со своимъ достойнымъ начальникомъ, свои важныя труды, разсмотрѣло ихъ. При такомъ важномъ разсмотрѣніи университетская депутація удостоилась чести засѣдать въ этомъ высшемъ совѣтѣ народнаго просвѣщенія. Работа была представлена на утвержденіе поистинѣ просвѣщеннаго монарха. Онъ утвердилъ ее.“ Уставъ былъ подписанъ 12го сентября 1803 года. Уставъ этотъ, въ главныхъ чертахъ, былъ составленъ по образцу германскихъ университетовъ, съ предоставленіемъ ученой дерптской корпораціи, по нѣкоторымъ пунктамъ, правъ болѣе значительныхъ чѣмъ какими пользовались въ ту же эпоху университетскія корпораціи въ самой Германіи. Все относящееся къ ученой и учебной части было поставлено внѣ прямого вліянія правительственной власти, охотно, сколько можно судить, слагавшей съ себя,

въ своей некомпетентности, заботы по этой части. Право избранія профессоровъ, съ утвержденіемъ министромъ, сосредоточивалось въ совѣтъ университета (Denominationsrecht). О правѣ непосредственнаго назначенія правительствомъ не упоминается. Послѣдовавшіе затѣмъ уставы русскихъ университетовъ (1804 года) составились по образцу Дерптскаго. Это обстоятельство имѣетъ важное значеніе. Благодаря ему, германское устройство университетовъ легло въ основу и нашихъ учрежденій этого рода. Параграфы объ избраніи профессоровъ были, въ главныхъ чертахъ, также заимствованы изъ Дерптскаго устава, съ тѣмъ различіемъ что предложеніе кандидатовъ предоставлено членамъ факультета, а не всемъ членамъ совѣта. Самая процедура избранія изложена менѣе точно и ясно. Вотъ эти параграфы:

§ 60. Когда мѣсто профессора сдѣлается праздно, то каждый профессоръ того отдѣленія къ которому онъ принадлежалъ, не ранѣе какъ спустя мѣсяць, представляетъ ректору имя кандидата коего почитаетъ достойнымъ занять оное, сочиненія его, ежели кандидатъ внѣ Россіи или не въ Москвѣ находится, и причины служащія основаніемъ къ представленію. Поданныя членами представленія читаются въ общемъ собраніи и хранятся въ совѣтѣ. Ежели кандидатъ находится въ Москвѣ,* то обязанъ самъ представить совѣту свои сочиненія, общее разсужденіе о наукѣ о которой идетъ рѣчь, о предметахъ оной, о ея пространствѣ, успѣхахъ, о настоящемъ ея состояніи, удобнѣйшемъ способѣ преподавать оную и разныхъ писателей лучшимъ образомъ объяснявшихъ относящіяся къ ней предметы.

§ 61. Совѣтъ на разсмотрѣніе сочиненій и на собраніе свѣдѣній о нравственности кандидата опредѣляетъ довольное время; по прошествіи онаго, ректоръ назначаетъ чрезвычайное собраніе для выбора. Совѣтъ объ избранномъ предварительно представляетъ полечителю и ожидаетъ утвержденія министра народнаго просвѣщенія.

§ 62. Тотъ же порядокъ наблюдается при избраніи адъюнктовъ. Природные Россіяне, нужные знанія и качества чужестранцы, должны быть предпочтены чужестраннымъ."

На практикѣ эти параграфы имѣли весьма ограниченное значеніе, и какъ не трудно прослѣдить, на примѣръ, въ исторіи Московскаго Университета, всѣ важнѣйшія замѣненія профессорскихъ кафедръ дѣлались не тѣмъ путемъ какой

* Параграфъ взятъ изъ устава Московскаго университета. Въ уставѣ Харьковскаго и Казанскаго университетовъ стоитъ Харьковъ и Казань.

указывался уставомъ. Уставъ 1804 года засталъ Московскій Университетъ только-что обновленнымъ призывомъ иностранныхъ профессоровъ приглашенныхъ знаменитымъ въ свое время попечителемъ, М. Н. Муравьевымъ, принимавшимъ къ сердцу интересы университета. Въ числѣ призванныхъ, — большею частію по рекомендаціи геттингенскаго профессора Мейнера, — были Иде, Рейсъ, Рейнгардъ, Гофманъ, Фатеръ, Буле, Гольдбахъ. „Маттеу“, говоритъ Шевыревъ въ своей *Истории*, „съ 1772 до 1784 года, въ теченіе 12 лѣтъ, уже дѣйствовавшій въ университетѣ и принесшій такія важныя услуги древней филологіи своими открытіями въ Синодальной бібліотекѣ и своими изданіями, возвращаясь въ Москву на знакомое мѣсто, исполненный надеждъ на покровительство и сочувствіе попечителя, который былъ самъ отличнымъ знатокомъ древнихъ языковъ“. Кромѣ призванія иностранныхъ ученыхъ, преподававшихъ на французскомъ, нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ, другой господствовавшій способъ пополненія университетовъ былъ тотъ же къ которому и въ послѣдствіи неоднократно прибѣгали съ большою пользою, а именно посылка за границу. Шевыревъ, въ *Истории Московскаго Университета*, приводитъ изъ записокъ Муравьева черновыя замѣтки свидѣтельствующія о заботахъ попечителя образовать достойный личный составъ во ввѣренномъ ему университетѣ. Муравьевъ перечисляетъ лица которыя онъ имѣлъ въ виду для занятія кафедръ и изъ коихъ большинство дѣйствительно сдѣлались полезными преподавателями. „Иначе нельзя, говоритъ онъ, завести своихъ профессоровъ какъ посылая ихъ въ чужіе края чтобъ они выучились тамъ своимъ правамъ, трудолюбію и должностямъ.“ Въ замѣткѣ встрѣчаемъ имена Грузинова, Чеботарева-Мерзлякова, Волкова, Двигубскаго, Тимковскаго, Болдырева, Мудрова, Цвѣтаева и другихъ. Когда Двигубскій прислалъ попечителю отчетъ о занятіяхъ, Муравьевъ „послалъ молодому ученому въ чужіе края званіе экстра-ординарнаго профессора, которое умножило средства его жизни, и по возвращеніи его въ 1806 году возвелъ его на ординарную кафедру... Мудрову, жившему въ Парижѣ домашнимъ докторомъ у княгини Прасковьи Андреевны Голицыной, послалъ также со званіемъ экстра-ординарнаго профессора и новыя средства для занятій“ (Шевыревъ, стр. 34). Иногда профессора назна-

чались именными указами. Такъ назначенъ былъ, напримѣръ, профессоръ математики Суворовъ, отъ 2го юля 1810 года.

Бывали, наконецъ, случаи совершенно исключительнаго назначенія. Когда знаменитый анатомъ лейбъ-медикъ Лодеръ продалъ въ 1818 году свой кабинетъ Московскому Университету, онъ предложилъ вмѣстѣ съ тѣмъ безвозмездно преподавать анатомію. Это было принято съ благодарностью высшимъ начальствомъ, послѣдовало Высочайшее соизволеніе, и Лодеръ вступилъ въ университетъ лицомъ вполнѣ независимымъ, устроивъ замѣчательный по тому времени анатомическій театръ. Въ послѣдствіи онъ выговорилъ себѣ право экзаминовать. Сколько можно судить по официальнымъ документамъ, отношенія его къ факультету и совѣту были весьма натянутыми. Лодеръ держалъ себя гордо; университетъ тяготился исключительностію его положенія. Въ 1826 году, мелкія неспрiятности по случаю занятій безъ его спросу, по распоряженію совѣта, одной комнаты при анатомическомъ театрѣ для доктора Смѣльскаго, побудили его къ настойчивому заявленію своихъ правъ попечителю, ловидимому, дѣйствовавшему также противъ него, и хотя дѣло уладилось, но едва ли не было одною изъ причинъ побудившихъ было Лодера сложить съ себя преподаваніе. По сношеніи съ министромъ, которому государь поручилъ уговорить Лодера не прекращать своихъ полезныхъ занятій при университетѣ, Лодеръ взялъ, впрочемъ, назадъ свое рѣшеніе. Въ докладной запискѣ государь написалъ „объявить Лодеру спасибо“.

Мнѣ случилось имѣть подъ руками совѣтскіе протоколы Московскаго Университета за 1826 годъ. Въ краткомъ изложеніи одного этого года можно указать цѣлый рядъ назначеній состоявшихся по распоряженію или подъ непосредственнымъ вліяніемъ власти, и ни одного случая приложенія §§ 60, 61, 62 устава. Общее впечатлѣніе выносимое изъ чтенія далеко не гармонируетъ съ картиной процвѣтанія автономіи, а скорѣе возбуждаетъ представленіе о маленькомъ міркѣ мелкихъ внутреннихъ интригъ разрѣшаемыхъ болѣе или менѣе удачнымъ обращеніемъ ко власти или ея собственнымъ внимательствомъ. Ограничусь указаніемъ нѣсколькихъ случаевъ назначенія. Въ засѣданіи 28го юня читано предложеніе попечителя (генераль-майора Писарева) о назначеніи профессора Бекетова на кафедрѣ политической экономіи. „Ординарный профессоръ Шлецеръ,“ сказано въ протоколѣ,

„рекомендовалъ ему, г. попечителю, на упразднившуюся послѣ него каѳедру политической экономіи г. профессора Бекетова. Письмо г. Шлецера по сему предмету представилъ онъ его высокопревосходительству г. министру народнаго просвѣщенія и получилъ отъ него отвѣтъ что онъ согласенъ на перемѣщеніе означеннаго ординарнаго профессора Бекетова на каѳедру политической экономіи, слѣдующую праздною за увольненіемъ профессора по сей части.“ Въ томъ же засѣданіи попечитель препроводилъ прошеніе на его имя отъ доктора Эйбродта, который просилъ объ опредѣленіи его на службу при университетѣ. Совѣтъ отвѣтилъ что по немѣннѣю празднаго адъюнктскаго мѣста не можетъ поставить никакого рѣшенія по просьбѣ г. Эйбродта. Въ засѣданіи 18го августа получено предложеніе попечителя „принять въ дѣйствительную службу при университетѣ доктора медицины Эйбродта, согласно его желанію. Опредѣлено: Сообщить правленію университета чтобъ оно благоволило доктора Эйбродта числить въ дѣйствительной службѣ при университетѣ, приведши къ присягѣ, а врачебному отдѣленію (сообщить) для свѣдѣнія.“ Въ октябрѣ послѣдовало распоряженіе министра объ утвержденіи Эйбродта адъюнктомъ анатоміи безъ жалованья. Такое назначеніе адъюнктовъ по уставу подлежащихъ той же процедурѣ избранія какъ и профессора, было явленіемъ самымъ обычнымъ (одновременно съ Эйбродтомъ назначенъ Терновскій). И вообще лица искавшія профессорскихъ мѣстъ обращались обыкновенно съ прошеніями къ попечителю, какъ видно, напримѣръ, изъ препроводеннаго попечителемъ въ совѣтъ, для справки о занятяхъ, прошенія адъюкта Фишера, искавшаго каѳедры ботаники. Въ засѣданіи 13го октября „вслѣдствіе предложенія г. попечителя происходила баллотировка адъюкта Мягкова въ экстра-ординарные профессора“. Назначеніе профессора Давыдова (по упраздненіи открытой было каѳедры философіи назначеннаго инспекторомъ Благороднаго Пансіона) на каѳедру математики произошло слѣдующимъ образомъ. Министръ просвѣщенія бумагой отъ 2го августа 1826 года сообщилъ попечителю что „государь императоръ соизволилъ уволить ординарнаго профессора Давыдова отъ занимаемой имъ должности инспектора Благороднаго Пансіона съ назначеніемъ на его мѣсто ординарнаго профессора Павлова, а какъ каѳедра философіи закрыта, предоставить на выборъ

университетскаго совѣта назначить профессору Давыдову другую кафедру по способностямъ.“ Совѣтъ былъ поставленъ въ затрудненіе, такъ какъ ни одной вакантной кафедры не было, и донесъ объ этомъ обстоятельстве на благоусмотрѣніе начальства, присовокупивъ что „способности Давыдова известны совѣту въ латинской и греческой словесности, которая онъ доказалъ преподаваніемъ сихъ предметовъ въ Университетѣ, равно и въ чистой математикѣ, которой высшія части преподавалъ въ Благородномъ Университетскомъ Пансіонѣ и издалъ для классовъ высшую алгебру и интегральное и варіаціонное исчисленіе Франкёра.“ Попечитель нашелъ полезнымъ поручить Давыдову преподаваніе математики, и на представленіе его послѣдовало разрѣшеніе министра. Но математическій факультетъ сталъ дѣлать затрудненія. Профессоръ Щелкинъ и адъюнкты Кацауровъ раздѣлили преподаваніе такъ что Давыдову ничего не осталось, и ему было предложено совѣтомъ заняться изданіемъ твореній кого-нибудь изъ классиковъ. Обиженный Давыдовъ подалъ въ совѣтъ прошеніе которое просилъ довести до высшаго начальства. Совѣтъ отклонилъ прошеніе, предоставляя Давыдову самому обратиться къ начальству. Попечитель повидимому принялъ сторону Университета. Но скоро послѣдовала строгая бумага министра, заключавшая въ себѣ косвенный выговоръ попечителю и предписаніе немедленно поручить Давыдову преподаваніе математики.

Полагаю приведенныхъ фактовъ достаточно чтобы дать понятіе о томъ какъ дѣйствовалъ на практикѣ уставъ 1804 года. Предоставляю читателямъ судить насколько правы тѣ изъ моихъ противниковъ которые въ злохѣ дѣйствія устава 1804 года видятъ по отношенію къ избранію профессоровъ золотой вѣкъ университетскаго самоуправленія. Что такъ повѣствуютъ мои противники—это не важно. Но не лишено въ котораго значенія что въ что подобное повѣствуется въ официальной *Объяснительной запискѣ* сопровождавшей въ 1862 году проектъ университетскаго устава. Этотъ документъ во многихъ отношеніяхъ заслуживаетъ вниманія. Онъ лучше чѣмъ что-либо можетъ дать понятіе объ общемъ тонѣ господствовавшемъ въ сферахъ гдѣ, въ шестидесятыхъ годахъ, вырабатывалось новое положеніе для русскихъ университетовъ, и рѣзко свидѣтельствуетъ о преобладаніи фразы соединяющей съ замѣтнымъ отсутствіемъ практической основа-

тельности. Не странно ли, напริมѣръ, встрѣтить въ официальной запискѣ повѣствованіе о томъ будто бы совершившійся *въ юнѣ* 1819 года разгромъ Казанскаго университета былъ слѣдствіемъ событій въ Германіи, гдѣ „слѣдую постановленіямъ Франкфуртскаго союзнаго сейма *отъ 2го сентября* 1819 года правительства обратили самое дѣятельное вниманіе на университеты заподозрѣнные въ распространеніи ложныхъ идей“. Чтобъ указать господство фразы приведу на выдежку два мѣста. Предполагается точно опредѣлить предѣлы попочетельской власти, и проектируются параграфы ничего не опредѣляющіе. Но составители того не замѣчаютъ. Они довольны что „власть попочетеля, по смыслу проекта общаго устава, отъ настоящаго своего матеріальнаго и механическаго значенія простой команды возвышается до высокаго нравственнаго положенія защитника законности и ходатая совѣта въ тѣхъ случаяхъ когда новая жизнь выступитъ съ новыми идеями ищущими законнаго пути для своего признанія и осуществленія.“ Какой смыслъ заключаетъ въ себѣ, и заключаетъ ли какой-либо, эта красивая фраза о новой жизни ищущей законныхъ путей и безъ помощи попочетеля на нихъ не попадающая? И старая и новая жизнь университетовъ, полагаю, въ ихъ научной дѣятельности, а не въ событіяхъ ихъ административно-канцелярской исторіи, въ которой для составителей объяснительной записки, по видимому, вся суть и душа университета. Предвидя наступленіе золотого вѣка для университетовъ со введеніемъ новаго устава, составители записки говорятъ: „До сихъ поръ университеты дѣлались тѣмъ чѣмъ ихъ дѣлали попочетели, и правительство знало ихъ также такими какими ихъ ему представляли попочетели. Въ первый разъ самостоятельный университетъ можетъ слѣлаться тѣмъ что онъ есть и чѣмъ должны его слѣлать люди пользующіеся довѣріемъ и уваженіемъ, для которыхъ репутація университета есть ихъ личное дѣло; съ другой стороны, и правительство въ первый разъ подучитъ предметъ для наблюденія, потому что университетъ будетъ жить среди бѣлаго дня, а не въ запертой канцеляріи попочетеля. Всякое отступленіе отъ устава или неправильное его толкованіе оставливается властію попочетеля подъ личною его отвѣтственностію предъ министромъ и потому остается безъ послѣдствій; слѣдовательно совѣту университета предоставле-

„а вся свобода исполнять законъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отягача у него всякая возможность къ его нарушенію.“

Слогъ есть человѣкъ, сказалъ Бюффонъ. Приведенные отрывки — любопытные образчики официальныхъ приемовъ въ эпоху когда ликующія канцеляріи считали себя лабораторіями прогресса.

Но возвратимся къ очерку судебъ устава 1804 года.

Въ Харьковѣ, въ 1826 году, по представленію полечителя, по черкомъ лера было совѣмъ отиѣнено дѣйствіе устава по отношенію къ выбору профессоровъ. Докладывая государю объ этомъ представленіи, министръ просвѣщенія писалъ: „Полечитель Харьковскаго учебнаго округа представляетъ мнѣ, что уставомъ сего университета право избранія въ профессоры и адъюнкты предоставлено совѣту университета, состоящему изъ однихъ ординарныхъ профессоровъ. Судя по долу дѣлъ сего университета въ прежнія времена и по настоящему оныхъ положенію, полечитель находитъ что недостатокъ въ отличныхъ профессорахъ и значительное число, особенно въ послѣдніе годы, праздныхъ кафедръ, болѣе всего приписать должно сказанному праву совѣта. Очевидныя выгоды въ семъ случаѣ для состоящихъ на лицо профессоровъ какъ по присутственнымъ университетскимъ уставамъ, такъ и по занятію непринлежащихъ имъ кафедръ, заставляютъ ихъ слушкомъ мало заботиться о приумноженіи своихъ сочленовъ. Полечитель, желая по возможности исправить столь ощутительный недостатокъ въ Харьковскомъ университетѣ, не находитъ другихъ къ тому средствъ какъ просить меня исходатайствовать у Вашего Императорскаго Величества соизволеніе, дабы ему впредь до окончательнаго составленія комитетомъ въ 14й день мая Высочайше утвержденнымъ новаго устава для университетовъ, позволено было, по его усмотрѣнію, приглашать и определять, съ утвержденія моего, какъ профессоровъ, такъ и адъюнктовъ въ Харьковскій университетъ.“ Соизволеніе издѣлавалось.

Параграфы устава предоставлявшіе университетамъ право исключительнаго самопополненія серьезно дѣйствовали лишь въ Дерптѣ. Право это было сохранено за Дерптскимъ университетомъ и при пересмотрѣ его устава въ 1820 году, а лишь включенъ новый параграфъ, какъ надо полагать, въ исключительные случаи злоупотребленій бывавшихъ при избраніи

яхъ. Въ этомъ параграфѣ (§ 32) значится: „Никто не можетъ быть предлагаемъ къ выбору въ профессора на публичную кафедру сего университета, если прежде не занималъ профессорской кафедры или не извѣстекъ своими сочиненіями о предметѣ имѣющемъ съ оною ближайшую связь“.

Мысль о новомъ уставѣ возникла изъ сознанія что университеты находятся въ упадкѣ. С. С. Уваровъ въ бытность товарищемъ министра просвѣщенія осматривалъ въ 1832 году подробно Московскій университетъ именно съ цѣлью присканія мѣръ для возстановленія его разваливъ. „Въ Москвѣ“, говоритъ онъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ, „дѣло университета есть дѣло общее, оно составляетъ безпрерывно главный предметъ всѣхъ наблюденій, всѣхъ разговоровъ. Всѣ принимаютъ болѣе или менѣе участія въ немъ; всѣмъ онъ близокъ къ сердцу. Оттуда и не трудно постигнуть въ какой мѣрѣ цѣнятся пожеланія правительства, особенно милостивое воззрѣніе Монарха; но и не трудно также постигнуть съ какимъ тщаніемъ, съ какою осмотрительностью, съ какимъ сочетаніемъ кротости съ твердостью слѣдуетъ приступить къ трудному и многосложному дѣлу возстановленія Московскаго университета изъ-подъ разваливъ его тяготящихся.“

Новый уставъ, заготовлявшійся нѣсколько лѣтъ, вышелъ въ 1835 году. Право избранія сохранено за университетами, но вмѣстѣ съ тѣмъ министру предоставлено, когда найдетъ полезнымъ, назначать профессоровъ и по собственному усмотрѣнію изъ лицъ имѣющихъ требуемая закономъ степени. Право это въ слѣдующемъ году было распространено и на Дерптскій университетъ. Какъ извѣстно, знаменитый въ исторіи учебнаго управленія въ Россіи министръ Уваровъ разумно пользовался предоставленнымъ ему правомъ, и назначеніямъ его, а также заботливости о приглашеніи талантливыхъ профессоровъ полечителемъ Московскаго округа графомъ Строгановымъ, университеты наши много обязаны своимъ обновленіемъ.

XVIII.

Въ 1861 году было приступлено къ пересмотру устава 1835 года. Пересмотръ дѣлался въ комиссіи подъ предсѣдательствомъ полечителя Дерптскаго учебнаго округа фонъ-Бранке изъ полечителей другихъ округовъ и вызванныхъ министромъ

стерствомъ профессоровъ Бунге, Ленца, Никитенка, Соловьева, Бабста, Пахмана, Овсянникова и фонъ-Эттингена. Составленный въ комиссию проектъ новаго устава былъ разосланъ для предварительнаго разсмотрѣнiя въ университетскiе совѣты и къ нѣкоторымъ лицамъ въ Россiи и за границею. Въ проектѣ, параграфы объ избранiи профессоровъ были почти *безъ измѣненiя* перенесены изъ устава 1835 года. Вотъ эти параграфы въ томъ видѣ какъ они были предъ глазами учрежденiй и лицъ къ которымъ былъ посланъ проектъ:

„§ 76 При открывающейся вакансиі преподавателя, факультетъ представляетъ совѣту о лицѣ избранномъ на эту каѣдру, а равно и каждый членъ совѣта въ правѣ предложить * и своего кандидата, съ письменнымъ изложенiемъ побудившихъ его къ тому причинъ. Кандидаты вносятся въ особую книгу и не ранѣе какъ чрезъ семь дней баллотироваться порознь.

„§ 77. Если совѣтъ не имѣетъ въ виду кандидата достойнаго занять открывшееся мѣсто преподавателя, то объявляетъ конкурсъ.

„§ 78 Профессоры ** утверждаются министромъ, которому притомъ предоставляется право и по собственному своему усмотрѣнiю назначать въ профессоры на вакантныя каѣдры людей отличныхъ ученостiю и даромъ преподаванiя и имеющихъ требуемыя ученые стелени.“

Какія мнѣнiя были высказаны по поводу этихъ параграфовъ, и что побудило измѣнить ихъ въ окончательной редакциі устава? Мнѣнiя эти можно раздѣлить на двѣ группы: мнѣнiя иностранныхъ ученыхъ, а именно трехъ высококомпетентныхъ судей по университетскимъ вопросамъ: Роберта фонъ-Моля, Рошера и Вехтера, и мнѣнiя отечественныхъ учреждений и лицъ. Мнѣнiя иностранныхъ ученыхъ,

* Въ уставѣ 1835 года упомянуты и адъюнкты. Постановленiя о лицензiяхъ, замѣняющихъ адъюнктовъ, въ проектѣ 1861 года не вполнѣ ясны. Изъ сопоставленiя относящихся къ нимъ параграфовъ можно заключить что преподавалось избирать доцентовъ, раздѣлявшихся на старшихъ и младшихъ, совѣтомъ съ утвержденiя полечилъ, на три года, съ перебаллотировкой по истеченiи этого срока, и въ то же время, несмотря на такое непрочное положенiе, съ права голоса въ факультетѣ если доцентомъ занимается отдѣльная кафедра.

** Въ уставѣ 1835 года не упоминалось отдѣльно о факультетѣ, а часто было сказано „каждый профессоръ въ правѣ предложить“.

какъ не трудно прослѣдить, не имѣли никакого вліянія на новую редакцію параграфовъ. О мнѣніяхъ этихъ не упоминается въ журналахъ ученаго комитета, гдѣ дѣлался сводъ мнѣній и выработывалась новая редакція проекта (быть-можетъ мнѣнія иностранныхъ ученыхъ въ эпоху этихъ работъ не были еще доставлены, но и послѣ они остались безъ замѣтнаго слѣда, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мелочей, такъ что вся посылка проектовъ за границу на дѣлѣ осталась простымъ ларадомъ). Всѣ трое упомянутыхъ ученыхъ одобрили принципъ участія правительственной власти въ дѣлѣ выбора профессоровъ и высказались самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ начала самопополненія. „Непосредственное въ извѣстныхъ исключительныхъ случаяхъ назначеніе профессора министромъ, говоритъ Робертъ фонъ-Моль, есть важное средство въ томъ смыслѣ что предотвращаетъ для собственной пользы университета разныя пристрастныя рѣшенія; съ другой стороны, это право, предоставленное высшей власти, даетъ возможность снабдить университетскую корпорацію, принявшую ложное направленіе, новыми здоровыми силами. Изъ-за безусловнаго права самопополненія погибали не только политическія корпораціи, но и сами университеты.“ „Неограниченное право выбора, говоритъ въ свою очередь Рошеръ, представляетъ самый вѣрный путь во всѣхъ замкнуто-организованныхъ обществахъ къ развитію односторонности, задержанію прогресса и особенно къ усиленію духа касты. Поэтому, по моему мнѣнію, факультетамъ не слѣдуетъ предоставлять ни безусловнаго права выбора профессоровъ, ни безусловнаго veto: то и другое тѣмъ менѣе можетъ быть допущено, чѣмъ малочисленнѣе факультетъ.“ По мнѣнію Рошера и Вехтера, избраніе должно сосредоточиваться главнымъ образомъ въ факультетѣ къ которому принадлежитъ кафедра, а не въ совѣтѣ. „Соединеніе между факультетомъ и совѣтомъ, предполагаемое въ § 76“, говоритъ Рошеръ, „я считаю за иллюзію: совѣтъ почти всегда будетъ согласенъ съ рѣшеніемъ факультета, ближе знакомаго съ дѣломъ и принимающаго въ немъ болѣе живое участіе. Замаскированное же, скрытое вліяніе въ жизни всегда менѣе полезно, а въ извѣстныхъ спорныхъ случаяхъ гораздо вреднѣе чѣмъ открытое которое можетъ подвергаться отвѣтственности.“ „Что факультетъ, замѣчаетъ въ свою очередь Вехтеръ, при открытіи вакансіи университетскаго преподавателя, предлага-

еть совѣту о ея замѣщеніи, какъ определено § 76, это вполнѣ правильно. Напротивъ, предоставленное совѣту, въ этомъ случаѣ, право выбора, во многихъ отношеніяхъ, сомнительно. Именно §§ 76, 78 и л. 2 § 35 предоставляютъ совѣту назначать лицо которому должно быть передано открывшееся вакантное преподавательское мѣсто, съ утвержденія министерства. Это такъ-называемое право непосредственнаго назначенія (*Denominationsrecht*), существовавшее прежде въ большей части германскихъ университетовъ. Но въ новѣйшее время оно совершенно отмѣнено, потому что встрѣчались поразительныя доказательства вреда отъ него происходящаго. При такомъ правѣ совѣта на восполненіе своего собственнаго состава очень легко могутъ проявлять свое вліяніе руководяція побужденія совершенно чуждыя интересамъ самого дѣла; съ другой стороны, для университета очень важно чтобы при замѣщеніи каждаго преподавательскаго мѣста предварительно выслушивались мнѣнія его ординарныхъ сочленовъ, то-есть чтобы факультеты, до которыхъ дѣло касается ближайшимъ и главнѣйшимъ образомъ, дѣлали объ этомъ предложенія и представляли ихъ совѣту, который, по разсмотрѣніи и обсужденіи ихъ, представлялъ бы свое заключеніе, при мнѣніи факультета, на рѣшеніе министерства.“

Чтобы министерскія назначенія не упразднили совсѣмъ участія университетовъ въ избраніи преподавателей, и въ предупрежденіи „всякихъ непріязненныхъ столкновеній министерства съ факультетами въ подобныхъ вопросахъ“, Ротшильдъ считаетъ полезнымъ чтобы министерство не назначало отъ себя профессоровъ не получивъ предварительнаго представленія отъ факультетовъ, и въ случаѣ если найдетъ представляемыхъ кандидатовъ неудовлетворительными спрашивало объясненія почему представлены такіе кандидаты. Нѣчто подобное высказываетъ и Робертъ фонъ-Моль, желая чтобы министръ въ случаѣ несогласія съ представленіемъ университета указывалъ „основанія по которымъ не утверждаетъ сдѣланнаго выбора и назначая своего кандидата объяснял почему онъ его предпочитаетъ“. Высказавъ эту мысль Робертъ фонъ-Моль впрочемъ немедленно же отказывается отъ возможности примѣненія на дѣлѣ подобной мѣры, непрактичность которой очевидна, и соглашаясь что такіа объясненія мотавовъ не представили бы достаточныхъ гарантій, при-

бавляетъ: „а главное—неосуществимы на дѣлѣ“. Оласемія почтенныхъ ученыхъ были вполне естественны если принять въ соображеніе то понятіе о нашихъ порядкахъ какое они должны были имѣть (Роберта фонъ-Моля въ особенности смущало назначеніе военныхъ на должности по учебному вѣдомству), не предчувствуя, конечно, что начало самозакланія власти, то-есть самоустраненія тамъ гдѣ требуется полезное содѣйствіе, покажется у насъ особенно соответствующимъ духу времени и требованіямъ просвѣщенно-либеральнаго направленія.

Прибавимъ что Робертъ фонъ-Моль весьма рѣшительно высказался противъ тайной подачи голосовъ при избраніи профессоровъ. „Не даетъ ли, говоритъ онъ, закрытая баллотировка не совсѣмъ честнымъ людямъ возможности слѣдовать личному своекорыстному убѣжденію, котораго бы открыто высказать они не посмѣли? Во всякомъ случаѣ, вредъ отъ закрытой баллотировки можетъ быть тотъ что путемъ ея недобросовѣстные люди очень легко могутъ прибѣгнуть къ тайнымъ несправедливостямъ и другимъ подобнымъ отступленіямъ отъ своихъ обязанностей. Крімъ того для высшаго начальства не только важно знать сколько голосовъ высказалось въ пользу извѣстнаго кандидата, но, въ особенности, *какія лица* подали за него свой голосъ. Наконецъ, не слѣдуетъ забывать и того что, при закрытой баллотировкѣ лишутся только имена, а не высказываются ни побудительныя причины, ни дѣльныя основанія, вслѣдствіе которыхъ избирающій пашетъ то или другое имя. По всѣмъ этимъ причинамъ, мы, ради общей пользы, отдаемъ полное предпочтеніе открытому избранію.“

Мнѣнія отечественныхъ учрежденій о назначеніи профессоровъ раздѣляются, по классификаціи лица составлявшаго сводъ этихъ мнѣній, на три разряда: „1) одни желаютъ чтобы прерогатива министра была признана за нимъ безусловно; 2) другіе безусловно ее отрицаютъ; 3) по мнѣнію третьихъ прерогатива должна быть присвоена министру какъ изъятіе изъ общаго правила только въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ случаяхъ.“ Къ послѣднему мнѣнію склонялся и составитель свода, предложившій такую редакцію спорнаго параграфа:

„§ 78. Профессоры утверждаются министромъ, которому предоставлено и по собственному своему усмотрѣнію назна-

чать на вакантныя кафедры людей отличныхъ ученостію и даромъ преподаванія и имѣющихъ требуемыя ученые степеня, если по истеченіи одного года со времени открытія вакантнаго мѣста совѣтъ не представитъ своего кандидата.

Примѣчаніе. Молодые люди отправляемые по непосредственному распоряженію министерства за границу, для приготовления себя къ профессорскому званію, распределяются между университетами по усмотрѣнію министра.*

Параграфъ вновь былъ передѣланъ въ окончательномъ проектѣ, внесенномъ въ Государственный Совѣтъ и напечатанномъ въ 1862 году, подъ заглавіемъ: *Проектъ общаго устава Императорскихъ Россійскихъ университетовъ*, съ присоединеніемъ замѣчаній къ параграфамъ и объяснительной записки. Примѣчаніе было отброшено и замѣнено внесенными въ текстъ слѣдующими словами: „Сверхъ того министръ можетъ во всякое время назначать сверхштатныхъ профессоровъ изъ лицъ удовлетворяющихъ условіямъ требуемымъ отъ профессора, съ назначеніемъ имъ особаго содержанія изъ суммъ министерства.“

Не трудно усмотрѣть неосновательность какъ той, такъ и другой редакціи. Параграфъ, предполагается, долженъ имѣть силу закона, а первое условіе редакціи закона есть ясность и опредѣленность. Ни той, ни другой не усматривается въ приведенныхъ редакціяхъ столь важнаго постановленія. Министру предоставляется право назначенія „если по истеченіи одного года со времени открытія вакантнаго мѣста совѣтъ не представитъ своего кандидата“. Итакъ, достаточно совѣту заявить кандидата чтобы министръ лишился права вмѣшательства? Но какъ должно быть поступлено если кандидатъ этотъ не получитъ утвержденія? Свободенъ ли тогда министръ въ назначеніи, или можетъ совѣтъ представить новое лицо? О какихъ суммахъ министерства идетъ рѣчь? и т. д.

Послѣдняя, окончательная, редакція, вошедшая въ утвержденный уставъ 1863 года, гласитъ такъ:

„§ 72. Профессоры по избранію совѣта * утверждаются министромъ, а доценты и лекторы полечителемъ учебнаго округа. Въ тѣхъ случаяхъ когда вакантная въ университетѣ кафедра не будетъ замѣщена въ теченіе года избраннымъ отъ

* Согласно § 70 каждый членъ факультета можетъ предложить кандидата. Предложенные кандидаты дважды подвергаются тайному избранію: баллотировкѣ въ факультетѣ и новой, рѣшающей (забаллотированіе въ факультетѣ не останавливается для), въ совѣтѣ.

университетскаго совѣта кандидатомъ, министръ можетъ назначать въ профессора по своему избранію лица удовлетворяющія требуемымъ отъ профессора условіямъ. Сверхъ сего отъ министра зависитъ назначать во всякое время сверхштатныхъ профессоровъ изъ лицъ отличныхъ ученостію, даромъ преподаванія и удовлетворяющихъ прочимъ условіямъ требуемымъ отъ профессора, испрашивая каждый разъ, порядкомъ установленнымъ въ Высочайше утвержденныхъ 22го мая 1862 года правилахъ о составленіи, разсмотрѣніи и утвержденіи смѣтъ, разрѣшеніе на производство необходимаго для такого сверхштатнаго профессора содержанія.

Можно ли считать постановленіе это удовлетворительнымъ? Держусь мнѣнія что нѣтъ. Участіе министра обставлено условіями долженствующими, какъ сказано мною, парализовать его полезное дѣйствіе, вносить разладъ въ дѣло требующее согласныхъ усилій правительственной власти и самой корпорации, связывать руки въ хорошемъ, не пресѣкая возможности сдѣлать дурное.

Имѣлось въ виду ограничить право министра дабы устранить возможность произвола и покровительства. Но устраняется ли эта возможность? Развѣ не можетъ министр ревнивый къ произволу и склонный къ покровительству, пользуясь § 72, парализовать, хоть во всѣхъ назначеніяхъ, участіе университета? Ему стоить только выждать годъ, не давая своего утвержденія на замѣщеніе кѣедры, и по истеченіи срока назначить кого заблагоразсудится. Правда, студенты долго остались бы безъ лекцій, но за то любителямъ происшествій представилось бы занятное зрѣлище борьбы властей. Возможность поступать дурно не пресѣкается, за то пресѣкается возможность поступать хорошо. Министру предоставляется содѣйствовать обновленію и оживленію университетовъ, только не прямымъ, а окольнымъ путемъ. Но именно подобнымъ путемъ и не пожелаетъ воспользоваться лицо не склонное къ произволу и покровительству, и желающее дѣйствовать безпристрастно и доброжелательно. Оно отстранить отъ себя не легкую заботу и приманчивую безотвѣтственность предпочтетъ столкновеніямъ всегда способнымъ породить нареканія. У насъ любятъ говорить, и при составленіи устава 1863 года особенно много говорили о свѣжихъ силахъ и молодыхъ талантахъ. Но развѣ, поддерживая замкнутость самополняющихся корпораций, не пресѣкаемъ мы тѣмъ самымъ дорогу молодымъ талан-

тамъ? Молодые люди посылаются за границу. Представимъ себѣ что между возвратившимися есть нѣсколько успѣвшихъ обнаружить блестящія способности и произведшихъ труды обратившіе на себя вниманіе. Въ комъ найдутъ они опору, если университеты, заколопатавшись каждый въ своемъ кругу, не станутъ принимать того кто не изъ ихъ приходу? Уставъ даетъ, правда, министру право, исходатайствовать особый кредитъ, назначать сверхштатныхъ профессоровъ. Тутъ уже не студенты расплачиваются, а Государственное Казначейство несетъ на себѣ издержки конституціонной игры борящихся властей — министра и университетскаго совѣта. Хотя и предполагается что казна богата, однако во всякомъ случаѣ едва ли справедливо обременять ее безъ нужды, предоставляя министру, буде совѣтъ назначитъ плохаго преподавателя, поправлять промахъ, поставляя рядомъ съ нимъ еще своего хорошаго. Высказываясь противъ сверхштатныхъ назначеній какъ средства поправлять ошибки совѣтовъ и какъ орудія борьбы, я далекъ, впрочемъ, отъ мысли высказываться противъ предоставленія министру, на основаніи ли ходатайства университета или по собственной инициативѣ, права испрашивать кредитъ для учрежденія новыхъ кафедръ или для опредѣленія какой-нибудь знаменитости сверхъ штата когда штатныя мѣста заняты.

Итакъ, какимъ же условіямъ должны удовлетворять поставленія о назначеніи профессоровъ для того чтобы важный вопросъ объ обновленіи личнаго состава университетовъ могъ получить возможно удовлетворительное рѣшеніе? Такое важное дѣло не должно быть предоставлено игръ шаровъ направляемой соображеніями болѣе или менѣе личнаго свойства и закулиснаго характера, хотя и съ изображеніемъ на декорации яко бы требованій науки: оно должно быть предметомъ открытаго и внимательнаго обсужденія. Рѣшающей и отвѣтственной за свои рѣшенія власти должны быть представлены обстоительныя данныя, которыя облегчали бы правильность сужденія, но вмѣстѣ съ тѣмъ требовали бы вполне внимательнаго отношенія къ рѣшаемому дѣлу и силой нравственнаго вліянія затрудняли бы возможность рѣшеній случайныхъ или произвольныхъ. Замѣчу что я имѣю въ виду назначеніе собственно профессоровъ: институтъ доцентовъ, по моему мнѣнію, подлежитъ существенному измѣненію. Доцентура должна быть приготовленіемъ

къ профессорству, но не профессорствомъ; профессорство же должно доставаться исключительно лицамъ уже имѣющимъ болѣе или менѣе значительный ученый багажъ (объ этомъ мнѣ еще придется говорить).

Вообще, по моему мнѣнію, вопросъ о назначеніи профессоровъ былъ бы разрѣшенъ наиболѣе правильно помощью слѣдующихъ положеній.

При открывшейся вакансіи факультетамъ предоставляется право рекомендовать одно или нѣсколько лицъ, вносимыхъ въ рекомендаціонный списокъ или *ex aequo* или по степени рекомендаціи. При этомъ каждый членъ можетъ предлагать своего кандидата, письменно мотивируя свое предложеніе. По обсужденіи правъ кандидатовъ, рѣшеніе факультета постановляется на основаніи явной подачи голосовъ, съ поименнымъ внесеніемъ въ протоколъ высказавшихся за и противъ кандидата и съ объясненіемъ причинъ. Состоявшійся рекомендаціонный списокъ, протоколъ засѣданія и мотивированныя предложенія членовъ представляются въ совѣтъ. Совѣтъ выражаетъ или свое общее мнѣніе о каждомъ кандидатѣ отдѣльно или предоставляетъ отдѣльнымъ членамъ высказать свое сужденіе въ формѣ отдѣльныхъ мнѣній. Всѣ документы, чрезъ полечителя, присоединяющаго и свое мнѣніе, представляются министру, рѣшающему дѣло.

Министръ можетъ и по собственному выбору назначать профессоровъ на открывающіяся вакансіи изъ лицъ удовлетворяющихъ условіямъ требуемымъ отъ профессора, но министръ не принимаетъ рѣшенія прежде полученія рекомендаціоннаго списка университета. Впрочемъ, если таковой не доставленъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ со времени открывшейся вакансіи, то министръ дѣйствуетъ по усмотрѣнію.

Министру предоставляется установленнымъ порядкомъ ходатайствовать о чрезвычайномъ кредитѣ для учрежденія новыхъ кафедръ или для опредѣленія сверхштатныхъ профессоровъ въ особенно уважительныхъ случаяхъ.

Дабы дать дѣлу избранія болѣе значенія, было бы можетъ быть полезно чтобъ утвержденіе профессоровъ, по крайней мѣрѣ ординарныхъ, дѣлалось Высочайшимъ приказомъ.

Не забудемъ упомянуть что требованіе докторской степени отъ ищущаго профессуры дѣлаетъ университеты прямо или косвенно участниками въ каждомъ профессорскомъ из-

брани, ибо возведеніе въ докторскую степень, по диспуту или безъ него, предоставлено университетамъ.

Я разобралъ съ подробностію вопросъ о порядкѣ замеченія профессоръ, такъ какъ на этомъ пунктѣ преимущественно сосредоточились громы обличенія вызванные мопиъ *Миньимъ*. Остаюсь въ надеждѣ что всякій не предубѣжденный человѣкъ согласится что я имѣлъ достаточныя основанія высказаться противъ начала исключительнаго самопополненія университетовъ, и что осужденіе этого начала есть такое общепринятое положеніе которое стоитъ въ спора. Необходимость двойкаго пути при назначеніяхъ въ принципѣ признана самимъ уставомъ 1863 года, за который повидимому ратовали мои противники: она должна быть признаваема и ими, если ихъ защита устава искренна. Почему же мнѣніе мое вызвало такое озлобленіе? Если мы всѣ оогласны въ принципѣ и расходимся лишь въ подробностяхъ, то изъ чего же бывалъ гвалтъ?

Можетъ ли быть для кого-либо тайной фальшь негодовавія будто бы вызваннаго моими сужденіями? Фальшь эта раскрывается при первомъ прикосновеніи анализа. Въ самомъ дѣлѣ, нападеніе первоначально чинилось на меня какъ будто бы нападающіе были горячими защитниками права *исключительнаго* самопополненія университетовъ; все несогласное съ этимъ яко бы либеральнымъ и священнымъ правомъ отиеталось; я, будто бы предлагающій, изъ угодничества правительству и изъ разныхъ стороннихъ цѣлей, косаутся этого права, подвергался поруганію: отвергать эту исключительность значить де предавать университетъ въ руки министерской канцеляріи, вмѣсто живыхъ корпорацій затѣвать Московскій, Казанскій, Харьковскій и пр., департаменты Министерства Народнаго Просвѣщенія. Итакъ, повидимому, провозглашалось что самопополненіе есть главное право и благо университетовъ. Но затѣмъ дѣлался поворотъ. Я призывался къ отвѣту уже не какъ противникъ исключительнаго самопополненія, а за то какъ смѣлъ высказаться въ пользу начала двойкаго пути и такъ де признаваемаго уставомъ 1863 года, дающимъ въ извѣстныхъ случаяхъ министру право назначенія; обвинялся яко бы поднимающій шумъ и нарушающій „царей и царствъ земныхъ отраду, возлюбленную тишину“. Изъ чего де хлопочу я? приступали ко мнѣ: не ясны ли тутъ тайныя цѣли? Говорю я что право

избранія въ смыслѣ рекомендаціи должно оставаться за университетами въ полной силѣ. Мнѣ толковали въ одно ухо что это только фраза и я хочу чтобы профессора назначались исключительно министромъ, ибо употребилъ слово рекомендація; въ другое кричали что и теперешнее избраніе не болѣе какъ рекомендація (съ чѣмъ, впрочемъ, я и не спорилъ); о чемъ же я толкую? и т. д.

XIX.

Въ близкой связи съ вопросомъ о назначеніи преподавателей находится вопросъ объ оставленіи на службѣ профессоровъ выслужившихъ пенсію. Трудно придумать что-нибудь болѣе несообразное, болѣе несправедливое какъ устанавливаемый нынѣ порядокъ по этому предмету. Еслибы въ человѣческихъ дѣлахъ справедливое и очевидное имѣло должную силу, онъ не могъ бы продержаться минуты. Онъ держится года, свидѣтельствуя о могуществѣ закона косности и въ нравственномъ мірѣ; мало того, находитъ приверженцевъ якобы нѣчто либеральное: подъ мною-либеральнымъ флагомъ онъ и былъ введенъ въ счастливый портъ устава 1863 года. Согласно предписанію параграфа 78 этого устава, профессоръ выслужившій пенсію, то-есть послѣ двадцати пяти лѣтъ учебной службы, подвергается баллотировкѣ въ совѣтъ, и буде избранъ, остается на службѣ на пятилѣтіе, получая значительно увеличенное содержаніе, а именно и жалованье, и пенсію. Для избранія уставъ требуетъ большинство трехъ третей.

Объяснительная къ уставу записка поясняла что въ мысли составителей оставленіе должно быть исключеніемъ, удаленіе правиломъ. Не успѣлъ законъ войти въ дѣйствіе какъ послѣдствія неправильной мѣры тотчасъ обнаружались. Дѣло, какъ и ожидать слѣдовало, всецѣло внесено въ область интриги; забаллотировались самые достойные преподаватели, количество шаровъ опредѣлялось исключительно личными отношеніями и ни въ какой пропорціи съ учебными достоинствами не оказалось. Правительству пришлось прибѣгать къ разнымъ искусственнымъ мѣрамъ чтобы парализовать послѣдствія только-что введеннаго порядка и наконецъ совсѣмъ отгнать требованіе двухъ третей, замѣнивъ его требованіемъ простаго большинства. Волюющіе случаи стали рѣже, но дѣло въ сущности не измѣнилось.

Чтобы получить вполнѣ ясное представленіе о несообразностяхъ нынѣ дѣйствующихъ установленій необходимо прослѣдить исторію ихъ возникновенія. Срочность профессорской службы введена уставомъ 1835 года. Главнымъ источникомъ новой мѣры было желаніе поднять находившіеся въ упадкѣ университеты чрезъ замѣну многихъ отсталыхъ и плохихъ профессоровъ новыми силами подготовленіемъ которыхъ было озабочено правительство. На принятіе такой мѣры, какъ и вообще на составленіе устава 1835 года, если не ошибаемся, не малое вліяніе имѣлъ обзоръ состоянія Московскаго университета, сдѣланный по Высочайшему повелѣнію въ 1832 году тайнымъ совѣтникомъ Уваровымъ, тогда товарищемъ министра народнаго просвѣщенія. Приведу изъ его отчета (см. *Дополненіе къ Сборнику постановленій по Министерству Народнаго Просвѣщенія*) любопытные отзывы о московскихъ профессорахъ того времени (изъ нихъ нынѣ въ живыхъ Д. М. Перевоицковъ, М. П. Погодинъ и А. Г. Фишеръ).

„Въ Московскомъ университетѣ, пишетъ товарищъ министра, довольно неравное распредѣленіе способностей между преподающими: цныя стоятъ на стелени желаемаго образованія по своей наукѣ и владѣютъ способностью передавать свои познанія; другіе олоздали на собственномъ поприщѣ, и сихъ олоздалыхъ можно найти какъ между старыми, такъ и между младшими членами сего сословія. Къ первому разряду причисляю я по справедливости: ветерана Каченовскаго, трудолюбиваго и даже остроумнаго знатока по своей части, не столько краснорѣчиваго, сколько прилежнаго преподавателя; Давыдова, болѣе всѣхъ прочихъ владѣющаго языкомъ и даромъ выражать мысли, полезнаго на кафедрѣ русской словесности, нѣкогда можетъ-быть легкомысленнаго, но созрѣващаго чрезъ опытность, любимаго публикою и студентами и въ готовности коего быть, при хорошемъ направленіи, хорошимъ во всѣхъ случаяхъ орудіемъ правительства я не имѣю никакаго повода сомнѣваться; астронома Перевоицкова, образованнаго и умнаго профессора, съ открытою головою и съ благороднымъ чувствомъ—человѣка во всѣхъ отношеніяхъ заслуживающаго вниманіе начальства; профессора математики Щелкина и восточныхъ языковъ Болдырева; много обвѣщающихъ и даже уже сдержавшихъ, профессора Александра Фишера и адъюнктовъ: Погодина, Максимовича, перваго—по части зоологіи, втораго—по части русской исторіи и третьяго—по ботаникѣ; въ факультетѣ медицинскомъ, усердныхъ и полезныхъ: Альфонскаго, отличнаго латиниста Рихтера и Эйбродта, лучшаго ученика Лодера. Къ разряду

хорошихъ преподавателей прибавлю профессора богословія, священника Терновскаго, лекціями коего я былъ совершенно доволенъ какъ въ отношеніи полноты и ясности, такъ и въ отношеніи языка и методы преподаванія.

„Въ числѣ опоздавшихъ, большею частью устарѣвшихъ, замѣтилъ я по медицинскому факультету Мухина и Котельническаго; въ словесномъ—профессора греческой словесности Ивашковскаго, съ довольно хорошими, но несвоевременными познаніями; въ нравственно-политическомъ—Василевскаго, неспособнаго къ занятію кафедры, столь важной, политическаго и народнаго права и дипломатіи, и который находился еще подъ моимъ начальствомъ въ бывшемъ главномъ Педагогическомъ Институтѣ и о благовидномъ удаленіи коего были приняты уже мѣры попечителемъ Московскаго университета; профессора латинской словесности Снегирева, не имѣющаго достаточныхъ познаній по сей части; профессора русскаго законодательства Смирнова, едва ли обнимающаго предметъ, и нѣсколько адъюнктовъ, отнюдь не обѣщающихъ быть отличными преподающими, и которые лишь по безличности начальства могли быть допущены къ сему званію; я не упоминаю здѣсь о прочихъ заслуженныхъ профессорахъ, изъ коихъ бóльшая часть не принимаетъ участія въ преподаваніи.

„Здѣсь, какъ и вездѣ, находится между сими двумя крайностями нѣкоторое число людей безъ отличныхъ способностей и безъ разительныхъ недостатковъ, какъ-то: молодой профессоръ археологіи Надеждинъ, слишкомъ рано возведенный въ званіе ординарнаго профессора, и который занимается изданіемъ *Телеסקона* и *Молвы*—двухъ періодическихъ изданій, не заслуживающихъ одобренія ни по содержанію, ни по духу, но впрочемъ не лишенный нѣкоторой способности быть современемъ хорошимъ преподающимъ; профессоръ Павловъ, который равномерно имѣетъ даръ выражаться правильно и даже пріятно, но который содержитъ обширный вольный пансіонъ и управляетъ училищемъ Земледѣльческаго Общества и хуторомъ онаго, каковыя занятія едва ли могутъ оставить довольно времени чтобы сдѣлаться прилежнымъ изслѣдователемъ своей науки. Къ сему разряду принадлежатъ еще нѣсколько другихъ лицъ, слишкомъ рано и легко удостоенныхъ званія профессорскаго.

„Трудно, конечно, въ непродолжительномъ времени собранныя впечатлѣнія излагать въ краткихъ и рѣзкихъ словахъ; легко даже или оцѣнить иныхъ выше достоинства, или не отдать другимъ надлежащей справедливости, особенно въ распредѣленіи умственныхъ способностей; однакоже думаю что я въ своихъ сужденіяхъ о лицахъ не могъ во многомъ отдалиться отъ истины, ибо смотрѣлъ съ безпристрастіемъ равнодушнаго посѣтителя и въ отношеніи къ нѣкоторымъ слѣдовалъ общепринятому мнѣнію.

„Изъ сего быстрога обозрѣнія главнѣйшихъ лицъ входящихъ въ составъ Московскаго университета, можно заклю-

чить что по медицинскому отдѣленію имѣемъ мы нѣсколько способныхъ и усердныхъ орудій; по отдѣленію словесному— нѣсколько отлично преподающихъ; по нравственно-политическому, сверхъ профессора богословія, изъ одного профессора Василевскаго съ экстраординарными профессорами и адъюнктами составленнаго, совершенный обломокъ факультета, въ которомъ все смѣшано, и юридическія, столь обширныя и необходимыя, науки не имѣютъ ни одного надежнаго преподавателя, а всѣ политическія, вмѣстѣ съ римскимъ правомъ, предоставлены адъюнкту Васильеву, который, не зирая на его хорошія познанія и усердіе, не можетъ выполнять столь противоположныхъ требованій, ниже возложенное на него порученіе.

Изъ сего же можно вывести сколь несообразны и несообразны между собою разнородныя части составляющія публичное преподаваніе въ Московскомъ университетѣ. Отсюда происходитъ во многихъ какой-то уладокъ духа, какая-то дѣль думать и идти впередъ, какое-то внутреннее несогласіе и неравенство, которыя много содѣйствовали къ разстройству университета и къ недовѣрію общаго мнѣнія къ оному.“

Поставленія устава 1835 года о срочности профессорской службы и порядкъ увольненія профессоровъ отслужившихъ срокъ заключаются въ § 83, гдѣ значится:

„Профессоръ, по выслугѣ въ сей должности 25 лѣтъ, удостоенный званія *заслуженнаго*, увольняется изъ университета, и катедра его почитается вакантною. Совѣтъ принимаетъ мѣры къ замѣщенію оной, при чемъ и заслуженный профессоръ можетъ подвергнуться узаконеннымъ порядкомъ избранію. Такое вторичное избраніе имѣетъ силу въ теченіе пяти лѣтъ, по прошествіи коихъ министръ, принимая въ уваженіе мнѣніе полечителя и свидѣтельство совѣта, опредѣляетъ: имѣетъ ли заслуженный, вторично избранный, профессоръ продолжать еще преподаваніе и на сколько лѣтъ, или слѣдуетъ, по преклонности лѣтъ и другимъ обстоятельствамъ, освободить его отъ сего занятія и приступить къ новому выбору.“

Увольненіе было, впрочемъ, обставлено весьма льготными условіями: уволенный заслуженный профессоръ получалъ въ пенсію полный окладъ жалованья (§ 138), а въ случаѣ занятія вновь катедры или по вступленіи въ другой родъ службы, сохранялъ такую полную пенсію, сверхъ жалованья по занимаемой должности. Поставленія устава были вскорѣ существенно замѣнены положеніемъ 18го ноября 1836 года о чинахъ и пенсіяхъ по вѣдомству министерства просвѣщенія. Въ приложеніи къ § 16 положенія значится: „правило изложенное

въ 83 ст. Общаго Устава Императорскихъ Россійскихъ Университетовъ, по коему профессеры удостоенные званія *заслуженнаго* увольняются изъ университетовъ или подвергаются новому избранію, остается въ своей силѣ, съ тѣмъ что и всѣ прочіе профессеры и другія лица, прослужившія въ учебномъ вѣдомствѣ двадцать пять лѣтъ, на основаніи сего же правила *не иначе оставляются на службу, какъ по ручательству ближайшаго начальства* что они могутъ еще служить съ пользою; причемъ они *сохраняютъ на службу и пенсію*“. Такимъ образомъ важная льгота полученія пенсіи при жалованіи была распространена на всѣхъ выслужившихъ двадцатилѣтній срокъ, тогда какъ по уставу 1835 года пенсія равная окладу жалованья назначалась лишь при увольненіи отъ службы. Въсѣтъ съ тѣмъ оставленіе на службѣ каждаго окончившаго двадцатилѣтній срокъ было обусловлено ходатайствомъ ближайшаго начальства. Такъ установился порядокъ дѣйствовавшій въ продолженіи многихъ лѣтъ. Случаи неоставленія были вообще довольно рѣдки.

Въ эпоху когда заготовлялся уставъ 1863 году и были въ ходу самые разнообразныя планы преобразованія университетовъ, вопросъ объ ихъ обновленіи свѣжими силами сдѣлался особенно популярнымъ вопросомъ. Проводилось рѣзкое раздѣленіе всего къ нимъ принадлежащаго на старое и молодое, не столько по лѣтамъ, сколько по степени соответствія „новымъ требованіямъ“; старое обрекалось скорѣйшей смѣнѣ. Явленія дѣйствительной отсталости, ревнивой монополіи и болѣе или менѣе явнаго и искуснаго отстраненія отъ своей кафедры молодыхъ дѣятелей способныхъ явиться конкуррентами, побуждали многихъ серьезныхъ и самостоятельныхъ въ своихъ мнѣніяхъ людей приставать къ сторонникамъ срочности профессорскаго служенія. Но въ какой формѣ осуществилось намѣреніе, вызванное, казалось, заботою о преуспѣяніи университетовъ? Уставъ 1863 года, не лишая начальства права забраковать выслужившаго срокъ (для оставленія требуется утвержденіе начальства, очевидно не обязательное), подчинилъ оставленіе кромѣ того милости совѣта и вручилъ право изгнать или помиловать произволу собранія въ которомъ значительная доля (экстра-ординарные профессора ждущіе повышенія) имѣеть прямой интересъ въ забаллотированіи. Поставлено требованіе двухъ третей голосовъ, дабы, какъ значилось въ объяснительныхъ замѣчаніяхъ

къ уставу, оставленіе было „пключеніемъ изъ общаго явленія“, общимъ же нормальнымъ явленіемъ — забаллотированіе. Предъ профессоромъ приближающимся къ сроку службы была поставлена съ одной стороны приманка въ видѣ полуторнаго содержанія (тройнаго для тѣхъ которые уже выслужили срокъ или были близки къ нему въ эпоху утвержденія устава 1863 года, удвоившаго жалованье), съ другой — угроза быть сведеннымъ на тысячу четыреста рублей содержанія при удаленіи въ невольное бездѣйствіе. Въ наилучшемъ положеніи очутились тѣ которые намѣренно или ненамѣренно не заботились о приготовленіи дѣятели по своимъ кадрамъ и кого потому некимъ было замѣнить; въ худшемъ тѣ которые о томъ заботились и которые по законамъ человѣческой неблагодарности находили нерѣдко главныхъ противниковъ въ тѣхъ возвышенію кого содѣйствовали. Началось, съ одной стороны, сильнѣйшее заискиваніе у малыхъ товарищей, вредно отражавшееся на вѣстихъ послѣднихъ чрезъ возрастаніе самоувѣрія, вслѣдствіе значенія приобретаемаго въ силу положенія, а не въ силу заслуги. Съ другой стороны, началось организованіе партій, поднялись интриги съ цѣлью вытѣснить того или другаго, тогда какъ въ дружной корпораціи, конечно, причяте было бы встрѣтить начало взаимной поддержки, а не начало взаимнаго забракванія. Такой порядокъ вещей не мало содѣйствовалъ развитію общаго разлада въ профессорскихъ корпораціяхъ, замѣчаемаго въ особенностипослѣ устава 1863 года, обусловленнаго организаціей постоянно вызывающей вопросы о дѣлѣ власти и преимуществъ, и который, къ сожалѣнію, идетъ возрастая, ибо для не проходитъ чтобы не приходили вѣсти о томъ какъ тамъ, послѣ совѣтской ссоры, предположено обратиться съ жалобой къ прокурорскому надзору, здѣсь просятъ защиты своего начальства отъ оскорбленій, казалось бы немислимыхъ въ ученомъ собраніи, тамъ бранятся до вызововъ...

Прибавлю о любопытномъ забвеніи въ какое впади составители устава 1863 года по отношенію къ вопросу объ оставленіи профессоровъ на службѣ и на которое я указывалъ въ моемъ *Мнѣніи*.

Читая внимательно замѣчанія высказанныя въ объяснительной запискѣ къ проекту устава 1863 года, не трудно убѣдиться что просто-на-просто *забыто* что вступающій на службу въ университетъ можетъ имѣть уже предшествовавшіе

годы службы. И вотъ вмѣсто двадцатипятилѣтняго пребыванія въ университетѣ въ качествѣ преподавателя, принять двадцатипятилѣтній срокъ требуемый для полученія пенсiи. Такимъ образомъ выходитъ что если человекъ поступитъ на кафедру не съ лавки, а послѣ нѣсколькихъ лѣтъ ученыхъ трудовъ, то чѣмъ болѣе успѣвъ онъ накопитъ извѣстности, тѣмъ на меньшій срокъ оказывается ему довѣрие. Если кто вступилъ на кафедру черезъ двадцать лѣтъ по выходѣ изъ университета, то таковой официально признается годнымъ на пять лѣтъ, ибо, какъ значитъ въ объяснительныхъ замѣчанiяхъ, оставленiе по выслугѣ пенсiи должно быть „исключенiемъ изъ общаго явленiя“, общее же нормальное явленiе должно быть забаллотированiе. Изгнанiе должно совершаться рукою товарищей, вопреки духу согласiя и дружбы, какой желательнъ въ корпорациі....

Въ оправданiе того какъ устроилось дѣло приводятъ что при составленiи устава 1873 года имѣлось въ виду возвышенiе профессорской пенсiи до нынѣшняго оклада жалованья и что еслибы составители знали что такое не послѣдуетъ, то въ уставѣ не были бы введены такія мѣры. Но странно составлять законъ обусловленный другимъ еще несуществующимъ. Къ тому же если можно было имѣть подобныя расчеты при первоначальномъ составленiи устава, то ихъ нельзя было имѣть при окончательной редакціи, когда въ уставѣ введенъ параграфъ 145, гдѣ означено что пенсiи производятся въ прежнемъ размѣрѣ.

Между тѣмъ дѣло могло получить самое простое разрѣшенiе, удовлетворяя всѣмъ соображенiямъ какія можно привести въ пользу срочности профессорскаго званiя и устраняя возраженiя дѣлавшіяся съ точки зрѣнiя государственной экономiи. Стоило увеличить пенсiю до оклада полнаго жалованья, но отмѣнить полученiе пенсiи и жалованья на службѣ. Государственное Казначейство осталось бы въ выгодѣ. Въ настоящее время весьма значительное число профессоровъ получаютъ и жалованiе и пенсiю вмѣстѣ, и сравнительно очень небольшое получаютъ только пенсiю, оставаясь безъ службъ. Нѣтъ сомнѣнiя что еслибы послѣ двадцати пяти лѣтъ и не давалась пенсiя остающимся на службѣ, а для увольняющихся полное жалованье обращалось въ пенсiю, большинство отслужившихъ срокъ не оставило бы университетовъ. Привычка къ преподавательской дѣятельности, любовь къ занятiямъ, по-

ложеиіе даваемое профессорскимъ званіемъ, все это побудило бы многихъ продолжать службу; а еслибы чувствующие себя утомленными или имѣющие въ виду другую службу и оставили университетъ, то потери бы не было. Для остающихся могли бы быть допущены льготы въ облегченіи занятій. Кромѣ того министру должно быть предоставлено право увеличивать и даже въ довольно значительныхъ размѣрахъ содержаніе тѣмъ кого важно удержать при университетѣ въ интересахъ науки и преподаванія. Это могло бы быть довольно важнымъ стимуломъ не охладѣвать въ дѣятельности. Оставленіе на службѣ старшихъ преподавателей не могло бы вредить поступленію новыхъ. Такъ какъ оставшіеся получали бы на службѣ то самое что ему выдавалось бы и въ случаѣ увольненія, то можно было бы постановить правиломъ по каждой кафедрѣ много лѣтъ занимаемой однимъ лицомъ трудъ преподаванія раздѣлять между старшимъ профессоромъ и болѣе молодыми преподавателями. Участіе въ университетскихъ дѣлахъ старшихъ профессоровъ, облегченныхъ въ преподавательской дѣятельности, могло бы имѣть большое значеніе для преемства преданій и поддержанія общаго духа учрежденія.

XX.

По уставу 1835 года были три органа внутренняго университетскаго управленія: совѣтъ, правленіе и инспекція, каждый съ довольно строго разграниченнымъ кругомъ обязанностей. Совѣтъ, предполагалось, вѣдаетъ учебною, правленіе хозяйственною частію, инспекція надзоромъ за студентами. Уставъ 1863 года расширилъ кругъ дѣятельности совѣта и ввелъ два новыя учрежденія: судъ и университетскую канцелярію. Новыя учрежденія нельзя назвать удавшимися. Искусственно придуманный университетскій судъ остался мертвою буквою. Въ Московскомъ университетѣ онъ не функционировалъ ни разу, хотя и были неоднократно случаи студенческихъ столкновеній, беспорядковъ и т. п., но дѣла разрѣшались правленіемъ или совѣтъ, объѣгая назначенія суда. О томъ что по уставу 1863 есть цѣлое учрежденіе не упоминаемое въ уставѣ 1835 года, именуемое, подъ рубрикою отдѣленіе IV, канцелярію университета, съ *правительствъ* (§ 30) и

секретарями, едва ли кто замѣчаетъ въ университетахъ, такъ какъ общепринято держаться порядка дѣлопроизводства установившагося до новаго устава. Какой результатъ имѣло расширение круга дѣятельности совѣта? Обращу прежде всего вниманіе на то обстоятельство состоитъ ли это собраніе, должствующее держать бразды правленія и представлять собою нѣчто въ родѣ конвента въ миниатюрѣ, изъ членовъ съ достаточно независимымъ голосомъ? Нѣтъ, ибо мы встрѣчамъ въ немъ, вопервыхъ, экстра-ординарныхъ профессоровъ, которымъ предстоитъ еще повышение и которые поэтому не могутъ въ однихъ дѣлахъ имѣть голоса независимаго, въ другихъ голоса безпристрастнаго. Мы видимъ въ немъ далѣе сонмъ старшихъ профессоровъ заискивающихъ всякими угожденіями у младшихъ своихъ товарищей и присѣдающихъ предъ ними въ виду разнаго рода баллотировокъ. Иностранные ученые разсматривавшіе проектъ устава 1863 года уже обращали вниманіе на несообразность присутствія въ совѣтѣ экстра-ординарныхъ профессоровъ. Робертъ фонъ-Моль указывалъ что есть цѣлый рядъ дѣлъ въ которыхъ экстра-ординарные профессора не могутъ быть безпристрастными судьями, будучи въ нихъ лично заинтересованы. Напримѣръ, говорить онъ, „отъ удаленія ординарнаго профессора зависитъ открытіе новой вакансіи и повышение экстра-ординарнаго профессора, а вмѣстѣ съ этимъ — и увеличеніе содержанія. Такія матеріальныя выгоды, конечно, могутъ вліять на рѣшеніе того или другаго изъ вопросовъ и привести къ совершенно неправильнымъ постановленіямъ. Съ другой стороны, и изъ собственнаго интереса этихъ младшихъ преподавателей нельзя желать чтобъ они принимали участіе въ университетскомъ совѣтѣ и правленіи, потому что, присутствуя въ совѣтѣ, они могутъ примкнуть къ какой-либо партіи и, подачею своего голоса, сдѣлаться личными врагами тѣхъ которые рано или поздно будутъ имѣть вліяніе на ихъ собственное положеніе. Даже твердые характеры могутъ пострадать отъ этого, а люди слабые гибнуть безвозвратно. Намъ кажется несомнѣнно вѣрнымъ что въ руководители университета нужно принимать такихъ людей которые уже составили себѣ положеніе и которые поэтому не могутъ бояться худыхъ для себя послѣдствій отъ расположенія или нерасположенія своихъ сочленовъ.“ То же высказалъ и Вехтеръ.

Къ многолюдному собранію именуемому совѣтомъ, гдѣ университетскіе интересы представлены весьма неравно-мѣрно, — вспомнимъ преобладаніе многочисленныхъ факультетовъ надъ факультетами съ малымъ числомъ членовъ, — сводятся, по уставу 1863 года, всѣ нити университетскаго управленія. „Но удобно ли, спрашивалъ я въ моемъ *Мнѣніи*, возложить управленіе на собраніе изъ тридцати, сорока, и пятидесяти членовъ? Могутъ ли сорокъ человѣкъ завѣдывать дѣломъ безъ личнаго чьего-либо распоряженія, безъ личной чьей-либо отвѣтственности? Какую выгоду для дѣла можетъ представить скопленіе въ совѣтѣ занятій разнороднаго характера? Что можетъ побудить отстаивать такую систему, кромѣ развѣ удовольствія кроющагося въ сознаніи что всѣ нити управленія сводятся въ совѣтъ, такъ что каждый членъ можетъ чувствовать нѣкоторое наслажденіе административной власти? При расширеніи круга дѣятельности совѣтовъ, повидимому, имѣлось въ виду что никто такъ не заинтересованъ въ дѣлахъ университета какъ члены университета, въ средѣ которыхъ и должно де образоваться большинство дѣйствующее какъ одинъ человѣкъ, но поступающее по правилу: умъ хорошо, два лучше, а сорокъ еще превосходнѣе. Предполагалось что при такомъ порядкѣ, — по выраженію объяснительной записки къ проекту устава 1863 года, — рѣшеніе дѣлъ „соединеніемъ ученыхъ специалистовъ по многообразнымъ отраслямъ наукъ не можетъ быть одностороннимъ (?)“. При этомъ въ печатаніи протоколовъ рекомендовалось несомнѣнное лѣкарство противъ всякихъ предвидимыхъ неудобствъ новаго порядка, и какъ на главную причину вслѣдствіе которой тогдашнее положеніе университетовъ признавалось „вполнѣ неудовлетворительнымъ“, указывалось на то что „по изытію суда, полиціи и хозяйственнаго управленія отъ совѣта, оны были ограничены въ предметахъ своего вѣдомства одними дѣлами технически-учебными и выборомъ ректора и лицъ для занятія вакантныхъ кафедръ“. Новый порядокъ существуетъ уже десять лѣтъ, но не знаю можно ли признать уровень университетовъ настоящей минуты значительно поднявшимся сравнительно съ тѣмъ что было десять лѣтъ тому назадъ. И полезно ли удаленіе на второй планъ дѣлъ названныхъ въ запискѣ, не безъ презрѣнія, технически-учебными? Не главныя ли это дѣла въ учебной корпораціи? Протоколовъ уни-

верситетскихъ собраній напечатано не мало, и не трудно усмотрѣть что дѣла технически-учебнаго свойства, дѣйствительно занимали въ нихъ второстепенное мѣсто, и что лучшая дѣятельность обнаруживалась, по естественной человѣческой слабости, преимущественно въ дѣлахъ о столкновенияхъ разнаго рода и въ вопросахъ партій и личныхъ интересовъ. Въ собраніяхъ чисто совѣщательнаго характера изъ столкновений и борьбы мнѣній можетъ дѣйствительно возникнуть многосторонняя обработка предмета; но едва ли можно желать, какъ высказывалось въ объяснительныхъ замѣчаніяхъ, многостороннихъ *рѣшеній* въ учрежденіи управляющемъ.... Ограниченіе круга занятій совѣта предметами относящимися исключительно къ ученой и учебной дѣятельности университетовъ, полагаю, было бы безспорно полезно для того чтобъ этого рода дѣятельность стояла на первомъ планѣ въ учрежденіи ей исключительно посвященномъ. Полное отдѣленіе отъ университетовъ всѣхъ занятій экономическаго и бюрократическаго характера было бы, полагаю, важнымъ шагомъ въ исторіи ихъ устройства. Мнѣ кажется, вся экономическая часть могла бы быть съ пользою сосредоточена въ особомъ строительномъ комитетѣ при округѣ. Университетамъ въ этомъ отношеніи должно быть предоставлено право не распоряженія, а такъ-сказать требованія. Необходимо чтобы преподаванію была доставлена благопріятная обстановка: удобныя аудиторіи, удобныя помѣщенія для лабораторій и кабинетовъ, а также для лицъ завѣдующихъ ими и руководящихъ занятіями студентовъ и т. п. Университетамъ надлежитъ указать въ чемъ эти удобства, и указанія эти должны быть исполнены, по мѣрѣ возможности, лицами именно этимъ занятыми и отвѣтственными. Нѣтъ сомнѣнія что правомъ требованія и контроля университеты воспользовались бы внимательно. Гарантіею отъ недостаточнаго вниманія къ этимъ требованіямъ и замѣчаніямъ могло бы служить право университетовъ непремѣннаго доведенія, буде пожелаютъ, до министра своихъ указаній и замѣчаній. Столкновения и споры могущіе возникнуть при такомъ порядкѣ могутъ быть придирчивы, утомительны, но для дѣла скорѣе полезны чѣмъ вредны. Суетное утѣшеніе доставляемое нынѣшнимъ порядкомъ: что мы главные распорядители,—есть, полагаю, скорѣе самообольщеніе чѣмъ сознаніе дѣйствительнаго значенія. Хозяйственная дѣятельность университета

имѣть почти номинальный характеръ. Да и можно ли требовать отъ ректора, декановъ, профессоровъ заботъ о крышахъ, карнизахъ, мостовыхъ! Канцелярскія дѣла по формуларямъ, производствамъ и другимъ заботамъ о членахъ университета какъ чиновникахъ также, по моему мнѣнію, должны быть удалены изъ университета. Не достаточно ли одной канцеляріи на округъ? Упрощеніе всего что имѣетъ характеръ формальности, возможное сокращеніе отчетовъ, протоколовъ и всякаго рода формальнаго бумагописанія въ высшей степени желательно.“ Не должно забывать, скажемъ словами Рошера, „что для каждаго профессора — обсуждаемые и предлагаемые въ совѣтѣ вопросы имѣютъ только второстепенное значеніе, потому что главныя занятія его состоятъ въ научныхъ изслѣдованіяхъ и въ чтеніи лекцій.“

При ограниченіи и упрощеніи круга дѣятельности совѣтовъ, говорилъ я далѣе, нѣтъ надобности въ двухъ органахъ управленія: совѣтѣ и правленіи. Быть-можетъ проще всего было бы сдѣлать центральнымъ органомъ университетскаго управленія и представителемъ его въ сношеніяхъ съ начальствомъ — болѣе тѣсное собраніе изъ ректора, декановъ и нѣсколькихъ ординарныхъ профессоровъ, какъ въ германскихъ университетахъ, подъ наименованіемъ Сената, куда восходить бы дѣла изъ факультетовъ, какъ съ общими, такъ и особыми мнѣніями членовъ. Въ качествѣ собранія совѣщательнаго Сенатъ долженъ имѣть голосъ по всемъ дѣламъ касающимся университета и имѣющимъ важность. Ему должно принадлежать право обсужденія предложеній полечителя; въ случаѣ несогласія, дѣло должно восходить къ министру. Полный совѣтъ могъ бы быть сохраненъ для выборовъ. Ему могла бы быть предоставлена и другая функція, еслибы согласиться съ мнѣніемъ Вехтера, который говоритъ: „Совѣтъ и факультетскія собранія, которымъ должно быть предоставлено постановлять *окончательныя* рѣшенія, сдѣдуетъ составлять только изъ однихъ ординарныхъ профессоровъ; но было бы въ высшей степени полезно, еслибы, наряду съ этими распоряжающимися и окончательно рѣшающими коллегіями, существовало полное университетское собраніе *всѣхъ* ординарныхъ и экстра-ординарныхъ профессоровъ и доцентовъ, которому было бы предоставлено дѣлать факультетамъ и совѣту предложенія о дѣлахъ университета.“

Наконецъ, въ значительной дисгармоніи съ общимъ харак-

теромъ совѣтской автономіи по уставу 1863 года находится положеніе ректора. Съ одной стороны приняты, повидимому, всѣ мѣры чтобы ректоръ былъ не болѣе какъ первый между равными и чтобы не было тѣни какого-либо начальническаго отношенія къ профессорамъ (по смыслу § 34, ректоръ, напримѣръ, не имѣетъ права сдѣлать замѣчаніе преподавателю); съ другой — ректорская должность поставлена въ такія условія что предъ лицомъ высшаго начальства онъ является какъ бы ближайшимъ начальникомъ университета: продолжительность срока службы, возвышенное содержаніе, важное право представлять профессоровъ, какъ и прочихъ служащихъ, къ наградамъ и иные атрибуты начальствованія, суть свидѣтельства что на ректора сверху и со стороны смотрится не просто какъ на председателя и уполномоченнаго представителя профессорской коллегіи. Въ общемъ мнѣніи ректоръ есть нѣчто большее и призывается къ отвѣту за состояніе университета, имѣя впрочемъ возможность сложить съ себя отвѣтственность ссылкой на то что уставъ поставляетъ его простымъ исполнителемъ воли совѣта. Въ германскихъ университетахъ ректорское званіе далеко не такъ приманчиво, дается на годичный срокъ и обыкновенно переходитъ отъ одного профессора къ другому; избраніе ректора потому вовсе не есть такой важный эпизодъ во внутренней университетской жизни какъ у насъ, гдѣ въ нѣкоторыхъ университетахъ въ теченіе долгого времени исторія университета сводилась къ борьбѣ большинства и меньшинства по вопросу объ избраніи ректора, предѣлахъ его власти и т. д.

Опытные въ университетскихъ дѣлахъ иностранные ученые указывали на неудобства продолжительнаго срока ректорской службы, но указанія ихъ и въ этомъ какъ въ другихъ случаяхъ не были приняты во вниманіе. „Въ германскихъ университетахъ, говоритъ Робертъ фонъ-Моль, ректоръ мѣняется каждый годъ и вреда отъ этого никакого не чувствуется. Напротивъ, чрезъ это многочисленные члены совѣта знакомятся съ занятіями перваго въ заведеніи лица, принимаютъ участіе въ дѣлахъ университета и изучаютъ ихъ. Кромѣ того, способный человекъ для отпращиванія ректорской должности, пожалуй, согласится прекратить свои занятія, а быть-можетъ и лекціи — на годъ; но едва ли онъ пожертвуетъ ими на четыре года.“

По моему мнѣнію, говоритъ Рошеръ, четырехлѣтній срокъ ректорства и деканства можно бы было замѣнить одностолѣтнимъ. Еще сомнительно, должно ли смотрѣть на возложеніе исправленія этихъ должностей какъ на выгоду, или какъ на бремя для профессоровъ. Но навѣрно что для *настоящаго* профессора они могутъ имѣть только второстепенное значеніе, не имѣя никакого вліянія на его занятія какъ изслѣдователя и преподавателя науки. Потому четырехлѣтній срокъ мнѣ и кажется слишкомъ продолжительнымъ и даже вреднымъ. Конечно, съ одной стороны, нельзя не согласиться что исполняющіе извѣстную должность въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ могутъ приобрести большую опытность и навыкъ въ соединенныхъ съ нею занятіяхъ; но за то вѣдь и эти занятія, какъ второстепенныя и малоинтересныя для профессора, могутъ очень легко надоесть ему, и пойдутъ вяло и нерѣшительно.

Аномалія постановленія согласно которому выборное лицо представляетъ къ наградамъ своихъ избирателей такъ велика что о необходимости ея устраненія едва ли нужно говорить.

Прерываю мою уже довольно длинную рѣчь объ университетскихъ дѣлахъ. Я велъ ее,—обращаясь къ свободнымъ людямъ которые способны выслушать и взвѣсить доказательства, которыхъ мнѣніе не управляется хлопальщиками посаженными въ партеръ,—въ глубокомъ убѣжденіи что въ настоящее время нѣтъ въ Россіи вопроса болѣе важнаго какъ вопросъ о нашемъ высшемъ образованіи. Силою обстоятельствъ онъ необходимо выдвигается впередъ и требуетъ разрѣшенія. Рѣшеніе его въ ту или другую сторону можетъ имѣть неисчислимыя послѣдствія. Судьба школы у насъ болѣе чѣмъ гдѣ-либо и когда-либо есть судьба государства.

Н. ЛЮБИМОВЪ.

ЗАКОНЪ И ЖЕНЩИНА*

РОМАНЪ

ВИЛКИ КОЛЛИЗА

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.

ГЛАВА XXXV.

Предсказаніе мистера Плеймора.

Мы прибыли въ Лондонъ въ девятомъ часу вечера. Строго методичный во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, Веніаминъ телеграфировалъ изъ Эдинбурга своей экономкѣ чтобы къ десяти часамъ былъ готовъ ужинъ и чтобы на станцію былъ посланъ его извозчикъ.

Подъѣхавъ къ коттеджу мы принуждены были обождать минуту пока отъ калитки не отъѣхалъ какой-то кабриолетъ. Въ кабриолетѣ сидѣлъ незнакомый мнѣ человекъ съ грубою наружностью и съ трубкой во рту. Еслибы не этотъ человекъ, я можетъ-быть взглянула бы пристальнѣе въ кабриолетъ и лошади и узнала бы ихъ. Теперь же я не обратила на нихъ вниманія.

Калитка была отворена почтенною старою экономкою и ея амина.

* См. *Русскій Вѣстникъ* 1874 №№ 10, 11, 12 и 1875 № 1 и 2.

— Слава Богу, воскликнула она увидавъ насъ. — Я думала что вы ужь никогда не прїѣдете.

— Развѣ что случилось? спросилъ Веніаминъ со своимъ желостижимымъ спокойствіемъ.

Экономка вздрогнула.

— Я совсѣмъ обезумѣла, сударь, я перестала понимать что у насъ творится, отвѣчала она. — Нѣсколько часовъ тому назадъ пришелъ какой-то незнакомый человѣкъ и спросилъ.... она остановилась какъ будто совсѣмъ сбилась съ толку, посмотрѣла съ минутой на своего хозяина и обратилась ко мнѣ. — И спросилъ, продолжала она, — когда васъ ожидаютъ назадъ, сударыня. Я передала ему что телеграфировалъ хозяинъ, а онъ вдругъ говоритъ на это: подождите крошечку, я сейчасъ вернусь. И онъ вернулся и притащилъ съ собой что-то такое страшное что у меня застыла кровь въ жилахъ и я затряслась съ головы до ногъ. Я знаю что мнѣ не слѣдовало пускать его, но я едва держалась на ногахъ. И съ вашего, или лучше сказать безъ вашего позволенія, мистеръ Веніаминъ, онъ вошелъ и пронесъ свою кошу прямо въ вашу бібліотеку. И тамъ она оставалась всѣ эти часы и тамъ она теперь. Я обращалась къ полиціи, но полиція не хотѣла вмѣшаться, а я не могла придумать ничего больше. Не входите одна, сударыня. Вы испугаетесь до смерти.

Я однако рѣшилась войти. Вспомнивъ о лоніи и кабріолетѣ я легко объяснила себѣ тайну непонятнаго разказа экономки. Пройдя столовую, гдѣ уже былъ накрытъ столъ для ужина, я заглянула въ полуотворенную дверь бібліотеки.

Да, я не ошиблась. Мизерримусъ Декстеръ, въ своемъ розовомъ сюртукѣ и безъ покрывала сидѣлъ въ любимомъ креслѣ Веніамина и повидимому спалъ. Его странный костюмъ ни мало не соответствовалъ общепринятымъ понятіямъ о полиціи и я не удивляюсь что экономка, говоря о немъ, тряслась съ головы до ногъ.

— Валерія, спросилъ Веніаминъ, указывая на него. — Что это таксе? Индійскій идолъ или человѣкъ?

Я уже говорила что слухъ Мизерримуса Декстера былъ чутокъ какъ слухъ собаки. Теперь онъ показалъ что и сонъ его былъ легокъ какъ сонъ собаки. Незнакомый голосъ, хотя вопросъ Веніамина былъ предложенъ очень тихо, разбудилъ его мгновенно. Онъ протеръ глаза и улыбнулся невинною улыбкой пробуждающагося младенца.

— Какъ поживаете, мистрисъ Валерія? спросилъ онъ. — Я славно соснулъ здѣсь безъ васъ. Вы не знаете какъ я радъ что вижу васъ опять. А это кто?

Онъ протеръ опять глаза и взглянулъ на Веніамина. Не зная какъ поступить иначе, я представила своего гостя хозяйку дома.

— Извините что я не встаю, сэръ, сказалъ Декстеръ. — Я не могу встать по той простой причинѣ что у меня нѣтъ ногъ. Вы какъ будто сердитесь что я занялъ ваше кресло. Если это не нравится вамъ, столкните меня своимъ зонтикомъ. Я упаду на руки и не буду въ претензіи. Я готовъ вынести толчокъ и брань, но не разбивайте моего сердца, не выгоняйте меня отсюда. Эта прелестная женщина можетъ быть иногда очень жестокой, сэръ. Она уѣхала въ то самое время когда мнѣ было крайне необходимо поговорить съ ней и оставила меня въ одиночествѣ и въ тревогѣ. Я жалкій калѣка съ горячимъ сердцемъ и, если хотите, съ невысытимальнымъ любоблытствомъ. Ненасытимое любоблытство — испытали ли вы его когда-нибудь? — наказаніе Божіе. Я терпѣлъ его пока мозгъ не началъ кипѣть въ моей головѣ. Тогда я позвалъ своего садовника и заставилъ его привести меня сюда. Мнѣ нравится здѣсь. Воздухъ вашей бібліотеки дѣйствуетъ на меня успокоительно; видъ мистрисъ Валеріи врачуетъ мое истерзанное сердце. Она имѣетъ сказать мнѣ нѣчто что я жажду услышать. Если она не слишкомъ устала отъ дороги и если вы позволите ей поговорить со мной, я обѣщаю убраться отсюда лишь только она кончитъ. Любезнѣйшій мистеръ Веніаминъ, вы кажетесь мнѣ убѣжищемъ страждущихъ. Я страдаю. Пожмите мнѣ руку какъ добрый христіанинъ и примите меня въ это убѣжище.

Онъ протянулъ руку. Его мягкіе голубые глаза приняли выраженіе жалобной мольбы. Совершенно сбитый съ толку странною рѣчью Декстера, Веніаминъ машинально, какъ сонный, взялъ протянутую руку.

— Надѣюсь что вы въ добромъ здоровьѣ, сэръ, сказалъ онъ и оглянулся на меня не зная что дѣлать.

— Я ловимаю мистера Декстера, шепнула я. — Оставьте меня съ нимъ.

— Веніаминъ бросилъ послѣдній робкій взглядъ на странное существо сидѣвшее въ его креслѣ, поклонился ему съ никогда не покидавшею его учтивостью и вышелъ изъ комнаты, все еще какъ бы во снѣ.

Оставшись вдвоемъ мы съ минуту глядѣли другъ на друга молча.

Не знаю уступила ли я бессознательно неистощимой снисходительности съ которой женщина всегда относится къ нуждающемуся въ ней мужчине, или ужасное подозрѣніе мистера Плеймора, казавшееся мнѣ несправедливымъ, располагало меня къ жалости, но въ эту минуту я жалѣла Декстера какъ никогда прежде, и я не рѣшилась сдѣлать ему выговора, отъ котораго не избавила бы никого другаго кто осмѣлился бы войти безъ приглашенія въ домъ Веніамина.

Онъ заговорилъ первый.

— Леди Кларинда уничтожила ваше довѣріе ко мнѣ, началъ онъ съ жаромъ.

— Новсе нѣтъ, возразила я. — Леди Кларинда и не думала объ этомъ. Она не пыталась повліять на мои мнѣнія. Мнѣ дѣйствительно нужно было уѣхать на нѣсколько дней изъ Лондона, какъ я вамъ сообщала.

Онъ вздохнулъ съ облегченіемъ и закрылъ глаза съ такимъ видомъ какъ будто я освободила его отъ сильной тревоги.

— Будьте милостивы ко мнѣ, сказалъ онъ. — Разкажите мнѣ все. Я такъ страдалъ во время вашего отсутствія.

Онъ внезапно открылъ глаза и взглянулъ на меня съ величайшимъ интересомъ.

— Вы очень устали отъ дороги? спросилъ онъ. — Я жажду узнать что случилось на обѣдѣ майора. Не слишкомъ ли жестоко съ моей стороны разспрашивать васъ когда вы еще не отдохнули? Только одинъ вопросъ сегодня. Остальное я оставлю до завтра. Что сказала вамъ леди Кларинда о мистрисъ Боли? Все что вы хотѣли узнать?

— Все и даже болѣе, отвѣчала я.

— Что еще? воскликнулъ онъ съ порывистымъ нетерпѣніемъ.

Я вспомнила предсказаніе мистера Плеймора. Онъ утверждалъ положительно что Декстеръ будетъ продолжать обманывать меня и не выкажетъ никакого удивленія когда я повторю ему разказъ леди Кларинды. Я рѣшилась подвергнуть предсказаніе юриста сильнѣйшему испытанію. Не предупредивъ Декстера ни однимъ словомъ, я сообщила ему мою новость такъ быстро и неожиданно какъ только могла.

— Особа которую вы видѣли въ корридорѣ была не мистрисъ Боли, объявила я. — То была ея служанка, одѣтая въ ея пальто и шляпку. Мистрисъ Боли не была въ это время въ домѣ, она танцевала на костюмированномъ балу въ Единбургѣ. Леди Кларинда узнала это отъ ея горничной, а я узнала отъ леди Кларинды.

Поглощенная интересомъ минуты я произнесла эти слова такъ быстро какъ только могла. Мизерримусъ Декстеръ ни мало не оправдалъ предсказанія юриста. Онъ задрожалъ, глаза его расширились отъ удивленія.

— Повторите ваши слова, воскликнулъ онъ. — Я не могу взять ихъ въ толкъ сразу. Вы ошеломили меня.

Я была болѣе чѣмъ довольна результатомъ, я торжествовала. Наконецъ я имѣла причину быть довольною собой. Въ спорѣ съ мистеромъ Плейморомъ я держалась снисходительной, христіанской точки зрѣнія и оказалась правой. Я могла сидѣть въ одной комнатѣ съ Мизерримусомъ Декстеромъ въ счастливой увѣренности что не дышу однимъ воздухомъ съ отравителемъ. Это одно могло вознаградить меня за поѣздку въ Единбургъ.

Повторяя то что я уже сказала ему, я прибавила и нѣкоторыя подробности дѣлавшія разказъ леди Кларинды понятнымъ и вѣроятнымъ. Онъ выслушалъ меня съ начала до конца съ напряженнымъ вниманіемъ и повторяя про себя нѣкоторыя изъ моихъ словъ, какъ будто для того чтобы хорошенько понять и запомнить ихъ.

— Что сказать на это? Что дѣлать телерь? спросилъ онъ тономъ безнадежнаго отчаянія. — Я не могу не вѣрить. Какъ это ни странно, но вся эта исторія съ начала до конца повидимому справедлива.

(Что почувствовалъ бы мистеръ Плейморъ еслибъ услышалъ эти слова? Считаая его хорошимъ человѣкомъ, я полагала что ему было бы очень стыдно за себя.)

— На это нечего сказать кромѣ того что мистрисъ Боли невинна и что мы съ вами были очень виноваты противъ нея, сказала я. — Согласны вы со мной?

— Я вполне согласенъ съ вами, отвѣчалъ онъ безъ малѣйшаго колебанія. — Мистрисъ Боли невинна. Защитники вашего мужа въ судѣ доказывали правду.

И онъ скрестилъ руки, повидимому вполне довольный своимъ заключеніемъ.

Я не была согласна съ нимъ. Къ моему смущенію я на этотъ разъ оказалась менѣе благоразумною чѣмъ онъ.

Мизерримусъ Декстеръ сдѣлалъ болѣе того на что я рассчитывала. Онъ не только опровергнулъ вполнѣ предсказаніе мистера Плеймора, но пошелъ дальше чѣмъ я ожидала. Я признавала невинность мистрисъ Боли, но признать что защитники моего мужа были правы, значило отказаться отъ надежды доказать его невинность, а эта надежда была также дорога мнѣ какъ моя любовь, какъ моя жизнь.

— Говорите за себя, возразила я. — Что касается меня, я не измѣнила своего мнѣнія о защитѣ.

Онъ встрепенулся и нахмурилъ брови, какъ будто я обманула его ожиданія и рассердила его.

— Не хотите ли вы сказать что вы не отказываетесь отъ своихъ плановъ?

— Да, я не отказываюсь отъ своихъ плановъ.

Онъ рѣшительно рассердился на меня и его обычная учтивость измѣнилась ему.

— Нелѣпо! Невозможно! воскликнулъ онъ презрительно. — Вы сами сказали что мистрисъ Боли невинна. Развѣ можно заподозрить еще кого-нибудь? Объ этомъ смѣшно и спрашивать! Остается только помириться съ фактами. Нельзя оспаривать того что ясно какъ день. Вы *должны* отказаться отъ своихъ плановъ.

— Вы можете сердиться на меня, если угодно, мистеръ Декстеръ. Ни гнѣвъ вашъ, ни ваши аргументы не заставятъ меня отказаться отъ моихъ плановъ.

Онъ овладѣлъ собой. Когда онъ заговорилъ олять, тонъ его былъ слокоенъ и учтивъ.

— Извините меня, если я на минуту предамся собственнымъ мыслямъ, сказалъ онъ. — Мнѣ нужно сдѣлать нѣчто чего я еще не дѣлалъ до сихъ поръ.

— Что же это такое, мистеръ Декстеръ?

— Я хочу поставить себя въ положеніе мистрисъ Боли и думать умомъ мистрисъ Боли, сказалъ онъ. — Оставьте меня на минуту. Благодарю васъ.

Что хотѣлъ онъ сказать? Какая новая перемѣна происходила въ немъ на моихъ глазахъ? Что за загадочный человекъ? Глядя на него теперь, когда онъ углубился въ свои новыя идеи, трудно было представить что это то самое существо которое не задолго проснулось съ такимъ невиннымъ

видомъ и поразило Вениамина своею нескладною, ребяческою рѣчью. Говорятъ что въ каждомъ человѣческомъ характерѣ много сторонъ. Многія стороны характера Декстера выказывались одна за другою съ такою быстротою что я потеряла счетъ имъ.

Онъ поднялъ голову и устремилъ на меня пытливый взглядъ.

— Я вышелъ изъ положенія мистрисъ Боли, объявилъ онъ. — И вотъ что я скажу вамъ. Мы съ вами слишкомъ пылкіе люди и мы нѣсколько послѣдили своимъ заключеніемъ.

Онъ остановился. Я не сказала ничего. Не явилась ли у меня тѣнь подозрѣнія противъ него? Я ждала и слушала.

— Я попрежнему вполнѣ убѣжденъ что леди Кларинда разказала вамъ правду, продолжалъ онъ. — Но подумавъ я увидалъ то чего не видалъ прежде. Ея разказъ допускаетъ два объясненія: одно поверхностное, другое болѣе глубокое. Ради вашихъ интересовъ я заглянулъ подъ поверхность и мнѣ кажется возможнымъ что мистрисъ Боли имѣла достаточно хитрости чтобъ отклонить отъ себя подозрѣніе, выставивъ на видъ свое *alibi*.

Мнѣ совѣстно сознаться что я не знала значенія послѣдняго слова. Онъ замѣтилъ что я не поняла его и высказался яснѣе.

— Не была ли служанка болѣе чѣмъ пассивною соучастницей своей гослужи? сказалъ онъ. — Не была ли она исполнительницей ея замысла? Не шла ли она дать первую дозу мышьяку когда я видѣлъ ее въ корридорѣ? И не провела ли мистрисъ Боли эту ночь въ Единбургѣ для того только чтобъ ея отсутствіе послужило ей оправданіемъ если подозрѣніе падетъ на нее?

Мое смутное подозрѣніе опредѣлилось когда я услышала эти слова. Права ли я была защищая его? Не пытается ли онъ возобновить мое подозрѣніе противъ мистрисъ Боли, какъ предсказалъ мистеръ Плейморъ? Въ этотъ разъ я не могла не отвѣтить ему.

— Странное предположеніе, мистеръ Декстеръ, сказала я.

Къ моему облегченію онъ не сталъ поддерживать свою новую идею.

— Можетъ-быть и странное, согласился онъ. — Я сказалъ только что это возможно, я не стою за свою идею, я придалъ ей можетъ-быть болѣе значенія чѣмъ она стоить. Отбросьте ее какъ смѣшную. Но въ такомъ случаѣ что думаете вы сдѣлать? Если мистрисъ Боли не виновна

въ отравленіи (своею рукою или рукою служанки), то кто же виновенъ? Мистрисъ Боли невинна, Евстаеій невиненъ. Кого еще можете вы залодозрить? Не меня ли? крикнулъ онъ со сверкающими глазами. — Можете ли вы, можете ли кто-нибудь подозрѣвать меня? Я любилъ ее, я обожалъ ее, я пересталъ быть самимъ собою послѣ ея смерти. Слушайте. Я довѣрю вамъ тайну. Не говорите вашему мужу, это можетъ разстроить нашу дружбу. Когда она еще не знала Евстаеія, я готовъ былъ жениться на ней еслибъ она согласилась выйти за меня. Когда доктора сказали мнѣ что она умерла отравленная, спросите доктора Джерома какъ я былъ пораженъ; онъ видѣлъ. Я не спалъ всю ночь ожидая возможности пробраться въ ея комнату. Наконецъ это удалось мнѣ и я простился съ остатками ангела котораго обожалъ. Я плакалъ надъ ней, я поцѣловалъ ее въ первый и въ послѣдній разъ. Я похитилъ маленькій локонъ ея волосъ. Я ношу его съ тѣхъ поръ на груди и цѣлую его днемъ и ночью. О, Боже, я вижу опять эту комнату, я вижу опять это мертвое лицо. Взгляните, взгляните!

Онъ снялъ съ шеи небольшой медальйонъ надѣтый на лентѣ, бросилъ его мнѣ и залился слезами.

Мущина на моемъ мѣстѣ можетъ-быть сохранилъ бы самообладаніе. Будучи женщиной, я поддалась великодушному порыву.

Я встала и подошла къ Декстеру. Я отдала ему медальйонъ и безотчетно положила руку на его плечо.

— Я не слособна подозрѣвать васъ, мистеръ Декстеръ, сказала я. — Я жалѣю васъ всѣмъ сердцемъ.

Онъ схватилъ мою руку и покрылъ ее поцѣлуями. Губы его жгли меня какъ огонь. Онъ быстро повернулся въ креслѣ и обнял мою талию. Въ ужасѣ и негодованіи, тщетно стараясь освободиться отъ него, я позвала на помощь.

Дверь отворилась и на порогѣ показался Веніаминъ. Декстеръ оставилъ меня.

Я подбѣжала къ Веніамину и помѣшала ему войти въ комнату. Съ тѣхъ поръ какъ я знала стараго друга моего отца, я еще никогда не видала его серіозно разсерженнымъ. Теперь же онъ былъ болѣе чѣмъ разсерженъ, онъ былъ блѣденъ, терпѣливый, кроткій старикъ былъ блѣденъ отъ ярости. Я должна была употребить всю свою силу чтобъ удержать его у двери.

— Вы не тронете калѣку! сказала я. — Пошлите сказать его слугѣ чтобъ онъ взялъ его отсюда.

Я увлекла Веніамина изъ комнаты и выходя залерла дверь библіотеки. Экономка была въ столовой. Я послала ее позвать человека сопровождавшаго Декстера.

Онъ пришелъ. Веніаминъ молча отперъ ему дверь библіотеки. Я не могла преодолѣть побужденія, недостойнаго побужденія, заглянуть въ дверь.

Мизерримусъ Декстеръ сидѣлъ согнувшись въ креслѣ. Слуга, этотъ грубый съ виду человекъ, взялъ своего господина на руки съ нѣжностью удивившею меня.

— Спрячьте мое лицо, сказалъ ему Декстеръ разбитымъ голосомъ.

Слуга распахнулъ сюртукъ, закрылъ голову своего господина, и, прижавъ его къ груди, вынесъ изъ дома какъ мать защищающая своего младенца.

ГЛАВА XXXVI.

А р і в а л ь.

Я провела бессонную ночь.

Нанесенное мнѣ оскорбленіе было само по себѣ большою непріятностью, но связанныя съ нимъ послѣдствія могли быть еще непріятнѣе для меня. На моемъ пути, насколько достиженіе цѣли моей жизни зависѣло отъ моихъ личныхъ сношеній съ Мизерримусомъ Декстеромъ, возникло ловидимому непреодолимое препятствіе. Могла ли я позволить себѣ, хотя бы ради интересовъ моего мужа, видѣться съ человекомъ такъ дерзко оскорбившимъ меня? Хотя я не была тѣмъ что называется *pride*, но одна мысль о свиданіи съ нимъ возмущала меня.

Я встала поздно и сѣла къ письменному столу, тщетно стараясь собраться съ духомъ и написать мистеру Плеймору.

Около полудня, когда Веніаминъ ушелъ ненадолго изъ дома, экономка пришла объявить мнѣ что у калитки сада стоитъ какая-то странная посѣтительница желающая видѣть меня.

— Это женщина, сударыня, если я не ошиблась, сообщила она мнѣ таинственно, — большое, неуклюжее, глупое создание въ мужской шляпѣ и съ мужскою тростью въ рукѣ. Она говоритъ что принесла вамъ письмо и не отдастъ его никому кромѣ васъ. Не лучше ли прогнать ее? Какъ вы полагаете?

Узнавъ по описанію кто была странная посѣтительница, я увидѣла экономку поручивъ ей ввести ее немедленно.

Ариэль вошла по обыкновенію молча, но я замѣтила въ ней переѣву поразившую меня. Ея безсмысленные глаза были красны, и мнѣ показалось что на ея толстыхъ щекахъ были слѣды слезъ. Походка ея не отличалась обычною твердостью когда она подходила ко мнѣ. Неужели Ариэль способна быть настолько женщиной чтобы плакать? спросила я себя. Возможно ли дѣло чтобъ она пришла ко мнѣ въ горѣ или въ страхѣ?

— Я слышала что вы принесли мнѣ что-то, сказала я. — Не хотите ли сѣсть?

Не отвѣтивъ мнѣ, не принявъ моего приглашенія сѣсть, она молча протянула мнѣ конвертъ. Я разорвала его. Письмо было отъ Декстера. Вотъ оно:

„Постарайтесь пожалѣть меня, если въ васъ осталось хоть сколько-нибудь жалости къ несчастному человѣку. Я заплакала жестоко за минутное безуміе. Еслибы вы могли видѣть меня, даже вы согласились бы что я наказанъ достаточно. Ради Бога не покидайте меня. Я былъ внѣ себя когда позволилъ себѣ обнаружить чувство которое вы возбуждали во мнѣ. Я никогда не забудусь опять, мое чувство къ вамъ останется тайной которая умретъ со мной. Могу ли я считатьъ что вы довѣрите этому? Нѣтъ. Я не прошу васъ вѣрить мнѣ, я не прошу васъ довѣряться мнѣ впредь. Если вы когда-нибудь согласитесь повидаться со мной опять, возьмите съ собой кого-нибудь кто могъ бы служить вамъ щитомъ. Я заслужилъ это, я покорюсь этому, я буду ждать пока время не усложнитъ вашего гнѣва противъ меня. Я прошу васъ теперь только объ одномъ — оставьте мнѣ надежду. Скажите Ариэль: „я прощаю его и когда-нибудь позволю ему повидаться со мной“. Она заломитъ это изъ любви ко мнѣ. Если же вы отпустите ее безъ этого порученія, знайте что вы обречете меня на безуміе. Спросите ее если не вѣрите мнѣ. Мизерримусъ Декстеръ.“

Прочитавъ письмо, я взглянула на Ариэль.

Она стояла олутивъ глаза въ полъ и протянувъ ко мнѣ трость которую принесла съ собой.

— Возьмите палку, было первыми словами которыя она сказала мнѣ.

— Для чего? спросила я.

Она сдѣлала усиліе надъ своимъ слабымъ умомъ и медленно облекла свои мысли въ слова.

— Вы сердитесь на хозяина, сказала она. — Сорвите злость на мнѣ. Вотъ палка. Бейте меня.

— Бить васъ! воскликнула я.

— Моя спина широка, сказала бѣдная дѣвушка. — Я не буду кричать. Я вытерплю. Не мучайте только его. Берите же палку. Бейте меня.

Она грубо влихнула палку въ мою руку и въ ожиданіи ударовъ повернулась ко мнѣ спиной. Страшно и трогательно было смотрѣть на нее. У меня выступили слезы на глазахъ. Я начала разубѣждать ее кротко и терпѣливо. Тщетная попытка. Мысль вытерпѣть самой наказаніе заслуженное ея господиномъ крѣпко засѣла въ ея голову.

— Не мучайте его, повторила она. — Бейте меня.

— Чтò это значитъ не мучить его? спросила я.

Она хотѣла отвѣтить, но не сумѣла и объяснила мнѣ смыслъ своихъ словъ подражаніемъ. Она подошла къ камину, скорчилась на коврѣ, устремила въ огонь страшный, сосредоточенный взглядъ, сжала голову руками и начала медленно раскачиваться изъ стороны въ сторону.

— Вотъ какъ онъ сидитъ! воскликнула она. — Сидитъ такъ часъ за часомъ, никого не замѣчаетъ, все плачетъ о васъ.

Представленная ею картина напомнила мнѣ мнѣніе доктора о состояніи здоровья Декстера и прямая предсказанія объ опасности ожидающей его впереди. Еслибы даже я могла устоять противъ ходатайства Аріэль, я должна была бы уступить овладѣвшему мною страху чтобы случившееся не имѣло дурныхъ послѣдствій для Декстера.

— Перестаньте! воскликнула я. (Аріэль все еще раскачивалась изъ стороны въ сторону и не сводила глазъ съ огня.)— Встаньте пожалуйста, я перестала сердиться на него, я прощаю его.

Она приподнялась, оперлась на руки и на колѣнки и въ этой собачьей позѣ обратилась ко мнѣ со своею обычною просьбой когда хотѣла лаять хорошенько то чтò ей было оказано.

— Повторите ваши слова.

Я исполнила ея просьбу, но она не удовлетворилась.

— Скажите это такъ какъ написано въ письмѣ, такъ какъ говорилъ хозяинъ, попросила она.

Я справилась съ письмомъ и сказала:—Я прощаю его и когда-нибудь позволю ему повидаться со мной.

Она вскочила. Глаза ея, въ первый разъ съ тѣхъ поръ какъ она вошла въ комнату, приняла осмысленное, радостное выраженіе.

— Вотъ теперь такъ, воскликнула она.— Послушайте, могу ли я повторить, заломила ли я.

Я начала учить ее какъ ребенка, и мало-по-малу, слово за словомъ, она заломила мое порученіе.

— Теперь отдохните, сказала я.— Не хотите ли подкрѣпиться чѣмъ-нибудь послѣ вашей длинной прогулки?

Она не обратила никакого вниманія на мои слова. Она подняла съ полу свою трость и разразилась громкимъ восклицаніемъ торжества.

— Я выучила теперь твердо, воскликнула она.— Это ускользнетъ хозяина. Ура!

Съ этими словами она выскочила изъ комнаты какъ дикій звѣрь изъ клетки. Я послѣдовала за ней, но она уже вышла изъ калитки и шла такимъ быстрымъ шагомъ что гнаться за ней было бы бесполезно.

Я вернулась въ гостиную и задумалась надъ вопросомъ смущавшимъ людей умнѣ меня. Можетъ ли человѣкъ вложить порочный внушить такую преданную любовь къ себѣ какую Декстеръ внушилъ этой женщинѣ и садовнику который наканунѣ обращался съ нимъ такъ нѣжно? Бесполезный вопросъ. Самый отъявленный негодяй всегда имѣетъ друга въ женщинѣ или въ собакѣ.

Я сѣла опять къ письменному столу чтобы написать мистеру Шлеймору.

Припоминая для письма все что сказалъ мнѣ наканунѣ Декстеръ, я остановилась съ особымъ интересомъ на его внезапномъ признаніи въ любви къ покойной мистрисъ Макманъ. Я вообразила себѣ спальню съ мертвымъ тѣломъ и плачущаго надъ нимъ калѣку. Эта страшная картина ослѣдила моимъ воображеніемъ. Я встала и начала ходить по комнатѣ, стараясь обратить мысли на что-нибудь другое. Напрасно: представленіе было слишкомъ живо чтобы я могла

избавиться отъ него такъ скоро. Я сама видѣла спальню и кровать на которой лежала покойница, я сама видѣла корридоръ по которому Декстеръ шелъ проститься съ ней въ послѣдній разъ.

Корридоръ? Я остановилась. Мысли мои внезапно, безъ участія моей воли, приняли новое направленіе.

Какое другое представленіе было связано въ моей памяти съ корридоромъ? Что-нибудь что я видѣла когда была въ Гленвикъ? Нѣтъ. Что-нибудь что я знала изъ отчета? Я схватила книгу. Она открылась на страницѣ занятой показаніемъ судѣлки. Я перечла это показаніе съ самаго начала, и забытое воспоминаніе не оживлялось пока я не дошла до слѣдующихъ строкъ въ самомъ концѣ:

„Прежде чѣмъ лечь въ постель я пошла наверхъ чтобъ убрать тѣло покойницы. Дверь изъ спальни въ корридоръ была залерта, также какъ и дверь изъ спальни мистера Макалана. Ключи, какъ мнѣ сказали, были взяты мистеромъ Гелемъ. У дверей стояли насторожѣ двое изъ слугъ. Ихъ обѣщали освободить въ четыре часа—это все что они знали.“

Вотъ мое забытое представленіе о корридорѣ! Вотъ что мнѣ слѣдовало припомнить когда Мизерримусъ Декстеръ разказывалъ мнѣ о своемъ прощаніи съ покойницей!

Какъ попалъ онъ въ спальню если двери были залерты и ключи взяты мистеромъ Гелемъ? Была только одна дверь ключъ отъ которой не могъ быть взятъ мистеромъ Гелемъ, дверь между спальней и кабинетомъ. Ключъ отъ этой двери былъ неизвѣстно гдѣ. Не былъ ли онъ украденъ и не укралъ ли его Декстеръ? Положимъ что слуги могли заснуть, или что Декстеръ пробрался въ спальню въ ту минуту когда ихъ смѣняли другими, но двери были залерты и онъ не могъ по-пасть въ спальню иначе какъ чрезъ дверь кабинета. А для этого онъ долженъ былъ имѣть ключъ отъ этой двери, онъ долженъ былъ завладѣть имъ за нѣсколько недѣль до смерти мистрисъ Макаланъ, потому что седьмого октября, когда судѣлка прибыла въ Гленвикъ, ключа уже не было въ двери.

Къ какому заключенію приводили эти соображенія и открытія? Не выдалъ ли себя Мизерримусъ Декстеръ въ минуту сильнаго волненія? Не былъ ли исчезнувшій ключъ ключомъ къ открытію тайны, отравленія въ Гленвикъ?

Я вернулась въ третій разъ къ письменному столу. Единственный человѣкъ отъ котораго я могла ждать отвѣта на эти вопросы былъ мистеръ Плейморъ. Я написала ему подробный и тщательный отчетъ обо всемъ случившемся, я попросила его простить и забыть мое прошлое неуваженіе къ его добрымъ совѣтамъ и обѣщала не предпринимать ничего въ моемъ новомъ затрудненіи не узнавъ напередъ его мнѣнія.

День былъ прекрасный. Прогулка могла привести мнѣ пользу послѣ моихъ утреннихъ занятій и тревоженій, и я свесла письмо на почту сама.

Возвратясь домой я узнала что меня ожидаетъ новая посетительница, цивилизованная посетительница въ этотъ разъ, моя свекровь мистрисъ Макалланъ.

Г Л А В А XXXVII.

У постели.

Не успѣла она сказать слова какъ я уже поняла по ея лицу что она пріѣхала съ печальнымъ извѣстіемъ.

— Евстаеій? спросила я.

Она отвѣчала взглядомъ.

— Говорите прямо, воскликнула я.—Я могу вынести все кромѣ неизвѣстности.

Мистрисъ Макалланъ подняла руку и показала мнѣ телеграмму которую до сихъ поръ держала подъ складкой платья.

— Я полагаюсь на ваше мужество, дитя мое, сказала она.— Прочтите.

Я взяла телеграмму. Она была послана изъ небольшого селенія на сѣверѣ Испаніи главнымъ хирургомъ походнаго госпиталя.

„Мистеръ Евстаеій серьезно раненъ въ боевой стычкѣ ружейнымъ выстрѣломъ. Опасности до сихъ поръ нѣтъ. Уходитъ тщательный. Ожидайте другой телеграммы.“

Я отвернулась. Чтò я вытерпѣла въ эту минуту, не передать никакими словами. Я только въ эту минуту поняла всю силу моей любви къ мужу.

Мистрисъ Макалланъ обняла меня и нѣжно прижала къ себѣ. Она знала меня достаточно чтобы не пытаться утѣшить меня въ эту минуту.

Я собралась съ духомъ и указала на послѣднюю фразу въ телеграммѣ.

— Вы намѣрены ждать? спросила я.

— Ни одного дня, отвѣчала она.—Я отправляюсь сейчасъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ за паспортомъ. Кромѣ того я могу получить тамъ письма и совѣты. Я уѣзжаю сегодня съ почтовымъ пароходомъ въ Кале.

— Вы уѣзжаете? возразила я.—Неужели вы думаете что я не поѣду съ вами? Возьмите паспортъ и для меня. Въ семь часовъ вечера я буду у васъ.

Она попробовала отговорить меня, сказала что-то объ опасности поѣздки. Я прервала ее на первыхъ же словахъ.

— Развѣ вы еще не знаете, матушка, какъ я упряма? спросила я.—Васъ могутъ задержать въ министерствѣ. Зачѣмъ терять напрасно драгоценное время?

Она уступила съ необычайною для нея кротостью.

— Узнаетъ ли когда-нибудь мой бѣдный Евстаѣй какую жену послалъ ему Богъ? было все что она сказала.

Она поцѣловала меня и уѣхала.

Мои воспоминанія о нашей поѣздкѣ чрезвычайно смутны.

Когда я стараюсь припомнить наши приключенія въ Испаніи, въ моей памяти встаютъ позднѣйшія и болѣе интересныя событія случившіяся послѣ моего возвращенія въ Англію и все предшествовавшее имъ начинаетъ казаться мнѣ дѣлами давно минувшихъ дней. Я смутно припоминаю задержки и опасности испытывавшія наше терпѣніе и наше мужество. Я помню что благодаря рекомендательнымъ письмамъ мы нашли друзей въ секретарѣ посольства и въ уполномоченномъ ея величества, которые защитили насъ и оказали намъ содѣйствіе въ самомъ критическомъ пунктѣ нашего путешествія. Я припоминаю длинную вереницу людей служившихъ намъ во время путешествія. Всѣ они отличались грязными плащами и чистымъ бѣльемъ, утонченно учтивымъ обращеніемъ съ женщинами и варварскою жестокостью съ лошадьми. Наконецъ и ясное всего остальнаго я припоминаю спальню въ бѣдной деревенской гостиницѣ гдѣ нашъ бѣдный больной лежалъ между жизнью и смертью, нечувствительный къ тому что происходило въ маленькомъ мѣрѣ окружавшемъ его постель.

Въ событіи поставившемъ въ опасность жизнь моего мужа не было ничего ни романческаго, ни интереснаго.

Онъ подошелъ слишкомъ близко къ мѣсту гдѣ происходило сраженіе (ничтожная стычка) и рѣшившаяся спасти одного бѣднаго молодого человека который лежалъ раненый, смертельно раненый какъ оказалось въ послѣдствіи, былъ самъ раненъ ружейною пулей. Товарищи по госпиталю унесли его на свою квартиру съ опасностью собственной жизни. Они всѣ очень любили его. Терпѣливый, кроткій, мужественный, онъ былъ бы самымъ полезнымъ членомъ братства еслибы только не его безразсудная смѣлость.

Рассказавъ мнѣ все это, докторъ прибавилъ внимательное и деликатное предостереженіе.

Раза произвела горячку сопровождаемую по обыкновенію безпамятствомъ. Умъ моего мужа, какъ можно было заключить изъ его несвязныхъ рѣчей, былъ занятъ исключительно мыслями о женѣ. Докторъ слышалъ достаточно чтобы придти къ заключенію что внезапная встрѣча со мной, когда Евстаеій придетъ въ себя, можетъ имѣть прискорбныя послѣдствія. Пока онъ въ безпамятствѣ, что можетъ продолжаться еще нѣсколько недѣль, я могу ухаживать за нимъ безъ всякаго риска, сказалъ докторъ, но когда онъ придетъ въ себя, если только это когда-нибудь случится, я должна буду удалиться и не показываться ему пока докторъ не дастъ на это своего разрѣшенія.

Дни и ночи моя свекровь и я аккуратно смѣняли одна другую у постели больного.

Въ часы бреда, часы возвращавшіеся съ безпощадною аккуратностью, мое имя было постоянно на воспаленныхъ устахъ моего милаго. Господствующею идеей въ его умѣ была страшная идея которую я тщетно оспаривала во время моего послѣдняго свиданія съ нимъ. Онъ былъ убѣжденъ что въ виду вердикта произнесеннаго шотландскими присяжными даже жена его не можетъ быть увѣрена въ его невинности. Всѣ дикія картины которыя рисовало ему его горячее воображеніе были внушены этимъ узорнымъ заблужденіемъ. Онъ воображалъ что я все еще живу съ нимъ и что при всякомъ его поступкѣ я напоминаю ему объ ужасномъ несчастіи омрачившемъ его жизнь. Онъ игралъ свою роль и мою. Онъ подавалъ мнѣ чашку чая, а я говорила ему: „мы поссорились вчера, Евстаеій, не ядъ ли это?“ Онъ цѣловалъ меня въ знакъ примиренія, а я смѣялась и говорила: „теперь утро, милый мой; не умру ли я сегодня въ девять часовъ

вечера? Я лежала больная, и онъ подавалъ мнѣ лѣкарство. Я глядѣла на него сомнительно и говорила: „ты влюбленъ въ другую женщину; нѣтъ ли въ этомъ лѣкарствѣ чего-нибудь о чемъ докторъ не знаетъ?“ Такова была ужасная драма непрерывно разыгрывавшаяся въ его умѣ. Одни и тѣ же разговоры онъ повторялъ безсчетное число разъ. Иногда мысли его обращались на мое отчаянное намѣреніе оправдать его. Онъ то смѣялся надъ нимъ, то оплакивалъ его, то придумывалъ хитрые планы чтобъ остановить меня непредвидѣнными препятствіями. Онъ былъ особенно жестокъ со мной когда пытался помѣшать мнѣ. Онъ совѣтовалъ своимъ воображаемымъ сообщникамъ оскорблять и пугать меня безъ зазрѣнія совѣсти. „Пусть она сердится, пусть она плачетъ“, говорилъ онъ; „все это для ея же пользы. Это спасетъ ее отъ худшаго. Глядите! Она идетъ на оскорбленія, она идетъ на обманы, она идетъ на безчестіе, сама того не подозрѣвая. Спасите ее! Спасите ее!“ Я сознаю что это было слабостью съ моей стороны, что мнѣ слѣдовало постоянно помнить что онъ былъ въ безпамятствѣ, но многіе изъ часовъ проведенныхъ мной у постели моего мужа были часами раскаянія и упадка духа, единственною и невинною причиною которыхъ былъ онъ.

Прошло нѣсколько недѣль, а онъ все еще находился между жизнью и смертью.

Я не слѣдила за ходомъ времени и не могу припомнить точно какого числа обнаружилась первая перемѣна къ лучшему. Я помню только что это было въ прекрасное зимнее утро на разсвѣтѣ. Когда больной проснулся, докторъ былъ случайно у его постели. Взглянувъ на него, докторъ послѣдшилъ сдѣлать мнѣ знакъ чтобъ я молчала и не показывалась мужу. Моя свекровь и я обѣ поняли что это значило и горячо поблагодарили Бога одна за возвращеніе сына, другая мужа.

Въ тотъ же вечеръ, оставшись вдвоемъ, мы заговорили, впервые съ тѣхъ поръ какъ уѣхали изъ отечества, о будущемъ.

— Докторъ говоритъ, сказала мистрисъ Макаланъ,—что пройдетъ еще нѣсколько дней прежде чѣмъ Евстаѳій будетъ въ состояніи вынести что-нибудь неожиданное. Мы еще успѣемъ обдумать слѣдуетъ или нѣтъ сказать ему что онъ обязанъ спасеніемъ своей жизни столько же нашимъ забо-

тамъ, какъ молитъ. Неужели у васъ хватить духу, Валерія покинуть его послѣ того какъ милосердіе Божіе возвратило его вамъ и мнѣ?

— Еслибъ я могла руководиться только внушеніями своего сердца, я не покинула бы его никогда, отвѣчала я.

Мистрисъ Макаланъ взглянула на меня съ изумленіемъ.

— Чѣмъ же еще должны вы руководиться? спросила она.

— Я должна думать о его будущемъ и о своемъ, отвѣчала я. — Я могу вынести многое, матушка, но не вынесу если онъ покинетъ меня вторично.

— Вы несправедливы къ нему, Валерія, я твердо увѣрена что вы несправедливы къ нему считая его способнымъ покинуть васъ опять.

— Милая мистрисъ Макаланъ, развѣ вы уже забыли что онъ говорилъ обо мнѣ когда мы съ вами сидѣли у его постели?

— Но вѣдь это былъ горячечный бредъ. Не жестоко ли ставить Евстаѣю въ вину то что онъ говорилъ въ бреду.

— Еще болѣе жестоко спорить съ его матерью когда она ходатайствуетъ за него, возразила я. — Мой милый, мой лучший другъ! Я не ставлю Евстаѣю въ вину то что онъ говорилъ въ безпамятствѣ, я только принимаю это въ соображеніе. Его бредъ былъ вѣрнымъ отголоскомъ того что онъ говорилъ мнѣ въ полномъ цвѣтѣ силъ и здоровья. Могу ли я надѣяться что онъ измѣнится относительно меня когда выздоровѣетъ? Ни разлука, ни страданія не поколебали его мнѣнія обо мнѣ. Какъ въ горячечномъ бреду, такъ и въ полномъ разсудкѣ онъ одинаково сомнѣвается во мнѣ. Я вижу только одно средство заставить его вернуться ко мнѣ. Я должна уничтожить причину побудившую его покинуть меня. Убѣждать его что я увѣрена въ его невинности бесполезно. Я должна уничтожить необходимость убѣждать его въ этомъ, я должна сдѣлать чтобъ его положеніе относительно меня было положеніемъ оправданнаго человѣка.

— Валерія! Валерія! Вы тратите даромъ и слова и время. Вы уже пытались доказать его невинность и знаете теперь также хорошо какъ и я что это невозможно.

Мнѣ вѣчего было отвѣчать на это. Все что я могла сказать было уже сказано.

— Положимъ что изъ сожалѣнія къ сумашедшему, жалкому негодяю который уже оскорбилъ васъ, вы отправитесь къ нему опять. Вы можете съѣздить къ нему со мной или

съ какимъ-нибудь другимъ провожатымъ, на котораго можно положиться. Но къ чему это поведетъ? Вы посадите съ нимъ немного чтобъ успокоить его больное воображеніе и уйдете безъ всякой пользы для себя. Если даже Декстеръ все еще способенъ помочь вамъ, можете ли вы воспользоваться его помощью? Для этого вы должны были бы возобновить съ нимъ прежнія дружескія, довѣрчивыя отношенія. Отвѣчайте мнѣ прямо: неужели вы можете принудить себя къ этому послѣ того что случилось въ домѣ мистера Вениамина?

Естественное довѣріе которое она внушила мнѣ какъ родственница и какъ слугница въ путешествіи побудило меня разказать ей о моемъ послѣднемъ свиданіи съ Декстеромъ. И вотъ какъ она воспользовалась своими свѣдѣніями. Мнѣ кажется что я не имѣла права осуждать ее, что цѣль ея оправдывала средство. Во всякомъ случаѣ мнѣ приходилось или разсердиться, или отвѣтить. Я отвѣтила. Я созналась что никогда не буду въ состояніи обращаться съ Декстеромъ какъ съ другомъ.

Мистрисъ Макаланъ безжалостно воспользовалась выиграннымъ преимуществомъ.

— Хорошо, сказала она. — Такъ какъ этотъ путь уже закрытъ для васъ, на что вы надѣнетесь? Куда намѣрены вы обратиться?

Въ моемъ тогдашнемъ положеніи у меня не было отвѣта на эти вопросы. Я была не похожа на себя. Я промолчала, а мистрисъ Макаланъ нанесла новый ударъ довершившій ея побѣду.

— Мой бѣдный Евстаѣй, продолжала она, — малодушенъ и своеволенъ, но его нельзя упрекнуть въ неблагодарности. Вы отплатили ему добромъ за зло. Вытерпѣвъ ради него столько опасностей и лишеній, вы доказали какъ неизмѣнно и преданно вы любите его. Довѣрьтесь мнѣ и ему. Онъ не устоитъ противъ васъ. Пусть онъ только увидитъ милое лицо полное прежней любви къ нему и онъ будетъ вашъ на всю жизнь, дитя мое. Она встала, подошла ко мнѣ и поцѣловала меня въ лобъ. Въ голосѣ ея слышалась такая нѣжность какой она еще не выказывала мнѣ. — Скажите „да“, Валеріи, прошелтала она, — и вы будете для меня и для него милѣ чѣмъ когда-либо.

Мое сердце держало ея сторону. Моя энергія была истощена. Отъ мистера Плеймора не было никакого письма что

ободрить и поддержать меня. Я сопротивлялась такъ долго и тщетно, я вытерпѣла столько тяжелыхъ неудачъ и разочарованій, и въ добавокъ оны были въ одномъ домѣ со мной, оны только-что начинали возвращаться къ жизни и къ сознанію. Могла ли я устоять? Сказавъ „да“ я должна была проститься съ самой завѣтною мечтою моего честолюбія, съ самой благородною надеждою моей жизни. Я знала это и сказала: да.

Конецъ благородной борьбы! Я рѣшилась покориться, я рѣшилась признать себя побѣжденною.

Моя свекровь и я спали въ единственномъ убѣжищѣ которое могли найти въ гостиницѣ, въ маленькой каморкѣ подъ самою крышею. Ночь послѣдовавшая за нашимъ разговоромъ была очень холодная. Мы зябли несмотря на теплыя блузы и морозные плаеды. Моя свекровь спала, но я не могла найти покоя. Я думала о моемъ измѣнившемся положеніи и была слишкомъ взволнована и слишкомъ несчастна чтобы заснуть.

Прошло нѣсколько часовъ и я все еще была погружена въ мои грустные размышленія когда вдругъ почувствовала новое и странное ощущеніе которое удивило и испугало меня. Я вскочила на постели едва дыша отъ волненія. Мое движеніе разбудило мистрисъ Макалавъ.

— Что съ вами? спросила она.— Не больны ли вы?

— Я объяснила ей какъ умѣла что я чувствовала. Она повидимому поняла меня прежде чѣмъ я договорила. Она нѣжно обняла меня и прижала къ груди.

— Мое бѣдное, невинное дитя, сказала она.— Неужели вы не знаете и я должна сказать вамъ?

Слѣдующія слова она сказала шепотомъ. Забуду ли я когда-нибудь борьбу чувствъ которую возбудили во мнѣ эти слова, странную смѣсь радости и страха, удивленія и облегченія, гордости и смиренія наполнившихъ все мое существо и сблизившихъ меня съ этой минуты другою женщиной? Я знала что если Господь продлитъ мою жизнь еще на нѣсколько мѣсяцевъ, я получу самую прочную и самую священную изъ земныхъ радостей, радость быть матерью.

Не знаю какъ прошла остальная часть ночи. Я помню только что когда настало утро, я вышла подышать свѣжимъ, холоднымъ воздухомъ на открытую поляну разстилающуюся за гостиницею.

Я сказала уже что я чувствовала себя другою женщиной. Утро застало меня вооруженною новою рѣшимостью и новымъ мужествомъ. Я узнала что теперь мнѣ приходилось думать не о мужѣ только. Его доброе имя было теперь не его и моимъ только именемъ, оно могло сдѣлаться скоро самымъ священнымъ наслѣдіемъ какое онъ могъ оставить своему ребенку. Что я сдѣлала когда еще не знала этого? Я отказалась отъ надежды освободить его имя отъ лежавшаго на немъ пятна, отъ постыднаго пятна, какъ бы ни было оно незначительно въ глазахъ закона. Со временемъ нашъ ребенокъ можетъ услышать отъ злыхъ языковъ: „Твой отецъ судился за самое гнусное изъ преступленій и не былъ оправданъ.“ Съ этой возможностью впереди могла ли я смотрѣть смѣло на предстоящее рожденіе ребенка? Нѣтъ. Я должна была сдѣлать еще попытку проникнуть въ совѣсть Мизерримуса Декстера, я должна была возобновить борьбу и доказать свѣту невинность моего мужа и отца моего ребенка.

Я вернулась домой одушевленная новою рѣшимостью. Я открыла свое сердце моему другу и матери, я сказала ей какая перемена произошла во мнѣ послѣ нашего послѣдняго разговора.

Она была болѣе чѣмъ разочарована, она была почти оскорблена. Новое счастье ожидавшее насъ впереди могло, по ее словамъ, составить новую связь между мною и мужемъ. Всякія другія соображенія казались ей пустыми фантазіями. Если я покину теперь Евстаѳіа, сказала она, я поступлю безсердечно и глуло и буду до конца моей жизни раскаиваться что упустила этотъ случай сойтись опять съ мужемъ.

Я вынесла тяжелую борьбу, я мучилась ужасными сомнѣніями, но я не уступила въ этотъ разъ. Я старалась не забывать ни на минуту что дѣло идетъ о чести отца, о наслѣдіи ребенка. Но по временамъ и эта мысль теряла свою силу, я упала духомъ и начинала плакать, потомъ сама стыдилась своего малодушія. Но мое природное упрямство, какъ выразилась мистрисъ Макалавъ, помогло мнѣ выдержать эту борьбу до конца. Время отъ времени, когда Евстаѳій засыпалъ, я ходила посмотрѣть на него, и хотя сердце мое сжималось отъ горя и сожалѣнія при взглядѣ на него, но эти тайныя посѣщенія тѣмъ не менѣе служили мнѣ поддержкой. Я не берусь объяснить это противорѣчіе, а привожу его только какъ фактъ.

Я сдѣлала мистрисъ Макалланъ только одну уступку, я согласилась подождать два дня прежде чѣмъ предпринять что-нибудь для возвращенія въ Англiю.

И я хорошо сдѣлала что согласилась подождать. На другой день директоръ походнаго госпиталя послалъ на почту въ ближайшій городъ за письмами адресованными къ нему и на его имя для передачи. Посланный принесъ письмо ко мнѣ. Писеркъ оказался мнѣ знакомымъ и я не ошиблась. Отвѣтъ мистера Плеймора дошелъ наконецъ до меня.

Еслибъ я была въ опасности перемѣнить свое рѣшенiе и отказаться отъ возобновленiя борьбы, письмо мистера Плеймора спасло бы меня отъ этого. Приведенный ниже отрывокъ заключаетъ сущность его письма и показываетъ какъ онъ ободрилъ меня когда я такъ нуждалась въ дружескомъ ободренiи.

„Теперь позвольте мнѣ разказать вамъ (писалъ онъ) что я сдѣлалъ для того чтобы провѣрить заключенiе къ которому приводить ваше письмо.

„Я отыскалъ одного изъ слугъ стоявшихъ насторожѣ у дверей въ ночь смерти первой мистрисъ Макалланъ. Этотъ человекъ ясно помнитъ что Мизерримусъ Декстеръ внезапно появился предъ нимъ и его товарищемъ много спустя послѣ того какъ домъ усложился на ночь. Декстеръ сказалъ имъ: „я думаю что мнѣ можно пойти почитать въ кабинетъ. Я не могу спать послѣ случившагося. Мнѣ нужно развлечься чѣмъ-нибудь.“ Слугамъ не было приказано охранять кабинетъ. Они знали что дверь между кабинетомъ и спальней заперта и что ключи отъ другихъ дверей унесены мистеромъ Гелемъ. Они пустили Декстера въ кабинетъ. Онъ вошелъ, заперъ за собою дверь и пробылъ нѣсколько времени — въ кабинетѣ, какъ полагали слуги, — въ спальнѣ, какъ мы съ вами знаемъ изъ того что онъ разказалъ вамъ во время своего послѣдняго свиданiя съ вами. Войти же въ спальню, какъ вы правильно рассуждаете, онъ могъ не иначе какъ обладая пропавшимъ ключомъ. Какъ долго онъ пробылъ тамъ я не знаю, но это не важно. Слуга помнитъ только что онъ вышелъ изъ кабинета блѣдный какъ смерть и ушелъ въ свою комнату молча.

„Вотъ факты. Заключенiе къ которому они приводятъ имѣетъ чрезвычайно важное значенiе. Оно оправдываетъ все что я сказалъ вамъ въ моей Эдинбургской конторѣ. Вы

помните что произошло между нами. Я не скажу ничего болѣе.

„Теперь о васъ самой. Вы неумышленно возбудили въ Мизерримусѣ Декстерѣ чувство къ вамъ которое я не считаю нужнымъ опредѣлять. Въ вашей фигурѣ и въ нѣкоторыхъ вашихъ движеніяхъ есть дѣйствительно что-то такое что напоминаетъ покойную мистрисъ Макаланъ тѣмъ кто зналъ ее хорошо. Это сходство очевидно имѣетъ вліяніе на Декстера. Позвольте мнѣ напомнить вамъ что онъ показалъ себя неспособнымъ обдумывать свои слова въ вашемъ присутствіи. Возможно и даже весьма вѣроятно что онъ скомпрометтировалъ бы себя еще болѣе еслибы вы дали ему случай къ тому. Зная ваши интересы, я считаю себя обязаннымъ высказаться на этотъ счетъ откровенно. Я ни мало не сомнѣваюсь что вы сдѣлали шагъ впередъ къ вашей цѣли съ тѣхъ поръ какъ уѣхали изъ Единбурга. Я заключилъ изъ вашего письма и изъ моихъ собственныхъ открытій что Декстеръ былъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ покойною леди (съ ея стороны это были конечно самыя невинныя сношенія) и что онъ не только входилъ въ ея комнату послѣ ея смерти, но можетъ-быть былъ тамъ не разъ въ теченіе послѣднихъ недѣль ея жизни. Я не скрываю ни отъ себя, ни отъ васъ моего твердаго убѣжденія что еслибы вы открыли каковы были эти сношенія, то вы по, всей вѣроятности нашли бы возможность доказать невинность вашего мужа. Какъ честный человѣкъ я обязанъ сказать это вамъ. Съ другой стороны, какъ честный человѣкъ, я обязанъ прибавить что даже зная вашу цѣль я не могу взять на себя посоветовать вамъ повидаться опять съ Декстеромъ. Я не могу и не хочу взять на себя такую отвѣтственность; окончательное рѣшеніе должно быть предоставлено вамъ. Я прошу васъ только объ одномъ одолженіи: сообщите мнѣ ваше рѣшеніе когда примите его.“

Затрудненія страшившія моего почтеннаго корреспондента не были затрудненіями для меня. Мое рѣшеніе было принято прежде чѣмъ я дочитала его письмо до конца.

Почта во Францію отходила на слѣдующій день. Я могла еслибы захотѣла, пользуясь протекціей кондуктора, получить мѣсто въ почтовомъ экипажѣ. Не посоветовавшись ни съ однимъ живымъ существомъ, рѣшительная какъ всегда, опрометчивая какъ всегда, я взяла его.

Г Л А В А XXXVIII.

На обратномъ пути.

Еслибъ я уѣхала изъ испанской гостиницы въ собственномъ экипажѣ, остальные главы моего разказа не были бы написаны. Не прошло бы часа какъ я приказала бы кучеру вернуться назадъ.

Можетъ ли кто похвалиться непоколебимою твердостью?

Предлагая этотъ вопросъ я говорю только о женщинахъ. Я была тверда когда не обратила вниманія на сомнѣнія и предостереженія мистера Плеймора, я была тверда когда устояла противъ просьбъ и убѣжденій моей свекрови, я была тверда когда взяла мѣсто въ diligencѣ отправлявшемся во Францію. Но минутъ десять спустя послѣ того какъ мы отъѣхали отъ гостиницы, мое мужество начало колобаться, еще немного позже оно совсѣмъ покинуло меня и я сказала себѣ: „несчастливая, ты рѣшилась бросить мужа!“ Въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ послѣ этого я охотно остановила бы экипажъ еслибы могла. Я ненавидѣла кондуктора, добрѣйшаго человека, я ненавидѣла испанскихъ лони которые бодро вели меня впередъ позванивая колокольчиками, я ненавидѣла свѣтлый день придававшій радостный видъ всему что окружало меня, я ненавидѣла свѣжій воздухъ которымъ должна была дышать съ наслажденіемъ, вопреки моей волѣ. Ни одно путешествіе не было для меня столь неприятнымъ какъ мое удобное и безопасное путешествіе до границы. Одно только утѣшеніе было у меня—прядь волосъ Евстація. Я уѣхала рано утромъ когда онъ еще спалъ. Я могла предъ отъѣздомъ войти безопасно въ его комнату, поцѣловать его, поплакать надъ нимъ и отрѣзать прядь его волосъ. Я до сихъ поръ не могу понять какъ у меня хватило духу покинуть его. Мнѣ кажется что мнѣ помогла въ этомъ неумышленно моя свекровь. Она вошла въ комнату съ тордо поднятою головой, съ холоднымъ взглядомъ и сказала мнѣ: „Если вы действительно рѣшились уѣхать, Валерія, экипажъ готовъ“. Какая женщина хоть съ небольшимъ самолюбіемъ не рѣшилась бы при такихъ обстоятельствахъ? Я рѣшилась и уѣхала. Потомъ я раскаялась въ этомъ. Жалкое созданіе!

Время считается самымъ могущественнымъ утѣшителемъ огорченныхъ смертныхъ. Мнѣ кажется что заслуги времени въ этомъ отношеніи преувеличиваются. Разстояніе производитъ такое же благодѣтельное дѣйствіе гораздо быстрее и (при содѣйствіи перемѣны) гораздо прочѣе. На желѣзной дорогѣ въ Парижъ я уже была въ силахъ взглянуть на свое положеніе разсудительнѣе. Я вспомнила что мужъ мой послѣ перваго удивленія и первой радости могъ не оправдать предвѣщаній своей матери. Я знала что постукала неосторожно отправляясь опять къ Декстеру; но съ другой стороны, развѣ осторожно было бы вернуться безъ приглашенія къ мужу, послѣ того какъ онъ объявилъ мнѣ что супружеское счастье для насъ невозможно, и что мы не можемъ жить вмѣстѣ? Притомъ я еще имѣла надежду что будущее оправдаетъ меня не только въ моемъ собственномъ мнѣніи, но и во мнѣніи мужа, что онъ когда-нибудь скажетъ: она была слишкомъ любопытна, она открыла тайну до которой ей не было никакого дѣла, она упорствовала въ своемъ рѣшеніи и не хотѣла слушаться благоразумныхъ людей, но въ концѣ-концовъ она искупила все это, она оказалась правой.

Я осталась въ Парижѣ на одинъ день и написала три письма.

Одно къ Веніамину, чтобы предупредить его что я приѣду на слѣдующій день вечеромъ. Другое къ мистеру Плеймору, съ уведомленіемъ его что я рѣшила сдѣлать послѣднее усиліе для разъясненія тайны преступленія въ Гленвикѣ. Третье (очень краткое) къ Евстаѣю. Я созналась ему что помогала ухаживать за нимъ во время опаснаго періода его болѣзни, созналась также и въ причинѣ заставившей меня покинуть его и просила его не осуждать меня пока время не покажетъ что покидая его я любила его болѣе чѣмъ когда-либо. Это письмо я адресовала на имя мистрисъ Макалланъ прося ее передать его сыну когда она сочтетъ удобнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я рѣшительно запрещала ей говорить Евстаѣю о новой связи между нами. Хотя онъ покинулъ меня, но я хотѣла чтобъ онъ узналъ это не иначе какъ отъ меня самой. Не спрашивайте почему. Есть нѣкоторыя обстоятельства о которыхъ я не хочу говорить.

Отправивъ письма я исполнила свой долгъ и приготовилась сдѣлать послѣдній ходъ въ моей игрѣ, въ игрѣ съ сомнительнымъ исходомъ, шансы которой не выяснились еще ни за меня, ни противъ меня.

ГЛАВА XXXIX.

На пути къ Декстеру.

— Честное слово, Валерія, я думаю что безуміе этого чужеземца заразительно, и что вы заразились имъ.

Таково было мнѣніе Веніамина когда я разказала ему по возвращеніи о моемъ намѣреніи отправиться олять къ Декстеру.

Рѣшившись настоять на своемъ во что бы то ни стало, я заставила себя прибѣгнуть къ помощи кроткихъ увѣщаній. Я попросила моего добраго стараго друга быть снисходительнѣе ко мнѣ.

— И вспомните что я уже сказала вамъ, прибавила я. — Мнѣ крайне необходимо повидаться олять съ Декстеромъ.

Эти слова только подлили масла въ огонь.

— Крайне необходимо повидаться съ человѣкомъ который такъ дерзко оскорбилъ васъ въ этомъ самомъ домѣ, воскликнулъ Веніаминъ презрительно.

Я сознаюсь что это было дурно съ моей стороны, но добродѣтельное негодованіе Веніамина было такъ добродѣтельно что пробудило во мнѣ злобный духъ противорѣчія. Я не могла удержаться отъ искушенія подразнить его.

— Тихе, мой добрый другъ, тихе, возразила я. — Мы должны смотрѣть снисходительнѣе на человѣка страдающаго такими недугами какъ Декстеръ и живущаго такою жизнью какъ онъ. Наша скромность не должна заходить за границы благоразумія. Я начинаю думать что я сама тогда сгоряча придаала его посылку слишкомъ большое значеніе. Женщина уважающая себя и отдавшая все свое сердце мужу можетъ не считать себя жестоко оскорбленною тѣмъ что несчастный каляка обнялъ ея талію. Добродѣтельное негодованіе иногда очень дешевое негодованіе. Притомъ я уже простила его. Почему же и вамъ не простить его? Онъ не забудется въ нашемъ присутствіи. Домъ его самъ по себѣ рѣдкость, я увѣрена что вы найдете тамъ много интереснаго для васъ. Одна картина могутъ вознаградить за поѣздку. Я напишу ему сегодня и предупрежу его что мы будемъ у него завтра. Мы должны сдѣлать этотъ визитъ изъ уваженія къ самимъ

себѣ если не къ нему. Оглянитесь вокругъ, Веніаминъ, и вы увидите что снисходительность ко всѣмъ и каждому есть отличительная добродѣтель нашего времени. Бѣдный Декстеръ не долженъ быть лишень современнаго преимущества. Полно, другъ мой, идите въ уровень съ своимъ временемъ, откройте свой умъ для воспріятія новыхъ идей.

Вмѣсто того чтобы принять это учтливое приглашеніе, мой почтенный другъ накинудся на новое время какъ быкъ на красное сукно.

— Новая идея! воскликнулъ онъ. — Какъ не принять новыхъ идей, Валерія! Старая нравственность была ложною нравственностью, старыя понятія отжили свой вѣкъ. Послѣдуемъ за своимъ временемъ. Въ наше время все нипочемъ. Жена въ Англіи, мужъ въ Испаніи. Обвѣнчаны они, или нѣтъ, живутъ они вмѣстѣ, или нѣтъ, по новымъ идеямъ это все равно. Я отправлюсь съ вами, Валерія, я буду достоинъ поколѣнія съ которымъ живу. Покончивъ съ Декстеромъ, мы не остановимся на половинѣ дороги. Мы начнемъ ходить на лекціи, мы познакомимся съ новоиспеченною наукою, мы послушаемъ новѣйшаго изъ новыхъ профессоровъ, того который былъ свидѣтелемъ мірозданія и знаетъ до мельчайшихъ подробностей какъ былъ сотворенъ міръ и во сколько времени. Мы не забудемъ и новаго Соломова самаго современнаго изъ современныхъ философовъ, того который считаетъ утѣшенія религіи безвредными игрушками и добродушно сознается что онъ былъ бы счастливѣе еслибы способенъ былъ играть этими игрушками какъ играютъ другіе. О, новыя идеи, новыя идеи! Какія утѣшительныя, возвышающія душу открытія сдѣланы новыми идеями! Мы всѣ были обезьянами прежде чѣмъ сдѣлались людьми и молекулами прежде чѣмъ сдѣлались обезьянами. Все это нипочемъ для новаго времени. И кто теперь останавливается предъ чѣмъ бы то ни было. Я послѣдую за вами, Валерія, я готовъ. Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Отправимтесь къ Декстеру.

— Я очень рада что вы согласны со мной, но зачѣмъ же торопиться, возразила я. — Мы отправимся къ Декстеру завтра въ три часа. Я сейчасъ напишу ему чтобы онъ ждалъ насъ. Куда вы?

— Я иду очистить мысли, отвѣчалъ онъ угрюмо. — Я иду читать въ бібліотеку.

— Что вы будете читать?

— Прочту *Котъ въ сапогахъ*, *Джековъ Бобъ* и еще что-нибудь что не имѣетъ ничего общаго съ нашимъ временемъ.

Съ этимъ прощальнымъ выстрѣломъ въ новое время мой другъ ушелъ отъ меня.

Написавъ и отославъ письмо, я спросила себя съ нѣкоторымъ безлокойствомъ, въ какомъ состояніи здоровья найду я Декстера? Не можетъ ли кто изъ домашнихъ сообщить мнѣ что-нибудь о немъ? Обратиться съ этимъ вопросомъ къ Веніамину значило бы вызвать новую вспышку. Пока я все еще раздумывала въ комнату вошла экономка по какому-то хозяйственному дѣлу. Я спросила ее на удачу не слыхала ли она безъ меня о странной особѣ которая однажды такъ напугала ее.

Экономка покачала головой съ такимъ видомъ какъ будто самый разговоръ о странной особѣ казался ей непристойнымъ.

— Около недѣли спустя послѣ вашего отъѣзда, сударыня, сказала она съ необычайною строгостью въ голосѣ и тщательно выбирая слова, — особа о которой вы говорите имѣла дерзость прислать вамъ письмо. Посланному было сказано, по приказанію мистера Веніамина, что вы уѣхали за границу и что онъ можетъ убираться съ своимъ письмомъ куда хочетъ. Нѣсколько дней спустя, когда я пила чай у экономки мистрисъ Макаланъ, мнѣ пришлось опять услышать объ этой особѣ. Онъ заѣзжалъ въ домъ мистрисъ Макаланъ чтобы узнать о васъ. Непостижимое дѣло какъ онъ держится безъ ногъ въ своемъ кабріолетѣ! Но не въ этомъ дѣло. Безъ ногъ онъ, или съ ногами, но экономка видѣла его и говорить, какъ и я, что не забудетъ его до смертнаго часа. Она сказала ему что мистеръ Евстаеій заболѣлъ за границей и что вы отправились ухаживать за нимъ. Онъ уѣхалъ, по словамъ экономки, со слезами на глазахъ и съ проклятіями на устахъ. Это все что я знаю объ этой особѣ, сударыня, и извините если я осмѣлюсь прибавить что этотъ разговоръ чрезвычайно неприятенъ для меня.

Она сдѣлала формальный книксенъ и вышла изъ комнаты.

Оставшись одна я начала думать съ большимъ безлокойствомъ чѣмъ прежде объ испытаніи предстоящемъ мнѣ на другой день. Судя по тому что я сейчасъ услышала, Декстеръ переносилъ мое отсутствіе не совсѣмъ терпѣливо и

подавалъ также мало надежды какъ и прежде на поправленіе его первой системы.

На слѣдующее утро я получила отвѣтъ мистера Плеймора на мое письмо изъ Парижа.

Онъ отвѣчалъ очень кратко, не одобряя и не порицая моего рѣшенія, но настоятельно совѣтуя мнѣ взять съ собой компетентнаго свидѣтеля. Самая интересная часть письма была въ концѣ. „Вы должны быть готовы“, писалъ онъ, „найти въ Декстерѣ перемѣну къ худшему. Одинъ изъ моихъ друзей видѣлся съ нимъ нѣсколько дней тому назадъ по дѣлу и былъ пораженъ происшедшею въ немъ перемѣной. Ваше присутствіе конечно повліяетъ на него такъ или иначе. Я не могу дать вамъ никакихъ инструкцій касательно обращенія съ нимъ, вы должны будете примѣняться къ обстоятельствамъ. Вашъ собственный тактъ покажетъ вамъ слѣдуетъ ли поощрять его говорить о покойной мистрисъ Макалланъ, или нѣтъ. Но всѣ шансы что онъ какъ-нибудь выдастъ себя связаны, какъ мнѣ кажется, съ разговоромъ о ней. Постарайтесь завязать его если будетъ возможно.“ Далѣе былъ прибавленъ слѣдующій постскриптумъ: „Спросите мистера Веніамина не слышалъ ли онъ какъ Декстеръ разказывалъ вамъ о своемъ прощаніи съ тѣломъ мистрисъ Макалланъ въ ночь ея смерти.“

Я предложила этотъ вопросъ Веніамину когда мы съѣли завтракать предъ отправленіемъ на далекую окраину города гдѣ жилъ Декстеръ. Мой старый другъ все еще сердился на меня за предстоящую поѣздку. Отвѣчая мнѣ онъ былъ необыч. йно мраченъ и необычайно скулъ на слова.

— Я не имѣю обыкновенія подслушивать, сказалъ онъ, — но нѣкоторые люди говорятъ такъ что ихъ нельзя не слышать. Мистеръ Декстеръ одинъ изъ нихъ.

— Такъ вы слышали? спросила я.

— Дверь и стѣна не могли заглушить его голоса, отвѣчалъ Веніаминъ. — Я слышалъ что онъ говорилъ. Наглый человѣкъ, вотъ мое мнѣніе.

— Сегодня мнѣ можетъ-быть понадобится чтобъ вы не только слышали что онъ будетъ говорить, рѣшилась я сказать, — но чтобы вы записывали нѣкоторыя изъ его словъ. Вы когда-то писали письма моего отца подъ его диктовку. Не сохранилось ли у васъ одной изъ вашихъ записныхъ книжекъ?

Веніаминъ поднялъ на меня глаза съ выраженіемъ строгаго удивленія.

— Писать подъ диктовку великаго коммерсанта, вести обширную корреспонденцію гдѣ отъ одного слова тысячи фунтовъ переходятъ изъ рукъ въ руки, не то же самое что записывать бредъ полоумнаго чудовища котораго слѣдовало бы держать въ клеткѣ, сказалъ онъ. — Вашъ почтенный батюшка, Валерія, никогда не сдѣлалъ бы мнѣ такого предложенія.

— Простите меня, Веніаминъ, я не могу не просить васъ объ этомъ. Вы можете принести мнѣ громадную пользу. Уступите на этотъ разъ ради меня; милый другъ мой.

Веніаминъ опустил глаза въ тарелку съ видомъ печальной покорности показавшей мнѣ что я достигла своей цѣли.

— Я всегда жилъ какъ привязанный къ тесемкамъ ея передника, пробормоталъ онъ про себя. — Теперь поздно думать объ освобожденіи. — Онъ взглянулъ опять на меня. — Я полагалъ что уже кончилъ со службой, но оказывается что мнѣ приходится превратиться опять въ клерка, сказалъ онъ. — Что требуется отъ меня теперь?

Въ эту минуту намъ объявили что экипажъ ждетъ насъ у калитки. Я встала, взяла его руку и съ чувствомъ искренней благодарности поцѣловала его румяную щеку.

— Отъ васъ требуется, сказала я, — чтобы вы сѣли позади мистера Декстера такъ чтобъ онъ не могъ видѣть васъ, но чтобъ вы могли видѣть меня.

— Чѣмъ меньше придется мнѣ видѣть Декстера, тѣмъ я буду довольнѣе, проворчалъ Веніаминъ. — Что же мнѣ дѣлать послѣ того какъ я усядусь позади его?

— Вы должны ждать пока я не сдѣлаю вамъ знака; когда я сдѣлаю знакъ вы начнете записывать то что будетъ говорить Декстеръ и будете писать пока я не сдѣлаю вамъ другаго знака чтобъ вы перестали.

— Хорошо, сказалъ Веніаминъ. — Какой же знакъ будетъ означать чтобъ я началъ и какой чтобъ я кончилъ?

Я еще не придумала знаковъ и полпросила Веніамина помочь мнѣ. Нѣтъ, онъ не хотѣлъ принять никакого дѣятельнаго участія въ дѣлѣ. Онъ согласился быть пассивнымъ орудіемъ, но этимъ ограничивалась его уступка.

Предоставленная собственнымъ ресурсамъ, я нашла не легкимъ дѣломъ изобрѣсти такую телеграфическую систему

которая была бы удобна для Веніамина и вмѣстѣ съ тѣмъ не возбудила бы сильно развитой подозрительности Декстера. Ища въ своемъ костюмѣ чего-нибудь что могло бы послужить мнѣ орудіемъ, я взглянула въ зеркало. Мои серьги вывели меня изъ затрудненія.

— Я постараюсь сѣсть въ кресло, сказала я. — Когда вы увидите что я облокочусь на ручку кресла и поднесу пальцы къ серьгѣ какъ будто играю ею, начинайте писать что онъ будетъ говорить и продолжайте пока я.... пока я не двину кресло. При этомъ звукъ остановитесь. Появилъ вы меня?

— Понялъ.

Мы отправились къ Дектеру.

Г Л А В А XL.

Немезида.

Въ этотъ разъ каютка была отворена садовникомъ. Онъ очевидно получилъ приказанія насчетъ насъ.

— Мистрисъ Валерія? спросилъ онъ.

— Да.

— И другъ?

— И другъ.

— Пожалуйте наверхъ. Вы знакомы съ домою.

Пройдя переднюю я остановилась и оглянулась на Веніамина который все еще держалъ въ рукѣ свою любимую лалку.

— Ваша лалка будетъ мѣшать вамъ, сказала я. — Не лучше ли оставить ее здѣсь?

— Моя лалка можетъ пригодиться мнѣ наверху, возразилъ онъ. — Я не забылъ что случилось въ моей бібліотекѣ.

Спорить съ нимъ было не время и я повернула къ лѣстницѣ.

Поднимаясь наверхъ я была поражена внезапнымъ крикомъ, страдальческимъ крикомъ, повторившимся два раза прежде чѣмъ мы дошли до круглой прихожей. Я вошла въ сосѣднюю комнату первая и увидала многостороннаго Мизерримуса Декстера съ новой стороны.

Несчастная Ариэль стояла у стола предъ блюдомъ наполненнымъ маленькими пироженками. Обѣ ея руки были обвязаны выше локтей веревками концы которыхъ были въ рукахъ Декстера сидѣвшаго въ двухъ шагахъ отъ нея.

— Попробуй еще, моя красавица, сказалъ онъ ей когда я остановилась въ дверяхъ. — Возьми пирожокъ.

При этомъ приказаніи Аріэль покорно протянула руку къ блюду. Лишь только она притронулась концами пальцевъ къ одному изъ пирожковъ рука ея была отдернута веревкой съ такою силой и съ такою дьявольскою жестокостью что я готова была схватить палку Веніамина и изломать ее о спину Декстера. Аріэль вытерпѣла въ этотъ разъ боль со спартакскою твердостью. Она стояла лицомъ къ двери и увидала меня первая. Зубы ея были стиснуты, лицо горѣло отъ усилія которое она дѣлала надъ собой. Въ моемъ присутствіи она не выдала своего страданія ни малѣйшимъ звукомъ.

— Бросьте веревки, крикнула я съ негодованіемъ. — Освободите ее, мистеръ Декстеръ, или я уйду отъ васъ.

Услышавъ мой голосъ онъ привѣтствовалъ меня радостнымъ крикомъ. Глаза его впились въ меня съ жаднымъ восторгомъ.

— Войдите, войдите! крикнулъ онъ. — Взгляните чѣмъ я развлекаюсь въ мучительномъ ожиданіи вашего прибытія. Взгляните какъ я убиваю время въ разлукѣ съ вами. Войдите. Сегодня, отъ нетерпѣнія увидеть васъ поскорѣе, мистрисъ Валерія, я въ злобномъ расположеніи духа. Когда я въ злобномъ расположеніи духа мнѣ нужно дразнить кого-нибудь. Я дразню Аріэль. Взгляните на нее. Она еще ничего не ѣла сегодня и ей никакъ не удастся стащить хоть одинъ пирожокъ. Вы напрасно жалѣете ее. У Аріэль нѣтъ нервовъ. Она не чувствуетъ боли.

— У Аріэль нѣтъ нервовъ, повторила несчастная дѣвушка, хмурясь на меня за мое вмѣшательство между нею и ея господиномъ. — Я не чувствую боли.

Я услышала за собой взмахъ палки Веніамина.

— Бросьте веревки, крикнула я съ большимъ жаромъ чѣмъ прежде. — Бросьте, или я уйду отъ васъ сейчасъ же.

Деликатные нервы Мизерримуса Декстера были потрясены моею рѣзкостью.

— Какой сильный голосъ, воскликнулъ онъ, бросивъ веревки. — Возьми пироги, обратился онъ поведительно къ Аріэль.

Она прошла мимо меня съ блюдомъ въ рукахъ и съ тянущимися за ней веревками и бросила на меня вызывающій взглядъ.

— У меня нѣтъ нервовъ, повторила она гордо. — Я не чувствую боли.

— Вы видите, сказалъ Декстеръ, — что никакой бѣды не случилось и что я бросаю веревки лишь только вы приказали мнѣ. Не начинайте ссорою со мной послѣ такого долгаго отсутствія, мистрисъ Валерія.

Онъ замолчалъ. Онъ только теперь увидалъ Веніамина стоявшаго молча въ дверяхъ.

— Кто это? спросилъ онъ подозрительно и подкатилъ свое кресло ближе къ двери. — А, знаю, воскликнулъ онъ прежде чѣмъ я успѣла отвѣтить. — Это добродушный джентльменъ показавшійся мнѣ убѣжищемъ страждущихъ когда я увидалъ его въ первый разъ. Вы измѣнились къ худшему съ тѣхъ поръ, сэръ. Вы теперь совсѣмъ не то чѣмъ были прежде, сэръ, теперь вы олицетворяете собою карающее правосудіе. Это вашъ новый покровитель, мистрисъ Валерія?

Онъ низко поклонился Веніамину и продолжалъ со злобною ироніей:

— Вашъ покорявшійся слуга, карающее правосудіе. Я служилъ васъ и покоряюсь вамъ. Я постараюсь чтобы ваша новая должность была только синекурою. Эта женщина свѣтъ моей жизни. Попробуйте уличить меня въ недостатокъ почтенія къ ней.

Онъ повернулся спиной къ Веніамину (слушавшему его въ презрительномъ молчаніи) и подкатился ко мнѣ.

— Вашу руку, свѣтъ моей жизни, прошепталъ онъ самымъ нѣжнымъ тономъ. — Одинъ разъ, попросилъ онъ шопотомъ, — одинъ только разъ.

Онъ почтительно поцѣловалъ мою руку и вылутилъ ее съ тяжелымъ вздохомъ.

— Бѣдный Декстеръ, сказалъ онъ со всею искренностью своего эгоизма. — Горячее сердце пропадающее въ одиночествѣ, униженное уродствомъ. Грустно, грустно! Бѣдный Декстеръ! Прекрасный день, сэръ, обратился онъ внезапно къ Веніамину насмѣшливо учтивымъ тономъ. — Погода начинаетъ поправляться послѣ столь продолжительныхъ дождей. Войдите. Чѣмъ прикажете васъ угощать? Не хотите ли свѣсть? Карающее правосудіе, когда оно не выше васъ, имѣетъ лучшій видъ въ креслѣ.

— А обезьяна имѣетъ лучшій видъ въ клѣткѣ, возразилъ Веніаминъ, разсерженный сатирическимъ намекомъ на его низкій ростъ.

Возраженіе не произвело никакого дѣйствія на Мизерримуса Декстера, онъ повидимому даже не слышалъ его. Въ вѣкъ произошла уже новая перемѣна, онъ былъ теперь задумчивъ и кротокъ, глаза его были устремлены на меня съ грустнымъ и пристальнымъ вниманіемъ. Я сѣла на ближайшее кресло и сдѣлала знакъ Веніамину. Онъ понялъ меня. Онъ сѣлъ позади Декстера, немного наискось, такъ что могъ видѣть меня. Аріэль, молча пожиравшая пирожки, скорчилась на скамейкѣ у ногъ „хозяина“ и глядѣла на него какъ преданная собака. Нѣсколько времени мы всѣ молчали и я могла разглядѣть Мизерримуса Декстера безъ помѣхи.

Я была удивлена и испугана замѣтивъ какъ онъ измѣнился къ худшему съ тѣхъ поръ какъ я видѣла его въ послѣдній разъ. Мягкость его глазъ пропала. Они были теперь испещрены кровавыми жилками и смотрѣли жалобно и разсѣянно. Его когда-то крѣпкія руки лохудѣли и дрожали. Блѣдность его лица, можетъ-быть нѣсколько преувеличенная чернымъ бархатнымъ сюртукомъ, имѣла какой-то темный, болѣзненный оттѣнокъ. Многочисленныя мелкія морщинки около угловъ его глазъ обозначались яснѣе. Голова его клонилась внизъ. Казалось что не мѣсяцы, а годы прошли съ тѣхъ поръ какъ я не видѣла его. Вспомнивъ отчетъ о его здоровьѣ прочитанный мною у мистера Плеймора, вспомнивъ мнѣніе доктора что состояніе его здоровья зависитъ отъ состоянія его нервной системы, я не могла не подумать что я поступила благоразумно (если еще была надежда на успѣхъ), ускоривъ свое возвращеніе въ Англію. Зная то что я знала, я рѣшила что конецъ его близокъ. Когда глаза наши встрѣтились, я смотрѣла на него какъ на обреченнаго человѣка и жалѣла его.

Да, я жалѣла его. Я знаю что сожалѣніе было несомнѣнно съ цѣлю для которой я пріѣхала къ нему и съ моимъ подозрѣніемъ что мистеръ Плейморъ былъ правъ считая его виновникомъ смерти покойной мистрисъ Макалланъ. Я знала что онъ жестокъ, не сомнѣвалась что онъ безчестенъ. И несмотря на все это я жалѣла его. Не таится ли во всѣхъ насъ извѣстная доля слабости? Не зависитъ ли развитіе или подавленіе этой слабости единственно отъ воспитанія и отъ силы искушеній? Не подтверждается ли это нашими глубочайшими симпатіями когда мы жалѣемъ порочныхъ, когда мы стремимся тоюлою на уголовный процессъ, когда мы ждемъ при прощаніи

руку самому гнусному изъ злодѣевъ? Я не берусь рѣшать такіе вопросы. Я знаю только что я жалѣла Мизерримуса Декстера и что онъ замѣтилъ это.

— Благодарю васъ, сказалъ онъ внезапно. — Вы видите что я боленъ и жалѣете меня. Милая, добрая Валерія!

— Имя этой молодой особы мистрисъ Макалланъ, замѣтилъ Веніаминъ строгимъ тономъ. — Прошу васъ не называть ее впередъ Валеріей.

Замѣчаніе его осталось опять не замѣченнымъ. Декстеръ повидимому совсѣмъ забылъ объ его присутствіи.

— Вы очаровали меня своимъ видомъ, сказалъ онъ. — Довершите мое наслажденіе, дайте мнѣ послушать вашу голось. Говорите мнѣ о себѣ. Разкажите что вы дѣлали съ тѣхъ поръ какъ уѣхали изъ Англіи.

Мнѣ необходимо было завязать какъ-нибудь разговоръ и я рѣшилась воспользоваться представившимся случаемъ. Я разказала ему откровенно какъ я провела время въ Испаніи.

— Такъ вы все еще любите Евстаѳіа? спросилъ онъ съ горечью.

— Болѣе чѣмъ когда-либо, отвѣчала я.

Онъ закрылъ лицо руками. Помолчавъ немного онъ спросилъ меня глухимъ голосомъ и не отнимая рукъ отъ лица.

— И вы покинули Евстаѳіа въ Испаніи и пріѣхали въ Англію одни? Что побудило васъ къ этому?

— То же самое что побудило меня пріѣхать къ вамъ въ первый разъ и просить вашей помощи, мистеръ Декстеръ.

Онъ опустилъ руки и взглянулъ на меня съ удивленіемъ и испугомъ.

— Возможно ли, воскликнулъ онъ, — что вы даже теперь не хотите оставить въ покоѣ это ужасное дѣло? Неужели вы все еще не отказались отъ намѣренія раскрыть тайну преступленія въ Гленникъ?

— Нѣтъ, мистеръ Декстеръ, я еще не отказалась отъ своего намѣренія и все еще надѣюсь что вы можете помочь мнѣ.

На лицѣ его появилось прежнее недоувѣріе ко мнѣ которое я хорошо помнила.

— Какъ могу я помочь вамъ? спросилъ онъ. — Развѣ я могу измѣнить факты? Онъ остановился и лицо его прояснилось опять какъ будто отъ какого-то внезапнаго радостнаго предположенія.

— Я пробовалъ помочь вамъ, продолжалъ онъ. — Я сказалъ вамъ что отсутствіе мистрисъ Боли могло быть средствомъ для избавленія отъ подозрѣнія, я сказалъ вамъ что ядъ могъ быть данъ горничной мистрисъ Боли. Не пришли ли вы сами къ тому же заключенію? Не нашли ли вы чего-нибудь въ этой идеѣ?

Возвращеніе къ мистрисъ Боли представило мнѣ возможность дать такое направленіе разговору какое мнѣ было нужно.

— Я не нашла ничего въ этой идеѣ, возразила я. — Я не вижу цѣли. Развѣ служанка имѣла какую-нибудь причину быть врагомъ покойной мистрисъ Макаллахъ?

— Никто не имѣлъ причины быть врагомъ покойной мистрисъ Макаллахъ, воскликнулъ онъ залаячиво. — Мистрисъ Макаллахъ была воплощенная доброта, воплощенное великодушіе. Она никогда не причинила никому зла ни мыслью, ни дѣломъ. Она была святая. Почитайте ея память. Не трожьте мученицу въ могилѣ.

И онъ закрылъ опять лицо руками дрожа отъ волненія.

Аріэль тихо встала съ своего мѣста и подошла ко мнѣ.

— Видите вы мои ногти, прошептала она протянувъ ко мнѣ руки. — Попробуйте еще разъ подразнить хозяина и вы почувствуете мои ногти на своемъ горлѣ.

Веніаминъ всталъ. Онъ не слышалъ словъ Аріэль, но видѣлъ ея угрожающій жестъ. Я сдѣлала ему знакъ чтобъ онъ не вмешивался. Аріэль вернулась на свое мѣсто и устремила глаза на хозяина.

— Не плачьте, сказала она. — Зачѣмъ плакать? Возь вѣрѣвки. Подразните меня. Заставьте меня локричать.

Онъ не отвѣтилъ, онъ не сдѣлалъ никакого движенія.

Аріэль напрягла свой слабый умъ ища средства развлечь его. Я поняла это по ея нахмуреннымъ бровямъ, по ея глазамъ разсѣянно устремленнымъ на меня. Минуту спустя она радостно хлопнула кулакомъ по открытой ладони другой руки. Она торжествовала, она напала на мысль.

— Хозяинъ, воскликнула она, — Вы давно не разказывали мнѣ никакой сказки. Разшевелите мою глулую голову. Разкажите мнѣ хорошую, длинную сказку, полную крови и преступленій.

Не напала ли она случайно на вѣрное средство развлечь его? Я знала его высокое мнѣніе о советѣ талантъ къ драматическимъ разказамъ. Я знала что однимъ азъ его любимыхъ

развлеченій было пугать Аріэль сказками которыхъ она не понимала. Вдастся ли онъ въ область чистой фантазіи, или вспомнить что мое упорство все еще угрожало ему возобновеніемъ изслѣдованія Гленвикской трагедіи и постарается ввести меня въ заблужденіе какимъ-нибудь новымъ вымысломъ? Судя по моему прошлому опыту я ожидала послѣдняго, но къ моему удивленію и отчаянію мнѣ тотчасъ же пришлось убѣдиться что я ошиблась. Лицо Декстера озарилось широкою улыбкой польщеннаго самолюбія. Онъ былъ теперь такъ малодушенъ что даже Аріэль могла затронуть его тщеславіе. Когда я замѣтила это у меня явилось подозрѣніе отъ котораго я похолодѣла съ головы до ногъ, подозрѣніе что мой пріѣздъ къ нему былъ уже слишкомъ поздній.

Мизерримусъ Декстеръ обратился къ Аріэль.

— Жалкое созданіе, сказалъ онъ милостиво глядя ее по головѣ. — Ты не понимаешь ни слова изъ моихъ сказокъ и несмотря на то я умѣю овладѣть твоимъ глупымъ умомъ, я умѣю привести тебя въ трепетъ и тебѣ это нравится. Жалкое созданіе! Онъ спокойно откинулся на спинку кресла и взглянулъ на меня. Не напомнить ли ему мое присутствіе нашего неоконченнаго разговора? Нѣтъ. Онъ смотрѣлъ на меня съ такою же самодовольною улыбкой съ какой смѣтрѣлъ на Аріэль. — Я обладаю необыкновеннымъ талантомъ къ драматическимъ разказамъ, мистрисъ Валерія, сказалъ онъ. — Это несчастное созданіе можетъ засвидѣтельствовать это самымъ нагляднымъ образомъ. Она можетъ служить предметомъ для психологическаго этюда когда я разказываю ей одну изъ моихъ исторій. Забавно видѣть какія отчаянныя усилія дѣлаетъ она чтобы понять меня. Вы увидите это. Я былъ не въ духѣ во время вашего отсутствія, я давно не разказывалъ ей ничего. Сегодня я разкажу ей что-нибудь. Не думайте что это составитъ какой-нибудь трудъ для меня. Моя фантазія неистощима. Я увѣренъ что это позабавитъ васъ, какъ бы ни были вы серьезны по природѣ. Я также серьезенъ по природѣ, но я всегда смѣюсь надъ ней.

Аріэль захопала своими большими безобразными руками.

— Онъ всегда смѣется надо мною! воскликнула она взглянувъ на меня съ гордымъ сознаніемъ своего превосходства.

Я была въ большемъ затрудненіи. Вспышка которую я вызвала напомнивъ ему о покойной мистрисъ Макаланъ

показала мнѣ что я должна была быть осторожнѣе и не возобновлять этого разговора пока не представится удобный къ тому случай. Но какъ же иначе могла я выпытать у него тайны которыя онъ скрывалъ отъ меня? Одно только показалось мнѣ несомнѣннымъ: допустить его разказывать сказку значило бы допустить напрасную трату времени. Живо помня угрозу Аріэль, я тѣмъ не менѣе рѣшилась мѣшать всѣми силами новой затѣѣ ея хозяина.

— Слушайте, мистрисъ Валерія, началъ онъ громко и высококомѣрно. — Слушай, Аріэль. Я буду импровизировать. Я начну доброю старою формулою волшебныхъ сказокъ. Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ...

Пока я выжидала случая прервать его, онъ остановился самъ. На лицѣ его выразилось смущеніе, онъ подвѣлъ руку, провелъ ею нѣсколько разъ по лбу и тихо засмѣялся.

— Я не чувствую вдохновенія, сказалъ онъ.

Не измѣнилъ ли ему разсудокъ? Никакихъ признаковъ этого не было замѣтно пока я къ несчастію не напомнила ему о покойной мистрисъ Макалланъ. Не была ли его слабость и его смущеніе только слѣдствіемъ временнаго расстройства? Иными словами, не были ли они только первымъ предостереженіемъ для него и для насъ? Можетъ-быть онъ скоро оправится если мы оставимъ его въ покоѣ? Даже Веліаминъ былъ наконецъ заинтересованъ, я видѣла что онъ перегнулся и старался заглянуть въ лицо Декстера. Даже Аріэль была удивлена и встревожена.

Мы всѣ ждали чтò будетъ дальше.

— Мою арфу! воскликнулъ онъ. — Музыка возбудитъ меня.

Аріэль принесла ему арфу.

— Хозяинъ, сказала она съ удивленіемъ, — чтò съ вами?

Онъ махнулъ рукой приказывая ей молчать.

— Ода, объявилъ онъ высококомѣрно. — Поезія и музыка сочинены экспромптомъ самимъ Декстеромъ. Молчаніе! Вниманіе!

Пальцы его бродили слабо по струнамъ арфы, но ни музыки, ни словъ мы не слышали. Нѣсколько минутъ спустя руки его опустились, голова тихо склонилась и оперлась на рамку арфы. Я вскочила и приблизилась къ нему. Спалъ онъ или впалъ въ забытѣе?

Я притронулась къ его рукѣ и назвала его по имени.

Аріэль послѣдно стала между мною и имъ и устремила на

меня грозный взглядъ. Въ ту же минуту Мизерримусъ Декстеръ поднялъ голову. Мой голосъ оживилъ его. Онъ взглянулъ на меня спокойно наблюдательнымъ взглядомъ, какъ никогда не смотрѣлъ прежде.

— Возьми арфу, обратился онъ къ Ариэль тономъ сильно утомленнаго человѣка.

Полоужное созданіе, по глулости, или по заобъ, раздражало его снова.

— Чтò съ вами, хозяинъ? спросила она взявъ у него арфу. — Когда же сказку?

— Намъ не нужно сказки, вмѣшалась я. — Я еще не сказала мистеру Декстеру многого чтò мнѣ нужно сказать ему.

Ариэль подняла свою тяжелую руку. — Берегитесь, сказала она приближаясь ко мнѣ. Въ эту минуту голосъ хозяина остановилъ ее.

— Снеси арфу на мѣсто, безумная, сказалъ онъ строго. — Я разкажу сказку когда мнѣ вздумается.

Она покорно отнесла арфу въ конецъ комнаты. Мизерримусъ Декстеръ подвинулъ свое кресло ближе ко мнѣ.

— Я знаю чтò можетъ оживить меня, сказалъ онъ доверчиво. — Движеніе можетъ оживить меня. Я не дѣлалъ мотіона въ послѣднее время. Подождите и вы увидите.

Онъ положилъ руки на механизмъ кресла и поклатился по комнатѣ. При этомъ злобѣщая перемѣна въ немъ выразилась въ новый формѣ. Онъ уже не могъ катать кресло съ прежнею неистовою быстротой, колеса не трещали и не свистѣли подъ нимъ. Прокатившись взадъ и впередъ по комнатѣ, онъ остановился задыхаясь отъ усталости.

Мы направились въ его сторону, Ариэль впереди, за ней я и Веніаминъ. Декстеръ сдѣлалъ имъ обоимъ знакъ остаться на мѣстѣ и лустить меня одну.

— Я отвыкъ, сказалъ онъ мнѣ слабымъ голосомъ. — Я не могъ выносить треска колесъ и дрожанія пола пока васъ не было.

Кто не пожалѣлъ бы его въ эту минуту, кто не простилъ бы ему всѣхъ его проступковъ? Даже Ариэль была растрогана. Я услышала что она всхлипывала позади меня. Единственный человѣкъ который могъ пробуждать ея чувства пробудилъ ихъ теперь своимъ пренебреженіемъ къ ней. Она воскликнула олять плачевнымъ, жалобнымъ тономъ:

— Чтò съ вами, хозяинъ? Когда же сказку?

— Не обращайтесь вниманія на нее, прошептала я ему.— Вамъ нуженъ свѣжій воздухъ. Пойдите за садовникомъ. Покатаемъ въ вашемъ кабриолетѣ.

Напрасная попытка. Ариэль не хотѣла помириться съ его невниманіемъ. Она воскликнула олять:

— Когда же сказку? Когда же сказку?

Ей удалось наконецъ пробудить угасавшую энергію ея хозяина.

— Негодная! крикнулъ онъ повернувъ кресло и остановившись предъ ней. — Сказка будетъ. Я хочу разказать ее! Я разкажу ее! Вина! Примеси вина, плаксивая идиотка! Какъ я не подумалъ объ этомъ раньше? Королевское бургундское, вотъ что мнѣ нужно, Валерія, чтобы возбудить мою фантазію. Стаканы для всѣхъ. Воздадимъ честь царю виноградниковъ, великолѣпному кло-вужо.

Ариэль отворила шкафъ въ альковѣ и достала вино и высокіе венеціанскіе стаканы. Декстеръ опорожнилъ свой стаканъ залпомъ и заставилъ насъ пить или по крайней мѣрѣ дѣлать видъ что мы пьемъ. Даже Ариэль не была забыта. Подражая своему хозяину, она выпила свой стаканъ залпомъ. Крѣпкое вино бросилось ей въ голову тотчасъ же и она загѣла хриплымъ голосомъ лѣсню собственнаго изобрѣтенія, состоявшую изъ безконечнаго повторенія одной и той же просьбы: — „Разкажите намъ сказку! Хозяинъ! Хозяинъ! Разкажите намъ сказку!“ Ея хозяинъ молча наполнилъ себѣ другой стаканъ вина. Веніаминъ, воспользовавшись минутой когда онъ отвернулся отъ насъ, шепнулъ мнѣ:

— Послушайте меня хоть разъ, Валерія. Уйдемъ отсюда.

— Еще одно усиліе, прошептала я въ отвѣтъ, — послѣднее усиліе.

Ариэль продолжала сонно свою лѣсню:

— Разкажите намъ сказку! Хозяинъ! Хозяинъ! Разкажите намъ сказку!

Мизерримусъ Декстеръ поднялъ глаза. Сильное возбужденіе начало производить свое дѣйствіе. На лицѣ его появилась румянецъ, въ глазахъ прежній умъ. Бургундское оживило его. Доброе вино приняло мою сторону и дало мнѣ возможность сдѣлать послѣднюю попытку.

— Не нужно сказки, сказала я. — Мнѣ необходимо поговорить съ вами, мистеръ Декстеръ. Я вовсе не расположена слушать сказку.

— Не расположены слушать сказку, повторилъ онъ съ своей стороны съ прежнею насмѣшливостью. — Неправда. Я понимаю васъ. Вы думаете что моя изобрѣтательность истощилась и не хотите сказать это прямо. Я покажу вамъ что вы ошибаетесь. Я покажу вамъ что Декстеръ сдѣлался опять самимъ собою. Замолчи, Аривъ, не то я выгоню тебя изъ комнаты. Моя сказка у меня вотъ тутъ, съ законченными сценами и характерами, сказалъ онъ приложивъ руку ко лбу и глядя на меня лукаво. — Я увѣренъ что она заинтересуетъ васъ, мой прекрасный другъ. Она называется „Госпожа и Служанка“. Возвремся къ огню и я начну.

Сказка о госпожѣ и служанкѣ! Если это названіе имѣло какое-нибудь особое значеніе, онъ намѣревался разказать мнѣ въ формѣ сказки что-нибудь о мистрисъ Боли и ея служанкѣ!

Названіе сказки и его лукавый взглядъ на меня оживили снова мои едва не угасшія надежды. Онъ прителъ въ себя наконецъ, его обычная проникательность и его обычная хитрость вернулись къ нему опять. Подъ предлогомъ сказки для Аривъ онъ хотѣлъ ввести меня въ новое заблужденіе насчетъ мистрисъ Боли. Это было очевидно. Онъ былъ правъ сказавъ что Декстеръ сдѣлался опять самимъ собою.

Возвращаясь къ камину я взяла подъ руку моего старика друга.

— Я еще не потеряла надежды, шепнула я ему. — Не забудьте условленныхъ знаковъ.

Мы заняли свои прежнія мѣста. Аривъ глядѣла на меня опять угрожающимъ взглядомъ. Несмотря на вылитый стаканъ вина она была все еще насторожѣнн противъ меня, она опасалась новаго вмѣшательства съ моей стороны. Но я теперь не имѣла ни малѣйшаго намѣренія прерывать разказъ. Я ждала его съ такимъ же нетерпѣніемъ какъ сама Аривъ. Сюжетъ былъ опасенъ для разказчика. Онъ могъ проговориться, онъ рисковалъ выдать себя.

Онъ обвелъ насъ глазами и началъ:

— Усѣлась ли моя публика? Готова ли моя публика? спросилъ онъ весело. — Поверните лицо еще немного въ мою сторону, сказалъ онъ мнѣ самымъ мягкимъ и нѣжнымъ тономъ.

— Надѣюсь что я прошу не слишкомъ многого. Смотри на меня вы смотрите на самое жалкое изъ земныхъ созда-

вѣй. Позвольте мнѣ черпать вдохновеніе изъ вашихъ глазъ, позвольте мнѣ насытить мое жадное восхищеніе вами созерцаніемъ вашей красоты. Улыбнитесь хоть разъ сострадательною улыбкой человѣку у котораго вы отняли спокойствіе и счастье. Благодарю васъ, свѣтъ моей жизни, благодарю васъ.— Онъ послалъ мнѣ рукой поцѣлуй и откинулся комфортабельно на спинку кресла.—Сказка, сказалъ онъ,—сказка наконецъ. Въ какую форму облечь мнѣ ее? Въ драматическую форму. Это самая старая, самая правдивая, самая краткая форма для разказа. Сначала заглавіе. Краткое и заманчивое заглавіе: Госпожа и Служанка. Оцена — страна романтизма, Италія. Время—вѣкъ романтизма, пятнадцатое столѣтіе. А! Взгляните на Аріэль. Она знаетъ о пятнадцатомъ столѣтіи столько же какъ кухонная кошка, однако она уже заинтересована. Счастливая Аріэль!

Аріэль взглянула на меня съ торжествомъ.

— Я знаю столько же какъ кухонная кошка, сказала она съ широкою улыбкой польщеннаго тщеславія. — Я счастливая Аріэль. А вы что?

Мизерримусъ Декстеръ захохоталъ неудержимымъ хохотомъ.

— Развѣ я не говорилъ вамъ? сказалъ онъ.— Не забавна ли она? Дѣйствующія лица драмы, числомъ три, всѣ женщины, продолжалъ онъ свой разказъ.— Анджелика, благородная дама, благородная по характеру и по происхожденію; Кунигунда, дьяволъ въ прекрасномъ женскомъ образѣ, и Даморида, ея злосчастливая служанка. Первая сцена. Мрачная комната со сводами въ древнемъ замкѣ. Время—вечеръ. Въ лѣсу кричатъ совы, въ болотѣ квакають лягушки. Взгляните на Аріэль. У нея уже пробѣгаетъ морозъ по кожѣ, она дрожить. Несравненная Аріэль!

Моя соперница въ расположеніи хозяина взглянула на меня олять вызывающимъ взглядомъ.— Несравненная Аріэль! повторила она льянымъ голосомъ. Декстеръ остановился чтобы взять стаканъ стоявшій на маленькомъ столѣкѣ придѣланномъ къ креслу. Пока онъ прихлебывалъ вино я могла разглядѣть его внимательнѣе. Въ лицѣ его все еще былъ румянецъ, въ глазахъ все еще былъ блескъ. Онъ поставилъ стаканъ на мѣсто съ наслажденіемъ чмокая губами и продолжалъ:

— Особы находящіяся въ комнатѣ со сводами—Кунигун-

да и Даморида. Кунигунда говоритъ: Даморида! — Что прикажете сударыня? — Кто лежитъ больной въ комнатѣ надъ нами? — Благородная госпожа Анджелика, сударыня. (Пауза. Кунигунда начинаетъ опять.) Даморида! — Что прикажете сударыня? — Расположена къ вамъ госпожа Анджелика? — Сударыня, благородная дама, милостивая и добрая со всѣми, добра и со мной. — Случалось тебѣ прислуживать ей? — Случалось, сударыня, когда сидѣла отдыхала. — Принимала она изъ твоихъ рукъ успокоительное лѣкарство? — Разъ или два, сударыня. — Даморида, возьми этотъ ключъ и отпри шкатулку на томъ столѣ. (Даморида ловинуется.) — Видишь въ шкатулкѣ зеленый пузырекъ? — Вижу, сударыня. — Вынь его. (Даморида ловинуется.) Видишь въ пузырькѣ жидкость? Знаешь что это такое? — Нѣтъ, сударыня. — Сказать тебѣ? (Даморида почтительно клянется.) Въ пузырькѣ ядъ. (Даморида вздрагиваетъ, она охотно выпустила бы изъ рукъ ядъ, но госпожа ея дѣлаетъ ей знакъ чтобы она держала его и продолжаетъ.) Даморида, я сказала тебѣ одну изъ моихъ тайнъ. Не сказать ли и другую? (Даморида въ тревожномъ ожиданіи, ея госпожа продолжаетъ). Я ненавижу Анджелику. Ея жизнь стоитъ между мной и моимъ счастьемъ. Ея жизнь теперь въ твоихъ рукахъ. (Даморида падаетъ на колѣни, она набожная особа, она крестится и потомъ говоритъ). — Сударыня, вы приводите меня въ ужасъ. Сударыня, что я слышу? (Кунигунда приближается къ ней, останавливается надъ ней, смотритъ на нее страшными глазами и говоритъ шепотомъ). — Даморида, Анджелика должна умереть, но такъ чтобы подозрѣніе не пало на меня. Анджелика должна умереть отъ твоей руки.

Онъ остановился. Чтобы хлебнуть олять вина? Нѣтъ, чтобы выпить разомъ значительную долю стакана.

Неужели возбуждательное уже начинало терять для него свою силу?

Я взглянула на него внимательнѣе между тѣмъ какъ онъ откинулся на минуту на спинку кресла собираясь съ мыслями.

Лицо его горѣло попрежнему, но свѣтъ въ глазахъ начиналъ уже потухать. Я замѣтила что онъ говорилъ все медленнѣе и медленнѣе. Не измѣняла ли ему его изобрѣтатель-

вость? Не сдѣлало ли уже вино все что вино могло сдѣлать для него?

Мы ждали. Ариваль сидѣла предъ нимъ съ мутнымъ взглагомъ и съ открытымъ ртомъ. Веніаминъ невозмутимо ждалъ сигнала прикрывъ рукой записную книжку лежавшую на его козѣвкѣ.

Мизерримусъ Декстеръ продолжалъ.

— Даморида слышитъ эти ужасныя слова. Даморида сжимаетъ руки въ отчаяніи. — О, сударыня, могу ли я убить добрую, благородную даму? Какая у меня причина вредить ей? Кунигунда отвѣчаетъ: — У тебя есть причина повиноваться мнѣ. Даморида падаетъ лицомъ на полъ. — Сударыня, я не могу сдѣлать это, я не смѣю сдѣлать это! Кунигунда отвѣчаетъ: — Ты ничѣмъ не рискуешь. У меня есть планъ какъ избавить отъ подозрѣнія и меня и тебя. Даморида повторяетъ: — Я не могу сдѣлать это, я не смѣю сдѣлать это. Глаза Кунигунды сверкаютъ яростью. Она вынимаетъ сократыи на груди...

Онъ остановился на среднѣй фразы и приложилъ руку ко лбу какъ будто внезапно забылъ что хотѣлъ сказать.

Слѣдуетъ ли мнѣ помочь ему вспомнить забытое? Или благоразумнѣе будетъ промолчать, если только я буду въ состояніи промолчать?

Я видѣла ясно цѣль съ которою онъ началъ свой разказъ. Онъ хотѣлъ представить мнѣ въ формѣ сказки опроверженіе противъ моего неопровержимаго довода что горничная мистрисъ Боли не имѣла побудительной причины брать на свою совѣсть убійство. Еслибъ ему удалось выдумать какую-нибудь побудительную причину которую я должна была бы признать достаточной, цѣль его была бы достигнута. Въ такомъ случаѣ мои изслѣдованія, которыя теперь ежеминутно угрожали его безопасности, приняли бы ложное направленіе и онъ остался бы въ сторонѣ.

Я рѣшила дать ему время подумать, я не проронила ни слова.

Время шло. Я ждала въ сильнѣйшей тревогѣ. Минута была дѣйствительно критическая. Еслибъ ему удалось найти побудительную причину и ловко вставить ее въ свой разказъ, онъ доказалъ бы однимъ этимъ что его умственные способности еще не измѣнили ему. Но найдетъ ли онъ побудительную причину — вотъ что безпокоило меня.

Да, онъ нашелъ ее, хотя не безъ замѣтнаго тяжелаго усилія, хотя не новую и не убѣдительную, но все же нашелъ.

— Кунигунда, продолжалъ онъ, — вынимаетъ скрытый на груди исписанный листокъ бумаги и развертываетъ его. — Взгляни на это, говоритъ она. Даморида взглядываетъ на листокъ и падаетъ олять къ ногамъ своей госпожи въ пароксизмъ ужаса и отчаянiя. Кунигунда знаетъ постыдную тайну въ прошломъ своей служанки. Кунигунда говоритъ ей:— Или я открою твою тайну которая олозоритъ навсегда тебя и твоихъ родителей, или ты исполнишь мое порученiе. Даморида могла бы покориться безчестiю еслибъ оно падало только на нее, но родители ея честные люди, она не хочетъ обезчестить своихъ родителей. Не надѣясь смягчить жестокое сердце Кунигунды, она прибѣгаетъ къ послѣднему средству избавиться отъ страшнаго порученiя, она пробуетъ доказать что независанiя отъ нея препятствiя мѣшаютъ ей исполнить его. — Сударыня, восклицаетъ она, — какъ могу я сдѣлать это когда тамъ сидѣлка? Кунигунда отвѣчаетъ: — Сидѣлка иногда засыпаетъ, иногда уходитъ. Даморида настаиваетъ: — Сударыня, дверь залерта и ключъ у сидѣлки.

Ключъ! Я тотчасъ же вспомнила о пропавшемъ ключѣ. Не объ этомъ ли ключѣ говорилъ онъ? Я замѣтила что когда это слово сорвалось у него съ языка, онъ слохватался какъ будто сказалъ лишнее. Я рѣшилась дать сигналъ. Я облокотилась на ручку кресла и начала играть серьгой. Венiаминъ вынулъ карандашъ и положилъ свою записную книжку такъ чтобъ Арiэль не замѣтила ее если взглянетъ въ его сторону.

Мы ждали. Пауза была долгая. Декстеръ приложилъ руку ко абу. Глаза его становились все тусклѣе и тусклѣе. Въ этотъ разъ онъ не приступилъ прямо къ продолженiю разказа, онъ предложилъ сначала вопросъ.

— На чемъ я остановился? спросилъ онъ.

Мои надежды покидали меня. Я постаралась однако отвѣтить ему такъ чтобъ онъ не замѣтилъ этого по моему голосу.

— Вы остановились на томъ какъ Даморида возражала Кунигундѣ, сказала я.

— Да, да, прервалъ онъ. — Что же она сказала?

— Она сказала: — дверь залерта и ключъ у сидѣлки.

Онъ быстро наклонился впередъ.

— Нѣтъ! возразилъ онъ съ жаромъ.— Вы ошибаетесь. Ключъ? Вздоръ. Я ничего не говорилъ о ключѣ.

— Мнѣ показалось что вы сказали эти самыя слова, мистеръ Декстеръ.

— Никогда! Я оказалъ что-нибудь другое. Вы смѣшались.

Я не рѣшилась спорить съ нимъ. Мы замолчали опять. Вѣнчавъ, угрюмо покоряясь моему желанію, записалъ вопросы и отвѣты которыми мы обмѣнялись и ждалъ съ записной книжкой въ рукахъ. Аріэль, поддавшаяся усыпляющему дѣйствию вина и разказа, была встревожена переходомъ къ молчанію. Она оглянулась съ безлюбойствомъ и устремила глаза на хозяина.

Онъ сидѣлъ безмолвно, приложивъ руку ко лбу, все еще собираясь съ мыслями, все еще стараясь выбраться на свѣтъ изъ скоплявшагося вокругъ него мрака.

— Хозяинъ! воскликнула Аріэль жалобно. — Что же сказка?

Онъ вздрогнулъ и нетерпѣливо потрясъ головой какъ будто стараясь страхнуть съ себя какой-то тяжелый гнетъ.

— Терпѣніе! терпѣніе! сказалъ онъ. — Сказка продолжается.

И сдѣлавъ отчаянное усиліе онъ приступилъ опять къ разказу и началъ съ первой фразы какая пришла ему въ голову.

— Даморида упала на колѣни. Она залилась слезами. Она сказала.....

Онъ остановился и поглядѣлъ вокругъ себя смущеннымъ взглядомъ.

— Какъ назвалъ я другую женщину? спросилъ онъ не обращая ни къ кому изъ насъ.

— Вы назвали другую женщину Кунигундой, сказала я.

При звукѣ моего голоса онъ повернулъ голову въ мою сторону, но не взглянулъ на меня. Его бессмысленный, спокойный, однообразный взглядъ былъ повидимому устремленъ на что-то далекое. Даже въ голосѣ его произошла перемѣна когда онъ заговорилъ опять. Это былъ спокойный, машинальный, монотонный голосъ, нѣсколько наломившій голосъ какимъ Евстаеій говорилъ въ безпамятствѣ когда умъ его былъ слишкомъ слабъ чтобы слѣдовать за его словами. Неужели конецъ былъ такъ близокъ?

— Я назвалъ ее Кунигундой, повторилъ онъ. — А другую я назвалъ.....

Онъ остановился опять.

— А другую вы назвали Даморидой, подсказала я.

Ариэль взглянула на него съ изумленіемъ и чтобы заставить его придти въ себя нетерпѣливо дернула его за рукавъ сюртука.

— Это сказка, хозяинъ? спросила она.

Онъ отвѣтилъ не глядя на нее. Его бессмысленные глаза были все еще устремлены въ пространство.

— Да, это сказка, сказалъ онъ разсѣянно. — Но для чего Кунигунда? Для чего Даморида? Не лучше ли просто госпожа и служанка? Такъ легче запомнить.

Онъ попробовалъ приподняться и содрогнулся. Минуту спустя онъ какъ будто овладѣлъ собою.

— Что сказала госпожа служанкѣ? пробормоталъ онъ. — Что? что? что? Онъ остановился опять. Потомъ какъ будто вдругъ сообразилъ что-то. Пришла ли ему новая мысль, или онъ вспомнилъ что-нибудь забытое? Онъ вернулся къ своему разказу и прибавилъ внезапно и постепенно слѣдующія загадочныя слова:

— Письмо, сказала служанка. — Письмо! О, мое сердце! Каждое слово мечъ. Мечъ въ мое сердце. О, это письмо! Ужасное, ужасное, ужасное письмо!

О чемъ онъ говорилъ? Какъ понять эти слова?

Не припоминалъ ли онъ бессознательно что-нибудь что дѣйствительно случилось нѣкогда въ Гленникъ? При укладкѣ всѣхъ его другихъ способностей не должна ли была память измѣнить ему послѣ всего? Не пробивалась ли истина, ужасная истина сквозь мракъ надвигавагося безумія? Я едва дышала отъ волненія, отъ какого-то безотчетнаго ужаса овладѣвшаго всѣмъ моимъ существомъ.

Веніаминъ бросилъ на меня предостерегающій взглядъ. Ариэль сидѣла спокойная и довольная.

— Продолжайте, хозяинъ, сказала она. — Мнѣ нравится сказка. Продолжайте.

Онъ продолжалъ какъ человѣкъ говорящій во онъ:

— Служанка сказала госпожѣ. Нѣтъ, госпожа сказала служанкѣ: — Покажите ему письмо. Вы должны, вы должны показать письмо. Служанка отвѣчала: — Нѣтъ, не должна, не покажу. Вздоръ! Пустяки! Пусть страдаетъ. Мы можемъ выручить его. Показать? Нѣтъ. Пусть случится худшее. Тогда покажите. Госпожа сказала..... Онъ остановился и быстро

заматавъ руками какъ будто стараясь отогнать какой-то воображаемый туманъ.—Которая говорила посафдяная? спросилъ онъ.—Госпожа или служанка? Госпожа? Нѣтъ. Служанка, конечно. Служанка говорить громко, рѣшительно: — Не годяи! прочь отъ этого стола. Въ этомъ столѣ дневникъ. Номеръ девятый. Кальдершо, спросить Дамди. Вы не увидите дневника. Я шепну вамъ по секрету: дневникъ приведетъ его на висѣлицу. Я не хочу чтобъ онъ былъ повѣшенъ. Какъ смѣете вы трогать мое кресло? Мое кресло это я. Какъ смѣете вы налагать руки на меня?

Послѣднія слова были для меня проблескомъ свѣта. Я читала ихъ въ отчетѣ, въ показаніи чивовника шерифа. Эти самыя слова были сказаны Декстеромъ въ то время когда онъ старался спасти бумаги моего мужа и когда савдователи вытолкнули его кресло изъ комнаты. Теперь не было сомнѣнія что память его была занята прошлыми событіями въ Глазникѣ.

Ариваль поощрила его олять. Она была безпощадна къ нему. Она олять потребовала продолженія сказки.

— Зачѣмъ вы останавливаетесь, хозяинъ? Продолжайте. Разкажите намъ что сказала госпожа служанкѣ.

Онъ тихо засмѣялся.

— Что сказала госпожа служанкѣ, передразнилъ онъ ее. Затѣмъ онъ принялъ олять серьезный видъ и продолжалъ свой разказъ говоря все быстрѣе и быстрѣе, все безсвязнѣе и безсвязнѣе. — Госпожа сказала служанкѣ: Мы выручили его. Какъ быть съ письмомъ? Сжечь его? Въ каминѣ нѣтъ огня. Въ коробкѣ нѣтъ спичекъ. Весь домъ вверхъ дномъ. Слуги разбѣжались. Разорвать его. Бросить въ корзину съ другимъ соромъ. Ненужная бумага. Выбросить вовнъ. Пролало навсегда. О, Сара, Сара, Сара! Пролало навсегда!

Ариваль захопала въ ладоши и въ свою очередь передразнила его.

— О, Сара, Сара, Сара, повторила она.—Пролало навсегда! Славно, хозяинъ. Теперь скажите намъ кто была Сара.

Губы его шевелились, но голосъ былъ такъ тихъ что едва можно было разбирать слова. Онъ началъ олять прежнимъ меланхолическимъ тономъ.

— Служанка сказала госпожѣ. Нѣтъ, госпожа сказала служанкѣ.... Онъ внезапно смолкъ, выпрямился въ креслѣ, подымая руки и разразился страшнымъ визгивымъ хохотомъ.—

Ха, ха, ха! Какъ смѣшно! Почему вы не смѣетесь? Смѣшно, смѣшно, смѣшно! Ха, ха, ха!

Онъ откинулся на спинку кресла. Рѣзкій хохоть его перешелъ въ тихое всхлипываніе. Затѣмъ онъ подвѣялъ лицо къ потолку. Глаза были мутны, губы были раздвинуты бессмысленною улыбкой. Немезида наконецъ! Предсказанная ему участь постигла его. Для него настала ночь.

Когда прошло первое потрясеніе, единственнымъ чувствомъ одушевлявшимъ меня была безграничная жалость къ этому несчастному человѣку. Даже его страшный видъ только усиливалъ это чувство. Я вскочила. Не видя ничего, не думая ни о чемъ кромѣ несчастнаго существа въ креслѣ, я бросилась къ нему чтобы приподнять его, чтобы оживить его, чтобы заставить его придти въ себя если это было еще возможно. Но при первомъ же шагѣ я почувствовала что кто-то крѣпко схватилъ меня за руку и потащилъ назадъ.

— Развѣ вы ослѣпли? воскликнулъ Веніаминъ. — Глядите!

Онъ указалъ и я взглянула.

Аріэль опередила меня. Она приподняла своего хозяина и поддерживала его одною рукой. Въ другой она держала индійскую дубину которую взяла изъ коллекціи восточнаго оружія украшавшаго стѣну надъ каминомъ. Аріэль преобразилась. Глаза ея сверкали какъ глаза дикаго животнаго, она скрежетала зубами.

— Это ваше дѣло! крикнула она мнѣ, свирѣло размахивая дубиной.—Если вы подойдете къ нему, я разможу вамъ голову. Я буду бить васъ пока не переломаю вамъ всѣ кости!

Веніаминъ, держа меня одною рукой, другою отворилъ дверь. Я не сопротивлялась. Я не могла оторвать глазъ отъ Аріэль, я смотрѣла на нее какъ очарованная. Ярость ея утихла когда она увидала что мы уходимъ.

Она бросила дубину, обняла своего хозяина обѣими руками, прижалась головой къ его груди и зарыдала.

— Хозяинъ! хозяинъ! воскликнула она.— Они не будутъ больше дразнить васъ. Взгляните на меня. Посмѣйтесь надо мною. Скажите опять: Аріэль, ты глупа. Сдѣлайтесь опять самимъ собою.

Веніаминъ увлекъ меня въ сосѣднюю комнату. Аріэль продолжала плакать надъ несчастнымъ существомъ которое она

любаа съ преданностью собаки, съ самоотверженіемъ женщины. Тяжелая дверь между нами затворилась. Растроганная до глубины души, безпомощная и бесполезная, я прижалась къ моему старому другу и тоже заплакала.

Веніаминъ повернулъ ключъ въ замкъ.

— Нечего плакать, сказалъ онъ. — Было бы лучше есlibы вы поблагодарили Бога что выбрались благополучно изъ той комнаты.

Онъ вынулъ ключъ изъ замка и свелъ меня внизъ, въ прихожую. Подумавъ немного онъ отворилъ выходную дверь. Садовникъ все еще работалъ въ саду.

— Вашъ хозяинъ заболѣлъ, сказалъ ему Веніаминъ, — а женщина которая ходитъ за нимъ сошла съ ума, если у нея когда-нибудь былъ умъ. Гдѣ живетъ ближайшій докторъ?

При этомъ извѣстіи садовникъ обнаружилъ такую же искреннюю преданность своему господину какъ и женщина наверху. Онъ съ проклятіемъ выбросилъ изъ рукъ лопату.

— Хозяинъ заболѣлъ? повторилъ онъ. — Я самъ схожу за докторомъ. Я найду его скорѣе васъ.

— Скажите доктору чтобъ онъ взялъ съ собою какого-нибудь мушкетера, прибавилъ Веніаминъ. — Ему можетъ понадобится помощь.

Садовникъ оглянулся сурово.

— Развѣ я не могу помочь? сказалъ онъ. — Это мое дѣло и я не уступлю его никому.

Я вернулась въ прихожую и сѣла на стулъ, стараясь успокоиться. Веніаминъ началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. — И этотъ и та оба любятъ его, прошепталъ онъ задумчиво. — Полу-обезьяна, полу-человѣкъ, а они любятъ его. Это нелостожино для меня.

Садовникъ привелъ доктора, спокойнаго, смуглаго, рѣшительнаго человѣка. Веніаминъ вышелъ имъ на встрѣчу.

— Я залеръ его, сказалъ онъ. — Вотъ ключъ. Не пойти ли мнѣ съ вами?

Докторъ, не отвѣтивъ, отвелъ его въ уголъ прихожей. Они заговорили шепотомъ. Затѣмъ докторъ сказалъ:

— Дайте мнѣ ключъ! Вы не можете принести никакой пользы, вы только раздражите ее.

Сказавъ это, онъ сдѣлалъ знакъ садовнику и направился къ лѣстницѣ. Я рѣшилась остановить его.

— Могу я остаться здѣсь, сэръ? спросила я.—Мнѣ очень хотѣлось бы знать чѣмъ это кончится.

Докторъ поглядѣлъ на меня.

— Вамъ лучше отправиться домой, сударыня, сказалъ онъ.—Знаетъ садовникъ вашъ адресъ?

— Знаетъ, сэръ.

— Я дамъ вамъ знать чрезъ садовника чѣмъ это кончится. Послѣдуйте моему совѣту, отправляйтесь домой.

Веніаминъ взялъ меня подъ руку. Докторъ и садовникъ пошли на веркъ.

— Мы не послушаемся доктора, прошептала я.— Мы пождемъ въ саду.

Веніаминъ не хотѣлъ и слышать о томъ чтобы поступить вопреки совѣту доктора.— Нѣтъ, я увезу васъ домой, объявилъ онъ рѣшительно. Я взглянула на него съ удивленіемъ. Мой старый другъ, всегда кроткій и уступчивый, выказалъ теперь настойчивость и силу воли которыхъ я не подозрѣвала въ немъ. Онъ вывелъ меня въ садъ. Нашъ извоцикъ ждалъ насъ у калитки.

На луту домой Веніаминъ вынулъ изъ кармана свою записную книжку.

— Чтò сдѣлать, другъ мой, съ челухой которую я написалъ здѣсь? спросилъ онъ.

— Неужели вы записали все? спросила я съ удивленіемъ.

— Когда я берусь за какое-нибудь дѣло я исполняю его, отвѣчалъ онъ.—Вы не давали мнѣ знака чтобъ я кончилъ и я записалъ все слово въ слово. Чтò сдѣлать теперь съ этими записками? Выбросить ихъ въ окно кареты?

— Отдайте ихъ мнѣ.

— Чтò вы сдѣлаете съ ними?

— Я еще сама не знаю. Я посоветуюсь съ мистеромъ Плейморомъ.

Г Л А В А XLI.

Мистеръ Плейморъ съ новой стороны.

Какъ ни была я утомлена, но я въ тотъ же вечеръ написала мистеру Плеймору, увѣдомляя его обо всемъ случившемся и прося у него наискорѣйшей помощи и совѣта.

Записки Веніамина были большею частью написаны стенографически и въ такомъ видѣ были конечно бесполезны для

меня. По моей просьбѣ онъ переписалъ ихъ въ двухъ экземплярахъ. Одну изъ копій я вложила въ мое письмо къ мистеру Плеймору, другую унесла съ собой въ свою спальню.

Въ долгіе часы бессонной ночи я читала и перечитывала послѣднія слова Декстера стараясь найти въ нихъ какой-нибудь полезный для меня смыслъ. Напрасная надежда. Сколько я ни думала, эти страшныя слова не поддавались никакому объясненію и я наконецъ сдѣлала то что могла бы сдѣлать безъ ущерба для своихъ интересовъ въ самомъ началѣ, а въ отчаяніи бросила бумагу. Чѣмъ увѣнчались всѣ мои свѣтлыя надежды на успѣхъ? Полнѣйшимъ разочарованіемъ. Я слишкомъ хорошо помнила всѣ подробности моего послѣдняго свиданія съ Декстеромъ чтобы не имѣть надежды на его выздоровленіе. Я помнила также и заключительныя слова докторскаго отчета прочтеннаго мной у мистера Плеймора. Когда это случится, писалъ докторъ, „друзья его не должны будутъ питать надежды на его выздоровленіе. Равновѣсіе разъ утраченное будетъ утрачено навсегда“.

Подтвержденіе этого ужаснаго приговора не замедлило дойти до меня. На слѣдующее утро садовникъ Декстера привезъ мнѣ увѣдомленіе обѣщанное наканунѣ докторомъ.

Мизерримусъ Декстеръ и Аривъ были все въ той же комнатѣ въ которой мы оставили ихъ. Въ ожиданіи распоряженій ближайшаго родственника Декстера (его младшаго брата), жившаго въ провинціи и увѣдомленнаго о случившемся телеграммой, больноі находился подъ присмотромъ опытныхъ служителей. Удалить Аривъ отъ ея ховяина безъ насильственныхъ мѣръ употребляемыхъ съ безумными больными оказалось невозможнымъ. Докторъ и садовникъ, оба необычайно сильные люди, не могли удержать ее когда хотѣли положить ей войти въ комнату. Но лишь только они уступили ей, ея ярость тотчасъ же утихла. Пока ей не мѣшали сидѣть у ногъ ея господина и смотрѣть на него, она была совершенно спокойна и довольна.

Какъ ни было это печально, но отчетъ о положеніи Декстера былъ еще печальнѣе.

„Мой пациентъ находится въ состояніи полнѣйшаго идиотизма“, писалъ мнѣ докторъ, а простой разказъ садовника вполнѣ подтвердилъ эти слова. Декстеръ былъ вполнѣ равнодушенъ къ доказательствамъ преданности бѣдной Аривъ, онъ живидимому даже не замѣчалъ ея присутствія. Онъ сидѣлъ

по дѣлымъ часамъ въ состояніи полнѣйшей летаргіи и оживлялся только когда ему приносили пищу. Онъ ѣлъ и пилъ съ звѣрскою жадностью.

— Сегодня утромъ, сказалъ мнѣ преданный садовникъ, — намъ показалось что онъ оживился немного. Онъ началъ озираться и дѣлалъ руками какіе-то странные знаки. Я не могъ понять его, докторъ тоже, но она, бѣдная, она поняла. Она принесла ему его арфу и вложила ее ему въ руки. Однако толку было мало. Онъ не могъ играть. Онъ только щипалъ струны, смѣялся и бормоталъ что-то про себя. Нѣтъ, онъ не поправится никогда, это ясно для всякаго. Кушаетъ съ удовольствіемъ, какъ я уже сказалъ вамъ, но и только. Всего лучше было бы еслибы Господь прибралъ его. Это все что я могу сказать вамъ. Прощайте, сударыня.

Онъ ушелъ со слезами на глазахъ. Я тоже была тронута до слезъ.

Чась спустя пришло извѣстіе ободрившее меня. Я получила телеграмму отъ мистера Плеймора заключающуюся въ нижеслѣдующихъ радостныхъ для меня словахъ: „Приужденъ ѣхать въ Лондонъ сегодня вечеромъ. Ждите меня завтра къ завтраку“.

На слѣдующее утро мистеръ Плейморъ былъ у насъ. Онъ ободрилъ меня съ первыхъ же словъ. Къ моему невыразимому удивленію и облегченію онъ вовсе не раздвѣлялъ моего безнадежнаго взгляда на мое положеніе.

— Я не отвергаю, сказалъ онъ, — что на вашемъ пути есть серіозныя препятствія, но я не пріѣхалъ бы къ вамъ не услѣвъ еще сдѣлать главнаго дѣла для котораго я прибылъ въ Лондонъ, еслибы записки мистера Веніамина не произвели на меня сильнаго впечатлѣнія. По моему мнѣнію вы получили теперь первый шансъ на успѣхъ и я считаю себя теперь въ правѣ предложить вамъ свою помощь. Помраченіе умственныхъ способностей этого несчастнаго заставило его сдѣлать то чего онъ никогда не сдѣлалъ бы въ здоровомъ разсудкѣ, заставило его показать намъ первые драгоцѣнные проблески истины.

— Увѣрены ли вы что въ его словахъ есть проблески истины? спросила я.

— Да, я нашелъ ихъ въ двухъ важныхъ подробностяхъ его разказа, отвѣчалъ мистеръ Плейморъ. — Вы правы полагая что память пережила всѣ его другія умственные спо-

собности. Я полагаю что во всемъ что онъ сказалъ послѣ того какъ заговорилъ о письмѣ безсознательно высказалась его память.

— Но какъ объяснить его слова о письмѣ? спросила я. — Для меня они загадка.

— Также какъ и для меня, отвѣчалъ онъ откровенно. — Главное изъ тѣхъ затрудненій о которыхъ я сейчасъ упомянулъ состоитъ въ разъясненіи значенія этого письма. Оно касается какимъ-нибудь образомъ покойной мистрисъ Макмалль, иначе Декстеръ не сказалъ бы что оно „мечъ въ его сердце“ и не соединилъ бы ея имя съ разказомъ о томъ какъ письмо было разорвано и брошено. Этотъ выводъ кажется мнѣ весьма правдоподобнымъ, но дальше этого я не иду. Я не имѣю ни малѣйшаго понятія о томъ кѣмъ было написано письмо и что заключалось въ немъ. Если мы рѣшимся попытаться узнать это, мы должны будемъ обратиться съ разпросами за три тысячи миль отсюда, мы должны будемъ послать кого-нибудь въ Америку.

Эти слова конечно чрезвычайно удивили меня. Я съ нетерпѣніемъ ждала узнать почему мы должны обратиться съ разпросами въ Америку.

— Выслушайте что я имѣю сказать вамъ, продолжалъ онъ, — и рѣшите сами стоить ли это дѣло денежныхъ жертвъ которыя потребуются отъ васъ если вы рѣшитесь послать кого-нибудь въ Нью-Йоркъ. Я знаю пригоднаго для этого человѣка, а сумму издержекъ (со включеніемъ телеграммы) я опредѣляю...

— Не говорите объ издержкахъ, воскликнула я возмущенная чисто шотландскою точкой зрѣнія, ставившей на первый планъ мой кошелекъ. — Я не забочусь объ издержкахъ. Разкажите мнѣ что вы открыли.

— Не заботиться объ издержкахъ, повторилъ онъ шутливо: — это чисто по-женски.

Я могла бы сказать: „Онъ заботится прежде всего объ издержкахъ; это чисто по-шотландски.“ Но я была слишкомъ заинтересована чтобъ острить. Я забарабанила нетерпѣливо по столу и воскликнула:

— Говорите, говорите!

Онъ вынулъ свою колю съ записокъ Веніамина и указалъ мнѣ на слѣдующія слова: „Какъ быть съ письмомъ?“

Сжечь его? Въ каминѣ нѣтъ огня. Въ коробкѣ нѣтъ спичекъ. Весь домъ вверхъ дномъ. Слуги разбѣжались.“

— Неужели вы понимаете значеніе этихъ словъ?

— Я припомнилъ прошлое и легко объяснилъ себѣ ихъ значеніе.

— Можете вы объяснить ихъ мнѣ?

— Конечно. Эти загадочныя слова передаютъ вѣрно нѣкоторые прошлые факты. Мнѣ стоить только разказать вамъ эти факты и вы будете такъ же проицательны какъ и я. Во время судопроизводства вашъ мужъ удивилъ меня потребовавъ чтобъ я отказалъ немедленно всѣмъ слугамъ въ Гленникѣ. Онъ поручилъ мнѣ отдать имъ жалованье за четверть года впередъ, дать имъ наилучшіе аттестаты, вполнѣ ими заслуженные, и потребовать чтобы часъ спустя послѣ моего приказанія никого изъ нихъ не было въ домѣ. Побудительною причиною этого страннаго поступка было почти то же самое что руководило его поступками съ вами. „Если я когда-нибудь вернусь въ Гленникъ“, сказалъ онъ мнѣ, „у меня не хватитъ духу взглянуть въ лицо моимъ честнымъ слугамъ послѣ того какъ меня судили по обвиненію въ убійствѣ.“ Что я ни говорилъ ему, ничто не поколебало его рѣшенія. Я отпустилъ слугъ. Часъ спустя послѣ моего приказанія они ушли, оставивъ всю дневную работу неоконченною. Единственными людьми оставшимися въ усадьбѣ были сторожъ, его жена и дочь, жившіе на краю парка. Въ послѣдній день судопроизводства я поручилъ дочери прибрать комнаты. Она была хорошая дѣвушка, но она никогда не служила горничной и ей не могло придти въ голову наложить дровъ въ каминны спальныхъ комнатъ и наполнить спичечницы спичками. Слова Декстера описываютъ состояніе его комнаты когда онъ вернулся въ Гленникъ съ подсудимымъ и его матерью. Естественно что не найдя возможности сжечь таинственное письмо, онъ разорвалъ его и бросилъ клочки въ лустой каминъ или въ корзинку съ ненужными бумагами. Во всякомъ случаѣ ему нельзя было долго думать надъ этимъ. Все въ этотъ день дѣлалось поспѣшно. Подсудимый, его мать и съ ними Декстеръ уѣхали въ Англію въ этотъ же вечеръ. Я самъ заперъ домъ и отдалъ ключи сторожу. Условлено было что сторожъ возьметъ на свое поличеніе пріемныя комнаты, а его жена и дочь спальни. Получивъ ваше письмо, я тотчасъ же отправился въ Гленникъ чтобы

разспросить старуху насчетъ спальни вообще и спальни Декстера въ особенности. Старуха припомнила что въ то время когда хозяинъ уѣхалъ и домъ былъ залептъ она слегла въ постель отъ боли въ поясницѣ и не выходила изъ сторожки около недѣли если не больше. Все что было сдѣлано въ это время для очистки спальныхъ комнатъ было сдѣлано ея дочерью. Она и только она можетъ сказать куда дѣвался соръ оказавшійся въ комнатѣ Декстера. Теперь въ этой комнатѣ, какъ я убѣдился собственными глазами, нѣтъ ни клочка разорванной бумаги. Гдѣ нашла дѣвушка клочки таинственнаго письма и что она сдѣлала съ ними — вотъ вопросы за разъясненіемъ которыхъ намъ придется обратиться въ Америку, по той простой причинѣ что дочь сторожа годъ тому назадъ вышла замужъ и переселилась съ мужемъ въ Нью-Йоркъ. Я не хочу обольщать васъ обманчивыми надеждами, я не хочу вводить васъ въ рискованныя издержки. Я долженъ напомнить вамъ что если даже дочь сторожа можетъ сказать что она сдѣлала съ соромъ который нашла въ комнатѣ Декстера, мы едва ли можемъ надѣяться найти по истеченію такого долгаго времени хоть клочокъ таинственнаго письма. Не слѣшите рѣшеніемъ. У меня есть дѣло въ Сити и я хочу дать вамъ цѣлый день на размышленіе.

— Пошлите кого-нибудь въ Нью-Йоркъ съ первымъ же пароходомъ. Вотъ мое рѣшеніе, мистеръ Плейморъ, отвѣчала я.

Онъ покачалъ головой со строгимъ укоромъ. Въ мое первое свиданіе съ нимъ у насъ не было рѣчи о деньгахъ и я знакомилась теперь впервые съ шотландскою сторожою характера мистера Плеймора.

— Какъ! возразилъ онъ пораженный и сконфуженный.— Но вѣдь вы не знаете чего это будетъ стоить вамъ. Подождите рѣшать пока я не опредѣлю вамъ сумму издержекъ въ англійскихъ и въ американскихъ деньгахъ.

— Я не могу ждать! Мнѣ нужны новыя открытія.

Онъ не обратилъ вниманія на мое замѣчаніе, онъ продолжалъ непоколебимо свои расчеты.

— Посланный отправится во второмъ классѣ и возьметъ билетъ туда и обратно, говорилъ онъ.— Хорошо. За эту плату онъ будетъ имѣть и столъ. Къ счастью онъ членъ общества трезвости и потому не будетъ тратить ваши деньги на вино. Въ Нью-Йоркъ онъ отправится въ дешевую нѣмецкую

гостиницу, гдѣ, какъ я знаю изъ достовѣрнаго источника, онъ будетъ имѣть удовлетворительное помѣщеніе и содержаніе за...

Къ этому времени мое терпѣніе истощилось. Я вынула изъ ящика стола мою книжку съ чеками, написала на одномъ изъ нихъ мое имя и подала его мистеру Плеймору.

— Напишите тутъ нужную сумму, сказала я,— и ради всего святаго вернемся къ запискамъ Веніамина.

Мистеръ Плейморъ откинулся на спинку кресла и поглядывалъ руки и глаза къ потолку. Это торжественное обращеніе къ невидимымъ силамъ ариѳметики и денегъ не произвело на меня никакого впечатлѣнія. Я настойчиво потребовала новыхъ объясненій.

— Скажите мнѣ, продолжала я взявъ записки Веніамина,— что значать вотъ эти слова Декстера: „номеръ девятый, Кальдершо, спросить Данди. Вы не увидите дневника. Я шепну вамъ по секрету: дневникъ приведетъ его на висѣлицу.“ Какъ могъ узнать Декстеръ содержаніе дневника моего мужа? И что значитъ „номеръ девятый, Кальдершо, спросить Данди?“ Опять факты?

— Опять факты, отвѣчалъ мистеръ Плейморъ,— перепутанные факты, но все же факты. Кальдершо это одинъ изъ самыхъ подозрительныхъ кварталовъ въ Единбургѣ. Одинъ изъ моихъ клерковъ (исполняющій обыкновенно мои конфиденціальныя порученія) взялся узнать что за человекъ Данди, въ номерѣ девятомъ. Дѣло было щекотливое и трудное и мой клеркъ хорошо сдѣлалъ взявъ съ собою человека извѣстнаго въ Кальдершо. Номеръ девятый оказался лавчонкой стараго желѣза и тряпья. Кромѣ того Данди, какъ ходятъ слухи, промышляетъ укрывательствомъ краденыхъ вещей. Благодаря вліянію его спутника и банкаго билета (который будетъ причтенъ къ суммѣ американскихъ издержекъ) моему клерку удалось выпытать кое-что у Данди. Я передамъ вамъ сущность его разказа не обременяя васъ излишними подробностями. Недѣли за двѣ до смерти покойной мистрисъ Макалланъ Данди сдѣлалъ два ключа по образцу двухъ восковыхъ слѣпковъ присланныхъ ему какимъ-то неизвѣстнымъ заказчикомъ. Таинственность соблюдаемая агентомъ этого заказчика возбудила подозрительность Данди, и прежде чѣмъ отдать ключи онъ прослѣдилъ этого человека и узналъ что ключи были заказаны Мизер-

римусомъ Декстеромъ. Подождите, я еще не кончила. Прибавьте къ этому открытію знакомство Декстера съ содержаніемъ дневника вашего мужа и вы придете къ заключенію что восковые слѣпки присланные Данди были слѣлками съ ключей отъ дневника и отъ стола гдѣ лежала книга. Я имѣю свои подозрѣнія насчетъ открытій которыя ожидаютъ насъ если мы поведемъ это дѣло какъ слѣдуетъ, но теперь не время говорить объ этомъ. Я повторяю вамъ олятъ что Декстеръ виновенъ такъ или иначе въ смерти покойной мистрисъ Макалланы и мнѣ кажется что вы теперь на прямомъ пути къ открытію въ чемъ состоитъ его вина. Мало этого, я скажу теперь же чего не рѣшался сказать прежде. Я считаю долгомъ относительно правосудія и относительно вашего мужа сдѣлать все возможное чтобъ открыть истину. Что же касается предстоящихъ затрудненій, мнѣ кажется что вы не должны смущаться ими. Величайшія затрудненія преодолеваются когда къ нимъ приступаютъ съ соединенными силами терпѣнія, рѣшимости и экономіи.

Мой достойный совѣтникъ сдѣлалъ сильное удареніе на послѣднемъ словѣ и помня о ходѣ времени и объ ожидавшихъ его дѣлахъ, всталъ чтобы проститься со мной.

— Еще одно слово, сказала я когда онъ протянулъ мнѣ руку.— Не успѣете ли вы побывать у Мизерримуса Декстера? Судя по тому что я слышала отъ садовника, его братъ теперь уже пріѣхалъ. Мнѣ было бы пріятно получить послѣднія извѣстія о Декстерѣ и получить ихъ отъ васъ.

— Посѣщеніе Декстера входило въ планъ моей поѣздки въ Лондонъ, отвѣчалъ мистеръ Плейморъ.— Не подумайте что я имѣю надежду на его выздоровленіе. Я хочу только удостовѣриться можетъ ли и хочетъ ли братъ его взять его на свое леченіе. Для насъ съ вами, мистрисъ Макалланы, онъ уже сказалъ свои послѣднія слова, намъ нечего больше ожидать отъ него.

Мистеръ Плейморъ отворилъ дверь, оставовилъ, подумалъ и вернулся ко мнѣ.

— Что касается послышки агента въ Америку, сказалъ онъ,— я намѣреваюсь имѣть честь представить вамъ краткую смѣту....

— О, мистеръ Плейморъ!

— Краткую письменную смѣту расходовъ сопряженныхъ съ этимъ предпріятіемъ. Вы будете такъ добры что посмо-

трите ее внимательно и если найдете возможнымъ сократить расходы, то сдѣлайте на ней свои замѣчанія. Затѣмъ, если смѣта будетъ одобрена вами, вы потрудитесь написать на нашемъ чекѣ нужную сумму словами и цифрами. Нѣтъ, сударыня, моя совѣсть не позволяетъ мнѣ носить съ собой такой опасный документъ какъ пустой чекъ. Этотъ небольшой клочокъ бумаги есть нарушеніе основныхъ правилъ осторожности и экономіи и прямое протаворѣчіе принципамъ руководившимъ мною всю жизнь. Я не могу поступить вопреки моимъ принципамъ. Прощайте, мистрисъ Макалланъ, прощайте.

Онъ положилъ мой чекъ на столъ съ низкимъ поклономъ и вышелъ изъ комнаты. Можно ли удивляться послѣ этого что Шотландцы такъ преуспѣваютъ въ жизни?

Г Л А В А ХЛП.

Новые сюрпризы.

Въ тотъ же день вечеромъ клеркъ мистера Плеймора доставилъ мнѣ смѣту.

Это былъ въ высшей степени характеристическій документъ. Издержки нашего агента были разсчитаны съ добросовѣстною аккуратностью не только до шиллинговъ, но даже до пенсовъ, инструкціи данныя ему на этотъ счетъ были такъ подробны и мелочны что его жизнь въ Америкѣ должна была быть мученіемъ для него. Изъ сожалѣнія къ нему я рѣшилась увеличить немного сумму назначенную мистеромъ Плейморомъ. Напрасная попытка. Мнѣ слѣдовало лучше знать человѣка съ которымъ я имѣла дѣло. Къ слѣдующему письму (увѣдомившему меня что нашъ посланный отправился въ путь) мистеръ Плейморъ приложилъ формальную росписку въ полученіи денегъ и весь излишекъ до послѣдняго фартинга.

Къ смѣтѣ было прибавлено нѣсколько слѣдующихъ строкъ въ которыхъ мистеръ Плейморъ разказалъ мнѣ о своемъ посѣщеніи Мизерримуса Декстера.

Въ больномъ не было никакой перемѣны ни къ лучшему, ни къ худшему. Братъ мистера Декстера пріѣхалъ и привезъ съ собой доктора спеціалиста душевныхъ болѣзней.

Докторъ отказался высказать какое-нибудь положительное мнѣніе о сумашествіи своего новаго кліента безъ тщательнаго и продолжительнаго изученія всѣхъ симптомовъ болѣзни. Вслѣдствіе этого рѣшено было перевести Мизерримуса Декстера въ пріютъ для умалишенныхъ поддерживаемый этимъ докторомъ. Единственное затрудненіе которое еще предстояло устранить касалось дальнѣйшей участи бѣдной Аріэль, этого преданнаго созданія не отходившаго отъ своего господина ни днемъ, ни ночью съ тѣхъ поръ какъ случилась катастрофа. Нельзя было, конечно, ожидать что докторъ приметъ ее въ свой пріютъ безплатно, а братъ Декстера „сознавался съ сожалѣніемъ что средства его не позволяли ему платитъ за нее“. Насильственное удаленіе отъ единственнаго существа которое она любила и заключеніе въ сумашедшемъ домѣ—такова была перспектива ожидавшая ее, если никто не приметъ въ ней участія.

Къ виду этихъ печальныхъ обстоятельствъ великодушный мистеръ Плейморъ, подчинивъ правила экономіи требованіямъ человеколюбія, предложилъ устроить частную подписку и самъ украсилъ подписной листъ щедрымъ пожертвованіемъ.

Всѣ написанныя мною страницы написаны напрасно если мнѣ необходимо теперь прибавлять что прочитавъ письмо мистера Плеймора я тотчасъ же написала брату Декстера предлагая, въ ожиданіи результатовъ подписки, взять на себя содержаніе Аріэли, съ тѣмъ условіемъ чтобъ она сопровождала своего господина когда его повезутъ въ домъ умалишенныхъ. Мое предложеніе и условіе были охотно приняты. Но когда я попросила чтобъ Аріэль и впредь было позволено ухаживать за ея господиномъ какъ она ухаживала за нимъ до сихъ поръ, мнѣ было отказано. Правила заведенія воспрепятствовали это, всеобщій опытъ воспрепятствовалъ это и такъ далѣе, и такъ далѣе. Однако съ помощью настойчивости и убѣжденій мнѣ удалось добиться значительной уступки. Аріэль позволено было проводить извѣстные часы дня и съ извѣстными условіями въ комнатѣ ея хозяина и сопровождать его во время его прогулокъ въ креслѣ по саду. Къ чести человечества я должна прибавить что мое обязательство не ввело меня въ большія издержки. Нашъ подписной листъ, порученный Веніамину, приносилъ блестящіе результаты. Не только друзья его, но люди совершенно посторонніе, заслу-

шавъ печальную повѣсть Аріэла, охотно открывали свои кошельки.

На другой день послѣ свиданія съ мистеромъ Плейморомъ я получила письмо отъ моей свекрови изъ Испаніи. Описать что я почувствовала когда сломала печать и прочла первыя строки рѣшительно невозможно. Пусть на этотъ разъ вмѣсто меня говоритъ мистрисъ Макалланъ.

Она писала:

„Приготовьтесь, моя милая Валерія, къ пріятнѣйшему сюрпризу. Евстаеій оправдалъ мое довѣріе къ нему. Возвращаясь въ Англію онъ возвратится, если вы позволите, къ своей женѣ.

„Слѣшу увѣрить васъ что это рѣшеніе не было слѣдствіемъ моего вліянія. Оно внушено вашему мужу его благодарностью и его любовью къ вамъ. Первыя слова которыя онъ сказалъ мнѣ когда пришелъ въ себя были слѣдующія: если я вернусь въ Англію и отправлюсь къ Валеріи, какъ вы думаете, проститъ она меня? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть данъ только вамъ, моя милая. Если вы любите насъ, отвѣчайте съ первою почтой.

„Передавъ вамъ что онъ сказалъ когда узналъ отъ меня что вы ухаживали за нимъ во время его болѣзни (если вамъ покажется что онъ сказалъ слишкомъ мало, вспомните что онъ еще такъ слабъ что едва можетъ говорить), я умышленно откладываю продолженіе моего письма на нѣсколько дней. Я хочу дать ему подумать, и если время произведетъ перемѣну въ его рѣшеніи, я скажу вамъ это прямо.

„Прошло три дня и перемѣны нѣтъ. Онъ одушевленъ теперь только однимъ чувствомъ — нетерпѣніемъ увидать поскорѣе жену.

„Но есть еще нѣчто что я должна сказать вамъ.

„Какъ ни сильно измѣнило его время и страданіе, но обращеніе съ которымъ онъ смотритъ на ваше намѣреніе изслѣдовать снова обстоятельства сопровождавшія ужасную смерть его первой жены осталось неизмѣннымъ. Ему нѣтъ дѣла до того что вами руководитъ единственное желаніе послужить его интересамъ. „Отказалась ли она отъ этого намѣренія? Вполнѣ ли вы увѣрены что она отказалась отъ этого намѣренія?“ Вотъ вопросы которые онъ предлагаетъ мнѣ безпрестанно. Я отвѣчаю ему такъ чтобъ успокоить его. Я говорю: улокойся на этотъ счетъ. Валерія волей или

неволей должна отказаться отъ своего намѣренія. Она встрѣтила препятствія оказавшіяся непреодолимыми, она принуждена уступить.

„Таково, если вы помните, было дѣйствительно мое мнѣніе когда мы говорили съ вами въ первый разъ о вашихъ планахъ и съ тѣхъ поръ я не слышала отъ васъ ничего такого что могло бы заставить меня думать иначе. Если я права (и дай Богъ чтобъ я была права), вамъ стѣдуетъ только сказать это въ вашемъ письмѣ и все пойдетъ хорошо. Въ противномъ случаѣ, то-есть если вы все еще не отказались отъ своихъ безнадежныхъ плановъ, приготовьтесь къ послѣдствіямъ вашего упрямства. Если вы пойдете въ этомъ дѣлѣ вопреки предубѣжденіямъ Евстаѳіа, вы лишите себя его благодарности, его раскаянія, его любви и по моему мнѣнію никогда не увидите его опять.

„Я выражаюсь сильно, моя милая, но я дѣлаю это для вашей же пользы. Когда напишете мнѣ, напишите нѣсколько строкъ и къ Евстаѳію.

„Что касается дня нашего отъѣзда, я еще не могу назначить его. Евстаѳій полправляется очень медленно, докторъ еще не позволяетъ ему вставать съ постели. Когда же мы наконецъ лустимся въ путь, мы должны будемъ ѣхать не слѣша, такъ что пройдетъ по крайней мѣрѣ шесть недѣль прежде чѣмъ мы увидимъ милую старую Англію.

„Любящая васъ

„Катерина Макалланъ.“

Я спрятала письмо и попробовала успокоиться и овладѣть собою. Чтобы понять вполнѣ мое положеніе необходимо вспомнить одно обстоятельство. Человѣкъ которому поручено было навести справки о таинственномъ письмѣ переплывалъ въ это время Атлантической океанъ на пути въ Нью-Йоркъ.

Какъ должна была поступить?

Я колебалась. Какъ ни предосудительно покажется это нѣкоторымъ людямъ, но я сознаюсь что я колебалась. Слѣшительнѣншіемъ не было надобности. Предо мной былъ еще цѣлый день.

Я вышла на одинокую прогулку и обдумала все это дѣло. Я вернулась домой, сѣла у камина и снова обдумала все это дѣло. Оскорбить и отвергнуть моего милаго

когда онъ возвращался ко мнѣ добровольно и съ раскаяніемъ — этого не сдѣлала бы ни одна женщина въ моемъ положеніи и съ моими чувствами къ нему. Съ другой стороны, могла ли я отказаться отъ моего великаго предпріятія когда даже благоразумный, осторожный мистеръ Плейморъ возымѣлъ такую надежду на успѣхъ что рѣшился предложить мнѣ свою помощь. На которую изъ этихъ двухъ жертвъ должна я была рѣшиться? Вспомните о собственныхъ слабостяхъ и будьте снисходительны ко мнѣ. Я не рѣшилась ни на ту, ни на другую. Два врага человѣчества, лицемеріе и обманъ, взяли меня ласково за руку и прошептали мнѣ самымъ убѣдительнымъ тономъ: „не принимай на себя никакого обязательства. Отвѣчай настолько откровенно чтобы только успокоить свекровь и мужа. Предъ тобой еще много времени. Подожди. Можетъ-быть время окажетъ тебѣ услугу и выведетъ тебя изъ затрудненія.“

Коварный совѣтъ, однако я приняла его, я воспитанная такъ что мнѣ слѣдовало бы сумѣть отвергнуть его. Вы, читающіе эти строки, вы конечно отвергнули бы его. Вы не причислены въ молитвенникъ къ категоріи жалкихъ грѣшниковъ.

Что дѣлать! Я буду хоть настолько добродѣтельна чтобы сознаваться въ своихъ проступкахъ. Въ письмѣ къ свекрови я написала что Мизерримусъ Декстеръ отправленъ въ домъ умалишенныхъ и предоставила ей вывести изъ этого факта какое угодно заключеніе. Мужу я также сказала только половину правды. Я сказала что прощаю его всѣмъ сердцемъ и что если онъ вернется ко мнѣ, то я приму его съ отверстыми объятіями, и это была истинная правда. Что же касается остальнаго, я могу сказать вмѣстѣ съ Гамлетомъ: „остальное молчаніе“.

Отправивъ мои недостойныя письма я впала въ тревожное, тоскливое расположеніе духа и почувствовала необходимость въ перемѣнѣ образа жизни. Извѣстія изъ Нью-Йорка нельзя было ждать раньше какъ черезъ восемь или девять дней. Я простилась на время съ моимъ милымъ, несравненнымъ Веніаминомъ и отпразднлась на сѣверъ, къ моему дядѣ Старкъ-уэзеру. Поѣздка въ Испанію къ больному мужу помирила меня съ моими почтенными родственниками: мы обмѣнялись дружескими письмами и я обѣщала пріѣхать погостить къ нимъ лишь только найду возможнымъ покинуть Лондонъ.

Время проведенное мной въ моемъ прежнемъ домѣ было спокойнымъ и сравнительно счастливымъ временемъ. Я побывала опять на берегу рѣки гдѣ встрѣтилась впервые съ Евстаѳіемъ, побывала на лугу и въ разсадникахъ гдѣ мы сходились тайно чтобы поговорить о нашихъ неприятностяхъ и такъ часто забывали ихъ въ поцѣлуѣ. Какъ жалка была наша жизнь съ тѣхъ поръ! И какъ еще сомнительно было будущее!

Обстановка среди которой я жила теперь произвела успокоительное дѣйствіе на мое сердце, облагораживающее дѣйствіе на мой умъ. Я начала упрекать себя, горько упрекать себя что мое письмо къ мужу было не вполне откровенно. Почему я колебалась пожертвовать ему моими надеждами и интересами? Онъ, бѣдный, не колебался, его первымъ мыслямъ была мысль о женѣ.

Спустя двѣ недѣли послѣ моего пріѣзда въ домъ дяди я получила отъ мистера Плеймора извѣстіе невыразимо огорчившее и разочаровавшее меня. Нашъ посланный уведомлялъ насъ телеграммой что дочь сторожа и ея мужъ уѣхали изъ Нью-Йорка и что ему не удалось еще узнать куда они переселились.

Нечего было дѣлать. Оставалось только вооружиться терпѣніемъ и ждать лучшаго извѣстія. По совѣту мистера Плеймора я осталась на сѣверѣ чтобъ быть вблизи отъ него на случай если мнѣ понадобится посоветоваться съ нимъ лично. Прошло еще три недѣли тяжелаго ожиданія прежде чѣмъ я получила новое письмо отъ него. На этотъ разъ нельзя было сказать хорошо или дурно было извѣстіе, но хорошее или дурное, оно было въ высшей степени неожиданное. Даже мистеръ Плейморъ былъ пораженъ. Вотъ загадочная телеграмма (столь краткая вслѣдствіе экономическихъ разчетовъ, конечно) которую прислалъ намъ нашъ агентъ изъ Америки:

„Раскопайте сорную кучу въ Гленвикъ.“

(Окончаніе въ слѣд. №)

ТАИТИ

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.

I.

Съ шумомъ, какъ бы звеня въ прозрачномъ воздухѣ, рвался выпускаемый изъ машины блестящей бѣлизны паръ, въ контрастъ дыму черными клубами валившему изъ трубы нашего парохода. Подымаясь почти вертикально, дымъ терялъ постепенно ясные очерки своихъ громадныхъ клубившихся колецъ, рѣдѣлъ, и стался грязновато-желтымъ облакомъ, относимый легкимъ дуновениемъ начинавшагося морскаго бриза. Мы уходили изъ Гонолулу.

Все народонаселеніе корвета находилось на палубѣ, и мы ожидали только возвращенія съ берега ревизора, поѣхавшаго покончить счеты съ консулами, чтобы дать ходъ машинѣ.

На ютѣ, * потихоньку, точно гуляя, заложа руки за спину, ходилъ старшій штурманъ, рядомъ съ суетившимся лоцманомъ-Янки. Последній выходилъ изъ себя силясь словомъ и жестомъ заставить первого понимать то что онъ ему объяснял, но несмотря на все краснорѣчіе своихъ словъ и энер-

* Ютъ—часть верхней палубы.

лю махавшихъ, какъ крылья мельницы, рукъ, получалъ въ отвѣтъ неизмѣнное „уес“, произносившееся именно съ тою важностью которая подобала человѣку извѣстнаго вѣса и значенія не желавшему при подчиненныхъ выказать своего незванія.

На мостикъ * было три дѣятеля. Первый по старшинству, калитанъ, ходилъ торопливо взадъ и впередъ, потирая себѣ лѣвую ладонь пальцами правой руки, и цѣдя сквозь зубы при каждомъ поворотѣ, совершаемомъ быстро на одномъ каблукѣ: „это чортъ знаетъ что“.

Надо сказать что эти три дѣйствія, т.-е. хожденіе, потираніе ладони и повороты, были у калитана въ неразрывной связи съ внутреннимъ его настроеніемъ и служили намъ вѣрнѣйшимъ барометрическимъ указаніемъ расположенія его дуга. Въ настоящую минуту торопливость его шаговъ, быстрота поворотовъ и усиленное натирание ладони указывали что барометръ стоялъ почти на грозѣ и это благодаря залоздавшему ревизору, человѣку никогда и ни въ чемъ не торолившемуся.

Вторая личность былъ вахтенный начальникъ. Суетливость его распоряженій выражалась то фугой слуска по трапу, ** причеиъ шумъ салоговъ его о стуленьки походилъ на дробь барабана, то послѣднностью съ какой онъ взлеталъ на мостикъ и давалъ право предполагать что его кто-либо подгоняетъ. Въ контрастъ безпокоившимся начальникамъ, забывшись въ уголь и съ подзорною трубой подъ мышкой, стоялъ выдуча животь Чухна-сигнальщикъ. На скулистомъ и апатичномъ лицѣ его было написано полное равнодушіе ко всему окружающему.

На шхандахъ, *** кругомъ толстыхъ вомбовокъ, **** съ закинутыми на затылокъ соломенными шляпами, въ самыхъ живописныхъ лозахъ стояли наши молодцы матросы. Что за

* Мостикъ перекинутый поперекъ ладубы—мѣстопробываніе вахтеннаго начальника, во время отправаенія его служебныхъ обязанностей.

** Каждая деревянная или желѣзная лѣстница на суднѣ называется трапомъ.

*** Средняя часть верхней ладубы, т.-е. пространство между задней и средней мачтами.

**** Рычаги которыми вращаютъ шпиль, т.-е. воротъ служащій для подъема якоря.

разнообразіе лицъ и типовъ! Тутъ широкоплечій коренастый Костромичъ, съ мощною, открытою, заросшею грудью; рядомъ съ нимъ блѣсоватый, узкій, но высокій Финъ. Далѣе атлетъ хохоль съ спокойнымъ правильнымъ лицомъ и черными какъ смола, висящими длинными усами. Нѣсколько далѣе бросалась въ глаза черная фигура заколтѣлаго кочегара выльзшаго по поясъ изъ машиннаго люка чтобы лодышать и освѣжиться. Наконецъ на бакѣ боцманъ * не торопясь распоряжался какъ бы скорѣй и лучше принять въ объятія свои любимое дѣтище якорь, еще безлечно лежавшій, засунувъ одну изъ лалъ своихъ въ прохладное ложе дна.

Наконецъ катеръ съ ревизоромъ отвалилъ отъ берега и похесся, быстро разсѣкая воды рейда, благодаря мѣрно ударявшимъ весламъ. Вотъ онъ и присталъ, вотъ и полползали кривыя ножки ревизора по непрічудливому нашему трапу.

— Что это вы, А. А., такъ долго? Поѣхали на одинъ часъ, а остались цѣлыхъ три, процѣдилъ сквозь зубы подошедшій къ нему капитанъ, глядя на него изъ лодобья, и тако улыбаясь.

— Счеты-съ не были готовы, отвѣтилъ тотъ, показывая на цѣлую связку разноцвѣтной бумаги.

— Выхаживайте ** якорь, продолжалъ повидимому не удовлетворенный объясненіемъ капитанъ обращаясь къ вахтенному, у котораго благодаря бѣготѣ выступалъ крупный потъ по лбу.

„Катеръ подъ тали; *** лошелъ шпиль!“ пронеслась команда съ мостика.

Дружно налегли мощныя груди матросовъ на трещавшія подъ ихъ усиліями вымбовки шпилья, раздалась мѣрная топотня сильныхъ ногъ, прерываемая лишь переливами унтеръ-офицерскихъ свистковъ.

Насталъ моментъ когда якорь долженъ былъ отдѣлаться отъ дна. Чтобы вырвать его изъ пла нужно обыкновенно употребить наибольшее усиліе. Шпиль на мгновеніе оставовился. Рванули дружнымъ усиліемъ матросы раза два. И завертѣлся онъ снова легко. „Всталъ якорь“, послышалось

* Фельдфебель, обыкновенно дока морскаго дѣла.

** Выхаживать якорь — терминъ выражающій подымать его помощью шпилья.

*** Система баковъ.

съ баку. „Холь впередь!“ было отвѣтомъ съ мостика. Замокъ съ свистъ выпускаемаго пара. Залыхтѣла машина. Забуравилъ вистъ. Корветъ двинулся.

Проходя подъ береговыми батареями, взвился на нашей гротъ-брамъ-стенгѣ * гавайскій флагъ, а вмѣстѣ съ нимъ изъ-подъ вырвавагося стелящагося клуба бѣлаго дыма, раздался не разъ повторенный въ горахъ первый выстрѣлъ прощальнаго салюта. Вечеромъ, въ ожиданіи пассата, мы прекратили пары и вступили подъ паруса, бывши еще на траверсѣ острова Тагу. Последній представлялся высокимъ темнозеленымъ конусомъ локоившимъ свою вершину въ темнѣвшей лазури вечерншаго неба. Изрытая, изборозженная вершина его осѣнялась гигантскою шалкой тумана.

Въ полночь, выйдя на вахту, я былъ пораженъ восхитительною картиною. Представьте себѣ темную, темную тропическую ночь. Надъ вами глубокій куполъ тверди, который несмотря на темноту не совсѣмъ еще утратилъ свой темносиній колоритъ. Этотъ куполъ былъ усѣянъ мириадами звѣздъ, то тихо и плавно горѣвшихъ, то мерцавшихъ какимъ-то кокетливымъ отблескомъ наломившимъ отблескъ глазъ сквозь отверстія маски. Мертвый штиль, гладкая какъ зеркало поверхность Океана, отражающая огненные испаренія вулкана Тагу.

Весь слѣдующій день прошелъ въ томительномъ и однообразномъ штилѣ. Онъ прерывался лишь время отъ времени налетавшими изъ ущелья горы Тагу сырыми, ароматическими, легкими шквалами.

Шаловливый бризъ рябилъ поверхность воды, но былъ безсиленъ надуть наши грузно висѣвшіе на реяхъ паруса. Даже колдунчикъ, ** несмотря на всю свою традиціонную и заслуженную репутацію легкости, и тотъ, повисши, катался кругомъ шеста, къ концу котораго былъ привязанъ.

На третій день тотъ же тягостный штиль, то же безоблачное небо, та же гладкая поверхность водъ. Тоскливо переносились взоры къ неподвижному колдунчику, а отъ него къ висѣвшимъ парусамъ, — штиль, мертвый штиль.

Тяжелое чувство овладѣло нами. Молча и угрюмо бродили мы не зная ни что дѣлать, ни за что взяться—все какъ изъ рукъ валилось.

* Верхняя оконечность средней мачты.

** Флюгеръ сдѣланный изъ перьевъ.

Нигдѣ, мнѣ кажется, преданія не сохраняются въ такой неприкосновенности, какъ между моряками. Въ сущности изъ-за чего мы всё изнывали? Погода теплая, не жаркая, корветъ не качало, лишнихъ четыре-пять дней моря ничего не значило намъ, привыкшимъ считать ихъ десятками. На Таити ни знакомыхъ, ни писемъ мы не ожидали; кажется, повидимому, и торопиться было не къ чему, — но изнывали и мучались только потому что былъ штиль. Нѣтъ хуже наказанья для моряка, какъ этотъ обязательный покой. Съ бурями и непогодами онъ сроднился, съ лишениями онъ свыкается, со штилемъ же никогда.

Не безъ вліянія тутъ преданія переходящія между моряками изъ поколѣнія къ поколѣнію о тѣхъ временахъ когда штиль бывалъ причиною голодной смерти, или еще хуже, смерти отъ жажды цѣлыхъ экипажей, когда подъ вліяніемъ страданій, на палубахъ штилевавшихъ судовъ разыгрывались тѣ драмы кровожадныхъ инстинктовъ, при чтеніи описаній которыхъ волосы становятся дыбомъ.

Молча, насулившись, сидѣли мы въ каютѣ-компаніи. Вдругъ неожиданно раздался свистъ съ словами: „всѣхъ на верхъ, гребныя суда спускать!“ а вслѣдъ за тѣмъ энергическая дробь тревоги. До той поры безмолвная одинокая палуба оживилась лодъ сотнями забѣгавшихъ вдругъ ногъ и представила собою хаосъ сновавшихъ людей, спускавшихся шлюпокъ, двигавшихся орудій... Не прошло десяти минутъ, шумъ и бѣготня затихли. Палуба снова опустѣла, а вооруженныя гребныя суда съ десантомъ выстраивались въ боевую линію не вдалекѣ отъ корвета.

Пользуясь благоприятною погодою и желая развлечь команду, адмиралъ сдѣлалъ ученье. Задача заключалась въ томъ что шлюпки обохъ корветовъ должны были взять абордажемъ клиперъ. *

Въ исполненіе этой задачи входила быстрота спуска гребныхъ судовъ, точное ихъ вооруженіе, посадка на нихъ десанта и наконецъ умѣнье подойти къ клиперу не подвергаясь дѣйствию его орудій.

Соединившіеся оба отряда шлюпокъ гребли къ мнимому непріятелю отстоявшему отъ насъ въ полумилѣ ближе къ берегу.

* Мы плавали отрядомъ изъ двухъ корветовъ и клипера.

Въ это время и клиперъ готовился къ оборонѣ. Тревога была въ полномъ разгарѣ. Мы не успѣли оглянуться какъ стѣлковыя и абордажныя партіи его покрыли бакъ и ютъ, а темныя жерла наведенныхъ на шлюпки орудій грозно ожидали нашего прибытія. Я любовался красавцемъ клиперомъ, вдругъ преобразившимся въ гордаго бойца. Длинный, низкій, острый, граціозный его корпусъ какъ-то особенно легко лежалъ на водѣ. А тонкое, высокое, молодецки посаженное вооруженіе, покрытое громадною парусностью, невольно заставляло заглядываться и любоваться.

Но вотъ мелькнулъ огонь. Вырвалось облако бѣлаго дыма. Раздался гулъ, повторившійся эхомъ въ ущельяхъ не далеко покоившагося Тагу—это было сигналомъ боя. Открыли и мы огонь. Трескотня штуцерниковъ, шипѣніе ракетъ, гулъ залповъ орудій, покрываемый ревомъ шестидесятифунтовой клиперской пушки, все слилось въ одинъ непрерывный гулъ отдававшійся неумолкаемыми раскатами въ горахъ острова. Клиперъ скрылся въ непроницаемой завѣсѣ бѣлаго порохового дыма, столбомъ подымавшагося къ небу. Но вотъ онъ замолкъ. Дымъ разсѣялся и мы увидали спускавшуюся съ рей на воду фатальную сѣтку, * за которой вдоль борта стояла масса вооруженныхъ люками и топорами людей. Еще послѣдній выстрѣлъ, послѣдній залпъ въ упоръ, и мой катеръ залутался въ этой сѣткѣ.

Черезъ нѣсколько секундъ, несмотря на разумную и рациональную защиту свою, благодаря которой въ серьезномъ дѣлѣ онъ навѣрно перетопилъ бы всѣхъ насъ, мы, каждый во главѣ своей партіи, выстроившись на лалубѣ клипера, выслушивали отъ адмирала кто похвалу, кто замѣчаніе; а затѣмъ усѣвшись на шлюпки побѣдоносно отправились всплать.

Къ вечеру этого дня, послѣ прошедшаго сильнаго шквала съ дождемъ и громомъ, подхватившаго и понесшаго насъ съ

* Сѣтку употребляютъ низкія суда для того чтобы обезпечить себя отъ абордажей шлюпками. Сплетеная изъ толстыхъ веревокъ на подобіе рыболовныхъ сѣтей она окружаетъ сплошною, высокою стѣною судно въ довольно большомъ отъ него разстояніи. Понятно что подошедшія для абордажа шлюпки, дабы добраться до корабля, должны сначала прорубиться сквозь сѣть. Необходимое для того время болѣе важно достаточно для защищающихся чтобы перетопить шлюпки или перестрѣлять людей.

отдающимися марсафалами, * мы почувствовали признаки столь долго и нетерпѣливо ожидаемаго пассата. Къ утру NO установился и мы, разсѣкая ровное и частое волненіе тропическаго пояса, повеселись къ Таити, постепенно теряя тонущій въ лазоревыхъ водахъ Великаго Океана островъ Оагу.

Къ полдню горизонтъ былъ чистъ кругомъ, и затѣмъ потекла наша мирная морская жизнь. Двадцатидневный переходъ до Таити былъ скорѣй прогулкой, чѣмъ морскимъ переходомъ. Дѣйствительно, провести двадцать дней на не качающемся и быстро идущемъ подъ парусами суднѣ въ тропикахъ не лишено прелести. Ночи во время нашего перехода были восхитительны. Полная луна заливала свѣтомъ наши ровно надутые паруса, какъ будто оживлявшіеся подъ ея томными синеватыми лучами. Легкій крекъ, шумъ отгоняемой отъ остраго водорѣза воды, ея журчащіе всплески, все это наполняло душу какимъ-то спокойнымъ бесцуетнымъ чувствомъ.

Не одну ночь провелъ я на верху, съ наслажденіемъ подставляя свое лицо теплому вѣтру.

Наконецъ на двадцать первый день къ вечеру вдали показалось облако, рѣзкія, а главное постоянныя очертанія котораго убѣждали что на нашемъ горизонтѣ всплывала изъ голубыхъ водъ Тихаго Океана восхитительная царица этого роскошнаго пояса Таити.

Архипелагъ къ которому принадлежитъ Таити открытъ Португальцемъ Куирасомъ (Kuigas), случайно забредшимъ сюда въ 1606 году, и названъ имъ Сагиттарія (Sagittaria). Послѣ этого первое появленіе въ здѣшнихъ водахъ европейскаго судна, подъ начальствомъ Валлиса, было въ 1768 году, а черезъ годъ, то-есть въ 1769 году, посѣтилъ эту группу Бугенвиль, и подъ впечатлѣніемъ восторга назвалъ ее архипелагомъ Новой Цитеры. Одновременно съ нимъ былъ и Кукъ, коего луританизмъ и суровость не устояли предъ жгучими глазами красивыхъ туземокъ. Говоря о туземной женщинѣ, его точный, рѣзкій слогъ дѣлается чуть не поэтическимъ.

Таити лежитъ между 17° 29' и 17° 47' южной широты и 151° 30⁰⁰ и 151° 56' восточной долготы. Овъ состоитъ изъ

* Веревка посредствомъ которой натагиваютъ въ высоту марсель, средній парусъ, главный на суднѣ.

двухъ неровныхъ половинъ соединенныхъ между собою низменнымъ и узкимъ перешейкомъ, ширина котораго не превышаетъ двухъ верстѣ. На послѣднемъ построены форты Таравао. Большая половина острова, почти круглой формы, собственно носитъ названіе Таити. Меньшая же, овальная, называется Таирабу.

Какъ и всѣ острова Тихаго Океана, Таити окруженъ кольцомъ коралловъ, о которое разбиваются волны, вслѣдствіе чего водная поверхность между нимъ и островомъ всегда гладка и спокойна.

Климатъ Таити постояненъ и тепелъ. По наблюденіямъ вполне заслуживающимъ довѣрія здѣшняго доктора г. Прата, средняя температура за нѣсколько лѣтъ въ Палиетѣ была 24°,5 стоградусной скалы. Температура ближе всего подходящая къ Сень-Луи на Сенегалѣ (24°,6).

Различія временъ года далеко не такъ рѣзки, какъ мы привыкли это видѣть. Первые четыре мѣсяца въ году самые теплые и сырые. Падающіе въ это время дожди имѣютъ не малое вліяніе на общую среднюю температуру острова, которая была бы гораздо выше безъ этого обстоятельства. Съ мая температура понижается, достигая минимума въ періодъ съ юля до октября. Въ это время дожди настолько рѣдки что эта часть года можетъ назваться сухою сравнительно съ первою.

Когда на зарѣ послѣ бессонной ночи я вышелъ на верхъ, тамъ оставалось не болѣе 30 миль до стоянки. Пары были готовы; чего-то, не помню, ожидали, чтобы дать ходъ машинѣ. Было пасмурно.

Предъ бугириломъ * высоко воздымалась темная масса острова, вплоть до низу задернутая непроницаемою мглой тумана, тяжело завѣсой висѣвшаго надъ Таити. Прегражденный островомъ пассатъ спадалъ, хотя еще доносилъ до насъ теплыя, душистыя испаренія земли. На востокъ, обозначавшееся пятами перистыхъ облаковъ мѣсто восхода стало свѣтлѣть исподлинскимъ сіяніемъ, центръ котораго принималъ багровые оттѣнки зарева. Заливъ точно расплавленнымъ металломъ погоризонта, медленно выходившее изъ лазури Океана солнце озолотило и облачную завѣсу острова, а вслѣдъ

* Наклонная, почти лежащая впередъ мачта, находящаяся на носу корабля.

за тѣмъ, какъ бы на встрѣчу Фебу, потянулъ легкій береговой бризъ и разразилъ ее сильнымъ шкваломъ съ ливнемъ. Но вотъ прекратился дождь, заблестало солнце и предъ нами во всей красѣ раскинулась картина острова.

Громадная діадема скалъ причудливой формы, похожая на корону съ острыми зубцами, освѣяла вершину острова. Вся эта масса была одѣта зеленью лѣсовъ, почти сплошь покрывающихъ Таити. Эта зеленая глыба не представлялась однако однообразной, напротивъ, являла всѣ оттѣнки зеленого цвѣта, начиная съ самыхъ темныхъ и до самыхъ свѣтлыхъ, переливавшихся играя съ теплыми и яркими снолами солнечнаго свѣта. Мѣстами только бросались въ глаза красныя блестящія пятна обнаженнаго базальта.

По мѣрѣ нашего приближенія стали выдѣляться подробности очертаній. Показались рощи, посвѣтлѣли вдоль береговъ выуклости, взаимнѣ чего темнѣя болѣе и болѣе стали углубляться впадины.

Берега острова, то вдаваясь внутрь, то выдаваясь наружу цѣлыми груллами какъ бы жмущихся другъ къ другу мысковъ, образовали непрерывный рядъ бухтъ, издали наломивавшихъ узорное тонкое кружево. Мириады мадрепоръ широкою лентой окружили островъ, точно желая защитить изрытые берега его отъ напора не всегда ласковыхъ валовъ. Клокотавшія и лѣнящіяся снаружи кольца волъ, разбившись на несмѣтныя брызги объ эту стѣну, являлись по ту сторону рифа гладкою какъ зеркало поверхностью, въ которой во всей красѣ и всѣхъ подробностяхъ отражается восхитительный образъ Таити.

Но вотъ показался парусъ. Легкокрылою чайкой къ намъ на встрѣчу, едва касаясь воды, летѣла шлюпка съ лоцманомъ, а черезъ полчаса съ громомъ несшаяся по палубѣ цѣль отданнаго якоря возвѣстила о концѣ перехода.

Мы стали въ небольшомъ кругломъ рейдѣ. Сзади исподикскимъ букетомъ плавалъ островокъ, защищающій бухту съ моря. Кругомъ же по побережью обвивалась лестрая кайма, составленная домами и хижинами утопавшими въ могучей зелени и цвѣтахъ. Куда ни обернись, радостно, свѣтло и весело.

На другой день пріѣхалъ къ намъ губернаторъ колоніи, Французъ въ полномъ смыслѣ слова. Онъ гордился своимъ сходствомъ съ Наполеономъ I, осанку и жестъ котораго старался воспроизводить съ возможной точностью.

Съ важною пройда по лаубѣ, онъ спустился въ каюту адмирала, куда и мы сошли завтракать. Здѣсь представитель Франціи рассыпался въ любезностяхъ съ трескомъ метеора. Всѣхъ надѣлилъ-пріятностями и закончилъ свой визитъ приглашеніемъ къ себѣ, говоря что представить насъ своей супругѣ, которая по словамъ его была „la plus jolie femme de la colonie“.

— Согласись на половину, вырвалось у неопѣеннаго Б*, котораго привычная поговорка была здѣсь какъ нельзя болѣе кстати.

На другой день, облаченные въ несносное сукно, отправились мы съ официальнымъ визитомъ къ губернатору, а затѣмъ должны были удостоиться представленіямъ ея величеству королевѣ.

Папете, городъ названный именемъ бухты которую окружаетъ. Онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ улицъ, изъ которыхъ набережная самая фашіонабельная.

Трудно себѣ представить какъ при общей здѣшной обстановкѣ колютъ глаза эти сундуки съ бельведерами имѣющіе претензію быть домами; эти лавки, рестораны; солдаты, въ желтыхъ бумажныхъ злолетахъ съ надѣтыми на бекрень кепи, длиннополые патеры и наконецъ въ шпалкахъ и въ прыскачку бѣгущія чахоточныя Француженки...

Губернаторъ принялъ насъ весьма любезно и тотчасъ повелъ въ половину супруги. Последняя хорошенькая женщина недавно вышедшая замужъ. Полулежа, полуодѣтая, она дала намъ аудіенцію въ полутемномъ своемъ будуарѣ. Благодаря убійственной духотѣ, тѣсному, влаотъ застегнутому суконному платью и прогулкѣ по всему городу, наши раскраснѣвшія и раслухнувшія фізіономіи должны были произвести непріятное на хозяйку впечатлѣніе. Мы сами чувствовали до какой степени несчастное наше положеніе было не въ пользу намъ и насколько мы походили на кретиновъ.

Сидя кругомъ любезной хозяйки, мы систематически отмачивались, терявъ отъ жару всякую способность соображенія. Вопросы сыпались въ необыкновенномъ количествѣ, переносясь отъ одного къ другому, а отвѣты, вторившіе на разные голоса, являлись односложными.

Этотъ оригинальный разговоръ мнѣ живо напомнилъ слышавшаго разъ въ Англіи артиста игравшаго на колокольчикахъ.

Наконецъ визитъ кончился, и мы со срамомъ ретировались чтобъ идти на представленіе королевѣ, жившей на противоположномъ концѣ города. Дорога шла черезъ мостъ, перекинутый надъ горнымъ потокомъ, бурно бѣжавшимъ, журча безчисленными небольшими каскадами. Л*, большой оригиналь, не говоря дурнаго слова, какъ былъ, съ шапкой на головѣ, такъ и бултыхнулся въ воду. „Сумашедшій“, сказали ему, когда онъ мокрый вылезалъ на противоположный берегъ, „вѣдь мы идемъ представляться!“ — „Знаю“, отвѣчалъ онъ, „успѣю еще высохнуть“. И дѣйствительно, когда подходили ко дворцу, онъ былъ сухъ. Признаюсь, я пожалѣлъ что не послѣдовалъ его примѣру.

Резиденція королевы была громадная, окруженная верандой, бамбуковая хижина, помѣщавшаяся посреди большого двора, обнесеннаго частоколомъ и обсаженнаго большими тѣнистыми деревьями. Большая пріемная, куда насъ ввели, была меблирована оригинальнымъ для дворца образомъ. На полу и на стѣнахъ виднѣлись циновки, а прислонившись къ одному изъ угловъ стоялъ убогій, хотя когда-то и вызолоченный диванъ, онъ же и тронъ, предъ которымъ неизвѣстно почему воздымался туалетный столъ.

Черезъ пять минутъ въ открывшуюся дверь пролѣзла какая-то безобразная, съ лоснящимся отъ жира лицомъ, масса и стала полкатываться къ намъ.

То была ея величество королева Помаре. Одѣтая въ блузу, сквозь которую жирное тѣло ея окрашивало кисею въ какой-то грязно-розовый цвѣтъ; съ вѣромъ въ рукахъ и съ жасминнымъ вѣнкомъ на головѣ, она явилась, сопровождаемая тремя фрейлинами-красавицами, таловыми туземками, въ искрящихся глубокихъ глазахъ которыхъ читалось столько наивнаго любопытства.

Подойдя къ намъ, по старшинству поставленнымъ и въ ровненнымъ, она стала безмолвно по очереди разглядывать каждого съ тѣмъ сосредоточеннымъ вниманіемъ съ какимъ добросовѣстная кухарка разсматриваетъ локулаемую ею пядру или тетерьку. Мы же, младшіе, въ ожиданіи очереди съ своей стороны, осматривали хорошенькихъ фрейлинъ, которыя кажется не были особенно въ претензіи на нашъ смѣхъ, въ Европѣ назвали бы даже дерзкіи, экзаменъ.

Послѣ осмотра всѣхъ насъ королева укатилась, и возсы на диванъ посадила рядомъ съ собой самаго старшаго и

насъ. Послѣдній, въ качествѣ любезнаго человека, желая за-
вать томимую жарой королеву, просто закидалъ ее волпроса-
ми и разказами, въ отвѣтъ на которые только и раздавалось
протяжное и глубокое „муу“, произносившееся ею съ види-
мымъ усиліемъ.

Результатомъ нашего представленія было, вопервыхъ, при-
глашеніе къ обѣденному ея величества столу, сервированно-
му на туземный манеръ, а главное, позволеніе или приглаше-
ніе разъ навсегда приходить къ ней по вечерамъ олушать
музыку. Понятно, какъ то такъ и другое было съ благодар-
ностью принято.

II.

Паліете своею пошлою подъ этимъ небомъ обстановкой
опротивѣлъ мнѣ положительно, почему первою моею заботой
было поскорѣй выбраться изъ этой среды Французовъ и
трактировъ и уѣхать подальше въ горы, отдохнуть на сво-
бодѣ.

Испросивъ дозволеніе на четырехдневную отлучку и за-
пасшись лошадыю и проводникомъ, я съ вечера съѣхалъ на
берегъ, съ тѣмъ чтобы до зари пуститься въ путь. Маршрутъ
у меня былъ составленъ слѣдующій: изъ Паліете ѣхать на
Фатоуа, озеро лежащее въ горахъ, на 3.000 футахъ надъ
уровнемъ моря; затѣмъ перебравшись по горамъ въ округѣ
Палеурири, вернуться морскою дорогою, пересѣвши плодо-
роднѣйшій округъ Палара.

Было еще темно когда разбудилъ меня ѣхавшій со мною
проводникъ, ловкій, лаутоватый полу-Французъ полу-тузе-
мецъ, въ крещеніи нареченный Ambroise. Его неоцѣненное
достоинство заключалось въ томъ что онъ зналъ островъ какъ
свои пять пальцевъ.

Выйдя изъ хижины я засталъ моего Амбруаза верхомъ,
державшимъ за поводъ крѣпкую, бодрую лошадедку, пре-
скверно взнузданную и осѣдланную. Все спало кругомъ, и
только изъ одного кабака неслась распѣваемая пьянымъ
Французомъ глѣсня.

— Неужели это солдатъ? спросилъ я улыбавагося Ам-
бруаза.

— *Ps font qu'ça msu*, отвѣчалъ тотъ на своемъ ломаномъ французскомъ діалектѣ.

Выѣхавъ изъ черты города, мы мѣрнымъ, но шибкимъ галомомъ понеслись по дорогѣ пролегавшей на нѣсколько верстъ по обработанной части острова, въ концѣ которой находилась единственная значительная плантація сахарнаго тростника, принадлежавшая переселившемуся сюда лѣтъ двадцать Англичанину. Минувавъ плантацію и перебравшись въ бродъ черезъ рѣку текущую въ живописномъ ущельи мы вѣхали въ лѣсъ.

Опушку образовали кусты гуявы, полные пахучихъ и своимъ запахомъ раздражающихъ нервы плодовъ. За гуявой потянулась роща чистыхъ, опрятныхъ, какъ изъ кости точеныхъ, громадныхъ апельсинниковъ и лимонниковъ, съ блестящею ихъ зеленью, полныхъ спѣющихъ и спѣлыхъ плодовъ.

Запахъ цвѣтовъ, фруктовъ и листьевъ былъ такъ силенъ что по временамъ становилось просто тяжело дышать. Сотни тысячъ плодовъ покрывали дорогу. Давимые копытами лошадей, они лопались, причемъ брызги сладкаго желтаго ихъ сока далеко разбрасывались въ стороны. За этою рощей начинался собственно лѣсъ, почти сплошь покрывшій склоны горы, на которую намъ приходилось взбираться. И что это былъ за лѣсъ! Чего тутъ не было!

Тутъ хлѣбное дерево съ широкими и глубоко разрѣзанными листьями раскинуло гнущіяся подъ тяжестью плодовъ вѣтви свои. Здѣсь группа чернаго и краснаго дерева, этихъ красавцевъ рожденныхъ огненнымъ дыханіемъ экваторіальнаго солнца. Далѣе камфарное дерево, окруживъ себя пахучею своею атмосферой, истымъ гигантомъ раскинулось и высоко, и широко, какъ будто бы желая пріютить все и всѣхъ подъ сѣнью могучихъ вѣтвей своихъ, а подъ нимъ какъ лигней росло красивое розовое деревцо, окруженное полнымъ цвѣтовъ кустомъ жасмина.

Тамъ же на какомъ-нибудь заглушенномъ стволѣ перелетались восемь-десять чужедныхъ стволовъ, составившихъ такой хаосъ листьевъ и цвѣтовъ что не разберешь что кому принадлежитъ. А какъ бы въ контрастъ этого сплошнаго покрова зелени, вдали на одинокой скалѣ разрослась группа желѣзныхъ деревь. Тонкіе и висячіе игловидные листья ихъ наломали издали зеленый газъ, въ который будто бы окутались эти вѣтвистые исполины,—газъ рябившій голубыми

оттѣками неба, проглядывавшаго промежъ летель этой свѣти. Все это вмѣстѣ было въ свою очередь перенутано вистѣвшими и качавшимися аьянами, фестомы которыхъ, перекидываясь съ дерева на дерево, образовывали самыя причудливыя узоры зелени и цвѣтовъ.

Боже часа окакали мы по извивавшейся по лѣсу тропѣ и наконецъ выѣхали на лорогу, лѣпившуюся на краю глубокой пропасти, куда слеталъ шумящій каскадъ горнаго потока. Дорога, по которой предстояло намъ ѣхать, лодымаясь вилась по горѣ. Она то проладала въ чащѣ лѣса, то опять показывалась, перерѣзывая рядъ холмовъ, на которыхъ высоко и стройно вытягивались группы тонкоствольныхъ, прямыхъ пальмъ. Послѣднiя рѣзко выдѣляла на лазури неба свои легкіе пушистые султаны.

Ставонилось жарко; лошади и мы порядкомъ измучились проѣхавъ безъ отдыха часовъ пять сряду, какъ вдругъ за поворотомъ скалы открылся частоколъ и крыша туземной хижины, гдѣ предполагалось отдохнуть.

Съ какимъ насамѣденіемъ соскочивъ съ коня я растянуся на постланную подъ тѣнистымъ деревомъ циовку, обдуваемый легкимъ вѣтеркомъ тянувшимъ изъ лежавшаго впереди ущелья. Закрывъ глаза и слушая мѣрный звукъ жевавшихъ сочную траву лошадей я заснулъ въ ожиданіи завтрака. Сдержанный смѣхъ и шопотъ разбудилъ меня. Кругомъ, держа груды фруктовъ изящно разложенныхъ на банановыхъ листьяхъ, помѣстились три красавицы дочери хозяина, въ ожиданіи моего пробужденія.

Открывъ глаза, я увидалъ моего Амбруаза, который забравшись съ ловкостью гибона на прямой какъ мачта стволъ кокосовой пальмы, сбивалъ оттуда крупныя зеленые орѣхи, ловимые хозяиномъ на лету. Увидя что я проснулся, онъ постѣшилъ передать мнѣ только-что бывшій между нимъ и дѣвushками разговоръ, сюжетомъ котораго былъ я.

— Msù, кричалъ онъ съ верхушки дерева,—ils dire que msù pas garçon, mais demoiselle.

Дѣвushки должно-быть повяли о чемъ идетъ рѣчь, лотулили глаза, а одна изъ нихъ улыбнувшись даже бросила въ Амбруаза бананатъ. Послѣдній онъ поймалъ на лету, проглотилъ цѣликомъ, а въ знакъ благодарности щелкнулъ зубами не хуже орангутанга.

— Почему онъ такъ думаютъ?

— Msù pas mouchtage... msù très blanc.... je dis.... embras-
sez msù.... que msù pas Français.

— Чтò жь, скажите что я не прочь.

Мои красавицы повидимому слѣдили за разговоромъ и вдругъ кинувшая въ Амбруаза бананатъ, безъ чиновъ, какъ говорит-ся, бросила въ сторону фрукты и обвила мою шею красивы-ми своими руками. За ней послѣдовала вторая, а тамъ и тре-тья. Развязка была такъ неожиданна что я растерялся, тѣмъ болѣе что весь этотъ процессъ братскихъ поцѣлуевъ былъ на глазахъ отца, съ улыбкой подносившаго мнѣ кокосъ пол-ный кисловатой, вкусной и прохладительной влаги кокосо-ваго молока, въ чемъ, признаюсь, я крайне нуждался. Ам-бруазъ, устроившій всю эту сцену локальнаго свойства, не торопясь спускался по десятисаженному стволу пальмы какъ по лѣстницѣ, попеременно мѣняя ноги свои съ кра-сивыми жилистыми руками, цѣлко обхватывавшими круглый и гладкій стволъ дерева.

Дворъ гдѣ я находился представлялъ собою площадь въ ка-кихъ-нибудь полдесятины и былъ единственнымъ достояні-емъ цѣлаго семейства изъ двѣнадцати членовъ. Этотъ кло-чокъ земли ихъ кормилъ, служилъ имъ жилищемъ, радовалъ ихъ и утѣшалъ. Обнесенный низкимъ частоколомъ круглыхъ, между собою связанныхъ бамбуковъ, онъ представлялъ сплош-ной коверъ сочной густой травы, на которомъ видись уз-кія извивавшіяся дорожки, вытоптанныя къ кормившимъ семейство деревьямъ, расположеннымъ живописными бу-кетами.

Поблагодаривъ хозяина и одаривъ бусами и лентами хо-рошенькихъ его дочерей, я выѣхалъ со двора, напутствуе-мый ласковыми пожеланіями.

Мы подѣзжали къ быстрой горной рѣкѣ съ виднѣвши-мися развалинами поломаннаго каменнаго моста. Пришлось переправиться въ бродъ, т.-е. переѣхать по поясъ въ водѣ. Бурливый потокъ сбивалъ своимъ теченіемъ лошадей, то и дѣло слотыкавшихся или останавливавшихся. Несмотря на это мы однако благополучно добрались до крутаго противо-положнаго берега.

Поднявшись на холмы, мы вдругъ очутились предъ огромною отвѣсною скалой, подножіе которой омывалось большимъ бассейномъ воды, куда съ шумомъ впадала се-ребристою струей рѣчка. Зеленъ, сопровождавшая ее вѣ-

роатно по всему ея теченію, и у водопада не рѣшалась покинуть свою любимицу. Цѣлая гирлянда тонкихъ стволовъ и листвы, какъ бы слѣдомъ за водой, свѣсилась сверху скалы внизъ, вѣкъ омываясь прощальными брызгами пропадшаго ручья. Последняя часть дороги до крѣпости, гдѣ я могъ переночевать, была проведена мной въ изысканіи средствъ отдѣлаться отъ предложеній жившаго тамъ Француза, который по словамъ Амбруаза непремѣнно станетъ мнѣ навязывать свои услуги.

Дѣйствительно, не успѣвъ я соскочить съ лошади на эспапада крѣпости, какъ изъ земли выросъ сѣденькій Французикъ, который просто разсыпался въ любезныхъ предложеніяхъ услугъ. Взятый въ распахъ я вѣроатно не сумѣлъ бы отклонить грозившую мнѣ бѣду. Къ счастью, взвѣсивъ заранее всю горечь которую валило бы въ мои чистыя наслажденія всякое сообщество чего-либо наломивающаго европейское, я живо отдѣлался отъ любезнаго Француза, къ великому, не знаю почему, удовольствію Амбруаза. Онъ на радостяхъ тотъ же часъ откопалъ гдѣ-то гамакъ, и затѣмъ повелъ меня въ селеніе не въ далекѣ лежавшее, прилепившись къ скалѣ.

Было темно когда мы добрались до этой разбросанной и утопавшей въ садахъ деревушки. Гостеприимные и добрые туземцы съ радостью приняли меня на ночлегъ, а въ виду рѣдкости подобнаго посѣщенія послали оловѣстить и сосѣдей о пріѣздѣ гостя. Амбруазъ хлопоталъ. Развѣсить гамакъ, разсѣдлатъ коней было для него минутнымъ дѣломъ. Затѣмъ онъ исчезъ, и я не успѣвъ, какъ говорится, оглянуться какъ онъ уже возвращался торжественно влача за ноги большого только что заколотога имъ поросенка, какъ въ послѣдствіи оказалось, украденнаго имъ у любезнаго Француза.

Хозяева, мгновенно вылотроша, вымыли въ нѣсколькихъ водахъ лакомое животное и наполнивъ внутренности его душистыми листьями банаана и горячими камнями, обернули его снаружи лахучими травами и положивъ въ аму завалили грудой горячихъ булыжниковъ.

Пока пеклось такимъ образомъ жаркое, пока суетилась красивая молодая хозяйка около плодовъ, раскладывая ихъ на какой-то большущій листъ, дворъ повемногу наполнялся самой характеристичною толпой.

Не вдалекѣ отъ меня, съ сигарами въ зубахъ, расположились статные мушкетеры. Они были одѣты въ широкія рубахи, поверхъ *маро*,* и составляли группу эффектно освѣщенную отблесками огонька, весело трещавшаго, перебѣгая по толкымъ сучьямъ костра сухаго хвороста. Дѣвушки и женщины, между которыми не было видно ни одной не молодой, составили другую группу. Я съ наслажденіемъ глядѣлъ на бывшія предъ глазами двадцать головокъ, съ которыхъ падали на роскошныя плечи волны черныхъ вьющихся длинныхъ волосъ. Глаза искрились изъ-подъ нависшихъ густыхъ рѣсницъ; а между алыхъ, просившихъ лоцѣлуя губокъ, видѣлись блестяшіе бѣлизной и безукоризненно ровные маленькіе зубы.

Одежда туземной женщины состоитъ изъ длинной открытой кисейной широкой блузы и цвѣтовъ. Послѣдніе всегда носятъ ею въ изобиліи. Служа головнымъ украшеніемъ, они вмѣстѣ съ тѣмъ замѣняютъ и серьги, а на очаровательной груди или какъ изъ кости точеной нѣжной рукѣ являются восхитительнымъ украшеніемъ вполнѣ замѣняющимъ драгоценныя каменья ожерелій и браслеты.

Я поужиналъ кускомъ поросенка, оказавшимся очень вкуснымъ, сочнымъ и ароматнымъ, заѣдая его, вмѣсто хлѣба, печенымъ плодомъ хлѣбнаго дерева и заливая все съ наслажденіемъ влагой кокоса.

Стемнѣло совершенно. Небо заискрилось тысячами звѣздъ. Въ воздухѣ было тихо и тепло, а въ хижинѣ, освѣщенной пылавшимъ пламенемъ кокосоваго масла, горѣвшаго въ скорлупахъ орѣха, собралось нѣсколько дѣвушекъ и мушкетеровъ. И вотъ понеслась изъ хижины стройная туземная лѣснь, вѣрно слѣтая чистыми звучными голосами.

Пѣнье вошло въ натуру туземца, оно его необходимая принадлежность. Въ каждой деревнѣ по ночамъ собираются дѣвушки и молодые люди въ какую-либо хижину для того чтобы пѣть свои религіозныя лѣсни. Случается что эти сборища съ религіозною цѣлью оканчиваются вакханаліями.

Подъ обаяніемъ окружающаго, я не замѣтилъ какъ провель полночи. Кругомъ было тихо, и лишь разносившіеся звуки лѣсни одни прерывали спокойствіе погруженной въ сладкій сонъ природы.

* Маро—пестрый кусокъ матеріи которымъ туземцы обертываютъ верхнія части ногъ замѣняя этимъ панталокы.

Я вошелъ въ хижину. Проницательный, раздражающій нервъ запахъ, тяжелою ароматическою атмосферою влилъ надъ лѣвшею группою, фантастически освѣщенной красноватымъ мерцающимъ пламенемъ первобытнаго освѣщенія. Замѣчательна страсть къ духамъ людей которыхъ мы привыкли считать дикими.

Рано утромъ меня разбудилъ Амбруавъ; знаками—маршрута двумя пальцами одной руки по ладонѣ другой—далъ понять что слѣдовало идти лѣшкомъ.

Выйдя на дворъ я засталъ все семейство на лицо. Какъ и вчера, трогательное прощанье, восторги получившихъ ленточки и бусы женщинъ, и наконецъ мелодичный налутственный гимнъ. Было еще темно когда я пустился въ путь. Легкій утреннй туманъ, свѣсившій на каменья узкой и круто поднимавшейся тропы, заставлялъ постоянно скользить и спотыкаться. Около часа поднимались мы. Какъ вдругъ за поворотомъ нависшей надъ дорогой скалы открылся видъ на дремавшія еще темныя воды Океана, въ восточной части котораго зажглось свѣтлое пятно, расходившееся сиянiемъ. Усѣвшись на первый камень, я сталъ наблюдать за борьбой свѣта и темноты, борьбой проявлявшейся въ игрѣ цвѣтовъ, переливкахъ красокъ, предъ которыми ничто всѣ свѣтовые эффекты картинъ Айвазовскаго или Верне.

Показалось солнце, все ожило кругомъ. Повисшiе, какъ бы дремавшiе ночью, листы поднялись, птицы встрепенулись. Удивителенъ этотъ мгновенный переходъ усыпаемой тѣнами ночи природы къ полной жизни. Какъ близко наломываетъ ось быстроту съ которой просыпается счастливый человекъ, сну котораго не предшествовала никакая тяжелая забота.

Мы пробирались къ катарактамъ Фатауа. По мѣрѣ приближенія къ цѣли прогулки, доносившiйся шумъ каскадовъ, стучааясь болѣе и болѣе, перешелъ сначала въ звуки шипѣвшихъ потоковъ, а затѣмъ въ ревъ массы ладающей воды.

Но вотъ мы и въ долину водопада. Кругомъ меня восхитительная декорация горъ. Столпившись, онѣ образовали глубокую воронку, рѣзко выдѣляя красивыя линiи своихъ очертанiй на голубомъ небѣ. Впереди воздымалась изукрашенная блестящими на солнцѣ скалами, точно драгоцѣнными камнями, Фатауа, а на ней, въ изумрудной рамкѣ зелени, видѣлся рядъ синеватыхъ уступовъ съ водными бассейнами вымытыми въ гранитѣ наслаждающею рѣчкой. Спрыгивая со

скалы на скалу, ея шумящія струи добѣгаютъ до послѣдн-го бассейна, изливаясь изъ котораго пропадають въ неизмѣримой глубинѣ пропасти. Два послѣдней не видно, а бока ея вплоть заросли цѣлымъ покровомъ висящей зелени: паразитовъ, на которой, вѣкъ играя яркою радугой, садится водяная пыль разбитой, пропадающей рѣчки.

Отославъ проводника въ деревню, я цѣлый день провелъ одинъ. Чтò я дѣлалъ? Не знаю. Припоминаю однако что оломился только вечеромъ, когда густо стлались тѣни ночи на восхищавшіе меня виды. Окинувъ прощальнымъ взглядомъ все, я какъ-то безотчетно побрелъ по знакомой дорогѣ обратно.

Къ друзьямъ туземцамъ я возвратился какъ дорогой знакомый. Подаренныя бездѣлушки произвели должный эффектъ, такъ что войдя во дворъ, я уже нашелъ его полнымъ жителей деревушки, съ радостью встрѣтившимъ меня. Амбрузъ готовилъ что-то необыкновенное. Поминутно бѣгая изъ угла въ уголъ онъ какъ-то таинственно улыбался торопливо проходя мимо меня.

Пуживавъ по вчерашнему я точно также легъ въ гамакъ чтобы слушать нравившееся мнѣ лѣніе. Пѣвшіе же на этотъ разъ размѣстились на дворѣ, окруживъ меня живописнымъ кольцомъ. Ночь была какъ и всегда восхитительна, теплая, влажная, душистая.

Неожиданно сидѣвшая кругомъ меня группа лѣвшихъ раздалась и образовала обширный полукругъ, за которымъ шпалерой поднялась толпа держа высоко надъ головами горящіе свѣтильники и пылавшіе сандаловые факелы. Откуда-то взялся тамъ-тамъ (родъ барабана). Какъ изъ земли выросли нѣсколько молодыхъ и красивыхъ дѣвушекъ. Поджавъ ноги, онѣ сѣли впереди лѣвцовъ и подъ тактъ выбивавшійся тамъ-тамомъ, хлолая въ ладоши, стали граціозно качаться на гибкихъ своихъ таліяхъ. Вдругъ сквозь толпу въ одной короткой юлкѣ, съ цвѣтами на головѣ, груди и ногахъ, врывается въ освѣщенное краснымъ пламенемъ пространство мѣстная багдера. Закинувъ обвитуя поднятымъ руками голову и сильно перегнувшись назадъ, красавица остановилась, закрыла глаза и какъ бы заснула. По мѣрѣ того какъ учащались глухіе звуки тамъ-тама и громче раздавался въ ночной тиши ускоренный ритмъ плясовой лѣсени она точно просыпалась. Медленно, какъ бы не отдавая себѣ

въ томъ отчета, двинулась впередъ. Но вотъ она вздрогнула; широко раскрытые глаза заискрились, заблистали, и въ порывистомъ, мгновенно охватившемъ ее экстазѣ она начала свою пляску.

Преодо мной во всей дикой прелести носилась вакханка, Восторгъ обуявшій танцовщицу перешелъ и на толпу. Задній рядъ взлѣзалъ на плечи передняго, и вся эта полудикая страстная орда съ замираемъ сердца слѣдила за порывистыми движеніями танцовщицы.

Вставъ на другой день я засталъ танцовщицу еще спавшей. Положивъ около нея лучшее бывшее у меня въ заласѣ ожерелье, я почти съ грустью расстался съ добрыми туземцами.

Я поѣхалъ обратно. Но чтобы попасть, какъ предполагалъ, въ округъ Панеурири, мнѣ приходилось перевалиться черезъ кражъ, на вершинѣ котораго я провелъ послѣднюю ночь.

Спускъ съ горы былъ не менѣе восхитителенъ подъема. Картины подлныя новизны и красота смѣнялись одна другой безъ перерыва, какъ бы желая разнообразною покорамой видовъ заставить забыть опасности спуска, по висѣвшей большею частью надъ пропастями узкой горной тропѣ. Бѣдный ковы мой, поджимая подъ себя скользящія заднія ноги и упираясь на вытянутыя переднія, уши на сторожѣ и фыркала, зачастую останавливаясь предъ преграждавшими путь препятствіями. Онъ потѣлъ отъ страха и усилій, тѣмъ не менѣе вѣрною поступью преодолевалъ ихъ.

Отдохнувъ на дорогѣ у гостепріимнаго семейства, я вечеромъ спустился почти къ морю и остался ночевать въ деревушкѣ группировавшейся кругомъ готическаго шлица небольшой церкви.

Здѣсь узналъ что утромъ только - что уѣхала назадъ въ Пашете партія нашихъ, ночевавшая въ деревнѣ. Это мнѣ было крайне досадно и я рѣшилъ догнать ихъ по дорогѣ.

Двинувшись съ ранняго утра въ путь, я надѣялся что встрѣчающіяся здѣсь на каждомъ шагу для ѣзды въ экипажѣхъ препятствія, задержавъ товарищей, дадутъ возможность осуществиться моему желанію. Но я ошибся въ ожиданіяхъ и вынужденъ былъ совершить путь одинъ. Я ѣхалъ шибко, такъ что далеко до полудня уже подлѣзалъ къ деревушкѣ раздѣлявшей округъ Панеурири отъ Палары, но еще принадлежавшей первому.

Селеніе это было разбросано по берегамъ рѣки, невадалькѣ отсюда впадающей въ море. Красиво извиваясь въ глубинѣ ущелья, она окаймлялась пышною рамою восхитительной растительности и представляла крайне оживленный видъ. Тамъ тихо скользила пирога, ловко управляемая молодцомъ-туземцемъ, здѣсь группа женщинъ весело плескалась въ за-тишь, защищенная отъ лучей горячаго солнца и отъ не-окромныхъ взглядовъ сумракомъ тѣни густо нависшихъ деревьевъ. Тутъ въ залуски плавали, ныряли, кричали и бра-ились человекѣ двадцать дѣтей, чуть ли не цѣлый день проводившихъ въ водѣ.

За деревней начинался округъ Панара, славящійся на островѣ своимъ плодородіемъ. Дорога шла то углубляясь внутрь, то приближалась къ морю, шла по извилинамъ образованнымъ калризными изворотами живописнаго кряжа, который, по мѣрѣ приближенія къ Палиетѣ, болѣе и болѣе на-лиралъ на шумящій Океанъ. Но вотъ впереди скала покры-тая зелеными змѣйками ползшей по ней растительности. Она совсѣмъ нависла надъ моремъ, образовавъ у подошвы своей обширную темную пещеру полную воды. Туземцы страшатся этой пещеры, предполагая ее населенной духами, и никто не рѣшится не только въѣхать въ глубину ея, но даже дать вамъ свою пирогу для этого, боясь навлечь на себя гнѣвъ наполняющихъ пещеру свирѣлыхъ духовъ.

Славшійся по склонамъ горъ туманъ постепенно соби-рался въ черныя тучи. Пошелъ дождь, теплый, частый и крупный, промочившій меня насковъ, но не надолго: въ глянувшее изъ-за тучъ солнце скоро высушило меня своимъ теплыми лучами. Въ продолженіе дня я нѣсколько разъ мокъ, и столько же разъ сушился. Въ этихъ-то ежедневныхъ дождяхъ, орошающихъ чуть ли не круглый годъ эту мѣст-ность, должно искать причину ея баснословнаго плодородія.

Къ вечеру ятаго дня я вернулся въ Палиете.

На другой день въ нашу честь городомъ давался балъ в ратущѣ, обширномъ строеніи среди большого двора, куда в-ла тѣнистая алея изъ тамариндовъ.

Въ свѣтлыхъ перчаткахъ и въ парадѣ, гурьбой вошли мы въ залъ уже полный всей колоніей бѣлыхъ, среди которыхъ видѣлось нѣсколько туземныхъ лицъ. Трудно представи-болѣе разнородную толпу нежели та которая двигалась говорила и смѣялась предъ нашими глазами. Чего тутъ

было. Тамъ, въ углу, обмахиваясь краснымъ вѣромъ и въ бауэв, грузно сидѣла королева. Рядомъ съ ней, и какъ бы фланкируя ее, точно два боабаба, воздымались двѣ ея те-тушки. Эта колоссальная группа съ любольствомъ прово-жала тусклыми своими взорами ходившихъ мимо офицеровъ гарнизона подъ руку съ блѣднлицыими ихъ женами, у кото-рыхъ вытѣзали изъ открытыхъ лифовъ тощія долаточки.

Даже, группа мужчинъ и женщинъ, между которыхъ про-бирается супругъ королевы. На его лѣнливомъ, угловатомъ лицѣ, такъ кажется и читалось нетерпѣнье поскорѣй снять свой распитый мундиръ.

Царица бала, „la plus jolie femme de la colonie“, подъ руку съ супругомъ, шуршала пышными юлками своего парижка-го туалета. Она положительно напоминала пропадающій при-ракъ—до того была прозрачна и тонка.

Въ залѣ было нестерпимо жарко, несмотря на открытыя две-ри и окна. Это не мѣшало однако Французамъ любезничать въ ожиданіи танцевъ, которые не начинались, такъ какъ не оставало музыки. Надо сказать что приглашенный мѣстный органистъ, должно-быть, залилъ и не являлся. Одинокія цим-балы, времяемъ Лалеруза, грустно выставляли на показъ свои ожелтѣвшія, неровныя клавиши.

По доносу товарищей, выдавшихъ губернаторшѣ мое ис-тство, ограничивавшееся умѣніемъ воспроизводить един-ственныи вальсъ, подобранный мною въ минуты отдохнове-нн въ морѣ, она подошла ко мнѣ и съ улыбкой просила вы-учить ее изъ неприятнаго положенія хозяйки бала безъ му-зыки. Чего не сдѣлаетъ улыбка хорошенькой женщины? Предваривъ ее о скромности моего репертуара, я съ необы-чайною храбростью, можно сказать дерзостью, приступилъ къ исполненію моего вальса.

Съ первыхъ же аккордовъ возбужденный мною звонъ и шипѣнье въ инструментѣ, на которомъ что ни играй, какъ ни играй, въ результатъ тотъ же звонъ и то же шипѣнье, живо усложнили мое артистическое самолюбіе, давъ увѣрен-ность что лицомъ въ грязь я не ударю. Благодаря этому со-шванію, послѣ вальса я сыгралъ кадрили, подъ огаушающіе зву-ки котораго расходившаяся толпа выплясывала на радость. Наконецъ отыскался настоящій виртуозъ, и меня освободилъ.

Слѣдующую кадрили, какъ бы въ награду, танцовалъ я съ губернаторшей.

Усталый отъ танцевъ я вышелъ на дворъ. Тутъ другая картина, полная яркихъ и сильныхъ штриховъ мѣстнаго колорита.

На обширномъ дворѣ, освѣщенномъ пламенемъ садовыхъ факеловъ, подъ звуки туземнаго оркестра и тактаго хо выбиваемого тамъ-тамомъ, плясала красавица свою лрывистую хула-хула. Публика карабкалась на плечи друга друга, покрывала собой всѣ вѣтви окружавшихъ дворъ деревьевъ сплошною живою гирляндой восторженныхъ существъ, истово вторившихъ барабану крикомъ и хлопаньемъ въ ладоши. Но эта хула-хула, какъ ни была хороша, была истинно тою какою я видѣлъ въ горахъ.

Во время стоянки нашей въ Палиете я ознакомился съ новымъ проявленіемъ предприимчивости Американцевъ. Въ несколько дней спустя послѣ нашего прихода вошла на рейскуна подъ федеральнымъ флагомъ. Что же вы думаете привезло это суденышко? Циркъ, съ иллюминаціями, лошадьми, наѣздницами, клоунами и учеными собаками, — на лицо. Хозяинъ цирка, вмѣстѣ съ тѣмъ и судохозяинъ капиталъ, при помощи своихъ наѣздниковъ и клоуновъ должности матросовъ, ходитъ по островамъ Полинезіи, берегамъ Чили и Перу, и гдѣ вздумается разставляетъ съ палатку, свозитъ труллу на берегъ и при помощи своихъ наѣздницъ, скачущихъ сквозь вѣчные обручи подъ звонъ скрипки, тарелокъ и барабана, зарабатываетъ денежки.

Я съ любопытствомъ осмотрѣлъ шкуну, гдѣ все прилажено съ морскимъ знаніемъ, а словоохотливый хозяинъ за рюмкой хереса разказалъ мнѣ два или три эпизода своей морской жизни.

Остальное время нашей стоянки всякую свободную минуту я проводилъ на берегу. Что я дѣлалъ? спросите вы. Наслаждался въ полномъ смыслѣ слова.

Уиду бывало за городъ. Устану, лягу подъ дерево, и гапто на синее море или на лазоревое небо, прислушиваясь прибою. Попадается по дорогѣ хижина, войду въ нее. Тамъ найду радушное семейство. А пока хозяинъ возится разная кокось, гляжу на картину домашней жизни, развернувшейся предъ глазами. Налившись освѣжающей влагой иду лѣе, не тороплюсь, безъ цѣли, зная напередъ что куда бы пришелъ, вездѣ одинаково весело, просто и хорошо.

Проходя через мостъ перекинутый через журчащій ручей, чувствую что прохлада его соблазняетъ меня. Мигомъ легкое платье долой и въ воду, — а всплески послѣдней зачастую смѣшиваются со смѣхомъ незамѣченныхъ мною молодыхъ кулальщицъ. Вотъ, читатель, что дѣлалъ я, что все мы дѣлали, и несмотря на кажущееся однообразіе такой жизни, эта жизнь въ сущности была полна поэзіи.

Не разъ также засиживался я на верандѣ дворца слушая гвѣніе сходящейся по вечерамъ молодежи. Въ сущности королева добрая и всеми любимая женщина. Когда французская политика удалила ее отъ всякаго вмѣшательства въ управленіе, ей осталось проявлять себя лишь добромъ частнаго богатаго человѣка. Къ чести ея, на этомъ поприщѣ она подвизалась со всею любовью чистой души и сумѣла снискать уваженіе не только обожавшихъ ее туземцевъ, но и всего блага населенія колоній. Зная какъ тучность королевы заставляетъ ее страдать отъ жары и бессонницы, молодежь изъ окружающихъ Паліете деревень ежедневно собиралась на дворъ королевы и далеко за полночь услаждала слухъ ея любимыми ею мотивами. Узнавъ это я съ глубокимъ чувствомъ уваженія глядѣлъ какъ на добрую королеву такъ и на этотъ народъ, который сумѣлъ самымъ простымъ, но трогательнымъ образомъ доказывать ей ежедневно свою благодарность.

Съ разсвѣтомъ двадцать третьяго дня, отсалютовавъ, мы вышли въ море, и пробѣжавъ въ какіе-нибудь два часа раздѣлявшее насъ отъ Эмео разстояніе, бросили якорь въ глубокой прелестной бухтѣ.

При входѣ въ заливъ, въ глубинѣ его, теряясь въ синевѣ дали, воздымается крутобокая плоская наверху скала, напоминающая собою замокъ. Къ довершенію иллюзіи, около нея, немного въ сторонѣ, вы усматриваете другой узкій четверугольный моволитъ похожій на сторожевую башню феодальной крѣпости. На томъ же планѣ, немного правѣй, рѣзко обозначается на голубомъ небѣ узкій высокій шпиль, коего неровности отгвѣняясь въ прозрачной атмосферѣ представляются взору высокою готическою колокольней. Направо и налево, на заднихъ планахъ, стояли глыбы гранита, разбросанныя прихотливою рукой природы, а ближе къ намъ бросались въ глаза цѣлая серія высывающихся другъ изъ-за друга скалъ и холмовъ, то постепенно понижавшихся къ

заливу, то какъ будто тѣснящихъ его своими изрытыми стремнинами. На бокахъ же послѣднихъ слѣзали къ водѣ цѣлые потоки качаемой вѣтромъ листвы.

Каждый день вечеромъ собирались мы всей семьей на берегъ. И на пышномъ коврѣ зелени пили чай, подъ звуки туземной лѣсны, а подъ часъ и нашей живой и беззаботной плясовой, напоминавшей родину.

Наконецъ, на основаніи того что все кончается, кончилось и наше блаженство. Съ разсвѣтомъ должны мы уходить.

Больно сжалось у меня сердце, когда, пріѣхавъ на клиперъ, я увидѣлъ окончательныя приготовленія къ выходу въ море.

Эти нѣсколько недѣль проведенныхъ въ блаженствѣ созерцанія восхитительнѣйшей природы принадлежать къ счастливейшимъ въ моей жизни.

ТИШАНСКІЙ.

ПАРИЖСКІЕ СИЛУЭТЫ.

Это было въ концѣ сентября 1872 года. Въ это время я былъ въ *Hôtel du Pavillon de Rohan*.

Подъ этимъ громкимъ названіемъ значитса заведеніе меблированныхъ комнатъ, занимающее половину огромнаго осьмиэтажнаго дома, стоящаго особнякомъ на одномъ изъ самыхъ бойкихъ мѣстъ Парижа и составляющаго какъ бы отдельный кварталъ.

Одна фашъ дома выходитъ на Палерояльскую площадь, другой на улицу *Saint-Honoré*, прямо насупротивъ Пале-Рояля и Французскаго Театра, третій занимаетъ все протяженіе маленькои улицы *de Rohan*, наконецъ четвертый выходитъ на улицу *Rivoli*, лицомъ къ лицу съ Лувромъ. Съ этой стороны нижній этажъ дома выведенъ арками, составляя часть бесконечно длиннаго ряда *arcades* тянущихся версты на двѣ вдоль лѣвой стороны улицы *Rivoli*.

Великолепная улица *Rivoli*, вытянутая въ струнку, престождо вымощенная, окаймленная справа рѣшеткою Тюльрийскаго сада, Тюльрийскимъ и Луврскимъ дворцами, служитъ главною артеріей движенія прибрежной части города въ правую сторону Сены. Это прототипъ улицы новаго Парижа.

Улица *Saint-Honoré* одна изъ промышленнѣйшихъ и многолюднѣйшихъ улицъ Парижа, носящая у мѣстныхъ остря-

ковъ не лестное названіе *rue Dishonorée*, по причинамъ приводить которыхъ здѣсь считаю по меньшей мѣрѣ неудобнымъ, сохранила отчасти физиономію улицъ стараго Парижа.

Длиннѣйшая, узкая, извилистая, вымощенная, исключая двухъ-трехъ „кусочковъ“, легендарными четырехгранными камнями — *raies* — обыкновеннымъ матеріаломъ парижскихъ баррикадъ, она окаймлена узкими, высокими, грязными домами, стѣны которыхъ, заколчennыя, засаленныя до крайности, кажутся покрытыми какъ бы срамнымъ нагноеніемъ. Дома почти всѣ шести- и семи-этажные, имѣютъ обыкновенно не болѣе двухъ, трехъ, много четырехъ оконъ въ рядъ. Нѣкоторые изъ нихъ занимаютъ по фасаду много-много саженъ двѣ. Въ такомъ случаѣ „этажъ“ изображается однимъ окномъ.

Какое-то особенно отвратительное и тоскливое впечатлѣніе производятъ эти многостажные *однооконники*. Сжатые, сдавленные между сосѣдними постройками, кажется что они пролѣзаютъ на улицу своими шестью торчащими другъ надъ другомъ почти квадратными окнами, тусклыми, зеленоватыми, засаленными, кажется что они нахально ломятся впередъ, на показъ, чтобы по экземпляру выставленному отъ каждаго этажа, міръ Божій могъ судить о томъ что происходитъ на задворкахъ.

Палероальская площадь служитъ центральной станціей (биржею) фіакровъ и омнибусовъ.

Маленькая улица *de Rohan* упирается въ ворота такъ-называемаго лавальёна *de Rohan* Луврскаго дворца. Эти ворота служатъ главнымъ стокомъ движенія между обоими берегами Сены происходящаго по мосту *Святыхъ Отцовъ*.

Если къ этому прибавить что по сосѣдству находятся два большихъ театра, Французскій и Палероальскій, громадная гостиница, *Grand Hôtel du Louvre*, гигантскій дамскій базаръ называемый *Les grands magasins du Louvre*, и наконецъ самъ Пале-Рояль, этотъ городъ въ городѣ, то вы легко поймете что вокругъ дома о которомъ я говорю, вѣчно кишмя кишитъ самая разнокалиберная публика, а мѣсто гдѣ онъ стоитъ не даромъ считается однимъ изъ самыхъ бойкихъ мѣстъ Парижа.

Нижній этажъ и антресоль дома отданы подъ магазины лавки, конторы и пр., остальные четыре *официальныхъ* и два *неофициальныхъ* этажа раздѣлены по перпендикуляру на двѣ

половины и отданы подъ „меблированныя комнаты“ двумъ разнымъ антрепренерамъ.

Правая часть называется просто *Hôtel*, лѣвая носить болѣе звонкое и шикарное названіе *Hôtel du Pavillon de Rohan*, данное въ честь находящагося насупротивъ лавильйона того же имени Луврскаго дворца.

Вы вѣроятно остановились въ нѣсколькомъ недоумѣніи предъ словами *официальный* и *неофициальный* этажи. Это дѣйствительно требуетъ поясненія.

Крыши огромныхъ парижскихъ домовъ послѣдняго „Гаусманскаго фасона“ почти всѣ нѣсколько куполообразны и очень высоки. Благодаря этому онѣ вмѣщаютъ въ себѣ, кромѣ чердака, еще два этажа, иначе говоря, два ряда мансардъ. Это два этажа, не идущіе въ общій счетъ, но въ вышину не уступающіе нашему двухъэтажному домику скромныхъ размѣровъ, я и назвалъ неофициальными этажами.

Благодаря этимъ сортировкамъ, этимъ нижнимъ этажамъ, *me-de-chaussée*, и антресолямъ не идущимъ въ счетъ, получается слѣдующій олтическій обманъ:

Первый этажъ — *le premier*—на самомъ дѣлѣ оказывается третьимъ, второй — четвертымъ и т. д., а потому объявивъ мнѣ что я занимаю скромное помѣщеніе „*au troisième*“ въ вышереченномъ отелѣ, я не буду болѣе бояться, послѣ этого поясненія, что вы заподозрите меня въ извращеніи истины, когда узнаете что мой, по-парижскому „третій“, былъ по нашему просто-на-просто лятый этажъ.

Взбираться ко мнѣ—надо мною громоздилось еще три этажа—было цѣлое путешествіе (сто съ чѣмъ-то ступенекъ по великолѣпнѣйшей монументальной лѣстницѣ), вслѣдствіе чего некоторые изъ моихъ знакомыхъ не улускали случая назвать меня „высокопоставленнымъ лицомъ“, отдавая послѣ прохожденія положительно неприличнаго количества ступенекъ о которомъ я сейчасъ упоминаю.

Населеніе дома, численностью не уступающее населенію нашего маленькаго уѣзднаго города, было въ то время, какъ впрочемъ всегда, самое разнообразное. Тутъ были образчики всѣхъ ступеней мірскаго благосостоянія, начиная отъ гражданъ имѣющихъ возможность платить по сту франковъ въ сутки за свои хоромы, до счастливецъ платящихъ тридцать; отъ этихъ счастливецъ до простыхъ смертныхъ въ родѣ меня, довольствовавшихся семифранковымъ помѣ-

щеніемъ; наконецъ отъ простыхъ смертныхъ до обиженныхъ и оскорбленныхъ, вынужденныхъ держаться скромной двухъ- и полутора-франковой квартирной платы; обиженныхъ и оскорбленныхъ разумѣется только относительно первыхъ категорій населенія палатцо, потому что эти псевдо-обиженные и оскорбленные, принимая ихъ точкою отправленія по нисходящему пути человѣческаго благосостоянія, становятся въ свою очередь грандами въ отношеніи многочисленныхъ и многострадательныхъ инстанцій находящихся между ними и, напротивъ, обитателями такъ-называемыхъ *carrières d'Amérique*—последнюю ступенью этой скорбной лѣстницы.

Но такихъ въ домъ не было, по той причинѣ что комната дешевле пятидесяти франковъ въ мѣсяцъ въ немъ не имѣлось, да и то такія комнаты находились на высяхъ ужасныхъ и единственные окна ихъ тоскливо и угрюмо глядѣли на узкій, темный дворъ дома.

Въ одной изъ этихъ комнатъ жилъ въ то время переводчикъ...

Кто онъ былъ такой и съ чего именно на что переводилъ я не знаю, такъ какъ никогда ни его самого, ни вывѣски гласящей о его специальности не видѣлъ. Узналъ же я о существованіи его слѣдующимъ образомъ.

Это было утромъ, часовъ въ девять. Ко мнѣ постучались въ дверь и на мой откликъ *entrez!* въ комнату вошелъ незнакомый мужчина лѣтъ сорока, очень высокаго роста, худобы необычайной.

Острое, угловатое лицо, очень смуглое и страшно изможденное, съ рѣзкими чертами, выдающимся скулами и сильно развитою нижнею челюстью. Высокій, узкій, откинутый назадъ лобъ, изрытый вдоль и поперекъ глубокими морщинами. Впалые глаза, черные, живые, неспокойные. Острый сухой носъ съ горбомъ и раздувающимися подвижными ноздрями. Рѣзко очерченный ротъ, круто загибающийся по концамъ кверху, что придавало его улыбка какое-то особенное, плотоядное выраженіе. Тонкія поблеклыя губы; черныя съ едва замѣтною просѣдою волоса, коротко стриженные жидкіе усы, жидкая борода.

Одѣтъ онъ былъ болѣе чѣмъ скромно.

Широкій пальто-сакъ изъ легчайшаго драдедама, сѣраго съ „черною искрой“, висѣлъ на немъ какъ на вѣшалкѣ. Шея была ловязана чернымъ платкомъ, изъ-подъ котораго не проглядывало ни малѣйшаго признака бѣлья. Очень узкіе истер-

тые панталоны, съ сильно обозначенными „колѣнками“, выставляли на показъ чрезвычайную худобу длиннѣйшихъ ногъ. Столпанные, лорыжелые сапоги на двойной подошвѣ.

Съ перваго же взгляда можно было почти безошибочно рѣшить что вошедшій принадлежалъ къ—увы!—слишкомъ многочисленной кастѣ общественныхъ протестантовъ.

Безпрестанныя исканія, безпрестанное слованіе, безпрестанная „проба пера“ читались въ этихъ юркихъ, безлокоинныхъ, пытливыхъ глазахъ, утомленныхъ, живучихъ только искусственно, лихорадочно. Чувствовалось что эти глаза чаще всего уставались напрасно, что эти мощныя челюсти чаще всего яро жевали въ сухомъ, чувствовалось что безконечныя эти руки тянулись, силались ухватить и ловили одинъ воздухъ, чувствовалось что безконечныя эти ноги шагаи, шагали, шагали.... и ни до чего не дошагали.

Вся эта оригинальная тиличная фигура смахивала очень на отставнаго генерала или по крайней мѣрѣ на отставнаго штабъ-офицера коммуны.

Незнакомецъ вошелъ мѣрными огромными шагами, тяжело ступая и держась очень прямо, какъ бы откинувшись всѣмъ корпусомъ назадъ, снялъ мягкую поярковую шляпу низкой формы и поклонился.

— Вы господинъ...? обратился онъ ко мнѣ съ сильнымъ марсельскимъ акцентомъ.

— Да.

— Русскій?

— Да.... Что вамъ угодно?

— Меня послали къ вамъ здѣшній переводчикъ....

— Какой переводчикъ?

— Переводчикъ который здѣсь живетъ въ домѣ, *au sixième*...

Надо перевести вотъ эту вещь.

Незнакомецъ досталъ изъ-за пазухи небольшую книгу въ синей бумажной оберткѣ.

— Онъ ошибся.... Я переводами не занимаюсь, отвѣтилъ я.

— Онъ мнѣ однако прямо сказалъ обратиться къ вамъ.

— Странно! Я этого господина не знаю и никогда въ глаза не видалъ.... Но скажите пожалуйста, почему же онъ послалъ васъ ко мнѣ когда онъ самъ переводчикъ?

— Говорить что не знаетъ по-нѣмецки. И у него тогда спросилъ не можетъ ли онъ дать мнѣ адресъ нѣмецкаго

переводчика. Говорить не знаю, а вотъ здѣсь въ домѣ живетъ Русскій. Я сейчасъ и отправился къ вамъ.

— Для нѣмецкаго перевода?

— Да... Всѣ Русскіе знаютъ по-французски и по-нѣмецки, это вѣдь извѣстно!

Я не считалъ нужнымъ разувѣрять собесѣдника относительно лингвистическихъ познаній моихъ соотечественниковъ.

— Мнѣ очень жаль что не могу быть вамъ полевымъ, но какъ уже сказалъ, я не занимаюсь переводами.

— Ну ужь удача мнѣ, нечего сказать!... Еслибы вы знали какъ нужно.... Бюриданъ * поручилъ мнѣ перевести это къ сроку.

При этомъ имени я наострилъ уши.

— Книга небольшая, продолжалъ незнакомецъ. — Но главное тутъ что къ сроку.

— Покажите мнѣ пожалуста книгу.

Онъ видимо обрадовался моему просьбѣ и послѣшно подалъ мнѣ брошюру.

Я бросилъ взглядъ на заглавіе и тотчасъ же мысленно рѣшилъ принять непремѣнно переводъ.

— Наконецъ надо вѣдь только *помочь* перевести это, угваривалъ между тѣмъ незнакомецъ.

— Что вы подразумѣваете подъ словомъ „помочь“?

— Вотъ въ чемъ дѣло. Я взялся перевести эту книгу.... Обратился къ одному человѣку чтобы помочь мнѣ, но работа шла такъ медленно.... да притомъ же онъ, какъ кажется, очень плохо знаетъ нѣмецкій языкъ.

Это „какъ кажется“ нѣсколько удивило меня.

— Поэтому, продолжалъ онъ,—сегодня я наконецъ рѣшился отправиться къ настоящему переводчику. Обратился къ Г.—вы знаете, *place de la Bourge*. Онъ самъ не взялся перевести, но далъ мнѣ адресъ здѣшняго переводчика, который послалъ меня къ вамъ. Что же касается до условій... Работу мы можемъ раздѣлить чтобы скорѣе шла, потому что до назначеннаго срока остается всего двѣ недѣли... Диктуйте мнѣ прямо по-французски, я буду писать. Перевести книгу я взялся за полтораста франковъ. Угодно вамъ половину?

* Вымышленное имя.

Предложенная цѣна была просто-на-просто ужасна. Семьдесятъ пять франковъ—двадцать рублей!—за слѣдшій переводъ двухсотъ страницъ мелкой убористой печати. Правда что я избавлялся отъ труда писать.

„Ну, братъ, подумалось мнѣ, или ты нахалъ высшей пробы или очень несчастный человѣкъ.“

— Тутъ уже кой-что переведено, придется только просмотрѣть. Вотъ что переведено уже, присовокупилъ незнакомецъ доставая изъ-за пазухи тетрадь въ четвертушку.— Тотъ увѣряетъ что дошелъ до сихъ поръ,—онъ указалъ на одну изъ первыхъ страницъ книги,— но мнѣ кажется лучше было бы вамъ провѣрить.

— Развѣ вы совсѣмъ не знаете по-нѣмецки? вырвалось у меня невольно.

— Ни слова...

„Вотъ такъ молодецъ!“ подумалъ я, и чуть не расхохотался.

— Хорошо, прибавилъ я вслухъ,—я согласенъ.

А согласился я вотъ почему.

И личность поручившая перевести книгу и сама книга меня очень интересовали. Наконецъ оригинальный индивидуумъ взявшійся перевести ее „съ помощью“, по его выраженію, оказался мнѣ достойнымъ ближайшаго знакомства.

Бюриданъ—одна изъ куріознѣйшихъ фигуръ парижскаго асфальта.

Бюриданъ только псевдонимъ. Настоящее имя этого человѣка П....., но псевдонимъ до того затеръ настоящее имя что П..... почти никто не знаетъ, тогда какъ Бюриданъ извѣстенъ всему парижскому биржевому люду.

Этотъ архи-практичный человѣкъ нашелъ средство превратить скромный журнальный гонорарій въ золотой рудникъ. Тамъ гдѣ другіе бьются въ потъ лица своего наизывая газетныя строки по десяти сантимовъ за штуку, тамъ этотъ практикъ добываетъ двадцать пять, пятьдесятъ и сто франковъ за строку.

И не думайте чтобы такой гомерическій, баснословный гонорарій былъ достойнымъ возмездіемъ за какую-нибудь необыкновенную прозу или необычайную поэзію,—нѣтъ, проза этого человѣка состоитъ, или скорѣе состояла, почти исключительно изъ голыхъ цифръ.

Описываемый журнальный грандъ не былъ при этомъ въ обыкновенныхъ отношеніяхъ подчиненности къ редакціи, по

той простой причинѣ что не она ему платила, а онъ ей. За каждую свою строку онъ платилъ редакціи или скорѣе редакціямъ, и платилъ хорошо.

Короче говоря, Бюриданъ „дѣлалъ“ *финансовыя обозрѣнія* и *биржевой бюллетень* для нѣсколькихъ значительныхъ газетъ.

Дѣлался бюллетень этотъ очень просто. Бюриданъ появлялся на биржѣ часовъ около двухъ пополудни и бралъ „кѣту“ для справокъ. Затѣмъ между нимъ и какимъ-нибудь крутымъ финансовымъ дѣятелемъ завязывался приблизительно слѣдующій разговоръ.

— Готова ваша „картина“ для завтрашняго нумера? спрашивалъ дѣятель, будто къ слову, стараясь придать какъ можно болѣе равнодушное выраженіе своему вопросу.

— Да, почти.... собираю вотъ послѣднія справки.

— Наша „квѣтка“ есть?

— Какъ же не быть, есть.... О чемъ же и говорить какъ не о вашей компаніи!... Я поставилъ о васъ то-то и то-то въ отчетѣ.

— Прекрасно.

— Да.... Я и забылъ вамъ сказать, на счетъ этихъ глулыхъ слуховъ я вотъ что написалъ....

— Гм.... ну напрасно.... Вы знаете этихъ дураковъ, сейчасъ вообразить себѣ Богъ знаетъ что....

— Да не могу же я сказать что все обстоитъ у васъ благополучно, когда....

— Вопервыхъ, любезный другъ, вы знаете что эта непріятность случайная, моментальная. Случай простой и глупый случай, а вовторыхъ, умолчать или, наконецъ, оговориться разумно, вещи разные....

— Это все такъ, любезнѣйшій, только я вамъ скажу что постоянно нельзя такъ дѣйствовать — теряешь авторитетъ....

— Прекрасно! Но зачѣмъ же дѣлать зло.... Поставьте только себя на мѣсто акціонера, пріятно вамъ было бы прочесть это?

— Да какъ же я могу поставить себя на мѣсто акціонера когда я не акціонеръ?

— Ошибаетесь....

— Какъ ошибаюсь?

— Да такъ.... Повтому-то я и сказалъ вамъ: поставьте себя на ихъ мѣсто. Вы тоже акціонеръ, у васъ тоже есть акція

На дняхъ я еще отложилъ для васъ три штуки, будучи увѣренъ что вы интересуетесь этимъ предпріятіемъ....

— Еще бы! Золотое дѣло!

Два-три подобныхъ *a parte* и Бюриданъ покидаетъ биржу чтобы составлять свою финансовую „картину“.

На квартирѣ у него ждутъ сотрудники—стадо голодныхъ волковъ питающихся убогими крохами съ царскаго стола своего набольшаго.

Онъ является, усаживаетъ ихъ у большаго стола, на которомъ лежитъ огромный разглафленный листъ брестольской бумаги, и бросаетъ имъ пачки записокъ, отмітокъ, табличекъ и пр. Они разбираютъ, сортируютъ, подводятъ, вносятъ слѣдующее въ „кѣтку“, свѣряютъ, складываютъ, вычитаютъ, умножаютъ, дѣлятъ, спорятъ, бранятся, поѣдомъ ѣдятъ другъ друга и наконецъ провѣряютъ слѣланное.

Послѣдняя операція смахиваетъ очень по характеру своему на сцену послѣдняго дѣйствія *Ревизора*, въ которой читается письмо Тряпичкину. Всѣ налегаютъ на каждого по очереди.

Такая система провѣрки даетъ удивительные результаты — пропущенныя ошибки не мыслимы.

Этотъ адъ длится до девяти часовъ вечера.

Тогда является Бюриданъ, спроваживаетъ всю ватагу, вручивъ каждому пятифранковую монету—гонорарій! бросаетъ на работу взглядъ опытнаго полководца и вставляетъ тамъ-самъ, въ оставленныхъ пробѣлахъ, свои собственныя отмітки.

Эти-то драгоценныя отмітки и составляютъ самую суть работы. Только благодаря имъ и происходятъ биржевыя *a parte* образчики которыхъ я вамъ привелъ выше.

Затѣмъ просмотрѣнная и дополненная „картина“ приводится въ редакцію и публикуется въ газетѣ.

— Читали насчетъ.... компаніи?

— Читалъ....

— Крѣпко....

— Да....

— Ну видите ли, это все лустяки говорятъ....

— Должно-быть такъ.... мало ли что болтаютъ....

Вотъ непосредственные результаты отмітокъ Бюридана... И это не фикція. Больше найдется такихъ которые сѣло

ловѣрятъ на-слово такого рода заявленіямъ, чѣмъ такихъ которые сумѣютъ прочесть между строками.

Что вы хотите, „печатное“!

Это такъ было, есть и будетъ до тѣхъ поръ пока... пока свѣтъ Божій будетъ стоять на четырехъ китахъ.

Занимайся Бюриданъ только своею золотосною спеціальностью, онъ былъ бы счастливѣйшій изъ смертныхъ, съ своей точки зрѣнія, разумѣется. Существованіе его было бы, какъ говоритъ поэтъ, „соткано изъ шелка и бархата“. Но на свою бѣду Бюриданъ любилъ всегда быстрые, немедленные, непосредственные результаты. Онъ презиралъ ожиданіе и сразу хотѣлъ ворочать деньги лопатой.

Что прикажете дѣлать! аппетиты, могучіе аппетиты. Натуры не передѣлаешь.

Короче говоря, Бюриданъ вздумалъ жить на широчайшую ногу; мало того, его полутало и на биржѣ играть...

На биржѣ, онъ, не взирая на свою спеціальность, все-таки оказался карасемъ въ сравненіи съ крупными финансовыми щуками и потерпѣлъ нѣсколько крушеній.

Жизнь на широчайшую ногу далась ему тоже не даромъ.

Онъ въѣхалъ въ долги, но, вступивъ разъ на этотъ скользкій путь, рѣшилъ—все какъ архи-практичный человекъ—что останавливаться здѣсь на подорогѣ было бы крайне опасно, даже губительно, мало того—глупо, *qu' il fallait faire grand*, по мѣстному выраженію; онъ сказалъ себѣ что имѣя сто, двѣсти тысячъ неоплатнаго долга человекъ безусловно погибъ, тогда какъ имѣя два милліона такого долга онъ обезпеченъ на всю остальную жизнь. Почему? потому что въ первомъ случаѣ, человекъ этотъ изображаетъ изъ себя вульгарнаго несостоятельнаго должника, тогда какъ во второмъ—развѣчнаго кумира, потому что свора алчныхъ кредиторовъ загрызеть, задушить и загубить съ яростнымъ злорадствомъ несчастнаго обобравашаго ее на тысячи, тогда какъ та же свора серьезно призадумается когда, вслѣдствіе экзекуціи „жертвы“, ей пришлось бы навсегда распрощаться съ десятками, сотнями тысячъ, наконецъ потому что человекъ сумѣвшій обморочить и обогнать людъ Божій на подобную гомерическую сумму неволью вселяетъ къ себѣ нѣкоторое уваженіе,—и въ концѣ концовъ, потому что съ такою головкою можно всегда надѣяться что, поддержавъ эту головку вовремя, она снова всплыветъ и разчитается съ вами боками другихъ.

Тутъ, какъ видите, діалектика.

Діалектика эта принесла свои плоды. Имѣя на своемъ пасивѣ около двухъ милліоновъ, а на активѣ одни лишь изо дня въ день перепедающія „прилагательныя“ биржевыя *a parte*, Бюриданъ продолжалъ жить бариномъ, и, благодаря громадной цифрѣ долга, держалъ кредиторовъ своихъ на привязи.

Нѣтъ денегъ на какую-нибудь меакую затычку и не откуда взять, онъ беретъ за бока одного изъ крупныхъ своихъ кредиторовъ, и какъ бѣлое на черномъ доказываетъ ему что не выручить его, Бюридана, было бы, со стороны крупнаго кредитора, неразчетливо, непростительно, глупо и бессмысленно.

— Попадусь изъ-за такихъ пустяковъ, вамъ же будетъ хуже... Вернуть мнѣ вамъ тогда все, какъ вы думаете?

И крупный кредиторъ, дѣйствительно соглашаясь съ мудрою аргументаціей, выдаетъ со скрежетомъ зубовъ субсидію.

Это Бюриданъ называлъ *пифонировать* своихъ добрыхъ коровъ, или, говоря менѣе фигуральнымъ слогомъ, своихъ должниковъ.

Не взирая на свой соколиный взглядъ Бюриданъ впалъ въ огромную ошибку—онъ не сумѣлъ остановиться вовремя.

По долговой части начали накопляться, какъ говорятъ Французы, *Relion sur Osea*; къ тому же онъ услѣлъ приобрести не малое количество враговъ, не говоря уже о самихъ кредиторахъ, правда, крѣпившихся еще, но внутренно сладостно мечтавшихъ о какомъ-нибудь возмездіи столь же гомерическомъ какъ навороченный долгъ. Мало того, лошаи слухи о какихъ-то совершенно уже темныхъ продѣлакахъ хроникера-финансиста, продѣлакахъ сильно припыхивающихъ левицентриною колоніей и острогомъ....

Тутъ началось для Бюридана странное существованіе. Онъ почувствовалъ что полъ подъ нимъ обрушивается и лустилъ въ ходъ весь свой умъ, всю опытность, всю ловкость чтобы выкарабкаться пощастливѣе. Людъ Божій почувалъ это тоже и сталъ инстинктивно отстраняться чтобы какъ-нибудь не быть задѣтымъ щелами и обломками этого крушенія.

Бюриданъ удвоилъ усилія. Какого свойства были эти усилія—вѣроятно темнѣйшаго, потому что недобрая мова усилилась.

Между тѣмъ онъ продолжалъ писать свои курьеры и бюлетины для газетъ, жилъ на такую же ногу, въ той же

шикарной квартирѣ, имѣлъ тотъ же шикарный экипажъ, одно только онъ прекратилъ, свои „приемы“, или скорѣе долженъ былъ ихъ прекратить, потому что принимать было некого.

Знакомые при встрѣчѣ съ этимъ человѣкомъ старались быть возможно сдержаннѣе, не зная какъ имъ придется на другой же день съ нимъ встрѣтиться, придется ли имъ протянуть руку знакомому или подать милостыню колоднику на цѣлурѣ.

Таковъ былъ человѣкъ которому, по крайней мѣрѣ по словамъ явившейся ко мнѣ личности, былъ нуженъ переводъ книги въ возможно скорый срокъ.

Теперь два слова о самой книгѣ.

Книга была, какъ я уже сказалъ, нѣмецкая, и носила заманчивое заглавіе: *Treiben der Juden in Frankreich*.

Заглавіе достаточно объясняетъ о чемъ шла дѣло. Авторъ, баварскій *chevalier* (имени не помню) и ультра-клерикалъ, старался доказать что причиной всѣхъ несчастій, погромовъ и разгромовъ обрушившихся на Францію были Евреи, и что несчастная страна опутана и опутывается все тѣснѣе и плотнѣе паутиной громадной подпольной интриги, пауками которой являются наибольшіе люди Израилева. Начиная съ братьевъ Бедарридъ, положившихъ при Первой Имперіи основаніе еврейскаго масонства во Франціи, и кончая Гамбеттой, коего авторъ производитъ отъ нѣкоего нѣмецкаго Жидка Гамберле, * всѣ, по мнѣнію баварскаго *chevalier*, вредные дѣятели Франціи за послѣдніе три четверти столѣтія, всѣ почти безъ исключенія были Евреи. Разумѣется всѣ они перебраны по косточкамъ и караемы вельми. Самому Налолоону приписывается, *documents en main*, жидовское происхожденіе.

Взглядъ, какъ видите, нѣсколько односторонній. Тѣмъ не менѣе ламфлетъ написанъ бойко, талантливо и изобилуетъ куріозными свѣдѣніями и документами.

* По словамъ автора упоминаемой книги, отецъ бывшаго диктатора Франціи—нѣмецкій Жидъ родомъ изъ Штутгарта. Въ 1804 году онъ переселился въ Геную, сталъ торговать въ періодъ континентальской системы суррогатомъ кофе, нажилъ себѣ кое-какія деньги, женился, и, изъ своей чисто жидовской фамиліи Гамберле, сдѣлавъ будто бы, по настоятельнымъ просьбамъ жены, нѣчто полу-жидовское, полуиталіанское—Гамбетту.

Особенное значеніе придавало этой книгѣ то что ввозъ ея во Францію былъ воспрещенъ.

Теперь вы вѣроятно поймете тѣ мотивы любопытства вслѣдствіе которыхъ я принялъ обѣими руками переводъ предложенный мнѣ на такихъ безобразныхъ условіяхъ.

Мнѣ чрезвычайно любопытно было знать что-нибудь поближе о Бюриданѣ, о томъ что могло быть общаго между такою личностью и нѣмецкимъ политическимъ памфлетомъ; наконецъ я обрадовался неожиданному случаю прочесть книгу о которой много слышалъ, но достать которую никакъ не разчитывалъ. Третья причина, какъ я уже сказалъ, была сама личность съ которою мнѣ приходилось раздѣлить трудъ.

Работа пошла у насъ на всѣхъ парахъ.

Каждый день, въ восемь часовъ утра, минута въ минуту, раздавались три легкихъ отрывистыхъ удара въ дверь и сотрудникъ мой входилъ въ комнату своимъ мѣрнымъ, тяжело-нѣснымъ, командорскимъ шагомъ. Мы тотчасъ же усаживались за переводъ и не вставали до одиннадцати.

Писалъ онъ совершенно замѣчательно. Развернувъ тетрадку, насадивъ новое перо на длиннѣйшую ручку, онъ садился на стулъ и, откинувшись на спинку, не сгибаясь, накрывъ нѣсколько на бокъ голову, заложивъ лѣвую руку за лазуху, принимался писать, и обыкновенно, въ продолженіе добраго часа, не мѣнялъ положенія. Писалъ онъ необыкновенно скоро, красиво, круглымъ вязанымъ почеркомъ, писалъ безъ усталости, безъ передышки.

Иногда мнѣ казалось что это былъ не человѣкъ, а какая-то одушевленная скорописная машина.

Въ одиннадцать часовъ мы останавливались. Онъ закладывалъ перо за ухо, наскоро просматривалъ написанное, и затѣмъ, отеревъ перо о полу сѣраго съ искрой пальто-сака, пряталъ тетрадку за лазуху и уходилъ завтракать.

Исключая нѣкоторыхъ лаконичныхъ замѣчаній касавшихся предмета перевода, въ первые три-четыре дня мы не обмѣнялись можетъ-быть и десятью фразами. Кромѣ фамиліи Х***, которую онъ мнѣ сообщалъ еще при первомъ посѣщеніи, я рѣшительно ничего не зналъ о томъ кто такой и что такое мой сотрудникъ. За то въ слѣдующіе дни онъ вдругъ развернулся и угостилъ меня такими разказами о себѣ что, на первыхъ порахъ, я принималъ его за одного изъ самыхъ видныхъ представителей мѣстной хлестаковщины.

Начало этой второй фазы нашего знакомства было довольно курьезное.

Не помню по какому случаю Х*** употребилъ одинъ или два раза выраженіе „мой жены“.

Это множественное, какъ вы понимаете, меня нѣсколько удивило. Я всегда слышалъ отъ двойныхъ и тройныхъ вдовцовъ выраженія „моя первая жена“, первая и „вторая жена“, но огульнаго отношенія къ усолшимъ подругамъ жизни мнѣ еще не случалось слышать.

— Давно вы овдовѣли въ послѣдній разъ? спросилъ я, когда онъ мнѣ сказалъ что обрѣтается въ совершенномъ одиночествѣ.

— Я не овдовѣлъ, всѣ жены мои живы.

Господи! подумалось мнѣ, кого и чего тутъ только не встрѣтишь въ Парижѣ; переводить нѣмецкую книгу съ Мормономъ, и то привелось!..

— Гдѣ же ваши... супруги? спросилъ я.

— Я ихъ оставилъ на Мадагаскарѣ...

И Х*** сообщилъ мнѣ что пробывъ нѣсколько лѣтъ на этомъ островѣ, между Малгашами, онъ счелъ долгомъ, по туземному обычаю, обзавестись законнымъ путемъ — разумѣется мѣстнымъ — лятю женами, Малгашками.

— Этотъ бракъ, какъ вы понимаете, дѣйствителенъ только тамъ, заключилъ онъ, такъ что, если хотите, на самомъ-то дѣлѣ я холостъ.

Это я и безъ него понималъ.

— Но какъ же, вы ихъ такъ и бросили?

— То-есть какъ бросилъ?

— Когда уѣхали.

— Нѣтъ. Я далъ имъ маленькое приданое—онѣ вернулись къ себѣ...

Такое начало обѣщало. Мнѣ только приходилось развѣснуть уши и слушать, что я и сдѣлалъ.

Х*** сообщилъ мнѣ что нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ отправился на Мадагаскаръ изучать производительныя силы этого африканскаго острова, что тамъ онъ составилъ проектъ товарищества на паяхъ для монопольной развѣтвленной торговли между Франціею и Мадагаскаромъ, что явился обратнo въ Парижъ съ этимъ проектомъ въ 1868. году, что дѣло мало-по-малу начало устраиваться, и только Франко-Прусская война и послѣдовавшія за нею событія помѣш-

и до сихъ поръ осуществленію этого гигантскаго предпріятія. Цифры исчислялись собесѣдникомъ моимъ гомерическія; онъ жонглировалъ милліонами и десятками милліоновъ какъ мячиками и все отъ собственнаго имени. „На это я кладу столько-то милліоновъ...“ „Здѣсь я получаю столько-то десятковъ милліоновъ...“

— Но, счелъ я долгомъ замѣтить, если это такое блестящее предпріятіе, почему не продадите вы какому-нибудь капиталисту вашъ проектъ и концессию, если вы ее имѣете?

— Какъ!.. продать за какія-нибудь пятьсотъ-шестьсотъ тысячъ милліонное дѣло, на которое я убилъ и время и трудъ!

Я опустилъ глаза за своего собесѣдника. Олустившись, взоръ мой встрѣтилъ столтанные до крайности и порывылые сапоги X***.

— Но, рѣшился я еще прибавить,—такъ какъ вы не положили на это собственныхъ капиталовъ, то...

— Какъ?.. А мысль? *l'idée—c'est tout!*... Это выше всякихъ капиталовъ! Мнѣ тутъ давалъ одинъ бандитъ двѣсти тысячъ за мой проектъ...

— Ну и что же?

— *Des nefles!* * вотъ что ѣя ему отвѣтилъ.

На слѣдующій день другая исторія.

Послѣ введенія ружья Шасло, французское военное министерство рѣшило продать съ публичнаго торга ружья, карабины и пистолеты старой системы. Онъ, X***, составилъ тогда проектъ слѣдующаго рода: предложить правительству высшую цѣну, съ условіемъ принять не сразу все оружіе, но получать его изъ арсеналовъ частями, по мѣрѣ надобности; приводить въ исправность и продавать значительными партиями.

— Кому же? полюболытствовалъ я узнать.

— Всегда есть охотники не въ Европѣ, такъ въ Азіи, въ Америкѣ... Всегда гдѣ-нибудь да дерутся.

— Если я хорошо лоялѣ, вамъ пришло на мысль устроить нѣчто въ родѣ центральнаго склада оружія для всякаго рода возстаній, междусобыхъ войнъ, бунтовъ и пр.

— Да, отчасти, если хотите, это было нѣчто въ такомъ

* *Des nefles* можетъ быть передава по-русски извѣстнымъ выраженіемъ: „хотите дулю?“

родѣ, потому что не регулярныя же правительства стали бы къ намъ обращаться.

— И правительство Второй Имперіи согласилось терпѣть у себя подобное... „учрежденіе“?

— Ну!.. правительство Второй Имперіи!.. процѣдилъ онъ съ величайшимъ презрѣніемъ. — Что ему было за дѣло до этого: на вывозъ вѣдь, другимъ!.. Очень оно заботилось... *Le pot de vin*, * вотъ о чемъ заботились прежде всего, а тамъ хоть пропадай все!

— И удалось вамъ это дѣло?

— Да, нечего сказать! — Я вамъ говорю, *pas de chance!*.. Какъ видно на роду написано! Удалось, только не для меня.... Былъ со мною компаньонъ, деньги внесъ, ну и отстранилъ какъ только дѣло устроилось.... Предложилъ крохи! Я на это сказалъ: нѣтъ любезный, мысль моя, главное мое, и завелъ съ нимъ дѣло....

— И проиграли?

— Нѣтъ, ничего не вышло. Тутъ началась война, старое оружіе изъ арсеналовъ выдали войскамъ.... Что же вы думаете, этотъ дуракъ, вмѣсто того чтобы требовать отъ правительства телерь уплаты, сидитъ себѣ сложа руки!

И онъ мнѣ объяснилъ что отъ правительства, по настоящему, слѣдовало потребовать, за все оружіе старой системы взятое изъ арсеналовъ во время Франко-Прусской войны, уплаты по цѣнамъ „назначеннымъ нами“, или крупой неустойки.

Патріотъ! подумалъ я.

— И вы думаете что правительство признало бы такой искъ справедливымъ?

— А *pot-de-vin*? Вы забываете это....

— Что же? значить, вашъ компаньонъ не согласился идти на эту аферу?

— Не согласился!.. такому жиду не согласиться! Не сумѣлъ, а меня уже тогда съ нимъ не было....

— И предпріятіе это до сихъ поръ существуетъ?

— Какъ же! онъ и телерь проживаетъ тутъ, въ Парижѣ, и торгуетъ оружіемъ.... Какъ живетъ! росписные плафоны, мраморныя лѣстницы.... Только, между нами, это ничего не значить, дѣла его идутъ очень плохо.

* Ваятка.

На слѣдующій день новая исторія.

На этотъ разъ дѣло шло о зажигательныхъ спичкахъ. Французское правительство рѣшилось, послѣ войны, отдать торговлю спичками на откупъ.

— Я сейчасъ же принялся изучать это дѣло.... Золотое, а вамъ скажу, дѣло! можно смѣло подвѣять торги до семнадцати милліоновъ. Заявляюсь имъ нѣсколько компаній. Одной изъ нихъ я предложилъ составленный мною проектъ. Нашли превосходнымъ.... И что же вы думаете? Эти болваны не рѣшились подвѣять цѣну на торгахъ, остановились на четырнадцати милліонахъ!

— Ну и?...

— Ну и что жь! другая компанія перебила!... Мы потеряли полтораста тысячъ предварительныхъ расходовъ и остались на бобахъ!

— А вы собственно много потеряли въ этихъ полтораста тысячахъ?

— Я?... деньгами ни одного су, конечно, но вѣдь мысль погибла — тѣ же деньги.

— И такъ монополія спичечной торговли теперь у другой компаніи?

— Да, пошла за четырнадцать милліоновъ съ чѣмъ-то. — Какъ вамъ это нравится? когда семнадцать можно было дать съ закрытыми глазами!... Не правда ли что жалость?

Я пожалѣвалъ.

За эти дни, какъ видите, изъ милліоновъ мы не выходили.

Далѣе, въ другомъ порядкѣ мыслей, X*** сообщилъ мнѣ что записалъ историческій этюдъ „изъ русскихъ нравовъ“.

— И какъ вы думаете, прибавилъ онъ при этомъ, — гдѣ я нашелъ матеріалы для этого этюда? на Мадагаскарѣ!...

Странныя вещи бывають на бѣломъ свѣтѣ....

Я и рукой махнулъ на своего сотрудника. Однако полюбываться узнавать что за документы о Россіи могли очутиться на Мадагаскарѣ.

— Исторія Ламе Флери и другая еще.... Я разработалъ характеръ тсаровича Жана, *le tsarowitch Jean*... Впрочемъ завтра я привесу вамъ эту работу. Вы, какъ Русскій, скажете ваше мнѣніе и сдѣлаете ваши замѣчанія.

На слѣдующій день, только-что явившись, X*** сталъ доставать изъ кармановъ пальто-сака цѣлую кучу бумагъ и тетрадей. Я содрогнулся вообразивъ себѣ что вся эта

бумажная громада изображаетъ обѣщанное романтико-историческое твореніе.

Ислугъ мой былъ кратковременный. Эта кила бумага изображала совсѣмъ другое. То были доказательства и документы касающіеся разказанныхъ исторій.

Тутъ былъ и проектъ торговаго трактата, о которомъ Х^{***} говорилъ, съ присовокупленіемъ множества докладныхъ записокъ, замѣтокъ и отчетовъ о производительныхъ силахъ края; и проектъ объ оружіи, съ документами по исковому дѣлу Х^{***} противъ его компаньйона; и проектъ „товарищества спичечной монополіи“. Самъ романъ, къ величайшей моей радости, занималъ очень мало мѣста въ этой бумажной грудѣ.

Я былъ чрезвычайно удивленъ. И такъ, если Х^{***} и агалъ, то агалъ только на половину. Документы лежавшіе предо мною свидѣтельствовали что этимъ человѣкомъ были по крайней мѣрѣ предприняты дѣла о которыхъ онъ мнѣ говорилъ. Я видѣлъ прошенія и официальные отвѣты, на бланкахъ, съ подписями, видѣлъ исковые документы, форменные, настоящіе.

Между прочимъ я убѣдился по бумагамъ что дѣйствительно, года два до того, компаньйонъ Х^{***} предложилъ послѣднему сорокъ пять тысячъ франковъ „отступнаго“.

Письмо компаньйона было вшито въ дѣло, помѣчено нумеромъ и тембрировано. Сомнѣнія не могло оставаться никакого.

— И вы отказались отъ этихъ сорока пяти тысячъ? невольно воскликнулъ я.

— Да, разчитывая получить милліонъ.

— И не раскаиваетесь теперь?...

— Признаться, раскаиваюсь.... Пригодились бы по крайней мѣрѣ на другія дѣла.

— Вы непременно хотите милліоны?

— Надо.... И онъ задумчиво устался въ пространство.

Странная фигура, въ своемъ убогомъ пальто-сакѣ, приняая внезапно въ моемъ умѣ совершенно иные размѣры. Это былъ уже не вульгарный экземпляръ мѣстной хлестаковщины, а нечто другое, покрупаѣе, поинтереснѣе; словомъ *нѣчто*.

Но чтѣ именно?

Эти труды, ловидимому дѣльные и серіозные, эти энергическія исканія, какъ совмѣстить ихъ съ метаніемъ въ сторону отъ одного къ другому, не доводя ничего до конца!

какъ совмѣстить это крупное отношеніе къ цѣли, къ милліону, презирая десятками тысячъ „положенными на столъ“, какъ совмѣстить это съ мизерною хлестаковщиною, съ непрошенными разказами, съ этою выкладкой документовъ? эту безалаберную откровенность, съ этимъ „надо“?

Впрочемъ на счетъ одной стороны характера моего сотрудника я могъ вскорѣ положить совершенно опредѣлительное сужденіе.

Еще при самомъ началѣ Х*** объяснилъ мнѣ что переводимая книга была задержана на границѣ по той причинѣ что изобиловала безобразными ласквіями на многихъ видныхъ и достойнѣйшихъ общественныхъ дѣятелей. Изъ его словъ я могъ понять что задержаніе нѣмецкой брошюры было однако только временное, „дабы дать время написать отвѣтъ, въ которомъ опровергались бы побѣдоносно взведенныя клеветы“. Это меня нѣсколько удивило. Далѣе, Х*** сообщалъ что написать разгромительный отвѣтъ баварскому *chevalier* поручено было именно Бюридану, и что онъ, Бюриданъ, не зная ни слова по-нѣмецки, далъ перевести книгу. Х*** присоветовалъ что самъ, съ своей стороны, намѣренъ содѣйствовать Бюридану въ этомъ трудѣ, что собираетъ данныя имѣющія доказать, какъ бѣлое на черномъ, всю пользу приносимую Евреями обществу вообще и французскому въ особенности. При этомъ Х*** цитировалъ нѣсколько фактовъ собранныхъ имъ направо и налево.

Недѣли полторы послѣ этого разговора, Х*** явился ко мнѣ однажды въ ужаснѣйшемъ видѣ, промокшій до костей, забрызганный грязью по колѣна, измученный на видъ до крайности.

Погода стояла отвратительная, такая что, какъ говорится, добрый хозяинъ собаки не выгонитъ на улицу, или, по нынѣшнему французскому выраженію, *un temps à ne pas mettre en Prussien à la porte*.

Х*** былъ безъ зонтика. Съ линючей шляпы текла струйка грязная черноватая вода. Пальто-сакъ изъ сѣраго превратилось почти въ черное и изображало нѣчто въ родѣ губки налитанной водою.

Я послѣшилъ предложить ему снять пальто и присѣсть къ камину. Онъ снялъ пальто и развѣсилъ его на спинкѣ стула. Подъ этимъ легчайшимъ верхнимъ одѣяніемъ оказались только жилетъ и рубашка. При каждомъ шагѣ въ салогахъ

Х*** слышалось какое-то пищаніе. Очевидно они были полны водою.

— Да вѣдь у васъ ноги насквозь промочены, сказалъ я.

— Мокры очень..... Позвольте? обратился онъ ко мнѣ въ отвѣтъ, указывая на ноги.

— Разумѣется.

— Но прежде позвольте взять соломенный стулъ, такъ, по крайней мѣрѣ, течь будетъ насквозь.

Онъ сѣлъ къ камину, снялъ ботинки, вылилъ изъ нихъ воду и сталъ отогрѣваться. Онъ находился ловидному въ очень возбужденномъ состояніи.

— Вотъ скоты-то! воскликнулъ Х*** послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія.

— Кого это вы такъ честите?

— Да этого бандита Бюридана и всю его логаную клику....

— А что?

— Что?.. Да вотъ, я вамъ скажу что: съ сегодняшняго же дня я начну собирать документы—и, я вамъ скажу, тутъ мнѣ остается только выбирать!... Кучи, груды, мысы ихъ можно найти со всѣхъ сторонъ!

— Какіе документы?

— А такіе чтобы разбить, разрушить, свалить, смять, затоптать въ грязь всѣ мизернѣйшіе аргументшки, всѣ подкульные доводы, всѣ такъ-называемыя доказательства господина Бюридана въ пользу отцовъ и благодѣтелей!...

— Какъ отцовъ и благодѣтелей?

— Да такъ.... Жидовъ-то его любезныхъ! Вѣдь они же все устроили, они же уладили такъ что книгу задержали, они же предложили Бюридани написать опроверженіе..... Кто же бы другой и взялся—говоря серьезно между нами—защищать ихъ.....

— Нѣтъ, я вамъ скажу, заговорилъ онъ снова послѣ нѣ котораго молчанія, уставившись на огонь,—съ такими людьми ничего не возьмешь, ничего!... Надо чтобъ они боялись, надо ихъ держать въ лапахъ, вотъ такъ,—онъ вытянулъ руку со сжатымъ кулакомъ,—въ страхъ... Только тогда они васъ и знаютъ...

Ага! подумалось мнѣ. Вотъ оно что!

— И что же вы намѣрены сдѣлать съ вашими документами? опубликовать ихъ?

— Да.

— Не разрѣшать продажу.

— Ничего. По крайней мѣрѣ оружіе будетъ въ рукахъ.

Понять было не трудно. Такую откровенность моего со- трудника можно было только приписать раздраженному со- стоянію въ которомъ онъ находился.

Разспрашивать, какъ вы понимаете, былъ самый вѣрный способъ не узнать правды. Я оставилъ собесѣднику самому высказаться.

Дѣйствительно, далѣе какъ-то въ разговорѣ, онъ замѣтилъ съ горечью какъ великолѣпно живетъ мѣстный главный рав- винъ и нѣкоторые наибольшіе сыны Израилевы, въ особенно- сти банкиры.

Изъ этого я могъ заключить что Х*** недавно, въ то же утро быть - можетъ, побывалъ у люда обстановка котораго дѣйствовала на него такъ раздражительно. Догадки мои превратились въ увѣренность. Х*** „пощупалъ“ вѣроятно представителей французскаго іудаизма, вѣроятно получилъ отпоръ и, недовольный такимъ результатомъ, намѣревался „взять“ ихъ съ другой стороны; страхомъ, „въ лапы“, какъ онъ выразился.

Появля тутъ я также! что семидесятиятифранковый го- норарій игралъ конечно послѣднюю роль въ мотивахъ по- будившихъ этого человѣка взяться за переводъ нѣмецкой брошюры.

— Вы намѣрены продолжать переводъ? спросилъ я.

— Еще бы! Хоть и семьдесятъ пять франковъ, да приго- дятся.

Какъ всякій добрый Французъ, Х*** на первыхъ же по- рахъ вывалилъ предо мною весь ворохъ своихъ политиче- скихъ симпатій. Симпатіи оказались багровыми, политиче- ская программа радикальная. По его словамъ, онъ былъ раз- умѣется врагъ Второй Имперіи, ликовалъ 4го сентября 1870 года, считалъ президентство Тьера чѣмъ-то временнымъ, пе- реходнымъ, и полагалъ радикальную но „строго-легальную“ республику единственнымъ возможнымъ и разумнымъ исхо- домъ. Словомъ, онъ принадлежалъ къ многочисленной плея- дѣ такъ-называемыхъ *republikains avancés*. Политикъ былъ онъ повидимому довольно равнодушный, особенно близко къ сердцу ничего не принималъ, и о наибольшихъ своей партіи былъ мнѣнія не особенно блестящаго.

Разъ какъ-то разговоръ коснулся о дарованіяхъ извѣстнѣйшихъ дѣятелей радикализма.

— Гм... все это не то, *tout ça est flasque*... замѣтилъ онъ, и вдругъ воскликнулъ повидимому отъ всей души: — былъ тутъ одинъ человѣкъ! — это была голова и рука!

— Кто такой? спросилъ я.

— Милльеръ....

Милльеръ, одинъ изъ членовъ коммуны, разстрѣлянный и приколотый штыками, 22го мая, на лалерти церкви Св. Магдалины.

— Милльеръ коммунаръ? воскликнулъ я съ недвусмысленнымъ изумленіемъ.

— Да.

— Но въ такомъ случаѣ вы находите и социальную-политическую программу его разумнѣею?

— Ну это, положимъ, нѣтъ, возразилъ Х*** съ какою-то странною неопредѣленною улыбкой. — Что вы хотите! умнѣшіе, дѣльнѣшіе люди влопываются иногда по уши помимо своей воли.... Съ этою коммуною онъ сдѣлалъ ужаснѣйшую глупость!

— Только глупость?

— Ну ошибку, или хотите....

— Вы однако очень свисходительны....

— Да какъ же тутъ и не быть свисходительнымъ? кромѣ ошибокъ, промаховъ и глупостей ничего кругомъ не видно....

Терпимость поразительная, въ особенности для Француза, подумалъ я.

Разговоръ нашъ почему-то оборвался на этомъ.

Переводъ нѣмецкой брошюры былъ оконченъ. На другой день Х*** принесъ мнѣ семьдесятъ пять франковъ. Онъ явился въ новыхъ сапогахъ, въ новыхъ панталонахъ, а подъ пальто-сакомъ, на этотъ разъ, оказался черный сюртукъ. Полученныя за переводъ деньги очевидно пошли на необходимѣйшую экипировку.

Я былъ въ желомкомъ положеніи: принять эти несчастные семьдесятъ пять франковъ отъ человѣка находившагося повидимому въ страшно стѣсненныхъ финансовыхъ обстоятельствахъ, мнѣ было очень непріятно; отказать совсѣмъ отъ денегъ я не рѣшался боясь его оскорбить. Попробовалъ я было предложить ему оставить покамѣстъ эти деньги у

себя заимообразно и отдать мнѣ ихъ когда дѣла его поправятся, но онъ отказался наотрѣвъ.

Я вспомнилъ тогда что Х*** нѣсколько разъ поражалъ меня своими обширными гастрономическими свѣдѣніями и рассуждалъ всегда объ утонченной „кухнѣ“ съ какою-то особенною чувственностью. Мнѣ пришло въ голову угостить его однимъ изъ тѣхъ *menu*, говоря о которыхъ у него, какъ говорится, текли слюнки.

Я сдѣлалъ ему полупризнаніе объявивъ что принимаю переводъ только потому что желалъ прочесть книгу. Х*** на это улыбнулся своею неприятною вздернутою улыбкой, причемъ открылись два ряда маленькихъ, острыхъ рѣдко насаженныхъ зубовъ.

— *En ce cas vous êtes volé!* сказалъ онъ.—Книжка далеко не такъ интересна какъ о ней толковали, не правда ли?

Я послѣшилъ увѣрить его въ противномъ, прибавилъ какую-то любезность относительно пріятнаго знакомства и предложилъ „скушать“ вдвоемъ эти семьдесятъ пять франковъ у Бребана. * Онъ принялъ приглашеніе, и мы условились встрѣтиться на другой день, въ половинѣ седьмого, въ *Café Brébant*, находящемся подъ рестораномъ Бребана.

Обѣдъ приближался къ концу. Меню составилъ Х***. Какъ и слѣдовало ожидать отъ сына южной Франціи и лоборника „марсельской кухни“, онъ налегъ на праныя блюда, такъ что обѣдъ вышелъ *d'un relevé à tout casser*, по выраженію мѣстныхъ *goutteux*.

Сначала Х*** ѣлъ и пилъ, пилъ и ѣлъ молча, сосредоточено, съ благоговѣніемъ, но когда мы подошли къ жаркому съ акомпанементомъ шато-лароза, миновавъ вермутъ, мадеру, кортонъ и шато-икемъ, языкъ у моего собесѣдника развязался необычайно и рѣчи потекли неудержимымъ потокомъ.

— Чортъ знаетъ чего мнѣ стоило отказаться отъ всего этого! сказалъ Х*** послѣ минуты молчанія, откинувшись на спинку дивана и кивнувъ выразительно на столъ.

Я посмотрѣлъ на него вопросительно.

— Конечно не добровольно, прибавилъ онъ.—Я поступилъ радикально, слишкомъ круто привялася и.... *j'ai brûlé la chandelle par les deux bouts*....

* Однимъ изъ лучшихъ парижскихъ ресторановъ, бывшій знаменитый Вашетъ.

И онъ разказалъ безобразную Одиссею кутильной эпохи своей жизни: лять лѣтъ парижскаго разнузданнѣйшаго карнавала, поглотившія совершенно незамѣтно тысячь двѣсти франковъ да имѣніе на югѣ Франціи, доставшееся ему неожиданно послѣ дяди. Затѣмъ, трудовая жизнь, исканія, попытки, дѣльныя, энергичныя, но неудачныя.

— Но мнѣ кажется что отчасти вы сами виноваты, замѣтилъ я ему на послѣднее.—Вы непременно хотѣли каждый разъ забрать милліонъ, и кромѣ милліона ничего и знать не хотѣли.

— Правда, но вы забываете что это все были за попытки, что это все были за мысли, какъ онѣ были разработаны? Каждый разъ я думалъ что держу его въ рукахъ, этотъ милліонъ.... Да и наконецъ, получи я какое-нибудь ничтожество въ родѣ того о которомъ вы говорите, я бы пропалъ. Биться, биться какъ рыба объ ледъ, родить мысль, взлѣлять ее, разработать, и для чего? чтобъ обогатить другихъ, а самому чтобы только на зубокъ хватало?... Получи я эти несчастныя деньги, они исчезли бы, испарились въ моихъ рукахъ въ какіе-нибудь лять-шесть мѣсяцевъ, и снова пришлось бы привыкать къ цыганской жизни! Теперь я сижу и жду, и не сдаюсь, и добиваюсь, и добьюсь своего рано или поздно; тогда же я погрязнулъ бы *dans les délices de Caronde*, чтобы чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ вдругъ проснуться на соломѣ?... Кто знаетъ, нашлось ли бы во мнѣ еще разъ достаточно энергіи и силы воли чтобы снова начать борьбу?

— Итакъ, этотъ милліонъ вамъ нуженъ...

— Для того чтобы наслаждаться, досказалъ онъ за меня и продолжалъ съ возрастающимъ жаромъ:—для того чтобы жить въ сласть, для того чтобы жуировать.... Да, только для того. Бился я только для этого, бьюсь и буду биться только для этого, потому что это все!...

Съ минуту онъ молчалъ, глаза его горѣли лихорадочно, нижняя челюсть судорожно дрожала, и вдругъ заговорилъ сдержаннымъ, чуть ли не спокойнымъ, мѣрнымъ голосомъ, но въ которомъ слышалось при этомъ какое-то довольство чувственнаго предвкушенія, заговорилъ, отчеканивая каждое слово, останавливаясь сосредоточенно по временамъ, о тѣхъ радостяхъ, о тѣхъ блаженствахъ, которыя милліонъ можетъ дать человѣку знающему цѣну вещамъ.

Перечисленіе это было поразительное. Это была картина

„полной чаши“ удивительно яркая, невообразимо полная, подробнѣйшая, подробнѣйшая до крайнихъ, невысказанныхъ мелочей, съ деталями курioзными, яркими, циничными, на которыя онъ напиралъ съ особенною пунктуальностью, съ особенною медленностью, будто сосредоточивая на каждомъ словѣ свои предвкусительныя ощущенія.

Эта замѣчательно яркая и полная картина не могла быть случайною импровизаціей; очевидно это былъ созрѣвшій плодъ страстныхъ распаленныхъ мечтаній, вѣчто глубоко обдуманное, обработанное тщательнѣйшимъ образомъ, обработанное съ любовью, исподоволь. Эта картина должна была сложиться и дополняться въ часы матеріальныхъ лишеній, въ минуты убогаго одиночества, среди роскоши и затѣй великаго города.

На меня она произвела отталкивающее дѣйствіе.

Вообразите себѣ человека который хладнокровно и обстоятельно станетъ вамъ разказывать поутру какъ онъ намѣренъ провести вечеръ и ночь: такъ-то и такъ-то поужинать до отвала, того-то и того-то налиться, такъ-то и такъ-то прокутить и проразвратничать всю ночь; какая должна быть при этомъ обстановка, какимъ способомъ онъ, герой, намѣренъ оправиться среди этой оргіи чтобы съ новыми силами потопнуть въ роскоши....

Нравственное я этого человека опредѣлилось сразу въ моемъ умѣ: богатая способность, энергія и умъ совершенно осиденные самыми нездоровыми вожделѣніями, самыми необузданными аплетитами.

— Не даромъ же у тебя такія могучія челюсти! подумалъ я „Картина“, изложенная поразительно краснорѣчиво, художественно оттушевывая, оборвалась искусно на точкахъ препинанія. Онъ остался неподвиженъ, сгорбившись, погруженный въ мысленное созерцаніе. Глаза были полузакрыты, взоръ мутный.

— Странное дѣло! прервалъ я молчаніе. — По моему вы не логичны съ самимъ собою.

Х^{***} вздрогнулъ очнувшись изъ сладкаго забытья. Взглялъ его сталъ обычный, безлокойный, испытующій.

— Почему? спросилъ онъ.

— Вы поставили себѣ цѣль, вѣщимъ существомъ своимъ вы стремитесь къ этой цѣли, какова она, мы тутъ не будемъ отбивать; но какая бы она тамъ ни была, вы предамы ей

всецѣло. Почему же вы, который должны желать одного, думать объ одномъ, о необходимомъ для осуществленія вашихъ плановъ спокойствіи, о тишинѣ, о твердомъ правительствѣ, не разбирая начала на которомъ бы оно основывалось, почему всѣ ваши симпатіи лежатъ къ тому режиму благодаря которому нѣтъ необходимаго для васъ спокойствія, благодаря которому торговля, промышленность, дѣла, все застрянетъ еще болѣе чѣмъ теперь?

— Вы говорите о радикальномъ режимѣ? Онъ улыбнулся выставивъ свои острые зубы.

— Да.

Онъ засмѣялся.

— Вы ошибаесь. Симпатіи у меня нѣтъ и не можетъ быть къ этимъ дѣтскимъ шалостямъ, къ этимъ смѣшнымъ людямъ... Да, я служу имъ, служу ревностно, служу яро, но потому только что они рычагъ, средство, устраненіе препятствій, какъ бы вамъ сказать, расчищеніе дороги. Говоря о томъ чего бы я долженъ былъ держаться, вы также ошиблись. И при Имперіи, и до сихъ поръ я былъ затертъ; много есть такихъ которые и влияніемъ, и деньгами и положеніемъ своимъ заграждаютъ мнѣ дорогу. Понимаете вы что значать у насъ *свои люди*? что они могутъ дѣлать?... По этому-то будь они у власти, мнѣ станеть несравненно легче и все поидеть какъ по маслу... И вы могли думать,—продолжалъ онъ укорительно, — что я увлекся ихъ бреднями, ихъ розовыми утопіями? Да и кѣмъ увлечься-то? На кого смотрѣть? На Тьера? разслабленнаго старикашку, мелко самолюбиваго, упрямаго гувернёра со школьною указкой въ рукѣ, съ яряниками въ одномъ карманѣ, съ розгами въ другомъ, гувернёра въ кофакѣ и очкахъ, возмечтавшаго выравнивать всѣхъ въ струнку „домашними средствами“? На Луи Блана? карлика-неданта, политическо-соціалистскаго кастрата, выработавшаго въ своемъ кабинетикѣ безсмысленныя неприменимыя теоріи? на Луи Блана „національныхъ мастерскихъ“?! На Гамбетту? на этого лаяца драпирующагося въ мантию трибуна? на этого политическаго нахаала? на этого политическаго спекулянта Еврея?.. Еврея! помните? прибавилъ онъ съ ядовитымъ хохотомъ намекая на нѣмецкую брошюру. На горбуна алтекаря Накэ? На карлу алтекаря Ламуру? на эти политическія микстуры? на это касторовое масло подцвѣченное красною водоцею? На Гролье, лишущаго „*genre humain*“, g-e-a-n-g-e

h-u-m-i-n? На Шалламель-Лакура? картоннаго академиста, сизо-багроваго отъѣвца. — Хороши они всё, нечего сказать!

— Но чего же вы хотите? Чѣмъ же это не дѣтели въ вашемъ порядкѣ мыслей? Затѣмъ остается только коммуна. Но, говоря о гражданинѣ Милльерѣ, вы сами сказали что онъ сдѣлалъ глупость и ошибку прижкнувъ къ коммуны; следовательно и коммуна не пользуется вашими симпатіями. О какомъ же *среднемъ* между радикализмомъ и коммуною мечтаете вы?

— О среднемъ? Какая можетъ быть тутъ середина?—И то и другое глупость, безсмысліе... Вы заговорили о Милльерѣ. Милльеръ сдѣлалъ глупость приставъ къ коммуны, именно потому что коммуна должна была изобразить нѣчто среднее....

Глаза моего собесѣдника заискрились, онъ пригнулся и продолжалъ страстнымъ шелотомъ:

— Чтò такое была коммуна? чтò задумали совершить эти несчастные безумцы? Они вообразили себѣ что спаливъ нѣсколько домовъ на одной точкѣ міра, они перевернутъ, породятъ общество, разрушатъ соціальный порядокъ, переработаютъ насъ.... Насъ! которые сотнями, тысячами поколѣній успѣли уже прогнать до мозга костей! Чтò они задумали? Разбить власть, разрушить государство? Да вѣдь за государствомъ стоитъ общество сложившееся вѣками, прогнавшее вѣками!... да вѣдь за обществомъ стоитъ семья—то же государство, то же общество въ маленькомъ видѣ, то же разлагающее начало!... да вѣдь за семьею стоимъ мы всё, прокаженные, прогнанныя единицы!... да вѣдь за нами стоять дѣти вскормленные нами же, воспитанные нами же, жившіяся уже прокаженными на свѣтъ!... Чтò сдѣлаетъ среди этого всеобщаго разложенія разгромъ какого-нибудь правительства? Они жгли, они разстрѣляли нѣсколько заложниковъ, они ломали, когда надо было косить.... Косить неумолимо, косить немилосердно, косить, косить, косить, какъ косить природа, когда она серьезно принимается что-нибудь сжывать.... Косить государство, косить общество, косить семью.... На развалинахъ не строить,—строить на чистомъ молѣ, на гладкомъ выровненномъ мѣстѣ!...

Онъ замолкъ и откинулся на спинку дивана. Глаза стали кутвы, челюсть нервно подергивало.

Мнѣ вдругъ стало ужасно жаль этого человѣка. Откуда могли накопиться такіа громадныя залежи желчи, яду,

ненависти? Въ самомъ ли себѣ нашелъ онъ это безобразное скопленіе? Наносное ли оно? Результатъ ли всевозможныхъ разлагающихъ теорій полавшихъ на особенно воспріимчивую почву? Жизнь ли его сложилась до того скверно и ужасно что никакого другаго заключенія онъ изъ нея не вынесетъ? Чтò это должна была быть за жизнь съ первыхъ же шаговъ?

— Было у васъ дѣтство? спросилъ я его. — Помните вы свою мать? знали вы ее?

Вопросъ мой произвелъ на Х*** дѣйствіе ушата холодной воды. Съ секунду смотрѣлъ онъ на меня вопросительно, какъ бы недоумѣвая отъ такого страннаго, неидуцаго къ дѣлу вопроса, и затѣмъ, совершенно уже спокойнымъ, обычнымъ голосомъ отвѣтилъ:

— Нѣтъ, не помню. Она умерла когда я былъ еще совсемъ ребенкомъ. Да и отца-то зналъ мало: одиннадцати лѣтъ я попалъ юнгомъ на корабль....

Явился гарсонъ съ ликерами. Разговоръ нашъ оборвался. Х*** принялся раехваливать *зеленый кюрасао—la liqueur des liqueurs*, по его мнѣнію.

Послѣднія слова безобразной социалистско - политической исловѣди меня чрезвычайно поразили. Услышь я ихъ въ первый разъ, я бы принялъ эту софистическую сатурналію за бредъ пьянаго демагога, за отвратительную социалистскую хлестаковщину, и не обратилъ бы особеннаго вниманія; но меня поразило тутъ то что эту самую теорію всеобщаго конечнаго разгроменія мнѣ приходилось слышать въ третій разъ, отъ разныхъ лицъ, высказанную столь же восторженно.

— Изложенная вами разгромительная теорія—личное мнѣніе или программа? спросилъ я его.

— Программа.

— Согласитесь однако что съ этою программой мы далеко очутились отъ вашего милліона.

— Ага! вы, я вижу, опять находите что я не логиченъ съ собою. Вы опять ошибаетесь. Я логиченъ и докажу вамъ это. Чтò я такое? Я сынъ общества составленнаго изъ прокаженныхъ, прогнившихъ единицъ. Почему надо уничтожить эти единицы?—потому что исправить и передѣлать ихъ невозможно.... а я, одна изъ этихъ неисправимыхъ единицъ! мудрено ли что я хочу ухватить, изъ существующаго без-

образя, все что только могу? Указать я могу, косить я могу, переродиться самъ—нѣтъ.

„Указать я могу, косить я могу, переродиться самъ — нѣтъ“. Нельзя было найти болѣе ясной, краткой и полной отпустительной формулы. Этотъ человѣкъ въ трехъ словахъ поразительно откровенно, удивительно ярко очертилъ задушевные стремленія и дѣятельность столповъ всяческихъ „ночныхъ общественныхъ наслоеній“, отъ радикализма до крайней развуданнѣйшей демагогіи.

Прошло около двухъ недѣль. За это время я только разъ видѣлъ моего бывшаго сотрудника: онъ зашелъ на нѣсколько минутъ, казался озабоченнымъ и объявилъ что очень занятъ.

Однажды вечеромъ онъ явился въ высокихъ сапогахъ, въ пальто-сакъ опоясанномъ ремнемъ, съ дорожною сумкой черезъ плечо. Въ правой рукѣ у него былъ крошечный, истрепанный до крайности сакъ-воляжъ, въ лѣвой нѣсколько книгъ. На рукахъ были надѣты красныя шерстяныя вязаныя перчатки.

— Что это? вы собираетесь въ дорогу? спросилъ я, оглядывая его куріозный нарядъ.

— Да, сейчасъ ѣду. Я зашелъ проститься и занести ваши книги; да вотъ еще принесъ одну. Прочтите, это васъ заинтересуетъ.

Онъ подалъ мнѣ небольшую брошюру, на сѣрой оберткѣ которой стояло слѣдующее заглавіе:

*A la France, à l'Allemagne
et aux autres nations **

— На долго вы ѣдете? спросилъ я его.

— Не знаю, но вѣроятно на долго. Я ѣду въ Марсель...

Получилъ мѣсто у одного тамошняго арматора.

— Вы собираетесь служить?

— Нѣтъ, но Испанія меня требуетъ.

Я не смелъ даже долгомъ спросить объясненія послѣдней фразы.

Уходя Х*** вдругъ обернулся ко мнѣ и съ своею плотоядною улыбкой произнесъ слѣдующія слова, на которыя я въ то время не обратилъ никакого вниманія:

— Вы Ома невѣрующій. Признайтесь что такъ. Теперь

* Объ этой брошюрѣ я еще надѣюсь побесѣдовать.

слушайте: слѣдите внимательно за испанскими извѣстіями и при случаѣ вспомните гдѣ я и что я.

— Просто болѣзнь какая-то! сказалъ я пожимая плечами, когда дверь за нимъ захлопнулась.

Прошло около семи или восьми мѣсяцевъ. Однажды утромъ гарсонъ подаль мнѣ, съ газетами, номеръ *République Française* подъ почтовою бандеролью съ „иногородною“ маркой.

Первую минуту я не могъ понять въ чемъ дѣло: парижская газета присланная мнѣ по почтѣ изъ другого города? Я взглянулъ на тембръ, прочелъ *Marseille* и вспомнилъ объ X^{***}.

Я развернулъ съ любопытствомъ газету. Небольшой параграфъ въ отдѣлѣ „разныхъ извѣстій“ отмѣченный синимъ карандашомъ тотчасъ же привлекъ мое вниманіе. Я прочелъ приблизительно слѣдующее:

„Странная участь постигла транспортъ съ оружіемъ отправленный такимъ-то арматорскимъ домою изъ Марселя въ Испанію, два мѣсяца тому назадъ. По непостижимой ошибкѣ онъ очутился теперь въ водахъ Тихаго Океана! Транспортъ былъ запряженъ испанскимъ правительствомъ для перевозки 20.000 ружей новаго образца. *Il faut avouer que le gouvernement espagnol joue de malheur* *.

Тутъ только я убѣдился: это былъ „дѣватель“.

ПЕТРЪ ПЕТРОВЪ.

* Не забудьте что это происходило въ срединѣ 1873 года, въ самый разгаръ катонаализма и демагогическихъ безчестствъ въ Испаніи, когда каждая минута была дорога для испанскаго правительства. Это извѣстіе было въ то время перепечатано во всѣхъ иностранннхъ (между прочимъ и русскнхъ) газетахъ.

Ц Е Р К О В И Щ Е*

Тихо церквище въ снѣ заколованномъ,
Свѣтитъ сквозь вѣтви луна,
Ночь воцарилась надъ міромъ окованнымъ,
Ужасомъ тихимъ полна.

Старыя ольхи вѣтвями широкими
Низко склонились къ водамъ;
Мрачно, темно подъ водами глубокими,
Жутко и сказочно тамъ.

Дальше, церквище въ лунномъ сіяніи
Холодно блещетъ какъ сталь,
Тихо дрожа, въ голубомъ очертаніи,
Тонетъ прозрачная даль.

* Почти повсемѣстно въ Россіи существуетъ преданіе о когда-то провалившихся, ушедшихъ въ землю, церквахъ; часто указываютъ мѣста гдѣ будто бы случилось когда-то такое происшествіе, и мѣста эти называются *церквищами*. Такія мѣста народная фантазія преимущественно видитъ въ глубокихъ кодобинахъ или омутахъ налахъ небольшихъ рѣкъ, густо обросшихъ деревьями и лозою, и вообще въ мѣстностяхъ своею дикостію и таинственностію дающихъ пищу простонародному воображенію, столь склонному ко всему мистическому.

Бѣлый туманъ какъ живой колышается,
Шелчется звучный камышъ,
Тихими звуками вдругъ оглашается
Ночи волшебная тишь.

Тамъ подъ плакучими старыми ивами,
Изъ глубины темныхъ водъ,
Тихими будто во снѣ переливами
Благовѣсть дальній идетъ.

Вотъ освѣтилась лучина бездонная,
Свѣчи въ водѣ зажжены,
Звуки слышатъ,—то лѣсъ похоронная
Тихо идетъ съ глубины.

Вотъ колыхнулось туманное зданіе,—
Церковь видна въ глубинѣ,
Мертваго клира звучитъ отлѣваніе
Въ ночи таинственномъ снѣ.

Мертвый священникъ во всемъ облаченіи
Тамъ совершаетъ обрядъ,
Колокола тамъ въ глухомъ отдаленіи
Тихо и ровно гудятъ....

Гуще туманъ надъ водою колышется,
Скрылось видѣнье какъ сонъ....
Глуше, все глуше, невнятные слышатся
Дальній, таинственный звонъ....

Тихо церковище въ снѣ заколдованномъ,
Свѣтитъ сквозь вѣтви луна,
Ночь протекаетъ надъ міромъ окованнымъ
Ужасомъ тихимъ полна....

Близкаго утра дыханье холодное—
Вѣтеръ съ востока лажнулъ;
Вдругъ зарябилоса зеркало водное,
Слышится издали гулъ!...

Это за омутомъ лѣсъ просыпается,
Ожила чудная тишь.
Новыми звуками міръ наполняется,
Шелчется громче камышъ....

Грянула чудная пѣснь соловьиная!
Сыллется звучная трель....
Рыба плеснулась надъ самой лучиною,
Дернулъ въ травѣ коростель,
Перелеть гдѣ-то вдали окликается,
Громко кричать журавли....
Мѣсяцъ блѣднѣетъ, заря занимается,
Горлица стонетъ вдали....
Воды церковища блещутъ спокойныя,
Адымъ сянѣемъ горя....
Громче, все громче—гармонія стройная!
Всюду разсвѣтъ и заря!

М. ХИТРОВО.

АННА КАРЕНИНА*

РОМАНЪ.

ХІ.

Еще въ первое время по возвращеніи изъ Москвы, когда Левинъ каждый разъ вздрагивалъ и краснѣлъ вспоминая поворъ отказа, онъ говорилъ себѣ: „также краснѣлъ и вздрагивалъ я, считая все погибшимъ,“ получивъ единицу за физику и оставшись на второмъ курсѣ, также считалъ себя погибшимъ послѣ того какъ испортилъ порученное мнѣ дѣло сестры, и что жь?—теперь, когда прошли года, я вспоминаю и удивляюсь какъ это могло огорчать меня. То же будетъ и съ этимъ горемъ. Пройдетъ время, и я буду къ этому равнодушенъ.*

Но прошло три мѣсяца, и онъ не сталъ къ этому равнодушенъ, и ему также какъ и въ первые дни было больно вспоминать объ этомъ. Онъ не могъ успокоиться потому что онъ такъ долго мечтавшій о семейной жизни, такъ чувствовавшій себя созрѣвшимъ для нея, все-таки не былъ женатъ и былъ

* См. *Русск. Вѣстн.* №№ 1 и 25.

дальше чѣмъ когда-нибудь отъ женитьбы. Онъ болѣзненно чувствовалъ самъ, какъ чувствовали всѣ его окружающіе, что не хорошо въ его года человѣку одному быти. Онъ помнилъ какъ онъ, предъ отъѣздомъ въ Москву, сказалъ разъ своему скотнику Николаю, наивному мужику, съ которымъ онъ любилъ поговорить: „Что, Николай! хочу жениться“, и какъ Николай послѣшно отвѣчалъ, какъ о дѣлѣ въ которомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія: „и давно пора, Константинъ Дмитричъ“. Но женитьба теперь стала отъ него дальше чѣмъ когда-либо. Мѣсто было занято, и когда онъ теперь въ воображеніи ставилъ на это мѣсто кого-нибудь изъ своихъ знакомыхъ дѣвушекъ, онъ чувствовалъ что это было совершенно невозможно. Кромѣ того, воспоминаніе объ отказѣ и о роли которую онъ игралъ при этомъ мучило его стыдомъ. Сколько онъ ни говорилъ себѣ что онъ тутъ ни въ чемъ не виноватъ, воспоминаніе это, наравнѣ съ другими такого же рода стыдными воспоминаніями, заставляло его вздрагивать и краснѣть. Были въ его прошедшемъ, какъ у всякаго человѣка, сознанныя имъ дурныя поступки, за которые совѣсть должна была бы мучить его; но воспоминаніе о дурныхъ поступкахъ далеко не такъ мучило его какъ эти ничтожныя, но стыдныя воспоминанія. Эти равы никогда не затягивались. И наравнѣ съ этими воспоминаніями стояли теперь отказъ и то жалкое положеніе въ которомъ онъ долженъ былъ представляться другимъ въ этотъ вечеръ. Но время и работа дѣлали свое. Тяжелыя воспоминанія болѣе и болѣе застилались для него невидными, но значительными событіями деревенской жизни. Съ каждою недѣлей онъ все рѣже вспоминалъ о Кити. Онъ ждалъ съ нетерпѣніемъ извѣстія что она уже вышла или выходитъ на дняхъ замужъ, надѣясь что такое извѣстіе, какъ выдергиванье зуба, совсемъ выльчить его.

Между тѣмъ пришла весна, прекрасная, дружная, безъ ожиданія и обмановъ весны, одна изъ тѣхъ рѣдкихъ весенъ которымъ вмѣстѣ радуются растенія, животныя и люди. Эта прекрасная весна еще болѣе возбудила Левина и утвердила его въ намѣреніи отречься отъ всего прежняго, съ тѣмъ чтобъ устроить твердо и независимо свою одинокую жизнь. Хотя многихъ изъ тѣхъ плановъ съ которыми онъ вернулся въ деревню и не было имъ исполнено; однако самое главное, чистота жизни, было соблюдено имъ. Онъ не испытывалъ

того стыда который обыкновенно мучилъ его послѣ падеія; и онъ могъ смѣло смотрѣть въ глаза людямъ. Еще въ февралѣ онъ получилъ письмо отъ Марьи Николаевны о томъ что здоровье брата Николая становится хуже, но что онъ не хочетъ лѣчиться, и вслѣдствіе этого письма Левинъ ѣздилъ въ Москву къ брату и успѣлъ уговорить его посоветоваться съ докторомъ и ѣхать на воды за границу. Ему такъ хорошо удалось уговорить брата и дать ему займы денегъ на поѣздку не раздражая его, что въ этомъ отношеніи онъ былъ собой доволенъ. Кромѣ хозяйства, требовавшаго особеннаго вниманія весной, кромѣ чтенія, Левинъ началъ этою зимою еще сочиненіе о хозяйствѣ, планъ котораго состоялъ въ томъ чтобы характеръ рабочаго въ хозяйствѣ былъ принимаемъ за абсолютное данное, какъ климатъ и почва, и чтобы слѣдовательно всѣ положенія науки о хозяйствѣ выводились не изъ однихъ данныхъ почвы и климата, но изъ данныхъ почвы, климата и извѣтнаго неизмѣннаго характера рабочаго. Такъ что несмотря на уединеніе, или вслѣдствіе уединенія, жизнь его была чрезвычайно наполнена, и только изрѣдка онъ испытывалъ неудовлетворенное желаніе сообщенія бродящихъ у него въ головѣ мыслей кому-нибудь кромѣ Агаѣи Михайловны; хотя и съ нею ему случалось нерѣдко разсуждать о физикѣ, теоріи хозяйства, и въ особенности о философіи; философія составляла любимый предметъ Агаѣи Михайловны.

Весна долго не открывалась. Послѣднія недѣли поста стояла ясная, морозная погода. Днемъ таяло на солнцѣ, а ночью доходило до семи градусовъ; настъ былъ такой что на возахъ ѣздили безъ дороги. Пасха была на снѣгу. Потомъ вдругъ, на второй день Святой, понесло теплымъ вѣтромъ, нагнулись тучи, и три дня и три ночи лилъ бурный и теплый дождь. Въ четвергъ вѣтеръ затихъ и нагнулся густой сѣрый туманъ, какъ бы скрывающій тайны совершавшихся въ природѣ переменъ. Въ туманѣ лопались воды, затрепали и сдвинулись льдины, быстрѣе двинулись мутные, вслѣвившіеся потоки, и на самую Красную Горку, съ вечера, разорвался туманъ, тучи разбѣжались барашками, прояснѣло и открылась настоящая весна. На утро поднявшееся яркое солнце быстро съѣло тонкій ледокъ подернувшій воды, и весь теплый воздухъ задрожалъ отъ наплывшихъ его испареній отжившей земли. Завелѣла ста-

рая и вытѣзающая иглами молодая трава, надулись почки калины, смородины и лалкой спиртовой березы, и на обсыпанной золотымъ цвѣтомъ лозинѣ загудѣла выставленная облетающаяся пчела. Залились невидимые жаворонки надъ бархатомъ зеленой и обледѣвшимъ жнивьемъ, заплакали чибисы надъ налившимися бурюю неубравшеюся водою низами и болотами, и высоко пролетѣли съ весеннимъ гоготаньемъ журавли и гуси. Заревѣла на выгонахъ облѣзшая, только мѣстами еще неперелинявшая скотина, заиграли кривоногіе агнята вокругъ терпящихъ волну блеющихъ матерей, побѣжали быстроногіе ретята по просыхающимъ съ отпечатками босыхъ ногъ тропинкамъ, затрещали на пруду веселые голоса бабъ съ холстами, и застучали по дворамъ топоры мужиковъ налаживающихъ сохи и бороны. Пришла настоящая весна.

ХІІ.

Левинъ надѣлъ большіе сапоги и въ первый разъ не шубу, а суконную поддевку, и пошелъ по хозяйству, шагая черезъ ручьи, рѣжущіе глаза своимъ блескомъ на солнцѣ, ступая то на ледокъ, то въ липкую грязь. Весна время плановъ и предположеній. И выйдя на дворъ, Левинъ, какъ дерево весной, еще не знающее куда и какъ разростутся его молодые побѣги и вѣтви заключенные въ налитыхъ почкахъ, самъ не зная хорошенько за какія предпріятія, въ любимомъ его хозяйствѣ, онъ примется теперь, но чувствовалъ что онъ поманъ плановъ и предположеній самыхъ хорошихъ. Прежде всего онъ прошелъ къ скотинѣ. Коровы были выпущены на варокъ, и сія перелинявшею гладкою шерстью, пригрѣвшись на солнцѣ, мычали, просясь въ поле. Полюбовавшись знакомыми до малѣйшихъ подробностей ему коровами, Левинъ велѣлъ выгнать ихъ въ поле, а на варокъ выпустить телятъ. Пастухъ весело побѣждалъ собираться въ поле. Бабы скотницы, подбирая поневы, босыми, еще бѣлыми, не загорѣвшими ногами шлепая по грязи, съ хворостинами бѣгали, загоня ихъ на дворъ, за мычавшими, ешалѣвшими отъ весенней радости телятами. Полюбовавшись на приплодъ нынѣшняго года, который былъ необыкновенно хорошъ, — раннія телята были съ мужицкую корову, Павина дочь трехъ мѣсяцевъ была ростомъ съ годовыхъ, — Левинъ велѣлъ выне-

сти имъ наружу корыто и задать сѣно за рѣшетки. Но оказалось что на не употребляемомъ зимой варкѣ сдѣланныя съ осени рѣшетки были поломаны. Онъ послалъ за плотникомъ который по наряду долженъ былъ работать молотилку. Но оказалось что плотникъ чинилъ бороны, которыя должны были быть починены еще съ масляницы. Это было очень досадно Левину. Досадно было что повторялось это вѣчное неражество хозяйства противъ котораго онъ столько лѣтъ боролся всѣми своими силами. Рѣшетки, какъ онъ узналъ, нужныя зимой, были перенесены въ рабочую конюшню и тамъ поломаны, такъ какъ онѣ и были сдѣланы легко, для теплоты. Кроме того, изъ этого же оказывалось что бороны и всѣ земледѣльческія орудія которыя вѣрно было осмотрѣть и починить еще зимой и для которыхъ нарочно взяты были три плотника, были не починены и бороны все-таки чинили когда надо было вхвать скородить. Левинъ послалъ за прикащикомъ; но тотчасъ и самъ пошелъ отыскивать его. Прикащикъ, сія также какъ и все въ этотъ день, въ обшитомъ мерлушкой тулупчикѣ, шелъ съ гунна, домая въ рукахъ соломинку.

— Отчего плотникъ не на молотилкѣ?

— Да я хотѣлъ вчера доложить: бороны починить надо. Вѣдь вотъ пахать.

— Да зимой-то что жь?

— Да вамъ на счетъ чего угодно плотника?

— Гдѣ рѣшетки съ телячьяго двора?

— Приказалъ свести на мѣста. Что прикажите съ этимъ народомъ, сказалъ прикащикъ, махая рукой.

— Не съ этимъ народомъ, а съ этимъ прикащикомъ, сказалъ Левинъ, вспыхнувъ.—Ну для чего я васъ держу, закричалъ онъ, но вспомнивъ что этимъ не поможешь, оставилъ на половинѣ рѣчи и только вздохнулъ.—Ну что, свѣтъ можно? спросилъ онъ помолчавъ.

— За Туркинымъ завтра или послѣзавтра можно будетъ.

— А клеверъ?

— Послалъ Василья съ Машкой, разсѣвають. Не знаю только пролѣзутъ ли, толко.

— На сколько десятинъ?

— На шесть.

— Отчего же не всѣ? вскрикнулъ Левинъ.

Что клеверъ сѣяли только на шесть, а не на двадцать десятинъ, это было еще досаднѣе. Посѣвъ клевера, и по теоріи

и по собственному его опыту, бывалъ только тогда хорошъ когда сдѣлавъ какъ можно раньше, почти по снѣгу. И никогда Левинъ не могъ добиться этого.

— Народу нѣтъ. Чтѣ прикажите съ этимъ народомъ дѣлать? Трое не приходило. Вотъ и Семень...

— Ну вы бы оставили отъ соломы.

— Да я и то оставилъ.

— Гдѣ же народъ?

— Пятеро компотъ дѣлають (это значило компостъ). Четверо овесъ пересылають; какъ бы не тронулся, Константинъ Дмитричъ.

Левинъ очень хорошо зналъ что „какъ бы не тронулся“ значило что сѣянной англійскій овесъ уже испортили, опять не сдѣлали того что онъ приказывалъ.

— Да вѣдь я говорилъ еще лостомъ трубы.... вскрикнулъ онъ.

— Не безлокойтесь, все сдѣлаемъ вовремя.

Левинъ сердито махнулъ рукой, пошелъ къ амбарамъ взглянуть овесъ и вернулся къ конюшнямъ. Овесъ еще не испортился. Но рабочіе пересылали его лопатами, тогда какъ можно было слустить его прямо въ нижній амбаръ, и распорядившись этимъ и оторвавъ отсюда двухъ рабочихъ для посява клевера, Левинъ успокоился отъ досады на прикащика. Да и день былъ такъ хорошъ что нельзя было сердиться.

— Играть! крикнулъ онъ кучеру, который съ засученными рукавами, у колодца, обмывалъ коляску. — Осѣдай мнѣ...

— Кого прикажите?

— Ну хоть Коалика.

— Слушаю-съ.

Пока сѣдали лошадь, Левинъ опять подозвалъ вертѣвшася на виду прикащика, чтобы помириться съ нимъ и сталъ говорить ему о предстоящихъ весеннихъ работахъ и хозяйственныхъ планахъ. Возку навоза начать раньше, чтобы до ранняго покоса все было кончено. А лаугами пахать безъ отрыву дальше поле, такъ чтобы продержать его чернымъ паромъ. Покосы убрать всѣ не исполу, а работниками.

Прикащикъ слушалъ внимательно и видимо дѣлавъ усилія чтобъ одобрять предложенія хозяина; но онъ все-таки имѣлъ столь знакомый Левину, и всегда раздражающій его, безнадежный и унылый видъ. Видъ этотъ говорилъ: все это хорошо, да какъ Богъ дастъ.

Ничто такъ не огорчало Левина какъ этотъ тонъ. Но такой тонъ былъ общій всѣхъ прикащиковъ, сколько ихъ у него перебивало. У всѣхъ было то же отношеніе къ его предположеніямъ, и потому онъ теперь уже не сердился, но огорчался и чувствовалъ себя еще болѣе возбужденнымъ для борьбы съ этою какою-то стихійною силой, которую онъ иначе не умѣлъ назвать какъ: „что Богъ дастъ“, и которая постоянно противопоставлялась ему.

— Какъ услѣдемъ, Константинъ Дмитричъ, сказалъ прикащикъ.

— Отчего же не услѣдете?

— Рабочихъ надо непременно нанять еще человекъ пятнадцать. Вотъ не приходятъ. Нынче были, по семидесяти рублей на лѣто просятъ.

Левинъ замолчалъ. Опять противопоставлялась эта сила. Онъ зналъ что сколько они ни пытались, они не могли нанять больше сорока, тридцати семи, тридцати восьми рабочихъ за настоящую цѣну; сорокъ навимались, а больше нѣтъ. Но все-таки онъ не могъ не бороться.

— Пошлите въ Суры, въ Чесфировку, если не придутъ. Надо искать.

— Послать пошлю, уныло сказалъ Василій Федоровичъ.— Да вотъ и лошади слабы стали.

— Прикулимъ. Да вѣдь я знаю, прибавилъ онъ смѣясь,—вы все поменьше, да лохуже; но я нынѣшній годъ ужъ не дамъ вамъ по-своему дѣлать. Все буду самъ.

— Да вы и то, кажется, мало слите. Намъ веселѣй какъ у хозяина на глазахъ....

— Такъ за Березовымъ Доломъ разсѣваютъ клеверъ? Поѣду посмотрю, сказалъ онъ, садясь на маленькаго будаваго Коллика, подведеннаго кучеромъ.

— Черезъ ручей не проѣдете, Константинъ Дмитричъ, крикнулъ кучеръ.

— Ну такъ лѣсомъ.

И бойкою иноходью доброй, застоявшейся лошадки, похрапывающей надъ лужами и попрашивающей поводья, Левинъ поѣхалъ по грязи двора за ворота и въ поле.

Если Левину весело было на скотномъ и житномъ дворахъ, то ему еще стало веселѣе въ полѣ. Мѣрно покачиваясь на иноходи добраго конька, вливая теплый со свѣжестью запахъ снѣга и воздуха при проѣздѣ черезъ лѣсъ, по оставше-

муса кое-гдѣ проховому осовывавшемуся снѣгу съ расплывшими слѣдами, онъ радовался на каждое свое дерево съ оживавшемъ на корѣ его мохомъ и съ налупшими почками. Когда онъ выѣхалъ за лѣсъ, предъ нимъ, на огромномъ пространствѣ, раскинулись ровнымъ бархатнымъ ковромъ зелена, безъ одной лѣвшины и вымочки, только кое-гдѣ въ лощинахъ залатанные остатками тающего снѣга. Его не разсердили ни видъ крестьянской лошади и стригуна, толтавшихъ его зелена (онъ велѣлъ согнать ихъ встрѣтившемуся мужику), ни насмѣшливый и глупый отвѣтъ мужика Ипата, котораго онъ встрѣтилъ и спросилъ: „Что Ипатъ, скоро снѣтъ?“ „Надо прежде вспахать, Константинъ Дмитричъ“, отвѣчалъ Ипатъ. Чѣмъ дальше онъ ѣхалъ, тѣмъ веселѣе ему становилось, и хозяйственные планы одинъ лучше другаго представлялись ему: обсадить всѣ поля лозинами по полуденнымъ линиямъ, такъ чтобы не залеживался снѣгъ подъ ними; перерѣзать на шесть полей навозныхъ и три запасныхъ съ травосѣяніемъ, выстроить скотный дворъ на дальнемъ концѣ поля и вырыть прудъ, а для удобренія устроить переносныя загороди для скота. И тогда 300 десятинъ пшеницы, 100 картофеля и 150 клевера, и ни одной истощенной десятины.

Съ такими мечтами, осторожно поворачивая лошадь межами чтобы не топтать свои зелена, онъ подѣхалъ къ работникамъ разсѣвавшимъ клеверъ. Телѣга съ сѣменами стояла не на рубежѣ, а на латнѣ, и пшеничная озимъ была изрыта колесами и исколана лошадыю. Оба работника сидѣли на мѣхѣ, вѣроятно раскуривая общую трубку. Земля въ телѣгѣ съ которою смѣшаны были сѣмена была не размята, а слежалась или смерзлась комьями. Увидавъ хозяина, Василій работникъ пошелъ къ телѣгѣ, а Митка принялся разсѣвать. Это было не хорошо, но на рабочихъ Левинъ рѣдко сердился. Когда Василій подошелъ, Левинъ велѣлъ ему отвезти лошадей на рубежъ.

— Ничего, сударь, затынетъ, отвѣчалъ Василій.

— Пожалуйста не разсуждай, сказалъ Левинъ.— А дѣлай что говорятъ.

— Слушаю-съ, отвѣчалъ Василій и взялся за голову лошади.— А ужъ снѣтъ, Константинъ Дмитричъ, сказалъ онъ, заискивая, — первый сортъ. Только ходить страсть! По лудовику на лалтѣ волочешь.

— А отчего у васъ земля не просѣянная? сказалъ Левинъ.

— Да мы разминаемъ, отвѣчалъ Василій, набирая сѣмянъ и въ ладожахъ растирая землю.

Василій не былъ виноватъ что ему насыпали не просѣянной земли, но все-таки было досадно.

Ужь не разъ испытывъ съ пользою извѣстное ему средство заглушать свою досаду и все кажущееся дурнымъ сдѣлать опять хорошимъ, Левинъ и теперь употребилъ это средство. Онъ посмотрѣлъ какъ шагала Мишка, ворочая огромныя комья земли налилавшей на каждой ногѣ, слѣзъ съ лошади, взялъ у Василья сѣвалку и пошелъ разсѣвать. — Гдѣ ты остановился?

Василій указалъ на мѣтку ногой, и Левинъ пошелъ какъ умѣлъ высѣвать землю съ сѣменами. Ходить было трудно какъ по болоту, и Левинъ, пройдя леху, запотѣлъ и, остановившись, отдалъ сѣвалку.

— Ну баринъ, на лѣто чуръ меня не ругать за эту леху, сказалъ Василій.

— А что? весело сказалъ Левинъ, чувствуя уже дѣйствительность употребленнаго средства.

— Да вотъ посмотрите на лѣто. Отличится. Вы гляньте-ка, гдѣ я сѣялъ прошлую весну. Какъ рассадил! Вѣдь я, Константинъ Дмитричъ, кажется вотъ какъ отцу родному стараюсь. Я и самъ не люблю дурно дѣлать и другимъ не вѣжаю. Хозяину хорошо, и намъ хорошо. Какъ глянешь вонъ, сказалъ Василій указывая на поле, — сердце радуется.

— А хороша весна, Василій.

— Да ужъ такая весна, старики не заломнать. Я вотъ дома былъ, тамъ у насъ старикъ тоже лшеницы три осминика посѣялъ. Такъ сказываетъ ото ржей не отащивъ.

— А вы давно стали сѣять лшеницу?

— Да вы-жь научили позалѣтошный годъ; вы же маѣ двѣ мѣры пожертвовали. Четверть продали, да три осминика посѣяли.

— Ну смотри же, растирай комья-то, сказалъ Левинъ подходя къ лошади, — да за Мишкой смотри. А хорошій будетъ всходъ, тебѣ по пятидесяти колѣекъ за десятину.

— Благодаримъ покорно. Мы вами, кажется, и такъ много довольны.

Левинъ слѣзъ на лошадь и поѣхалъ на поле гдѣ былъ прошлагодній клеверъ, и на то которое плугомъ было приготовлено подъ яровую лшеницу.

Всходъ клевера по жневию былъ чудесный. Онъ ужь весь отжилъ и твердо зеленѣлъ изъ-за послемаяныхъ прошлогоднихъ стеблей липеницы. Лопадь вязла по стулицу, и каждая нога ея чмокала, вырываясь изъ полуоттаявшей земли. По лужной лахотѣ и вовсе нельзя было проѣхать: только тамъ и держало гдѣ былъ ледокъ, а въ оттаявшихъ бороздахъ нога вязла выше стулицы. Пахота была превосходная; черезъ два дня можно будетъ бороновать и сѣять. Все было прекрасно, все было весело. Назадъ Левинъ поѣхалъ черезъ ручей, надѣясь что вода сбывла. И действительно онъ переѣхалъ и вслугнулъ двухъ утокъ. Должны быть и вальдшнепы, подумалъ онъ, и какъ разъ у поворота къ дому встрѣтилъ лѣснаго караульщика, который подтвердилъ его предложеніе о вальдшнепахъ.

Левинъ поѣхалъ рысью домой, чтобъ успѣть пообѣдать и приготовить ружье къ вечеру.

XIII.

Подъѣзжая домой въ самомъ веселомъ расположеніи духа, Левинъ услышалъ колокольчикъ со стороны главнаго подъѣзда къ дому. „Да это съ желѣзной дороги“, подумалъ онъ, „самое время московскаго поѣзда... Кто бы это? Что если это братъ Николай? Онъ вѣдь сказалъ: можетъ-быть уѣду на воды, а можетъ-быть къ тебѣ пріѣду.“ Ему страшно и неприятно стало въ первую минуту что присутствіе брата Николая разстроитъ это его счастливое весеннее расположеніе. Но ему стало стыдно за это чувство, и тотчасъ же онъ какъ бы раскрылъ свои душевныя объятія и съ умилеюною радостью ожидалъ и желалъ теперь всею душой чтобъ это былъ братъ. Онъ тронулъ лошадь и, выѣхавъ за акацію, увидалъ подъѣзжавшую ямскую тройку съ желѣзнодорожной станціи и господина въ шубѣ. Это не былъ братъ. „Ахъ, еслибы кто-нибудь пріятный человекъ съ кѣмъ бы поговорить“, подумалъ онъ.

— А! радостно прокричалъ Левинъ поднимая обѣ руки къверху. — Вотъ радостный-то гость! Ахъ, какъ я радъ тебѣ! вскрикнулъ онъ, узнавъ Степана Аркадьича.

„Узнаю вѣрно, вышла ли или когда выходить замужъ“, подумалъ онъ.

И въ этотъ прекрасный весенній день онъ почувствовалъ что воспоминанье о ней совсѣмъ не больно ему.

— Чтò, не ждалъ? сказалъ Степанъ Аркадьевичъ вытѣрая изъ саней, съ комкомъ грязи на переносицѣ, на щекѣ и брови, но сияющій весельемъ и здоровьемъ.—Пріѣхалъ тебя видѣть, разъ, сказалъ онъ обнимая и цѣлуя его.—На тягѣ постоять, два, и лѣсъ въ Ергушовѣ продать, три.

— Прекрасно! А какова весна? Какъ это ты на саняхъ доѣхалъ?

— Въ телѣгѣ еще хуже, Константинъ Дмитричъ, отвѣчалъ знакомый ямщикъ.

— Ну, я очень, очень радъ тебѣ, искренно улыбаясь дѣтски-радостною улыбкой сказалъ Левинъ.

Левинъ провелъ своего гостя въ комнату для пріѣзжихъ, куда и были внесены элегантныя вещи Степана Аркадьевича, мѣшокъ, ружье, сигарочница, и оставивъ его умываться и переодѣваться, самъ пока прошелъ въ контору сказать о лахотѣ и клеверѣ. Агаея Михайловна, всегда очень озабоченная о чести дома, встрѣтила его въ передней вопросами на счетъ обѣда.

— Какъ хотите дѣлайте, только поскорѣй, сказалъ онъ, и пошелъ къ прикащику.

Когда онъ вернулся, Степанъ Аркадьевичъ, вымытый, расчесанный и сияя улыбкой, выходилъ изъ своей двери, и они вмѣстѣ пошли на верхъ.

— Ну, какъ я радъ что добрался до тебя! Теперь я пойму въ чемъ состоятъ тѣ таинства которыя ты тутъ совершаешь. Но вѣтъ, право, я завидую тебѣ. Какой домъ, какъ славно все! Свѣтло, весело! говорилъ Степанъ Аркадьевичъ, забывая что не всегда бываетъ весна и ясные дни какъ нынче.—И твоя нянюшка какая прелесть! Желательнѣе было бы хорошенькую горничную въ фартучкѣ; но съ твоимъ монашествомъ и строгимъ стилемъ, — это очень хорошо.

Степанъ Аркадьевичъ разказалъ много интересныхъ новостей и въ особенности интересную для Левина новость что братъ его Сергѣй Ивановичъ собирался на нынѣшнее лѣто къ нему въ деревню.

Ни одного слова Степанъ Аркадьевичъ не сказалъ про Кити и вообще Щербацкихъ, только передалъ поклонъ жены. Левинъ былъ ему благодаренъ за его деликатность и былъ очень радъ гостю. Какъ всегда, у него, за время его уедине-

ня, набралось пропастъ мыслей и чувствъ, которыхъ онъ не могъ передать окружающимъ, и теперь онъ изливалъ въ Степана Аркадьевича и повѣстическую радость весны, и неудачи, и планы хозяйства, и мысли, и замѣчанія о книгахъ которыя онъ читалъ, и въ особенности идею своего сочиненія, основу котораго, хотя онъ самъ не замѣчалъ этого, составляла критика всѣхъ старыхъ сочиненій о хозяйствѣ. Степанъ Аркадьевичъ, всегда милый, понимающій все съ намека, въ этотъ прїѣздъ былъ особенно милъ, и Левинъ замѣтилъ въ немъ еще новую льстившую ему черту уваженія и какъ будто вѣжности къ себѣ.

Старанія Агаеи Михайловны и повара чтобъ обѣдъ былъ особенно хорошъ имѣли своимъ послѣдствіемъ только то что оба проголодавшіеся пріятели, подѣвъ къ закускѣ, наѣлись хлѣба съ масломъ, полотка и соленыхъ грибовъ, и еще то что Левинъ велѣлъ подавать супъ безъ пирожковъ, которыми поваръ хотѣлъ особенно удивить гостя. Но Степанъ Аркадьевичъ, хотя и привыкшій къ другимъ обѣдамъ, все находилъ превосходнымъ: и травникъ, и хлѣбъ, и масло, и особенно полотокъ, и грибки, и крапивные щи, и курица подъ бѣлымъ соусомъ, и бѣлое крымское вино, все было превосходно и чудесно.

— Отлично, отлично, говорилъ онъ, закуривая толстую папиросу послѣ жаркаго.—Я къ тебѣ точно съ парохода послѣ шума и тряски на тихій берегъ вышелъ. Такъ ты говоришь что самый элементъ рабочаго долженъ быть изучаемъ и руководить въ выборѣ пріемовъ хозяйства. Я вѣдь въ этомъ профанъ; но мнѣ кажется что теорія и приложение ея будетъ имѣть вліяніе и на рабочаго.

— Да, но лстой: я говорю не о политической экономіи, а говорю о наукѣ хозяйства. Она должна быть какъ естественныя науки и наблюдать данныя явленія и рабочаго съ его экономическимъ, этнографическимъ....

Въ это время вошла Агаея Михайловна съ вареньемъ.

— Ну, Агаея Федоровна, сказалъ ей Степанъ Аркадьевичъ, цѣлуя кончики своихъ лухлыхъ пальцевъ,—какой полотокъ у васъ, какой травничокъ!... А что не порали, Костя? прибавилъ онъ.

Левинъ взглянулъ въ окно на слускавшееся за оголенныя макушки лѣса солнце.

— Пора, пора, сказалъ онъ. — Кузьма, закладывать ливейку!—и побѣжалъ внизъ.

Степанъ Аркадьевичъ, сойдя внизъ, самъ аккуратно снялъ парусинный чохоль съ лакированного ящика, и отворивъ его, сталъ собирать свое дорогое, новаго фасона, ружье. Кузьма, уже чувшій большую дачу на водку, не отходилъ отъ Степана Аркадьевича и надѣвалъ ему и чулки и сапоги, что Степанъ Аркадьевичъ охотно предоставлялъ ему дѣлать.

— Прикажи, Костя, если прѣдетъ Рябининъ купецъ.... я ему велѣлъ нынче прѣхать, принять и подождать....

— А ты развѣ Рябинину продаешь лѣсъ?

— Да. Ты развѣ знаешь его?

— Какже, знаю. Я съ нимъ имѣлъ дѣла „положительно и окончательно“.

Степанъ Аркадьевичъ засмѣялся. „Окончательно и положительно“ были любимыя слова купца.

— Да, онъ удивительно смѣшно говоритъ. Поняла куда хозяинъ идетъ, прибавилъ онъ, потрепавъ рукой Ласку, которая, подвизгивая, вилась около Левина и лизала то его руку, то его сапоги и ружье.

Долгуша стояла уже у крыльца когда они вышли.

— Я велѣлъ заложить, хотя не далеко; а то лѣшкомъ проидемъ.

— Нѣтъ, лучше поѣдемъ, сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, подходя къ долгушѣ. Онъ сѣлъ, обвернулъ себѣ ноги тигровымъ пладомъ и закурилъ сигару.—Какъ это ты не куришь! Сигара это такое, не то что удовольствіе, а вѣнецъ и признакъ удовольствія. Вотъ это жизнь! Какъ хорошо! Вотъ бы какъ я желалъ жить!

— Да кто же тебѣ мѣшаетъ? улыбаясь сказалъ Левинъ.

— Нѣтъ, ты счастливый человекъ. Все что ты любишь у тебя есть. Лошадей любишь,—есть, собаки есть, охота есть, хозяйство есть.

— Можетъ-быть оттого что я радуюсь тому что у меня есть и не тужу о томъ чего нѣту, сказалъ Левинъ, вспоминая о Кити.

Степанъ Аркадьевичъ понялъ, поглядѣвъ на него, но ничего не сказалъ.

Левинъ былъ благодаренъ Облонскому за то что тотъ, со своимъ всегдашнимъ тактомъ, замѣтивъ что Левинъ боялся разговора о Щербацкихъ, ничего не говорилъ о нихъ; но

теперь Левину уже хотѣлось узнать то что его такъ мучило, но онъ не смѣлъ заговорить.

— Ну что твои дѣла какъ? То-есть сердечныя? сказалъ Левинъ, улыбаясь.

Глаза Степана Аркадьевича весело заблестѣли.

— Ты вѣдь не признаешь чтобы можно было любить кака-чи когда есть отсылной лаекъ; по твоему это преступленіе. А я не признаю жизни безъ любви. Что жъ дѣлать, я такъ сотворюсь. И право, такъ мало дѣлается этимъ кому-нибудь зла, а себѣ столько удовольствія....

— Что жъ, или новое что-нибудь? спросилъ Левинъ.

— Зачѣмъ тебѣ знать?.. Вотъ видишь ли, ты знаешь тиль же женщинъ Оссеиановскихъ.... женщинъ которыхъ видишь во снѣ.... Вотъ эти женщины бываютъ на яву.... и эти женщины ужасны. Женщина, видишь ли, это такой предметъ что сколько ты ни изучай ее, все будетъ совершенно новое.

— Такъ ужъ лучше не изучать.

— Нѣтъ. Какой-то математикъ сказалъ что наслажденіе не въ открытіи истины, но въ исканіи ея.

Левинъ слушалъ молча, и несмотря на всѣ усилія которыя онъ дѣлалъ надъ собой, онъ никакъ не могъ перенестись въ душу своего пріятели и лонять его чувства и зрелости изученія женщины.

XIV.

Мѣсто тяги было недалеко надъ рѣчкой въ мелкомъ осинаикѣ. Подѣхавъ къ лѣсу, Левинъ слѣзъ и провелъ Облонскаго на уголь мшистой и толкой полянки, уже освободившейся отъ снѣга. Самъ онъ вернулся на другой край, къ двойшаткѣ-березѣ, и прислонивъ ружье къ развилкѣ сухаго лижняго сучка, перелоясался и приготовился.

Старая, сѣдая Ласка, ходившая за ними слѣдомъ, слѣла осторожно противъ него и насторожила уши. Солнце спускалось за крупный лѣсъ; и на свѣтѣ зари, березки, разсыпанныя по осинаику, отчетливо рисовались своими висящими вѣтвями съ надутыми, готовыми лопнуть, почками.

Изъ частаго лѣсу, гдѣ оставался еще снѣгъ, чуть слышно текла еще извилистыми узкими ручейками вода. Мелкія лтицы щебетали и изрѣдка пролетали съ дерева на дерево. Собачонка, недалеко въ караулкѣ, слышавъ грохотъ отъ възвѣзшей линеики, улорно лаяла, мѣшая слушать.

Когда все затихало на мгновенье, то напряженный слухъ внималъ шороху прошлогоднихъ листьевъ, шевелившихся отъ таенья земли и отъ росту травъ.

Каково! Слышно и видно какъ трава растетъ, сказалъ себѣ Левинъ, замѣтивъ двинувшійся грифельнаго цвѣта мокрый осиновый листъ подлѣ иглы молодой травы. Онъ стоялъ, слушалъ и глядѣлъ внизъ то на мокрую ишистую землю, то на прислушивающуюся Ласку, то на разстилавшееся предъ нимъ подъ горою море оголенныхъ макушъ лѣса, то на подернутое бѣлыми полосками тучъ, тускнѣвшее небо. Ястребъ, неслѣшно махая крыльями, пролетѣлъ высоко надъ дальнимъ лѣсомъ; другой точно также пролетѣлъ въ томъ же направленіи и скрылся. Птицы все громче и хлопотливѣе щебетали въ чащѣ. Недалеко заревѣлъ филинъ, и Ласка, вздрогнувъ, переступила осторожно нѣсколько шаговъ, и склонивъ на бокъ голову, стала прислушиваться. Изъ-за рѣчки послышалась кукушка. Она два раза прокуковала обычнымъ крикомъ, а потомъ захрипѣла, заторопилась и залуталась.

— Каково! ужъ кукушка! сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, выходя изъ-за куста.

— Да, я слышалъ, отвѣчалъ Левинъ, съ неудовольствіемъ нарушая тишину лѣса своимъ, неприятнымъ самому себѣ, голосомъ. — Теперь скоро.

Фигура Степана Аркадьевича опять зашла за кустъ, и Левинъ видѣлъ только яркій огонекъ спички, вслѣдъ затѣмъ замѣнившійся краснымъ углемъ папирасы и синимъ дымкомъ.

Чикъ! чикъ! щелкнули взводимые Степаномъ Аркадьевичемъ курки.

— А это что кричитъ? спросилъ Облонскій обращая вниманіе Левина на протяжное гуканье, какъ будто тонкимъ голоскомъ, шала, ржалъ ребенокъ.

— А, это не знаешь! Это заяцъ самецъ. Да будетъ говорить! Слушай, летить! почти вскрикнулъ Левинъ, взводя курки.

Послышался дальній, тонкій свистокъ, и ровно въ тотъ обычный тактъ, столь знакомый охотнику, чрезъ двѣ секунды—другой, третій, и за третьимъ свисткомъ уже слышно стало хорканье.

Левинъ кинулъ глазами направо, налѣво, и вотъ предъ нимъ на мутно-голубомъ небѣ, надъ сливающимися, нѣжными лобѣгами макушекъ осинъ, показалась летящая птица. Она

летѣла прямо на него, звуки храла раздались надъ самымъ ухомъ, уже виденъ былъ длинный носъ и шея птицы, и въ ту минуту какъ Левинъ приложился, изъ-за куста гдѣ стоялъ Облонскій блеснула красная молнія, птица какъ стрѣла спустилась и взмыла опять къверху. Опять блеснула молнія и послышался ударъ; и трепля крыльями, какъ бы стараясь удержаться на воздухѣ, птица остановилась, постояла мгновенье, и тяжело шлепнулась о толкую землю.

— Неужели промахъ? крикнулъ Степанъ Аркадьевичъ, которому изъ-за дыму не видно было.

— Вотъ онъ! сказалъ Левинъ указывая на Ласку, которая, подавая одно ухо и высоко махая кончикомъ пушистаго хвоста, тихимъ шагомъ, какъ бы желая продлить удовольствіе и какъ бы улыбаясь, подносила убитую птицу къ хозяину. — Ну я радъ что тебѣ удалось, сказалъ Левинъ, вмѣстѣ съ тѣмъ уже испытывая чувство зависти что не ему удалось убить этого вальдшнепа.

— Скверный промахъ изъ праваго ствола, отвѣчалъ Степанъ Аркадьевичъ, заряжая ружье. — Шш.... летить.

Дѣйствительно, слышались пронзительные, быстро сдѣлавшіе одинъ за другимъ свистки. Два вальдшнепа, играя и догоняя другъ-друга, и только свистя, а не хоркая, налетѣли на самую голову охотниковъ. Раздались четыре выстрѣла и, какъ ласточки, вальдшнепы дали быстрый заворотъ и исчезли изъ виду.

Тага была прекрасная. Степанъ Аркадьевичъ убилъ еще двѣ штуки, и Левинъ двухъ, изъ которыхъ одного не нашелъ. Стало темнѣть. Ясная, серебряная Венера низко на западѣ уже сіяла изъ-за березокъ своимъ нѣжнымъ и сильнымъ блескомъ, и высоко на востокѣ уже переливался своими красными огнями мрачный Арктурусъ. Надъ головой у себя Левинъ ловилъ и терялъ звѣзды Медвѣдицы. Вальдшнепы уже перестали летать; но Левинъ рѣшилъ подождать еще, пока видная ему ниже сучка березы Венера перейдетъ выше его и когда ясны будутъ вездѣ звѣзды Медвѣдицы. Венера перешла уже выше сучка, колесница Медвѣдицы съ своимъ дышломъ была уже вся видна на темносинемъ небѣ, но онъ все еще ждалъ.

— Не пора ли? сказалъ Степанъ Аркадьевичъ.

Въ лѣсу уже было тихо, и ни одна птичка не шевелилась.

— Постоимъ еще, отвѣчалъ Левинъ.

— Какъ хочешь.

Они стояли теперь шагахъ въ пятнадцать другъ отъ друга.

— Стива! вдругъ неожиданно сказалъ Левинъ:— что жъ ты мнѣ не скажешь, вышла твоя сволченица замужъ или когда да выходить?

Левинъ чувствовалъ себя столь твердымъ и спокойнымъ что никакой отвѣтъ, онъ думалъ, не могъ бы взволновать его. Но онъ никакъ не ожидалъ того что отвѣчалъ Степанъ Аркадьевичъ.

— И не думала, и не думаетъ выходить замужъ, а она очень больна, и доктора послали ее за границу. Даже боятъ за ея жизнь.

— Что ты! вскрикнулъ Левинъ.— Очень больна? Что же с ней? Какъ она....

Въ то время какъ они говорили это, Ласка, насторожив уши, оглядывалась вверхъ на небо и укоризненно на нихъ. „Вотъ нашли время разговаривать“, думала она. „А она летитъ... Вотъ онъ, такъ и есть. Прозвываютъ“... думала Ласка.

Но въ это самое мгновенье оба вдругъ услышали пронзительный свистъ, который какъ будто стегнулъ ихъ по уху и оба вдругъ схватились за ружья, и двѣ молніи блеснули, два удара раздались въ одно и то же мгновенье. Высоко летѣвшій вальдшнепъ мгновенно сложилъ крылья и упалъ въ чащу, пригибая тоякіе побѣги.

— Вотъ отлочно! Общій, вскрикнулъ Левинъ, и побѣжалъ съ Лаской въ чащу отыскивать вальдшнепа. „Ахъ да, о чемъ это непріятно было“, вспоминалъ онъ. „Да, больна Кити... Что жъ дѣлать, очень жаль“, думалъ онъ.

— А, наша! Вотъ умица, сказалъ онъ, вынимая изъ рта Ласки теплую птицу и кладя ее въ полный почти ягташъ. Нашель, Стива! крикнулъ онъ.

XV.

Возвращаясь домой Левинъ разспросилъ всѣ подробности о болѣзни и планахъ Щербацкихъ, и хотя ему совѣстно было признаться въ этомъ, то что онъ узналъ было пріятно ему. Пріятно и потому что была еще надежда, и еще болѣе пріятно потому что ей больно было, ей которая сдѣлала еѣ

такъ больно. Но когда Степанъ Аркадьевичъ началъ говорить о причинахъ болѣзни Кити, и уломянулъ имя Вронскаго, Левинъ перебилъ его.

— Я не имѣю никакого права знать семейныя подробности, по правдѣ сказать и никакого интереса.

Степанъ Аркадьевичъ чуть замѣтно улыбнулся уловивъ мгновенную и столь знакомую ему перемѣну въ лицѣ Левина, сдѣлавшагося столь же мрачнымъ сколько онъ былъ веселъ минуту тому назадъ.

— Ты уже совсѣмъ кончилъ о лѣсѣ съ Рябининымъ? спросилъ Левинъ.

— Да, кончилъ. Цѣна прекрасная, тридцать восемь тысячъ. Восемь впередъ, а остальные на шесть лѣтъ. Я долго съ этимъ возился. Никто больше не давалъ.

— Это значитъ ты даромъ отдалъ лѣсъ, мрачно сказалъ Левинъ.

— То-есть почему же даромъ? съ добродушною улыбкой сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, зная что теперь все будетъ вехорошо для Левина.

— Потому что лѣсъ стоить по крайней мѣрѣ пятьсотъ рублей за десятину, отвѣчалъ Левинъ.

— Ахъ, эти мнѣ сельскіе хозяева! шутиливо сказалъ Степанъ Аркадьевичъ.—Этотъ вашъ тонъ презрѣнія къ нашему брату городскимъ!... А какъ дѣло сдѣлать, такъ мы лучше всегда сдѣлаемъ. Повѣрь что я все разчелъ, сказалъ онъ,—и лѣсъ очень выгодно продать, такъ что я боюсь какъ бы тотъ не отказался даже. Вѣдь это не обидной лѣсъ, сказалъ Степанъ Аркадьевичъ желая словомъ *обидной* совсѣмъ убѣдить Левина въ несправедливости его сомнѣній,—а дровяной больше. И станетъ не больше тридцати сажень на десятину, а онъ далъ мнѣ по двѣсти рублей.

Левинъ презрительно улыбнулся. Знаю, подумалъ онъ, эту маверу не одного его, но и всѣхъ городскихъ жителей, которые, побывавъ раза два въ десять лѣтъ въ деревнѣ и зачѣтивъ два, три слова деревенскія, употребляютъ ихъ кста-ти и некстати, твердо увѣренные что они уже все знаютъ. *Обидной, станетъ 30 сажень.* Говорить слова, а самъ ничего не понимаетъ.

— Я не стану тебя учить тому что ты тамъ лишишь въ присутствіи, сказалъ онъ,—а если нужно, то спрошу у тебя.

А ты такъ увѣрь что понимаешь всю эту грамоту о лѣсѣ. Она трудна. Счелъ ли ты деревья?

— Какъ счестъ деревья? смѣясь сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, все желая вывести пріятеля изъ его дурнаго расположенія духа.—Сочестъ лески, лучи планетъ хотя и могъ бы умъ высокій...

— Ну да, а умъ высокій Рябинина можетъ. И ни одинъ кулець не купитъ не считая, если ему не отдають даромъ, какъ ты. Твой лѣсъ я знаю. Я каждый годъ тамъ бываю на охотѣ, и твой лѣсъ стоить пятьсотъ рублей чистыми деньгами, а онъ тебѣ далъ двѣсти въ разсрочку. Значить ты ему подарилъ тысячь тридцать.

— Ну, подво увлекаться, жалостно сказалъ Степанъ Аркадьевичъ: — отчего же никто не давалъ?

— Оттого что у него стажки съ купцами, онъ далъ отступнаго. Я со всѣми ими имѣлъ дѣла, я ихъ знаю. Вѣдь это не купцы, а барышники. Онъ и не пойдетъ на дѣло гдѣ ему предстоитъ десять, пятнадцать процентовъ, а онъ ждетъ чтобы купить за двадцать копѣекъ рубль.

— Ну, полно! Ты не въ духѣ.

— Нисколько, мрачно сказалъ Левинъ, когда они подъѣзжали къ дому.

У крыльца уже стояла туго обтянутая желѣзомъ и кожей телѣжка съ туго запряженною широкими гужами сытою лошадыю. Въ телѣжкѣ сидѣлъ туго налитой кровью и туго подпоясанный прикащикъ служившій кучеромъ Рябинину. Самъ Рябининъ былъ уже въ домѣ и встрѣтилъ пріятелей въ передней. Рябининъ былъ высокій, худоцавый человекъ среднихъ лѣтъ съ усами и бритымъ выдающимся подбородкомъ и выуклыми мутными глазами. Онъ былъ одѣтъ въ длиннополый синій сюртукъ съ пуговицами ниже зада и въ высокіхъ, сморщенныхъ на щиколкахъ и прямыхъ на краяхъ, сапогахъ, сверхъ которыхъ были надѣты большія калоши. Онъ округло вытеръ платкомъ свое лицо, и залпахнувъ сюртукъ, который и безъ того держался очень хорошо, съ улыбкой привѣтствовалъ вошедшихъ. Вытеревъ платкомъ и руку, онъ протянулъ ее къ Степану Аркадьевичу, какъ бы желая поймать что-то.

— А вотъ и вы пріѣхали, сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, отдавая ему руку.—Прекрасно.

— Не осмѣлился послушаться приказаній вашего сятель-

ства, хоть слѣшкомъ дурна дорога. Положительно всю дорогу слѣшкомъ шелъ, но явился въ срокъ. Константинъ Дмитричъ, мое почтеніе, обратился онъ къ Левину, стараясь поймать и его руку. Но Левинъ, нахмурившись, дѣлалъ видъ что не замѣчаетъ его руки и вынималъ вальдшнеповъ.—Изволили потѣшаться охотой; это какая птица значить будетъ? прибавилъ Рябининъ, презрительно глядя на вальдшнеповъ:—вкусъ, значить, имѣеть.—И онъ неодобрительно покачалъ головой, какъ бы сильно сомнѣваясь въ томъ чтобъ эта овчинка стоила выдѣлки.

— Хочешь въ кабинетъ? ирочно хмураясь сказалъ Левинъ по-французски Степану Аркадьевичу.—Пройдите въ кабинетъ, вы тамъ переговорите.

— Очень можно, куда угодно-сь, съ презрительнымъ достоинствомъ сказалъ Рябининъ, какъ бы желая дать почувствовать что для другихъ могутъ быть затрудненія какъ и съ кѣмъ обойтись, но для него никогда и ни въ чемъ не можетъ быть затрудненій.

Войдя въ кабинетъ, Рябининъ осмотрѣлся по привычкѣ, какъ бы отыскивая образъ, но найдя его не перекрестился. Онъ оглядѣлъ шкалы и полки съ книгами, и съ тѣмъ же сомнѣніемъ какъ и насчетъ вальдшнеповъ презрительно улыбнулся и неодобрительно покачалъ головой, никакъ уже не допуская чтобъ эта овчинка могла стоить выдѣлки.

— Что жъ, привезли деньги? спросилъ Облонскій.—Садитесь.

— Мы за деньгами не стоимъ. Повидаться, переговорить пріѣхалъ.

— О чемъ же переговорить? Да вы садитесь.

— Это можно, сказалъ Рябининъ, садясь и самымъ мучительнымъ для себя образомъ облачиваясь на спинку кресла.—Уступить надо, князь. Грѣхъ будетъ. А деньги готовы окончательно, до одной копѣйки. За деньгами остановки не бываетъ.

Левинъ, ставившій между тѣмъ ружье въ шкалу, уже выходилъ изъ двери, но услыжавъ слова купца, остановился.

— И такъ задаромъ лѣсъ взяли, сказалъ онъ.—Поздно онъ ко мнѣ пріѣхалъ, а то я бы цѣну назначилъ.

Рябининъ всталъ и молча, съ улыбкой поглядѣлъ снизу вверхъ на Левина.

— Очень скулы Константинъ Дмитричъ, сказалъ онъ съ улыбкой, обращаясь къ Степану Аркадьевичу,—окончательно

ничего не укулимъ. Торгоवालъ пшеницу, хорошія деньги давалъ.

— Зачѣмъ мнѣ вамъ свое даромъ давать? Я вѣдь не на землѣ нашелъ и не укралъ.

— Помилуйте, по нынѣшнему времени воровать положительно невозможно. Все окончательно по нынѣшнему времени гласное судопроизводство, все нынче благородно; а не то что воровать. Мы говорили по чести. Дорого кладутъ за лѣсъ, разчетовъ не сведешь. Прошу уступить хоть малость.

— Да кончено у васъ дѣло или нѣтъ? Если кончено, нечего торговаться, а если не кончено, сказалъ Левинъ, — я покупаю лѣсъ.

Улыбка вдругъ исчезла съ лица Рябинина. Ястребиное, хищное и жестокое выраженіе установилось на немъ. Онъ быстрыми, костлявыми пальцами разстегнулъ сюртукъ, открывъ рубаху на выпускъ, мѣдныя луговицы жилета и цѣпочку часовъ, и быстро досталъ толстый, старый бумажникъ.

— Пожалуйте, лѣсъ мой, проговорилъ онъ, быстро перекрестившись и протягивая руку. — Возьми деньги, мой лѣсъ. Вотъ какъ Рябининъ торгуетъ, а не гроши считать, заговорилъ онъ хмурясь и размахивая бумажникомъ.

— Я бы на твоёмъ мѣстѣ не торопился, сказалъ Левинъ.

— Помилуй, съ удивленіемъ сказалъ Облонскій, — вѣдь я слово далъ.

Левинъ вышелъ изъ комнаты, хлопнувъ дверью. Рябининъ, глядя на дверь, съ улыбкой покачалъ головой.

— Все молодость, окончательно ребячество одно. Вѣдь покупаю, вѣрьте чести, такъ значить для славы одной что вотъ Рябининъ, а не кто другой у князя Облонскаго рощу купилъ. А еще какъ Богъ дастъ расчеты найти. Вѣрьте Богу. Пожалуйте-съ. Условьице написать...

Черезъ часъ купецъ, аккуратно залахнувъ свой халатъ и застегнувъ крючки сюртука, съ условіемъ въ карманѣ, свѣвъ въ свою толсто окованную тележку и поѣхалъ домой.

— Охъ, эти господа! сказалъ онъ прикащику: — одинъ предметъ.

— Это какъ есть, отвѣчалъ прикащикъ, передавая ему возжи и застегивая кожаный фартукъ. — А съ покулочкой, Михаилъ Игнатьичъ?

— Ну, ну...

XVI.

Степанъ Аркадьевичъ, съ оттопыреннымъ карманомъ серій, которыя за три мѣсяца впередъ отдалъ ему купецъ, вошелъ наверхъ. Дѣло съ лѣсомъ было кончено, деньги въ карманѣ, тяга была прекрасная, и Степанъ Аркадьевичъ находился въ самомъ веселомъ расположеніи духа, а потому ему особенно хотѣлось разсвѣять дурное настроеніе нашедшее на Левина. Ему хотѣлось окончить день за ужиномъ также пріятно какъ онъ былъ начать.

Дѣйствительно, Левинъ былъ не въ духѣ, и несмотря на все свое желаніе быть ласковымъ и любезнымъ со своимъ милымъ гостемъ, не могъ преодолѣть себя. Хмѣль извѣстія о томъ что Кити не вышла замужъ понемногу начиналъ разбирать его.

Кити не замужемъ и больна, больна отъ любви къ человеку который пренебрегъ ею. Это оскорбленіе какъ будто падало на него. Вронскій пренебрегъ ею, а она пренебрегла имъ, Левинымъ. Слѣдовательно, Вронскій имѣлъ право презирать Левина, и потому былъ его врагъ. Но этого всего не думалъ Левинъ. Онъ смутно чувствовалъ что въ этомъ что-то есть оскорбительное для него; и сердился теперь не на то что разстроило его, а придирался ко всему что представлялось ему. Глухая продажа лѣса, обманъ, на который попался Облонскій и который совершился у него въ домѣ, раздражалъ его.

— Ну, кончилъ? сказалъ онъ, встрѣчая наверху Степана Аркадьевича: — хочешь ужинать?

— Да не откажусь. Какой аппетитъ у меня въ деревнѣ, чудо! Что жъ ты Рябинину не предложилъ поѣсть?

— А чортъ съ нимъ!

— Однако какъ ты обходишься съ нимъ, сказалъ Облонскій. — Ты и руки ему не подай. Отчего же не подать ему руки?

— Оттого что я лакею не подамъ руки, а лакей во сто разъ лучше.

— Какой ты, однако, ретроградъ! А сліяніе сословій? сказалъ Облонскій.

— Кому пріятно сливаться — на здоровье, а мнѣ противно.

— Ты, я вижу, рѣшительно ретроградъ.

— Право, я никогда не думалъ кто я. Я Константинъ Левинъ, больше ничего.

— И Константинъ Левинъ который очень не въ духѣ, улыбаясь сказалъ Степанъ Аркадьевичъ.

— Да, я не въ духѣ, и знаешь отчего? Отъ, извини меня, твоей глупой продажи...

Степанъ Аркадьевичъ добродушно сморщился какъ человѣкъ котораго безвинно обижаютъ и разстраиваютъ.

— Ну, полно, сказалъ овъ. — Когда бывало чтобы кто-нибудь что-нибудь продалъ и ему бы не сказали сейчасъ же послѣ продажи: „это гораздо дороже стоить“, а локуда продаютъ, никто не даетъ... Нѣтъ, я вижу у тебя есть зубъ противъ этого несчастнаго Рябинина.

— Можетъ-быть и есть. А ты знаешь за что? Ты скажешь опять что я ретроградъ или еще какое страшное слово; но все-таки мнѣ досадно и обидно видѣть это со всѣхъ сторонъ совершающееся обвѣденіе дворянства къ которому я принадлежу и, несмотря на слияніе сословій, очень радъ что принадлежу... и обвѣденіе не вслѣдствіе роскоши, это бы ничего; прожить по-барски, это дворянское дѣло, это только дворяне умѣютъ. Теперь мужики около насъ скупаютъ земли. Мнѣ не обидно. Баринъ ничего не дѣлаетъ, мужикъ работаетъ и вытѣсняетъ празднаго человѣка. Такъ должно быть. И я очень радъ мужику. Но мнѣ обидно смотрѣть на это обвѣденіе лю какой-то, не знаю какъ назвать, невинности. Тутъ арендаторъ Полякъ купилъ за полцѣны у барыни, которая живетъ въ Ниццѣ, чудесное имѣніе. Тутъ отдають кулцу въ аренду за рубль десятину земли которая стоить десять рублей. Тутъ ты безо всякой причины подарилъ этому лауту тридцать тысячъ.

— Такъ что же? считать каждое дерево?

— Непремѣнно считать. А вотъ ты не считалъ, а Рябининъ считалъ. У дѣтей Рябинина будутъ средства къ жизни и образованію, а у твоихъ пожалуй не будетъ.

— Ну, ужъ извини меня, но есть что-то мизерное въ этомъ считаньи. У насъ свои занятія, у нихъ свои, и имъ надо барыши. Ну, впрочемъ, дѣло сдѣлано и конецъ. А вотъ и глазунья, самая моя любимая яичница. И Агаея Михайловна дастъ намъ этого травничку чудеснаго...

Степанъ Аркадьевичъ сѣлъ къ столу и началъ шутить съ

Агаѣей Михайловной, увѣряя ее что такого обѣда и ужина онъ давно не ѣлъ.

— Вотъ вы хоть похвалите, сказала Агаѣя Михайловна, — а Константинъ Дмитричъ, что ему ни подай, хоть хлѣба корку, поѣлъ и пошелъ.

Какъ ни старался Левинъ преодолѣть себя, онъ былъ мраченъ и молчаливъ. Ему нужно было сдѣлать одинъ вопросъ Степану Аркадьевичу, но онъ не могъ рѣшиться и не находилъ ни формы, ни времени какъ и когда его сдѣлать. Степанъ Аркадьевичъ уже сошелъ къ себѣ внизъ, раздѣлся, олять умылся, облекся въ гофрированную ночную рубашку и легъ, а Левинъ все медлилъ у него въ комнатѣ, говоря о разныхъ лустякахъ и не будучи въ силахъ спросить что хотѣлъ.

— Какъ это удивительно дѣлаютъ мыло, сказалъ онъ, оглядывая и развертывая душистый кусокъ мыла который для гостя приготовила Агаѣя Михайловна, но который Облонскій не употребляетъ. — Ты посмотри, вѣдь это произведение искусства.

— Да, до всего дошло телерь всякое усовершенствованіе, сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, влажно и блаженно зѣвая. — Телатры налримвръ и эти увеселительныя... а-а-а! зѣвалъ онъ. — Электрическій свѣтъ вездѣ... а-а!

— Да, электрическій свѣтъ, сказалъ Левинъ. — Да. Ну а гдѣ Вронскій телерь? спросилъ онъ, вдругъ положивъ мыло.

— Вронскій? сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, остановивъ звѣвоту: — Онъ въ Петербургѣ. Уѣхалъ вскорѣ послѣ тебя и затѣмъ ни разу не былъ въ Москвѣ. И знаешь, Костя, я тебѣ правду скажу, продолжалъ онъ облокотившись на столъ и положивъ на руку свое красивое, румяное лицо, изъ котораго свѣтились какъ звѣзды масляные, добрые и сонные глаза. — Ты самъ былъ виноватъ. Ты услугался солерника. А я, какъ и тогда тебѣ говорилъ, я не знаю на чьей сторонѣ было болѣе шансовъ. Отчего ты не шелъ на проломъ? Я тебѣ говорилъ тогда что.... Онъ зѣвнулъ одними челюстями не раскрывая рта.

„Знаетъ онъ или не знаетъ что я дѣлалъ предложеніе?“ подумалъ Левинъ, глядя на него. „Да, что-то есть хитрое, дипломатическое въ его лицѣ,“ и чувствуя что краснѣетъ, онъ молча смотрѣлъ прямо въ глаза Степана Аркадьевича.

— Если было съ ея стороны что-нибудь тогда, то это было

увлеченье вѣшностью, продолжалъ Облонскій.—Этотъ, знаешь, совершенный аристократизмъ и будущее положеніе въ свѣтѣ подѣйствовали не на нее, а на мать.

Левинъ нахмурился. Оскорбленіе отказа, черезъ которое онъ прошелъ, какъ будто свѣжею, только-что полученною раной загло его въ сердцѣ. Онъ былъ дома, а дома стѣны помогаютъ.

— Пстой, пстой, заговорилъ онъ, перебивая Облонскаго.— Ты говоришь: аристократизмъ. А позволь тебя спросить въ чемъ состоитъ этотъ аристократизмъ Вронскаго или кого бы то ни было, такой аристократизмъ чтобы можно пренебречь мною? Ты считаешь Вронскаго аристократомъ, но я нѣтъ. Человѣкъ, отецъ котораго вылѣзъ изъ ничего провырствомъ, мать котораго Богъ знаетъ съ кѣмъ не была въ связи... Нѣтъ, ужъ извини, но я считаю аристократомъ себя и людей подобныхъ мнѣ, которые въ прошедшемъ могутъ указать на три, четыре честныя поколѣнія семей находившихся на высшей стелени образованія (дарованье и умъ, это другое дѣло) и которые никогда ни предъ кѣмъ не полагали, никогда ни въ комъ не нуждались, какъ жила мой отецъ, мой дѣлъ. И я знаю много такихъ. Тебѣ низко кажется что я считаю деревья въ лѣсу, а ты даришь тридцать тысячъ Рябинину; но ты получишь аренду и не знаю еще что, а я не получу и потому дорожу родовымъ и трудовымъ.... Мы аристократы, а не тѣ которые могутъ существовать только подачками отъ сильныхъ міра сего и кого купить можно за двугривенный.

— Да на кого ты? Я съ тобой согласенъ, говорилъ Степанъ Аркадьевичъ искренно и весело, хотя чувствовалъ что Левинъ подъ имеемъ тѣхъ кого можно купить за двугривенный разумѣлъ и его. Оживленіе Левина ему искренно нравилось.— На кого ты? хотя многое и не правда что ты говоришь про Вронскаго, но я не про то говорю. Я говорю тебѣ прямо, а на твоёмъ мѣстѣ лобхалъ бы со мной въ Москву и....

— Нѣтъ, я не знаю знаешь ли ты или нѣтъ, но мнѣ все равно. И я скажу тебѣ, я сдѣлалъ предложеніе и получалъ отказъ, и Катерина Александровна для меня теперь тяжелое и постыдное воспоминанье.

— Отчего? Вотъ вздоръ!

— Но не будемъ говорить. Извини меня пожалуйста если я былъ грубъ съ тобой, оказалъ Левинъ. Теперь, вы-

сказавъ все, онъ опять сталъ тѣмъ какимъ былъ поутру. — Ты не сердись на меня, Стива? пожалуйста не сердись, сказалъ онъ и, улыбаясь, взялъ его за руку.

— Да нѣтъ, нисколько и не за что. Я радъ что мы обшлись. А знаешь, утренняя тяга бываетъ хороша. Не лѣзть ли? Я бы такъ и не спалъ, а прямо съ тяги на станцію.

— И прекрасно.

XVII.

Несмотря на то что вся внутренняя жизнь Вронскаго была наполнена его страстью, внѣшняя жизнь его неизмѣнно и неудержимо катилась по прежнимъ, привычнымъ рельсамъ свѣтскихъ и полковыхъ связей и интересовъ. Полковые интересы занимали важное мѣсто въ жизни Вронскаго и потому что онъ любилъ полкъ, и еще болѣе потому что его любили въ полку. Въ полку не только любили Вронскаго, но его уважали и гордились имъ, гордились тѣмъ что этотъ человекъ, огромно-богатый, съ прекраснымъ образованіемъ и способностями, съ открытою дорогою ко всякаго рода успѣху и честолюбію, и тщеславію, пренебрегалъ этимъ всѣмъ и изъ всѣхъ жизненныхъ интересовъ ближе всего принималъ къ сердцу интересы полка и товарищества. Вронскій признавалъ этотъ взглядъ на себя товарищей, и кромѣ того что любилъ эту жизнь, чувствовалъ себя обязаннымъ поддерживать установившійся на него взглядъ.

Само собою разумѣется что онъ не говорилъ ни съ кѣмъ изъ товарищей о своей любви, не проговаривался и въ самыхъ сильныхъ попойкахъ (впрочемъ онъ никогда не бывалъ такъ пьянъ чтобы терять власть надъ собой) и затыкалъ ротъ тѣмъ изъ легкомысленныхъ товарищей которые пытались намекать ему на его связь. Но несмотря на то, его любовь была извѣстна всему городу: всѣ болѣе или менѣе вѣрно догадывались объ его отношеніяхъ къ Карениной; большинство молодыхъ людей завидовали ему именно въ томъ что было самое тяжелое въ его любви,—въ высокомъ положеніи Каренина и потому въ выставленности этой связи для свѣта.

Большинство молодыхъ женщинъ завидовавшихъ Аннѣ, которымъ уже давно наскучило то что ее *называютъ справедливо*, радовались тому что онъ предполагали, и ждали только подтвержденія оборота общественнаго мнѣнія чтобы обру-

питься на нее всею тяжестью своего презрѣнія. Онъ приготавливали уже тѣ комки грязи которыми онъ бросать въ нее когда придетъ время. Большинство пожилыхъ людей и люди высоко поставленные были недовольны этимъ готовящимся общественнымъ скандаломъ.

Мать Вронскаго, узнавъ о его связи, сначала была довольна, и потому что ничто, по ея понятіямъ, не давало послѣдней отдѣлки блестящему молодому человѣку какъ связь въ высшемъ свѣтѣ, и потому что столь понравившаяся ей Каренина, такъ много говорившая о своемъ сынѣ, была все-таки такая же какъ и всѣ красивыя и порядочныя женщины по понятіямъ графини Вронской. Но въ послѣднее время она узнала что сынъ отказался отъ предложеннаго ему, важнаго для карьеры, положенія только съ тѣмъ чтобъ оставаться въ полку, гдѣ онъ могъ видѣться съ Карениной, узнала что имъ недовольны за это высокопоставленныя лица, и она перемѣнила свое мнѣніе. Не нравилось ей тоже то что по всему чтѣ она узнала про эту связь, это не была та блестящая, граціозная свѣтская связь какую она бы одобрила, но какая-то Вертеровская, отчаянная страсть, какъ ей разказывали, которая могла вовлечь его въ глупости. Она не видала его со времени его неожиданнаго отъѣзда изъ Москвы, и черезъ старшаго сына требовала чтобъ онъ пріѣхалъ къ ней.

Старшій братъ былъ тоже недоволенъ меньшимъ. Онъ не разбиралъ какая это была любовь, большая или маленькая, страстная или не страстная, порочная или непорочная (онъ самъ имѣя дѣтей содержалъ танцовщицу, и потому былъ свисходителемъ на это); но онъ зналъ что это любовь не нравящаяся тѣмъ кому нужно нравиться, и потому не одобрялъ поведенія брата.

Кромѣ занятій службы и свѣта, у Вронскаго было еще занятіе—лошади, до которыхъ онъ былъ страстный охотникъ.

Въ нынѣшнемъ же году назначены были офицерскія скачки съ препятствіями. Вронскій записался на скачки, купилъ англійскую кровную кобылу, и несмотря на свою любовь, былъ страстно, хотя и сдержанно, увлеченъ предстоящими скачками....

Двѣ страсти эти не мѣшали одна другой. Напротивъ, ему нужно было занятіе и увлеченіе независимое отъ его любви, на которомъ онъ освѣжался и отдыхалъ отъ слишкомъ волновавшихъ его впечатлѣній.

Въ день Красносельскихъ скачекъ, Вронскій раньше обыкновеннаго пришелъ съѣсть бифтекъ въ общую залу артели покла. Ему не нужно было очень строго выдерживать себя, такъ какъ вѣсь его какъ разъ равнялся положеннымъ четыремъ пудамъ съ половиною, но надо было и не потолстѣть, и потому онъ избѣгалъ мучнаго и сладкаго. Онъ сидѣлъ въ разстегнутомъ надъ бѣлымъ жилетомъ сюртукъ, облокотившись обѣими руками на столъ, и ожидая заказаннаго бифтека, смотрѣлъ въ книгу французскаго романа лежавшую на тарелкѣ. Онъ смотрѣлъ въ книгу только затѣмъ чтобы не разговаривать со входившими и выходившими офицерами, и думалъ.

Онъ думалъ о томъ что Анна обѣщала ему дать свиданье нынче, послѣ скачекъ. Но онъ не видалъ ея три дня и, вслѣдствіе возвращенія мужа изъ-за границы, не зналъ возможно ли это нынче или нѣтъ, и не зналъ какъ узнать это. Онъ видѣлся съ ней въ послѣдній разъ на дачѣ у кухни Бетси. На дачу же Карениныхъ онъ вѣдидъ какъ можно рѣже. Теперь онъ хотѣлъ ѣхать туда и обдумывалъ вопросъ: „Какъ это сдѣлать?“

„Разумѣется, я скажу что Бетси прислала меня спросить прїѣдетъ ли она на скачки. Разумѣется поѣду,“ рѣшилъ онъ самъ съ собой, поднимая голову отъ книги. И живо представивъ себѣ счастье увидать ее, онъ просіялъ лицомъ.

— Пошли ко мнѣ на домъ чтобы закладывали лоскорѣй коласку тройкой, сказалъ онъ слугѣ подавшему ему бифтекъ на серебряномъ горячемъ блюдѣ, и придвинувъ блюдо, сталъ ѣсть.

Въ сосѣдней бильярдной слышались удары шаровъ, говоръ и смѣхъ. Изъ входной двери появились два офицера: одинъ молоденькій, съ слабымъ, тонкимъ лицомъ, недавно поступившій изъ Пажескаго корпуса въ ихъ полкъ; другой лухлый, старый офицеръ съ браслетомъ на рукѣ и залывшими маленькими глазами.

Вронскій взглянулъ на нихъ, нахмурился и какъ будто не замѣтивъ ихъ, косясь на книгу, сталъ ѣсть и читать вмѣстѣ.

— Чтò? подкрѣпляешься на работу? сказалъ лухлый офицеръ садясь подлѣ него.

— Видишь, отвѣчалъ Вронскій хмурясь, отирая ротъ и не глядя на него.

— А не боишься лотоствѣть? сказалъ онъ, поворачивая стулъ для молоденькаго офицера.

— Что? сердито сказалъ Вронскій, дѣлая гримасу отвращенія и показывая свои сплошные зубы.

— Не боишься лотоствѣть?

— Человѣкъ, подай мой хересъ, сказалъ Вронскій не отвѣчая, и передоживъ книгу на другую сторону продолжалъ читать.

Пухлый офицеръ взялъ карту винъ и обратился къ молоденькому офицеру.

— Ты самъ выбери что будемъ пить, сказалъ онъ подавая ему карту и глядя на него.

— Пожалуй рейнвейну, сказалъ молодой офицеръ, робко косясь на Вронскаго и стараясь поймать пальцами чуть отросшіе усики. Видя что Вронскій не оборачивается, молодой офицеръ всталъ.

— Пойдемъ въ бильярдную, сказалъ онъ.

Пухлый офицеръ локорно всталъ, и они. направились къ двери.

Въ это время въ комнату вошелъ высокій и статный ротмистръ Яшвинъ и кверху, презрительно, кивнувъ головою двумъ офицерамъ, подошелъ ко Вронскому.

— А! вотъ онъ! крикнулъ онъ, крѣпко ударивъ его своею большою рукою по логону. Вронскій оглянулся сердито, но тотчасъ же лицо его просіяло свойственною ему спокойною и твердою лаской.

— Умно, Алеша, сказалъ ротмистръ громкимъ баритономъ. — Теперь поѣшь и выпей одну рюмочку.

— Да не хочется ѣсть.

— Вотъ неразлучные, прибавилъ Яшвинъ, насмѣшливо на двухъ офицеровъ, которые выходили въ это время изъ комнаты. И онъ сѣлъ подлѣ Вронскаго, согнувъ острыми углами свои слишкомъ длинныя по высотѣ стульевъ стегна и голени въ узкихъ рейтузахъ. — Что жь ты вчера не заѣхалъ въ красенькій театръ? Нумерова совсѣмъ не дурна была. Гдѣ ты былъ?

— Я у Тверскихъ засидѣлся, отвѣчалъ Вронскій.

— А! отозвался Яшвинъ.

Яшвинъ игрокъ, кутила, и не только человѣкъ безъ всякихъ правилъ, но съ безнравственными правилами, Яшвинъ былъ въ полку лучшій пріятель Вронскаго. Вронскій лю-

билъ его и за его необычайную физическую силу, которую онъ большею частью выказывалъ тѣмъ что могъ лить какъ бочка, не спать и быть все такимъ же, и за большую нравственную силу которую онъ выказывалъ въ отношеніяхъ къ начальникамъ и товарищамъ, вызывая къ себѣ страхъ и уваженіе, и въ игрѣ которую онъ велъ на десятки тысячъ, и всегда, несмотря на выпитое вино, такъ толко и твердо что считался лервымъ игрокомъ въ Англійскомъ Клубѣ. И Вронскій, несмотря на совершенно противоположныя правила, уважалъ и любилъ его, и изъ всѣхъ товарищей едва ли не въ немъ одномъ Вронскій былъ увѣренъ что онъ не завидуетъ ему и любить его не за его имя и богатство, а за него самого. И изъ всѣхъ людей съ нимъ однамъ Вронскій хотѣлъ бы говорить про свою любовь. Онъ чувствовалъ что Яшвинъ одинъ, несмотря на то что, казалось, презиралъ всякое чувство, одинъ, казалось Вронскому, могъ понимать ту сильную страсть которая теперь валопанила всю его жизнь. Кромѣ того, онъ былъ увѣренъ что Яшвинъ уже навѣрное не находитъ удовольствія въ слетѣхъ и скандалѣхъ, а понимаетъ это чувство какъ должно, то-есть знаетъ и вѣритъ что любовь — это не шутка, не забава, а дѣло, на которое какъ на одну карту поставлено все счастье жизни.

Вронскій не говорилъ съ нимъ о своей любви, но зналъ что онъ все знаетъ, все понимаетъ какъ должно, и ему пріятно было видѣть это по его глазамъ.

— А, да! сказалъ онъ на то что Вронскій былъ у Тверскихъ, и блеснувъ своими черными глазами, взялся за лѣвый усъ и сталъ заправлять его въ ротъ по своей дурной привычкѣ.

— Ну, а ты вчера что сдѣлалъ? Выигралъ? спросилъ Вронскій.

— Восемь тысячъ. Да три не хорошо, едва ли отдастъ.

— Ну такъ можешь за меня и проиграть, сказалъ Вронскій смѣясь. (Яшвинъ держалъ большое пари за Вронскаго.)

— Ни за что не проиграю. Одинъ Махотинъ оласенъ.

И разговоръ перешелъ на ожиданія нынѣшней скачки, о которой только и могъ думать теперь Вронскій.

— Пойдемъ, я кончилъ, сказалъ Вронскій, и вставъ пошелъ къ двери. Яшвинъ всталъ тоже, растянувъ свои огромныя ноги и длинную спину.

— Мнѣ обѣдать еще рано, а выпить надо. Я приду сейчасъ. Эй, вина! крикнулъ онъ своимъ знаменитымъ въ командованіи густымъ и заставлявшимъ дрожать стекла голосомъ. — Нѣтъ, не надо, тотчасъ же опять крикнулъ онъ. — Ты домою, такъ я съ тобой пойду.

И они пошли съ Бронскимъ.

XVIII.

Бронскій стоялъ въ просторной и чистой, разгороженной на двое, чухонской избѣ. Петрицкій жилъ съ нимъ вмѣстѣ и въ лагеряхъ. Петрицкій спалъ когда Бронскій съ Яшвинымъ вошли въ избу.

— Вставай, будетъ спать, сказалъ Яшвинъ, заходя за перегородку и толкая за плечо уткнувшася носомъ въ подушку вздохмаченнаго Петрицкаго.

Петрицкій вдругъ вскочилъ на колѣнки и оглянулся.

— Твой братъ былъ здѣсь, сказалъ онъ Бронскому. — Разбудилъ меня, чортъ его возьми, сказалъ что придетъ опять. — И онъ опять, натягивая одѣяло, бросился на подушку. — Да оставь же, Яшвинъ, говорилъ онъ сердясь на Яшвина тащившаго съ него одѣяло. — Оставь. — Онъ повернулся, и открылъ глаза. — Ты лучше скажи что выпить; такая гадость во рту что....

— Водки лучше всего, пробасилъ Яшвинъ. — Терещенко! водки барину и огурцовъ, крикнулъ онъ, видимо любя слушать свой голосъ.

— Водки ты думаешь? А? спросилъ Петрицкій морщась и протирая глаза: — А ты выльешь? Вмѣстѣ, такъ выльемъ. Бронскій, выльешь? сказалъ Петрицкій вставая и закутываясь подъ руками въ тигровое одѣяло.

Онъ вышелъ въ дверь перегородки, поднялъ руки и зашѣлъ по-французски: Былъ король въ Ту-у-лѣ. — Бронскій, выльешь?

— Убирайся, сказалъ Бронскій, надѣвавшій подаваемый лакеемъ сюртукъ.

— Это куда? спросилъ его Яшвинъ. — Вотъ и тройка, прибавилъ онъ увидѣвъ подѣзжавшую коляску.

— Въ конюшню, да еще мнѣ нужно къ Брянскому объ лошадяхъ, сказалъ Бронскій.

Вронскій дѣйствительно обѣщаль быть у Брянскаго, въ десяти верстахъ отъ Парголова, и привезти ему за лошадей деньги; и онъ хотѣлъ успѣть побывать и тамъ. Но товарищи тотчасъ же поняли что онъ не туда только ѣдетъ.

Петрицкій, продолжая лѣтъ, подмигнувъ глазомъ и надувъ губы, какъ бы говоря: знаемъ какой это Брянскій.

— Смотри не опоздай! сказалъ только Яшвинъ, и чтобы переменить разговоръ: — Что мой саврасый служить хорошо? спросилъ онъ, глядя въ окно, про кореннаго, котораго онъ продалъ.

— Стой! закричалъ Петрицкій уже уходившему Вронскому. — Братъ твой оставилъ письмо тебѣ и записку. Постои, гдѣ онъ?

Вронскій остановился. — Ну гдѣ же онъ?

— Гдѣ онъ? Вотъ въ чемъ вопросъ! проговорилъ торжественно Петрицкій, проводя кверху отъ носа указательнымъ пальцемъ.

— Да говори же, это глупо, улыбаясь сказалъ Вронскій.

— Камина я не топилъ. Здѣсь гдѣ-нибудь.

— Ну, полно врать! Гдѣ же письмо?

— Нѣтъ, право забылъ. Или я во снѣ видѣлъ? Постои, постои! Да что жь сердиться! Еслибы ты, какъ я вчера, выпилъ четыре бутылки на брата, ты бы забылъ гдѣ ты лежишь. Постои, сейчасъ вспомню.

Петрицкій пошелъ за перегородку и легъ на свою кровать.

— Стой! Такъ я лежалъ, такъ онъ стоялъ. Да-да-да-да... Вотъ оно! и Петрицкій вынулъ письмо изъ-подъ матраца, куда онъ запряталъ его.

Вронскій взялъ письмо и записку брата. Это было то самое что онъ ожидалъ, — письмо отъ матери съ упреками за то что онъ не пріѣзжалъ, и записка отъ брата, въ которой говорилось что нужно переговорить. Вронскій зналъ что это все о томъ же. „Что имъ за дѣло!“ подумалъ Вронскій и смявъ письма, сунулъ ихъ между луговицъ сюртука, чтобы внимательно прочесть дорогой. Въ снѣгахъ избы ему встрѣтились два офицера: одинъ ихъ, а другой другаго полка.

Квартира Вронскаго всегда была притономъ всѣхъ офицеровъ.

— Куда?

— Нужно, въ Парголово.

— А! Лошадь пришла изъ Царскаго?

— Пришла, да я не видалъ еще.

— Говорятъ Махотина Гладіаторъ захромалъ.

— Вздоръ! Только какъ вы по этой грязи поскочете? ска-
заль другой.

— Вотъ мои спасители! закричалъ, увидавъ вошедшихъ,
Петрицкій, предъ которымъ стоялъ деньщикъ съ водкой и
солевымъ огурцомъ на подносѣ.—Вотъ Яшвинъ велитъ пить
чтобъ освѣжиться.

— Ну, ужъ вы намъ задали вчера, сказалъ одинъ изъ при-
шедшихъ, — всю ночь не давали спать.

— Нѣтъ, каково мы окончили, разказывалъ Петрицкій. —
Волковъ залѣзъ на крышу и говоритъ что ему грустно. Я
говорю: давай музыку, погребальный маршъ. Онъ такъ и
заснулъ на крышѣ подъ погребальный маршъ.

— Вылей, вылей водки непременно, а потомъ сельтерской
воды и много лимона, говорилъ Яшвинъ, стоя надъ Петриц-
кимъ какъ мать заставляющая ребенка принимать лѣкарство,—
а потомъ ужъ шампанскаго немножечко, такъ, бутылочку.

— Вотъ, это умно. Пстой, Вронскій, выпьемъ.

— Нѣтъ, прощайте, господа, нынче я не пью.

— Что жъ, потяжелѣешь? Ну, такъ мы одни. Давай сель-
терской воды и лимона.

— Вронскій! закричалъ кто-то, когда онъ ужъ выходилъ
въ сѣни.

— Что?

— Ты бы волоса обстригъ, а то они у тебя тяжелы, осо-
бенно на лысинѣ.

Вронскій дѣйствительно преждевременно начиналъ лѣ-
шивѣть. Онъ весело засмѣялся, показывая свои сплошные
зубы, и надвинувъ фуражку на лысину, вышелъ и сѣлъ въ
коляску.

— Въ конюшню! сказалъ онъ и досталъ-было лисьма чтобы
прочестъ ихъ, но потомъ раздумалъ, чтобы не развлекаться
до осмотра лошади. — Потомъ....

XIX.

Временная конюшня, балаганъ изъ досокъ, была построена
подлѣ самаго гиллодрома, и туда вчера должна была быть
приведена его лошадь. Онъ еще не видалъ ея. Въ эти ло-

сѣдмѣ дни онъ самъ не ѣздилъ на проѣздки, а поручилъ тренеру, и теперь рѣшительно не зналъ въ какомъ состояніи пришла и была его лошадь. Едва онъ вышелъ изъ коляски, какъ конюхъ его (грумъ), такъ-называемый мальчикъ, узнавъ еще издалека его коляску, вызвалъ тренера. Сухой Англичанинъ въ высокихъ сапогахъ и въ короткой жакеткѣ, съ клячкомъ волосъ оставленнымъ только подъ подбородкомъ, неутомлю походкой жокеевъ, растопыривая локти и раскачиваясь, вышелъ навстрѣчу.

— Ну что Фру-Фру? спросилъ Вронскій по-англійски.

— All right, sir—все исправно, сударь,—гдѣ-то внутри горла проговорилъ голосъ Англичанина. — Лучше не ходите, прибавилъ онъ поднимая шляпу. — Я надѣлъ намордникъ, и лошадь возбуждена. Лучше не ходить, это тревожить лошадь.

— Нѣтъ, ужъ я войду. Мнѣ хочется взглянуть.

— Пойдемъ, все также не открывая рта, нахмурившись, сказалъ Англичанинъ и размахивая локтями пошелъ вперекъ своею развинченною походкой.

Она вошли въ дворикъ предъ бараккомъ. Дежурный, въ чистой курткѣ, нарядный, молодцоватый мальчикъ, съ метлой въ рукѣ, встрѣтилъ входившихъ и пошелъ за ними. Въ баракѣ стояло лять лошадей по денникамъ, и Вронскій зналъ что тутъ же нынче долженъ быть приведенъ и стоитъ его главный соперникъ, рыжій, лятивершковый Гладіаторъ Махотина. Еще болѣе чѣмъ свою лошадь, Вронскому хотѣлось видѣть Гладіатора, котораго онъ не видалъ, но по законамъ приличія конской охоты Вронскій зналъ что не только нельзя видѣть его, но неприлично и спрашивать про него. Въ то время когда онъ шелъ по корридору, мальчикъ отворилъ дверь во второй денникъ налѣво, и Вронскій увидѣлъ рыжую крупную лошадь и бѣлыя ноги. Онъ зналъ что это былъ Гладіаторъ, но съ чувствомъ челоуѣка отворачивающагося отъ чужаго раскрытаго письма, онъ отвернулся и подошелъ къ деннику Фру-Фру.

— Здѣсь лошадь Ма-к... Мак... никогда не могу выговорить, это имя, сказалъ Англичанинъ черезъ плечо, указывая большимъ, съ грязнымъ ногтемъ, пальцемъ на денникъ Гладіатора.

— Махотина? Да, это мой одинъ серьезный соперникъ, сказалъ Вронскій.

— Еслибы вы вѣхали на немъ, сказалъ Англичанинъ,— а бы за васъ держалъ.

— Фру-Фру нервнѣе, онъ сильнѣе, сказалъ Вронскій, улыбаясь отъ похвалы своей вѣдѣ.

— Съ препятствіями все дѣло въ вѣдѣ и въ рлскъ, сказалъ Англичанинъ.

Рлскъ, то-есть энергіи и смѣлости, Вронскій не только чувствовалъ въ себѣ достаточно, но, что гораздо важнѣе, онъ былъ твердо убѣжденъ что ни у кого въ мірѣ не могло быть этого рлскъ больше чѣмъ у него.

— А вы вѣрно знаете что не нужно было большаго летѣнія?

— Не нужно, отвѣчалъ Англичанинъ. — Пожалуста не говорите громко. Лошадь волнуется, прибавилъ онъ, кивая головою на залптый денникъ предъ которымъ они стояли и гдѣ слышалась перестановка ногъ по соломѣ.

Онъ отворилъ дверь, и Вронскій вошелъ въ слабо освѣщенный изъ одного маленькаго окошечка денникъ. Въ денникѣ, перебирая ногами по свѣжей соломѣ, стояла караковая лошадь съ намордникомъ. Оглядѣвшись въ полусвѣтѣ денника, Вронскій опять невольно обаялъ однимъ общимъ взглядомъ всѣ стати своей любимой лошади. Фру-Фру была средняго роста лошадь и по статямъ не безукоризненная. Она была вся узка костью; ея грудина хотя и сильно выдавалась впередъ, грудь была узка. Крулъ былъ вислозатъ, и въ ногахъ переднихъ и особенно заднихъ была значительная косолапина. Мышцы заднихъ и переднихъ ногъ не были особенно крульны; но за то въ подпругѣ лошадь была необыкновенно широка, что особенно поражало теперь, при ея поддержкѣ и поджаромъ животѣ. Кости ея ногъ ниже копытъ казались не толще пальца, глядя спереди, но за то были необыкновенно широки глядя съ боку. Она вся, кромѣ реберъ, какъ будто была сдвлена съ боковъ и вытянута въ глубину. Но у ней въ высшей степени было качество заставляющее забывать всѣ недостатки; это качество была *кровь*, та кровь которая *скаывается*, по англійскому выраженію. Рѣзко выступающія мышцы изъ-подъ сѣтки жилъ растянutoй въ тонкой, подвижной и гладкой какъ атласъ кожѣ казались столь же крѣпкими какъ кость. Сухая голова ея, съ выпуклыми блестящими веселыми глазами, расширялась у храни въ выдающіяся ноздри, съ налитомъ внутри кровью перепон-

кой. Во всей фигурѣ, и въ особенности въ головѣ ея, было опредѣленное, энергическое и вмѣстѣ нѣжное, выраженіе. Она была одно изъ тѣхъ животныхъ которыя не говорятъ только потому что механическое устройство ихъ рта не позволяетъ имъ этого.

Вронскому по крайней мѣрѣ показалось что она поняла все что онъ теперь глядя на нее чувствовалъ.

Какъ только Вронскій вошелъ къ ней, она глубоко втянула въ себя воздухъ и, сжимая свой выгнутый глазъ, такъ что бѣлокъ наливался кровью, то съ той, то съ другой стороны оглядывалась на вошедшихъ, потряхивая намордникомъ и упруго переступая съ ноги на ногу.

— Ну, вотъ видите какъ она взволнована, сказалъ Англичанинъ.

Вронскій подошелъ къ лошади ближе, уговаривая:

— О, милая! О! говорилъ онъ.

Но чѣмъ ближе онъ подходилъ, тѣмъ болѣе она волновалась. Только когда онъ подошелъ къ ея головѣ, она вдругъ затихла, и мускулы ея затряслись подъ тонкою, нѣжною шерстью. Вронскій погладилъ ея жилистую шею, поправилъ на остромъ загривкѣ перекинувшуюся на другую сторону прядь гривы и придвинулся лицомъ къ ея растянутымъ, тонкимъ какъ крыло летучей мыши ноздрямъ. Она звучно втянула и выпустила воздухъ изъ напряженныхъ, тугихъ ноздрей, и вздрогнувъ, прижала острое ухо и вытянула крѣпкую, черную губу ко Вронскому, какъ бы желая поймать его за рукавъ. Но вспомнивъ о намордникѣ, она встряхнула имъ и опять начала переставлять одну за другою свои точенныя ножки.

— Успокойся, милая, успокойся, сказалъ онъ, погладивъ еще рукой по крупу, и съ радостнымъ сознаниемъ что лошадь въ самомъ хорошемъ состояніи, вышелъ изъ денника.

Волненіе лошади сообщилось и Вронскому; онъ чувствовалъ что кровь прилиwała ему къ сердцу, и что ему также какъ и лошади хочется двигаться, кусаться; было и страшно, и весело.

— Ну, такъ я на васъ надѣюсь, сказалъ онъ Англичанину, — въ шесть съ половиной на мѣстѣ.

— Все исправно, сказалъ Англичанинъ. — А вы куда ѣдете, милордъ? спросилъ онъ неожиданно, употребивъ это названіе *my-Lord* которое онъ почти никогда не употреблялъ.

Вронскій съ удивленіемъ приподнял голову и посмотрѣлъ, какъ онъ умѣлъ смотрѣть, не въ глаза, а на лобъ Англичанина, удивляясь смѣлости его вопроса. Но ловя въ что Англичанинъ, дѣлая этотъ вопросъ, смотрѣлъ на него не какъ на хозяина, но какъ на жокея, отвѣтилъ ему:

— Мнѣ нужно къ Брякскому, я черезъ часъ буду дома.

„Который разъ мнѣ дѣлаютъ нынче этотъ вопросъ“, сказалъ онъ себѣ и покраснѣлъ, что съ нимъ рѣдко бывало. Англичанинъ внимательно посмотрѣлъ на него. И какъ будто онъ зналъ куда ѣдетъ Вронскій, прибавилъ:

— Первое дѣло быть спокойнымъ предъ ѣздой, сказалъ онъ, — не будьте не въ духѣ и ничѣмъ не разстраивайтесь.

— All right, улыбаясь отвѣчалъ Вронскій, и вскочивъ въ коляску, велѣлъ ѣхать въ Парголово.

Едва онъ отѣхалъ нѣсколько шаговъ, какъ туча, съ утра угрожавшая дождемъ, надвинулась, и хлынул ливень.

„Плохо!“ подумалъ Вронскій поднимая коляску. „И то грязно было, а теперь совсѣмъ болото будетъ.“ Сидя въ уединеніи закрытой коляски, онъ досталъ письмо матери и записку брата, и прочелъ ихъ.

Да, все это было то же и то же. Всѣ, его мать, его братъ, всѣ находили нужнымъ вмѣшиваться въ его сердечная дѣла. Это вмѣшательство возбуждало въ немъ злобу, — чувство которое онъ рѣдко испытывалъ. „Какое имъ дѣло? Почему всякій считаетъ своимъ долгомъ заботиться обо мнѣ? И отчего они пристають ко мнѣ? Оттого что они видятъ что это что-то такое чего они не могутъ понять. Еслибъ это была обыкновенная свѣтская связь, они бы оставили меня въ покоѣ. Они чувствуютъ что это что-то другое, что это не игрушка, что жизнь моя стоитъ тутъ на картѣ. И это-то непонятно и потому досадно имъ. Какая ни есть и ни будетъ наша судьба, мы ее сдѣлали и мы на нее не жалуемся, говорилъ онъ, въ словѣ мы соединяя себя съ Анною. Нѣтъ, имъ надо научить насъ какъ жить. Они и понятія не имѣютъ о томъ что такое счастье, они не знаютъ что безъ этой любви для насъ ни счастья, ни несчастья — нѣтъ жизни“, думалъ онъ.

Онъ сердился на всѣхъ за вмѣшательство именно потому что онъ чувствовалъ въ душѣ что они, эти всѣ, были правы. Онъ чувствовалъ что любовь связывавшая его съ Анною не была минутное увлеченіе, которое пройдетъ какъ проходить свѣтскія связи, не оставивъ другихъ слѣдовъ въ жизни того и другаго

кроме пріятныхъ или непріятныхъ воспоминаній. Онъ чувствовалъ всю мучительность своего и ея положенія, всю трудность, при той выставленности для глазъ всего свѣта въ которой они находились, скрывать свою любовь, лгать и обманывать; и лгать, обманывать, хитрить и постоянно думать о другихъ, тогда когда страсть связывавшая ихъ была такъ сильна что они оба забывали обо всемъ другомъ кроме своей любви. Онъ чувствовалъ что положеніе не можетъ продолжаться.

Онъ живо вспомнилъ всѣ тѣ часто повторявшіеся случаи необходимости лжи и обмана, которые были такъ противны его натурѣ; вспомнилъ особенно живо, не разъ замѣченное въ ней, чувство стыда за эту необходимость обмана и лжи. И онъ испыталъ странное чувство, со времени его связи съ Анною иногда находившее на него. Это было чувство омерзѣнія къ чему-то,—къ Алексію ли Александровичу, къ себѣ ли, ко всему ли свѣту,—онъ не зналъ хорошенько. Но онъ всегда отгонялъ отъ себя это странное чувство. И теперь, встряхнувшись, продолжалъ ходъ своихъ мыслей.

„Да, она прежде была несчастлива, но горда и спокойна; а теперь она не можетъ быть спокойна и достойна, хотя она и не показываетъ этого. Да, это нужно кончить“, рѣшилъ онъ самъ съ собою.

И ему въ первый разъ пришла въ голову ясная мысль о томъ что необходимо прекратить эту ложь, и чѣмъ скорее, тѣмъ лучше. „Бросить все ей и мнѣ, и скрыться куда-нибудь однимъ со своею любовью“.

XX.

Ливень былъ непродолжительный, и когда Бронскій подѣзжалъ на всей рыси кореннаго, вытягивавшаго скакавшихъ уже безъ вожжей по грязи пристяжныхъ, солнце опять выглянуло, и крыши дачъ, старыя липы садовъ по обѣимъ сторонамъ главной улицы дачъ блестѣли мокрымъ блескомъ, и съ вѣтвей весело капала, а съ крышъ бѣжала вода. Онъ не думалъ уже о томъ какъ этотъ ливень испортитъ гипподромъ, но теперь радовался тому что благодаря этому дождю навѣрное застанетъ ее дома и одну, такъ какъ онъ

зналъ что Алексѣй Александровичъ, недавно вернувшійся съ водъ, не переѣзжалъ изъ Петербурга.

Надѣясь застать ее одну, Вронскій, какъ онъ и всегда дѣлалъ это чтобы меньше обратить на себя вниманіе, слѣзъ на переѣзжая мостика и пошелъ лѣшкомъ. Онъ не пошелъ на крыльцо съ улицы, но вошелъ во дворъ.

— Баринъ пріѣхалъ? спросилъ онъ у садовника.

— Никакъ нѣтъ. Барыня дома. Да вы съ крыльца пожалуйте; тамъ люди есть, отопруть, отвѣчалъ садовникъ.

— Нѣтъ, я изъ сада пройду.

И убѣдившись что она одна и желая застать ее врасплохъ, такъ какъ онъ не обѣщался быть нынче и она вѣрно не думала что онъ пріѣдетъ предъ скачками, онъ пошелъ придерживая саблю и осторожно шагая по леску дорожки, обсаженной цвѣтами, къ террасѣ выходившей въ садъ. Вронскій теперь забылъ все что онъ думалъ дорогой о тяжести и трудности своего положенія. Онъ думалъ объ одномъ, что сейчасъ увидить ее не въ одномъ воображеніи, но живую, всю, какая она есть въ дѣйствительности. Онъ уже входилъ, ступая во всю ногу, чтобы не шумѣть, по отлогимъ ступенямъ террасы, когда вдругъ вспомнилъ то что онъ всегда забывалъ и то что составляло самую мучительную сторону его отношеній къ ней — ея сына, съ его вопрошающимъ, противнымъ, какъ ему казалось, взглядомъ.

Мальчикъ этотъ чаще всѣхъ другихъ былъ помѣхой ихъ отношеній. Когда онъ былъ тутъ, ни Вронскій, ни Анна не только не позволяли себѣ говорить о чемъ-нибудь такомъ чего бы они не могли повторить при всѣхъ; но они не позволяли себѣ даже и намеками говорить то чего бы мальчикъ не понималъ. Они не сговаривались объ этомъ; но это установилось само собою. Они считали бы оскорбленіемъ самихъ себя обманывать этого ребенка. При немъ они говорили между собой какъ знакомые. Но несмотря на эту осторожность, Вронскій часто видѣлъ устремленный на него, внимательный и недоумѣвающий взглядъ ребенка и странную робость, неровность, то ласку, то холодность и застѣнчивость, въ отношеніи къ себѣ этого мальчика. Какъ будто ребенокъ чувствовалъ что между этимъ человѣкомъ и его матерью есть какое-то значительное отношеніе, значенія котораго онъ понять не можетъ.

Дѣйствительно, мальчикъ чувствовалъ что онъ не можетъ

понять этого отношенія, и сидѣла и не могъ уяснить себѣ то чувство которое онъ долженъ имѣть къ этому человѣку. Съ чуткостью ребенка къ проявленію чувства онъ ясно видѣлъ что отецъ, гувернантка, няня, — всѣ не только не любили, но съ ужасомъ смотрѣли на Вронскаго, хотя и ничего не говорили про него, а что мать смотрѣла на него какъ на лучшаго друга. Это сказало ему, яснѣе всѣхъ словъ, выраженіе ея лица въ присутствіи Вронскаго. Что же это значить? Кто онъ такой? Какъ надо любить его? Если я не понимаю, я виновата, или я глухой или дурной мальчикъ, думалъ ребенокъ, и отъ этого происходило его испытующее, вопросительное, отчасти непріязненное выраженіе, и робость, и неровность, которыя такъ стѣсняли Вронскаго. Присутствіе этого ребенка всегда и неизмѣнно вызывало во Вронскомъ то странное чувство безпричиннаго омерзѣнія которое онъ испытывалъ послѣднее время. Присутствіе этого ребенка вызывало во Вронскомъ и въ Аннѣ чувство подобное чувству мореплавателя видящаго по компасу что направленіе по которому онъ быстро движется далеко расходится съ надеждами, но что остановить движеніе не въ его силахъ, что каждая минута удаляетъ его больше и больше, и что признать себѣ въ отступленіи отъ должнаго направленія все равно что признаться въ гибели.

Ребенокъ этотъ со своимъ наивнымъ взглядомъ на жизнь былъ компасъ который показывалъ имъ степень ихъ отклоненія отъ того что они знали, но не хотѣли знать.

На этотъ разъ Сережи не было дома, и она была совершенно одна и сидѣла на террасѣ, ожидая возвращенія сына ушедшаго гулять и застигнутого дождемъ. Она послала челявѣка и дѣвушку искать его и сидѣла ожидая. Одѣтая въ бѣлое, отдѣланное широкимъ шитьемъ платье, она сидѣла въ тѣни террасы за цвѣтами и не слыхала его. Склонивъ свою червокурчавую голову, она прижала лобъ къ холодной лѣлкѣ стоявшей на перилахъ и обѣими своими прекрасными руками, со столь знакомыми ему кольцами, придерживала лѣнку. Красота всей ея фигуры, головы, шеи, рукъ, каждый разъ какъ неожиданностью поражала Вронскаго. Онъ оставался, съ восхищеніемъ глядя на нее. Но только-что онъ хотѣлъ ступить шагъ чтобы приблизиться къ ней, она уже почувствовала его приближеніе, оттолкнула лѣнку и повернула къ нему свое разгоряченное лицо.

— Что съ вами? Вы нездоровы? сказалъ онъ по-французски, подходя къ ней. Онъ хотѣлъ подбѣжать къ ней; но вспомнилъ, оглянулся на балконную дверь и покраснѣлъ, какъ онъ всякій разъ краснѣлъ чувствуя что долженъ бояться и оглядываться.

— Нѣтъ, я здорова, сказала она вставая и крѣпко ложилая его протянутую руку.—Я не ждала... тебя.

— Боже мой! какія холодныя руки! сказалъ онъ.

— Ты испугалъ меня, сказала она.—Я одна и жду Сережу, онъ пошелъ гулять; они отсюда придуть.

Но несмотря на то что она старалась быть спокойна, губы ея тряслись.

— Простите меня что я пріѣхалъ, но я не могъ провести дня не видавъ васъ, продолжалъ онъ по-французски, какъ онъ всегда говорилъ избѣгая невозможно холоднаго между ними ты и опаснаго ты по-русски.

— За что жь простить? Я такъ рада.

— Но вы нездоровы или огорчены, продолжалъ онъ не выпуская ея руки и нагибаясь надъ нею.— О чемъ вы думали?

— Все объ одномъ, сказала она съ улыбкой.

Она говорила правду. Когда бы, въ какую минуту ни спросили бы ее о чемъ она думала, она безъ ошибки могла отвѣтить: объ одномъ, о своемъ счастьи и о своемъ несчастьи. Она думала теперь именно, когда онъ засталъ ее, вотъ о чемъ: она думала почему для другихъ, для Бетси напримѣръ (она знала ея скрытую для свѣта связь съ Тухкевичемъ), все это было легко, а для нея такъ мучительно. Нынче эта мысль, по нѣкоторымъ соображеніямъ, особенно мучила ее. Она спросила его о скачкахъ, онъ отвѣчалъ ей, и видя что она взволнована, старался развлечь ее, разказывалъ ей самымъ протымъ тономъ подробности приготовленій къ скачкамъ.

„Сказать или не сказать?“ думала она глядя въ его спокойные, ласковые глаза. „Онъ такъ счастливъ, такъ занятъ своими скачками что не пойметъ этого какъ надо, не пойметъ всего значенія для насъ этого событія.“

— Но вы не сказали о чемъ вы думали когда я вошелъ, сказалъ онъ перервавъ свой разказъ,—пожалуйста скажите.

Она не отвѣчала, и склонивъ немного голову смотрѣла на него изъ-подлобья вопросительно своими глубокими изъ-за длинныхъ рѣсницъ глазами. Рука ея, игравшая сорваннымъ

листомъ, дрожала. Онъ видѣлъ это, и лицо его выразило ту покорность, рабскую преданность, которая такъ подкулила ее.

— Я вижу что случилось что-то. Развѣ я могу быть минуту спокоенъ зная что у васъ есть горе котораго я не раздѣляю? Скажите, ради Бога, умоляюще повторилъ онъ.

„Да, я не прощу ему если онъ не пойметъ всего значенія этого. Лучше не говорить, зачѣмъ испытывать?“ думала она, все также глядя на него и чувствуя что рука ея съ листкомъ все больше и больше трясется.

— Ради Бога, повторялъ онъ, взявъ ея руку.

— Сказать?

— Да, да, да....

— Я беременна, сказала она тихо и медленно.

Листокъ въ ея рукѣ задрожалъ еще сильнѣе, но она не спускала съ него глазъ чтобы видѣть какъ онъ приметъ это. Онъ поблѣднѣлъ, хотѣлъ что-то сказать, но остановился, выпустилъ ея руку и опустилъ голову. „Да, онъ понялъ все значеніе этого событія“, подумала она и благодарно пожала ему руку. Но она ошибалась въ томъ что онъ понялъ значеніе извѣстія такъ какъ она, женщина, его понимала. При этомъ извѣстіи онъ съ удесятенною силой почувствовалъ припадокъ этого страннаго находившаго на него чувства омерзѣнія къ кому-то; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ понималъ что на него налагаются новыя обязанности, что онъ долженъ помочь ей, спасти ее, что тотъ кризисъ котораго онъ желалъ наступилъ теперь, что нельзя болѣе скрывать отъ мужа и необходимо такъ или иначе разорвать теперь это неестественное положеніе. Но, кромѣ того, ея волненіе физически сообщалось ему. Онъ взглянулъ на нее умиленнымъ, покорнымъ изглядомъ, поцѣловалъ ея руку, всталъ и молча прошелся по террасѣ.

— Да, сказалъ онъ рѣшительно, подходя къ ней.—Ни я, ни вы не смотрѣли на наши отношенія какъ на игрушку, а теперь наша судьба рѣшена. Необходимо кончить, сказалъ онъ оглядываясь,—ту ложь въ которой мы живемъ.

— Кончить? Какже кончить, Алексѣй? сказала она тихо.

Она успокоилась теперь, и лицо ея сіяло нѣжною улыбкой.

— Оставить мужа и соединить нашу жизнь.

— Она соединена и такъ, чуть слышно отвѣчала она.

— Да, но совѣмъ, совѣмъ.

— Но какъ, Алексѣй, научи меня какъ? сказала она съ грустною насмѣшкой надъ безвыходностью своего положенія.—Развѣ есть выходъ изъ такого положенія, развѣ я не жена своего мужа?

— Изъ всякаго положенія есть выходъ. Нужно рѣшиться, сказалъ онъ.—Все лучше чѣмъ то положеніе въ которомъ вы живете. Я вѣдь вижу какъ вы мучаетесь всѣмъ, и свѣтомъ, и сыномъ, и мужемъ.

— Ахъ, только не мужемъ, съ простою усмѣшкой сказала она.—Я не знаю, я не думаю о немъ. Его нѣтъ.

— Вы говорите не искренно. Я знаю васъ. Вы мучаетесь и о немъ.

— Да онъ и не знаетъ, сказала она, и вдругъ яркая краска стала выступать на ея лицо; щеки, лобъ, шея ея покраснѣли, и слезы стыда выступили ей на глаза.—Да, и не будемъ говорить объ немъ.

XXI.

Вронскій уже нѣсколько разъ пытался, хотя и не такъ рѣшительно какъ теперь, наводить ее на обсужденіе своего положенія, и каждый разъ сталкивался съ тою поверхностностію и легкостію сужденій съ которою она теперь отвѣчала на его вызовъ. Какъ будто было что-то въ этомъ такое чего она не могла или не хотѣла уяснить себѣ, какъ будто, какъ только она начинала говорить про это, она, настоящая Анна, уходила куда-то въ себя и выступала другая, странная, чуждая ему женщина, которой онъ не любилъ и боялся, и которая давала ему отпоръ. Но нынче онъ рѣшился высказать все.

— Знаетъ ли онъ или нѣтъ, сказалъ Вронскій своимъ обычнымъ твердымъ и спокойнымъ тономъ.—Знаетъ ли онъ или нѣтъ, намъ до этого дѣла нѣтъ. Мы не можемъ... вы не можете такъ оставаться, особенно теперь.

— Чтò жь дѣлать по вашему? спросила она съ тою же легкою насмѣшливостію. Ей, которая такъ боялась чтобъ онъ не принялъ легко ея беременность, теперь было досадно за то что онъ изъ этого выводилъ необходимость предпринять что-то.

— Объявить ему все и оставить его.

— Очень хорошо; положимъ что я сдѣлаю это, сказала она. — Вы знаете что изъ этого будетъ? Я впередъ все разкажу, — и злой свѣтъ зажегся въ ея за минуту предъ этимъ вѣжныхъ глазахъ. — А, вы любите другаго и вступили съ нимъ въ преступную связь? (Она, представляя мужа, сдѣлала, точно такъ какъ это дѣлалъ Алексѣй Александровичъ, удареніе на словѣ *преступную*.) Я предупреждалъ васъ о послѣдствіяхъ въ религіозномъ, гражданскомъ и семейномъ отношеніяхъ. Вы не послушали меня. Теперь я не могу отдать позору свое имя... — и своего сына, хотѣла она сказать, но сыномъ она не могла шутить... — позору свое имя, и еще что-нибудь въ такомъ родѣ, добавила она. — Вообще онъ скажетъ со своею государственною манерой и съ ясностью и точностью что онъ не можетъ отпустить меня, но приметъ зависящія отъ него мѣры остановить скандалъ. И сдѣлаетъ спокойно, аккуратно что скажетъ. Вотъ что будетъ, говорила она горячась все болѣе и болѣе. — Это не человѣкъ, а машина, и злая машина когда разсердится, прибавила она, вспоминая при этомъ Алексѣя Александровича со всѣми подробностями его фигуры, манеры говорить и его характера, и въ вину ставя ему все что только могла она найти въ немъ нехорошаго, не прощая ему ничего за ту страшную вину которую она была предъ нимъ виновата.

— Но, Анна, сказалъ Вронскій убѣдительно, мягкимъ голосомъ, стараясь успокоить ее, — все-таки необходимо сказать ему, а потомъ ужъ руководиться тѣмъ что онъ предприметъ.

— Что жь, бѣжать?

— Отчего жь и не бѣжать? Я не вижу возможности продолжать это. И не для себя, я вижу что вы страдаете.

— Да, бѣжать, и мнѣ сдѣлаться вашею любовницей? со злобою подхватила она.

— Анна! укоризненно вѣжно проговорилъ онъ.

— Да, продолжала она, — сдѣлаться вашею любовницей и погубить все...

Она опять хотѣла сказать сына, но не могла выговорить этого слова.

Вронскій ужасался на нее, не могъ понять какъ она со своею сильною, честною натурой могла переносить это положеніе обмана и не желать выйти изъ него; но онъ не догадывался что главная причина этого было то слово *сынъ*

которое она не могла выговорить. Когда она думала о сынѣ и его будущихъ отношеніяхъ къ бросившей его отца матери, ей такъ становилось страшно за то что она сдѣлала, что она не разсуждала, а какъ женщина старалась только успокоить себя лживыми разсужденіями и словами, съ тѣмъ чтобы все оставалось по старому и чтобы можно было забыть про страшный вопросъ что будетъ съ сыномъ.

— Я прошу тебя, я умоляю тебя, вдругъ совсѣмъ другимъ, искреннимъ и лживымъ, тономъ сказала она взявъ его за руку, — никогда не говори со мной объ этомъ!

— Но, Анна...

— Никогда. Предоставь мнѣ. Всю низость, весь ужасъ своего положенія я знаю; но это не такъ легко рѣшить какъ ты думаешь. И предоставь мнѣ, и слушайся меня. Никогда со мной не говори объ этомъ. Общцаешь ты мнѣ?.. Нѣтъ, нѣтъ, общай...

— Я все общаю, но я не могу быть слокоенъ, особенно послѣ того что вы сказали. Я не могу быть слокоенъ, когда вы не можете быть спокойны...

— Я? повторила она.—Да, я мучаюсь иногда; но это пройдетъ если ты никогда не будешь говорить со мной объ этомъ. Когда ты говоришь со мной объ этомъ, тогда только это меня мучаетъ.

— Я не понимаю, сказалъ онъ.

— Я знаю, перебила она его, — какъ тяжело твоей честной натурѣ лгать, и жалѣю тебя. Я часто думаю какъ для меня ты могъ погубить свою жизнь.

— Я то же самое сейчасъ думалъ, сказалъ онъ, — какъ изъ-за меня вы могли пожертвовать всѣмъ. Я не могу простить себѣ то что вы несчастливы.

— Я несчастлива? сказала она приближаясь къ нему и съ восторженной улыбкой любви глядя на него: — я какъ голодный человѣкъ которому дали ѣсть. Можетъ-быть ему холодно, и платье у него разорвано, и стыдно ему, но онъ не несчастливъ. Я несчастлива? Нѣтъ, вотъ мое счастье...

Она услышала голосъ возвращавшагося сына и, окинувъ быстрымъ взглядомъ террасу, лорывисто встала. Взглядъ ея зажегся знакомымъ ему огнемъ, она быстрымъ движеніемъ подняла свои красивыя, покрытыя кольцами руки, взяла его за голову, посмотрѣла на него долгимъ взглядомъ, и приблизивъ свое лицо съ открытыми, улыбающимися

губами, быстро поцѣловала его ротъ и оба глаза, и оттолкнула. Она хотѣла идти, но онъ удержалъ ее.

— Когда? проговорилъ онъ шепотомъ, восторженно глядя на нее.

— Нынче, въ часъ, прошептала она, и тяжело вздохнувъ, легла своимъ легкимъ и быстрымъ шагомъ навстрѣчу солнцу.

Сережу дождь засталъ въ большомъ саду, и они съ няней просидѣли въ бесѣдкѣ.

— Ну, до свиданья, сказала она Вронскому. — Теперь скоро надо на скачки, Бетси общала заѣхать за мной.

Вронскій, взглянувъ на часы, лоспѣшно уѣхалъ.

XXII.

Когда Вронскій смотрѣлъ на часы на балконѣ Карениныхъ, онъ былъ такъ растревоженъ и занятъ своими мыслями что видѣлъ стрѣлки на циферблатѣ, но не могъ понять который часъ. Онъ вышелъ на шоссе и направился, осторожно ступая по грязи, къ своей коляскѣ. Онъ былъ до такой степени переполненъ мыслями и чувствами что и не подумалъ о томъ который часъ, и есть ли ему еще время ѣхать къ Брянскому. У него оставалась, какъ это часто бываетъ, только внѣшняя способность памяти, указывающая что вслѣдъ за чѣмъ рѣшено сдѣлать. Онъ подошелъ къ своему кучеру, задремавшему на козлахъ въ косою уже тѣни густой липы, полюбовался переливающимися столбами толкачиковъ-мошекъ вившихся надъ потными лошадьми, и разбудивъ кучера, вскочилъ въ коляску и велѣлъ ѣхать къ Брянскому. Только отъѣхавъ верстъ семь, онъ настолько оломился что посмотрѣлъ на часы и понялъ что было половина шестаго, и что онъ опоздалъ.

Въ этотъ день было нѣсколько скачекъ: скачка конвойныхъ, потомъ двухверстная офицерская, четырехверстная, и та скачка въ которой онъ скакалъ. Къ своей скачкѣ онъ могъ послѣть, но если онъ поѣдетъ къ Брянскому, то онъ только такъ прїѣдетъ, и прїѣдетъ когда уже будетъ весь Дворъ. Это было вехорошо. Но онъ далъ Брянскому слово

быть у него, и потому рѣшил ѣхать дальше, приказавъ кучеру не жалѣть тройку.

Онъ прѣвхалъ къ Брянскому, пробылъ у него пять минутъ и поскакалъ назадъ. Эта быстрая ѣзда успокоила его. Все тяжелое что было въ его отношеніяхъ къ Аннѣ, вся неопредѣленность оставшаяся послѣ ихъ разговора, все выскочило изъ его головы; онъ съ наслажденіемъ и волненіемъ думалъ теперь о скачкѣ, о томъ что онъ все-таки послѣдетъ, и изрѣдка ожиданіе счастья свиданія нынѣшней ночи вслыхивало яркимъ свѣтомъ въ его воображеніи. Чувство предстоящей скачки все болѣе и болѣе охватывало его по мѣрѣ того какъ онъ вѣвзжалъ дальше и дальше въ атмосферу скачекъ, обгоняя экипажи ѣхавшихъ съ дачъ и изъ Петербурга на скачки.

На его квартирѣ никого уже не было дома: всѣ были на скачкахъ, и лакей его дожидался у воротъ. Пока онъ переодевался, лакей сообщилъ ему что уже начались вторыя скачки, что приходило много господъ спрашивать про него и изъ конюшни два раза прибѣгалъ мальчикъ.

Переодевшись безъ торопливости (онъ никогда не торопился и не терялъ самообладанія), Вронскій велѣлъ ѣхать къ баракамъ. Отъ бараконъ ему уже были видны море экипажей, пѣшеходовъ, солдатъ, окружавшихъ гипподромъ, и кипяція народомъ бесѣдки. Шли вѣроятно вторыя скачки, потому что въ то время какъ онъ входилъ въ баракъ, онъ слышалъ звонокъ. Подходя къ конюшнѣ, онъ встрѣтился съ бѣлоногимъ рыжимъ Гладіаторомъ Махотина, котораго, въ оранжевой съ синимъ лопонѣ, съ кажущимися огромными, отороченными синимъ ушами, вели на гипподромъ.

— Гдѣ Кордъ? спросилъ онъ у конюха.

— Въ конюшнѣ, сѣдлаютъ.

Въ отворенномъ денникѣ, Фру-Фру уже была осѣдлана. Ее собирались выводить.

— Не олоздалъ?

— All right! All right! Все исправно, все исправно, проговорилъ Англичанинъ, — не будьте взволнованы.

Вронскій еще разъ окинулъ взглядомъ прелестныя, любимыя формы лошади, дрожавшей всѣмъ тѣломъ, и съ трудомъ оторвавшись отъ этого зрѣлища, вышелъ изъ барака. Онъ подѣвхалъ къ бесѣдкамъ въ самое выгодное время для того чтобы не обратить на себя ничего вниманія. Только

что кончилась двухверстная скачка, и все глаза были устремлены на кавалергарда впереди и лейб-гусара сзади, из послѣднихъ силъ погонявшихъ лошадей и подходившихъ къ столбу. Изъ середины и извнѣ круга все тѣснились къ столбу, и кавалергардская группа солдатъ и офицеровъ громкими возгласами выражала радость ожидаемаго торжества своего офицера и товарища. Вронскій незамѣтно вошелъ въ середину толпы почти въ то самое время какъ раздался звонокъ оканчивающій скачки, и высокій, забрызганный грязью кавалергардъ, пришедшій лервымъ, олутившись на сѣдло, сталъ спускать поводья своему сѣрому, потемнѣвшему отъ поту, тяжело дышущему жеребцу.

Жеребедъ, съ усиленіемъ тыкаясь ногами, укоротилъ быстрый ходъ своего большаго тѣла, и кавалергардскій офицеръ, какъ человѣкъ проснувшійся отъ тяжелаго сна, оглянулся кругомъ, и съ трудомъ улыбнулся. Толпа своихъ и чужихъ окружила его.

Вронскій умышленно избѣгалъ той избранной, великосвѣтской толпы, которая сдержанно и свободно двигалась и переговаривалась предъ бесѣдками. Онъ узналъ что тамъ была и Каренина, и Бетси, и жена его брата, и нарочно, чтобы не развлекаться, не подходилъ къ нимъ. Но безпрестанно встрѣчавшіеся знакомые останавливали его, разказывая ему подробности бывшихъ скачекъ и разспрашивая его почему онъ опоздалъ.

Въ то время какъ скакавшіе были призваны въ бесѣдку для полученія призовъ и все обратилась туда, старшій братъ Вронскаго, Егоръ, полковникъ съ эксельбантами, невысокій ростомъ, такой же коренастый какъ и Алексѣй, но болѣе красивый и румяный, съ краснымъ носомъ и пьянымъ, открытымъ лицомъ, подошелъ къ нему.

— Ты получилъ мою записку? сказалъ онъ. — Тебя когда не найдешь.

Егоръ Вронскій, несмотря на разгульную, въ особенности пьяную жизнь, по которой онъ былъ извѣстенъ, былъ влсавъ придворный человѣкъ.

Онъ теперь, говоря съ братомъ о непріятной весьма для него вещи, зная что глаза многихъ могутъ быть устремлены на нихъ, имѣлъ видъ улыбающійся, какъ будто онъ о чемъ-нибудь неважномъ шутилъ съ братомъ.

— Я получилъ, и право не понимаю о чемъ ты заботишься, сказалъ Алексѣй.

— Я о томъ забочусь что сейчасъ мнѣ было замѣчено что тебя нѣтъ, и что въ понедѣльникъ тебя встрѣтили въ Парголовѣ.

— Есть дѣла которыя подлежатъ обсужденію только тѣхъ кто прямо въ нихъ заинтересованъ, и то дѣло, о которомъ ты такъ заботишься, такое...

— Да, но тогда не служатъ, не...

— Я тебя прошу не вмѣшиваться, и только.

И Алексѣй Вронскій, нахмурившись, поблѣднѣлъ, и выдающаяся нижняя челюсть его дрогнула, что съ нимъ бывало рѣдко. Онъ, какъ человѣкъ съ очень добрымъ сердцемъ, сердился рѣдко, но когда сердился и когда у него дрожали подбородокъ, то, какъ это и зналъ Егоръ Вронскій, онъ былъ опасенъ. Егоръ Вронскій весело улыбаулся.

— Я только хотѣлъ передать письмо матушки, отвѣчай ей и не разстраивайся предъ всѣми. Bonne chance, прибавилъ онъ улыбаясь и отошелъ отъ него.

Но вслѣдъ за нимъ опять дружеское привѣтствіе остановило Вронскаго.

— Не хочешь знать пріятелей. Здравствуй, mon cher! заговорилъ Степанъ Аркадьевичъ, и здѣсь, среди этого петербургскаго блеска, не менѣе чѣмъ въ Москвѣ блистая своимъ румянымъ лицомъ и лоснящимися расчесанными бакенбардами. — Вчера пріѣхалъ и очень радъ что увижу твое торжество. Когда увидимся?

— Заходи завтра въ артель, сказалъ Вронскій, и пожавъ его, извиняясь, за рукавъ пальто, отошелъ въ середину гипподрома, куда уже вводили лошадей для большой скачки съ препятствіями.

Потныя, измученныя, скакавшія лошади, провожаемыя коныхами, уводились домой, и одна за другой появлялись новыя, къ предстоящей скачкѣ, свѣжія, большею частію англійскія лошади, въ калорахъ, со своими поддернутыми животами, похожія на странныхъ огромныхъ птицъ. Направо водили лоджарую красавицу Фру-фру, которая какъ на пружинахъ переступала на своихъ эластичныхъ и довольно длинныхъ бабкахъ. Недалеко отъ нея снимали лопону съ лопухаго Гладіатора. Крупныя, прелестныя, совершенно правильныя формы жеребца, съ чудеснымъ задомъ и необычайно

короткими, надъ самыми копытами сидѣвшими бабками, невольно останавливали на себѣ вниманіе Вронскаго. Онъ хотѣлъ подойти къ своей лошади, но его опять задержалъ знакомый.

— А, вотъ Каренинъ, сказалъ ему знакомый съ которымъ онъ разговаривалъ.—Ищетеъ жену, а она въ серединѣ бесѣдки. Вы не видали ея?

— Нѣтъ, не видалъ, отвѣчалъ Вронскій, и не оглянувшись даже на бесѣдку въ которой ему указывали на Каренину, подошелъ къ своей лошади.

Не успѣвъ Вронскій посмотреть сѣдло, о которомъ надо было сдѣлать распоряженіе, какъ скачущихъ позвали къ бесѣдкѣ для выниманія номеровъ и отправленія. Съ серьезными, строгими, многіе съ блѣдыми лицами, семнадцать человѣкъ офицеровъ сошлись къ бесѣдкѣ и разобрали номера. Вронскому достался 7й номеръ. Послышалось: „Садитесь!“

Чувствуя что онъ вмѣстѣ съ другими скачущими составляетъ центръ на который устремлены всѣ глаза, Вронскій, въ напряженномъ состояніи, въ которомъ онъ обыкновенно дѣлался медлительнѣе и спокойнѣе въ движеніяхъ, подошелъ къ своей лошади. Бордъ для торжества скачекъ одѣлся въ свой парадный костюмъ, черныи, застегнутый сюртукъ, туго накрахмаленные воротнички, подпиравшіе ему щеки, и въ круглую, черную шляпу и ботфорты. Онъ былъ какъ и всегда спокойнѣе и важнѣе, и самъ держалъ за оба поводя лошадь стоя предъ немъ. Фруфру продолжала дрожать какъ въ лихорадкѣ, и полный огня глазъ ея косился на подходившаго Вронскаго. Вронскій подсунулъ палець подъ подругу. Лошадь покосилась сильнѣе, оскалилась и прижала ухо. Англичанинъ поморщился губами, желая выразить улыбку надъ тѣмъ что ловѣряли его сѣданье.

— Садитесь, меньше будете волноваться.

Вронскій оглянувшись въ послѣдній разъ на своихъ соперниковъ. Онъ зналъ что на вѣдѣ онъ уже не увидитъ ихъ. Двое уже вѣхали впереди къ мѣсту откуда должны были пускаться. Гальцинъ, одинъ изъ опасныхъ соперниковъ и пріятель Вронскаго, вертѣлся вокругъ гнѣдаго жеребца, не дававшего садиться. Маленькій лейбъ-гусаръ въ узкихъ рейтузахъ вѣхалъ галоломъ, согнувшись какъ котъ на крулу, изъ желанія подражать Англичанамъ. Князь Кузовлевъ сидѣлъ блѣд-

ный на своей кровной, Грабовскаго завода кобылѣ, и Англичанпъ вель ее подъ-устцы. Вронскій и всѣ его товарищи знали Кузовлева и его особенность „слабыхъ“ нервовъ и страшнаго самолюбія. Онъ боялся всего, боялся ѣздить на фронтовой лошади; но теперь, именно потому что это было страшно, потому что люди ломали себѣ шею и что у каждаго прелятствія стояли докторъ, лазаретная фура съ нашитымъ крестомъ и сестрою милосердія, онъ рѣшился скакать. Они встрѣтились глазами, и Вронскій ласково и одобрительно подмигнулъ ему. Одного только онъ не видалъ, главнаго соперника, Махотина, на Гладіаторѣ.

— Не торопитесь, сказалъ Кордъ Вронскому, — и помни; те одно: не задерживайте у прелятствій, и не посылайте, давайте ей выбирать какъ она хочетъ.

— Хорошо, хорошо, сказалъ Вронскій, взявшись за поводья.

— Если можно, ведите скачку; но не отчаивайтесь до послѣдней минуты еслибы вы были и сзади.

Лошадь не успѣла двинуться, какъ Вронскій гибкимъ и сильнымъ движеніемъ сталъ въ стальное, зазубренное стремя, и легко, твердо положилъ свое сбитое тѣло на скрипящее кожей сѣдло. Взявъ правою ногою стремя, онъ привычнымъ жестомъ уравнивалъ между пальцами двойные поводья, и Кордъ пустилъ руки. Какъ будто не зная какою прежде ступитъ ногой, Фру-Фру, вытягивая длинною шеею поводья, тронулась какъ на пружинахъ, покачивая сѣдока на своей гибкой спинѣ. Кордъ, прибавляя шага, шелъ за нимъ. Взволнованная лошадь, то съ той, то съ другой стороны стараясь обмануть сѣдока, вытягивала поводья, и Вронскій тщетно, голосомъ и рукой, стараясь успокоить ее.

Они уже подходили къ запруженной рѣкѣ, направляясь къ тому мѣсту откуда должны были пускать ихъ. Многіе изъ скачущихъ были впереди, многіе сзади, какъ вдругъ Вронскій услышалъ сзади себя по грязи дороги звуки галола лошади, и его обогналъ Махотинъ на своемъ бѣлоногомъ, лопоухомъ Гладіаторѣ. Махотинъ улыбнулся, выставя свои длинные зубы, но Вронскій сердито взглянулъ на него. Онъ не любилъ его вообще, теперь же считалъ его самымъ опаснымъ соперникомъ, и ему досадно стало на него что онъ проскакалъ мимо, разгорячивъ его лошадь. Фру-Фру вскинула лѣвую ногу на галола и сдѣ-

лаза два прыжка прежде чѣмъ, сердясь на натянутые поводы, перешла на тряскую рысь вскидывавшую сѣдока. Кордъ тоже нахмурился, и почти бѣжалъ шлоходью за Вронскимъ.

XXIII.

Всѣхъ офицеровъ скакало семнадцать человекъ. Скачки должны были происходить на большомъ четырехверстномъ эллиптической формы кругу предъ бесѣдкой. На этомъ кругу были устроены девять препятствій: рѣка; большой, въ два аршина, глухой барьеръ, предъ самою бесѣдкой, канава сухая, канава съ водою, косогоръ, ирландская банкетка, состоящая (одно изъ самыхъ трудныхъ препятствій) изъ вала утыканнаго хворостомъ, за которымъ, невидная для лошади, была еще канава, такъ что лошадь должна была перепрыгнуть оба препятствія или убиться; потомъ еще двѣ канавы съ водою и одна сухая и конецъ скачки былъ противъ бесѣдки. Но начинались скачки не съ круга, а за сто сажень въ сторонѣ отъ него, и на этомъ разстоянн было первое препятствіе, залуженная рѣка, въ три аршина шириною, которую ѣздоки по произволу могли перепрыгивать или переѣзжать въ бродъ.

Разъ три ѣздоки выравнивались, но каждый разъ высывивалась чья-нибудь лошадь, и нужно было затѣжать опять сначала. Знатокъ лусканія, полковникъ Сестринъ, начиналъ уже сердиться, когда наконецъ въ четвертый разъ крикнулъ: „лошадь“, и ѣздоки тронулись.

Всѣ глаза, всѣ бинокли изъ бесѣдокъ съ круга, были обращены на леструю кучку всадниковъ въ то время какъ они выравнивались.

„Пустили! Скачуть!“ послышалось со всѣхъ сторонъ послѣ тишины ожиданія.

И кучки, и одинокіе лѣшеходы стали перебѣгать съ мѣста на мѣсто чтобы лучше видѣть. Въ первую же минуту, собранная кучка всадниковъ растянулась, и видно было какъ они по два, по три и одинъ за другимъ, близятся къ рѣкѣ. Для зрителей казалось что они всѣ лоскакали вмѣстѣ; но для ѣздоковъ была секунды разницы, имѣвшія для нихъ большое значеніе.

Взволнованная и слишкомъ нервная Фру-Фру потеряла

первый моментъ, и нѣсколько лошадей взяли съ мѣста прежде ся, но еще не доскакивая рѣка, Вронскій, изо всѣхъ силъ сдерживая влегшую въ поводья лошадь, легко обошелъ трехъ, и впереди его оставался только рыжій Гладіаторъ Махотина, ровню и легко отбивавшій задомъ предъ самимъ Вронскимъ, и еще впереди всѣхъ прелестная Діана, несшая ни живаго, ни мертваго Кузовлева.

Въ первыя минуты Вронскій еще не владѣлъ ни собою, ни лошадыю. Онъ до перваго прелятствія, рѣки, не могъ руководить движеніями лошади.

Гладіаторъ и Діана подходили вмѣстѣ и почти въ одинъ и тотъ же моментъ: разъ, разъ, поднялись надъ рѣкой и перелетѣли на другую сторону; незамѣтно, какъ бы летя, взвилась за ними Фру-Фру; но въ то самое время какъ Вронскій чувствовалъ себя на воздухѣ, онъ вдругъ увидалъ, почти подъ ногами своей лошади, Кузовлева, который барахтался съ Діаной на той сторонѣ рѣки (Кузовлевъ пустил поводья послѣ прыжка, и лошадь полетѣла съ нимъ черезъ голову). Подробности эти Вронскій узналъ уже послѣ, теперь же онъ видѣлъ только то что прямо подъ ноги, куда должна стать Фру-Фру, можетъ попасть нога или голова Діаны. Но Фру-Фру, какъ падающая кошка, сдѣлала на прыжкѣ усиліе ногами и слухомъ и, миновавъ лошадь, повеселась дальше.

„О, милая!“ подумалъ Вронскій.

Послѣ рѣки Вронскій овладѣлъ вполнѣ лошадыю и сталъ удерживать ее, намѣреваясь перейти большой барьеръ позади Махотина, и уже на слѣдующей, безпрелятственной дистанціи саженой въ двѣсти, попытаться обойти его.

Большой барьеръ стоялъ предъ самой царскою бесѣдкой. Государь и весь дворъ и толпы народа, всѣ смотрѣли на нихъ,—на него и на шедшаго на лошадь дистанціи впереди Махотина, когда они подходили къ чорту (такъ назывался глухой барьеръ). Вронскій чувствовалъ эти направленные на него со всѣхъ сторонъ глаза, но онъ ничего не видѣлъ кромѣ ушей, шеи своей лошади, бѣжавшей ему на встрѣчу земли и крула и бѣлыхъ ногъ Гладіатора, быстро отбивавшихъ тактъ впереди его и остававшихся все въ одномъ и томъ же разстояніи. Гладіаторъ поднялся не стукнувъ ничѣмъ, взмахнулъ короткимъ хвостомъ и исчезъ изъ глазъ Вронскаго.

— Браво! сказалъ чей-то одинъ голосъ.

Въ то же мгновение предъ глазами Вронскаго, предъ нимъ замимъ, мелькнули доски барьера. Безъ малѣйшей перемѣны движенія лошадь взвилась подъ нимъ; доски скрылись и только сзади стукнуло что-то. Разгоряченная шедшимъ впереди Гладіаторомъ лошадь поднялась слишкомъ рано предъ барьеромъ и стукнула о него заднимъ колытомъ. Но ходъ ея не измѣнился и Вронскій, получивъ въ лицо комокъ грязи, понявъ что онъ сталъ опять въ то же разстояніе отъ Гладіатора. Онъ увидалъ опять впереди себя его круль, короткій хвостъ и опять тѣ же неудаляющіяся быстро движущіяся бѣлыя ноги.

Въ то самое мгновение какъ Вронскій подумалъ о томъ что надо теперь обходить Махотина, сама Фру-Фру, понявъ уже то что онъ подумалъ, безо всякаго поощренія, значительно надавала и стала приближаться къ Махотину съ самой выгодной стороны веревки. Махотинъ не давалъ веревки. Вронскій только подумалъ о томъ что можно обойти и извѣтъ, какъ Фру-Фру перемѣнила ногу и стала обходить именно такимъ образомъ. Начиравшее уже темнѣть отъ лота плечо Фру-Фру лоровнялось съ крупомъ Гладіатора. Нѣсколько скачковъ они прошли рядомъ. Но предъ препятствіемъ къ которому они подходили, Вронскій, чтобы не идти большой кругъ, сталъ работать поводьями, и быстро, на самомъ косогорѣ, обошелъ Махотина. Онъ видѣлъ мелькомъ его лицо, забрызганное грязью. Ему даже показалось что онъ улыбулся. Вронскій обошелъ Махотина, но онъ чувствовалъ его сейчасъ же за собой, и не переставая слышалъ за самою спиной его ровный поскокъ, отрывистое, совсѣмъ еще свѣжее, дыханье воздрей Гладіатора.

Слѣдующія два препятствія, канава и барьеръ, были перейдены легко, но Вронскій сталъ слышать ближе салъ и скокъ Гладіатора. Онъ послалъ лошадь, и съ радостью почувствовалъ что она легко прибавила ходу, и звукъ копытъ Гладіатора сталъ слышенъ опять въ томъ же прежнемъ разстояніи.

Вронскій велъ скачку,—то самое что онъ и хотѣлъ сдѣлать и что ему совѣтовалъ Кордъ,—и теперь онъ былъ увѣренъ въ успѣхѣ. Волненіе его, радость и нѣжность къ Фру-Фру все усиливались. Ему хотѣлось оглянуться назадъ, но онъ не смѣлъ этого сдѣлать и старался успокоивать себя и не посылать лошади, чтобы прибереечь въ ней заласъ равный тому который, онъ чувствовалъ, оставался въ Гладіаторѣ.

Оставалось одно, и самое трудное, препятствіе; если онъ перебѣдетъ его впереди другихъ, то онъ придетъ первымъ. Онъ подскакивалъ къ ирландской банкеткѣ. Въмѣстѣ съ Фру-Фру, онъ еще издали видѣлъ эту банкетку, и вмѣстѣ имъ обоимъ, ему и лошади, пришло мгновенное сомнѣніе. Онъ замѣтилъ нерѣшимость въ ушахъ лошади и поднялъ хлыстъ, но тотчасъ же почувствовалъ что сомнѣніе было неосновательно: лошадь знала что нужно. Она надела, и мѣрно, такъ точно какъ онъ предполагалъ, взвилась и, оттолкнувшись отъ земли, отдалась силѣ инерціи, которая перенесла ее далеко за канаву; и въ томъ же самомъ тактѣ, безъ усилія, съ той же ноги, Фру-Фру продолжала скачку.

— Bravo, Вронскій! слышались ему голоса кучки людей, онъ зналъ, его полка и пріятелей, которые стояли у этого препятствія; онъ не могъ не узнать голоса Яшвина, но онъ не видалъ его.

„О, прелесть моя!“ думалъ онъ на Фру-фру, прислушиваясь къ тому что происходило сзади. „Перескочилъ!“ подумалъ онъ, услышавъ сзади поскокъ Гладіатора. Оставалась одна послѣдняя канавка съ водой въ два аршина. Вронскій и не смотрѣлъ на нее, а желая придти далеко первымъ, сталъ работать поводьями кругообразно, въ тактѣ скака поднимая и опуская голову лошади. Онъ чувствовалъ что лошадь шла изъ послѣдняго запаса; не только шея и плечи ея были мокры, но на загривкѣ, на головѣ, на острыхъ ушахъ каплями выступилъ потъ и она дышала рѣзко и коротко. Но онъ зналъ что запаса этого слишкомъ достаточно на недостающія 200 сажень. Только потому что онъ чувствовалъ себя ближе къ землѣ и по особенной мягкости движенія Вронскій зналъ какъ много прибавила быстроты его лошадь. Канавку она перелетѣла какъ бы не замѣчая. Она перелетѣла ее какъ птица; но въ это самое время Вронскій, къ ужасу своему, почувствовалъ что не послѣвъ за движеніемъ лошади, онъ, самъ не понимая, сдѣлалъ скверное, непростительное движеніе олутившись на сѣдло. Вдругъ положеніе его измѣнилось, и онъ лопнулъ что случилось что-то ужасное. Онъ не могъ еще дать себѣ отчета о томъ что случилось, какъ уже мелькнули подлѣ сѣдла ноги рыжаго жеребца, и Махотинъ на быстромъ скоку прошелъ мимо. Вронскій касался одной ногой земли, и его лошадь валилась на эту ногу. Онъ едва

успѣлъ выпростать ногу, какъ она упала на одинъ бокъ, тяжело хрипя, и дѣлая чтобы подняться тщетныя усилія своею тонкою, лотною шеей, она затрельхалась на землѣ у его ногъ какъ подстрѣленная птица. Неловкое движеніе сдѣланное Вронскимъ сломало ей спину. Но это онъ понялъ гораздо послѣ. Теперь же онъ видѣлъ только то что Махотинъ быстро удалялся, а онъ шатаясь стоялъ одинъ на грязной землѣ, а предъ нимъ тяжело дыша лежала Фру-фру, и перегнувъ къ нему голову, смотрѣла на него своимъ прелестнымъ глазомъ. Все еще не понимая того что случилось, Вронскій тянулъ лошадь за поводъ. Она олять вся забилась какъ рыбка, треща крыльями сдѣла, выпростала переднія ноги, но не въ силахъ поднять зада, тотчасъ же замоталась и олять упала на бокъ. Съ изуродованнымъ страстью лицомъ, блѣдный и съ трясущеюся нижнею челюстью, Вронскій ударилъ ее каблучкомъ въ животь и олять стала тянуть за поводья. Но она не двигалась, а уткнувъ хралъ въ землю, только смотрѣла на хозяина своимъ говорящимъ взглядомъ.

— Ааа! промычалъ Вронскій схватившись за голову. — Ааа! что я сдѣлалъ! прокричалъ онъ. — И проигранная скачка. И своя вина, постыдная, непростительная. И эта несчастная, милая, погубленная лошадь. — Ааа! что я сдѣлалъ!

Народъ, докторъ и фельдшеръ, офицеры его полка, бѣжали къ нему съ вопросами о немъ. Къ своему несчастію, онъ чувствовалъ что былъ цѣлъ и невредимъ. Лошадь сломала себѣ спину и рѣшено было ее пристрѣлить. Вронскій не могъ отвѣчать на вопросы, не могъ говорить ни съ кѣмъ. Онъ повернулся, и не поднявъ соскочившей съ головы фуражки, пошелъ прочь отъ гипподрома самъ не зная куда. Онъ былъ глубоко несчастливъ. Въ первый разъ въ жизни онъ испыталъ самое тяжелое несчастіе, несчастіе неисправимое и такое въ которомъ виною самъ.

Яшвинъ съ фуражкой догналъ его, проводилъ его до дома, и черезъ полчаса Вронскій пришелъ въ себя. Но воспоминаніе объ этой скачкѣ надолго осталось въ его душѣ самымъ тяжелымъ и мучительнымъ воспоминаніемъ въ его жизни.

XXIV.

Внѣшнія отношенія Алексѣя Александровича съ женою были такія же какъ и прежде. Единственная разница состояла въ томъ что онъ еще болѣе былъ занятъ чѣмъ прежде. Какъ и въ прежніе года, онъ съ открытіемъ весны повѣхалъ на воды за границу поправлять свое, разстраиваемое ежегодно усиленнымъ зимнимъ трудомъ, здоровье. И какъ обыкновенно, вернулся въ іюль, и тотчасъ же съ увеличенною энергіей взялся за свою обычную работу. Какъ и обыкновенно, жена его переѣхала на дачу, а онъ остался въ Петербургѣ.

Со времени того разговора послѣ вечера у княгини Тверской, онъ никогда не говорилъ съ Анной о своихъ подозрѣніяхъ и ревности, и тотъ его обычный тонъ представленія кого-то былъ какъ нельзя болѣе удобенъ для его телерешныхъ отношеній къ женѣ. Онъ былъ нѣсколько холоднѣе къ женѣ. Онъ только какъ будто имѣлъ на нее маленькое неудовольствіе за тотъ первый ночной разговоръ который она отклонила отъ себя. Въ его отношеніяхъ къ ней былъ отгѣнокъ досады, но не болѣе. „Ты не хотѣла объясниться со мной“, какъ будто говорилъ онъ мысленно обращаясь къ ней, „тѣмъ хуже для тебя. Теперь ужь ты будешь просить меня, а я не стану объясняться. Тѣмъ хуже для тебя“, говорилъ онъ мысленно, какъ человѣкъ который бы тщетно попытался потушить пожаръ, разсердился бы на свои тщетныя усилія и сказалъ бы: „такъ нѣ же тебѣ! такъ сгоришь за это!“

Онъ, этотъ умный и тонкій въ служебныхъ дѣлахъ человѣкъ, не понималъ всего безумія такого отношенія къ женѣ. Онъ не понималъ этого потому что ему было слишкомъ страшно понять свое настоящее положеніе, и онъ въ душѣ своей закрылъ, заперъ и запечаталъ тотъ ящикъ въ которомъ у него находились его чувства къ семьѣ, т.-е. къ женѣ и сыну. Онъ, внимательный отецъ, съ конца этой зимы сталъ особенно холодеетъ къ сыну и имѣлъ къ нему то же подтрунивающее отношеніе какъ и къ женѣ. „А! молодой человѣкъ!“ обращался онъ къ нему.

Алексѣй Александровичъ думалъ и говорилъ что ни въ какой годъ у него не было столько служебнаго дѣла какъ въ нынѣшній; но онъ не сознавалъ того что онъ самъ выдумывалъ себѣ въ нынѣшнемъ году дѣла, что это было одно

изъ средствъ не открывать того лица гдѣ лежали чувства къ жемъ и семьѣ и мысли о нихъ, и которыя дѣлались тѣмъ страшнѣе чѣмъ дальше онѣ тамъ лежали. Еслибы кто-нибудь имѣлъ право спросить Алексѣя Александровича что онъ думаетъ о поведеніи своей жены, то кроткій, смиренный Алексѣй Александровичъ ничего не отвѣтилъ бы, а очень бы разсердился на того человека который у него спросилъ бы про это. Отъ этого-то и было въ выраженіи лица Алексѣя Александровича что-то гордое и строгое когда у него спрашивали про здоровье его жены. Алексѣй Александровичъ ничего не хотѣлъ думать о поведеніи и чувствахъ своей жены, и дѣйствительно онъ объ этомъ ничего не думалъ.

Постоянная дача Алексѣя Александровича была въ Парголовѣ, и обыкновенно графиня Лидія Ивановна жила тамъ же, въ сосѣдствѣ и постоянныхъ сношеніяхъ съ Анной. Въ нынѣшнемъ году графиня Лидія Ивановна отказалась жить въ Парголовѣ, ни разу не была у Анны Аркадьевны и намекнула Алексѣю Александровичу на неудобство близости Анны съ Бетси и Вронскимъ. Алексѣй Александровичъ строго остановилъ ее, высказавъ мысль что жена его выше подозрѣнія, и съ тѣхъ поръ сталъ избѣгать графиню Лидію Ивановну. Онъ не хотѣлъ видѣть и не видѣлъ что въ свѣтѣ уже многіе косо смотрятъ на его жену, не хотѣлъ понимать и не понималъ почему жена его особенно настаивала на томъ чтобы переѣхать въ Царское, гдѣ жила Бетси, откуда недалеко было до лагеря полка Вронскаго. Онъ не позволялъ себѣ думать объ этомъ и не думалъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ во глубинѣ своей души, никогда не выказывая этого самому себѣ и не имѣя на то никакихъ только доказательствъ, но и подозрѣній, зналъ несомнѣнно что онъ былъ обманутый мужъ и былъ отъ этого глубоко несчастливъ.

Сколько разъ во время своей восьмилѣтней счастливой жизни съ женой, глядя на чужихъ невѣрныхъ женъ и обманутыхъ мужей, говорилъ себѣ Алексѣй Александровичъ: „какъ допустить до этого? какъ не развязать этого безобразнаго положенія?“ Но теперь, когда бѣда пала на его голову, онъ не только не думалъ о томъ какъ развязать это положеніе, но вовсе не хотѣлъ знать его, не хотѣлъ знать именно потому что оно было слишкомъ ужасно, слишкомъ неестественно.

Можно придумать что сдѣлать когда въ дорогѣ сломаются ось или падеть лошадь, но ничего нельзя придумать есавъ дорогѣ сломаются всѣ суставы тѣла. Ничего нельзя придумать, можно только гнать скорѣе лошадь.

Изъ-за привычнаго увлеченія движеніемъ, Алексѣй Александровичъ не хотѣлъ признаться что онъ уже разбитъ въ дребезги, хотя во глубинѣ души онъ чувствовалъ это.

Со времени своего возвращенія изъ-за границы, Алексѣй Александровичъ два раза былъ на дачѣ. Одинъ разъ обѣдалъ, другой разъ провелъ вечеръ съ гостями, но ни разу не ночевалъ, какъ онъ имѣлъ обыкновеніе дѣлать это въ прежніе годы.

День скачекъ былъ очень занятой день для Алексѣя Александровича; но съ утра еще сдѣлавъ себѣ росписание дня, онъ рѣшилъ что тотчасъ послѣ ранняго обѣда онъ поѣдетъ на дачу къ женѣ и оттуда на скачки, на которыхъ будетъ весь Дворъ, и на которыхъ ему надо быть. Къ женѣ же онъ заѣдетъ потому что онъ рѣшилъ себѣ бывать у нея въ недѣлю разъ для приличія. Кромѣ того, въ этотъ день ему нужно было передать женѣ, къ пятнадцатому числу, по заведенному порядку, на расходъ деньги.

Съ обычною властью надъ своими мыслями, обдумавъ все это о женѣ, онъ не позволилъ своимъ мыслямъ распространяться далѣе о томъ что касалось ея.

Утро это было очень занято у Алексѣя Александровича. Наканунѣ графиня Лидія Ивановна прислала ему брошюру бывшаго въ Петербургѣ знаменитаго путешественника въ Китаѣ, съ письмомъ, прося его принять самого путешественника, человека, по разнымъ соображеніямъ, весьма интереснаго и нужнаго. Алексѣй Александровичъ не успѣлъ прочесть брошюру вечеромъ и дочиталъ ее утромъ. Потомъ явились просители, начались доклады, приемы, назначенія, удаленія, распредѣленія наградъ, пенсій, жалованья, перелески, то будничное дѣло, какъ называлъ его Алексѣй Александровичъ, отнимавшее такъ много времени. Потомъ было личное дѣло, посѣщеніе доктора и управляющаго дѣлами. Управляющій дѣлами не занялъ много времени. Онъ только передалъ нужныя для Алексѣя Александровича деньги и далъ краткій отчетъ о состояніи дѣлъ, которыя были не совсѣмъ хороши, такъ какъ случилось что минувшій годъ вслѣдствіе частыхъ выѣздовъ было прожито больше и былъ

дефицитъ. Но докторъ, знаменитый петербургскій докторъ находившійся въ пріятельскихъ отношеніяхъ къ Алексѣю Александровичу, занялъ много времени. Алексѣй Александровичъ и не ждалъ его нынче и былъ удивленъ его пріѣздомъ, и еще болѣе тѣмъ что докторъ очень внимательно разспросилъ Алексѣя Александровича про его состояніе, прослушалъ его грудь, постукалъ и пощупалъ печень. Алексѣй Александровичъ не зналъ что его другъ, Лидія Ивановна, замѣтивъ что здоровье Алексѣя Александровича нынѣшній годъ не хорошо, просила доктора пріѣхать и посмотреть больнаго. „Сдѣлайте это для меня“, сказала ему графиня Лидія Ивановна.

— Я сдѣлаю это для Россіи, графиня, отвѣчалъ докторъ.

— Безцѣнный человекъ, сказала графиня Лидія Ивановна.

Докторъ остался очень недоволенъ Алексѣемъ Александровичемъ. Онъ нашелъ печень значительно увеличенною, питаніе уменьшеннымъ и дѣйствія водъ никакого. Онъ предлисалъ какъ можно больше движенія физическаго и какъ можно меньше умственнаго напряженія и, главное, никакихъ огорченій, то-есть то самое что было для Алексѣя Александровича также невозможно какъ не дышать, и уѣхалъ оставивъ въ Алексѣя Александровича непріятное сознаніе того что что-то въ немъ не хорошо и что исправить этого нельзя.

Выходя отъ Алексѣя Александровича докторъ столкнулся на крыльцѣ съ хорошо знакомымъ ему Слюдинымъ, правителемъ дѣлъ Алексѣя Александровича. Они были товарищами по университету, и хотя рѣдко встрѣчались, уважали другъ друга и были хорошіе пріятели, и оттого никому какъ Слюдину докторъ не высказалъ бы своего откровеннаго мнѣнія о больномъ.

— Какъ я радъ что вы у него были, сказалъ Слюдинъ. — Онъ не хорошъ, и мнѣ кажется... Ну что?

— А вотъ что, сказалъ докторъ махая, черезъ голову Слюдина, своему кучеру чтобъ онъ подавалъ. — А то, сказалъ докторъ, взявъ въ свои бѣлыя руки палець лапковой перчатки и натянувъ его. — Не натягивайте струны и попробуйте перервать, очень трудно; но натяните до послѣдней возможности и наляжьте тяжестью пальца на натянутую струну, она лопнетъ. А онъ по своей усидчивости, добросовѣстности къ работѣ, онъ натянуть до послѣдней степеня, а давленіе постороннее есть, и тяжелое, заключилъ докторъ

значительно поднявъ брови. — Будете на скачкахъ? прибавилъ онъ спускаясь къ поданной каретѣ. — Да, да, разумеется, беретъ много времени, отвѣчалъ докторъ что-то такое на сказанное Слюдинымъ и неразслышанное имъ.

Вслѣдъ за докторомъ, отнявшимъ такъ много времени, явился знаменитый миссіонеръ, и Алексѣй Александровичъ, пользуясь только-что прочитанною брошюрой и своимъ прежнимъ знаніемъ этого предмета, поразилъ путешественника глубиною своего знанія предмета и широтою просвѣщеннаго взгляда.

Вмѣстѣ съ путешественникомъ было доложено о пріѣздѣ губернскаго предводителя явившагося въ Петербургъ и съ которымъ нужно было переговорить. Послѣ его отъѣзда нужно было докончить занятія будничныя съ правителемъ дѣлъ и еще надо было съѣздить по серіозному и важному дѣлу къ одному значительному лицу. Алексѣй Александровичъ только успѣлъ вернуться къ пяти часамъ, времени его обѣда, и пообедавъ съ правителемъ дѣлъ, пригласилъ его съ нимъ вмѣстѣ ѣхать на дачу и на скачки.

Не отдавая себѣ въ томъ отчета, Алексѣй Александровичъ искалъ теперь случая имѣть третье лицо при своихъ свиданіяхъ съ женою.

XXV.

Анна стояла наверху предъ зеркаломъ, прикалывая съ помощью Аннушки послѣдній бантъ на платьѣ, когда она услышала у подъѣзда звуки давящихъ щибень колесъ.

„Для Бетси еще рано“, подумала она, и взглянувъ въ окно увидала карету и высовывающуюся изъ нея черную шляпу и столь знакомые ей уши Алексѣя Александровича. „Вотъ не кстати, неужели почевать?“ подумала она, и ей такъ показалось ужасно и страшно все что могло отъ этого выдти что она, ни минуты не задумываясь, съ веселымъ и сіяющимъ лицомъ вышла къ нимъ на встрѣчу, и чувствуя въ себѣ присутствіе уже знакомаго ей духа лжи и обмана, тотчасъ же отдалась этому духу, и начала говорить сама не зная что скажетъ.

— А, какъ это мило! сказала она подавая руку мужу и улыбкой здороваясь съ домашнимъ человекомъ, Слуди-

нымъ. — Ты ночуешь, надѣюсь? было первое слово которое подсказалъ ей духъ обмана:—а теперь ѣдемъ вмѣстѣ. Только жаль что я обѣщала Бетси. Она заѣдетъ за мной.

Алексѣй Александровичъ поморщился при имени Бетси.

— О, я не стану различать неразличныхъ, сказалъ онъ своимъ обычнымъ тономъ шутки. — Мы поѣдемъ съ Михайломъ Васильевичемъ. Мыѣ и доктора велеть ходить. Я пройдуъ дорогой и буду воображать что я на водахъ.

— Торопиться некуда, сказала Анна. — Хотите чаю?

Она позвонила.

— Подайте чаю, да скажите Сережѣ что Алексѣй Александровичъ пріѣхалъ. Ну, что, какъ твое здоровье? Михаилъ Васильевичъ, вы у меня не были, посмотрите какъ на балконѣ у меня хорошо, говорила она обращаясь то къ тому, то къ другому.

Она говорила очень просто и естественно, но слишкомъ много и слишкомъ скоро. Она сама чувствовала это, тѣмъ болѣе что въ любопытномъ взглядѣ которымъ взглянулъ на нее Михаилъ Васильевичъ она замѣтила что онъ какъ будто наблюдалъ ее.

Михаилъ Васильевичъ тотчасъ же вышелъ на террасу. Она сѣла подлѣ мужа.

— У тебя несомнѣнъ хорошій видъ, сказала она.

— Да, сказалъ онъ, — нынче докторъ былъ у меня и отъѣхалъ часть времени. Я чувствую что кто-нибудь изъ друзей моихъ прислалъ его: такъ драгоценно мое здоровье...

— Нѣтъ, что жъ онъ сказалъ?

Она спрашивала его о здоровьи и занятіяхъ, уговаривала отдохнуть и переѣхать къ ней.

Все это она говорила весело, быстро и съ особеннымъ блескомъ въ глазахъ; но Алексѣй Александровичъ теперь не приписывалъ этому тону ея никакого значенія. Онъ слышалъ только ея слова и придавалъ имъ только тотъ прямой смыслъ который они имѣли. И онъ отвѣчалъ ей просто, хотя и шутливо. Во всемъ разговорѣ этомъ не было ничего особеннаго, но никогда послѣ безъ мучительной боли стыда Анна не могла вспомнить всей этой короткой сцены.

Вошелъ Сережа, предшествуемый гувернанткой. Еслибъ Алексѣй Александровичъ позволялъ себѣ наблюдать, онъ замѣтилъ бы робкій, растерянный взглядъ съ какимъ Сережа

взглянулъ на отца, а потомъ на мать. Но онъ ничего не хотѣлъ видѣть и не выдавалъ.

— А, молодой человѣкъ! Онъ выросъ. Право, совсѣмъ мущина дѣлается. Здравствуй, молодой человѣкъ.

И онъ подалъ руку услуганному Сережѣ.

Сережа и прежде робкій въ отношеніи къ отцу, теперь, послѣ того какъ Алексѣй Александровичъ сталъ его звать молодымъ человѣкомъ, и какъ ему зашла въ голову загадка о томъ другъ или врагъ Бронскій, соединялъ вмѣстѣ эти обѣ загадки и чуждался отца. Онъ, какъ бы прося защиты, оглянулся на мать. Съ одною матерью ему было хорошо. Алексѣй Александровичъ между тѣмъ, заговоривъ съ гувернанткой, держалъ сына за плечо, и Сережѣ было такъ мучительно неловко что Анна видѣла что онъ собирается плакать.

Анна, покраснѣвшая въ ту минуту какъ вошелъ сынъ, замѣтивъ что Сережѣ неловко, быстро вскочила, подняла съ плеча сына руку Алексѣя Александровича, и поцѣловала сына, повела его на террасу и тотчасъ же вернулась.

— Однако пора уже, сказала она, взглянувъ на свои часы, — что это Бетси не ѣдетъ!...

— Да, сказалъ Алексѣй Александровичъ, и вставъ, заложилъ руки и потрещалъ ими. — Я заѣхалъ еще привезть тебѣ денегъ, такъ какъ соловья баснями не кормятъ, сказалъ онъ. — Тебѣ нужно, я думаю.

— Нѣтъ, не нужно.... да, нужно, сказала она не глядя на него и краснѣя до корней волосъ. — Да ты, я думаю, заѣдешь сюда со скачекъ.

— О да! отвѣчалъ Алексѣй Александровичъ. — Вотъ и краса Парголова, княгиня Тверская, прибавилъ онъ, взглянувъ въ окно на подѣзжавшій, англійскій, въ шорахъ, экипажъ съ чрезвычайно высоко поставленнымъ крошечнымъ кузовомъ коляски. — Какое щегольство! Прелестъ! Ну, такъ поѣдемте и мы.

Княгиня Тверская не выходила изъ экипажа, а только ея въ штиблетахъ, лелеринкѣ и черной шляпѣ, лакей соскочилъ у подѣзда.

— Я иду, прощайте, сказала Анна, и поцѣловавъ сына, пошла къ Алексѣю Александровичу и протянула ему руку. — Ты очень милъ что пріѣхалъ.

Алексѣй Александровичъ поцѣловалъ ея руку.

— Ну, такъ до свиданья. Ты заѣдешь чай пить, и прекрасно! сказала она и вышла сіяющая и веселая. Но какъ только она перестала видѣть его, она почувствовала то мѣсто на рукѣ къ которому прикоснулись его губы, и въ отвращеніи вздрогнула.

XXVI.

Когда Алексѣй Александровичъ появился на скачкахъ, Анна уже сидѣла въ бесѣдкѣ рядомъ съ Бетси, въ той бесѣдкѣ гдѣ собиралось все высшее общество. Она увидѣла мужа еще издалека. Два человѣка: мужъ и любовникъ, были для нея двумя центрами жизни, и безъ помощи вѣшнихъ чувствъ она чувствовала ихъ близость. Она еще издалека почувствовала приближеніе мужа, и невольно слѣдила за нимъ въ тѣхъ волнахъ толпы между которыми онъ двигался. Она видѣла какъ онъ подходилъ къ бесѣдкѣ, то снисходительно отвѣчая на заискивающіе поклоны, то дружески, разсѣянно здороваясь съ равными, то старательно выжидая взгляда сильныхъ міра и снимая свою круглую, большую шляпу, нажимавшую кончики его ушей. Она знала всѣ эти приемы, и всѣ они ей были отвратительны. „Одно честолюбіе, одно желаніе успѣть — вотъ все что есть въ его душѣ“, думала она, „а высокія соображенія, любовь къ правосѣденію, религія, все это только орудія для того чтобы успѣть.“

По его взглядамъ на дамскую бесѣдку (онъ смотрѣлъ прямо на нее, но не узнавалъ жены въ морѣ кисецъ, лентъ, перьевъ, зонтиковъ и цвѣтовъ), она поняла что онъ искалъ ее, но она нарочно не замѣчала его.

— Алексѣй Александровичъ! закричала ему княгиня Бетси:—вы вѣрно не видите жену; вотъ она.

Онъ улыбнулся своею холодною улыбкой.

— Здѣсь столько блеска что глаза разбѣжались, сказалъ онъ и пошелъ въ бесѣдку. Онъ улыбнулся женѣ какъ долженъ улыбнуться мужъ встрѣчая жену съ которою онъ только что видѣлся, и поздоровался съ княгиней и другими знакомыми, воздавъ каждому должное, то-есть пошутивъ съ дамами и перекинувшись привѣтствіями съ мужчинами. Внизу подлѣ бесѣдки стоялъ уважаемый Алексѣй Александровичемъ, извѣстный своимъ умомъ и образованіемъ, генераль-адъютантъ. Алексѣй Александровичъ заговорилъ съ нимъ.

Быль промежутокъ между скачками, и потому ничто не мѣшало разговору. Генераль-адъютантъ осуждалъ скачки. Алексѣй Александровичъ возражалъ, защищая ихъ. Анна слушала его тонкій, ровный голосъ не пропуская ни одного слова, и каждое слово его казалось ей фальшиво и болью рѣзало ее ухо.

Когда началась четырехверстная скачка съ препятствіями, она нагнулась впередъ и не спуская глазъ смотрѣла на подхлотившаго къ лошади и садившагося Вронскаго, и въ то же время слышала этотъ отвратительный, неумолкающій голосъ мужа. Она мучилась страхомъ за Вронскаго, но еще болѣе мучилась неумолкавшимъ, ей казалось, звукомъ тонкаго голоса мужа съ знакомыми интонаціями.

„Я дурная женщина, я погибшая женщина, думала она, но я не люблю лгать, я не переносу лжи, а его (мужа) лица—это ложь. Онъ все знаетъ, все видитъ, что же онъ чувствуетъ если можетъ такъ спокойно говорить? Убей онъ меня, убей онъ Вронскаго, я бы уважала его. Но нѣтъ, ему нужны только ложь и приличіе“, говорила себѣ Анна, не думая о томъ чего именно она хотѣла отъ мужа, какимъ бы она хотѣла его видѣть. Она не понимала и того что эта крившья особенная словоохотливость Алексѣя Александровича, такъ раздражавшая ее, была только выраженіемъ его внутренней тревоги и безпокойства. Какъ убившійся ребенокъ прыгая приводитъ въ движеніе свои мускулы чтобы заглушить боль, такъ для Алексѣя Александровича было необходимо умственное движеніе чтобы заглушить тѣ мысли о женѣ которыя въ ее присутствіи и въ присутствіи Вронскаго, и при постоянномъ повтореніи его имени, требовали къ себѣ вниманія. А какъ ребенокъ естественно прыгать, такъ и ему было естественно хорошо и умно говорить. Онъ говорилъ:

— Оласность въ скачкахъ военныхъ, кавалерійскихъ, есть необходимое условіе скачекъ. Если Англія можетъ указать въ военной исторіи на самую блестящія кавалерійскія дѣла, то только благодаря тому что она исторически развивала въ себѣ эту силу и животныхъ и людей. Спортъ, по моему мнѣнію, имѣетъ большое значеніе и, какъ всегда, мы видимъ только самое поверхностное.

— Не поверхностное, сказала княгиня Тверская,—одинъ офицеръ, говорить, сломалъ два ребра.

Алексѣй Александровичъ улыбнулся своею улыбкой только открывавшею зубы, но ничего болѣе не говорившею.

— Положимъ, княгиня, что это не поверхностное, сказалъ онъ,—но внутреннее. Но не въ томъ дѣло,—и онъ опять обратился къ генералу съ которымъ говорилъ серьезно:—не забудьте что скачутъ военные, которые избрали эту дѣятельность, и согласитесь что всякое призваніе имѣетъ свою оборотную сторону медали. Это прямо входитъ въ обязанности военнаго. Безобразный спортъ кулачнаго боя или испанскихъ тореадоровъ есть признакъ варварства. Но специализованный спортъ есть признакъ развитія.

— Нѣтъ, я не побѣду въ другой разъ; это меня слишкомъ волнуетъ, сказала княгиня Бетси.—Не правда ли, Анна?

— Волнуетъ, но нельзя оторваться, сказала другая дама.— Есавѣ я была Римлянка, я бы не пропустила ни одного цирка.

Анна ничего не говорила и не слуская бинюкая смотрѣла въ одно мѣсто.

Въ это время черезъ бесѣдку проходилъ высокій генералъ. Прервавъ рѣчь, Алексѣй Александровичъ послѣшно, но достойно всталъ и низко поклонился проходившему военному.

— Вы не скачете? пошутить ему военный.

— Моя скачка труднѣе, почтительно отвѣчалъ Алексѣй Александровичъ.

И хотя отвѣтъ ничего не значилъ, военный сдѣлалъ видъ что получалъ умное слово отъ умнаго человѣка и влоаиъ понимаетъ la pointe de la sauce.

— Есть двѣ стороны, продолжалъ снова Алексѣй Александровичъ,—исполнителей и зрителей; и любовь къ этимъ зрѣлищамъ есть вѣрнѣйшій признакъ низкаго развитія для зрителей, я согласенъ, но...

— Княгиня, пари! послышался снизу голосъ Стелана Аркадьевича, обращавшагося къ Бетси.—За кого вы держите?

— Мы съ Анной за князя Кузовлева; отвѣчала Бетси.

— Я за Вронскаго. Пара перчатокъ.

— Идетъ!

— А какъ красиво, не правда ли?

Алексѣй Александровичъ помолчалъ пока говорили около него, но тотчасъ опять началъ.

— Я согласенъ, но мужественныя игры... продолжалъ было онъ.

Но въ это время пускали вѣздовыхъ, и всѣ разговоры прекратились. Алексѣй Александровичъ тоже замолкъ, и всѣ поднялись и обратились къ рѣкѣ. Алексѣй Александровичъ не интересовался скачками и потому не глядѣлъ на скакавшихъ, а разсѣянно сталъ обводить зрителей усталыми глазами. Взглядъ его остановился на Аннѣ.

Лицо ея было блѣдно и строго. Она очевидно ничего и никого не видала кромѣ одного. Рука ея судорожно сжимала вѣрвь и она не дышала. Онъ посмотрѣлъ на нее и послѣшнѣе отвернулся оглядывая другія лица.

— Да вотъ и эта дама и другія тоже очень взволнованы, это очень естественно, сказалъ себѣ Алексѣй Александровичъ. Онъ хотѣлъ не смотрѣть на нее, но взглядъ его невольно притягивалъ къ ней. Онъ опять вглядывался въ это лицо, стараясь не читать того что такъ ясно было на немъ написано, и противъ воли своей съ ужасомъ читалъ на немъ то чего онъ не хотѣлъ знать.

Первое паденіе Кузовлева на рѣкѣ взволновало всѣхъ, но Алексѣй Александровичъ видѣлъ ясно на блѣдномъ, торжествующемъ лицѣ Анны что тотъ на кого она смотрѣла не упалъ. Когда, послѣ того какъ Махотинъ и Бронскій перескочили большой барьеръ, слѣдующій офицеръ упалъ тутъ же на голову и разбился замятвомъ, и шорохъ ужаса пронесся по всей публикѣ, Алексѣй Александровичъ видѣлъ что Анна даже не замѣтила этого и съ трудомъ поняла о чемъ говорили вокругъ. Всѣ были взволнованы, и потому волненіе Анны совершенно естественно, говорилъ себѣ Алексѣй Александровичъ. Но онъ все чаще и чаще и съ большимъ упорствомъ вглядывался въ нее. Анна, вся поглощенная зрѣлищемъ скакавшаго Бронскаго, почувствовала сбоку устремленный на себя взглядъ холодныхъ глазъ своего мужа.

Она оглянулась на мгновение, вопросительно посмотрѣла на него и, слегка нахмурившись, опять отвернулась.

— Ахъ, мнѣ все равно, какъ будто сказала она ему и уже болѣе ни разу не вглядывала на него.

Скачки были несчастливы, и изъ семнадцати человекъ попададо и разбило больше половины. Къ концу скачекъ всѣ были въ волненіи, которое еще болѣе увеличилось тѣмъ что Государь былъ недоволенъ.

XXVII.

Всѣ громко выражали свое неодобреніе, всѣ повторяли сказанную кѣмъ-то фразу: „не достаетъ только цирка съ львами“, и ужасъ чувствовался всѣми, такъ что когда Вронскій упалъ и Анна громко ахнула, въ этомъ не было ничего необыкновеннаго. Но вслѣдъ затѣмъ въ лицѣ Анны произошла перемѣна, которая была уже положительно неприлична. Она совершенно потерялась. Она стала биться какъ пойманная птица: то хотѣла встать и идти куда-то, то обращалась къ Бетси.

— Поѣдемъ, поѣдемъ, говорила она.

Но Бетси не слыхала ея. Она говорила, перегнувшись внизъ, съ подошедшимъ къ ней генераломъ.

Алексѣй Александровичъ подошелъ къ Аннѣ и учтиво поддалъ ей руку.

— Поѣдемте, если вамъ угодно, сказалъ онъ по-французски, но Анна прислушивалась къ тому что говорилъ генералъ и не замѣтила мужа.

— Тоже сломалъ ногу, говорятъ, говорилъ генералъ.—Это ни на что не похоже.

Анна, не отвѣчая мужу, подвела бинокль и смотрѣла на то мѣсто гдѣ упалъ Вронскій, но было такъ далеко, и тамъ столпилось столько народа что ничего нельзя было разобратъ. Она опустила бинокль и хотѣла идти; но въ это время подскакалъ офицеръ и что-то докладывалъ Государю. Анна высунулась впередъ, слушая.

— Стива! Стива! прокричала она брату.

Но братъ не слыхалъ ея. Она опять хотѣла выходить.

— Я еще разъ предлагаю вамъ свою руку если вы хотите идти, сказалъ Алексѣй Александровичъ, дотрогиваясь до ея руки.

Она съ отвращеніемъ отстранилась отъ него, и не взглянувъ ему въ лицо, отвѣчала:

— Нѣтъ, нѣтъ, оставьте меня, я останусь.

Она видѣла теперь что отъ мѣста паденія Вронскаго черезъ кругъ бѣжалъ офицеръ къ бѣсѣдкѣ. Бетси махала ему платкомъ. Офицеръ принесъ извѣстіе что ѣздокъ не убиася, но лошадь сломала себѣ спину.

Услыхавъ это, Анна быстро сѣла и закрыла лицо вѣеромъ. Алексѣй Александровичъ видѣлъ что она плакала и не могла удержать не только слезъ, но и рыданій, которыя поднимали ея грудь. Алексѣй Александровичъ загородилъ ее собою, давая ей время оправиться.

— Въ третій разъ предлагаю вамъ свою руку, сказалъ онъ чрезъ нѣсколько времени, обращаясь къ ней. Анна смотрѣла на него и не знала что сказать. Княгиня Бетси пришла ей на помощь.

— Нѣтъ, Алексѣй Александровичъ, я увезла Анну, и я общалась отвезти ее, вмѣшалась Бетси.

— Извините меня, княгиня, сказалъ онъ, учтиво улыбаясь, но твердо глядя ей въ глаза, — но я вижу что Анна не совсѣмъ здорова и желаю чтобъ она вѣхала со мною.

Анна испуганно оглянулась, покорно встала и положила руку на руку мужа.

— Я пошлю къ нему, узнаю и пришлю сказать, прошептала ей Бетси.

На выходѣ изъ бесѣдки, Алексѣй Александровичъ, также какъ всегда, говорилъ со встрѣчавшимися, и Анна должна была, какъ и всегда, отвѣчать и говорить; но она была сама не своя и какъ во снѣ шла подъ-руку съ мужемъ.

„Убился или нѣтъ? Правда ли? Придетъ или нѣтъ? Увижу ли я его нынче?“ думала она.

Она молча сѣла въ карету Алексѣя Александровича и молча выѣхала изъ толпы экипажей. Несмотря на все что онъ видѣлъ, Алексѣй Александровичъ все-таки не позволялъ себѣ думать о настоящемъ положеніи своей жены. Онъ только видѣлъ внѣшніе признаки. Онъ видѣлъ что она вела себя неприлично и считалъ своимъ долгомъ сказать ей это. Но ему очень трудно было не сказать болѣе, а сказать только это. Онъ открылъ ротъ чтобы сказать ей какъ она неприлично вела себя, но невольно сказалъ совершенно другое.

— Какъ однако мы всѣ склонны къ этимъ жестокимъ зрѣлищамъ, сказалъ онъ.—Я замѣчаю...

— Что? Я не понимаю, презрительно сказала Анна.

Онъ оскорбился и тотчасъ же началъ говорить то что хотѣлъ.

— Я долженъ сказать вамъ, проговорилъ онъ.

„Вотъ оно, объясненіе“, подумала она, и ей стало страшно.

Я долженъ сказать вамъ что вы неприлично вели себя нынче, сказалъ онъ ей по-французски.

— Чѣмъ я неприлично вела себя? громко сказала она, быстро поворачивая къ нему голову и глядя ему прямо въ глаза, но совѣтъ уже не съ прежнимъ скрывающимъ что-то весельемъ, а съ рѣшительнымъ и смѣлымъ видомъ, подъ которымъ она съ трудомъ скрывала испытываемый страхъ.

— Не забудьте, сказалъ онъ ей, указывая на открытое окно противъ кучера.

Онъ приподнялся и поднялъ стекло.

— Что вы нашли неприличнымъ? повторила она.

— То отчаяніе которое вы не умѣли скрыть при паденіи одного изъ наездниковъ.

Онъ ждалъ что она возразитъ, но она молчала, глядя предъ собою.

— Я уже просилъ васъ держать себя въ свѣтъ такъ чтобъ и замы языки не могли ничего сказать противъ васъ. Было время когда я говорилъ о внутреннихъ отношеніяхъ; а теперь не говорю про нихъ. Теперь я говорю о вѣшнихъ отношеніяхъ. Вы неприлично держали себя, и я желалъ бы чтобъ это не повторялось.

Она не слышала половины его словъ, она испытывала страхъ къ нему и думала о томъ, правда ли то что Вронскій не убился. О немъ ли говорили что онъ цѣлъ, а лошадь сломала спину? Она только притворно-васмѣшливо улыбнулась когда онъ кончилъ и ничего не отвѣчала, потому что не слыхала того что онъ говорилъ. Алексѣй Александровичъ началъ говорить смѣло, но когда онъ ясно ловилъ то о чемъ онъ говорить,—страхъ который она испытывала сообщался ему. Онъ увидѣлъ эту улыбку, и странное заблужденіе нашло на него.

„Она улыбается надъ моими подозрѣніями. Да, она скажетъ сейчасъ то что говорила мнѣ тотъ разъ: что нѣтъ основаній моимъ подозрѣніямъ, что это смѣшно.“

Теперь, когда надъ нимъ висѣло открытіе всего, онъ ничего такъ не желалъ какъ того чтобъ она также какъ прежде васмѣшливо отвѣтила ему что его подозрѣнія смѣшны и не имѣютъ основанія. Такъ страшно было то что онъ зналъ что теперь онъ былъ готовъ повѣрить всему. Но выраженіе лица ея, испуганнаго и мрачнаго, теперь не обѣщало даже обмана.

— Можеть-быть я ошибаюсь, сказалъ онъ. — Въ такомъ случаѣ я прошу извинить меня.

— Нѣтъ, вы не ошиблись, сказала она медленно, отчаянно взглянувъ на его холодное лицо. — Вы не ошиблись. Я была и не могу не быть въ отчаяннѣ, я слушаю васъ и думаю о немъ. Я люблю его, я его любовница, я не могу переносить, я боюсь, я ненавижу васъ.... Дѣлайте со мной что хотите.

И откинувшись въ уголъ кареты, она зарыдала закрываясь руками. Алексѣй Александровичъ не пошевелился и не измѣнилъ прямого направленія взгляда. Но все лицо его вдругъ приняло торжественную неподвижность мертвого, и выраженіе это не измѣнилось во все время ѣзды до дачи. Подъѣзжая къ дому, онъ повернулъ къ ней голову все съ тѣмъ же выраженіемъ.

— Такъ! Но я требую соблюденія вѣншихъ условій пріличія до тѣхъ поръ—голосъ его задрожалъ—пока я приму мѣры обезпечивающія мою честь и сообщу ихъ вамъ.

Онъ вышелъ впередъ и высадилъ ее. Въ виду прислуги, онъ пожалъ ей молча руку, сѣлъ въ карету и уѣхалъ въ Петербургъ.

Вслѣдъ за нимъ пришелъ лакей отъ княгини Бетси и принесъ Аннѣ записку:

„Я послала къ Алексѣю узнать объ его здоровьѣ, и онъ мнѣ пишетъ что здоровъ и цѣлъ; но въ отчаяннѣ.“

„Такъ онъ будетъ! подумала она.—Какъ хорошо я сдѣлала что все сказала ему.“

Она взглянула на часы. Еще оставалось три часа, и воспоминанія подробностей послѣдняго свиданія зажгли ей кровь.

„Боже мой, какъ свѣтло! Это страшно, но я люблю видѣть его лицо и люблю этотъ фантастическій свѣтъ.... Мужъ! ахъ да.... Ну, и слава Богу что съ нимъ все кончено.“

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ГРАФЪ ЛЕВЪ ТОЛСТОЙ.

НОВЫЯ СОЧИНЕНІЯ ВСЕВОЛОДА КРЕСТОВСКАГО

Красивый Путь. Хроника о новомъ смутномъ времени государства
Россійскаго. Соч. Всеволода Крестовскаго. С.-Петербургъ, 1875.
Изъ походныхъ очерковъ, Вс. Крестовскаго. С.-Петербургъ, 1874.
На Западъ и на Востокъ, Вс. Крестовскаго. С.-Петербургъ, 1872.

Мы конечно не ошибемся если скажемъ что изъ нашихъ писателей выступившихъ [на литературное поприще въ послѣдніе 15 — 20 лѣтъ, г. Всеволодъ Крестовскій принадлежитъ къ числу пользующихся наибольшою извѣстностью. Въ публикѣ можно встрѣтить весьма различныя мнѣнія о его талантѣ и въ особенности о внутреннемъ содержаніи его произведеній, но едва ли можно встрѣтить человѣка не читавшаго этихъ произведеній, по крайней мѣрѣ самаго извѣстнаго между вами — *Петербургскихъ Трущобъ*. Такая популярность писателя представляетъ сама по себѣ фактъ надъ которымъ критика не можетъ не остановиться. Г. Крестовскій не принадлежитъ къ числу писателей доводящихъ свои произведенія до чрезвычайной тщательности въ отдѣлкѣ или щущихъ вложить въ нихъ ту глубину внутренняго содержанія, которая является результатомъ долго выношенной, сосредоточенной мысли. Къ тому же онъ никогда не пользуется благосклонностью журналистики, и критика ничего не сдѣлала для того чтобы провести его въ публику. Если,

несмотря на всѣ эти условія, онъ пользуется такою извѣстностію и имѣетъ столь обширный кругъ читателей, то значить въ его талантѣ есть нѣчто особенное, лично ему принадлежащее, установившее живую связь между нимъ и читающею публикой.

Есть сторона его литературнаго таланта объясняющая такову этихъ близкихъ отношеній его къ публикѣ. Тайна эта, какъ намъ кажется, заключается въ томъ что г. Крестовскій умѣетъ брать каждое явленіе жизни съ *самой интересной ея стороны*. О чемъ бы онъ ни писалъ, въ какую бы область дѣйствительной жизни ни заводилъ онъ читателя — послѣднему никогда не бываетъ скучно. Талантъ, конечно, здѣсь значитъ много, однакожь мы знаемъ не мало очень талантливыхъ произведеній за которыми скучаетъ читающая масса. Есть что-то внѣ литературнаго дарованія, что-то коренящееся въ самой натурѣ писателя что устанавливаетъ болѣе или менѣе близкую связь его съ публикой.

Плодovitая литературная производительность г. Крестовскаго коснулась различныхъ слоевъ нашего общества, открыла большое разнообразіе фактовъ и явленій современной русской дѣйствительности. Но главнымъ образомъ она посвящена тому обширному среднему кругу, къ которому принадлежитъ значительнѣйшая доля читающей публики. Въ его послѣднихъ романахъ, разказахъ и очеркахъ этотъ кругъ почти исключительно выступаетъ на сцену дѣйствія, авторъ пишетъ для него, живетъ его интересами. Понятно что это обстоятельство само по себѣ должно значительно возвысить занимательность его произведеній для публики, всегда охотнѣе обращающейся къ той литературѣ которая откликается на ея собственныя заботы и интересы. Но и въ тѣхъ случаяхъ когда г. Крестовскій обращается къ матеріалу стоящему внѣ средняго образованнаго круга, онъ умѣетъ найти въ этомъ матеріалѣ такія стороны и черты въ которыхъ выступаютъ общечеловѣческія страсти, стремленія и инстинкты. Изображаетъ ли онъ русскаго мужика-пахаря, выводитъ ли на сцену мрачныхъ обитателей притоновъ столичнаго кабака, — онъ не обособляетъ этихъ явленій, не уходитъ отъ нихъ, не забываетъ своего читателя. Онъ, напротивъ, останавливается въ этихъ явленіяхъ преимущественно то что можетъ быть интересно для читателя стоящаго гораздо выше изображаемой дѣйствительности. По этому поводу мы не

жемъ не указать на прекрасный, нынѣ забытый очеркъ г. Крестовскаго: *Пчелыникъ*. Произведеніе это принадлежитъ къ такъ-называемой у насъ народной литературѣ, то-есть дѣйствующими лицами въ немъ является крестьянская семья. Но какая разница между этимъ поэтическимъ разказомъ и тѣмъ что представляетъ подъ именемъ народной литературы масса нашей новѣйшей беллетристики! Оставаясь совершенно вѣрнымъ дѣйствительности, прекрасно передавая и языкъ и всѣ внѣшніе бытовые признаки, г. Крестовскій сообщилъ своему разказу столько поэтичности, раскрылъ такіе драматическіе, общечеловѣческіе мотивы, что читая это юношеское произведеніе, никто не скажетъ чтобъ оно не было интересно потому что воспроизводитъ безсодержательную, низшую жизнь. Точно также въ самомъ извѣстномъ своемъ романѣ, въ *Петербургскіихъ Трущобахъ*, авторъ вводитъ читателя въ міръ тайнаго разврата и порока, гдѣ кишатъ отребья человеческого рода, гдѣ жизнь замкнулась въ особыя, мрачныя и часто отвратительныя формы. Но авторъ показываетъ эту жизнь не въ ея замкнутости и обособленности; онъ, напротивъ, слѣдитъ за тѣми соприкосновеніями въ какія она входитъ съ жизнью общества въ нѣдрахъ котораго гнѣздится, тайно вбираясь въ нее, какъ элементъ зла и порока. Подъ внѣшнимъ декорумомъ гражданственности и цивилизаціи, какимъ облекается современное общество, авторъ отыскиваетъ эти тайные проводники зла, посредствомъ которыхъ сообщаются между собой нечистыя начала содержаціяся въ различныхъ слояхъ общества...

Г. Крестовскій извѣстенъ въ литературѣ какъ поэтъ, журналистъ и романистъ. Извѣстность его въ послѣднемъ качествѣ заставила отчасти забыть его стихи и мелкіе юмористическіе очерки, хотя тѣ и другіе далеко не лишены значенія. Литературное развитіе г. Крестовскаго шло правильно: онъ посвящалъ поэзіи и смѣху самые юные свои годы, и позднѣе обратился къ серіознымъ задачамъ большаго общественнаго романа. Стихотворные опыты его, принадлежащіе лишь нѣсколькимъ годамъ поэтическаго вдохновенія, составили однакожь два тома весьма разнообразнаго содержанія: мелкія лирическія стихотворенія, быльи и сказки народнаго характера, испанскіе мотивы, лозы и антологіи изъ древняго міра, библейскія темы и пере-

ложенія, переводы изъ Анакреона и Горація, изъ Гёте и Гейне. Разнообразіе формъ и мотивовъ указываетъ на чрезвычайную гибкость стиха и впечатлительность вдохновенія.

Въ прозѣ г. Крестовскій выступилъ съ цѣлымъ рядомъ небольшихъ юмористическихъ разказовъ и очерковъ, помѣщавшихся въ различныхъ журналахъ конца пятидесятыхъ годовъ и потомъ нѣсколько разъ изданныхъ отдѣльно, подъ заголовками: *Петербургскіе Типы*, *Петербургскіе Золотопромышленники* и *Фотографическія Карточки Петербургской Жизни*. Эти мелкіе разказы исполнены веселости, остроумія, мѣткого и благодушнаго юмора. Цѣлый рядъ оригинальныхъ петербургскихъ типовъ, съ обстановкой характерныхъ петербургскихъ угловъ, отразился въ этихъ живыхъ очеркахъ, отмѣченныхъ яркими признаками еще незрѣлаго, молодого, но уже много обѣщавшаго таланта. Кому случалось читать ихъ, тотъ вѣроятно до сихъ поръ не забылъ мѣткія характеристики такихъ типовъ какъ Петя Виляевъ, Богданъ Сіонычъ, Гнилушница, Извоцикъ-Ванька, Лихачи, содержательница меблированныхъ комнатъ Анна Ивановна, капитанъ Закурдаило и пр. и пр. Удивительная простота съ какою авторъ подходитъ къ этимъ типамъ, уловляя въ нихъ именно то что существенно ихъ опредѣляетъ, дѣлаетъ ихъ неустребимыми изъ памяти читателя. Что такое на примѣръ этотъ Богданъ Сіонычъ? Онъ происходитъ изъ „армяшекъ“ и провелъ юность въ отмѣриваніи тармаламы и тафты въ одномъ изъ „азіатскихъ магазиновъ“ на Невскомъ Проспектѣ. Въ эти дни первой юности Богданъ Сіонычъ ходилъ еще въ „азіатскомъ костюмѣ“ и на вопросъ кто онъ таковъ и какой чинъ имѣетъ? отвѣтствовалъ: „чинъ?—Азіать!“—Изъ какихъ? продолжалъ допрашивавшій. „Изъ восточныхъ чаловѣковъ“, пояснялъ Богданъ Сіонычъ, не любившій болѣе точно опредѣлять свою національность. И когда вопрошавшій не зналъ его профессіи, „восточный чаловѣкъ“ объяснялъ что онъ „изъ конвойныхъ“ и потому „ганжаламъ“ носить: у всѣхъ подобныхъ субъектовъ, поясняетъ авторъ, есть маленькая слабость самозванства насчетъ „конвойныхъ восточныхъ чаловѣковъ“.

Мелкіе очерки изъ петербургской жизни послужили г. Крестовскому какъ бы первою пробой той широкой задачи которую онъ разработалъ въ самомъ извѣстномъ своемъ романѣ—въ *Петербургскихъ Трещобкахъ*. Многое что въ послѣд-

ствіи съ такою полнотою и такою захватывающею занимательностію было развито въ этомъ романѣ, встрѣчается въ видѣ набросковъ въ *Петербургскихъ Типахъ* и въ *Петербургскихъ Золотопромышленникахъ*: изученіемъ характерныхъ типовъ и угловъ петербургскаго захолустья авторъ какъ бы подготовлялся къ обширному художественно-этнографическому труду, идея котораго давно уже носилась предъ нимъ.

Произведенію къ которому мы теперь обращаемся г. Крестовскій главнымъ образомъ обязанъ своею чрезвычайно извѣстностію. Успѣхъ *Петербургскихъ Трущобъ* въ нашей публикѣ былъ громадный; каждая новая часть романа ожидалась съ нетерпѣніемъ и проглатывалась съ жадностію; журналъ гдѣ этотъ романъ печатался поправилъ на немъ свои приходившія въ уладокъ дѣла; два большія отдѣльныя изданія разошлись съ необыкновенною быстротою; явились многочисленныя подражанія. Романъ проникъ и въ европейскую публику, появившись въ переводахъ на нѣмецкій, французскій, англійскій, италіанскій и чешскій языки. Одна только русская критика встрѣтила романъ недоброжелательно и нашлась подарить молодаго автора лишь глумленіемъ и бранью.

Между тѣмъ чрезвычайный интересъ возбужденный *Петербургскими Трущобами* могъ бы, казалось, возбудить болѣе серьезный взглядъ на это произведеніе. Масса читающей публики (какъ бы высоко ни относились мы къ ней) обладаетъ извѣстнымъ чутьемъ, съ помощью котораго всегда умѣетъ отличить талантъ отъ бездарности. *Петербургскія Трущобы*—произведеніе очень молодое, но несомнѣнно и очень талантливое. Оба эти качества въ немъ какъ бы нераздѣльны, какъ бы взаимно дополняютъ и объясняютъ другъ друга. Молодость автора сказалась въ чрезмѣрной многообъемлемости замысла, въ пониманіи нѣкоторыхъ явленій жизни болѣе съ внѣшней стороны, въ энергіи съ какою авторъ собиралъ и изучалъ свой матеріалъ; талантъ выразился въ чрезвычайно искусномъ развитіи интриги, въ необыкновенной живости сценъ и описаній, въ захватывающей увлекательности разказа, въ умѣньи сочетать внѣшній сказочный интересъ съ интересомъ этнографическаго изученія въ области трущобнаго петербургскаго населенія. Планъ романа задуманъ такъ искусно что самыя недостатки выполненія, кажется, не вредятъ ему: нѣсколько внѣшняя точка зрѣнія на многія явленія дѣйствительности представляется какъ бы даже весьма умѣстною

въ этой сложной и пестрой композиціи, въ которой авторъ стоитъ на рубежѣ между сказочно-увлекательнымъ вымысломъ и самою обнаженной реальностью. Впрочемъ, рядомъ съ богатствомъ вѣшняго интереса, въ нѣкоторыхъ эпизодахъ романа чувствуется настоящая, глубокая драма; такова на примѣръ исторія Маши, и отчасти исторія Бероевыхъ. Замѣтимъ кстати что пестрота и сложность композиціи не отнимаютъ у романа характера цѣльности: многочисленныя нити его такъ искусно переплетены между собою что читатель постоянно чувствуетъ общій клубокъ изъ котораго онѣ разматываются. По отношенію къ мастерскому развитію сложной романтической интриги, *Петербургскія Трущобы* конечно не много имѣютъ себѣ равнаго въ русской литературѣ. Единство композиціи поддерживается впрочемъ въ этомъ романѣ не однимъ только вѣшнимъ образомъ, но вытекаетъ также изъ единства основной идеи которую не трудно различить въ этомъ произведеніи. Мы отчасти уже указали эту идею: авторъ разсматриваетъ порокъ во всѣхъ его видахъ какъ общечеловѣческую стихію, какъ начало зла лежащее въ человѣческой природѣ и сообщающееся скрытыми путями чрезъ всѣ слои общественнаго организма. Вводя читателя въ обособившуюся, замкнутую, специфическую жизнь петербургскихъ трущобъ, авторъ постоянно даетъ чувствовать что надъ этимъ міромъ грязи, порока и нищеты находится другой міръ, быть-можетъ столь же порочный, но умѣющій позолотить грязь и преступленіе, среди которыхъ онъ живетъ. Такимъ образомъ содержаніе романа подымается отъ картинокъ трущобнаго быта къ сатирѣ отражающей пороки и недостатки цѣлаго общественнаго склада.

Петербургскія Трущобы закончили собою первый періодъ литературной дѣятельности г. Крестовскаго. Вскорѣ въ жизни его насталъ переворотъ, до сихъ поръ продолжающій удивлять многихъ и служить источникомъ болѣе или менѣе неудачныхъ догадокъ. Достигнувъ въ чрезвычайно молодые годы необыкновеннаго литературнаго успѣха, г. Крестовскій вдругъ покинулъ Петербургъ и предпринялъ продолжительное путешествіе къ восточной окраинѣ Россіи. Онъ посѣтилъ поволжскія губерніи, проѣхалъ въ Киргизскія степи и къ низовьямъ Дона, увлекаемый отчасти интересомъ какой представляли для него своеобразныя черты нравовъ и быта Татаръ, Армянъ и прочихъ „восточныхъ

человѣкъ". Затѣмъ всѣ узнали что г. Крестовскій поступилъ юнкеромъ въ одинъ изъ кавалерійскихъ полковъ стоящихъ въ западномъ краѣ. Извѣстiе это безконечно всѣхъ удивило. Представлялось невѣроятнымъ чтобы чедовѣкъ съ такимъ блестящимъ успѣхомъ выступившій на литературномъ поприщѣ, стяжавшій сразу такую извѣстность въ публикѣ, могъ безъ особенныхъ, весьма важныхъ причинъ надѣтъ на себя юнкерскій мундиръ и промѣнять независимость и выгоды своего прежняго положенія на скромную долю уланскаго офицера. Не будемъ повторять здѣсь всѣхъ предположеній и догадокъ какими заинтригованная публика старалась объяснить это невѣроятное въ глазахъ многихъ событiе; скажемъ только что никому не приходила въ голову самая простая и естественная мысль, именно что г. Крестовскій искренно любитъ военную службу и искренно предпочитаетъ обстановку кавалерійскаго быта жизни петербургскаго литератора. Только въ послѣдствіи, когда въ журналахъ стали появляться его прекрасные очерки кавалерійской жизни, пропикнутые такою любовью къ своему новому дѣлу, а затѣмъ публика познакомилась и съ болѣе серіозными трудами его по исторіи русской кавалеріи, только тогда стали догадываться что нѣтъ надобности объяснять поступленіе г. Крестовскаго въ военную службу какими-нибудь чрезвычайными причинами, и что на самомъ дѣлѣ событiе это гораздо проще чѣмъ кажется.

Переворотъ въ жизни, неизбежно отозвавшійся и въ литературной дѣятельности г. Крестовскаго, въ сущности былъ естественнымъ результатомъ его внутренняго развитія. Вслѣдъ за быстро-перегорѣвшею первою молодостью, наполненною горячими впечатлѣніями, броженіемъ неустановившихся силъ и преждевременнымъ жизненнымъ опытомъ, настала пора спокойнаго и трезваго отношенія къ дѣйствительности, почувствовалась потребность нѣкотораго нравственнаго отдыха. Окружающая жизнь, принимаемая до тѣхъ поръ преимущественно съ ея внѣшней стороны, раскрыла предъ поэтомъ и романистомъ свое внутреннее содержаніе; наступилъ періодъ спокойнаго, чисто объективнаго творчества, періодъ авторской освѣдлости, если позволено такъ выразиться.

Къ этому второму періоду литературной дѣятельности г. Крестовскаго относятся главнымъ образомъ его романы *Панургово Стадо* и *Дѣнь Силы*, изданные теперь въ четырехъ

томахъ подъ общимъ заглавіемъ *Красивый Пудъ*, фельетонный романъ *Внѣ Закона*, печатавшійся первоначально въ газетѣ *Русскій Миръ*, и небольшіе этюды и разказы, собранные въ два тома подѣ заглавіемъ: *Изъ походныхъ очерковъ и На западъ и на востокъ*. За исключеніемъ романа *Внѣ Закона*, въ которомъ авторъ, въ виду особыхъ условій, преслѣдовалъ преимущественно внѣшнія задачи романческаго интереса, всѣ эти позднѣйшія произведенія г. Крестовскаго посвящены главнымъ образомъ бытовымъ и политическимъ условіямъ жизни нашего западнаго края, въ которомъ авторъ провелъ нѣсколько лѣтъ, обогатившихъ его обширнымъ литературнымъ и общественнымъ матеріаломъ. Намъ пришлось бы чрезмѣрно раздвинуть предѣлы этой статьи, еслибы мы захотѣли дать отчетъ о всѣхъ упомянутыхъ произведеніяхъ; мы остановимся только на нѣкоторыхъ, именно на тѣхъ въ которыхъ наиболѣе выразились черты присущія таланту г. Крестовскаго въ позднѣйшемъ періодѣ его литературной дѣятельности.

Въ ряду небольшихъ очерковъ и разказовъ посвященныхъ жизни западнаго края, одинъ изъ лучшихъ есть *Панъ Пшелендовскій*. Несмотря на шуточный тонъ этого разказа, онъ отличается замѣчательною типичностью воспроизведеннаго образа. Содержаніе разказа какъ нельзя болѣе просто: тутъ сама жизнь, какъ она сложилась въ западныхъ губерніяхъ послѣ повстанья, и вымыселъ автора почти не участвуетъ въ разказѣ. Господинъ Пшелендовскій — одинъ изъ тѣхъ Поляковъ русской службы которыми кишѣла администрація западнаго края, и которыхъ матажъ лишилъ прежняго привольнаго и безлечальнаго существованія. Очувтившись „не у дѣлѣ“, Пшелендовскій ворчитъ и брюжитъ. „От-то дурни были!“ бранитъ онъ патріотовъ, не умѣвшихъ увѣнчать успѣхомъ свои старанія: „позавоудили этое само повстанье, але и чьто жь такое! Теперь з-за нихъ за самыхъ человѣку, которы есть лорадочный, а ни стулить, ни ликнуть! Ну, и чьто жь? Теперь будемъ такъ говорить: хотя я самый — по выбору одѣ усего благороднаго дворянства три трохлавтыа былъ калитанъ-справникомъ, а наусегда цару и ойтечеству былъ какъ вѣрный собака, а теразъ усего лишонный. Одначежь имѣю жѣну и ребенковъ, малютковъ имѣю, и всѣ мы желаемъ кушать — але-жь не можно, бо этое само повстанье — а будь оно не ладне! — какъ

есть усею лишило. И выходитъ что дурни сгадали, а невинный чловѣкъ есть жертва.“

И если спросить кто-нибудь лана Пшелендовскаго за что онъ потерялъ мѣсто, онъ отвѣчаетъ съ полнымъ убѣжденіемъ: „А за то за самое и потерялъ; бо этое, зволите видѣть, какъ пріѣхалъ у край графъ Муравьевъ; то такъ мене одъ разу и одрѣшилъ... Бо я, говорить, Полякъ. А какой я Полякъ?! И никогда, ни въ жизнь свою Полякомъ не былъ и не желаю, и не имѣю числиться въ Полякахъ, — а проладай они и совсѣмъ!“ А когда кто припомнитъ лану Пшелендовскому что во время повстанья водились за нимъ доказанные грѣшки — „ну и что жъ зъ того? возражаетъ онъ — ну и есть! Але-жъ будемъ мы такъ говорить: вы сидите себѣ мирно и покойно у своихъ, можно сказать, ланатовъ; при васъ ваша любимая жона... и ребенки тутъ на полу кувыркаются... и усе этое такъ пріятно вамъ, и вы ни о чемъ дурнаго не думаете себѣ, и никому никакого зла не желаете, — а тутъ вдрухъ входятъ до васъ у двоухъ, але и по трши гайдака — таки галгане! — и втотчасъ съ кынжаломъ у брухо, альбо и зъ тымъ... зъ револьверемъ... Какъ приставать до носу та и говорить вамъ: „проще лана офяроваць цокольвѣкъ зъ майютоквъ ланьскихъ до фундушу народоваго!“ — Ну, и когда жъ они такъ застигнуть васъ, и вы по своей неволѣ даете, бо они втотчасъ же забіють васъ, а у васъ жона, а у васъ потомки ваши ползають, и вы помирать не хотите... Ну и дашь, только одважитесь вы скорѣйшъ, лайдаки проклятые!“

Павъ Пшелендовскій необычайно чувствителенъ ко всякимъ перемѣнамъ въ политической атмосферѣ: пока онъ ворчитъ и брюжжитъ на „лайдаковъ“, затѣявшихъ неудачное повстанье, мысль его забѣгаетъ гораздо дальше. Онъ уже подхватилъ кое-что съ вѣтру и имѣетъ свою идею о „крайовой“ политикѣ. — „Вы усѣ гослода мыровиу посреднику — говорить онъ русскимъ людямъ — вы, усѣ, позвольте вамъ выразить, имѣете совсѣмъ фальшиве воображенье на этотъ цотъ. Мужикъ — онъ только нынѣ притворяется такимъ добрымъ, такимъ вѣрнопреданнымъ, а до этого дурацкѣго повстанья мужикъ былъ найлервшій бунтовщикъ! найлервша бѣстія! Вы напрасно воображаете себѣ что тутъ что-нѣбудь дворянство... Конечно, и въ дворянствѣ кое-что было, але гдѣ паршива овца не водиться? Но только повѣрте на

чести, дворянство — и это навсегда было наипервша опора престола и ойтечества... Оно еще и мужиковъ одъ бунтовъ воздерживало. То такъ есть! какъ честный чловѣкъ! Я сготру безпристрастно, а потому такъ и говорю! А за паршивыхъ овецъ — то нынѣ усѣ мы жертвами выходимъ. Такъ не можно! И зъ теми, которые какъ я, напимѣрь, навсегда были у вѣролодданствѣ, надо уже ломыслить о примиренью и о забвенью.“

Но пока дѣло еще не дошло до „примиренью“ и „забвенью“, лану Пшелендовскому приходится круто: денегъ у него нѣтъ, онъ услѣлъ уже задолжать туда и сюда, жить ему рѣшительно нечѣмъ. Красивая ланна Фелиція, его супруга, шпыняетъ его съ утра до вечера напоминаніемъ о разныхъ хозяйственныхъ нуждахъ. Видя что всѣ эти шпынянья плохо дѣйствуютъ на мужа, она рѣшается сама идти къ губернатору, просить для него мѣста. Губернаторъ, снисходя къ слезамъ и мольбамъ красивой лани Фелиціи, готовъ сдѣлать чтò можно, — препятствія слишкомъ велики. — Вашъ мужъ католикъ? спрашиваетъ онъ у просительницы, — „То-есть.... онъ не то что католикъ....“ отвѣчаетъ лани Фелиція, — а только онъ есть рожденный въ томъ, бо и ойтець и matka его были католики, алежь онъ очень сполнительный и скорый до дѣлъ, ваше пресходзидельство!“

Ланъ Пшелендовскій лонявъ въ чемъ заключается его единственное неудобство для „примиренью и забвенью“, принимаетъ православіе. Свершивъ этотъ подвигъ, онъ уже смѣло является къ губернатору какъ бы требуя отъ него лишь должнаго. Съ неподражаемымъ комизмомъ авторъ изображаетъ сцену приема у губернатора, гдѣ ланъ Пшелендовскій, при столкновеніи съ лицами различнаго общественнаго положенія, обнаруживаетъ всю изумительную гибкость своей натуры.

Губернаторъ, обойдя просителей, подходитъ наконецъ къ нему съ обычнымъ вопросомъ: чтò вамъ угодно?

„— Ваше превосходительство! съ солиднымъ достоинствомъ начинается проситель, не измѣняя своего наклоннаго полуферта: — принявъ православіе, а потому.... честь имѣю.... объ опредѣленью! (поклонъ съ каблучками.) Объ опредѣленью, ваше превосходительство!“

„Генераль разматриваетъ лана Пшелендовскаго.“

„— Вы приняла православіе?“

„— Такъ есть, ваше превосходительство! Имѣлъ честь возсоединиться и солприсовокулиться!

„— Ну, поздравляю, душевно поздравляю! очень радъ! Такъ что же вы?

„— Явился собственно доложити и заявити о томъ вашему превосходительству.... бо какъ зная вашу ласку и доброту.... осмѣлится.... себѣ.... Имѣю честь объ опредѣленью.

„— Вы хотите на службу?

„— Мѣста желаю, ваше превосходительство, соответственнаго мѣста, для того какъ желаю увесъ животъ свой подъ престолъ ойчества подложить, а потому....

„— Вашъ чинъ?

„— Пшелендовскій, ваше превосходительство! У штабсъ-офицерскому рангу.... Надворный совѣтникъ, ваше превосходительство. И моя жѣна, ваше превосходительство, уже честь имѣла являться до вашего превосходительства, и ваше превосходительство были такой ласковій что обѣщали ей, а потому.... честь имѣю....“

Губернаторъ припоминаетъ посѣщеніе лани Фелиции; вмѣстѣ съ тѣмъ вспоминаетъ онъ и о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ сопровождавшихъ удаленіе Пшелендовскаго отъ должности исправника.

„— Обстоятельства, ваше превосходительство, торопливо и заботливо перебилъ ланъ Пшелендовскій, — обстоятельства, могу честию завѣрить — отъ одной только клеветы.... бо я былъ наусегда какъ самый вѣрный собака, и меня за то самыи же Поляки одклеветали. Отто-то сама и есть этая польская интрига! Она сама и есть, ваше превосходительство.... Они мене даже до двоихъ разовъ почти подъ шибеницу подводили и зъ тымъ.... зъ кыжаломъ у брюхо заколотъ намѣренье имѣли, алеж не закололи, бо Богъ спасъ.... Одинъ только Богъ, вѣрно уже для того что былъ я какъ вѣрный собака. А они мене одъ тыхъ одъ самыхъ поръ недоколотымъ свынѣй называютъ.... Такъ и называютъ, ваше превосходительство! Пшелендовскій — это, говорятъ, недоколотый свыня!

„Генералъ разсмѣлся.

„Ланъ Пшелендовскій въ ту жь минуту послѣшилъ и этотъ смѣхъ обратить въ свою пользу.

„— Такъ есть точно, ваше превосходительство! подтвердилъ онъ съ глубокимъ поклономъ, — недоколотый свыня, и

дѣти его недоколоты поросенки.... Такъ и говорить! Пшелендовскѣго ребенки, то недоколоты поросенки!... На ребенковъ, на малютковъ, ваше превосходительство!“

Совокупныя старанія супруговъ вѣнчаются наконецъ успѣхомъ... панъ Пшелендовскій получаетъ въ русской крайовой администраціи весьма пріятное, теплое и спокойное мѣстечко. Миръ и довольство возвращаются въ домъ новообразованнаго „вѣрополданнаго“; онъ обнаруживаетъ рѣдкое служебное усердіе, въ высокаторжественные дни весь городъ видитъ его колѣнопреклоненнымъ въ православномъ соборѣ, стѣны его кабинета украшены портретами особъ Императорской фамиліи и графа Муравьева. Авторъ покидаетъ своего героя среди счастья и блаженства, которымъ онъ пользуется въ свободное отъ службы время, въ этомъ самомъ кабинетѣ, въ лонѣ своего семейства:

„Панъ Пшелендовскій плаваетъ въ облакахъ счастья, потому что тутъ у него и родные пенаты, и любимая жѣна, и потомки у ногъ на коврѣ кувыркаются и ползаютъ.... и все это такъ прекрасно и пріятно ему, и онъ ни о чемъ дурнаго не думаетъ себѣ, и никому никакого зла не дѣлаетъ,—а тутъ маленькій Стасикъ разставилъ на полу оловянныхъ солдатиковъ, кулленныхъ ему въ подарокъ изъ тѣхъ же наградныхъ денегъ, и выкрикивая: „Пу-у! лу-у! бацъ! лафъ!“ стрѣляетъ лядочкой изъ жестянаго ружьяца въ этихъ самыхъ солдатиковъ. И такъ это весело маленькому Стасику, и солдатики валяются отъ выстрѣловъ его дѣтскаго ружьяца — и Стасикъ прыгаетъ съ такимъ искреннимъ дѣтскимъ восторгомъ, бьетъ въ ладоши и восклицаетъ:

— Тату! а, тату, поглѣндай: южь пенць Москалювъ забилемъ! Цалыхъ пенць Москалювъ застрѣвлено, а?

„Панъ Пшелендовскій смотритъ на забавки Стаса и думаетъ о забавкахъ супруги, а супруга межъ тѣмъ такъ вѣжно гладитъ мягкою рукой его щеку и волосы, немножко трепля и взбивая прическу, и наконецъ цѣлуетъ въ лобъ. Панъ Пшелендовскій благодарно смотритъ на супругу и думаетъ: Іезусъ-Марія, какой я счастливый!

„— Тату! тату! еще пенць Москалювъ забилемъ! кричитъ маленькій Стасикъ, прыгая и хлопая въ ладоши.

„— О?... пенць Москалювъ?... А якіи же лютый до Москалювъ! от-то лютый! въ тонъ ему покачивая головою умилается счастливый отецъ:—а ну, ходзь до мнѣ! ходзь! ходзь-ту! Сядай тутай! на коника.... Ну?... голс-ля. Оттакъ!

„Маленькій Стасикъ ловко вскакиваетъ верхомъ на родительское колѣно.

„— Ну, повѣдзь мнѣ, говоритъ ему панъ Пшелендовскій,—повѣдзь прендзей, чимъ мыслишь быць найлѣлѣй?

— Повстаньдемъ бенде... До лясу мамъ уцѣкать! бойко отвѣчаетъ Стасикъ.

— Ого! повстаньдемъ? и заразы же до лясу? От-то кривъ! А кто ты естесь такій?

— Естемъ Полякъ! еще бойче кричитъ мальчонка.

— Э-э! те! съ шутивою строгостью останавливаетъ его панъ Пшелендовскій и прибавляетъ назидательнымъ, хотя и шутивымъ тономъ:—нигды не мувь, же естесь Полякъ. Теразь южъ яма Полякувъ — Москале слоуцили! Теразь есть тильке едне „вѣвролодданьство“ и „православье“—разумѣшь то?—„Вѣвролодданьство и православье“! Естесь вѣвролодданьны Москаль!

— Нѣ! нѣ! не хцемъ у Москале! не хцемъ! не хцемъ! чуть не съ ревомъ, кобенясь, кричитъ маленькій Стасикъ.

— А для чего нѣ хцешъ? Ну, давай по русску учицьсе! менторски шутить панъ Пшелендовскій: — ты есть фруктъ одъ чресла моего и для того ты есть поросенокъ. Разумѣешь? нѣ, не разумѣешь? Ну, давай лѣсно слѣваць! Слѣвай за татемъ! Учи се! Ну?!

Бо-оже Цара храни...

— На цо то гулсьтву такому учиць малого! съ неудовольствіемъ вмѣшалась пана Фелиція. — Стасю! сердце мое! не слухай тата! то — бѣ! бяка! Идзь лѣлѣй до мамы! мама друге лѣсенке заслѣва! Така ладна лѣсно!

Еще Польска не спинала,
Пуки мы жіемы...

— Тату! а тату! приставалъ межъ тѣмъ маленькій Стасикъ:—цо то есть таке: Боже ца-а-ра?

— А! Боже Цара храни! вразумительно сталъ объяснять ему панъ Пшелендовскій:—Боже Цара храни — то есть московска „Боже цось польска“. Разумѣшь теразь?

— Разумѣмъ, тату!

— А по русску не хочешь учиться?

— Нѣхцемъ!

— От-то заялды! от-то кривъ! ну, сядай на конику! Сядай! гопс-ля! Ну, терась естеш польски уланъ! Повстанецъ! Голь, голь, голь, голь, голь, голь!

И слегка придерживая Стася руками, панъ Пшелендовскій въ темль рыси сталъ качать его верхомъ на колѣвахъ, приговаривая въ тактъ речитативомъ:

Вдзе, вдзе панъ, панъ,
На конику самъ, самъ,
А за ламомъ жидъ, жидъ,
А за жидемъ поль, поль,
А за полемъ хаопъ, хаопъ,
По кожуху аопъ, аопъ!
А по Стасю шаяль, шаяль!
Шаяль! шаяль! шаяль! шаяль!

„И панъ Пшепендовскій надѣлялъ своего потомка вѣжками и легкими родительскими подшлепниками.

„— Ну, оттакъ ладне? обратился онъ къ нему въ заключеніе:—ладне? Ну, идзь до мамы! Идзь! Гулай! Гулай, віфрно-поддавыны поросенокъ!“

Вотъ и все незатѣливое содержаніе очерка *Панъ Пшепендовскій*, въ неширокую рамку котораго г. Крестовскій умѣлъ вложить столько простоты и правды, столько мѣткого и веселаго юмора.

Такимъ же, если не бѣльшимъ еще, характеромъ простоты и искренности залечатѣльны *Погодные Очерки* г. Крестовскаго. Для читателя познакомившагося съ этими разказами уже не можетъ быть вопроса: почему и зачѣмъ авторъ, упрочившій себѣ положеніе въ литературѣ, вдругъ взялъ да и поступилъ юнкеромъ въ кавалерійскій полкъ. Ясно что онъ искренно любитъ эту кавалерійскую службу, эту полковую жизнь, въ которой умѣетъ найти столько привлекательнаго. Разказы его объ этой жизни проникнуты такою сердечною веселостью и теплотой, какую можетъ обнаружить только человѣкъ дѣйствительно любящій свое дѣло и сжившійся съ своею обстановкой. А эта обстановка въ сущности не представляетъ ничего заманчиваго: грязныя стоянки въ бѣлорусской хатѣ, ежедневныя столкновенія съ надоедливыми Жидами и гоноровыми шляхтичами, безпрерывныя передвиженія съ мѣста на мѣсто, лишающія человѣка всякой возможности устроиться комфортабельно, отсутствіе по цѣлымъ мѣсяцамъ всякаго другаго общества, кромѣ общества своего денщика да вахмистра — все это конечно не представляетъ никакихъ ресурсовъ для человѣка привыкшаго къ независимости и развлеченіямъ петербургской жизни. Но въ этой однообразной и скудной обстановкѣ есть своего рода нравственная привлекательность. „Надѣвая монашескую рясу или военный полковой мундиръ—говоритъ г. Крестовскій въ разказѣ *Буяновъ мой сосѣдь*—человѣкъ какъ-то невольно начинаетъ чувствовать себя цыгмъ, вѣскольکو отрѣшеннымъ отъ остальнаго міра. Между нимъ и этимъ остальнымъ міромъ словно бы ложится какая-то очель тонкая разграничивающая черта: тутъ вотъ я и та небольшая община съ ея уставами и жизнью къ которой я принадлежу прежде всего и больше всего; а тамъ, за этою чертою—остальной уже міръ и вся жизнь остальная. Я могу сочувствовать той жизни и ея интересамъ, ея

движенію, ея стремленіямъ, но все-таки для меня на первомъ планѣ будутъ стоять жизнь и интересы избранной мною общины, которые, пока я честно принадлежу этой общинѣ, будутъ для меня наиболѣе родными, наиболѣе близкими моему сердцу. И монастырь, и полкъ представляютъ для бобыля болѣе или менѣе прочное убѣжище, пристанище мирное и тихое, въ которое человѣкъ можетъ уйти и спрятаться какъ улитка въ свою скорлупу. А эта возможность спрятаться въ свою скорлупу, не переставая въ то же время жить своеобразною и полною жизнью, и притомъ такую жизнь какая тебѣ наиболѣе по-сердцу—эта возможность, говорю я—особенно для человѣка нравственно измученнаго тою жизнью которая кипитъ тамъ, за тонкою разграничивающею чертою—есть уже великое и драгоцѣнное преимущество.“ Но и помимо этого чисто-личнаго преимущества, обстановка полковаго товарищества представляетъ наибольшее нравственное удовлетвореніе тому въ комъ живы инстинкты любви, дружбы, братства. Здѣсь просторъ тому чувству человѣчности, которое сближаетъ людей между собою, заставляетъ любить солдата въ его скромной долѣ и дорожить въ свою очередь солдатскою любовью. Съ этой преимущественно стороны и отразилась полковая кавалерійская жизнь въ очеркахъ г. Крестовскаго. Онъ ловидимому предполагаетъ изобразить весь годовой кругъ этой жизни; покамѣстъ появились въ печати очерки: *Отъ штаба до зимнихъ квартиръ* и *На травѣ* (послѣдній въ журналѣ *Нива* за 1874 годъ). Несмотря на то что предметомъ разказа служатъ самыя вседневныя явленія кавалерійской жизни, каковы сборы къ выступленію на зимнюю стоянку, стоверстные переходы съ эскадрономъ, ночлеги въ бѣлорусской деревнѣ, лѣтній отдыхъ *на травѣ*—литературный талантъ автора и теплое отношеніе къ этой обыденной дѣйствительности сообщаютъ его разказу увлекательность и живость, и мѣстами чистое и свѣтлое поэтическое чувство. Благодушный юморъ, вообще свойственный таланту г. Крестовскаго, почти не покидаетъ его въ этихъ очеркахъ; какъ живые проходятъ предъ читателемъ характерныя типы польско-еврейскаго населенія, съ которыми нашимъ армейскимъ кавалеристамъ приходится постоянно сталкиваться лицомъ къ лицу. Безъ Жида въ особенности тамъ не удастся повернуться. Объявлено напримѣръ эскадрону выступленіе на зимнія квартиры въ мѣстечко Свислочь; ѣдетъ офицеръ

на почтовую станцію нанимать лошадей. Прикащикъ на станціи конечно Еврей, „со всѣми характерными отличіями физиономіи, залаха и костюма“.

„— Столки коней ви говорите? вѣжливо и любезно прищуриваетъ онъ глазъ.

„— Пару.

„— Па-ару? Ну, ѿ зачѣмъ вамъ пару! Берить тройка! Увсѣ гхаросши гашпида заусшигда на тройка вѣаютъ и зъ каа-колчикъ. Ми вамъ будзимъ отпусшкаць спами лучши хуръ-ершки тройка!

„— Мнѣ нужно не лодъ себя, а лодъ вещи мои.

„— Подъ вѣщу? Ну, то може какой гхаросшій вѣщу, гхуршталь чи то фаянцы?... А лодъ гхаросши вѣщу надо гхаросши кони.“

Наибольшую художественностью и повличностью отличается послѣдній изъ походныхъ очерковъ г. Крестовскаго—*На травѣ*. На этомъ прелестномъ разказѣ какъ бы отразилось то веселое и радостное чувство съ которымъ и люди, и даже лошади располагаются послѣ продолжительныхъ трудовъ и порядочной скуки — на лѣтній отдыхъ.

„— Теперича мы значить на дачѣ! осклабась широкою улыбкой, съ видимымъ удовольствіемъ говоритъ Каковичъ, эскадронный залѣвало, распустивъ свою аммуницію и разстегивая китель. — Прекрасная трава будетъ, братцы!

„— А ты почему знаешь? откликается ему взводный.

„— Потому и знаю что день очень прекрасный: ишь, какая теплынь! и свѣту сколько! Ужь это у меня первая привѣта такая—какъ выходить на траву, коли день погожій, и вся трава веселая будетъ.

„Входитъ въ сарай эскадронный вахмистръ—освѣдомиться хорошо ли въ каждомъ взводѣ устроились люди и лошади.

„— Андрею Васильевичу! Съ травомъ честь имѣемъ поздравить! летять ему на встрѣчу привѣтливые голоса веселыхъ солдатъ.“

И дѣйствительно хорошо и привольно и людямъ и конямъ на этихъ сочныхъ лугахъ, зеленѣющихъ въ прорѣзахъ знаменитой Бѣловежской луци. Лѣсъ и луга, и высокое чистое небо, то прозрачно-голубое, то мерцающее частыми звѣздами, и свобода какая только возможна для солдата.

„Солнце садится, и въ тихомъ вечернемъ воздухѣ вьются цѣлые столбы лѣсной мошки, предвѣщая на завтра ясную и

жаркую погоду. Лѣсъ начинаетъ кутаться въ тонкую, сизо-ватую дымку, а по верхушкамъ сосенъ еще скользятъ и искрятся лучи заката, обливая горячимъ краснымъ свѣтомъ всегда и безъ того красноватые сосновые стволы и сучья. Птицы замолкли, и только одинъ черный дроздъ выводитъ еще время отъ времени свой мелодическій высвистъ гдѣ-то въ густыхъ вѣтвяхъ ближняго дерева — да голенастые аисты, саетѣвшисъ въ свои гнѣзда, на сонъ грядущій, топчутся въ нихъ, помахивая крыльями, и высоко задрывъ къверху красноносые головы, производятъ своими клювами какой-то странный, но не лишенный мелодичности звукъ, сначала медленный, раздѣльный, потомъ все ускоряющійся и наконецъ переходящій въ частую дробь, которая очень похожа на звукъ деревянной трещотки.

„Но—чу!.. Рѣзко и громко раздается по лѣсу звукъ трубы, играющей людьми „сборъ“ на вечернюю кашу. И вотъ, идутъ они вольными группами — кто съ котелкомъ, кто съ миской, кто съ кувшиномъ или съ балейкой, и у каждаго въ рукахъ своя деревянная ложка и своя порція хлѣба—идутъ, медлякая межъ кустовъ бѣлыми кителями, которые то тамъ, то здѣсь принимаютъ на мгновеніе розоватый тонъ, когда случайно ударитъ на нихъ косвенный лучъ, прокрашивій межъ стволами. Веселый и разнообразный говоръ сопровождаетъ эти группы. Кто-то рассказываетъ, жестикулируя руками, должно-быть что-то очень смѣшное, потому что взрывы смѣха то и дѣло раздаются въ одной изъ удаляющихся кучекъ. Въ другой кучкѣ кто-то съ кѣмъ-то считается за какія-то провинности. Въ третьей — одинокій голосъ чувствительно выводитъ высокимъ фальцетомъ какую-то заунывную лѣсню, про то какъ „собачка вѣрная, звѣрокъ, завoить у воротъ“. Люди спускаются съ горы къ берегу озера гдѣ выколпана въ почвѣ эскадронная кухня, прикрытая съ трехъ сторонъ навѣсомъ, устроеннымъ въ видѣ шалаша изъ еловыхъ вѣтвей, камыша и хвороста. Тѣкій бѣлый дымокъ выбивается и струится изъ-подъ этого навѣса, а вмѣстѣ съ его залахомъ въ тихомъ, безвѣтренномъ воздухѣ распространяется также и вкусный паръ отъ круляной лепки съ лучкомъ, съ картофелемъ и съ поджаренными шварками изъ свиного сала.“

Тихое, однообразное приволье этой жизни нарушается только какой-нибудь нечаянною встрѣчей въ сосѣдней жидовской корчмѣ, или такими „событіями“ какъ ловля эскадронныхъ лошадей, разбѣжавшихся вслѣдствіе испуга по лѣсу. А страна кругомъ интересная — полудикая и полная историческихъ воспоминаній и легендъ, одна изъ которыхъ прекрасно разказана авторомъ. Темныя дебри Бѣловежской лущи, удивленные развалины ланскихъ „палацовъ“, лустынное озеро,

у котораго ютятся стада дикихъ утокъ, и безлюдье, безлюдье кругомъ — все литаеть воображеніе и населяеть его призраками. И вдругъ, въявь, среди этой легендарно-поэтической обстановки, неожиданно встрѣчается граціозный образъ Еврейки Велли, загадочной героини этого прелестнаго разказа...

Не будемъ останавливаться на романѣ *Внѣ Закона*, отличающемся преимущественно внѣшней увлекательностью разказа и занимательностью интриги. На него нельзя впрочемъ не указать какъ на весьма удачный образецъ того что авторъ назвалъ „фельетоннымъ романомъ“: предназначенный для ежедневной газеты, романъ этотъ отличается искуснымъ эпизодическимъ расположеніемъ плана, такъ что каждая глава, служа продолженіемъ всего предыдущаго, въ то же время какъ бы имѣеть свою собственную маленькую завязку и развязку. Для ежедневной газеты это чрезвычайно удобно, но вмѣстѣ съ тѣмъ неизбежно связываетъ автора и принуждаеть его олираться главнымъ образомъ на внѣшній или такъ-называемый сказочный интересъ повѣствованія. Для насъ же, въ настоящей статьѣ, преимущественно важны тѣ признаки внутренней зрѣлости въ талантѣ г. Крестовскаго, которые обнаружены имъ въ его послѣднихъ произведеніяхъ, и главнымъ образомъ въ *Полодныхъ Очеркахъ* и въ романической хроникѣ *Красавый Пуфъ*.

Какъ прежде мелкіе фельетонные очерки петербургской жизни послужили г. Крестовскому подготовкой къ обширной эпопее *Петербургскихъ Трущобъ*, такъ и во второмъ періодѣ его литературной дѣятельности, разказы изъ жизни западнаго края являются какъ бы отдѣльными этюдами и эскизами, которыми авторъ подготовлялся къ двумъ большимъ романамъ, являющимся теперь отдѣльнымъ изданіемъ подъ общимъ заголовкомъ: „*Красавый Пуфъ*, хроника о новомъ смутномъ времени государства Россійскаго.“ Въ очеркахъ петербургской жизни, писанныхъ въ самой ранней молодости, отразилось преимущественно, какъ мы видѣли, внѣшнее пониманіе этой жизни, отчасти перешедшее и въ *Петербургскія Трущобы*. Въ разказахъ изъ кавалерійскаго быта и изъ жизни западнаго края замѣтно уже гораздо болѣе внутренняго содержанія, отражается болѣе положительное отношеніе къ дѣйствительности, что обыкновенно является резуль-

татомъ не одной только литературной зрѣлости, но и пережитыхъ впечатлѣній, жизненнаго опыта. Такою внутреннею зрѣлостью отличается и хроника *Кровавый Путь*, къ которой мы должны теперь обратиться. Такъ какъ оба произведенія изъ которыхъ составила эта хроника — *Панургово Стадо* и *Дѣт Силы* — были первоначально помѣщены въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, то, говоря о нихъ, мы будемъ предполагать содержаніе ихъ извѣстнымъ читателямъ.

Оба романа, какъ видно и изъ давнаго имъ авторомъ положительнаго заголовка: „хроника о новомъ смутномъ времени государства Россійскаго“, имѣютъ задачею изобразить извѣстное траги-комическое движеніе начала шестидесятыхъ годовъ, взволновавшее нашу общественную жизнь и отразившееся въ ней продолжительнымъ и сильнымъ броженіемъ. Юмористическій тонъ заголовка намекаетъ уже нѣкоторымъ образомъ на отношеніе въ какомъ стоитъ къ этому движенію авторъ. Дѣйствительно его хроника, подобно *Взбалоуженному Морю* г. Писемскаго, *Мареву* г. Ключникова и *Нелюда* г. Стебницкаго, изображаетъ это движеніе съ отрицательной его стороны, съ каковой впрочемъ оно только и обнаружилось. Несмотря однако на то что г. Крестовскій взялся какъ бы за разработку темы къ которой раньше его уже обращались наши беллетристы, хроника его подлѣ упомянутыхъ романовъ сохраняетъ совершенно самостоятельное значеніе. Гг. Писемскій, Ключниковъ и Стебницкій коснулись „смутнаго времени“ шестидесятыхъ годовъ со стороны его общаго, преимущественно нравственнаго смысла, оставивъ на заднемъ планѣ политическую сторону движенія. Г. Крестовскій, напротивъ, рассматриваетъ это явленіе главнымъ образомъ со стороны политической. Онъ приступилъ къ своей задачѣ вооружившись изученіемъ обширнаго и почти не тронутаго матеріала, такъ что его хроника, помимо романческаго, художественнаго интереса, представляетъ весьма значительный фактический интересъ. Это живая и почти вездѣ исторически-вѣрная летопись эпохи богатой событіями и драматическимъ содержаніемъ. Многие авторъ разказываетъ какъ очевидецъ — напримѣръ петербургскія и въ особенности университетскія событія 1861—62 годовъ; другія части хроники воспроизведены имъ при помощи богатаго матеріала собраннаго на мѣстѣ, въ Литвѣ и въ Варшавѣ, матеріала имѣющаго положительную историческую цѣн-

ность. Хроника его представляетъ необыкновенно удачное сочетаніе ни на минуту не ослабѣвающей романческаго интереса съ точностью историческихъ мемуаровъ. Въ недалекомъ времени, когда возможно будетъ замѣнить встрѣчающіеся въ этомъ романѣ псевдонимы собственными именами — *Красивый Пудъ* получить, безъ ущерба своему художественному содержанию, значеніе исторической монографіи. Тогда окажется что авторъ не только нигдѣ не дозволилъ себѣ произвольныхъ отступленій отъ историческихъ данныхъ, но что даже многіе темные факты и загадочные характеры эпохи разъяснены имъ вѣрнѣе и основательнѣе, чѣмъ это сдѣлано историками послѣдняго польскаго возстанія.

Несмотря на богатство и разнообразіе матеріала находившагося въ распоряженіи автора, хроника его представляетъ строго выдержанное единство разказа и воззрѣнія. Различныя стороны общественнаго и политическаго движенія, составляющаго предметъ повѣствованія, не только не раздробили дѣйствіе романа, но впервые приведены авторомъ въ самую тѣсную и осмысленную связь между собою. *Дѣя Силы* являются продолженіемъ *Панургова Стада* не только потому что тамъ выступаютъ многія лица дѣйствовавшія въ первомъ романѣ, но и потому что сама историческая дѣйствительность изображаемая въ обоихъ произведеніяхъ является органически связною и вытекающею изъ однихъ и тѣхъ же причинъ и началъ.

Когда хроника г. Крестовскаго печаталась по частямъ въ журналѣ, съ перерывомъ въ нѣсколько лѣтъ между первою и второю половинами, отъ многихъ ускользало какъ единство цѣлаго произведенія, такъ и историческій смыслъ его. Многіе полагали что задачею автора было показать превосходство русскаго человѣка надъ героями польской sprawy, и съ этой точки зрѣнія справедливо сѣтовали, не находя въ предполагаемомъ русскомъ героѣ, Константинѣ Хвалыицевѣ, ни глубокаго ума, ни сильнаго характера. Сомнѣнія эти не разъ были высказаны и въ печати, и побудили автора разъяснить ихъ въ предисловіи, которымъ онъ нынче снабдилъ отдѣльное полное изданіе хроники. „Такъ какъ сочиненіе это не романъ, говорить между прочимъ г. Крестовскій въ этомъ предисловіи, то въ немъ и *нѣтъ героевъ* въ томъ смыслѣ въ какомъ обыкновенно понимаются герои

романа. Въ немъ, пожалуй, есть одинъ только герой, это время изображенное мною, и двѣ героини — Россія и Польша“.

Нѣкоторые критики и рецензенты, продолжаетъ авторъ, усилленно старались навязать мнѣ въ герои одного изъ моихъ дѣйствующихъ лицъ, а именно Хвалынцева. Признаюсь, я его никогда не трактовалъ какъ моего главнаго героя. Онъ мнѣ нуженъ былъ просто затѣмъ чтобы связать посредствомъ него рядъ событій избранной мною эпохи — событій имѣвшихъ мѣсто и внутри коренной Россіи, и въ Петербургѣ, и въ Литвѣ, и въ Варшавѣ. Для такой дѣли мнѣ вовсе не нужно было брать человѣка ни сильнаго ума, ни сильнаго характера. Въ этомъ случаѣ наиболее подходящимъ къ моей задачѣ казался мнѣ самый обыкновенный русскій человѣкъ, съ довольно дюжиннымъ умомъ и образованіемъ, съ добрыми и честными инстинктами и наконецъ достаточно мягкій и безхарактерный, какъ и множество неустоявшихся русскихъ людей того времени. Сильный, самостоятельный умъ и характеръ, олицетворенный въ образъ русскаго образованнаго человѣка, мнѣ вовсе не годился уже потому что таковой не могъ бы долгое время находиться въ заблужденіи относительно хитросплетеній той политической интриги которая имѣла видное мѣсто въ нашей жизни данной эпохи, не пошелъ бы ни на какія сдѣлки и не могъ бы поддаться вліяніямъ враждебнымъ своему народу настолько чтобы не порвать съ ними сразу, при первомъ же обнаружившемся противорѣчій дѣла съ идеей, при первой фальши. Для сильныхъ умовъ и характеровъ въ такихъ обстоятельствахъ не существуетъ никакихъ сомнѣній и колебаній: они ясно понимаютъ въ чемъ дѣло, и потому сразу и твердо становятся въ опредѣленное положеніе въ томъ или другомъ лагерѣ. Такъ точно и въ данную эпоху сильные умы и характеры стояли въ совершенно опредѣленномъ нравственномъ и политическомъ положеніи еще въ тѣ дни когда громадное большинство такъ называемаго „образованнаго“ общества плутало и плуталось въ туманномъ лабиринтѣ предвзятыхъ вѣншиимъ образомъ идей и налускныхъ симпатій, пока-то наконецъ не грянулъ отрезвляющій громъ, который заставилъ прозрѣть это большинство, очень мѣтко названное Поляками „панурговымъ стадомъ“. Мой Хвалынецъ есть именно выразитель этого „самаго большинства русскаго „образованнаго“ общества той эпохи. Онъ представитель *шаткости* и *слабости* этого общества, то-есть тѣхъ именно его качествъ при отсутствіи которыхъ было бы не мыслимо ни наше русское броженіе, ни польскія событія начала шестидесятыхъ годовъ. На немъ-то я и думалъ показаты какимъ образомъ податливые, хотя и совершенно честные русскіе люди вербовались въ панургово стадо сочувственниковъ и пособниковъ дѣлу совершенно для нихъ чуждому и враждебному, и что наконецъ ихъ отрезвляло, заставляя возвращаться на свою родную почву, то-есть

становиться людьми вѣрными своему народу, своей землѣ, своему русскому государственному дѣлу, русскимъ преданіямъ и задачамъ. Для этой цѣли мнѣ нужно было провести такого человѣка чрезъ всѣ перипетіи этой политической азартной игры, бросить его въ водоворотъ главнѣйшихъ общественныхъ и политическихъ событій эпохи, сначала въ водоворотъ жизни нашей провинціальной, затѣмъ петербургской и наконецъ литовской и варшавской; мнѣ надо было показать на немъ какимъ образомъ впечатлѣнія этихъ событій, ложась ему на душу, постепенно производили въ немъ свое отрезвляющее дѣйствие, а для такой цѣли, повторяю, мнѣ нуженъ былъ никакъ не *герой*, не сильный самостоятельный характеръ, не сильный самостоятельный умъ, а просто себѣ обыкновенный и достаточно податливый русскій человѣкъ съ добрымъ, увлекающимся сердцемъ и честными инстинктами. Такого я и вывелъ въ лицѣ Хвалынцева, отнюдь не дѣлая изъ него ни главнаго, ни просто героя въ обыкновенномъ романическомъ смыслѣ.“

Въ изображеніи Хвалынцева г. Крестовскій обнаружилъ значительную зрѣлость психологическаго анализа, и въ этомъ отношеніи новый романъ его много выше *Петербургскихъ Трущобъ*. Внутренній процессъ переживаемый Хвалынцевымъ, исторія его увлеченій и его отрезвленія представляютъ много правды, реальности; это до известной степени тотъ самый процессъ чрезъ который прошла въ шестидесятыхъ годахъ значительная масса русскаго образованнаго общества.

За этимъ какъ бы подставнымъ героемъ романической хроники невольно ищешь ея дѣйствительнаго героя. Авторъ въ вышеприведенныхъ строкахъ предисловія указалъ намъ его. Герой этотъ—время изображенное въ романѣ, или другими словами—нравственная и политическая смута пережитая русскимъ обществомъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Здѣсь дѣйствительно главная задача и внутренній центръ произведенія.

Что же это за время?

Приведемъ собственныя слова автора: „Дикости въ проявленіяхъ жизни общественной, разногласіе во всѣхъ сферахъ общества, фанфаронство общимъ и народнымъ дѣломъ, вопросительный знакъ значительной части дворянства предъ новымъ экономическимъ бытомъ, финансовый кризисъ, зловѣщая туча на окраинахъ, государственныя затрудненія, неуверенность, злорадство, апатія къ серіозному здоровому смыслу дѣлу, непониманіе прямыхъ народныхъ интересовъ, под-

лольная интрига и козни, наплывъ революціонныхъ прокламацій и брань, брань, одна повальная брань въ несчастной подлѣямотствующей литературѣ, и наконецъ, въ видѣ палліативы, эта безумная и развратная оргія канкана— вотъ общая картина того положенія въ какомъ засталъ Россію 1862 годъ.

„И точно: это былъ какой-то сумбуръ, какая-то тяжелая, хмѣльная, чадная оргія.

„Но это было явленіе нормальное.

„Это было прямое и естественное слѣдствіе причинъ историческихъ...“

Въ этихъ строкахъ авторъ выразилъ свое отношеніе къ эпохѣ изображенной въ хроникѣ и приговоръ надъ движеніемъ начала шестидесятыхъ годовъ. Приговоръ строгій, и нѣтъ ничего удивительнаго если современная газетная критика встрѣтила романъ г. Крестовскаго съ нескрываемымъ раздраженіемъ. Она впервые нашла въ немъ полное и почти документальное повѣствованіе о событіяхъ и лицахъ долгое время считавшихся какъ бы неприкосновенными; и это повѣствованіе, въ документальной простотѣ своей, живо и правдиво отразило все неразуміе, всю пустоту и всѣ безобразія броженія, силившагося раздуться въ какое-то общенародное движеніе. Для той части журналистики которая въ прекращеніи этого движенія видитъ дѣло реакціи, такое повѣствованіе не могло доставить особеннаго удовольствія.

Мы полагаемъ, однако, что объ отношеніяхъ автора *Крестовскаго Шуфа* къ эпохѣ шестидесятыхъ годовъ надо судить не по вышеприведеннымъ строкамъ, резюмирующимъ хронику, а по ея объективному этическому матеріалу, по художественной разработкѣ подробностей, отдѣльных эпизодовъ, на которые распадается повѣствованіе, и въ которыхъ отразились различныя отдѣльно взятая стороны явленія. Если эти детали воспроизведены вѣрно, авторъ можетъ быть освобожденъ отъ отвѣтственности за общее впечатлѣніе производимое книгой, за общіе и окончательные ея выводы. А именно въ этихъ деталяхъ, отразившихъ отдѣльныя стороны движенія шестидесятыхъ годовъ, хроника г. Крестовскаго представляется правдивою почти до документальности. Укажемъ для примѣра хоть на самыя первыя главы *Панургова Стада*, въ которыхъ описывается одинъ изъ „крестьянскихъ бунтовъ“, по мѣстамъ возникшихъ въ 1861 году.

Что можетъ быть правдивѣе, „историчнѣе“ этого изображенія?

Кто помнитъ хорошо событія той эпохи, кому доводилось близко и внимательно вникать въ крестьянское дѣло, тотъ знаетъ что такимъ именно образомъ рождались и разыгрывались бунты и волненія того времени. Общее, повальное, роковое недоразумѣніе — вотъ подкладка всѣхъ беспорядочныхъ явленій ознаменовавшихъ эпоху нашего пресловутаго прогресса, и не въ однихъ только тѣсныхъ предѣлахъ крестьянской реформы. Недоразумѣніе чувствуется почти во всемъ томъ что пережило наше общество въ годину „новаго смутнаго времени“: оно выразилось во всѣхъ нашихъ увлеченіяхъ, оно было главнымъ двигателемъ всѣхъ нашихъ ошибокъ, промаховъ и преступленій. Авторъ *Кроваваго Пуфа* обнаруживъ этого тайнаго двигателя въ самомъ началѣ романа, не убираетъ его со сцены: двигатель этотъ присутствуетъ во все продолженіе драмы, онъ незримо переплетаетъ нити повѣствованія, сидитъ въ душѣ дѣйствующихъ лицъ, руководитъ ихъ мыслью и дѣлами. Романъ могъ бы назваться „хроникой всесовершеннаго, общаго, великаго недоразумѣнія“, въ той же мѣрѣ какъ онъ названъ „хроникой новаго смутнаго времени государства Россійскаго“. Потому что таково дѣйствительно воззрѣніе автора на внутренній смыслъ изображаемыхъ имъ явленій: какъ бы ни былъ строгъ его приговоръ надъ этими явленіями, читатель неотразимо чувствуетъ что подъ ними, на какой-то таинственной глубинѣ, лежитъ „всесовершенное“ недоразумѣніе. Оно выражается и въ картечныхъ залпахъ по безоружной толлѣ крестьянъ, смутно ожидающихъ какой-то залправской воли, и въ оваціяхъ губернскаго общества ссыльному польскому графу, и въ величій выходкѣ гимназиста декламирующаго на публичномъ чтеніи цензурное стихотвореніе, и въ исковерканной жизни несчастныхъ героинь петербургской коммуны, и въ студенческихъ манифестаціяхъ, и въ нравственномъ лаутаніи честныхъ и искреннихъ людей, которые, подобно Хвалынцеву, долго шли на встрѣчу миражу, пока не разсыпалось создавшее эти миражи недоразумѣніе.

Изобразить признаки умственной и нравственной драблности владѣющей образованною массою, представить цѣлое общество игрушкой повальнаго недоразумѣнія, мятущимся въ какомъ-то непостижимомъ угарѣ—значитъ, конечно, раскрыть

обществу самыя тяжкіе его недуги, обнажить самыя злокачественныя его раины. Это именно та цѣль которую должна преслѣдовать художественная сатира, если она желаетъ подняться на уровень зрѣлости. Повѣряя вновь, съ этой точки зрѣнія, обширное произведеніе г. Крестовскаго, мы должны сказать что оно болѣе удовлетворяетъ задачамъ серьезной и зрѣлой сатиры, чѣмъ весьма многія эфемерныя порожденія текущей литературы, преслѣдующія завѣдомо сатирическія цѣли. Такъ именно и поняла это произведеніе европейская публика, имѣющая возможность познакомиться съ нимъ въ переводѣ на многіе языки, въ томъ числѣ даже на шведскій.

Этой общеою оцѣнкой двухъ послѣднихъ романовъ г. Крестовскаго — преимущественно со стороны ихъ общественной идеи — мы полагаемъ ограничить нашу задачу. Войти въ подробную литературную оцѣнку ихъ мы не будемъ: для этого пришлось бы возобновлять въ памяти читателя множество сценъ и эпизодовъ которые и безъ того вѣроятно не забыты. Но мы не можемъ не указать на тѣ признаки художественной зрѣлости которые обнаружилъ авторъ въ этихъ послѣднихъ произведеніяхъ, сравнительно съ своимъ первымъ большимъ романомъ. *Кровавый Пуфъ* отличается чрезвычайною простотою композиціи и отсутствіемъ тѣхъ вѣдшихъ эффектовъ которые значительно обременили *Петербургскія Трущобы*. Дѣйствительная жизнь очевидно раскрыла предъ авторомъ свое внутреннее содержаніе безъ всякаго ущерба вѣдшему интересу, отличающему все то что пишетъ г. Крестовскій. Дѣйствующія лица рисуются не одною вѣдшею, бытовою стороною своею, но являются почти вездѣ цѣльными, обдуманными и законченными *характерами*. Нельзя при этомъ не вспомнить, напримѣръ, Ардалиона Полоярова, изображеннаго съ необычайнымъ мастерствомъ и правдой: этотъ несравненный, живой типъ едва ли не болѣе опредѣляетъ злоху, чѣмъ всѣ остальные дѣйствующія лица романа. Нѣкоторыя сцены въ которыхъ дѣйствуетъ Полояровъ по своей яркой художественности долго не забудутся: такова напримѣръ сцена гдѣ онъ продаетъ откупщику сочиненный на него пасквиль. Можно указать затѣмъ на прекрасно разказанную исторію литературнаго вечера въ губерскомъ городѣ, балъ у губернатора, студентскія сходки и публичныя чтенія, манифестацію въ Колокольной улицѣ,

тайныя собранія у петербургскихъ членовъ ржондовой организаціи, картину общественнаго настроенія въ сѣверо-западномъ краѣ, характеристику Варшавы въ эпоху возстанія, ея политическія мистеріи и пр. Всѣ эти бойко, талантливо и вмѣстѣ такъ просто набросанныя сцены, овладѣвая воображеніемъ и мыслью читателя, уносятъ его цѣлкомъ въ эпоху и производятъ такое полное и цѣльное впечатлѣніе, какового только можно ожидать отъ беллетристическаго произведенія.

А.

ПО ПОВОДУ ОДНОЙ НОВОЙ ПОВѢСТИ

Въ усадьбѣ и на порядкѣ. Повѣсть П. Д. Бобарыкина. *Вѣстникъ Европы*. Январь, 1875.

Un état où les femmes ne sont point respectées est un état tombé en désuétude.

Rousseau.

Въ первой книжкѣ *Вѣстника Европы* нынѣшняго года помѣщена повѣсть г. Бобарыкина, подъ заглавіемъ: *Въ усадьбѣ и на порядкѣ*. Мы прочли ее безъ всякой предвзятой мысли, и готовы отдать полную справедливость дарованію и литературной опытности автора. Тѣмъ не мѣнѣе она произвела на насъ тяжелое впечатлѣніе. Не съ литературной точки зрѣнія хотимъ мы ее разбирать, ибо не художественные задатки шевелитъ она въ сердцѣ. Мы хотимъ указать на ту, по меньшей мѣрѣ странную, нравственную теорію которая служитъ подкладкою разказу. Въ прошломъ году рецензентъ *Русскаго Вѣстника* разбирая *Полѣзности* г. Бобарыкина замѣтилъ очень вѣрно что героиня повѣсти, княгиня Кудласова, не русскій типъ, а типъ взятый цѣликомъ изъ парижской, а именно изъ Бальзаковской гостини. Въ новомъ произведеніи г. Бобарыкинъ является послѣдователемъ французскихъ романистовъ по части придумыванія искусственныхъ, фальшивыхъ нравственныхъ положеній и мотивовъ, выдаваемого за разоблаченіе человѣческой

природы, но въ сущности представляющаго собою не болѣе какъ порожденіе ученій утонченнаго разврата.

Вотъ содержаніе повѣсти:

Двадцатилѣтній ея герой, князь Григорій Дмитріевичъ Шелонинъ, возвращается къ матери послѣ годовой разлуки съ нею. Княгиня живетъ въ деревнѣ, а мужъ ея, человѣкъ порочный и кутила, въ Петербургѣ. Онъ промотался давно и жена высылаетъ ему часть доходовъ съ своего собственнаго имѣнья. Молодой князь не могъ любить отца, но съ равныхъ лѣтъ онъ привязался къ матери всѣми силами горячаго сердца. Княгиня Шелонина была изъ тѣхъ свѣтлыхъ личностей предъ которыми каждый преклоняется невольно. Она посвятила себя исключительно дѣтямъ и жила ихъ жизнію. Чтобы сохранить имъ независимое состояніе, она шла бодро на хлопоты, на лишенія, и наконецъ на борьбу съ мужемъ. Но изъ всѣхъ ея дѣтей самый близкій къ ея сердцу былъ ея первенецъ, милый ея Grégoire. Что же касается до него, „онъ находилъ въ ней, говоритъ авторъ, свое пристанище, свой идеалъ друга и наставника“. Съ его ранняго дѣтства она слѣдила за нимъ какъ добрый геній и вѣдила къ нему каждое лѣто въ Гейдельбергъ, гдѣ онъ слушалъ университетскій курсъ. Когда Шелонинъ возмужалъ, она спасла его отъ житейскаго скептицизма нашего времени. Презрительный приговоръ которымъ его молодые товарищи клеймили женщину вообще не смущалъ его души: мать была въ его глазахъ живымъ опроверженіемъ ихъ теорій и наконецъ вѣра въ нее сдѣлалась основой всѣхъ другихъ его вѣрованій и честныхъ убѣжденій.

Сильно билось его сердце при мысли что онъ обниметъ ее наконецъ и не разстанется уже съ нею. Настала минута осуществить давно лелѣянные планы: молодой человѣкъ поступилъ на службу въ Петербургъ, куда переѣдетъ и княгиня съ двумя малолѣтними сыновьями и двадцатилѣтнею дочерью. Лидія или Люлю, какъ ее звали, была дюжинная и пошлая натура, и Шелонинъ не любилъ ея. Точно также лежала бездна между княгиней и дочерью: молодая дѣвушка оскорбляла постоянно вѣжныя чувства матери. Этими лицами не ограничивался семейный кружокъ: въ домѣ княгини жилъ сирота Поль Качковъ, юноша, почти еще мальчикъ.

Вечеръ. Нашъ герой бродитъ около усадьбы. Онъ только

Сегодня возвратился подъ родимый кровъ и казалось бы что радость свиданья съ матерью не успѣла еще остыть въ его сердца, однако онъ грустенъ и словно камень давить его грудь. Молодой человекъ сознаетъ смутно что что-то измѣнилось въ завѣтномъ его мирѣ, въ любимой его Шелонихѣ. Здѣсь онъ въ первый разъ дышитъ какимъ-то чуждымъ ему воздухомъ и словно все стало ему чуждо; да, все, потому что мать все для него, а между имъ и матерью происходитъ что-то еще небывалое, въ чемъ онъ не можетъ дать себѣ отчета, что-то такое странное и не ясное что не допускаетъ даже возможности объясненія. Въ сущности и объяснять-то нечего: между нимъ и матерью не было ни непріятностей, ни недоразумѣній, но Богъ знаетъ почему онъ чувствуетъ что ему не о чемъ съ нею говорить, не о чемъ ее разспрашивать, не на что отзываться, что какая-то невидимая бездна легла между ними, словомъ, что они стали чужды другъ другу. Но княгиня сошлась, наоборотъ, съ дочерью, а младшіе сыновья, которые были неразлучны съ матерью, удалены: они гостятъ у какихъ-то знакомыхъ. Куда ни взглянетъ Шелонихъ, все измѣнилось для него и около него.

Послѣ тревожной ночи онъ встаетъ рано и идетъ въ цвѣтникъ. Туда же является Люлю, и вступаетъ съ братомъ въ длинное и дипломатическое объясненіе. Она ничего не договариваетъ, но онъ все понимаетъ. Люлю собирается выйти замужъ за М. Oreste, бывшаго его товарища и пошляка, и надѣется что Grégoire, несмотря на свои несправедливыя предубѣжденія, приметъ его любезно когда М. Oreste прійдетъ въ Шелониху. Княгиня помирилась также съ этимъ бракомъ: нельзя жить безъ обоюдныхъ уступокъ, и въ свою очередь Люлю старается не стѣснять матери.

„— Вотъ, и изъ-за этого Поля, прибавляетъ она, нечего по моему волноваться.

„— Зачѣмъ ты мнѣ это говоришь? тревожно и почти строго спросилъ братъ.

„— Je te mets sur tes gardes.

„— Но почему? уже съ краской на щекахъ перебилъ онъ.

„— Mais parceque... Вѣдь ты и вчера долженъ былъ замѣтить что maman ужасно имъ... увлечена... Не правда ли, она никогда не могла жить безъ какого-нибудь engouement... А теперь это то же engouement, sous forme d'un mioche.... Ты пожалуй, продолжала она,—tout philosophe que tu es—способенъ en faire une question... и выйдетъ что-нибудь... quelque chose de tres bête...“

Она ушла, а ея слова долго еще звучали въ его ушахъ, и долго не могъ онъ придти въ себя. Но часть завтрака настала, и Шелонинъ, не выдавшій еще матери, пошелъ въ столовую. Особенная изысканность въ нарядѣ княгини поразила его неприятно. Тутъ же за столомъ сидѣлъ Поль Качковъ, розовая и пошлая фигура, и подтрунивалъ надъ Люлю, которая выслушивала молча, но краснѣя отъ досады, ласкія его шутки, между тѣмъ какъ княгиня улыбалась двусмысленною улыбкой. Послѣ завтрака Качковъ попросилъ Люлю ему акомпанировать и ушелъ съ ней въ другую комнату. Мать и сынъ остались съ глазу на глазъ, но разговоръ не клеился. Княгиня все прислушивалась къ звукамъ вокализациі, которые доносились до столовой, заговорила наконецъ объ этомъ „мальчикѣ“, сынъ ея бывшей пріятельницы, и радовалась что онъ развивается и обнаруживаетъ замѣчательныя музыкальныя способности.

„— Ты на меня не въ претензіи? спрашиваетъ она,— за то что твое пьянство стоитъ въ комнатѣ Поля... ты понимаешь, онъ долженъ постоянно экзерцироваться, а ты вѣдь тоако иногда любишь...“

„— Пожалуста, перебилъ онъ, и вдругъ спросилъ: — а гдѣ ея комната?“

„Вопросъ былъ сдѣланъ обыкновеннымъ голосомъ, но слово „гдѣ“ особенно рѣзко выдѣлялось изъ этой фразы.“

„Лицо княгини мгновенно точно сжалось. Взглядъ сына упорно уставился на нее, онъ не могъ сдержать въ себѣ такого движенія глазъ.“

„— Поль въ кабинетѣ отца, отвѣтила княгиня оправившись, — ты вѣдь не любишь этой комнаты, Grégoire.“

„Изъ кабинета дверь въ уборную, промелькнуло въ головѣ сына, и въ виски его застучало...“

Не прошло часа, а въ душѣ Шелонина не оставалось уже ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ истины. Онъ вышелъ изъ дома нетвердыми шагами, и не сознавая самъ куда идетъ, добрался до села. Тутъ онъ вспомнилъ о другой женщинѣ, которую горячо любилъ, о своей кормилицѣ. Она умѣла внушить всѣмъ знающимъ ее глубокое къ себѣ уваженіе. Мужъ ея, Акимъ Фарафонтьевъ, былъ драчунъ и гуляка, а Устинья, несмотря на замѣчательную красоту, славилась строгостію своей жизни. Эта кроткая, честная, безответная женщина терпѣла горькую долю, но никогда не жаловалась. Всѣхъ своихъ дѣтей она схоронила, за исключеніемъ по-

свѣднлаго, Елифана, парня лѣтъ восемнадцати. Крестьяне говорили что онъ придурковатъ, но мать не знала въ немъ души.

Устинья словно догадалась что молочный сынъ заглядеть къ ней въ этотъ день и примарядилась. Она была однихъ лѣтъ съ княгиней, но смотрѣла еще пригожею и не пожалою женщиной. Молодаго князя кормилица встрѣтила въ нѣсколькихъ шагахъ отъ своей избы, и крѣпко его обняла.

Они сѣли на крылечкѣ, но строгая, спокойная Устинья казалась чѣмъ-то встревожена и заглядывала то и дѣло въ сѣни. Вдругъ показался Елифанъ.

„— Елишка, сказала она ему, — за водой бы сходилъ... Гдѣ Ваня?

„— Дрыхаетъ въ амшенникѣ, угрюмо и глухо отвѣчалъ Елифанъ.

„— Батракъ у насъ, пояснила Устинья Шелонину, и какъ-то странно повела губами, — тоже малолѣтокъ еще, не больше годовъ чѣмъ Елишѣ... Дѣло молодое... вотъ поѣлъ онъ и на боковую...

„— Идти нешто? перебилъ ее сынъ берясь за коромысло.

„— Побуди Ваню, коли тебѣ самому не въ охоту, отозвалась Устинья...

„— Не поѣду я...

„Съ потемнѣвшимъ лицомъ онъ схватилъ коромысло, взвалилъ его на плеча и двинулся неровною, тяжелою поступью къ колодцу.

„Устинья было видимо неловко. Шелонинъ попросилъ пить: она ушла за квасомъ.

„— Вправо отъ крылечка, изъ-за лаетня послышались голоса. Онъ прислушался.

„— Ваня, а Ваня, донесся до него голосъ Устиньи.

„Отвѣта не было.

„— Ваня! повторила Устинья откуда-то поглубже.

„— Чаво? раздался отвѣтъ сонно и сердито.

„— Встань-ка... я одна, Елишка осерчалъ, за водой ушелъ.

„— Ека важность!

„— Встань, милый, еще тише и нѣжнѣй просила Устинья. — Баринъ у меня сидитъ на крылечкѣ, ждетъ, квасу испить хочетъ.

„— А ты дай-ка мнѣ хлебнуть.

„— Чтой ты? рай приходится?

„— Ладно, наѣди еще.

„Устинья уходя изъ амшенника сказала съ подавленнымъ смѣхомъ:

„— Привередникъ же ты.. ровно принцъ растянулся.

„Подавая квасъ Шелонину она объяснила ему что замѣшлась потому что темно на погребницѣ...”

Разговоръ завязался, но какъ-то принужденно. Вскорѣ Шелонинъ всталъ и на прощанье далъ кормилицѣ ассигнацію,

которую она приняла не такъ какъ прежде, а съ непріятною для него, сладавою улыбкой.

„И Устинья!“ повторялъ онъ возвращаясь домой.

Итакъ, въ одинъ сутки были лоруганы и разбиты всѣ его вѣрованья, всѣ его идеалы. Семейная жизнь сдѣлалась для него невыносимою. Пошлый М. Oreste гостилъ въ Шелонихѣ въ качествѣ жениха. Онъ оразу понялъ всѣ закулисныя тайны и придерживался какъ могъ системы обоюдныхъ уступокъ. Качковъ разыгрывалъ все болѣе и болѣе роль хозяина дома, и не разъ Шелонинъ блѣднѣлъ предъ его выходками и дѣлалъ немовѣрныя усилія надъ собой чтобы не возвысить голоса. Положеніе нашего героя становилось съ каждымъ днемъ тягостнѣе и затянулось наконецъ въ настоящій Гордіевъ узелъ. Этотъ узелъ разрубилъ „придурковатый“ Елифанъ своимъ топоромъ.

Въ одинъ вечеръ княгиня поѣхала со всѣми своими въ рошу, гдѣ Качковъ устроилъ ликнникъ въ честь жениха. Семейный кружокъ былъ увеличенъ присутствіемъ посредника. Вдругъ прискакалъ гонецъ и объявилъ что у Фарафонтьевыхъ „не здорово.... Елишка убилъ ихняго батрака“.

Шелонинъ измѣнился въ лицѣ и поѣхалъ съ посредникомъ на село.

„Убилъ, безпрестанно повторялъ онъ про себя, убилъ... такъ и должно было случиться.“

Елифанъ указывалъ ему путь по которому слѣдовало идти.

Молодой князь видѣлъ связаннаго убійцу, видѣлъ трупъ съ разрубленною головою, и наконецъ Устинью обезумѣвшую отъ горя. Когда онъ вернулся домой подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ всей этой драмы и его встрѣтили олять дерзкій голосъ и дерзкія выходки Качкова, вся затаенная злоба закипѣла съ новою силою въ его душѣ. Въ его ухахъ все звучали слова произнесенныя Устиньей: „Елиша взмахнулъ топоромъ и покончилъ“, и неразъ готовъ онъ былъ схватить за горло эту пошлую куклу и покончить.... Но бесвязныя мыслы бродили въ его головѣ: онъ еще не рѣшился.

Послѣ бессонной ночи онъ всталъ съ восходомъ зари и пошелъ на село, въ надеждѣ переговорить наединѣ съ Устиньей: ему казалось почему-то что бесѣда съ ней положить конецъ его недоразумѣнью. Дѣйствительно онъ засталъ кормилицу одну и выслушалъ ея грустную исповѣдь.

„— Я жила двадцать шесть годовъ по Божьи, говорила Ус-

тинья, а тутъ взяла да и наплевала на все житье свое честное... Статочное ли дѣло, Гришенька?... А такъ оно вышло.... А какъ вышло-то? Ты мнѣ, Гришенька, повѣришь, потому мнѣ и легко съ тобой.... вотъ эти-то двадцать шесть годовъ когда я по честному-то жила и стали меня душами душить.“

Она разказала какъ разъ, Великимъ Постомъ, мужъ хотѣлъ, спяща, ее прибить, а сынъ за нее заступился, что было не ново, однако съ того времени какое-то незнакомое чувство стало ее мутить, и что-то шептало ей постоянно что она погубила даромъ свою молодость и дѣвичью красоту. „И такъ-то меня можжить, такъ-то можжить“, говорила она.

А весной, словно на грѣхъ, привелъ ее мужъ батрака въ домъ, и приголубила его Устинья, „почла его жалѣть, жалѣла, жалѣла все, продолжала она, да не взвидѣлась какъ Ванька ужъ мною командовать почалъ, и я предъ нимъ ровно раба какая, Гришенька, пойми ты это: только въ головѣ и держу какъ бы ему чѣмъ ни есть угодить, дороже онъ мнѣ сталъ роднаго дѣтища.. Елиша-то въ тотъ же часъ учуялъ... сердцемъ учуялъ, а не разумомъ... Знать Елишѣ горько было, знать горько... Елиша Ванькина духа терпѣть не могъ... боялась я 'денно и ночью какъ бы чего не вышло промежъ ребятъ, ну, а все не смертоубійство.“

Она горько плакала, горько вивила себя въ совершившейся бѣдѣ и рѣшилась идти вмѣстѣ съ сыномъ въ Сибирь.

Бѣдная женщина замолчала и опустела голову. А Шелонинъ? „Какое-то олять новое чувство признательности наполнило его въ эту минуту, говорить авторъ. Но онъ не могъ высказать кормилицѣ что она дала ему своею исповѣдью, отъ чего отвратила его руку, какъ озарила его пониманье.“

Онъ возвратился домой и сѣлъ подъ окно своей комнаты „Къ переднему крыльцу кучеръ подвелъ верховую лошадь... Шелонину видна была эта фигура во всѣхъ ея вылукастахъ и задорныхъ краскахъ. Но ни одинъ первъ не дрогнулъ въ лицѣ его.... Мимо его окна прогарцовалъ какой-то юноша.... Юношу этого звали Качковымъ....“

Примиреніе замѣнило въ сердцѣ Шелонина ненависть и злобу. Чтобы не быть помѣхой матери, онъ принимаетъ предложеніе ѣхать въ Ташкентъ, куда снаряжали ученую экспедицію, и оставляетъ Шелонику.

Но если исповѣдь Устиньи могла помирить Шелонина съ паденіемъ кормилицы, почему же помирила она его съ па-

деніемъ матери? Ни человѣческій разумъ, ни гражданскій судъ не подводятъ одноименныхъ поступковъ подъ одну мѣрку. Законъ караетъ преступленіе соображаясь съ обстановкой при которой оно совершилось. Точно также дѣйствуютъ и общество, и частныя лица. Кому изъ насъ не случилось протянуть сочувственной руки ладшей женщины, между тѣмъ какъ мы отворачивались отъ другой? Почему до сихъ поръ окруженъ грустною поэзіей образъ „*Sœur Louise de la miséricorde*“, когда современники и потомство наложили неизгладимое клеймо на имена маркизы де-Монтесланъ, де-Помпадуръ и другихъ? Чтò общаго между Шарлотой Кордэ и маркизой де-Бринвилье? Давно ли совершеніе одного и того же дѣйствія подводитъ людей подъ одинъ и тотъ же уровень, и въ силу какой логики, спрашиваемъ мы опять, исповѣдь кормилицы помарилла Шелонина съ паденіемъ матери? Отчаяніе бѣдной женщины, ея раскаяніе и любовь къ своему Елиштѣ должны были вызвать понятное сочувствіе и состраданіе въ сердцѣ молодого князя, но этихъ чувствъ онъ не могъ перенести на княгиню, которая не высказывала ни любви къ нему, ни горя, ни раскаянія? Какое же сдѣлалъ онъ сближеніе между матерью и кормилицей?

Вопросъ разрѣшается очень просто. Исповѣдь Устивья не есть исповѣдь отдельнаго лица, это въ вѣкоторомъ родѣ тезисъ защищаемый самимъ авторомъ, о неизбѣжности паденія женщины вообще. Въ этой-то неизбѣжности убѣдилася Шелонина. Вотъ почему г. Бобарыкинъ говоритъ что его герой вернулся отъ Устивья „озаренный и обезоруженный“.

Чѣмъ объясняется ея паденіе? Пьяный мужъ бросился на нее съ кулаками, и мы поняли бы вполнѣ еслибы силы швицника ей ясли двадцатилѣтняго безмолвнаго страданія и она погубила бы себя безумною выходкой, чтобы потѣшить заговорившія наконецъ въ сердцѣ ненависть и желаніе мести. Есть роковыя минуты когда отчаяніе овладѣваетъ такъ всецѣло человѣкомъ, что не допускаетъ даже возможности борьбы и подавляетъ въ сердцѣ все другія чувства. Въ такія минуты человѣкъ не принадлежитъ себѣ: онъ рабъ своего горя и повинуется ему какъ листъ оторванный отъ дерева ловивуется бурѣ помыкающей имъ. Могла бы и Устивья пройти черезъ такой покусъ, и какъ больной въ горячешномъ бреду оскорбляетъ бессознательно все чтò ему дорого, могла

бы и она, по ея же выраженію, „заллевать на все житіе свое честное“. Но чѣмъ поплатилась бы она за порывъ безумья и забвенья? Мы полагаемъ что Устинья, по крайней мѣрѣ та Устинья которая, по словамъ автора, цѣлыхъ двадцать шесть лѣтъ выносила свое горе „съ незапятнаннымъ достоинствомъ“, и несмотря на красоту, окружавшую соблазнами ея молодость, „оставалась вѣрна своему немудрому идеалу“, мы полагаемъ что она не утѣшилась бы въ поруганіи своей чести, а оплакивала бы въ продолженіе всей жизни грѣхъ, за который никто не рѣшился бы бросить въ нее камень.

Но не случилось ничего подобнаго. Устинья погубила себя не въ минуту безумнаго отчаянія: мы видимъ изъ ея разказа что между грубою выходкой пьянаго Акима и появленіемъ Вани протекало не мало времени. Чтò же одолѣло силу этой женщины? Глубокая, узорная, горячая любовь? Нѣтъ: Устинья пала безъ любви. Она сошла съ своей нравственной высоты, не давши еще Вани-батрака. Еще до встрѣчи съ нимъ она оплакивала „свою молодость и дѣвичью красу пропавшія даромъ“, и „ее душа душили эти-то двадцать шесть годовъ, когда она по честному-то жила“. Да, ея непорочность, честныя воспомнанія прошлаго сдѣлались для нея орудіями пытки, и стали ее мавить неотразимою силою не призракъ любимаго лица, а соблазнъ безличнаго порока. Тутъ и сынъ сталъ ей не милъ: „На Елишу-то я не гляжу, говорить она,—онъ ко мнѣ ластится, а я гоню его прочь...“ Голова ея идетъ уже кругомъ, уже не ясны ея мысли когда мужъ приводитъ въ домъ Ваню. Ваня или другой было равно для Устиньи, не Ваню любила она, а удовлетвореніе своихъ нечестныхъ помысловъ и нечистыхъ мечтаній. Она полюбила въ батракѣ наслажденія порока, и не предъ любовью, а исключительно предъ ними, наплевала на все житіе свое честное.

По словамъ автора, въ исповѣди Устиньи сердце его героя чуло такую же исповѣдь другой женщины, связанной съ нимъ еще болѣе кровными узами. И Шелонивъ былъ правъ: кормилица и мать стояли на одномъ уровнѣ.

Еслибы въ началѣ повѣсти авторъ, ознакомивши читателя съ княгиней Шелониной, въ которой олицетворялъ идеалъ женской нравственности и чистоты, съ этою кроткою, изящною, чуткою женщиной, несшей почти цѣлую жизнь оковы пошлаго брака понаго униженій всякаго рода, и оставшейся

несокрушимою, еслибъ авторъ, говоримъ мы, поставилъ вопросъ: допускаете ли вы для нея возможность паденія? Читатель вѣрившій въ идеалъ начерченный г. Бобарыкинымъ и въ женскую непорочность вообще, отвѣчалъ бы вѣроятно: трудно допустить чтобъ она пала, однако не абсолютно невозможно, но даже и въ паденіи своемъ такая женщина не утратитъ своего нравственнаго обаянія. Не дай ей Богъ встрѣтиться съ человѣкомъ который соответствовалъ бы ея внутреннему превосходству. Но если встрѣтитъ она его, какъ бы горячо онъ ни любилъ, не легко достанется она ему. Она сдастся лишь послѣ упорной, отчаянной, безвыходной борьбы. Не влавши еще въ ошибку она искупитъ уже ее горячими, кровавыми слезами. Страшною драмой будетъ окружено паденіе этой женщины: за каждую минуту счастья она заплатится горькимъ страданіемъ, она будетъ краснѣть ежечасно предъ собою и предъ другими, и призракъ сына будетъ ее преслѣдовать какъ призракъ Банко преслѣдовалъ Макбета. Даже и въ своемъ паденіи она будетъ стоять выше общаго уровня, потому что паденіе превратитъ праведницу въ мученицу.

При такихъ ли условіяхъ пала княгиня Шелонина? Неотразимому ли натиску страсти уступила она? Гдѣ идеалъ которому она пожертвовада всѣмъ, или по крайней мѣрѣ человѣкъ который явился предъ ней подъ личиною этого идеала? Ужь не Качковъ ли вовлекъ ее въ тотъ волшебный міръ изъ котораго такъ труденъ исходъ? Ужь не онъ ли шепталъ ей слова страстнаго моленія? Что такое Качковъ? Румяная, сытая, лошлая кукла, дерскій наглый мальчишка который пользуется благосклонностью княгини чтобы распорядиться хозяйномъ въ ея домѣ, командовать ея людьми, ѣздить на ея лошадахъ и наѣдаться простоквашей и земляничкой со сливками. Онъ изъ числа тѣхъ людей которыхъ приличныя женщины не впускаютъ къ себѣ. Какъ зазнавшійся хололъ онъ дерзокъ и грубъ съ княгиней, не стѣсняясь присутствіемъ кого бы то ни было, и выдаетъ то и дѣло тайну ихъ отношеній. Когда Шелонинъ, узнавъ объ убійствѣ, увъзжаетъ съ посредникомъ, княгиня, ловимая смутно что драма совершившаяся „на порядкѣ“ можетъ отозваться и въ „усадебѣ“, смущена и встревожена. Всѣмъ становится неловко: Люлю молчить, М. Oreste старается напрасно поддержать разго-

воръ, а Качковъ съ постояннымъ аллетитомъ и несокрушимымъ тулоуміемъ пить аккуратно чай. Наконецъ княгиня произноситъ испуганнымъ голосомъ:

„— А Grégoire все вѣтъ!

„— Ахъ полноте, княгиня, восклицаетъ онъ, — вы тормозитесь точно князь малолѣтній: Grégoire, Грisha... вѣдь онъ въ профессора готовится.“

Когда же оласаясь какой-нибудь вспышки со стороны сына, она умоляетъ Качкова наблюдать за собой:

„Все это вздоръ!“ отвѣчаетъ онъ съ неподражаемою деликатностію.

На какое же нравственное ея влеченіе могъ онъ отозваться, до какой вѣжной струны ея сердца умѣлъ онъ дотронуться? Неужели можно предположить что эта „чуткая, изящная“ женская природа нашла какой-нибудь отголосокъ въ природѣ этого мальчишки, котораго авторъ старается выказать во всей его грубости и лошлости? Нѣтъ, княгиня любила въ немъ то именно что Устинья полюбила въ Ванѣ: предлогъ къ паденью, и желаніе отвѣдать запрещеннаго плода. Она постигла, по французскому выраженію, *le charme qu'il y a à se donner le luxe d'un amant*, и отдаваясь Качкову какъ отдалась бы всякому другому. Въ этихъ случаяхъ личность не играетъ никакой роли, и дѣйствительно трудно допустить что женщина не устоявшая противъ Качкова, устояла бы противъ кого-нибудь.

Нашла ли она въ своемъ паденьи поводъ къ страданью? Не нашла, и найти не могла. Точно также какъ Устинью ее „душило“ честное ея житіе, она ждала лишь случая сбросить съ себя тягостное иго, и Качковъ удовлетворяетъ вполнѣ всѣмъ ея влеченіямъ. Она дышитъ съ такою любовью своимъ грязнымъ счастьемъ что оно заглушаетъ въ ней всѣ завѣтная когда-то чувства. Она не краснѣетъ ни предъ прислугой, ни предъ дѣтьми, угощаетъ безпрестанно сына разказами о своемъ Полѣ, и если конфузится иногда предъ нежного рѣзкимъ движеніемъ или словомъ Шелонина, то оправляется мгновенно отъ своего смущенія и продолжаетъ прерванную рѣчь. Этотъ сынъ такъ долго, такъ вѣжно, съ такимъ самоотверженіемъ любимый, проходитъ черезъ несказанныя страданія, блѣднѣетъ и худѣетъ, но мать даже этого не замѣчаетъ: она стала равнодушна къ нему. Мало того: когда онъ ей объявляетъ что ѣдетъ въ азіятскія степи

вмѣсто того чтобы поселиться съ нею въ Петербургѣ, она не можетъ скрыть своей радости. Шелонинъ внушаетъ ей невольное чувство страха: она вздохнетъ свободно, проводивъ его, и будетъ наслаждаться мыслью что наконецъ-то и ей удастся натѣшиться вдоволь.

И что же въ итогѣ? Нѣкоторые антропологи утверждаютъ что образованность несовмѣстна съ черною породой, и что даже при счастливѣйшей обстановкѣ рано или поздно животная грубость расы беретъ свое. Какъ образованность согласна такому возрѣнію несовмѣстна съ натурою негра, такъ повидимому по теоріи г. Бобарыкина чистота несовмѣстна съ природою женскою. Основываясь на примѣрахъ Устиньи и княгини Шелониной, не въ правѣ ли мы, въ самомъ дѣлѣ, заключить что насколько бы женщина ни стояла выше общаго уровня, она все-таки не способна сохранить своей непорочности, потому что настанетъ минута когда эта непорочность будетъ ее „душить“ и обратится въ невыносимыя вируги. Не ясно ли доказываютъ намъ героини повѣсти что честная молодость не даетъ права разчитывать на свѣтлую старость, потому что разовьется рано или поздно никогда не вымирающій въ сердцѣ женщины зародышъ пошлаго разврата? Развратъ необходимый элементъ ея природы; ей нѣтъ изъ него исхода, и такъ же безразсудно обвинять ее въ безнравственности какъ безразсудно обвинять черную расу въ невозможности усвоить себѣ привычки бѣлой.

Литераторъ ласкаетъ себя обыкновенно мыслию что онъ достигъ цѣли которую поставилъ себѣ, и что читатели усвоили его убѣжденія и возрѣнія. Допустимъ и мы что цѣль г. Бобарыкина вполне достигнута, что публика приняла его теорію какъ непреложный законъ, что каждый изъ ея членовъ, „озаренный“ какъ и герой повѣсти, взглянувъ на честную мать, сестру или дочь, скажетъ про себя: прошлое не порука за будущее; придетъ время когда и *ее* будетъ душить воспоминаніе честной жизни,—и помирится впередъ съ необходимостію ея паденія. Но куда же приведетъ дорога освященная блескомъ такой теоріи? На этотъ вопросъ самъ авторъ даетъ намъ отвѣтъ:

Когда Шелонинъ мирится съ униженіемъ матері, авторъ прибавляетъ: „еще два-три такихъ примиренья и жизнь предстанетъ съ холоднымъ саваномъ въ рукахъ, указывая впередъ на безстрастный, суровый долгъ.... на обязательное

существованіе среди могилъ, гдѣ зарыты, одни за другими, всѣ упованія молодого сердца“.

Неужели къ этой завилной цѣли желаетъ г. Бобарыкинъ привести общество? По крайней мѣрѣ изъ его теорій друго-го исхода не видится. Достоинно замѣчанія что такая пропаганда ученія объ обязательномъ для женщинъ развратѣ находитъ себѣ мѣсто въ журналѣ повидимому съ такимъ жаромъ отстаивающемъ такъ-называемыя женскія права. Какія? Несмотря на всевозможныя системы женщина можетъ обойтись безъ права на адвокатуру и хирургию, но есть у нея иное, священное право, которое у нея ослабляютъ ея же непрошенныя защитники. Мы говоримъ о ея правѣ сказать мужу, брату, сыну: „совѣсть моя чиста, я требую твоего уваженія какъ законной дамы, и вѣра твоя въ меня будетъ тебѣ оллотомъ противъ циническаго скептицизма разврата“. А общество? Въ чемъ заключается его нравственная сила? Въ женщинахъ-хирургахъ или юристахъ? Нѣтъ, въ уваженіи къ женщинамъ, въ сознаніи cadaго изъ его членовъ что онъ стоитъ на нравственной почвѣ уготованной для него матерью, и что ту же почву избранная имъ жена уготовить въ свою очередь его сыну. Смѣемъ думать что наше общество не такъ легко подается въ раставвающія и далеко не новыя теоріи подобныя указанной и не забудетъ слова Руссо: *un état où les femmes ne sont point respectées est un état tombé en désuétude.*

Т. Н.

ВЪ КОНТОРЪ

ТИПОГРАФІИ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ГРЕЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА, изданіе 2е Лицея Цесаревича Николая. Цѣна въ переплетѣ 80 к., съ перес. 1 руб.

КАЛЕНДАРЬ ЛИЦЕЯ ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ на 1869—70 учебный годъ. Цѣна въ переплетѣ 80 к., съ перес. 1 руб.

То же на 1870—71 учебный годъ. Цѣна въ переплетѣ 80 к. съ перес. 1 руб.

То же на 1871—72 учебный годъ. Цѣна въ переплетѣ 80 к., съ перес. 1 руб.

То же на 1872—73 учебный годъ. Цѣна въ переплетѣ 80 к., съ перес. 1 руб.

ЧТЕНІЯ ИЗЪ ПСАЛТЫРЯ И ПРОРОЧЕСКИХЪ КНИГЪ ВѢТХАГО ЗАВѢТА. Изд. Лицея Цесаревича Николая. Цѣна въ переплетѣ 50 к., съ перес. 70 к.

ГРЕЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ НА ЕВАНГЕЛІЕ ОТЪ МАТФЕЯ, для воспитанниковъ IV класса. Изд. Лицея Цесаревича Николая. Ц. въ переплетѣ 35 к., съ перес. 50 коп.

РУССКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ ДЛЯ УЧЕНИКОВЪ ДВУХЪ НИЖНИХЪ КЛАССОВЪ. Изд. Лицея Цес. Николая. Ц. 80 к., съ перес. 1 р.

ЛАТИНСКАЯ ЭТИМОЛОГІЯ ВЪ СОЕДИНЕНІИ СЪ РУССКОЮ. Изд. Лицея Цесаревича Николая. Ц. въ переплетѣ 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ПОЛНЫЙ КУРСЪ
НАЧАЛЬНОЙ ФИЗИКИ

ВЪ ОБЪЕМЪ ГИМНАЗИЧЕСКАГО ПРЕПОДАВАНІЯ.

Профессора Н. ЛЮБИМОВА.

Съ 730 полнотипажамъ въ текстѣ, задачами, репетиторіумомъ и вопросами для упражненій.

Опредѣленіемъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, утвержденнымъ г. товарищемъ министра, включенъ въ число РУКОВОДСТВЪ для среднихъ учебныхъ заведеній Министерства.

ЦѢНА ТРИ РУБЛЯ.

Можно получать въ Конторѣ Университетской Типографіи въ Москвѣ и у книгопродавцевъ.

Вышло и поступило въ продажу сочиненіе:

ФОРМЫ ВОДЫ
ВЪ ОБЛАКАХЪ И РѢКАХЪ,
ВО ЛЬДЪ И ВЪ ЛЕДНИКАХЪ.

ДЖОНА ТИНДАЛЯ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.

Съ полутитанажами въ текстѣ.

Цѣна 1 руб.

Переводъ *Русскаго Вѣстника*, съ исправленіями.

Складъ въ Университетской типографіи, на
Страстномъ бульварѣ, въ Москвѣ.

Вышла и раздается гг. подписчикамъ ТРЕТЬЯ книжка ежемѣсячнаго, историческаго, иллюстрированнаго сборника „ДРЕВНЯЯ И НОВАЯ РОССИЯ.“ Содержаніе ея слѣдующее:

Текстъ: I. Графъ П. А. Толстой. 1645—1729. Биографическій очеркъ. Проф. Н. А. Попова. — II. Безвѣстный герой смутнаго времени. И. Е. Забѣлина. — III. В. Н. Татищевъ, администраторъ и историкъ первой половины XVIII столѣтія. Гл. VII и VIII. Проф. К. Н. Бестужева-Рюмина. — IV. Князь-иннокъ Вассіанъ Патрикѣевъ. Историко-литературный очеркъ. И. П. Хрущова. — V. Эллино-скиѣскій міръ на берегахъ Понта. Историко-этнографическій очеркъ. Гл. IV—VI. (Окончаніе.) Проф. Д. И. Иловайскаго. — VI. Черты изъ жизни графа Аракчеева. П. Настасья Минкина и Михаилъ Шумскій. Н. К. Отто. — VII. Очерки Восточной Сибири. П. На Кругобайкальской дорогѣ. — Нѣсколько словъ о климатѣ и погодѣ. — Ангара и ея вліяніе на жизнь. — На перевозѣ. — Каля. — Прелестный уголокъ въ долинѣ Иркутка и зобатые. — Картины природы. — Рабочіе на дорогѣ. — У Байкала. П. А. Ровинскаго. — VIII. Библиографія. Архивъ князя Воронцова. Кн. 7я. М. 1875 г. Е. А. Бѣлова. — IX. Русская театральная публика во времена Сумарокова. Д. Н. Дмитриева. — X. Смѣсь. Города и курганы въ Минской губерніи. *Рисунки:* 1. Графъ П. А. Толстой. — 2. Крестьянскій прел. Иринарха. — 3 и 4. Два вида пещеры и гробницы въ курганѣ Юзь-Оба. — 5. Рабочіе изъ селенія Тунки на Кругобайкальской дорогѣ. (Большая хромо-автографія.)

Январская и февральская книжки Сборника вышли своевременно. Содержаніе ихъ слѣдующее:

ЯНВАРСКАЯ КНИЖКА.

Текстъ: I. В. Н. Татищевъ, администраторъ и историкъ первой половины XVIII столѣтія. Гл. I—IV. Проф. К. Н. Бестужева-Рюмина. — II. Сенатъ въ началѣ царствованія императрицы Екатерины II. Профессора С. М. Соловьева. — III. Царевичъ Алексій Петровичъ. Проф. Н. И. Костомарова. — IV. Эпизодъ изъ литературы тридцатыхъ годовъ. (Три повѣсти Павлова.) Академ. М. И. Сухомятина. — V. Очерка Восточной Сибири: I. Общая характеристика Восточной Сибири. П. А. Ровинскаго. — VI. А. И. Артемьевъ. Некрологъ. П. Н. Петрова. — VII. Черты изъ жизни графа Аракчеева: I. Рождествен-

ники графа Аракчеева. *И. К. Отто.* — VIII. Библиографія. *Рисунки:* 1. В. Н. Татищевъ. — 2. Петръ I и царевичъ Алексѣй Петровичъ. (Съ картины проф. Ге.) — 3. Кронпринцесса Шарлота-Софія (супруга царевича Алексѣя Петровича). — 4. Бирюса, пограничное селеніе Иркутской губерніи, послѣ лѣтнаго пожара и наводненія. — 5. Видъ Тельминской фабрики. — 6. А. И. Артемьевъ. — 7. Шлемъ великаго князя Ярослава Всеволодовича.

ФЕВРАЛЬСКАЯ КНИЖКА.

Текстъ: I. Воспитаніе Екатерины II. Академ. Я. К. Гротъ. — II. В. Н. Татищевъ, администраторъ и историкъ первой половины XVIII столѣтія. Гл. V и VI. Проф. К. Н. Бестужева-Рюмина. — III. Царевичъ Алексѣй Петровичъ. (Окончаніе.) Проф. Н. И. Костомарова. — IV. Эллино-скиевскій міръ на берегахъ Понта. Историко-этнографическій очеркъ. Гл. I—III. Проф. Д. И. Иловайскаго. — V. Иоасафъ Батуричъ. Эпизодъ изъ исторіи царствованія императрицы Елисаветы Петровны, по архивнымъ документамъ. А. П. Барсукова. — VI. Калиостро въ Петербургъ, въ 1779 году. Е. П. Карновича. — VII. Очерки Восточной Сибири: I. Иркутскъ, его настоящее и прошлое. П. А. Ровинскаго. — VIII. Библиографія. — IX. Историческіе матеріалы. *Рисунки:* 1. Императрица Екатерина II (въ молодости). — 2. Принцъ Христіанъ Ангальтъ-Цербстскій (отецъ Екатерины II). — 3. Принцесса Иоанна-Елисавета Ангальтъ-Цербстская (мать Екатерины II). — 4. Царица Евдокія Ѳедоровна. — 5 и 6. Двѣ древнія вазы съ изображеніями Скивовъ. — 7. Калиостро. — 8. Видъ Иркутска.

ПОДПСКА НА СБОРНИКЪ ДРЕВНЯЯ И НОВАЯ РОССІЯ принимается: *въ Петербургъ:* въ главной конторѣ редакціи, на Невскомъ проспектѣ, рядомъ съ Пассажемъ, домъ № 46й; при типографіи и хромолитографіи издателя В. И. Граціанскаго, и въ книжныхъ магазинахъ: А. Ѳ. Базунова, на Невскомъ просп., д. № 30й, и И. Г. Мартынова, на Вознесенскомъ просп., д. № 15й. *Въ Москвѣ:* въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, домъ Алексѣевыхъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ДВѢНАДЦАТЬ КНИЖЕКЪ ВЪ ГОДЪ 12 руб., съ доставкой на домъ 12 руб. 50 коп., съ пересылкой 13 руб. 50 коп. 2.460.

было дома. Онъ успѣлъ только захватить домой переодѣться. Къ обѣду онъ прѣхалъ поздно, и когда началъ извиняться предъ хозяиномъ въ своей неаккуратности, языкъ его запнулся. Въ дальнемъ углу комнаты онъ увидѣлъ лицо которое поблѣднѣло и похудѣло съ тѣхъ поръ какъ онъ видѣлъ его въ послѣдній разъ, лицо по которому прошло какое-то горе.

Слуга доложилъ что обѣдъ поданъ.

— Мистеръ Венъ, сказалъ Дюплеси, — не угодно ли вамъ вести къ столу *Mademoiselle* Чигонью?

К Н И Г А XI.

Г Л А В А I.

Въ числѣ огорченій и невзгодъ встрѣчаемыхъ на жизненномъ пути, который никогда не бываетъ совершенно ровенъ и гладокъ, есть одна довольно часто встрѣчающаяся: многие изъ читателей могутъ припомнить досаду которую она причиняла. Вы разчитываете на свиданіе съ возлюбленною безъ постороннихъ свидѣтелей, на обмѣнъ признаній и клятвъ которыхъ другіе не должны слышать. Вы почти уже подготовили слова въ которыхъ должны быть раскрыты тайники вашего сердца; представили себѣ даже взгляды въ которыхъ эти слова найдутъ сладостный отвѣтъ. Картина которую вы такимъ образомъ начертали себѣ представляется такъ живо и ясно какъ бы отраженная въ волшебномъ зеркалѣ. И вдругъ, послѣ долгаго отсутствія, свиданіе состоится среди обыкновеннаго общества: ничто изъ того что вы желали сказать не можетъ быть сказано. Картина которую вы рисовали себѣ стерта вроніей Случая; и группа и обстановка о какихъ вамъ никогда и не снилось возникаютъ на безжалостномъ полотнѣ. Счастье если это все! Но иногда вслѣдствіе мелочнаго тонкаго прозрѣнія вы чувствуете что сама особа эта измѣнилась; и подъ вліяніемъ этой перемѣны страшный холодъ охватываетъ ваше сердце.

Прежде чѣмъ Грагамъ Венъ сѣлъ за столъ рядомъ съ Исаврой, онъ почувствовалъ что она перемѣнилась къ нему. Онъ почувствовалъ это по ея прикосновенію когда

она подала ему руку при первомъ привѣтствіи, по тону голоса въ немногихъ словахъ сказанныхъ между ними, по отсутствію блеска въ улыбкѣ которая прежде освѣщала ея лицо, какъ солнечный свѣтъ, внезапно блеснувъ весеннимъ днемъ, даетъ болѣ роскошныя краски весеннимъ цвѣтамъ. Сидя рядомъ она молчала нѣсколько минутъ. Дѣйствительно, было довольно трудно, не обладая изумительнымъ разумѣніемъ любящихъ, которымъ никакая стѣна не можетъ помѣшать тайному обмѣну сигналами, рѣшиться на отдѣльный разговоръ среди одушевленной бестыды, гдѣ все, казалось, было зрѣніе, все рѣчь, все слухъ, не позволявшіе ни одному изъ присутствующихъ отвѣститься отъ общаго возбужденія. Англичане не придерживаются стараго классическаго закона который ограничиваетъ число гостей за обѣдами, чтобъ они были веселы, числомъ девяти музъ. Они приглашаютъ такое многочисленное общество и лицъ такихъ не ловкихъ въ искусствѣ поддерживать разговоръ за столомъ что вы можете говорить съ своимъ сосѣдомъ также мало опасаясь быть услышаннымъ какъ еслибы вы бесѣдовали съ путникомъ случайно встрѣченнымъ у одного изъ колодезѣвъ въ Сахарѣ. Не такъ бываетъ, за исключеніемъ торжественныхъ случаевъ, въ Парижѣ. Тамъ не легко бываетъ уединиться съ своимъ сосѣдомъ. Гости собравшіеся за обѣдомъ у Дюлаеси составляли именно священное число девять: самъ хозяинъ, Валерія, Рошбрианъ, Грагамъ, Исавра, синьора Веноста, герцогиня де-Тарасковъ, одинъ богатый и занятый имперіалистъ, князь — —; послѣдній и наименѣе значительный останется не названнымъ.

Я читалъ гдѣ-то, можетъ-статься въ одной изъ книгъ которая американское суевѣріе посвящаетъ тайнамъ спиритизма, какъ одаренный прозорливостью, технически именуемый медиумомъ, видитъ въ оперѣ ложу которая для другихъ кажется выхваченною изъ занятой и пустою. наполненною духами, хорошо одѣтыми въ *costume de règle*, смотрящими на сцену и слушающими музыку. Такимъ духамъ подобны лица которыхъ я называю Зрителями. Будучи еще въ живыхъ, они не имѣютъ доли въ жизни которую переживаютъ, они какъ бы являются изъ другаго міра чтобы слышать и видѣть то что происходитъ въ нашемъ. Они жили когда-то въ нашемъ мірѣ, но уже пережили эту тревожную жизнь. Тамъ не менѣе мы занимаемъ ихъ какъ актеры на сценѣ или маріонетки занавѣ-

мают насъ. Одинъ изъ такихъ Зрителей присутствовалъ за обѣдомъ у Дюпаеси.

Какой веселый, какой оживленный разговоръ шелъ за столомъ финансиста въ этотъ день 8го юля! Возбужденіе при-
ближающейся войны громко слышалось въ голосъ каждаго
Галла, просвѣчивало въ его глазахъ: Каждую минуту дѣлались
обращенія, то любезныя, то саркастическія, къ Англичанину,
многообѣщавшему сыну знаменитаго государственнаго чело-
вѣка и гражданину страны къ которой Франція всегда отно-
сится какъ завистливый союзникъ или какъ подозритель-
ный недругъ. Разумѣется, Грагамъ не могъ бы найти ме-
нѣе благопріятную минуту чтобы спросить Исавру дѣйстви-
тельно ли въ ней произошла перемѣна. Разумѣется также
что никогда достоинство Великобританіи не было такъ
неудачно представлено какъ въ этомъ случаѣ представ-
лялъ его молодой человекъ воспитанный для дипломатиче-
ской карьеры и жаждавшій парламентскихъ отличій. Онъ
отвѣчалъ на всѣ вопросы принужденнымъ тономъ, съ не-
ловко сдѣланною улыбкой; вопросы эти, обращенные прямо къ
нему, касались того какимъ образомъ выразить свою востор-
женную симпатію къ мужеству Франціи англійское правитель-
ство и народъ; какое, какъ полагаетъ онъ при своемъ знаком-
ствѣ съ Германскою расой, впечатлѣніе произведетъ на южно-
германскія государства первое пораженіе Пруссіи; правда ли
что человекъ по имени Мольтке не болѣе какъ стратегъ на бу-
магѣ, забавный педантъ; будетъ ли Англія, въ томъ случаѣ
когда Бельгія, очарованная славой Франціи, захочетъ слиться
съ нею, имѣть право представить противъ этого возраженія, и
пр. и пр. Я не думаю чтобы Грагамъ въ теченіи этого обѣда
хотя однажды подумалъ о судьбахъ Франціи и Пруссіи въ
милліонъ разъ меньше того сколько онъ думалъ: „Почему эта
тѣлушка такъ измѣнилась ко мнѣ? Милосерное Небо! Неужели
она навсегда потеряна для моей жизни?“

По воспитанію, привычкѣ, даже по страсти, этотъ человекъ
былъ истый политикъ, космополитъ также какъ и патріотъ,
привыкшій соображать какое вліяніе каждое колебаніе въ раз-
витіи европейскихъ державъ, котораго не можетъ презирать
ни одинъ глубокій мыслитель, произведетъ на судьбы ци-
вильзованнаго человечества и націи къ которой онъ прива-
лежалъ. Но развѣ не бываетъ въ жизни минутъ когда сердце
человѣка внезапно суживаетъ окружность до которой прости-
33°

раются его движенія? Какъ отливъ послѣ прилива, оно отстываетъ отъ береговъ, которые покрывало своимъ разливомъ, увлекая укорачивающимися волнами драгоценную находку которую хочеть сокрыть въ своихъ глубинахъ.

Г Л А В А II.

Когда встали изъ-за стола, герцогиня де-Тарасконъ оказала хозяину который велъ ее подъ руку:

— Конечно намъ съ вами приходится лаять по теченію. Но не кажется ли вамъ какимъ-то лицемѣриемъ происшедшій за обѣдомъ веселый разговоръ, въ которомъ мы также принимали участіе? Вамъ я могу сказать это, но не сказала бы никому другому.

— И я также скажу вамъ, *Madame la Duchesse*, чего не сказалъ бы никому другому. Когда я думаю о настоящихъ событіяхъ наединѣ, они представляются мнѣ ужаснымъ рискомъ; но когда я выхожу изъ дому и вижу всеобщій энтузіазмъ, мнѣ становится весело и я говорю про себя: все такъ, но это можетъ быть громаднымъ приобрѣтеніемъ для насъ. Приобрѣсти лѣвый берегъ Рейна, это пустяки; но положить предѣлъ возрастающему могуществу нашего сосѣда, которое черезъ нѣсколько лѣтъ можетъ подавить насъ, это не пустяки. Во всякомъ случаѣ, стобитъ ли этотъ выигрышъ риска или нѣтъ, развѣ могъ императоръ, развѣ могло бы какое-нибудь правительство не желающее черезъ недѣлю лишиться своей власти, не вынуть этого жребія?

Герцогиня задумалась на минуту пока они усаиись на диванъ въ углу залы. Потомъ проговорила очень медленно:

— Ни одно правительство котораго власть основана на всеобщей подачѣ голосовъ не могло бы отказаться отъ этого. Но еслибъ императоръ удержалъ за собой личную власть, которая прежде давала возможность разумнаго одного человека контролировать и направлять страсти многихъ, я думаю что въ такомъ случаѣ не было бы войны. Мнѣ извѣстно что императоръ сильно поддерживалъ наименѣе воинственныхъ членовъ совѣта и что при заключеніи засѣданія совѣта, въ рѣчи Граммона, которая была на немъ составлена, не было вырженій возбуждающихъ вражду. Эти роковыя слова были вынуждены настроеніемъ умовъ въ палатѣ и извѣстіемъ о ма

родномъ возбужденіи, которому нельзя было противиться не рискуя вызвать революцію. Парижъ вынудилъ императора къ войнѣ. Что неизбежно то неизбежно, и, какъ вы говорите, выигрышь можетъ стоить риска. Перехожу къ другому, о чемъ вы шептались мнѣ когда мы шли къ столу; это было въ родѣ жалобы, которая глубоко огорчила меня. Вы сказали что я содѣйствовала выбору который можетъ грозить опасностью, даже смертью одному моему дальнему родителю котораго можетъ стать вашимъ близкимъ родственникомъ. Вы говорили объ Аленѣ де-Ромбрианѣ?

— Да; я принялъ предложеніе которое онъ сдѣлалъ моей единственной дочери.

— Очень рада этому, не столько за васъ, какъ за него. Зная его, нельзя не цѣнить въ немъ лучшихъ качествъ лучшаго французскаго дворянства, но зная такъ давно вашу прекрасную Валерію, я не могу не поздравить того кому достанется ея рука. Вотъ мои объясненія: когда я обѣщала Алену мое содѣйствіе къ полученію офицерскаго чина въ родахъ мобилей, я не знала что онъ принялъ или намѣренъ принять на себя обязанности которыя будутъ привязывать его къ дому. Теперь я беру назадъ свое обѣщаніе.

— Нѣтъ, герцогина, исполните его. Я не былъ бы вѣрно-подданнымъ еслибы рѣшился въ минуту необходимости отнять такого храбраго защитника у государя, подъ мирнымъ и благодѣтельнымъ правленіемъ котораго я составилъ себѣ состояніе. И говоря откровенно, еслибъ Аленъ былъ дѣйствительно моимъ сыномъ, я настолько Французъ чтобы помнить что Франція мнѣ мать.

— Довольно, другъ мой, довольно, воскликнула герцогина и горячій румянецъ проступилъ у нея сквозь слои жемчужной пудры.— Еслибы каждый Французъ имѣлъ такіа же чувства; еслибы въ нашемъ Парижѣ сословныя несогласія исчезли въ общей мысли о своей странѣ; еслибы въ каждомъ французскомъ сердцѣ трепетало еще то чувство которое въ ужасные дни когда всѣ другія связи были порваны, чтило Францію какъ мать и собирало ея сыновъ на ея защиту противъ союза всей Европы, — тогда намъ незачѣмъ было бы блѣднѣть при видѣ прусскаго игольчатаго ружья. Но взгляните въ ту сторону; развѣ это не картина аркадской юности? Миръ яростно свирѣпѣетъ вокругъ, а любовь беззаботно шепчетъ о любви!

Герцогиня указала въ уголѣ соседней комнаты гдѣ Алексъ съ Валеріей сидѣли въ сторонкѣ; она шептала ей что-то на ухо, и ея щеки, какъ можно было замѣтить даже на этомъ разстояніи, освѣщались нѣжнымъ румянцемъ.

Г Л А В А III.

Но въ этомъ небольшомъ обществѣ были двое которые не привлекали къ себѣ вниманія ни Дюлесси, ни придворной дамы. Пока князь — — и смиренный Зритель заняты были игрою въ экарте, а живая Веноста вставляла свои замѣчанія, Исавра разсѣянно перебирала коллекцію фотографій разложенныхъ на столѣ стоявшемъ въ отдаленномъ углу комнаты у открытаго окна сообщавшагося съ длиннымъ и глубокимъ балкономъ, заставленнымъ цвѣтами и выходявшимъ на Ближескія Поля, которыя были освѣщены кроткимъ свѣтомъ безчисленныхъ звѣздъ. Вдругъ шепотъ, власти котораго она не могла противиться, раздался надъ ея ухомъ и вся кровь прихлынула ей къ сердцу.

— Помните ли вы вечеръ въ Англетъ? Когда я сказалъ что воображенію невольно представляется вопросъ будемъ ли мы черезъ годъ въ тотъ же день смотрѣть вмѣстѣ на звѣзду которую оба мы считали своею изъ числа многочисленныхъ странниковъ неба? Это было 8го іюля. Сегодня также 8е іюля. Пойдемте, отыщемъ нашу звѣзду. Я имѣю сказать вамъ то что долженъ сказать. Пойдемте.

Машинально,—какъ сомнамбулы, говорятъ, машинально ловиваются месмеристу, — Исавра ловилась этой просьбѣ. Въ какомъ-то дремотномъ подчиненіи она послѣдовала за нимъ и очутилась на балконѣ, среди цвѣтовъ и подъ свѣтомъ звѣздъ, рядомъ съ человѣкомъ который былъ для нея существомъ вѣчно окруженнымъ цвѣтами и освѣщеннымъ звѣздами, романтическимъ идеаломъ сердца дѣвственной женщины.

— Исавра, сказалъ Англичанинъ мягкимъ тономъ.— При звукѣ ея имени въ первый разъ слышавшемъ изъ этихъ устъ, каждая фибра ея существа затрепетала. — Исавра, я старался жить безъ васъ, но не могъ. Вы для меня все, все: безъ васъ кажется мнѣ на землѣ исчезаютъ цвѣты, меркнутъ звѣзды на небѣ. Есть ли между нами разногласія во вкусахъ, привычкахъ, мысляхъ? Дайте мнѣ только надежду что вы лю-

бите меня хотя вдесятеро меньше того какъ я васъ люблю, и эти разногласія перестанутъ быть разладомъ. Любовь приводитъ въ гармонію всѣ звуки, соединяетъ всѣ цвѣта въ своемъ божественномъ единеніи души и сердца. Взгляните на верхъ! Не тамъ ли все та же звѣзда что въ прошломъ году манила наши взоры? Не привлекаетъ ли она все также наши взоры теперь? Исавра, говорите!

— Тс, тс... Дѣвушка не могла выговорить ничего больше, но отодвинулась отъ него.

Это движеніе не оскорбило его: въ немъ не было ненависти. Онъ приблизился къ ней, взявъ ее за руку и продолжалъ голосомъ который былъ такъ музыкаленъ среди лѣтней ночи подъ звѣзднымъ небомъ:

— Исавра, есть одно имя которое я никогда не могу произнести безъ почтенія съ какимъ мы относимся къ религіи соединяющей небо съ землею, имя которое для мушкетера должно быть символомъ жизни украшенной и осчастливленной, возвышенной и освященной. Имя это „жена“. Хотите ли принять отъ меня это имя?

Исавра опять не дала отвѣта. Она стояла нѣмая и холодная и строгая какъ мраморное изваяніе. Наконецъ, какъ бы утраченное сознаніе снова начало вступать въ силу, она тяжело вздохнула и медленно провела руками по лбу.

— Насмѣшка, насмѣшка, сказала она съ улыбкой отчасти горькою, отчасти жалобною на безцвѣтныхъ губахъ. — Вы ждали предложить мнѣ этотъ вопросъ до тѣхъ поръ какъ узнали каковъ долженъ быть мой отвѣтъ? Я дала слово назваться женою другаго.

— Нѣтъ, нѣтъ; вы говорите это мнѣ въ упрекъ, чтобы наказать меня! Скажите что это не правда! скажите!

Блуждающіе глаза Исавры замѣтали тоску отразившуюся на его лицѣ.

— Какъ могутъ мои слова огорчать васъ? сказала она сухо. — Развѣ вы не писали что я не гожусь быть вашею женою?

— Я?

— Что я отказалась отъ мирныхъ наслажденій частной жизни? Мнѣ казалось что вы были такъ правы! Да! Я обручена съ человѣкомъ который полагаетъ что несмотря на такое несчастіе...

— Остановитесь, я требую, остановитесь! Вы видѣли мое письмо къ мистрисъ Морли. Съ тѣхъ поръ какъ я написалъ

его, я не имѣлъ ни минуты покоя отъ угроженій и раскаянія. Но хотя это письмо и возбудило вашъ справедливый гнѣвъ...

— Оно не возбуждало моего гнѣва...

Не замѣчая перерыва, Грагамъ слѣдилъ высказаться:

— Вы простили бы меня еслибы могли читать въ моемъ сердцѣ. Все равно. Я беру назадъ все что было сказано въ этомъ письмѣ, кромѣ словъ выражавшихъ мое восхищеніе. Будьте моею, и вмѣсто того чтобъ удерживать въ васъ неудержимый порывъ генія который стремится занять первое мѣсто въ головѣ или въ сердцѣ міра, я научусь самъ ободрять его, дѣлать и находить въ немъ торжество. Знаете ли вы какая разница между отсутствующимъ и присутствующимъ, между далекимъ образомъ противъ котораго наши сомнѣнія, страхи, подозрѣнія воздвигаютъ тѣни воображаемыхъ гигантовъ, окружаютъ его призрачными стѣнами, и любимымъ лицомъ при видѣ котораго духи отлѣтаютъ и исчезаютъ стѣны? Исавра, мы снова встрѣтились. Вы теперь знаете изъ моихъ собственныхъ устъ что я люблю васъ. Вы говорите что дали слово другому. Скажите ему откровенно, честно, что вы обманулись въ своемъ сердцѣ, что вы не можете располагать имъ. Спасите себя, спасите его отъ союза въ которомъ не можетъ быть счастья.

— Теперь уже поздно, сказала Исавра беззвучнымъ голосомъ, но безъ слѣда верѣшительной слабости на челѣ или губахъ. — Еслибъ я теперь сказала этому другому: „я беру назадъ слово которое дала вамъ“, я убила бы его, убила бы и тѣло его и душу. Несмотря на мое ничтожество, для него я все; для васъ, мистеръ Венъ, для васъ воспоминаніе; черезъ годъ, можетъ-быть черезъ мѣсяць, вы съ удовольствіемъ будете думать что избавились отъ меня.

Она отошла отъ него, отошла отъ цвѣтовъ и звѣзднаго свѣта; и когда Грагамъ — оправившись отъ смущенія въ какое привели его ея подавляющія слова, съ высокомернымъ видомъ и походкой человѣка который отходитъ прочь отъ развалинъ своего счастья, опираясь на свою гордость—когда Грагамъ возвратился въ комнату, всѣ гости уже развѣхались исключая Алена, который продолжалъ шепотомъ разговаривать съ Валеріей.

ГЛАВА IV.

На слѣдующій день, въ назначенный часъ, Грагамъ вошелъ въ квартиру Алена.

— Съ удовольствіемъ могу объявить вамъ, сказалъ маркизъ весело, — что щипокъ прибылъ и мы скорѣе можемъ приступать къ разбору его содержимаго; но прежде нужно позавтракать.

Во время завтрака Алень былъ веселъ и сперва не замѣтилъ мрачнаго выраженія и разсѣянности своего гостя. Наконецъ удивленный вялыми отвѣтами на свои веселыя шутки со стороны человека котораго искренняя рѣчь всегда была такъ пріятна и задушевный смѣхъ такъ симпатиченъ, онъ подумалъ что причиною перемены въ Грагамѣ было какое-нибудь недоразумѣніе происшедшее между нимъ и Исаврой наканунѣ; но помня съ какою рѣшительностью Грагамъ отклонилъ разговоръ о прекрасной Италіанкѣ, онъ былъ въ затрудненіи какъ согласить свой добродушный порывъ со скромностью къ которой обязывала его благовоспитанность. Во всякомъ случаѣ комплиментъ сдѣланный молодой особѣ которою такъ восхищался Грагамъ не могъ повредить.

— Какъ прекрасна была вчера *Mademoiselle* Чигонья!

— Въ самомъ дѣлѣ? Мнѣ показалось что она не совсѣмъ здорова. Не слышали ли вы когда *Monsieur* Тьеръ будетъ говорить о войнѣ?

— Тьеръ? Нѣтъ. Кто теперь думаетъ о Тьерѣ? Благодаря Бога время его прошло! Я не знаю ни одной дѣвочки въ Парижѣ, не исключая Валеріи — я хочу сказать *Mademoiselle* Долаеси — которая одѣвалась бы съ такимъ изящнымъ вкусомъ какъ *Mademoiselle* Чигонья. Вообще у женщинъ-писательницъ вкусъ ужасный.

— Въ самомъ дѣлѣ. Я не замѣтилъ какъ она была одѣта. Я не судья въ такихъ тонкихъ вещахъ какъ дамскіе туалеты или вкусы писательницъ.

— Простите меня, сказалъ *beau Marquis* серьезно. — Что касается туалетовъ, то мнѣ кажется это такая существенная вещь въ глазахъ женщинъ что ни одинъ мужчина интересующійся женщинами не долженъ презирать критическое изученіе этого предмета. Въ женщинахъ съ утонченнымъ характеромъ

никогда я встрѣтишь вульгарности въ одеждѣ. Я поняла эту истину только съ того времени какъ выѣхала изъ Бретани.

— Вѣроятно, любезнѣйшій маркизъ, вамъ случалось читать въ Бретани книги которыя въ Парижѣ мало кто читаетъ не будучи ученымъ по призванію; и вѣроятно вы припомните что Горацийъ приписываетъ самую изящную утонченность въ одеждѣ, выраженную у него непереводимыми словами *simplex munditiis*, женщину которая отличалась не меньшею легкостью и быстротой съ какою мѣняла свои привязанности. Разумѣется это не можетъ касаться *Mademoiselle* Чигоньи; но какъ много другихъ изящно одѣтыхъ дамъ въ Парижѣ которыхъ несчастные обожатели

fidem

Mutatoque deos febit.

Теперь, съ вашего позволенія, мы можемъ приступить къ разбору ящика съ письмами.

Ящикъ былъ принесенъ и отпертъ; Адезъ съ заботливымъ вниманіемъ пересматрѣлъ все что въ немъ заключалось прежде чѣмъ передалъ Грагаму нѣсколько записокъ, въ которыхъ Англичанинъ тотчасъ же узналъ одинаковый почеркъ съ письмомъ Луизы завѣщаннымъ ему Ричардомъ Кингомъ.

Письма были подобраны въ хронологическомъ порядкѣ и перенумерованы.

Письмо I.

„Любезнѣйшій маркизъ,—Какъ мнѣ благодарить васъ за полученіе и пересылку мнѣ этихъ удостовѣреній? Вамъ хорошо извѣстенъ несчастный эпизодъ въ моей жизни, и вы можете понять какъ неоправданно оказанная мнѣ вами услуга. Я избавлена отъ всякихъ дальнѣйшихъ преслѣдованій со стороны человека который на самомъ дѣлѣ не имѣетъ никакихъ правъ посягать на мою свободу, но его преслѣдованія могли подвергнуть меня скандалу и неприятели обращаться за покровительствомъ къ закону и обнаружить незаконный бракъ, въ который я была вовлечена обманомъ. Я предпочла бы скорѣе быть разорвальною на части бѣшенными лошадьми, какъ королева про которую пишутъ въ исторіи, нежели обезчестить себя и своихъ предковъ которыми я могу гордиться по крайней мѣрѣ со стороны матери, сознавшись что я жила съ этимъ низкимъ Англичаниномъ какъ жена, тогда какъ я была только — о, Боже, я не могу договорить!

„Нѣтъ, *Monsieur le Marquis*, я не нуждаюсь въ денежной помощи которую вы съ такимъ великодушiемъ мнѣ предлагаете. Хотя я не знаю гдѣ находится мой бѣдный милый дядя, хотя я сомнѣваюсь, еслибъ и знала это, могу ли я рѣшиться довѣрить ему известную только вамъ тайну принятаго мною имени, такъ что если онъ узнаетъ обо мнѣ то будетъ почитать меня умершею,—но у меня все еще остается довольно денегъ изъ тѣхъ что онъ далъ мнѣ для прожитiя; если же ихъ не доставить, тогда я думаю что съ моимъ знанiемъ англiйскаго языка и другими скромными талантами я могу найти мѣсто учительницы или гувернантки въ какомъ-нибудь нѣмецкомъ семействѣ. Во всякомъ случаѣ, я буду скоро опять писать вамъ, и прошу васъ сообщить мнѣ все что вы узнаете о моемъ дядѣ. Я такъ благодарна вамъ что вы не вѣрите ужасной клеветѣ, которая должна такъ сильно поразить такого гордаго человѣка, который, несмотря на всѣ свои заблужденiя, неспособенъ на низость.

„Адресъ мой Аугсбургъ, *poste restante*.

„Вамъ преданная,

„— —“.

Письмо II.

(Черезъ семь мѣсяцевъ послѣ письма № I).

Аугсбургъ.

„Любезнѣйшiй маркизь, — Благодарю васъ за вашу добрую записку въ которой вы увѣдомляете меня о вашихъ хлопотахъ, хотя до сихъ поръ безуслѣнныхъ, съ цѣлью узнать что сталося съ моимъ несчастнымъ дядей. Со времени послѣдшаго моего письма я жила очень покойно. Я давала здѣсь уроки въ нѣсколькихъ семействахъ; въ числѣ моихъ ученицъ есть двѣ очень знатныя дѣвицы. Онѣ такъ полюбили меня что ихъ мать проситъ меня поступить къ нимъ въ домъ въ качествѣ гувернантки. Какiя чудныя сердца у этихъ Германцевъ, такiя простые, такiя правдивыя! Они не возбуждаютъ докучныхъ вопросовъ, довѣрчиво относятся къ тому что я сама рассказываю.“—Здѣсь слѣдовало нѣсколько общихъ мнѣсть о германскомъ характерѣ, и затѣмъ постскриптумъ.—„На слѣдующей недѣлѣ я постулаю на мѣсто. Если вы узнаете что-нибудь о моемъ дядѣ, напишите мнѣ адресуя письмо графинѣ фонъ-Рюдесгеймъ, замокъ N*** M*** на Рейнѣ.“

— Рюдесгеймъ!

Не была ли это родственница, можетъ-быть жена графа фонъ-Рюдесгейма съ которымъ Грагамъ познакомился въ прошломъ году?

Письмо III.

(Три или четыре года спустя послѣ послѣдняго письма).

„Вы приставивъ удивили меня, *Monsieur le Marquis*. Мой дядя оказался въ Алжирѣ подъ чужимъ именемъ, солдатомъ въ Алжирской арміи? мой милый, гордый, блестящій дядя! Я не могу вѣрять этому, также какъ и вы не вѣрите: но я жажду узнать о немъ давальшія свидѣнія какія вы можете собрать. Я можетъ-быть удивляю васъ когда скажу о себѣ что я выхожу замужъ. Ни съ чѣмъ нельзя сравнить доброту ко мнѣ Рюдесгеймовъ съ тѣхъ поръ какъ я поступила къ нимъ въ домъ. Особливо въ послѣдній годъ они обращались со мною какъ съ равною, какъ съ членомъ семейства. Въ числѣ постоянныхъ посѣтителей дома есть одинъ господинъ благородной фамиліи, но не такого высокаго рода и не съ такимъ большимъ состояніемъ чтобы женитьба на вдовой французской гувернанткѣ была для него *mésalliance*. Я увѣрена что онъ любитъ меня искренно, и онъ единственный человѣкъ любовь котораго мнѣ было пріятно заслужить. Свадьба наша послѣдуетъ въ теченіе нынѣшняго года. Разумѣется ему неизвѣстна моя печальная исторія и онъ никогда не узнаетъ ее. Во всякомъ случаѣ Луиза Д.— умерла. Въ домъ куда я вступаю, негодный Англичанинъ по всей вѣроятности никогда не будетъ имѣть возможности стать мнѣ поперекъ дороги. Тайна моя въ вашихъ рукахъ также надежна какъ въ могилѣ гдѣ покоится та которую вы когда-то любили подъ именемъ Луизы Д.—. Я не буду больше беспокоить васъ моими письмами; но если вы узнаете что-нибудь вполнѣ достоверное о судьбѣ моего дяди, напишите мнѣ строчку адреса во всякое время письма какъ прежде графинѣ фонъ-Рюдесгеймъ для *Madame M.*—.

„Примите увѣреніе въ моей вѣчной благодарности за всю доброту какую вы оказывали мнѣ, не отказываясь признавать меня вашею родственницей. Союзомъ въ который вступаетъ ваша родственница она не увидитъ имени которое соединяетъ ее съ еще болѣе высокимъ родомъ де-Рошбріановъ.“

На этомъ письмѣ покойный маркизъ написалъ карандашомъ: „Разумѣется Рошбріанъ никогда не откажется признавать своихъ родственниковъ, хотя бы даже и дочь рисоваль-

наго учителя. Красивое существо, Луиза, но сварлива! Я бы не могъ любить Венеру еслибъ она была сварлива. Несчастное открытіе что ея мать была изъ благородной фамиліи вскружило голову Луизѣ. Въ той или другой формѣ всякая женщина страдаетъ одною и тою же болѣзнію—тщеславіемъ. Имя ея будущаго мужа, не названное въ письмѣ, легко узнать.“

Слѣдующее письмо было отъ 7го мая 1859, на бумагѣ съ траурною каемкой, и содержало въ себѣ только слѣдующія строки:

„Я была очень утѣшена вашимъ вчерашнимъ визитомъ, любезнѣйшій маркизъ. Горе мое было тяжело, но въ послѣдніе два года поведеніе моего мужа дѣлало жизнь мою несчастною, и я оправляюсь отъ удара причиненнаго мнѣ его внезапною смертію. Правда что я съ дѣтьми осталась въ бѣдности, но я не могу принять вашего великодушнаго предложенія помочь мнѣ. Не страшитесь за мою дальнѣйшую судьбу. Прощайте, любезнѣйшій маркизъ! Письмо это вы получите какъ разъ предъ вашимъ отъѣздомъ въ Неалоль. *Bon voyage.*“

На этомъ письмѣ не было ни адреса ни почтовой марки; очевидно оно было передано чрезъ посланнаго.

Послѣднее письмо, отъ 20го марта 1861, было еще короче предыдущаго:

„Я послѣдовала вашему совѣту, любезнѣйшій маркизъ; и отбросивъ всѣ сомнѣнія приняла его доброе предложеніе, съ условіемъ что онъ никогда не поѣдетъ со мной въ Англію. Я равнодушна къ этому браку. Теперь я могу вамъ признаться что бѣдность моя была крайняя. Ваша, съ неизмѣнною благодарностію,

„—.“

Это послѣднее письмо также не имѣло на себѣ почтовой марки и очевидно было послано съ нарочнымъ.

— Больше нѣтъ писемъ отъ этой особы? спросилъ Граммъ;—и никакого указанія на ея существованіе?

— Нѣтъ, по крайней мѣрѣ я не нашелъ ничего больше. Я теперь вижу почему я сохранилъ эти письма. Въ содержаніи ихъ нѣтъ ничего что бы не было почтено для моего отца. Они показываютъ какъ онъ былъ способенъ къ безкорыстной добротѣ даже къ отдаленной родственницѣ, которою онъ,

разумѣется, не могъ гордиться, судя не только по его припискѣ карандашомъ, или по тому, что она занимала мѣсто гюверлантки, но по ея невысокому взгляду на брачныя узы. Я не имѣю ни малѣйшаго попятія о томъ кто бы могла быть эта женщина. По крайней мѣрѣ я никогда не слыхалъ ни о комъ изъ состоящихъ въ родствѣ, хотя бы отдаленномъ, съ нашею фамиліей, въ комъ бы я могъ узнать особу писавшую эти письма.

— Могу я оставить ихъ у себя на короткое время?

— Простите если я прежде предложу вамъ вопросъ. Сколько я могу догадываться, цѣль вашихъ розысковъ должна имѣть связь съ вашимъ соотечественникомъ котораго эта дама вѣжливо называетъ „негоднымъ Англичаниномъ“; но признаюсь мнѣ не хотѣлось бы черезъ эти письма подать поводъ къ какому-нибудь скандалу въ которомъ могло бы быть замѣшано имя моего отца или кого-нибудь изъ членовъ моей фамиліи.

— Маркизь, я прошу доверить эти письма моей скромности именно для того чтобъ избѣжать скандала.

— *Foi de gentilhomme?*

— *Foi de gentilhomme!*

— Возьмите ихъ. Гдѣ и когда мы опять свидимся?

— Я думаю вскорѣ; но я долженъ сегодня вечеромъ выѣхать изъ Парижа. Я отправляюсь въ Берлинъ чтобы разыскать эту графиню фонъ-Рюдесгеймъ, и боюсь что черезъ нѣсколько дней путешественникамъ не будетъ дозволено перѣзжать границу между Франціей и Германіей.

Обмѣнявшись еще нѣсколькими незначительными словами молодые люди пожали другъ другу руку и расстались.

Г Л А В А V.

Раздумывая надъ прочтенными письмами, которыя замѣчательно подвигали впередъ возможность отысканія Луизы Дюваль, Грагамъ не чувствовалъ уже такого живаго и заботливаго интереса какъ прежде. Итакъ, Луиза Дюваль была сперва замужемъ за иностранцемъ который по ея словамъ принадлежалъ къ благородной фамиліи и имя котораго не трудно было узнать отъ графини фонъ-Рюдесгеймъ. Бракъ этотъ по видимому не былъ счастливъ. Оставшись вдовою безъ

средствъ, она снова вышла замужъ, очевидно не по любви. Въ 1861 году она была еще въ живыхъ, а въ 1859 были живы ея дѣти; не былъ ли ребенокъ о которомъ упоминаетъ Ричардъ Кингъ однимъ изъ нихъ?

Тонъ и складъ писемъ могъ пролить нѣкоторый свѣтъ на характеръ писавшей: они обнаруживали гордость, упрямое своеволие и непріятную жесткость натуры; но ея отказъ отъ всякой денежной помощи со стороны такого человѣка какъ покойный маркизъ де-Рошбриамъ указывалъ на чувство нѣкотораго достоинства. Очевидно что, каковы бы ни были ея странныя идеи о ея первомъ бракѣ съ Ричардомъ Кингомъ, она не была искательница приключеній; и по всей вѣроятности она не была лишена какой-нибудь прелесть которая возбуждала къ ней дружескій интересъ такого дальняго родственника и человѣка столь эгоистичнаго въ своихъ удовольствіяхъ какъ ея аристократическій корреспондентъ.

Но что составляетъ по отношенію къ его личному счастью надежда, даже почти вѣроятность, скорого исполненія довѣреннаго ему порученія? Каковъ бы ни былъ исходъ, получить ли онъ, вслѣдствіе смерти матери или въ особенности дочери, богатство, или же, если онъ еще живы, у него остается только скромное независимое состояніе, во всякомъ случаѣ Исавра была для него потеряна и состояніе утрачивало всякое значеніе. Но первое чувство его, когда онъ оправился отъ поразившихъ его словъ Исавры что она безвозвратно связана съ другимъ, не было упрекомъ самому себѣ. Оно было чувствомъ сильной горечи противъ той которая, если дѣйствительно была такъ привязана къ нему какъ онъ могъ ожидать, могла въ такое короткое время склонить свое сердце къ союзу съ другимъ. Несомнѣнно что горечь эта была несправедлива; но я считаю ее естественною въ человѣкѣ съ такою гордою природою и такимъ сильнымъ чувствомъ какъ у Грагама, когда надежды его были такимъ образомъ разбиты. Злоба есть первое чувство являющееся у человѣка любящаго со всею горячностью своей души, и отвергнутаго, все равно почему и отчего бы то ни было, женщиной которая, какъ онъ имѣлъ причину предполагать, сама любить его; и хотя помятіе о чести было высоко у Грагама, однако же мужчина не смотритъ на честь тѣми же глазами какими смотритъ женщина, будучи поставлена въ одинаковое затруднительное положеніе. Грагамъ искренно думалъ что если Исавра любить его настолько что ей непріятенъ

союзъ съ другимъ, которому она могла дать обѣщаніе только очень недавно, то съ ея стороны была бы болѣе честнымъ откровенно сказать это своему жениху нежели оставлять его въ неизвѣстности что ея сердце не принадлежитъ ему. Но такіа обѣщанія чрезвычайно важны въ глазахъ дѣвушекъ подобнахъ Исаврѣ, а ея обѣщаніе не было только дѣломъ обыкновенной чести женщины. Еслибы человѣкъ которому она дала слово былъ выше ея по положенію, богатству, всему что льститъ честолюбію женщинъ въ брачномъ выборѣ, еслибы онъ былъ разсудителемъ, тверды и самостоятелемъ среди испытаній и опасностей жизни, честь женщины еще могла бы найти извиненіе въ нарушеніи даннаго слова. Но бѣдный, болѣзненный, слабый, несчастный мальчикъ - поэтъ, который смотрѣлъ на нее какъ на ангела спасителя—сказать ему „возвратите мнѣ мою свободу“, значило покинуть его во власть смерти и грѣху. Но Грагамъ разумѣется не могъ угадать почему то что онъ какъ мужчина почиталъ справедливымъ, было для нея какъ женщины невозможно; и онъ снова вернулся къ своимъ старымъ предразсудкамъ что въ умѣ и сердцѣ писательницы, посвященныя созданію воображаемыхъ героевъ, не можетъ быть дѣйствительной глубины и силы чувства къ любящему ея человѣку. Погруженный въ мечтанія онъ медленно шелъ съ опущеннымъ взоромъ по направленію къ Британскому посольству, гдѣ не лишнее было справиться не требовалось ли, въ виду предстоящей войны, имѣть особый паспортъ при отъѣздѣ въ Германію.

— *Von jour, cher ami*, произнесъ пріятный голосъ; — давно ли вы въ Парижѣ?

— А, любезнѣйшій *Monsieur* Саваренъ! Радъ видѣть васъ въ добромъ здоровьи! *Madame*, надѣюсь, также здорова? Прощу васъ передать ей мое почтеніе. Я пробывъ въ Парижѣ всего день или два и уѣзжаю сегодня вечеромъ.

— Такъ скоро? Вѣроятно васъ пугаетъ война. Въ какую сторону вы теперь идете?

— Въ Британское посольство.

— Я пройду до него вмѣстѣ съ вами; это мнѣ по дорогѣ. Я хочу зайти къ прекрасной Италіанкѣ привести ей мои поздравленія — по поводу извѣстія которое я узналъ сегодня утромъ.

— Вы говорите о *Mademoiselle* Чигонъ; а извѣстіе вызывающее поздравленія — ея предстоящая свадьба!

— *Mon Dieu!* Когда вы могли слышать объ этомъ?

— Вчера вечеромъ, въ домѣ *Monsieur* Дюпласи.

— *Parbleu!* Я побраню ее хорошенько что она повѣрила своему новому другу Валеріи тайну которую скрывала отъ своихъ старыхъ друзей, отъ жены и отъ меня.

— Кстати, сказалъ Грагамъ тономъ безграничнаго равнодушія, — кто этотъ счастливецъ?

— Развѣ вы не догадываетесь?

— Нѣтъ.

— Густавъ Рамо.

— А! почти взвизгнувъ Грагамъ, такъ рѣзокъ и провизгивая былъ его крикъ. — А! Я дѣйствительно долженъ былъ угадать! Я думаю *Madame* Саваренъ помогала въ этомъ сватовствѣ. Надѣюсь что все устроится хорошо; конечно для него это будетъ спасеніемъ. Лишь бы она могла найти въ этомъ свое счастье!

— Въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія! Оба поэты, можно сказать созданы другъ для друга.

— Прощайте, любезнѣйшій Саваренъ! Вотъ и посольство.

Г Л А В А VI.

Въ этотъ же вечеръ Грагамъ сидѣлъ въ купе экстреннаго поезда направлявшагося къ Страсбургу. Онъ послалъ занять для себя цѣлое купе, но это оказалось невозможнымъ. Одно мѣсто было въ немъ занято до С—, послѣ котораго Грагамъ могъ продолжать луть одинъ, заплативъ за остальные три мѣста.

Садясь въ вагонъ онъ едва замѣтилъ другаго пассажира сидѣвшаго въ дальнемъ углу. Поездъ быстро пролетѣлъ нѣсколько миль. Въ купе царствовало глубокое молчаніе, прерываемое только во временамъ тяжелыми нетерпѣливыми вздохами которые выходять изъ самой глубины души и о которыхъ тотъ кто вздыхаетъ не имѣетъ сознанія; такіе вздохи вырывались изъ устъ Англичанина и привлекали на него наблюдательный боковой взглядъ его спутника.

Наконецъ послѣдній сказалъ на прекрасномъ англійскомъ языкѣ, хотя съ французскимъ акцентомъ:

— Я не обезпкою васъ, сэръ, если зажгу маленькій дорожный фонарикъ? Я имѣю привычку читать ночью въ дорогѣ,

а съ ихъ негодными фонарями ничего не видно. Но если вы желаете спать и мой фонарь можетъ помѣшать вамъ, то считайте мою просьбу какъ бы не высказанной.

— Вы очень любезны, сэръ. Пожалуста зажигайте вашъ фонарикъ, овъ не помѣшаетъ мнѣ спать.

Когда Грагамъ отвѣтилъ, то какъ ни далеки были его мысли отъ настоящаго мѣста и времени, ему смутно показалось что овъ гдѣ-то прежде слышалъ этотъ голосъ.

Пассажиръ зажегъ маленькій фонарикъ, прикрѣпилъ его къ подоковнику и досталъ изъ небольшого кожанаго мѣшка разныя газеты и памфлеты. Грагамъ откинулся назадъ и чрезъ минуту опять вздохнулъ.

— Позвольте предложить вамъ эту вечернюю газету; вы вѣроятно не имѣли времени просмотрѣть ее до отхода поѣзда, сказалъ его слугникъ наклоняясь впередъ и протягивая одною рукою газету, тогда какъ другою приподнялъ свой фонарикъ. Грагамъ обернулся и лица обоихъ прилипли очень близко другъ къ другу. У Грагама дорожная шапка была надвинута на глаза; совѣдъ былъ съ непокрытою головою.

— *Monsieur* Лебо!

— *Bon soir*, мистеръ Ламъ!

Послѣдовало минутное молчаніе; потомъ г. Лебо началъ:

— Мнѣ кажется, мистеръ Ламъ, что въ лучшемъ обществѣ чѣмъ какое можно встрѣтить въ Фобургскомъ предмѣстѣи вы извѣстны подъ другимъ именемъ.

Грагамъ не имѣлъ охоты играть роль и отвѣчалъ спокойно и высокомерно:

— Можетъ-быть; а какое имя?

— Грагама Вена. И теперь, продолжалъ Лебо также спокойно и свысока, но нѣсколько болѣе угрожающимъ тономъ, — когда мы, оба джентльмены, такимъ образомъ встрѣтились, будетъ ли съ моей стороны неумѣстнымъ спросить почему вы удостоили искать моего знакомства въ переряженномъ видѣ!

— *Monsieur le vicomte de Moleon*, если вы заговорили о переряживаніи, то будетъ ли съ моей стороны нескромнымъ если я спрошу почему мое знакомство было принято *Monsieur* Лебо?

— *Ha!* Значитъ вы сознаетесь что искали Виктора де-Молена когда въ первый разъ пришли въ кафе Жакъ-Жакъ?

— Откровенно сознаюсь въ этомъ.

Monsieur Лебо откинулся назадъ и казалось размышлялъ

— Теперь вижу! Только для того чтобъ узнать не можетъ ли Викторъ де-Молеонъ дать вамъ какія-нибудь свѣдѣнія о Луизѣ Дюваль. Не такъ ли?

— Вы правы, *Monsieur le vicomte*.

Лебо опять замолчалъ размышляя; а Грагамъ, въ такомъ душевномъ состояннн въ какомъ челоѣкъ наиболее превращающій поединки, тѣмъ не менѣе можетъ чувствовать удовольствіе при мысли что убійство положить конецъ его несчастью, сбросилъ свою шапку, приподнялъ свой широкій открытый лобъ и нетерпѣливо толкнулъ ногой какъ бы желая вызвать ссору.

Monsieur Лебо опустилъ очки и посмотрѣлъ на Англичанина своимъ спокойнымъ, острымъ, прощательнымъ взглядомъ.

— Мнѣ приходитъ въ голову, сказалъ онъ съ улыбкой, очарованію которой не мѣшали даже его накрадныя бакенбарды,—мнѣ приходитъ въ голову что джентльмены какъ вы и я могутъ разговаривать двумя способами: во первыхъ, сдержанно и осторожно; во вторыхъ, съ повою откровенностью. Изъ васъ двоихъ можетъ-быть я имѣю больше вашего привычку соблюдать осторожность и сдержанность въ разговорѣ съ постороннимъ. Позвольте же мнѣ предложить другой способъ—повою откровенность. Чтѣ вы на это скажете?

Онъ протянулъ руку.

— Полая откровенность, отвѣчалъ Грагамъ смягчаясь и чувствуя внезапное расположеніе къ этому нѣкогда грозному дуэисту и пожимая, какъ жметъ Англичанинъ, руку протянутую ему въ знакъ примиренія челоѣкомъ котораго онъ хотѣлъ вызвать на ссору.

— Позвольте мнѣ теперь, прежде чѣмъ вы предложите мнѣ какой-нибудь вопросъ, предложить одинъ вопросъ вамъ. Какимъ образомъ узнали вы что Викторъ де-Молеонъ и Жанъ Лебо одно и то же лицо?

— Я узналъ это отъ полицейскаго агента.

— А!

— Съ которымъ совѣтовался о способахъ убѣдиться находится ли еще въ живыхъ Луиза Дюваль и гдѣ ее можно отыскать.

— Прямнго вамъ благодаренъ за это свѣдѣніе. Я не подозревалъ что парижская полиція проникла прежде *alias* бѣднанаго *Monsieur* Лебо, хетя кое-что изъ бывшаго въ Лионѣ

заставляло меня подозрѣвать это. Странно что правительство, зная чрезъ полицію что Викторъ де-Молеонъ, писатель котораго оно не имѣло причинъ поощрять, находится въ такомъ скромномъ положеніи, какъ оно никогда, даже въ своихъ официальныхъ газетахъ, не нашло удобнымъ заявить объ этомъ! Впрочемъ, если подумать, что бы изъ этого вышло? Они не могли доказать ничего противъ Жака Лебо. Они могли сказать только: „Жанъ Лебо подозрѣвается въ слишкомъ горячей любви къ свободѣ, въ томъ что онъ слишкомъ ревностный другъ народа, и Жанъ Лебо издаетъ *le Sens Commun*.“ Такое заявленіе одѣлало бы Виктора де-Молеона героемъ красныхъ, а этого меньше всего могло желать осторожное правительство. Отъ души благодарю васъ за вашъ откровенной отвѣтъ. Теперь, какой вопросъ угодно будетъ вамъ предложить мнѣ?

— Все что вы можете сказать мнѣ о Луизѣ Дюваль.

— Извольте. Въ молодости я слышалъ смутные разказы что моя сводная сестра, отъ перваго брака моего отца съ *Mademoiselle* де-Бовилье, когда онъ уже въ довольно зрѣлыхъ годахъ женился во второй разъ, не влюбилась свою мачиху; и будучи совершеннолѣтнею и имѣя собственное независимое состояніе, оставила домъ отца, поселилась у одной пожилой родственницы и тамъ вышла замужъ за учителя который давалъ ей уроки рисованія. Послѣ этого брака, отъ котораго отецъ тщетно старался отговорить ее, семейство наше отъ нея отказалось. Это было все что я зналъ до тѣхъ поръ пока, получивъ послѣ смерти родителей наслѣдство, услышалъ отъ повѣреннаго моего отца что рисовальный учитель Дюваль вскорѣ же растратилъ все состояніе жены, остался вдовцомъ съ одною дочерью и впалъ въ крайнюю бѣдность. Онъ являлся къ моему отцу съ просьбой о денежной помощи. Отецъ, хотя вовсе не былъ богатъ, согласился назначить ему ежегодную пенсію съ условіемъ чтобы онъ никогда не сообщалъ своей дочери о ея родствѣ съ нашею фамиліею. Тотъ согласился на это условіе и каждую четверть года являлся къ повѣренному моего отца за полученіемъ пенсіи. Но повѣренный сообщалъ мнѣ что этотъ вычетъ изъ моего дохода прекратился, что *Monsieur* Дюваль уже цѣлый годъ какъ не являлся и не присылалъ за своею пенсіею, и что онъ вѣроятно умеръ. Однажды слуга докладываетъ что меня желаетъ видѣть молодая дама — въ тѣ времена молодыя дамы часто навѣщали меня. Я принялъ ее. Вошла

молодая особа, почти одинакъ лѣтъ со мною, которая, къ моему изумленію, привѣтствовала меня называя дядей. Это была дочь моей сводной сестры. Отецъ ея умеръ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, честно исполнивъ условіе съ которымъ ему выдавалась пенсія, и дѣвушка никогда не мечтала о своемъ правѣ, о которомъ, будь она умна, она не стала бы и заботиться, о несчастномъ, безполезномъ правѣ считаться вѣтвью родословнаго дерева благородной французской фамиліи. Но вслѣдствіе тѣсныхъ обстоятельствъ и изъ женскаго любопытства размысливая въ бумагахъ покойнаго отца разгадки относительно получавшейся имъ пенсіи, она нашла письма своей матери, письма моего отца, которыя безспорно доказывали что она вкучка покойнаго виконта де-Молеона и моя племянница. Исторія ея, которую она мнѣ рассказала, была очень грустная. Считая себя по происхожденію не болѣе какъ дочерью рисовальнаго учителя, и оставшись послѣ его смерти, бѣдною, безпомощною сиротой безо всякихъ средствъ, она приняла предложеніе одного Англичанина, медицинскаго студента, который ей не нравился. Будучи несчастлива съ этимъ человѣкомъ и узнавъ изъ документовъ о которыхъ я упоминалъ что она моя племянница, она явилась ко мнѣ за совѣтомъ и утѣшеніемъ. Какой совѣтъ я, или кто бы то ни было, могъ дать ей кромѣ того чтобъ она постаралась устроиться какъ можно лучше въ своемъ настоящемъ положеніи и продолжала жить съ мужемъ? Но она возбудила еще другой вопросъ. Кажется она говорила съ кѣмъ-то, съ хозяйкой своей квартиры, или съ какою-нибудь другою женщиной съ которой свела знакомство, о томъ былъ ли ея бракъ съ этимъ человѣкомъ законнымъ и не обманула ли она ее. Вопросъ этотъ былъ очень важенъ и я тотчасъ же послалъ за своимъ юристомъ. Узнавъ обстоятельства онъ сразу объявилъ что бракъ не былъ действителенъ по французскимъ законамъ. Но безъ сомнѣнія французскіе законы не были извѣстны ея *soi-disant* мужу Англичанину и съ его согласія бракъ можетъ тотчасъ же быть закрѣпленъ по закону. *Monsieur* Венъ, я не могу найти словъ чтобъ изобразить вамъ радость какая выразилась въ лицѣ и словахъ бѣдной дѣвушки когда она узнала что не была связана съ этимъ человѣкомъ на всю жизнь какъ жена. Безполезно было говорить съ ней и убѣждать ее. Возникъ другой вопросъ, едва ли менѣе важный. Правда, бракъ не былъ законнымъ, но не было ли во всѣхъ отношеніяхъ лучше при-

аять мѣры къ формальному его расторженію, отвободивъ ее такимъ образомъ отъ всякой попытки со стороны Англчанина заявлять свои права на нее, и давъ ей возможность представить дѣло въ настоящемъ видѣ, не оскорбительномъ для ея чести, въ глазахъ другаго искателя ея руки? Она не хотѣла слушать о такомъ предложеніи. Она объявила что не можетъ подвергать безчестію семейство въ которое желала снова войти. Допустить что она свизшла до такого *mégalisme* и такъ уже достаточно душно; но объявить свѣту что называлась женою она въ дѣйствительности была только любовницей медицинскаго студента—она скорѣе рѣшилась бы броситься въ Сену. Всѣ ея желанія ограничивались тѣмъ чтобы найти на время какое-нибудь убѣжище, какое-нибудь скрытое мѣсто, откуда она могла бы написать этому Англчанину что онъ не имѣетъ на нее никакого законнаго права. Безъ сомнѣнія послѣ этого онъ оставитъ ее въ покоѣ, возвратится въ свою страну и она избавится отъ него навсегда. И если ея исторія останется въ тайнѣ, она будетъ имѣть возможность сдѣлать болѣе приличную партію. Пыльное молодое существо—настоящая де-Молеонъ по своей пылкости—она сильно заинтересовала меня. Я долженъ сказать что она была замѣчательно красива, и хотя не получила большого образованія и была воспитана въ такихъ низменныхъ обстоятельствахъ, но въ ней не было ничего вульгарнаго, напротивъ что-то, *je ne sais quoi*, обличавшее благородство и породу. Во всякомъ случаѣ со мной она дѣлала все что хотѣла. Я согласился помочь ея желанію найти убѣжище. Разумѣется я не могъ помѣстить ее въ своей квартирѣ, но уговорилъ одну родственницу ея матери, старушку жившую въ Версаля, взять ее къ себѣ, открывъ ея происхожденіе, но разумѣется не сказать ничего о ея незаконномъ замужествѣ. Время отъ времени я навѣщалъ ее. Но однажды узналъ что эта безпокойная блестящая птичка улетѣла. Въ числѣ дамъ бывавшихъ въ домѣ ея родственницы была нѣкоторая *Madame* Маринья, очень красивая молодая вдова. Луиза скоро подружилась съ нею. Вдова перѣехала изъ Версаля въ Парижъ, гдѣ наняла квартиру и пригласила Луизу жить вмѣстѣ съ нею. Та согласилась. Мнѣ это не нравилось, потому что вдова была слишкомъ молода и слишкомъ большая кокетка чтобы быть надежною компаньонкой для Луизы. Но хотя послѣдняя увѣряла меня въ своей благодарности и уваженіи, однако я

не имѣлъ власти контролировать дѣйствія бѣдной дѣвушки. Между тѣмъ человѣкъ называвшійся ея мужемъ уѣхалъ изъ Франціи и о немъ ничего не было извѣстно. Я видѣлъ что для Луизы самое лучшее было бы выйти замужъ за человѣка достаточно богатаго чтобъ удовлетворять ея вкусъ къ роскоши и блеску; и еслибы представилась возможность подобнаго замужества, ее можно было бы уговорить, для устрaненія всякихъ затрудненій къ новому браку, формально расторгнуть прежній, отъ чего она до сихъ поръ такъ рѣшительно отказывалась. Такой случай представился. Человѣкъ достаточно богатый и съ карьерой обѣщавшей ему громаднаго богатства въ будущемъ, съ которымъ я познакомился въ тѣ дни когда быстро проматываалъ остатки своего наслѣдства, этотъ человѣкъ увидалъ ее въ оперѣ вмѣстѣ съ *Madame* Маринь, влюбился въ нее и узнавъ что она моя родственница просилъ меня представить его. Я былъ очень радъ этому и, говоря правду, кошелекъ мой къ тому времени настолько истощился что я видѣлъ себя въ невозможности продолжать помогать Луизѣ попрежнему; и тогда что сталося бы съ нею? Я счелъ долгомъ сказать Луизѣ...

— Луизѣ — финансисту?

— Ахъ, это имя сорвалось у меня съ языка, но все равно, ахъ никакой причины скрывать что это былъ онъ. Итакъ, я говорю, я счелъ долгомъ довѣрить Луизѣ исторію несчастнаго незаконнаго брака. Это не охладило его пылъ. Съ ухаживаалъ за ней какъ только могъ, но видно было что онъ ей очень не нравился. Однажды она прислала за мной очень разстроенная и показала мнѣ объявленія во французскихъ газетахъ, которыя, хотя имя ея и не было названо, очевидно касалось ея и были напечатаны ея *soi-disant* мужемъ. Объявленія могли повести къ ея открытію еслибы она осталась въ Парижѣ. Она вынудила мое согласіе на ея отъѣздъ. *Madame* Маринь имѣла свои причины къ отъѣзду изъ Парижа и условилась сопровождать ее. Я снабдилъ ее необходимыми средствами, и чрезъ день или два она съ своимъ другомъ уѣхала, какъ я помялъ, въ Брюссель. Я не получаю отъ нея писемъ, и собственныя дѣла такъ сильно занимаю меня что бѣдная Луиза могла бы совершенно выйти у меня изъ головы, еслибы не ея женихъ, который былъ въ отчаяніи отъ ея отъѣзда. Луизѣ просилъ меня дать ея адресъ; но я не могъ дать ему другихъ указаній кромѣ того что по ея словамъ она

отправилась въ Брюссель, гдѣ намѣрена была пробить недолго и переселиться въ какую-нибудь тихую деревню. Не долго спустя — я не могу припомнить сколько именно времени, можетъ-быть нѣсколько недѣль, можетъ-быть два или три мѣсяца, — я получала отъ нея краткую записку въ которой она просила прислать ей небольшую сумму, послѣднюю которую она приметъ отъ меня; такъ какъ она рѣшила, лишь только здоровье позволитъ ей, найти средства поддерживать себя самой; отвѣчать ей она просила въ Ахенъ, *poste restante*. Я послалъ ей просимую сумму, можетъ-быть нѣсколько больше, и при этомъ признавался что я совершенно разорился. Я просилъ ее подумать очень серьезно прежде чѣмъ рѣшиться отказываться отъ положенія и состоянія которые обезпечить ей союзъ съ Лувье. Это послѣднее соображеніе такъ занимало меня что когда Лувье зашелъ ко мнѣ, я думаю въ тотъ же или на слѣдующій день, я далъ ему прочесть письмо Луизы и сказалъ что, если онъ все также влюбленъ въ нее какъ и прежде, *les absens ont toujours tort*, а ему лучше самому отправиться въ Ахенъ и размыкать ее; что я вполне одобряю его чувства и согласенъ на его бракъ, но продолжаю настаивать что съ ея стороны было бы благоразумно и честно принять мѣры — которыя французскій законъ по возможности облегчаетъ и избавляетъ отъ скандала — къ расторженію незаконнаго союза въ который она по своей дѣтской неопытности была вовлечена обманомъ. Лувье отправилась въ Ахенъ. На слѣдующій же день произошло это ужасное несчастіе сдѣлавшее меня добычею безжалостной клеветы, лишившее меня всѣхъ друзей, вынудившее бѣжать изъ отечества безъ гроша денегъ, скитаться безъ имени — пока, пока мой день могъ снова настать — всякая собака, если ее только не повѣсятъ, имѣетъ свой день; — когда это несчастіе обрушилось на меня, я оставилъ Францію и не слышалъ ничего больше ни о Луизѣ ни о Лувье; на одно письмо адресованное мнѣ въ Парижъ не могло дойти....

Она остановилась, очевидно сильно взволнованный. Потомъ продолжалъ спокойнымъ дѣловымъ тономъ, какимъ началъ свой разказъ:

— Воспоминаніе о Луизѣ совсѣмъ исчезло у меня пока вашъ вопросъ не оживилъ его. Случилось такъ что вашъ вопросъ былъ предложенъ въ то самое время когда я рѣшился возвратить себѣ настоящее имя и общественное положеніе.

При этомъ мнѣ разумѣется пришлось вернуться со старымъ моимъ знакомымъ Лувье; а имя Луизы было по необходимости связано съ нимъ. Тѣ немногія свѣдѣнія которыя я тогда сообщалъ вамъ о моей племянницѣ получены были отъ него. Теперь я могу сказать больше. Кажется прибывъ въ Ахенъ, онъ узналъ что Луиза уѣхала оттуда днемъ или двумя раньше, и какъ гласила сплетня, за ней въ некоторое время ухаживалъ богатый и знатный обожатель, для свиданія съ которымъ она уѣхала въ Мюнхенъ. Лувье повѣрилъ этому разказу; съ негодованіемъ уѣхалъ изъ Ахена, и больше уже ничего не слышалъ о Луизѣ. Вѣроятно, мистеръ Вень, она давно умерла. Если же она еще жива, то я увѣренъ что рано или поздно буду имѣть отъ нея извѣстія. Теперь когда я опять явился въ Парижъ подъ своимъ именемъ, началъ карьеру которая, на добро или зло, должна доставить моему имени громкую извѣстность, Луиза не можетъ не узнать о моемъ существованіи и мѣсто-пробываніи; и если я не ошибаюсь совершенно въ ея характеръ, она безъ сомнѣнія уведоमितъ меня о себѣ. Если вы покажете мнѣ вашъ адресъ, я сообщу вамъ о ней что узнаю. Разумѣется я не сомнѣваюсь въ вашемъ прошлогоднемъ увѣреніи что вы желаете отыскать ее для ея пользы, а не для того чтобы потревожить или оскорбить ее.

— Конечно. Могу васъ увѣрить въ томъ моей честью. Если вы почтите меня письмомъ, то его лучше всего адресовать на мою лондонскую квартиру; вотъ моя карточка. Но, *Monsieur le vicomte*, есть еще одинъ пунктъ о которомъ вы простите если я еще предложу вамъ вопросъ. Не подозреваете ли вы что была особая причина почему эта дама такъ послѣдно уѣхала изъ Парижа и отказалась отъ замужества съ Лувье, которое со свѣтской точки зрѣнія представляло столько выгодъ, что причина эта была вѣроятность что она вскорѣ ставитъ матерью ребенка отъ человѣка котораго она отказывалась признавать своимъ мужемъ?

— Эта мысль не приходила мнѣ въ голову пока вы не спросили меня былъ ли у нея ребенокъ. Если ваше предположеніе справедливо, то эта причина очевидно могла усилить ея отвращеніе отъ формальнаго расторгенія брака. Но если Луиза еще жива и мы съ ней встрѣтимся, то я не сомнѣваюсь что теперь, когда не можетъ быть болѣе повода скрываться, она скажетъ мнѣ правду. Послѣ нашего откровеннаго разговора я думаю что могу спросить васъ правъ ли я дога-

дываясь что этотъ *voï-disant* мужъ, котораго имя я позабылъ—Мак... кажется какое-то шотландское—она, помнится, говорила что онъ былъ *Essonais*,—умеръ оставивъ завѣщаніе въ пользу Луизы или ея ребенка, который могъ отъ него родиться?

— Не совсѣмъ такъ. Человѣкъ этотъ, какъ вы говорите, дѣйствительно умеръ, но не сдѣлалъ завѣщанія въ пользу женщины которая не хотѣла признавать ихъ брака. Но у него есть родственники которые зная его исторію полагаютъ справедливымъ нѣсколько вознаградить ее за тотъ вредъ который безсознательно былъ причиненъ ей и еще болѣе потомству которое могло произойти отъ этого брака, не почитаемаго ими неправильнымъ или незаконнымъ. Позвольте теперь объяснить почему я искалъ вашего знакомства въ переряженномъ видѣ и подъ чужимъ именемъ. Я едва ли могъ довѣрить *Monsieur* Лебо то что теперь безъ всякихъ колебаній сообщаю виконту де-Молеону.

— *Cela va sans dire*. Значитъ вы вѣрили тогда клеветѣ относительно бриллиантовъ; вы не вѣрите ей теперь?

— Теперь! Я только дивлюсь какъ кто-нибудь зная васъ могъ вѣрить ей.

— О, какъ часто, съ какими слезами бѣшенства, во время моего изгнанія, моихъ скитаній, я самъ задавалъ себѣ этотъ вопросъ! Бѣшенство это теперь прошло; и у меня осталось только одно чувство къ этому легковѣрному, непостоянному Парижу, котораго я нѣкогда былъ идоломъ, а на другой день притчею. Да, человѣкъ часто искуснѣе играетъ въ шахматы, оттого что долгое время былъ только зрителемъ. Онъ лучше понимаетъ какой сдѣлать ходъ, когда пожертвовать фигурой. Политика, мистеръ Вень, единственная увлекательная игра которая осталась мнѣ въ мои годы. Въ ваши есть еще другая, любовь. Однако какъ летитъ время! Мы приближаемся къ станціи на которой я долженъ сойти. У меня есть родственники со стороны матери въ этомъ округѣ. Они не имперіалисты; говорятъ что они имѣютъ вліяніе въ своемъ департаментѣ. Но прежде чѣмъ обратиться къ нимъ подъ своимъ именемъ, я думаю благоразумнѣе будетъ если *Monsieur* Лебо потихоньку разузнаетъ каково ихъ дѣйствительное значеніе и какія надежды на успѣхъ можетъ имѣть Викторъ де-Молеонъ если предложить себя въ депутаты на слѣдующихъ выборахъ. Пожелайте ему успѣха, мистеръ Вень! Если это удастся ему,

вы когда-нибудь услышите о немъ что онъ увѣнчанъ въ Капитолии или сброшенъ съ Тарлинской скалы.

Поездъ остановился. Ложный Лебо собралъ свои газеты, поправилъ очки, взялъ мѣшокъ, и выходя остановился въ дверяхъ, пожалъ руку Грагаму сказать:

— Будьте увѣрены что я не забуду вашего адреса если буду имѣть что сообщить. *Von voyage!*

Г Л А В А VII.

Грагамъ продолжалъ свой путь до Страсбурга. Доѣхавъ туда онъ почувствовалъ себя очень не хорошо. Какъ ни былъ онъ крѣпокъ физически, тоска и борьба съ самимъ собою, чрезъ которую онъ прошелъ съ того дня какъ получилъ въ Лондонѣ письмо мистрисъ Морли и до тѣхъ поръ какъ окончательно рѣшилъ свой образъ дѣйствій въ Парижѣ; разбишій его надежды ударъ вслѣдствіе отказа Исавра, все это вмѣстѣ надорвало его силы, и горячка уже начиналась когда онъ занялъ свое мѣсто въ купе. Если человѣкъ долженъ избѣгать чего-нибудь когда его нервная система надорвана и пульсъ бьется отъ 90 до 100 разъ въ минуту, то это путешествія съ экстремнымъ поѣздомъ желѣзной дороги. Несмотря на то, такъ какъ воля Англичанина была все еще сильнѣе его тѣла, онъ не далъ себѣ отдохнуть больше часу и снова выѣхалъ по дорогѣ въ Берлинъ. Далеко еще не доѣзжая Берлина воля измѣнила ему также какъ и тѣло. Онъ былъ вынесенъ изъ вагона, отвесенъ въ гостиницу въ небольшомъ нѣмецкомъ городкѣ, и шесть часовъ спустя начался бредъ. Къ счастью для него въ бумажаникѣ его оказалось довольно много денегъ и переводныхъ векселей на нѣсколько сотень, такъ что ему былъ доставленъ заботливый уходъ и хорошее лѣченіе. Здѣсь въ настоящую минуту я долженъ оставить его—на долго ли? Всякій деревенскій аптекарь скажетъ что такая горячка какъ у него должна пройти свое теченіе. Онъ былъ все еще въ постелѣ, и очень смутно, и то только по временамъ, приходилъ въ сознаніе когда германскія арміи собрались на поляхъ Седана.

ГЛАВА VIII.

Когда извѣстіе о несчастномъ Седанскомъ дѣлѣ достигло Парижа, первымъ послѣдствіемъ его было спокойное сосредоточеніе. Среди пестрой толпы слышались немногочисленные крики *Déchéance!* еще меньше *vive la République!* но крики эти были слабы и производились по большей части оборванными *gamins*. Небольшая толпа явилась къ Трошю и предложила ему скипетръ, отъ котораго онъ вѣжливо отказался. Больше значительное и почтенное число лицъ,—такъ какъ заключало въ себѣ большинство *Corps Legislatif*,—предложило Пааикао принять временную диктатуру, которую онъ отказался съ наименьшею вѣжливостью. Въ обѣихъ этихъ попыткахъ было ясно что стремленіе предлагавшихъ было въ пользу какой бы то ни было формы правленія, только бы не республиканской. Въ этотъ день однихъ *sergens de ville* было достаточно чтобы подавить возмущеніе. Они выстрѣлили въ толпу и толпа тотчасъ же разбѣжалась.

Утромъ этого дня Лебо собралъ Совѣтъ Десяти, за исключеніемъ Рамо, который все еще былъ слишкомъ слабъ чтобы присутствовать, и Бельгійца, котораго не было въ Парижѣ; но отсутствіе ихъ было пополнено двумя путешествовавшими членами, не присутствовавшими на засѣданіи о которомъ въ послѣдній разъ было упомянуто. Это были заговорщики болѣе извѣстные въ исторіи чѣмъ тѣ что были описаны прежде; заговорщики по ремеслу, которые съ юности до настоящаго времени почти ничѣмъ не занимались кромѣ заговоровъ. Судя скромному плану проведенному во всемъ этомъ смиренномъ трудѣ, я назову ихъ вымышленными именами. Одинъ изъ нихъ, очень смуглый и безобразный человѣкъ, между тридцатью и сорока, котораго назову Поль Гриммъ, по происхожденію Нѣмецъ, но по воспитанію и по характеру Французъ; отъ волосъ на головѣ, торчавшихъ кверху, жесткихъ и слутавныхъ, представлявшихъ подобіе терноваго куста, до лодыжъ небольшихъ, узкихъ ногъ, изящно обутыхъ, во всемъ видна была претензія на франтовство; онъ тратилъ на свое платье все что только могъ истратить. Человѣкъ умный, не лишенный образованія, искусный и убѣдительный говорунъ въ каубѣ. Тщеславіе и влюбчивый темпераментъ побудили его

сдѣлаться заговорщикомъ, такъ какъ онъ вообразилъ что можетъ больше интересовать дамъ въ этомъ качествѣ чѣмъ въ какомъ-нибудь другомъ. Товарищъ его, Эдгаръ Феррье, былъ бы журналистомъ, только до сихъ поръ мнѣнія его не находилъ читателей; мнѣнія его были Маратовскія. Онъ съ наслажденіемъ помышлялъ что часъ его славы, такъ долго ожидаемый, наконецъ насталъ. Онъ былъ вполнѣ искрененъ; отецъ и дѣдъ его умерли въ сумашедшемъ домѣ. Оба эти человѣка, въ обыкновенное время ничтожныя, могли бы получить страшное значеніе во время революціоннаго кризиса. Оба они имѣли большую силу надъ элементами составляющими парижскую толпу. Инструкціи данныя Лебо членамъ совѣта были кратки: онѣ заключались въ одномъ словѣ—*Déchéance*. Страшное значеніе совѣта, по видимому ничтожнаго по составу, стало какъ нельзя болѣе очевидно въ эту минуту, потому, во первыхъ, что онъ былъ такъ малочисленъ, между тѣмъ какъ каждый изъ его членовъ могъ привести въ движеніе значительную толпу черни; во вторыхъ, потому что въ отличіе отъ революціонныхъ клубовъ или многочисленныхъ сборищъ, въ немъ не тратилось времени на пустыя рѣчи, и всѣ были подъ командой одного человѣка со свѣтлою головой и обдуманнѣйшими намереніями; наконецъ третьихъ, и это главное, потому что средства доставлялись однимъ человѣкомъ, и деньги для намѣченной цѣли выдавались щедро и безъ замедленія. Засѣданіе продолжалось не болѣе десяти минутъ, а часа два спустя результаты его были уже видны. Изъ Монмартра, Бельвиля и Монтрету полились потоки *ouvriers*, главою которыхъ былъ Арманъ Мовье, а *Medecin des Pauvres* аракудомъ. Гриммъ и Феррье во главѣ другихъ скопищъ смутили своимъ появленіемъ хорошо одѣтыхъ зѣвакъ на бульварахъ. Дюжая фигура Полька появилась на Площади Конкордіи, возвышаясь среди другихъ бунтовщиковъ, между которыми шмыгаль Италиянецъ защитникъ челоѣчества. Крики *Déchéance!* стали шумнѣе; крики же *vive la République!* и теперь еще были очень многочисленны — такіе крики не были предписаны приказомъ отдаваемымъ Лебо. Въ полдень толпы окружающія залу *Corps Législatif* очень многочисленны; крики *Déchéance!* очень шумны; нѣсколько голосовъ, очень слабо, кричатъ *vive la République!*

Что произошло 4го сентября, съ какою удивительною дерзостью поддуживны юристовъ принадлежавшихъ къ жалкому

меньшинству палаты избранной всеобщей подачей голосовъ вступили въ зданіе Ратуши и объявили: „Республика утверждена; мы ея правительство“—все это слишкомъ недавно разказано исторіей чтобы мнѣ была надобность повторять это здѣсь. Вечеромъ 5го числа Совѣтъ Десяти снова собрался: Полякъ; Италіаецъ, сіяющій; Гриммъ и Феррье очень возбужденные и нѣсколько пьяные; *Médecin des Pauvres* задумчивый; Арманъ Монье мрачный. Разнесся слухъ что генералъ Трошю, принимая возложенное на него порученіе, потребовалъ отъ правительства увѣренія что религія, права собственности и семейства будутъ уважаемы. Атеистъ въ сильномъ негодованіи по поводу согласія правительства на первое требованіе; Монье точно также негодуетъ за второе и третье. Ради чего этотъ честный *ouvrier* сдѣлался заговорщикомъ? ради чего онъ страдалъ? въ послѣднее время почти умиралъ съ голоду? какъ не для того чтобъ имѣть право жемиться на чужой жемѣ, избавившись отъ собственной, чтобъ узаконить раздѣленіе съ хозяиномъ его собственности; а теперь ему ничуть не лучше прежняго.

— Нужна еще другая революція, шепчетъ онъ атеисту.

— Разумѣется, отвѣчаетъ шепотомъ атеистъ, — кто хочетъ улучшить этотъ міръ, долженъ уничтожить всякую вѣру въ другой.

Конклавъ уже собрался когда Лебо вошелъ въ особую дверь. Онъ занялъ свое мѣсто во главѣ стола; и устремивъ на собравшихся взоръ который обдавалъ холодомъ черезъ очки, заговорилъ:

— *Messieur*. или *citoyens*, какъ хотите, не называю васъ болѣе *confrères*—вы ослушались или перепутали мои инструкціи. Въ подобныхъ случаяхъ недовѣреніе и ошибка—преступленія одинаково гнусныя.

Гнѣвный ропотъ.

— *Silence!* Не присоединяйте еще мятежъ къ другимъ вашимъ преступленіямъ. Инструкціи мои были просты и кратки: содѣйствовать паденію Имперіи. Не помогать никакимъ бессмысленнымъ крикамъ о республикѣ или какой бы то ни было другой формѣ правленія. Предоставить это законодателямъ. Что же вы сдѣлали? Вы собрали толпу которая ворвалась въ *Corps Législatif*. Вы, Лубинскій, даже не Французъ, осмѣлились взобраться на предсѣдательское мѣсто, и заговорили на своемъ бессмысленномъ жаргонѣ. Вы, Эдгаръ Феррье,

отъ кого я ожидалъ больше, взошла на трибуну и приглашала разбойниковъ изъ толпы отправиться въ тюрьмы освободить преступниковъ; и воѣ вы потащили толпу въ Ратушу и установили царство гаулости, создавъ олигархію юристовъ чтобы противиться побѣдословному движенію армій. *Messieurs*, я покочилъ съ вами. Вы собраны въ послѣдній разъ: совѣтъ раслуцень.

Съ этими словами Лебо надѣлъ шляпу и повернулся чтобы уйти. Но Полякъ, сидѣвшій возлѣ него, вскочилъ на ноги и закричалъ:

— Измѣнникъ, ты не уйдешь! Товарищи, онъ хочетъ продать насъ.

— Я имѣю право продать по крайней мѣрѣ *васъ*, потому что я васъ купилъ, и одѣлаъ очень дурную покулку, сказалъ Лебо саркастическимъ тономъ.

— Джебъ! закричалъ Полякъ, и схвативъ Лебо лѣвою рукой, вытащилъ правую револьверъ. Феррье и Гриммъ съ криками: *à bas le renégat!* готовы были устремиться впередъ на подмогу Поляку, но Монье бросился между ними и ихъ обреченною жертвою и голосъ его заглушилъ ихъ крики: „Назадъ! мы не убійцы!“ Не успѣвъ онъ выговорить эти слова какъ Полякъ стоялъ уже на колѣняхъ. Съ силою какой никто не могъ ожидать въ шестидесятилѣтнемъ старикѣ, Лебо схватилъ правую руку наладающаго, скрутилъ ее назадъ такъ безжалостно что едва не вывернулъ плечо. Одинъ стволъ револьвера выстрѣлилъ въ стѣну не причинивъ никому вреда, пистолетъ выпалъ изъ обезсиленной руки злодѣя. Пораженный болью и внезапностью нападена дужій Лубинскій простерся въ униженномъ положеніи у ногъ своего неожиданнаго побѣдителя.

Лебо выпустилъ руку Поляка, овладѣвъ пистолетомъ, направилъ его на Эдгара Феррье, который стоялъ съ открытымъ ртомъ и поднятными руками, и проговорилъ спокойно:

— *Monsieur*, потрудитесь отворить это окно. — Феррье машинально повиновался. — Теперь, наемникъ, продолжалъ Лебо обращаясь къ побѣжденному Поляку, — выбирай между дверью и окномъ.

— Уходи другъ мой, шелкнулъ Италіанецъ. Полякъ не произнесъ ни слова; но проворно поднявшись и потирая руку зашагалъ къ двери. Тамъ онъ на минуту остановился и проговорилъ: — Я удаляюсь побѣжденный численностью, и скрылся.

— *Messieurs*, сказалъ Лебо спокойно,—повторяю что совѣтъ распущенъ. Цѣль его достигнута гораздо скорѣе чѣмъ кто-нибудь изъ насъ могъ предвидѣть и такими средствами которыя я, долго не бывши въ Парижѣ, не считалъ возможными. Теперь я вижу что для Парижанъ возможно всякое безуміе. Цѣль соединявшая насъ была паденіе Имперіи. Я всегда говорилъ вамъ откровенно что когда будетъ достигнута эта цѣль, мы раздѣлимся. У каждаго изъ насъ есть свои фантазіи которыя отличаются отъ фантазій другаго. Преслѣдуйте ваши фантазіи какъ хотите; я буду преслѣдовать свои. Вы не встрѣтите болѣе Жава Лебо въ Парижѣ: *il s'efface. Au plaisir, mais pas au revoir.*

Онъ направился къ потайной двери и вышелъ. Маркъ Леру, привратникъ или сторожъ развалившагося дома гдѣ собирався совѣтъ, встревоженный выстрѣломъ, послѣднимъ въ комнату и теперь стоялъ у дверей съ открытымъ ртомъ пока Лебо такъ рѣшительно раслукавалъ совѣтъ. Но когда председатель исчезъ чрезъ потайную дверь, Леру тоже удалился. Послѣднимъ сойдя съ лѣстницы онъ обѣжалъ такъ быстро какъ только могли двигаться его ноги къ выходу изъ аллеи позади дома, чрезъ которую Лебо, какъ онъ зналъ, долженъ былъ пройти. Онъ послѣлъ, залыхавшись и едва переводя духъ, во время чтобы схватить *ex-presidenta* за руку.

— Простите меня, гражданинъ, сказалъ онъ съ трудомъ выговаривая слова,—такъ ли я понялъ, вы кажется послали Совѣтъ Десяти къ чорту?

— Я? Разумѣется нѣтъ, мой добрый Леру; я предоставилъ имъ идти куда угодно. Если они предпочтутъ отправиться куда вы сказали, это будетъ ихъ собственный выборъ. Я не могу сопровождать ихъ, и совѣтую вамъ этого не дѣлать.

— Но, гражданинъ, подумали-ли вы что станется съ *Madame!* Должна ли она будетъ оставить свое помѣщеніе? Прекратится ли мое жалованье и *Madame* не будетъ имѣть корочки чтобы покрошить въ суль?

— Не такъ ужасно какъ вы говорите. Я заплатилъ за этотъ *baraque* за три мѣсяца впередъ, и вотъ ваше жалованье за четверть года, тоже впередъ. Передайте мое почтеніе *Madame* и скажите ей чтобъ она берегла вашу шкуру отъ затѣй этихъ безумцевъ.

Сузувъ нѣсколько золотыхъ монетъ въ руку привратника Лебо кивнулъ ему на прощанье и пошелъ своею дорогой.

Гдѣ есть песокъ, тамъ всегда, въ это время года, найдется немного полыни, а мѣстами даже пробивается бурая стелная трава, почти такого же цвѣта какъ самый песокъ. Въ пыли же расти ничего не можетъ, и потому, на всей этой равнинѣ нѣтъ никакой растительной жизни.

Поздно ночью продолжаемъ мы идти впередъ, въ надеждѣ набрести наконецъ на мѣсто гдѣ бы лошадямъ можно было что-нибудь подобрать. Проводникъ по временамъ соскакиваетъ съ лошади—не удастся ли нащипать немного травы—но все тщетно. Это почти то же что искать растительности на только-что истлѣвшемъ лелѣ. Наконецъ мы останавливаемся и завариваемъ себѣ чай бутылкой воды, которую захватили съ собою, старательно скрывая свой огонь отъ наблюдательныхъ туркменскихъ партій, могущихъ развѣзжать по окрестности; бѣдныя же лошади наши, послѣ семидесяти-верстнаго перехода по адской дорогѣ, принуждены обойтись безъ корма и воды. Очевидно, продолжаться это долго не можетъ, и эта ночь проходить для меня въ сильнѣйшемъ безлокоиствѣ.

На слѣдующее утро при солнечномъ восходѣ мы нашли колодезь хорошей воды, а еще чрезъ полчаса выѣхали на вершину Урта-Тау, за которымъ лежитъ Хала-Ата. Великолѣпный горный хребетъ, такой величественный издалека, здѣсь оказался низкою цѣпью горъ.

Проводникъ выѣзжаетъ на самую остроконечную вершину и осторожно переглянувъ за нее, даетъ намъ молча знакъ подвигаться. Я не знаю есть ли какая необходимость въ этихъ предосторожностяхъ, но мы пробираемся впередъ такъ тихо и осторожно будто ожидая выѣхать не къ русскому, а къ туркменскому лагерю. Я пришпориваю лошадь и осматриваю мѣстность въ зрительную трубу: открытая голая пустыня, похожая на ту которую мы только-что проѣхали, раскинулась на десятки верстъ къ югу, сливаясь съ горизонтомъ въ сторонѣ Бухары; посреди, на разстояніи верстъ десяти отъ насъ, куполообразное возвышеніе, которое мнѣ кажется чудовищною кубиткой, окруженною мелкими палатками, около которыхъ видѣются бѣлые кителя солдатъ и сверкающіе штыки.

Не было сомнѣнія, я добрался до отряда генерала Кауфмана.

XIV. Х а л а - А т а .

Измученный и покрытый пылью, въѣхалъ я 4го (16го) мая въ укрѣпленіе Хала-Ата, послѣ семнадцатидневнаго переѣзда пустыней.

Лагерь расположенъ былъ посреди совершенно гладкой равнины, съ сѣвера окаймленной низкими хребтомъ горъ которыя я только-что переѣхалъ; эта равнина широко раскинулась на необозримое пространство къ югу и къ востоку по направленію къ Бухарѣ, и не видать на ней было ни растенія, ни кустарника, даже не попадалось мнѣ на глаза ни одного саксаула, который до сихъ поръ встрѣчался вездѣ по пути, оживляя нѣсколько мертвенное однообразіе пустыни: вездѣ одна голая песчаная полоса, сливающаяся на горизонтѣ съ мѣдно-желтымъ небомъ. Я былъ удивленъ сначала что Кауфманъ выбралъ такое мѣсто для продолжительной стоянки; но причина этого мнѣ тутъ же объяснилась, когда я увидѣлъ источникъ чистой, прозрачной воды, текущей довольно большимъ ручьемъ, въ которомъ воды достало бы для армии въ нѣсколько тысячъ человекъ.

Лагерь былъ составленъ изъ палатокъ и кибитокъ всевозможныхъ родовъ, размѣровъ и цвѣтовъ, разбросанныхъ въ безпорядкѣ на четырехъугольномъ пространствѣ, около 40 квадратныхъ сажень. Большое куполовидное строеніе, которое я издали принялъ за громадную кибитку, оказалось теперь землянымъ холмомъ, на которомъ возвышалась каменная сторожевая башня, составлявшая угловой бастіонъ маленькаго укрѣпленія воздвигнутаго генераломъ Кауфманомъ. Мѣстами были разбросаны такія же глиняныя гробницы какія мнѣ попадались по всей степи; нѣкоторыя разрушены временемъ, другія еще хорошо сохранились; группы солдатъ толпились вокругъ заводовъ образованныхъ вѣчно бьющими источниками и ложи лошадей; длинныя вереницы верблюдовъ тянулись вдаль по пустынѣ отыскивая саксаулы и дикую полынь; пыль, жара и песокъ на всеи наложили свою печать — такова-то была Хала-Ата, гдѣ я впервые напалъ на слѣдъ генерала Кауфмана, послѣ семнадцатидневной погони за нимъ, послѣ переѣзда почти въ 700 верстѣ.

Не безъ волненія подѣхалъ я къ дежурному молодому

офицеру и спросилъ здѣсь ли генералъ фонъ-Кауфманъ. Отвѣтъ разбилъ всѣ мои надежды: генералъ Кауфманъ вышелъ изъ Хала-Аты еще за пять дней предъ тѣмъ, и въ настоящее время долженъ уже былъ подойти къ Аму-Дарьѣ. Пять дней! Конечно теперь онъ переправится черезъ рѣку и возьметъ Хиву прежде чѣмъ я въ состояніи буду его догнать. Въ эту минуту я былъ близокъ къ отчаянію, и мысленно посылалъ Акъ-Маматова и Бей-Табука въ самую глубину преисподней за тѣ три дня которые они продержали меня въ степи въ ожиданіи проводника.

Овладевъ нѣсколько собою, я сказалъ офицеру что я Американецъ и ѣду къ генералу Кауфману, къ которому у меня, равно какъ и къ Великому Князю Николаю Константиновичу, есть рекомендательныя письма, и попросилъ его довести до свѣдѣнія командующаго дѣйствіемъ отрядомъ о моемъ прибытіи и желаніи ему представиться.

Едва услышалъ офицеръ что я Американецъ, какъ сталъ чрезвычайно радушенъ, пригласилъ меня въ свою палатку, велѣлъ немедленно заварить чай, говоря что полковникъ Веймаръ теперь спитъ, но скоро встанетъ и будетъ радъ меня видѣть. При дальнѣйшихъ разспросахъ я узналъ что полковникъ Веймаръ располагалъ выступить на слѣдующій день съ двумя ротами пѣхоты, сотнею казаковъ и двумя девятифунтовыми полевыми орудіями, и что мнѣ, конечно, можно будетъ идти съ нимъ. Перспектива эта мнѣ очень улыбалась, и я сталъ опять надѣяться что попаду на мѣсто вовремя.

Со времени выступления генерала Кауфмана, Веймаръ не имѣлъ отъ него никакихъ извѣстій кромѣ приказанія выслать кавалерію впередъ, изъ чего и заключали что главный отрядъ уже встрѣтился съ непріателемъ, но болѣе ничего извѣстно не было.

У нихъ уже была небольшая стычка съ ханскими войсками, 27го апрѣля (9го мая), у ближнихъ колодцевъ Адамъ-Крылганъ, описанныхъ у Вамбери. Генералъ Кауфманъ, по обыкновенію, выслалъ впередъ маленькій отрядъ на рекогносцировку чтобы разыскать колодцы и изслѣдовать количество и качество воды прежде выступления главныхъ силъ. Отрядъ этотъ, подъ начальствомъ полковника Иванова, подошелъ къ Адамъ-Крылгану когда уже стемнѣло. Полковникъ Ивановъ, желая осмотрѣть мѣстность, выѣхалъ впе-

редь съ четырьмя казаками и четырьмя киргизскими проводниками. Не подозрѣвая о присутствіи непріятели по близости, они внезапно наѣхали на партію Туркменъ отъ 200 до 300 человекъ расположившихся ставкою у колодца.

Объ стороны одинаково были поражены этою первою встрѣчей. Русскіе были окружены со всѣхъ сторонъ прежде нежели могли подумать объ отступленіи. Полковникъ Ивановъ немедленно слѣшилъ своихъ людей, такъ какъ бѣжать отъ быстроногихъ туркменскихъ коней было не мыслимо, и приготовился дать рѣшительный отпоръ. Завязалась отчаянная схватка, въ которой на сторонѣ Русскихъ было убито двое, а всѣ остальные ранены, включая и самого полковника Иванова, раненаго лулями въ руку и ногу. Схватка продолжалась нѣсколько минутъ; еще мгновение, и Русскіе неминуемо должны были погибнуть еслибы не подослѣла осталая часть рекогносцировочной партіи, бросившаяся впередъ при первомъ звукѣ выстрѣловъ. Хотя и тогда Хивидцевъ было вдвое больше Русскихъ, но они немедленно бросились бѣжать, и храбрый полковникъ Ивановъ остался рѣшительнымъ побѣдителемъ въ этой маленькой, но блистательно имъ выдержанной схваткѣ.

Мнѣ очень хотѣлось опредѣлить наконецъ вѣрное географическое положеніе Хала-Аты (мѣсто это не обозначено на картахъ) чтобъ узнать далеко ли мы еще отъ Аму-Дарьи. Собесѣдникъ мой, впрочемъ, могъ сообщить мнѣ на этотъ счетъ только то что Хала-Ата находилась верстахъ въ полутораста къ западу отъ Бухары, а что разстоянія до Аму никто навѣрное не могъ опредѣлить, даже самъ Кауфманъ, можетъ-быть до нея оставалось сто верстъ, а можетъ-быть и болѣе двухсотъ. Онъ полагалъ, впрочемъ, что полковникъ Веймарнъ будетъ въ состояніи дать мнѣ понятіе о положеніи мѣста, насколько оно опредѣлено астрономами экспедиціи. Не равнѣ, впрочемъ, какъ въ Хивѣ узналъ я что Хала-Ата лежитъ подъ $40^{\circ} 52' 52''$ сѣверной широты и $33^{\circ} 10'$ восточной долготы отъ Императорской Пулковской обсерваторіи, близъ С.-Петербурга, 4 часа $13' 59''$ по гриничскому времени.

Время подвигалось къ полудню, но полковникъ Веймарнъ не обнаруживалъ что присутствіе мое ему извѣстно — обстоятельство не очень-то утѣшительное. Прошелъ полдень. Солдаты стояли у кибитокъ ища хоть какого-нибудь прикрытія отъ палящаго солнца; изъ пустыни потянулись об-

ратно къ лагерю верблюды послѣ скудной кормежки дикомъ полымью; ревъ ословъ, ржаніе лошадей, блеяніе овецъ—все смолкло подъ палящимъ зноемъ, всѣ животныя понурили головы, полная неподвижность и безмолвіе водворились въ лагерь, одинъ часовой одиноко расхаживалъ на сторожевой башнѣ. Солнце поднялось надъ самыми нашими головами, затѣмъ стало медленно близиться къ закату, сверкая на желтомъ фонѣ неба какъ огненный шаръ и раскаляя воздухъ до такой степени что онъ наконецъ принималъ видимую форму и колебался туманными волнами, точно призрачный океанъ, надъ песками Хала-Аты.

А я все не получалъ извѣщенія отъ полковника Веймарна о его готовности принять меня. Я начиналъ терять терпѣніе, и наконецъ мнѣ стало неловко что со мною обходятся такимъ безцеремоннымъ образомъ. Не безъ затрудненія довезъ я сюда ввѣренную мнѣ почту, а полковникъ Веймарнъ даже и не побезпокоился меня поблагодарить, хотя я и самъ заявилъ что желаю ему представиться. До сихъ поръ онъ совершенно, повидимому, игнорировалъ мое присутствіе. Это было первое невниманіе какое я видѣлъ отъ Русскаго въ продолженіи двухлѣтнихъ моихъ переѣздовъ по русскимъ владѣніямъ, и я заключилъ тутъ же что этотъ исключительный случай добра мнѣ не предвѣщаетъ.

Наконецъ я рѣшился положить конецъ этой неизвѣстности, направиться къ полковнику Веймарну безъ приглашенія и предупрежденія. Мнѣ тутъ же указали на него: онъ веселѣе прогуливался по лагерю, вовсе и не помышляя, повидимому, о моей особѣ. Я прямо подошелъ къ нему, назвалъ себя, и между нами произошла слѣдующая бесѣда:

— Я долженъ извиниться предъ вами, полковникъ, что не явился къ вамъ раньше; но мнѣ говорили что вы еще спите.

— Хорошо, что же вамъ нужно?

— Я уже замѣтилъ, полковникъ, что желалъ вамъ представиться.

— Очень благодаренъ; но не думаю чтобы вы единственно для того ѣхали сюда изъ Нью-Йорка чтобы мнѣ представиться?

— Конечно нѣтъ, полковникъ; мое дѣло здѣсь относится до генерала фонъ-Кауфмана.

— Да? Такъ у васъ дѣла съ генераломъ Кауфманомъ? (недовѣрчивымъ тономъ.) А какъ же вы до него доберетесь?

— Верхомъ.

— Какое у васъ дѣло до Кауфмана?

— Объ этомъ я скажу одному только Кауфману.

— Есть ли у васъ письменное позволеніе генерала Кауфмана?

— Нѣтъ, отвѣчалъ я,—готовясь показать ему свои бумаги:—но у меня есть позволеніе....

— Рѣшительно все равно, чье бы позволеніе вы ни имѣли: дальше ѣхать вы не можете безъ письменнаго позволенія самаго генералъ-губернатора. А бумагъ вашихъ мнѣ видѣть не надо.

— Какъ же я могу теперь получить это позволеніе? спрашиваю я.

— Не знаю. Вы можете послать ему ваши бумаги, но я почти увѣренъ что позволенія вы не получите безъ личнаго съ нимъ свиданія. Онъ слишкомъ занятъ чтобы заниматься перепиской.

— Извините, полковникъ, сказалъ я, -- но какъ кажется, его превосходительство, генералъ фонъ-Кауфманъ лицо совершенно недосыгаемое: выходитъ что я не могу его видѣть не имѣя на то его позволенія, а позволеніе это онъ мнѣ можетъ дать только при свиданіи. Какъ же поступаютъ всѣ люди имѣющіе до него дѣла?

— Das geht mir Nichts an (это не мое дѣло), отвѣчаетъ онъ, повертываясь на каблукахъ, и оставивъ меня наединѣ съ моими размышленіями, которыя—легко понять—не были самаго пріятнаго свойства. Неужели я ѣхалъ изъ Петербурга до Хала-Аты, стремился впередъ цѣлыхъ шестьдесятъ дней не взирая на всѣ прелятствія, и все это затѣмъ только чтобы быть задержаннымъ у самыхъ береговъ славнаго древняго Оксуса этимъ воиномъ, способнымъ направить меня обратно тою же пустыней, не давъ взглянуть на его темныя воды?

Правда, мнѣ былъ оставленъ еще одинъ ресурсъ: отправить свои письма къ генералу Кауфману и выждать его отвѣта на мѣстѣ. Но отвѣтъ этотъ могъ придти не раньше какъ черезъ десять-двѣнадцать дней, а онъ тѣмъ временемъ переправится черезъ рѣку, возьметъ Хиву, и я опоздаю.

Бѣжать отсюда было безумно, по крайней мѣрѣ прежде нежели я увижу какія относительно меня примутся мѣры. Если меня здѣсь оставятъ на положеніи плѣннаго, подъ карауломъ или на честномъ словѣ — попытка будетъ уже невозможна; даже если полковникъ Веймарнъ захочетъ только меня за-

держать до отвѣта генерала Кауфмана, бѣгство представить прелятствія почти непреодолимыя: туркменскіе всадники должны были рыскать по степи за арьергардомъ Кауфмана, а удастся ли мнѣ пробраться незамѣченнымъ посреди безлокобныхъ, дикихъ туркменскихъ ордъ, если даже и посчастливится мнѣ выбраться изъ русскаго лагеря?

Такъ какъ я не имѣлъ никакого желанія вступать съ Туркменами въ личныя переговоры относительно дѣла которое привело меня на ихъ территорію, то и надежда моя добраться до генерала Кауфмана, прежде его вступленія въ непріятельскую страну, исчезла безвозвратно. Чтобы догнать его, теперь приходилось перейти непріятельскую страну или за отрядомъ русскои арміи, или же одному. Необъяснимое поведеніе полковника Веймарна могло служить уже заранѣе ручательствомъ въ томъ что на русскій конвой мнѣ разчитывать нечего. Чѣмъ болѣе я думалъ, тѣмъ яснѣе становилось что мнѣ придется рѣшиться на послѣднее, то-есть ѣхать не только безъ конвоя, но еще, пожалуй, придется и бѣжать отъ дюжины-другой казаковъ, которыхъ навѣрно вышлютъ за мною въ погоню. Перспектива эта была до того непріятна что я было не рѣшился даже на ней и остановиться; впрочемъ, подумавъ нѣсколько минутъ, пришлось сознаться что другаго исхода изъ моего положенія не было.

Между тѣмъ, въ воображеніи моемъ возникало живое представленіе одной картины изъ книги Вамбери, съ соотвѣствующимъ описаніемъ, на которой представленъ былъ стоящій на хивинской площади Туркменъ, высылающій изъ мѣшка человѣческой головы, при восхищенныхъ, одобрительныхъ крикахъ толпы, тогда какъ вездѣ вокругъ было еще безчисленное множество человѣческихъ череловъ, установленныхъ въ правильныя груды, какъ лущечныя ядра; эта картина смѣнилась другою — изображеніемъ ужаснаго клоповника въ Бухарѣ, куда этотъ свирѣлый извергъ Назрулахъ-ханъ бросаетъ своихъ лѣвннхъ на поѣденіе мириадамъ насѣкомыхъ, нарочно для того разводимыхъ; и въ памяти моей проносились вереницей неутѣшительныя разказы Бёрнса, Вуда, Вамбери и другихъ обо всѣхъ ужасахъ среднеазиатскихъ обычаевъ.

Положеніе мое далеко не было пріятнымъ. Багажъ свой я сократилъ до minimum: у меня не было никакого корма для лошадей; не было провизіи ни для себя, ни для людей мо-

ихъ.— послѣдніе два дня мы литались однимъ „правомъ“, кислымъ молокомъ Киргизовъ. Кромѣ того, не было у меня ни палатки, ни крова; обходиться безъ этого еще можно было на ходу, но отсутствіе такого необходимаго въ степи комфорта довело бы меня до сумашествія подъ этими ллещими знойными лучами на мѣстѣ.

Я расхаживалъ по лагерю, перебирая въ умѣ всѣ эти горькія мысли, размышляя какимъ бы мнѣ способомъ смягчить служебную ревность полковника Веймарна, и временами также разчитывая, черезъ сколько, примѣрно, времени придется мнѣ помереть съ голода, который начиналъ меня уже нестерпимо мучать.

Тутъ ко мнѣ подошло нѣсколько офицеровъ, которые, услыхавъ о прибытіи Американца, пришли предложить мнѣ свое гостепріимство. Видно было что они не одобряли поведенія полковника Веймарна и старались радушіемъ своимъ загладить его нелюбезность. Послѣ они высказались по этому поводу прямо и въ выраженіяхъ весьма рѣшительныхъ.

Скоро мы сошлись какъ нельзя лучше; я плотно поѣлъ въ первый разъ послѣ трехдневнаго поста, а потомъ меня отвели въ кибитку полковника Иванова, раненаго въ дѣлѣ подъ Адамъ-Крылганомъ, о которомъ я уже говорилъ. Узнавъ что у меня нѣтъ никакого пристанища, онъ тотчасъ отвелъ мнѣ мѣсто въ своей кибиткѣ и предложилъ поселиться у него на все время пока я останусь на Хала-Атѣ. Я принялъ это предложеніе съ радостію, а такъ какъ полковникъ Ивановъ былъ на положеніи больнаго, и получалъ все лучшее чтò только можно было достать, то судьба, какъ оказалось, не могла отдать меня въ лучшія руки. Не только Ивановъ, но и все общество офицеровъ относилось ко мнѣ съ радушіемъ, котораго мнѣ никогда не забыть, тѣмъ болѣе что это было время когда я болѣе всего нуждался въ ихъ гостепріимствѣ. Мой американскій паспортъ былъ достаточною рекомендаціей въ ихъ средѣ, какъ и въ глазахъ всѣхъ Русскихъ, которыхъ я до тѣхъ поръ встрѣчалъ.

Слѣдующій день я почти не выходилъ изъ кибитки Иванова, стараясь нѣсколько отдохнуть послѣ долгой ѣзды верхомъ; но это, благодаря удушливой жарѣ и пыли, мнѣ не удавалось, несмотря на всѣ мои ухищренія. Вечеромъ полковникъ Веймарнъ прислалъ мнѣ сказать что онъ выступаетъ на слѣдующее утро въ два часа, и что если я желаю, то могу послать

съ нимъ мои письма. Подумавъ нѣсколько, я рѣшился дать Веймарну одно изъ моихъ писемъ, но тѣмъ не менѣе попытаться ускользнуть изъ лагеря съ выступающею колонной. Планъ мой былъ слѣдующій: выступить изъ лагеря съ кавалеріей, полагаясь на темноту предъ разсвѣтомъ, сдѣлать большой объѣздъ, обогнать отрядъ и добраться такъ или иначе до рѣки. Привести это въ исполненіе, думалось мнѣ, будетъ не трудно, разъ я буду внѣ лагеря, такъ какъ я могъ двигаться вдвое скорѣе войска. Порѣшивъ на этомъ, я вручилъ Веймарну одно изъ моихъ писемъ для передачи Кауфману, а людямъ своимъ приказалъ быть готовыми къ выступленію въ два часа утра.

Въ пріятной перспективѣ предо мной все еще видѣлись валадающіе на меня Туркмены, но мнѣ оставалось выбирать между этою опасностью и неудачей всего моего предпріятія, и я остановился на первой, полагаясь на вшедшее почти въ поговорку счастье военнаго корреспондента во всѣхъ тѣхъ случаяхъ гдѣ приходилось пробираться чрезъ непріятельскія линіи. Какъ послѣ оказалось, впрочемъ, еслибъ я привелъ этотъ планъ въ исполненіе, то ниминуемо попался бы въ руки Туркменъ подъ предводительствомъ Садыка, извѣстнаго разбойника, вступившаго въ ханскую службу, который рыскалъ съ латыюстами всадниковъ по слѣдамъ арміи Кауфмана, и который, именно этимъ временемъ, производилъ внезапное и рѣшительное нападеніе на верблюдовъ русскаго отряда у Адамъ-Крылгана.

Однако въ полночь, когда все уже было готово къ походу, отъ генерала Кауфмана пришелъ приказъ отменяющій выступленіе. Оказывалось что онъ еще не дошелъ до Аму, какъ предполагали, но гдѣ онъ находился, на Адамъ-Крылганѣ, или на какомъ другомъ пунктѣ, добиться я не могъ, такъ какъ несмотря на свою любезность, офицеры были все очень сдержанны въ сообщеніи мнѣ свѣдѣній по этому предмету. Однако, изъ отрывковъ разговоровъ, которые мнѣ удалось понять, я почти убѣдился что произошло что-то недоброе.

Дѣло мое принимало совершенно другой оборотъ. Если генералъ Кауфманъ еще не дошелъ до рѣки, то и я имѣлъ достаточно времени на обсужденіе, какимъ способомъ мнѣ будетъ лучше до него добраться. Я рѣшился выжидать событій на мѣстѣ, такъ какъ Веймарнъ объявилъ что не

выступить еще дня три или четыре, а мнѣ было бы очень трудно выбраться иначе какъ посреди суматохи ночного выступления войска; я остался гостемъ все того же радушнаго полковника Иванова.

Жизнь въ Хала-Атѣ, какъ мнѣ пришлось убѣдиться, была незавидная. Жара днемъ была нестерпима, а частые порывы вѣтра поднимали цѣлые столбы песка и пыли, которые проникали всюду, отъ которыхъ нельзя было ничего уберечь. Палатки и кибитки почти не защищали отъ этого безощаднаго врага; песокъ съ пылью напоялялъ глаза, ротъ, ноздри, забивался въ рѣсницы, волосы, платье. Къ тому же, читать было рѣшительно нечего, кромѣ нѣсколькихъ старыхъ газетъ, которыя я видѣлъ еще въ Петербургѣ. Оставалось одно — лежать по цѣлымъ днямъ на спинѣ и слѣдить за раскаленнымъ воздухомъ, который двигался какою-то туманною зыбью подъ сверкающимъ солнцемъ, и за столбами пыли, которые пронеслись по пустынь, да слушать лѣсви солдатъ, которыя раздавались въ продолженіе всего дня, несмотря на то что имъ почти что нечего было ѣсть, а водки и въ поминѣ не было; единственное развлеченіе которое я могъ себѣ позволить — это было мысленно бранить полковника Веймарна елико возможно. Бѣдный Веймарнъ! Если я, въ концѣ концовъ, и не перехитрилъ его, то могу простить его теперь. Его постигло несчастье: онъ былъ сброшенъ съ лошади въ самомъ ханствѣ, и умеръ черезъ нѣсколько часовъ отъ перелома костей, не взглянувъ даже и однимъ глазомъ на много прославленную Хиву.

Хала-Ата находится уже на бухарской территоріи. Какъ занятіе этого пункта, такъ и постройка на немъ укрѣпленія Св. Георгія совершились съ позволенія эмира. Фортъ образуетъ четырехугольникъ около 10ти квадратныхъ сажень, и состоитъ изъ простой земляной насыпи, двухъ угловыхъ бастионовъ и рва, который легко наполнить водою. При немъ оставлено было два полевыхъ мѣдныхъ орудія, и хотя укрѣпленіе это воздвигнуто въ два дня, оно достаточно крѣпко чтобы выдержать какое угодно нападеніе азіатскихъ силъ.

Есть основанія предполагать что на мѣстѣ Хала-Аты въ древности стоялъ городъ. Русскіе еще застали здѣсь остатки каменныхъ стѣнъ, которыя тутъ же употребили на сооруженіе укрѣпленія; да и самъ я нашелъ часть высѣченнаго камня, который очень походилъ на калитель колон-

ны. По всѣмъ вѣроятіямъ, на мѣстѣ прежнихъ высокихъ кулодовъ и минаретовъ города, Киргизы воздвигли эти главныя гробницы, и вымершій городъ обратился дѣйствительно въ городъ мертвецовъ.

XV. Н о ч н о е б ѣ г с т в о .

Слѣдующіе пять дней ничего не было слышно о генералѣ Кауфманѣ. Меня начинало уже мучать сильнѣйшее безлокойство при мысли что онъ вѣроятно дошелъ до рѣки, переправился черезъ нее, и поидетъ на Хиву, не дожидаясь прибытія остальной части отряда. Судя по тому какъ ко мнѣ относился полковникъ Веймарнъ, я могъ заранѣе быть увѣреннымъ что положеніе мое далеко не будетъ пріятно, если онъ захватитъ меня во время моей попытки къ бѣгству. Несмотря на то, однако, я рѣшился попытаться счастья. Я вполне изучилъ обычный лагерный порядокъ и рѣшилъ что время на разсвѣтѣ, когда смѣняютъ ликеты, когда офицеры ночнаго дежурства отправляются на отдыхъ, а остальные еще не поднимаются, будетъ для меня самымъ удобнымъ для бѣгства. Также замѣтилъ я что Киргизы и Бухарцы вѣзжали днемъ въ лагерь и выѣзжали изъ него со своими лошадьми и верблюдами когда имъ заблагоразсудится, такъ что людямъ моимъ не могло представиться никакого затрудненія выбраться изъ лагеря. Потому я и порѣшилъ отправить ихъ впередъ, а самому выѣхать на слѣдующее утро съ однимъ Акъ-Маматовымъ. Что касается солдатъ, видѣвшихъ меня всѣ эти шесть дней на равной ногѣ съ офицерами, то нечего было и бояться что имъ извѣстно мое настоящее положеніе и что они рѣшатся меня остановить.

Такимъ образомъ я надѣялся отъѣхать по крайней мѣрѣ версты на тридцать прежде нежели отсутствіе мое будетъ замѣчено, а тогда посылай за мной Веймарнъ какую хочешь погоню! Чтобы привести однако этотъ планъ въ исполненіе самымъ удобнымъ и тайнымъ образомъ, надо было открыть его Акъ-Маматову; а онъ всякій разъ какъ я задумывалъ ѣхать дальше всегда умудрялся находить по крайней мѣрѣ десять хорошихъ придуманныхъ и убѣдительныхъ предлоговъ чтобы мѣшать мнѣ. Тутъ же, къ величайшему моему горю, онъ наотрѣзъ объявилъ что не сдѣлаетъ ни шагу впередъ, иначе какъ за

войскомъ. Угрозы, къ которымъ я привыкъ прибѣгать въ такихъ случаяхъ въ пустынь, здѣсь были не мыслимы по той простой причинѣ что первое же проявленіе моей власти привлекло бы на насъ вниманіе всего лагеря. Къ тому же я не могъ не сознаться самъ что нѣкоторыя возраженія моихъ людей были вполне основательны. Такъ они весьма вѣрно замѣтили что, нанимая ихъ, я не предупредилъ что отъ нихъ потребуется такого рода служба; если удастся намъ пробраться чрезъ ряды русскаго войска, то все равно мы поладимся Туркменамъ, а у каждаго изъ нихъ осталась на родинѣ семья, и знай они чего отъ нихъ будутъ требовать, они никогда бы не пошли со мной.

Не говоря уже о возраженіяхъ моихъ людей, я и самъ нашелъ, посмотрѣвъ на своихъ лошадей, что бѣдныя животныя были въ самомъ жалкомъ положеніи. Въ укрѣпленіи были большіе запасы ячменя, но полковникъ Веймарнъ не соглашался продать мнѣ ни зерна, и еслибы не доброта полковника Иванова и полковника Дрешерна, доставлявшихъ мнѣ немного корма, бѣдныя животныя положительно умерли бы съ голода. И теперь двѣ лошади, казалось, никакъ не въ состояніи будутъ дойти до рѣки. Если онѣ мнѣ измѣнятъ, то у меня останется всего три лошади, и на нихъ-то мнѣ придется ѣхать самому, везти троихъ людей и весь багажъ.

Доведены онѣ были до такого состоянія въ теченіи послѣдней недѣли, когда имъ почти нечего было ѣсть и онѣ стояли ничѣмъ не прикрытыя отъ лалющихъ солнечныхъ лучей. Вотъ эти несчастныя, терпѣливыя животныя, служившія мнѣ вѣрой и правдой въ трудномъ переходѣ, обступили меня со ржаньемъ, будто прося какого-нибудь корма, а затѣмъ принялись съ жадностію подбирать сухіе саксаулы, въ которыхъ не было никакой питательности. У меня сердце щемило, глядя на бѣдняжекъ, и я бы, кажется, въ эту минуту безъ малѣйшаго угрызенія совѣсти препроводилъ полковника Веймарна въ несравненно болѣе жаркое мѣсто чѣмъ Хала-Ата.

Подведя всѣ итоги, я нашелъ что положеніе мое стало значительно хуже чѣмъ при вѣздѣ въ Хала-Ату. Тогда лошади мои, хотя и усталыя, были еще въ хорошемъ состояніи и добрались бы до Аму-Дарьи безъ большаго труда; теперь же это было болѣе чѣмъ сомнительно. Засѣвъ въ Хала-Атѣ послѣ того какъ я проѣхалъ такъ далеко, было бы слишкомъ нелѣпымъ результатомъ всѣхъ моихъ странствованій; я не

могъ даже остановиться на минуту на этой мысли прежде нежели всѣ средства къ бѣгству будутъ испробованы. И я твердо рѣшился бѣжать, къ чему бы ни повела меня эта попытка. Я отправился опять къ своимъ людямъ и объявлялъ имъ что если они отказываются идти со мною, то я прогоню ихъ всѣхъ тотчасъ же, и они могутъ добираться во свояси какъ сами знаютъ; если же они согласны идти со мною дальше, то каждый изъ нихъ получитъ по сту рублей. Предложеніе это разомъ поколебало ихъ прежнюю рѣшимость, и наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ, они согласились выѣхать въ этотъ же вечеръ.

Между тѣмъ полковникъ Веймарнъ, также какъ и я, сталъ волноваться, не получая извѣстій отъ генерала Кауфмана, и по той же самой причинѣ: онъ боялся что Хива будетъ занята до его прихода; онъ наконецъ рѣшился двинуть войска изъ Хам-Аты, въ надеждѣ встрѣтить курьера съ приказомъ о выстуленіи. Но всего любопытнѣе что мысль эта возникла въ немъ какъ разъ въ то же время какъ и я сталъ готовиться къ бѣгству. Благодаря такому обороту дѣла мое бѣгство могло совершиться успѣшнѣе, такъ какъ оно не могло, въ такомъ случаѣ, дойти до свѣдѣнія полковника Веймарна раньше какъ черезъ 24 часа, когда преслѣдовать меня уже было бы немислимо.

Въ первомъ часу утра 12го (24го) мая мы всѣ были на коняхъ, и колонна стала выступать на широкую песчаную дорогу, ведущую почти прямо на западъ, по направлению къ Адамъ-Крылгану и Аму-Дарьѣ.

Я ни съ кѣмъ не простился, и никто во всемъ лагерѣ не помышлялъ что я могу предпринять такое бѣгство. Я тихо прижаулъ къ казакамъ, шедшимъ во главѣ колонны, а люди мои слѣдовали за мною; выѣхавъ на вершину низкаго песчаного холма, въ верстѣ отъ лагеря, я также тихо отдѣлился отъ казаковъ, свернулъ съ дороги на сѣверъ и выѣхалъ въ пустыню.

Я предполагалъ отѣхать изъ вида колонны до разсвѣта и, сдѣлавъ небольшой объѣздъ, выѣхать опять на дорогу у Адамъ-Крылгана, настолько впереди колонны чтобъ имѣть время наложить лошадей и дать имъ вздохнуть до ея приближенія.

Руководясь полярною звѣздой мы подвигались тихо и осторожно въ темнотѣ, перебираясь черезъ песчаные наносы,

спотыкаясь на неровной почвѣ, поросшей саксаудами и дикою полынью, и по временамъ останавливаясь прислушаться, такъ какъ нашему возбужденному воображенію все представляется что предъ нами движется какая-то темная масса, а вокругъ мелькають всадники. Я чувствовалъ что пріятіе на которое я рѣшился было безумно до дикости, и легко могло довести меня до трагическаго конца. Но ослѣпляющее сознаніе свободы и возбуждающее дѣйствіе верховой ѣзды послѣ скучной однообразной жизни на Хала-Атѣ, открытая пустыня, сверкающія звѣзды, свѣжій утренній вѣтерокъ — все это доводило меня до такой стелени экзальтаціи что настоящая опасность представлялась дѣломъ совершенно второстепеннымъ.

Несмотря на всѣ затрудненія и опасности сопряженныя съ переѣздами по пустынѣ, въ ней самой есть что-то неотразимо привлекательное; она возбуждаетъ какое-то чарующее чувство, совершенно особенное и понятное лишь тѣмъ кто испыталъ его на себѣ. Долгіе жаркіе переходы по сылущему песку; остановки у колодцевъ для вытаскиванія свѣтлой, холодной воды; сонливья полуденныя стоянки, свѣжій вечерній воздухъ, когда вы лежите на пескѣ, слѣдя за высылающими звѣздами и за краснымъ мѣсяцемъ, вырывающимся надъ пустыней; неестественная, таинственная тишина, сознаніе неограниченной свободы — все это вмѣстѣ сливается въ существованіе полное прелести невыразимой, и чувство это остается при васъ долго послѣ того какъ вы выѣхали изъ этого волшебнаго уединенія.

Мы ѣхали такъ скоро какъ только было возможно при окружающемъ насъ мракѣ; съ разсвѣтомъ же перешли въ легкій галопъ. Когда на востокѣ показалась первая свѣтлая полоса, я сталъ оглядываться — удалось ли мнѣ наконецъ выбраться изъ когтей полковника Веймарна. Далеко на юго-востокѣ двигалась темная масса, которую я почелъ за арріергардъ; скоро и она скрылась за горизонтомъ. Заключая изъ этого что мы должны были отъѣхать достаточно далеко, я повернулъ лошадь къ западу, по прямому направленію къ Аму-Дарьѣ.

Мѣстность была не ровна и покатица, съ весьма скудною растительностью: саксауды были не выше одного фута, а полынь попадалась чрезвычайно рѣдко. Но и тутъ, какъ почти во всей степи, было много тонкой, нитеобразной,

бурой травы, служащей главною поддержкой проходящихъ киргизскихъ стадъ.

Около девяти часовъ мы остановились пить чай, для котораго захвачено было немного воды. Здѣсь оказалось что одна изъ лошадей не пойдетъ уже далеко, несмотря на незначительность ноши. Когда мы остановились, бѣдное животное бросилось на землю въ такомъ изнеможеніи что не могло даже подбирать скудный кормъ по песку. Я далъ ей немного оставшагося у меня ячменя, а затѣмъ она принялась щипать бурую траву, которую могла достать вокругъ себя, даже и не пытаясь подаяться на ноги. Послѣ часового отдыха, впрочемъ, она поднялась и пошла бодрѣе чѣмъ я могъ предполагать. Предвидя что всѣмъ моимъ лошадямъ не добраться до рѣки, я бросилъ все что у меня оставалось изъ багажа въ Хала-Аты, при запискѣ къ командиру, прося его присмотрѣть за оставшимися вещами и извиняясь въ своемъ безцеремонномъ обращеніи къ нему. То что у меня теперь оставалось, легко могло быть поднято на четырехъ лошадяхъ. Насъ самихъ было четверо, у каждого изъ моихъ людей были какія-нибудь вещи съ собой, кромѣ того мы везли жестяной чайникъ, лудъ черныхъ сухарей, накуленныхъ Акъ-Маматовымъ у солдатъ, которымъ и предназначено было служить единственною пищей для насъ самихъ и для нашихъ лошадей, 100 свертковъ патроновъ для моихъ ружей и револьверовъ, и наконецъ немного ячменя; легко понять что въ этомъ числѣ вещи для личнаго моего употребленія были въ самомъ незначительномъ количествѣ.

Около двухъ часовъ мы поднялись на маленькую песчаную возвышенность, поросшую саксаулами въ пять-шесть футовъ вышины; отсюда предъ нами открылся видъ на низкую, гладкую равнину, верстъ отъ 4 до 5 шириною, покрытую бѣловатымъ солончаковымъ слоемъ. За равниной олятъ песчаные холмы — знаменитый Адамъ-Крылганъ, на которомъ былъ Вамбери, переодѣтый дервишемъ.

Но каково же было мое разочарованіе, чуть ли не отчаяніе, когда принималась оглядывать мѣстность въ зрительную трубу, я различилъ на холмахъ бѣлые кителя русскаго войска! Тутъ подъѣхали къ намъ нѣсколько конныхъ Киргизовъ, оказавшихся джигитами, вѣдущими въ Хала-Ату. Они намъ сказали что солдаты которыхъ мы теперь видѣли

были казаки прибывшіе изъ Хала-Аты этимъ утромъ. „Тѣ самые казаки“, мысленно добавилъ я, „къ которымъ я такъ ловко примкнулъ въ темнотѣ и отъ которыхъ такъ же удачно ускользнулъ потомъ!“

XVI. „Шахъ королю!“

Это открытіе меня какъ „обухомъ по головѣ ударило“, говоря изысканнымъ языкомъ Дика Свивеллера; въ первую минуту я почувствовалъ себя совершенно уничтоженнымъ. Къ довершенію неприятнаго моего положенія, люди мои, чрезвычайно довольные, посматривали на меня хитро посмѣиваясь и вполнѣ торжествуя; эти усмѣшки раздражали меня довельзя. Повидимому они заключали что наконецъ-то для меня наступалъ „матъ“, что мнѣ ничего болѣе не остается какъ явиться съ ловинною головой къ полковнику Веймарну. Они же, съ своей стороны, получили деньги, не подвергаясь никакой опасности.

Для меня было также ясно что нечего было и думать доѣхать до Аму-Дарьи на лоя лошадей; еще можно бы рѣшиться на это съ такими лошадьми съ какими мы выѣхали изъ форта Перовскаго, да и тогда исходъ былъ бы сомнителенъ, такъ какъ я даже не зналъ далеко ли мнѣ еще предстоитъ ѣхать. Полковникъ Веймарнъ, лоятное дѣло, не сообщилъ мнѣ ни малѣйшей справки относительно положенія Хала-Аты и предполагаемаго разстоянія до Аму. Я былъ однако увѣренъ что до рѣки оставалось не менѣе 120 верстѣ. Чего бы въ эту минуту ни далъ я за настоящаго туркменскаго коня, одного изъ тѣхъ что пробѣгаютъ отъ Хивы до Астрабада (500 миль) въ четыре дня, литаясь все это время одними клочками соломы! Съ такою лошадью я ужъ конечно не остановился бы предъ мыслью проѣхать до генерала Кауфмана одному, предоставляя своимъ людямъ слѣдовать за отрядомъ. Но негдѣ было тутъ достать такой лошади, развѣ только обратиться къ самимъ ихъ дикимъ владѣльцамъ, рыскающимъ по пустынѣ, быть-можетъ даже въ весьма близкомъ отъ насъ разстояніи. Надо было искать другаго исхода.

Перебирая въ головѣ своей всевозможныя средства чтобы добыть воды, я сталъ смутно припоминать одинъ слышанный мною разговоръ на Хала-Атѣ, изъ котораго я тогда

могъ понять что рѣчь шла о какомъ-то источникѣ лежащемъ между Адамъ-Крылганомъ и рѣвкой, мѣста этого у Вамбери однако не упоминалось.

О положеніи этого колодца я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, и потому велѣлъ Акъ-Маматову спросить у джигитовъ, нѣтъ ли еще гдѣ воды по близости. Отвѣтъ ихъ воскресилъ всѣ мои силы, всѣ мои надежды: верстахъ въ тридцати отъ этого мѣста находятся колодцы Алты-Кудукъ, шесть колодцевъ, лежатъ они верстѣ на шесть въ сторону, на сѣверъ отъ дороги къ рѣкѣ, и генераль Кауфманъ оставилъ тамъ небольшой отрядъ. Это было для меня новостью совершенно неожиданною, и я положилъ ѣхать къ Алты-Кудуку, не останавливаясь на Адамъ-Крылганѣ. Что касается Русскихъ, то полковника Веймарна тамъ не было, а начальникъ отряда ужъ конечно ничего не могъ знать о моей задержкѣ на Хала-Атѣ. Было бы неслыханнымъ несчастіемъ налечь сряду на двухъ такихъ офицеровъ какъ Веймарнъ, во всякомъ случаѣ можно было рискнуть. Я приказалъ людямъ садиться на лошадей чтобъ ѣхать прямо къ слѣдующему колодцу, не отдыхая на Адамъ-Крылганѣ.

Какъ легко было предвидѣть, съ людьми по этому поводу у меня опять завязалась ссора: „Идти дальше не можемъ, лошади сдѣлали уже по крайней мѣрѣ пятьдесятъ верстѣ въ этотъ объѣздъ и ужъ конечно никакъ не будутъ въ состояніи пройти еще тридцать верстѣ подъ палящимъ солнцемъ безъ отдыха и безъ литья. И дѣло это неслыханное! Мы останемся въ лескахъ безъ лошадей, которыя навѣрное падутъ дорогой, и принуждены будемъ идти пѣшкомъ.“ Но тутъ ужъ мнѣ нечего было бояться привлечь вниманіе полковника Веймарна, и потому я, не вступая въ лишніе разговоры, велѣлъ имъ садиться на лошадей и ѣхать дальше. Наканунѣ они вытянули у меня 300 рублей, потому что я былъ въ ихъ власти; теперь же настала мой чередъ, и чрезъ пять минутъ мы уже ѣхали по направленію къ Алты-Кудуку.

Хотя я вѣчно находился въ хронической оппозиціи съ моими людьми, я постоянно догонялъ ихъ впередъ. Странное дѣло, они не только уважали меня, но даже, насколько я могъ замѣтить, были ко мнѣ очень расположены. Платилъ я имъ хорошо, никогда не отказывалъ имъ въ деньгахъ для покупки чего бы ни было съѣстнаго, дѣлилъ съ ними все что у меня было захвачено изъ лакомыхъ вещей, научился пить

ихъ кипяченый чай чтобъ избавить ихъ отъ труда два раза кипятить воду, былъ на все податливъ, съ однимъ условіемъ, лишь бы подвигаться впередъ и впередъ. Въ этомъ отношеніи я былъ неумолимъ; хотя они и предполагали что я одержимъ какимъ-то бѣсомъ передвиженія, но только говорили: „Аллахъ великъ“, и пріязнь ихъ ко мнѣ отъ этого ни мало не уменьшалась.

Когда Адамъ-Крылганъ скрылся позади насъ слѣва, путь нашъ сдѣлался очень тяжелъ. Песокъ шелъ все рыхлѣе и глубже и наконецъ сталъ переходить въ огромные наносы 20 и 30ти футовъ въ вышину, самыхъ причудливыхъ формъ, сильно напомунавшихъ сѣжныя глыбы и вѣчно измѣнявшихся подъ вліяніемъ вѣтра. Песокъ проносился маленькими облаками надъ нашими головами засыпая намъ глаза, тогда такъ ноги наши положительно вязли въ глубокихъ наносахъ. Пробивать себѣ дорогу стало невыносимо: лошади уходили въ песокъ почти по животъ. Мы принуждены были сойти на землю чтобъ облегчить ихъ; да и тогда они продолжали нырять въ песокъ. Продолжалось это цѣлыхъ три версты. Подумись тутъ на наше несчастіе одинъ изъ урагановъ пустыни, всѣ эти глыбы поднялись бы на насъ и завалили бы насъ футовъ на двадцать, такъ что не осталось бы никакого саѣда нашего существованія.

Названіе этой мѣстности, Адамъ-Крылганъ, придумано вѣрно: въ русскомъ переводѣ оно значитъ „человѣческая погибель“.

Я однако замѣтилъ что даже здѣсь, какъ это ни кажется невозможнымъ, все еще попадалась кое-какая растительность. Мѣстами видѣлся кустикъ саксаула, иногда даже въ хорошемъ состояніи; по большей части они были почти совсѣмъ занесены и только нѣсколько листочковъ видѣлось изъ-подъ песка. Въ другихъ мѣстахъ, короткіе жесткіе стволы саксауловъ съ цѣлою сѣтью длинныхъ волокнистыхъ корней растянувшихся на много аршинъ кругомъ были совершенно обнажены, но повидимому палящія солнечныя лучи нисколько не дѣйствуютъ на нихъ — такъ крѣпко это растеніе. Къ счастью переѣздъ этотъ не былъ продолжительенъ, иначе всѣ наши лошади погибли бы отъ изнуренія и голода.

Обезсиленная еще предъ тѣмъ лошадь прошла нѣсколько верстъ, затѣмъ споткнулась, зашаталась и тяжело по-

валилась на песокъ. Мы скинули съ нея сѣдло и уздечку, частью раздѣлили ея ношу по остальнымъ лошадямъ, а частью и совсѣмъ бросили, и поѣхали дальше, оставляя ее издыхать на мѣстѣ. Долгое время по наступленіи темноты ѣхали мы все впередъ, надѣясь добраться до Алты-Кудука.

Наконецъ признаки изнеможенія нашихъ лошадей побудили меня остановиться чтобы не пришлось на другой день продолжать путь лѣшкомъ. Бѣдныя животныя должны были провести эту ночь безъ воды, потому что мы не имѣли возможности взять съ собою достаточный запасъ, еслибы даже предвидѣли что намъ не удастся достать воды въ Адамъ-Брыганѣ. Мы дали имъ вмѣсто всякаго другаго корма жесткаго высушаго чернаго хлѣба, но томимыя жаждой онѣ даже не тронули его, и мы развьючивъ ихъ пустили пасть по пустынѣ и собирать что они могли найти.

Никогда не могъ я достаточно надивиться на свою маленькую верховую лошадь. Теперь былъ уже 25й день какъ она была въ пустынѣ, везла меня съ самаго форта Перовскаго, пробѣгая иногда до 90 верстъ въ день. Больше половины этого времени ей не давалось никакого корма, а питалась она только тѣмъ что удавалось ей самой подобрать въ пустынѣ, а между тѣмъ она вовсе не была еще въ дурномъ положеніи. Бывало, бѣжить она съ ранняго утра до солнечнаго захода покойною иноходью, а вечеромъ еще лойдетъ, какъ ни въ чемъ не бывало, въ галопъ, точно ее только-что привели съ богатыхъ сырдарьинскихъ пастбищъ. Это былъ чистокровный киргизскій конь: свѣтло-гнѣдой, почти даже песочнаго цвѣта; голова, уши, глаза и ноги у него были точь въ точь какъ у арабской лошади, только шея и туловище были короче и тяжеле. Никогда не приходилось его связывать, онъ никогда не убѣгалъ. Онъ переллывъ Аму и, казалось, чувствовалъ себя также дома въ хивинскихъ садахъ какъ и въ пустынѣ, никогда не останавливаясь ни предъ изгородью, ни предъ канавой. Наконецъ онъ былъ у меня украденъ однимъ изъ освобожденныхъ рабовъ Персіянъ. Теперь же это бѣдное животное не находило мѣста отъ жажды и отказывалось отъ черныхъ сухарей, которые я ему подносилъ.

Мы сами были не въ лучшемъ положеніи: еслибы мы и въ состояніи были ѣсть при мучившей насъ жаждѣ, то сухари не было бы возможности разгрызть, не вымочивъ ихъ сперва въ водѣ. Да и вообще наши обстоятельства были не

блестящи. Кругомъ навѣрное рыскали Туркмены, колодець мы легко могли оставить въ сторонѣ, лошади были весьма надежны—еще двѣ изъ нихъ стали обнаруживать признаки такой усталости что становилось ясно что силъ ихъ станетъ не болѣе какъ на одинъ день; нерадостна была перспектива быть вынужденными плестись къ рѣкѣ лѣшкомъ, и это, пожалуй, только затѣмъ чтобы попасться тѣмъ же Туркменамъ. Окружающій мракъ и гробовая тишина пустыни, изрѣдка лишь нарушаемая рѣзкимъ звукомъ какого-нибудь насѣкомаго, наводили какое-то леденящее отчаяніе на чело-вѣка; все соединилось чтобы сдѣлать эту ночь самою печальною и зловѣщею, какую только приходилось мнѣ переживать.

Послѣ двухчасоваго переѣзда слѣдующимъ утромъ мы стали различать вдали у горизонта сверканіе штыковъ при восходившемъ солнцѣ. Скоро можно было рассмотреть очертанія двухъ пикетовъ, которые пристально за нами слѣдили съ песчанаго холма, а черезъ часъ и сами мы въѣхали на этотъ холмъ и увидели предъ собой лагерь Алты-Кудукъ. Мѣсто это было песчанѣе и печальнѣе всего чтѣ я до сихъ поръ видѣлъ, не исключая даже самого Адамъ-Крыгана.

Представьте себѣ широкую, неглубокую ложбину съ нѣсколькими колодцами и грудями наваленнаго фуража и багажа; затѣмъ низкій холмикъ, на которомъ установлено два шестифунтовыхъ орудія; позади—другая ложбинка, въ которой разставлены солдатскія палатки; вдали все тѣ же лески, раскинувшіеся лластами и низкими кряжами по всѣмъ направленіямъ, образуя мѣстами болѣе возвышенныя холмы, на которыхъ разставлены на самомъ прилѣкѣ сторожевыя пикеты. Таковъ-то былъ Алты-Кудукъ, мѣсто гдѣ пришлось генералу Кауфману провести самый тяжелый періодъ всей кампаніи, цѣлую недѣлю, въ теченіи которой онъ чуть было не подвергся тому же страшному несчастію которое постигло полковника Маркозова.

XVII. Радужный пріемъ.

Было еще очень раннѣе утро когда я въѣхалъ въ лагерь; никто изъ офицеровъ еще не вставалъ. Я свѣлъ на груды наваленнаго багажа и сталъ раздумывать о томъ какой-то меня здѣсь ожидаетъ пріемъ, не предвидя для себя ничего хорошаго. Ждать мнѣ пришлось не долго. Я просидѣлъ здѣсь не

болѣ пяти минутъ какъ изъ сосѣдней кибитки высунулась голова молодого, полуодѣтаго офицера и раздался крикъ: „Que, diable, faites-vous là? Entrez donc.“

Приглашеніе это показалось мнѣ весьма много обѣщающимъ, и я вошелъ въ палатку съ облеченнымъ сердцемъ. Офицеръ оказался однимъ изъ тѣхъ кого я встрѣтилъ въ Хаала-Атѣ, но котораго бы я самъ не узналъ, такъ какъ въѣхалъ онъ оттуда на другой же день по моемъ пріѣздѣ. Онъ также слышалъ за генераломъ Кауфманомъ, нагналъ его на Алты-Кудукъ и имѣлъ несчастье быть здѣсь оставленнымъ. Онъ немедленно приказалъ заварить чай и предложилъ мнѣ сухаго мяса и сухарей, на которые я накинулся съ совершеннымъ ожесточеніемъ, такъ какъ цѣлыя сутки не ѣлъ и не пилъ. Это было все чѣмъ онъ въ состояніи былъ меня угостить; даже этотъ кусокъ мяса былъ у него послѣднимъ; но угощеніе было до такой степени радушно что я, ни мало не задумываясь, тутъ же со всѣмъ этимъ и закончилъ.

Этотъ офицеръ сообщилъ мнѣ что генералъ Кауфманъ ушелъ уже цѣлыхъ шесть дней и въ настоящее время долженъ былъ находиться у рѣки; пожалуй, даже ему удалось и переправиться черезъ нее. Извѣстій о немъ на Алты-Кудукъ съ самаго его выхода не получалось никакихъ; здѣсь со дня на день ждали приказа выступить, такъ какъ верблюды, которыхъ должны были сюда выслать изъ главнаго отряда, ежеминутно могли прибыть. Что же касается дороги, то она была теперь очень опасна — повсюду за арріергардомъ Кауфманскаго отряда должны были рыскать мародерскія шайки Туркменъ. Одному онъ мнѣ никакъ не совѣтовалъ ѣхать, а говорилъ что часть отряда оставленная на Алты-Кудукъ должна выступить чрезъ день-другой и мнѣ удобнѣе всего будетъ примкнуть къ нимъ. Я ничего не отвѣтилъ на это предложеніе, но подумалъ что долѣ мѣшкать мнѣ было бы безумствомъ: логоня за мной уже могла быть выслана, оставаться на мѣстѣ было опаснѣе чѣмъ идти впередъ.

Небольшая остановка однако была необходима чтобы дать вздохнуть лошадямъ. Я самъ едва держался на ногахъ отъ усталости и клонящаго меня сна; мнѣ наскоро приготовили постель, на которую я тутъ же бросился чтобы вздремнуть хоть одинъ часъ.

Проснувшись, я нѣсколько минутъ лежалъ съ полуоткры-

тыми глазами, стараясь сообразить гдѣ я обрѣтался. Палатка въ которой я лежалъ была очень велика, просторна и обита внутри тканями самыхъ яркихъ цвѣтовъ, вырѣзаннѣми какимъ-то причудливѣмъ образомъ. Послѣ я узналъ что это была одна изъ палатокъ присланныхъ генералу Кауфману эмиромъ, чѣмъ и объяснялась ея оригинальность. Въ первыя минуты моего пробужденія когда я сидѣлъ сообразить гдѣ я нахожусь и предо мной смутно воскресали картины изъ *Тысячи и одной ночи*, я былъ выведенъ изъ этой полудремоты вопросомъ на весьма хорошемъ англійскомъ языкѣ:

— Ну, хорошо ли вы теперь отдохнули?

Я оглянулся: человекъ 8—10 офицеровъ окружили мою постель. Заговорившій со мной былъ баронъ Корфъ; тутъ же были Валуевъ, Федоровъ (нѣсколько рисунковъ котораго приложены при этой книгѣ) и много другихъ. Они всѣ ждали моего пробужденія, чтобы привѣтствовать меня и предложить свое гостепріимство. Сошлись мы въ нѣсколько минутъ. Они пригласили меня завтракать съ ними, но провізію для этого завтрака принуждены были доставлять въ складчину: кто принесъ кусокъ сухихъ овощей, кто банку либиховскаго мяснаго экстракта, кто сухарей, сгущенное молоко, кофе, даже нашлась бутылка водки. И это было все что можно было достать въ лагерѣ изъ провізіи; но приправлено это было такимъ радушіемъ и гостепріимствомъ, желаніе ихъ оказать мнѣ всевозможную дружбу и помощь казалось до того искреннимъ что все это не могло меня не тронуть, особенно въ тѣ тяжелыя времена, когда самъ я былъ въ такомъ горькомъ положеніи. Да и теперь я не перемѣнилъ своего первоначальнаго убѣжденія что офицеры эти были самыми славными малыми съ которыми судьба сталкивала меня въ жизни. Не веселы были и они, оставленные здѣсь въ лустынѣ, когда не было уже въ нихъ почти и надежды добраться въ Хиву вовремя, чтобы участвовать въ ея занятіи; но для настоящаго случая всѣ горькія мысли были откинуты въ сторону, и мы были не менѣе веселы надъ нашею одинокою бутылкой водки, чѣмъ еслибы на ея мѣстѣ стояла дюжина *клико*. Единственная забава ихъ тутъ состояла въ пѣнѣ, которую они передѣлали съ нѣмецкаго и которая началась словами: *In dem Alti-Kuduk, da ist mein Vaterland*; пѣлась она налѣвомъ самымъ заунывнымъ и ввели они въ нее невѣроятное количество всякихъ вариантовъ.

Но едва ли не лучше всего было то что они дали мнѣ столько ячменя сколько мнѣ было нужно для лошадей: а говоря правду, дѣло мое приняло такой оборотъ что вся удача его зависѣла чуть ли не отъ четверика ячменя.

Вода на Алты-Кудукѣ была довольно хороша и въ достаточномъ количествѣ, но мнѣ все-таки пришлось испрашивать позволенія брать ее для моихъ лошадей, такъ какъ здѣсь все еще были въ силѣ относительно воды правила первыхъ дней, когда ее было мало.

Въ этотъ день я былъ очень удивленъ и даже обрадованъ, услышавъ крикъ лѣтуча: чрезвычайно страннымъ казался звукъ этотъ въ пустынѣ. Сюда лѣтучъ этотъ, какъ мнѣ объяснили, перебрался изъ самаго Ташкента, возсѣдая очень комфортабельно на спинѣ верблюда. Предназначенный сперва для кухни, лѣтучъ этотъ обнаружилъ такія боевыя наклонности и такъ налетѣлъ на повара генерала фонъ-Кауфмана что солдаты приняли его сторону и единогласно рѣшили оставить его жить. Природное расположеніе его къ бою до того всеми поощрялось что наконецъ онъ не сталъ давать проходу ни людямъ ни животнымъ; я не разъ потомъ и самъ видѣлъ какъ этотъ лѣтучъ нападалъ на собаку и всегда обращалъ ее въ бѣгство.

XVIII. Прошелъ сквозь стрѣлы!

На слѣдующій день около полудня я уже опять былъ въ сѣдлѣ, направляясь все къ тому же Оксусу. Офицеры употребляли все зависящія отъ нихъ средства чтобъ отговорить меня ѣхать дальше, увѣряя что мнѣ не миновать встрѣчи съ Туркменами. Но хотя я самъ не былъ спокоенъ въ этомъ отношеніи, да и Мустровъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о предстоящей дорогѣ, оставаться на мѣстѣ было мнѣ еще страшнѣе. У меня было точно предчувствіе что я оставляю за собой не меньшую опасность чѣмъ все тѣ которыя мнѣ могутъ грозить впереди; да и того я не могъ упускать изъ вида что отъ полковника Веймарна не могло долго скрываться мое бѣгство, а съ нимъ я ни въ какомъ случаѣ больше не желалъ имѣть дѣла.

Это предчувствіе опасности оказалось чуть ли не пророчествомъ, такъ скоро оно оправдалось. Будучи уже въ Хивѣ, я узналъ что не прошло и нѣсколькихъ часовъ послѣ моего отъѣзда съ Алты-Кудука, какъ туда прискакали офицеры во главѣ 25ти казаковъ, съ приказомъ арестовать меня, обезоружить и привезти назадъ въ Ташкентъ. Сдѣлалъ этотъ офицеръ около 900 верстъ почти не останавливаясь чтобъ успѣть задержать меня въ пустынѣ. Онъ слышалъ обо мнѣ отъ проходящихъ каравановъ и отъ кочевниковъ-Киргизовъ, меня встрѣчавшихъ; напалъ на мой слѣдъ, потерялъ его, олять на него набрелъ по слухамъ, терялъ его еще много разъ, загналъ нѣсколько лошадей и наконецъ доѣхалъ въ Алты-Кудука... нѣсколькими часами послѣ моего отъѣзда. Тутъ надъ нимъ только посмѣялись, увѣряя его что я уже теперь нахожусь или у генерала Кауфмана, или среди шакаловъ — во всякомъ случаѣ, внѣ его власти.

Исторія эта весьма куріозная. Существуетъ приказъ — обсуждать который я здѣсь считаю излишнимъ — запрещающій всѣмъ Европейцамъ, не русскимъ подданнымъ, вступать въ Туркестанскую область. Запрещеніе это, по объясненію Русскихъ, было вызвано тѣмъ что многіе иностранцы подвергались несчастіямъ въ бытность свою въ Центральной Азіи, а ихъ родственники и друзья потомъ сваливали всю вину въ этомъ на Русскихъ. Такъ, напримѣръ, двое Итальянцевъ, захваченныхъ въ Бухару, были брошены эмиромъ въ темницу; хотя потомъ они и были выпущены оттуда единственно по настоянію Русскихъ, грозившихъ въ противномъ случаѣ войною Бухарѣ, но возвратившись домой они стали говорить что самое заключеніе это устроено было Русскими. Словомъ, сколько ни было несчастныхъ случаевъ съ иностранцами въ этихъ мѣстахъ, они всегда слагали вину на Русскихъ. Тогда было рѣшено, во избѣжаніе дальнѣйшихъ неприяностей, просто не пускать туда въ настоящее время ни одного Европейца.

По правдѣ говоря, когда меня еще въ Казалинскѣ хотѣли задержать на основаніи этого приказа, я сослался на то что я не Европейецъ, и только такимъ путемъ добился позволенія ѣхать если не въ Хиву, то хоть въ Ташкентъ. Но едва только дошелъ слухъ о моемъ выѣздѣ изъ Перовскаго въ Кизиль-Кумы до какой-то офиціальной особы — въ Ташкен-

тѣ или Самаркандѣ, навѣрное не могу сказать — какъ эта особа сообразила что лучшаго случая выказать свое усердіе ей не дожидаться, и рѣшила меня изловить и вернуть въ Ташкентъ, по всей вѣроятности, въ качествѣ пліона. Тѣмъ временемъ разнеслась молва по всему краю о томъ что черезъ Кизиль-Кумы ѣдетъ Американецъ въ Хиву, а въ погоню за нимъ выслано 25 казаковъ. Почти всѣ Русскіе, за исключеніемъ официальной особы, принимали сторону Американца: „онъ молодець“, говорили въ Ташкентѣ, „стыдъ и срамъ еще посылать за нимъ погоню, когда ужъ вѣрно ему не весело приходится по тѣ Туркменъ“. Приемъ мнѣ предстоялъ въ Ташкентѣ весьма хорошій, въ случаѣ еслибъ я былъ пойманъ и привезенъ туда. Пойманъ я однако не былъ, а официальная особа была за всѣ свои труды только поднята на смѣхъ. Въ другой разъ, прежде чѣмъ дѣйствовать, я думаю, особа эта вспомнить мудрое изреченіе Талейрана: „surtout, pas trop de zèle“.

Такова-то была грозившая мнѣ опасность. Буду опять продолжать прерванный разказъ о дальнѣйшихъ моихъ пожденіяхъ.

Выѣхалъ я съ Алты-Кудука 15го (27го) мая, надѣясь добраться до рѣки, а слѣдовательно и до генерала Кауфмана, въ тотъ же день. Настоящее разстояніе до рѣки было неизвѣстно, но я предполагалъ что оно не можетъ быть болѣе 75 и менѣе 45 верстъ; а такъ какъ генералъ Кауфманъ захватилъ всего двѣ изъ своихъ шести лодокъ, то я былъ почти увѣренъ что переправиться онъ не успѣлъ, и не терялъ надежды застать его на этомъ еще берегу. Со спокойнымъ сердцемъ выѣхалъ я на этотъ послѣдній, казалось мнѣ, перѣздъ. Я, конечно, при этомъ не думалъ что всѣмъ моимъ тревогамъ насталъ конецъ. Далекое до того; я зналъ что наибольшая опасность еще предстоитъ впереди. За главнымъ отрядомъ неминуемо должны развѣзжать Туркмены: пришлось теперь избѣгать ихъ или сражаться съ ними. Но я полагался на то что счастливая звѣзда моя не измѣнитъ мнѣ ни въ одномъ изъ этихъ случаевъ.

Подвинувшись верстъ на шесть къ югу, мы скоро выѣхали на широкую проѣзжую дорогу, ведущую отъ Адамъ-Крыгана къ рѣкѣ (луть которымъ проходилъ Вамбери переодѣтый дервишемъ); тутъ мы повернули на западъ. Дорога была

широкая и слѣдовать по ней было не трудно; да еслибъ ее и совѣтъ не было, то мы не могли бы сбиться со слѣда арміи—трупы верблюдовъ, встрѣчавшіеся на разстояніи нѣсколькихъ саженей одинъ отъ другаго, послужили бы достаточнымъ указаніемъ. Даже ночью одно обоняніе наше вывело бы насъ на вѣрную дорогу безъ содѣйствія другихъ чувствъ. Песокъ былъ такъ глубокъ что лошади безпрестанно уходили въ него по колѣна. Мѣстами еще видѣлись слѣды проѣзжавшихъ лушекъ, казалось, онѣ совѣтъ зарывались въ этотъ сыпучій песокъ; когда мнѣ потомъ говорили то въ каждое орудіе было впряжено всего по восьми лошадей, я этому не хотѣлъ вѣрить. Характеристическія черты пустыни въ этихъ мѣстахъ были тѣ же что и въ остальной части Кизиль-Кумъ: волнистыя груды песка, поросшія рѣдкими саксаулами и жиденькою буроватою травкой.

Послѣ двухчасоваго переѣзда мы стали наѣзжать на трупы лошадей, въ которыхъ не трудно было узнать туркменскихъ красавцевъ-коней: какъ видно, здѣсь уже были пущены въ дѣло винтовки русскихъ стрѣлковъ. Отсюда до самой рѣчки не переставали намъ попадаться эти лошадиныя трупы, показывая что битва на ходу не прекращалась въ продолженіи всего этого перехода. Какъ потомъ оказалось, мнѣ и самому бы никакъ не избѣжать туркменскихъ лалъ, еслибъ я предпринялъ этотъ переѣздъ двумя днями раньше, когда многія сотни этихъ хищниковъ рыскали вокругъ арміи. Изъ этого можно заключить какъ еще невѣрны были шансы на благополучный исходъ моего дѣла даже и тогда когда мнѣ посчастливилось ускользнуть отъ казаковъ. У многихъ убитыхъ коней порублены были хвосты, такъ какъ лошадиный хвостъ служитъ у Туркменъ доказательствомъ что конь убитъ на службѣ хана, который и обязанъ вознаградить эту потерю деньгами. Теперь мы двигались впередъ очень осторожно, осматривая мѣстность съ вершины каждаго холма, чтобы не наткнуться на одну изъ туркменскихъ шаекъ.

Около пяти часовъ пополудни мы доѣхали до мѣста гдѣ пустыня разомъ мѣняла свой характеръ, и вмѣсто волнистыхъ дюнъ, которыми все время приходилось ѣхать, мы тутъ увидали предъ собою низкую гладкую равнину, спускающуюся еще болѣе низкою террасой. Вдали въ эту равнину

вдавался высокій кряжъ, оканчивавшійся съ нашей стороны нѣсколькими холмами. Это были горы Учъ-Учакъ, у береговъ Оксуса.

Мы все поговяемъ своихъ измученныхъ лошадей: во что бы то ни стало, а намъ надо доѣхать до рѣки въ этотъ же день, такъ какъ у насъ нѣтъ съ собою ни воды, ни провизіи, кромѣ сухарей. Солнце спускается все ниже и ниже къ горизонту, виситъ надъ нимъ краснымъ шаромъ, образуя длиннѣйшія тѣни отъ нашихъ фигуръ, наконецъ закатывается совсѣмъ. На западномъ склонѣ неба разноцвѣтнымъ пламенемъ заблестѣлъ солнечный отсвѣтъ и подъ нимъ-то мы различаемъ блескъ воды.

Наконецъ-то Оксусъ!

Когда генераль фонъ-Кауфманъ дошелъ до этого мѣста и увидалъ давно желанную воду, онъ снялъ фуражку и набожно перекрестился, какъ и всѣ офицеры его штаба; солдаты же подняли такой радостный крикъ какого ужъ вѣрно еще никогда не раздавалось въ этихъ краяхъ.

Доѣзжаемъ мы до воды только долго спустя послѣ того какъ стемнѣло. Украдкою поимъ мы лошадей, мочимъ свои сухари и тихо удаляемся опять въ песчаная дюны въ ожиданіи разсвѣта.

Что суждено намъ увидеть по утру? Бѣлые кителя Русскихъ или высокія черныя шалки Туркменъ? Огонь засвѣтитъ мы боимся, но осторожно сходимъ съ лошадей въ маленькой лощинкѣ, и бросаемся на песокъ, каждый привязавъ къ себѣ своего коля.

Наступаетъ день; мы поднимаемся со своей песчаной постели и осторожно осматриваемся. Оказывается что мы совсѣмъ еще и не на рѣкѣ, а на краю поросшаго тростникомъ болота, у самаго подножія Учъ-Учака. Кругомъ не видать ни Русскихъ, ни Хивинцевъ. Изъ живыхъ существъ только и виднѣется что бѣлая лошадь вдали, на горномъ склонѣ, да и та, завидя насъ, живо проскакиваетъ на вершину и исчезаетъ за ней.

При солнечномъ восходѣ мы добираемся до вершины горы; отсюда я впервые, 16го (28го) мая, увидѣлъ Оксусъ.

Широкій и спокойный раскинулся онъ у моихъ ногъ, разстилаясь далеко на югъ и на сѣверъ промежъ желтыхъ песковъ что раскинулись кругомъ на необозримое пространство;

воды его, окаймленная зеленью, блистали какъ кристаллы на утреннемъ солнцѣ. Любуясь съ какимъ-то упоеніемъ на его подернутыя зыбью воды, я забылъ обо всемъ — о Кауфманѣ, о Туркменахъ, о самой цѣли своего путешествія. Съ трудомъ заставилъ я себя повѣрить своимъ глазамъ что предо мною дѣйствительно лежитъ тотъ мощный потокъ который раскидывается отъ самыхъ горъ Индіи до Аральскаго моря, на берегахъ котораго разыгрывалось столько историческихъ событій, начиная съ древнѣйшихъ временъ человѣчества. Но еще страннѣе было думать о томъ какъ не многіе видѣли эту рѣку, и какъ не многіе изъ дошедшихъ до нея возвратились живыми.

Возвышенности или горы Учъ-Учака едва ли выше 500 футовъ. Тутъ возвышаются нѣсколько маленькихъ остроконечныхъ вершинъ, песчаной формаціи, заключающихъ между собой маленькую кратерообразную ложбинку около полуверсты въ поперечникѣ и напоминающую собою высохшее озеро. Мнѣ даже казалось что я могу различить у отвѣсныхъ почти береговъ слѣды прежняго водянаго уровня. Однако, присутствіе здѣсь озера вещь едва ли правдоподобная, такъ какъ мѣсто выше всей окружающей долины.

Но гдѣ же генералъ Кауфманъ? Я осматриваю мѣстность въ зрительную трубу по всемъ направленіямъ. Видѣть я могу вереть на тридцать вверхъ и внизъ по рѣкѣ и далеко по другую ея сторону, гдѣ свѣтятся тѣ же желтые голые пески, но нигдѣ не видать никакихъ слѣдовъ арміи, ни палатки, ни кубитки, никукого человѣческаго жилья. А между тѣмъ Русскіе здѣсь были, такъ какъ слѣды проѣзжавшихъ пушекъ пролегли у самаго подножія горы. Но куда же могли они уйти? Подъ вліяніемъ какого-то безсознательнаго ужаса я быстро съѣхалъ съ горы къ водѣ. Тутъ лежалъ истлѣвшій пепелъ многихъ костровъ — вотъ и все.

XIX. Ночь у Оксуса.

Это былъ уже 29й день моей погони за генераломъ Кауфманомъ, а изъ Перовскаго я выѣхалъ въ полномъ убѣжденіи что догоню его черезъ пять дней. Я надѣялся застать его у колодезь Минъ-Булакъ, въ горахъ Буканъ-Тау, но не доѣхавъ еще до этого пункта, услышалъ что его тамъ нѣтъ и не будетъ. Все

время съ тѣхъ поръ, за исключеніемъ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ на Хала-Атѣ, я былъ на поискахъ за нимъ, вадясь добраться до него съ каждымъ наступающимъ днемъ. Хорошо я понималъ этимъ временемъ какъ тяжело бываютъ обманутыя ожиданія.

Наконецъ добрался я до Оксуса, гдѣ ни на минуту не сомнѣвался что застану армию; но и тутъ ожидало меня обычное разочарованіе. Неужели же я никогда ее не разыщу? Воображенію моему, возбужденному безконечными странствованіями по этой дикой мѣстности при вѣчныхъ неудачахъ, самъ генераль Кауфманъ сталъ наконецъ представляться какимъ-то миеомъ; минутами я даже ожидалъ что вотъ-вотъ проснусь я въ одной изъ гостиницъ Парижа и въ концѣ концовъ окажется что и Хивинская экспедиція, и мои собственныя странныя приключенія были не болѣе какъ долгій, тяжелый сонъ.

Но нѣтъ; вотъ еще лежатъ груды пепла отъ лагерныхъ костровъ и видѣются колеи проложенныя проѣзжавшими пушками. Русскіе не могли быть далеко отсюда. Но нельзя было различить никакихъ признаковъ переправы войска черезъ рѣку въ этомъ мѣстѣ, и нечего было дѣлать какъ только идти по видѣвшимся слѣдамъ.

Я вѣхалъ на лошади въ рѣку, захватилъ горсть воды и попробовалъ ее: она была мутна, но вкусна. Рѣка въ этомъ мѣстѣ была сажень около 500 ширины. Съ обѣихъ сторонъ окаймлена она полоской зелени мѣстами въ нѣсколько сажень, а мѣстами въ цѣлую версту шириною. За этою лосою разстилались опять лески. У береговъ было много травы и кустарниковъ, и мы рѣшились остановиться здѣсь пить чай, такъ какъ въ теченіе послѣднихъ сутокъ мы питались однимъ хлѣбомъ и водой.

Затѣмъ опять на коней, опять впередъ на поиски. Украдкою вѣзжаемъ мы на всѣ хоамы, пользуемся каждымъ удобнымъ мѣстомъ для тщательнаго осмотра въ зрительную трубу окружающей мѣстности, рѣшившись обезлечить себѣ хоть тотъ шансъ чтобы первымъ увидать врага, если судьба сведетъ насъ съ нимъ.

Слѣды шли по правому берегу рѣки, направляясь въ сторону Аральскаго моря; они то видѣлись у самой окраины воды, то подвигались на возвышенности, доходившія мѣстами до 100 футовъ вышины, и тянулись по ихъ склонамъ. Цѣ-

мый день этотъ у насъ проходить въ пристальномъ слѣдованіи по колеямъ пушекъ, въ ежеминутномъ ожиданіи выѣхать къ аррьергарду — и цѣлый день длится та же неизвѣстность.

Въ одномъ мѣстѣ, проѣзжая самымъ берегомъ, по дорогѣ у подножія одной изъ возвышенностей, мы были страшно перелуганы верблюдомъ, упавшимъ съ утесовъ на дорогу, прямо предъ нами, съ перешибленной шеей и ногами. Первой мыслью было что животное это свзлео на насъ Туркменами, и что за нимъ немедленно послѣдуетъ градъ пуль. Схватываемъ оружіе и съ минуту стоимъ въ оцѣленіи, съ ужасомъ ожидая нападенія. Но тишина не нарушается ничѣмъ, не раздается ни одного выстрѣла, наконецъ, рѣшась тронуться съ мѣста, мы подѣвжаемъ къ верблюду и видимъ что онъ слѣлъ, слѣдовательно свалился самъ. Встрѣчать этихъ верблюдовъ, брошенныхъ Русскими въ пустынь, для насъ стало уже дѣломъ привычнымъ. Мои люди не разъ даже ловили ихъ, пробуя извлечь изъ нихъ какую-нибудь пользу при перевозкѣ багажа, чтобы дать нѣсколько отдохнуть лошадямъ; но толку изъ этого не вышло никакого, никогда не удавалось заставить такого верблюда пройти болѣе часа. Когда верблюдъ полагаетъ что онъ прошелъ достаточно далеко, то никакими силами невозможно принудить его идти дальше.

Внезапно наѣвжаемъ мы затѣмъ на пять всадниковъ, спускающихся съ одного изъ холмовъ, и опять схватываемся за оружіе. Они же стремглавъ бросаются въ воду, перелавываютъ на другую сторону и скачутъ по направленію къ Хивѣ. Судя по ихъ послѣдшему бѣгству, я заключаю что у нихъ не можетъ быть подкрѣпленія по близости, и даю по нимъ два-три выстрѣла изъ своей винтовки, но безъ успѣха. Нѣсколько времени спустя, проводникъ, однако, рассмотрѣвъ въ зрительную трубу группу изъ 15ти или 20ти человекъ, по всей вѣроятности, Хивинцевъ, расположившихся у рѣки. Такъ какъ они значительно превышаютъ насъ числомъ, то мы считаемъ за лучшее не безлокоить ихъ своимъ появленіемъ. Они остановились внизу у воды, а мы находимся на возвышенности, откуда легко ихъ рассмотреть, не привлекая тотчасъ ихъ вниманія; мы послѣдно вѣвжаемъ въ лѣски, дѣлаемъ большой объѣздъ и осторожно сворачиваемъ опять къ рѣкѣ въ нѣсколькихъ верстахъ ниже.

Послѣ полудня выѣзжаемъ на поля превосходной пше-
ницы и клевера, лошади наши съ жадностію накидываются
на этотъ богатый кормъ, впервые попавшія послѣ мѣсяч-
наго поста. Скоро мы различаемъ что-то въ родѣ людскихъ
жилищъ по ту сторону рѣки; но лески все еще очень близко
подходятъ къ берегу съ обѣихъ сторонъ. Подъ вечеръ по-
казываются на той сторонѣ нѣсколько всадниковъ и, какъ
видно, пристально за нами слѣдятъ; но тутъ наступаетъ
темнота и они ступеваются въ неясныхъ очертаніяхъ
противоположнаго берега. Все подергивается мракомъ, одна
рѣка еще бѣлѣется въ своемъ теченіи.

Отъ арміи теперь только и слѣдовъ что истаившія кости.
Мы и въ темнотѣ едва слышно пробираемся впередъ. Нер-
вы наши до невѣроятія напряжены этимъ вѣчнымъ ожида-
ніемъ, да и положеніе наше дѣлается чрезвычайно критиче-
скимъ. Насъ два раза уже видѣли съ противоположной сто-
роны, незначительное наше число конечно было замѣчено; Хи-
вицамъ ничего не стоило переправиться черезъ рѣку, а до-
гнать насъ на ихъ быстроногихъ коняхъ было бы для нихъ
простою забавой. Съ каждымъ шагомъ ожидаемъ мы увидѣть
отблескъ костровъ отряда или услышать крикъ „кто идетъ?“
русскихъ часовыхъ. Дорога поднимается высоко надъ рѣкой.
Черная грозовая туча собралась на западѣ и свѣсилась надъ
Хивой. Изъ тучи вырывается молнія, на минуту освѣщая
рѣку, протекающую внизу, и придавая еще болѣе зловѣщій
характеръ наступающей зятѣмъ опять темнотѣ. Разъ мнѣ
кажется что далеко впереди мелькнулъ огонь; останавлива-
емся, ждемъ, не покажется ли онъ опять, но ничего болѣе
не можемъ различить и продолжаемъ идти, приписывая это
дѣйствию моего напряженнаго воображенія. Одиннадцать ча-
совъ. Наши усталыя лошади сдѣлали верстъ 70 съ утра, и
я рѣшаюсь остановиться. Сворачиваемъ къ рѣкѣ, поимъ ло-
шадей и располагаемся ждать разсвѣта.

Я пробую поставить одного изъ своихъ людей часовымъ
на время этой остановки; но хотя они вполне понимаютъ
грозящую намъ оласность, тѣмъ не менѣе перспектива прове-
сти бессонную ночь такъ имъ противна что я ясно вижу что
принуждать ихъ къ тому бесполезно—все равно они заснутъ
тогда на мѣстѣ—и я рѣшаюсь самъ сторожить этою ночью.

Черезъ пять минутъ они всѣ спятъ мертвымъ сномъ, при-
вазавъ лошадей къ своимъ рукамъ, и я остаюсь одинъ слу-

шать тихое журчаніе воды. Цѣлую ночь, до самаго разсвѣта, расхаживаю я взадъ и впередъ, такъ какъ сонъ клонитъ меня до такой степени что я боюсь присѣсть хотя бы на минуту. Небо покрылось тучами; темнота непроглядная, едва можно различить что-нибудь въ двухъ шагахъ предъ собою. Цѣлую ночь длится моя печальная прогулка, всю ночь напролетъ прислушиваюсь я къ ролоту протекающей воды, въ которомъ, кажется мнѣ, слышится иногда что-то похожее на человѣчскія рѣчи. Минутами сверкаетъ молнія, освѣщаетъ спустившіяся облака, широкую рѣку, высокія крутизны и бѣлыя лица моихъ людей и стоящихъ надъ ними усталыхъ лошадей съ поуренными головами, и затѣмъ опять наступаетъ темнота еще непрогляднѣе, еще зловѣщѣе прежняго.

Съ разсвѣтомъ мы опять пускаемся въ путь, и подвинувшись на версту впередъ, подходимъ къ тлѣющему еще костру. Ясно что я не ошибся увидавъ отблескъ огня прошлою ночью въ этой сторонѣ. Русскій или хивинскій это костеръ? Если русскій, то развести его могъ только караулъ, и въ такомъ случаѣ армія была бы еще въ виду. Очевидно, костеръ хивинскій; я не ошибся, замѣтивъ мелькнувшій огонь, и мы остановились прошлою ночью какъ разъ вовремя, не успѣвъ наткнуться на самый лагерь Туркменъ.

Какихъ-нибудь полчаса по восходѣ солнечномъ какъ электрической ударъ до насъ внезапно доносится звукъ выстрѣла. За первымъ слѣдуетъ еще нѣсколько, съ короткими, но правильными промежутками, раскатываясь громомъ по рѣчной долині.

Это грохотъ пушекъ!

XX. „Un mauvais quart d'heure“.

Наконецъ-то мы дѣйствительно дошли до Русскихъ. Но тутъ же, какъ видно, были и Туркмены, такъ что теперь-то наступалъ самый критическій моментъ всего нашего путешествія. Грохотъ пушекъ все продолжался; битва, повидимому, завязалась. Для меня теперь вся задача состоитъ въ томъ чтобы различить положеніе сражающихся сторонъ и увернуться отъ Туркменъ.

Рѣка въ этомъ мѣстѣ дѣлала загибъ влѣво, тогда какъ лучшая пальба слышалась прямо впереди насъ. Я рѣшился

оставить рѣку въ сторонѣ и ѣхать къ мѣсту схватки. Принудить къ тому моихъ людей оказалось дѣломъ нелегкимъ: они были страшно перелуганы, и по какой-то необъяснимой причинѣ желали держаться воды. Многѣ стоило даже большаго труда уговорить одного изъ нихъ подняться со мною на вершину маленькаго холма чтобы попытаться опредѣлить положеніе сражающихся сторонъ. Безопасность наша была болѣе чѣмъ сомнительна; Туркмены могли стать между нами и Русскими, и въ такомъ случаѣ изъ нашего положенія не было исхода. Пальба все продолжалась, какъ казалось, на разстояніи верстъ семи отъ насъ.

Взбираемся на вершину первой возвышенности, осторожно осматриваемся, но не видимъ ничего: на разстояніи еще версты предъ нами лежитъ другой холмъ, заслоняющій отъ насъ видъ на дальнѣйшую мѣстность. До тѣхъ поръ, однако, дорога открыта. Мы уже собираемся ѣхать дальше, когда вдругъ видимъ лять верховыхъ мчатся вверхъ на холмъ, но, завидя насъ, бросаются въ сторону рѣки и исчезаютъ. Это становится тревожнымъ. Мы логояемъ лошадей изо всѣхъ силъ, но песокъ такъ глубокъ, а бѣдныя животныя такъ измучены что ихъ невозможно поднять и въ рысь. Пальба внезапно прекращается. Мы вѣзжаемъ на слѣдующій холмъ, поросшій мелкими саксаулами, и опять выглядываемъ изъ-за его вершины. То что представляется нашимъ глазамъ предвѣщаетъ на этотъ разъ весьма близкій кризисъ.

На разстояніи трехъ верстъ подвигается въ нашу сторону по дорогѣ около сотни всадниковъ; растянудись они чуть ли ни на цѣлую версту въ длину. Я не вижу еще людей, но Мустровъ увѣряетъ что онъ можетъ различить передовыхъ, и что, судя по костюму, они должны быть или Киргизы, или Туркмены—разобрать онъ вѣрно не можетъ—но что это никакъ не Русскіе. Вѣсти плохія. Киргизы, конечно, были бы друзьями, но если это Туркмены, игра наша была проиграна. Въ такомъ случаѣ предъ нами было три исхода, но всѣ почти недостижимые. Вернуться назадъ къ Алты-Кудуку; сдѣлать объѣздъ верстъ въ 15—20 лесками, обогнуть врага и проѣхать дальше; или же наконецъ, спрятаться до ночи, а тогда пробраться чрезъ его ряды. Слабость нашихъ лошадей не позволяла намъ и думать о первыхъ двухъ исходахъ оставалось одно — спрятаться; но вблизи, кромѣ маленькихъ

бугровъ не видать было ничего. По всѣмъ вѣроятіямъ насъ успѣють открыть до наступленія темноты.

Пальба прекратилась, такъ что мы не можемъ судить ни о разстояніи отъ арміи, ни объ ея настоящемъ положеніи. Мы остаемся въ пескахъ выжидая событій. Вдругъ двое всадниковъ отдѣляются отъ конной линіи и скачутъ въ нашу сторону, будто примѣтивъ что-то подозрительное въ нашемъ направленіи и подѣвзая это изслѣдовать. Дѣло подвигается къ развязкѣ. Отступленіе невозможно; да на три-четыре версты кругомъ нѣтъ прикрытія достаточнаго чтобы скрыть кролика, не только что насъ съ лошадьми. Я приказываю людямъ держать оружіе наготовѣ. Всѣ они хорошо вооружены, при нихъ имѣются два револьвера, два двуствольныхъ ружья заряжающихся съ казенной части и четыре простыхъ охотничьихъ ружья. Бѣда только въ томъ что ни одинъ изъ нихъ не можетъ попасть въ цѣль дальше чѣмъ на разстояніи десяти футовъ, да кромѣ того, вовсе нельзя было поручиться что они не струсятъ въ рѣшительную минуту и не бросятся бѣжать. Я же думаю подпустить двухъ Туркменъ на разстояніе нѣсколькихъ сажень, дать по нимъ вѣрный выстрѣлъ, положить ихъ на мѣстѣ и постараться завладѣть лошадьми; съ одной хорошей лошадью я еще могу рискнуть добратъся до Русскихъ. Попытка, конечно, отчаянная, такъ какъ на насъ набросятся всѣ остальные Туркмены, лишь только слышатъ выстрѣлы, и тогда... но составлять дальнѣйшіе планы дѣйствій мнѣ уже было некогда.

Разстояніе между нами и двумя Туркменами всего сажень въ двадцать; они подвигаются теперь шагомъ, весьма осторожно, будто чуя присутствіе врага. Я оглядываюсь на своихъ людей, стараюсь опредѣлить могу ли я на кого изъ нихъ разчитывать. Старый Акъ-Маматовъ смотрѣлъ впередъ какимъ-то тулымъ взглядомъ, точно дѣло это совсѣмъ до него и не касается; самая жизнь, видно, ему опостылѣла съ тѣхъ поръ какъ я загналъ его въ такую даль, а теперь и смерть казалась ему чуть ли не лучше каторжной жизни послѣдлаго времени. Мустровъ былъ взволнованъ. Единственный изъ нихъ кто казалось готовъ былъ за себя постоять, это молодой Киргизъ.

Пушечная пальба возобновилась. Я лежу въ кустарникѣ взведя уже курокъ ружья и ежеминутно спрашиваю Мустрова, увѣренъ ли онъ что это Туркмены. Онъ все киваетъ

утвердительно головой, пока они не подѣзжаютъ сажень на десять: я готовлюсь уже спустить курокъ, но тутъ мой Мусгровъ стремительно вскакиваетъ, бросаетъ шалку вверхъ и издаетъ дикій крикъ, не помня себя отъ радости. Онъ распозналъ не только Киргиза, но еще своего знакомаго. У меня самого какъ камень сваливается съ плечъ въ то время какъ мы всѣжимаемъ руку подѣзжавшимъ всадникамъ.

Киргизы эти оказываются джигитами русской арміи возвращающимися въ Хала-Ату. Они сообщаютъ намъ что Русскіе въ настоящее время верстахъ въ пяти дальше бомбардируютъ непріятельское укрѣпленіе, стоящее на противоположномъ берегу, и что всѣ Хивинцы отогнаны на ту сторону. Мы вскакиваемъ, ни мало не медля, на коней и бросаемся впередъ. Черезъ полчаса мы были на маленькой возвышенности у самого рѣчнаго берега, откуда открывался обширный видъ на окружающую долину.

Ширина Оксуса здѣсь болѣе версты. Когда я остановился въ виду мѣста дѣйствія, противоположный берегъ былъ усыпанъ всадниками, скачущими изъ стороны въ сторону, тогда какъ у самой воды, предъ небольшою крѣпостцой съ бойницами для ружей, двѣ пушки производили почти непрерывные выстрѣлы. Бросивъ взглядъ внизъ по рѣкѣ съ нашей стороны, я увидалъ и Русскихъ, въ полуверствѣ отъ себя; они также разсыпались по берегу, спокойно наблюдая за дѣйствіемъ двухъ шестифунтовыхъ орудій, метавшихъ гранаты. Мы затаили поводъ и стали слѣдить за битвой. Противоположный берегъ возвышался футовъ пятьдесятъ надъ водою, тогда какъ наша сторона была низкая и совершенно ровная. Казалось что непріятель огородился еще земляными валами съ этой стороны. Въ послѣдствіи однакожь эти валы оказались высокими берегами кавала Шейхъ-арыка. На нихъ-то возвели Хивинцы укрѣпленіе для предотвращения перелавры русскихъ войскъ. За укрѣпленіемъ видѣлось много зелени: отсюда, собственно, и начинаются хивинскіе сады; до этого мѣста, за исключеніемъ тѣхъ немногихъ полей пшеницы и клевера которыми мы ѣхали, рѣчные берега были невоздѣлавы; теперь же, немного ниже по рѣчному берегу съ нашей стороны, гдѣ были Русскіе, я могъ различить богатые зеленые луга и волнующіяся нивы.

Хивинская артиллерія дѣйствовала почти такъ же быстро какъ и русская, и я съ удивленіемъ увидалъ что ядра ихъ

не только не падали въ воду, но казалось, врывались въ землю среди самихъ Русскихъ. Хотя на этомъ разстояніи я и не могъ судить объ ихъ дѣйствиіи, но какъ я послѣ узналъ, нѣкоторые изъ нихъ проносились еще на четверть версты дальше. Дѣйствіе русскихъ гранатъ было весьма очевидно, такъ какъ онѣ взрывали землю по всѣмъ направленіямъ. Хивинцы еще держались очень хорошо, если принять во вниманіе что у нихъ были одни массивныя ядра вмѣсто гранатъ. Перестрѣлка эта продолжалась около часа. Русскія гранаты бороздили кругомъ землю безъ остановки, и два хивинскія орудія на берегу все еще продолжали дѣйствовать.

Сцена была чрезвычайно оживленная, и я думаю что старому Оксусу никогда еще не приводилось слушать такой музыки. Пять разъ со временъ Петра Великаго порывались Русскіе добраться до этого мѣста, и всѣ пять разъ безуспѣшно. Пять разъ приходилось имъ отступать изнемогая отъ трудности похода, суровости климата или предательства Хивинцевъ; единственный отрядъ которому удалось занять Хиву, былъ потомъ перерѣзанъ весь до послѣдняго человѣка. Наконецъ-то опять въ этотъ ясный майскій день стояли Русскіе на берегахъ древней исторической рѣки, лицомъ къ лицу со старымъ своимъ врагомъ.

Что касается меня, то я слѣдилъ, сидя на конѣ, за развитіемъ дѣйствиій со всепоглощающимъ вниманіемъ. Сознаніе любѣжденныхъ прелятствій, прошлыхъ опасностей, прішедшая къ концу тридцатидневная погоня за арміею и наконецъ возбуждающее дѣйствіе сцены раскрывшейся предо мною, всего этого было слишкомъ достаточно чтобы привести военнаго корреспондента въ блаженнѣйшее настроеніе духа. Да къ тому же я не могъ не сознать до какой невѣроятной степени судьба мнѣ благопріятствовала. Еслибъ отъ меня зависѣлъ выборъ времени прибытія моего въ армію, а бы, кажется, самъ не нашелъ болѣе благопріятной минуты.

Вдругъ граната, разорвавшаяся на противоположной сторонѣ въ средѣ туркменской конницы, произвела тамъ величайшую панику и смятеніе. Началось бѣгство во всѣ стороны, подвели лошадей и послѣдшне отвезли орудія отъ воды, а еще черезъ нѣсколько минутъ уже не было видно на непріятельской сторонѣ ни одной живой души. Такъ кончилось сраженіе при Шейхъ-арыкѣ.

XXI. Наконецъ-то!

Я поскакалъ теперь по берегу въ сторону Русскихъ; перескочивъ и переправившись черезъ великое множество канавъ и каналовъ, которыми долина была изрѣзана по всѣмъ направленіямъ, я наконецъ приблизился къ мѣсту занятому ихъ орудіями.

Когда я подѣхалъ на довольно близкое разстояніе, до меня донесся крикъ вызвавшаго ко мнѣ офицера.

— Вы кто?

— Американецъ, отвѣчаю я.

— Тотъ самый что переѣхалъ одинъ черезъ Кизиль-Кумы? спросилъ онъ, когда мы встрѣтились.

— Я отвѣчалъ утвердительно.

— Хорошо. Пойдемте, я представляю васъ генералу. Мы слышали уже нѣсколько дней тому назадъ что вы ѣдете къ намъ.

Я сошелъ съ лошади и меня подвели къ генералу Головачеву, который сидѣлъ тутъ же на лужкѣ, покуривая папиросу. Подлѣ него стояло еще орудіе снятое съ передка, а неподалеку лежали двѣ убитыя лошади — единственная потеря понесенная здѣсь Русскими, какъ я послѣ узналъ: хотя земля была взрыта по всѣмъ направленіямъ непріятельскими ядрами, ни одинъ человѣкъ не былъ раненъ. А будь у Хивинцевъ вмѣсто ядеръ гранаты, Русскіе, конечно, потеряли бы немалый уронъ.

Генералъ Головачевъ, высокій, широкоплечій мужчина съ длинными бакенбардами и открытымъ пріятнымъ выраженіемъ лица, привѣтливо пожалъ мнѣ руку, замѣтилъ что я совершилъ переѣздъ весьма отважный и пригласилъ меня тутъ же завтракать.

Должно-быть по всей фигурѣ моей видно было что въ завтракѣ я сильно нуждался. Со впалыми глазами и щеками, грязный, пыльный, неумытый и оборванный — винтовка, которую я носилъ въ теченіи цѣлаго мѣсяца на ремнѣ черезъ плечо истерла мнѣ все платье — я представлялъ своею фигурой совершенное пятно въ средѣ щеголей Русскихъ въ ихъ бѣлыхъ кителяхъ и фуражкахъ, съ золотыми и серебряными пуговицами, которые всѣ смотрѣли такими чистыми и выщипанными, будто они выѣхали на парадъ на Исакіевскую площадь.

Завтракъ состоялъ изъ холоднаго варенаго мяса, холоднаго цыпленка, коробки сардинокъ и бутылки водки, разставленныхъ на бѣлой скатерти, разостланной на густой зеленой травѣ.

Офицеры встрѣтили меня очень дружелюбно, выказывали малое любопытство относительно пережитаго мною времени въ Кизиль-Кумахъ и дивились какъ могъ я рѣшиться одинъ предпринять такой безумный переѣздъ. По ихъ словамъ, было сто шансовъ противъ одного что я погибну; они описывали такими живыми красками всѣ опасности которыхъ я избѣжалъ что мнѣ не шутя стало жутко. Чувство мое въ эту минуту могло бы сравниться съ чувствомъ человѣка которому говорятъ что онъ одолѣлъ громадную, разъяренную львицу, тогда какъ самъ онъ до тѣхъ поръ думалъ что убилъ только крупнаго волка.

Послѣ утренняго дѣла всѣ были въ самомъ веселомъ настроеніи духа; благопріятіе этого времени мнѣ трудно было бы найти для своего приѣзда: тяжелый, почти невозможный переходъ былъ совершенъ, а интересная часть кампаніи только-что начиналась.

Во время завтрака Головачеву донесли что часть непріятеля вернулась и поджигаетъ въ настоящую минуту большую каюкъ, стоящую вблизи, у форта. Стрѣлки ужь опять привалились за дѣло, стараясь отгнать Хивинцевъ, что имъ вполнѣ и удалось, прежде нежели огонь успѣлъ хорошо разгорѣться. Немедленно переправленъ былъ на ту сторону одинъ офицеръ топографъ съ двадцатью солдатами съ приказаніемъ забрать горящій каюкъ и наскоро сдѣлать очеркъ рѣки и окружающей мѣстности. Часа черезъ два-три офицеръ вернулся съ хивинскимъ каюкомъ, который оказался весьма мало поврежденнымъ.

Тѣмъ временемъ я узналъ что я тутъ настигъ только не большую колонну, высланную изъ главнаго отряда для занятія хивинскаго укрѣпленія. Главная же квартира съ остальною частью арміи расположилась верстахъ въ семи еще дальшѣ внизъ по рѣкѣ.

Головачевъ не сталъ занимать брошенное непріателемъ укрѣпленіе, а отдалъ приказъ идти обратно въ лагерь, такъ какъ Кауфманъ предполагалъ переправляться черезъ рѣку не въ этомъ мѣстѣ, а подъ Шураханой. Все же дѣло этого утра имѣло цѣлью обезпечить проходъ нѣсколькимъ каюкамъ захваченнымъ у Учъ-Учака. Битва, собственно говоря, нач

ГЕНЕРАЛЪ КАУФМАНЪ.

лась еще наканунѣ вечеромъ, когда генераль фонъ-Кауфманъ проѣзжалъ по рѣчному берегу, посматривая, не видать ли каюковъ, и безлокоясь, какая причина могла ихъ задержать. Когда онъ проѣзжалъ этимъ мѣстомъ, непріятель самымъ неожиданнымъ образомъ открылъ по немъ огонь; до тѣхъ поръ даже и не предполагалось присутствія укрѣпленія на этомъ пунктѣ. Стрѣльба была такъ правильна что пушечныя ядра падали какъ разъ среди штаба. Теперь каюки уже успѣли прибыть, а такъ какъ непріятель больше не показывается, то мы поѣхали въ лагерь, съ тѣмъ чтобы переправиться черезъ рѣку на слѣдующее утро. По пріѣздѣ въ лагерь я принялъ приглашеніе офицера который первый меня встрѣтилъ въ этотъ день, и расположился у него. Это былъ Чертковъ, оказавшійся старымъ пріятелемъ моего спутника до Перовска, мистера Скайлера.

Первымъ дѣломъ моимъ, конечно, было представиться генералу фонъ-Кауфману. Я засталъ его за чаемъ въ открытой палаткѣ; одѣтъ онъ былъ въ бухарскій халатъ и курилъ папиросу. Это былъ человекъ лѣтъ 46—50, лысый и небольшого роста сравнительно съ обыкновеннымъ ростомъ Русскихъ; онъ носилъ одни усы, въ голубыхъ глазахъ его свѣтлалась веселость и добродушіе. Пожавъ мнѣ руку, онъ пригласилъ меня садиться, и началъ разговоръ заявленіемъ что я „молодецъ“, спрашивая понятно ли мнѣ значеніе этого слова. Послѣ нѣсколькихъ вопросовъ касательно моихъ приключеній, онъ сообщилъ о ходѣ кампаніи до этого времени—разказъ который я сообщу читателю въ слѣдующей главѣ. Позволеніе сопровождать армию въ дальнѣйшемъ ея слѣдованіи къ Хивѣ онъ далъ мнѣ тутъ же, и безъ всякаго, по видимому, колебанія.

Отъ главнокомандующаго я отправился къ Великому Князю Николаю Константиновичу, который устроился тутъ въ глиняномъ домикѣ. Онъ также принялъ меня самымъ пріятнымъ образомъ.

Затѣмъ возвратился я въ палатку Черткова, и въ первый разъ за эти два мѣсяца уснулъ спокойно.

Съ этого дня, вплоть до окончанія Хивинской кампаніи, и послѣ того, во время экспедиціи противъ Туркменъ, я былъ при русской арміи. Здѣсь долженъ я сказать нѣсколько словъ о добротѣ съ которой ко мнѣ относились со всѣхъ сторонъ. По пріѣздѣ моемъ къ арміи я былъ въ бѣдствен-

вомъ положеніи. Со мною не было никакой провизіи, даже не осталось у меня ни чаю, ни сахару — этой необходимой поддержки людей въ лустынѣ — но этого недостатка я и не почувствовалъ. Правда, никогда еще не былъ я такъ близокъ къ гибели отъ голодной смерти какъ въ первые три дня по прибытіи моемъ въ русскую армію; но происходило это частію отъ того что я уже былъ ослабленъ продолжительнымъ переѣздомъ во время котораго мнѣ вѣчно приходилось быть впроголодь, главная же причина была та что и ни у кого не имѣлось провизіи. Прежніе запасы всѣ были потрачены, а новаго подвоза изъ-за рѣки еще не было. Нѣкоторое время никому изъ насъ нечего было ѣсть, и мы эти дни съ радостію набросились бы и на черные сухари которые казались мнѣ прежде такою невозможною пищей. Убили нѣсколько лошадей, но ихъ стало не надолго, а многихъ нельзя было употребить на ѣду. Это было первымъ случаемъ когда мнѣ пришлось отвѣдать конины; она показалась мнѣ прелекою, жаль было только что ея нельзя было достать побольше.

Но съ тѣхъ поръ какъ у Русскихъ опять появились съѣстные припасы, мнѣ ни разу не случалось пройти мимо какой бы то ни было лалатки гдѣ они ѣли или пили безъ того чтобы меня не пригласили присоединиться къ нимъ. Начиная съ Великаго Князя и кончая самымъ незначительнымъ офицеромъ въ отрядѣ—въ этомъ отношеніи всѣ были одинаковы. Разъ двадцать въ день сыпалась на меня со всѣхъ сторонъ приглашенія закусить или пить чай. До самаго нашего прибытія въ Хиву мнѣ ни разу не представилось случая заставить моихъ людей готовить что-нибудь для меня, все это время я жилъ на счетъ русскихъ офицеровъ. И теперь, въ ту минуту какъ я пишу эти строки, сердце мое переполняется благодарностію при воспоминаніи объ ихъ широкомъ гостепріимствѣ. Я радъ воспользоваться настоящимъ случаемъ чтобы выразить имъ свою признательность; поблагодарить не только тѣхъ съ которыми я сошелся потому на самую короткую ногу, но и многихъ другихъ, которыхъ я даже не знаю по фамиліямъ, хотя доброту и щедрость ихъ я испыталъ на себѣ, а дружескія ихъ лица никогда не изгладятся изъ моей памяти.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ПАДЕНІЕ ХИВЫ.

I. Походъ генерала Кауфмана отъ Ташкента.

Теперь пора приступить къ разказу о походѣ отряда генерала фонъ-Кауфмана отъ Ташкента.

Составъ его отряда былъ слѣдующій: одиннадцать ротъ пѣхоты—1.650 человекъ, одна рота саперъ, полбатарей или, иначе говоря, четыре конныхъ артиллерійскихъ орудія, шесть орудій пѣшей артиллеріи заряжающихся съ казенной части, всѣ новѣйшихъ системъ, полбатарей горныхъ орудій, полторы батареи ракетъ и 600 казаковъ; всего около 2.500 человекъ. Отрядъ этотъ вышелъ изъ Ташкента 3го (15го) марта.

Въ составъ обоза входило отъ трехъ до четырехъ тысячъ верблюдовъ, нанятыхъ у Киргизовъ по 12 руб. въ мѣсяцъ, съ тѣмъ условіемъ что за каждого лавшаго дорогой верблюда заплачено будетъ по 50 рублей. Всѣ силы отряда собрались къ 13му (25му) марта на Джизакъ, откуда часть войскъ и выступила въ тотъ же день.

До колодезей Аристанъ-бель-Кудукъ походъ генерала фонъ-Кауфмана не представлялъ ничего замѣчательнаго. Холода и даже морозы, наступившіе отрядъ въ теченіе перваго періода похода, были тѣмъ болѣе нестерпимы что во многихъ мѣстахъ не находилось никакого топлива. Страданія людей за это время доходили до крайней степени; но быстро наступившее тепло скоро исправило ходъ дѣла.

1го (13го) апрѣля они достигли Аристанъ-бель-Кудука.

Здѣсь-то рѣшился Кауфманъ измѣнить свой маршрутъ и идти на Хала-Ату вмѣсто предполагаемаго сперва слѣдованія на горы Буканъ-Тау. Сообразно съ этимъ рѣшеніемъ, Казалинской колоннѣ посланъ былъ приказъ идти на соединеніе съ Туркестанскимъ отрядомъ къ этому новому пункту, вмѣсто того чтобы ждать его у Миръ-Булака.

Казалинская колонна, о которой теперь приходится говорить, состояла изъ восьмисотъ человекъ пѣхоты, полбатарей

горныхъ орудій, полбатарей ракетъ, двухъ картечицъ и 150 казаковъ, всего около 1.400 человекъ. Выступила она изъ Казалы, или форта № 1й, 11го марта и должна была, какъ я уже замѣтилъ, сойтись съ Туркестанскимъ отрядомъ верстахъ 180 отъ Аму-Дарьи, въ горахъ Букаль-Тау. Войска этой колонны уже дошли до этого пункта когда пришло приказаніе идти на соединеніе съ главнымъ отрядомъ на Хала-Ату.

Это измѣненіе пути кажется мнѣ большою ошибкой. Хотя для Туркестанскаго отряда дорога на Хала-Ату была самою лучшей и короткой, для Казалинской колонны она далеко не представляла тѣхъ же удобствъ. Въ Букали эта послѣдняя находилась всего во 180 верстахъ отъ рѣки. Это было въ самомъ началѣ апрѣля: погода стояла еще прохладная, на предстоящемъ имъ пути было нѣсколько колодезей, и воду пришлось бы перевозить на половинѣ этого разстоянія. До рѣки же этимъ путемъ могли дойти въ 10 дней, равно за цѣлый мѣсяць раньше того времени когда они дѣйствительно подошли къ ея берегамъ. Въмѣсто того пришлось потратить двѣ недѣли на обратное движеніе, для того только чтобъ очутиться на такомъ же разстояніи отъ рѣки какъ въ Букали. Двѣ же недѣли пошли на ожиданіе Казалинской колонны. А потерянное такимъ образомъ время было бы самымъ благоприятнымъ для перехода, такъ какъ сильныя жары, которыя такъ мучили потомъ отрядъ, въ началѣ апрѣля еще не наступали; погода была даже прохладная.

Въ то время когда рѣшено было измѣненіе маршрута, всего лучше было бы идти со всевозможною послѣдностью къ рѣкѣ, оставляя Казалинскую колонну слѣдовать по дорогѣ сперва для нея намѣченной.

Генералъ Кауфманъ не рѣшился однако подвергнуть войска такому риску. Онъ думалъ что Казалинская колонна слишкомъ слаба чтобы допустить ее одну до встрѣчи съ непріателемъ; хотя, какъ потомъ оказалось, мнѣніе это и было ошибочно, но подобнаго опасенія было весьма достаточно чтобы поддержать благоразумнаго генерала отъ риска.

До Хала-Аты Кауфманъ дошелъ 24го апрѣля (6го мая) и въ тотъ же день совершилось соединеніе колоннъ.

Здѣсь соединенный отрядъ провелъ нѣсколько дней пока былъ изслѣдованъ предстоящій путь и опредѣлено положе-

ніе колодцевъ и количество воды на которую можно было рассчитывать при дальнѣйшемъ слѣдованіи.

Тутъ-то произошла схватка съ Туркменами той маленькой рекогносцировочной партіи, высланной изъ Хала-Аты по направленію къ Адамъ-Крылгану, къ которой принадлежалъ полковникъ Ивановъ. Объ этомъ дѣлѣ я говорилъ уже въ одной изъ предыдущихъ главъ. Когда непріятель былъ оттѣсненъ отъ Адамъ-Крылгана и было вырыто достаточное количество колодцевъ для снабженія водою всей арміи, то 30го апрѣля (12го мая) къ этому мѣсту выступилъ и весь отрядъ, оставивъ небольшой гарнизонъ въ Хала-Атѣ.

Адамъ-Крылганъ былъ послѣднимъ пунктомъ предъ рѣкой на которомъ могла быть добыта вода. Начались приготовленія для ускореннаго перехода къ Аму-Дарьѣ; настоящее разстояніе до нея никому не было извѣстно, но думали что дойти до нея можно будетъ въ два, много въ три дня. По этому расчету захваченъ былъ запасъ воды достаточный на три дня, и въ три часа утра 2го (14го) мая вышли съ Адамъ-Крылгана.

Но надеждамъ ихъ на скорое достиженіе рѣки не суждено было сбыться.

Жары стояли невыносимыя. Верблюды, обезсиленные долгимъ переходомъ отъ Ташкента и недостаткомъ корма во все это время, сдѣлались почти ни на что негодными. Они не только не въ состояніи были нести 600 фунтовъ клажи — обыкновенный вьюкъ верблюда — но бѣольшая часть ихъ теперь поднимали всего 300 фунтовъ и даже менѣе того.

Авангардъ, по обыкновенію, сдѣлалъ привалъ въ 8 часовъ утра, подвинувшись на 21 версту отъ Хала-Аты. Арріергардъ, по заведенному порядку, долженъ былъ подойти туда же часамъ къ десяти; вся армія должна была простоять на мѣстѣ до трехъ или четырехъ часовъ пополудни и идти дальше когда спадетъ жара. Но въ этотъ день, вслѣдствіе слабости верблюдовъ, арріергардъ подошелъ только къ десяти часамъ вечера. Много верблюдовъ брошено было на дорогѣ и вьюки ихъ раздѣлены были между другими, которые такимъ образомъ были слишкомъ обременены. вмѣсто 40 верствъ, какъ предполагалось, войска сдѣлали всего 20, къ тому же еще оказалось что воды почти не оставалось изъ захваченнаго запаса.

Невозможность идти дальше по неизвѣстной безводной

пустынѣ была очевидна; правда, переходъ до рѣки могъ предстоять всего въ 45 верстѣ, но могъ онъ такъ легко быть и въ цѣлыхъ полтораста. Малѣйшее обратное движеніе могло послужить сигналомъ къ возстанію всего враждебнаго Русскимъ населенія Центральной Азіи; оставаться же на мѣстѣ и выслать верблюдовъ назадъ за водой было невысказано. Отрядъ не имѣлъ никакой возможности идти впередъ и не смѣлъ отступить. Одного дня оказалось достаточнымъ чтобы перейти отъ смѣлой увѣренности къ полнѣйшей безнадежности.

Тутъ пришлось генералу Кауфману пережить одну изъ тѣхъ тяжелыхъ минутъ, близкихъ къ отчаянію, которыя хоть разъ въ жизни выпадаютъ на долю всякаго главнокомандующаго. Положеніе было безнадежно. Люди были безъ воды, верблюды почти всѣ обезсилили, артиллерійскія лошади также слабѣли съ каждымъ днемъ. Термометръ Фаренгейта показывалъ 100°. Кауфману грозило то же несчастіе какое постигло за нѣсколько дней до того полковника Маркозова по ту сторону Аму-Дарьи; но случись подобное же бѣдствіе съ Кауфманомъ, послѣдствія его оказались бы въ тысячу разъ ужаснѣе. Вся сила Русскихъ въ Центральной Азіи основана на всеобщей увѣренности туземцевъ въ непреодолимости русскаго оружія. Одна ошибка, малѣйшее пораженіе—и иллюзія эта должна была исчезнуть; всѣ народы возстали бы какъ одинъ человекъ въ ту минуту какъ было бы дознано что и Русскіе могутъ быть преодолены. Кауфманъ уже начиналъ думать объ отступленіи, когда помощь пришла со стороны вовсе неожиданной, и онъ былъ спасенъ благодаря одному изъ обстоятельствъ самыхъ простыхъ, но которыя въ извѣстные моменты получаютъ силу перевертывать собою всѣ людскія дѣла.

Въ числѣ 50—60 проводниковъ-джигитовъ, состоящихъ при Кауфманской арміи, былъ одинъ взятый полковникомъ Дрешерномъ въ Кизиль-Кумахъ. Онъ пришелъ въ отрядъ весь оборванный, въ лохмотьяхъ, и предложилъ служить Русскимъ безплатно, лишь бы чѣмъ-нибудь отомстить Хивинцамъ, или—что для него было безразлично — Туркменамъ, за убійство части своего семейства и за продажу другой половины въ рабство. Его опредѣлили въ армію джигитомъ и уже не обращали затѣмъ на него никакого вниманія. Этотъ-то человекъ теперь выступилъ впередъ, вызываясь найти воду по близо-

сти, вопреки увѣреніямъ всѣхъ прочихъ джигитовъ что нигдѣ до рѣки воды не имѣется.

Кауфманъ далъ ему тутъ же свою походную фляжку и сказалъ: „Принеси ее мнѣ назадъ полную воды и получишь сто рублей награды“. Проводнику дали хорошаго коня и онъ вихремъ умчался въ пустыню. Это случилось на разсвѣтъ 3го (15го) мая, а немного спустя послѣ солнечнаго восхода онъ уже прибылъ назадъ съ фляжкою наполненною водою, мутною и невкусною, но тѣмъ не менѣе водою, жидкостью слособною поддерживать животную жизнь. Онъ заявилъ что верстахъ въ шести къ сѣверу, въ сторонѣ отъ караваннаго пути на Аму, онъ нашелъ три колодца неизвѣстныхъ караванамъ, но въ которыхъ тѣмъ не менѣе, говорилъ онъ, воды найдется достаточно для всей арміи.

Не медля ни минуты, Кауфманъ далъ приказъ войскамъ выступать, а чрезъ два часа авангардъ уже расположился на пунктѣ извѣстномъ потомъ подъ названіемъ Алты-Кудука, что значитъ „Шесть колодцевъ“. Вода дѣйствительно найдена была въ трехъ колодцахъ на глубинѣ отъ пятидесяти до ста футовъ, но очень дурная и въ недостаточномъ количествѣ. Въ одномъ даже найденъ былъ трулъ собаки, брошенной туда, по всей вѣроятности, разбойниками Хивинцами. Но какъ ни отвратительна была вода, ее все-таки выдавали людямъ порціями въ полкружки на цѣлый день, чтобы не потратить всего содержанія колодцевъ за одинъ разъ. Хотя по распоряженію Кауфмана выкопаны были еще три колодца, каждый изъ которыхъ доставлялъ нѣсколько воды, все-таки ея было такъ мало что нѣсколько проводниковъ туземцевъ умерли отъ жажды.

Можно вообразить себѣ какимъ страданіямъ подверглось войско въ этомъ песчаномъ мѣстѣ при полукружкѣ воды на цѣлый день.

Такъ какъ напоить верблюдовъ на мѣстѣ не предвидѣлось никакой возможности, то Кауфманъ выслаалъ весь обозъ обратно къ Адамъ-Крыгагану, чтобы напоить тамъ животныхъ и захватить оттуда свѣжій запасъ воды, прежде чѣмъ лускаться въ дальнѣйшій путь. Верблюды вышли подъ прикрытіемъ четырехъ ротъ, то-есть 600 человекъ. Этому-то отряду пришлось выдержать первое серьезное нападеніе ханскихъ войскъ.

Садыкъ, развѣзжавшій тѣмъ временемъ по берегамъ рѣки, узналъ чрезъ своихъ развѣдчиковъ что генералъ Кауфманъ выслалъ всѣхъ верблюдовъ отряда назадъ подъ небольшимъ прикрытіемъ, рѣшилъ налечь на нихъ и отрѣзать ихъ отъ арміи. Онъ очень хорошо понималъ что если ему удастся захватить верблюдовъ, то послѣ того армія принуждена будетъ отступить. Онъ захватилъ съ собою 500 человекъ Туркменъ, каждаго съ двумя конями, и обойдя Кауфмана у Алты-Кудука достигъ Адамъ-Крылгана рано утромъ 6го (18го) мая.

Часовъ около четырехъ утра русскими пикетами замѣчено было приближеніе непріятеля. Когда тревога распространилась по лагерю и солдаты взялись за оружіе, Туркмены подѣхали уже очень близко. Наладеніе это было чрезвычайно смѣло и рѣшительно. Самъ Садыкъ, верхомъ на великолѣпномъ бѣломъ конѣ, держа въ рукахъ хивинское знамя, подѣхалъ такъ близко что зналъ только стрѣлки что это онъ самъ, ему бы ужъ конечно отъ нихъ не вернуться. Но что можетъ сдѣлать толпа людей не дисциплинированныхъ и вооруженныхъ одними саблями противъ артиллерійскихъ орудій? Несмотря на всю свою храбрость, Туркмены увидели невозможность бороться съ Русскими и наконецъ принуждены были отступить, пораженные окончательно. Два Туркмена, захваченные въ этомъ дѣлѣ, говорили что Садыку не вѣрно донесли о численности конвоя и онъ выѣхалъ въ полной увѣренности что уничтожить предполагаемую горсть Русскихъ сопровождавшую верблюдовъ. Это было первою серіозною стычкой Русскихъ съ Хивинцами. Послѣдніе сильно упали духомъ послѣ этой неудачи, но все еще не теряли надежды что до рѣки генералъ Кауфманъ не доберется.

Садыкъ, предводитель Туркменъ нававшихъ на отрядъ, былъ собственно разбойникъ вступившій на службу хана, наладавшій на богатые караваны и сбравшій съ нихъ дань въ свою пользу. Тотчасъ послѣ паденія Хивы онъ отправился на поклоненіе къ гробницѣ Пророка и уже оттуда вернулся, какъ кажется, въ Мервъ.

Безпокойство главнокомандующаго и бѣдствія солдатъ тѣмъ временемъ на Алты-Кудукѣ доходили до невообразимой степени. Весь ужасъ положенія среди массы людей мучимыхъ жаждою можетъ лопать только тотъ кому самому приходилось быть въ такихъ обстоятельствахъ. Хотя замѣчательная дисциплина

русскихъ войскъ еще не долускала ихъ ни до малѣйшаго безпорядка, но начальство не могло не предвидѣть что всему, даже выносливости русскаго солдата, долженъ быть предѣлъ; что наступитъ время когда никакая дисциплина не будетъ возможна въ борьбѣ со страждущею человѣческою природою, и отрядъ, доведенный до отчаянія, долженъ будетъ погибнуть отъ руки безпощаднаго непріятеля, который только того и ожидалъ. Однако дѣло до такой крайности не дошло. По прошествіи нѣсколькихъ дней вода сдѣлалась лучше и показывалась въ большемъ количествѣ, дневныя потребности арміи въ водѣ могли уже удовлетворяться настолько что недостатокъ не былъ слишкомъ мучителенъ. Но перспектива будущаго все еще не сулила ничего кромѣ горя и лишеній. Цѣлая недѣля потребовалась на проходъ верблюдовъ на Адамъ-Крылганъ и возвращеніе оттуда; животныя эти съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе слабѣли и дѣлались ни на что негодными; стало очевидно что большую часть ихъ придется бросить на пути.

Въ нормальномъ своемъ состояніи верблюды животныя очень крѣпкія, способны поднимать огромныя тяжести, выносить большія лишенія и усталость. Но когда они уже истомлены длиннымъ тяжелымъ переходомъ, подобно верблюдамъ отряда генерала Кауфмана, они дѣлаются негодными на на что, и на возвращеніе разъ потраченныхъ силъ требуется отдыхъ цѣлыхъ мѣсяцевъ. А верблюды въ такой войнѣ которую я теперь описываю играетъ такую же роль какъ желѣзныя дороги въ войнахъ европейскихъ; съ тою однако разницей что лишившись этого единственнаго средства къ передвиженію въ пустынѣ, армія не только должна потерпѣть пораженіе, но и погибнуть безвозвратно. Въ-сто тѣхъ 600 фунтовъ что несли на себѣ верблюды въ началѣ экспедиціи, теперь рѣдкіе изъ нихъ поднимали и 200 фунтовъ, большая же часть несла всего какихъ-нибудь 100 фунтовъ; число верблюдовъ едва способныхъ передвигаться безъ всякаго выюка увеличивалось съ каждымъ днемъ.

Тяжело становилось положеніе главнокомандующаго. Отъ него зависѣла не только удача всей экспедиціи, но и жизнь каждаго человѣка въ арміи, такъ какъ пораженіе въ этомъ мѣстѣ конечно повело бы за собой гибель всего отряда, а разстояніе до Аму-Дарьи все еще не было извѣстно. Наконецъ, по прошествіи цѣлой недѣли, верблюды вернулись съ Адамъ-Крылгана

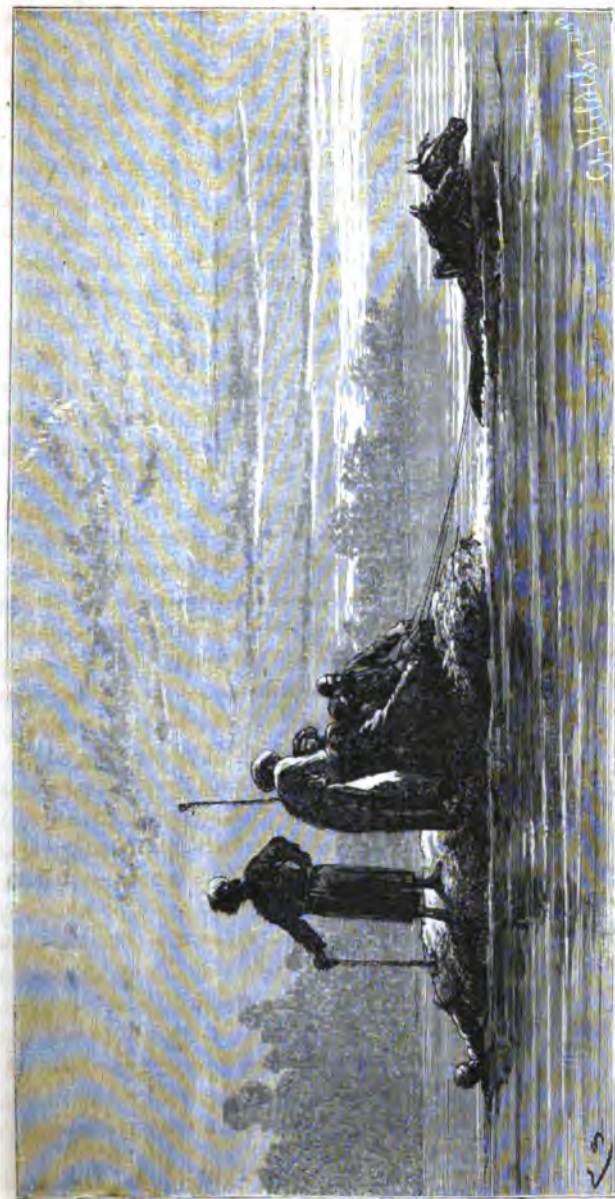
со свѣжимъ запасомъ воды, и войска вновь выступили 9го (21го) мая въ пустыню, съ тѣмъ чтобы добраться наконецъ до рѣки или полечь костью въ сылчезъ песокъ. Такъ какъ верблюды способные къ переноскѣ тяжестей не могли подаять всего обоза, то рѣшено было оставить на Алты-Кудукѣ почти весь багажъ: шесть лодокъ, захваченныхъ для переправы черезъ рѣку, два артиллерійскихъ орудія и почти весь остающійся фуражъ. Съ собой захвачено было только то въ чемъ оказывалась настоятельная и немедленная потребность.

На Алты-Кудукѣ оставлено было 2 роты лѣхоты. Вотъ почему я и засталъ на этомъ пунктѣ войска.

Отъ Алты-Кудука переходъ былъ очень тяжелъ. Въ послѣдній день предъ тѣмъ какъ подойти къ рѣкѣ войска все время были окружены туркменскою конницею, которая скакала вокругъ, еще затрудняя и замедляя шествіе. На цѣлый десятокъ верстъ армія шла впередъ при самой невыносимой жарѣ, въ то время какъ огонь поддерживался стрѣлками почти безъ перерывовъ. На этомъ-то мѣстѣ попадались мнѣ столько лошадиныхъ труловъ.

Дисциплина войскъ была превосходна. Хотя жажда довела людей почти до безумія, ни одинъ солдатъ до выдачи на то позволенія не вышелъ изъ рядовъ, когда проходили берегомъ Сардаба-Куль, маленькаго озера, неподалеку отъ рѣки, о которомъ я уже упоминалъ въ разказѣ о личныхъ своихъ приключеніяхъ. Генералъ Кауфманъ говорилъ о своихъ солдатахъ чуть не со слезами на глазахъ. По его словамъ, никакой другой солдатъ въ цѣломъ мірѣ не вынесъ бы того чему русскій солдатъ подвергся въ этомъ походѣ. И я вполнѣ раздѣляю его мнѣніе на этотъ счетъ.

Когда подошли къ рѣкѣ и безопасность войска была обезпечена, генералъ фонъ-Кауфманъ оставилъ прежній оборонительный планъ дѣйствій и принялъ положеніе наступательное; онъ приказалъ пустить нѣсколько гранатъ въ массу Туркменъ сбившихся у лодножія горъ Учъ-Учака; затѣмъ сдѣлалъ на нихъ наладеніе съ кавалеріей, главъ ихъ верстъ на 12—15 по рѣчному берегу и захватилъ одиннадцать хивинскихъ каюковъ или лодокъ, безъ которыхъ не было бы возможности совершить переправу. Отъ Учъ-Учака до Шейхъ-арыка непріятель почти не показывался, пока наканунѣ вчеромъ не было открыто его укрѣпленіе.

ПЕРЕВОЗЪ НА ОКСУСЪ. Съ рисунка Верещагина.

II. Переправа черезъ Оксусъ.

На разсвѣтѣ слѣдующаго дня мы снялись съ бивуака, но пошли не на Шурахану, какъ было предположено наканунѣ, а къ мѣсту битвы предыдущаго дня. По зрѣломъ размысленіи генераль Кауфманъ рѣшился переправиться у Шейхъ-арыка, откуда наканунѣ былъ выбить непріятель.

Такъ какъ отъ ночной стоянки до этого мѣста было всего верстъ семь, то часа черезъ два всѣ войска были уже у берега; ни мало не медля приступили къ переправѣ первой лодки съ 50 людьми на ту сторону рѣки. Это было (18го) 30го мая. Утро было ясное и не жаркое; палатки разбили у самой воды, а мы разлеглись на густой зеленой травѣ, лѣнливо слѣдя за раскинувшейся предъ нами картиной. Сцена была чрезвычайно оживленная. Солнечные лучи скользили, сверкая, по широкой рѣчной пеленѣ; на той сторонѣ неясно видѣлись густыя чащи вязовъ и фруктовыхъ деревьевъ, изъ-за которыхъ мѣстами выглядывали сѣрыя стѣны узбекскихъ жилищъ и стройный фасадъ кладбищенской мечети. Безмолвная и пустынная раскинулась по рѣчному берегу эта дикая и невѣдомая страна Хива. Лѣнливыми глазами оглядывалъ я раскрывшуюся предо мной богатую природу, припоминая всѣ слышанныя мною до той поры разказы объ этой, облеченной какою-то сказочною таинственностію странѣ; объ ея жестокихъ деспотахъ ханахъ; объ ея дикомъ фанатичномъ магометанскомъ населеніи; о красотѣ тамошнихъ женщинъ; объ удивленномъ положеніи этой страны среди песчанаго океана, дѣлавшаго ее недоступной для Европейцевъ. Дѣйствительность исчезала въ игрѣ воображенія, и я готовъ былъ ждать что вдругъ очнувшись увижу себя на другомъ полушаріи, въ нѣсколькихъ тысячахъ верстъ отъ настоящаго мѣста дѣйствія.

Странный контрастъ представляла сонная красота противоположнаго берега съ оживленіемъ, шумомъ и движеніемъ на нашей сторонѣ. Весь берегъ былъ усыпанъ лошадьми, верблюдами, казаками и солдатами; нѣкоторые изъ людей только-что подошли, другіе спускались къ водѣ, вѣзали въ каюки, тащали артиллерійскія орудія, погоняли упрявщиковъ лошадей, нагружали багажъ, приправляя все это веселыми шутками и громкими криками.

Хотя многіе изъ этихъ солдатъ никогда до тѣхъ поръ и не видали такой большой рѣки, тѣмъ не менѣе они также ловко управлялись въ ней, какъ молодые утята. Десятка два-три дюжихъ мускулистыхъ ребятъ раздѣвались, бросались въ рѣку, брались за канатъ и тащили лодку вверхъ по теченію до того мѣста откуда ее удобнѣе было отчалить; самъ же генераль фонъ-Кауфманъ сидѣлъ на своей походной скамейкѣ у рѣчного берега, и поощряя людей приговаривалъ: „молодцы.... молодцы ребята!..“

На переправу каждой лодки къ другому берегу требовалось минутъ 20, да столько же времени на возвращеніе: но при каждомъ переѣздѣ лодку относило такъ далеко внизъ по теченію что употреблялся еще чуть ли не цѣлый часъ на то чтобъ опять притащить ее къ настоящему мѣсту. Всего было три большихъ каюка, вмѣщавшихъ въ себѣ отъ 50 до 75 человекъ, и восемь маленькихъ, въ которыхъ помѣщалось не болѣе десяти человекъ.

Цѣлый день производилась переправа войска, безъ малѣйшей помѣхи со стороны непріятеля. Здѣсь ясно выказалась совершенная неспособность Хивинцевъ къ оборонѣ; иначе они никакъ не допустили бы Русскихъ такъ спокойно совершить переправу. Здѣсь имъ было бы легко засѣсть за высокимъ берегомъ, вѣв выстрѣловъ русскихъ орудій, и уничтожить каждую переправленную партію солдатъ по очереди. Артиллерию не возможно было бы защищать войска при такихъ обстоятельствахъ.

Къ вечеру благополучно было переправлено на ту сторону четыре роты солдатъ и два горныя орудія, которыя и были размѣщены въ самомъ непріятельскомъ укрѣпленіи и вокругъ него въ оборонительной позиціи. Этимъ ограждалась безопасность переправленныхъ людей на случай внезапнаго нападенія на нихъ Хивинцевъ и обезпечивалась вполнѣ переправа остальныхъ черезъ Оксусъ.

Пока мы еще не знали ничего о томъ что происходило въ Хивѣ, а воображеніе наше еще болѣе возбуждалось таинственнымъ спокойствіемъ царившимъ на противоположномъ берегу.

Думаетъ ли еще ханъ дать войскамъ серіозный отпоръ послѣ того какъ онъ допустилъ ихъ переправиться, и этимъ лишился самаго дѣйствительнаго средства къ оборонѣ? Или же онъ просто бѣжитъ и скроется въ пустыню? Никто не

могъ дать отвѣта на эти вопросы и потому можно было на досугѣ дѣлать всевозможныя предположенія о дальнѣйшемъ образѣ дѣйствій этого властелина. Мы еще не знали тогда что генералъ Веревкинъ, во главѣ Оренбургскаго отряда, быстро приближался къ городу съ другой стороны, и бѣдному хану было достаточно заботъ и ломимо насъ.

Около двѣнадцати часовъ ночи, когда все уже засыпало, внезапно затрубили тревогу. Вскочивъ на ноги и смутно соображая что это должно-быть Хивинцы рѣшились на ночное нападеніе, мы бросаемся къ оружію; но скоро оказалось что не Хивинцы, а сама рѣка поднялась на насъ. Старый Оксусъ, будто оскорбленный такой неслыханною дерзостью переправы черезъ его спокойную область, сталъ вздыматься съ вечера, готовясь захватить насъ въ рас-плюхъ во время сна. Въ теченіе трехъ часовъ вода въ немъ поднялась почти на 6 футовъ и серьезно грозила затолить насъ всѣхъ. Данъ былъ приказъ сниматься и переходить на болѣе возвышенную мѣстность, что и было исполнено посреди суматохи невообразимой. Мы съ товарищемъ, при этой непроглядной темнотѣ, очутились вдали отъ нашихъ людей и жилищковъ — несчастіе которое вовсе не было облегчено тѣмъ обстоятельствомъ что намъ пришлось влავъ переправляться съ лошадьми чрезъ каналъ, посреди верблюдовъ и казаковъ. Промокли мы до костей, и не имѣя возможности разыскать кого-нибудь или что-нибудь, мы наконецъ бросились на сырую траву, локрылись лоповами и стали ждать разсвѣта.

На слѣдующій день дѣла приняла совершенно новый оборотъ. Оксусъ разлился такъ широко, и теченіе его было такъ быстро что генералъ Кауфманъ вынужденъ былъ измѣнить планъ дѣйствій и подвинуться еще на версту вверхъ по рѣкѣ. Когда перешли туда, началась олять переправа, но уже гораздо медленнѣе чѣмъ наканунѣ. Теперь на перѣзлѣ лодки къ тому берегу и обратно требовалось цѣлыхъ три часа. Лошади по большей части переправлялись влავъ, а верблюды были почти всѣ угнаны назадъ, къ отрядамъ оставленнымъ на Алты-Кудукѣ и Хала-Атѣ. 20го мая (1го июня) переправился и я съ генераломъ Кауфманомъ и его штабомъ на лѣвый берегъ рѣки.

III. Среди Хивинцевъ.

Высадившись на той сторонѣ, мы съ Чертковымъ прямо отправились на базаръ, который въ этотъ день былъ открытъ въ первый разъ, въ отвѣтъ на дружескую прокламацію генерала Кауфмана. Последніе сутки мы ничего не ѣли кромѣ горсти хивинскаго проса. О суточномъ постѣ для человека въ нормальномъ состояніи и говорить бы не стоило: онъ и для него самого прошелъ бы незамѣтно. Но когда мы жили уже цѣлый мѣсяцъ впроголодь, успѣли потратить весь имѣвшійся въ насъ запасъ излишняго жира, 24хъ-часовая постъ дѣлается вещь уже далеко не шуточной.

Хивинцы вывезли на базаръ цѣлые воза муки и овощей, цыплятъ, овецъ, свѣжія пшеничныя лепешки „съ пылу“, абрикосы и рисъ; сахаръ, чай, огромное количество бѣлыхъ тутовыхъ ягодъ; тутъ же было много клевера и джугары для лошадей. Обыватели подвезли свои тяжелыя деревянныя тележки къ самому лагерю, и теперь стояли среди толпы солдатъ, съ которыми, очевидно, вступили въ самыя дружескія отношенія. Нѣкоторые солдаты говорили по-татарски или по-киргизски, тѣ же кто не знали этихъ нарѣчій обдѣлывали свои дѣла съ помощью мимики; когда мы явились на мѣсто дѣйствія у Хивинцевъ шелъ уже самый оживленный торгъ съ солдатами, которые за все платили, какъ я могъ замѣтить, втридорога. Откуда русскіе солдаты брали деньги, я не знаю, да и до сего дня догадаться не могу, но что за деньгами у нихъ дѣло не стояло — это я могу утвердительно сказать.

Мы съ Чертковымъ успѣли купить себѣ нѣсколько фунтовъ муки, барана, телянка, огромное количество горячаго хлѣба, бухарскаго меда, горы абрикосовъ и тутовыхъ ягодъ, словомъ, такое количество всякой провизіи какого стало бы на цѣлый мѣсяцъ: но мы не сомнѣвались что способны проглотить все это въ одинъ день. При мучившемъ насъ голодѣ намъ казалось даже и этого мало. Хивинцы которые вывезли провизію были сосѣдніе Узбеки; утоливъ немного свой волчій голодъ горячими лепешками съ медомъ, я съ любольствомъ сталъ оглядывать окружающій меня странный народъ.

Они всѣ по большей части были средняго роста, худше и мускулистые, съ длинными черными бородами и какимъ-то злымъ выраженіемъ въ лицахъ. Костюмъ ихъ состоялъ изъ некогда бѣлыхъ, но теперь неопредѣленнаго цвѣта, шароваръ и рубахъ какой-то бумажной матеріи, а сверхъ этого халатъ, доходившій до пятокъ. Хивинскій халатъ очень безобразенъ, дѣлается изъ какой-то матеріи вытканной мелкими желтыми и коричневыми полосами, и совсѣмъ не похожъ на красивые, яркіе халаты бухарскіе. Большая часть выхавшихъ теперь на базаръ людей были босоноги, и у каждаго на головѣ была высокая черная мерлушковая шапка въ цѣлыхъ 6—7 фунтовъ вѣсомъ. Вообще костюмъ Хивинцевъ кажется мнѣ самымъ безобразнымъ и неудобнымъ изъ всѣхъ какіе я видалъ до сихъ поръ. Одной шапки такого вѣса достаточно чтобы затормозить дѣятельность самой свѣтлой головы; при видѣ этихъ чудовищныхъ головныхъ уборовъ отсталость ихъ цивилизаціи стала мнѣ влоадѣ понятна. Халаты ихъ не только безобразно длинны, но и чрезвычайно неудобны; они почти всегда положены на вату и, насколько мнѣ случалось видѣть, не снимаются никогда, даже въ самыя сильныя жары и когда владѣльцы ихъ заняты какой-нибудь ручною работою.

Къ Русскимъ относились они очень дружелюбно, и не только не боялись своихъ любѣдителей, но не стѣсняясь еще требовали несообразныя цѣны за все вывезенное на продажу. Вначалѣ они думали что Русскіе станутъ по-просту, безъ всякой платы, брать все что пожелаютъ, не исключая и жезъ туземцевъ, что по понятіямъ послѣднихъ было бы совершенно въ порядкѣ вещей, представляло бы образъ дѣйствій которому они, конечно, послѣдовали бы сами. Когда же они увидѣли что бояться имъ нечего, то съ истюю азіатскою сметливостью стали вытягивать изъ Русскихъ всевозможную для себя выгоду.

Да говоря правду, я и самъ удивленъ былъ сдержанностію Русскихъ и строгою законностію руководившею здѣсь всѣми ихъ дѣйствіями.

Генераль Кауфманъ, подойдя къ рѣкѣ, издалъ прокламацію въ которой увѣрялъ обитателей ханства что если они будутъ спокойно сидѣть по домамъ, то ихъ никто не обезлютитъ; что собственность ихъ и жены будутъ неприкосновенны, и что Русскіе будутъ платить чистыми деньгами за

поставку фуража въ лагерь и за всю вывозимую на продажу провизію. Главнокомандующій предупредилъ однако что если русскимъ войскамъ придется самимъ ходить на фуражировку, то они будутъ брать все нужное бесплатно, а дома покинутые обитателями будутъ сожигать. Вывезенные теперъ припасы были отвѣтомъ на эту прокламацію.

Въ самихъ солдатахъ не видавъ было никакого расположенія идти въ разрѣзъ съ обѣщаніями главнокомандующаго. Не было ни малѣйшаго поползновенія взять что бы то ни было силой. Они безропотно платили требуемыя за вещи деньги, будто и не предполагая возможности другаго обхожденія съ побѣжденнымъ врагомъ.

Русскій солдатъ по природѣ своей не свирѣлъ и не кровожаденъ, а скорѣе добръ и кротокъ; я не разъ видалъ во время кампаніи противъ Тумутовъ примѣры того какъ русскіе солдаты добросердечно относились къ туркменскимъ дѣтямъ.

Хивинцы вначалѣ отказывались отъ русскихъ бумажныхъ денегъ, которыхъ никогда прежде не видали, да и не понимали ихъ цѣнности. Мелкія же серебряныя монеты, какъ-то двугривенныя, пятиалтынные и гривенники, которыхъ у Русскихъ было множество, Хивинцы брали съ удовольствіемъ. Русскій двугривенный охотно принимался за мѣстную монету „тенгу“. Изъ принесенныхъ Хивинцами съѣстныхъ припасовъ всего замѣчательнѣе были бѣлыя тутовыя ягоды совершенно особаго рода, которыя нигдѣ еще до тѣхъ поръ мнѣ не попадались. Также оригинальны были и пшеничныя ихъ лепешки. Онѣ дѣлались изъ непросѣянной муки, замѣшанной просто на водѣ; тѣсто это раскатывалось на тонкіе круги, величиной съ обыкновенную столовую тарелку и прилекалось до бурога оттѣнка въ хивинскихъ печахъ. Это единственный хлѣбъ приготовляемый въ Хивѣ и онъ чрезвычайно вкусенъ пока горячъ.

У Шейхъ-арыка салы не доходятъ болѣе чѣмъ на полверсты до укрѣпленія, у котораго мы расположились. Здѣсь не было ни деревьевъ, ни травы, и вообще намъ было гораздо хуже чѣмъ на правой сторонѣ рѣки. Пыль была невообразимая, чуть ли не хуже чѣмъ на Хала-Атѣ. Берега каналовъ, состоящіе изъ сухой мягкой земли, были разбиты въ пыль сначала хивинскою конницею, потомъ Русскими; наконецъ лыль эта дошла до фута глубины и вѣтеръ носилъ ее такими густыми тучами что они, казалось, готовы были все

завалить и всѣхъ задушить. Я еще никогда въ жизнь мою не страдалъ такъ отъ пыли какъ въ это время; а свѣжая зелень садовъ, прохладная тѣнь вязовъ видѣлась всего въ какой-нибудь полуверстѣ отъ насъ, но туда не позволено было заходить, и это дѣлало контрастъ еще болѣе тяжелымъ.

Фортъ на Шейхъ-арыкѣ оказался весьма маленькимъ укрѣпленіемъ. Онъ былъ всего футовъ 30 въ діаметрѣ—совершенный игрушечный домикъ, никуда не годный для защиты. Однакоже это мѣсто могло служить серьезнымъ пунктомъ обороны, еслибы ханскія войска сумѣли извлечь пользу изъ его положенія. Шейхъ-арыкѣ, какъ показываетъ самое названіе, есть каналъ, хотя въ настоящее время пересохшій. Прежде по немъ шла вода изъ рѣки во внутренность ханства, да и теперь вода могла бы его наполнить во время половодья. Берега его, отъ 20 до 30 футовъ вышины, идутъ на нѣкоторое разстояніе параллельно съ рѣкой, и образуютъ такимъ образомъ высокій земляной валъ. За одними этими валами очень долгое время можно бы выдерживать натискъ Русскихъ и выстрѣлы шести-фунтовыхъ гранатъ; сооруженіе же этого укрѣпленія, черезъ тонкія стѣнки котораго гранаты пролетали какъ черезъ картонъ, только служило яснымъ доказательствомъ полнѣйшаго невѣжества Хивинцевъ въ военномъ дѣлѣ.

IV. Сады.

Мы стояли уже третій день на Шейхъ-арыкѣ, когда вдругъ Хивинцы прекратили подвозъ припасовъ. Такъ какъ черезъ это вся армія лишалась пищи, то вынуждены были принять дѣятельныя мѣры для добытія провизіи, и генераль Кауфманъ приготовился привести въ дѣйствіе свою угрозу насчетъ фуражировки. Оказалось что ханскія войска, оправившись нѣсколько отъ перваго страха, вернулись въ эти мѣста и грозили смертью всякому кто вывезетъ что-нибудь Русскимъ на продажу.

Тогда главнокомандующій выслалъ на рекогносцировку и фуражировку небольшой отрядъ, изъ 900 человекъ пѣхоты, 250 казаковъ при двухъ четырехъ-фунтовыхъ орудіяхъ, подъ командой полковника Чайковскаго. Казакамъ данъ

былъ приказъ производить фуражировку, но отнюдь не брать силой ничего что можно будетъ получить за деньги. Имъ дано было позволеніе брать все изъ покинутыхъ домовъ, а офицеръ долженъ былъ оловѣщать всѣмъ обывателямъ еще разъ что если не будутъ немедленно доставлены припасы на продажу, то войска придуть и возьмутъ ихъ силою, безо всякой платы. Пѣхота должна была подвинуться во внутрь страны, сдѣлать рекогносцировку мѣстности и попытаться вызвать неприятеля на бой.

Мы выступили изъ лагеря около полудня 22го мая (3го июня). До этихъ поръ мы имѣли еще весьма смутное понятіе объ оазисѣ и его обитателяхъ, такъ какъ пройденная нами часть праваго берега рѣки не была заселена, а сады лѣваго берега не доходили до самой рѣки. Мы ничего еще не видали кромѣ неподвижныхъ деревъ вдаль, за которыми скрывалась эта таинственная страна. Почти все наше понятіе объ ней основывалось на однихъ догадкахъ. Теперь мы подходили къ ея знаменитымъ садамъ. Переѣхавъ чрезъ отдѣлявшую насъ отъ нихъ небольшую полосу земли, которая изрѣзана была каналами по всѣмъ направленіямъ, мы переправились по мосту, перекинутому чрезъ узкій, глубокій каналъ, выѣхали на хорошо содержавшуюся, но пыльную дорогу, и вскорѣ очутились въ густонаселенной части обитаемой Хивы.

Переходъ отъ раскаленныхъ песковъ къ прохладѣ и свѣжести зеленой листвы совершился почти внезапно. Появились небольшія засѣяныя волнующіяся поля, всевозможныя фруктовыя деревья, склонившіяся подъ тяжестью спѣлыхъ или еще зеленыхъ плодовъ; высокіе столѣтніе вязы, раскинувшіе свои широкія вѣтви съ густой массой листвы надъ маленькими бассейнами воды; изъ-за зелени стали выглядывать сѣрыя стѣны туземныхъ жилищъ. Восторгъ нашъ при вступленіи въ нѣдра этой страны, впервые открытой взорамъ Европейцевъ, могъ развѣ только сравняться съ восторгомъ Колумба при видѣ Новаго Свѣта: на всемъ заѣсь лежала печать новизны и своеобразности и со всего готовилась спастись пелена неизвѣстности, застилавшая до сихъ поръ этотъ затерянный въ пескахъ оазисъ отъ глазъ цивилизованнаго міра. Надъ дорогой свѣшивались туловыя деревья, обсыпанные сладкими бѣлыми ягодами, массы темнозеленой листвы яблонь, абрикосовыя деревья, погнувшіяся подъ тя-

жестью безчисленныхъ румяныхъ плодовъ, и вишни со множествомъ красныхъ спѣлыхъ ягодъ. Стройные молодые тополи тянулись къ небу, а свѣтлые ручейки, освѣненные кустарникомъ, разбѣгались свѣтло по всѣмъ направленіямъ. Послѣ красноватаго отблеска раскаленныхъ сылучихъ песковъ, къ которому уже успѣли привыкнуть наши глаза, окружающая мѣстность казалась Эдемскимъ садомъ.

Часть оазиса въ которую мы вступили заселена Узбеками. Ихъ жилища и дворы огорожены крѣпкими стѣнами, отъ 15 до 20 футовъ въ высоту, укрѣпленными массивными бѣлками и угловыми башнями. Входъ въ эти дома одинъ, подъ сводомъ, залирающійся очень тяжелою деревянною дверью. Стѣны сдѣланы изъ особаго рода убитой глины, которая со временемъ становится очень твердою. Глина эта обдѣлана не въ видѣ маленькихъ кирпичиковъ, какъ мексиканскіе „адобы“, но тяжелыми глыбами, похожими на гранитъ, футовъ трехъ-четырехъ въ квадратъ и такой же толщины. Во дворѣ, огороженномъ такимъ образомъ, устроены стойла для лошадей, рогатаго скота, овецъ и прочихъ домашнихъ животныхъ, и жилище самихъ людей. При домѣ всегда находится маленькій бассейнъ чистой прозрачной воды, образующій четырехугольникъ футовъ тридцати-сорока въ квадратъ, освѣненный нѣсколькими тѣнистыми вязами.

Хивинскіе вязы очень красивы. Многіе изъ нихъ повидавшему живутъ уже не первую сотню лѣтъ. Подъ этими деревьями въ лѣтнее время семейство Узбека проводитъ почти все свое время; здѣсь готовится лица, тутъ же она поѣдается; здѣсь проводятся всѣ досужіе часы, которыхъ не мало выпадаетъ въ жизни Узбека; здѣсь же работаютъ женщины, прядутъ и сучатъ золотыя нити шелковичнаго червя. Внутри дома Узбековъ мрачны и печальны, такъ какъ освѣщены бываютъ одними маленькими отверстіями въ стѣнахъ: оконныя стекла составляютъ неизвѣстную здѣсь роскошь. Часто дома эти убраны множествомъ ковровъ, яркими циновками, одѣялами и подушками, которыя дѣлаютъ ихъ очень комфортабельными.

Мы вѣхали въ первый попавшійся по дорогѣ узбекскій дворъ — ворота были открыты настежь — и нашли въ немъ нѣсколько мушкетеровъ, спокойно возсѣдавшихъ подъ вязами у маленькаго бассейна. Сначала они было немного перелугались, поднялись и стали смиренно отвѣшивать поклоны. Пол-

ковникъ объяснилъ имъ что мы выѣхали за припасами и спросилъ отчего перестали они сами вывозить ихъ на продажу. Они отвѣчали что ханъ обѣщалъ рубить головы всѣмъ кто станетъ продавать что бы то ни было Русскимъ. Тогда полковникъ Чайковскій приказалъ имъ привозить въ лагерь все что у нихъ найдется на продажу, обѣщая позаботиться объ ихъ безопасности. Они выразили готовность повиноваться, и мы перѣехали къ слѣдующимъ домамъ, гдѣ повторялась та же самая сцена.

Нѣсколько домовъ нашли мы покинутыми ихъ обитателями; въ рѣдкихъ изъ нихъ попадалось что-нибудь кромѣ голыхъ стѣнъ. Тѣмъ временемъ казаки разсыпались по сторонамъ для фуражировки, а пѣхота шла дальше на рекогносцировку.

Мѣстность которою мы проѣзжали представляла всѣ средства къ защитѣ; знай только Хивинцы какъ съ пользою примѣнить къ дѣлу всѣ эти выгоды, они могли бы дать Русскимъ отпоръ не шуточный. Чуть ли не на каждыхъ десяти саженьяхъ по дорогѣ попадались мосты, которые имъ бы слѣдовало разрушить; по всѣмъ направленіямъ тянулись стѣны, заборы, изгороди, чащи деревьевъ и кустарниковъ, множество домовъ наконецъ, за которыми масса людей могла бы найти себѣ прикрытіе. Русская кавалерія оказалась бы въ такомъ случаѣ совершенно бесполезною, а тяжелыя мѣдныя орудія Хивинцевъ, до жерла набитыя желѣзными черелками, на такомъ разстояніи были бы также дѣйствительны какъ и русскія гранаты. Каждый домъ представлялъ уже готовое укрѣпленіе, стѣны котораго приходилось бы осаждать и штурмовать съ вѣрною потерей для Русскихъ и почти безо всякой невыгоды для осажденныхъ. Конечно, Русскіе въ концѣ концовъ все-таки одолѣли бы всякое сопротивленіе, но понесли бы весьма значительную потерю; а ихъ было очень немного, сравнительно съ массой Хивинцевъ. Еслибы такого рода война продолжалась нѣсколько дней, то численность Русскихъ такъ сократилась бы что она не имѣла бы возможности извлечь какую бы то ни было выгоду изъ своей побѣды.

Но Хивинцы не обнаруживали ни желанія, ни способности защищаться: Русскіе не встрѣчали въ своемъ движеніи почти никакихъ преградъ. Нашъ маленькій отрядъ шелъ все впередъ зелеными полями роскошной пшеницы, риса и ячменя; избородженная и изрытая колеями дорога окайм-

лена была съ обѣихъ сторонъ тутовыми деревьями, съ которыхъ солдаты срывали на ходу слѣдьяя ягоды. Мѣстами дорога пролегла между глиняными стѣнами, чрезъ которыя свѣшивались вѣтви деревъ; или же она окаймлялась съ обѣихъ сторонъ глубокими каналами, полными воды, высокіе берега которыхъ покрыты были зеленью, а затѣмъ опять вѣзвалась въ чащи гигантскихъ вязовъ, тяжелая листва которыхъ освѣжала насъ прохладною тѣнью. Такъ какъ дожди въ этихъ мѣстахъ почти никогда не перепадываютъ, то дорога была чрезвычайно суха, и мы взбивали на ходу цѣлыя облака пыли, которая поднималась высоко надъ деревьями и издали предупреждала Хивинцевъ о грозящей имъ расправѣ.

Наконецъ когда мы подвинулись верстъ на десять внутрь страны, намъ начали попадаться слѣды непріятели. Мы встрѣчали множество покинутыхъ домовъ, хозяева которыхъ обращены были въ бѣгство хивинскими войсками. Иногда изъ-за стѣны выскакивалъ одинъ-другой всадникъ, мчался по дорогѣ, и тутъ же, какъ метеоръ, исчезалъ въ облакѣ пыли. Потомъ непріятельская конница стала показываться во множествѣ межъ деревьевъ, развѣзжая садами по обѣ наши стороны.

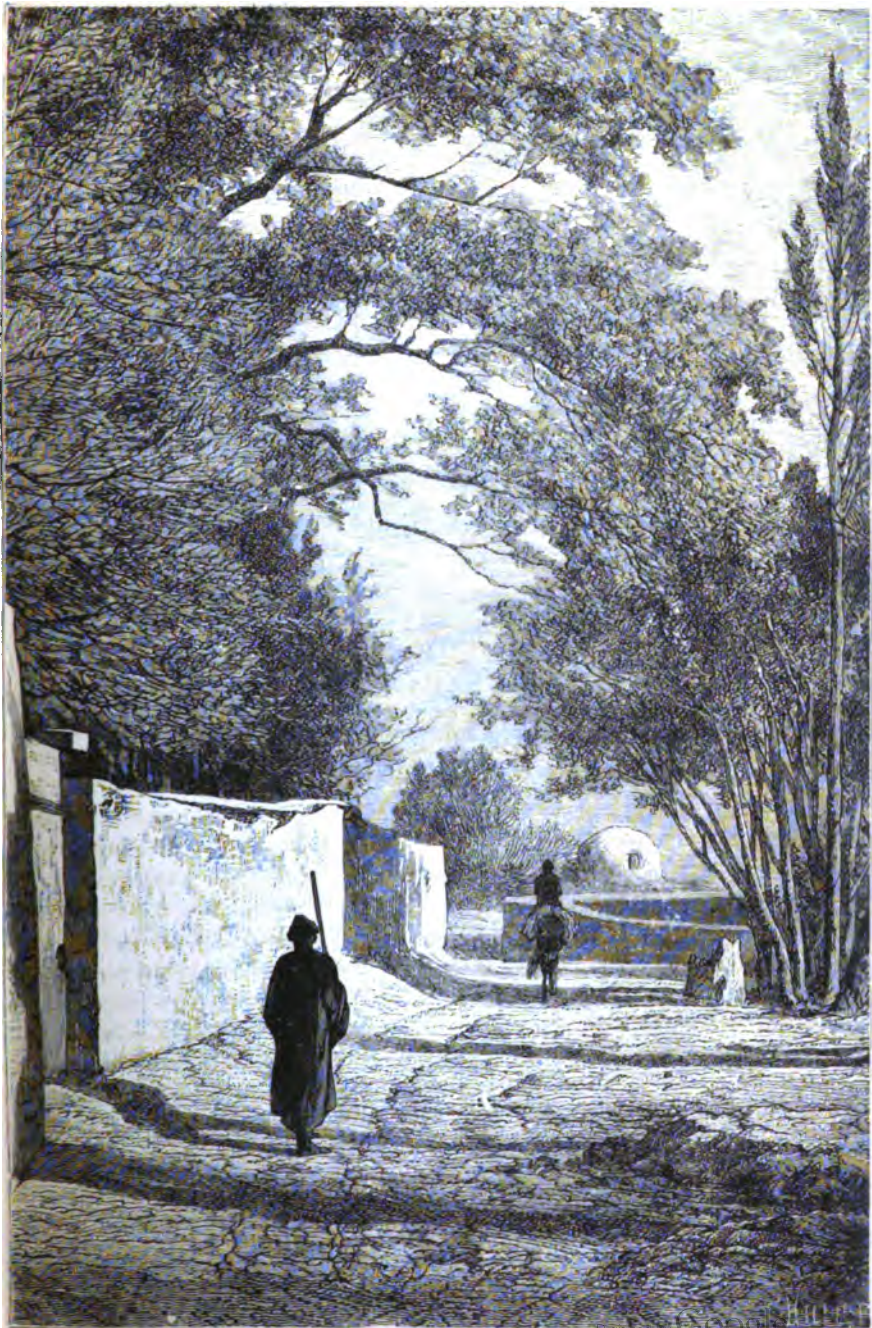
Съ нашей стороны была послана впередъ цѣль стрѣлковъ, и почти въ ту же минуту въ воздухѣ пронесся звенящій рѣзкій звукъ выстрѣловъ изъ винтовокъ. Царившее до тѣхъ поръ безмолвіе мгновенно смѣнилось гикальемъ и криками многихъ тысячъ Хивинцевъ, рассыпанныхъ кругомъ. Сквозь листву деревьевъ мы могли видѣть какъ Туркмены, въ высокихъ шалкахъ, развѣзжали, верхомъ на великолѣпныхъ коняхъ, партиями человекъ въ 15 — 20; крики ихъ должны были раздаваться на цѣлыя версты кругомъ. Судя по шуму который они производили, можно бы подумать что мы окружены многими тысячами непріятели. Я ждалъ съ минуты на минуту что по насъ будетъ открытъ огонь изъ-за стѣнъ и возвышенныхъ береговъ каналовъ; однако, если и былъ у нихъ подобный планъ дѣйствій, то наша стрѣлковая рота не допустила ихъ до исполненія, и колонна не переставала подвигаться. Продолжалось это чуть ли не на разстояніи цѣлыхъ пяти верстъ.

Наконецъ вышли мы на открытое мѣсто около трехъ четвертей версты шириною, по которому дорога наша пролегла узкою полосой, немного возвышенною надъ общимъ уровнемъ

лочки. Вдали шли опять деревья, сады и дома, и у нихъ-то большими массами въ нѣсколько тысячъ человекъ сбились Туркмены, собираясь, повидимому, вступить съ нами въ битву. Они пострѣливали изъ своихъ тяжелыхъ фитильныхъ ружей, извѣстныхъ у Русскихъ подъ названіемъ фальконетовъ. По нѣскольку такихъ фальконетовъ было установлено на колеса, какъ пушки, и когда изъ нихъ выстрѣливали зарядъ, то это нѣсколько напоминало собой митральезу. На близкомъ разстояніи они способны были причинять значительный вредъ; но теперь они отстояли слишкомъ далеко чтобы сколько-нибудь вредить намъ.

Наши два маленькія артиллерійскія орудія были вывезены впередъ и стали метать гранаты. Двѣ изъ нихъ догнали среди Хивинцевъ, и они въ страхѣ рассыпались во всѣ стороны. Затѣмъ непріятель засѣлъ за стѣны, рѣшившись, повидимому, выдержать осаду, но не выказывая все-таки никакого расположенія къ нападению. Мы были теперь вблизи города и укрѣпленія Хазаръ-Аспа, но силы наши были слишкомъ незначительны чтобы можно было рѣшиться на приступъ. Полковникъ, уже давшій знать въ лагерь что онъ попалъ на непріятеля и ждетъ подкрѣпленія, рѣшился выжидать приказа для дальнѣйшихъ дѣйствій.

Итакъ, обѣ стороны стояли одна противъ другой почти въ продолженіе цѣлаго часа, и во все это время стрѣлковая цѣль поддерживала бѣглый огонь по непріятелю. Меня удивляло что Хивинцы не пускали въ ходъ свою артиллерию, такъ какъ на разстояніи раздѣлявшемъ насъ теперь не только мелкія ядра, но даже выстрѣлы жеребейками и камнями произвели бы не малое дѣйствіе; боялись ли они что мы завладѣемъ ихъ орудіями, или просто и сами на нихъ не полагались, но ни одного изъ нихъ они не вывезли впередъ. Время уже близилось къ вечеру, а мы были верстахъ въ десяти отъ лагера; полковникъ Чайковскій рѣшилъ что благо-разумнѣе отступить. Хивинцы слѣдовали такъ близко за нами что арьергардъ все время принужденъ былъ поддерживать по нимъ огонь. Изъ числа непріятелей нѣсколько человекъ попадали на землю, но товарищи тотчасъ же ихъ подбирали. Изъ одного дома у дороги по насъ данъ былъ выстрѣлъ; пуля попала въ одного офицера и такъ тяжело его ранила что онъ вскорѣ затѣмъ умеръ — единственная потеря которую мы имѣли въ этотъ день.

ВИДЪ НА ОАЗИСЪ. Съ рисунка Верещагина.

Пройдя версты пять обратно къ лагерю, мы встрѣтили Великаго Князя Николая Константиновича, который слышалъ къ намъ съ подкрѣпленіемъ. Онъ очень огорчился видя что мы уже повернули къ лагерю, и настаивалъ чтобы возвратиться назадъ и напасть тотчасъ же на Хазарь-Аспъ. Отъ этого его, однако отговорилъ полковникъ Чайковскій, убѣдивъ его что въ этотъ вечеръ слишкомъ поздно идти на приступъ укрѣпленія.

Тѣмъ не менѣе, однако, мы поскакали еще разъ къ Хазарь-Аспу, такъ какъ Великому Князю хотѣлось познакомиться съ мѣстностью и посмотреть расположенъ ли непріятель удерживать свою позицію. Дорогой мы наѣхали на тѣло убитаго Туркмена, лежавшее у самой дороги. Онъ слишкомъ близко подошелъ къ отступающему арьергарду и ему прострѣлили голову. Паденіе его, должно-быть, не было замѣчено его товарищами, иначе его конечно увезли бы отсюда, такъ какъ у нихъ считается постыднымъ оставлять своихъ убитыхъ и раненыхъ въ рукахъ непріятеля. Тѣло это лежало въ грязи у дороги, пыльное, грязное и отвратительное.

V. Хазарь - Аспъ.

Такъ какъ черезъ рѣку было уже переправлено достаточное количество войска, то генералъ Кауфманъ рѣшилъ на слѣдующій же день идти на Хазарь-Аспъ. Этимъ же временемъ были наконецъ получены извѣстія о генералѣ Верекинѣ, командующемъ Оренбургскимъ отрядомъ: онъ взялъ Кууградъ и подходилъ теперь къ столицѣ ханства.

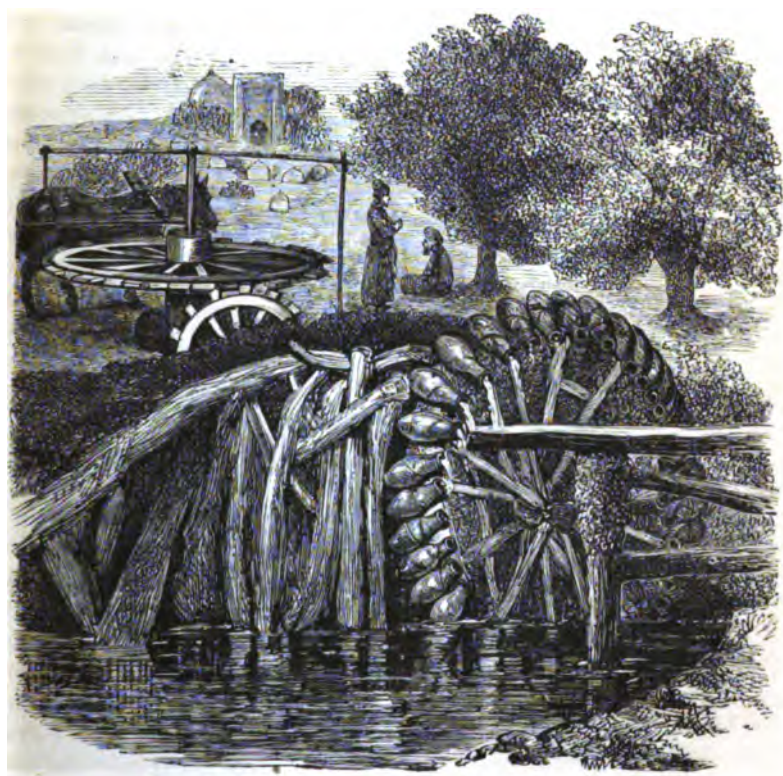
Генералъ фонъ-Кауфманъ разказалъ мнѣ прелюбопытную исторію о томъ какимъ путемъ до него дошло письмо генерала Верекина: случай этотъ служить весьма вѣрною характеристикой туземныхъ нравовъ. Трое киргизскихъ джигитовъ, съ которыми письмо это было послано, попались ханскимъ войскамъ, и письмо было перехвачено вмѣстѣ съ небольшою суммой бумажными денегами. Джигитовъ этихъ привели въ Хиву на судъ хана и главныхъ сановниковъ ханства. На вопросъ, зачѣмъ ѣхали они къ Русскимъ, они отвѣчали что ѣхали не къ нимъ, а въ Бухару, чтобы собрать тамъ деньги

за барановъ, запроданныхъ прежде. Но такъ какъ они не могли представить удовлетворительнаго объясненія какимъ образомъ къ нимъ попали бумага, то ихъ самихъ отправили подъ стражу, а по дѣлу о захваченныхъ бумагахъ былъ созванъ большой военной совѣтъ.

Бумагъ этихъ, конечно, никто не могъ прочесть. Наконецъ призванъ былъ въ качествѣ эксперта одинъ бывший въ Россіи хивинскій купецъ, для того чтобы хоть черезъ него узнать о содержаніи этихъ бумагъ. Купецъ оказался человекомъ смѣтливимъ. Хотя прочесть бумагъ онъ также не могъ, но тутъ же сообразилъ что въ письмѣ должны заключаться важныя сообщенія, посылаемыя отъ одной наступающей арміи къ другой, и рѣшилъ забрать его въ свои руки. Осмотрѣвъ бумага съ большою тщательностію и вниманіемъ купецъ серьезнѣйшимъ образомъ заявилъ совѣту что письмо было просто клочкомъ бумаги, не имѣющимъ ни малѣйшей цѣны и значенія; но что 10ти- и 25-тирублевые кредитныя билеты суть весьма важныя документы, которые надо старательно беречь до той поры пока найдется человекъ способный ихъ прочесть. Когда ему удалось такимъ образомъ отвлечь вниманіе совѣта отъ письма, онъ стянулъ его подъ полу халата и унесъ съ собою. Прежде чѣмъ успѣли хватиться письма, онъ отправилъ его съ вѣрнымъ человекомъ генералу Кауфману, который тѣмъ временемъ переправлялся черезъ рѣку.

На слѣдующее утро съ солнечнымъ восходомъ выступили мы къ Хазарь-Аспу. Идя по той же дорогѣ какъ наканунѣ, мы скоро подошли къ мѣсту дѣйствія предыдущаго дня. Тѣло мертваго Туркмена все еще лежало въ грязи у дороги. Повидимому, непріятель сюда не возвращался: они бы и въ какомъ случаѣ не оставили тѣло товарища безъ погребенія. На томъ мѣстѣ гдѣ они толпились наканунѣ въ такомъ множествѣ, теперь мы не нашли никого. Предполагали что они отступили въ крѣпость Хазарь-Аспъ. По слухамъ, твердыня эта была очень крѣпка, стояла на островѣ посреди большаго озера и имѣла всего одинъ входъ. Надо было думать что если непріятель имѣетъ желаніе сразиться, то онъ именно на этомъ пунктѣ сосредоточилъ свое сопротивленіе.

На полупути къ Хазарь-Аспу попались намъ два посла, высланные оттуда намъ на встрѣчу. Самыя фигуры ихъ выра-

ОРОСИТЕЛЬНОЕ КОЛЕСО.

жали приближенную покорность, когда, съѣхавшись съ авангардомъ, они сошли съ своихъ богато убранныхъ коней и подходили къ намъ, снявъ шалки и низко кланяясь. Ихъ подвели къ генералу Головачеву, который, выслушавъ что они имѣли сказать, переслалъ ихъ въ свою очередь къ главнокомандующему, но продолжалъ свое движеніе. Послы эти высланы были Сеидъ-Эмиръ-Уль-Умаромъ, комендантомъ крѣпости и губернаторомъ Хазаръ-Асла, который приходился дядей хану, съ заявленіемъ о сдачи крѣпости. Самъ комендантъ уѣхалъ уже въ Хиву. Сдача крѣпости была принята, но все-таки главнокомандующій, привычный ко всѣмъ хитростямъ среднеазиатскаго образа веденія войны, не уступилъ изъ вида ни малѣйшей предосторожности на случай какой-нибудь предательской уловки.

Утро было ясное и теплое, ѣхали мы все время фруктовыми садами, гдѣ воздухъ былъ пропитанъ чуднымъ запахомъ цвѣтовъ; шествіе наше гораздо болѣе напоминало собою пикникъ, нежели походъ въ суровое военное время. По дорогѣ попадались нѣсколько покинутыхъ домовъ, но по большей части обыватели спокойно возсѣдали у дверей на земаѣ, поднимались при нашемъ появленіи и съ важностію отвѣщивали намъ поклоны.

Около десяти часовъ мы уже были въ виду крѣпости; изъ-за деревъ она нѣсколько напоминала собою Виндзорскій замокъ: такъ величественны казались ея стѣны, искривленныя и неправильныя, подпертыя тяжелыми быками и окруженныя водой. Замѣтивъ нѣсколько человѣкъ на стѣнахъ, мы немного пріостановились; хотя крѣпость была уже сдава, но генералъ Кауфманъ далеко еще не былъ увѣренъ что тутъ не подготовлялось какой-нибудь измѣннической продѣлки. Принявъ необходимыя предосторожности, армія тронулась опять и вошла въ длинную, крытую и очень узкую улицу, обрамленную съ обѣихъ сторонъ одинокимъ рядомъ домовъ и замокъ, образующую нѣчто въ родѣ плотины надъ водою и служащую входомъ въ крѣпость. Мы потянулись изогнутою линіей, все еще подозрѣвая западню; круто повернувъ раза два-три вправо и влѣво, мы очутились предъ главнымъ входомъ. Это были тяжелые, массивные ворота съ башнями по бокамъ изъ кирпича, обложеннаго глиной. Въ самыхъ воротахъ видѣлось нѣсколько круглыхъ отверстій, пробитыхъ

вѣроятно пушечными ядрами во время какой-нибудь старинной осады.

Генералъ Кауфманъ, въ сопровожденіи своего штаба и небольшого числа пѣхоты, вѣхалъ въ ворота, обѣхалъ внутреннюю сторону крѣлости и, повернувъ нѣсколькими очень узкими, изогнутыми улицами, сошелъ съ лошади въ маленькомъ дворѣ. Пройдя цѣлый рядъ узкихъ темныхъ корридоровъ, мы очутились на главномъ дворцовомъ дворѣ Хазарь-Асла. Дворъ этотъ былъ всего футовъ тридцати шириной при пятидесяти длины, и южная его сторона была вся занята большою приемою залой, образованною просто высокимъ портикомъ, открытымъ съ сѣверной стороны, ко двору. Вокругъ этого двора расположены были дворцовые покои, гаремъ и конюшни. Здѣсь генералъ Кауфманъ принималъ главныхъ мѣстныхъ сановниковъ и муллъ, которые пришли для переговоровъ. Онъ объявилъ имъ что если они спокойно покорятся, не оказывая никакого сопротивленія, то жизнь, собственность и жены ихъ будутъ пощажены, такъ какъ Русскіе пришли не завоевывать Хиву, а наказать хана. Заявленіе это встрѣтили они съ полнымъ уловольствіемъ и ушли успокоенные.

Такимъ-то образомъ сдѣлся Хазарь-Аслъ, пунктъ несравненно лучше укрѣпленный чѣмъ Хива. Большая часть офицеровъ были чрезвычайно раздосадованы подобнымъ исходомъ дѣла, но все еще утѣшали себя надеждой что въ самой Хивѣ встрѣтится намъ сопротивленіе отчаянное.

Въ Хазарь-Аслѣ всего около пяти тысячъ жителей. Это маленькій, построенный изъ убитой глины городъ, весь окруженный крѣпостными стѣнами. Крѣпость почти вся окружена широкимъ, но тинистымъ озеромъ; она лежитъ верстахъ въ 12—15ти отъ рѣки и въ шестидесяти отъ Хивы. Пунктъ этотъ считается однимъ изъ самыхъ значительныхъ въ ханствѣ. Обитатели были очень робки въ началѣ, боясь что ихъ все-таки всѣхъ перерѣжутъ; скоро однако они ободрились и въ тотъ же день открыли базаръ. Многіе изъ окрестныхъ Узбековъ скрылись въ стѣнахъ укрѣпленія со всею своею движимостию, предполагая что мѣсто это стануть отстаивать; теперь они начали развѣзаться по домамъ. Городскіе дома были очень бѣдны и не представляли и половины тѣхъ затѣй что находили мы въ просторныхъ сельскихъ жилищахъ Узбековъ.

О подпискѣ на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ въ 1875

Годовое изданіе РУССКАГО ВѢСТНИКА, состоящее двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, будетъ стоить въ Москвѣ и Петербургѣ, безъ доставки, **пятнадцать рублей**; съ доставкою на домъ въ Москву **шестнадцать рублей** и съ почтовою пересылкою во всѣ мѣста Россіи **семнадцать рублей**.

Заграничные высылаютъ за доставку въ государства Германскаго Почтового Союза—18 р.; въ Италію, Бельгію, Нидерланды, Швейцарію, Сербію и Румынію—19 р.; въ Англию, Данію, Швецію, Грецію, Европейскую Турцію и Францію—20 р. 50 к.; въ Испанію, Португалію, Норвегію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты—21 р. 60 к. Въ прочія мѣста за границую по предварительному соглашенію съ редакціей.

Подписка на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ принимается:

ВЪ МОСКВѢ:

Въ конторѣ Университетской Типографіи, на Страстномъ Бульварѣ; въ книжной лавкѣ И. Г. Соловьева (бывшей Базумова), на Страстномъ Бульварѣ, въ домѣ Алексѣева.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ книжной лавкѣ Базумова, на Невскомъ Проспектѣ, у Кавалерскіа моста, домъ № 30.

Въ почтовыхъ мѣстахъ Имперіи подписка на Русскій Вѣстникъ не принимается.

Иногородные адресуются исключительно: въ редакцію РУССКАГО ВѢСТНИКА, въ Москвѣ.

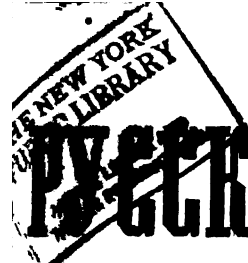
О подпискѣ на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ въ 1875

Цѣна за МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ на 1875 годъ въ Москвѣ, безъ доставки на домъ, на 12 мѣсяцевъ, безъ объявленій **тринадцать рублей сер.**; съ доставкой на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкою во всѣ мѣста Россіи **шестнадцать рублей сер.**; съ казенными скидками, издаваемыми особо три раза въ недѣлю, цѣна за доставку **пятнадцать рублей**; съ доставкою и казенными скидками **восемнадцать рублей сер.**

Подписка на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской типографіи на Страстномъ Бульварѣ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Каткова и др.)
на Страстномъ Бульварѣ.

Содержание

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ.

ТОМЪ ОТО ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

1875

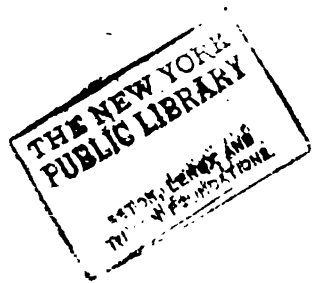
А П Р Ъ Л Ъ.

СОДЕРЖАНИЕ:

- I. КАКЪ УСТАНОВИЛОСЬ ЕДИНОДЕРЖАВІЕ ПЕТРА. М. П. Погодина.
- II. О ПРАВАХЪ НЕЙТРАЛЬНЫХЪ. Гл. I—II. Ю. А. Новосильцова.
- III. ЗАКОНЪ И ЖЕНЩИНА. Романъ Виуки Коллинза. Переводъ съ англійскаго. Окончаніе.
- IV. ОТЕЦЪ И СЫНЪ. Опытъ культурно-биографической хроники. Гл. I—II. М. Э. Де-Пуле.
- V. ТЕТЯ ЛЕНА. Разказъ изъ чешской народной жизни Морица Гартмана. Переводъ Н. В—ва.
- VI. АННА КАРЕНИНА. Романъ. Часть вторая. Гл. XXVIII—XXXII. Часть третья. Гл. I—X. Гр. Л. Н. Толстаго.
- VII. ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА ФРАНЦІИ ЗА ПЕРВУЮ ЧЕТВЕРТЬ ГОДА. Петра Петрова.
- VIII. РЕАЛЬНАЯ БЕЛЛЕТРИСТИКА. А.
- IX. ПАМЯТИ ПАВЛА МИХАЙЛОВИЧА ЛЕОНТЬЕВА.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

- I. ПАРИЖАНЕ. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. Переводъ съ англійскаго. Книга одиннадцатая, гл. IX—XIII.
- II. ВОЕННЫЯ ДѢЙСТВІЯ НА ОКСУСЪ И ПАДЕНІЕ ХИВЫ. Макъ-Гахана. Переводъ съ англійскаго (съ русскими). Часть вторая, гл. VI—XI.

О ПОДПИСКѢ

и а

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Годовое изданіе *Русскаго Вѣстника*, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, въ 1875 году будетъ стоить въ Москвѣ и С.-Петербургѣ, безъ доставки, ПЯТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ 50 КОП. съ доставкой на домъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ ШЕСТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ и съ почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи СЕМНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ.

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской типографіи, на Большой Дмитровкѣ, и въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ Бульварѣ; въ С.-Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, на Невскомъ Проспектѣ.

Иногородные адресуются **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО** въ редакцію *Русскаго Вѣстника*, въ Москвѣ. Служащимъ можетъ быть дѣлаема разсрочка, за ручательствомъ казначеевъ или начальства.

За заграничную доставку слѣдуетъ высылать кредитными рублями или въ векселяхъ на Москву, или на Петербургъ, по слѣдующему разчету:

	Р. К.
Въ государства Германскаго Почтоваго Союза	18 —
Въ Италію, Бельгію, Нидерланды, Швейцарію, Сербію и Румынію.	19 —
Въ Англію, Данію, Швецію, Грецію, Европейскую Турцію и Францію.	20 50
Въ Испанію, Португалію, Норвегію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты.	21 60
Въ прочія мѣста за границей по предварительному соглашенію съ редакціей.	

О ПОДПИСКѢ НА МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ 1875 года.

Московскія Вѣдомости будутъ выходить въ 1875 году еже-
дневно, за исключеніемъ дней слѣдующихъ за табельными
праздниками которые придутся на недѣлю, причемъ, въ случаѣ
полученія важныхъ новостей, послѣднія сообщаются читате-
лямъ въ табельные дни особыми прибавленіями. По понедѣль-
никамъ (кромя слѣдующихъ за двумя праздничными днями),
будетъ издаваться, какъ и въ нынѣшнемъ году, по одной
лицъ газеты, но безъ передовой статьи.

Въ 1875 году будетъ издаваться три раза въ недѣлю и бо-
лье, смотря по надобности, особое прибавленіе для помѣще-
нія казенныхъ объявленій. Въ этомъ прибавленіи могутъ быть
помѣщаемы и объявленія частныхъ лицъ, но текста газеты
помѣщаемо не будетъ. Желающіе получать газету съ этими
прибавленіями платятъ особо, какъ означено ниже.

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ конторѣ Универси-
тетской типографіи отъ городскихъ, и въ конторѣ редакціи
отъ иноподанныхъ и заграничныхъ подписчиковъ, на углу
Большой Дмитровки и Страстного Бульвара.

Подписная цѣна за *Московскія Вѣдомости* будутъ на 1875
годъ слѣдующія:

ВЪ МОСКВѢ, БЕЗЪ ДОСТАВКИ:

Безъ казенныхъ объявленій:		Съ казенными объявленіями:	
На 3 мѣсяца.....	3 р. 75 к.	На 3 мѣсяца.....	4 р. 50 к.
„ 6 мѣсяцевъ.....	7 „ 50 „	„ 6 мѣсяцевъ.....	8 „ 50 „
„ 12 „.....	13 „ — „	„ 12 „.....	15 „ — „

ВЪ МОСКВѢ, СЪ ДОСТАВКОЮ ЧЕРЕЗЪ РАЗНОЩИКОВЪ РЕДАКЦІИ,
ВЪ БАНДЕРОЛЯХЪ И СЪ ПОЧТОВОЮ ПЕРЕСЫЛКОЙ ВО ВСѢ МѢСТА
ИМПЕРІИ: *

Безъ казенныхъ объявленій:		Съ казенными объявленіями:	
На 3 мѣсяца.....	5 р. — к.	На 3 мѣсяца.....	5 р. 50 к.
„ 6 мѣсяцевъ.....	9 „ — „	„ 6 мѣсяцевъ.....	10 „ — „
„ 12 „.....	16 „ — „	„ 12 „.....	18 „ — „

Подписка въ Москвѣ съ доставкою черезъ разнощиковъ ре-
дакціи на одинъ мѣсяць не принимается.

* Въ этихъ цѣнахъ заключаются слѣдующіе почти 16%, подпис-
ной цѣны (съ доставкою) и сверхъ того плата за бандероль и печат-
ный адресъ.

	БЕЗЪ КАЗЕННЫХЪ ОБЪЯВЛ.		
	На 3 мѣс.	На полг.	На годъ.
Въ государства Германскаго Почтоваго Союза	6 р. 50 к.	12 р. 50 к.	23 р.
Въ Италію, Бельгію, Нидерланды, Швейцарію, Сербію и Румынію . . .	7 . 75 .	15 . — .	28 .
Въ Англію, Давію, Швецію, Европейскую Турцію, Францію и Египеть . .	9 . — .	17 . 50 .	33 .
Въ Испанію, Португалію, Норвегію, Грецію и Северо-Американскіе Соединенные Штаты	10 . 50 .	20 . — .	38 .
	СЪ КАЗЕННЫМИ ОБЪЯВЛ.		
	На 3 мѣс.	На полг.	На годъ.
Въ государства Германскаго Почтоваго Союза	8 р. — к.	14 р. — к.	28 р.
Въ Италію, Бельгію, Нидерланды, Швейцарію, Сербію и Румынію . . .	10 . — .	17 . 50 .	35 .
Въ Англію, Давію, Швецію, Европейскую Турцію, Францію и Египеть . . .	11 . 50 .	21 . — .	42 .
Въ Испанію, Португалію, Норвегію, Грецію и Северо-Американскіе Соединенные Штаты	13 . — .	24 . — .	48 .

Въ иностранная государства выше не упомянутыя подписка принимается по предварительному соглашенію съ редакціей.

Священно- и церковно-служителямъ православнаго исповѣданія въ девяти западныхъ (Виленской, Витебской, Волынской, Гродненской, Киевской, Ковенской, Минской, Могилевской и Подольской), во всѣхъ привиславскихъ и балтійскихъ (Курляндской, Лифляндской и Эстляндской) губерніяхъ редакція будетъ высылать свою газету за уменьшенную цѣну, а именно: въ годъ за 9 р., 6 мѣсяцевъ за 5 р. безъ казенныхъ объявленій, и 11 р. за годъ, 6 р. за 6 мѣсяцевъ съ казенными объявленіями.

Редакція проситъ иногородныхъ присылать адреса четко написанные, съ обозначеніемъ *ближайшей почтовой станціи, въ которой раздаются газеты подписчикамъ*, а при перемѣнѣ адреса прилагать 10 к. или почтовую марку въ ту же цѣну.

КАКЪ УСТАНОВИЛОСЬ ЕДИНОДЕРЖАВІЕ ПЕТРА

УЧАСТІЕ СТРѢЛЬЦОВЪ ВЪ УМЫСЛѢ РАСКОЛЬНИКОВЪ ПРОТИВЪ ЦЕРКВИ.—КАЗНЬ КНЯЗЕЙ ХОВАНСКИХЪ.—ИЗОЛДОВАНИЕ ДѢЛА ПЛАКОВИТАГО.—КНЯЗЬ В. А. ГОЛИЦЫНЪ.

I

Смѣлый замыселъ, при общемъ разстройствѣ вслѣдствіе стрѣлецкаго бунта, уничтожить всѣ Никоновы исправленія и привести всѣ церковныя дѣла въ первобытное положеніе, какъ они были до царя Алексѣя Михайловича, грозилъ великимъ смущеніемъ не только въ церкви, но и въ государствѣ.

Кому же принадлежитъ этотъ замыселъ? Кто былъ зачинщикомъ?

Выслушаемъ сперва свидѣтелей:

Матѣевъ: „Тогда же (послѣ перваго бунта) объявились въ стрѣльцахъ многіе раскольники. Получа своему зломыслию удобное время, начали совѣтовать, какъ бы имъ расколъ свой лаки вновь утвердить, и православную церковь, ихъ еретичеству противную, разорить и правовѣрныхъ побить, того ради избрали они себѣ предводителемъ князя Хованскаго и въ ту же злополучную пору явившагося Никиту распола, прозваніемъ лустосвята, и чернцовъ неучевъ, бродягъ и пьяницъ...“ *

* Матѣевъ у Сахарова; стр. 38; Туманскій, т. I, стр. 177.

Въ извѣстительныхъ и призывныхъ грамотахъ изъ Троицкаго монастыря было писано: „а послѣ того (послѣ московскихъ смятеній) онъ же князь Иванъ Хованскій ратовалъ на святую соборную церковь, соединяя съ проклятыми раскольниками, съ Никитою Пустосвятомъ и единоплемениками его, приходили для возмущенія народовъ въ Кремль“ и пр.

Въ приговорѣ: „Ты же, князь Иванъ, со единомысленниками твоими, присовокуля къ себѣ проклятыхъ раскольниковъ, Никиту Пустосвята съ товарищи, ратовали на святую церковь; и тѣ раскольники по твоему согласію, надѣясь на тебя, приходили для возмущенія народовъ въ Кремль большимъ собраніемъ... для задору къ кровопролитію... а ты тѣхъ воровъ и мятежниковъ церкви святыхъ и всего государства отъ казни оберегалъ“ * и пр.

Медвѣдевъ. „7190 года видяще стрѣлецкую дерзость во всемъ и смущеніе въ государствѣ, враги святыхъ церкви и раскольники, нарицаемые калитовы, начаша на святую церковь ратовати, народъ простой возмущать... Помогаше же въ то время тѣмъ раскольникамъ бывшій въ Стрѣлцкомъ приказѣ бояринъ князь Иванъ Андреевичъ Хованскій.“ **

Итакъ, Медвѣдевъ приписываетъ починъ раскольникамъ, Матвѣевъ стрѣльцамъ, официальные документы князю Хованскому.

Есть еще свидѣтель со стороны раскольниковъ, Савва Романовъ, который принималъ самъ дѣятельное участіе въ ихъ дѣйствіяхъ и описалъ оныя. Онъ приписывалъ начало стрѣльцамъ. „Въ 190 году, мая въ 15й день, по смерти государя царя Феодора Алексѣевича, бысть чудо преславно (!) полуценія святаго Бога, возсташа служивые люди на бояръ и убиша князя Ю. Долгорукова съ товарищи. А послѣ того смятенія въ 3й день бысть промежь ими дума и совѣтъ заедино что въ Москвѣ, старую православную вѣру возобновити“ и пр. ***

Разсмотримъ эти три показанія.

Прежде замѣтимъ вообще что современнымъ свидѣтелямъ не достаетъ въ этомъ случаѣ необходимой точности. Начало

* У Сахарова, с. 67.

** Тамъ же, с. 18.

*** *Лѣтописи Русской Литературы и Древности*, т. V, с. 112.

смѣшивается съ продолженіемъ. Стрѣльцы, раскольники и князь Хованскій участвовали равно въ проишествіи, и имена ихъ употребляются безъ строгаго различія кому что и когда принадлежить; одни официальные документы, по особымъ причинамъ, приписываютъ начало именно князю Хованскому.

Будемъ говорить прежде о стрѣльцахъ.

Стрѣльцы въ попыткѣ раскольниковъ принимали участіе, кажется, болѣе страдательное, чѣмъ дѣйствительное и были слѣпыми орудіями посторонняго внушенія. Намѣреваясь якобы возстановить „древнюю православную вѣру“, они не могли найти у себя человѣка который былъ бы въ состояніи написать челобитную и потомъ держать отвѣтъ патріарху и властямъ; они не знали даже къ кому обратиться и должны были просить одного чернослободца выручить ихъ изъ затруднительнаго положенія.

Большинство стрѣльцовъ не отличалось грамотностію. Когда сочинена была челобитная царямъ о возвращеніи къ старому благочестію, то въ собраніи стрѣльцовъ не нашлось даже кому прочесть ее для прочихъ. „Сотенный (Михайло Артемьевъ) неискусень божественному писанію, чететь и рѣчь съ рѣчью не раздѣляетъ и туло гораздо, невнятно отъ него глаголемое. Они же (стрѣльцы) перестать ему велѣли, много поискавши, и вѣсть такого человѣка, и принудивша ту Савву чести.“ *

Точно такъ и послѣ, когда челобитная была отослана въ указы, требовался тотъ же Савва, „понеже по приказамъ некому челобитныя честь“.

„Услышавъ чтеніе, удившася, мы де во днѣхъ своихъ не слышали таковаго слога, и толика описанія ересей въ новыхъ книгахъ.“ Спрашивается, объ чемъ же стрѣльцы сами-то хотѣли писать челобитную, если въ написанной другими для нихъ оказались новости, совершенно имъ неизвѣстныя, приведшія ихъ въ удивленіе?

Когда стрѣльцамъ предложена была челобитная для подписи, половина ихъ отказывалась: „намъ де за что прикладывать? Мы де отвѣчать противъ челобитной не умѣемъ и какъ руки приложить, такъ и отвѣтъ давать противъ патріарха и властей. А старцамъ умѣть ли противу такова собора отвѣтъ

* Тамъ же, т V, стр. 113.

дать? А они смутивъ да уйдутъ. А все то дѣло не наше, сіе дѣло патріаршее.“ * Замѣтимъ слово *смутивъ*, которое также показываетъ что стрѣльцы не слишкомъ понимали сущность дѣла. „Мы и безъ рукъ рады тутъ быть, да стоять за православную вѣру и смотрѣть правду, а по старому де не дадимъ жечь, да мучить“.

Царевнѣ Софіи не стоило большаго труда послѣ пренія уговорить выборныхъ, а потомъ и рядовыхъ стрѣльцовъ, деньгами, угощеніями и ласками, чтобъ они отказались отъ участія въ церковныхъ распряхъ. „Они же служивые за соединившеся да и повинныя принесли за руками, что до того дѣла намъ нѣтъ, и впредь не вчинять“. **

Мало того, стрѣльцы, посланные сто человекъ, перехватили старцевъ и привели на патріаршій дворъ и разсажали порознь. Никитѣ Пустосвяту отсѣчена была голова, а прочіе разосланы по монастырямъ въ заточеніе.

И Матвѣевъ свидѣтельствовалъ что по отшествіи царевны и царицы изъ Грановитой Палаты, „прочіе стрѣльцы“ не имѣвшіе раскола, „познавъ самую неправду раскольниковъ, выслали ихъ изъ Кремля тотчасъ, и съ той поры они, стрѣльцы, свою братью почали отъ раскола того по малу усмирять. Прочіе же стрѣльцы подъ совѣстію своею и не хотя умокнули, безпомощне остася.“ ***

Всѣ эти свидѣтельства достаточно показываютъ что стрѣльцы, то-есть большинство, не имѣли понятія о церковныхъ дѣлахъ, не принимали слишкомъ къ сердцу происшедшихъ измѣненій въ богослужебныхъ книгахъ, а просто повѣрили постороннимъ внушеніямъ что церковь подвергается опасности, и вызвались защищать ее, какъ защищали царскій домъ 15го мая.

Савва Романовъ, свидѣтель вполне достовѣрный во всемъ что касается до самаго событія, какъ оно обнаружилось, очень подозрителенъ въ описаніи его начала между стрѣльцами. Вотъ какъ описываетъ онъ начало: „Въ 109 году мая въ 15й день, по смерти царя Θεодора Алексѣевича бысть чудо преславно (?), возсташа служивые люди на бояръ и убша... а послѣ того смятенія на третій день, бысть про-

* Тамъ же, стр. 120.

** Тамъ же, стр. 148.

*** Сахаровъ, стр. 49.

межь ими (?) дума и совѣтъ за едино... старую православную вѣру возобновити... и поискавши у себя таковыхъ людей чтобъ кто умѣлъ челобитную сложить и отвѣтъ дать патріарху и властямъ и не обрѣташеса въ нихъ такова человекъ... и призваша единого отъ чернослободцевъ.“

Калашниковъ повѣдалъ своимъ знакомымъ Н. Баркову, И. Курбатову и Саввѣ Романову. На общемъ совѣщаніи они рѣшились поручить сочиненіе челобитной иноку своему Сергію. Всѣ вмѣстѣ потому что сочинили челобитную, и извѣстили Калашникова, а тотъ пятисотнаго *Ивана*. „Овъ же Иванъ, слышавъ, радъ бысть о семъ: взявъ съ собой двухъ стрѣльцовъ, *Никиту Юрьева Колчу* да *Авдѣя Артемьева* пятидесятика“, пошли къ сочинителямъ и прослушали челобитную. „Пятисотный же Иванъ и сотенный Михайло Артемьевъ...“ послалъ деньщиковъ по слободамъ“ и пр.

Вотъ только пять собственныхъ стрѣлцкихъ имевъ которыя упомянуты въ началѣ описанія, да и тѣ въ продолженіи позабылись и пропали. Въ приговорахъ называется еще стрѣлецъ Юдинъ Алексѣй.

Спрашивается, есть ли какое вѣроятіе полагать чтобы два, три человекъ, или пятеро, не увѣренные въ дѣятельномъ участіи большинства, могли рѣшиться на такое важное дѣло, о которомъ ничего сами написать, а послѣ и прочесть написаннаго не умѣли? Они не могли ничего сдѣлать, какъ только посоветоваться съ какимъ-то чернослободцемъ, а тотъ съ своими знакомыми, которые уже отыскали наконецъ отца Сергія. Какая длинная процедура, исполненная случайностей!

„И возвѣсташа о семъ боярину князю И. А. Хованскому. Овъ же радостенъ былъ о семъ зѣло.“

Какъ могли они идти къ князю Хованскому съ извѣстіемъ о своемъ намѣреніи, не бывъ увѣрены заблаговременно въ его согласіи и содѣйствіи?

Какимъ образомъ могъ Сергій, только-что написавшій челобитную, по неожиданной якобы просьбѣ стрѣльцовъ, сдѣлаться вдругъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ и требовать торжественнаго пренія безъ совѣщанія съ своими еликомышленниками, изъ которыхъ никого еще и не видать было?

И все это происходило между стрѣльцами на третій день ихъ бунта, когда городъ былъ въ совершенной тревогѣ, когда

стрѣльцы, равно какъ и правительство новое, ни о чемъ думать не могли, кромѣ текущихъ своихъ дѣлъ.

Все это такія странныя явленія, которыхъ никакимъ образомъ объяснить и допустить нельзя, вслѣдствіе чего свидѣтельство Саввы Романова должно счесть невѣрнымъ, съ умысломъ или безъ умысла.

Обращаемся къ князю Хованскому.

Князь Хованскій былъ преданъ ученію первыхъ ревнителей: знаменитый Аввакумъ жила въ у него, равно какъ и другіе изъ ихъ единомышленниковъ. „Содержалъ же онъ“, говоритъ Матвѣевъ, „старый князь Хованскій тайно у себя капитонскаго еретическаго раскола старыхъ раскольниковъ Аввакума, бывшаго протопопа Казанскаго собора Пресвятой Богородицы, что въ Китаѣ-городѣ Москвы, и сообщниковъ его раскола, такихъ же раскольниковъ которые уже за тотъ свой расколъ и ересь давно прокляты отъ Восточныя святыя церкви, и въ Пусто-озерскій острогъ въ земляныя тюрьмы заточены, и потомъ за великія на царскій домъ худы сожжены были“.*

Савва Романовъ свидѣтельствуеъ что Хованскій, принимая отца Сергія сказалъ: „Азъ и самъ грѣшный вельми желаю чтобъ по старому было во святыхъ церквахъ единогласно и немятежно. Аще, рече, и грѣшенъ, но неизмѣнно держу старое благочестіе и чту по старымъ святымъ книгамъ и воображаю себѣ на лицѣ своемъ крестное знаменіе двѣма персты.“ „И нача чести символъ православныя вѣры:“ „и въ Духа Святаго Господа истиннаго и животворящаго.“ И рече: „такъ вѣрую, тако проповѣдую и молю въ Троицѣ славимаго Бога о семъ, дабы умилосердился о народѣ христіанскомъ, и не далъ бы въ конецъ погибнути душамъ христіанскимъ отъ вышнихъ новыя Никоновы вѣры“. И много изрекъ отъ божественныхъ писаній.**

Живое, дѣятельное участіе князя Хованскаго въ намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ раскольниковъ очевидно какъ по извѣстіямъ Романова, такъ и по свидѣтельствамъ Матвѣева и Медвѣдева:

Онъ является главнымъ посредникомъ между раскольни-

* У Сахарова, стр. 38.

** Ср. с. 115.

ками и правительствомъ, старается сколько отъ него зависѣло помогать имъ, желаетъ доставить имъ побѣду,—и только.

Въ описаніи Саввы Романова онъ представляется даже какъ бы впервые осведомленнымъ о принятомъ намѣреніи подать царямъ челобитную, только тогда когда ему донесено было стрѣльцами. Такъ точно и изъ послѣдующаго разказа показывается что онъ по указанію только стрѣльцовъ, теперь, познакомился съ отцомъ Сергіемъ, и также услышалъ отъ нихъ имя Никиты, какъ бойца способнаго состязаться. *

Положимъ, что этимъ показаніямъ довѣряться нельзя, что они сочинены для закрытія дѣйствительныхъ подступовъ къ дѣлу, но вообще мудрено предположить чтобы Хованскій, не утвердившись еще на своемъ мѣстѣ, могъ затѣять новое столь важное дѣло, исходъ котораго былъ не вѣренъ, и когда же? Лишь только былъ назначенъ начальникомъ Стрѣлецкаго приказа, и среди приготовленій къ царскому вѣчанію.

Самая организація дѣла указываетъ не на лицо, а на общество, и общество книжное, то-есть раскольниковъ, къ которымъ теперь и обращаемся.

Дѣло принадлежитъ имъ въ самомъ началѣ, и мы должны принять буквально свидѣтельство Медвѣдева, хотя мимоходомъ, безъ особеннаго намѣренія, имъ представленное. **

Ударъ былъ вѣроятно задуманъ и подготовленъ передовыми людьми изъ раскольниковъ.

Никому кромѣ раскольниковъ не могла придти въ голову мысль о представленіи царямъ челобитной: стрѣльцы не знали о чемъ и просить, какъ мы видѣли выше, и удивились когда слышали какія ереси попали въ богослужебныя книги.

Никто кромѣ общества раскольниковъ не могъ предложить всенароднаго разсужденія о вѣрѣ.

Видя разстройство и замѣшательство въ правительствѣ, и всю силу въ рукахъ у стрѣльцовъ, они рѣшились воспользоваться благоприятными обстоятельствами для исполненія пламенныхъ своихъ желаній и приступили немедленно къ дѣйствию.

Придумали сочинить челобитную и вытребовать торжественное всенародное преніе о церковныхъ вопросахъ, въ

* Ср. т. 114 и 115.

** Медвѣдевъ, у Сахарова, с. 17.

которыхъ увѣрены были одержать побѣду при извѣстной слабости патріарха.

Въ покровительствѣ князя Хованскаго они были увѣрены, ибо онъ издавна былъ съ ними въ тѣсной связи и раздѣлялъ ихъ убѣжденія, какъ Соковнинъ и его сестры, Урусова и Морозова, и многіе другіе.

Требованія свои предъявили они нарочно среди придворныхъ приготовленій къ царскому вѣчанію чтобы налечь на правительство расплыхъ.

Между тѣмъ они начали ходить по улицамъ, какъ свидѣтельствуеть Матвѣевъ, и проповѣдывать свое ученіе. **

„Начальствующіе же бѣ въ нихъ, за той же расколъ прежде изверженный, и потомъ обѣщавшійся того не творити бышій полъ Никита Пустосвѣтъ-Суздалецъ.“

Его и видимъ мы на сценѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, какъ на совѣщаніяхъ, такъ и на словопреніи.

Ему одному и голова отсѣчена, а прочіе пятеро подверглись только заточенію.

Хованскій оставался въ сторонѣ, какъ будто ничего не зналъ, и все происходило мимо его, а между тѣмъ дѣйствовалъ подъ рукою чрезъ своихъ агентовъ, изъ которыхъ главнымъ былъ, кажется, Алексѣй Юдинъ, выборный Воробьяна приказа.

Изъ сказанія Романова видно что онъ на первомъ частномъ совѣщаніи у патріарха былъ какъ бы представителемъ стрѣльцовъ и началъ бесѣду съ патріархомъ. **

Въ приговорѣ сказано: по злохитростному умысленію князя Ивана и сына его.... и единомышленниковъ ихъ воровъ и раскольниковъ святыхъ церкви и ругателей Аленки Юдина съ товарищами.... учинилось великое смятеніе.

И въ нынѣшнемъ 191 году, сентемврія въ 17мъ числѣ.... Князь Иванъ и сынъ его.... и Аленка Юдинъ съ товарищи за то ихъ многое воровство казнимы смертію. ***

Дѣйствіе подъ рукою было впрочемъ и съ другой стороны, такъ что изъ нѣкоторыхъ выраженій Романова можно замѣ-

* У Туманскаго, т. I, с. 177.

** У Тихонравова, стр. 122.

*** Тамъ же, стр. 206.

чать что и патріархъ, а слѣдовательно и правительство знали о приготовленіяхъ и принимали свои мѣры.

„Видѣвъ въ Титовскомъ полку благоразумнѣи людіе“, говоритъ Савва Романовъ, „яко по улещенію патріарха не бысть въ иныхъ полкахъ согласія о правовѣрціи, совѣтъ сотвориша въ своемъ полку съ челобитною ходити по приказамъ, руки прикладывати.“ * „Среди этого обхода бысть между ими прѣвеликая и брань; инии хотятъ прикладывать, а инии не хотятъ, *обольстившеся* патріархомъ.“

Планъ содержался въ глубокой тайнѣ, такъ какъ прежде планъ Ивана Михайловича Милославскаго, поднять стрѣльцовъ для доставленія царевнѣ Софіи въ руки управленія, и послѣ планъ князя Бориса Алексѣевича Голицына для доставленія его Петру.

Савва Романовъ можетъ-быть не зналъ о приготовленіяхъ, не зналъ что происходило за кулисами, и началъ описывать только то что происходило на сценѣ.

Заключаемъ: замысль былъ искусно облуманъ, съ большими надеждами на успѣхъ, а что онъ не удался, отечество тѣмъ обязано твердости, находчивости и рѣшительности царевны Софіи, которой принадлежитъ честь и слава за оборону православной церкви.

II.

За что были казнены князья Хованскіе, отецъ съ сыномъ?

Въ смертномъ приговорѣ отецъ былъ обвиненъ прежде всего въ возбужденіи стрѣлецкаго бунта.

Имя предъ глазами всѣ документы относящіяся къ тому времени, удивляешься, какъ могло состояться такое явно нелѣбое обвиненіе! Съ какою наглостію могло оно быть произнесено предъ глазами современниковъ, которые ясно видѣли весь ходъ дѣла и знали кѣмъ и для чего было оно ведено!

Имени князя Хованскаго не встрѣчается ни одного раза ни въ какомъ изъ современныхъ документовъ, относящихся къ

* У Тихокурова, стр. 120.

первому бунту, а была ли у него какая связь со стрѣльцами до бунта, нигдѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека.

Для чего нуженъ ему былъ бунтъ? Никакой цѣли предложить у него нельзя.

Еслибъ онъ хотѣлъ захватить въ свои руки власть, то за чѣмъ же не захватилъ онъ ее тотчасъ, а предоставилъ царевнѣ Софіи, при которой былъ князь Голицынъ, И. М. Милославскій и цѣлая сильная партія?

На что ему смерть Матвѣева, Нарышкиныхъ, Долгорукихъ, съ которыми никакихъ враждебныхъ отношеній у него неизвѣстно, точно какъ не было дружескихъ съ прочими дѣйствовавшими лицами того времени? Если скажутъ что онъ хотѣлъ избавиться отъ противниковъ, то такими противниками должны бы въ такомъ случаѣ сдѣлаться ему не одни Нарышкины съ Матвѣевымъ, но и Милославскіе, Голицыны, Долгорукіе и пр. Онъ не могъ надѣяться ни на чье согласіе, а напротивъ долженъ былъ опасаться соперниковъ въ обѣихъ партіяхъ и во всемъ обществѣ.

Матвѣевъ приписываетъ веденіе дѣла въ стрѣлецкомъ бунтѣ И. М. Милославскому, не произнося ни единого слова о Хованскомъ: чрезъ 50 лѣтъ, когда и Хованскій и Милославскій истлѣли въ своихъ гробахъ, почему бы ему было вѣнчать Хованскаго перенести свѣдома на Милославскаго? Не могъ выдумать Матвѣевъ ссоры Милославскаго съ Хованскимъ: на что ему такое показаніе?

Еслибы Хованскій устраивалъ бунтъ, то-есть еслибъ онъ былъ его зачинщикомъ, для своихъ цѣлей, то какъ бы никто изъ бояръ, принадлежащихъ къ той или другой партіи, этого не замѣтилъ на Верху въ продолженіе бунта, и какимъ образомъ не принято тамъ было мѣръ?

Какъ бы могъ онъ во время бунта оставаться одинъ одиночекъ на Верху въ рукахъ противниковъ изъ обѣихъ партій, которые тотчасъ, увидѣвъ въ чемъ дѣло, могли бы съ нимъ раздѣлаться?

Еслибы Хованскій устроилъ бунтъ, то какъ бы явилась на сценѣ Софія, и получила отъ стрѣльцовъ просьбу быть правительницею?

Мы видимъ Хованскаго въ продолженіи бунта за одно съ Софьей, какъ бы въ зависимости отъ нея: онъ относился, напримѣръ, къ царевнѣ Софіи съ объясненіями о датскомъ резидентѣ.

Сама Софія назначила Хованскаго начальникомъ стрѣльцовъ послѣ ихъ бунта.

Еслибы Софія знала его зачинщикомъ бунта, то какъ бы она могла сдѣлать такой выборъ?

Хованскій, получивъ стрѣльцовъ подъ свое начальство, является прежде всего покровителемъ такъ-называемыхъ старообрядцевъ и принимаетъ участіе въ ихъ дѣйствіяхъ для восстановленія старыхъ церковныхъ порядковъ; еслибы у него были въ мысли какія важнѣйшія намѣренія, то съ чего сталъ бы онъ вмѣшиваться съ самаго начала въ такое опасное дѣло?

Все это такія нелѣпости, которыя не выдерживаютъ ни малѣйшей критики.

И Софія обвиняя Хованскаго въ произведенномъ будто бы имъ бунтѣ обвинила саму себя.

Обвиненіе изложено сначала въ грамотахъ разосланныхъ изъ Саввинскаго монастыря по городамъ съ призывомъ ратныхъ людей на помощь царскому дѣлу, такимъ образомъ:

„По кончинѣ царя Θεодора, Московскіе стрѣльцы всѣхъ приказовъ и Бутырскіе солдаты, по тайному согласію съ бояриномъ нашимъ, княземъ Иваномъ Хованскимъ, намъ государемъ измѣнили и весь народъ Московскаго государства возмутили.... А послѣ того, мая въ 15мъ числѣ, они же воры и измѣнники стрѣльцы и солдаты собрався.... приходили въ Кремль.... При насъ бояръ нашихъ и думныхъ и близкихъ людей лоймавъ, ругательно лобили и изъ лалать пометали.* А послѣ того, онъ же, князь Хованскій, ратовалъ на святую соборную церковь, соединяся съ проклятыми раскольниками, съ Никитою Пустосвятомъ и съ единомышленниками его.... А послѣ того тѣ же воры и измѣнники по своему воровскому совѣту съ бояриномъ княземъ Иваномъ Хованскимъ и сынами его мыслили на насъ великихъ государей всякое зло и бояръ нашихъ хотѣли любить.“**

То же обвиненіе изложено и въ прочихъ грамотахъ.

Въ подметномъ писемѣ, на которое грамоты ссылаются, было сказано что Хованскіе подговаривали доносчиковъ, вмѣ-

* Припомнимъ что за четыре мѣсяца она же, царица Софія, за всѣ эти дѣла „выборныхъ стрѣльцовъ призвала и службу ихъ похваляла, а впредь де за ихъ службу имъ, ихъ государская милость будетъ.“
Медвѣдевъ у Аристова, с. XXI.

** У Туманскаго, т. VI, стр. 101.

ствъ съ другими, извести царской корень и любить бояръ: Одоевскихъ троихъ, Черкасскихъ двоихъ, Голицыныхъ троихъ, И. М. Милославскаго, Шереметевыхъ двоихъ и пр. „А какъ государство замутится, и на Московское царство избрали бы царемъ его, князя Ивана, а патриарха и властей поставитъ кого изберутъ народомъ, которые бы *старья книги любили*“ и пр. *

Въ приговорѣ прочитанномъ князю Хованскому въ Воздвиженскомъ предъ казню, преступленія его начинаются съ его управления стрѣлецкимъ приказомъ. Видно совѣстно было такъ нагло въ глаза лгать ему что онъ началъ стрѣлецкій бунтъ. Старикъ помялъ изъ-за чего началось дѣло и хотѣлъ объясниться о „совершенныхъ заводчикахъ съ начала онаго бунта стрѣлецкаго, отъ кого вымышленъ и учивенъ былъ“. **

Что касается до обвиненій сына, то онъ готовъ проклясть его, если обвиненія окажутся справедливыми.

Но съ Верху, по наущенію Милославскаго, послѣдовало приказаніе отрубить скорѣе головы Хованскимъ, что долженъ былъ исполнить стрѣлецъ, потому что палача не оказалось.

Разсмотримъ теперь эти обвиненія, предупреждая что казнь Хованскихъ представляетъ до сихъ поръ много страннаго и непонятнаго.

Онъ хотѣлъ, говорятъ, извести царское семейство и захватить въ свои руки верховную власть.

Какія же есть на то доказательства?

Никакихъ, кромѣ голословнаго обвиненія со стороны правительства.

Въ обвинительной грамотѣ и у Медвѣдева говорится что въ Коломенскомъ найдено было подметное письмо съ описаніемъ преступныхъ намѣреній Хованскихъ.

Это подметное письмо (средство самое обыкновенное въ то время) свидѣтельствуетъ гораздо болѣе противъ царевны Софіи, чѣмъ противъ Хованскихъ, а именно:

Оно не было оглашено въ Воздвиженскомъ, ибо еслибы сколько-нибудь было оглашено, то должно бы дойти до свѣдѣнія Хованскихъ, и они, разумѣется, приняли бы свои мѣры.

* Тамъ же, стр. 9.

** Тамъ же, стр. 94.

Въ мнимоѣ писемѣ показаны примѣты писавшихъ, по которымъ можно было ихъ найти и допросить, получить доказательства, узнать подробности, сдѣлать очныя ставки. Ничего этого не было, доносчики не были привлечены ни къ какому слѣдствію и остались неизвѣстными.

Матвѣевъ называетъ письмо прямо выдумкою: „но тотъ коваръ видимо былъ сложенъ изъ природной политики того жъ боярина Милославскаго и сообщниковъ его, отъ чего великіе государи того жъ дня въ Саввинъ монастырь выѣхали.“*

Если жъ надо было выдумывать письмо, то значить, никакихъ наличныхъ доказательствъ не было. Письмо нужно было чтобъ имѣть послѣ лишній предлогъ для обвиненія и смертнаго приговора.

Казнить изъ-за наговора отъ неизвѣстныхъ людей, безъ всякихъ справокъ, не выслушивая объясненій, не предлагая ни одного вопроса, въ день именинъ царевны Софіи, по выходѣ изъ церкви,—одна эта послѣдшность доказываетъ что дѣло было не чисто, что прямыхъ доказательствъ не было, а была крайняя нужда избавиться поскорѣе, во что бы то ни стало, отъ опаснаго человѣка, по какимъ-то неизвѣстнымъ причинамъ, кои нельзя было обнародывать и кои нужно было замѣнить чѣмъ-нибудь, хоть явною ложью для формы.

Если мы видимъ что Хованскій былъ обвиненъ въ устройствѣ перваго стрѣлецкаго бунта, съ явною несправедливостію, то и прочія обвиненія имѣемъ право считать а priori столько же несправедливыми. Имѣя обвиненія достаточныя и справедливыя не нужно бы было прибѣгать къ явной лжи, и возбуждать ею недовѣрчивость къ справедливымъ, еслибъ они были, обвиненіямъ.

Какія распоряженія дѣлали, какія мѣры принимали Хованскіе для приведенія въ исполненіе своего намѣренія извести царскій родъ?

Никакихъ, ибо еслибы было что, то непременно было бы упомянуто въ приговорѣ: слѣдовательно ничего не было такого что даже могло бы быть растолковано въ худую сторону.

Исслѣдуемъ теперь событія.

Царевна Софія съ царями не пошла въ ходъ въ Донской монастырь 19го августа. Неужели Софія боялась въ самомъ

* Тамъ же, стр. 91.

дѣла наладенія въ церковномъ ходу, среди народа, а потому не приняла участія вмѣстѣ съ молодыми царями?

Нѣтъ, она вѣрно хотѣла только, согласно съ задуманнымъ планомъ, возбудить въ народѣ подозрѣнiе что цари чего-то боятся.

Дворъ отправился въ Коломенское на другой день, 20го августа. * Участъ Хованскаго была уже рѣшена, и планъ началъ исполняться.

Почему поѣхала царевна Софія въ Коломенское, а не прямо къ Троицѣ, гдѣ она могла быть безопаснѣе?

Вопервыхъ, къ Троицѣ походы были опредѣленные — ко дню памяти Преподобнаго Сергія, обрѣтенію мощей, Троицкому дню. Поѣхать за три недѣли туда было бы очень странно: ничѣмъ нельзя было объяснить такой ранней поѣздки. Что было дѣлать двору у Троицы въ продолженіе трехъ недѣль?

Притомъ дорога дальняя — потребовала бы трехъ дней, въ продолженіе которыхъ въ лустомъ полѣ мало ли что бѣ могло случиться. И Хованскому, предполагая въ немъ дурныя намѣренія, мудрено было бы объяснить причины отъѣзда; точно также и вызвать его туда, достать въ свои руки, было бы гораздо мудренѣе и затруднительнѣе.

И теперь Хованскій началъ подозрѣвать недоброе:

Стрѣльцы, выборные изъ всѣхъ полковъ, вѣроятно полученные Хованскимъ, явились (23го августа) въ Коломенское съ челобитною: „Великимъ государямъ сказали будто у насъ у надворной пѣхоты учинилось смятеніе, на бояръ и на ближнихъ людей злой умыселъ, и будто у насъ изъ полку въ полкъ идутъ тайныя пересылки, хотимъ приходить въ Кремль съ ружьемъ попржнему, и для того они, великіе государи, изволили изъ Москвы выѣхать: но у насъ во всѣхъ полкахъ такого умыслу нѣтъ и впередъ не будетъ; чтобъ великіе государи пожаловали, не велѣли такимъ ложнымъ словамъ повѣрить и изволили бы придти къ Москвѣ.“ — „Великимъ государямъ про вашъ умыселъ не вѣдомо“, былъ отвѣтъ: „изволили великіе государи съ Москвы идти по своему государскому изволенію, да и прежде въ село Коломенское ихъ походы бывали же.“

Пріѣхавъ въ Коломенское и самъ князь Хованскій, вѣроятно чтобы разузнать положеніе дѣла; и вмѣстѣ онъ вздумалъ

* *Исторія Россіи Соловьева*, т. XIII, стр. 359.

попугать дворъ извѣстіемъ о намѣреніи Новгородскихъ дворянъ съ цнвыхъ чиновъ служилыми людьми явиться на Москву и требовать заслуженнаго (?) жалованья и съчь всѣхъ безъ разбора и остатка.

Царевна Софія велѣла объявить о томъ на постельномъ крыльцѣ, а въ Новгородъ послать грамоту „для подлиннаго о томъ свидѣтельства“. Хованскій упросилъ въ Москвѣ не повѣщать и въ Новгородъ грамоты не посылать. Такъ сказано въ приговорѣ, но вѣроятно Царевна объяснялась съ княземъ Хованскимъ тогда гораздо мягче, и старалась представить дѣло ему гораздо спокойнѣе, не давая ему поводовъ опасаться. *

У Хованскаго не достало духу ступить послѣдній шагъ,—а у Софіи достало.

Царевна потребовала къ себѣ Стременный полкъ подъ предлогомъ имения царя Ивана Алексѣевича.

Полкъ былъ отпущенъ, какъ сказано даже въ обвиненіи. Но отпущенъ онъ былъ по многократномъ требованіи.

Хованскій хотѣлъ отправить его въ Кіевъ, какъ сказано въ приговорѣ. Но, вѣроятно, это была отговорка, а онъ, можетъ-быть, начиналъ опасаться собиравшейся на него грозы.

Еслибы Стременный полкъ былъ при Дворѣ въ Коломенскомъ, то почему же не спросила тогда Царевна Хованскаго къ себѣ для объясненія, по случаю полученнаго подметнаго письма? Звала же она его въ Воздвиженское. Она могла удержать его, имѣя при себѣ цѣлый полкъ, да и безъ полка — сдѣлать съ нимъ что угодно.

Дѣйство Новаго Года, сентября 1го, отправлялось обыкновенно съ великолѣніемъ въ Успенскомъ соборѣ въ присутствіи всего двора.

Царевна и цари не воротились изъ Коломенскаго, прислали повелѣніе присутствовать вмѣсто себя князю Хованскому, который однакожь въ соборъ не поѣхалъ, и въ соборѣ изъ правительственныхъ лицъ былъ только одинъ окольничій, къ великому огорченію и оскорбаенію патріарха.

Въ народѣ произведено великое смущеніе и въ то же время готовилось довѣріе къ послѣдующимъ обвиненіямъ.

* Когда пріѣзжалъ Хованскій, нѣтъ положительнаго свидѣтельства: мы думаемъ что вскорѣ по отъѣздѣ Двора въ Коломенское, до имения царя Ивана Алексѣевича, 29го августа, и до 1го сентября, когда объявилось подметное письмо.

Въ Москвѣ ожидали новаго кровопролитія. Изъ боярныя послѣдовали за царями, другіе отъѣхали въ свои помѣстья.

На другой день, 2го сентября, цари выѣхали изъ Коломенскаго въ село Воробьево, 4го числа изъ Воробьева въ Павловское, 6го пріѣхали въ Саввинъ Сторожевскій монастырь. Отпраздновавъ здѣсь память чудотворца Саввы, 10го сентября, въ тотъ же день выѣхали въ село Павловское; 12го числа изъ Павловскаго въ село Хлябово; 13го изъ Хлябова въ Воздвиженское, къ здѣшнему празднику 14го числа.*

Спрашивается, какимъ образомъ все это не обратило на себя вниманія Хованскаго?

Онъ долженъ былъ тотчасъ принять мѣры наступательныя, если имѣлъ замыслы въ своей головѣ, и приступить къ ихъ исполненію, или принять мѣры оборонительныя, если не успѣлъ еще приготовиться, и не осмѣливался напасть безъ всякаго повода; однимъ словомъ, онъ долженъ былъ принимать какія-нибудь мѣры, хотя для своего оправданія, для уничтоженія возникшихъ подозрѣній, наконецъ, для своего спасенія.

Онъ ничего не дѣлалъ; значить, ничего опредѣленнаго, положеннаго, у него не было.

Въ Воздвиженскомъ, въ 15 верстахъ отъ Троицы, куда слѣдовательно можно было пріѣхать въ два часа, Дворъ былъ уже безопасенъ, и царица Софія рѣшилась остаться тамъ до 17го, чтобы править тамъ день своего ангела. Случай благоприятствовалъ и здѣсь царевнѣ Софіи, на погибель Хованскому. Туда пришло извѣстіе отъ него о прибытіи въ Москву гетманова сына.

„Егда же прислѣ, да не совершится злоба грѣшныхъ, зане Господь суюмудренному совѣту въ коварствѣ залпнатель, писалъ онъ князь Иванъ съ Москвы въ походъ къ великимъ государемъ, что идетъ къ Москвѣ гетманскій сынъ изъ Малой Россіи, и како его принимать; по тому ево лисьму послана къ нему грамота съ похвалою чтобы онъ ради возвыщеныхъ дѣлъ гетманскаго сына пріѣхалъ въ походъ къ великимъ государемъ самъ въ село Воздвиженское, и отъ царскаго величества о томъ указъ, дѣлъ тѣхъ слушавъ самъ, и

* Тамъ же, стр. 358.

онъ князь Иванъ ради того поѣхалъ изъ Москвы сентябрѣ въ 16й день и съ сыномъ своимъ княземъ Андреемъ.“*

Спрашивается, еслибы Хованскій зналъ за собою вину, еслибы онъ зналъ о подметномъ письмѣ въ Коломенскомъ, еслибы онъ зналъ о грамотахъ, разосланныхъ по сосѣднимъ городамъ, съ обвиненіемъ его въ тяжкихъ уголовныхъ преступленіяхъ; то какимъ образомъ рѣшился бы онъ ѣхать въ Воздвиженское?

Онъ долженъ былъ или бѣжать, или приготовляться къ оборонѣ, словомъ, употреблять тѣ средства кои хотѣли употребить стрѣльцы даже безъ него.

А если у него были намѣренія, то тѣмъ лаче онъ увидѣлъ бы необходимость приступить къ исполненію.

Но видно, повторяемъ, ничего не было, а со страху онъ не нашелся, и попалъ въ искусно разставленные сѣти.

Игѣвъ въ Москвѣ челоуѣкъ по сту провожатыхъ или караульныхъ, здѣсь онъ, виноватый, подозрѣваемый, угрожаемый, ѣхалъ безо всякой свиты. Съ чѣмъ это сообразно? Такъ точно и прежде, имѣя такія намѣренія, какъ могъ бы онъ не помѣшать удаленію двора отъ Москвы, не напалъ на Дворъ въ Коломенскомъ, или въ Саввинѣ, или въ Воздвиженскомъ, когда у Двора не было никакой защиты?

Софія пригласила Хованскаго съ сыномъ пріѣхать для встрѣчи гетмана,—и отправила боярина князя Лыкова схватить его на дорогѣ, лишь только получила она извѣстіе что они двинулись изъ Москвы съ немногими провожатыми.

Лыковъ настигъ старика въ шатрахъ подъ Пушкинымъ, а сына его въ своей деревнѣ около Братовщины.

Дѣло было ведено со стороны правительства въ глубочайшей тайнѣ, и князь Хованскій, не имѣя никакихъ намѣреній ему приписанныхъ, отправился въ Воздвиженское безо всякихъ предосторожностей, какъ ни въ чемъ не бывалый.

Щербатовъ замѣчаетъ: „То истинно, что Хованскій поступкомъ своимъ, привлекать къ себѣ дружелюбіе стрѣльцовъ, великую причину подалъ, но чтобъ явнымъ бунтовщикомъ объявился, сего нигдѣ не видно; а напротивъ того, ссора его съ Милославскимъ и злоба на него царевны Софіи являются вину его уменьшать.“ (Въ примѣчаніяхъ къ исторіи Петра Грека Θεодоси, стр. 159).

* У Туманскаго, т. V, стр. 231.

Между тѣмъ въ Воздвиженскомъ, послѣ обѣдни, около церкви, подъ открытымъ небомъ, открылось совѣщаніе, гдѣ прочтены были вины Хованскаго и произнесенъ смертный приговоръ.

Еслибы Хованскій замышлялъ подлинно что-нибудь недоброе и близокъ былъ къ началу, то непременно имѣлъ бы сообщниковъ, о которыхъ необходимо бы было сдѣлать розыскъ, допросы, слѣдствія, очныя ставки, какъ обыкновенно бываетъ и бывало при этихъ случаяхъ. Ничего этого не было сдѣлано, не было сдѣлано даже допроса ни ему, ни сыну, а немедленно отрублены головы, — въ день именинъ, придя отъ обѣдни, предъ собравшимися поздравителями!

Ясно, что хотѣли скорѣе концы въ воду и боялись потерять минуточку. Одна эта поспѣшность доказываетъ и несправедливость, и пристрастіе, и опасеніе чтобы не предприняли чего стрѣльцы. Одинцовъ, одинъ изъ главныхъ дѣятелей въ первомъ бунтѣ, и Юдинъ, въ замыслѣ раскольниковъ, казнены кстату вмѣстѣ съ Хованскимъ.

Софію не зазрела совѣсть взвести небывалыя преступленія на старика, ей преданнаго, вмѣстѣ съ его молодымъ сыномъ, а ея историкъ Медвѣдевъ имѣлъ безстыдство думать объ ихъ увѣковѣченіи, чтобы обмануть потомство.

Медвѣдевъ позабылъ что, при описаніи раскольниковъ смятенія, чрезъ нѣсколько дней послѣ стрѣлецкаго бунта, онъ самъ вложилъ въ уста Хованскаго слѣдующія слова обращенныя къ боярамъ: вамъ буди извѣстно что при нихъ и намъ быти всѣмъ любимымъ, *также какъ и недавними часи нашу братью побили, и дома наши разграбятъ.* *

Медвѣдевъ все это обходитъ, и не говоривъ ни слова о Хованскомъ въ описаніи бунта, что было бы необходимо и неизбежно, еслибы было дѣйствительно, повторяетъ свои обвиненія въ грамотахъ и не прибавляетъ ни слова въ объясненіе.

И о такомъ-то историкѣ г. Аристовъ даетъ слѣдующій отзывъ: „Какъ человѣкъ образованный по своему времени, и какъ очевидецъ происшествій, С. Медвѣдевъ вложилъ разказъ о нихъ въ высшей степени добросовѣстно и безпристрастно.“ (!) **

* Медвѣдевъ, у Сахарова, стр. 22.

** Аристовъ, *Московскія Смуты*, стр. 2.

За что же былъ казненъ Хованскій съ сыномъ?

Онъ зналъ тайны Софіи; онъ былъ нескроменъ, за что получилъ и прозваніе народное—тараруй; онъ былъ хвастунъ и хвастался предъ всѣми боярами своими заслугами, своею силою,—спасеніемъ Москвы отъ кровопролитія; онъ поставилъ противъ себя всѣхъ бояръ образомъ своихъ дѣлствій; онъ имѣлъ на своей сторонѣ стрѣльцовъ, которые такъ своевольничали что возбуждали опасеніе прежнихъ выходовъ, — можетъ-быть даже онъ пробалтывался о какихъ-нибудь намѣреніяхъ, и Софія могла опасаться что Хованскій вздумаетъ воспользоваться стрѣльцами, которые готовы были по его приказанію дѣлать все ему удобное; наконецъ, онъ имѣлъ на своей сторонѣ многихъ раскольниковъ между всѣми сословіями, которые не оставляли своихъ намѣреній. Присоединимъ такого убѣдительнаго прокурора, какъ Ив. Мих. Милославскій. Слѣдовательно, во всѣхъ отношеніяхъ былъ это человекъ опасный, отъ котораго необходимо было избавиться. Всеобщая ненависть которую онъ внушалъ противъ себя своимъ высокомеріемъ уменьшала опасеніе возбудить казню его противъ себя общее мнѣніе. Мечтанія молодаго Хованскаго давали поводъ къ опасеніямъ другаго рода. Это былъ личный врагъ И. М. Милославскаго, который, по его милости, угрожаемый стрѣльцами, бѣгалъ и скрывался, какъ кротъ, по своимъ подмосковнымъ деревнямъ. Наконецъ, казня Хованскаго, Софіи кстати можно было взвалить на него вину стрѣлецкаго бунта со всѣми его убійствами,—вину, которая въ глазахъ народа или общества, или значительнаго числа гражданъ, лежала на царевнѣ Софіи, и помрачала ея славу, возбуждала противъ нея общее, хотя и тайное осужденіе. Сколько несчастныхъ для Хованскаго обстоятельствъ которыми искусно умѣлъ воспользоваться Милославскій и убѣдить Царевну покончить съ нимъ разомъ.

Вотъ вѣроятное объясненіе, хотя, повторяю сказанное въ началѣ этого разсужденія, многое все-таки остается здѣсь темнымъ и необъясненнымъ по понятіямъ нашего времени. Какимъ образомъ, на примѣръ, Софія рѣшилась ѣхать въ Коломенское послѣ того какъ, противъ обыкновенія, не принимала участія въ Довскомъ ходу? Не должна ли бы она бояться нападенія, еслибъ оно было задумано? Какъ

не возвратилась къ дѣйству Новаго Года? Вѣдь подозрѣніе должно было непременно возбудиться въ Хованскомъ, если даже многіе бояре оставили Москву, опасаясь возмущенія? Ей надо было быть увѣренной что она обманетъ Хованскаго. Какимъ образомъ Хованскій далъ себя обмануть, если имѣлъ намѣренія, да и безъ намѣреній онъ долженъ былъ принять свои мѣры, а онъ не принялъ никакихъ, и полѣзъ прямо въ петлю?

Въ объясненіе можно сказать развѣ то, что по телерешенію нашему прогрессу въ хитростяхъ и предосторожностяхъ, и всякихъ козняхъ, нельзя судить о дѣйствіяхъ того времени: при всѣхъ усиліяхъ на многое не хватало тогда ума и догадки, и дѣла шли простѣе, смѣлѣе, неосторожнѣе; *авось* играло роль гораздо больше, чѣмъ теперь.

Устряловъ описалъ этотъ эпизодъ очень легко и безотчетно. Соловьева можно поблагодарить только за то что онъ нашелъ официальную записку о походѣ царскомъ въ Коломенское, Саввинъ монастырь и Воздвиженское, изъ которой мы увидѣли благовидные предлоги. Но нужно бы напечатать ее.

Планъ, какъ порѣшить съ Хованскимъ, былъ сдѣланъ вѣроятно еще въ Москвѣ: не идти въ ходъ, то-есть посѣять опасеніе въ народѣ, уѣхать въ Коломенское къ празднику Іоанна Предтечи, призвать туда полкъ на всякій случай, потомъ, разъѣзжая по церквямъ и по монастырямъ протянуть время, пока будутъ собираться понемногу изъ городовъ на помощь служилые люди, которымъ, можетъ-быть, давно было знать только подъ рукою безъ огласки; грамоты же предположено было вѣрно разослать уже изъ Воздвиженскаго близъ Троицкой крѣпости (почему на нихъ и не выставлены числа), гдѣ Софія съ царями была бы безопасна, вызвать туда Хованскихъ лодъ какимъ-нибудь предлогомъ, — и порѣшить тамъ дѣло.

Планъ такой же художественный, какъ и при устройствѣ перваго стрѣлецкаго бунта: виденъ мастеръ своего дѣла — бояринъ Иванъ Михайловичъ Милославскій.

III.

Мы должны теперь изслѣдовать исторію послѣдней распри царевны Софьи съ Петромъ, которая кончилась его единоедержавіемъ.

Приступая къ изслѣдованію, выразимъ прежде всего сожалѣніе что саѣдственное дѣло о Шакловитомъ до сихъ поръ не только не напечатано, но и не собрано, не приведено въ порядокъ, неизвѣстно вполнѣ, ибо всѣ такъ-называемые свитки, которыми пользовались Устряловъ и Аристовъ, составлены или склеены часто на удачу или наобумъ, съ большими пробѣлами. Могу сказать это рѣшительно, перечитавъ по многу разъ выдержки г. Аристова, главы изъ исторіи г. Устрялова обнимающія это событіе, и копію находящуюся въ Археологической Коммиссіи. Дѣло подвергалось какимъ-то случайностямъ, и нѣкоторыя части его попали въ частныя руки. Покойный графъ Віельгорскій, молодой собиратель матеріаловъ для русской исторіи, говорилъ мнѣ еще въ 1839 году, въ Римѣ, что у него есть дѣло о Шакловитомъ. Устряловъ упоминаетъ о двухъ частныхъ собраніяхъ въ коихъ, какъ онъ слышалъ, находятся отрывки.

Еслибы мы видѣли ясно весь ходъ дѣла, еслибы имѣли въ послѣдовательномъ порядкѣ допросы или извѣты, потомъ допросы вслѣдствіе допросовъ сдѣланные, отвѣты или объясненія, далѣе очныя ставки и признанія, тогда легче было бы отыскивать истину чрезъ сличеніе показаній и соображеніе обстоятельствъ. Даже о сохранившихся отрывкахъ изъ дѣла встрѣчаются разногласія: Устряловъ ссылается на такія показанія которыхъ нѣтъ у Аристова. Мы примемъ ихъ въ соображеніе, ибо не можемъ подозрѣвать Устрялова въ выдумкѣ: дѣло другое—какъ онъ принималъ и объяснял эти показанія. Въ этомъ можно съ нимъ не соглашаться.

Замѣтимъ въ заключеніе что изъ читавшихъ дѣло въ подлинникъ, Устряловъ увлекался желаніемъ обвинить Софью, а Аристовъ желаніемъ оправдать ее и пр.

Употребимъ испытанный нами при изслѣдованіяхъ этого рода приемъ математическій, не понимаемый нашими недоучками: идти отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, отъ несомнѣннаго, яснаго, къ неясному, сомнительному.

Въ ночь съ 7го на 8е августа, Петръ ускакалъ внезапно изъ Преображенскаго въ Троицкій монастырь, спасая жизнь свою бѣгствомъ.

Это есть важнѣйшее событіе, которымъ положено основаніе рѣшенію распри между имъ и сестрою въ его пользу, какъ прежде отъѣздъ царевны Софьи съ братьями и Дворомъ въ Коломенское, а оттуда въ Саввинъ монастырь и Троицкую Лавру рѣшилъ судьбу князя Хованскаго.

Съ другой стороны, побѣгъ Петровъ проливаетъ свѣтъ на предшествовавшія обстоятельства, о которыхъ можемъ мы судить на основаніи этого многозначительнаго даннаго. Его должно изслѣдовать тщательно.

Если Петръ бѣжалъ, то значить что жизнь его въ Преображенскомъ подверглась опасости и онъ получилъ въ томъ удостовѣреніе.

Такъ ли это было? Точно ли онъ бѣжалъ опрOMETRY изъ Преображенскаго?

Это было точно такъ, и мы имѣемъ вѣрнаго свидѣтеля, стоявшаго вѣдъ партій, генерала Гордона, который держался еще на ту пору Софьи, и присоединился къ Петру гораздо позднѣе, когда побѣда склонялась на его сторону. Онъ въ дневникѣ своемъ написалъ именно что получивъ „извѣстіе о собраніи стрѣльцовъ въ Кремль, по полученному приказанію, и намѣренію идти съ оружіемъ на Преображенское чтобы любить Нарышкиныхъ и нѣкоторыхъ другихъ, онъ вскочилъ съ постели, и бросился, даже не обувшись, въ конюшню. Тамъ велѣлъ онъ осѣдлать себѣ лошадь, и отъѣхалъ въ сошедній лѣсъ, куда принесено ему было платье. Одѣвшись, поскакалъ онъ опрOMETRY въ Троицкій монастырь. Кто могъ и былъ готовъ, тотъ слѣдовалъ за нимъ. Онъ прибылъ къ Троицѣ 8го числа поутру въ шесть часовъ, въ совершенномъ утомленіи. Если онъ употребилъ на дорогу шесть часовъ, — меньше положить нельзя, — то изъ Преображенскаго отправился онъ около полуночи. Отнесенный въ комнату, въ монастырѣ, онъ бросился на постель, въ слезахъ разказалъ игумену о случившемся, и просилъ помощи и покровительства. Нѣсколько лотѣшныхъ (guards) и придворныхъ прибыли туда въ тотъ же день и въ слѣдующую ночь донеслись изъ Москвы разныя извѣстія. Внезапный отъѣздъ молодаго царя произвелъ большое смущеніе и распрю въ Москвѣ, дѣло

содержалось въ тайнѣ, и извинялось, или, лучше сказать, со всевозможными ухищреніями представлялось мало важнымъ. *

Слѣдуетъ ли принимать свидѣтельство Гордоново? Могъ ли онъ узнать обо всѣхъ обстоятельствахъ и записать ихъ у себя въ дневникѣ немедленно?

Гордонъ жилъ въ Нѣмецкой Слободѣ, въ сосѣдствѣ съ Преображенскимъ, да если и переѣхалъ въ новый свой домъ, то могъ получить извѣстія отъ пріятелей изъ Нѣмецкой Слободы, которые могли знать и знали все происходившее въ Преображенскомъ, и могли сообщить ему такую любопытную новость.

Имѣя такого вѣрнаго свидѣтеля, примемъ къ свѣдѣнію или къ подтвержденію показанія сдѣланнаго послѣ при допросахъ:

Псаломщикъ Антошъ Муромцевъ показалъ:

„А какъ де великій государь изволялъ идти изъ села Преображенскаго *скорымъ походомъ*, и той ночи Лаврентьева полку Сухарева пятидесятиликъ Алексѣй Савостьяновъ въ слободѣ ночевалъ, и поутру въ той слободѣ почали кликать остаточныхъ и слусковыхъ (?) стрѣльцовъ чтобы шли въ походъ. И онъ де Алексѣй посылалъ провѣдывать сына своего, названнаго, Степана Алексѣева, на съѣзжую избу, для чего кличуть стрѣльцовъ въ походъ? И десятиликъ ему сказалъ: для того де кличуть что великому государю походъ въ Троицкій монастырь, да тихонько ему сказалъ что де изволилъ на Преображенское идти *скорымъ походомъ въ одной сорочкѣ*. И онъ, пришедъ, ему Алексѣю сказалъ что де походъ въ Троицкій монастырь, а того ему не сказалъ что скорымъ обычаемъ походъ учинился. Онъ сказалъ послѣ бабкѣ своей, и та бабка, вышедъ въ городъ, сказала своимъ сестрамъ, и отъ нихъ де услышалъ погребщикъ, а какъ его зовутъ и какого чину, того онъ не вѣдаетъ. И погребщикъ де извѣщалъ въ стрѣлецкомъ приказѣ къ Ѡ. Шакловитому; и Ѡ. де тое бабку и его Степку взялъ въ стрѣлецкій приказъ, и десятилика который ему Степкѣ сказывалъ, взялъ и спрашивалъ. А къ нему Антошкѣ пришли изъ Сухарева полка и сказали что по посылкѣ Ѡ. Шакловитаго та баба и стрѣльцы взяты, и хочеть де имъ, выведъ на площадь, головы отсѣчь. И онъ Антошка пришедъ вверхъ, Ѡ. Шакловитому говорилъ, чтобъ онъ надъ ними показалъ милость для того что походъ великихъ государей учинился явель по всему государству.

* Гордонъ II, 268, подъ 8 янв.

И онъ де Ѳ. ему сказалъ: „и тебѣ же тутъ же доведется голову отсѣчь“. И послѣ того билъ челомъ онъ царевѣ, и послѣ де челобитья тѣ вышелісанныя люди изъ приказы освобождены и никакого наказанья имъ не учинено.“*

Изъ этого показанія видно что Петръ точно бѣжалъ ночью внезапно, въ одной сорочкѣ, слѣдовательно въ виду крайней опасности, неожиданно узнавшой; что по бѣгствѣ Петра, въ ту же ночь изъ Преображенскаго послано было распоряженіе звать стрѣльцовъ Сухарева полка въ походъ къ Троицѣ; что бѣгство сочтено, даже и въ народѣ, важнымъ событіемъ, и какой-то погребщикъ, узнавъ о немъ случайно, счелъ обязанностію тотчасъ донести о томъ главному лицу, Шакловитому; что бѣгство со стороны Софіи хотѣли содержать въ тайнѣ, и за первое разглашеніе виновники подверглись было казни.

Деньщики Шакловитаго, Ѳедоръ Турка, Иванъ Троицкій, Михайло Ѳеоктистовъ, съ товарищи, въ доносѣ своемъ показали:

Августа противъ 8го числа послалъ ихъ Шакловитый въ село Преображенское провѣдать, тутъ ли де государь и будетъ ли де къ Москвѣ, и государя де они въ Преображенскомъ не застали, а пріѣхали за полчаса до свѣта къ Шакловитому на дворъ, и сказали ему что благочестиваго царя изъ Преображенскаго согнали, *ушелъ де онъ босъ, только въ одной сорочкѣ*, а куда, того не вѣдомо, и онъ Шакловитый молвилъ: „вольно де ему взбѣсясь бѣгать“.**

Это показаніе вставлено въ особый какъ будто обвинительный актъ.

Самъ Шакловитый показывалъ: По утру часу (?) въ другомъ днѣ (то-есть 8го числа) пріѣхавъ они къ нему на дворъ (посланные имъ наканунѣ для развѣдыванія въ Преображенское деньщики его Ѳедоръ Турка, Иванъ Троицкой, Михайло Ѳеоктистовъ съ товарищи, а кого имени того не упомянуть) сказали что великій государь Петръ изволилъ идти изъ Преображенскаго въ ночи *скорымъ походомъ* въ село Алексѣевское; а послѣ того съ часъ спустя пріехалъ приставъ Родіо-

* Аристовъ, стр. 52. Замѣтимъ вѣрность Гордонова извѣстія о намереніи скрыть до времени въ Москвѣ извѣстіе о бѣгствѣ Петра, а потомъ представить его не имѣющимъ значенія.

** Тамъ же, стр. 35.

нова полка Остафьева и сказалъ что великій государь изво-
лилъ идти въ Тайницкое. *

Итакъ вѣрно что Петръ, услуганный извѣстіемъ что его
хотятъ въ эту ночь убить, бѣжалъ изъ Преображенскаго къ
Троицѣ. Это согласно свидѣтельству: Шаколовитый, его
дельщики и доносчики, Сухаревскій десятникъ, и тѣ люди
кому онъ сообщилъ эту новость.

Замѣтимъ въ пользу этихъ свидѣтельствъ что они согла-
сны съ Гордономъ, слѣдовательно показанія при попыткахъ
вообще не всѣ сомнительны.

Но правда ли это что Петра убить хотѣли въ ночь съ 7го
на 8е августа?

Едва ли было такое намѣреніе по крайней мѣрѣ на эту
ночь, судя по многимъ обстоятельствамъ.

Наканунѣ, предъ вечеромъ, князь В. В. Голицынъ, сшедъ
съ Верху, отдалъ приказъ полковнику Норманскому, бывше-
му въ тотъ день съ своихъ полкомъ на стѣнномъ [караулѣ,
всѣ ворота въ Кремлѣ, Китаѣ и Бѣлгородѣ залереть, какъ
пробьетъ первый часъ ночи, и никого не лускать, а отпи-
рать за часъ до свѣта.

Вотъ показаніе полковника[†] Андрея ;Норманскаго: „Авгу-
ста де въ 8й день (?) стоялъ онъ на Москвѣ на стѣн-
номъ караулѣ, въ Верху, съ полкомъ своимъ. И [того жъ де
числа князь В. Голицынъ за часъ до вечера [шелъ съ Вер-
ху, а приказалъ ему Андрею записать указъ въ книгу, чтобъ
запирать ворота въ Кремлѣ, въ Китаѣ и въ Бѣломъ городѣ,
какъ пробьетъ часъ ночи, а отпирать за часъ до [свѣта. А
знатныхъ людей велѣтъ пропускать попрежнему.“ **

Распоряженіе такое точно было сдѣлано, ибо Гордонъ [въ
своемъ дневникѣ подъ 7 августа говоритъ: „ночью собра-
лось много стрѣльцовъ, но никто не былъ впускаемъ кромѣ
извѣстныхъ и знакомыхъ лицъ. [Это встревожило партію
младшаго царя, такъ что всѣ, узнавшіе про то, послѣдили
въ Преображенское.“

† Для чего жъ бы дѣлать такое распоряженіе, еслибъ было
намѣреніе идти изъ Кремля? Напротивъ, — не видно ли изъ
этого что въ Кремлѣ боялись нападенія изъ Преображенскаго?

* Тамъ же, стр. 52.

** Аристовъ, стр. 9. Замѣтимъ и это согласіе разспросовъ при свидѣ-
ствіи съ извѣстіемъ Гордона о запираниіи воротъ.

Ни Голицына, ни Шакловитаго не было въ Кремль вечеромъ 7го числа. Вотъ свидѣтельство что Шакловитый прѣхалъ въ Кремль уже ночью. Подъячій Агалъ Петровъ локаль:

„Въ 197 году, августа 7го, приходитъ Агалка къ Шакловитому въ день, и онъ не велѣлъ ему уходить со двора. И часу де въ другомъ *ночи* лоѣхалъ Ѡ. Шакловитый въ Верхъ, а съ собою взялъ его Агалку, да подъячихъ же Ѡ. Степанова, Ивана Истомина. И какъ пришли за нимъ они въ Верхъ, и велѣлъ имъ спать въ Грановитой Палатѣ, и самъ онъ спалъ въ Грановитой же Палатѣ, да съ нимъ спалъ полковникъ А. Нормаций.“

„И часа за два до свѣта Ѡ. Шакловитый, взбудя ихъ, велѣлъ идти за государыней къ церкви Казанской Богородицы, и какъ начали лѣтъ молебень, Агалка взошедъ въ монастырь легъ спать.“

А вотъ свидѣтельство что и князя В. В. Голицына не было тогда въ Кремль. Шакловитый послалъ за нимъ изъ Казанскаго собора стрѣльца Абросима Петрова, которому сказано что онъ не можетъ. Тогда Шакловитый лоѣхалъ къ нему самъ и пробылъ полчаса. *

Итакъ по этимъ показаніямъ кажется что о наладеніи на Преображенское въ ночь съ 7го на 8е августа никто не думалъ: ни Софія, ни Голицынъ, ни Шакловитый.

Такъ можетъ сказать адвокатъ принимающій показанія подсудимыхъ на вѣру и составляющій изъ нихъ свое оправдательное цѣлое, но надо изслѣдовать, вѣрны ли они, не противорѣчатъ ли имъ другія показанія, наконецъ совершенно ли они согласны между собою.

Самъ Шакловитый показалъ что его больнаго вѣсколько разъ, 7го августа, вызывала къ себѣ на Верхъ царевна Софія. Она велѣла нарядить лѣшихъ стрѣльцовъ побольше сперва для сопровожденія ея на богомолье, но обѣщанію, въ Донской монастырь, потому что намедни предъ ея глазами убили на Дѣвичьемъ Полѣ отставнаго конюха.

Мы не станемъ разсуждать пока о томъ что обѣщаніе идти лѣшкомъ въ монастырь, разказъ объ убитомъ конюхѣ за

* Аристовъ, стр. 6, ссыла на столбецъ 24 въ свидѣственомъ дѣлѣ о Шакловитомъ.

двѣ недѣли на Дѣвичьемъ Полѣ, и необходимость имѣть въ провожатые стрѣльцовъ побольше съ ружьемъ, принадлежать къ выдумкамъ: онѣ не идутъ къ настоящему вопросу.

Мы примемъ сперва только показаніе Шакловитаго, что онъ нарядилъ стрѣльцовъ собираться въ Кремль для чего бы то ни было.

Когда онъ сдѣлалъ это распоряженіе?

Въ дѣлѣ не означено, но его опредѣлить можно по слѣдующимъ даннымъ:

Часъ спустя послѣ перваго порученія царица сказала ему (слѣдовательно онъ оставался на Верху): объявилось письмо что потѣшныя конюхи, собрався въ селѣ Преображенскомъ, хотѣли приходить августа противъ 7го числа на ихъ государской домъ въ ночи, и ихъ государей (то-есть Ивана и Софію съ сестрами) любить всѣхъ, а противъ 8го числа будутъ для того кончая (то-есть тѣмъ лаче), и чтобъ она брата своего великаго государя Ивана Алексѣевича и сестеръ своихъ здоровья оласла, и пр. Тогда царица велѣла собрать стрѣльцовъ человекъ триста или больше, всѣ ворота въ Кремль на ту ночь залпереть и впредь запираеть.*

Вотъ объ этомъ распоряженіи имѣемъ мы точное опредѣленіе времени: Полковникъ Нормандскій показалъ что онъ получилъ его отъ князя Голицына за часъ до вечера, какъ мы видѣли выше.

Слѣдовательно больной Шакловитый пришелъ на Верхъ, по зову царицы, часа за три до вечера; черезъ часъ по его приходѣ объявилось подметное письмо. Прочестъ письмо, разсудить, распорядиться о вызовѣ стрѣльцовъ — на это никакъ нельзя положить менѣе *двухъ часовъ*, и за часъ до вечера, черезъ три часа по его приходѣ, состоялось распоряженіе.

Стрѣльцы не вдругъ могли собраться: надо было къ нимъ послать приказы, надо ихъ было оповѣстить, изготавиться, наконецъ придти. Все это должно было продолжаться часа два, три, и они могли собраться только около полуночи, и тогда уже должны были послѣдовать окончательныя распоряженія.

Какимъ же образомъ въ такое опасное время, когда ожидалось нападеніе на Кремль, Шакловитый могъ оставить Царицу и уѣхать домой ночевать?

* Тамъ же, стр. 23.

Точно то же должно сказать и о князѣ Голицынѣ: могъ ли онъ не оставаться въ Кремлѣ, въ ожиданіи нападенія потѣшныхъ конюховъ?

Нѣтъ, они вѣрно оставались въ Кремлѣ въ обоихъ случаяхъ — хотѣли ль нападать оттуда, или тамъ обороняться.

Но подъячій Агалъ Петровъ показывалъ, какъ мы видели выше, что днемъ засталъ Шаковитого дома.

Для чего же Агалу Петрову выдумывать такое показаніе?

Становясь на адвокатскую точку, можно предположить, съ большою впрочемъ натяжкою, что Шаковитый, кончивъ свои распоряженія на Верху, за часъ до вечера, какъ это нами по изслѣдованію заключено, имѣлъ какую-либо нужду заѣхать къ себѣ на домъ, чтобы тотчасъ опять воротиться на Верхъ: въ такомъ случаѣ могъ Агалъ Петровъ застать его днемъ, хотя уже и очень позднею, въ послѣднія минуты предъ вечеромъ.

Предположить что Агалъ Петровъ пришелъ къ Шаковитому рано утромъ, нельзя, по ходу его рѣчи, ибо онъ говоритъ: я пришелъ, онъ меня оставилъ, и въ первомъ часу ночи пошелъ на Верхъ, велѣлъ мнѣ идти съ собою.

Подъ такое предположеніе подходитъ, хоть и не вполнѣ, показаніе и другаго подъячаго Федора Степанова: „Августа 7го пошелъ онъ на дворъ отца своего Степана Евдокимова (истолника Царевны), и на встрѣчу ему попался Ѡ. Шаковитый и велѣлъ идти за собою; былъ онъ у него во дворѣ часа полтора и на послѣдней четверти перваго поѣхалъ Шаковитый въ Верхъ и велѣлъ ночевать.“

По этому показанію выходитъ что Шаковитый дома оставался около полтора часовъ, то-есть воротился домой съ Верху, по нашему счисленію времени, въ одиннадцать часовъ, что несовсѣмъ согласно со „днемъ“ Агала Петрова.

Какъ бы то ни было, Шаковитый, по собственному его показанію, былъ въ Кремлѣ 7го августа, отлучаясь домой на короткое время, если даже принять показанія Петрова и Степанова.

Голицынъ же былъ на Верху до вечера, и если уѣхалъ, то могъ воротиться при малѣйшемъ признакѣ опасности, въ предположеніи оборонительномъ, а въ наступательномъ онъ желалъ даже и преднамѣренно оставаться въ сторонѣ, такъ какъ дѣло могло обойтись безъ него.

Ворота въ Кремль и Китаѣ могли запереться и на случай обороны, и на случай нападена — въ послѣднемъ для того чтобы скрыть приуготовленія.

Такимъ образомъ по вышеприведеннымъ даннымъ, слученымъ съ другими, нельзя утверждать (см. выше) что ни Софья ни Голицыны ни Шаковитыи не думали о нападени на Преображенское съ 7го на 8е августа. Вопросъ остается открытымъ.

Мы возвращаемся на ту точку съ которой начали изслѣдованіе: Петръ бѣжалъ ночью съ 7го на 8е число къ Троицѣ, испуганный доносомъ что его сейчасъ убить хотять въ Преображенскомъ.

Какъ доносчики это узнали и на чемъ основывали свой доносъ? Чтò побудило ихъ такъ послѣшить своимъ извѣстіемъ?

Первый вопросъ представляется здѣсь, кто были доносчики?

Судя по жалованной грамотѣ (см. ниже) ихъ было семеро: стрѣльцы Стремянаго Цыклерова полка: пятисотенный Ларіонъ Елизарьевъ, пятидесятники Ипать Ульфовъ, Дмитрій Мельновъ, десятники Ѳедоръ Турка, Яковъ Ладогинъ, Михаилъ Ѳеоктистовъ, Иванъ Троицкой.

И въ дѣлѣ о Шаковитомъ, при всей его запутанности, главное мѣсто занимаютъ ихъ извѣты.

Первое лицо между ними пятисотенный *Ларіонъ Елизарьевъ*; его имя стоитъ на первомъ мѣстѣ въ жалованной грамотѣ; между извѣтами главный и подробнѣйшій принадлежитъ ему; первое подозрѣніе царевны Софіи въ доносѣ пало на него; посланцамъ Шаковитаго къ Троицѣ поручено было развѣдывать чтò говорить Елизарьевъ и пр.

Чтò это было за лицо?

Соберемъ всѣ извѣстія объ немъ разбѣяныя въ дѣлѣ.

Это было лицо издавна самое близкое къ Шаковитому, довѣренное, посвященное въ его тайны, осыланное жалованьями царевны Софіи, которая часто призывала его съ товарищами къ себѣ для различныхъ тайныхъ объясненій.

Елизарьевъ въ 195 году (1687) въ Великій Постъ принесъ къ Шаковитому письмо, найденное на Лубянкѣ (онъ имѣлъ тамъ свой домъ), на полустолбцѣ, „а въ томъ письмѣ написано чтобы всякихъ чиновъ люди народомъ собрався шли

къ Казанской Богородицѣ, и выняли письмо у той церкви на лалерти за иконою Пресвятой Богородицы, и учинили бы по тому письму.“

Шакловитый послалъ за тѣмъ письмомъ самого Елизарьева, который его нашель и доставиль къ Шакловитому.

Въ письмѣ были писаны многія непристойныя слова о царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ, совѣтовалось „послать бояръ... къ которымъ она была милостива...“

„Получивъ такое письмо, царевна“, говоритъ Шакловитый, „должна была опасаться всякаго дурна.“

Письмо это было, разумѣется, выдуманно, но оно показываетъ какъ рано начала царевна Софія распускать слухи о своихъ опасностяхъ, и вмѣстѣ какою довѣренностію пользовался Елизарьевъ у Шакловитаго, который поручилъ ему исполненіе продѣлки.

Казалось нужно бы было, при розыскѣ, спросить Елизарьева о происхожденіи письма, которое могло бы объяснить многое, но въ дѣлѣ не видать ни малѣйшаго къ тому приступа.

Елизарьевъ раздавалъ деньги стрѣльцамъ, по порученію царевны Софіи, когда она намѣревалась вѣнчаться царскимъ вѣнцомъ, что доказываетъ давнюю ея къ нему довѣренность.

„Тому года съ два или больше, сказывалъ Гладкову Стремьяннаго полку стрѣлецъ Д. Воротниковъ: вѣдаешь ли де ты, на Семеновъ де день великую царевну вѣнчать царскимъ вѣнцомъ, и никому де ты не сказывай. И за то де далъ ему Д. Елизарьевъ полтора рубля денегъ.“

Стрѣлецъ Михаилъ Чететка показывалъ что Елизарьевъ призыванъ былъ Шакловитымъ къ себѣ на дворъ для совѣщанія объ избраніи новаго патріарха.

„Прежде того съ годъ или больше призывалъ Шакловитый ихъ къ себѣ на загородной дворъ, да съ нимъ разныхъ стрѣльцовъ, Ларіона Елизарьева, Ивана Шестакова, пристава Об. Петрова, Ал. Стрижова, Ел. Романова, Семенова полку Калустина, пристава Кондрашку (?), а иныхъ именъ не упомянуть, было человекъ съ 20. И при нихъ имъ Ѳ. Шакловитый говорилъ: имъ мочно де патріарха переимѣнить и взять изъ властей которые на ихъ руку, для того что отъ него многое преміе бываетъ.—И они де задумались и говорили, вѣдаютъ ли де про то великіе государи и бояре, и Ѳ.

имъ сказалъ, вѣдаетъ де одинъ великій государь, а другой въ малыхъ лѣтѣхъ, а про бояръ сказалъ: всѣ де отладшее зяблосе дерево. И они де ему сказали: твоя де воля, а ихъ разуму нѣтъ. И того числа вынялъ Ѡ. изъ кармана челобитную, а въ той челобитной имена стрѣльцкихъ и солдатскихъ полковъ и гостей и гостинныя сотни, чтобы великіе государи указали святаго патріарха перемѣнить за то что не ихъ рука. И они де ему говорили, кого де надо на его мѣсто быть, и онъ де имъ сказалъ изо властей; буде изо властей не похотятъ, мощно де и простаго старца, и учинять ему такую честь—тотъ же де будетъ патріархъ, и про челобитную сказалъ: я де напишу и бѣлую челобитную, и велѣлъ домой идти, и далъ имъ по бумажкѣ денегъ, а по сколько не уломнить.“

Изъ показанія Н. Гладкаго видно что Елизарьеву вмѣстѣ съ другими стрѣльцами царевна Софія жаловалась на проски царицы Натальи Кирилловны: „ему да Л. Елизарьеву, да Ульфову, да А. Кондратьеву, въ августѣ мѣсяцѣ въ первыхъ числахъ 197 году, великая государыня Софія Алексѣевна у церкви Ризъ Положенія въ палаткѣ изволила говорить: долго ль де намъ терпѣть? ужъ де житья нашего не стало де отъ князя Бориса да отъ Льва; брата ихъ великаго государя Іоанна Алексѣевича комнату дровами заклали, и хотятъ де князь Василья Васильевича Голицына голову отрубить, а онъ де добра много сдѣлалъ. Польское де перемиріе учинилъ, съ Дону де выдачи не бывало, а его де промысловъ и зъ Дону выдаютъ. Да на него жъ де все несутъ: братъ де ему князь Борисъ... и вы де насъ не покинете, мочно ль де на васъ надѣяться и кн. Бориса и Льва взять. И они де ей, великой государынѣ, сказали: „воля де въ томъ ваша государская“, и велѣла комнатному истолнику дать имъ сто рублевъ денегъ, и тѣ деньги имъ даны.“

(Не этотъ ли случай въ извѣтѣ Ульфова приписанъ Шакловитому?): „Говорилъ ему Илату“, показываетъ Илатъ Ульфовъ, „да Л. Елизарьеву, да А. Кондратьеву и Н. Гладкому Ѡ. Шакловитой, „мощно ль на васъ надѣяться? Голицынъ съ товарищи изгоняютъ и поругаются и вѣнецъ царской изломали. Мочно ль де вамъ ихъ взять, и учинить надъ ними смертное убивство?“ И въ то де время далъ онъ Ѡ. имъ четверымъ: ему, Илату, и Ларіону, и Андрюшкѣ, и Н. Гладкому,

государева жалованья 100 рублей, по 25 рублей человѣку, для того чтобъ они на такое дурно были готовы.“

Изъ показанія истолника Евдокимова видно что Елизарьевъ приводимъ былъ для совѣщанія къ царевнѣ Софіи къ церкви Воскресенія. „Съ Ивановской площади для стрѣльцовъ, какъ укажетъ великая царевна быть имъ Вверхъ, истолникъ Степанъ Евдокимовъ хаживалъ; а буде его въ которое время не прилучится, хаживалъ истолникъ О. Осиповъ, и стрѣльцовъ съ Ивановской площади *Елизарьева* и Ульфома Вверхъ приваживалъ ко Воскресенью.“ *

Никита Гладкій сказалъ: Медвѣдевъ де ему, Микиткѣ, далъ денегъ 5 руб., Ларіону *Елизарьеву* 10 руб., Ѳедору Туркѣ, Михаилу Ѳеоктистову, Ивану Троицкому далъ по пяти рублей. А. С. Медвѣдевъ на очной ставкѣ въ заставкѣ съ Гладкимъ сказалъ: такія де деньги стрѣльцамъ онъ давалъ, а велѣлъ де ему раздать Ѳ. Шакловитый въ то время какъ поѣхалъ къ гетману для того что стрѣльцы погорѣли. **

Л. Елизарьевъ сказывалъ Сильвестру что у Ѳ. Шакловитаго есть роспись, кого имъ бить, которую Шакловитый хотѣлъ имъ дать. ***

Наконецъ вотъ еще какое показаніе объ Елизарьевѣ далъ С. Медвѣдевъ:

„Пятисотный *Л. Елизарьевъ*, пришедъ къ нему, плакалъ: бѣда де на нихъ пришла великая, не знаютъ де какъ быть, призывалъ де ихъ Ѳ. Шакловитый, его, да О. Кондратьева, Стрижова, Петрова, и говорилъ чтобъ имъ тайно въ ночи послать по боярина Льва Кирилловича Нарышкина да крачегю князя Бориса Алексѣевича и иныхъ, а кого, то онъ не знаетъ.“ (Елизарьевъ просилъ его:), „Про тѣ ихъ слова ему, Ѳ., не сказывать“. Сильвестръ отсовѣтовалъ и грозилъ гибелью и въ этомъ вѣкѣ и въ будущемъ; „онъ де ему и въ лицо скажетъ“. Ларіонъ съ товарищи спросили его: „какъ же имъ быть и отъ того дѣла отговориться, потому что за то непослушаніе боятся они смерти“. Сильвестръ присовѣтовалъ сказать „что (имъ) того дѣла учинить однимъ никоими мѣры невозможно, а иными говорить они о томъ не смѣютъ, говоритъ бы онъ самъ имъ“. Ѳ. можетъ отпереться и всѣхъ ихъ

* Арпстовъ, стр. 6.

** Тамъ же, стр. 66.

*** Тамъ же, стр. 73.

напрасно погубить. Елизарьевъ привелъ къ нему товарищей своихъ, и Сильвестръ „имъ о томъ чтобы имъ не дѣлать за-прещаль же и говорилъ имъ: „если де вы то учините, прола-дете“. Тогда они, Елизарьевъ съ товарищи, ему, Ѡ., отказа-ли и того дѣлать не стали. И *многажды* ему Сильвестру онъ, Ларіонъ, говаривалъ: еслибы де „онъ“ ихъ не укрѣпилъ и имъ де было то сдѣлать.“ *

Противъ этого показанія никакихъ возраженій въ дѣлѣ нѣтъ.

Замѣтимъ еще что рѣшеніе убить Голицына и Нарышки-на и другихъ дѣлано было давно, какъ видно изъ этихъ по-казаній.

Вотъ еще свидѣтельство того же Елизарьева на стрѣльца Аѳанасія Ларіонова, которое доказываетъ вмѣстѣ съ прочи-ми что онъ зналъ всѣ дѣла и замыслы того времени: „Въ 195 году августа въ 18 числѣ призывалъ его Шакловитый на загородный дворъ, да Б. Дмитріева съ товарищи, и гово-рилъ чтобъ имъ сентября де 1го числа 197 года, какъ изво-лятъ великіе государи въ возобновленіе новаго лѣта выдти къ дѣйству, изъ тѣхъ лодковъ приготовить стрѣльцовъ че-ловѣкъ по 50 и по 60, и побрать де боярина Льва Кирилло-вича съ братьями и посадить за караулъ; а Сухаревскимъ стрѣльцамъ приказалъ чтобъ въ то время для того дѣла Кремль они заперли. А прежь сего за день Ѡ. Ш. его при-звалъ и сказалъ ему государеву милость и службу ихъ по-хвалилъ. И дано де было имъ за то денегъ по пяти рублей, а деньги давалъ Ѡ., и въ тѣхъ де лодкахъ которые къ тому были призваны, своей братьѣ велѣлъ сказывать, и давали имъ по два рубля человѣку.“

Первое знакомство Елизарьева съ Сильвестромъ Медвѣ-девымъ учинилось (черезъ Гладкаго), приходилъ онъ, Глад-кій, къ нему съ *Ларіономъ* и пилъ пиво.

А *Елизарьевъ* далъ Никитѣ Гладкому тетрадку о церков-ныхъ предметахъ, полученную отъ Медвѣдева.

Изъ всѣхъ этихъ показаній видно что Ларіонъ Елизарь-евъ находился въ самыхъ короткихъ отношеніяхъ къ царев-нѣ Софіи, Шакловитому и С. Медвѣдеву, и даже въ послѣд-ній день Шакловитый сообщилъ ему, кажется, о своемъ на-мѣреніи (см. ниже).

* Тамъ же, стр. 38.
т. сѣм.

Изъ прочихъ доносчиковъ Турку, Θεоктистова, Троицкаго, Устряловъ называетъ, не знаю почему, деньщиками Шакловитаго. Ихъ посылалъ онъ съ 7го на 8е число провѣдывать о Петрѣ въ окрестностяхъ Преображенскаго.

О *Туркѣ* по дѣлу извѣстно что онъ ставалъ на Ивановской площади, гдѣ велѣно было ему слушаться приказовъ, которые принесутся съ Верху истопникомъ Евдокимовымъ.

Ульфога, какъ Елизарьева, призывала часто царица въ Верхъ къ Воскресенью, гдѣ она говорила съ ними тайно.

—

Теперь обратимся къ показаніямъ о событіяхъ съ 7го на 8е число августа, подавшимъ поводъ къ бѣгству Петра. Здѣсь представляется такое замѣшательство, такая путаница, такія противорѣчія, которыхъ разрѣшить, согласить, объяснить нѣтъ никакой возможности, тѣмъ болѣе что розыскъ не вполне извѣстенъ, какъ замѣчено выше.

Устряловъ говоритъ что Шакловитый передалъ свое распоряженіе, которое представлено нами прежде, стрѣльцамъ Обросиму Петрову и Андрею Кондратьеву, и послалъ деньщиковъ своихъ Турку, Троицкаго и Капранова „верхомъ къ селу Преображенскому для вѣстей, куда пойдетъ царь Петръ, и велѣлъ караулить его одному подъ рощею, другому у Краснаго Села, третьему на плотинѣ“.*

Устряловъ ссылается на показаніе Петрова, подтверждающее де Шакловитымъ, котораго нѣтъ въ выдержкахъ Аристова.

Мы находимъ впрочемъ подтвержденіе о распоряженіи Шакловитаго собираться стрѣльцамъ въ Кремль въ показаніи Юрія Лѣсника: „По приказу пятидесятника *О. Петрова* наряженъ онъ, Юрка, августа противъ 8го числа въ ночи, и иные того жъ полку стрѣльцы съ ружьемъ, человекъ со сто выборомъ, а иттить имъ велѣлъ въ Кремль.... и поставилъ ихъ Оброська на Лыковъ дворъ, да съ ними Микитка Гавкій съ товарищи.“

Порученіе *Кондратьеву* доказывается словами Гладкаго: „Августа 8го числа въ ночи, велѣлъ ему приставъ Кондратьевъ нарядить сто человекъ стрѣльцовъ, и онъ дрисеадъ на Лубяку“ и пр.

—

* Устряловъ, т. II, с. 55.

Приведемъ теперь извѣтъ самого Елизарьева, подтвержденный Гладкимъ, которому судьбою было предоставлено заварить кашу на гибель своихъ единомышленниковъ.

Устраловъ вотъ какъ начинается разказъ объ этомъ событіи: „Ларіонъ Елизарьевъ до 28го іюля пользовался особенною довѣренностью Софіи, неоднократно бывалъ въ ея хоромахъ, саушалъ ея жалобы на царицу, сопровождалъ ее на всѣхъ выходахъ и не измѣнялъ ей ни словомъ, ни дѣломъ; но когда Шаковитый потребовалъ у него рѣшительно убійства Нарышкиныхъ и другихъ приверженцевъ Петра, Елизарьевъ, вспомявъ Бога, условился со своими товарищами при первомъ признакѣ опасности извѣстить о томъ государя, а въ случаѣ надобности пожертвовать для защиты его собственною жизнью. Въ домѣ его собирались стрѣльцы преданные Петру, въ томъ числѣ девятишки Шаковитаго; а на дворѣ стояли осѣдланная лошади для скорѣйшей вѣдомости.“

Извѣтъ Елизарьева, помѣщенный въ выдержкахъ Аристова, состоитъ въ слѣдующихъ словахъ:

„У него Елизарьева были въ дому того жъ Стремяннаго полку десятники: Турка, Феоктистовъ, Троицкій, Ладогинъ. И въ то де число прибѣжала на Лубанку къ сѣзжей избѣ Н. Гладкій, да А. Сергѣевъ, и отъ сѣзжей избы прислали по него, Ларіона, его, Сергѣева, чтобы шелъ къ сѣзжей избѣ. И оны, и вышелисавные десятники лошаи съ нимъ. И у святыхъ воротъ оны Н. Гладкій говорилъ имъ чтобы стрѣльцы взяли сто другое съ ружьемъ, шли въ городъ, всѣ де готовы, а ихъ де приказу никакого нѣтъ.... У Спасскаго набату языкъ оны привязалъ.... слушайте набату.... И велѣлъ на сѣзжей избѣ караульнымъ пятидесятиникамъ клаукать въ строевыхъ кафтанахъ съ ружьемъ 300 человекъ, и приказывалъ строевымъ, собрався, идтить по набату въ городъ не мѣшкая, а Федору Туркѣ съ товарищи вѣхать по заставамъ для вѣстей.... и Турка говорить ему, по какому де указу имъ иттить въ городъ? а люди де у нихъ готовы.“ * „И Ѳ. де Турка ему, Микиткѣ, сказалъ что они де его не слушаютъ, и Михаила Капранова для провѣданья въ городъ послаалъ.“

Положимъ что Елизарьевъ съ товарищами, имѣвъ нѣсколько

* С. 57. Устраловъ ссылается здѣсь на показаніе Ларіонова (Ларіона Елизарьева) и другихъ, но имъ не находимъ этихъ важныхъ показаній и въ выдержкахъ Аристова.

разъ вызовъ Шакловитаго на убійства въ Преображенскомъ, какъ мы видѣли выше, могли заключить изъ послышки Гладкаго что оно рѣшено на нынѣшнюю ночь, но какимъ же образомъ объяснить что въ извѣтѣ своемъ онъ говорилъ объ убійствахъ въ Кремль, когда придетъ туда Петръ, а не въ Преображенскомъ: „*Θ. Шакловитый* призывалъ М. Гладкаго, да его *Ларіона*, да пристава А. Кондратьева, Е. Романова, и говорилъ имъ чтобъ приготовить стрѣльцовъ 100 или 200 человекъ, а буде мочно, хотя бъ кто и весь полкъ привелъ для того, какъ великій государь Петръ.... *изволитъ* къ Москвѣ быть, а въ то число любить бояръ Льва К. Нарышкина съ братьями, да кравчего Б. А. Голицына, будто они хотятъ извести великую государыню Софію Алексѣевну. Да въ то жъ число велѣлъ онъ *Θ.* любить Нарышкиныхъ всѣхъ до одного человека, и Лопухиныхъ, да Апраксиныхъ всѣхъ троихъ, Викулу Извольскаго, Федора Зыкова.“

Здѣсь говорится, кажется, именно о приготовленіяхъ и распоряженіяхъ въ случаѣ нападена на Кремль съ 7го на 8е августа, ибо употребляются выраженія означающія однократное дѣйствіе: приготовить, привести. Такъ нельзя бы говорить о постоянной, имѣющей быть всегда, готовности. Какой бы смыслъ имѣли слова: приготовить сто-двѣсти человекъ, а кто можетъ, тотъ приводи хоть цѣлый полкъ, чтобъ любить... когда придетъ царь Петръ? Какъ можно готовить, приводить, не зная, *когда* именно это нужно?

Въ признаніи Гладкаго, выраженномъ почти тѣми же словами, какъ и извѣтъ Елизарьева, смыслъ этотъ о 7мъ числѣ нѣсколько затемняется тѣмъ что Гладкій, рассказавъ о призваніи, продолжаетъ: „А августа де противъ 8го числа въ ночи велѣлъ ему приставъ Кондратьевъ нарядить сто стрѣльцовъ и пр.“ Последнее обстоятельство какъ бы отдѣляется отъ перваго союзомъ а: вотъ слова Гладкаго:

„*Θ. Шакловитый* призывалъ его, Н. Гладкаго, да Елизарьева, Кондратьева, Петрова, Романова, и говорилъ имъ онъ, *Θ. Шакловитый*: великая де государыня приказывала чтобъ боярина Льва К. Нарышкина и кравчего князя Бориса А. Голицына любить и идти бы имъ для того великимъ собраніемъ къ великому государю (!) въ походъ въ село Преображенское и въ Преображенскомъ бы ихъ и любить. А августа противъ 8го числа въ ночи велѣлъ ему приставъ А. Кондратьевъ нарядить 100 человекъ стрѣльцовъ; и онъ пришелъ

на Лубянку, къ Ларіонову двору Елизарьева, съ Сергѣевымъ, говорили ему, Ларіону, что приставъ (Кондратьевъ) прислалъ, ведѣлъ и проч.“ *

Странно было бы чтобы Шакловитый, задумавъ наладеніе на Преображенское, не далъ бы знать о томъ Елизарьеву, одному изъ самыхъ близкихъ и довѣренныхъ къ себѣ лицъ, которому и прежде говорено было о томъ часто.

Но странно и то что Елизарьевъ въ извѣтѣ своемъ выражается объ этомъ не такъ ясно и точно. Ему слѣдовало бы сказать прямо: Шакловитый де въ такомъ-то часу призвалъ меня съ такими-то товарищами, и сказалъ мнѣ что положено идти на Преображенское въ такомъ-то часу, или чтобъ мы тогда-то приводили стрѣльцовъ въ Кремль въ ожиданіи тамъ Петра.

Впрочемъ кажется что это только недостатокъ точности въ изложеніи дьяковъ-редакторовъ, которой требовать нельзя въ данномъ случаѣ. Елизарьевъ и Гладкій, кажется, говорятъ одно и то же объ одномъ и томъ же дѣлѣ; Шакловитый сообщалъ распоряженіе тому и другому, именно о нападении 7го августа.

„Елизарьевъ шелнулъ Мельнову“, продолжаетъ Устряловъ, описавъ появленіе Гладкаго на Лубянкѣ, „посмотрѣть что дѣлается въ Кремлѣ. Скоро возвратился Мельновъ и объявилъ что Кремль наполненъ вооруженными стрѣльцами, что всѣ ворота заперты, что въ глазахъ его Никита Гладкій стащилъ съ лошади царскаго спальника, пріѣхавшаго изъ Преображенскаго, Феодора Феодоровича Плещеева, и избивъ, отвелъ его на Верхъ къ Шакловитому. Видя что дѣло начинается, Елизарьевъ и друзья его велѣли отомкнуть церковь Преподобнаго Феодосія, что на Лубянкѣ, позвали священника и предъ святымъ Евангелиемъ, цѣлуя животворящій крестъ, дали клятву спасти царя.“

Устряловъ ссылается здѣсь также на показанія Ларіонова и другихъ, с. 57, но я нигдѣ не нашелъ этого показанія, ни у Аристова, ни въ слискѣ Археологической Коммиссіи.

Теперь спрашивается, какимъ же образомъ Елизарьевъ, зная что въ Кремлѣ ждуть наладенія,—это онъ пишетъ самъ въ своемъ извѣтѣ,—и вовсе не думаютъ наладать нынѣ на

* Аристовъ, с. 44.

Преображенское, могъ послать туда извѣстiе что Петра убить хотять и идуть для того въ Преображенское? Онъ могъ донести только что въ Кремль сдѣланы приготовления его встрѣтить.

Еслибъ даже порученiю Шакловитаго, которое приведено выше (приготовить, привести) придавать общiй смыслъ, а не приурочивать его именно къ 7му числу, то отъ Турки, Троицкаго, Θεоктистова, которые посланы были Шакловитымъ развѣдывать куда поидеть Петръ изъ Преображенскаго, Елизарьевъ могъ быть извѣщенъ объ ожиданiи, а не о нападенiи. И Сильвестру тою же ночью сказалъ Елизарьевъ что велѣно собираться стрѣльцамъ въ Кремль въ ожиданiи нападенiя Петрова, что видно изъ показанiя старца Арсенiя, жившаго и бѣжавшаго съ С. Медвѣдевымъ. Онъ показывалъ:

„Августа де противъ 8го числа, часу въ другомъ или третьемъ ночи, стрѣльцы Елизарьевъ и Гладкiй (?), Турка, Θεоктистовъ, къ нему Сильвестру приходили и говорили: тое де ночи великiй государь будетъ изъ села Преображенскаго къ Москвѣ, а имъ де велѣлъ (кто? Шакловитый) собраться въ городъ, а многимъ ли человекамъ и изъ которыхъ приказовъ, того онъ не вѣдаетъ. А Сильвестръ де Медвѣдевъ что имъ говорилъ, того онъ не слышалъ; только онъ то слышалъ отъ Сильвестра будто онъ стрѣльцамъ говорилъ: „что де вы дѣлаете? Чтобъ ваши души не пропали.“*

Что же послѣ этихъ соображенiй и показанiй должно бы заключить отъ извѣтiя Елизарьева съ товарищами, будто стрѣльцы идуть въ Преображенское убить Петра?

Извѣтъ ихъ былъ ложный. Они лгали завѣдомо.

Не меньше противорѣчiй представляется и въ другихъ обстоятельствахъ.

Гладкiй зналъ о порученiи Туркѣ, Троицкому, Θεоктистову. Звавши стрѣльцовъ въ Кремль словами что тамъ всѣ готовы, онъ какъ будто даетъ понять что оттуда собираются идти на Преображенское, а напоминая Туркѣ, Троицкому, Θεоктистову о развѣдываньѣ, онъ какъ будто думаетъ что въ Кремль ожидается нападенiе.

Для чего Туркѣ спрашивать Гладкаго, по какому указу стрѣльцы должны идти въ Кремль, когда ему дано другое

* Тамъ же, стр. 45.

порученіе, напомнимъ ему даже Гладкимъ? Гладкій на его вопросъ могъ отвѣтить ему что получалъ приказъ отъ Кондратьева.

Съ чего же говорить Туркѣ что не хочетъ слушать Гладкаго? О комъ говоритъ онъ: мы готовы, тѣмъ болѣе что дѣло до него не касалось, и ему дано было совершенно особое порученіе?

Съ чего ему, имѣющему совѣтъ другое порученіе, посылать, для повѣрки объявленнаго Гладкимъ, Капранова, которому тотъ, ни мало не оскорбляясь, рассказываетъ по дорогѣ что онъ сдѣлаетъ съ патріархомъ, ризничимъ, тѣмъ или другимъ бояриномъ?

Турка показываетъ что послалъ съ Гладкимъ Капранова, что подтверждаетъ и Гладкій, а Елизарьевъ, по Устрялову, посылаетъ Мельнова, который возвращается и сообщаетъ ему что Кремль наполненъ стрѣльцами. Тогда Елизарьевъ посылаетъ Мельнова съ Ладогинымъ въ Преображенское.

Возвратился ли Капрановъ и съ какими извѣстіями, неизвѣстно.

А сами Елизарьевъ, Турка, Θεоктистовъ (старецъ Арсеній присоединяетъ къ нимъ Гладкаго вѣроятно по ошибкѣ) идутъ въ Кремль, неизвѣстно олять—одни или съ требуемыми стрѣльцами, и, пославъ доносъ о нападении на Преображенское, заходятъ сказать Сильвестру что въ Кремль ожидаютъ Петра, и имъ велѣно туда собираться.

А у Сильвестра былъ уже Кондратьевъ, который сказалъ ему то же:

„Въ ночи часу въ другомъ или третьемъ пришелъ къ нему А. Кондратьевъ и сказалъ: былъ де онъ въ слободѣ, и приказалъ чтобы сто человекъ съ ружьемъ шли въ Кремль, да изъ Ефимьена де и изъ Жукова полковъ указала великая государыня быть по сту жь человекъ съ ружьемъ. А сказываютъ де что великій государь Петръ Алексѣевичъ изволитъ быть тое ночи къ Москвѣ, и великой государынѣ Софіи Алексѣевнѣ хочетъ отъ владѣнія отказать. И онъ де ничего имъ не сказалъ.“*

Турка и Θεоктистовъ идутъ теперь съ Елизарьевымъ въ Кремль, во 2 или 3 часу ночи, а имъ вѣдь велѣно ѣхать для вѣстей къ Преображенскому, и они прѣдутъ оттуда поутру

* Тамъ же, с. 41.

часу въ другомъ днѣ, съ донесеніемъ что Петръ усакаалъ въ Алексѣевское (первое село на пути къ Троицѣ).

Здѣсь еще не всѣ волющія противорѣчія. Вотъ одно изъ самыхъ громкихъ:

Пѣвчій Лаврентій Кузьминъ Бурмистровъ показалъ:

„А августа противъ 8го числа, какъ собираы въ Кремль стрѣльцы, ночевалъ онъ дома. А дворъ его на Лубянкѣ; и услышалъ той *ночи* что собираются стрѣльцы. Онъ пришелъ на Лубянку. У церкви стоятъ стрѣльцы Елизарьевъ да Троицкій, да Турка; онъ спросилъ ихъ, для чего они собираются. Они ему сказали: „вѣлно имъ итти въ городъ“, больше того онъ съ ними ничего не говорилъ, и побѣжалъ въ монастырь къ старцу Селиверстру сказать ему, *какая бѣда чинится*. А то де слово онъ: „какая бѣда чинится“ сказалъ потому, на дорогѣ стрѣлецъ Θεоктистовъ ему говорилъ: *какую бѣду Микитка Гладкой сдѣлалъ было, велѣлъ стрѣльцамъ итти въ городъ съ ружьемъ; а для чего, того не сказалъ.*“ *

Какимъ образомъ Θεоктистовъ, посланный Шакаловитымъ для развѣдыванія о Петрѣ въ Преображенскомъ, оказавшійся ночью у Елизарьева на Лубянкѣ съ товарищами, и выслушавшій вмѣстѣ съ ними вызовъ Гладкаго, *смогъ* встрѣтиться Бурмистрову, бѣжавшему съ Лубянки на Никольскую въ Заиконосласскій монастырь къ С. Медвѣдеву?

Какъ онъ успѣлъ побывать уже въ Кремль, видно до Капранова и Мельнова (?!), и узнать совершенно другое, чѣмъ Мельновъ, то-есть что Гладкій поднялъ напрасную тревогу? „*Какую де бѣду сдѣлалъ было Н. Гладкій, велѣлъ стрѣльцамъ итти въ городъ съ ружьемъ*“, оказалъ онъ Бурмистрову. И Сильвестръ, вышедъ къ Бурмистрову изъ чулана, подтверждаетъ это извѣстіе: „*вотъ де какая бѣда, что бѣшеный Микитка Гладкой дѣлаетъ*“.

Θеоктистовъ, встрѣчая Бурмистрова, бѣжавшаго съ Лубянки, пока тамъ оставался еще Елизарьевъ съ товарищами и Гладкимъ, долженъ былъ воротиться туда прежде Мельнова (и Капранова), и объяснить бѣду нужнѣе своимъ сообщникамъ, чѣмъ мимоходомъ Бурмистрову, лицу постороннему, а они не узнаютъ отъ него, видно, ничего о напрасной бѣдѣ, а напротивъ узнаютъ отъ Мельнова, который долженъ былъ воротиться къ нимъ послѣ Θεоктистова, о собраніи стрѣльцовъ,

* Тамъ же, с. 49.

воздѣствіе чего посылають доносъ въ Преображенское, чтобы спасался Петръ! Чтò же дѣлалъ тутъ Θεоктистовъ? Узнается что тревога поднята Гладкимъ по лустому, а между тѣмъ посылается въ Преображенское извѣстіе, чтобы тамъ спасались отъ убійць.

Устряловъ говоритъ что Гладкій прибѣгалъ на Лубянку и въ другой разъ съ понужденіемъ. Этого я не нахожу въ выдержкахъ у Аристова, и никакъ не могу понять: если первая его выходка сочтена бѣдою, какъ назвалъ ее Θεоктистовъ и подтвердилъ Медвѣдевъ, то по чьему приказанію могъ онъ прибѣгать на Лубянку во второй разъ и повторять свою бѣду?

Θеоктистовъ говорилъ Бурмистрову что Гладкій сдѣлалъ было бѣду. Θεоктистовъ заходилъ къ Сильвестру съ Елизарьевымъ и Туркой и говорилъ что имъ велѣно собраться въ городъ. Θεоктистовъ же говорилъ Сильвестру что Кондратьевъ смутилъ и сбора нѣтъ.

Да въ тое же ночи (послѣ 2 или 3 часа) къ нему Сильвестру въ монастырь заходили стрѣльцы Турка, Михайло Θεоктистовъ, и сказали что А. Кондратьевъ смутилъ, сказалъ же онъ, будто въ Кремлѣ де стрѣльцовъ никого нѣтъ.

Наконецъ Θεоктистовъ съ Туркою и Троицкимъ является на утро къ Шакловитому съ донесеніемъ что Петръ убѣжалъ въ одной сорочкѣ.

Вотъ какія противорѣчія являются въ показаніяхъ, а если мы попытаемся развѣстить всѣ показанія въ хронологическомъ порядкѣ, то противорѣчій и несогласностей явится еще больше.

Изчислимъ сперва дѣйствія.

Шакловитый позванъ на Верхъ и получилъ приказаніе распорядиться о собраніи стрѣльцовъ для провожанья царевны Софіи.

Черезъ часъ по полученіи извѣстія о нападеніи изъ Преображенскаго, онъ сдѣлалъ новыя распоряженія.

За часъ до вечера дано приказаніе княземъ Голицынымъ запереть ворота.

Шакловитый послалъ Турку, Троицкаго, Θεоктистова, для вѣстей въ Преображенское.

Собираются стрѣльцы и помѣщаются — одни на Лыковъ дворъ, другіе у Житнаго двора, третьи у дворцовой лѣстницы.

Гладкій бѣжитъ ночью на Лубянку собирать стрѣльцовъ, по приказу Кондратьева, и посылаетъ Сергѣева за Елизарьевымъ. Елизарьевъ является съ Туркой, Троицкимъ, Θεоктистовымъ, которые у него были.

Турка споритъ съ Гладкимъ.

Пѣвчій Бурмистровъ, жившій на Лубянкѣ, слышитъ о избраніи стрѣльцовъ, выбѣгаетъ на улицу, видитъ у церкви Елизарьева, Гладкаго, узнаетъ причину и бѣжитъ въ 5 часу ночи на Никольскую къ Сильвестру, чтобъ извѣстить его о происходящемъ.

Елизарьевъ посылаетъ Мельнова въ Кремль для освѣдоченія.

Турка Калранова, который отправляется вмѣстѣ съ Гладкимъ.

Встрѣчается Бурмистрову Θεоктистовъ на дорогѣ и говорить о бѣдѣ сдѣланной Гладкимъ. Сильвестръ подтверждаетъ его слова.

Возвращается Мельновъ изъ Кремля. Доносчики кажутся въ вѣрности.

Елизарьевъ посылаетъ Мельнова съ доносомъ въ Преображенское, чтобы Петръ спасался.

Гладкій прибѣгаетъ во второй разъ на Лубянку, съ востоятельнымъ призывомъ.

Бурмистровъ, уходя въ 5 часу ночи, встрѣчаетъ Кондратьева у дверей Сильвестровыхъ.

Кондратьевъ заходитъ къ Сильвестру и говоритъ что нарядилъ стрѣльцовъ въ Кремль.

Мельновъ является въ Преображенское около полуночи.

Петръ разбуженный скачетъ опрометью къ Троицѣ.

Елизарьевъ, Турка и Троицкій заходятъ къ Сильвестру и говорятъ что имъ велѣно идти въ Кремль. *

Послѣ того Турка и Θεоктистовъ заходятъ къ Сильвестру и говорятъ что Кондратьевъ смутилъ.

Шаковитый между тѣмъ пришелъ на Верхъ въ 1 часу ночи и остаася тамъ ночевать.

Софія за два часа до свѣта идетъ въ Казанскую церковь.

Елизарьевъ разговариваетъ съ Агаломъ Петровымъ за церковью.

Являются дельщики Троицкій, Θεоктистовъ, къ Шаковитому и доносятъ о бѣгствѣ Петра изъ Преображенскаго.

* Тамъ же, с. 48.

Возьмемъ за исходную точку прибытіе стрѣльцовъ съ доносомъ въ Преображенское немного спустя по полуночи, и бѣгство Петра, прискакавшаго къ Троицѣ въ 6 часовъ утра, что мы узнаемъ навѣрное изъ дневника Гордонова.

Если Мельновъ и Ладогинъ прискакали въ Преображенское немного спустя по полуночи, то съ Лубянки отправились они по нашему счету часовъ около половины 12го.

Мельновъ предъ отправленіемъ своимъ въ Преображенское успѣлъ воротиться изъ Кремля, куда былъ посланъ доносчиками для осмотра: проѣхать взадъ и впередъ, съ Лубянки въ Кремль и изъ Кремля на Лубянку, осмотрѣть Кремль и передать о видѣнномъ, на это нуженъ по крайней мѣрѣ часъ.

Переговорить между собою доносчикамъ, принять рѣшеніе, обязаться взаимною присягой въ церкви и отправить вѣстниковъ въ Преображенское нужно также около часа.

Слѣдовательно Мельновъ съ Лубянки посланъ былъ въ Кремль въ половинѣ 10го часа, воротился въ половинѣ 11го, и отправленъ къ Петру въ половинѣ 12го.

Мельновъ ѣздилъ съ Лубянки въ Кремль, по выслушаніи Гладкаго. Гладкій, прибѣжавъ на Лубянку, посылалъ за Елизарьевымъ, который пришелъ съ товарищами. Онъ передалъ имъ приказъ, разказывалъ, спорилъ съ Туркою; на все это по крайней мѣрѣ нуженъ часъ. Слѣдовательно Гладкій прибѣжалъ на Лубянку въ половинѣ 9, а изъ Кремля около 9 часовъ, получивъ приказаніе Кондратьева, который привелъ стрѣльцовъ на Лыковъ дворъ въ 9 часу.

Стрѣльцовъ надо было оповѣстить, нарядить, имъ надо было собраться, и придти можетъ-быть отъ кыпѣвшей Сухаревой башни изъ-за Москворѣчья: на это нужно около двухъ часовъ, то-есть первый приказъ данъ въ 7 часовъ, что можетъ-быть и сходится съ извѣстіемъ что Голицынъ велѣлъ залереть ворота Кремлевскіе за часъ до вечера, хотя расчетъ этотъ противорѣчитъ нѣсколько показаніямъ что Гладкій прибѣжалъ на Лубянку ночью, а не вечеромъ въ 9 часу.

Но вотъ что какимъ образомъ объяснить уже нельзя Бурмистровъ почевалъ у себя дома на Лубянкѣ. Ночью онъ услышалъ что собираются стрѣльцы, вышелъ на улицу узнать что дѣлается, увидѣлъ Елизарьева, Троицкаго и спросилъ ихъ, и „больше того ничего съ ними не говорилъ“, любѣжалъ къ Сильвестру. По вышепредложенному изслѣдованію это не могло быть иначе какъ въ 10 часу, а Бурмистровъ показы-

валъ что прибѣжалъ въ монастырь въ 5 часу ночи съ Лубянки на Никольскую. У Сильвестра побылъ онъ съ „четверть часа“ и уходя встрѣтилъ Кондратьева! Какимъ образомъ Гладкій, воротаясь съ Капрановымъ въ Кремль, успѣлъ тамъ стащить спальника Плещеева прѣхавшаго изъ Преображенскаго, отвести его на Верхъ къ Шахловитому, и потомъ опять любѣжать на Лубянку поуждать стрѣльцовъ?

Далѣе, Елизарьевъ, Турка, Θεоктистовъ, пославъ Мельцова и Ладогина, отправились сами въ Кремль за Гладкимъ, говоритъ Устряловъ, но я не нахожу этого извѣстiя въ дѣлѣ, поколику оно извѣстно. Они зашли къ Сильвестру, во 2 или 3 часу ночи, сказать что имъ велѣно туда собираться. А по нашему изслѣдованiю они должны быть у Сильвестра въ 12 часу, послѣ Кондратьева, который приходилъ къ нему съ тѣмъ же извѣстiемъ, между тѣмъ какъ Бурмистровъ сообщалъ совершенно противное.

И какимъ образомъ Кондратьевъ могъ придти къ Сильвестру въ 5 часу ночи, когда онъ распорядился въ Кремлѣ и послалъ Гладкаго въ 9 часовъ вечера? Или Кондратьевъ приходилъ къ Сильвестру два раза?

Какъ бы то ни было, но 7го на 8е августа тревога была напрасная, и намѣренiя, по крайней мѣрѣ рѣшеннаго, идти на Преображенское съ цѣлю убить Петра не было.

Въ дополненiе къ сказанному замѣтимъ что въ дѣлѣ нѣтъ ни одного показанiя стрѣльцовъ въ родѣ на примѣръ слѣдующаго: насъ посылалъ такой-то приставъ, сотникъ. Нѣтъ никакого розыска: ты снаряжалъ ли, посылалъ ли? Положимъ что царевна Софiя ходила въ Казанскiй соборъ именно для того чтобы прикрыть неудавшееся намѣренiе, но тогда объявились бы возражавшiе, чтобы получить награду за вѣрность.

Для чего же собраны были стрѣльцы въ Кремль?

Для обороны отъ нападениа Петрова, о коемъ предупреждало подметное письмо, полученное будто бы царицею Софiею 7го августа. Не говоря о томъ что подметное письмо, какъ обыкновенное средство того времени, не только не заслуживаетъ никакого довѣрiя, но, напротивъ, возбуждаетъ подозрѣнiе что были на Верху какiя-нибудь намѣренiя, которыя закрывались этимъ письмомъ, а въ Преображенскомъ

не замѣтно было никакого движенія, Петра самые доносчики застали крѣпко спящимъ въ 12мъ часу. Да и на Верху Шакловитый, полковникъ Нормадкій, подъячіе, — всѣ полегли спать, и спали до заутрени, когда царевна Софія собралась въ Казанскій соборъ. Какимъ образомъ можно бы понять что всѣ они, ожидая Петра изъ Преображенскаго, полегли спать предъ такой опасностью въ Грановитой Палатѣ?

Если Софія опасалась нападенія, то въ Преображенскомъ должны бы были неотлучно ея соглядатаи, которые извѣщали бы ее о всѣхъ движеніяхъ. Были же у нея тамъ пріятельницы, переносившія всякія вѣсти. Шакловитый послалъ наблюдать, куда поѣдетъ Петръ. Вопервыхъ, кромѣ Кремля выѣзжать ему было некуда, слѣдовательно, если справедливо, то должно бы справляться не о мѣстѣ — куда, а о времени — когда.

Это одно обстоятельство давало бы знать вѣроятнѣе другихъ что нападеніе ожидалось, если не приписать его отводу.

Въ расчетъ надо принять однакожь то, повторимъ прежнее замѣчаніе, что мы судимъ такъ по настоящимъ нашимъ взглядамъ на вещи съ предусмотрительностію, плодомъ опыта; тогда постулали, какъ это видно изъ многихъ событій, гораздо простѣе, неосторожнѣе, рѣшались легкомысленнѣе, несмотря далеко въ даль, не предполагая разныхъ возможностей.

Если нападенія ни предпринималось, ни ожидалось, то зачѣмъ же созваны были стрѣльцы?

Сопровождать царевну Софію на богомолье. Причина самая невѣроятная. Ходить ей по богомольямъ въ такое опасное время было вовсе неудобно.

Но мы должны опять замѣтить что слѣдствіе ведено было самымъ неудовлетворительнымъ образомъ. Главное вниманіе было обращено на извѣты. Обвиняемые подвергались пыткамъ, и послѣ нѣсколькихъ ударовъ, въ первый или второй разъ, признавали за собою большую частію всѣ вины: какъ же можно вѣрить подобнымъ признаніямъ?

Доносчики были неприкосновенны и говорили что хотѣли. Имъ не давали потомъ очныхъ ставокъ, ихъ не спрашивали по поводу другихъ показаній. Медвѣдевъ напиримѣръ показывалъ что Елизарьевъ съ товарищами приходили къ нему жаловаться на Шакловитаго, который требовалъ де отъ нихъ смерти Голицына и Нарышкина и т. д. Медвѣдевъ,

другъ Шакловитаго, будто убѣдилъ ихъ не принимать на себя такого преступнаго дѣла, и Елизарьевъ поминалъ послѣ часто что онъ и его товарищи обязаны за то Медвѣдеву, безъ котораго навѣрное исполнили бѣ предложеніе Шакловитаго. Елизарьевъ не былъ даже спрошенъ, правда ли это.

Точно также необходимо нужно бѣ было розыскать происхожденіе подметнаго письма, найденнаго Елизарьевымъ на Лубянкѣ, объ опасностяхъ грозившихъ царицѣ Софіи года за два, которое было поводомъ къ разнымъ мѣрамъ, ею принятымъ.

На чемъ основываясь Θεоктистовъ назвалъ сборъ стрѣльцовъ въ Кремлѣ бѣдою, которую сдѣлалъ-было Гладкій, названный по этому случаю отъ Сильвестра бѣшеннымъ? Чтѣ узналъ Сильвестръ прежде, и отъ кого, почему выразился такъ? Кто посылалъ Θεоктистова въ Кремль?

Зачѣмъ приходилъ къ Медвѣдеву Кондратьевъ два раза? Для чего заходили къ нему Елизарьевъ съ товарищами?

Если Гладкій имѣлъ поводъ прибѣжать на Лубянку въ первый разъ, чтобы звать стрѣльцовъ, то зачѣмъ же прибѣгалъ онъ въ другой разъ, какъ свидѣтельствуешь Устряловъ, когда дѣйствія его объявились напрасными?

Зачѣмъ Шакловитый уходилъ съ Верху домой, сдѣлавъ распоряженія о сборѣ стрѣльцовъ?

На чтѣ нужны были Шакловитому на Верху трое подъячихъ?

Когда, въ какой день, въ которомъ часу, говорилъ Шакловитый Елизарьеву чтобы привести стрѣльцовъ и убить Нарышкина и Голицына?

Зачѣмъ царица Софія послала изъ Казанскаго собора за княземъ Голицынымъ? Почему онъ не пошелъ къ ней, отзываясь нездоровьемъ и не принялъ даже къ себѣ посланнаго Обросима Петрова, между тѣмъ какъ за нѣсколько часовъ онъ былъ на Верху и дѣлалъ тамъ распоряженія? Зачѣмъ приходилъ къ нему, вслѣдствіе его отказа, самъ Шакловитый и говорилъ съ нимъ часъ?

Зачѣмъ Θεоктистовъ ходилъ съ Лубянки въ Кремль, и какъ онъ могъ туда явиться, когда былъ посланъ съ товарищами наблюдать Петра въ Преображенскомъ?

Почему, кромѣ ушедшаго Θεоктистова, посланы были туда Мельновъ и Капрановъ?

Съ какой стати распорядиться было Туркѣ? О чемъ было спрашивать, и спрашивать, когда они, то-есть Елизарьевъ, знали въ чемъ дѣло, а прочіе имѣли особое порученіе?

Что увидѣлъ въ Кремль Мельниковъ?

Зачѣмъ пріѣзжалъ въ Кремль Плещеевъ изъ Преображенскаго?

Гдѣ извѣсты Цыклера?

Слѣдствіе дѣлалось какъ будто для исполненія обряда, формы. Судьи считали заранѣе главными виноватыми Шакловитаго, Сильвестра и Гладкаго. Ихъ заранѣе рѣшено было казнить, а прочіе допрашивались только для того чтобы судьямъ получить оправданіе опредѣляемыхъ казней. Точно такъ и подсудимые или спрашиваемые, замѣта такое расположеніе судей, напускались на Шакловитаго, Сильвестра и Гладкаго, въ особенности на послѣдняго, и, кажется, прибавляли къ ихъ дѣйствительнымъ винамъ свои выдумки.

Изъ свода всѣхъ обвиненій и признаній значащихся въ слѣдственномъ дѣлѣ видно пока что убить Петра не было ни у кого въ дѣйствительномъ, опредѣленномъ намѣреніи. Однѣ предположенія и похвальбы.

Остается принять естественную догадку Устрялова что у царевны Софіи и Шакловитаго было первоначальное намѣреніе идти на Преображенское, но что они отдумали, точно какъ Софія отдумывала и прежде, что примѣтно изъ одного показанія въ слѣдственномъ дѣлѣ, на которое не обращалось у насъ вниманія.

Кузьма Чермынъ показывалъ что въ первыхъ числахъ августа „ночью приходили къ нимъ ко дворамъ ихъ со стѣннаго караула стрѣльцы Андреева полка Норманскаго, и велѣли приготовить ему (Чермыному) человекъ 60, а Евдокимову съ 20 и больше, и велѣли дожидаться на дворѣ на двѣ или три (?) вѣдомости, а безъ вѣдомости никуда ходить не велѣли, а съ чѣмъ имъ идти, потому будетъ другая вѣдомость, и того де числа (?) вѣдомости имъ не бывало, и никуда они не ходили“. На другой день Евдокимовъ ходилъ справляться къ Шакловитому по его ли приказанію приходили къ нимъ стрѣльцы. Шакловитый отвѣчалъ утвердительно.

Для чего иначе могло бы быть нужно собраніе стрѣльцовъ съ заблаговременнымъ приготовленіемъ? Ясно что было какое-то тайное намѣреніе, которое на ту пору не состоялось и было отложено.

Точно также могло не состояться и быть отложено по той

или другой причинѣ нападеніе съ 7го на 8е августа. Можетъ-быть замѣчено было колебаніе, несогласіе стрѣльцовъ, которыхъ можно было убѣдить къ оборонѣ, но не къ нападенію, можетъ-быть не достало рѣшимости въ послѣднюю минуту, какъ не достало рѣшимости вѣнчаться на царство 1го сентября 1687 года, хотя наканунѣ еще тогда объявлялъ то Шакловитый Сильвестру положительно.

Въ дѣлѣ, при всемъ стараніи найти виновныхъ, отыскиваются для пытокъ только человекъ десять. Стрѣльцы Гладкій, больше всѣхъ, Кондратьевъ, Стрижевъ, Петровъ, Романовъ, да и тѣ обвиняются только въ непристойныхъ рѣчахъ, то-есть браки, въ похвальбахъ между собою, въ полученіи подарковъ отъ царевны Софіи, въ нѣкоторомъ знакомствѣ съ ея намѣреніями. Прочіе привлекаются къ слѣдствію только какъ свидѣтели неважныхъ распоряженій. Дѣйствій не было никакихъ. Самъ Шакловитый обвиняемъ былъ только въ намѣреніяхъ, и то по извѣстамъ доносчиковъ.

Когда обнаружилась невозможность напасть, тогда причиною собранія стрѣльцовъ объявлена необходимость обороняться отъ нападенія потѣшныхъ конюховъ, о которомъ получено будто подметное письмо,—предлогъ употребленный для ихъ собранія. Тогда можетъ-быть и Θεоктистову велѣно объявить Лубянской сборъ бѣдою, сдѣланною Гладкимъ, котораго и Сильверстъ называлъ бѣшенымъ. Тогда можетъ-быть Туркъ и Θεоктистову было велѣно разглашать что Кондратьевъ смутилъ.

Итакъ намѣреніе не состоялось, рѣшенія не было, не было и прежде,—но не было ль мысли исполнить это въ другое время когда-нибудь? Это вопросъ другой, и на него можно, кажется, также рѣшительно отвѣчать что Софія была готова на это дѣло, хотя случаевъ указанныхъ доносчиками также допустить нельзя, а именно:

25го іюля, въ день Успенія Св. Анны, Петръ ожидаетъ былъ въ Вознесенскомъ монастырѣ для поздравленія тетки Анны Михайловны.

„Когда де великій государь въ вышшемъ году изъ Коломенскаго приходилъ къ Москвѣ... Шакловитый имъ, стрѣльцамъ, велѣлъ быть въ Кремлѣ на площади съ саблями вскрытъ, но близко Краснаго Крыльца, и велѣлъ имъ

слушать вѣстоваго колокольца, который для вѣсти большаго набату учиненъ у церкви Разположенія, а какъ де въ большой набатъ учнутъ бить, и вы де дѣлайте то что вамъ велѣтъ.“

Стрѣлецкій капитанъ Садоговъ на очной ставкѣ сказалъ: въ 196 году лѣтомъ, какъ приходила великая государыня Софія Алексѣевна къ брату великому государю въ село Преображенское, и въ то де время онъ Шакловитый ималъ съ собой многихъ стрѣльцовъ разныхъ полковъ, чтобъ убить великую государыню Наталью Кирилловну, и ближнихъ бояръ и коматныхъ людей, и выходилъ онъ, Шакловитый, къ нимъ на кормовой дворецъ и говорилъ ему, Филиппу: слушайте де какъ учинитца въ хоромахъ крикъ, и вы де будьте готовы всѣ, и которыхъ вамъ изъ хоромъ станутъ давать, и вы ихъ бейте; Шакловитый объяснялъ: стрѣльцовъ де въ то время въ селѣ Преображенскомъ разныхъ полковъ человекъ съ 50 или съ 60 было, а такихъ словъ что у него, Филиппа, написано въ извѣтѣ, не приказывалъ.

Въ обоихъ случаяхъ мѣры принимались, кажется, только оборонительныя; еслибъ было какое намѣреніе, то почему же бы не было оно исполнено?

Устреловъ говоритъ что Петръ прѣѣзжалъ на нѣсколько часовъ къ теткѣ, и потому какъ будто бы не было времени, во вѣдь на поздравленіи и нельзя было предполагать пребываніе дольше.

Точно также при посѣщеніи Софіей брата въ Преображенскомъ и предполагать нельзя какого-либо враждебнаго умысла противъ Петра, окруженнаго своими друзьями.

Все это извѣты сомнительныя, если и не вовсе не вѣрныя. Важнѣе всѣхъ приказаній, допросовъ и допросовъ и тысячи написанныхъ листовъ представляется мнѣ нѣсколько строкъ, оставленныхъ къ нашему счастью, въ своемъ дневникѣ, человѣкомъ постороннимъ и безпристрастнымъ, генераломъ Гордономъ, который не любилъ ничего говорить на вѣтеръ, и велъ свои записки собственно для себя, безъ всякихъ заднихъ мыслей.

Гордонъ послѣ извѣстія объ отказѣ Петра принять князя В. В. Голицына послѣ втораго Крымскаго похода, говоритъ: „Теперь (28го іюля), всѣ предвидѣли ясно открытый разрывъ, который вѣроятно разрѣшится величайшимъ раздраже-

ріемъ, озлобленіемъ. Между тѣмъ оно сохранялось по возможности въ тайнѣ отъ народа. Но это дѣлалось не съ такою ловкостію и скромностію чтобы всѣ почти не узнали что происходитъ.“

31го іюля, „пылъ и раздраженіе становились безпрестанно больше и больше и, казалось, они должны были вскорѣ разрѣшиться окончателно.“

Вго августа ходили слухи которые передавать было страшно.

Объ чемъ могли быть такіе страшные слухи, кромѣ расправы въ Преображенскомъ, что объясняетъ онъ послѣ и самъ:

Въ этомъ смыслѣ говорить и Невиль, что кровопролитіе предотвращено только смѣлостію Петра, который велѣлъ задержать главныхъ помощниковъ Софіи.

Невиль писалъ, разумѣется, по слухамъ, но не по слухамъ Русскихъ, которыхъ онъ понимать не могъ, а по слышаннымъ въ иностранныхъ посольствахъ, преимущественно въ польскомъ, которая имѣли своею обязанностію доискиваться до правды и сообщать вѣрныя извѣстія къ своимъ дворамъ. Замѣтимъ что иностранцы имѣли сношенія больше съ побѣжденною партіей, чѣмъ съ побѣдителями. Корбовы извѣстія можно бы приписать торжествующей партіи Петровой, но они согласны впрочемъ съ Гордономъ и Невилемъ.

Невиль говоритъ еще что Софія рѣшилась вслѣдъ за казню Хованскаго умертвить обоихъ братьевъ, но что Голицынъ присовѣтовалъ ей приступить къ дѣлу тише, женатъ Ивана, и когда родится у него сынъ, тогда Петръ' лишится права занимать престолъ, Софія сочетается бракомъ съ Голицынымъ, жена Иванова обвинится въ прелюбодѣянніи, а сынъ ея объявится незаконнымъ.

Гордонъ, говоря объ осужденіи князя В. В. Голицына, пишетъ еще что хотя князь Голицынъ не былъ зачинщикомъ, но онъ зналъ обо всемъ что задумывалось *противъ жизни младшаго царя.*

Изъ этихъ несомнѣнныхъ свидѣтельствъ видно что слухи о намѣреніи убить Петра ходили въ городѣ въ томъ ии другомъ видѣ, слѣдовательно, были извѣстны и въ Преображенскомъ, гдѣ всякую минуту должны были опасаться нападенія и приготовляться къ оборонѣ.

Заручившись этимъ положеніемъ, обратимся къ доносу Ларіона Елизарьева съ товарищами.

Въ новомъ драгоценномъ сборникѣ, издавомъ Г. В. Есаповымъ, мы находимъ слѣдующій важный документъ:

„Лѣта 198 года, октября въ 31й день, постельничему Гаврилу Ивановичу Головкину: въ нынѣшнемъ въ 198 году, октября въ 22й день, великіе государи цари и великіе князья Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ пожаловали по имянному своему великихъ государей указу стольника и полковника Стремяннаго Иванова полку Цыклера, пятисотеннаго Ларіона Елизарьева, лятидесятниковъ Илата Ульфога, Дмитрія Мельнова, десятниковъ: Ѳедора Турку, Якова Ладогина, Михаила Ѳеохтистога, Ивана Троицкаго, велѣли имъ дать своего великихъ государей жалованья, за многія ихъ вѣрныя и радѣтельныя службы, по тысячи рублевъ человѣку, итого семь тысячъ рублевъ, вмѣсто каменныхъ лавокъ, и анбаровъ, и харчевень, и пироженъ и рыбныхъ мѣстъ, которыя даны имъ были въ нынѣшнемъ же въ 198 году изъ приказа большіе казны. И по ихъ, Ларіонову и Илатову съ товарищи, челобитью, тѣ лавки и анбары, и харчевни, и пирожныя, и рыбныя шалаши взяты на нихъ великихъ государей, и велѣно ихъ вѣдать и въ наймы отдавать, попрежнему, изъ приказа большіе казны, а на тою дачу, тѣ деньги семь тысячъ рублевъ, изъ приказа большіе казны въ приказъ ихъ великихъ государей мастерскіе палаты, прислать къ тебѣ постельничему Гаврилу Ивановичу. П по сему великихъ государей указу въ то число, на тое вышелписанную дачу, изъ доходовъ приказу большіе казны, отпущено въ приказъ ихъ великихъ государей мастерскіе палаты денегъ три тысячи пятьсотъ рублевъ.“

Въ чемъ же состояла заслуга Елизарьева съ товарищами, за которую получили они такую необыкновенную для того времени награду?

Дать семи человѣкамъ по тысячѣ рублей—это награда чрезвычайная и не могла быть дана развѣ большаго дѣла.

Они получили, скажутъ, награду за то что донесли именнo въ ту минуту когда предназначался ударъ.

Нѣтъ, въ данную минуту не предназначалось никакого удара, какъ мы залодлинно дознались, и сами доносчики это знали, и доносъ лгали завѣдомо, клеветали.

Еслибы даже доносъ на первыхъ порахъ казался вѣрнымъ,

то у Троицы-то при начальныхъ допросахъ можно было удостовѣриться что въ ночь на 8е августа нападенія никакого на Преображенское не назначалось и не начиналось.

За что же, повторяемъ, дана такая награда? Даромъ не дади бы семь тысячъ рублей простымъ стрѣльцамъ за донось, оказавшійся ложнымъ, хотя и благонамѣренный.

Попытаемся сперва объяснить его въ хорошую сторону. Нельзя ли предположить что Елизарьевъ, связанный тѣсными узами съ царевной Софией и Шакловитымъ, бралъ съ нихъ деньги, но внутренно не одобрялъ кровопролитія, что видно изъ показанія Сильвестра, но когда онъ увидѣлъ по послѣднимъ мѣрамъ что оно рѣшено, и что царевна хочетъ покончить съ братомъ и Нарышкинымъ, то рѣшился предупредить Петра объ оласности вмѣствъ съ своими товарищами.

Нѣтъ, такого предположенія сдѣлать нельзя.

Если Елизарьевъ получилъ по утру порученіе приходитъ въ Кремль и приводитъ стрѣльцовъ на ночь, на 8е число, или по крайней мѣрѣ узналъ объ немъ, то кто же мѣшалъ ему тотчасъ предупредить Петра? Почему дожидался онъ ночи, когда уже не оставалось какъ бы ни минуты времени, и Петръ босикомъ, въ одной рубашкѣ, долженъ былъ ѣхать въ конюшню и одѣваться въ роцѣ?

Если онъ самъ не зналъ о принятомъ намѣреніи заранѣе, и только отъ Гладкаго получилъ извѣстіе, то Теокистовъ, возвратившійся непремѣнно прежде Мельнова, долженъ былъ ему сообщить что тревога поднята по лустому.

Если остаться при его собственномъ извѣтѣ, то онъ ожидалъ нападенія Петрова изъ Кремль, о которомъ во второмъ или третьемъ часу ночи передалъ извѣстіе Сильвестру Медвѣдеву, показавшему это въ своихъ отвѣтахъ.

Какъ ни оборачивать все эти показанія, все приводитъ къ заключенію о его несостоятельности. Довозъ Елизарьева былъ ложный, придуманный заранѣе.

Не были ли Елизарьевъ съ товарищами подкулены партией Петра (Голицынымъ, Нарышкинымъ), представить донось именно въ эту ночь, чтобы дать тѣмъ предлогъ къ бѣгству Петра, послужившему къ окончательной развязкѣ.

Иначе нельзя объяснить этого довоза и этой награды, которая была видно условною платой.

Въ этой стачкѣ важную роль игралъ полковникъ Стремяннаго полка, къ которому принадлежали всѣ доносчики, стольникъ Иванъ Елизаревичъ Цыклеръ, столько известный въ первомъ стрѣльцкомъ бунтѣ, одинъ изъ первыхъ слугъ царевны Софіи.

(Замѣтимъ что Ларіонъ Елизарьевъ чрезъ десять лѣтъ являлся опять доносителемъ на друга своего и единомышленника, полковника Цыклера, который замыслилъ тогда новый заговоръ противъ Петра.)

Гордонъ подъ 10мъ числомъ августа пишетъ:

„Младшій царь прислалъ за полковникомъ Иваномъ Цыклеромъ и 50 стрѣльцами. Послѣ было узнано что это было сдѣлано происками этого полковника, чтобы пріобрѣсть милость младшаго царя, такъ какъ онъ въ послѣднемъ возстаніи стрѣльцовъ, въ коемъ погублены были многіе друзья младшаго царя, былъ однимъ изъ главнѣйшихъ орудій; поэтому онъ писалъ къ друзьямъ своимъ при Троицкомъ дворѣ, чтобъ они убѣдили младшаго царя прислать за нимъ, причемъ онъ обѣщалъ раскрыть такія вещи которыя тамъ звать должно; по прибытіи своемъ открылъ онъ все, и передалъ за своею подписью что онъ получалъ приказы и бумаги отъ двора для раздачи между стрѣльцами.“

Замѣтимъ что 8го Петръ прібылъ къ Троицъ, а 10го послалъ уже за Цыклеромъ, а Елизарьевъ убѣждалъ туда 11го.

Гордонъ говоритъ о друзьяхъ его при Троицкомъ дворѣ, которыхъ онъ проситъ убѣдить младшаго царя чтобы тотъ вызвалъ его изъ Москвы. Это едва ли вѣрно. Какіхъ друзей могъ имѣть Цыклеръ при Троицкомъ дворѣ, бывъ однимъ изъ главныхъ орудій царевны Софіи во время перваго стрѣльцкаго бунта; ставившій столбъ во славу убійцъ Матвѣева, Нарышкина и пр.? Вѣроятно такъ было условлено заранѣе при составленіи плана дѣйствій: Изъ переписки съ нимъ и Елизарьевымъ нѣкоторыхъ единомышленныхъ стрѣльцовъ, остававшихся въ Москвѣ, ясно видно что всѣ доносчики оставали съ нимъ одно общество. Стрѣльцы обращаются къ Елизарьеву предъ Цыклеромъ, шлютъ ему поклонны, уведомляютъ о московскомъ положеніи, просятъ его ходатайства.*

Царевна Софія догадалась объ этой стачкѣ, и въ сказкѣ которую велѣла она Шаколовитому написать для вслѣдствія

* См. у Аристова, въ дѣлѣ о Шаколовитомъ, стр. 29—33.

чиновъ людей по поводу грамоты, было именно сказано что де въ грамотахъ написано изъ Троицкаго объѣзду про извѣтъ пятидесятника Л. Елизарьева съ товарищи... тѣ дѣла написаны напрасно, и чтобъ они тому не вѣрили. Да въ той же де сказкѣ написанъ былъ стольникъ и поковникъ Иванъ Елисѣевъ сынъ Цыклеръ, да извѣтчики Л. Елизарьевъ съ товарищи... они ставаясь съ ними затѣяли напрасно...

Ихъ, то-есть Цыкаера и Елизарьева съ товарищами, разумѣла безъ сомнѣнія царевна Софія въ рѣчи своей обращенной къ стрѣльцамъ по полученіи требованія отъ Троицы 1го сентября: „Нашлись люди, сказала она, которые согласились быть *орудіями* (быть употребленными какъ орудія), и всѣ средства употребили чтобы разсорить ихъ (старшаго брата и Царевну); они возбудили великія тревоги, соперничество и ссору, они *настроили* въ некоторыхъ людей говорить о заговорѣ на жизнь младшаго царя и другихъ. Изъ ревности къ полезной службѣ Федора Шаковитаго и постояннымъ его поличеніямъ днемъ и ночью о безопасности и благосостояніи государства, выдали они его зачинщикомъ заговора, какъ будто бы существовалъ какой. Она (Царевна), чтобъ уладить дѣло и розыскать основу этихъ пререканій, была сама на пути къ Троицѣ, но удержана по наговору злыхъ совѣтниковъ, которыхъ ея братъ около себя имѣеть, и ей не позволено было идти далѣе. Такимъ образомъ она, съ великимъ жоруганіемъ, должна была воротиться. Всѣмъ имъ хорошо извѣстно какъ она въ продолженіи сихъ семи лѣтъ управляла государствомъ, принявъ на себя управление въ самое безлокойное время; ею заключенъ славный и вѣчный миръ съ христіанскими государями, нашими сосѣдами, и враги христіанской религіи ея оружіемъ приведены въ страхъ и трепетъ; стрѣльцы за свою службу получили значительныя награды, и она къ нимъ завсегда являла себя милостивою. Она не можетъ себѣ представить чтобъ они измѣнили ей и повѣрили вымысламъ враговъ общественнаго покоя и благосостоянія. Не Федора Шаковитаго жизни ищутъ, а моей жизни и жизни моего старшаго брата“, сказала она въ заключеніе.

Она отпустила ихъ съ обѣщаніемъ наградить тѣхъ которые останутся вѣрными и не будутъ вмѣшиваться въ это дѣло, и, напротивъ, наказать тѣхъ которые окажутъ непослушаніе и будутъ содѣйствовать смятенію.

Затѣмъ были призваны именитые люди изъ гражданъ и простаго народа. Царевна держала къ нимъ такую же рѣчь.

Въ третій . разъ совала она всѣхъ вмѣстѣ и сказала имъ длинную и прекрасную рѣчь въ томъ же духѣ.*

На другой день присланные стрѣльцы приходили къ царевнѣ, и просили чтобъ она отпустила хоть по человѣку съ полка. Царевна отказала рѣшительно. Если кто поѣдетъ, то помните что у васъ останутся здѣсь жены и дѣти. Но все было напрасно.

Во всякомъ случаѣ любви Петра рѣшилъ дѣло въ его пользу, и Софія не могла ничего предпринять противъ него, неприступнаго въ Троицкомъ монастырѣ. Между стрѣльцами мало было людей готовыхъ поднять руку на царя. Право было при немъ. Сторона приверженцевъ между боярами была многочисленная и сильная. Въ народѣ также предположеніе естественно отдавалось ему предъ болѣзненнымъ и слабоумнымъ его братомъ. Злоумышленія противъ него были явныя, чѣмъ возбуждалось къ нему участіе, и находились новые приверженцы.

Рѣшенія убить 8го августа, какъ прежде 25го юля, и 1го августа, положимъ, не было, но вообще это рѣшеніе, безъ сомнѣнія, было въ умѣ, дѣлались приготовленія, шли разговоры, но среди этихъ приготовленій, пока еще не опредѣленъ былъ моментъ, противная партія сдѣлала свой coup d'état, и всѣ планы Софіи съ ея пріятелями были уничтожены.

Взаимное отношеніе партій и избранный ими образъ дѣйствій представляются намъ послѣ тщательнаго изслѣдованія въ такомъ видѣ:

Партіи уступить одна другой не хотѣли. Царевна Софія готова была на всякія средства чтобъ удержать власть которую имѣла въ своихъ рукахъ, но опасалась быть начиницею; стрѣльцы находились подъ ея начальствомъ и вліяніемъ, и на защиту ея, управлявшей при старшемъ братѣ и осмѣлившей ихъ наградами, они вѣрно были готовы. Голландцы надѣялись уладить дѣло, а Софія оказывала сопротивление.

* Гордоровъ дневникъ, т. II, стр. 272 и пр.

Такъ точно и Петровой сторонѣ начать открытую войну недоставало силъ: потѣшныхъ было не много, идти на старшаго брата и старшую сестру безъ всякаго видимаго предлога, — ни съ того, ни съ сего — было немислимо, и успѣхъ былъ не только сомнителенъ, но очевидно невозможенъ.

Для обѣихъ партій оборонительное положеніе было гораздо полезнѣе наступательнаго. Разыгрывать угнетенную невинность всегда выгодно для того чтобы возбудить участіе и привлечь общее мнѣніе въ свою пользу. Побѣдившей сторонѣ легко будетъ оправдать какія бы то ни было дѣяствія необходимостію, случайностію и всякою справедливостію, а въ свалкѣ разбирать мудро, на кого должны падать удары.

Такимъ образомъ обѣ партіи выжидали удобныхъ случаевъ, пытались дразнить одна другую чтобы вызвать нападкѣ, и получить поводъ къ оборонѣ, но безъ успѣха.

Петрова партія наконецъ перекитрила, и пока Софія собиралась, приготовлялась, рѣшалась и откладывала рѣшеніе, думала и передумывала, Преображенцы устроили свой *coup d'état*, и всѣ обстоятельства обратили въ свою пользу.

Они подкупили нѣкоторыхъ наперсниковъ царевны Софіи и Шаховскаго, и убѣдили ихъ сдѣлать доносъ на своихъ предводителей. Подкупить или даже убѣдить могли они, кромѣ денегъ, доказательствами что рано или поздно, такъ или иначе, Петръ, молодой, сильный, способный, дѣятельный, будетъ царемъ, и что взять его сторону теперь гораздо выгоднѣе, нежели оставаться при царевнѣ Софіи, которая собственно не имѣетъ никакого права, и что Петръ, сдѣлавшись царемъ, наградитъ вѣрныхъ своихъ слугъ, а недоброжелатели должны будутъ получить наказаніе.

Получить доносъ о злоумышленіяхъ было все-таки недостаточнo: надо было поймать злоумышленниковъ съ поличнымъ, *en flagrant delit*, и кремлевскіе обзоры стрельцовъ, которые устраивала царевна для своихъ цѣлей, доставили доносчикамъ самый благовидный и правдоподобный предметъ исполнить ихъ намѣреніе. Колашіе аму лопали въ нее сами. Зная объ этихъ оборахъ, сторона Петрова, можетъ-быть, заранѣе дала инструкцію подкумаеннымъ доносчикамъ чтобы они явились въ Преображенское въ такое-то время и такимъ-то образомъ.

Получивъ доносъ, оставаться въ Преображенскомъ, пред-

ставало все-таки еще много опасностей, и успѣхъ могъ бы быть неизвѣстнымъ: оправдываться съ силою въ рукахъ, для царевны было бы легко.

Надо было начать борьбу не изъ Преображенскаго. Самое удобное и безопасное мѣсто былъ Троицкій монастырь, по опыту, сдѣланному уже самой Софіей, которая оттуда могла унять стрѣльцовъ и порѣшить съ Хованскими.

Какъ же устроить удаленіе Петровой партіи въ Троицкій монастырь? Да и самого его уломать, при его характерѣ, къ такому образу дѣйствій было бы трудно, а дѣйствовать нужно было какъ можно скорѣе, и ковать желѣзо пока горячо.

Рѣшено испугать его сонлаго извѣстіемъ что вотъ идутъ убійцы, бѣги, — такъ чтобы не было времени оломаться и ни о чемъ подумать.

Такъ и велѣно было дѣйствовать доносчикамъ, которые исполнили отлично свои задачи, за что и получили, условную или обѣщанную, большую награду.

Петръ игралъ пассивную роль, потому, можетъ-быть, послѣ и не чувствовалъ особенной признательности къ дѣятелямъ.

Планъ удался какъ нельзя лучше. Царица Наталья Кирилловна и невѣстка ея съ сыномъ отправились вслѣдъ за Петромъ къ Троицъ. Потѣшный Лука Хабаровъ отвезъ туда и пушки, „прчась отъ князя Василья Голицына“.

Никто не мѣшалъ имъ: ясно ли что у противной партіи опустались руки вслѣдствіе такого неожиданнаго оборота дѣлъ.

Пока стрѣльцовъ около тысячи человекъ за нимъ послѣдоваль, о чемъ въ сборникѣ Есипова значится слѣдующій документъ:

„Лѣта 7198 года, октября въ 31й день, великіе государи цари и великіе князья Иоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ пожаловали стольника и полковника Лаврентія Сухарева и его поаку подполковника, что нынѣ полковникъ, Ивана Слѣшнева, и капитановъ и пятисотныхъ и пятидесятниковъ и десятниковъ и рядовыхъ стрѣльцовъ, за ихъ многую, вѣрную и радѣтельную службу, что они въ прошломъ во 197 году, августа въ 8мъ числѣ, въ селѣ Преображенскомъ стояли на стѣнномъ караулѣ, и въ ночи противъ вышеласянаго числа изъ села Преображенскаго шли они, Лаврентій, съ полчаны и со стрѣльцы за великимъ государемъ царемъ Петромъ Алексѣевичемъ, какъ ему великому государю учинился изъ того села походъ отъ воровъ, отъ измѣнниковъ, отъ

Федки Шакловитого съ товарищи, безвременно, до Троицкаго монастыря, лѣвши и прошли въ скорыхъ частяхъ, и въ Троицкомъ монастырѣ были до его великаго государя указу и его государское здоровье оберегали и повелѣніе его государское исполняли, и во всемъ многую свою вѣрную службу показали, и къ ворами и къ измѣнникамъ не приставали, и воровскихъ ихъ прелестныхъ словъ не слушали, — велѣли имъ дать своего великихъ государей жалованья, полковнику Лаврентію Сухареву бархатъ венцедскій, мѣрою 10 аршинъ, обьярь двойную, мѣрою 5 аршинъ, атласъ мѣрою 10 аршинъ; Ивану Слѣпшину обьярь двойную мѣрою 5 аршинъ, камку кармазинную мѣрою 10 аршинъ, калитанамъ Петру Августову, Матвѣю Угрюмову, Василью Морозову, Ивану Лобкову, Володимеру Жаворонкову, Фѣодору Степанову, Матвѣю Гамову, — по камкѣ кармазинной, мѣрою по 10 аршинъ; да по тафтѣ кармазинной же, мѣрою по 5 аршинъ; стрѣльцамъ пятисотнымъ и пятидесятникамъ, двадцати человекамъ, по тафтѣ, мѣрою по 5 аршинъ; да по сукну кармазинному, мѣрою по 5 аршинъ; семидесяти шести человекамъ десятикамъ, по сукну полукармазинному, мѣрою по 5 аршинъ; да по сафьяну; осьми стамъ пятидесяти семи человекамъ рядовымъ по сукну англійскому мѣрою по 5ти аршинъ изъ Казеннаго Приказу.“

Изъ Преображенскаго на другой день потребовано объясненіе, для чего собираемы были стрѣльцы ночью съ 7го на 8е августа. Отвѣтомъ—для сопровожденія царевны Софіи на богомолье — подтвердились всѣ подозрѣнія. Получились извѣты, вслѣдствіе которыхъ потребованы обвиняемые. Царевна не хотѣла ихъ отдавать, но принуждена была исполнить требованія; начались побѣги къ Троицѣ. Она послала духовника, потомъ патріарха, отправилась сама, — все безуспѣшно. Требованія и вызовы умножались къ стрѣльцамъ, къ полковникамъ; къ городскимъ жителямъ отправлены грамоты съ изложеніемъ всѣхъ извѣтовъ. Въ московскихъ стрѣльцахъ обнаружилось намѣреніе выдать измѣнниковъ. Софія должна была разстаться даже съ наперникомъ своимъ Шакловитымъ, котораго укрывала въ своихъ покояхъ. Сильвестръ Медвѣдевъ бѣжалъ. Нѣмецкіе лодки съ Гордомомъ пошли наконецъ къ Троицѣ. Лефорть явился прежде всѣхъ. По окончаніи свѣдствія прислано повелѣніе Царевнѣ удалиться

въ Дѣвичій монастырь, и Петръ съ торжествомъ возвратился въ Москву, 6го октября.

Замѣчательно что онъ не хотѣлъ подвергать Шакловитаго новымъ пыткамъ и не соглашался на казнь его, по извѣстію Гордона, какъ будто узнавъ что, при извѣстныхъ его видахъ, на него наговорено много напраслилъ.

IV

Кто же былъ главнымъ руководителемъ въ этомъ великомъ по своимъ послѣдствіямъ событіи?

Князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ.

Самое твердое и вѣрное свидѣтельство принадлежитъ Гордону, который по своимъ связямъ въ обѣихъ партіяхъ лучше всѣхъ зналъ тогдашнія отношенія. Онъ пишетъ въ своемъ дневникѣ подъ 1мъ сентября: князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ распорядился всѣми дѣлами у Троицы, ибо никто другой не осмѣлился вмѣшаться въ такое отважное опасное дѣло какимъ оно сначала казалось. *

Въ другомъ мѣстѣ, подъ 9мъ сентября, онъ говоритъ: „князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ былъ до сихъ поръ (то-есть до совершеннаго окончанія дѣла) *главнымъ и единственнымъ* орудіемъ при этихъ перемѣнахъ, и привелъ дѣло на описанную дорогу.“

Предложеніе о князѣ Борисѣ Голицынѣ и Л. К. Нарышкинѣ есть въ показаніи самого Шакловитаго. „А Аброськѣ де Петрову такія слова говорилъ что государю къ Троицѣ итти *часть наговорилъ бояринъ Л. К. Нарышкинъ да кравчей князь Б. А. Голицынъ.*“ **

„Какъ де великій государь изволилъ изъ села Преображенскаго итти скорымъ походомъ въ Троицкой Сергіевъ монастырь, а все де его подбиди кравчей *князь Борисъ Алексѣевичъ, да бояринъ Левъ Кириловичъ.*“ ***

Заключаемъ: благополучнымъ окончаніемъ распри, побѣдой надъ царевной Софіей и ея партіей, предоставленіемъ единодержавія Петру, основаніемъ его царствованія, Россія обязана князю Борису Алексѣевичу Голицыну.

М. ПОГОДИНЪ.

* Гордоновъ дневникъ т. 2, стр. 273.

** Въ дѣлѣ о Шакловитомъ у Аристова, стр. 23.

*** Тамъ же, стр. 60.

О ПРАВАХЪ НЕЙТРАЛЬНЫХЪ

„Hoffen wir indess, dass das Rechtgefühl aller Völker, gegründet auf das Bewusstsein der menschlichen, nicht bloss nationalen Freiheit.... sich übereinstimmend von dem morschen Kram selbstsüchtiger maximenlossagen werde, welche bisher das fernaintliche Seerecht der Neutralen bildeten“....

Heftler.

I. Общія начала нейтралитета.

Всякое государство, будучи независимымъ и самостоятельнымъ членомъ международнаго союза, имѣетъ полное право въ случаѣ открытія войны между другими членами союза оставаться чуждымъ войнѣ, считать ее для себя какъ бы не существующею, не принимать въ ней участія, словомъ, остаться нейтральнымъ. Принимая такое положеніе оно вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ право требовать и отъ каждаго изъ воюющихъ государствъ чтобъ оно не принуждало его переходить на его сторону, чтобъ оно не нарушило его мира; словомъ, чтобы, въ силу войны, не прерывало тѣхъ отношеній въ которыхъ состояло съ нимъ до войны.

Нѣкоторые писатели даже опредѣляютъ нейтралитетъ какъ *продолженіе (continuatio) до-военнаго состоянія*. * Но очевидно

* Между прочими Галіани и Азули. См. Hautefeuille, *Droits* т. II, 199.

что въ силу вещей положеніе нейтральнаго и отношенія его къ воюющимъ сторонамъ не могутъ остаться такими какъ были до войны. До войны всякое государство можетъ предпринимать какія угодно дѣйствія въ своихъ отношеніяхъ съ другими; оно можетъ благопріятствовать одному предъ другимъ, позволять одному вести какую-либо торговлю, закрытую для другихъ, давать денежныя пособія, посылать корабли и оружіе и пр. На всѣ эти дѣйствія всякое государство имѣетъ неоспоримое право, и ни одно другое государство не можетъ видѣть въ нихъ обиду для себя и сдѣлать изъ нихъ casus belli. Но предположимъ что вспыхнула война; очевидно что государство, доставляя одному изъ воюющихъ извѣстныя выгоды, оказывая ему тѣмъ самымъ помощь, усиливаетъ его, и отказывая въ тѣхъ же выгодахъ другому, ослабляетъ этого послѣдняго, который такимъ образомъ ведетъ войну не съ однимъ своимъ противникомъ, но косвенно и съ третьимъ государствомъ, или по крайней мѣрѣ съ его силами, поставленными въ распоряженіе своего непріятеля. Съ этой минуты оно имѣетъ право разсматривать это третье государство какъ непріятеля, какъ союзника противной стороны.

Здѣсь возникаетъ вопросъ, остается ли государство нейтральнымъ если оно оказываетъ помощь, но помощь равносильную, обѣимъ сторонамъ? Кажется что самый вопросъ ложень: нейтралитетъ состоитъ, какъ сказано, въ полномъ бездѣйствіи и невмѣшательствѣ относительно войны, а не въ томъ чтобы въ одинаковой мѣрѣ помогать сторонамъ, и государство поступающее такимъ образомъ вмѣшивается въ войну. Обстоятельство что оно въ одинаковой мѣрѣ помогаетъ тому и другому изъ воюющихъ, можетъ говорить въ пользу его безпристрастія, не болѣе. Въ подобномъ положеніи не разъ находилась Швейцарія при системѣ военныхъ капитуляцій; ея войскамъ нерѣдко приходилось сражаться другъ противъ друга; въ этомъ, очевидно, есть противорѣчіе съ истинными принципами нейтралитета, и даже Ваттель, защищающій мнѣніе что государство при такомъ образѣ дѣйствій остается нейтральнымъ, говоритъ что хотя Швейцарія и не нарушала обязанностей нейтралитета, но подавала своимъ поведеніемъ поводъ ко многочисленнымъ нареканіямъ *.

Оставляемъ въ сторонѣ вопросъ о томъ насколько на прак-

* Vattel, III, § 110. Bluntschli, § 762.

тикѣ возможно такое *однаковое, равносильное* для обѣихъ сторонъ вмѣшательство въ войну. Въ принципѣ вопросъ рѣшается несомнѣнно отрицательно, и нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Филлимора: „Государство оказывающее помощь обѣимъ сторонамъ, можетъ быть безпристрастно, но оно отнюдь не нейтрально.“*

Государство можетъ и независимо отъ собственной воли, даже противъ воли, утратить нейтралитетъ. Территоріальная неприкосновенность есть одно изъ существенныхъ правъ государства. Если его территоріальная неприкосновенность будетъ нарушена во время мира, государство можетъ требовать отъ нарушившаго удовлетворенія; но сдѣлать или не сдѣлать это зависитъ вполнѣ отъ его воли, и если оно почему-либо не считаетъ нужнымъ возбуждать дѣла, оно можетъ игнорировать нарушение и не разсматривать его какъ таковое. Это его *право*. Не такъ во время войны. Это право становится и обязанностью, если государство хочетъ оставаться нейтральнымъ. Положимъ что одно изъ воюющихъ государствъ заняло нейтральную крѣпость, нейтральный портъ и оттуда уже предпринимаетъ враждебныя дѣйствія противъ непріятеля. Очевидно что тутъ оно имѣетъ болѣе выгодъ чѣмъ противникъ и имѣетъ ихъ благодаря пассивному отношенію къ его дѣйствіямъ нейтральной державы. Нейтральное государство, не предпринимая ничего противъ державы занявшей часть его территоріи, своимъ молчаніемъ какъ бы соизволяетъ на это занятіе, какъ бы становится ея союзникомъ, а слѣдовательно врагомъ второй воюющей стороны, которая уже тогда не обязана болѣе признавать его за нейтральное. Конечно, можетъ случиться что нейтральное государство, потерпѣвшее такое нарушение своихъ правъ, слѣшкомъ слабо для сопротивленія, и по этой причинѣ, безъ нахвѣренія помогать воюющему, желаетъ игнорировать правонарушение. Но въ такомъ случаѣ оно является слабымъ, разоруженнымъ, но уже не *нейтральнымъ*. Оно нарушило главное условіе нейтралитета; оно, хотя и пассивно, противъ воли, но вмѣшалось въ войну; оно ipso утратило нейтралитетъ. Къ вопросу о территоріальной неприкосновенности и о нарушении ея можно отнести и случаи *прохода войскъ* воюющихъ по нейтральной территоріи. Право прохода пред-

* Phillimore, III § 150.

оставляетъ выгоду для пользующейся имъ державы. А какъ скоро нейтральное государство предоставляетъ выгоду одной изъ воюющихъ сторонъ въ ущербъ другой, оно отрѣшается отъ нейтралитета. Современная международная практика вполнѣ принимаетъ это положеніе. Швейцарія, постоянный нейтралитетъ * которой былъ признанъ актомъ Висскаго конгресса отъ 20го марта 1815 года, въ томъ же году допустила проходъ части союзныхъ войскъ по своей территоріи; допуская же его, она отказывалась отъ своего нейтральнаго положенія, что явствуетъ изъ деленія конгресса отъ 12го мая 1815 года **, а потомъ и изъ трактата заключеннаго 20го мая того же года, трактата которымъ Швейцарія примкнула, хотя и съ оговоркой, къ союзу ***.

Вообще можно сказать что охраненіе нейтральнымъ государствомъ своей территоріальной неприкосновенности есть его обязанность; безъ ея соблюденія нейтралитетъ нарушенъ. Только относительно морской территоріи практика устанавливаетъ нѣсколько отличныя отъ высказанныхъ выше правилъ.

Къ нарушеніямъ нейтралитета относится дозволеніе воюющимъ сторонамъ набора на нейтральной территоріи. Нейтральное государство, дозволяя наборъ, становится союзникомъ той стороны которой его дозволило. Практика подтверждаетъ это положеніе и не допускаетъ набора. Соображенія объ этомъ предметѣ были подробно развиты въ нотѣ правительства Северо-Американскихъ Штатовъ (17го іюля 1793 года), въ которой опредѣляется положеніе нейтральнаго государства относительно воюющихъ. Въ 1794 году конгрессъ постановилъ что набору войскъ, флота и т. л. въ предѣлахъ территоріи Северо-Американскихъ Штатовъ, какъ дѣйствіямъ противнымъ обязанностямъ нейтралитета, американское правительство будетъ сопротивляться съ оружіемъ въ рукахъ. Въ 1818 году декларація эта была возобновлена. **** Примѣру Америки вскорѣ послѣдовала Англія. По british foreign enlistement act отъ 1819 года, допущеніе наборовъ одной изъ воюющихъ сторонъ на англійской территоріи при-

* *Neutralité perpétuelle.*

** Martens, *Nouveau Recueil*, II, 170.

*** Wheaton, *Elements*, II, 77 и слѣд.

**** Ibid II, 94 и слѣд.

звано несоовмѣстнымъ съ началами нейтралитета. * Долѣе всѣхъ Швейцарія держалась правилъ несогласныхъ съ принятыми остальными государствами. Она заключала военныя капитуляціи (*capitulations militaires*) со многими государствами, и „не рѣдко“, говоритъ Блунчли, „служба въ двухъ различныхъ государствахъ, соотечественники были принуждены сражаться другъ противъ друга, что противно истиннымъ принципамъ международнаго права“, не говоря уже о безправственности положенія. ** Поэтому-то Швейцарія и отказалась конституціей 1848 года отъ военныхъ капитуляцій. ***

Не только дозволеніе набора одной, но и обѣимъ воюющимъ державамъ не согласно съ понятіемъ нейтралитета. Есть впрочемъ мнѣніе что это послѣднее дѣйствіе не противорѣчитъ нейтралитету, такъ какъ нейтральное государство, дозволяя обѣимъ воюющимъ сторонамъ наборъ войска, безпристрастно къ той и другой сторонѣ. Этого мнѣнія держится, по странному противорѣчію съ самимъ собой, и Блунчли. Галиани и Ваттелъ тоже, хотя и съ оговорками, выражаютъ подобную мысль. „Если нейтральное государство“, говоритъ Блунчли, „дозволяетъ обѣимъ воюющимъ производство набора, оно тѣмъ не нарушаетъ своихъ обязанностей нейтральнаго; но еще лучше оно соблюдаетъ ихъ, если вполне воспретитъ наборъ“. **** Этими словами Блунчли вводитъ понятіе о какомъ-то неполномъ нейтралитетѣ,—понятіе едва ли допустимое. Одно изъ двухъ: государство нейтрально, или оно воюющая сторона; средняго между этими двумя положеніями нѣтъ. Да и самъ Блунчли, говоря немного выше объ образѣ дѣйствій Швейцаріи, дозволявшей наборъ войскъ обѣимъ государствамъ, прибавляетъ: „въ этомъ очевидно есть нѣчто противное истиннымъ принципамъ нейтралитета“. † Ваттелъ, защищая образъ дѣйствій своего отечества, сознается что поведеніе Швейцаріи, хотя и не противное обязанностямъ нейтралитета, подавало однако поводъ ко многимъ нареканіямъ. †* Галиани, отвергая

* Ibid 96 и слѣд.

** Bluntschli. § 759.

*** Стат. II. См. Laferrière et Batbie, *Constitutions d'Europe et d'Amérique*, стр. 84.

**** Bluntschli, § 762.

† Bluntschli, § 759.

†* Vattel, III, § 110.

вообще эту теорію, исключаетъ изъ нея одинъ случай: „если государство дозволяло (по обычаю или договору) какой-либо державѣ во время мира набирать войска на своей территоріи, то, при открытіи войны, оно можетъ, не нарушая нейтралитета, продолжать дѣйствовать также, *лишь бы оно предоставило то же право и другой воюющей державѣ.*“ *

Съ этимъ нельзя согласиться: Галиани въ этомъ случаѣ думаетъ что безпристрастіе, выраженное общимъ дозволеніемъ, можетъ покрыть вмѣшательство. Но вмѣшательство въ войну, по какимъ бы соображеніямъ оно ни произошло, какимъ бы безпристрастіемъ ни сопровождалось, составляетъ нарушение нейтралитета. На это можно бы возразить что воспрещая съ открытіемъ войны наборъ, дозволенный въ мирное время, нейтральное государство ослабляетъ силы державы которой воспрещаетъ, а слѣдовательно дѣйствовать въ пользу противной стороны. Но стоить всмотрѣться ближе въ это возраженіе и оно потеряетъ ту вѣскость которую, повидимому, имѣетъ. Нейтральное государство, воспрещая наборъ, дѣйствуетъ не въ пользу противной стороны, но прежде всего въ пользу своихъ интересовъ, во огражденіе своего нейтралитета. До открытія войны, дозволеніе набора, поставленіе войскъ, не имѣетъ враждебнаго характера по отношенію къ третьему государству. Но съ началомъ войны, это третье государство, какъ воюющая сторона, въ правѣ усмотрѣть въ этихъ дѣйствіяхъ дѣйствія враждебныя для себя и съ этой минуты считать государство дозволяющее наборъ непріателемъ. Принявъ разсматриваемое возраженіе, мы пришли бы къ оправданію всякаго вмѣшательства нейтральнаго въ войну, если только оно основано на обычаѣ принятомъ во время мира.

Перечисленіе всехъ дѣйствій обуславливающихъ вмѣшательство въ войну со стороны нейтральнаго государства не возможно. Мы привели вышеизложенные случаи, какъ наиболѣе часто встрѣчающіеся и представляющіе наиболѣе интереса, по различію взглядовъ на нихъ ученыхъ. Сказаннаго достаточно чтобъ убѣдиться что вообще всякое вмѣшательство въ войну нарушаетъ нейтралитетъ; будь оно активное, предпринятое по свободной волѣ нейтральнаго государ-

* Galiani, cap. 9; см. Hnutefeuille, *Droits etc*, I, 257.

ства, или же пассивное, происшедшее помимо или даже противъ его воли.

Полное безпристрастіе нейтральнаго государства въ своихъ сношеніяхъ съ воюющими есть, въ свою очеvedь, существенное условіе нейтралитета. Будучи пристрастно къ одному изъ воюющихъ, нейтральное государство, хотя и не вступаетъ непосредственно въ войну, косвенно однако вліяетъ на ея ходъ, усиливая одну изъ воюющихъ сторонъ, ослабляя другую; предоставляя одной выгоды въ которыхъ отказываетъ другой.

Нѣкоторые писатели старались дать опредѣленіе общаго принципа безпристрастія. Такъ Пинеро-Феррейра опредѣляетъ его какъ „воздержаніе отъ всякаго нововведенія могущаго благоприятствовать одной изъ воюющихъ сторонъ“.* Другими словами, онъ требуетъ продолженія до-военнаго состоянія. Но во время мира государство имѣетъ полное право быть пристрастнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ и въ большинствѣ случаевъ никакое другое государство не станетъ разсматривать это какъ оскорбленіе для себя. Такъ напримѣръ допускъ во время мира въ свои гавани военные корабли одного государства и исключая изъ нихъ корабли другаго, государство только пользуется своими правами, своимъ суверенитетомъ и никому не наноситъ этимъ дѣйствіемъ ущерба. Между тѣмъ, если оно, съ открытіемъ войны не дастъ того же права и кораблямъ другой воюющей державы, оно явнымъ образомъ будетъ помогать, усиливать одну сторону въ ущербъ другой и слѣдовательно нарушитъ нейтралитетъ. Отсюда видно что мнѣніе Пинеро-Феррейра не можетъ быть принято.

Вообще должно замѣтить что опредѣлить теоретически въ чемъ именно состоитъ безпристрастіе нейтральнаго государства дѣло невозможное. Какъ общій принципъ можно только повторить слова Галиани что нейтральное государство въ тѣхъ дѣйствіяхъ которыя не составляютъ вмѣшательства въ войну должно слѣдовать политикѣ безпристрастнаго отъказа, безпристрастнаго дозволенія.** Но какъ прилагается

* Pinheiro-Ferreira, примѣч. къ § 355 Martens, *Précis du droit des gens*.

** *Imparziale rifiuto, imparziale concessione*. Galiani p. I. cap. 1, cit. Hautefeuille, *Droits*, I, 206, примѣч. 3.

этотъ принципъ къ практикѣ, къ отдѣльному случаю, есть уже дѣло разумной политики.

Безпристрастіе не возбраняетъ однако симпатизировать одной изъ воюющихъ сторонъ. „Нейтралитетъ“, справедливо замѣчаетъ Блуншли, „не есть синонимъ безучастія“. * Нейтральное государство обязано лишь матеріально не благоприятствовать ни той, ни другой сторонѣ.

Возможенъ ли нейтралитетъ для государства обязаннаго по трактату помогать воюющему? Отвѣтъ можетъ быть только отрицательный, ибо ясно что подобный трактатъ есть не что иное какъ союзъ (*traité d'alliance*). А будучи союзникомъ одного изъ воюющихъ, государство само уже воюющая сторона. То соображеніе что оно лишь исполняетъ свои обязательства по трактату заключенному заранѣе, когда еще не предвидѣлась война, не можетъ повліять на разрѣшеніе вопроса. Трактатъ обязателенъ лишь для согласившихся на него сторонъ, а не для третьей посторонней (то-есть въ настоящемъ случаѣ второй воюющей). Фактъ нарушенія нейтралитета, по какимъ бы причинамъ онъ ни совершался, дѣлаетъ государство воюющею стороною.

Однако нѣкоторые выдающіеся писатели, а именно Ваттель и Уитонъ, утверждали что нейтралитетъ можетъ быть сохраненъ и государствомъ обязавшимся лутемъ трактата принять участіе въ войнѣ. Ваттель требовалъ только чтобы условленныя субсидіи были *умѣренны* (*modérés*). ** Уитонъ приводитъ то же требованіе и, кромѣ того, раздѣляетъ повидимому и мнѣнія Гуго Гроція что помощь по трактату обязательна лишь въ случаѣ войны начатой *justa causa*. *** Но ни то, ни другое условіе не выдерживаетъ критики. Во первыхъ, *умѣренность* субсидій, понятіе весьма относительное, и государство оказавшее помощь во всякомъ случаѣ не будетъ уже нейтральнымъ. *Частное невмѣшательство* въ войну, *частное* безпристрастіе неудобомыслимо. Нейтралитетъ и его обязанности по существу своему не дѣлаемы и не ограничиваемы. Точно также нельзя согласиться со взглядомъ Уитона: справедливость войны, *justa causa*, не можетъ вліять на образъ дѣйствій нейтральнаго государства; допустить

* Blunschli, § 753.

** Vattel, III, § 105.

*** Wheaton, *Elements*, I, 259, 260. H. Grotius I, II, chap. XXV.

противное значить уничтожить и самый нейтралитетъ; въ такомъ случаѣ логически было бы требовать внимательства всѣхъ государствъ за ту воюющую державу на сторонѣ которой *право*; а это, какъ я выше сказалъ, не согласно съ началами международного права. Притомъ война можетъ быть начата *justa causa* съ обѣихъ сторонъ. Спрашивается, какъ же должно въ этомъ случаѣ поступить нейтральное государство?

Несовмѣстность трактата о субсидіяхъ съ сохраненіемъ нейтралитета становится такимъ образомъ ясна: она столь очевидна что Бункерсгукъ не затруднился даже опредѣлить нейтралитѣ отсутствіемъ подобнаго договора. *

Наконецъ и практика обнаружила всю несостоятельность трактатовъ ограничивающихъ обязанности нейтральнаго государства. Или они не были соблюдаемы, или же вовлекали нейтральное государство въ войну. Особенно богаты такими трактатами XVIII вѣкѣ. ** Въ XIX же вѣкѣ мы ихъ почти не находимъ и можно безошибочно сказать что современная международная практика отказалась отъ нихъ.

Изъ всего вышесказаннаго ясно что нейтралитетъ возможенъ только тамъ гдѣ со стороны государства желающаго остаться мирнымъ не предпринимается никакихъ дѣйствій обуславливающихъ внимательство или обнаруживающихъ явное пристрастіе къ одному изъ воюющихъ. Два эти принципа — невнимательство и безпристрастіе — составляютъ естественную грань, естественное ограниченіе правъ нейтральнаго государства. Какія же ограниченія налагаютъ они на государство, въ чемъ и насколько война двухъ державъ измѣняетъ отношенія къ нимъ третьей — нейтральной?

Главный вопросъ представляющійся здѣсь есть вопросъ о томъ имѣетъ ли нейтральное государство право продол-

* „Non hostes appello, qui neutraram partium sunt. nec ex foedere his illisve quicquam debent; si quid debeant, foederati sunt, non simpliciter amici“. Bunkershoeck Quaest. I, cap. IV; Wheaton, *Elements*, II, 73.

** Таковы кнприм. трактаты: 1го марта 1778. (Испанія—Португалія); въ 1783 году къ нему присоединилась Франція; 17го мая 1796 Франція—Пруссія; 15го мая 1796 Франція—Сардинія; 7го августа 1796 Франція—Вуртембергъ и пр. См. Martens et Murhard, *Recueil* etc. t. II и t. VI.

жать свои торговыя сношенія съ воюющими. При томъ огромномъ значеніи которое имѣетъ торговля вообще, и морская въ особенности, для государства, ясно что вопросъ этотъ вопросъ существенный. Измѣняетъ ли вспыхнувшая война торговыя отношенія между нейтральнымъ и воюющими? По-вѣрно что если нейтральное государство будетъ доставлять воюющей державѣ предметы необходимые для веденія войны, напримѣръ оружіе, порохъ, перевозить ея войска и т. под., то здѣсь есть вмѣшательство въ военныя дѣйствія—непріятелю доставляется вспоможеніе. Отсюда первое ограниченіе: несовмѣстность съ началомъ нейтралитета торговли извѣстными предметами, *военной контрабандой*, съ воюющими. Далѣе, нейтральная торговля можетъ быть помѣхой для воюющаго, если будетъ производиться съ мѣстами которыя воюющая держава находитъ необходимымъ изолировать. Это начало *блокады*. Наконецъ нейтральная торговля можетъ производиться въ ущербъ одному изъ воюющихъ; въ такомъ случаѣ нейтралитетъ будетъ нарушенъ, такъ какъ государство уже не будетъ безпристрастно.

Гуго Гроцій, Бункерсгукъ и Ваттель думаютъ что нейтральное государство не должно продавать или покупать у одной изъ воюющихъ сторонъ большее количество товаровъ или по меньшимъ цѣнамъ, чѣмъ у другой. Однако такой взглядъ не можетъ быть допущенъ. Ясно что такое количественное равенство совершенно невозможно, и допустить это значило бы поставить непреодолимую преграду нейтральной торговлѣ.

Вѣрнѣе мнѣніе Готфѣля. Торговля дѣлится на двѣ вѣтви: пассивную и активную. Пассивная не требуетъ перемѣщенія отъ продающаго и производится на его территоріи; активная та которая производится посредствомъ подвоза въ извѣстную мѣстность и покупки тамъ же обратнаго груза. „Безпристрастіе, говоритъ Готфѣль, ограничивается для нейтральнаго допущеніемъ обѣихъ воюющихъ сторонъ къ своей *пассивной* торговлѣ“, что же касается до торговли активной, то нейтральное государство можетъ располагать ею какъ захочетъ и не будетъ нарушать безпристрастія если торговля съ однимъ изъ воюющихъ будетъ дѣятельнѣе чѣмъ съ другимъ.*

* Того же мнѣнія и Гюбнеръ; „самый строгій нейтралитетъ“, говоритъ онъ, „не мѣшаетъ намъ поддерживать болѣе дѣятельную

За исключеніемъ указанныхъ случаевъ можно, казалось бы, утверждать что торговля нейтральнаго съ воюющимъ свободна. Но тутъ представляется дилемма выйти изъ которой не легко. Нейтральное государство имѣетъ полное право вести торговлю съ воюющими, но и воюющія, съ другой стороны, имѣютъ полное право употреблять всѣ средства могущія вредить непріятелю, а къ числу самыхъ могущественныхъ средствъ принадлежитъ, безъ сомнѣнія, полное прекращеніе его торговли. Съ одной стороны, право на свободную торговлю нейтральныхъ съ воюющими, съ другой, право воюющихъ прекратить эту торговлю. Изъ такого затруднительнаго положенія выводить ученіе о правѣ необходимости. Еслибъ ученіе это осталось чистою теоріей, еслибъ оно не прилагалось на практикѣ и не повлекло бы за собой гибельныхъ для нейтральныхъ досадствій, о немъ можно бы было умолчать. Но слишкомъ два столѣтія, то-есть съ минуты когда Англія стала самой могущественною морскою державою, право необходимости составляло ея политику и повывъ англійскіе писатели не задумываются надъ его защитой. Поэтому-то мнѣ кажется не лишнимъ остановиться на немъ и указать его несостоятельность.

По мнѣнію Гуго Гроція, воюющіе имѣютъ право на всѣ нужныя имъ дѣйствія. Исходя отъ этой точки отправленія, онъ допускаетъ и прекращеніе нейтральной торговли въ случаѣ крайней необходимости (*gravissima necessitas*), но подъ условіемъ возвращенія захваченнаго нейтральнаго имущества, если не будетъ причины не возвращать его.* Гейнекцій, Генрихъ Кокцей держатся того же мнѣнія, за ними и новѣйшіе писатели, какъ Ваттель, Азуни, Лампреди, развивали почти ту же теорію. Если воюющій захватитъ товары нейтральнаго, если будетъ мѣшать торговлѣ нейтральныхъ, то эти послѣдніе, по словамъ Ваттеля, будутъ страдать отъ войны для нихъ чуждой. „Но воюющій не отрицаетъ ихъ права, онъ только пользуется своимъ собственнымъ, если же сіи права сталкиваются и вредятъ другъ другу, то это слѣдуетъ неизбѣжною необходимостію“.** Пуфендорфъ старался торговлю съ однимъ изъ воюющихъ, чѣмъ съ другимъ.....* *Hautefeuille, Droits, I, 281.*

* H. Grotius, E. III, c. I, § 5.

** „Si nos droits se croisent et se nuisent mutuellement, c'est l'effet d'une nécessité inévitable“. Vattel, III, § 110.

также оправдать такой образъ дѣйствию воюющаго, хотя и сознавался что подобная мѣра можетъ быть только временною и основанной только на политическихъ соображеніяхъ, но не на правѣ. * Наконецъ Лампреди, а за нимъ и Азуни примыкаютъ къ этой школѣ. Оба эти писателя пытались найти основаніе права воюющаго прекратить нейтральную торговлю въ принципахъ гражданскаго и уголовнаго права. Въ положеніи воюющаго они видѣли положеніе крайности и въ захватѣ нейтральныхъ кораблей актъ аналогичный съ экспроприаціей. **

Наконецъ въ нынѣшнемъ столѣтіи англійскіе писатели Редди, Филлиморъ и другіе *** являются защитниками права необходимости. Основываясь исключительно на практикѣ англійскаго адмиралтейства, они не входятъ въ юридическую сторону вопроса, и историческій фактъ, какъ прецедентъ, возводятъ въ юридическую аксіому. Сущность ихъ разсужденій мы находимъ въ Discourse on the conduct of the government of Great-Britain in respect to neutral nations, небольшомъ сочиненіи написанномъ Джеккинсомъ, лордомъ Ливерпульемъ, въ 1757 году, по порученію англійскаго правительства. ****

„Свобода торговли, по его словамъ, не болѣе какъ право возить на спокойный рынокъ естественные и промышленные продукты нашего отечества и изъ этихъ дѣйствию извлекать извѣстныя выгоды, но можетъ ли быть это дозволено, если я терплю отъ этого ущербъ?... Права государствъ не одинаковы; какъ скоро два такихъ права приходятъ въ столкновеніе, болѣе слабое должно, очевидно, уступить болѣе сильному.... Свободная торговля допускается, лишь бы не вредила одному изъ воюющихъ. Поэтому-то и свобода эта ограничена; торговля военною контрабандой не допускается, также мало и всякими другими предметами, смотря по положенію или обстоятельствамъ данной минуты.“ † Но кто

* См. о Пуфендорфѣ: Wheaton, *Histoire*, I, 189.

** О мѣрилахъ ихъ см. подробно у Hautefeuille, *Droit*, II, 382 и слѣд. (въ примѣчаніяхъ).

*** См. у Gessner, *Droit* 251 и слѣд. и Ortolan, II, прилож. 558 и слѣд.

**** Оно находится въ переводѣ у Rayneval, *De la liberté des mers*, II, 108—219.

† Ibid, 153, 155—165.

же, спрашивается, судья въ этихъ обстоятельствахъ? По словамъ Дженкинсона, само же воюющее государство. „Лишь только сталъ водворяться сколько-нибудь лучшій порядокъ вещей, воюющія государства стали предъ началомъ военныхъ дѣйствій специфировать въ своихъ деклараціяхъ ту торговлю которую намѣрены *дозволить* нейтральнымъ государствамъ.“ * Все это разсужденіе подтверждается авторомъ массой историческихъ фактовъ изъ морской практики Англіи.

Вотъ въ главныхъ своихъ чертахъ ученіе предлагаемое названными учеными. Не входя покаместъ въ разсмотрѣніе весьма сомнительнаго свойства аналогій съ гражданскимъ правомъ, какъ у Лампреди и Азуни, произвольныхъ опредѣленій свободной торговли, какъ у Дженкинсона, и иныхъ мало-юридическихъ основаній, юридическихъ титуловъ, приписываемыхъ воюющей державѣ, въ оправданіе права необходимости, обращаюсь прямо къ самому существу этого права.

Вопросъ заключается въ слѣдующемъ: есть ли это право необходимости дѣйствительно *право*? и столкновение между правами нейтральныхъ государствъ и правами воюющихъ можетъ ли быть разрѣшено только съ долуценіемъ его?

Какъ мы видѣли, писатели защищавшіе право необходимости опредѣляютъ его весьма не ясно. Общій выводъ который можно сдѣлать изъ ихъ словъ это тотъ что воюющая держава находится въ необходимости прибѣгать ко всѣмъ мѣрамъ могущимъ ослабить ея непріятеля. Но въ силу права всякаго государства остаться мирнымъ зрителемъ въ войнѣ, вспыхнувшей между двумя державами, нельзя, разсуждая о вопросахъ войны, разсматривать только положеніе воюющихъ державъ. Здѣсь не двѣ, а три стороны: двѣ воюющія и третья—нейтральная. Эта послѣдняя, оставаясь чуждою войнѣ, имѣетъ право требовать чтобъ ея не коснулись и послѣствія войны. Если само нейтральное государство не принимаетъ участія въ войнѣ, если оно одинаково безпристрастно относится къ обѣимъ воюющимъ, то эти послѣднія обязаны поступать съ нимъ какъ съ государствомъ мирнымъ, то есть признать за нимъ всѣ права принадлежащія государству какъ члену международнаго союза. Ограниченіе этихъ

* Ibid В 130.

правъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ есть прямое слѣдствіе нейтралитета, но ограниченіе это не есть *право воюющаго, а обязанность нейтральнаго*. Различеніе это не есть споръ въ словахъ; оно имѣетъ существенное значеніе. Если признать ограниченіе самостоятельности нейтральнаго за право воюющаго, то нѣтъ никакой причины чтобъ оно остановилось на какой-нибудь границѣ. Допустивъ право необходимости для воюющаго, логическимъ путемъ можно дойти до полного оправданія всякаго съ его стороны насильственнаго дѣйствія. „Право это“, говоритъ Готтефель, „по самому своему существу не имѣетъ ни границъ, ни руководящихъ нормъ“. * (Гроцій доходитъ до заключенія что воюющій въ случаѣ крайней необходимости (*gravissima necessitas*), можетъ занять и разрушить крѣпость нейтральную). Словомъ, допустить право необходимости — равнозначуще отрицанію самостоятельности нейтральныхъ государствъ. Напротивъ, если смотрѣть на ограниченія самостоятельности нейтральныхъ государствъ какъ на обязанности, соблюденіемъ коихъ обусловливается и самый нейтралитетъ, то мы придемъ къ примиренію между правами воюющихъ и правами нейтральныхъ, вполнѣ согласному съ юридическими принципами международнаго права.

Право воюющаго государства заключается въ томъ что оно можетъ всѣми *прямыми* средствами вредить своему противнику, но тѣ средства которыя поражаютъ противника, поражая въ то же время и нейтральную державу, не могутъ имъ быть употреблены, такъ какъ они наносятъ ударъ независимости и верховенству государства нейтральнаго.

Такимъ образомъ право необходимости не есть право, — оно было признано таковымъ благодаря лишь смѣшенію правъ воюющаго съ обязанностями нейтральнаго. Но ясно что это два совершенно отдѣльныхъ понятія. Вопросъ же относительно примиренія правъ воюющаго и нейтральнаго рѣшается тѣмъ что воюющій имѣетъ право употреблять средства лишь прямо и непосредственно поражающія противника. Свобода же нейтральной торговли, въ принципѣ допускаемая даже защитниками права необходимости, не совмѣстима съ правомъ необходимости: *unius positio est alterius exclusio*.

* Hautefeuille, *Droit*, II, 30.

Говоря о нейтралитетѣ, излишне было бы искать его началъ въ древности и Среднихъ Вѣкахъ. Нейтралитетъ, какъ явствуетъ изъ всего вышесказаннаго, можетъ появиться, какъ юридическое понятіе, лишь съ наступленіемъ правовыхъ, а не чисто фактическихъ отношеній между государствами. Признаніе самостоятельности и независимости каждаго отдѣльнаго государства есть условіе, sine qua non, для существованія нейтралитета въ истинномъ его смыслѣ. Поэтому въ историческомъ его развитіи первыя прочныя основанія правъ и обязанностей нейтральныхъ государствъ мы находимъ только въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка. Съ этой эпохой совпадаетъ и политическое преобразование Европы, основанное на принципѣ политическаго равновѣсія, составившаго съ той поры лозунгъ европейскихъ державъ; въ это же время, наконецъ, впервые появляется, какъ самостоятельная наука, и наука международнаго права, имѣвшая громадное вліяніе на практику.

Съ другой стороны, однако, при разсмотрѣніи нѣкоторыхъ вопросовъ нейтралитета, должно восходить нѣсколько далѣе, чѣмъ XVI вѣкъ. Такъ, на примѣръ, въ вопросѣ о правахъ нейтральнаго флага и груза. Этотъ вопросъ, какъ относящійся къ торговлѣ нейтральныхъ, возникъ очень рано, что объясняется тѣмъ что первыя мирныя отношенія между государствами несомнѣнно носили коммерческій характеръ. Раннее возникновеніе торговыхъ вопросовъ поэтому неудивительно.

Съ начала XVII вѣка, въ дѣлѣ морскаго международнаго права ясно опредѣляются два направленія: стремленіе сильныхъ морскихъ державъ—Испанія, Голландія и за ними въ особенности Англія—къ неограниченному господству надъ моремъ, къ исключительному завладѣнію морскою торговлею, и съ другой стороны естественное стремленіе континентальныхъ державъ противодействовать этому господству установленіемъ равновѣсія и на морѣ.

Вопреки всякимъ трактатамъ, Англія въ началѣ каждой войны обнародовала такъ-называемый *orders of council*, въ которыхъ всѣ права нейтральныхъ державъ нарушались самымъ явнымъ образомъ. Главными ея орудіями были: фиктивная блокада, относительная военная контрабанда, конфискація непріятельскаго имущества подъ нейтральнымъ флагомъ. Всѣ эти мѣры, оправдываемыя ея правомъ необходи-

мости, клонились, въ сущности, къ полному прекращенію торговли нейтральныхъ державъ на время войны и очевидно губительно вліяли надолго и послѣ возстановленія мира.

Но во второй половинѣ XVIII вѣка морское преобладаніе Англіи пошатнулось. Равновѣсіе на морѣ начало устанавливаться. Въ международный союзъ вошла Северо-Американскіе Соединенные Штаты, морское могущество которыхъ вскорѣ стало способнымъ положить преграду политикѣ Великобританіи. Въ это же время и Россія, до тѣхъ поръ принимавшая мало участія въ дѣлахъ западныхъ державъ, приобретаетъ далеко не послѣдній голосъ въ международномъ союзѣ и вскорѣ становится во главѣ союза нейтральныхъ государствъ, — союза, имѣвшаго цѣлью вооруженною рукой оградить права нейтральныхъ отъ нарушеній со стороны Англіи. Наконецъ послѣднее усиліе Великобританіи возстановить поколебленное свое морское преобладаніе встрѣтило отпоръ въ „континентальной блокадѣ“, проведенной Франціей.

Такимъ образомъ съ XVIII и начала XIX вѣка начинается устанавливаться равновѣсіе на морѣ, и хотя и нынѣ самое могущественное морское государство есть безъ сомнѣнія Англія, но исключительное преобладаніе ея рушилось. Съ начала XIX вѣка и до конца Восточной войны Англія одинъ только разъ въ своихъ трактатахъ коснулась, и то вскользь, вопросовъ морскаго нейтралитета; * въ этотъ періодъ времени она, по выраженію Геснера, „какъ бы одумалась“. Подписавши Парижскую декларацію 16го апрѣля 1856 года, она отказалась отъ вѣковой своей политики и признала права нейтральныхъ государствъ въ томъ видѣ какъ они уже давно были признаны остальными государствами.

Парижская декларація есть эпоха въ исторіи морскаго нейтралитета. Въ первый разъ всѣ державы единогласно **

* Трактатъ съ Португаліей 1642 года.

** Парижскаго трактата не подписали: Испанія, Мексика и Соединенные Северо-Американскіе Штаты. Но государства сіи отказались только потому что не хотѣли допустить уничтоженія каперства безъ уничтоженія права захвата частной собственности и на морѣ. Остальные же принципы Парижской деклараціи приняты ими вполнѣ. Война 1861 — 1864 доказала это относительно Северо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ.

согласились признать основными принципами морскаго военнаго права нѣсколько положеній, составлявшихъ предметъ споровъ въ теченіи двухъ слѣдующихъ столѣтій.

Отъ общаго очерка условій нейтралитета перейдемъ къ нѣкоторымъ частнымъ вопросамъ и во первыхъ къ вопросу о военной контрабандѣ.

II. О военной контрабандѣ.

Первое ограниченіе свободы нейтральной торговли заключается въ томъ что нейтральное государство лишается права снабженія воюющихъ сторонъ извѣстными предметами прямо и непосредственно усиливающими его военныя средства. Ограниченіе это само собой вытекаетъ изъ опредѣленія нейтралитета какъ оно было указано выше. Нейтралитетъ нарушенъ если государство оказываетъ матеріальную помощь одной изъ воюющихъ сторонъ. А очевидно что подвозъ извѣстныхъ предметовъ, каковы напримѣръ оружіе, порохъ и т. п., есть прямое усиленіе военныхъ средствъ воюющей державы, и эти дѣйствія дѣлаютъ нейтральное государство союзникомъ воюющаго. Нѣкоторые весьма авторитетные писатели думали однако что контрабанда можетъ быть только договорная и что тамъ гдѣ нѣтъ трактата, остается въ полной силѣ принципъ неограниченной свободы торговли. Все что должно сдѣлать въ этомъ случаѣ нейтральное государство, это соблюдать полную безпристрастіе относительно обѣихъ воюющихъ сторонъ. Таково мнѣніе Клюбера, Кобдена, Молларри. *

Мнѣніе это не можетъ быть принято. Писатели ** защи-

* Klüber, § 288; о Кобденѣ см. Cauchy, *Du respect de la propriété privée dans la guerre maritime*, Paris 1866; стр. 51 и слѣд. Не лишнее замѣтить что изъ названныхъ писателей лишь первый спеціально занимался международнымъ правомъ, тогда какъ Кобденъ и Молларри, какъ экономисты, смотрятъ на вопросъ съ своей точки зрѣнія.

** Гессмеръ причислая къ числу писателей отвергающихъ контрабанду не договорную Кокцеа и Лампреда дѣлаетъ ошибку, такъ какъ они выводятъ ея понятіе изъ другаго только источника, изъ

щавшіе его упустили изъ виду что самый фактъ подвоза контрабанды есть вмѣшательство въ военныя дѣйствія, безпристрастіе же въ этомъ отношеніи только поставило бы государство въ странное положеніе союзника обѣихъ воюющихъ разомъ, нейтралитетъ его во всякомъ случаѣ былъ бы нарушенъ, ибо всякое дѣйствіе нейтральнаго относительно воюющаго должно вмѣщать оба условія: невмѣшательство и безпристрастіе, какъ было уже доказано выше.

Писатели школы Гуго Гроція, Кокцеи, Вольеръ, Ваттель, а за ними Лампреди, Азуни и англійская доктрина рассматриваютъ военную контрабанду какъ вытекающую не изъ основныхъ условій нейтралитета, а какъ право воюющаго. Другими словами, прилагаютъ здѣсь право необходимости, о которомъ уже была рѣчь. Вотъ какъ разсуждаютъ названные писатели: нейтральное государство имѣетъ полное право на свободную торговлю съ воюющими и право это распространяется на всѣ предметы, не исключая и военной контрабанды, если только оно будетъ дѣйствовать безпристрастно и не обязалось путемъ трактата къ иному. *

Съ другой стороны, воюющей, находясь въ состояніи законной обороны, пріобрѣтаетъ право на захватъ груза составляющаго помощь его непріятелю, а слѣдовательно невыгодную для него. Столкновеніе этихъ двухъ правъ и повело къ тому что государства путемъ трактатовъ стали условливаться въ томъ что считать свободнымъ товаромъ и что запрещеннымъ, военною контрабандой. **

Такимъ образомъ все это ученіе сводится къ слѣдующему: нейтральное государство имѣетъ право на свободную торговлю военною контрабандой, но должно воздерживаться

права необходимости, а не изъ понятія о нейтралитетѣ. Въ сущности же они признаютъ *принципъ* контрабанды, межъ тѣмъ какъ Кюберъ положительно отвергаетъ его (Gessner, *Droit* 86—87).

* См. у Gessner, 87 и слѣд.; Hautefeuille, II, 78. Vattel III, ch. 7: „D'après le même principe, si une nation fait commerce en armes... en munitions de guerre, je ne puis trouver mauvais, qu'elle vende tout cela à mon ennemi, pourvu qu'elle ne me refuse pas de m' en vendre aussi à un prix raisonnable.“

Въ томъ же смыслѣ выражаются Лампреди, стр. 1, § 4 и Азуни, II, сар. 2,

** Lampredi, I, 1, § 4, см. Wheaton, *Histoire* I, 375—376.

отъ него въ собственныхъ интересахъ, ибо и воюющее государство имѣетъ несомнѣнное право препятствовать всѣмъ вреднымъ для него дѣйствіямъ. Слѣдовательно здѣсь устанавливается неосуществимое право *jus pudum* и ученіе о правѣ необходимости оказывается и въ этомъ случаѣ столь же несостоятельнымъ, какъ въ другихъ.

Галиани * полагаетъ что въ основѣ понятія о военной контрабандѣ лежитъ чувство *гуманности*. Для того только чтобы не давать воюющимъ средствъ къ продолженію войны, нейтральное должно воздерживаться отъ доставленія оружія. Нейтральное въ этомъ случаѣ отказывается отъ своего права „въ силу справедливости, а не въ силу обязанности.“ ** Но допуская и справедливость перваго положенія (будто бы доставкой оружія можно затянуть войну), должно замѣтить что чувство гуманности хотя имѣетъ несомнѣнное достоинство и въ области международнаго права, но основаніемъ какого-либо права быть не можетъ, ибо оно понятіе не юридическое. И странно встрѣтить такое мнѣніе у Галиани, столь вѣрно и мѣтко опредѣлившаго въ своемъ сочиненіи взаимныя обязанности и права нейтральныхъ и воюющихъ державъ, какъ мы уже видѣли выше.

Совершенно иного мнѣнія держатся Готфѣль, Гесснеръ, Ортоланъ и вообще всѣ другіе новѣйшіе писатели, за исключеніемъ англійскихъ. *** Для нихъ понятіе о военной контрабандѣ вытекаетъ изъ абсолютности обязанностей нейтральнаго. Допустивъ принципъ военной контрабанды, Ортоланъ, **** а вслѣдъ за нимъ и Гесснеръ, † задаются вопросомъ: какое различіе въ доставленіи военной контрабанды воюющему со стороны нейтральнаго государства, какъ государства, и тѣмъ же дѣйствіемъ со стороны *подданныхъ* нейтральнаго государства? Одинаково ли нарушается нейтралитетъ въ обоихъ случаяхъ? Вопросъ рѣшается Ортоланомъ отрицательно: въ пользу своего мнѣнія онъ приводитъ то соображеніе что нейтральное государство не

* Цитир. у Gessner, *Droit*, 87—88.

** Galiani, I, с. 1, § 6—9, *ibid*.

*** Hautefeuille, *Droits*, 69 и сѣд.; Gessner, *Droit*, 85 и сѣд. и *Recht* стр. 43 и сѣд.; Ortolan, II, 175 и сѣд.

**** Ortolan, II, 177.

† Gessner, *Recht; d. neutr. Suh.*, 45.

имѣть никакого основанія воспрещать своимъ подданнымъ торговлю военною контрабандою и подвергать ихъ наказанію за такую торговлю. Оно только отказываетъ имъ въ своемъ покровительствѣ. Тотъ же взглядъ раздѣляетъ и Блунчли.* Съ этимъ однако же нельзя согласиться: нейтральное государство несомнѣнно должно наблюдать за тѣмъ чтобъ обязанности его не нарушались во вредъ одной изъ воюющихъ сторонъ и оно отвѣчаетъ, по праву, за дѣйствія своихъ подданныхъ. Взглядъ Блунчли и Ортолана есть возведеніе факта въ международное правило. Какъ скоро нейтральный подданный захваченъ воюющимъ во время подвоза непріятелю контрабанды, воюющій передаетъ дѣло на разсмотрѣніе своихъ призовыхъ судовъ, но не дѣлаетъ заявленія нейтральному правительству о нарушеніи имъ нейтралитета. Стоитъ однако же внимательно посмотреть на это обстоятельство чтобъ убѣдиться что практика допустила такой образъ дѣйствій не по соображеніямъ права, а исключительно по причинамъ политическимъ, утилитарнымъ. Дѣйствительно, еслибы въ каждомъ случаѣ нарушенія правилъ о военной контрабандѣ со стороны подданныхъ нейтральнаго государства, воюющая сторона входила въ сношенія съ нейтральнымъ правительствомъ, то пререканія и дипломатической переплскѣ не было бы конца. Вотъ почему международная практика установила обычай что производство торговли военною контрабандою нейтральными подданными не считается нарушеніемъ нейтралитета со стороны государства, а личнымъ проступкомъ подданнаго. Именно съ этой точки зрѣнія смотритъ на дѣло и Гесснеръ: „было бы несообразно со справедливостію (*es würde unbillig sein*) налагать на государство отвѣтственность за дѣйствія отдѣльнаго подданнаго.... Формальная точка зрѣнія что воюющее государство не имѣетъ юрисдикціи надъ нейтральнымъ подданнымъ разрѣшается тѣмъ соображеніемъ что тотъ кто ведетъ войну становится фактически и по принципамъ международнаго права собственнымъ судьей. Если потому подданный нейтральнаго государства переступаетъ границы своего права, то онъ становится на почву войны, гдѣ имѣетъ юрисдикцію воюющій.“** Но, по строгому праву, государство въ этомъ случаѣ

* Bluntschli, § 765, примѣч. 2.

** Gessner, *Recht etc*, 45—46.

отвѣтственно за дѣйствія своего подданнаго. Мало того, въ деклараціяхъ о нейтралитетѣ обыкновенно всегда находится статья воспрещающая подданнымъ торговлю военною контрабандой въ строгомъ смыслѣ. * Государство обязано сохранять исполненіе сихъ предписаній данныхъ законодательнымъ путемъ. Впрочемъ и Блунчли попускаетъ что если контрабанда будетъ вывозиться въ *значительномъ количествѣ*, то нейтральное государство можетъ быть разсматриваемо какъ нарушившее нейтралитетъ. ** Мнѣ кажется, однако, что вопросъ о количествѣ вывозимой контрабанды безразличенъ, и что правонарушеніе не можетъ измѣряться количественно. ***

Перехожу къ самому существенному и самому спорному пункту занимающаго насъ вопроса, а именно: какіе предметы должны быть исключены изъ нейтральной торговли, какъ военная контрабанда? При разсмотрѣніи сего вопроса мы опять встречаемся съ двумя направленіями, съ одной стороны, одни писатели стараются ограничить насколько возможно число предметовъ составляющихъ контрабанду, другіе же, по преимуществу Англичане, расширяютъ его, можно сказать, до безпредѣльности.

Первый Гуго Гроціи далъ дѣленіе всѣхъ вообще предметовъ встречающихся въ торговлѣ на три категоріи: первую составляютъ предметы употребляемые исключительно въ войнѣ, вторую предметы не относящіяся вовсе къ войнѣ, каковы предметы роскоши (*quae voluptati inserviunt*); въ третью, наконецъ, входятъ предметы одинаково употребляемые какъ во время

* См. примѣръ деклараціи о нейтралитетѣ Испаніи, Неаполя, Швеціи предъ Восточною войной; Франціи, Англіи, Испаніи предъ Американскою войной. См. Ortolan, II, спеціал. прим. VIII, IX, XI, XXII.

** Bluntschli, § 766.

*** Историческіе факты приводимые Ортоланомъ и Блунчли въ подтвержденіе ихъ теорій не могутъ служить ей основой: американскій нейтралитетъ позволяетъ торговлю контрабандой „aux objets à leurs risques et périls“. На это можно отвѣтить что Америка не соблюдала строго нейтралитета. Тѣ же Соединенные Штаты протестовали въ 1863 году противъ торговли военною контрабандой англійскихъ подданныхъ съ Южными штатами и тѣмъ отказались отъ мѣры которая за подстрекація предъ тѣмъ была принята ими лишь въ виду тогдашняго положенія дѣлъ, по соображеніямъ чисто политическимъ. (См. Ortolan, II, 179, прим. 2).

мира, такъ и во время военное (*ancipitis usus*). Сюда относятся деньги, жизненные припасы, корабельный материалъ и вообще всѣ сырые продукты.* Ясно что вопросъ сосредоточивается на третьей категоріи, такъ какъ о первыхъ двухъ не можетъ быть спора.

Согласно съ своей методой, Гроціи рѣшаетъ вопросъ такъ: если успѣхъ войны будетъ зависѣть отъ запрещенія сей торговли, то воюющее государство имѣетъ право ее приостановить (*necessitas jus dabit*). Но и самая классификація его шатка: весьма трудно найти такой предметъ который употреблялся бы *исключительно* для военныхъ цѣлей, точно также какъ было бы затруднительно указать и на такой который не могъ бы быть употребляемъ для войны.

Бинкерсгукъ указалъ уже на несостоятельность теоріи Гроціи.** Самъ онъ ограничилъ военную контрабанду оружіемъ и военнымъ матеріаломъ. Но стараясь оправдать нѣкоторыя дѣйствія своего отечества,*** онъ допустилъ расширеніе понятія и на нѣкоторые другіе предметы, *смотря по обстоятельствамъ*, „но“, говоритъ онъ, „эти исключенія подтверждаютъ общее правило.“**** На самомъ же дѣлѣ такое исключеніе есть не что иное какъ узаконеніе того же права необходимости и выводимой изъ него такъ-называемой *относительной* контрабанды, о которой сейчасъ скажу подробнѣе. Ваттель, Лампреди и Азуни не даютъ никакихъ подробностей о предметахъ которые, по ихъ мнѣнію, составляютъ военную контрабанду. Они ограничиваются разсужденіями уже разсмотрѣнными выше.

Наконецъ, вотъ опредѣленіе предметовъ подлежащихъ считаться военною контрабандой даваемое французскимъ юристомъ Жюффруа: † „Должно разсматривать какъ недозволенное все то что при нынѣшнемъ образѣ веденія войны до такой степени необходимо для нападѣнія или для защиты что государство лишенное сихъ предметовъ не было бы въ состояніи вести войну“. Волѣдъ затѣмъ дается перечень этихъ предметовъ:

* Н. Grotius, III, c. I, § 5.

** См. Gessner, *Droit*, 73.

*** Эдикты Генеральныхъ Штатовъ 1652, 1657 и 1689.

**** *Sunt haec exceptiones, quae regulam confirmant*. См. Hautefeuille, *Droit*, II, 115, прим. 3.

† Оно приведено у Gessner, *Droit*, 91 и слѣд.

- 1) оружіе въ тѣсномъ смыслѣ,
- 2) принадлежности къ нему, какъ порохъ, селитра, сѣра, свинецъ и проч.;
- 3) матеріалы готовые для войска (мундиры, сѣдла и т. п.);
- 4) корабли;
- 5) корабельный матеріалъ;
- 6) жизненные припасы, если назначены въ военный портъ воюющаго.

Перечень этотъ, какъ видно, довольно произволенъ, но Жюффрау имѣеть по крайней мѣрѣ ту заслугу что давши разъ, правда, весьма широкое, опредѣленіе контрабанды, онъ не допускаетъ уже дальнѣйшаго ея расширенія.

Въ бмѣ пунктѣ онъ вскользь затрогиваетъ вопросъ съ иной стороны, а именно здѣсь контрабанда опредѣляется уже не по *существу* предмета, а по *мѣсту* назначенія. Мысль эта была подробно развита горячимъ сторонникомъ правъ нейтралитета, М. Губнеромъ *. Онъ опредѣляетъ военную контрабанду по двумъ признакамъ: по *качеству* предметовъ и, главнымъ образомъ, по *мѣсту ихъ назначенія*. Принявъ дѣленіе Грація, онъ разсматриваетъ предметы третьей категоріи (т.-е. *ancipitius usus*) какъ контрабанду только въ случаѣ если ихъ назначеніе военный портъ, или мѣсто стоянки войскъ, или наконецъ если они направлены къ блокируемому или осаждаемому мѣсту. Такой взглядъ есть конечно большей мѣрѣ впередъ въ сравненіи съ доктриной о правѣ необходимости, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не выдерживаетъ критики: вопервыхъ, совершенно все равно, въ военный ли, въ коммерческій ли портъ направлены предметы, и это не можетъ измѣнить ихъ природы. Изъ порта коммерческаго они тотчасъ же могутъ быть переправлены сухимъ путемъ или инымъ безопаснымъ способомъ къ войскамъ. Затѣмъ здѣсь смѣшеніе двухъ различныхъ явленій: торговля нейтральнаго съ некоторыми мѣстами (блокируемыми) при-оставляется совершенно на другихъ основаніяхъ чѣмъ тѣ на которыхъ зиждется понятіе о военной контрабандѣ. Наконецъ, если (что въ большинствѣ случаевъ и бываетъ) портъ военный въ то же время и важный коммерческій пунктъ,

* Въ его сочиненіи *De la saisie des bâtimens neutres*. Первое изданіе 1759 Относящіяся къ вопросу о военной контрабандѣ мѣста цитированы Готфблецъ, II, 119 и слѣд.

то въ чью бы пользу ни устанавливалась приумлція, въ пользу ли нейтральнаго, или въ пользу воюющаго, она будетъ произвольна.

Вѣрный своей теоріи Готфѣль думаетъ дать классификацію и опредѣленіе военной контрабанды по аналогіи съ тѣмъ что считалось контрабандой въ status naturalis человѣчества.* Здѣсь не мѣсто входить въ разборъ этой теоріи, надъ которой наука давно уже произнесла свой приговоръ. Посмотримъ только къ какому заключенію приводитъ она Готфѣля. Видя основаніе контрабанды въ обязанности нейтральнаго не вмѣшиваться въ войну, Готфѣль приходитъ къ заключенію что только оружіе и военный матеріалъ въ самомъ ограниченномъ смыслѣ этого слова составляютъ военную контрабанду**. Затѣмъ онъ переходитъ къ оспроверженію англійской доктрины и разбираетъ, обусловливаетъ ли природа того или другаго предмета въ отдѣльности качество требуемое для военной контрабанды по его взгляду, т.-е. возможность непосредственнаго приложенія къ войнѣ.***

Нельзя не замѣтить что выводы Готфѣля изъ status naturalis завели его слишкомъ далеко: онъ и впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собой. Такъ, разбирая вопросъ о драгоцѣнныхъ металахъ (литыхъ и чеканенныхъ), онъ не признаетъ ихъ военною контрабандой, между тѣмъ какъ выше, въ отдѣлѣ объ обязанностяхъ нейтральнаго государства относительно воюющаго, онъ въ подвозѣ денегъ видитъ прямое нарушеніе нейтралитета.****

Наконецъ, наиболее губительное для интересовъ нейтральной торговли опредѣленіе военной контрабанды даетъ англійская теорія выработанная англійскимъ Адмиралтействомъ, предлагаемая Англіей къ дѣлу почти до нашихъ дней; она въ сущности сходна и тождественна съ ученіемъ Гуго Гроціи и

* *Hautefeuille, Droits, II, 72—75.*

** *D'après la loi primitive, on peut donc affirmer, que la contrebande de guerre est expressement limitée aux armes, instruments et munitions de guerre, façonnés et fabriqués exclusivement pour servir dans la guerre.... Droits, II 83—84.*

*** II, 129—157. 1) Металлы и монета, 2) хлѣбъ и жизненные припасы, 3) мануфактурныя издѣлія, 4) корабельный матеріалъ, 5) сырые матеріалы, 6) машины, 7) выючныя животныя.

**** I, 218—220.

его послѣдователей. Но отдѣльныя ея положенія, выработанныя до мелкихъ подробностей и подкрѣпленныя изворотливыми толкованіями свѣтилъ англійскаго Адмиралтейства, имѣли большую авторитетность и, къ сожалѣнію, крайне разрушительное дѣйствіе на торговлю нейтральныхъ государствъ. Ученіе это излагается англійскими писателями почти безъ комментаріевъ, ссылки на авторитетъ рѣшеній призовыхъ судовъ и совершившагося факта заступаютъ мѣсто юридическаго анализа. Вотъ эта доктрина въ главныхъ своихъ чертахъ: предметы входящіе въ понятіе о военной контрабандѣ слѣдующіе: 1) дѣйствительно военное оружіе (*actual instruments of war*); 2) предметы которые по природѣ своей, по качеству и по количеству могутъ быть съ пользою употребляемы для военныхъ цѣлей (*applicable and useful for the purposes of war*); 3) предметы могущіе содѣйствовать военнымъ цѣлямъ, особенно если назначены къ войску, ко флоту или къ портамъ военнымъ*.

О предметахъ первой категоріи нѣтъ и спора; только по отношенію къ предметамъ *ancipitis usus* вопросъ осложняется. Они-то, вообще не считаясь военною контрабандой, въ данныхъ случаяхъ пріобрѣтаютъ сей характеръ, „смотря по взаимному ихъ (воюющихъ) положенію или обстоятельствамъ данной минуты.“** Это такъ-называемая *quasi-контрабанда*, контрабанда случайная. Такіе предметы становятся, по англійскому ученію, контрабандой: вопервыхъ, по назначенію ихъ. „Новѣйшее правило, что такіе предметы не составляютъ вообще контрабанды, но могутъ сдѣлаться таковой, смотря по обстоятельствамъ войны и сторонъ ее вѣдущихъ...“ Главнымъ образомъ, должно здѣсь отличать какое назначеніе имѣютъ сіи предметы: для обыкновенныхъ ли жизненныхъ потребностей или для военныхъ. Естественное положеніе и качество порта назначенія опредѣляютъ ихъ характеръ.*** Это, слѣдовательно, почти Губеровская теорія; ея недостатки были уже указаны. Впрочемъ для нѣкоторыхъ предметовъ *ancipitis usus* и мѣсто назначенія не имѣетъ вліянія, по англійскому воззрѣнію. Такъ, относительно корабельныхъ матеріаловъ безразлично военный ли, коммерческій

* Reddie, vol. II, p. 456; дитур. у Ortolan, II, 186.

** Jenkinson, *Discourse etc.* См. Rayneval, II, 165.

*** *Robinson's Admiralty Reports*, у Wheaton, *Elements*, II, 148 и слѣд.

ли портъ назначенія. Слѣдствіе въ обоихъ случаяхъ то же. Если портъ коммерческій, матеріалы могутъ быть употреблены на вооруженіе калеровъ, или же препровождены въ военный портъ и тамъ найти то же употребленіе какъ еслибъ они прямо были доставлены туда*.

Они становятся контрабандой, воторыхъ, *по нуждамъ воюющей державы*. Такъ, если напрімѣръ жизненные припасы перевозятся къ непріятелю, между тѣмъ какъ воюющее государство желаетъ довести его до крайности лишеніемъ необходимаго для жизни, то жизненные припасы объявляются военною контрабандой. Такъ поступилъ англійскій order of Council 1795 года. Мотивовъ было приведено два: 1) приказъ лубликованъ въ такое время когда надѣялись принудить къ миру непріятеля голодомъ; 2) онъ оправдывается и нуждой, такъ какъ самой Англійи грозитъ голодъ. Въ подтвержденіе сихъ доводовъ приводились авторитеты Ваттеля и Валена.**

Но Ваттель въ указываемомъ англійскомъ приказомъ мѣстѣ говорилъ о блокадѣ, а не о военной контрабандѣ.***

Валенъ приведенъ также неудачно и ему приписано то чего онъ никогда не говорилъ.****

Ортоланъ подвергъ разбору теорію quasi-контрабанды и, строго осуждая ее, говоритъ что ей приличествуетъ гораздо болѣе названіе контрабанды *ad libitum*, чѣмъ quasi-контрабанды или контрабанды случайной, термина *какъ будто юридическаго*. † Однако, онъ же самъ немного далѣе объясняетъ что въ случаѣ крайней нужды (*péril éminent et majeur*), въ случаѣ если извѣстно что предметы *ancipitis usus* *несомнѣнно* предназначены для войны (*que l'usage, auquel ils sont destinés, devienne incontestable*), они дѣлаются контрабандой.

* Ibid. 150.

** Wheaton, *Histoire*, II, 41; *Elements*, II, 153.

** Vattel, III, 7: „Les choses, qui sont d'un usage particulier à la guerre, et dont on empêche le transport chez l'ennemi, s'appellent marchandises de contrebande. Tels sont: les armes, les munitions de guerre, les bois... et les vivres mêmes, en certaines occasions, où l'on espère réduire l'ennemi par la faim.“

**** Будто по мнѣнію Валена, деготь и лака суть контрабанда. Валенъ же на самомъ дѣлѣ указалъ только на случай гдѣ французское правительство въ видѣ репрессаліи объявило сіи предметы контрабандой. См. Gessner, *Droit*. 78.

† Ortolan, II, 222.

Ясно что такое допущеніе открываетъ обширное поле произвольнымъ толкованіямъ заинтересованной стороны, толкованіямъ, которыми столь обильны рѣшенія англійскаго Адмиралтейства. * Однако же и оно, подъ вліяніемъ болѣе либеральныхъ началъ, ограничило свое мнимое право и смягчило свою практику, дѣлая различіе въ участи контрабанды и quasi-контрабанды.

Такъ, относительно жизненныхъ припасовъ, сѣры, селитры и иныхъ предметовъ *ancipitis usus* допускается не конфискація, но *jus praeeptionis*. Въ подтвержденіе этого права защитники его приводятъ:

1. Основанія *гражданской экспроприации*. Это очевидно не вѣрно, ибо въ отношеніяхъ международныхъ нѣтъ главнаго принципа гражданской экспроприации: *верховой власти, экспроприирующей въ видахъ общественной пользы*. Отношенія международныя свободны.

2. Цѣна предметовъ уплачивается нейтральному, такъ что сей послѣдній не терпитъ убытковъ. Но и это не вѣрно. „Торговля“, справедливо замѣчаетъ Готфѣль, „состоитъ не изъ продажи одного груза, но изъ цѣлаго ряда комбинированныхъ операций; если одна изъ нихъ не удастся (а это неминуемое послѣдствіе приложенія *jus praeeptionis*) всѣ остальные рушатся...“ Уплата товара подвергшагося *jus praeeptionis* даже по цѣнамъ порта назначенія не можетъ вознаграждать убытковъ которые онъ (нейтральный негодіантъ), несетъ въ данномъ случаѣ. **

Геффертеръ, разбирая занимающій насъ вопросъ, говоритъ что допустивъ разъ *jus praeeptionis*, было бы, по крайней мѣрѣ, логично и необходимо возможно полное вознагражденіе нейтральнаго, т.-е. уплатить какъ *damnum emergens*, такъ и *lucrum cessans*; „но“, продолжаетъ онъ, „практика этого не принимаетъ и нашла себѣ защитниковъ своего незаконнаго образа дѣйствій въ лицѣ такихъ людей какъ Вилльямъ Скоттъ“. *** „Нельзя отрицать право воюющаго“, говоритъ въ

* Замѣчу здѣсь что къ сожалѣнію и Баундан, вообще противникъ англійскихъ доктринъ, въ вопросѣ о контрабандѣ принялъ ее въ общихъ основаніяхъ, хотя и съ значительными оговорками. См. Bluntschli, §§ 805—807.

** Hautefeuille, *Droits*, II, 51—52.

*** Heffter, § 161. Практика доказываетъ справедливость этихъ словъ. Такъ, когда вслѣдствіе упомянутаго уже выше *order of Coup-*

свою очередь Гесснеръ, „захватить грузъ состоящій изъ жизненныхъ припасовъ..... но при этомъ необходимо чтобы была крайность, чтобы не было иного средства къ спасенію жизни..... Это право личного самосохраненія, — право, какъ извѣстно, признаваемое во всѣхъ отрасляхъ права..... но право сіе находить основаніе въ самомъ себѣ, а не въ иныхъ принципахъ.....“*, т.-е. въ такомъ случаѣ хлѣбъ и т. п. подвергается *jus praesumptionis* не какъ военная контрабанда, но какъ необходимая для спасенія жизни вещь, и въ этомъ видѣ *jus praesumptionis* существуетъ безразлично во время военное и во время мирное. **

Другое и болѣе важное возраженіе есть то что приложеніе *jus praesumptionis* нарушаетъ независимость нейтральнаго государства, свободу его торговли. Дѣйствительно, захватывая нейтральный грузъ не составляющій контрабанды самъ по себѣ, воюющій совершаетъ дѣйствіе такое же какъ еслибы онъ былъ въ правѣ руководить и по своему усмотрѣнію ограничивать нейтральную торговлю.

Ко всемъ этимъ соображеніямъ прибавлю еще одно и, мнѣ кажется, весьма важное: *jus praesumptionis* и потому не можетъ быть принято что допущеніе его со стороны нейтральнаго государства есть нарушеніе нейтралитета въ одной изъ существенныхъ его чертъ; а именно: если *jus praesumptionis* допущено, то ясно что всю выгоду изъ сего извлечетъ та изъ воюющихъ сторонъ которая располагаетъ большими морскими силами. Нейтральное же государство, не воспротивляясь приложенію *jus praesumptionis*, будетъ тѣмъ благоприятствовать одной воюющей сторонѣ во вредъ другой, которая и будетъ въ правѣ смотрѣть на него какъ на пристрастное, а слѣдовательно уже не нейтральное государство. Такимъ образомъ *jus praesumptionis* противно началамъ права; сопротивляясь ему, есть не только право, но и обязанность нейтральнаго.

Второе ограниченіе допускаемое англійскою доктриною *cil* 1795 (и прежняго 1793), хлѣбъ подвергался *jus praesumptionis*, легионеры получали цѣлу по фактурѣ порта отправленія и 10% сверхъ того. А между тѣмъ хлѣбъ во Франціи стоялъ въ цѣмъ несравненно болѣе высокой, чѣмъ означенная въ фактурахъ. См. Gesner, *Droit*, 133.

* *Droit*, 137.

** Klüber, § 289, Heffter, l. cit.; Hautefeuille, l. c.; Cauchy, II, 274.

въ правѣ воюющаго относительно quasi - контрабанды, состоитъ въ томъ что предметы составляющіе ее не считаются таковыми, если суть главный вывозной продуктъ нейтральнаго государства. Но и здѣсь англійская доктрина не стоитъ на твердой юридической почвѣ. Утилитарныя, промышленныя соображенія не должны и не могутъ вліять на характеръ тѣхъ или другихъ продуктовъ. Одно изъ двухъ: они или контрабанда, и въ такомъ случаѣ для всѣхъ государствъ въ одинаковой степени, или же они свободны, и для всѣхъ государствъ въ одинаковой степени. Ограниченіе это впрочемъ было рѣдко допускаемо и самою Англіей и то въ такихъ обстоятельствахъ когда она желала оставаться, по тѣмъ или другимъ причинамъ, въ дружескихъ отношеніяхъ съ государствомъ которому дѣлала сію „льготу“.*

Итакъ англійская система есть не что иное какъ приложение къ вопросу о контрабандѣ пресловутаго права необходимости. Причисленіе же къ военной контрабандѣ тѣхъ или другихъ предметовъ производится *ad libitum*; каталогъ ихъ имѣетъ самыя эластическія границы, или лучше вовсе ихъ лишентъ. Основная мысль та что контрабанда не можетъ быть опредѣлена точно, что она мѣняется смотря по обстоятельствамъ.

Изъ всего вышесказаннаго видно что залутанность вопроса о военной контрабандѣ, главнымъ образомъ, заключается въ неправильномъ дѣленіи предметовъ торговли на три категории, а именно, пока будемъ допускать между предметами абсолютно контрабандными и предметами абсолютно свободными третій, средний классъ предметовъ, признаваемыхъ то свободными, то контрабандными, мы оставимъ всегда широкое поле произволу и неясности. Но, за непризнаніемъ факультативной quasi - контрабанды, вопросъ значительно упрощается и сводится къ тому чтобъ опредѣлить какіе предметы контрабанда, какіе предметы свободны. Въ этомъ смыслѣ высказался Готфѣль.** Такимъ образомъ

* Такъ въ 1700 году деготь объявлялъ контрабандой, кромѣ шведскаго, а въ 1799 и шведскій подвергнутъ конфискаціи, какъ контрабанда. См. Wheaton, Elements, II, 142.

** „...La division des objets, qui peuvent faire la matière du commerce des neutres, en trois classes, est, à mes yeux, une erreur. Il n'existe, en réalité, que deux catégories: les objets de contrebande, les objets d'un commerce libre.“ Hautefeuille, Droit, II, 122.

поставленный вопросъ разрѣшается гораздо легче, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не сознаться что метода принятая Готфелемъ въ опредѣленіи военной контрабанды, хотя зиждется и на правильномъ основаніи—на признаніи двухъ только категорій предметовъ,—едва ли можетъ привести къ удовлетворительнымъ результатамъ. Онъ задается мыслью разобрать въ отдѣльности всѣ предметы подвергавшіеся сомнѣнію относительно ихъ качества. Но, спрашивается, возможно ли выполненіе? Какъ подробно мы не будемъ излагать дѣло, всегда изложеніе будетъ не полно, всегда найдутся новые вопросы, относительно новыхъ предметовъ. Словомъ, мнѣ кажется что опредѣленіе въ частности, классификація предметовъ военной контрабанды на основаніи теоретическомъ невозможна. Все что можно сказать, это то что согласно съ существомъ нейтралитета, согласно основаніямъ военной контрабанды вообще, таковою должны считаться только предметы прямо и непосредственно находящіе употребленіе въ войнѣ. Затѣмъ дѣло представляется намъ въ такомъ видѣ что нѣкоторыя отрасли промышленности и торговли прямо должны быть исключены изъ сношеній съ воюющими какъ непосредственно относящіяся къ войнѣ, остальные же, хотя и *могутъ* служить для военныхъ цѣлей, но остаются свободными. Не должно забывать что мы здѣсь стоимъ уже на фактической почвѣ. Теорія можетъ дать только общее юридическое основаніе, дальнѣйшее же развитіе понятія—историческій фактъ, и нельзя не согласиться съ Гефферомъ * и съ Блунчли что военная контрабанда дѣло историческаго факта и въ частности опредѣляется договорнымъ правомъ. Ошибки сихъ ученыхъ, какъ было указано, заключаются лишь въ томъ что они и самый принципъ искали въ исторіи, въ фактѣ, а не въ общихъ нормахъ права. „Всегда возникали споры относительно предметовъ которые должны считаться военною контрабандою,“ говоритъ Блунчли.... „Англія, въ качествѣ морской военной державы, старалась насколько возможно расширять ихъ границы и средства къ подавленію. Наоборотъ, нейтральные, желая охранять свою торговлю, старались по возможности сузить эти границы.... Мало-ло-малу оба стремленія сблизились, хотя мы и нынѣ еще можемъ констатировать

* Heffter, § 157.

которыя колебанія въ международной практикѣ. Всѣ морскія державы имѣютъ значительный интересъ въ томъ чтобы нейтральные по возможности не испытывали на своей торговлѣ пагубныхъ послѣдствій войны...“ *

Ближне было бы искать началъ контрабанды ранѣ начала XVII вѣка. До этого времени международная практика вообще, и относительно военной контрабанды особенно, носитъ характеръ случайности. Рядомъ съ трактатами распространяющими воспрещеніе торговли на всѣ предметы безъ исключенія, ** мы встрѣчаемъ трактаты позволяющіе неограниченную торговлю всякими товарами, не исключая оружія и т. п. *** Очевидно что ни въ трактатахъ перваго, ни въ трактатахъ втораго рода понятіе контрабанды не выяснено, и тѣ и другіе суть крайности, столь не рѣдкія въ тѣ вѣка. Только съ начала XVII вѣка мы находимъ въ международныхъ договорахъ первые ясные слѣды правильнаго пониманія понятія о военной контрабандѣ. Просматривая трактаты XVII и XVIII вѣковъ, можно замѣтить что они всѣ, за немногими исключеніями, ограничивали военную контрабанду оружіемъ и предметами непосредственно назначенными для войны, находящими въ ней непосредственное примѣненіе.

Одинъ изъ первыхъ трактатовъ объявившихъ контрабандой только оружіе былъ трактатъ 1646 (Франція—Голландія). Затѣмъ тотъ же принципъ выраженъ Пиренейскимъ трактатомъ 1659; **** его постановленія еще яснѣе повторены Утрехтскими трактатами, † служившими основой положительнаго права XVIII столѣтія; наконецъ трактатами перваго и втораго вооруженнаго нейтралитета. †* Но если такимъ об-

* Bluntschli, § 801.

** Трактатъ 1804, Англія—Франція, возобновленъ 1814. См. Nappelenille, *Histoire*, 110.

*** Трактатъ 1468. Gessner, *Recht s. n. S.* 33.

**** Вестфальскій миръ, столь важный въ другихъ отношеніяхъ для европейскаго международнаго права, не содержитъ никакихъ постановленій относительно морскаго права и правъ нейтральныхъ.

† Ст. 12 Пиренейскаго трактата; ст. 20 Утрехтскаго мира, кромѣ того содержитъ перечень предметовъ свободныхъ въ подтвержденіе предыдущей статьи, опредѣляющей предметы контрабанды.

†* То-есть тѣ же самые предметы какіе объявляемы контрабандой трактатомъ Россіи и Англіи 1766. См. Wheaton: *Histoire*, I, 361 и II, 84. Перечислены 20 предметовъ: см. Gessner, *Recht d. n. S.* 39.

разомъ всѣ наиболѣ знаменательные, торжественные трактаты освятили этотъ принципъ, * то мы находимъ въ очень, дѣйствительно, ограниченномъ числѣ трактатовъ и новыя начала, а именно: объявленіе военною контрабандой предметовъ чуждыхъ непосредственнаго употребленія въ войнѣ, и въ особенности: съѣстныхъ припасовъ, морскихъ принадлежностей, дегтя, смолы и нѣкоторыхъ другихъ. Готфельдъ насчитываетъ такихъ трактатовъ, распространяющихъ понятіе военной контрабанды, девять; ** но затѣмъ совершенно справедливо замѣчаетъ что стоить внимательно всмотрѣться въ исторію заключенія сихъ трактатовъ чтобъ убѣдиться что они заключены по принужденію, подъ гнетомъ мимолетныхъ обстоятельствъ, *** словомъ, они представляютъ трактаты неровные, лишенные *justus titulus*.

Такимъ образомъ юридическій принципъ находилъ себѣ признаніе въ торжественныхъ актахъ международной жизни; но посмотримъ насколько государства признававшіе его фактически слѣдовали принципамъ ими же провозглашеннымъ. Здѣсь надо обратиться ко внутреннему законодательству государствъ, къ регламентамъ и объявленіямъ о нейтралитетѣ, обыкновенно обнародуемымъ при началѣ войны.

Испанія, а вслѣдъ за нею Генеральныя Штаты, первыя распространили понятіе военной контрабанды. Вовлеченная въ войну съ Голландіей, Испанія въ началѣ XVII вѣка не разъ расширяла понятіе контрабанды далеко за настоящія его границы, объявляя и жизненные и морскіе припасы контрабандой. **** Но быстрое ея паденіе на степенъ второстепенной державы произвело коренной переворотъ въ ея политикѣ, и насколько она прежде пренебрегала правами

* Кромѣ упомянутыхъ еще цѣлая масса трактатовъ повторила тотъ же принципъ. Главнѣйшіе переименованы у Готфеля: II, 86, 61 примѣчаніе 2, и *Histoire*, 286; у Ортолана, II, 192—195 и у Геснера, *Recht. d. n. S.* 38 примѣч. II.

** Вотъ они: 1604 (Испанія—Англія); 1614 (Швеція—Голландія); два 1630 (Испанія — Франція и Испанія — Англія); два 1651 (Англія — Дакія и Англія — Швеція); 1654 (Англія — Голландія); 1742 (Англія — Дакія); 1794 — 95 (Англія — Северо-Американскіе Соединенные Штаты); 1808 (Англія — Швеція). Слѣдуетъ замѣтить что въ восьми Англія является договаривающеюся стороною.

*** Hautefeuille, II, 90.

**** Hautefeuille, II, 110.

нейтральныхъ, настолько же она съ XVII вѣка ставится ихъ горячимъ защитникомъ. Эдикты Генеральныхъ Штатовъ также не разъ объявляли военною контрабандой предметы объявленные ими же оводными въ ранѣ заключенныхъ договорахъ. * Такъ эдикты 1652, 1657 и наконецъ 1689 годовъ называютъ контрабандой не только оружіе, но и сырые продукты, какъ желѣзо, деготь, деревянные корабельные матеріалы. Но съ начала XVIII вѣка начинается паденіе Голландіи, довершившееся гибельною для нея войной 1755—56 года. Съ этого времени она также перестаетъ разсматривать какъ контрабанду предметы не находящіе непосредственнаго употребленія въ войнѣ.

Но гибельная для нейтральныхъ система, впервые примененная къ практикѣ Испаніей и Голландіей, была унаследована Англіей, и въ огромныхъ размѣрахъ и съ особенною энергіей прилагалась ею къ дѣлу въ теченіе двухъ столѣтій. Англія, не имѣя постояннаго законодательства на случай войны, ** предъ открытіемъ каждой войны обнародовала спеціальныя регламенты, нерѣдко измѣняя ихъ въ теченіе войны, такъ-называемые *orders of Council*. Англійскіе депутаты и публицисты старались оправдывать эти *orders of Council*, утверждая что они имѣютъ международный авторитетъ: „Должно помнить“, говоритъ лордъ Стовелъ (Вильямъ Скоттъ), что сія палата (то-есть Адмиралтійство) палата международная, хотя и засѣдаетъ здѣсь подъ авторитетомъ короля Великобританіи. Она принадлежитъ остальнымъ народамъ столько же сколько и намъ, и иностранцы имѣютъ право требовать отъ нея только строгаго исполненія международного права...“ *** Насколько строго исполняла Англія ею же заключенные трактаты и общія правила международного права, мы ясно видимъ изъ слѣдующихъ фактовъ:

Въ 1689 году объявлены контрабандой съѣстные припасы и корабельные матеріалы, въ 1744, 1755, 1778 годахъ повѣ-

* Какъ на примѣръ трактатомъ 1646. См. выше 157.

** Act of navigation 1651 (Oliv. Cromwell) не касается вопросовъ морскаго военнаго права, въ отношеніяхъ ихъ къ нейтральнымъ государствамъ. Только правила о каботажной и колониальной торговлѣ составляютъ исключеніе. Прецеденты же, составляющіе, какъ извѣстно, основу англійской практики, собраны въ такъ-называемомъ *Black book of Admiralty*.

*** Phillimore, III, 537.

илось то же самое. Эти orders of Council были обнародованы вопреки всѣмъ трактатамъ заключеннымъ Англіей. *

Въ 1780 году Англія была принуждена отказаться отъ многихъ своихъ правъ и ограничить значительно военную контрабанду, благодаря твердымъ и энергическимъ дѣйствіямъ Россіи и составившагося подъ руководствомъ сей державы перваго союза вооруженнаго нейтралитета. Но вскорѣ союзъ распался. Императрица Екатерина II заключила союзъ съ Англіей и отказалась отъ принциповъ вооруженнаго нейтралитета. Англія воспользовалась союзомъ съ Россіей и послѣдила обнародовать согласно съ своимъ союзникомъ два orders of Council, отъ 8го июня 1793 и 8го января 1794 года. ** Не взирая на протесты Давіи, Швеціи, Соединенныхъ Штатовъ, ни на трактатъ 1797 года, *** Англія не отказывалась отъ своего образа дѣйствій, и только въ 1800 году, благодаря второму союзу вооруженнаго нейтралитета, можно было надеяться что будутъ восстановлены истинные принципы провозглашенные въ 1780 году. Кончина императора Павла и бомбардированіе Колонгагена остановили готовившуюся коалицію, и въ 1801 году Англія заключила трактатъ съ Россіей и северными державами, выгодный ея политикѣ во всѣхъ отношеніяхъ; въ опредѣленіи контрабанды она однако же принуждена была ограничиться запрещеніемъ оружія. ****

Въ продолженіи войнъ Имперіи вопросъ о контрабандѣ былъ поглощенъ въ огромной системѣ фиктивной блокады почти всего міра со стороны Англіи и континентальной системы со стороны Франціи. Съ начала вышшняго столѣтія до 1856 года Англія не заключала ни одного договора гдѣ бы упомянула о военной контрабандѣ † (да и вообще о всѣхъ вопросахъ морскаго права). Молчаніе это краснорѣчиво; оно указываетъ что до сей поры Англія не отказалась отъ своей политики и поддерживаетъ теорію *относительной контрабанды*, старается удержаться на той высотѣ морскаго могущества которой она достигла какъ этими, такъ и многими

* См. Hautefeuill, *Histoire etc.*, 292 и слѣд.; *Droits*, II, 104 и слѣд.

** См. Wheaton, *Hist.*, II, 36 и слѣд.

*** Котораго II ст. объявляетъ контрабандой одно оружіе. См. Wheaton, *Hist.*, II, 88.

**** См. III, § 8; *Convention maritime 1801*. См. Wheaton, *Hist.*, II, 86 и слѣд.

† Послѣдній трактатъ Англо-Шведскій 1803 года.

другими аналогичными мѣрами. Восточная война доказала что контрабанда относительноная входитъ еще цѣлкомъ въ англійскую политику, что понятіе о контрабандѣ далеко не ограничивается однимъ оружіемъ: и хотя въ 1854—56 годахъ Великобританія довольно мягко поступала на практикѣ, но принципъ остался неприкосновеннымъ. 30го марта 1854 года на запросъ одного изъ членовъ палаты общинъ, генералъ-атторней объявилъ что контрабандой слѣдуетъ считать оружіе, военный матеріалъ и съѣстные припасы. * 29го іюня того же года, первый лордъ адмиралтейства (Л. Грагамъ), въ отвѣтъ на другой запросъ, утверждалъ что и дерево, деготь, смола, канатные товары и прочій корабельный матеріалъ есть также несомнѣнно контрабанда. ** Наконецъ контрабандой относительною объявлялись: паровыя машины и каменный уголь. Офицерамъ Англійскаго флота предоставлялось смотря по обстоятельствамъ, задерживать или пропускать ихъ. *** По изъясненію Филлимора, особенное вниманіе должно обращать въ этихъ случаяхъ на количество груза и мѣсто его назначенія. ****

Первые морскіе регламенты Франціи относятся къ XV вѣку; постановленія ихъ отъзываются еще неарѣлостію и носятъ характеръ временнаго случайнаго правила. † Главныя памятники ея внутренняго морскаго законодательства морской ордонансъ 1681 года, контрабандой считаетъ исключительно оружіе и военный матеріалъ. Регламентъ этотъ до нынѣшняго дня составляетъ французскій законъ, по крайней мѣрѣ въ своихъ постановленіяхъ относительно военной контрабанды. †* Однако же Франція не разъ отступала въ теченіе XVIII вѣка отъ принциповъ регламента 1681 года. Но всматриваясь въ ея образъ дѣйствій не трудно замѣтить что каждый разъ какъ она распространяла понятіе контрабанды на свободные предметы, она дѣлала это въ видѣ репрессалии. Такъ во время войны за испанское наслѣдство

* Gessner *Droit*, 79.

** Ibid.

*** Рѣчь лорда Грагама 9го мая 1854 года. См. Gessner *Droit*, 8.

**** Phillimore III, 355.

† Регламентъ 1400; эдиктъ Франциска I, 1543 Генриха III, 1560 Декларанія 1650. Въ нихъ воспрещается торговля оружіемъ. См. Hautefeuille *Hist.* 237.

†* См. Hautefeuille, *Droits* II, 107, примъ 2.

регламентомъ отъ 23го іюля 1704 года запрещена нейтральная торговля продуктами непріятеля. То же явленіе повторилось и въ 1744 и 1755. Но въ 1704, 1744 и 55 годахъ Англія предупредила Францію, воспретивъ первая торговлю ея продуктами. Во время войны Америки за независимость, предъ самымъ открытіемъ войны, Франція обнародовала регламентъ 1778. Его XV статьею вводится опять относительно контрабанды регламентъ 1681, * то-есть контрабандой считается одно оружіе. Въ 1780 Франція примкнула къ союзу вооруженнаго нейтралитета и съ тѣхъ поръ не отступала уже отъ его принциповъ. Мѣры принятыя ею во время войнъ революціи и Имперіи были всегда объявляемы ею временными, и она постоянно обязывалась взять ихъ назадъ, съ условіемъ взаимности со стороны непріятеля. Регламентъ же постоянный и основный вполнѣ согласенъ съ принципами регламента 1681 года. Ни одинъ изъ трактатовъ заключенныхъ Франціей съ 1815 года не отступилъ отъ нихъ; ** ни въ одной изъ послѣднихъ войнъ она не измѣнила ихъ. Такъ во время Восточной войны, между тѣмъ какъ относительно другихъ вопросовъ касающихся нейтралитета союзники согласились, относительно военной контрабанды, Англія, какъ выше замѣчено, не приняла гуманныхъ принциповъ предложенныхъ Франціей; Франція же осталась вѣрною принципамъ вооруженнаго нейтралитета. ***

Что касается сѣверныхъ державъ: Даніи, Швеціи, Россіи, Пруссіи, онѣ всегда держались истинныхъ принциповъ международнаго права. По самому своему положенію, какъ морскія державы второстепенныя, онѣ являются лоборниками правъ нейтральныхъ. Только въ 1710 году, во время войны со Швеціей, датское правительство попыталось объявить контрабандой съѣстные припасы, **** но Англія, нейтральная въ этой войнѣ, отказалась признать за Даніей право, кото-

* Hauitefenille, *Histoire* стр. 292 и слѣд.

** Напримѣръ въ трактатѣ съ Бولیвіей 1834, съ Техасомъ 1839 (см. Martens et Cussy); въ трактатѣ съ Перу 1861 (см. Ortolan II, 196, прим. I).

*** См. французская инструкція морскимъ офицерамъ отъ 31го марта 1854. Ortolan, II, прил. VI, стр. 448. Въ конвенціи Франціи и Англіи не упоминается о контрабандѣ. Ibid. VII (pag. 458).

**** Датскій регламентъ отъ 5го апрѣля 1710 года, стр. 6.

рымъ столь часто злоупотребляла сама, и принудила ее отъѣвить эту мѣру. * Россія, какъ я выше уже сказалъ, только одинъ разъ, во время войны революціи въ 1796 году, отступила отъ принциповъ вооруженнаго нейтралитета. Трактатъ 1793 года — единственный заключенный Россіей и отступившій отъ этихъ принциповъ.

Мало заинтересованныя въ дѣлахъ остальной Европы, итальянскія государства однако въ теченіе XVIII вѣка считали контрабандой только оружіе. Въ теченіе XIX вѣка они держались той же политики. **

Наконецъ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты признавали контрабандой только оружіе и военный матеріалъ. Какъ во внутреннихъ регламентахъ, такъ и въ своихъ трактатахъ они всегда держались этого принципа. *** Одинъ лишь трактатъ съ Англіей 1794 года, трактатъ, какъ мы видѣли, неравный, освятилъ систему относительной контрабанды.

Изъ сдѣланнаго обзора видно что одна лишь Англія до сихъ поръ отказывается признать военную контрабанду въ границахъ принятыхъ нынѣ всеми членами международнаго союза. Парижскій трактатъ не далъ опредѣленія контрабанды; пропускъ, мотивированный только отказомъ Англіи. Въмѣстѣ съ тѣмъ, при постоянномъ развитіи истинныхъ и гуманныхъ принциповъ, при общемъ ихъ признаніи со стороны всего образованнаго міра, можно надѣяться что и Англія откажется отъ пути которому слѣдовала до сихъ поръ, и принятіемъ истинныхъ основаній военной контрабанды завершить тотъ переворотъ въ своей политикѣ относительно нейтральныхъ который она сдѣлала подписавъ Парижскій трактатъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Ю. НОВОСИЛЬЦЕВЪ.

* Hautefeuille *Hist.* 295.

** См. Hautefeuille *Hist.* 296, и особенно Cauchy, *Respect de la propr.* etc. 127. Инструкція 20го июня 1806 года Итальянскимъ морскимъ офицерамъ ст. VIII.

*** Wheaton, *Elements* T. II, 161 и сѣд. Bluntschli § 765, 2, Декларация конгресса 1778, 1793, 1818.

ЗАКОНЪ И ЖЕНЩИНА*

РОМАНЪ

ВИЛКИ КОЛЛИНЗА

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.

ГЛАВА XLIII.

Наконецъ.

Письмо въ которомъ мистеръ Плейморъ сообщилъ мнѣ о странной телеграммѣ нашего агента не выражало того смѣлаго взгляда на наше положеніе какимъ онъ ободрилъ меня въ домѣ Веніамина.

„Телеграмма“ писалъ онъ, „не можетъ имѣть другаго значенія кромѣ того что разорванное письмо было выброшено вмѣстѣ съ другимъ соромъ и золой въ сорную кучу. Въ продолженіе трехъ лѣтъ весь соръ выметавшійся изъ дома и зола изъ каминовъ топившихся въ библіотекѣ и въ картинной галлерей почти круглый годъ выбрасывались въ ту же кучу и зарывали драгоценные клочки все глубже и глубже. Если даже мы найдемъ ихъ, можно ли разчитывать

* Окончаніе. См. *Русскій Вѣстникъ* 1874 №№ 10, 11, 12 и 1875 № 1, 2 и 3.

что они сохранились настолько что можно будет прочесть написанное на нихъ? Отвѣчайте мнѣ если возможно съ первою же почтой какого вы мнѣнія объ этомъ. Еслибы вы приѣхали посовѣтоваться со мною лично, мы выиграли бы время которое можетъ быть очень дорого. Вы теперь недалеко отъ Эдинбурга. Подумайте объ этомъ.“

Я много думала объ этомъ. Единственное затрудненіе которое останавливало меня касалось моего мужа.

Отъездъ матери и сына откладывался по совѣту доктора такъ долго что они были еще только въ Бордо когда я, два три или четыре тому назадъ, получила послѣднее извѣстіе отъ мистрисъ Макалланъ. Принявъ во вниманіе время отдыха въ Бордо и медленность съ которой они должны были продолжать свое путешествіе, я все же должна была ожидать что они возвратятся въ Англію раньше чѣмъ мистеръ Плейморъ получитъ письмо отъ нашего агента. Буду ли я имѣть возможность съѣздить къ юристу въ Эдинбургъ послѣ того какъ встрѣчусь съ мужемъ въ Лондонѣ, это было весьма сомнительно. Я рѣшилась откровенно написать мистеру Плеймору что я не могу больше располагать своими дѣйствіями и попросила его адресовать свое слѣдующее письмо въ домъ Веніамина.

Къ этому отвѣту я прибавила нѣсколько своихъ соображеній на счетъ разорваннаго письма.

Въ послѣдніе годы жизни моего отца я путешествовала съ нимъ по Италіи и видѣла въ Неаполитанскомъ музѣ удивительные памятники прошлаго, открытые между развалинами Помпеи. Желая поощрить мистера Плеймора, я вспомнила ему что вулканическая зола подъ которой былъ погребенъ городъ сохранила отъ порчи въ теченіе шестнадцати столѣтій такіе непрочные предметы какъ живопись на стѣнахъ, носильное платье, солому въ которой была упакована посуда и (что всего замѣчательнѣе для насъ) листъ старинной бумаги все еще прикрѣпленный къ вулканической золѣ улавшей на него. Если такіе предметы сохранились въ цѣлости въ теченіе шестнадцати столѣтій подъ большою массою пыли и золы, почему намъ не надѣяться найти въ цѣлости наше письмо пролежавшее подъ небольшою массою тѣхъ же веществъ только три или четыре года? Принявъ за несомнѣнное что клочки письма отыщутся (что было можетъ быть еще весьма сомнительно) я выразила твердую увѣрен-

ность что написанное на нихъ окажется хотя и подлиннымъ, но все же удобочитаемымъ. Позднѣйшія постеленныя ласкленія пыли и золы не только не были вредны, какъ по видимому полагалъ мистеръ Шлейморъ, но были напротивъ полезны потому что предохраняли бумаги отъ дождя и сырости. Этими скромными намеками я заключила свое письмо. Благодаря свидѣніямъ пріобрѣтеннымъ на континентѣ я была въ состояніи поправить ошибку моего ученаго совѣтника.

Прошелъ еще день. О путникахъ не было никакого извѣстія.

Я начала безпокоиться. Я уложила свои вещи и рѣшила ѣхать въ Лондонъ на другой день утромъ, если до тѣхъ поръ не получу никакого извѣстія о перемѣнѣ въ путевыхъ планахъ мистрисъ Макалланъ.

На слѣдующее утро почта принесла мнѣ письмо отъ моей сестры. Это письмо опредѣлило мой дальнѣйшій образъ дѣйствій и прибавило новый досталамятный день къ моему личному календарю.

На пути изъ Бордо въ Парижъ моего мужа постигло новое несчастье. Дорожная усталость и волненіе въ ожиданіи свиданія со мной сломили его слабыя силы. Добравъ съ трудомъ до Парижа онъ снова слегъ въ постель. Въ этотъ разъ доктора не опасались за его жизнь, но предписывали ему продолжительный отдыхъ и полнѣйшее спокойствіе.

„Вы одна можете утѣшить и подкрѣпить Евстаѳія въ томъ новомъ бѣдствіи, Валерія“, писала мнѣ мистрисъ Макалланъ. „Не думайте что онъ осуждаетъ или когда-нибудь осуждалъ васъ за то что вы покинули его въ Испаніи.“ „Я самъ покинулъ ее и она въ правѣ ожидать чтобъ я вернулся къ ней первый,“ сказалъ онъ мнѣ когда мы впервые заговорили объ этомъ. „Таково его мнѣніе, другъ мой, и онъ дѣлалъ все что могъ чтобъ исполнить то что онъ считаетъ своимъ долгомъ. Теперь же когда онъ слегъ въ постель, онъ принужденъ просить васъ принять его намѣреніе за исполненіе и пріѣхать къ нему самой. Мнѣ кажется что я знаю васъ достаточно, дитя мое, чтобы не сомнѣваться что вы сподвигаете его просьбу. Я считаю только нужнымъ предостеречь васъ чтобъ вы избегали всякихъ разговоровъ не только о процессѣ (это вы и сами знаете), но даже о Гле-

никѣ. Вы помете какъ сильна его болѣзненная раздражительность когда я скажу вамъ что я не рѣшилась бы пригласить васъ пріѣхать къ нему еслибы не знала изъ вашего письма что вы не видаетесь болѣе съ Декстеромъ. Повѣрите ли! его отвращеніе ко всему что напоминаетъ о нашихъ пршлыхъ испытаніяхъ все еще такъ сильно что онъ проситъ моего согласія на продажу Гленника.“;

Такъ писала мнѣ моя свекровь, но не полагаясь, вѣроятно, на силу собственныхъ убѣжденій она вложила въ свое письмо небольшой лоскутокъ бумаги съ двумя строчками написанными слабою, дрожащею рукою моего бѣднаго Евстаѳа. Онъ писалъ:

„Я слишкомъ слабъ чтобъ ѣхать дальше, Валерія. Не простишь ли ты меня и не пріѣдешь ли ты ко мнѣ сама?“

Дальше было еще нѣсколько словъ; но разобрать ихъ не было возможности.

Я не думаю ставить это себѣ въ большую заслугу, но такъ какъ я сознавалась въ своихъ проступкахъ, то позвольте мнѣ сказать и то что можетъ послужить въ мою пользу. Прочитавъ письма я немедленно отказалась отъ всякаго дальнѣйшаго участія въ отыскиваніи таинственнаго письма. Я рѣшила что если Евстаѳій спроситъ меня объ этомъ, то я буду въ состояніи отвѣтить ему искренно: „да, я принесла жертву необходимую для твоего спокойствія. Въ такое время когда это было особенно трудно, я ради тебя отказалась отъ моего предпріятія.“

Предъ отъѣздомъ [изъ дома дяди я написала мистеру Плеймору новое письмо въ которомъ объяснила ему откровенно свое положеніе и разъ навсегда отказалась отъ всякаго дальнѣйшаго участія въ попыткѣ открыть тайну преступленія въ Гленникѣ.

Г Л А В А XLIV.

Нашъ новый медовый мѣсяцъ.

Не скрою что на пути въ Лондонъ я была въ очень грустномъ расположеніи духа.

Отказаться отъ самой дорогой цѣли моей жизни послѣ того какъ я уже столько выстрадала для достиженія ея и въ такое время когда я повидимому была уже такъ близка къ осуществленію

ствленію моихъ надеждъ, было конечно большимъ испытаніемъ для женской твердости и чувства долга. Тѣмъ не менѣе еслибъ мнѣ представился случай вернуть мое письмо адресованное мистеру Плеймору, я не сдѣлала бы этого. „Дѣло сдѣлано и сдѣлано хорошо“, говорила я себѣ, „и мнѣ остается только дожидаться того дня когда поцѣлуй моего мужа примиритъ меня съ моей жертвой.“

Я разчитывала пріѣхать въ Лондонъ вовремя чтобъ отправиться дальше въ тотъ же вечеръ. Но нашъ поѣздъ встрѣтилъ нѣсколько препятствій на долгомъ пути съ сѣвера и мнѣ пришлось переночевать у Веніамина.

Я не успѣла предупредить моего стараго друга о перемѣнѣ въ моихъ планахъ, и мой пріѣздъ былъ для него неожиданностью. Я застала его въ библиотекѣ надъ большимъ столомъ освѣщеннымъ лампами и свѣчами и усыпаннымъ множествомъ мелкихъ клочковъ бумаги.

— Что вы дѣлаете? спросила я.

Веніаминъ покраснѣлъ... какъ молодая дѣвушка, хотѣла я сказать, но въ ваши дни молодыя дѣвушки не краснѣютъ.

— Ничего, ничего, отвѣчалъ онъ сконфуженный. — Не обращайтесь вниманія.

Онъ протянулъ руку чтобы смахнуть со стола клочки бумаги. Я остановила его. У меня явилось внезапное подозрѣніе.

— Вы получили какое-либо извѣстіе отъ мистера Плеймора, спросила я.—Отвѣчайте мнѣ правду. Да или нѣтъ?

Веніаминъ покраснѣлъ еще болѣе и отвѣчалъ утвердительно.

— Гдѣ письмо?

— Я не могу показать вамъ его, Валерія.

Само-собою разумѣется что этотъ отвѣтъ заставилъ меня рѣшиться прочесть письмо во что бы то ни стало. Лучшимъ средствомъ умиловить Веніамина было разказать ему о жертвѣ принесенной мною для спокойствія моего мужа. Я не имѣю болѣе голоса въ этомъ дѣлѣ, сказала я въ заключеніе своего признанія. Теперь все зависитъ отъ мистера Плеймора, и я хочу только воспользоваться послѣднимъ случаемъ узнать что онъ думаетъ объ этомъ.

Веніаминъ былъ такъ удивленъ и доволенъ мною что не могъ отказать въ моей просьбѣ и показалъ мнѣ письмо.

Въ этотъ разъ мистеръ Плейморъ обращался къ нему какъ къ коммерческому человѣку съ конфиденціальнымъ вопро-

сомъ не случилось ли ему во время его долгой практики слышать о документахъ которые были разорваны умышленно или случайно и вновь составлены, или не можетъ ли онъ указать человѣка знающаго какъ это дѣлается. Чтобы объяснить свой странный вопросъ мистеръ Плейморъ разказалъ ему къ какимъ важнымъ открытіямъ привела „челуха“ записанная моимъ старымъ другомъ у Декстера. Письмо заключалось совѣтомъ сохранить возникшую переписку въ тайнѣ отъ меня, чтобы не возбудить во мнѣ слишкомъ смѣлыхъ надеждъ, которыя могли не оправдаться.

Я поняла теперь причину безнадѣжнаго тона которымъ было написано послѣднее письмо ко мнѣ мистера Плеймора. Онъ былъ ловидимому такъ увлеченъ надеждой отыскать и восстановить разорванное письмо что осторожность заставляла его скрывать свои чувства отъ меня. Въ виду этого можно было не опасаться что онъ броситъ начатое дѣло вслѣдствіе того что я отказалась отъ участія въ немъ. Я взглянула съ новымъ интересомъ на клочки бумаги разбросанные по столу Веріамива.

— Не нашли ли чего-нибудь въ Гленвикъ? спросила я.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ.—Я хотѣлъ сдѣлать опытъ прежде чѣмъ отвѣтить мистеру Плеймору.

— Такъ вы разорвали это письмо сами?

— Да, и для того чтобы труднѣе было сложить его, я бросилъ клочки въ корзину съ ненужными бумагами. Въ мои годы это конечно ребячество, моя милая.

Онъ замолчалъ сильно сконфуженный.

— Удалось вамъ сложить письмо? спросила я.

— О, это очень трудно, Валерія, отвѣчалъ онъ.—Однако начало было удачно. Это дѣлается по тому же правилу которымъ мы руководствовались складывая такъ-называемыя „загадки“ когда я былъ мальчикомъ. Стоитъ только сложить центральную часть, а остальное сложится непременно въ болѣе или менѣе долгое время. Не говорите объ этомъ никому, Валерія. Люди могутъ сказать что я впадалъ въ дѣтство. Подумать только что челуха которую я записалъ имѣетъ смыслъ! Я получилъ письмо мистера Плеймора сегодня утромъ и, повѣрите ли? съ тѣхъ поръ я только и дѣлалъ что складывалъ разорванные письма. Вы не разкажете этого никому, другъ мой, не правда ли?

Я отвѣтила милому старику горячимъ поцѣлуемъ. Теперь,

когда онъ утратилъ свой твердый нравственный балансъ и заразился моимъ энтузіазмомъ, я любила его болѣе чѣмъ когда-либо.

Однако я все еще не была счастлива. Какъ я ни старалась, я не могла заглушить въ себѣ сожалѣнія что мнѣ пришлось отказаться въ такое время отъ участія въ начатомъ мною дѣлѣ. Моимъ единственнымъ утѣшеніемъ было думать о Евстаѣи и о перемѣнѣ къ лучшему въ нашей супружеской жизни. Въ этомъ отношеніи по крайней мѣрѣ я восторжествовала. Мой мужъ вернулся ко мнѣ добровольно, онъ уступилъ не по необходимости, но вслѣдствіе своей благодарности и любви ко мнѣ. И я согласилась сойтись съ нимъ опять не потому чтобъ я сдѣлала открытія не оставившія ему другого выбора какъ жить со мной, но потому что вѣрила ему и любила его безгранично. Развѣ для такого результата не стоило принести нѣкоторыхъ жертвъ? Стоило, конечно стоило, но я все же была не въ духѣ. Впрочемъ это должно было скоро кончиться. Утѣшеніе было только на разстояніи дна луту.

На другой день я уѣхала изъ Лондона съ утреннимъ поѣздомъ. Веліаминъ проводилъ меня на станцію.

— Я напишу въ Эдинбургъ сегодня же, сказалъ онъ мнѣ, пока мы ждали отхода поѣзда. — Мнѣ кажется что я знаю человѣка который можетъ быть полезенъ мистеру Плеймору, если мистеръ Плейморъ рѣшится продолжать свои изслѣдованія. Не нужно ли передать что-нибудь отъ васъ, Валерія?

— Нѣтъ, Веліаминъ, я покончила съ этимъ дѣломъ, мнѣ больше нечего сказать.

— Написать вамъ чѣмъ кончится попытка мистера Плеймора?

Я отвѣчала съ горечью:

— Да, напишите мнѣ если попытка не удастся.

Мой старый другъ улыбнулся. Онъ зналъ меня лучше чѣмъ я сама.

— Хорошо, сказалъ онъ покорно. — У меня есть адресъ ларижскаго повѣреннаго вашего банкира. Вамъ придется съѣздить къ нему за деньгами и вы можете-быть найдете у него письмо отъ меня когда всего менѣе будете ожидать этого. Пишите мнѣ о здоровьѣ вашего мужа. Прощайте, моя милая, да благословитъ васъ Богъ.

Въ этотъ день вечеромъ я увидѣла Евстаѳю.

Онъ былъ такъ слабъ, бѣдный, что не могъ даже приподнять голову съ подушки. Я опустила на колѣна около его постели. Его усталые глаза просвѣтлѣли когда мои губы коснулись его губъ. — Я теперь постараюсь жить для тебя, сказалъ онъ.

Мистрисъ Макаланъ была такъ деликатна что оставила насъ вдвоемъ. Когда онъ сказалъ эти слова, я не могла устоять противъ искушенія сообщить ему о новой надеждѣ освѣтившей нашу жизнь.

— Ты долженъ жить теперь не для меня одной, Евстаѳей, прошептала я.

Онъ взглянулъ на меня съ удивленіемъ.

— Ты говоришь о моей матери? спросилъ онъ.

Я положила голову къ нему на грудь и отвѣчала:

— Я говорю о твоемъ ребенкѣ.

Я была вполнѣ вознаграждена за все чѣмъ я пожертвовала. Я забыла мистера Плеймора, забыла Гленникъ. Съ этого дня начался нашъ новый медовый мѣсяцъ.

Тихо и спокойно потекла наша жизнь среди парижскаго шума котораго мы не замѣчали. Евстаѳей поправлялся медленно, не постоянно. Доктора скоро оставили его на мое попеченіе.

„Вы для него лучший докторъ“, сказали они. „Чѣмъ счастливѣе онъ будетъ съ вами, тѣмъ скорѣе онъ поправится“. Спокойное однообразіе моей новой жизни вовсе не утомляло меня. Напротивъ, я сама нуждалась въ отдыхѣ, у меня не было интересовъ и удовольствій внѣ комнаты моего мужа.

Одинъ, и только одинъ разъ тихая поверхность нашей жизни слегка возмущилась намекомъ на прошлое. Какое-то случайное слово въ разговорѣ наломало Евстаѳю наше послѣднее свиданіе въ домѣ майора Фитцъ-Девида. Онъ деликатно намекнулъ мнѣ на то что я сказала ему тогда о вердиктѣ и о моемъ намѣреніи доказать его невиновность и далъ мнѣ понять что я усложнила бы его еслибы подтвердила увѣренія его матери что я отказалась отъ моего намѣренія.

Я могла отвѣтить ему искренно и безъ всякаго затрудненія что его желанія сдѣлались для меня закономъ. Но мнѣ кажется что я поступила бы не по-женски еслибы ограничилась этимъ отвѣтомъ. Мнѣ пришло въ голову что я тоже въ

правѣ ожидать чтобъ онъ успокоилъ меня и, какъ это всегда бываетъ со мной, слова немедленно послѣдовали за побужденіемъ выговорить ихъ.

— А ты, Евстаѳій, спросила я, — освободился ты отъ жестокихъ подозрѣній побудившихъ тебя покинуть меня?

Его отвѣтъ заставилъ меня покраснѣть отъ удовольствія.

— Я не разстался бы съ тобой, еслибы зналъ тебя тогда какъ знаю теперь.

Такъ исчезла послѣдняя тѣнь недоувѣрія между нами.

Всѣ мои прошлыя тревоженія въ Лондонѣ какъ будто изгладились изъ моей памяти. Мы были опять влюбленными, мы были опять поглощены другъ другомъ, намъ казалось что мы обвиняемы не болѣе двухъ дней. Но при всемъ этомъ я не всегда была вполне спокойна и счастлива. Въ опасныя минуты когда я оставалась одна мной опять овладѣвало страстное желаніе узнать пытался ли мистеръ Плейморъ отыскать въ сорной кучѣ разорванное письмо, или нѣтъ. Что мы за странныя созданія? Обладая всѣмъ что только можетъ пожелать женщина для своего счастья я готова была скорѣе рискнуть этимъ счастіемъ чѣмъ остаться въ невѣдѣніи насчетъ того что дѣлалось въ Гленникѣ. Я благословила день когда мой олуствѣвшій кошелекъ далъ мнѣ случай сѣздить къ повѣренному моего банкира и узнать не получилъ ли онъ письма для передачи мнѣ.

Я не помню какъ я спросила деньги. Я думала только о письмѣ и украдкой оглядывала столы и конторки. На виду не было писемъ, но изъ сосѣдней комнаты вышелъ какой-то человекъ, некрасивый человекъ, но мнѣ онъ показался красивцемъ потому что въ рукѣ его было письмо которое онъ подавалъ мнѣ.

Я взглянула на адресъ и узнала дочеркъ Векіамина.

Расколали ли они сорную кучу? И если расколали, то каковъ былъ результатъ?

Кто-то положилъ деньги въ мой мѣшокъ и учтиво проводилъ меня до кареты ожидавшей меня у подѣзда. Я пришла въ себя только когда на пути домой распечатала письмо. Изъ первыхъ же словъ я узнала что сорная куча была разрыта и клочки разорваннаго письма отысканы.

ГЛАВА XLV.

Поиски въ сорной кучѣ.

У меня потемнѣло въ глазахъ. Я принуждена была подождать и дать стихнуть своему волненію прежде чѣмъ продолжать чтеніе письма.

Отдохнувъ немного я взглянула опять на письмо и увидела въ концѣ его фразу которая и удивила, и испугала меня.

Я остановила извозчика и приказала ему ѣхать въ Булонскій Лѣсъ. Мнѣ нужно было выиграть время чтобы прочесть письмо на свободѣ и рѣшить должна ли я сохранить его въ тайнѣ отъ мужа и свекрови, или нѣтъ.

Принявъ эту предосторожность, я приступила къ чтенію письма моего благоразумнаго и внимательнаго друга. Передавая мнѣ событія съ методическою послѣдовательностью, онъ началъ съ письма изъ Америки.

Нашъ посланный удачно прослѣдилъ дочь сторожа и ея мужа до маленькаго городка въ одномъ изъ западныхъ штатовъ куда они переселились. Рекомендательное письмо мистера Шлеймора доставило ему самый радушный пріемъ въ ихъ домѣ.

Его первые разспросы привели къ далеко не ободрительному результату. Женщина удивилась, смутилась и повидимому не могла припомнить ничего сколько-нибудь полезнаго для насъ. Къ счастью мужъ ея оказался разсудительнымъ человекомъ. Онъ отвелъ нашего агента въ сторону и сказалъ ему: Я понимаю всю жену, а вы ее не понимаете. Скажите, что именно вамъ нужно узнать и предоставьте мнѣ разспросить ее.

Это благоразумное предложеніе было охотно принято нашимъ агентомъ. На другой день рано утромъ его хозяинъ сказалъ ему: поговорите теперь съ моей женой и вы увидите что она можетъ сообщить вамъ кое-что. Только не смѣйтесь надъ ея разказомъ. Все что она можетъ разказать кажется ей до такой степени ничтожнымъ что она стыдилась говорить объ этомъ даже со мною. Она думаетъ что такіе пустяки не могутъ интересовать мужчинъ. Слушайте сло-

кобы, не мѣшайте ей говорить и вы узнаете все что она помнитъ.

Нашъ агентъ послѣдовалъ этимъ инструкціямъ, и женщина разказала ему слѣдующее:

Она помнила ясно что послѣ отъѣзда хозяина и гостей изъ Гленвика ей было поручено прибрать спальни. Мать ея была больна въ то время и не могла помочь ей. Дѣвущкѣ не хотѣлось идти одной въ большой домъ послѣ того что случилось тамъ. По дорогѣ ей встрѣтились въ паркѣ два ребенка изъ окрестныхъ коттеджей. Мистеръ Макаланъ былъ добръ съ своими бѣдными арендаторами и никогда не мѣшалъ ихъ дѣтямъ играть въ паркѣ. Двое дѣтей отъ нечего дѣлать послѣдовали за ней и она рѣшилась взять ихъ съ собой въ домъ чтобы не быть тамъ одной.

Она начала свое дѣло съ корридора Гостей, оставивъ другою корридоръ, тотъ въ которомъ умерла хозяйка, до другаго дня.

Въ первыхъ двухъ комнатахъ почти нечего было дѣлать. Дѣвущка не наломала въ нихъ даже до половины бадью которую принесла съ собой для сора и золы. Дѣти слѣдовали за нею и дѣйствительно были для нея большимъ утѣшеніемъ въ лустомъ домѣ.

Третья комната, то-есть спальня которую занималъ Ми-зерримусъ Декстеръ, была въ худшемъ состояніи чѣмъ двѣ первыя и доставила дѣвущкѣ значительно больше труда. Завявшись дѣломъ она забыла о дѣтяхъ. Она уже смела пылъ съ ковра, выгребла золу изъ камина и сыпала все это въ бадью когда громкій плачь наломилъ ей объ ея слутникахъ.

Она оглянулась и сначала не нашла ихъ, но новый взрывъ плача показалъ ей что они были въ углу комнаты подъ столомъ. Младшій забрался въ корзинку для бумаги, старшій нашелъ старую бутылку съ остатками вишневаго клея и съ кистью придѣланною къ пробкѣ и пресеріозно принялся размазывать клей по лицу младшаго. Естественное сопротивленіе младшаго кончилось тѣмъ что онъ опрокинулъ корзинку и разразился громкимъ плачемъ.

Помочь бѣдѣ было не трудно. Дѣвущка отыала у старшаго бутылку и дала ему лодзатыльникъ, младшаго подняла на ноги и чтобы они не мѣшали ей поставила обокъ въ уголъ. Успокоивъ дѣтей, она собрала бумаги разлетѣвшіяся по

полу, бросила ихъ опять въ корзину вмѣстѣ съ бутылкой, принесла бадью, высыпала въ нее все что было въ корзнѣ и перешла въ четвертую комнату, которой и закончила въ этотъ день свою работу.

Она вышла изъ дома вмѣстѣ съ дѣтьми, отвезла бадью къ сорной кучѣ, и вывалила принесенный соръ въ небольшое углубленіе на одной изъ сторонъ кучи. Затѣмъ она проводила дѣтей домой и вернулась къ себѣ.

Вотъ все что узналъ нашъ агентъ отъ дочери сторожа.

Разказанные факты привели мистера Плеймора къ заключенію что шансы были рѣшительно въ нашу пользу. Разорванное письмо, брошенное въ средину бадьи, было защищено въ сорной кучѣ и сверху и снизу. Соръ сваливавшійся въ ту же кучу въ послѣдующіе мѣсяцы и годы содѣйствовалъ еще болѣе предохраненію бумаги отъ внѣшнихъ вліяній, а такъ какъ сорная куча пролежала всѣ эти годы нетронутая, то и клочки драгоценнаго письма должны были отыскаться въ томъ мѣстѣ куда они были брошены.

Таковы были заключенія юриста и онъ немедленно сообщилъ ихъ Веніамину. А что сдѣлалъ Веніаминъ?

Испробовавъ свою способность складывать разорванныя письма на своей собственной корреспонденціи, онъ не могъ устоять противъ искушенія сдѣлать опыты съ таинственнымъ письмомъ. „Ваше предпріятіе свело меня съ ума“, другъ мой“, писалъ онъ мнѣ. „Вы знаете что я имѣю несчастье быть человѣкомъ празднымъ. У меня есть лишнее время и лишнія деньги. Вслѣдствіе этого я теперь въ Гленкиъ и съ позволенія добраго мистера Плеймора занимаюсь раскалываніемъ сорной кучи.“

За этими характеристическими строками слѣдовало описаніе мѣста его дѣятельности. Для меня это описаніе было лишнимъ, потому что я сама видѣла мѣстность и все еще живо помнила ее. Что сдѣлалъ Веніаминъ и мистеръ Плейморъ? Чѣмъ увѣчались ихъ поиски? Вотъ что интересовало меня всего больше въ разказѣ моего друга, и я послѣдила перейти къ той части письма въ которой это описывалось.

Они принялись за дѣло съ отличавшею ихъ методичностью, не упуская изъ виду съ одной стороны цѣль, съ другой экономію въ тратѣ фунтовъ, шиллинговъ и пенсовъ. Въ Веніаминѣ юристъ нашелъ то чего не находилъ во мнѣ, симпати-

зирующій умъ, способный оцѣнить важность „сметы расходовъ“ и пользу разчетливости.

За извѣстную плату въ недѣлю они наняли людей для раскльыванія сорной кучи; за извѣстную плату въ недѣлю они достали палатку для предохраненія кучи отъ сора и дождя; за извѣстную плату въ недѣлю они запаслись услугами молодого химика (котораго Веніаминъ зналъ лично) занимавшагося въ лабораторіи одного профессора и прославившагося искуснымъ возобновленіемъ документовъ въ недавнемъ дѣлѣ о мошенничествѣ въ одной извѣстной лондонской фирмѣ. Покончивъ съ этими приготовленіями, они приступили наконецъ къ дѣлу. Веніаминъ и молодой химикъ поселились въ Гленникъ чтобы наблюдать поочередно за ходомъ работы.

Три дня работы лопатой и рѣшетомъ не принесли никакихъ сколько-нибудь важныхъ результатовъ. Но предпріятіе было въ рукахъ двухъ твердо рѣшившихся людей, и не теряя мужества, они продолжали.

На четвертый день показались первые клочки бумаги.

По разсмотрѣніи они оказались разорваннымъ счетомъ торговца. Веніаминъ и молодой химикъ, ободренные, продолжали свое дѣло. Въ концѣ третьяго дня появились новые клочки бумаги. Они оказались исписанными чернилами. Мистеръ Шлейморъ, пріѣзжавшій въ Гленникъ каждый вечеръ, былъ спрошенъ насчетъ дочерка. Послѣ тщательнаго разсмотрѣнія онъ объявилъ что это былъ несомнѣнно дочеркъ покойной мистрисъ Макалланъ.

Это открытіе довело энтузіазмъ искателей до крайней степени напряженія.

Лопаты и рѣшета сдѣлались съ этихъ поръ воспреценными орудіями. Дальнѣйшая расколка производилась руками, какъ ни непріятна была такая работа. Отрываемые клочки размѣщались въ томъ порядкѣ какъ ихъ находили въ большія картонныя коробки. Настала ночь, работники были отлучены, но Веніаминъ и его два товарища продолжали работу при свѣтѣ лампъ. Клочки появлялись теперь не по одному и не по два, какъ сначала, а цѣлыми дюжинами. Такъ продолжалось нѣсколько времени, потомъ клочки перестали появляться. Всѣ ли они были собраны? Дальнѣйшій незначительный слой сора былъ осторожно снятъ и подъ нимъ лежала горлышкомъ внизъ бутылка о которой говорила дочь сторожа.

И, что было еще драгоценнѣе, лодъ бутылкой оказались новые клочки бумаги склеенные послѣдними каплями клея вытекшими на нихъ изъ бутылки.

Сцена дѣйствій перенеслась во внутренность дома. Искатели соединились вокругъ большаго стола въ библиотекѣ.

Веніаминъ, основываясь на опытѣ приобретенномъ въ дѣствѣ надъ складываніемъ загадокъ, выразилъ предположеніе что клочки сбившіеся въ кучку должны были по всей вѣроятности прійтись одинъ къ другому и могли послужить точкой отправления для дальнѣйшей работы.

Трудное дѣло разъединить эти клочки сохранивъ порядокъ въ какомъ ихъ нашла было поручено искуснымъ пальцамъ химика. Но этимъ далеко не ограничивалась трудность задачи. Письмо, какъ и большая часть писемъ, было написано на обѣихъ сторонахъ листа, и для того чтобы перевести написанное на другую бумагу необходимо было раздвоить каждый клочокъ чтобы получить чистую сторону которую можно было бы намазать тонкимъ цементомъ употребляемымъ для соединенія клочковъ бумаги.

Мистеръ Плейморъ и Веніаминъ въ виду такихъ затрудненій едва не потеряли надежды на достиженіе цѣли, но ихъ искусный товарищъ послѣднимъ ободрить ихъ.

Онъ обратилъ ихъ вниманіе на плотность бумаги (почтовой бумаги лучшаго достоинства) на которой было написано разорванное письмо. Она была вдвое плотнѣе той надъ которой онъ произвелъ свой опытъ въ дѣлѣ о подлогѣ. Вслѣдствіе этого онъ находилъ раздвоеніе клочковъ (съ помощію механическихъ приспособленій привезенныхъ имъ изъ Лондона) дѣломъ сравнительно легкимъ и обѣщалъ имъ что они въ ту же ночь будутъ въ состояніи прочесть часть письма.

Послѣ этого объясненія онъ спокойно принялся за свое дѣло. Пока Веніаминъ и юристъ пробовали сложить раздвоенные клочки которые были найдены первыми, химикъ успѣшно раздвоилъ большую часть порученныхъ ему клочковъ и сложилъ пять или шесть фразъ письма.

Они взглянули съ любопытствомъ на сложенные слова.

Первый результатъ опыта былъ такъ важенъ что могъ вознаграждать ихъ за всѣ труды. Сложенные фразы ясно указывали на лицо которому было адресовано письмо.

Этимъ лицомъ былъ мой мужъ.

А разорванное письмо было по всей вѣроятности то

самое которое Мизерримусъ Декстеръ утаилъ и хранилъ у себя до произнесенія приговора надъ моимъ мужемъ, а послѣ приговора разорвалъ.

Таковы были открытія сдѣланныя до того дня какъ Веніаминъ написалъ мнѣ свое письмо. Онъ уже готовился отправить его на почту когда мистеръ Плейморъ посоветовалъ ему удержать его на нѣсколько дней чтобы сообщить мнѣ сразу все что имъ удастся открыть.

— Все это ея дѣло, сказалъ мистеръ Плейморъ.—Еслибы не ея рѣшимость и не ея вліяніе на Мизерримуса Декстера намъ никогда не удалось бы узнать тайну скрытую въ сорной кучѣ, намъ никогда не удалось бы увидеть даже проблескъ истины. Она больше всѣхъ насъ имѣетъ право узнать все что намъ удастся открыть.

Письмо было оставлено на три дня, но по истеченіи этого срока къ нему было прибавлено только нѣсколько слышанныхъ строкъ которыя смутили и испугали меня невыразимо.

„Химикъ быстро подвигается впередъ съ своею частью работы, а мнѣ удалось сложить другую часть письма“, писалъ Веніаминъ. „Солоставленіе результатовъ его работы съ результатами моею привело насъ къ поразительнымъ заключеніямъ. Дай Богъ чтобы мы были въ полнѣйшемъ заблужденіи, но если наши заключенія справедливы, вы не должны говорить никому о возстановленіи письма. Открытія сдѣланныя нами до сихъ поръ такъ ужасны что я не могу принудить себя написать о нихъ теперь. Простите пожалуйста что я безлокою васъ этимъ извѣстіемъ. Рано или поздно мы обязаны будемъ посоветоваться съ вами и мы считаемъ нужнымъ приготовить васъ къ тому что вамъ предстоитъ узнать.“

Далѣе было нѣсколько строкъ прибавленныхъ мистеромъ Плейморомъ.

„Обратите серіозное вниманіе на предостереженіе мистера Веніамина“, писалъ онъ, „и примите предостереженіе отъ меня: вашъ мужъ послѣдній изъ людей которому я рѣшился бы показать отысканное письмо.“

Г Л А В А XLVI.

Кризисъ отсрочекъ.

— Берегитесь, Валерія, сказала мистрисъ Макаланъ.—Я не хочу распрашивать васъ, я хочу только предостеречь васъ. Евстаеій какъ и я замѣтилъ перемѣну въ васъ. Будьте осторожны.

Это было сказано въ тотъ же день вечеромъ когда мы остались вдвоемъ. Я сдѣлала все что могла чтобы скрыть впечатлѣннѣ произведенное на меня страннымъ и ужаснымъ извѣстиемъ изъ Гленинка. Но прочитавъ то что я прочитала, чувствуя то что я чувствовала, возможно ли было сохранять невозмутимое наружное спокойствіе?

Высказавъ свое предостереженіе, мистрисъ Макаланъ дѣйствительно не сдѣлала никакой попытки вывѣдать мою тайну, она была можетъ-быть права, но мнѣ тѣмъ не менее очень тяжело было остаться одной не услышавъ ни слова совѣта или участія и рѣшить самой какъ я должна была поступить относительно мужа.

Показать ему письмо Веніамина при слабости его здоровья и въ виду сдѣланныхъ мнѣ предостереженій было рѣшительно невозможно. Въствѣ съ тѣмъ, послѣ того какъ я уже выдала себя, нельзя было не сказать ему ничего. Я продумала объ этомъ всю ночь и къ утру рѣшила обратиться къ его довѣрью ко мнѣ.

Я приступила къ дѣлу прямо.

— Евстаеій, начала я,—твоя мать сказала мнѣ вчера что ты замѣтилъ во мнѣ перемѣну послѣ того какъ я вернулась домой. Правда ли это?

— Правда, Валерія, отвѣчалъ онъ тихимъ голосомъ и не глядя на меня.

— Между нами, продолжала я,—не должно быть скрытности. Я должна сказать тебѣ что я получила вчера у банкира письмо изъ Англіи и что это письмо встревожило меня. Позволишь ли ты мнѣ не давать тебѣ полнаго объясненія пока я не сочту этого удобнымъ и повѣришь ли ты мнѣ, милый мой, когда я скажу что прося этой отсрочки я только исполняю свой долгъ относительно тебя какъ любящая жена?

Я замолчала. Онъ не отвѣчалъ. Онъ видимо боролся съ собою. Не слишкомъ ли смѣло поступила я? Не слишкомъ ли я понадеялась на свое вліяніе? Мое сердце замерло, но я овладѣла собой настолько чтобы взять его руку и обратиться опять къ его доврѣю.

— Евстаѣй, сказала я, — развѣ ты не настолько знаешь меня чтобы вѣрить мнѣ?

Онъ взглянулъ на меня. Когда глаза наши встрѣтились, въ его глазахъ исчезла послѣдняя тѣнь сомнѣнія.

— Обѣщаешь ли ты сказать мнѣ со временемъ всю правду?—спросилъ онъ.

— Обѣщаю отъ всего сердца.

— Я вѣрю тебѣ, Валерія.

Его просвѣтлѣвшіе глаза свидѣтельствовали что онъ говорилъ искренно. Поцѣлуй закрѣпилъ нашъ договоръ. Извините что я умолкаю о такихъ мелочахъ, я все еще лишу, если вы потрудитесь вспомнить, о нашемъ новомъ медовомъ мѣсяцѣ.

Въ этотъ же день я написала Веніамину, уведомляя его какъ я поступила и умоляя его, если онъ и мистеръ Плейморъ одобрятъ мой поступокъ, сообщить мнѣ и дальнѣйшія открытія въ Гленнакѣ.

Послѣ десятидневнаго промежутка, казавшагося мнѣ безконечнымъ, я получила второе письмо отъ моего друга съ новою припиской отъ мистера Плеймора.

„Наша работа успѣшно подвигается впередъ,“ писалъ мнѣ Веніаминъ. „Единственное новое открытіе которое мы сдѣлали имѣетъ важное значеніе для вашего мужа. Мы сложили нѣсколько фразъ въ которыхъ говорится прямо что мышьякъ былъ купленъ мистеромъ Макаланомъ по просьбѣ его покойной жены и былъ переданъ ей. Забудьте что письмо написано рукой покой мистрисъ Макаланъ и подписано ея именемъ. Къ сожалѣнію, я принужденъ прибавить что причина дѣлающая нежелательнымъ чтобы мужъ вашъ прочелъ это письмо остается въ прежней силѣ. Мы сами (изъ снисхожденія къ памяти покойной) охотно бросили бы его назадъ въ сорную кучу еслибы могли руководиться только своими чувствами. Я удержу свое письмо два на два. Если въ это время прибавится еще что-нибудь новое, вы узнаете это отъ мистера Плеймора.“

Приписка мистера Плеймора была помѣчена двумя днями позже.

„Заключительная часть письма покойной мистрисъ Макаланъ,“ писалъ юристъ, „была случайно первою частью которую намъ удалось сложить. За исключеніемъ немногихъ пробѣловъ послѣдніе параграфы были восстановлены вполнѣ. Я не имѣю теперь ни времени, ни желанія писать вамъ подробно все что я долженъ сказать вамъ по поводу этого прискорбнаго письма. Недѣли черезъ двѣ мы пришлемъ вамъ полную копію съ него. Теперь же я скажу вамъ только что въ этомъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ печальномъ документѣ есть и свѣтлая сторона. Онъ ясно доказываетъ юридически и нравственно невиновность вашего мужа и можетъ послужить средствомъ для его публичнаго оправданія если только мужъ вашъ рѣшится предъявить его въ судъ. Постарайтесь понять меня. По нѣкоторымъ юридическимъ причинамъ, которыхъ я не буду объяснять вамъ, вашъ мужъ не можетъ быть судимъ вновь по тому что мы называемъ уголовнымъ обвиненіемъ. Но если можно доказать что факты замѣшанные въ уголовномъ процессѣ имѣютъ значеніе и въ гражданскомъ вопросѣ (а въ настоящемъ случаѣ это возможно), то дѣло можетъ быть пересмотрѣно вновь, и такимъ образомъ мужъ вашъ можетъ добиться оправдательнаго вердикта отъ новаго состава присяжныхъ. Держите это пока въ тайнѣ. Сохраните положеніе въ которое вы такъ умно поставили себя относительно мужа пока не прочтете возстановленнаго письма. Я почти увѣренъ что у васъ не хватитъ духа показать это письмо мужу. Какъ въ такомъ случаѣ намъ сохранить наше открытіе въ тайнѣ отъ него — объ этомъ вопросѣ мы потолкуемъ въ послѣдствіи. Теперь же я могу только повторить вамъ мой совѣтъ: ждите пока не получите новаго извѣщенія изъ Гленуика.“

Я ждала. Что я выстрадала въ это время, какъ смотрѣть на меня Евстаѳій—объ этомъ лучше не говорить. Я ограничусь передачей фактовъ.

Около двухъ недѣль спустя восстановленіе письма было окончено. За исключеніемъ нѣсколькихъ словъ затерявшихся безвозвратно и добавленныхъ составителями письма было сложено съ начала до конца и мнѣ была прислана обѣщанная копія съ него.

Прежде чѣмъ я приведу здѣсь это письмо, позвольте мнѣ

вспомнить вамъ вкратцѣ обстоятельства при которыхъ Евстацій женился на своей первой женѣ.

Вспомните что несчастная влюбилась въ него не пробудивъ въ немъ взаимной любви, вспомните что узнавъ это онъ тотчасъ же удалился отъ нея, вспомните что она пріѣхала къ нему на его лондонскую квартиру не предупредивъ его ни однимъ словомъ, что онъ сдѣлалъ все что могъ чтобы спасти ея репутацію, что это не удалось ему и что онъ въ минуту отчаянія рѣшился сдѣлать ее своею женой чтобы положить конецъ скандалу который могъ бы испортить все ея будущее. Примите во вниманіе всѣ эти обстоятельства (они доказаны клятвенными показаніями почтенныхъ свидѣтелей) и не забывайте пожалуйста что какъ ни предосудительны его отзывы о женѣ на секретныхъ страницахъ его дневника, онъ дѣлалъ все что могъ чтобы скрыть отвращеніе которое она внушала ему и былъ всегда (по свидѣтельству людей хорошо знавшихъ его) учтивымъ и внимательнымъ мужемъ.

Теперь читайте письмо. Оно проситъ васъ только объ одномъ снисхожденіи, оно проситъ чтобы вы прочли его при свѣтѣ заповѣди Христа: не судите да не судимы будете.

Г Л А В А XLVII.

Признакіе жены.

Гленикъ, 19го октября 18**

„Мой мужъ.

„Я должна сказать тебѣ нѣчто весьма печальное объ одномъ изъ твоихъ старыхъ друзей.

„Ты никогда не поощрялъ меня къ откровенности съ тобой. Еслибы наши отношенія были такъ коротки какъ отношенія другихъ мужей и женъ, я объяснилась бы съ тобой на словахъ. Но при нашихъ отношеніяхъ я не знаю какъ ты примешь то что я имѣю сказать тебѣ, и я предпочитаю сказать это письменно.

„Человѣкъ противъ котораго я хочу предостеречь тебя—твой гость Мизерримусъ Декстеръ. Во всемъ мірѣ нѣтъ существа лживѣе и порочнѣе Мизерримуса Декстера. Подожди бросать мое письмо. Я не хотѣла говорить тебѣ это пока не буду имѣть доказательствъ которыя могутъ подтвердить мое мнѣніе. Теперь я ихъ имѣю.

„Ты можетъ-быть помнишь что я выразила неудовольствіе когда ты сказалъ мнѣ что пригласилъ этого человѣка прѣхать погостить къ намъ. Еслибы ты далъ мнѣ время подумать, я можетъ-быть рѣшилась бы сказать тебѣ причину моего нерасположенія къ твоему другу. Но ты не хотѣлъ подождать. Ты послѣднимъ объявилъ что я предубѣждена противъ него вслѣдствіе его уродства. Это несправедливо. Я никогда не чувствовала къ калѣкамъ ничего кромѣ участія, родственнаго участія, потому что я сама немногимъ лучше калѣки, я безобразная женщина. Причиной моего неудовольствія при извѣстіи о посѣщеніи Декстера было то что онъ вѣкогда предлагалъ мнѣ быть его женой и что я имѣла основаніе опасаться что его ужасная любовь ко мнѣ не угасла послѣ моего замужества. Не должна ли я была какъ честная жена воспротивиться его прѣладу въ Глевинкъ? И не долженъ ли ты былъ, какъ добрый мужъ, поощрить меня объясниться?

„Какъ бы то ни было, но случились такъ что Мизерримусъ Декстеръ прѣхалъ, прогостилъ у тебя нѣсколько недѣль и осмѣлился заговорить со мной опять о своей любви.

„Онъ оскорбилъ и меня и тебя. Онъ осмѣлился увѣрять что онъ обожаетъ меня, а что ты будто бы ненавидишь меня. Онъ обѣщаетъ мнѣ невозмутимое счастье въ жизни съ нимъ за границей, онъ предсказываетъ мнѣ нестерпимое мученіе въ жизни дома съ моимъ мужемъ.

„Почему я не пожаловалась тебѣ раньше и не полпросила тебя прогнать это чудовище разъ навсегда изъ нашего дома?

„Увѣренъ ли ты что ты не усомнился бы въ справедливости моихъ словъ еслибъ я пожаловалась тебѣ, а твой задушевный другъ сталъ бы увѣрять что у него и въ мысляхъ не было оскорбить меня? Я слышала какъ ты сказалъ однажды, не подозрѣвая о моемъ присутствіи, что некрасивыя женщины всегда тщеславны. Ты можетъ-быть залодозрилъ бы и меня въ тщеславіи. Какъ знать?

„Впрочемъ я не хочу оправдывать себя этимъ опасеніемъ. Я несчастное, ревнивое созданіе, постоянно сомнѣвающееся въ твоей любви, постоянно опасующееся что другая женщина займла мое мѣсто въ твоемъ сердцѣ. Мизерримусъ Декстеръ воспользовался этою слабостью. Онъ предложилъ доказать что ты втайнѣ ненавидишь меня, что тебѣ противно

мое прикосновение, что ты проклываешь день въ который назвалъ меня своею женой. Я долго боролась противъ искушенія позволить ему представить его доказательства. Для женщины далеко не увѣренной въ твоей любви это было большимъ искушеніемъ. Кончилось тѣмъ что я поддаюсь ему. Я преступно скрываетъ отвращеніе которое я чувствую къ этому негодяю, я преступно позволила ему объясниться. Что любудило меня къ этому? То что я люблю тебя и только тебя и то что предложеніе Мизеррикуса Дестера усилило подозрѣніе которое давно тайно таготило мое сердце.

„Прости меня, Евстаеій. Это мое первое преступленіе противъ тебя. Оно будетъ и послѣднимъ.

„Я не хочу щадить себя. Я разкажу тебѣ все что онъ сказалъ мнѣ и что я сказала ему. Ты можешь заставить меня заплатить за мой поступокъ, но ты будешь предупрежденъ вовремя, ты увидишь твоего живаго друга въ настоящемъ свѣтѣ.

„Я сказала ему: какъ можете доказать что мужъ тайно ненавидитъ меня?

„Онъ отвѣчалъ: я могу доказать это его собственнымъ признаніемъ написаннымъ его собственной рукой. Я покажу вамъ его дневникъ.

„Я сказала: онъ лишеть свой дневникъ въ книгѣ съ замкомъ и хранить эту книгу въ залертомъ ящикѣ стола. Какъ отперете книгу и ящикъ?

„Онъ отвѣчалъ: я могу отпереть и книгу и ящикъ безъ малѣйшаго риска что мужъ вамъ узнаеть это. Если вы дадите мнѣ средство войти тайно въ вашу комнату, когда вы будете одна, я обещаю принести вамъ отпертой дневникъ.

„Какъ могу я дать вамъ средство войти ко мнѣ тайно? Что вы хотите сказать?

„Онъ указалъ на дверь выходящую изъ моей спальни въ маленькій кабинетъ.

„Съ моей неподвижностью, сказалъ онъ, я можетъ-быть долго не найду случая войти къ вамъ незаметно изъ коридора. Позвольте мнѣ взять этотъ ключъ, оставивъ дверь залертою. Если вы скажете, когда замѣтятъ пропажу, что это не важно, что дверь залерта и чтобы слуги не трудились искать ключъ, въ домѣ не будетъ по этому поводу никакой тревоги, ключъ останется у меня и дастъ мнѣ

возможность войти къ вамъ тайно въ первую удобную минуту. Согласны вы на это?

„Я согласилась.

„Да, я сдѣлалась сообщницей этого двуличнаго негодая, я унизила себя, я оскорбила тебя, я согласилась заглянуть въ твой дневникъ. Я знаю какъ низокъ мой поступокъ, я и не думаю оправдывать его. Я могу только повторить что люблю тебя всѣмъ сердцемъ я сильно опасалась что ты меня не любишь, а Мизерримусъ Декстеръ предлагаетъ познакомить меня съ твоими сокровеннѣйшими мыслями и положить конецъ моимъ сомнѣнiямъ.

„Онъ придетъ ко мнѣ съ этою цѣлю въ продолженiи двухъ слѣдующихъ часовъ, когда тебя не будетъ дома. Я откажусь удовольствоваться однимъ разомъ. Я потребую чтобъ онъ принесъ мнѣ дневникъ завтра въ такое же время дня. До тѣхъ поръ моя сидѣлка передастъ тебѣ эти строки. Уйдя по обыкновенiю изъ дому, но вернись раньше времени, отойди къ своему столу и убѣдившись что твоего дневника тамъ нѣтъ, войди потихоньку въ маленькiй кабинетъ и ты найдешь его въ рукахъ твоего друга когда онъ выйдетъ отъ меня.

Замѣтка мистера Плеймора: Величайшiя затрудненiя при восстановленiи были встрѣчены нами въ этой первой части письма. Въ четвертомъ параграфѣ съ начала мы принуждены были вставить затерянные слова въ трехъ мѣстахъ. Въ девятомъ, десятомъ и семнадцатомъ параграфахъ также недоставало нѣсколькихъ словъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы вставляли слова съ величайшею осторожностью, стараясь выразить именно то что повидимому хотѣла выразить покойница.

„Октября 20.

„Я читала твой дневникъ.

„Наконецъ я знаю что ты дѣйствительно думаешь обо мнѣ. Я прочла то что Мизерримусъ Декстеръ обѣщалъ дать мнѣ прочесть, я прочла твое признанiе въ твоей ненависти ко мнѣ.

„Ты не получишь сегодня то что я написала тебѣ вчера. Какъ ни длинно мое письмо, но прочитавъ твой дневникъ, я нахожу нужнымъ написать еще нѣсколько словъ. Дописавъ

письмо я запечатаю его въ конвертъ, адресую къ тебѣ и положу къ себѣ подъ подушку. Оно будетъ найдено когда меня положатъ въ гробъ и ты прочтешь его, Евстаеи, когда надежда или помощь будутъ уже невозможны.

„Да, жизнь опротивѣла мнѣ, я хочу умереть.

„Я уже принесла въ жертву тебѣ все кромѣ жизни. Теперь когда я знаю что ты не платишь мнѣ за мою любовь взаимною любовью, послѣдняя жертва легка. Моя смерть дастъ тебѣ возможность жениться на мистрисъ Боли.

„Ты не знаешь чего мнѣ стоило преодолѣть мою ненависть къ этой женщинѣ и попросить ее пріѣхать сюда не стѣсняясь моею болѣзнию. Я не сдѣлала бы этого еслибы не любила тебя такъ сильно и не боялась разсердить тебя. И какъ вознаградила ты меня за это? Пусть отвѣтитъ твой дворякъ: „я нѣжно обнялъ ее и надѣюсь что она, бѣдная, не замѣтила чего мнѣ это стоило“.

„Теперь я знаю все. Я знаю что ты считаешь свою жизнь со мной пыткой, знаю что ты изъ сожалѣнія скрывалъ „отвращеніе какое возбуждали въ тебѣ мои ласки“, знаю что я стою между тобой и женщиной въ которую ты такъ влюбленъ что „обожаешь землю къ которой она прикасается ногами“. Я не хочу быть долѣе препятствіемъ на твоемъ пути. Я возвращу тебѣ свободу. Это не жертва и не заслуга съ моей стороны. Жизнь моя стала нестерпима съ тѣхъ поръ какъ я знаю что человекъ котораго я люблю всѣмъ сердцемъ и всею душой не чувствуетъ ко мнѣ ничего кромѣ отвращенія.

„Средство прекратить жизнь у меня подъ рукою.

„Мышьякъ, который я дважды поручала тебѣ купить, лежитъ въ моей туалетной шкатулкѣ. Я обманула тебя когда сказала что онъ нуженъ мнѣ въ домашнемъ хозяйствѣ. Я хотѣла имѣть его для того чтобы попробовать не улучшить ли онъ мой неприятный цвѣтъ лица. Не тщеславіе руководило мной, но единственно желаніе быть пріятнѣе тебѣ. Часть мышьяка я уже приняла съ этою цѣлью, но у меня осталось еще слишкомъ достаточно чтобы лишить себя жизни. Ядъ принесетъ наконецъ хоть какую-нибудь пользу. Какъ средство для улучшения моего цвѣта лица онъ оказался бы можетъ-быть неэффективнымъ, но онъ навѣрное окажется дѣйствительнымъ какъ средство для освобожденія тебя отъ безобразной жены.

„Не позволяй вскрывать меня послѣ смерти. Покажи это письмо доктору, который лѣчитъ меня. Оно докажетъ что я самоубійца и что никто не виноватъ въ моей смерти. Я не хочу чтобы кто-нибудь пострадалъ изъ-за меня. Я тщательно опорожняю лузырекъ въ которомъ былъ проданъ мышьякъ и сниму съ него ярыжъ чтобъ избавить отъ всякихъ неприяностей москательщика.

„Я должна отдохнуть прежде чѣмъ продолжать письмо. Оно уже достаточно длинно, но это послѣднія мои слова. Я могу позволить себѣ продолжать еще немного мое послѣднее письмо къ тебѣ.

„21го октября, два часа утра.

„Я вчера выгнала тебя изъ комнаты, когда ты пришелъ узнать какъ я провела ночь. Затѣмъ я высказала оскорбительныя для тебя вещи сидѣлкѣ, которая ходитъ за мной. Прости меня. Я теперь вѣѣ себя. Ты знаешь почему.

„Половина третьяго.

„О, мой мужъ! я сдѣлала дѣло которое освободитъ тебя отъ ненавистной жены. Я приняла ядъ, все что оставалось въ бумажномъ пакетѣ. Если этотъ приемъ окажется недостаточнымъ, у меня есть еще мышьякъ въ лузыркѣ.

„Десять минутъ шестаго.

„Ты только-что вышелъ, давъ мнѣ успокоительное лѣкарство. Мое мужество поколебалось при видѣ тебя. Я подумала если онъ поглядитъ на меня съ участіемъ, я сознаюсь въ томъ что я сдѣлала и позволю ему спасти мою жизнь. Ты вовсе не взглянулъ на меня. Ты глядѣлъ только на лѣкарство. Я отпустила тебя не сказавъ ни слова.

„Половина шестаго.

„Я начинаю чувствовать слѣдствія отравленія. Сидѣлка спитъ возлѣ моей постели. Я не разбуду ее, я не позову на помощь, я хочу умереть.

„Половина девятаго.

„Агонія была нестерпима, я разбудила сидѣлку, я приняла доктора.

„Никто ничего не подозреваетъ. Мое страданіе совсѣмъ прошло. Я приняла вѣроятно слишкомъ мало яду. Придется раскупорить лузырекъ. Къ счастью тебя нѣтъ возлѣ меня и моя рѣшимость умереть, или лучше оказать мое отвращеніе къ жизни остается неизмѣннымъ. Чтобы не поколебаться и

впередъ, я запретила сидѣлкѣ посылать за тобой. Я только что уснула ея внизъ. Я одна и могу вынуть ядъ изъ моей туалетной шкатулки.

„Десять минутъ десятого.

„Я только-что успѣла спрятать пузырекъ какъ ты вошелъ въ комнату.

„Я поколебалась опять когда увидала тебя. Я рѣшилась дать себѣ послѣдній шансъ на жизнь, а тебѣ послѣдній случай выразить мнѣ участіе. Я попросила тебя принести мнѣ чашку чая и рѣшила что если ты, оказывая мнѣ эту маленькую услугу, ободришь меня хоть однимъ словомъ или взглядомъ, то я не приму второй дозы мышьяку.

„Ты исполнялъ мою просьбу, но ты не былъ добръ со мной. Ты подавал мнѣ чай, Евстаѳій, такъ какъ подалъ бы литье своей собацѣ. Потому ты ядовился съ разсѣянными видомъ (вѣроятно думая въ это время о мистрисъ Боли) что я уронила чашку, возвращая ее тебѣ. Нѣтъ ничего страннаго въ томъ что руки мои дрожали, когда у меня подъ одѣяломъ лежалъ мышьякъ, который я намѣревалась принять. Уходя ты учтиво пожелалъ чтобы чай принесъ мнѣ пользу и даже не взглянулъ на меня. Ты глядѣлъ на осколки разбитой чашки.

„Лишь только ты вышелъ, я приняла ядъ. Въ этотъ разъ вдвое больше чѣмъ въ первый.

„Я вспомнила сейчасъ что я должна обратиться къ тебѣ еще съ одною просьбой.

„Я уничтожила ярлыкъ который былъ приклеенъ на пузырекъ съ мышьякомъ и спрятала пустой пузырекъ въ свою туалетную шкатулку, но я забыла принять ту же предосторожность съ пустымъ бумажнымъ пакетомъ, на которомъ былъ ярлыкъ другаго москательщика. Я бросила его за кровать вмѣстѣ съ другими ненужными лоскутами бумаги. Моя сердитая сидѣлка заворчала на соръ, подобрала бумаги и куда-то спрятала ихъ. Надѣюсь что москательщикъ не страдаетъ изъ-за моей небрежности. Пожалуста не забудь сказать что онъ ни въ чемъ не виноватъ.

„Декстеръ—а почему-то опять вспомнила о немъ—Декстеръ положилъ твой дневникъ обратно въ столъ и требуетъ у меня отвѣта на свои предложенія. Есть ли совѣсть у этого человека? Если есть, то и онъ будетъ страдать когда мое самоубійство послужитъ ему отвѣтомъ.

„Сидѣлка вошла было опять въ мою комнату. Я выскочила изъ нея. Я сказала ей что хочу быть одна.

„Какое теперь время? Я не нахожу своихъ часовъ. Не предвѣщаетъ ли эта слабость возвращающееся страданіе? Оно еще не сильно.

„Оно можетъ однако усилиться ежеминутно, а мнѣ осталось еще залечатать письмо, адресовать его тебѣ и спрятать подъ подушку чтобы никто не нашелъ его до моей смерти.

„Прощай, мой милый. Жаль что я не была болѣе красивою женщиной. Болѣе любящею женщиной (относительно тебя) я не могла быть. Даже теперь боюсь взглянуть на твое милое лицо. Еслибъ я доставила себѣ наслажденіе взглянуть на тебя еще разъ, я даже теперь могла бы поколебаться и сознаться тебѣ въ своемъ поступкѣ лока еще не позаво сласти меня.

„Но тебя нѣтъ здѣсь. Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше.

„Прощай еще разъ. Будь безъ меня счастливѣе чѣмъ ты былъ со мною. Я люблю тебя, Евстаѣій, и я прощаю тебя. Вспоминай иногда съ добрымъ чувствомъ твою бѣдную, безобразную

„Сару Макаланъ.“

Замѣтка мистера Плеймора: Затерянные и добавленные слова въ этой послѣдней части письма такъ незначительны что не стоить и упоминать о нихъ. Клочки которые были найдены склеенными вытекшимъ на нихъ клеемъ и были сложены первые составили часть письма начинающуюся со словъ: „Я высказала оскорбительныя для тебя вещи сидѣлкѣ“, и кончающуюся словами: „Я рѣшила что если ты, оказывая мнѣ эту маленькую услугу, ободрить меня хоть однимъ ласковымъ словомъ или взглядомъ, то я не приму“. Благодаря склееннымъ клочкамъ, вторая часть письма (начиная съ параграфа помѣченного 20мъ октября) была сложена нами несравненно легче чѣмъ первая, въ которой мы встрѣчали почти непреодолимая трудности.

Г Л А В А XLVIII.

Могла ли я поступить иначе?

Когда я пришла въ себя и осушила глаза послѣ чтенія прискорбнаго и ужаснаго письма, моею первою мыслью была мысль о Евстаѣіи, моею первою заботой была забота о томъ чтобъ онъ никогда не прочелъ этого письма.

Да, вотъ до чего я дожила. Я посвятила свою жизнь достиженію одной цѣли и достигла этой цѣли. На столѣ предо мной лежало торжественное доказательство невинности моего мужа. Но изъ состраданія къ нему, изъ смисхожденія къ ламяти его покойной жены, единственныиъ желаніемъ теперь было скрыть это доказательство отъ него и отъ всего свѣта.

Я припомнила странныя обстоятельства вслѣдствіе которыхъ было отыскано письмо.

Оно никогда не было бы отыскано еслибы не я. Однако все что я сдѣлала было сдѣлано почти безсознательно. Ничтожнѣйшій случай могъ измѣнить весь ходъ событій. Я неоднократно пыталась оставить Аривъ, когда она упрашивала своего хозяина разказать ей сказку. Еслибъ она, несмотря на мое сопротивленіе, не добилась исполненія своего желанія, послѣднія усилія памяти Мизерримуса Декстера не обратились бы можетъ-быть на Гленинскую трагедію. И опять: еслибъ я не забыла дать Веніамину знакъ прекратить записываніе, онъ не записалъ бы словъ въ которыхъ повидимому не было никакого смысла, но которыя привели насъ къ открытію истины.

Взглянувъ на прошлыя событія, я прокляла день въ который клочки ужаснаго письма были вынуты изъ ихъ грязной могилы. Въ то самое время когда Евстаеій началъ поправляться, когда мы только-что соединились опять и были такъ счастливы, когда мы надѣялись сдѣлаться спустя мѣсяцъ или два отцомъ и матерью, предъ нами внезапно возсталъ какъ карающій духъ этотъ ужасный разказъ о страданіи и грѣхѣ. Онъ лежалъ предо мной, угрожая не только спокойствію моего мужа, но, при тогдашнемъ критическомъ положеніи его здоровья, даже его жизни.

Часы на каминѣ пробили часъ, когда Евстаеій приходилъ обыкновенно по утрамъ въ мою маленькую комнату. Онъ могъ войти ежеминутно и увидать письмо и отнять его у меня. Въ минутномъ ужасѣ и отчаяніи я схватила письмо и бросила его въ огонь.

Хорошо что мнѣ была прислана только копія съ письма. Еслибъ у меня въ эту минуту былъ оригиналъ, его постигла бы та же участь.

Едва успѣлъ исплѣтъ послѣдній листокъ какъ Евстаеій вошелъ въ комнату.

Онъ взглянулъ въ каминъ. За рѣшеткой все еще видѣлся

черный пепелъ сожженной бумаги. Евстаеѣй видѣлъ за завтракомъ что я получила письмо. Не догадался ли онъ что я сожгла его? Онъ остановился и нѣсколько времени молча глядѣлъ на огонь. Потомъ повернулся и взглянулъ на меня. Я была вѣроятно очень блѣдна потому что онъ прежде всего спросилъ не больна ли я.

Я давно рѣшила не обманывать его даже въ пустякахъ.

— Я немного разстроена, Евстаеѣй, отвѣчала я.

Онъ глядѣлъ на меня какъ будто ожидалъ что я объяснюсь. Я молчала. Онъ вынулъ изъ бокового кармана куртки какое-то письмо и положилъ его на столъ предо мною, на то самое мѣсто гдѣ за нѣсколько минутъ лежало предсмертное признаніе его покойной жены.

— Я тоже получилъ письмо сегодня утромъ, сказалъ онъ.—У меня, Валерія, нѣтъ секретовъ отъ тебя.

Я поняла упрекъ заключавшійся въ послѣднихъ словахъ мужа, но не стала оправдываться.

— Ты хочешь чтобы я прочла это письмо? спросила я указывая на конвертъ который онъ положилъ на столъ.

— Я уже сказалъ что у меня нѣтъ секретовъ отъ тебя, повторилъ онъ.—Конвертъ распечатанъ. Взгляни сама что лежитъ въ немъ.

Я взяла конвертъ и вынула изъ него не письмо, какъ я ожидала, но вырѣзку изъ шотландской газеты.

— Прочти,—сказалъ Евстаеѣй.

Я прочла слѣдующее:

„Странная дѣланія въ Гленникѣ.“—Въ сельскомъ домѣ мистера Макаллана повидимому разыгрывается романъ въ дѣйствительной жизни. Въ сорной кучѣ (да простятъ намъ наши читатели напоминаніе о такомъ неприятомъ предметѣ) лежащей въ паркѣ, производятся какіе-то таинственные поиски увѣнчавшіеся повидимому какимъ-то открытіемъ. Въ чемъ состоитъ это открытіе, мы не знаемъ. Достоверно только то что два джентльмена изъ Лондона (руководимые нашимъ достопочтеннымъ согражданиномъ мистеромъ Плейморомъ) въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль просиживали дни и ночи въ Гленникской библіотекѣ надъ какимъ-то таинственнымъ занятіемъ. Будетъ ли тайна когда-нибудь обнародована? И не разъяснить ли эта тайна загадочнаго и ужаснаго событія которое наши читатели привыкли соединять съ прошлою исторіей Гленника? Можетъ-быть мистеръ Макалланъ, воз-

вратясь на родину, будетъ въ состояніи разъяснить эти вопросы. До тѣхъ же поръ мы можемъ только ждать и слѣдить за событіями.“

Я положила газету на столъ съ несомнѣннѣмъ христіанскими чувствами къ тѣмъ кто издавалъ ее. Какой-нибудь репортеръ въ логовѣ за новостями вѣроятно заглянулъ и въ Глеминкъ, а какой-нибудь услужливый человѣкъ изъ мѣстныхъ жителей послалъ газету Евстаею. Не зная что сказать, я ждала чтобы мужъ заговорилъ первый. Онъ не заставилъ меня ждать, онъ немедленно приступилъ къ разспросамъ.

— Понимаешь ты что это значить, Валерія?

Я отвѣчала правду, я созналась что газетное извѣстіе не было для меня загадкой.

Онъ глядѣлъ на меня очевидно ожидая объясненія. Но я молчала. Молчаніе было теперь моимъ единственнымъ убѣждающимъ.

— Развѣ я не узнаю больше того что знаю теперь? спросилъ онъ подождая немного. — Развѣ ты не обязана сказать мнѣ что дѣлается въ моемъ собственномъ домѣ?

Вообще замѣчено что въ затруднительномъ положеніи люди соображаютъ быстрее. Былъ только одинъ исходъ изъ затруднительнаго положенія въ которое поставили меня послѣднія слова моего мужа, и я нашла его.

— Ты обѣщала вѣрить мнѣ, начала я.

Онъ согласился что дѣйствительно обѣщала вѣрить мнѣ.

— Я должна попросить тебя ради тебя самого, Евстаея, не требовать у меня объясненія еще нѣсколько времени. Подожди и ты узнаешь все.

Его лицо омрачилось. — Долго ли еще ждать? спросилъ нѣ.

Я увидала что нужно было прибѣгнуть къ болѣе сильному бдительному средству чѣмъ слова.

— Поцѣлуй меня если хочешь чтобы я отвѣтила тебѣ, сказала я.

Онъ поколебался (таковы мужья!). Я настаивала (таковы жены!). Волей или неволей онъ долженъ былъ уступить. Поцѣловавъ меня (не особенно нѣжно, надо сказать правду) онъ опять потребовалъ чтобы я сказала ему долго ли придется ему ждать.

— Я хочу чтобы ты подождалъ пока родится нашъ ребенокъ, сказала я.

Мой отвѣтъ очевидно удивилъ его. Я пожала его руку и устремила на него нѣжный взглядъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ взглядомъ вполнѣ удовлетворившимъ меня.

— Скажи что ты согласишься, прошептала я.

Онъ далъ согласіе.

Такимъ образомъ я опять отерочила объясненіе и выиграла время чтобы посоветоваться съ Веніаминомъ и съ мистеромъ Плейморомъ.

Пока Евстаеій сидѣлъ въ моей комнатѣ я была спокойна и могла разговаривать съ нимъ. Но когда я осталась одна думая о случившемся вспомнила какъ великодушно уступилъ мнѣ мой мужъ, сердце мое обратилось съ сожалѣніемъ къ другимъ женамъ (къ лучшимъ женамъ чѣмъ я, можетъ-быть) мужа которыхъ при подобныхъ же обстоятельствахъ говорили бы имъ грубостей, а можетъ-быть поступили бы еще хуже. Контрастъ между ихъ участіемъ и моею растроганностью до глубины души. Что сдѣлала я, недостойная, чтобы заслужить свое счастье? Что сдѣлали онъ, бѣдныя, чтобы заслужить свое мученіе? Мои нервы были сильно раздражены чтеніемъ прощальнаго письма первой жены Евстаеія. Я заплакала и это привнесло мнѣ облегченіе.

Г Л А В А XLIX.

Прошашее и будущее.

Я пишу на память, безъ помощи записокъ или дневника и не могу припомнить точно какъ долго продолжалось наше пребываніе за границей. Я знаю только что мы прожили въ Парижѣ нѣсколько мѣсяцевъ. Когда Евстаеій былъ уже давно въ силахъ совершить перѣздъ въ Лондонъ, докторы все еще удерживали его во Франціи. Въ одномъ изъ его легкихъ обнаружались болѣзненные симптомы и доктора предостерегали его отъ слишкомъ послѣдшаго переселенія изъ сухаго климата Франціи, который былъ ему очень полезенъ въ сырой климатъ его родины.

Вслѣдствіе этого мы были все еще въ Парижѣ когда получила слѣдующее извѣстіе изъ Гленвика. Однажды утромъ

къ моему удивленію и восторгу, въ нашу изящную французскую гостиную спокойно вошелъ мой старый другъ Веніаминъ. Онъ былъ одѣтъ такъ изысканно и такъ настойчиво старался внушить намъ (пока присутствовалъ мой мужъ) что онъ пріѣхалъ во Францію безъ всякой другой цѣли кромѣ развлечения что я тотчасъ же поняла его двойственную роль: туриста, въ присутствіи третьихъ лицъ, посланнаго отъ мистера Плеймора, наединѣ со мной.

Немного позже намъ удалось остаться вдвоемъ и мое предположеніе оправдалось. Веніаминъ по просьбѣ мистера Плеймора предпринялъ поѣздку въ Парижъ для того чтобы посоветоваться со мной насчетъ будущаго и чтобы просвѣтить меня насчетъ прошлаго. Онъ представилъ мнѣ свою кредитивную грамоту—небольшое письмо отъ юриста.

„Есть нѣсколько пунктовъ“ (писалъ мнѣ мистеръ Плейморъ) „которые остались неразъясненными отысканнымъ письмомъ. Я и мистеръ Веніаминъ сдѣлали все что могли чтобы найти правильныя истолкованія этихъ спорныхъ пунктовъ. Для краткости я изложилъ наши соображенія въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ. Примете ли вы меня какъ истолкователя послѣ ошибокъ которыя я сдѣлалъ когда вы совѣтовались со мной въ Эдинбургѣ? Позднѣйшія событія доказали что я былъ неправъ пытаясь отговорить васъ отъ свиданія съ Декстеромъ и считая Декстера прямымъ, а не косвеннымъ виновникомъ смерти мистрисъ Макаланъ. Вотъ мое признаніе. Вы потрудитесь сказать мистеру Веніамину считаете ли вы мой новый катехизисъ достойнымъ разсмотрѣнія, или нѣтъ.“

Я признала его новый катехизисъ (какъ онъ выразился) вполне достойнымъ разсмотрѣнія. Если вы не согласны со мной и если вамъ хочется отдѣлаться поскорѣе отъ меня и отъ моего разказа перейдите не стѣсняясь къ слѣдующей главѣ.

Веніаминъ досталъ вопросы и отвѣты и по моей просьбѣ прочелъ мнѣ вслухъ слѣдующія строки:

„Вопросы возбуждаемые письмомъ отысканнымъ въ Гленнакѣ. Первая группа: вопросы относящіеся къ дневнику. Первый вопросъ: былъ ли Мизерримусъ Декстеръ руководимъ предварительнымъ знакомствомъ съ содержаніемъ дневника когда старался получить доступъ къ нему?“

„Отвѣтъ: сомнительно чтобъ имъ руководило предварительное знакомство съ содержаніемъ дневника. Естественнѣе

предположить что онъ замѣтилъ какъ тщательно оберегалъ мистеръ Макалланъ свой дневникъ отъ нескромныхъ глазъ и заключилъ изъ этого что онъ содержитъ опасныя семейныя тайны которыя могутъ пригодиться ему для достиженія его преступныхъ цѣлей.

„Второй вопросъ: какими побужденіями объяснить вѣдѣтельство Мизерримуса Декстера когда полицейскіе дѣлали обыскъ въ комнатѣ мистера Макаллана?

„Отвѣтъ: чтобы разрѣшить этотъ вопросъ мы должны прежде всего отдать справедливость Мизерримусу Декстеру. Какъ ни жестоко и ни безчестно воспользовался онъ дневникомъ, но онъ не былъ отъявленнымъ негодяемъ. Несомнѣнно что онъ втайнѣ ненавидѣлъ мистера Макаллана и что онъ сдѣлалъ все что могъ чтобы побудить несчастную жену покинуть мужа. Но весьма сомнительно чтобы онъ способенъ былъ допустить умышленно и не сдѣлавъ попытки помѣшать этому, чтобы человѣкъ невинный и считавшій его своимъ другомъ былъ по его винѣ преданъ суду по обвиненію въ убійствѣ. Мистеру Макаллану, невинному въ смерти жены, не пришлось въ годову уничтожить письма и дневникъ какъ опасныя для него документы. Онъ никакъ не ожидалъ что подозрѣніе можетъ пасть на него. Но Декстеръ долженъ былъ смотрѣть на дѣло иначе. „Дневникъ приведетъ его на висѣлицу. Я не хочу чтобы онъ былъ повѣшенъ“, говоритъ онъ припоминая безсознательно прошлое когда разсудокъ уже началъ измѣняться ему. Еслибы онъ нашелъ случай овладѣть дневникомъ раньше, еслибы полицейскіе не предупредили его, онъ по всей вѣроятности уничтожилъ бы его. Онъ былъ такъ проникнутъ опасеніями послѣдствій открытія этого документа что даже рѣшился помѣшать полицейскимъ исполнить ихъ обязанность. Мистеръ Плейморъ, котораго онъ пригласилъ на помощь, видѣлъ его воаненіе и можетъ поручиться что оно было непритворное.

„Вопросы второй группы: относящіяся къ признанію жены.

„Первый вопросъ: что побудило Декстера сохранить письма вмѣсто того чтобы уничтожить его тотчасъ же послѣ того какъ онъ нашелъ его подъ подушкой?

„Отвѣтъ: то же самое что побудило его отстаивать дневникъ и потомъ дать въ судѣ показаніе въ пользу подсудимаго. Нѣкоторыя изъ его послѣднихъ словъ (записанныхъ

мистеромъ Веліаминомъ) заставляютъ предполагать что въ случаѣ обвинительнаго вердикта онъ не замедлил бы сласти невиннаго предьявленіемъ предсмертнаго признанія его жены. Всякая порочность имѣетъ границы. Декстеръ способенъ былъ утаить письмо оскорблявшее его самолюбіе, Декстеръ способенъ былъ подвергнуть ненавистнаго соперника мученію и униженію публичнаго суда по подозрѣнію въ убійствѣ, но Декстеръ неспособенъ былъ допустить чтобы невинный человѣкъ былъ казненъ по его винѣ. Постарайтесь представить себѣ что онъ долженъ былъ почувствовать когда впервые прочелъ признаніе покойной. Онъ разчитывалъ поколебать ея привязанность къ мужу, и какъ оправдались его ожиданія? Онъ узналъ что его поступокъ довель ее до самоубійства. Примите это во вниманіе и вы поймете что угрызения совѣсти могли побудить даже такого человѣка принести искунительную жертву.

„Второй вопросъ: какія чувства руководили поведеніемъ Мизерримуса Декстера когда мистрисъ Валерія Макалланъ объявила ему что она намѣрена возобновить изслѣдованіе преступленія въ Гленинкѣ?

„Отвѣтъ: по всей вѣроятности преступныя опасенія Декстера возбудили въ немъ подозрѣніе что кто-нибудь подсматривалъ за нимъ когда онъ былъ въ комнатѣ гдѣ лежало тѣло покойной мистрисъ Макалланъ. Не стыдяся подслушивать у дверей и подсматривать въ замочныя щели; онъ готовъ залодозрять въ томъ же и другихъ. Подъ вліяніемъ этого опасенія ему вѣроятно пришло въ голову что мистрисъ Макалланъ можетъ встрѣтиться съ человѣкомъ подсмотрѣвшимъ за нимъ и онъ рѣшился направить съ самаго начала ея усилія въ ложную сторону. Ея ревность къ мистрисъ Боли давала ему возможность исполнить это безъ труда и онъ тѣмъ охотѣе воспользовался этою возможностью что самъ ненавидѣлъ мистрисъ Боли. Онъ зналъ ее какъ соперницу разстроившую семейное счастье мистрисъ Макалланъ, и любя мистрисъ Макалланъ онъ естественно ненавидѣлъ ея соперницу. Сохраненіе своей преступной тайны и отмщеніе мистрисъ Боли—вотъ двѣ причины руководившія его поведеніемъ относительно мистрисъ Валеріи Макалланъ.“ *

* *Примѣчаніе автора:* Это мнѣніе подтверждается сценой въ домѣ Веліамина (глава XXXV) когда Декстеръ въ минуту неудержимаго волненія выдаетъ Валеріи свою тайну.

Веніаминъ положилъ на столъ свои записки и снялъ очки.

— Мы не сочли нужнымъ идти дальше этого, сказалъ онъ.— Не найдете ли вы чего-нибудь что осталось необъясненнымъ?

Я подумала и не могла найти ни одного сколько-нибудь важнаго пункта который былъ бы оставленъ необъясненнымъ. Но имя мистрисъ Боли валомвило мнѣ одно обстоятельство которое мнѣ хотѣлось разъяснить вполнѣ.

— Говорили вы когда-нибудь съ мистеромъ Плейморомъ о прежней привязанности моего мужа къ мистрисъ Боли? спросила я.— Не говорилъ ли вамъ мистеръ Плейморъ почему Евстаеій не женился на ней по освобожденіи отъ суда?

— Я самъ предложилъ однажды этотъ вопросъ мистеру Плеймору и онъ отвѣчалъ мнѣ безъ затрудненія, сказалъ Веніаминъ.— Вашъ мужъ совѣтовался съ нимъ когда писалъ послѣ суда свое письмо къ мистрисъ Боли, и мистеръ Плейморъ передалъ мнѣ содержаніе этого письма. Хотите чтобъ я въ свою очередь повторилъ вамъ его какъ запомнилъ?

Я отвѣчала утвердительно. То что передалъ мнѣ Веніаминъ вполнѣ согласовалось съ тѣмъ что я слышала объ этомъ отъ Декстера и что передала въ тридцатой главѣ моего разказа. Мистрисъ Боли была свидѣтельницей публичнаго униженія моего мужа. Это само по себѣ было достаточною причиною чтобъ отвратить его отъ женитьбы на ней. Онъ разорвалъ съ ней по той же причинѣ которая побудила его покинуть меня. Онъ не чувствовалъ въ себѣ достаточно мужества чтобы жить съ женщиной знавшей что его судила какъ убійцу и что ему угрожала висѣлица. Объясненіе мистера Плеймора согласовалось во всѣхъ подробностяхъ съ объясненіемъ Декстера. Мое ревнивое любопытство было наконецъ удовлетворено вполнѣ и Веніаминъ могъ оставить въ покоѣ прошлое и перейти къ болѣе критическому и къ болѣе интересному разговору о будущемъ.

Его первые вопросы касались Евстаеія. Онъ спросилъ имѣеть ли мой мужъ какія-нибудь подозрѣнія насчетъ того что произошло въ Гленвикъ.

Я разказала ему что случилось и какъ мнѣ удалось отсрочить на время неизбежное объясненіе.

Лицо моего стараго друга прояснилось.

— Это будетъ хорошею новостью для мистера Плеймора, сказалъ онъ.— Нашъ добрый другъ сильно опасается что

сдѣланныя нами открытія повредятъ вашему супружескому счастію. Съ одной стороны, ему очень хочется освободить вашего мужа отъ страданія которое причинитъ ему чтеніе предсмертнаго признанія его покойной жены, съ другой стороны, онъ считаетъ рѣшительно невозможительнымъ утаить документъ имѣющій такое важное значеніе для вашихъ будущихъ дѣтей, документъ очищающій имя ихъ отца отъ пятна оставленнаго на немъ шотландскимъ вердиктомъ.

— Какъ же онъ думаетъ выйти изъ этого затрудненія? спросила я.

— Онъ находитъ только одинъ исходъ изъ затрудненія, отвѣчалъ Веніаминъ.— Онъ намѣревается залечатая возстановленный документъ вмѣстѣ съ подробнымъ изложеніемъ обстоятельствъ при которыхъ онъ былъ отысканъ, подписаннымъ мною и вами какъ свидѣтелями, и передать конвертъ вамъ. Вы же объяснитесь съ мужемъ когда сочтете это удобнымъ, и предоставите Евстаею рѣшить распечатаетъ ли онъ конвертъ самъ, или оставитъ его нераспечатаннымъ въ наслѣдство своимъ дѣтямъ, съ тѣмъ чтобъ они, достигнувъ совершеннолѣтія, могли пестуניתъ съ лисьмомъ какъ имъ заблагоразсудится. Одобряете вы такое рѣшеніе, другъ мой? Или вы предпочтете чтобы мистеръ Плейморъ объяснился съ вашимъ мужемъ самъ?

Я не колеблясь предпочла взять отвѣтственность на себя. Тамъ гдѣ дѣло шло о томъ чтобы направить рѣшеніе Евстаея въ ту или другую сторону, я считала свое вліяніе положительно сильнѣе вліянія мистера Плеймора. Мой выборъ былъ вполне одобренъ Веніаминомъ. Онъ сказалъ что въ этотъ же день напишетъ мистеру Плеймору и усложнитъ его.

Единственный вопросъ который предстояло теперь рѣшить касался нашего возвращенія въ Англію. Рѣшеніе этого вопроса зависѣло отъ докторовъ и я рѣшила посоветоваться съ ними въ ихъ ближайшій визитъ къ Евстаею.

— Не желаете ли вы спросить меня еще о чемъ-нибудь? сказалъ Веніаминъ открывая свой лисьменный ящикъ.

Я вспомнила Декстера и Аріэль и спросила не знаетъ ли онъ какъ они проживаютъ. Мой добрый другъ вздохнулъ и предупредилъ меня что я коснулась очень печальнаго предмета.

— Лучшее что можетъ случиться съ этимъ несчастнымъ

по всей вѣроятности случится скоро, сказалъ онъ.—Единственная перемѣна замѣтная въ немъ угрожаетъ параличемъ. Очень можетъ-быть что вы услышите объ его смерти прежде чѣмъ вернетесь въ Англiю.

— А Ариэль? спросила я.

— Ариэль нисколько не измѣнилась, отвѣчала Веріаминъ.— Она вполнѣ счастлива пока находится съ своимъ хозяиномъ. Судя по тому что я слышала о ней, она не причисляетъ Декстера къ числу смертныхъ. Она смѣется когда говорятъ что онъ умретъ и вполнѣ увѣрена что онъ когда-нибудь опять узнаетъ ее.

Послѣднія извѣстія огорчили меня и отняли у меня охоту продолжать разговоръ. Я оставила Веріамина писать письмо.

Г Л А В А L.

Окончаніе разказа.

Десять дней спустя мы возвратились въ Англiю въ сопровожденіи Веріамина.

Домъ мистрисъ Макалланъ въ Лондонѣ былъ предоставленъ въ наше полное распоряженіе. Мы охотно приняли ея предложеніе остаться у нея пока не родится нашъ ребенокъ и пока не опредѣлятся наши планы на будущее.

Вскорѣ по возвращеніи въ Англiю я получила изъ дома умалишенныхъ печальное извѣстіе къ которому Веріаминъ приготовилъ меня въ Парижѣ. Мизерримусъ Декстеръ освободился наконецъ отъ бремени жизни. За нѣсколько часовъ до кончины онъ ненадолго пришелъ въ себя и узналъ Ариэль. Онъ произнесъ ея имя, поглядѣлъ на нее и спросилъ обо мнѣ. Окружающіе хотѣли послать за мной, но было уже поздно. Прежде чѣмъ посланный успѣлъ выйти изъ дома Декстеръ сказалъ съ своимъ прежнимъ высокоуміемъ: „можете всѣ вы! мой мозгъ утомленъ, я хочу спать.“ Онъ задремалъ и больше не просыпался. Такъ скончался безъ горести и страданія этотъ странный человекъ. Такъ протекала и исчезла какъ сонъ эта странная, многосторонняя жизнь съ ея проступками и страданіями, съ ея калризмными проблесками поэзіи и юмора, съ ея фантастическою веселостію, съ ея жестокостію и тщеславіемъ.

Бѣдная Аріэль! Она жила только для хозяина. Когда хозяинъ не стало, ей осталось только послѣдовать за нимъ.

Ей позволили присутствовать на похоронахъ Мизерримуса Декстера, въ надеждѣ что эта церемонія убѣдитъ ее въ его смерти. Ожиданіе не оправдалось, она попрежнему не хотѣла вѣрить что хозяинъ покинулъ ее. Несчастную могли удержать на мѣстѣ только силой когда гробъ опустили въ могилу и силой увели ее съ кладбища. Съ этихъ поръ ея жизнь была непрерывною смѣной приладковъ бѣшенства и летаргическаго спокойствія. Наконецъ въ день ежегоднаго бала въ домѣ умалишенныхъ, немного раньше полуночи, разнеслась тревожная вѣсть что Аріэль пропала. Сидѣлка ходившая за ней, видя что она уснула, поддалась искушенію сойти внизъ и поглядѣть на танцы. Когда она вернулась наверхъ, Аріэли уже не было. Присутствіе постороннихъ и суета всегда сопровождающая балъ дали Аріэль возможность уйти изъ дома незамѣченною. Всѣ ночные поиски были тщетны, но утромъ на разсвѣтѣ ее нашли умершею отъ холода и истощенія на могилѣ Мизерримуса Декстера. Преданная до конца Аріэль послѣдовала за своимъ хозяиномъ, преданная до конца Аріэль умерла на могилѣ своего хозяина.

Написавъ эти печальныя строки, я охотно перехожу къ менѣе тяжелому предмету.

Послѣ достопамятнаго дня моей встрѣчи съ леди Клариндой на обѣдѣ майора, судьба удалила меня отъ современнаго Донъ-Жуана. Я долгое время ничего не слыхала о немъ и сознаюсь со стыдомъ что я уже почти забыла его когда онъ невзначай напомнилъ мнѣ о себѣ пригласительнымъ билетомъ на свою свадьбу. Майоръ рѣшился наконецъ жениться! И что еще удивительнѣе, майоръ избралъ законною властительницей своего домашняго очага и своей особы „будущую царицу лѣтнія“, разодѣтую молодую особу съ круглыми глазами и рѣзкимъ голосомъ.

Мы сдѣлали новобрачнымъ поздравительный визитъ и отъ души пожалѣли майора Фитцъ-Девида.

Женитьба такъ измѣнила моего прежняго веселаго и любезнаго поклонника что я едва узнала его. Онъ отказался отъ всякихъ претензій на молодость, онъ открыто и беззащитно призналъ себя старикомъ. Стоя позади кресла на которомъ возсѣдала его поведительная молодая жена, онъ смотрѣлъ на нее такъ какъ будто ждалъ ея позволенія чтобы

открыть ротъ. Когда она перебивала его (что она дѣлала безпрестанно и безъ всякой церемоніи) онъ умокалъ съ такою старческою покорностью и съ такимъ восторженнымъ взглядомъ что мнѣ было совѣстно смотрѣть на него.

— Не правда ли какъ она прекрасна? сказалъ онъ мнѣ въ присутствіи жены и настолько громко что она могла слышать. — Что за фигура и что за голосъ! Вы помните ея голосъ? Да, оперная сцена понесла въ ней незамѣнимую утрату. Когда я подумаю что могла бы сдѣлать эта тааааааааа женщина, я спрашиваю себя, имѣлъ ли я право жениться на ней? Повѣрите ли, мнѣ иногда кажется что я совершилъ кражу у публики.

Что касается виновницы этихъ восторговъ и сожалѣній, она благоволила принять меня какъ стараго друга. Пока Евстаеій говорилъ съ ея мужемъ, она отвела меня въ сторону и объяснила мнѣ съ самою безстыдною откровенностью причины побудившія ее выйти за майора.

— Семейство наше большое и нисколько не обезпечено, сказала мнѣ эта странная молодая женщина. — Я знаю что я никогда не сдѣлалась бы „царицей лѣвнѣ“ или чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ. Все это одни слова. Бывая въ оперѣ и учаъ сама я поняла какъ трудно сдѣлаться хорошею лѣвницей. У меня нѣтъ такого терпѣнія какъ у этихъ черномазыхъ иностранокъ. Я ненавижу ихъ. Гораздо легче было сдѣлаться богатою, выйдя замужъ за этого старика. Теперь я обезпечена и все мое семейство обезпечено, и у меня нѣтъ другаго занятія какъ только тратить деньги. Я люблю мое семейство, я добрая дочь и добрая сестра. Взгляните какъ я одѣта, взгляните на убранство дома. Я поступила не глупо, не правда ли? Имѣть мужемъ старика большое преимущество, вы можете вертѣть имъ какъ угодно. Счастлива ли я? О, да, я вполнѣ счастлива! Надѣюсь что вы тоже счастливы! Гдѣ вы живете теперь? Я пріѣду къ вамъ, мнѣ хочется поболтать съ вами. Вы всегда нравились мнѣ, а теперь, когда я ничѣмъ не хуже васъ, я хочу подружиться съ вами.

Я отвѣчала на это кратко и учтиво, но въ душѣ рѣшила что она не войдетъ въ дверь моего дома когда пріѣдетъ на вѣститъ меня. Она была мнѣ противна. Когда женщина продаетъ себя мушницѣ, этотъ позорный поступокъ по моему мнѣнію одинаково ужасенъ совершается ли онъ съ освященіемъ церкви и закона или безъ онаго.

Когда я сижу теперь у моего письменнаго стола, приложившая прошлое, майоръ и его жена изглаживаются изъ моей памяти, и мое вниманіе сосредоточивается на сценѣ которую я заключу мой разказъ.

Дѣйствіе происходитъ въ моей спальнѣ. Дѣйствующія лица (оба въ постели, если вы извините ихъ) я и мой сынъ, которому уже три недѣли. Мой добрый дядя Старкъуэзеръ скоро прѣвѣдетъ въ Лондонъ чтобъ окрестить его. Мистрисъ Макалланъ будетъ его крестною матерью, а его крестными отцами будутъ Веніаминъ и мистеръ Плейморъ. Желала бы я знать, пройдутъ ли крестины моего ребенка веселѣе чѣмъ прошла моя свадьба?

Докторъ только-что ушелъ отъ насъ нѣсколько встревоженный на мой счетъ. Онъ нашелъ меня (какъ всегда въ послѣднее время) полулежащею въ моемъ креслѣ, но въ этотъ разъ онъ замѣтилъ во мнѣ симптомы слабости показавшіеся ему необъяснимыми и предписалъ мнѣ лечь въ постель.

Я не сказала ему что удивившіе его симптомы были слѣдствіемъ двухъ причинъ — безлокоиства и сомнѣнія.

Въ этотъ день я наконецъ собралась съ духомъ и рѣшилась исполнить обѣщаніе которое дала мужу въ Парижѣ. Евстаѣй уже знаетъ какъ было отыскано признаніе его жены, знаетъ что это признаніе по мнѣнію такого авторитетнаго лица какъ мистеръ Плейморъ можетъ послужить средствомъ для его публичнаго оправданія въ судѣ и, главное, знаетъ что наши открытія хранились до сихъ поръ въ тайнѣ отъ него ради его спокойствія и изъ снисхожденія къ памяти его покойной жены.

Эти необходимыя признанія я сдѣлала мужу не устно — когда настало время у меня не хватило духа заговорить съ нимъ о его первой женѣ — но посредствомъ письменнаго разказа, основаннаго преимущественно на письмахъ ко мнѣ Веніамина и мистера Плеймора. Онъ уже имѣлъ достаточно времени чтобы прочесть мой разказъ и чтобы подумать надъ нимъ въ уединеніи своего кабинета. Я жду, съ роковымъ письмомъ въ рукѣ, услышать его рѣшеніе. Свекровь моя ждетъ въ сосѣдней комнатѣ.

Проходитъ еще десять минутъ, а его все нѣтъ. Чѣмъ долѣе я жду, тѣмъ сильнѣе мучатъ меня мои сомнѣнія насчетъ его рѣшенія. Самое обладаніе письмомъ при разстроенномъ состояніи моихъ нервовъ тяготитъ меня. Мнѣ про-

тивно держать его, мнѣ противно видѣть его. Я безпокойно перекалдываю его съ мѣста на мѣсто на постелѣ и все никакъ не могу забыть о немъ. Наконецъ мнѣ приходитъ странная фантазія. Я беру письмо и кладу его подъ ручку спящаго младенца, и соединивъ такимъ образомъ это страшное признаніе съ младенческою прелестью и невинностью какъ будто очищаю и освящаю его.

Проходитъ еще полчаса и наконецъ на лѣстницѣ слышатся шаги Евстаѳа. Онъ тихо стучитъ въ дверь и входитъ въ комнату.

Онъ смертельно блѣденъ и мнѣ кажется что на лицѣ его видны слѣды слезъ. Но онъ ничѣмъ не выдаетъ своего волненія когда садится возлѣ меня. Я понимаю что онъ ради меня не шелъ ко мнѣ пока не овладѣлъ собою.

Онъ беретъ мою руку и нѣжно цѣлуетъ меня.

— Валерія, говоритъ онъ, — я долженъ попросить у тебя еще разъ прощенія въ томъ что я говорилъ и дѣлалъ въ бывшее время. Если я не понималъ ничего другаго, дорогая моя, я понималъ по крайней мѣрѣ то что доказательство моей невинности отыскано и что я обязанъ этимъ исключительно мужеству и преданности моей жены.

Я молчу нѣсколько времени, вполнѣ наслаждаясь счастіемъ слышать эти слова и видѣть любовь и благодарность выражающіяся въ его влажныхъ глазахъ. Потомъ я собираюсь съ духомъ и предлагаю вопросъ отъ котораго зависитъ наше будущее.

— Хочешь ты прочесть письмо, Евстаѳій?

Вмѣсто того чтобъ отвѣтить прямо, онъ начинаетъ расспрашивать меня.

— Письмо у тебя?

— У меня.

— Залечатанное?

— Залечатанное.

Онъ молчитъ обдумывая то что намѣревается сказать.

— Позволь мнѣ увѣриться что я понимаю мое положеніе, продолжаетъ онъ. — Положимъ что я рѣшусь прочесть письмо....

Я прерываю его. Я знаю что я обязана воздерживаться отъ выраженія своихъ чувствъ, но въ этотъ разъ я не въ силахъ исполнить мою обязанность.

— Милый мой, не читай письма, пощади себя...

Онъ останавливаетъ меня.

— Я думаю не о себѣ, говоритъ онъ. — Я думаю о моей покойной женѣ. Думаешь ли ты какъ и мистеръ Плейморъ что если я откажусь отъ публичнаго оправданія себя въ теченіе своей жизни, если я оставляю письмо нераспечатаннымъ, то я поощаю этимъ память моей покойной жены?

— О, Евстаеій, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія!

— Искулаю ли я этимъ хоть сколько-нибудь страданіе которое неумышленно причинилъ ей во время ея жизни со мной?

— Да, да!

— Но будешь ли ты довольна мною, Валерія?

— Милый мой, я буду въ восторгѣ.

— Гдѣ письмо?

— Въ рукѣ твоего сына, Евстаеій.

Онъ переходитъ на другую сторону постели и подноситъ къ губамъ розовую ручку младенца. Онъ стоитъ такъ нѣсколько минутъ въ грустномъ совѣщаніи съ самимъ собою. Я вижу что его мать тихо отворяетъ дверь и слѣдитъ за нимъ какъ и я слѣжу за нимъ. Съ тяжелымъ вздохомъ онъ опускаетъ ручку младенца на запечатанное письмо и этииъ дѣйствиємъ говоритъ какъ бы словами: я оставляю его тебѣ!

Вотъ какъ это кончилось. Не такъ какъ я ожидала, не такъ какъ можетъ-быть ожидали вы. Можемъ ли мы знать напередъ какъ исполнятся наши лучшія желанія? Будущее извѣстно одному Богу, и это къ лучшему.

Закрыть ли мнѣ рукопись? Да. Мнѣ больше [нечего сказать вамъ].

Кромѣ нѣсколькихъ словъ въ видѣ постскриптума. Не будьте слишкомъ строги, добрые люди, къ увлеченіямъ и ошибкамъ моего мужа. Браните меня сколько угодно. Но прошу васъ, ради меня, думайте снисходительно о Евстаеіи.

ОТЕЦЪ И СЫНЪ

ОПЫТЪ КУЛЬТУРНО-БИОГРАФИЧЕСКОЙ ХРОНИКИ

Предлагаемая хроника составилась случайно. Большинству читателей герои ея, Второвы, едва ли извѣстны; но многими книжнымъ, литературнымъ людямъ, мы полагаемъ, еще памятно имя Второва-сына какъ издателя старинныхъ актовъ и автора нѣсколькихъ сочиненій, какъ лица вокругъ котораго въ одномъ изъ нашихъ губернскихъ городовъ образовался въ пятидесятыхъ годахъ литературный кружокъ, какъ дѣятеля въ послѣдней реформѣ по городскому управленію. Авторъ настоящей хроники, самъ нѣкогда принадлежавшій къ названному кружку, лично знавшій Второва и хорошо знакомый съ его дѣятельностью въ провинціи, давно задумалъ составить его біографію. Знакомство съ семейными бумагами Н. И. Второва (дневниками, записками, письмами и т. п.) неволью, независимо отъ автора, вызывало къ литературной жизни другое лицо, уже рѣшительно никому неизвѣстное, точнѣе, давно забытое, Второва-отца. Такимъ образомъ вмѣсто одной задуманной біографіи составились дѣтъ въ тѣсной связи между собою и изъ коихъ первую, касающуюся Второва-отца, предлагаемъ нынѣ на судъ читателей. Второвъ-отецъ былъ въ свое время, въ концѣ прошлаго и въ первой четверти нынѣшняго вѣка, тоже *известность*, замѣ

чательность, хотя и провинціальная. Онъ былъ знакомъ почти со всеми писателями своего времени; онъ собралъ замѣчательную библіотеку, изъ которой образовалась потомъ Казанская городская библіотека; онъ зналъ почти все Поволжье, гдѣ жилъ и дѣйствовалъ не безплодно. Если не масонъ, то ученикъ масоновъ, онъ былъ для своего времени весьма типичною личностію, по развитію и образованію стоялъ въ числѣ передовыхъ людей; хотя и занималъ самое скромное положеніе, не на вершинахъ общественности, а на одномъ изъ фланговъ общественнаго строя.

При составленіи настоящей хроники мы встрѣтили самое живое содѣйствіе и предупредительную помощь со стороны профессора Казанскаго университета Н. Н. Булича, воспользовавшаго наше незнакомство съ Поволжьемъ и съ казанскою стариною. Мы обязаны также многими указаніями К. О. Александрову-Дольнику, А. Д. Шумахеру и графу В. А. Соллогубу. Цѣль наша будетъ вполнѣ достигнута если предлагаемый читателю опытъ, при всѣхъ его недостаткахъ, окажется полезнымъ въ русской литературѣ.

I.

(1772—1793).

Родъ Второвыхъ.—Дѣтство и юность И. А. Второва.—Н. И. Веревкинъ и учителя высшаго народнаго училища въ Симбирскѣ.—Дневники и тогдашнее ихъ значеніе.—Мать Второва и старшая сестра его пресаддуютъ.—Самообразование и служба.—Характеристика Н. М. Веревкина.—Чтеніе книгъ и живыя бесѣды Второва съ симбирскими и казанскими педагогами.—Масонскіе идеалы и вражда къ нимъ современнаго общества.—Семейство Курофдовыхъ.—Путешествіе Второва въ Макаръевъ (на армярку) и въ Казань.—Д. К. Крашенинниковъ.—Переѣздъ въ Самару.

Второвы ведутъ свой родъ изъ Оренбурга, гдѣ дѣдъ Второва отца, Андрей Прокофьевичъ, служилъ въ царствованіе императрицъ Анны Ивановны и Елисаветы Петровны при оренбургскомъ губернаторѣ Неллюевѣ,* правителемъ его канцеляріи, и въ 1756 году былъ произведенъ въ чинъ кол-

* И. И. Неллюевъ (1693—1773) питомецъ Петра Великаго, собиравшій о немъ любопытные разказы въ своей автобіографіи, напечатанной въ *Русск. Архивъ* 1871 года, стр. 577—693.

лежскаго секретаря. У него было три старшіе брата въ Москвѣ, изъ которыхъ одинъ былъ капитаномъ морской службы, другой содержателемъ типографіи, третій—протоіереемъ. Несомнѣнно что и Андрей Второвъ былъ выходцемъ изъ Москвы, гдѣ его родъ принадлежалъ или къ приказному, или къ духовному сословію, но не къ дворянскому. Дворянство приобрѣтено уже Иваномъ Алексѣевичемъ Второвымъ за тридцатилѣтнюю службу, съ полученіемъ ордена Св. Владимира 4й степени, въ 1827 году. Объ Андрѣ Прокофьевичѣ Второвѣ долго сохранялось въ Оренбургѣ воспоминаніе какъ объ умномъ и *честномъ* человѣкѣ. Последнее качество въ ту пору составляло въ служиломъ сословіи величайшую рѣдкость, а присутствіе его въ Андрѣ доказывается тѣмъ что онъ не оставилъ своимъ дѣтямъ (четыремъ сыновьямъ и дочери) ровно никакого состоянія. Изъ нихъ второй, Алексѣй, служилъ въ Оренбургѣ, въ почтовомъ правленіи регистраторомъ, и былъ женатъ на самарской дворянкѣ Акулинѣ Ивановнѣ, изъ рода Пяткиныхъ. У нихъ былъ свой домъ въ Оренбургѣ и трое дѣтей: сынъ Иванъ и двѣ дочери, Катерина и Александра. Но кромѣ дома и дворовой дѣвки, женинаго приданаго, Алексѣй Андреевичъ Второвъ, умершій въ 1779 году, въ чинѣ коллежскаго секретаря, также какъ и отецъ его, ничего не оставилъ своимъ наслѣдникамъ. Итакъ, герои нашей хроники принадлежатъ къ младшей линіи Второвыхъ, доселѣ существующей, между тѣмъ какъ была старшая, давно прекратившаяся. Ее составляло потомство Бориса Андреевича, старшаго брата Алексѣя: его сынъ Петръ Борисовичъ и внукъ Андрей Петровичъ; о нихъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

По смерти мужа, Акулина Ивановна Второва переѣхала изъ Петербурга на родину, въ Самарскую „округу“, гдѣ у нея было много родни между тамошнимъ дворянствомъ и не мало „милостивцевъ“. Но родня эта (Пяткины, Лопатины, Алампіевы, Бушуевы, Бронскіе, Мильковичи и пр.) или сама пребывала въ крайней бѣдности (какъ Пяткины), или не особенно торопилась выраженіемъ своего сочувствія къ положенію бѣдной родственницы, какъ напримѣръ братъ и сестра Бушуевы, изъ которыхъ первый (Алексѣй Михайловичъ) въ началѣ девяностыхъ годовъ прошлаго вѣка служилъ вице-губернаторомъ въ Новгородъ-Сѣверскъ, а вторая (Настасья Михайловна) жила въ Казани и почему-то играла тамъ значитель-

ную роль. Но, тѣмъ не менѣе, положеніе дворянки и силь- ный, мужественный характеръ спасли Акулину Ивановну если не отъ голодной смерти, то отъ крайней нищеты. Остав- шись вдовой съ тремя дѣтьми и безъ всякихъ средствъ къ жизни, она не потерялась: она сумѣла возбудить къ себѣ со- чувствіе въ обществѣ, заботливо относилась къ воспитанію своихъ дѣтей и, какъ увидимъ, держала всѣхъ ихъ въ грозѣ и страхѣ. Она едва ли знала грамоту, но дѣтей своихъ вы- учила читать и писать и, при всей крайней бѣдности, крѣп- ко держалась за свои дворянскія привилегіи, научая и дѣ- тей дорожить ими.

Иванъ Алексѣевичъ Второвъ родился 1го іюня 1772 года, въ деревнѣ Ласкаревкѣ, Бузулукскаго уѣзда, и по смерти от- ца остался шести лѣтъ отъ роду, но уже былъ обученъ рус- кой грамотѣ, то-есть умѣлъ читать и писать. О бѣдности Второвой можно судить по тому что она принуждена была опредѣлить шестилѣтняго своего сына въ татарскую школу учителемъ русской грамоты, съ жалованьемъ за этотъ трудъ по тридцати рублей въ годъ, такъ говоритъ самъ сынъ, но подробностей объ этомъ оригинальномъ учительствѣ мы не знаемъ. Но въ 1781 году въ судьбѣ Второвыхъ произошла важная перемѣна. Къ нимъ въ это время пріѣхалъ изъ Са- мары майоръ Бронскій, двоюродный братъ Второвой, по со- вѣту котораго маленькаго Второва взяли изъ училища и от- правили въ Самару вмѣстѣ съ этимъ родственникомъ; вслѣдъ за сыномъ переѣхала туда и мать. Майоръ хотѣлъ записать его въ гарнизонный баталіонъ, но почему-то раздумалъ и опредѣлилъ въ новооткрытый тогда въ Самарѣ уѣздный судъ, гдѣ Иванъ Алексѣевичъ, съ десятилѣтняго своего возраста, служилъ до 1792 года. Въ этомъ послѣднемъ году, имѣя де- вятнадцать лѣтъ отъ роду, онъ былъ переведенъ (въ январѣ) въ губернскій городъ Симбирскъ, въ намѣстническое правле- ніе и былъ назначенъ для писмоводства къ губернскому прокурору Андрею Семеновичу Далтеву. Только здѣсь, по его словамъ, онъ началъ сознавать себя человѣкомъ, подав- ляемый до тѣхъ поръ совершеннымъ ничтожествомъ канце- лярскаго служителя-малолѣтка, но и здѣсь, въ жалкомъ по- ложеніи канцеляриста, не замедлила обнаружиться дарови- тость его натуры. „Склонность моя къ наукамъ (то-есть къ образованію, къ чтенію книгъ), говоритъ онъ, съ десятилѣт- няго возраста была непродолима. Я читалъ съ жадностію

всякія книги, какія мнѣ тогда ни попадались, и даже самъ собою выучился рисовать“. Вотъ что говоритъ въ своихъ запискахъ объ этой порѣ его жизни сынъ его: „Отецъ мой представляетъ собою для меня рѣдкій, поучительный примѣръ. Въ бѣдности, въ кругу невѣждъ и развратныхъ людей, бывшихъ товарищами его по службѣ, порокъ не коснулся его чистаго, прекраснаго сердца. Онъ бѣгалъ своихъ товарищей и въ одиночествѣ искалъ услажденія въ любимыхъ занятіяхъ—въ чтеніи книгъ, сочиненіяхъ и рисованіи. Но благородныя порывы и дома встрѣчали прелютствія: мать его, женщина безо всякаго образованія, смотрѣла на занятія ребенка (жалованьемъ котораго она пользовалась), какъ на шалости, отнимала у него книги, рвала и жгла его тетради и рисунки, не давала ему по вечерамъ свѣчь чтобъ онъ не занимался пустяками и не портилъ глаза. О какомъ-нибудь протестѣ противъ материнскаго произвола канцеляристъ-мальчикъ, конечно, не помышлялъ и думать. Но всякаго рода стѣсненія только возбуждали его энергію; едва достигнувъ четырнадцати лѣтъ, Второвъ началъ уже вести журналъ, записывая ежедневно все что съ нимъ случалось. Изъ этихъ записокъ черезъ два года составилаь большая книга, которую разсматривая потомъ черезъ нѣсколько времени онъ бросилъ въ огонь „стыдась, какъ онъ замѣчаетъ, своихъ глупостей“. Но съ 1792 года, по переходѣ въ Симбирскъ, журналъ былъ возобновленъ и продолжался до самой смерти автора. Въ Симбирскѣ, какъ въ городѣ губернскомъ, Второвъ нашелъ и общество пообразованнѣе и средствъ къ самообразованію больше чѣмъ въ Самарѣ. Онъ прежде всего познакомился со всѣми учителями высшаго народнаго училища (въ послѣдствіи — гимназій), бралъ изъ училищной библіотеки книги и даже слушалъ уроки. Первымъ наставникомъ его и другомъ сдѣлался Николай Матвѣевичъ Веревкинъ, * человекъ, по словамъ Второва, ученый и занимавшійся литературой. Съ помощью его Иванъ Алексѣевичъ познакомился съ грамматикой, поэзіей, исторіей, географіей, физикой, геометрией и съ французскимъ языкомъ. Они болѣе года прожили вмѣстѣ, ежедневно видѣлись, вмѣстѣ читали, писали, вмѣстѣ учи-

* Намъ неизвѣстно былъ ли онъ въ родствѣ съ М. И. Веревкинымъ, первымъ „командиромъ“ (директоромъ) Казанскихъ гимназій (дворянской и разночинской).

лись. Все что произвела тогдашняя русская литература было прочтано ими съ жадностію, было ими усвоено; по крайней мѣрѣ на Второвѣ это чтеніе отразилось самымъ рѣшительнымъ образомъ. Пора къ которой принадлежитъ его развитіе была цвѣтущимъ временемъ типографской и литературной дѣятельности Н. И. Новикова. Книгъ выходило очень много; книги продавались не только по губернскимъ городамъ, въ особыхъ лавкахъ, но и по уѣзднымъ, на рукахъ купцовъ, комиссіонеровъ Типографской Компаніи, бакалейныхъ торговцевъ и краснорядцевъ. Къ этой же порѣ относится начало литературной дѣятельности Карамзина, пріобрѣтшаго тотчасъ же громадную популярность, тѣмъ большую на его родинѣ, гдѣ жилъ юноша Второвъ. Итакъ масонская литература и отчасти родственное ей, сентиментальное направленіе питали Второва и его друзей, кромѣ названнаго уже Веревкина, учителей вышшаго народнаго училища: Тихонравова, Цвѣткова, Шуткина и стихотворца Иванова. Окружающая ихъ жизнь представляла діаметральную противоположность съ тѣмъ что они вычитывали въ книгахъ,—и вотъ наши юноши стали себя перевоспитывать, передѣлывать, подгонять себя къ тому идеалу нравственнаго совершенствованія который заявлялся масонскими мыслителями. Сами они (по крайней мѣрѣ Второвъ) никогда не принадлежали къ масонскимъ ломамъ, подсмѣивались надъ ихъ ритуаломъ и мистицизмомъ; но идеальныя стремленія масонства положили на нихъ свою неизгладимую печать. Въ борьбѣ духа съ подавляющими и поработающими его всякаго рода матеріальными инстинктами наши юноши не уступали аскетамъ. Подобно аскетамъ, они молились, налагали на себя посты, бичевали себя раскаяніемъ, правда, выражавшимся главнымъ образомъ потоками фразъ записываемыхъ въ дневники, вести которые сдѣлалось для нихъ нравственною потребностію какъ наилучшее средство къ самоусовершенствованію. Всю эту работу надъ самимъ собою продѣлывалъ и Второвъ, юноша горячаго нрава и пылкой натуры, обуздать которую въ 20 лѣтъ и при недостаточности воспитанія ему было очень трудно. Почти на первой страницѣ своего журнала вотъ что онъ пишетъ: „я желаю чтобы добродѣтель, сія любезная слутница къ благополучію, не оставляла меня;

пороки бы не овладѣли мною, и я въ уединеніи забавлялся бы науками. Вся моя веселость въ книгахъ и больше ничего мнѣ не надобно“. Но что же мѣшаетъ достигнуть такой цѣли? Уединенію—бѣдность и семейство; добродѣтели и образованію—„пороки, сіи чудовища, которыя находятъ способы развращать молодыхъ людей“ и къ числу которыхъ причислялись лишній часъ отдыха, она, лишній кусокъ пищи, лишняя рюмка вина и т. п. Второву и его сверстникамъ, почти мальчикамъ, стоящимъ въ низменныхъ рядахъ тогдашняго губернскаго общества, вращавшимся лишь въ приказномъ, канцелярскомъ мірѣ, не легко было жить: они казались странными, надъ ними смѣялись; насмѣшки товарищей доходили до слуха лицъ повыше поставленныхъ, начальствующихъ. Эти послѣдніе, волею-неволею, стали обращать вниманіе на Второва и подобныхъ ему юношей, и не находя въ нихъ (что и естественно) канцелярскаго, служебнаго усердія, пыла (а можетъ-быть и знанія), начали коситься, а потомъ и распекать, грозить удаленіемъ отъ службы, то-есть лишеніемъ куска хлѣба.

По вступленіи на службу И. А. Второва въ Симбарское намѣстническое правленіе, перѣехала къ нему изъ Самары мать съ сестрами, въ началѣ сентября 1792 года. Въ то время такой небольшой путь по Волгѣ, какъ разстояніе отъ Самары до Симбирска, былъ еще не безопасенъ отъ разбойниковъ, которые до чиста ограбили бѣдную вдову. Второвы помѣстались въ домѣ купца Кожина, въ одной комнатѣ. Мать Второва была, какъ мы видѣли, женщина съ характеромъ, но горячая и калризная; понять сына, его стремленій, она не могла; сестра его, Катерина, гораздо старшая его дѣтми, не далеко ушла отъ матери во всѣхъ отношеніяхъ; но меньшая, Александра, была другаго нрава: она симпатизировала брату и вскорѣ сдѣлалась его любимицей. Семейство Второвыхъ содержалось на скудныя средства Ивана Алексѣевича; но у матери и старшей сестры не было столько деликатности чтобы понять чѣмъ они ему обязаны и какія лишенія онъ изъ-за нихъ терпитъ. Мать точно также и въ Симбирскѣ, какъ это дѣлала она въ Самарѣ, не давала ему заниматься, тушила и отнимала свѣчи, дѣлала сцены которыми разгоняла гостей его; не скупилась на распеканія за то что онъ мало занимается дѣломъ, службою,

и считала что сынъ бьетъ баклуши проводя время съ книгами въ обществѣ учителей. При горячности сына, такіа отношенія производили не только бури, шумъ и брань, но не рѣдко и драки. Выписываемъ изъ дневника Второва эти мѣста, не лишеныя интереса для характеристики нравовъ прошлаго столѣтія.

8го декабря 1792 года. „Свѣтаеть.... Я обуваюсь. Матужка начинается разговоръ о дѣлѣ, обыкновенные разговоры!.. Терзаеть меня упреками, мучить разсужденіями, которыя опровергать мнѣ всего мучительнѣе. Я уже ожесточень; рвусь, досадою, мѣшаю въ разговорахъ грубости противъ матери. Сбираюсь скоро чтобы бѣжать въ правленіе. Создатель мой! Ужели жестокое сіе начало предвѣщаетъ мнѣ несчастіе на весь день? Я иду теперь въ правленіе, что-то тамъ будетъ? Былъ въ правленіи, былъ и у прокурора. Писалъ, читалъ, ходилъ и пр. Трудился съ лучшимъ прилежаніемъ, однакожь измѣнилось окое; но не болѣе часа во всемъ днѣ были безполезны. Пообѣдалъ только, и больше не ужиналъ; однакожь и въ семь пунктѣ не безъ погрѣшности: брюхо изрядно было набито, но не противу прежнихъ пресыщеній. День прошелъ. Въ половинѣ 9го часа ночи пришелъ я въ квартиру. Окончаніе здѣсь было такое же, какъ и начало. Я терзался мучительными упреками родительницы; однако оныя были не по тому дѣлу какъ поутру, да и я, будучи невинень, хотя скрывалъ скорбь мою во внутренности и уже бѣшенства не оказывалъ, а былъ потише.“

14го декабря. „Сенгилейская женщина была у насъ въ квартирѣ и черезъ нея узнала матужка о платкѣ, стралчимъ тамошнимъ мнѣ даренномъ, котораго я не принялъ. Однако сіе было умолчено до вечера, и я, бывъ на базарѣ, пріѣхалъ въ правленіе, гдѣ по невоздержности, нажрался скоромныхъ лакомствъ и къ тому же соблазнилъ двухъ человекъ. Но что извѣстнать много о своихъ дурачествахъ,—довольно сказать что я былъ въ сей день преступникомъ закона Божія и закона натурального. Былъ наказанъ, и хотя чувствовалъ жестокость сего наказанія, однако не поправился, но увеличивалъ свои злодѣянія при сей казни. Какая ужасная пыла была за платокъ! Упреки въ „женскомъ разумѣ“ терзали меня и вырывали столь грубыя противъ родительницы слова что я былъ битъ; но и лобоз, кромѣ умноженія злобы моей, ничего не произвели. Приходитъ Андрей Ивановичъ Тихо-

правовъ, слышите нашъ раздоръ; мнѣ его жако; оны чувствуютъ неудовольствіе. Выходимъ съ нимъ вмѣстѣ. Я пришелъ къ нему, а черезъ часъ къ Николаю Матвѣичу (Ворезкину). Съ избитою головою хотя, однако упражнялся въ грамматикѣ, какъ у насъ было положено по вторникамъ и пятницамъ (былъ вторникъ).“

26го декабря. Проводивъ всѣхъ гостей вечеромъ, Иванъ Алексѣевичъ остался одинъ со стихотворцемъ Степаномъ Ивановичемъ Ивановымъ. Вотъ чтѣ произошло: „матушка о пустомъ совѣмъ, какъ и часто бываетъ, ругала меня. Я, терзаясь симъ, не молчалъ, но оправдывался. Ей казало грубо, пошла драка. При зостъ бытъ я стуломе и рукама. Какой стыдъ и какую скорбь я чувствовалъ, не буду изяснять! Должно плакать, находясь въ такихъ обстоятельствахъ; когда участь моя перемѣнится!“

22го января 1793. „Пріѣхала матушка отъ Курцова (О немъ см. ниже). Пошли вопросы и сужденія, мнѣ мучительныя. Я терзался, однако молчалъ: досада моя была сокрыта въ сердцѣ. Мать и сестра (Катерина) казались мнѣ мучительницами. О, злая жизнь моя! Какіе способы помогутъ мнѣ наслаждаться нѣкоторыми минутами спокойна? Книга *О познаніи самого себя* (Іоанна Массона) представляла мнѣ снести сіе безъ огорченія, а разсмотрѣ характеръ и нравствія моихъ мучителей, не досадовать на нихъ. Боже мой! Какъ же мнѣ снести: я не каменный! Характеръ ихъ мнѣ давно извѣстенъ, и я бы всегда прощалъ имъ ежели бы не заглушали оны мои совѣты и вѣрили бы тому что я правильно представляю. Но какъ же можно не мучиться когда оны, одерживая верхъ надо мною, повторяютъ мнѣ всѣ вѣщанія кои я забываю: ругаютъ и рвутъ меня такими наставленіями кои для меня заѣе яда“.

Цѣнность ограбленнаго имущества вдовы Второвой была опредѣлена во 150 рублей; отыскались и грабители, крестьяне окрестныхъ селъ. Начался искъ; но сначала земская полиція, а потомъ вѣданный судъ, обирая крестьянъ, тавули дѣла. И. А. Второвъ не только хлопоталъ въ судѣ по этому дѣлу, но и вѣздилъ по деревнямъ для разыскиванія пропавшихъ вещей; но матери и сестрѣ Катеринѣ всего этого казалося мало: медленность дѣла оны приписывали неумѣямо молодого человека, нежеланію имъ заняться какъ саидуетъ, новый матеріалъ для брани и вышеописанныхъ оцѣлъ. Не

конецъ 27го января Второвъ узналъ что дѣло его въ уѣздномъ судѣ рѣшено и что вмѣсто 150 рублей онъ получитъ только 70 руб. Отчаянію его не было границъ. Мысль что скажутъ его домашнія, мать и сестра, цѣлый день не давала ему покоя. Размышляя объ этомъ, онъ было рѣшился на самое благое дѣло: отослать свое семейство въ Самару, а самому одному жить въ Симбирскѣ, отдавая матери и сестрамъ большую половину своего жалованья; но, къ сожалѣнію, этотъ планъ онъ почему-то не исполнилъ. Между тѣмъ онъ приходитъ обѣдать и рассказываетъ о рѣшеніи суда. Произошла буря, о которой въ журналѣ подъ этимъ числомъ записаны слѣдующія строки: „Пошли укоризны мнѣ. Я рвусь, жестоко рвусь. Въ горести и досадѣ на мучителей моихъ не могъ пообѣдать порядочно. *Бѣгу изъ квартиры какъ изъ ада отъ фурій терзающихъ меня.*“ Побѣжалъ онъ въ свое милое пристанище, въ высшее народное училище, къ А. И. Тихонравову. „Здѣсь-то я нѣсколько облегчилъ мои прискорбія. Андрей Ивановичъ показывалъ мнѣ камни и руды, изъ коихъ по кусочку нѣкоторыхъ далъ мнѣ; допустилъ меня къ своей библіотекѣ и далъ мнѣ волю рыться въ ней. Тутъ-то я увеселялъ себя! Забылъ мои горести и пробылъ въ разсматриваніи разныхъ книгъ до самаго вечера, взявъ двѣ книги: *Премудрость и Добродѣтель* да Галловы *Размышленія*. За ужиномъ очень терзали меня мои мучительницы, *особенно сестра.*“ Меньшая сестра, Александра Алексѣевна, уже принадлежала къ новому тогда поколѣнію женщинъ. Она читала книги, вѣроятно тайкомъ отъ матери, по поводу ихъ разговаривала съ братомъ и однажды даже рѣшилась отправиться съ братомъ въ театръ переодѣтая въ мужское платье, смотрѣть представленіе *Мельника* Аблесимова и отъ видѣннаго была въ восторгѣ. По поводу ея у брата вырвались однажды слѣдующія мысли: „Александра, моя сестра, читала мнѣ (2го іюня) *Московский Журналъ*. Я услаждался тѣмъ и наставлялъ ее нѣкоторыми совѣтами и познаніями о жизни человѣческой и нравственности. Въ ней великія способности, особливо склонность къ наукамъ равная со мною. О, еслибы не бѣдность и не состояніе такое наше, да и полъ ея, то можетъ-быть въ семь человѣкъ увидѣло бы отечество не посредственнаго гражданина! („Это мои глупыя замѣчанія“, тутъ же, и одновременно добавлено авторомъ въ скобкахъ).“ Дѣло о разбойникахъ кончилось и того хуже чѣмъ оно было рѣшено: Второву

выдали всего 40 рублей, да росписку на 25 р. на имя заставителя. Этотъ новый, чиновничій грабежъ привелъ его въ отчаяніе и негодованіе; но одновременно же другое, повидимому ничтожное, событіе привело его въ восторгъ: 21го февраля, въ томъ же домѣ, онъ занялъ особую комнату! Вотъ что у него по этому поводу записано: „Благодарю Тебя, мой Создатель, что ты исполнилъ одно мое желаніе! Я теперь наслаждаюсь уединеніемъ: есть у меня особая горница! О, мой Творецъ милосердный! дозвожь мнѣ нынѣ исполнить мои обѣты. Я всегда ропталъ на то что окруженъ былъ моимъ семействомъ, которое, будучи со мною въ одномъ покоѣ, всегда препятствовало мнѣ наслаждаться спокойствіемъ и любезными мнѣ науками и чрезъ то дѣлало меня неспособнымъ ни къ какимъ упражненіямъ. Всегда былъ я слабъ и не воздерженъ ко всему, поставлялъ себя наравнѣ со скотомъ, чему (причиною) больше полагалъ безпокойство въ квартирѣ, и обѣщался: ежели Создатель наградить меня когда особымъ покоемъ, гдѣ бы никто не могъ нарушить моего спокойствія въ уединеніи, — сдѣлать планъ всѣмъ упражненіямъ моимъ, расположивъ часами и частями: сколько чего дѣлать, сколько спать и сколько ѣсть.“ Но особая комната однакожь не спасла, или мало спасала отъ семейныхъ неприятностей, какъ это обнаружилось менѣе чѣмъ черезъ мѣсяць. Воспользовавшись отдѣльною комнатою, Иванъ Алексѣевичъ немедленно приступилъ къ осуществленію своего плана. Начальническая угроза прокурора, выразившаяся словами: „ты у меня не спи! Я тебя разбужу!“ заставила его самымъ усерднымъ образомъ заниматься въ правленіи, въ которомъ, впрочемъ, онъ и безъ того проводилъ большую часть времени, приходя нерѣдко до свѣту, часто по вечерамъ, и всегда послѣ обѣда; но, какъ видно, чтеніе книгъ, писаніе писемъ, журнала, стиховъ, разговоры съ товарищами, больше занимали Второва чѣмъ дѣловые бумаги. Принудивъ себя посвятить все время сидѣнья въ правленіи имъ однимъ, Второвъ сдѣлалъ еще новое усиліе надъ самимъ собою, по части „умерщвленія чувствій“, то-есть чтобы „не переступать во всемъ границъ умѣренности и благоразумія: для этого онъ наложилъ на себя постъ — сталъ ѣсть по одному разу въ день. Все пошло какъ по маслу. Прокуроръ умилосердился и сама прокурорша, ласковая Анна Васильевна, похвалила искусство нашего автора въ чиненіи перьевъ, что доставило ему „неописанное

удовольствіе“ и пріятный сонъ въ ночь съ 9го на 10е марта. На другой день, 10го, хотя онъ и однажды поѣлъ, но „столь много что мнѣ тягостно было даже сидѣть, и отъ сего нѣкоторая слабость была видна въ моей дѣятельности“. Но на другой день, 11го, несмотря на двукратную, хотя и умѣренную вѣду, все обстояло благополучно до самаго вечера. Утромъ Второвъ занимался въ правленіи, послѣ обѣда учился географіи и потомъ отпраився въ народное училище, прямо въ классы къ А. И. Тихонравову, который былъ въ восторгѣ отъ его прихода и пустилъ его въ училищную бібліотеку. По окончаніи классовъ, они пошли въ квартиру Тихонравова, гдѣ занимались чтеніемъ новыхъ газетъ. Отъ Тихонравова Второвъ пошелъ въ правленіе, гдѣ посидѣвъ немного, возвратился домой въ 10мъ часу вечера, располагая еще часа два позаняться. „Но моя родительница“, говоритъ онъ, „на которую всегда я ролталъ за всѣ мои мученія, прекратила теченіе порядка моихъ дѣлъ. Я пришелъ часу въ 10мъ на квартиру, но она еще не спала. Велѣлъ огня подать, но сего не сдѣлали безъ шума и терзанія моего сердца жестокими укоризнами въ мотовствѣ и убыткѣхъ на свѣчи; сіи укоризны и ругательства продолжались съ часъ близко. Я не стерпѣвъ уже: сбросилъ огонь со стула и ушелъ въ правленіе. Тамъ-то я жестоко мучаюсь, проклиналъ мое семейство и собственную мою глупость... Возвратился часовъ въ 12 на квартиру, засталъ всѣхъ въ глубокомъ снѣ, да и самъ уснулъ.“

Справедливость, однакожь, требуетъ сказать что не всегда мать была виновницей этихъ семейныхъ дразгъ: случилось это и сынъ подавалъ къ этому поводы своею горячностью и нѣкоторыми поступками, на примѣръ приходомъ домой напеселъ, хотя это и случалось рѣдко. Притомъ же бѣдность грала не послѣднюю роль въ этой войнѣ за сальные огарки. Бѣдность и чернорабочій трудъ, конечно, заставляли и сестру Катерину сражаться съ братомъ за бѣлье, платье, чистоту помѣщенія. Необразованныя женщины, не понимая равенственныхъ потребностей юноши, естественно могли оплаться что изъ него выйдетъ дурной, неработающій человекъ, плохой кормилецъ. Катерина, по словамъ брата, была вѣвухка набожная, но склонная къ суевѣрію, „коимъ измала она заражена и не уловательно чтобъ открыта была для нея завѣса къ разсмотрѣнію что все то

лустыя химеры, ни мало не отличающія человека предъ Богомъ". Между братомъ и сестрой произошла однажды такая сцена. Катерина послала брата къ обѣднѣ и, когда онъ не хотѣлъ идти, начала колоть ему глаза книгами. Братъ вышелъ изъ себя и плюнулъ ей въ лицо, но тотчасъ же ужасался въ правленіе, стыдился и раскаиваясь въ своемъ поступкѣ. Выписываемъ еще слѣдующія строки, написанныя 10го сентября, уже въ Самарѣ: „10й часъ ночи. Сейчасъ рстерзано мое сердце крикомъ и прелютствіемъ въ упражненіи глулой матери. Мерзкая жадность къ малѣйшей частичкѣ интереса ее къ сему понуждаетъ. Свѣчи мучать ее: какъ что горитъ для меня одного и что я читаю за нее книгу. Боже мой! простибельна ли мнѣ сія жестокая досада и сіи ругательныя изрѣченія! Я почитаю въ сіи минуты ее хуже скота; дѣйствительно такъ! всякій оправдаетъ меня ежели столько же будетъ знать ея мерзкій нравъ и безпредѣльную глулость въ подобныхъ сему происшествіяхъ.“ При дальнѣйшемъ самовоспитаніи, естественно смягчавшемъ его нравъ, Второвъ былъ уже не способенъ къ подобному цинизму въ выраженіяхъ.

Приведенныхъ выписокъ изъ журнала Второва слиткомъ достаточно для того чтобы составить понятіе объ отношеніяхъ его къ своему семейству, матери и сестрамъ. Эти выписки даютъ также нѣкоторое понятіе и о самомъ авторѣ, о его образѣ жизни, занятіяхъ, о его тогдашнемъ образѣ мыслей, или, выражаясь языкомъ того времени, „умоначертаніи“. Кроме книгъ, съ жадностью читаемыхъ, Второвъ имѣлъ предъ своими глазами живой идеалъ человѣческаго совершенства, который имѣлъ на него громадное вліяніе и которому онъ старался подражать даже въ мелочахъ: это былъ выше названный учитель народнаго училища Николай Матвѣевичъ Веревкинъ. Второвъ иначе не называетъ Веревкина, какъ своимъ менторомъ: такимъ онъ и былъ въ занятіяхъ нашего героя риторикой, логикой, стихотворствомъ, французскимъ языкомъ, въ чтеніи и въ литературныхъ работахъ. Замѣтно что въ училищѣ онъ игралъ первую роль, и что авторитетъ его былъ не малъ въ тогдашней симбирской интеллигенціи. Онъ извѣстенъ былъ даже въ Казани, по крайней мѣрѣ между тѣми могущественными педагогами, которые навѣщали его въ Симбирскѣ. Веревкинъ былъ человѣкъ семейный и имѣлъ дочь; но ни о дѣтахъ ея, ни о ея матери въ журналѣ Второва не говорится.

Вережкинъ былъ, кажется, духовнаго званія, какъ объ этомъ можно судить по тому что въ числѣ близкихъ его знакомыхъ былъ какой-то игуменъ, видное лицо въ тогдашней духовной администраціи Симбирска, такъ и по самому роду некоторыхъ его занятій. Онъ любилъ читать духовныя книги, церковныхъ писателей, Псалтирь, Святцы, писалъ на нихъ свои комментаріи и восхищался высотой ихъ мыслей и способомъ выраженія. Писалъ онъ вообще очень много. Подобно Второву, онъ велъ дневникъ, въ которомъ между прочимъ было записано изобрѣтенное имъ средство „къ воздержанію себя отъ некоторыхъ непристойностей“: средство это состояло въ дощечкахъ съ какими-то знаками, изъ которыхъ каждый долженъ былъ напоминать ему отъ какой „непристойности“ слѣдуетъ воздерживаться. Кроме этого личнаго журнала, у него былъ планъ другаго, болѣе объективнаго и обширнаго, — для описанія всѣхъ замѣчательныхъ происшествій видимыхъ и слышимыхъ. Ему же принадлежала мысль о журналѣ *Провинціальномъ Зрителѣ*, кажется сатирическаго направленія, который если и не предполагался къ изданію въ свѣтъ, то задумывался серьезно и кажется оставался: по крайней мѣрѣ объ одной рубричкѣ его, подъ названіемъ „Невѣжество“, говоритъ Второвъ въ своемъ дневникѣ, замѣчая что *Провинціальнаго Зрителя* будетъ чѣмъ наполнить. Словомъ, Вережкинъ былъ истиннымъ словесникомъ и литераторомъ прошлаго столѣтія, въ противоположность натуралисту Тихомирову. Цвѣтковъ и Шутихинъ не обрисовываются въ дневникѣ Второва съ тою же определенностью; о последнемъ онъ говоритъ какъ о человѣкѣ добромъ, семейномъ и всѣмъ любимомъ. Вотъ выдержки изъ дневника Второва о Вережкинѣ.

26го ноября 1792 года. „Въ вечеру сидѣлъ у Николая Матѣевича, гдѣ видѣлъ многія его сочиненія разныхъ родовъ. Какъ особенно ощущалъ мое удовольствіе при чтеніи некоторыхъ мѣстъ изъ его журнала, который нашелъ я одного плава съ моимъ. Откровенность его и ласки столько плѣнили меня что я отъиное отъ всѣхъ чувствую къ нему почтеніе. Полезные и пріятнѣйшіе разговоры его, доставляющіе мнѣ новыя наставленія, останутся всегда начертанными въ душѣ моей.“

28го ноября. „Николай Матѣевичъ сидѣлъ у меня часу до десятаго вѣчи. Мы занимались разными разговорами, болѣ-

шею частію относящимися къ учености: для меня все новая открытія! Въ разговоры сіи вмѣшаны были и разныя веселыя сказанія, и наконецъ онъ многія мѣста разсматривалъ изъ моего журнала. Какъ не быть открыту для такого друга, въ которомъ нахожу и нѣчто выше человѣческаго. Любезный человѣкъ, продолжай изливать свои благосклонности къ искреннему тебѣ почитателю!“

14го января 1793 года. „Я наслаждался въ сей вечеръ съ моимъ менторомъ пріятнѣйшими разговорами и разсужденіями, изъ которыхъ лучшіе и полезныя впечатлѣвалъ въ души моей, восхищающейся счастіемъ знакомства и любви сего достойнаго почтенія человѣка.“

Но несмотря на роль наставника и на складъ своего образованія, Веревкинъ не былъ человѣкомъ угрюмымъ. Напротивъ того, онъ нерѣдко подшучивалъ надъ промахами своего ученика, надъ лылкостью его характера и одмажды не совсемъ осторожно подтрунилъ надъ отношеніями его къ кухаркѣ Тихонравова, которая воспылавъ страстью къ юному Второву, звала его къ себѣ, но отъ которой какъ отъ чумы бѣжалъ нашъ герой, сообщившій по секрету объ этомъ происшествіи своему ментору. Но всѣ эти шутки не имѣли никакихъ послѣдствій и не уменьшили любви Второва къ Веревкину. Любовь эта доходила до ревности. Когда Веревкину было не по себѣ или онъ былъ чѣмъ-нибудь занятъ, отвлеченъ, вслѣдствіе чего не могъ встрѣтить Ивана Алексѣевича съ обычнымъ своимъ радушіемъ, — горести послѣдняго не было границъ! Такъ случилось въ пріѣздъ казанскихъ гостей педагоговъ. Первое появленіе въ средѣ ихъ Второва, человѣка имъ незнакомаго, естественно, ихъ стѣсняло, могло мѣшать ихъ бесѣдѣ; но когда потомъ, въ другой разъ, узнавъ отъ Веревкина что за человѣкъ былъ Второвъ, они встрѣтили его съ распростертыми объятіями, поцѣлуями и увѣреніями въ дружбѣ, послѣдній былъ въ неподдѣльномъ восторгѣ. Вотъ что онъ пишетъ по этому поводу лодъ 21мъ марта 1793 года: „О, какъ счастливъ! Или, лучше сказать, — несчастливъ, по уваженію моего разума! Обманываются во мнѣ сіи почтенныя особы: я не стою ихъ дружества! Довольно для меня ежели-бъ я принять былъ хотя ученикомъ ихъ“. Эти учителя были: Василій Родіоновичъ Бобровскій и Степанъ Васильевичъ Смирновъ. На вечерахъ у Веревкина, Тихонравова и другихъ учителей, кромѣ ли-

торатурнымъ занятій, чтенія книгъ, разсужденій и т. п., велась живая бесѣда и о другихъ предметахъ, пили чай, кушавъ, играли въ карты, но умеренно и безъ тѣхъ, доходившихъ до безобразія, излишествъ, сопровождавшихся ссорами и драками, которымъ предавалась тогда чиновное симбирское общество. *Дѣтское Чтеніе*, *Московский Журналъ*, *С.-Петербургскій Вѣстникъ*, *Энциклопедія*, *Душъ Бюффона*, сочиненіе Іоанна Массона, *Премудрость и Добродѣтель*, *Галлова Размышленія*, *Философія Гейнекуія*, *Всемирная Исторія Шрекке*, *Историческій Словарь*, *Юнговы Ночи*, сочиненія Сумарокова и Жераскова, *Утренній Свѣтъ*, *Письма Русскаго Путешественника*, *Поколющійся Трудолюбецъ* — вотъ сочиненія * которыя были прочтены Второвымъ въ 1792 и 1793 годахъ, не говоря объ учебникахъ по географіи, логикѣ, грамматикѣ. Іоаннъ Массонъ, какъ мы замѣтили, болѣе другихъ авторовъ произвелъ на него вліяніе. При чтеніи, герои нашъ намѣренъ былъ держаться слѣдующаго плана: „Я решаюся съ сего времени (30го января 93 года) по утрамъ читать Іоанна Массона, *Размышленіе* Галла и Гейнекціеву философію; въ полдни — повѣсти веселья, а ввечеру — *Дѣтское Чтеніе* и *Исторію Всемирную*. Каждой книги (надобно

* *Дѣтское Чтеніе для сердца и разума*, перев. съ нѣмецк. и француз. Н. Карамзина. 1785—1789. М. Унив. т. 20 частей. 3е изданіе. О *Москов. Журн.* смотри ниже. *С.-Петерб. Вѣстникъ* 1778—1781, 7 частей. *Энциклопедія, или краткое Начертаніе Наукъ и всѣхъ частей учености*. Перев. съ нѣм. Ив. Шувалова. М. 1781. *Душъ Бюффона*. Перев. съ франц. А. Малиновскаго. М. Унив. т. 1783. — *Іоанна Массона познаніе себя самого и пр.*, перев. съ нѣмецк. Н. П. Тургенева. М. Унив. т. 1783 3е изданіе. *Прилѣпы Мудрости и Добродѣтели*. М. Тип. Комп. 1787. *Основаніе умственной и нравст. философіи*, соч. Іоанна Гейнекціа, пер. съ лат. М. Унив. т. 1766. *Іосифа Галла, еписк. Оксфорд., внезапныя размышленія и пр.* Пер. съ лат. М. Тип. Комп. 1786. *Шреккева Всемир. Исторія для обуч. юношества*. Спб. т. Ваковскаго. 1787. *Словарь Историческій, или Сокращенная Библіотека* и пр. 14 частей, перев. съ франц. М. Унив. и Сечат. т. 1790. *Плачъ Эдуарда Юнга, или поучныя размышленія о жизни, смерти и безсмертіи*. Перев. съ франц. М. тип. Лолухина. 3е изданіе. *Полное собраніе всѣхъ сочиненій А. П. Сумарокова*. Изд. Н. Новикова. М. Унив. т. 1781—1782. 10 ч. 2е изданіе. *Творенія Михайла Жераскова. Утренній Свѣтъ*, ежемѣс. изданіе Н. Новикова. 1777—1780. М. Унив. т. *Поколющійся Трудолюбецъ*, період. изданіе Н. Новикова. 4. части. М. Унив. тип. 1784.

прочестъ) не оставая надолго, но чтобы каждый день войти по нѣскольку страницъ и съ замѣчаніями (читать)". А вотъ и результаты такого чтенія, той ломки себя во имя излюбленнаго идеала, которой подвергали себя русскіе поети конца прошлаго столѣтія. „Поутру (2го февраля), слыша заутрени, встаю и я и, помолясь немного дома, принимаюсь за Іоанна Массона... Со вниманіемъ и удовольствіемъ читаю съ 61го по 80й листъ 3й части, особливо IX глава, о *укрѣпленіи и намыкѣ отъ познанія самого себя*, всецѣла въ меня прискорбныя мысли для себя и моего журнала. Я читаю тутъ какъ должно записывать ввечеру случившееся съ собою и разсматривать свои недостатки и пороки, размышлять, также и примѣчать за собою, при разныхъ случаяхъ, кои производятъ въ насъ какую перемену. О, ежели бы мой Создатель удержалъ во мнѣ все то что я теперь чувствую, а также бы побуждалъ во мнѣ всѣ склоности къ добродѣтели! То не желалъ бы я больше счастья, ежели только сердце мое меня не обманетъ. Я привелъ теперь на память всѣ дѣла мои и всѣ поступки которые съ двѣ недѣли уже какъ меня окружаютъ (sic): сколько я гаупъ былъ, злобелъ и невоздержелъ! Далекое еще мнѣ доходить до познанія самого себя! На прошедшей недѣлѣ, какъ равно и на сей, не было во мнѣ добраго побужденія къ дѣламъ и укрѣпленія себя отъ пороковъ. Я много самъ претерпѣлъ отъ моей глупости, поступаая злобно, съ досадою и гнѣвомъ противъ пороковъ и словъ моей родительницы. Самъ я мучился, но сдѣлалъ былъ и безуменъ разсмотрѣть что отъ себя-то происходило: можно бы умѣрить мнѣ благоразумными, съ размышленіемъ, поступками жестокость укоризнѣ и досадѣ мнѣ причиненныхъ отъ родительницы и сестры. О, Боже мой! Сердце мое обливается кровію, вспомя о суетности и хлопотахъ въ какихъ мнѣ быть должно, въ разсужденіи состоянія моего и дѣлъ. Я размышляю, читаю теперь что *полезнее будетъ записывать худые поступки свои, съ размышленіемъ—что я при томъ чувствовалъ,—и какъ впередъ искоренять ихъ, нежели одну исторію, безъ всякихъ примѣчаній*. Сіе открытіе да будетъ мнѣ впередъ правиломъ вести журналъ мой.“ И журналъ велся по этому правилу, по смыслу напечатанныхъ курсивомъ строкъ, во все время юности нашего автора, пока отъ окомчательно не освободился отъ мистико-сентиментальнаго напращенія. „Повесть Михайло-

вичъ г. Мясниковъ, * читаемъ подъ 29мъ апрѣля, пересказывае сегодня матушкѣ о моемъ развращеніи и безбожіи, будто происходящемъ отъ чтенія книгъ! Я рѣдился симъ извѣстіемъ, помня что говорилъ съ невѣждой о физикѣ и метеороѣ дожда съ громомъ. Немного успокоиваюсь. Читаю въ *Московскомъ Журналь* „День мой“; восхищаюсь! Шталь, мысал, матерія,—все меня лѣвдаетъ. Благословляю сочинителя; сокрушаюсь завистью: почто не могу и я такъ чувствовать? Сколь еще малъ и далекъ я до сего любезнаго великаго челоуѣка! Постыдная мысль, куда ты заблуждаешься, зная тупыя и медкія твои способности!“ Молодой челоуѣкъ котораго невѣжественно близкіе упрекали въ безбожіи, по праздникамъ не пропускалъ не только обѣды, но и утрени, и рѣдкій день не поминалъ имени Божьяго въ своемъ дневникѣ; но съ духовными лицами не очень ладилъ. Въ одномъ мѣствѣ своихъ записокъ (22го октября) вотъ что говоритъ Второвъ: „въ самый обѣдъ потревоженъ былъ лопами, *которыяъ я ненавижу по ихъ занужеству и высокожърію*“. Приводимъ кстату разказъ его довольно рельефно обрисовывающій тогдашніе нравы. Въ послѣднее время пребыванія своего въ Симбирскѣ Второвы квартировали въ домѣ какого-то священника, челоуѣка еще очень молодаго, но весьма нетрезваго и буйнаго. Онъ преслѣдовалъ мать и сестру Ивана Алексѣевича почти ежедневными ругательствами, и послѣдній, выведенный изъ терпѣнія, по совѣту учителей, пожаловался на него вышеупомянутому игумену, ихъ пріятелю. Этотъ послѣдній велѣлъ привести къ себѣ неугомоннаго лопа и приказалъ посадить его на цѣль. Несмотря на просьбы истца и на раскаяніе отвѣтчика, игумень не простилъ, и злополучный іерей такъ и остался на цѣлую ночь прикованнымъ къ стѣнѣ.

Одновременно съ чтеніемъ шло составленіе журналовъ. Кромѣ Второва и Верекина, въ Симбирскѣ въ эту пору и еще нѣкоторыя лица вели такіе же журналы, или на манерѣ ихъ, какъ нѣкто Посниковъ, товарищъ Второва по службѣ у прокурора, кажется еще юнѣйшій его. О стихотворствѣ, которое Второвъ называетъ „дражайшимъ искусствомъ“ и въ

* Мясниковы-Твердышевы, извѣстные симбирскіе богачи и заводчики, вышедшіе въ дворяне, подобно Дежидовымъ, изъ крестьянъ. О нихъ см. ниже, а также А. Артемьева: *Казанскія гил. назіи въ XVIII столѣтіи* (Спб. 1874. Тип. Балашова), стр. 64—65, и Соловьева *Исторія Россіи*, т. XXIV, 247.

которомъ первенство принадлежало какому-то Степану Ивановичу, мы упоминали выше. Были также охотники составлять автобіографіи, какъ вѣкій Родионовъ, за что-то содержавшійся на гаултахтѣ. Всѣ эти невинныя упражненія въ чтеніи и писаніи, товарищескія сходки и вечеринки юныхъ друзей, рѣзко отличавшіяся отъ окружающаго ихъ общества, возбуждали ядовитыя насмѣшки надъ ними: ихъ просто ругали именемъ „сочинителей“, ихъ дразнили, по крайней мѣрѣ такихъ горячихъ людей какъ И. А. Второвъ. Изъ записокъ послѣдняго можно заключить что большинство тогдашняго общества радовалось катастрофѣ недавно постигшей масоновъ: она давала поводъ бранить образованіе и распространяться о вредѣ его, ссылаясь на запрещеніе Тургеневу * вѣзда въ столицу. Чтò представляло собою тогдашнее общество, среди котораго находился Второвъ, объ этомъ можно судить по слѣдующимъ выраженіямъ находящимся въ его дневникѣ и, очевидно, прямо вырвавшимся изъ сердца: „О, Создатель! буду ль я когда пребывать среди лучшаго народа!... Сообщество гдѣ больше пребываю я, состоитъ изъ людей испорченныхъ; какъ же мнѣ можно одному противостоять всѣмъ искушеніямъ! Нѣтъ! Я часто развращаюсь, смотря на нихъ, и часто терзаюсь, претерпѣвая насмѣшки ихъ, ежели не слѣдую ихъ поступкамъ, или оскорбляюсь когда кто разсуждаетъ со мною, умствуя неправильно.“ Общество среди котораго вращался Второвъ состояло изъ мелкаго приказнаго люда, который не давалъ ему проходу въ намѣстническомъ правленіи, куда онъ убѣгалъ отъ домашнихъ дразгъ равнымъ утромъ и позанимъ вечеромъ, точно также какъ мать и сестра Катерина преслѣдовали его дома. Все чтò было повыше, починовиѣ, хотя изрѣдка и допускало его къ себѣ, но не далѣе передней, и то для праздничныхъ поклоновъ и разныхъ поздравленій; всѣ эти господа, даже удостоившіе его своей ласки, по отношенію къ юному приказному были „милостивцами“, а визиты къ нимъ „поклонами“,—техническія названія которыя безпрестанно употребляетъ герой нашъ въ своемъ дневникѣ, какъ самыя обыкновенныя. Вотъ чтò говоритъ самъ Второвъ по поводу посѣщенія имъ вѣскога Богданова, который даже и не посадилъ его: „Боже мой! Какъ я мучился воз-

* Ивану Петровичу, другу Новикова и Лолухина.

вратясь отъ него оскорбленнымъ сего горделивца презрѣн-
емъ! Я принялъ намѣреніе впередъ не видаться съ нимъ ежели
необходимости не будетъ. Итакъ, человекъ сколь бы чув-
ствителенъ и честенъ ни былъ, но самая досада и грубости,
а особливо презрѣнія его прежняго милостивца дѣлають
(его) небагодарнымъ. Я при семъ случаѣ забылъ всѣ его
одолженія и оны теперь въ глазахъ моихъ гнуснѣ всякаго
чудовища." Прокуроръ Лалтевъ, человекъ не злой и даже
расположенный къ Ивану Алексѣевичу, несмотря на ласки
жены и знакомство сына, котораго Второвъ училъ рисо-
ванію, съ которымъ вмѣстѣ читалъ книги, видимо заискивая
его расположенія, обходилася съ нашимъ героемъ крайне гру-
бо, особенно когда бывалъ не въ духѣ. Къ счастью же Вто-
рова у него въ Симбирскѣ были и другіе знакомые обоего
пола, нечиновные, отъ которыхъ онъ не зависѣлъ въ служеб-
номъ отношеніи. Онъ нерѣдко бывалъ у нихъ; но, къ сожа-
лѣнію, изъ его дневника не видно что это были за люди. Здѣсь,
въ этого рода знакомствѣ, очень много помогли ему старыя
материнскія дворянскія отношенія, изъ которыхъ самое за-
мѣчательное было къ четѣ Куроѣдовыхъ (мужъ — Михаилъ
Максимовичъ, жена — Надежда Ивановна). Чета эта изображе-
на въ *Семейной Хроникѣ* Аксакова подъ именемъ Куроѣсо-
выхъ, съ тою лишь разницею что жена Куроѣдова названа не
настоящимъ своимъ именемъ, а Прасковьей Ивановной. Въ
хроникѣ Аксакова ярко рисуется мрачная сторона характера
Михаила Максимовича, — его безчеловѣчная жестокость къ
крѣпостнымъ и его циническій разгулъ; въ нашей онъ высту-
паетъ только одною свѣтлою стороною, какъ богатый помѣ-
щикъ, родственникъ Суворова, знакомый Державина, какъ
вліятельнѣйшее лицо въ Симбирскѣ, гдѣ онъ почасти и подол-
гу жила и одинокъ, и съ Надеждой Ивановной, и гдѣ семья
Второвыхъ находила себѣ самый радушный приемъ, особенно
юный ея представитель. Куроѣдовъ раньше чѣмъ кто-ни-
будь другой обратилъ вниманіе на нашего юношу и вполнѣ
сочувствовалъ его стремленіямъ. Изъ другихъ обитателей
Симбирска почти такое же вниманіе оказывали ему Апракси-
ны и Баратаевы. Въ это время въ Симбирскѣ жила княгиня
Баратаева съ десятилѣтнимъ сыномъ Михаиломъ, ставшимъ
потомъ большимъ пріателемъ героя нашей хроники. Она бы-
ла вдовой князя Петра Михайловича, бывшаго прежде (1780—
1789) симбирскимъ губернаторомъ. Не говоримъ о другихъ

знакомыхъ, которыхъ только имена встрѣчаются въ дневникѣ Второва; ихъ было не мало. Вообще вся лучшая, неслужащая часть симбирскаго общества ласкала молодого чело-вѣка, конечно потому что онъ во всѣхъ отношеніяхъ рѣзко отличался отъ прочей приказной братіи, отъ подъячихъ. Въ юномъ Второвѣ и тѣни не было того что составляло тогда необходимую принадлежность всего служащаго люда, именно поползновенія ко взяточничеству, которымъ онъ гнушался, довольствуясь своими скудными средствами 150 рублей жалованья. Съ увлеченіемъ изобличал себя въ „гнусныхъ порокахъ“, Иванъ Алексѣевичъ не прешинувъ бы указать на побужденія ко взяточничеству еслибъ оно въ немъ было; между тѣмъ мы находимъ у него подъ 29мъ января 1793 года слѣдующую, совершенно въ противоположномъ смыслѣ, замѣтку: „Позтру пришелъ къ г. Баумгартену,* вчерашнему лѣкарю... написалъ ему просьбу и получилъ отъ него за работу серебряный рубль. Наблюдая политику и благопристойность, я долго отговаривался принять отъ него сію сумму, представляя ему знакомство его жены, его ласки и малую мою услугу; изъяснилъ ему что я имѣю свойства и душу не подъяческія, и что мнѣ весьма совѣстно принять то. Онъ изъ сего заключилъ что я не принимаю для того что мало, и съ извиненіемъ и великими усиліями втеръ мнѣ въ руки. При семъ случаѣ воображалъ я что онъ самъ имѣетъ свойство корыстолюбивое, и что лѣкаръ, такъ какъ и подъячіе, весьма любятъ взятки.“ Постоянно занятая мысль и руки (кромя переписки служебныхъ бумагъ и рисованія, Иванъ Алексѣевичъ усердно занимался переплетнымъ мастерствомъ) спасали Второва и друзей его отъ нравственной гибели и выдвигали ихъ изъ темныхъ рядовъ тогдашняго общества, но обойтись безъ уступокъ окружающему быту не было возможности. Если не въ кружкѣ симбирскихъ учителей, то въ кружкѣ Степана Ивановича, симбирскаго стихотворца и друга Второва, вѣроятно изъ чиновниковъ, уступки окружающей жизни, выражавшіяся въ пристрастіи къ вину и картамъ, были замѣтны до такой степени что внушили нашему герою слѣдующій афоризмъ: „ученые люди, сколько бы бѣдны и порочны ни были, но всегда полезнѣе воздержныхъ

* Нѣмецъ, штабъ-лѣкаръ, женатый на Стафутинѣ (Пракъ Гавр.), одной изъ знакомыхъ Второва. О немъ будетъ говоритья еще впереди.

вѣнчана". Не какъ ни бѣдна была въ интеллектуальномъ отношеніи жизнь Симбирска въ концѣ прошлаго столѣтія, все же она, сравнительно съ уѣздной, съ Самарскою или Ставропольскою, гдѣ мы вскорѣ увидимъ Второва, казалась земнымъ раемъ. Кромѣ читающихъ кружковъ, въ Симбирскѣ въ эту пору бывали театры и маскарады, которые неукосятельно посѣщала Иванъ Алексѣевичъ; ему особенно нравились послѣдніе: „въ маскарадѣ, онъ лишетъ, а гордился будто равенствомъ съ прочими, хотя судьба и не наградила меня еще благородіемъ“. Онъ уломинаетъ о двухъ трулпяхъ актеровъ, Татищевской и Ермолова, отдавая предпочтеніе первой. Трулпы эти состояли изъ крѣпостныхъ людей и принадлежали помѣщикамъ. Кромѣ названныхъ здѣсь, въ Поволжьѣ въ концѣ прошлаго и въ первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія не мало было и другихъ; изъ нихъ замѣчательны: Столыпинская и Есилова. Послѣдняя находилась въ Казани. Старый холостякъ Есиловъ (Петръ Васильевичъ), объ образѣ жизни котораго, объ отношеніяхъ его къ крѣпостнымъ актрисамъ, занимавшимъ прѣзжавшихъ въ деревню гостей не одною игрою на сценѣ но и вакханаліями всякаго рода, Вигель (II, 133, 137) разказываетъ возмутительныя подробности, тѣмъ не менѣе былъ, согласно свидѣтельству автора *Семейной Хроники* (стр. 378), истиннымъ основателемъ Казанскаго театра. Страстно любя сценическое искусство, Есиловъ посвятилъ всю свою жизнь и громадныя средства на водвореніе его въ Казани. Русская культура прежде и больше всего распространялась путемъ литературы и театра. Въ первой половинѣ прошлаго вѣка, вскорѣ послѣ великой Петровской реформы, литературно-сценическое движеніе шло къ центру, въ столицы, съ юга, изъ Малороссіи; во второй половинѣ оно замѣтно пришло другое движеніе, — пошло съ востока, изъ Поволжья. Вспомнимъ такихъ крупныхъ писателей какъ Державинъ, Дмитриевъ и Карамзинъ; такихъ людей какъ Тургеневы, Панаевы, Аксаковъ; даже всѣхъ этихъ Есиловыхъ, Столыпинныхъ, Ермоловыхъ и tutti quanti, разорявшихся не отъ однихъ картъ или собакъ, — и мы не можемъ отказать Поволжской Руси, едва уцѣлѣвшей отъ Пугачевского разгрома, въ значительномъ умственномъ движеніи, конечно, въ тѣхъ видахъ и формахъ какіе тогда были намъ доступны. Но возвращаемся ко Второву. Столь желаемое и столь необходимое

въ тотъ вѣкъ *благородіе* не замедлило придти къ нашему герою. въ августѣ, уже предъ отъѣздомъ изъ Симбирска въ Самару, онъ получилъ наконецъ чинъ губернскаго регистратора. Радость его по этому случаю была безпредѣльна и выразилась въ слѣдующихъ словахъ: „Боже мой! Какую принести благодарность Тебѣ! Я уже офицеръ; стою ли сего я? Могу ли еще когда, при нѣкоторыхъ мрачностяхъ, роптать на жребій мой и называться несчастнымъ?“

Производство въ статскіе совѣтники и назначеніе, вслѣдъ за симъ, председателемъ уголовной палаты сдѣлала прокурора Лалтева особенно благосклоннымъ къ служащимъ у него лицамъ, Второву и Посникову: ему захотѣлось вывести ихъ въ люди, дать имъ чинъ и новыя штатныя мѣста. Еще прежде этого И. А. Второвъ, обремененный семьей, хлопоталъ черезъ своихъ симбирскихъ знакомыхъ объ улучшеніи своего служебнаго и экономическаго положенія. Самое искреннее и горячее участіе въ этомъ дѣлѣ принимало семейство Курофдовыхъ, съ особеннымъ радушіемъ относившееся къ молодому человѣку. Курофдовъ былъ знакомъ съ Державнымъ * и, черезъ посредство знаменитаго поэта, особенно авторитетнаго по всему Поволжью, обѣщался доставить ему мѣсто въ Петербургѣ; находясь же въ хорошихъ отношеніяхъ и съ Лалтевымъ, онъ располагалъ и этого послѣдняго въ его пользу. Повышеніе размягчило прокурорское сердце, — и вотъ онъ однажды призвалъ къ себѣ на квартиру, въ послѣобѣденное, т.-е. неслужебное время, юнаго своего писмоводителя и прямо обратился къ нему съ слѣдующимъ вопросомъ:

— Ты куда бы желалъ выдти изъ теперешняго мѣста?

Смущенный неожиданностью вопроса, писмоводитель не зналъ что отвѣчать и просто оробѣлъ въ присутствіи суроваго начальника. Вопросъ былъ предложенъ въ той же формѣ и тоже продолжалось молчаніе.

— Ты знаешь, поясвилъ прокуроръ, — я оставляю свою должность, хочу и васъ съ Посниковымъ освободить отъ ней и желаю помочь вамъ.

— Какъ вашей милости будетъ угодно, послѣдовалъ отвѣтъ, слабымъ и невнятнымъ голосомъ.

* Сафдовъ этого знакомства въ изданіи Я. К. Грота видѣть не видно.

— Ну, ступай и посоветуйся съ товарищемъ.

Однакоже опредѣленіе воспослѣдовало не по желанію Второва: его назначили въ Самару, секретаремъ въ уездный судъ. Первое извѣстіе объ этомъ назначеніи было ему весьма непріятно, и прежде всего потому что въ Самарѣ онъ имѣлъ родныхъ, которые, по его словамъ, „не помогали намъ въ нашей бѣдности и презирали насъ“; одинъ изъ этихъ родственниковъ, Бушуевъ, какъ мы уже сказали, въ это время былъ вице-губернаторомъ въ Новгородъ-Сѣверскъ. * Но, съ другой стороны, большая независимость, большія средства къ жизни (900 руб. въ годъ жалованья), родныя мѣста и дѣтскія воспоминанія мало-по-малу стали примирять его съ Самарой. Въ ожиданіи производства въ чинъ и утвержденія въ должности Сенаторомъ, Второвъ отправился въ путешествіе къ Макарью на ярмарку, и въ Казань, гдѣ у него были кромѣ учителей нѣкоторые знакомые (какъ напримѣръ, Никита Прокофьевичъ Трубицынъ), съ которыми онъ весьма переписывался. Это путешествіе описано въ дневникѣ довольно подробно и послѣдовательно, съ нѣкоторою литературною отдѣлкой.

12го іюля выѣхалъ И. А. Второвъ изъ Симбирска, вмѣстѣ съ своимъ слутникомъ, юнымъ княземъ Баратаевымъ. ** Въ часъ пополудни того же числа прибыли они въ деревню Баратаевку, гдѣ ихъ угостили сытнымъ завтракомъ и крѣпкимъ медомъ, отъ котораго слутникъ Второва проспалъ почти всю дорогу, словно убитый, до самаго утра. Почевали въ деревнѣ Анненковой. Иванъ Алексѣевичъ и здѣсь, и въ Баратаевкѣ, ходилъ съ ружьемъ на охоту, но не столько занимался ею, сколько разсматриваніемъ „натуры“, то-есть растений и камней, въ чемъ онъ уже зналъ толкъ, благодаря своимъ естественно-научнымъ свѣдѣніямъ. Постель ему постлали на дворѣ, на свѣжей, скошенной травѣ. Онъ легъ, но не могъ сомкнуть глазъ. Ночь была лунная, теплая;

* Этотъ Бушуевъ (Алексеѣ Михайловичъ) былъ тотъ самый подполковникъ Бушуевъ который въ 1782 году по Высочайшему повелѣнію путешествовалъ по Россіи съ нѣсколькими гвардейскими офицерами (въ числѣ ихъ былъ А. Г. Бобринскій) и академикомъ Озерцовскимъ. А. Артемьевъ *Казанскія гимназіи въ XVIII столѣтіи*, 172—173.

** Баратаевы (вѣроятно одной вѣтви съ князьями Баратовыми живущими въ Малоросіи) были грузинскаго происхожденія.

воздухъ дышалъ ароматомъ и вѣгой. Звуки народной пѣсни: „Ты зоря моя, зоря! Зоренька вечерняя!“ приятно поражали слухъ юнаго симбирскаго мечтателя. Въ тотъ же дворъ, около полуночи, пріѣхали знакомые самарскіе купцы, также отправлявшіеся на ярмарку, стали окликать его, но онъ притворился спящимъ. Дворъ гдѣ ночевали наши лутники и деревня принадлежали нѣкому Дмитрію Кузмичу Крашенинникову, 1й гильдіи оренбургскому купцу и именитому гражданину. Наши лутешественники увидѣли его раннимъ утромъ прытко бѣгающимъ по берегу пруда и смотрящимъ на ловлю рыбы большимъ бреднемъ; это былъ небольшаго роста худощавый старикъ, одѣтый въ бѣлый плафрокъ. Пріѣзжіе купцы скидали предъ нимъ шапки и не накрывались до тѣхъ поръ пока онъ ихъ не замѣчалъ. Надобно думать, таковъ былъ заведенный обычай за даровое и роскошное гостепріимство. По окончаніи ловли старичокъ въ бѣломъ плафрокѣ пригласилъ всѣхъ пріѣзжихъ къ себѣ во дворъ, а въ числѣ ихъ и Ивана Алексѣевича, который, хотя и съ неудовольствіемъ, долженъ былъ снятъ предъ нимъ шапку, но котораго Крашенинниковъ тотчасъ же примирилъ съ собою, взявъ его подъ руку. Домъ оригинальнаго старика оказался не только великолѣпнымъ, но даже изящнымъ. Онъ былъ украшенъ множествомъ картинъ, изображавшихъ различные ландшафты и портреты неизвѣстныхъ нашему лутешественнику лицъ, изъ которыхъ, впрочемъ, по догадкѣ Второва, нѣкоторые были древнихъ писателей. Къ числу украшеній дома принадлежали и хорошенькія горничныя, изъ которыхъ одна, особенно миловидная дѣвушка, лѣтница юнаго симбирскаго философа. Неудовольствовавшись угощеніемъ своихъ гостей чаемъ, гостепріимный хозяинъ предложилъ имъ роскошный обѣдъ, по срединѣ двора, въ раскинутой палаткѣ, гдѣ сорокъ человекъ разнообразнаго проѣзжаго люду, въ томъ числѣ и двѣ керженскія старицы, до отвалу ѣли сытыя домашнія яства и допьяна пили крѣпкіе мѣды тароватаго хозяина, который можетъ-быть и потому такъ разщедрился что самъ собирался вмѣстѣ съ гостями къ Макарью. Послѣ обѣда, въ ясномъ часу полудни, изъ дома Крашенинникова выѣхалъ цѣлый обозъ гостей, вмѣстѣ съ хозяиномъ, въ числѣ двадцати кубитокъ. Въ каждой кубиткѣ было не менѣе какъ по ружью, частью „на всякій случай“, въ острастку разбойникамъ.

которые еще водились, измелъчавъ, впрочемъ до ворышекъ, частью для охоты, для разогнанія скуки отъ томительно долгой ѣзды и отъ усыпляющихъ кормежекъ. При въѣздѣ въ лѣса, хотя бы и весьма скромныхъ размѣровъ, воздухъ оглашался залпомъ дружныхъ выстрѣловъ этой невинной артиллеріи, пугавшихъ не столько мнимыхъ разбойниковъ, сколько и безъ того трусливыхъ лѣсныхъ птицъ. Какъ бы то ни было, но ѣзда при такой обстановкѣ — въ шумной, многолюдной толпѣ, въ красивой, живописной мѣстности, которыми такъ богато Поволжье, въ лѣтнюю жаркую пору, подъ обаяніемъ еще свѣжихъ, хотя и начинавшихъ уже блѣднѣть, легендъ о разбойникахъ, — не лишена была привлекательности; по крайней мѣрѣ, Второвъ восхищался ею. 14е, 15е и 16е числа прошли въ поѣздкѣ, — такъ медленно тащились! Въ пути не произошло ничего особеннаго. Тагай и Ардатовъ и тогда были ничтожными городами. Вниманіе Второва остановилось на деревнѣ помѣщика Алѣева, за Ардатовомъ, гдѣ крестьяне, почти логоловно, стояли на дорогахъ и улицахъ и просили милостыни у проезжающихъ: „варваръ помѣщикъ!“ восклицаетъ въ негодованіи Второвъ. Видѣвъ на село Лысково, на Макарьевъ и на Волгу, покрытую безчисленнымъ множествомъ судовъ, привелъ въ восторгъ Второва. Добравшись до мѣста своей поѣздки и переправившись на другой берегъ Волги, Второвъ тотчасъ же встрѣтился тамъ съ однимъ изъ своихъ знакомыхъ, Борисовымъ, который разказывалъ ему о своей встрѣчѣ съ разбойниками: какъ онъ одного поранилъ саблей и какъ другіе заставили его самого бѣжать въ лѣсъ и тамъ отъ нихъ укрыться. Помѣстившись въ какомъ-то амбарѣ и переодѣвшись, Второвъ тотчасъ же побѣжалъ на ярмарку и прежде всего бросился въ книжныя лавки, которыхъ тогда на ярмаркѣ было четыре. Онъ купилъ „Покоящагося трудолюбца“ и какой-то „Театръ“. Книги эти онъ оставилъ въ квартирѣ Крашенинникова, съ которыми сблизился во время пути. На другой день опять покупка книгъ; приобрѣтены *Собесѣдникъ* * и *Московскій Журналъ*; подъ день выѣзда, 22го, еще куплено разныхъ книгъ на 13 р. 50 к.,

* *Собесѣдникъ любителей россійскаго слова*, въ стихахъ и прозѣ. Издавался въ 1783—1784. 16 частей. Спб. типогр. Ак. Наукъ, Стоиць 40 р.—*Московскій Журналъ* на 1791—1792 годы. Издавъ Николаей Карамзинъ. 8 частей. Въ 1801—1803. Изданіе повторилось.

всего, стало - быть, на громадную для бѣднаго канцеляриста сумму, который на остальные свои надобности, для покупки платья и пр., употребилъ гораздо меньше и который въ буквальномъ смыслѣ слова голодалъ. Симбирскіе слугаики Второва пили чай и ѣли въ складчину; онъ отказался отъ этаго, разчитывая въ видахъ экономіи для книгъ меньше пробыть на ярмаркѣ и меньше издержать; но пробыть пришлось больше, а потому пришлось по утрамъ не пить чаю: „стыдъ и скорбы!“ восклицаетъ нашъ юноша. Къ числу ярмарочныхъ удовольствій въ ту пору принадлежали театръ и цехъ шутовъ, потѣшавшій раскутившееся купечество. Второвъ посѣщалъ театръ, гулялъ по ярмаркѣ и за городомъ, а остальное время весь погруженъ былъ въ чтеніе, забывъ обо всемъ въ мірѣ: онъ былъ тогда въ упоеніи отъ чтенія *Бѣдной Лизы* Карамзина и первыхъ *Писемъ Русскаго Путешественника*. Страннымъ показался онъ своимъ спутникамъ, которые въ глаза ему называли дурачествомъ и такое чтеніе, и покупку такихъ книгъ.

23го іюля, раннимъ и прекраснымъ утромъ, на небольшомъ баркасѣ, поплылъ нашъ симбирскій путешественникъ внизъ по Волгѣ въ Казань. Видѣ Макарьева привелъ его въ такое восхищеніе что онъ тутъ же у берега, сидя на лодкѣ, набросалъ карандашомъ его контуръ, приложенный къ дневнику. Всѣхъ пассажировъ, вмѣстѣ съ хозяевами, было на баркасѣ 11 человекъ; большая часть ихъ была вооружена ружьями и пистолетами. Въ полдень наши путешественники „видѣли одну лодку съ людьми, на насъ плывущую, и заключили всѣ что это разбойники. Зарядили ружья и пистолеты и ожидали сраженія; однако избавились сей опасности, ибо лодка отворотилась отъ насъ, и, переплывъ на другую сторону Волги, въ виду нашемъ вышли всѣ изъ оной въ кусты.“ Ночевали въ Василь-Сурскѣ. На слѣдующіе два дня, 24го и 25го числа, погода перемѣнилась: шелъ дождь и лохолодѣло. По неимѣнію при себѣ теплой одежды пришлось Второву согрѣваться работой на веслахъ. Мимо Козмодемьянска, Чебоксаръ и Свіагска путешественники проѣхали безъ всякихъ особенныхъ приключеній; лодъ Чебоксарами осматривали ихъ лодку заставные солдаты и сорвали съ хозяевъ нѣсколько грошей. Въ Казань пріѣхали въ 3мъ часу пополудни, 26го іюля. Городъ, т.-е. строенія и все что было на улицахъ, привелъ въ восторгъ Второва. Въ Казани онъ пробылъ до 1го авгу-

ста и останавливался на квартирѣ у Н. П. Трубицина. Кроме знакомыхъ уже учителей, В. Р. Бобровскаго и С. В. Смирнова, нашлись въ Казанѣ и другіе знакомые, какъ напримѣръ, Настасья Михайловна Бушуева, уже упомянутая нами родственница, и еще какая-то Прасковья Александровна, не названная по фамилии, которую Иванъ Алексѣевичъ называетъ также „милой“ родственницей и посвящаетъ ей, при прощаніи съ Казанью, нѣсколько сочувственныхъ строкъ; завязались знакомства и новыя. Авторъ путешествія посѣтилъ казанскія святыни и осмотрѣлъ всѣ достопримѣчательности города. Покупка книгъ въ Казани продолжалась (напримѣръ, *Собраніе новѣйшихъ сочиненій* *), вѣроятно, уже на послѣднія деньги, потому что на обратномъ пути въ Симбирскъ юный путешественникъ питался только хлѣбомъ, огурцами и толокномъ. Съ Казанью нашъ авторъ прощался слѣдующими словами: „Разстался я съ Казанью, разстался съ людьми милыми и чувствительными! Блаженная Казань!“ Армянинъ, владѣлецъ судна, взялся свезти Второва до Симбирска за рубль. Во время этого плаванія, продолжавшагося до 3го августа, ничего особеннаго не произошло. Нашъ путешественникъ, кажется, былъ въ самомъ сильномъ пароксизмѣ сентиментальности. Онъ не разлучался съ книгой ни на палубѣ, ни въ каютѣ; онъ находилъ даже удобнымъ писать тамъ свои замѣтки и сочинять тамъ какія-то стихи. Читая въ *Московскомъ Журналь* „Плачь Супруги“, * онъ плакалъ самъ, плакалъ, по его словамъ, перебирая въ мысляхъ всю свою жизнь „даже до смерти“. Очарованный журналомъ Карамзина, онъ даетъ себѣ обѣщаніе отнынѣ „читать его весь со вниманіемъ, и на особую бумагу выписывать и замѣчать важныя и трогательныя мѣста“. Виѣсть о немъ находилась на суднѣ мало дельная, четырнадцатилѣтняя, дѣвушка, очень красивая, умная и знавшая грамоту. Армяне купили ее на ярмаркѣ у ломѣщика Каткарева, знакомаго и

* Сборникъ въ четырехъ частяхъ, изданный (1762) въ Москвѣ Иоганномъ Рейхелемъ и повторенный (1787) Типографической Компаніей.

** Стихотвореніе И. И. Дмитріева (*Моск. Журн.* 1790, май). Это же стихотвореніе помѣщено имъ въ книжкѣ *И мои бездѣлки* (М. 1795 стр. 246—248, подъ названіемъ „Плачь Матери“, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ.

Второву. „Не человѣкъ, но скоть безъ чувствія!“ съ негодованіемъ восклицаетъ этотъ послѣдній.

По возвращеніи изъ Казани удобно было готовиться къ отъѣзду въ Самару, такъ какъ въ Симбирскѣ нечего было дѣлать. Для такихъ бѣдныхъ людей, какъ Второвы, сборы не могли быть продолжительны; но выѣздъ оттянулся на три недѣли: жаль было Ивану Алексѣевичу расстаться съ Симбирскомъ, съ своими друзьями. „Вотъ послѣдній день моего здѣсь пребыванія. Записываетъ онъ подъ день выѣзда въ своемъ журналѣ. Вотъ горесть, вотъ разлука! Откуда и куда я удаляюсь?.. Симбирскъ научилъ меня чувствовать, научилъ познавать себя и сердца человѣческія,—и я его оставляю!.. Оставляю друзей, милыхъ, любезныхъ друзей, оставляю ментора, который питалъ мою душу и внушилъ мнѣ все то чтò теперь я ощущаю!.. Послѣдно одѣвшись объѣгаю я всѣхъ моихъ начальниковъ и милостивцевъ, скрываю объ отъѣздѣ, благодарю за милости и ласки и прошу о неоставленіи впредь... Въ послѣдній уже разъ былъ я въ училищѣ, въ послѣдній разъ взглянулъ на бібліотеку и простился!“ Прощаніе съ учителями было глубоко трогательно. По нѣскольку разъ прощался Иванъ Алексѣевичъ съ Н. М. Веревкинѣмъ и Степаномъ Ивановичемъ, каждый разъ обливаясь слезами; они платили ему тѣмъ же, прибѣгая къ нему, уже распростившись, еще разъ и мѣшали его сборамъ. Ласково простились съ нимъ и „милостивцы“, и во главѣ ихъ Далтевъ, изъявившій сожалѣніе о разлукѣ своей со Второвымъ, напутствовавшій его пожеланіями и обѣщавшій помочь ему въ переходѣ въ Симбирскъ, въ случаѣ открытія вакантнаго мѣста, котра прежде и отдававшій предпочтеніе Посвинову, чтò глубоко огорчало Ивана Алексѣевича. Но въ минуту разлуки все прошлое было забыто послѣднимъ, и прощаніе съ бывшимъ начальникомъ его очень тронуло: „какъ забыть мнѣ сіи милости,“ говоритъ онъ въ заключеніи своей дневной записи. Путь отъ Симбирска до Самары Второвы совершили по Волгѣ, въ пять дней. Кромѣ ихъ семейства и крѣпостной служанки Авдотьи, имъ сопутствовала какой-то Осипъ Ивановичъ Поповъ и Татьяна Ивановна, молодая, красивая, но прежде неизвѣстная особа, ставшая героиней кратковременнаго дорожнаго романа. Жалкое судно, съ рожданными ларусами, плывя по теченію рѣки, едва тащилося. Но, несмотря на горесть разлуки съ друзьями, герой нашъ

не обращалъ вниманія на обстановку и, и по обычаю, уходилъ въ свой любимый мѣръ мечтательности, чтенія и даже писанія: книга и перо почти не выпадали изъ его рукъ. Своя семья ко всему этому давно привыкла; но бурлакамъ и Попову герой нашъ показался страннымъ, „чуднымъ“, въ особенности когда сталъ ихъ знакомить съ *Московскимъ Журналомъ*. Это случилось на другой день выѣзда, 24го августа. Второвъ читалъ февральскую книжку *Московского Журнала* за 1791, именно стихотвореніе на Новый Годъ *. Его особенно понравились слѣдующіе стихи, которые онъ послѣшилъ прочесть своимъ спутникамъ:

Я слышу въ далекахъ
Тамъ разкій трубный зыкъ;
Тамъ бубновъ громъ;
Тамъ стонъ
Воаторнъ.

Поповъ, прослушавъ это стихотвореніе, простодушно замѣтилъ: „Чего не напишутъ! Они ужъ взяли примѣръ съ Исакія, когда онъ видѣлъ бѣсовъ играющихъ на волторнахъ. Имъ только деньги чѣмъ-нибудь выманивать!“ Слушавшій стихотвореніе бурлакъ не сказалъ ничего. Задѣтый за живое, хотя и понявшій странность такого чтенія, Второвъ хотѣлъ отомстить своимъ равнодушнымъ слушателямъ чтеніемъ другихъ стиховъ, Осель и Лира, ** напечатанныхъ въ той же книжкѣ журнала, но ядовитость ихъ, кажется, не была понята его аудиторіей. Погода стояла переменчивая; не разъ поднимался сильный вѣтеръ; надобно было прятаться въ каюту. Но и въ каютѣ, и на палубѣ, Второвъ не покидалъ книжки и тетрадки. Вѣтеръ рвалъ рогожные паруса, а онъ, находясь на палубѣ, умудрялся писать себѣ, едва удерживая бумагу, лежавшую на помостѣ (кралѣ, по-бурлацки) гдѣ стоитъ рулевой. Нашъ авторъ производитъ свою работу стоя. Предъ его глазами красовался ветхій рогожный парусъ, лохмотьями котораго било его прямо въ лицо и голову; тутъ же, у кормы, лежали въ живолисномъ безпорядкѣ кормчіе бурлаки, кто на сплывѣ, кто на брюхѣ. Но въ тихую погоду наши аргонавты не сходили съ палубы даже ночью, которую напролетъ проводили въ созерцаніи красоть приволжской

* Это стихотвореніе Державина „Любителю Художествъ“ (*Громъ*, I, 362—366).

** Везде, подписанная буквою X.

природы, въ особенноти Жегулевскихъ горъ. Двѣмъ не разъ садились они въ лодку, причаливали къ берегу и выходили на поиски по окраинамъ лѣсовъ, для собиранія орѣховъ и ягодъ. На третій день плаванія, Иванъ Алексѣевичъ, вмѣстѣ съ сестрой Александрой, отправился на охоту съ ружьемъ. Но только-что они скрылись за кустами, которыми былъ покрытъ берегъ, какъ откуда ни возмись подступила къ бурлакамъ, которые привезли ихъ, сторожевая команда ставропольскихъ солдатъ, которая строго начала допрашивать послѣднихъ: не высадили ли они гдѣ-нибудь разбойниковъ? Вся эта дорожная обстановка, прогулки, ночныя бдѣнія, восхожденія на палубу и нисхожденія въ каюту, конечно, книги и стихи, воспламенили въ сердцѣ нашего героя любовь къ Татьянѣ Ивановнѣ и расположили послѣднюю къ тому же чувству. Любовники объяснились; „дражайшій поцѣлуй въ уста и лобзаніе рукъ другъ у друга“ залечатавали ихъ чувство; но прозаическій прїѣздъ въ Самару, гдѣ видѣлся въ перспективѣ противный уѣздный судъ, со скучнымъ судьей, Андреемъ Филатьевичемъ Чекановымъ, и грудами бумагъ, прервалъ этотъ романъ въ самомъ его началѣ.

II.

(1793—1795).

Самара.—Судья Чекановъ и городничій.—Служба въ Самарскомъ уѣздномъ судѣ.—Низкій уровень самарскаго общества сравнительно съ симбирскимъ.—Лѣкарь Баумгартель и Н. Д. Хардицъ.—Книгопродавецъ Пономаревъ и тогдашняя цензура книгъ.—Умственная и литературная дѣятельность въ Поволжьѣ.—Значеніе для этой мѣстности Карамзина.—Взвѣшеніе его на Второва.—Отношенія Второва къ Чеканову комчившіяся враждой и выходомъ въ отставку. Нравственная физіономія Второва смягчается.

Самара, куда вѣзжали наши путешественники, была для Второва роднымъ мѣстомъ, гдѣ протекло время его дѣтства и ранней юности, гдѣ каждая улица, каждый домъ были ему знакомы, да и самые Самаряне были извѣстны ему по именамъ и отчествамъ почти поголовно; въ Самарѣ, наконецъ, и около нея было у Второвыхъ не мало родныхъ, хотя и въ отдаленныхъ степеняхъ родства, но въ ту патриархальную эпоху, тѣмъ не менѣе, весьма почитаемыхъ. И

хотя бѣдное семейство, прожившее долго въ этомъ городѣ, кромѣ горя и нужды ничего не испытало и ни съ чьей стороны не находило ни малѣйшей помощи, но въ послѣдствіи времени горечь старыхъ отношеній была забыта, и живя въ Симбирскѣ, юный Второвъ уже благодушно относился къ прежнимъ знакомымъ, служилъ для нихъ исправнымъ комиссіонеромъ, сообщалъ имъ губернскаія вѣсти, преимущественно служебнаго свойства, и, по своей страсти къ писанію, конечно, не скулился на подробности. Два крупныхъ самарскихъ аристократа, городничій, не названный по фамиліи, и судья Чекановъ, до нѣкоторой степени за нимъ даже ухаживали, когда онъ служилъ при прокурорѣ. Теперь, по переездѣ въ Самару, эти отношенія должны были измѣниться. Андрей Филатьевичъ Чекановъ былъ масонъ, стало-быть, человѣкъ относительно образованный. Онъ принадлежалъ къ ложѣ Св. Іоанна, гдѣ значился ученикомъ, какъ гласила грамота, данная ему за подписью мастера ложи Алексѣя Ильина, начало которой, по словамъ И. А. Второва, было слѣдующее „Велія Слава Всевышнему Строителю вселенныя! Мы, мастеръ съ братіей и учениками ложи Св. Іоанна, просимъ всѣхъ, разсѣянныхъ во вселенной братій ложи Св. Іоанна признавать и почитать нашего любезнѣйшаго брата, Андрея Филатьевича Чеканова, ученикомъ“. Чекановъ что-то такое писалъ или списывалъ, имѣлъ у себя книги, не прочь былъ и почитать ихъ, не прочь былъ и поговорить о разныхъ серьезныхъ, по тогдашнему времени, матеріалхъ, но ни масонство, ни умозрѣнія не мѣшали ему быть человѣкомъ весьма практическимъ, съ твердою волей и крупнымъ характеромъ. Городничій былъ человѣкъ совсѣмъ иного закала: книгъ онъ никакихъ не читалъ. Карамзина ни во что ставилъ, но любилъ стихи и даже былъ охотникъ ихъ декламировать; любилъ и весело пожить, будучи человѣкомъ весьма общительнымъ. По поводу Карамзина у него съ Второвымъ бывали иногда смѣшныя сцены. Разъ послѣдній, приглашенный на обѣдъ городничимъ, захватилъ съ собою *Московский Журналъ* и вздумалъ было читать ему *Письма Русскаго Путешественника*, но городничій прервалъ чтеніе словами: „все это пустяки!“ приведшими въ „содроганіе“ гостя, по его собственному выраженію. Въ другой разъ, посланный судьей къ городничему для объясненія по одному дѣлу, Второвъ имѣлъ неосторожность сказать что ни онъ, ни судья не поняли его

записки, присланной къ нимъ по этому же самому дѣлу. „Что жь дѣлать! возразилъ съ любезною, хотя и ехидною улыбочкой городничій;—я не Карамзинъ и лучше писать не умѣю.“ Оба эти сановника, судья и городничій, встрѣтили Ивана Алексѣевича весьма радушно, и справедливость требуетъ сказать что послѣдній никогда не измѣнялъ къ нему добрыхъ отношеній. Кромѣ городничаго и Чеканова, у Второва явился въ Самарѣ цѣлый рой знакомыхъ, большею частію служащіе чиновники, частію же дворяне, проживавшіе въ городѣ. Какъ же почувствовалъ себя самъ авторъ дневника въ Самарѣ, въ этомъ новомъ, хотя и знакомомъ уже ему обществѣ?

Черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ въ Самару, въ дневникѣ Второва, подъ 2мъ сентября, мы находимъ слѣдующую запись: „Давеча въ полдни, послѣ обѣда, принялся за *Московский Журналъ* и началъ читать первое Письмо Русскаго Путешественника, разставанье его принимая къ себѣ. Чувствовалъ то же и плакалъ, особенно тронули меня слова: „Прощедшее есть сонъ и тѣнь. Гдѣ тѣ часы въ которые такъ „хорошо бывало моему сердцу посреди васъ, милые?“ Больше не читалъ, зарыдалъ и упалъ на постелю. Долго билось мое сердце; всхлипывая, наконецъ пересталъ и уже размышлялъ о прошедшихъ дняхъ моей жизни.“ Положимъ, слезы у нашего героя въ эту эпоху были ни почемъ; отъ вліянія тогдашней литературы онъ пріобрѣлъ способность безпрестанно плакать, по крайности такимъ себя выставляеть, но самарское общество 90хъ годовъ, въ большинствѣ, хоть кого могло привести въ отчаяніе. Карты, полойки всѣхъ родовъ, вечера и утренія, званья и незванья, сопровождавшіяся всякими безобразіями и нерѣдко драками, при отсутствіи иныхъ развлеченій, какъ театра и даже таволовальныхъ вечеровъ, составляли обычное времяпровожденіе тогдашнихъ Самарянъ. Правы въ большинствѣ общества также не отличались особенною чистотой. Часто случалось что нѣстные цензоры карали за нарушеніе нравственности даже лицъ высокопоставленныхъ въ уѣздной іерархіи, вымазываніемъ дегтемъ ворота, ставней и домовъ; кромѣ домашнихъ скандаловъ, разносимыхъ сплетнею по всему городу, случались скандалы крупныя, оглашавшіе цѣлый уѣздъ и даже всю губернію. Объ одномъ изъ такихъ скандаловъ повѣствуетъ Второвъ. Онъ касался нѣкоей Алашеевой, его родственницы,

помѣщицы бросившей мужа и бѣжавшей съ чужимъ лакеемъ, съ которыми болѣе трехъ лѣтъ она находилась въ связи. Губернаторъ послалъ за бѣглежкой погоню; имѣніе ея было отдано подъ опеку. Общественное мнѣніе тѣмъ болѣе было раздражено противъ нея что, бѣжавъ, она и ея сообщники сванили съ собою, неизвестно только чѣмъ, цѣлую семью дворовыхъ людей какой-то бѣдной капиталши. Вообще весьма неслестные отзывы мы находимъ въ дневникѣ Второва о самарскомъ обществѣ. „Всѣ мои компаніоны здѣсь, говорить онъ вскорѣ по пріѣздѣ, стараются только сократить время, и какъ-нибудь только бы пролетѣло оно тщетно: вездѣ только одно увеселеніе—пить и играть въ карты. Я привыкаю уже къ симъ упражненіямъ; за книгою становится мнѣ скучно; часто бываю въ ихъ бесѣдахъ и подражаю разнымъ тщетамъ.“ Но, несмотря на это подражаніе, доказываемое и содержаніемъ дневника, Второвъ вездѣ называетъ вещи настоящими ихъ именемъ, вездѣ гнушается сценами разврата и оскорбленіемъ человѣческой природы. Такъ, посѣтивъ, вскорѣ послѣ пріѣзда, одинъ порядочный домъ, Смолькова, * послѣ обѣда, онъ замѣчаетъ: „къ вечеру собралось общество развращенныхъ молодыхъ господъ. Я, съ ужасомъ смотря на нихъ, удивлялся и жалѣлъ — какими мечтамъ они преданы!“ Изъ знакомыхъ Второва рѣзко отличались двое, уже упомянутый лѣкарь Баумгартенъ, и нѣкто Николай Львовичъ Хардинъ, молодой человѣкъ, чѣмъ-то служившій въ уѣздномъ судѣ (кажется помѣщикъ, хотя и не богатый). Баумгартенъ какъ видно обжился въ Россіи; онъ любилъ выпить и въ хмѣлю былъ не слокоанъ. Книгъ русскихъ не читалъ, но говорить по-русски и писать кое-какъ умѣлъ. Увидѣвъ у Второва цѣлую бібліотеку русскихъ книгъ, привезенныхъ изъ Симбирска, онъ обратилъ вниманіе на молодаго человѣка какъ на рѣдкое явленіе въ окружающей его средѣ и охотно съ нимъ бесѣдовалъ о далекой своей родинѣ, о любимыхъ своихъ писателяхъ, изъ которыхъ Гёте и Геллертъ были Второву хорошо извѣстны, первый по *Вертеру*, которымъ онъ бредилъ въ эту пору. Баумгартенъ подлюбилъ юнаго секретаря и при составленіи русскихъ писемъ къ разнымъ

* Самарскаго помѣщика. Смольковыхъ было два брата—Дмитрій и Алексѣй Михайловичи.

высокопоставленнымъ лицамъ въ Петербургѣ, нерѣдко обращался къ нему за помощью. Николай Львовичъ Хардинъ сдѣлался вскорѣ наперсникомъ Второва, его ученикомъ, тѣмъ же чѣмъ былъ послѣдній по отношенію къ Н. М. Веревкину. При самомъ началѣ знакомства, въ Хардинѣ понравилась Второву внѣшняя порядочность и, при отсутствіи образованія, наклонности обличавшія порядочность внутреннюю и острый умъ. Вотъ какъ о немъ выражается Второвъ: „Я замѣтилъ превосходную изящность его мыслей и остроты; удивлялся его дарованію, что безъ наукъ и безъ большого чтенія успѣлъ онъ образовать свое сердце и научиться тонко разпачать предметы моральные и физическіе.“ Хардинъ жилъ съ матерью, которая впрочемъ умерла въ слѣдующемъ 94 году. Второвъ горячо принялся за образованіе Хардина. Они были почти неразлучны: вмѣстѣ читали, нѣкоторое время вмѣстѣ жили; Хардинъ, по примѣру Второва, завелъ журналъ и началъ писать стихи; подъ вліяніемъ Второва онъ проникнулся обожаніемъ Н. М. Карамзина.

Второвъ приводитъ между прочимъ слѣдующій отрывокъ изъ дневника Хардина: „Поутру въ 9 часовъ мы съ пріателемъ И. А. встали и разговаривали о религіи. Въ сіе время мы имѣли удовольствіе открывать внутренность нашу другъ другу.“ Въ образецъ же поэтическихъ дарованій своего друга, Второвъ приводитъ слѣдующіе его стихи:

ВЕСНА.

Уже зефиръ играетъ
 Въ поляхъ между дѣтвотъ
 И нѣжно добываетъ
 Листочки у кустовъ.
 Пернатые порхаютъ
 И въ рощахъ, и въ докахъ,
 Въ эфирѣ воспѣваютъ,
 Играютъ на дубкахъ.
 Весною утѣшался
 Громче соловей;
 Насвистывать старался
 Въ благодаренье ей.
 Тамъ горюшка играетъ
 Съ любовнымъ дружкой,
 Съ сука на суку летаетъ,
 Любуясь деревцомъ.

А вѣсь, съ горы кремнистой,
 Шумѣлъ и упадалъ
 Источникъ серебристой
 И быстро внизъ бѣжалъ;
 Вѣсь между древами,
 Въ долину расширялся,
 Прозрачными струями,
 Какъ будто, любовался.

Николай Львовичъ увлекся романомъ. Онъ влюбился въ одну дѣвицу Ш. (не названа по фамилии) и на одномъ вечерѣ, послѣ танцевъ, вздумалъ съ нею объясниться. Для этого онъ на доскуткѣ бумаги написалъ слѣдующіе стихи своего сочиненія:

Позволь лѣнливому тобой
 Сказать нелицемѣрно,
 Что я твоею красотой
 Страдаю безпримѣрно.

Стихи эти онъ вложилъ въ вѣеръ красавицы, который взялъ у нея изъ рукъ; но, при передачѣ вѣера по принадлежности, коварная бумажка изъ него выпала и тотчасъ же была подхвачена соглядатаями, которые, какъ оказалось, постоянно слѣдили за юною четой и едва ли не болѣе возмущались ихъ невинными отношеніями чѣмъ похождениями вышеупомянутой Алашеевой съ лакеемъ или исторіями съ дегтемъ. Оскорбленные родные дѣвицы Ш. отказали Хардину отъ дома, несмотря на всѣ его оправданія и извиненія. Николай Львовичъ былъ въ отчаяніи и въ это время ему было конечно не до книгъ и литературныхъ занятій.

Послѣ смерти матери Хардина, отношенія его къ Второву начали измѣняться и окончились обоюдною холодностію; въ маѣ 1794 года Николай Львовичъ оставилъ Самару и переехалъ въ Уфу. Намъ еще придется съ нимъ встрѣтиться, но уже при другихъ обстоятельствахъ. Итакъ, симбирскихъ друзей, съ которыми не прерывались сношенія Второва, замѣнить ему въ Самарѣ было нечѣмъ.

Несмотря на пустоту и пошлость тогдашней самарской жизни, несмотря на свою бѣдность и низменность общественнаго положенія, на тѣ же неблагопріятныя семейныя отношенія какія были и въ Симбирскѣ, юный Второвъ, которому едва исполнился 21 годъ, не погибъ однако въ этой пустотѣ, не завязъ по уши въ этой тинѣ. Его спасала тогдашняя, еще бѣд-

ная, наша литература, чтеніе, писаніе, веденіе дневника, въ которомъ онъ ежедневно отдавалъ себѣ отчетъ о прожитомъ времени и гдѣ самообличалъ себя безплощаднымъ образомъ; его спасли тѣ идеалы человѣческаго достоинства которые были созданы учениемъ масоновъ и ихъ пріемниковъ, писателей сентиментальной школы. Кромѣ литературныхъ, привычныхъ занятій, Второвъ началъ учиться въ эту пору игрѣ на флейтѣ; но какъ велики были его музыкальные успѣхи, объ этомъ онъ не сообщаетъ, заставляя повтому предполагать что были они весьма скромны. Въ Самарѣ уже въ то время, въ 1793 году, была книжная лавка, по крайней мѣрѣ, у кулца Пономарева, вѣроятно какого-нибудь бакалейнаго торговца, продавались книги. Эта продажа, конечно, ведетъ свое начало отъ учрежденія (1784 года) знаменитой Типографической Компаніи Новикова и друзей его, московскихъ мартинистовъ; въ предѣлахъ теперешнихъ Симбирской и Самарской губерніи она была распространена тогда многочисленными его приверженцами; въ числѣ этихъ послѣднихъ находились и братья Тургеневы (Иванъ и Петръ Петровичи), * помѣщики Самарскаго уѣзда, у которыхъ бывалъ и нянь Второвъ. Но 93—94 годы, въ которые проживалъ этотъ послѣдній въ Самарѣ, были уже неблагоприятны для литературной и книгопродавческой дѣятельности Новиковскаго кружка. Преслѣдованіе масоновъ не было тайною въ Самарѣ; 28го января 1794 года тамъ полученъ указъ сенатскій объ отобраніи трагедіи Княжнина *Вадимъ Новгородскій*. Вотъ что записано въ дневникѣ Второва по этому поводу: „Сегодня читалъ я указъ сенатскій, по секрету, о книгѣ подъ заглавіемъ: трагедія *Вадимъ Новгородскій*, сочиненіе Княжнина, которымъ велѣно у всѣхъ осмотрѣть оной книги, и ежели кто не объявитъ нынѣ, а послѣ окажется у того, то съ тѣмъ поступлено будетъ по законамъ строго. Прописано что въ оной книгѣ помѣщены какія-то дерзкія слова, могущія возмутить спокойствіе гражданское, относительно до правительствъ и царей. Чудно!“ **

* Съ И. П. Тургеневымъ, другомъ Новикова и Долухина, Второвъ познакомился въ 1794 году, въ деревнѣ Лплюкѣ, у помѣщика Григорова (Никола. Вас.).

** Вотъ настоящее названіе этой брошюры, составившей отдѣльный оттискъ изъ XXXIX тома *Россійскаго театра* 1793 года: *Вадимъ Новгородскій*, трагедія въ стихахъ и пяти дѣйствіяхъ, сочинена

лицевымъ и трагедіей Княжнина, полученіе книгъ въ Самарѣ, черезъ Пономарева, сдѣлалось очень затруднительнымъ: хотя Пономаревъ попрежнему выписывалъ книги, но онъ не прежде вручался заказчикамъ, какъ по разсмотрѣніи ихъ мѣстною цензурою, свѣтскою и духовною. Въ дневникѣ Второва читаемъ любопытныя подробности объ этомъ просмотрѣ. Бывши однажды (13го января 1794 года) у судьи Чеканова и просматривая присланныя Пономареву книги, вотъ что онъ замѣчаетъ:

„Я пожималъ плечами, услышавъ что здѣшняя инквизиція запретила продавать оныя. Скоро узналъ я что причиною сему было прелодѣйшее корыстолюбіе. Увидясь сначала съ благочиннымъ попомъ, извѣстнымъ уже мнѣ ханжею и зараженнымъ высокимъ о себѣ мнѣніемъ, невѣжею, отцомъ Н., говорилъ ему дружески что напрасно они не дозволяютъ продавать, и что должны бы болѣе пріохочивать людей къ распространенію просвѣщенія, ежели не окажется запрещенныхъ книгъ. Но онъ, съ показывающею глубину его знаній усмѣшкою, отошелъ отъ меня, сказавъ только:—мы-ста имѣемъ предписаніе! И тутъ доказалъ глубину своего невѣжества и подлости въ виду моемъ: отозвавъ мужика (вѣроятно, присланнаго Пономаревымъ), шепталъ ему что-то на ухо, а потомъ вслухъ оказалъ:—авись къ намъ непримѣнно. Думать надобно что тайныя слова его были не что иное, какъ подлая просьба мзды, или злословіе на меня, за мое стараніе. Вскорѣ потомъ встрѣчается мнѣ глава духовенства здѣшняго, протопопъ А., и предлагаетъ мнѣ самъ о данномъ уже ему знать что я защищаю книгопродавца. Я отвѣтствую ему то же что и первому ханжѣ. Но сей, извѣстивъ мнѣ по учености и добродушію противъ первого, говоритъ мнѣ съ учтивостію и съ солдатскимъ прибавленіемъ титла:

Як. Княжнинымъ. Слб.“ типогр. Им. Акад. Наукъ. 1793. 8°. Въ спискѣ рѣдкихъ книгъ Геланди (Слб. 1872) объ этой брошюрѣ говорится подъ № 84, на стр. 66—69, гдѣ доказывается что запрещеніе ея посядало не по опредѣленію Сената, о чемъ здѣсь положительно заявляетъ Второвъ, а по распоряженію генераль-прокурора Самойлова, который входилъ въ Сенатъ съ представленіемъ о необходимости запретить трагедію Княжнина. Экземпляръ *Вадима* въ Петербургѣ былъ уничтоженъ оберъ-полицеймейстеромъ Рыльевымъ, а въ Москвѣ—главнокомандующимъ княземъ Прозоровскимъ, во вѣдствіе письма генераль-прокурора, отъ 11го ноября 1793 года.

„Ваше благородіе! мы не запрещае́мъ ему (Пономареву) продавать, а только требуе́мъ свидѣтельства, нѣтъ ли противныхъ законамъ книгъ.

„Это можно рассмотретьъ у него, а не такъ чтобъ онъ явился къ вамъ со всѣмъ своимъ товаромъ.

„Онъ открылъ мнѣ, посредствомъ шутокъ, что причина ему есть не иное что, какъ издоимство. Послѣ, увидѣвшись съ книгопродавцемъ, не велѣлъ я ему ничего имъ давать, а въ противномъ случаѣ чтобъ онъ просилъ городничаго, которымъ уже позволено было продавать ему книги. Наконецъ я узналъ что мои защищенія были для него (Пономарева) не безъ пользы.“

Но эти неудобства къ приобрѣтенію книгъ въ Самарѣ для Второва не могли быть особенно чувствительны, при его безпрерывныхъ сношеніяхъ съ симбирскими друзьями и, частію, съ казанскими знакомыми. Въ этихъ сношеніяхъ главную роль играла, конечно, переписка, сентиментально-мистическаго свойства. Друзья обмѣнивались не одними мыслями, но и выдержками изъ своихъ дневниковъ, сочиненіями, стихами. Все это они заботливо перечитывали, анализовали, писали по поводу этихъ пріятельскихъ упражненій длинныя рецензіи; такъ, по крайней мѣрѣ, дѣлалъ И. А. Второвъ со стихотвореніями симбирскаго поэта Степана Ивановича. Но послѣ писаній всякаго рода, пересылка книгъ занимала самое видное мѣсто въ этой дружеской корреспонденціи. Нельзя не удивиться что назадъ тому 80 лѣтъ, въ глухой, неподвижной, мѣстности, было такое сильное умственное движеніе въ молодежи; но дѣло въ томъ что мѣстность о которой идетъ рѣчь, Поволжье, вове́е не была глухою въ ту пору, особенно въ литературномъ смыслѣ: вспомнимъ Державина-Казанца, Дмитриева и Карамзина-Симбиряковъ, П. А. Татищева, Тургеневыхъ и другихъ мартинистовъ-поволжанъ.

Исторія русскаго провинціального масонства вообще очень мало извѣстна; несомнѣнно одно, что оно въ губерніяхъ лежащихъ по Волгѣ было болѣе распространено, чѣмъ гдѣ-либо. Такъ, въ Казани, еще въ 1776 году существовала ложа „Восходящаго солнца“ (системы Елагина); въ 1784 году была основана И. П. Тургеневымъ ложа въ Симбирскѣ (системы „Розоваго Креста“, сдѣлавшейся у насъ господствующею)*.

* Она же „Золотаго Вѣнца“ (XVIII вѣкъ Бартенева, II, 369).

Татищевъ (Петръ Алексѣевичъ), префектъ Московской ложи „Коронованнаго Знамени“, другъ Шварца и дѣятельнѣйшій членъ „Дружескаго Общества“ и Типографической Компаніи, былъ богатымъ казанскимъ помѣщикомъ и, живя въ Москвѣ, не прерывалъ сношеній съ Казанью. Въ этомъ городѣ, подготовляемомъ, благодаря существованію гимназій (съ 1768) и дѣятельности такихъ директоровъ какъ Верекинъ и фонъ-Каницъ, болѣе другихъ ко всякому умственному движенію, если масонство послѣдней формаціи не имѣло особой, правильно организованной ложи, то имѣло многихъ и притомъ очень даровитыхъ послѣдователей, находившихся въ тѣсной связи съ Москвою *. Назовемъ такихъ лицъ какъ Москотильниковъ (Савва Андр.), другъ Новикова и Лабзина, переводчикъ Тассова *Освобожденнаго Иерусалима*, Каменевъ (Гавріиль Петров.), авторъ *Громова*, и Полянскій (Василій Илатовичъ). Объ этихъ личностяхъ скажемъ еще нѣсколько словъ ниже **. Умственное движеніе возбужденное русскимъ масонствомъ находится въ связи съ литературно-общественною дѣятельностію Карамзина, для которой оно было подготовкой. Масонскія ложи были закрыты и подвергнуты преслѣдованію; но ихъ просвѣтительныя и либеральныя стремленія остались, лишь облекшись въ сентиментальную оболочку и утративъ свою мистико-теософическую окраску.

О громадномъ вліяніи Карамзина на современную ему молодежь 80 — 90хъ годовъ прошлаго вѣка едва ли не болѣе всего свидѣтельствуютъ записки Второва. Мы уже видѣли какимъ горячимъ карамзинистомъ былъ герой нашъ и въ какое неловкое положеніе онъ себя ставилъ, желая распространить кругъ читателей обожаемаго имъ автора. Къ сказанному, для полноты подробностей о великомъ писателѣ,

* М. Н. Лонгиновъ, *Новиковъ и Московскіе Мартинисты*, ст. 95 и 167—180. А. Артемьевъ, *Казанскія Гимназіи*, 171 172.

** Богатая мистическая библіотека Москотильникова, въ полномъ своемъ составѣ, приобрѣтена профессоромъ Шпилевскимъ, назадъ тому два года. Но бумаги Каменева постигла иная судьба. Въ Казани еще живетъ родная внучка Каменева, богатая купчиха Круленникова, старуха. Въ августѣ 1874 года, когда въ Казани производились разные обыски, она со страху сожгла дѣлныя ащикъ масонскихъ писемъ дѣда и бумагъ его и о ихъ существованіи оповѣстала только тогда когда все уже было кончено.

считаемъ не лишнимъ прибавить нѣсколько фактовъ. Въ октябрѣ 93го года Второвъ отправился въ деревню Алексѣевку, недалеко отъ Самары, къ своимъ знакомымъ Молоствовымъ *. Семейство это, какъ кажется, интересовалось литературой; по крайней мѣрѣ, въ домѣ была библіотека. Въ числѣ гостей съѣхавшихся къ Молостковымъ находились и симбирскіе знакомые Второва, мужъ и жена Куроѣдовы, встрѣтившіе его весьма ласково. Самъ Куроѣдовъ также горячо, какъ и прежде, принималъ участіе въ служебномъ и семейномъ положеніи Ивана Алексѣевича и обѣщавъ достать ему мѣсто въ канцеляріи Суворова; но Надежда Ивановна огорчила его до глубины души. Разъ за обѣдомъ, герой нашъ не вытерпѣвъ и началъ расхваливать *Московский Журналъ* своему сосѣду; этотъ послѣдній обратился къ Куроѣдовой и сталъ спрашивать ея мнѣнія. Не долго думая, Надежда Ивановна ** начала ругать Карамзина, называя его *дуракомъ* и

* Молостковыхъ было два брата, Порфирій и Христофоръ Львовичи, люди очень богатые. Они находились въ большой дружбѣ съ казанскимъ губернаторомъ Мансуровымъ. Старшій Молоствовъ имѣлъ свой домъ въ Казани, въ которомъ проживалъ Вигель, состоявшій при посольствѣ гр. Головкина. (См. „Воспоминанія“ ч. II, стр. 129—130.) Мать этихъ Молостковыхъ имѣла какіе-то денежныя претензіи на Державина, которыхъ поэтъ, обѣщаясь уплатить, признавалъ однако неблагоугодными, что и высказываетъ въ письмѣ къ старшему Молоствову отъ 29го августа 1788. (См. сочин. Державина, изд. Я. К. Грота, V, 54.)

** Эту личность, какъ уже оказало, С. Т. Аксаковъ изобразилъ въ своей *Семейной Хроникѣ* и *Воспоминаніяхъ*. Въ *Хроникѣ* она выводится подъ именемъ Прасковьи Ивановны, жены Михаила Максимовича Куроѣдова, а въ *Воспоминаніяхъ* подъ своимъ настоящимъ именемъ. Нѣкоторыя черты ея характера, въ положеніи богатой, независимой вдовы, ярко рисуются въ *Воспоминаніяхъ*. По смерти ея (въ 1806 году), все состояніе ея перешло къ Аксаковымъ по духовному завѣщанію. Идеализованная въ *Хроникѣ*, въ *Воспоминаніяхъ* Аксакова она явится такою же какъ здѣсь у Второва, грубою, но честною и прямою. Но знаменитый Аксаковскій Куроѣдовъ, или дѣйствительный Куроѣдовъ, на самомъ дѣлѣ, по крайней мѣрѣ въ отношеніяхъ своихъ къ Второву, былъ не такимъ человекомъ: онъ, какъ видѣлъ читатель, принималъ самое горячее участіе въ молодомъ человекѣ и, кажется, помогалъ его семейству. Второвъ называлъ Михаила Матвѣевича своимъ „отвѣднымъ менторомъ“. По переѣздѣ въ Самару, они видѣлись рѣже.

утверждая что онъ лишеть „только лустошь“, въ родѣ того, какъ онъ ѣхалъ дорогою и забрызгался грязью, и что она, изъ презрѣнія, бросила книгу и не дочитала ее до конца. „Боже мой! токъливо восклицаетъ намъ герой, какъ мучительно слушать такія гаулыя сужденія отъ невѣждъ о вещахъ коимъ не знаютъ цѣны!“ Въ другой разъ, у себя въ Самарѣ, когда однимъ изъ гостей Второва, слушая *Бѣдную Лизу*, лѣнился красотою слога и хвалилъ сочинителя; „и я доволенъ былъ сею похвалою, замѣчаетъ хозяинъ, для того что я больше всѣхъ почитаю любезнаго сочинителя г. Карамзина.“ Получивъ въ концѣ 1798 года отъ своихъ симбирскихъ пріятелей извѣстіе о Карамзинѣ такого рода, „что онъ несчастливъ и только что живъ, а больше ничего,“ * Иванъ Алексѣевичъ, по этому поводу, лишеть: „мое сердце облилось кровію, какъ о родномъ моемъ братѣ, какъ о любезномъ моемъ другѣ; такъ я его почитаю!“

Но не одного Карамзина читалъ Второвъ и не имъ однимъ восхищался; въ это время своей самарской жизни онъ былъ подъ преобладающимъ вліаніемъ *Вертера* Гёте, котораго, кажется, никогда не выпускалъ изъ рукъ и къ которому особенно часто прибѣгалъ въ минуты душевнаго разстройства, какихъ у него бывало не мало; читалъ онъ много и другихъ книгъ, конечно, только на русскомъ языкѣ, а нѣкоторыя, какъ исторія Шрекка и Роллена, онъ изучалъ самымъ старательнымъ образомъ. Какъ кажется, секретарская должность не улучшила экономическаго положенія молодаго человѣка: Второвы занимали въ Самарѣ маленькую квартиру и жили попрежнему очень бѣдно; попрежнему, т.е. почти также какъ и въ Симбирскѣ, чтеніе казалось матери и старшей сестрѣ Второва занятіемъ не только бесполезнымъ, но и убыточнымъ: на него выходило столько сальныхъ свѣчъ! Попрежнему, какъ и въ Симбирскѣ, избѣгая домашнихъ бурь, Второвъ нерѣдко уходилъ изъ дому ночью, за часъ и за два до разсвѣта, въ уѣздный судъ, подъ предлогомъ занятія дѣлами, а на самомъ дѣлѣ чтобы наслаждаться въ тишинѣ чтеніемъ любимой книжки. Поистинѣ, было много трогательнаго и поэтическаго въ этихъ утреннихъ бѣдвнняхъ,

* „936 годъ былъ еще тяжеле для Карамзина, чѣмъ 92“, говоритъ его біографъ, М. П. Погодинъ: „въ 98 году онъ лишился своего перваго друга, Петрова.“ Но о болѣзни Карамзина у Погодина мы ничего не находимъ.

въ этихъ юношескихъ восторгахъ, забывавшихъ все на свѣтъ,—и печальную прозаическую жизнь, и жалкую обстановку канцелярш уѣзднаго суда! „Какая тишина! Какое спокойствіе! Какал свѣжесть въ мысляхъ моихъ!“ восклицаетъ восторженный юноша въ одну изъ такихъ минутъ. Но такія минуты полнаго спокойствія и довольства были рѣдки. Умственные занятія Второва, его самоусовершенствованіе и самообразованіе встрѣчали въ это время въ Самарѣ препятствія почти неодолимая и во всякомъ случаѣ мѣшавшія правильному ходу дѣла. Препятствія эти лежали въ немъ самомъ, въ его незрѣлости и въ неокрѣпости его характера, въ пустотѣ и пошлости окружающей жизни, въ отношеніяхъ къ семейству и въ служебныхъ занятіяхъ. Какъ прежде, въ Симбирскѣ, такъ и теперь, въ Самарѣ, даже едва ли не болѣе, приказная служба не шла на умъ молодому человеку; служебная дѣла его плохо клеились. Такое положеніе, въ связи съ занятіями неслужебными, чтеніемъ и писаніемъ, въ особенности по ночамъ, съ образомъ жизни не всегда безукоризненно-правильнымъ, съ характеромъ увлекающимся и поддающимся первымъ впечатлѣніямъ, не могло нравиться матери Второва, женщиנѣ необразованной, но весьма практической и съ твердымъ характеромъ. Отношенія между матерью и сыномъ нисколько не улучшились: она попрежнему за все и про все его журила, — и за сожигаемыя лоналраску свѣчи, и за игру на флейтѣ, и за нерадѣніе по службѣ; сынъ попрежнему бранилъ ее, осыпалъ ее самыми вѣдкими укормзнами въ своихъ запискахъ, обращенныя которыхъ мы видѣли выше. Но когда проходили эти бури, когда мать выражала свое неудовольствіе на сына молчаливыми слезами, послѣдній искренно и горячо раскаивался въ своихъ ошибкахъ и умысленныхъ или неумысленныхъ оскорбленіяхъ ей причиненныхъ. Кроткая, спокойная укормзна матери совершенно его обезоруживала: предъ нею исчезалъ „весь куражъ“ его, хотя этого „куража“, какъ увидимъ, было у него немного. Въ одну изъ такихъ благихъ минутъ, послѣ перваго урока на флейтѣ, подавшаго поводъ къ упрекамъ матери въ непостоянствѣ занятій и въ отлыниваніи отъ службы, герой нашъ въ первый разъ высказываетъ свои задушевыя цѣли. „Я человекъ, говорилъ онъ, и одаренъ свободою не менѣе другихъ: та же душа и сердце, слѣдовательно, и наклонности должны у меня равняться съ подобными мнѣ

любыми“.... „Если судьба, продолжаетъ онъ, порицающій меня за пераѣвнїе къ службѣ, имѣеть похвальную склонность заниматьса ею и размышлять только о дѣлахъ канцелярскихъ; если инымъ нравится быть экономами, математиками, ухаживать за женщинами, играть въ карты и пр.; то и я, занимаясь разными упражненїями, имѣю господствующую склонность къ изящнымъ знанїямъ. Итакъ, должно ли переламывать себя, когда уже зажженная къ сему искра возгорѣлась болѣе другихъ? Пусть буду я презренъ по службѣ юридической; но я найду себѣ подобныхъ въ моей склонности, — найду, и буду посреди ихъ спокоевъ. Духъ мой и сердце будутъ восхищаться изящными чувствованїями, а особливо *если удастся достигнуть лишь моей цѣли, — зота посредственнаымъ быть поэтомъ*. Тогда уже ничто не можетъ сравниться съ моимъ блаженствомъ: я буду въ тишинѣ утѣшать себя сею усладительницею жизни (то-есть поэзіей).“
Здѣсь кѣмъ то привести обращикъ тоглашнихъ поэтическихъ упражненїй Второва.

Когда въ темницѣ засыпаетъ
Невольникъ, страдающій въ цѣлахъ,
Свое заочастье забываетъ,
Всѣ скорби, горести и страхъ;
Когда смежить ему зѣницы
Мгновенный утѣшитель-сонъ,
То и средь мрачныхъ темницы
Отраду ощущаетъ онъ.

Крылаты крысаи лишь затмѣна
Забвенья облакомъ густымъ,
Лишь скорби въ чувствахъ укроются,
Терпимыя въ неволѣ имъ;
Тогда мечты ему предоставятъ
Счастливыя прошедши дни,
Свободу прежнюю доставятъ
И восхитатъ его они.

и т. д.

Хотя, по служебнымъ отношенїямъ, Второвъ гораздо ближе стоялъ къ Андрею Фидатьевичу Чеканову, самарскому судѣ, чѣмъ къ прежнему своему начальнику Лалтеву, симбирскому прокурору, въ нѣкоторомъ родѣ аристократу, однакоже эта близость отношенїй не привнесла ни малѣйшей пользы нашему юношѣ-литератору; въ концѣ концовъ въ

Лаптевъ онъ нашелъ себѣ покровителя, въ Чекановѣ—врага. Сначала и долго потомъ они были неразлучны. Чекановъ запросто приходилъ къ Второву; Второвъ ежедневно бывалъ у Чеканова и вмѣстѣ съ нимъ путешествовалъ по самарскимъ вечеринкамъ, обѣдамъ и званымъ и не званымъ пирогамъ. Судья бралъ изъ библиотеки своего секретаря книги и атласы, но, кажется, больше „баловался ими“, чѣмъ читалъ. Но скоро отношенія измѣнились. Второвъ навлекъ на себя преслѣдованіе судьи за его нерадивое отношеніе къ службѣ. Герой нашъ во многомъ былъ неправъ; онъ самъ, и не разъ, сознается въ своей лѣности и въ своемъ служебномъ нерадѣніи. Повидимому, впрочемъ, не одно служебное нерадѣніе было причиною преслѣдованія Чеканова, а что-то еще личное, хотя намъ и неизвѣстное. Неудовольствія судьи начались съ половины ноября 1793 года, за то что Второвъ забылъ дать приказнымъ свѣчей для вечернихъ занятій и не залеръ ящика въ которомъ находились печать и другія, какія-то, секретныя вещи; за эту олошность онъ получилъ выговоръ. Въ слѣдующемъ году эти выговоры стали учащаться, по мѣрѣ того какъ возрастала апатія Второва къ канцелярской работѣ, выражавшаяся, между прочимъ, тѣмъ что онъ не всегда бывалъ на вечернихъ занятіяхъ: за эти отлучки Второвъ долженъ былъ выслушать (въ февралѣ) отъ судьи жестокое распеканье, въ которомъ ничего не было забыто, ни укоризны въ „неуваженіи къ начальству“, ни угрозы аттестовать „неспособнымъ и безлечнымъ“ въ формулярѣ, или представить таковымъ высшему начальству, ни справедливость, во имя которой, по словамъ разгнѣваннаго начальника, онъ не спустилъ бы и отцу родному. Распеканье въ этомъ родѣ, по словамъ нашего героя, продолжалось съ добрую вечерню. Второвъ не могъ ни слова сказать въ свое оправданіе и „слушалъ едва удерживая слезы“. „Для столь мягкосердечнаго, для такого малодушнаго и робкаго, каковъ я (говорилъ онъ далѣе), сколько чувствительно должно быть такое наказаніе!“ Перенести его спокойно не хватило „куражу“, и вотъ нашъ герой въ тотъ же день послѣ обѣда, вмѣсто того чтобы пойти въ судъ, завалился на постель съ *Вертеромъ* въ рукахъ и началъ читать этотъ романъ, выбирая изъ него самыя патетическія страницы и вымучивая для собственнаго вящаго страданія изъ глазъ своихъ послушныя слезы. „Рыдалъ, повѣствуетъ онъ, не-

утѣшно и нѣсколько капель скатившихся по лицу моему оросили подушку поддерживающую печальную мою голову“. Однако слезы и *Вертеръ* плохо помогали. Чекановъ одѣлался неутомимъ и сталъ придираться къ пу-
 стякамъ, не обращая вниманія на то что Второвъ, послѣ каж-
 дой распекаціи, которая участилась, становилась вниматель-
 нѣе къ своей секретарской должности. Дѣло дошло наконецъ
 до того что онъ представилъ нашего героя къ увольненію
 за перадѣіе и лѣность, и хотя потомъ велѣлъ уничтожить
 это представленіе, но молва о немъ разнеслась по всему го-
 роду, а въ мірѣ чиновномъ неспособность къ чиновничеству,
 засвидѣтельствованная компетентнымъ начальникомъ, при-
 знавалась если не преступленіемъ, то свидѣтельствомъ со-
 вершенной негодности чловѣка. Второву многіе перестали
 кланяться, нѣкоторые просто отворачивались; положеніе его
 было невыносимо; онъ началъ думать о выходѣ въ отставку
 и задумалъ промѣнять Самару на Казань, Москву или Пе-
 тербургъ; одно лишь остаивало его поискать счастья въ
 другомъ мѣстѣ: „ужасная, какъ онъ говорить, бѣдность моя
 и несостояніе чѣмъ содержать мое семейство“. О семействѣ
 въ эту критическую пору его жизни мы ничего не узнаемъ
 изъ дневника; неоспоримо что оно по крайней мѣрѣ не при-
 соединилось къ толпѣ недоброжелателей нашего героя. Меж-
 ду тѣмъ Чекановъ продолжалъ свои нападки, съ каждымъ
 разомъ выражая ихъ все въ болѣе грубой формѣ ругни и
 брани. Второвъ, чтобъ умиловить свою злосчастную судь-
 бу въ образѣ судьи-мучителя, налагаетъ на себя странную
 эпитамію: не ѣсть ничего кромѣ хлѣба и воды въ продолже-
 ніи трехъ дней, и въ первый обѣдъ (18го мая 1794 года) до-
 бросовѣстно ее исполняетъ, отказавшись отъ прекрасной ухи
 приготовленной изъ свѣжей волжской рыбы, но въ вечеру то-
 го же дня онъ для успокоенія себя прибѣгнулъ къ совер-
 шенно противоположному средству, къ крѣпкимъ напѣткамъ,
 которые дѣйствительно помогли ему на нѣкоторое время за-
 быться. Но „злойный мучитель“ его (такъ сталъ онъ назы-
 вать Чеканова) готовилъ ему впереди и изъ-подтишка бѣды
 еще горшія,—изъ-подтишка говоримъ потому что онъ про-
 должалъ быть любезнымъ съ Второвымъ, ласково съ нимъ
 разговаривалъ при другихъ и даже принималъ его у себя.
 12го юня, въ присутствіи всѣхъ членовъ и канцеляристовъ
 уѣзднаго суда, при открытыхъ дверяхъ въ помѣщеніи замѣ-

маемомъ тутъ же судомъ земскимъ, Андрей Филатьевичъ разбавилъ въ лухъ Второва. Герой нашъ молчалъ „и неутѣшно рыдалъ“, испытывая такой незаслуженный и безпощадный позоръ. Вечеромъ съ *Вертеромъ* въ рукахъ онъ пошелъ бродить по городскому кладбищу. Но страданія Вертера, вызывавшія у него потоки слезъ, и печальный пріютъ самарскихъ праотцевъ не облегчили гнетущаго его горя, публично испытаннаго позора. Къ счастью, подошедшій къ этому времени двадцативосьмидневный отлускъ, о которомъ еще прежде просилъ онъ, далъ ему возможность покинуть Самару, что послѣдовало 27го іюня 1794 года.

Изъ отдѣльныхъ, сколько-нибудь замѣчательныхъ фактовъ относящихся ко времени пребыванія въ Самарѣ Второва, почти не на что указать. Самарская жизнь его разнообразилась только поѣздками, которыя, при отношеніяхъ съ Чекановымъ, не могли быть часты. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ (въ началѣ октября 1793 года), въ село Алексѣевское къ Молоствовымъ, остановившись въ ожиданіи сѣмны лошадей, Второвъ читалъ какую-то тетрадь о путешествіи Петра Великаго, по его словамъ написанную неправильно и дурнымъ слогомъ, но очень любопытную. На рождественскія святки онъ ѣздилъ въ Симбирскъ, гдѣ пробылъ до 9го января 1794 года, въ обществѣ своихъ друзей. Долгая его отлучка подала поводъ уѣздной молвѣ распространить слухъ что Второвъ остается въ Симбирскѣ секретаремъ у губернатора; „какіе скверные здѣсь жители!“ замѣчаетъ по поводу этой молвы недовольный ею нашъ авторъ. Въ мартѣ 94го года одна изъ тетокъ Второва по матери, Лизвета Леонтьевна Пяткина, бѣднѣйшая дворянка, проживавшая по домамъ помѣщиковъ, привезла и отдала ему на руки своего сына для опредѣленія его на службу; авторъ дневника замѣчаетъ что чрезъ это для него прибавились новыя заботы; этотъ сынъ, какъ увидимъ, игралъ важную роль въ жизни героя нашей хроники. Въ томъ же мѣсяцѣ монотонная самарская жизнь Второва оживилась пріѣздомъ съ Кавказа его двоюроднаго брата, также Второва (Петръ Борисов.), служившаго въ Воронежскомъ мушкетерскомъ полку и отправлявшагося для свиданія съ матерью въ Оренбургъ*.

* Кажется, въ этомъ городѣ находилась и другіе члены старшей линіи Второвыхъ.

Два-три раза лѣтомъ 1794 года Иванъ Алексѣевичъ ѣздилъ въ ближайшія къ городу деревни, къ окрестнымъ помѣщикамъ, которые замѣтно ласкали молодаго человѣка, рѣзко отличавшагося отъ всей приказной братіи. Съ этой поры начинаются его облаженія съ братьями Гургеневыми, Углицкими (Василій и Андрей Андреев.), Молоствовыми, Микулиными (Павелъ и Порфирій Петровичи), Смольковыми и др. Въ дневникъ записаны два случая свидѣтельствующіе о тогдашней общественной безопасности: первый, нападеніе Калмыковъ на конскіе табуны въ Самарѣ и отогнаніе этихъ лошадей; второй, открытый дневной грабежъ на Волгѣ, съ оружіемъ въ рукахъ. Разбойники напали на купца плавившаго на своемъ суднѣ въ Астрахань, ограбили его до нитки, избили и изранили картежными пулями до полусмерти; въ суднѣ пообрубали все снасти и лустили его по теченію рѣки. Къ счастью, одинъ добрый человѣкъ, судопромышленникъ, встрѣтивъ судно, остановилъ его и, найдя на немъ лежащаго безъ сознанія хозяина, привезъ его въ Самару, заявилъ о происшествіи, а умирающаго купца отдалъ на попеченіе лѣкаря Баумгартена.

Одновременно съ отлускомъ, Второвъ просилъ и объ отставкѣ, которая и прислана ему была въ началѣ октября 1794 года, по возвращеніи изъ Симбирска. Изъ Симбирска Второвъ ѣздилъ въ Казань; тамошніе пріатели звали его, по выходѣ въ отставку, переселиться совѣтъ въ этотъ городъ, обѣщая ему свое содѣйствіе при опредѣленіи на службу. Къ сожалѣнію Второвъ не сообщаетъ подробностей о своемъ путешествіи въ эти два города, между тѣмъ какъ оно (по крайней мѣрѣ поѣздка въ Казань) не лишено было значенія и не осталось безъ ваіянія. Въ Казани онъ сошелся съ главою тамовскихъ масоновъ, С. А. Москотильниковымъ. При первой встрѣчѣ, нѣсколько суровый на видъ Москотильниковъ не понравился Второву; но разстались они по пріятельски. Москотильниковъ, какъ видно, былъ очень близокъ съ вышеупомянутымъ Бобровскимъ и Орловымъ (Кондрат. Сергѣев.), префектомъ Казанской семинаріи. Въ домахъ Бобровскаго, Орлова и Москотильникова бывали (можетъ-быть по случаю самарскаго гостя) частыя собранія, днемъ (обѣды) и вечерами. Второву болѣе всего понравились вечеринки у Москотильникова, гдѣ слухъ его услаждался игрою на скрипкѣ и флейтѣ и гдѣ хозяинъ находилъ возможность

говорить съ нимъ „объ упражненіяхъ въ познаніи самого себя“. Бывалъ ли на этихъ вечеринкахъ другъ Саввы Андреевича, Каменевъ, изъ дневника Второва не видно. „Савва Андреевичъ и Василій Родіоновичъ (Бобровскій) принудили меня“, говоритъ авторъ дневника, „предъ отъѣздомъ дать имъ слово чтобы непремѣнно, по возвращеніи въ Самару, проситься въ отставку и пріѣзжать къ нимъ въ Казань, гдѣ общались къ опредѣленію меня сдѣлать всякое пособіе.“ Совѣтъ этотъ пришелся какъ нельзя болѣе кстати. Еще болѣе скучнымъ на извѣстія дѣлается Второвъ по возвращеніи въ Самару, выйдя въ отставку: по нѣсколькимъ дней и недѣль онъ ровню ничего не записываетъ, а что и записываетъ, то уже черезчуръ лаконически. Последняя запись въ журналѣ за 1794 годъ была сдѣлана имъ 15го декабря. Въ этотъ день онъ не выходилъ изъ дому и съ пяти часовъ утра до шести часовъ вечера, почти не вставая съ мѣста, все занимался чтеніемъ; на душѣ у него было свѣтло и покойно. „Создатель мой“, читаемъ въ записи, „еслибы всегда такая благодать небесная посѣщала меня! Еслибы всѣ праздные часы, коихъ бываетъ несравненно больше, употреблены были съ пользою на подобныя сему упражненія, я былъ бы счастливъ, былъ бы спокоевъ, несмотря на состояніе моей жизни!... Читая Невтонову оптику, воображалъ я Эйлера, его физическія письма, его жилище (пробываніе) въ Россіи, вдругъ мысленно перелетѣлъ и самъ въ Москву, познакомился съ нѣкоторыми учеными, которыхъ мнѣ фантазія изображаетъ одніи тѣни. Между тѣмъ посѣщаю типографію; сочиненія Саввы Андреевича * у меня въ рукахъ; я сочиняю самъ къ нимъ предисловіе, сочиняю письмо къ Николаю Львовичу (переписка съ которымъ въ послѣднее время возобновилась) и посвящаю ему сіе собраніе. Издаю въ печать. Главная цѣль сего изданія не интересъ и не ласкательство, но единая жертва благодарности и усердія моему чувствительному другу, чтобы симъ возбудить въ немъ склонность, мнѣ извѣстную, къ наукамъ, или, по крайней мѣрѣ,

* Москотальниковъ перевелъ *Освобожденный Иерусалимъ* съ французскаго. Этотъ переводъ былъ изданъ въ Москвѣ два раза, въ 1819 и 1820—21 годахъ. Съ италіанскаго эта поэма переведена А. С. Шашковымъ и напечатана въ Петербургѣ почти одновременно (1818—1819).

къ упражненію въ чтеніи и писаніи. Потомъ разсылаю сіи книжки ко веѣмъ моимъ друзьямъ и пріятелямъ"... Таковы были наивныя мечтанія двадцатидвухлѣтняго юноши обнаруживавшаго несомнѣнную склонность къ литературнымъ занятіямъ. Тогдашняя русская литература, при всей своей незрѣлости, сдѣлала свое дѣло: она порвала всякую моральную связь между молодымъ человекомъ и окружающею его дѣйствительностію, — канцелярскимъ, приказнымъ міромъ; она загнала этого юношу въ самого себя, въ міръ мечтательности, отвлеченій, и заставила его стремиться *куда-то*, но куда именно, онъ самъ еще не могъ отдать себѣ отчета. Иванъ Алексѣевичъ принадлежалъ къ числу тѣхъ самоучекъ, которые, къ счастью, никогда не переводились на Руси со времени Ломоносова. Ихъ нравственный обликъ тѣмъ любопытнѣе, чѣмъ большимъ пространствомъ времени они отъ насъ отдѣляются. Но будущій литераторъ, какимъ мы готовы признать Второва, съ той поры какъ онъ оставилъ секретарскую должность въ Самарскомъ уѣздномъ судѣ, вмѣсто того чтобы развернуться, расписаться, сдѣлаться говорливѣе, хотя бы въ томъ же сентиментальномъ направленіи, вдругъ почти умолкаетъ на цѣлыхъ шесть лѣтъ! Что же это значитъ? Самарскія свои записки авторъ оканчиваетъ слѣдующею шуткой: „Самарская муза пресѣкла гласъ свой на семь мѣствъ и будетъ отдыхать до времени когда опять настроитъ *кобузу* свой, у котораго крючекъ уже началъ бряцать. Не дивитесь! Здѣшніе жители, будучи въ сосѣдствѣ съ Азіятцами, весьма часто утѣшаютъ себя ихъ музыкою.“ Но на самомъ дѣлѣ автору дневника было не до шутокъ.

Съ 16го декабря 1794 по 10е апрѣля 1795 года въ журналѣ Второва не написано ни одной строчки. Но подъ это послѣднее число вотъ что читаемъ:

„Съ 15го числа декабря по 10е сіе апрѣля происходили со мною ужасныя перемены; но я, въ разсѣянности моей отъ оныхъ, ничего не записалъ въ моемъ журналѣ. Все оставлено, все забыто! Сіи записки (1792—1794) прекращаются. Я начну новаго рода мои записки съ начала 795 года, гдѣ запишу что упомяну о происшествіяхъ по сіе число со мною послѣдовавшихъ; и сколько оный (новый журналъ) продолжаться будетъ, не знаю.“

Но данное самому себѣ обѣщаніе не было исполнено: журналъ на два года прекратился совсѣмъ, и хотя возобновился

съ 1797 года, но велся весьма небрежно и отрывочно, такъ что въ продолженіе четырехъ лѣтъ, до 1801 года, авторомъ не исписано и десяти листовъ.

Что же означала такая перемѣна съ нашимъ будущимъ литераторомъ? Объ этомъ въ слѣдующей главѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

М. ДЕ-ПУЖЕ.

ТЕТЯ ЛЕНА

РАЗКАЗЪ ИЗЪ ЧЕШСКОЙ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ МОРИЦА
ГАРТМАНА.

I.

Точно все это случилось вчера. А вѣдь міровыя событія легли между „тогда“ и „теперь“. Тогда говорилось еще о смерти Наполеона какъ о новости. Многіе ужасные годы мирно прошли надъ чешскою деревушкой. Бурбоны сидѣли тогда на тронѣ и чествовали еще нашего добраго императора Франца. Какъ видите это было уже давно. Я хорошо помню себя въ то время. Матушка стояла на стулѣ и ставила въ стеклянный шкафъ перемытыя чашки и посуду. Сальная свѣча освѣщала насъ. Я же стоялъ съ боку и передавалъ матушкѣ эти чашки и посуду со стола и очень гордился тѣмъ что могу быть на что-нибудь полезенъ. Мнѣ вѣдь было ужь цѣлыхъ семь лѣтъ. Чашки разставлены были въ два ряда и впереди ихъ на полочкѣ вытянулись въ рядъ особенно восемь хорошенькихъ фарфоровыхъ чашечекъ. Онѣ всѣ были съ золотыми ободочками. Подъ тонкою черточкой, снаружи на каждой изъ нихъ блестѣла надпись золотыми

буквами: „Воспоминаніе о Карлсбадѣ“. Несмотря на ихъ одиобразіе, онѣ составляли гордость нашего стекляннаго шкафа. И передавая каждую изъ этихъ чашекъ матушкѣ, я громко прочитывалъ „воспоминаніе о Карлсбадѣ“, чтобы доказать что я умѣю читать. Эти воспоминанія о Карлсбадѣ принадлежали моему дѣдушкѣ. Дѣлушка každогодно возилъ свою подагру въ этотъ Бадъ и každогодно дарилъ моей матушкѣ одну такую чашку, купленную тамъ. Я знаю, матушкѣ хотѣлось имѣть полную дюжину. Что касается до меня, то эта надпись сдѣлала на меня неизгладимое впечатлѣніе, мнѣ стало казаться что всѣ воспоминанія должны быть о Карлсбадѣ и какъ только бывало начнутъ говорить о какомъ-нибудь воспоминаніи, такъ я тотчасъ же спрашивалъ: это воспоминаніе не о Карлсбадѣ? Матушка моя очень гордилась посудой своего стекляннаго шкафа, хотя употреблялась эта посуда очень рѣдко. И я гордился тѣмъ что матушка такъ хорошо и красиво уставляла эту блестящую посуду за чистыми стеклами. „Такой стеклянный шкафчикъ, говорилъ я себѣ, въ цѣлой Лытаницѣ есть только у однихъ насъ.“ И это была правда; „мы“—были самые богатые люди въ цѣлой деревнѣ. „Мы“—это значило „Мельхіоръ Брантъ и Сынъ“, то-есть мой дѣдушка и мой отецъ, которыхъ считали въ двадцати или двадцати пяти тысячахъ гульденовъ капитала. Это было очень много въ нашемъ краю въ то время. Это еще не считая стараго маленькаго домика дѣдушки и другаго помѣще и побольше, который онъ выстроилъ для сына. При этомъ послѣднемъ были даже сарайчики со стойлами для двухъ лошадей и трехъ коровъ и ведурной кусочекъ земли. Я спрашивалъ у отца, кто онъ такой собственно? И онъ отвѣчалъ съ самодовольною и гордою усмѣшкой: мы, подрядчики, мы „Мельхіоръ Брантъ и Сынъ“. Такъ какъ отецъ всегда говорилъ „мы“, то я и себя причислялъ также къ этому „мы“ и очень гордился что я подрядчикъ. Прежде ни одно устройство плотины, гати, моста и т. л. не обходилось безъ помощи и качества со стороны строителей-чиновниковъ. Было рѣшено такія постройки сдавать съ торговъ мелкимъ подрядчикамъ. Это конечно было лучше. Однимъ изъ такихъ мелкихъ подрядчиковъ и былъ мой дѣдушка и отецъ мой — „Мельхіоръ Брантъ и Сынъ“. Дѣдушка мой началъ первое подрядное дѣло и сталъ извѣстенъ какъ отличный подрядчикъ, благодаря одному обстоятельству, которое и было собственно

основою его благосостоянія. Исторію этого дѣла онъ перѣдко разказывалъ. Я ее заломнилъ.

Однажды—отецъ мой въ то время былъ еще ребенкомъ — въ нѣсколькихъ часахъ пути отъ нашей деревни предположено было строить каменный мостъ. Само собою разумѣется его долженъ былъ строить Мельхіоръ Брантъ. Но неожиданно на этомъ пути встрѣтился онъ съ однимъ человѣкомъ который не одинъ разъ съ нимъ конкурировалъ и говорилъ открыто что вытѣснить изъ дѣлъ Мельхіоръ Бранта. Такому конкуренту нельзя было уступить. Дѣдушка погорячился и споряча все сбавлялъ и сбавлялъ цѣну, пока наконецъ постройка моста не осталась за нимъ. Тутъ только, видя злорадую улыбку своего конкурента и чувствуя какъ кровь въ немъ похолодѣла, сообразилъ онъ что разоренъ. На три часа пути въ окрестности не было ни одной каменной ломки, которая была ему конечно необходима. Значитъ ему пришлось везти камень издалека, и провозная плата одна далеко уже превышала сумму за которую онъ взялъ весь подрядъ. Печально бродилъ онъ по роковому мѣсту на которомъ долженъ былъ быть мостъ и въ которое уйдетъ вся его трудовая жизнь. Печально разглядывалъ онъ мѣсто своего конечнаго разоренія. Часто стоялъ онъ тутъ обдумывая всю мѣру своего несчастія и бессознательно въ горести ударялъ своей тростью въ землю, а тяжелыя думы все гнали его душу и больнѣе вливались въ сердце. При одномъ такомъ ударѣ желѣзнымъ наконечникомъ палки въ землю, онъ вдругъ почувствовалъ что палка звонко стукнула во что-то твердое. Радостная мысль какъ молнія озарила его. Онъ началъ копать глубже палкой и карманнымъ ножомъ, онъ наконецъ схватилъ лопату—и, о счастье!—нашелъ большія залежи камня, именно такого какой ему нуженъ былъ для постройки. И это только во ста шагахъ отъ моста. Онъ былъ спасенъ. Половина суммы которую онъ долженъ былъ получить осталась ему чистою прибылью.

Съ этого времени его начали считать человѣкомъ съ которымъ конкурировать нельзя и онъ строилъ уже одинъ, позднѣе въ компанію съ своимъ отцомъ, всѣ гати, мосты, плотины, школы, по крайней мѣрѣ часовъ на восемь пути въ окрестности.

Все это узналъ я очень рано, что „мы“ подрядчики и богатые люди и даже то что мы были „благородные“, потому

что весь домъ говорилъ по-нѣмецки у насъ, а въ то время въ Чехіи только „благородные“ говорили по-нѣмецки. По-чешски говорилъ только „простой народъ“. Поэтому я не удивлялся что насъ посѣщали такъ много благородныхъ, чиновниковъ и иностранцевъ, которые всѣ говорили по-нѣмецки, и я вовсе также не удивился когда однажды вечеромъ (я передавалъ матушкѣ чашки, съ „воспоминаніями о Карсбадѣ“), въ двери постучались. Вошли два иностранца, которые казались очень важными господами, особенно одинъ, который былъ моложе и выше ростомъ.

Онъ былъ въ широкой венгерской „бундѣ“ или плащѣ съ рукавами, густо обшитомъ шнурами, зашпунутыми за плечи, и на узлахъ этихъ шнуровъ качались большія золотыя кисти. Одною рукою игралъ онъ шнурами, а въ другой держалъ какую-то невиданную мною иноземную выдровую шалочку. И вообще во всей его фигурѣ и въ лицѣ съ черными бакенбардами было что-то иноземное, не наше. Бакенбарды тогда еще были у насъ рѣдкостью. Орлиный носъ и бакенбарды придавали мужественный видъ его прекрасному лицу, между тѣмъ какъ ротъ и глаза имѣли выраженіе такое кроткое, мягкое и даже какъ-то женственно улыбались. Нельзя было не полюбить юношу, который однако казался моложе чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ. Несмотря на его крѣпкій и сильный станъ и воинственный видъ съ нимъ было легко и нестыдительно. Онъ взглянулъ на меня очень ласково, когда я подошелъ съ удивленіемъ разсматривая его красивый плащъ, такъ ласково что я тотчасъ началъ тянуть за кисти какъ за шнурокъ комнатнаго звонка. Онъ держался скромно и молчаливо, сидѣлъ около дверей, между тѣмъ какъ другой чужестранецъ, маленькій, очень подвижной человекъ лѣтъ лятидесяти, подступилъ къ моей матушкѣ, вынулъ изъ кармана письмо; языкъ его былъ кажется такой же подвижной какъ онъ самъ и мы скоро услышали множество комплиментовъ. Онъ стремительно объявилъ намъ что онъ Альтманъ, рекомендовалъ намъ своего шурина, Вильгельма Гебгарда, и предъявилъ рекомендательное письмо отъ брата моей матери. Все это было торопливость быстрота, къ которой мы не привыкли. Онъ и десяти минутъ не пробылъ въ комнатѣ какъ мы узнали его прошлое, бросили взглядъ на его настоящее, услышали похвалы красотѣ нашихъ мѣстъ, расположенію нашего дома, изяществу посуды

въ стеклянномъ шкафчикѣ, услышала что я (который теперь рассказываю) хорошенькій мальчикъ и услышала какъ гость сожалѣть что не засталъ хозяина дома. Матушка: едва имѣла время выразить радость письму брата и извиниться за беспорядокъ въ комнатѣ. Она очень рада принять такихъ прекрасныхъ гостей. Братъ ея учитель главной школы въ большомъ городѣ, въ городѣ съ семью тысячами жителей. Онъ ученый сѣдш, слово котораго для нея много значить, и она рекомендуетъ насъ хорошо.

Мнѣ было очень жаль что матушка увела обоихъ чужестранцевъ къ дѣдушкѣ и не позволила мнѣ идти за ними. Мнѣ хотѣлось подольше посмотреть на красиваго молодатаго человека въ венгерскомъ плащѣ и еще послушать разговора его толстенькаго спутника. Еще досаднѣе мнѣ стало что меня исключили изъ общества, когда я вскорѣ услышалъ на кухнѣ ожесточенную стралню, пылнѣе, кипнѣе. Но я имѣлъ здѣсь хоть ту надежду что по крайней мѣрѣ узнаю все новости на кухнѣ; я замѣтилъ какими многозначительными взглядами обмѣнивались матушка и бабушка, которая хлопотала и ходила безпреставно вездѣ и впередь. Я чувствовалъ что случилось что-то необыкновенное. Тетя Лена была очень молчалива и это меня очень удивляло, потому что и по двору, и по дому постоянно раздавались ея звонкій смѣхъ, болтовня и дѣнье. Удивило меня тоже что бабушка сказала тетѣ Ленѣ что ей бы не мѣшало поприодѣться. Я зналъ что тетя Лена одѣвалась всегда хорошо и ходила такая чистенькая что дѣдушка всегда говорилъ что она точно сейчасъ вынута изъ коробочки. И сама бабушка прежде находила что ея младшая дочка Лена для деревенской дѣвочки слишкомъ хорошо одѣвается и слишкомъ много тратитъ на это времени. Сегодня она говорила совершенно противоположное, а тетя Лена, тоже противъ обыкновенія, возвращала, очень краснѣла и не хотѣла не только надѣть платье получше, но даже перемѣнить передничекъ. Мнѣ казалось что просто свѣтъ перевернулся вверхъ ногами и я съ удивленіемъ поглядывалъ на матушку, бабушку и тетю Лену. Тетю Лену мнѣ было очень жаль, потому что бабушка сказала ей будто она совсѣмъ дура и не умѣетъ съ чужими словечка притомъ вить. Это послѣднее меня изумило окончательно, потому что я сто разъ слышалъ отъ дѣдушки какъ онъ жалѣлъ что тетя Лена дѣвочка, а не мальчикъ; изъ нея, говорилъ она,

вышелъ бы отличный адвокатъ, который всѣхъ заткнулъ бы за поясъ миль на двадцать въ окружности. Кроме того а зналъ что тетя помогала дѣдушкѣ въ самыхъ головоломныхъ занятіяхъ, составляла условія и даже иногда переговаривалась съ важными чиновниками, съ которыми у насъ были дѣла. И вдругъ она сразу сдѣлалась душой. Въ этотъ вечеръ точно земля колебалась подъ нашими ногами. Я не понималъ ничего. Лучомъ свѣта во всемъ этомъ мракѣ было замѣчаніе бабушки: „что ни говори, Софьюшка, а это, увидишь сама, женишокъ“. Бабушка шепнула это матушкѣ въ ту минуту когда тетя Лена вышла изъ кухни.

— Увидишь, Софьюшка, продолжала бабушка, — что бы тамъ этотъ толстенькій ни говорилъ про какую-то покупку шерсти, это одинъ отводъ. Зачѣмъ торговецъ шерстью забредеть въ нашъ лѣсной край? Держу сто противъ одного. Это просто женишокъ для Ленушки, и я видѣла лаутишка-ларенекъ сейчасъ приглядѣлъ дѣвочку. Это вѣрно. Я-таки легла на свѣтѣ и ловила кое-что.

— Ну, а еслибъ и такъ, отвѣчала матушка съ гордостью:— коли братъ кого намъ рекомендуетъ, ужъ такой стоить хорошаго.

— Я не говорю что нѣтъ, отвѣчала бабушка, — и насколько я видѣла и слышала его, это красивенькій ларенекъ, который порядочно-таки потаскался по свѣту. Пройти всю Венгрію не шутка, да еще зайти Богъ знаетъ куда—къ турецкой, видишь ли, границѣ, гдѣ всѣ люди солдаты, и такъ онъ хорошо рассказываетъ объ этомъ, просто прелесть.

— Если его братъ рекомендуетъ, олять повторила матушка, — то это конечно очень образованный человѣкъ, потому что братъ водится только съ образованными людьми.

— Это что и говорить, отвѣчала бабушка и задумчиво прибавила:— братъ твой ученый, а вѣдь извѣстно какъ ученые, они вѣдь въ житейскихъ дѣлахъ плохо смыслятъ. Братъ твой, не въ обиду будь тебѣ сказано, Софьюшка, также можетъ-быть недалеко въ этихъ дѣлахъ видить, какъ и всѣ они, эти ученые. Можетъ-быть что этотъ Гергардъ и хороший малый, и съ достаткомъ, а ужъ красивенькій онъ какой это мы знаемъ. Мы имѣемъ право ждать хорошаго муженька для Ленушки, потому что я тебѣ скажу, Софьюшка, десять тысячъ гульденовъ приданаго, это что-нибудь; однако,— прервала себя бабушка, — тамъ давно стоитъ этотъ лаутишка и

такъ и вливается въ каждое слово. Съ этимъ маленькимъ народомъ просто бѣда. Только разговорись, а онъ ужь тутъ.

При этихъ словахъ бабушка повернула меня за плечи и вывела изъ кухни. Я былъ очень несчастливъ что изъ семейной тайны меня такъ улорно исключаютъ и заплакалъ. Тетя Лена, увидѣвъ что я плачу, взяла меня къ себѣ на колѣни, цѣловала особенно нѣжно и обѣщала мнѣ много разныхъ хорошихъ вещей чтобъ я только не плакалъ. Я дѣйствительно пересталъ плакать и счелъ долгомъ отплатить чѣмъ-нибудь тетѣ Ленѣ за ея нѣжность и обѣщанія, и передалъ разговоръ бабушки и матушки:

— Тетя Лена, говорилъ я,—красивый молодой человекъ— женихъ и видѣлъ такую страну гдѣ всѣ люди солдаты и еще что-то такое о десяти тысячахъ гульденовъ. А что женихъ хорошая ли партія и знаетъ ли толкъ въ житейскихъ дѣлахъ дядюшка-учитель, этого бабушка не знаетъ, а дядюшка-учитель водится только съ образованными людьми.

Послушавъ меня, тетя Лена велѣла мнѣ молчать и сказала что ежели я буду уменъ и не буду плакать пока гости будутъ у насъ, то она мнѣ дастъ сладкаго пирога.

Но она никакаго пирога мнѣ не давала. Я и мой младшій братишка пробыли цѣлый вечеръ въ полномъ одиночествѣ. Поздно вернулся отецъ домой и мать собрала ему ужинать. Сама же скоро пришла насъ укладывать спать. Но происшествія этого дня не давали мнѣ заснуть и изъ-камина я слышалъ все что говорили. Матушка приготовила ему переменить платье, но онъ сказалъ, когда надѣлъ другой сюртукъ:

— Это только одинъ отводъ будто я пришелъ къ тебѣ переменить сюртукъ, а я хотѣлъ съ тобой поговорить съ одной о дѣлѣ. Знаешь ли, Софья, мнѣ эти два человека не нравятся.

— Какъ, воскликнула матушка въ удивленіи,—эти которыхъ намъ рекомендовалъ братецъ?

— Рекомендація твоего брата насчетъ этого Альтмана, по чести, точно рекомендація какого-нибудь ребенка. Этотъ Альтманъ такъ ужасно много говоритъ, точно ему нужно какъ можно больше разговоровъ чтобы самому за ними спрятаться; это и въ дѣлахъ такъ, я знаю, люди которые такъ много говорятъ, не много стѣятъ и особенно люди которые такъ много толкуютъ о деньгахъ, никогда ихъ не имѣютъ.

— А другой? спросила матушка.

— Красивый малый, о, да, очень красивый малый, очень красивый малый, можетъ-быть даже хорошій человекъ, и когда говорить, то скромно и хорошо, очень мало, правда, да и то кажется только потому что тотъ, толстенькій, заставляетъ его говорить. Но малый мнѣ противенъ, потому что прашель съ тѣмъ, съ другимъ. Онъ не самъ отъ себя; тотъ, другой, подталкиваетъ его и подкашиваетъ ему, и такъ какъ онъ такой смазливый малый, я полагаю толстенькій не спекулировать ли имъ?

— Что же, онъ не маленькій, возразила матушка, — странно было бы чтобъ онъ собой позволялъ распорядиться какъ дѣвочка какая-нибудь, человекъ который такъ много путешествовалъ....

— Ужь эти мнѣ путешествія, отвѣчалъ отецъ покачивая головою, — изъ ста туристовъ девяносто девять навѣрное проходимцы: живи дома и живи спокойно и честно. И гдѣ онъ былъ? Въ Венгріи, гдѣ шаяются всѣ банкроты, потому что тамъ нѣтъ никакихъ законовъ. Будь онъ въ Саксоніи или въ Пруссіи. А! это другое дѣло. Но Венгрія! Венгрію я терпѣть не могу. Во всякомъ случаѣ, продолжалъ батюшка, — я не хочу торолиться и говорить впередъ и не хочу быть несправедливымъ къ мальчику, — онъ глядитъ очень порядочно и скромно. Обо всемъ этомъ мы справимся, а если малый задумалъ какія-нибудь штуки, мы его повернемъ съ носомъ обратно. Для этого у Ленушки есть и братъ и отецъ. Мы посмотримъ.

Сказавъ это, отецъ опять оставилъ комнату и вышелъ къ гостямъ. Матушка повѣсила его сюртукъ въ шкафъ и хотѣла пройти къ намъ, дѣтямъ; но дверь отворилась и вошла моя хорошенькая тетя Лена. Она въ раздумьи остановилась у двери, ничего не спрашивала и ничего не говорила. Матушка взглянула на нее и спросила что ей нужно. Тогда тетя встреленулась.

— Софьюшка, заговорила она скоро и горячо, — видишь Богъ! вотъ такой человекъ мнѣ тысячу разъ милѣе, будь у него полголовы, чѣмъ Нейбергъ, будь онъ двухголовый.

— Ужь ты не влюбилась, чего добраго, спросила матушка упрекающимъ тономъ.

— Да, отвѣтила тетя рѣшительно, — да, видишь Богъ, я его полюбила!

И тогда я поднимал голову изъ своей постельки и увидѣлъ что у матушки такое сердитое лицо точно она сейчасъ начнетъ браниться.

— Лена, начала увѣрять матушка,—ты умная дѣвочка. Такой шагъ надо обсудить хорошенько, ты не такъ дѣлаешь. Мы еще ничего ну о немъ не знаемъ, ни о его состояніи....

— Это для меня рѣшительно все равно! Или его, или никого, сказала хорошенькая тетя,—и потомъ, какъ будто ей не сидѣлось или будто не хотѣла еще объ этомъ говорить, она вскочила и выбѣжала въ другую комнату. За ней вышла и матушка.

Во всемъ этомъ опять-таки было многое надъ чѣмъ я ломалъ голову. Многое было также и такое что освѣщало мнѣ совсѣмъ новыя стороны жизни. Что двухголовый Нейбергъ былъ уномянуть и рядомъ гость съ половиной головы, это мнѣ вдругъ объяснило почему этотъ добрый Нейбергъ такъ часто ходитъ къ намъ и подарилъ мнѣ каварейку. Значитъ онъ хотѣлъ, также какъ и этотъ гость, сдѣлаться моимъ дядюшкой. Мнѣ льстило что онъ и меня хотѣлъ поакупить каварейкой и я его оправдывалъ раздумывая о разныхъ дурныхъ вещахъ которыя про него говорила тетя Лена. Она его называла глупымъ и неуклюжимъ. Я сравнивалъ его съ гостемъ и хотѣлъ быть справедливымъ, но какъ у него это были двѣ головы, я понималъ не совсѣмъ ясно; я наконецъ началъ смѣшивать, лежа въ темнотѣ на своей постелькѣ, у кого изъ нихъ половина головы, у кого двѣ. Вотъ и оба жениха моей хорошенькой тети Лены, но они то съ половиной головы, то съ цѣлою головой, то съ двумя, какъ призраки мелькаютъ предо мною. Я спалъ очень безпокойно, и когда матушка утромъ спросила меня, почему, я грустно отвѣтилъ „потому что я боюсь тетя Лена сдѣлаетъ плохую партію...“

II.

Оба гостя черезъ день ушли домой. Въ домѣ все осталось по-старому и однако все перемѣнилось и перемѣнилось совсѣмъ не такъ какъ бывало съ отъѣздомъ другихъ гостей. Всѣ говорили о Вильгельмѣ Гергардѣ, кромѣ тети Лены. Она была молчаливѣе обыкновеннаго, то-есть была какъ всегда оживлена, но казалось что она имѣетъ какую-то тайну

отъ всѣхъ, и когда другіе говорили про юношу въ вѣгерскомъ плацѣ, она молчала, но съ такимъ видомъ какъ будто говорила: „дѣлайте что хотите, я знаю что сдѣлаю...“ Какъ я припоминаю, весь домъ раздѣлился на двѣ партіи. Одна за, другая противъ жениха, и каждая изъ нихъ не знала хорошенько почему. Дѣдушка стоялъ на сторонѣ жениха потому что бабушка сказала ему что Лена влюблена и что она цѣлую ночь безъ сна металась въ постели. Но съ дѣдушкой было совсѣмъ особенное. Его долгая жизнь была въ высшей степени практическая и вся ушла въ пріобрѣтеніе. И вдругъ на старости лѣтъ онъ сдѣлался романтикомъ. Съ тѣхъ поръ какъ ревматизмъ приковалъ его къ дому и заставилъ передать дѣла сыну, онъ сталъ какъ-то юнѣ душой и причудливъ. Онъ просилъ всѣхъ чтобъ ему разказывали разныя исторіи и самъ онъ разказывалъ намъ дѣтямъ много разныхъ случаевъ изъ прежней жизни своей и сказки которыя зналъ или самъ выдумывалъ. Но онъ какъ будто жилъ прежнею молодостью въ любви къ младшей своей дочкѣ Ленѣ. Онъ уже воспиталъ и хорошо выдалъ замужъ четырехъ дочерей и теперь все его сердце отдалось младшей, и онъ всю нѣжность съ которой относился ко всей семьѣ перенесъ на эту дочку. Ленушкѣ онъ никогда ни въ чемъ не могъ отказать, каждое ея желаніе было его собственнымъ желаніемъ и еще сильнѣйшимъ чѣмъ у нея самой. Надо чтобы только ей что-нибудь понравилось и дѣдушка покупалъ, если даже она объ этомъ не просила и не имѣла въ виду похвалить что-нибудь получить это. Ленушка была утѣхой его старости. Тетя Лена, хотя конечно далеко не была такою красавицей какой ее представлялъ дѣдушка, была однако совсѣмъ миленькая. Она была изъ тѣхъ счастливыхъ натуръ которымъ то кажется хорошо среди чего онѣ живутъ и хлопочуть. Она соединяла въ себѣ самыя разнообразныя хорошія качества: она была и сильна и нѣжна, спокойна и подвижна, горда и вмѣстѣ съ тѣмъ мила и радушна. Дѣдушкѣ не было больше радости какъ смотрѣть какъ она идетъ въ гости. Это бывало обыкновенно въ воскресенье: онъ съ трудомъ выходилъ и садился предъ домомъ на скамеечку. Съ этого обсервационнаго пункта онъ могъ ее видѣть далеко, какъ она черезъ плотину, черезъ лугъ, переходитъ къ дальней деревушкѣ. И такъ сидѣлъ онъ съ очками на носу и смотрѣлъ до тѣхъ поръ пока она не возвращалась на-

задъ. Охотно слушалъ онъ ея разговоры и изъ каждаго ея слова выводилъ заключеніе что это „не только самая хорошенькая, но и самая разумная дѣвочка въ нашемъ краю“. Одна была у него забота. Онъ вовсе не былъ такъ богатъ, какъ о немъ говорили. Каждой изъ своихъ замужнихъ дочерей далъ по десяти тысячъ гульденовъ въ приданое. Разные расходы и четыре свадьбы, которыя обставлялись богато (и дѣдушка этимъ гордился), унесли еще тысячи двѣ гульденовъ. Все это были слишкомъ большіе расходы для тогдашняго времени въ нашихъ краяхъ. У него осталось еще ровно столько чтобъ и Елену выдать также какъ и другихъ ея сестеръ. Не то его заботило что онъ (онъ это зналъ одинъ) останется бѣдный старикъ безъ гульдена въ карманѣ. Его сокрушало что для такой дѣвочки не можетъ онъ найти жениха изъ высшихъ слоевъ общества. И ему очень понравился этотъ Вильгельмъ Гергардъ именно тѣмъ что имѣлъ хорошія манеры, и говоритъ какъ человѣкъ высшаго, по его мнѣнію, общества. Все это вмѣстѣ было причиной что дѣдушка оказался на сторонѣ Лены. Онъ рѣшился дать благоприятный отвѣтъ если молодой человѣкъ будетъ просить руки его дочери. Мой отецъ, напротивъ, былъ въ періодѣ самаго практическаго настроенія въ то время и говорилъ противъ молодаго человѣка. Пусть это красивый и милый малый. Но посудите, не имѣть никакихъ занятій и никакого положенія! И еще этотъ его подозрительный спутникъ, такое скверное сообщество!

Бабушка колебалась; отецъ мой смутилъ ее своими сомнѣніями; съ другой стороны, ея материнское сердце сочувствовало дочерней любви. Бракъ безъ любви считала бы она грѣхомъ. Кромѣ того она такъ привыкла исполнять каждое желаніе своей Ленушки. Всѣ считали Лену гордою и холодною дѣвучкой, всѣ, кромѣ матери. Она знала что если ея Ленушкѣ что-нибудь закрадется въ голову или въ сердечко, то никакія силы ее не остановятъ, и что она поставитъ на своемъ непремѣнно. Матушка тоже колебалась. Какъ молодая женщина она конечно была на сторонѣ влюбленныхъ и какъ сестра была за жениха котораго рекомендовалъ ея ученый братъ. Что касается моего отца, то онъ приводилъ столько причинъ по которымъ эта свадьба невозможна, и чѣмъ дальше тѣмъ упорнѣе отстаивалъ свое мнѣніе. Конечно все это я узналъ въ послѣдствіи, со словъ другихъ. Какъ

очевидецъ, разкажу чему былъ свидѣтелемъ. Дней черезъ четырнадцать послѣ перваго посѣщенія, пришелъ Вильгельмъ Гебгардъ опять, но уже безъ своего спутника, и этимъ оцель выигралъ въ общемъ мнѣніи. Его приняли привѣтливо и просили побыть подольше. Онъ пробылъ три дня. Робкій и скромный онъ казался моложе чѣмъ былъ въ самомъ дѣлѣ и это внушило къ нему большое довѣріе. Ему охотно вѣрили, и отецъ мой началъ его разспрашивать о его состояніи. У насъ не сомнѣвались болѣе что онъ владѣлъ въ своемъ городѣ двухъэтажнымъ домомъ, а такое имущество конечно превышало приданое Лены въ десять тысячъ гульденовъ. Однако одними доходами съ этого дома жить было еще нельзя, и Вильгельмъ, какъ онъ самъ откровенно сознался, не имѣлъ опредѣленнаго занятія. Но онъ такъ недавно вернулся изъ путешествія и не успѣлъ еще осмотрѣться. Такимъ практическимъ людямъ какъ мой дѣдъ и отецъ было противно что молодой человекъ получаетъ за женой порядочное приданое и хочетъ начать занятіе съ капиталомъ котораго онъ не наживалъ. Но положеніе гостя въ нашемъ домѣ много улучшилось; съ нимъ гуляли, ему позволяли съ тетей ходить подъ руку, даже позволяли ему опережать съ ней общество и говорить съ ней одною. Я вспоминаю теперь какъ на этихъ прогулкахъ матушка часто отыскивала меня къ себѣ, когда я, по старой привычкѣ, цѣплялся за платье тети Лены. Вильгельмъ Гебгардъ на этотъ разъ наконецъ объяснилъ свои намѣренія дѣдушкѣ и потомъ уѣхалъ.

Дней черезъ десять вывезена была на свѣтъ Божій старая коляска и работникъ вымылъ ее и даже кое-гдѣ заново покрасилъ. Коляску эту звали въ семьѣ у насъ Ноевымъ Ковчегомъ. Дѣдушка купилъ ее на распродажѣ имущества послѣ одного умершаго декана, за чистенькихъ пятьдесятъ пять гульденовъ. Она еще и больше пожалуй стоила — вся она была выкрашена красною краской. Такъ красались у насъ коляски богатыхъ декановъ, епископовъ и пробствовъ. Дѣдушка не хотѣлъ чтобъ его сочли принадлежащимъ къ духовенству, и красная краска замѣнена была голубою. Но такъ какъ свой голубой краски былъ не очень густъ, то яркая красная краска выступила отъ времени въ разныхъ мѣстахъ наружу и вышло какое-то отравное смѣшеніе цвѣтовъ. Но все-таки этотъ Ноевъ Ковчегъ составлялъ гордость дѣдушки и всего нашего семейства. Во всей окрестности ни

у кого изъ поселянъ кромѣ насъ не было коляски. Дѣдушка не любитъ выказывать претензіи на роскошь и возбуждать ревность соседей, а потому Носевъ Ковчегъ показывался на улицѣ Боскій очень рѣдко, въ важныхъ случаяхъ. Всегда что-нибудь значило когда его вывели и начинали его мыть и чистить подушки и сундуки, которые лежали обыкновенно въ чуланѣ. Въ вышнее извѣщенное и развращенное время показалась бы оштрафа коляска на толстыхъ дрожжахъ и такая же тряпкая какъ обыкновенная крестьянская телега. Гордились собственно только двумя высокими выгнутыми рессорами, на которыхъ покоилось сидѣнье. Кажется ни разу не случалось съѣздить куда-нибудь въ этомъ экипажѣ безъ маленькаго приключенія. Много лѣтъ могъ считать за собой нашъ Ковчегъ и бабушка всегда съ большимъ опасеніемъ смотрѣла когда старикъ садился въ него. „Лучше бы въ телегѣ“, говорила она. Но все же это была коляска, и разъ ее купили, надо было въ ней и ѣздить. Появленіе коляски для меня знаменовало всегда что-то торжественное и праздничное. Хорошо помню какъ вообразилъ въ коляску дѣдушка и за нимъ подѣвъ отецъ, оба въ праздничныхъ кафтанкахъ; какъ бабушка и матушка прислались съ ними и наказывали все осмотрѣть и узнать хорошенько и домъ Гебгарда и его семью; какъ потомъ мы всѣ стояли у дверей и долго сидѣли за коляской пока она не окрылась за деревьями, а мы все стояли и задумчиво смотрѣли вслѣдъ. „Бѣдный мой Мельхіоръ, сказала наконецъ, вздохнувъ, бабушка, не думала я чтобъ ему пришлось на старости, съ своею податрой, двадцать миль сѣздать! Шутка ли! Но чего не сдѣлаешь для своего дитяти! Чтобы хоть это поведло къ чему-нибудь! Дай-то Богъ!“

Долго пробывши наши путешестввенники въ отсутствіи. Двадцать миль въ тяжелой коляскѣ, да еще на своихъ рабочихъ лошадахъ, по окверной тогдашней дорогѣ, не шутка. И только чрезъ десять дней, коляска, звеня и стуча, показала на дворѣ, бабушка и матушка выбѣжали на встрѣчу, а тетя Лена стала у изразцовой печки и осталась въ кухнѣ неподвижна и встревожена. Она только тогда показала въ дверяхъ когда дѣдушка сказалъ: „а гдѣ же дѣвочка?“ Онъ обнялъ тетю Лену и сказалъ тронутымъ голосомъ: „Ну, дай Богъ тебѣ счастья! Ты не вѣста!“ При этихъ словахъ всѣ заплакали. Я плакалъ, и маленькія сестры, которыя выбѣжали

къ дверямъ посмотрѣть коляску; плакала даже работница, всѣ давно и хорошо знали кто женихъ, хотя всѣ дѣлали видъ что ничего не замѣчаютъ. Всѣ находили что фрейлейсъ Елена поступила отлично и что у нея будетъ хорошенькій мужъ, мужъ очень пріятный! Лена всѣмъ подавала руки и убѣждала потомъ къ себѣ въ комнату чтобы выплакаться. Я любѣжалъ за ней — мнѣ хотѣлось сказать что она отлично сдѣлала, потому что всѣ такъ говорили... „Не плачь тетя Лена — ты отлично сдѣлала!“ Она взяла меня къ себѣ на колѣни, поцѣловала и сказала: „дай Богъ чтобы ты сказалъ вѣрно!“ Она принялась еще сильнѣе плакать и я ужъ просто не зналъ что бы мнѣ такое сказать ей.

III.

Женихъ скоро пріѣхалъ, и такъ какъ ему дома нечего было дѣлать, пробылъ у насъ нѣсколько дней, и для насъ, дѣтей, это было веселое время; онъ приносилъ намъ колбасики и пряничныхъ лошадокъ, и когда съ невѣстой дѣлалъ въ Ноевомъ Ковчегѣ визиты къ сосѣдямъ, то насъ всегда бралъ съ собою. Столъ у насъ сдѣлался гораздо лучше. Гуси, индѣйки — наши пріятели — исчезали со двора, и на кухнѣ я былъ грустнымъ свидѣтелемъ ихъ мученій. Дядя Гебгардъ сидѣлъ всегда рядомъ съ тетей Леной и я часто видѣлъ какъ они подъ столомъ ложили руки другъ другу. Видѣлъ я также какъ новый дядя часто крѣпко цѣловалъ и обнималъ тетю Лену когда она была одна. Я составилъ себѣ совершенно ясное понятіе что значитъ быть женихомъ. Это надо ѣздить въ гости въ коляскѣ, ходить въ праздничномъ кафтанѣ и затѣмъ уже конечно поцѣлуи, колбасики, объятія и пряничныя лошадки. Мнѣ представлялось какое это пріятное дѣло быть женихомъ. Во всемъ нашемъ обществѣ былъ одинъ грустный человѣкъ — это Нейбергъ. Вы уже знаете, это былъ неудачный обожатель Лены. Нейбергъ, сынъ сельскаго врача, который при жизни своей былъ другомъ нашего дома, и роль эта перешла къ его сыну. Этотъ послѣдній тоже хотѣлъ сдѣлаться врачомъ, проваливался нѣсколько разъ на экзаменѣ и наконецъ помирился съ своею судьбой. Онъ жилъ доходами съ маленькаго имѣнія которое ему оставилъ отецъ. Въ последнее время онъ занимался только тѣмъ что

запоминалъ разныя замѣчанія тети Лены, былъ ей послушенъ, и несмотря на постоянныя ея отказы, ухаживалъ за ней. Онъ самъ говорилъ что онъ вовсе не такой человѣкъ который былъ бы достоинъ Елены Брантъ. Онъ называлъ себя огороднымъ лугаломъ, человѣкомъ ни къ чему не годнымъ, который не можетъ выдержать даже самаго легкаго экзамена изъ хирургіи. Но все же никто не могъ ему запретить любоваться на Елену и любить ее. Это оставалось ему единственною отрадой въ жизни. Не было ли доказательствомъ его искренности то что даже послѣ помолвки онъ продолжалъ бывать у насъ каждый день? Но онъ былъ еще молчаливъ, а послѣдніе дни и очень печаленъ. Никто его не спрашивалъ о причинѣ и это заставило его самого высказаться. Онъ говорилъ съ моею матушкой.

— Вы всё думаете конечно, началъ онъ однажды послѣ отъѣзда Гебгарда,—думаете что я грущу потому что Лена выходитъ за другаго. Совсѣмъ нѣтъ, я это нахожy очень естественнымъ, но я знаю что вы сомнѣваетесь на счетъ его состоянія, а Ленѣ вы лотакаете потому что она влюблена. Ну, а если любовь эта приведетъ ее къ несчастію?

— Чтo же, отвѣчала матушка,—что же вы сдѣлали бы на нашемъ мѣстѣ? Вы сами утверждаете что любовь въ супружествѣ главная вещь. Развѣ можно запретить Ленѣ любить человѣка только потому что онъ бѣденъ?

— Сохрани Богъ, отозвался Нейбергъ,—по моему убѣжденію ничего не надо запрещать. Еслибы вы стали противиться, было бы еще хуже.

— Ну, такъ какъ же?

— Мнѣ хочется только, возразилъ онъ,—чтобы вы хорошенько обо всемъ разузнали истину. Чтo не построено на истинѣ, то разрушится. Матушка объявила тогда ему что поѣздка невесты уже рѣшена. Тогда было обыкновеніе у насъ чтобы невеста, если выходитъ замужъ на сторону, должна съѣздить до свадьбы къ жениху съ своими родными, чтобъ ознакомиться съ будущимъ домомъ. Матушка тоже хотѣла участвовать въ этой поѣздкѣ и увѣряла заботливаго Нейберга что намѣрена высмотрѣть все какъ можно лучше.

Поѣздка совершилась, но я въ ней не участвовалъ и могу только передать разказы которые безпрестанно слышалъ по возвращеніи всѣхъ домой. Тетя Лена сама не разказывала ничего, но тѣмъ болѣе разказывали матушка и бабушка. Онѣ

были очень поражены тѣмъ что видѣли. Онъ перебивали дѣдушку и моего отца и торопились докончить разказъ. По этимъ извѣстіямъ въ семьѣ Гебгарда все было чрезвычайно хорошо. Мать жениха почтеннѣйшая женщина и сестры его самыя благородныя особы. Ленѣ и желать мельзя лучшей свекрови и лучшійхъ золовокъ. Даже къ г. Альтману, оказалось, всѣ у насъ были несправедливы. Это правда, онъ немножко заносится и живетъ ужъ слишкомъ по-барски, за то у него и манеры самыя благородныя. Все семейство такое что поучиться у нихъ какъ себя держать. Удивительно какъ пріятно всѣ себя чувствовали въ этомъ домѣ. И какъ тамъ все дѣлается! Къ столу, напримѣръ, каждому, даже самому маленькому ребенку, подаютъ салфетку! Это была роскошь въ нашемъ краю тогда мало извѣстная. Невѣстѣ и ея подругамъ по утрамъ подавали апельсины. Всѣ эти мелочи были замѣчены и разказывались безъ устали, и всѣ радовались что Лена будетъ жить въ такомъ довольствіи и въ пріятной обстановкѣ и въ такомъ большомъ городѣ. Только одно смущало какъ-то. Женихъ до сихъ поръ не подарилъ невѣстѣ жемчужнаго ожерелья. По обычаю онъ долженъ былъ это сдѣлать. Отецъ мой даже спросилъ объ этомъ и былъ не пріятно пораженъ когда ему не могли показать ожерелья. Его увѣряли что Гебгардъ въ этомъ городѣ не могъ найти такого какое ему хотѣлось подарить и что онъ заказалъ уже въ другомъ мѣстѣ.

Несмотря на эти увѣренія отецъ мой началъ что-то подозревать и скоро эти подозрѣнія въ немъ и во всемъ нашемъ семействѣ значительно разрослись.

Никто не замѣтилъ изъ насъ въ эти тревожныя дни отсутствія Нейберга. Мы всѣ очень удивились когда увидѣли его идущаго къ намъ изъ лѣсу по большой дорогѣ съ котомкой за плечами и палкой въ рукѣ. Онъ былъ загрязненъ, запыленъ и замѣтно усталъ. Видно было что онъ ходилъ далеко. Ему, конечно, не дали пройти мимо, зазвали его, просили сѣсть, закутить и разказать куда онъ ходилъ. Онъ столько лѣтъ нигуда не ходилъ изъ деревни, что ему вздумалось идти и куда? Онъ сѣлъ около дѣдушки, откашливался и былъ въ очевидномъ затрудненіи. „Ну, сказалъ онъ наконецъ, очень натурально что мнѣ вздумалось попутешествовать именно потому что я такъ здѣсь засидѣлся. Эти противныя занятія которыя мнѣ здѣсь такъ надоѣли! Не все ли равно, не правда

ли? гдѣ бы ни приклонить свою лѣвую голову? Да и что же? Весь свѣтъ нынче путешествуетъ....“

Потомъ онъ перемѣнилъ разговоръ, разказалъ что-то о немъ свѣщеніи какого-то родственника и спросилъ бабушку довольна ли она своею поѣздкой? Бабушка тотчасъ начала торопливо все ту же пѣсню о приличіи и роскоши обстановки въ домѣ жениха и, разказывая, такъ увлеклась что не замѣчала какъ Нейбергъ покачивалъ все головой и задумчиво бормоталъ: „да, да!“ или „такъ, такъ!“ упираясь подбородкомъ въ набалдашникъ своей палки. Когда Елена вышла (можетъ она устала слушать все тотъ же разказъ о женихѣ), Нейбергъ вдругъ, къ удивленію бабушки, высказался и въ полголоса пробормоталъ: „я былъ въ городѣ и все разузналъ объ этомъ семействѣ, также какъ и вы, а можетъ и гораздо лучше....“

— Какъ, что? спрашивали все въ одинъ голосъ.

— Что мнѣ было здѣсь сидѣть когда Ленушка уѣхала? началъ Нейбергъ въ сильномъ волненіи, — и я сказалъ себѣ: ты побѣдишь въ городѣ и разузнаешь все. На женщинъ нельзя полагаться. Имъ можно пыла пустить въ глаза. А что я правъ былъ, я вамъ это докажу, госпожи Бранты!

Бабушка хотѣла возражать, но онъ нетерпѣливо махнулъ рукой и сказалъ дрожащимъ голосомъ:

— Я не хочу васъ обидѣть и дѣло не въ томъ чтобы намысь вами спорить, а дѣло въ счастье Ленушки.

— Онъ правъ, замѣтила дѣвушка, и обратясь къ Нейбергу прибавилъ: — Ну, а что ты такое узналъ?

Тогда Нейбергъ всталъ и, сильно жестикулируя, тономъ убѣжденія сказалъ почти такъ:

— Разорекы, кругомъ въ долгахъ, каждый волосъ на головѣ подлежитъ описи, ни одинъ камень ихъ дома не принадлежитъ имъ. Приданого Лены не хватитъ далеко на уплату долговъ. И алельсины что вы вѣли, — сказалъ онъ бабушкѣ и своей матери, — взяты въ долгъ, а жемчугъ который приплотъ взять въ долгъ у закладчика, конечно за тройную цѣну.

Сказавъ это, Нейбергъ, какъ бы возмущенный тѣмъ что такое извѣстіе принято такъ легко, вышелъ изъ комнаты и направился домой по улицѣ.

Все наши семейные были поражены. Одинъ глядѣлъ на другаго какъ будто хотѣлъ заговорить, но никто не начиналъ. Бабушка заговорила первая:

— Вотъ, сказала она, — дурацкія слетни! Всякій знаетъ что дураку можно налести что угодно! Но онъ хорошій малый, а только изъ ревности къ Ленушкѣ онъ все это выдумалъ. Знаете, когда человѣкъ становится какъ больной отъ ревности и досады....

— Нѣтъ, нѣтъ, сказала дѣдушка покачивая головой, — Нейбергъ не выдумываетъ, и то что онъ говоритъ....

Но дѣдушка не докончила, потому что вошла тетя Лена. Всѣ замолкли, никто не находилъ что говорить когда она внимательно посмотрѣла кругомъ на смущенныя лица и печально про себя усмѣхнулась. Дѣдушка посадилъ ее около себя на скамью и погладилъ по щецкѣ. Онъ хотѣлъ говорить, но не могъ. Отецъ мой, когда увидѣлъ слезы на глазахъ старика, нетерпѣливо вскочилъ, заложилъ руки за спину и вышелъ изъ комнаты. Бабушка и мать моя начали тотчасъ же всхлиывать. Только Лена осталась спокойна.

— Батюшка, прошелтала она, — не тревожься, я знаю что ты хочешь мнѣ сказать. Что мнѣ надо дѣлать? Прикажи. Я ко всему готова. Только я ему ничего не хочу писать, потому что я его люблю и не разлюблю, что бы тамъ ни случилось.

— Мы еще не такъ далеко зашли, дитя, возразилъ дѣдушка съ видимымъ принужденіемъ, — мы хотимъ только знать какъ поступать. Поди налиши ему словечка два чтобъ онъ пріѣхалъ и объяснилъ намъ все откровенно.

— Я сдѣлаю, батюшка, какъ ты приказываешь, сказала тетя Лена, и пошла къ себѣ.

Отецъ мой, братъ Лены, не былъ, къ несчастью, такъ кротокъ какъ дѣдушка. Когда онъ услышалъ что сестра его пишетъ къ жениху, онъ послѣшилъ къ ней и велѣлъ разъ навсегда прекратить все это. Такой человѣкъ: никакого положенія, никакихъ заятій, никакого состоянія, одни долги, да игра на скрилкѣ! Никогда ей за нимъ не быть!

Лена отвѣчала ему спокойно и усмѣхалась, онъ же, все больше сердась, велѣлъ ей написать что она считаетъ Гебгарда за низкаго обманщика и презираетъ его. Если она этого не сдѣлаетъ, онъ ее не считаетъ своею сестрой.

— Я этого не сдѣлаю, сказала Лена спокойно. И мой отецъ ушелъ отъ нея въ сильномъ гнѣвѣ. Онъ объявилъ громкогласно что съ этой минуты умываетъ руки во всей этой гаулой исторіи и не будетъ вмѣшиваться, пусть сестра идетъ за кого хочетъ.

Въ тотъ же вечеръ мы получили маленькую посылочку. Ее передала моему отцу, такъ какъ ему передавалось все что адресовано было на имя „Мельхиоръ Браунъ и Сынъ“. Онъ вскрылъ коробочку. Тамъ былъ жемчугъ. Съ гнѣвомъ бросилъ онъ его на столъ и потомъ, такъ какъ я одинъ тутъ случился въ комнатѣ, передалъ его мнѣ въ руки и сказалъ: отнеси это тетѣ Ленѣ и скажи ей что это слезы и что ей впредь кромя слезъ ждать нечего!

Я гордился этимъ порученіемъ и хотѣлъ исполнить его хорошенько. Неся жемчугъ я все повторялъ слова отца чтобы не забыть ихъ и передать вѣрно. Лена сидѣла въ уголкѣ у печки когда я вошелъ. Я поднималъ жемчугъ и передавалъ:

— Пала велѣлъ тебѣ сказать: это слезы и впредь кромя слезъ ждать тебѣ нечего...

Тетя Лена схватила жемчугъ, привыкая къ нему пылающимъ лицомъ и по красивымъ зернамъ ожерелья покатались жемчужныя слезы горя.

IV.

Дядя Гебгардъ не заставилъ себя дожидаться. На вызовъ тети Лены онъ тотчасъ явился. Изъ всего семейства можетъ быть одинъ я встрѣтилъ его попрежнему сердечно. Я уже зналъ что у него совсѣмъ нѣтъ денегъ и что онъ не хочетъ отдавать какихъ-то денегъ, но во мнѣ заговорила какая-то привязанность къ дядѣ Гебгарду и мнѣ было жалко что у него, бѣднаго, нѣтъ денегъ. Онъ это почувствовалъ и еще разъ оборотился меня поцѣловать послѣ холодныхъ рукопожатій съ которыми его встрѣтилъ. Я замѣтилъ что теперь онъ не принесъ намъ ни пряниковъ, ни колбасиковъ. За столомъ я вслухъ замѣтилъ что прежде, при дядѣ Гебгардѣ, кушанья у насъ за обѣдомъ были лучше. Послѣ обѣда еще стало скучнѣе чѣмъ до обѣда и вечеръ прошелъ въ молчаніи и прошелъ бы еще хуже еслибъ я не замѣтилъ что на этотъ разъ дядя Гебгардъ принесъ свою скрилку. Мать моя и бабушка столько говорили объ игрѣ его на скрилкѣ что я очень желалъ ее послушать. Я началъ просить его поиграть и сдѣлалъ этою просьбой большую услугу обществу, которое просто не знало что дѣлать съ нимъ и съ собою. Всѣ стали его просить и дядя Гебгардъ взялъ свою скрилку. Онъ сыгралъ нѣсколько венгерскихъ и цыганскихъ

лѣсемъ. Я конечно не могъ имѣть своего мнѣнія объ этомъ, какъ ребенокъ, но мой дѣдушка, старый Чехъ, самъ игралъ: когда-то и былъ тронутъ. Даже мой отецъ тихонько оказалъ, что нельзя довѣрить чтобы могъ, такъ играть человекъ до уши въ долги. Съ первыхъ же звуковъ отъ сердца нашихъ стала отлетать тяжесть которая давала цѣлый вечеръ. Всѣ были заинтересованы и растроганы, и всѣ какъ-то замолвали съ дядей Гебгардомъ молчаливо, какъ будто у него не было ни одного крейсера долгу. У бабушки вышло, что одна такая игра стоитъ тысячъ гульденовъ, а отецъ мой шелуль матушкѣ: „эти артисты никогда ничего не получаютъ“. Матушка отвѣтила ему задумчиво: „много надо имѣть горя на сердцѣ чтобы играть такъ печально!“ Самая спокойная изъ всѣхъ была тетя Лена, которая сидѣла въ своемъ уголку, гдѣ ее совсѣмъ не было видно, только глаза ея блестѣли иногда въ темнотѣ.

Всѣмъ дѣтвѣ этого вечера дѣдушка принялъ рѣшеніе въ тотъ же день переговорить съ женихомъ объ его личныя обстоятельствахъ. Онъ однако отложилъ это неприятное объясненіе до утра. Но когда наступило утро, дядя Гебгарда не было и поминку. Онъ ушелъ очень рано.

Смущеніе было велико. Никто не зналъ какъ себѣ это объяснить. Отецъ мой рѣшилъ что дѣло бросовое и что счастливо оно еще кончилось. Но явилась тетя Лена и сообщила что она сама уговорила жениха уйти.

— Ты съ нимъ покончила и отказала? быстро спросил мой отецъ.

— Нѣтъ, сухо отвѣчала ти.—Я только хотѣла предупредить долбресъ и разъяснить все что нужно. Наединѣ со мной ему легче было дѣлать признанія, я же передамъ вамъ ихъ всѣ.

Она сѣла и начала тономъ спокойнаго разказа.

— На девятнадцатомъ году Гебгардъ отправился за границу путешествовать послѣ смерти своего отца. Покойный предназначалъ его для торговой дѣятельности. Мальчикъ не имѣлъ къ ней ни малѣйшей склонности. Онъ хотѣлъ осмотрѣться, поискать счастья и подходящихъ занятій. Онъ не былъ созданъ сидѣть сиднемъ у домашнего очага. Его олекунъ Альтманъ далъ ему небольшую сумму. Случайно познакомился Гебгардъ съ однимъ молодымъ венгерскимъ магнатомъ. Магнатъ очень его полюбилъ и сдѣлалъ его своимъ

домашнимъ секретаремъ, собственно же они были друзья. Они много путешествовали вмѣстѣ, преимущественно по Венгрии. Гебгардъ былъ счастливъ. Онъ скакалъ верхомъ, охотился, жилъ въ величественныхъ венгерскихъ „пустахъ“, учился на скрижѣхъ у одного Цыгана. Счастливые годы — веселая и дикая жизнь! Сдѣлавшись совершеннолѣтнимъ, онъ писалъ своему родственнику и олекуну Альтману чтобы тотъ принялъ на себя управленіе его имуществомъ. Онъ не особенно безлокоился объ этомъ небольшомъ имуществѣ, даже когда услышалъ что Альтманъ пускается на разные рискованныя спекуляціи и, очень вѣроятно, тратитъ его деньги. Онъ имѣлъ хорошее и пріятное положеніе и даже радовался что отцовское наслѣдство идетъ на пользу его же роднымъ.

Венгерскій магнатъ, другъ его, на охотѣ упалъ съ дикой степной лошади, расшибся и умеръ. Гебгардъ вдругъ очутился бездомнымъ и одинокимъ. Умершій другъ обѣщалъ позаботиться о его судьбѣ, но наслѣдники имѣній не считали себя обязанными помогать незнакомому человѣку. Въ это же время онъ получалъ письмо. Ему писали что семейство его разорено, просили у него же помощи и вызывали немедленно домой. Въ Венгріи Гебгарду ждать было нечего — со смертью друга все кругомъ, ему опротивѣло и онъ поѣхалъ на родину. Въ письмѣ говорилось еще что онъ долженъ спасти честь и достоинство фамиліи. Еслибы Гебгардъ не возвратился, тогда его родные за долги должны были идти въ тюрьму. Ихъ домъ, единственное достояніе его старухи-матери, долженъ былъ быть проданъ. Возвращеніе Гебгарда обнадежило кредиторовъ, потому что Альтманъ бралъ деньги и зна его имя. Кредиторамъ представили что они ничего не достигнутъ если разорять и обезчестятъ цѣлую фамилію и что напротивъ очень могутъ получить если дадутъ Гебгарду отсрочку. Альтманъ кромѣ того увѣрилъ ихъ что на Гебгардомъ дѣло не станетъ, что онъ скоро сдѣлаетъ блестящую партію. Онъ изъ приданого невѣсты уплатитъ всѣ долги. И Гебгардъ узналъ что въ немъ одномъ единственная надежда семейства. Кредиторы согласились на самую короткую отсрочку. Еслибы онъ не пошелъ на это соглашеніе, то онъ съ своимъ родственникомъ долженъ бы былъ идти въ тюрьму и мать свою и сестеръ-дѣвушекъ пустить въ міру. Незнакомый съ торговыми дѣлами и оборотами,

Геггардъ легко довѣрился родственнику. Все это разказалъ онъ мнѣ сегодня, но я съ самаго начала знала это изъ его отрывочныхъ намековъ. Онъ меня не обманывалъ — я знала что дѣлаю. Да, это правда — родственникъ его привелъ его сюда чтобы насъ обмануть. Хотѣли только моего приданого. Но во второй разъ онъ пришелъ одинъ, уже по своей волѣ, и разказалъ мнѣ все. Онъ уже хотѣлъ со мной проститься совсѣмъ.

— Теперь конечно, сказалъ мой отецъ, — теперь ты конечно сомнѣваться не станешь, ты знаешь что они хотѣли сдѣлать съ твоимъ приданнымъ?

— Какой вамъ отъ того убытокъ, улыбаясь замѣтила тетя Лена, — еслибы мое приданое и истрачено было? Развѣ я не говорила тебѣ — я его люблю! Какое лучшее употребленіе я могу сдѣлать изъ этихъ денегъ? Я его спасу отъ тюрьмы и лова. Ему нужно мое приданое, но и я ему нужна. Онъ не практическій человекъ какъ вы. Онъ художникъ по натурѣ, и его ли вида что онъ не могъ и не умѣлъ такъ сколачивать состояніе какъ люди практическіе?

Она встала, какъ бы высказавъ все что надо. Послѣ этого я приминаю было у насъ въ дому какъ-то пасмурно. По дому ходили тихо, какъ будто былъ кто-нибудь опасно боленъ. Дѣдушка задумчиво сидѣлъ на своей качалкѣ; бабушка приходила къ нему и разказывала какъ безпокойно Ленушка опять провела ночь. Мой отецъ въ горѣ всегда былъ раздражителенъ и не одинъ толчокъ получалъ я за это неприятное время. Несмотря на то что тетя Лена, наконецъ, прекратила всякія разсужденія по этому вопросу, все-таки не оставляли въ покоѣ; ей представляли на какое несчастіе она шла. По здравому смыслу уже ей надо непремѣнно оставить это дѣло. Ни о чемъ другомъ въ домѣ не говорили. Я самъ такъ интересовался этимъ что когда начинали говорить о чемъ-нибудь другомъ, я не слушалъ. Но одна сцена вѣзлась особенно въ моей памяти. Сказаны были только нѣсколько словъ, но они произвели на меня такое впечатленіе какъ потомъ не производили самыя патетическія сцены трагедій.

Это было утромъ. Дѣдушка сидѣлъ на своей качалкѣ. Тетя Лена стояла у камина и противъ зеркала которое висѣла на каминную полку расчесывала свои длинныя, черныя волосы. Дѣдушка опять заговорилъ на ту же тему, на которую говорили не одну недѣлю. Тетя Лена почти не отвѣ-

чала, и это я понималъ что отвѣчать ей нечего. Я разсуждалъ про себя — всѣ эти безконечные разговоры бѣдной тетюшкѣ должны страшно наскучить. Я удивлялся еще ея терпѣнью. Рука ея однако все болѣе и болѣе дрожала на длинныхъ волосахъ пока дѣдушка говорилъ про лаутовъ-родственниковъ Гебгарда. Она какъ будто приостанавливала иногда руку съ гребнемъ. Дѣдушка замолчалъ, ожидая ея отвѣта. Отвѣта не было. Тогда старикъ поднялся на своихъ больныхъ ногахъ, поднявъ правую руку, оперся лѣвою о кресло и сказалъ глухимъ голосомъ:

— Лена! Слушай! Если ты собою не дорожишь, ты не знаешь что еще съ тобой тогда будетъ!

Тетя Лена подошла къ старику и съ блѣдными губами и сверкающими глазами отвѣтила:

— Я буду просить милостыни, но никогда не подойду къ вашимъ дверямъ....

Я не знаю какія были послѣдствія. Сцена эта въ моей памяти рѣзко осталась какъ будто картина въ рамкѣ. Я знаю только—свадьба наконецъ устроилась и я жаловался въ тотъ день матушкѣ и тетѣ Ленѣ что свадьба вовсе не веселая. Я уже зналъ какія должны быть свадьбы, потому что всего за годъ предъ этимъ тетя Розалія выходила замужъ. Ея свадьба была для меня идеаломъ свадебъ. Женихъ, веселый, богатый малый, привезъ съ собою всѣхъ своихъ братьевъ и родственниковъ. То были краснощекіе, здоровые деревенскіе хозяева. Дѣдушка угощалъ весь околотокъ—танцевали, пѣли, по дому и по двору раздавались крики и смѣхъ, и деревенская молодежь веселилась до утра. Теперь было совсѣмъ иначе. Съ нашей стороны были только семейные, родные моего отца, которые на эту свадьбу смотрѣли съ такимъ же предубѣжденіемъ. Женихъ привезъ съ собою только одну молоделькую сестренку, которая робко и тихо бродила по дому. Точно она боялась упрековъ или неприятностей. О танцахъ никто и не думалъ. Никто не подумалъ и о деревенской молодежи. Вообще этотъ странный день въ моемъ воспоминаніи не сказывается ничѣмъ пріятнымъ и веселымъ.

Въ одно утро, вскорѣ, тетя Лена съ мужемъ и его сестрой уѣхали въ коляскѣ. Въ числѣ прощавшихся стоялъ у крыльца и Нейбергъ. Когда новобрачная ему протянула руку, онъ притянулъ ее немного къ себѣ и сказалъ ей на ухо прерывающимся голосомъ, со слезами на глазахъ:

— Ленушка! Ты знаешь, у меня есть немножко, если ты будешь нуждаться....

Къ удивленію присутствующихъ (они этихъ словъ не слышали) Лена вдругъ обняла Нейберга и лопцѣловала и вскочила въ коляску. Коляска тяжело двинулась съ мѣста. Мы смотрѣли вслѣдъ, пока ее было видно, потомъ молча разошлись. Всѣ сѣли дома, молчаливые и печальные, точно послѣ похоронъ.

V.

Въ первое же воскресенье, когда тетя Лена пошла съ мужемъ въ церковь, она увидѣла у дверей церковныхъ маленькаго старичка въ засаленномъ, длинномъ сюртукѣ, со старою вытертою шляпой въ рукахъ. Лена приняла его за нищаго. Но онъ захолопоталъ и началъ къ нимъ проталкиваться на встрѣчу. Онъ сталъ около Лены такъ близко что залѣлъ ея праздничное платье своимъ засаленнымъ рукавомъ. Онъ сказалъ Ленѣ какимъ-то смѣшнымъ, театральнымъ шепотомъ, такъ что всѣ прихожане могли слышать:

— Если въ слѣдующее воскресенье мнѣ не будетъ заплачено за это ожерелье, я сорву его при всѣхъ съ вашей шеи...

Лена увидѣла измѣнившееся лицо мужа и его руку поднятую надъ головой старика. Она отстранила мужнину руку, сняла съ шеи ожерелье и передала старику.

— Не надо мнѣ ожерелья! бранчиво заговорилъ тотъ, оно продано, я хочу свои денежки получить.

Лена взяла ожерелье обратно и вошла въ церковь.

Въ слѣдующее воскресенье за ожерелье было заплачено и оно само продано. Заплачено за мебель, улачено еще много векселей и Лена въ своей дѣятельности зашла такъ далеко что хотѣла продать все что было чтобъ улачивать долги. Впрочемъ и судъ принялъ въ этомъ участіе и продалъ домъ. Вотъ въ вѣсколькихъ словахъ медовый мѣсяцъ тети Лены. Она не писала въ своихъ письмахъ къ намъ объ этомъ. Ни одной жалобы не вырвалось у нея, хотя не исполнились планы которые она составляла задолго до свадьбы. Но милостыни просить не пошла тетя Лена.

Съ маленькою суммой которая осталась отъ продажи дома арендовала она фермочку съ землей близъ города. Потомъ продала свои платья и украшения и съ этимъ начала свое хозяйство. Никто изъ насъ не видалъ ея въ этомъ положе-

ни—какъ она работала въ полѣ. Дѣдушка былъ ужь слишкомъ старъ для развѣздовъ и болень. А отецъ мой рѣшилъ не ѣхать къ ней пока она сама его не пригласитъ.

Черезъ годъ послѣ свадьбы мы получили извѣстiе что у нея родился мальчикъ, и что она довольна. Она можетъ содержать все семейство и старуху свекровь, которая живетъ съ ними. Чего же ей больше?

Въ одномъ лясмѣ она говорила:

„О, какъ стали бы вы отъ всего сердца просить прощенья у моего бѣднаго мужа еслибы видѣли какъ онъ въ дождь и въ зной трудится въ полѣ, какъ онъ носитъ овощи на базаръ на спикѣ. Мальчикъ мой, настоящiй портретъ отца, цвѣтеть и здоровѣеть. Вечеромъ, когда не очень устанетъ, мужъ мой играетъ ламъ съ мальчикомъ на скрилкѣ свои чудныя лѣски. Мы счастливы...“

Прочитавъ это, дѣдушка продалъ коляску свою, лошадей, все лишнее; взялъ свою долю капитала изъ оборота „Брантъ и Смызъ“ и послалъ эти деньги тетѣ Ленѣ. Черезъ нѣсколько дней онъ возвращены съ благодарностью. Тетя Лена писала что она въ нихъ не нуждалась.

Прошли три и четыре года. Дѣдушка почти уже не двигался съ мѣста, бабушка вдругъ опустилась и сильно постарѣла. Чтѣ было у нея въ эти четыре года, я не знаю, потому что уже былъ въ городѣ въ школѣ. Я знаю только что о тетѣ Ленѣ безлокоимся больше прежняго.

Былъ несчастный годъ. Весной сильныя дожди и бури испортили посѣвы. Чтѣ пощадила весеннiя бури, то погубили ужасныя лѣтнiе жары. Со страхомъ ожидали зимы и всѣхъ ужасовъ голоднаго года. Правительство и магнаты воспользовались несчастiемъ нашей страны чтобы заселить пустыни Венгрии и основать тамъ новыя поселенiя. Особыми объявленiями приглашались къ переселенiю въ Венгriu. Духовенство и чиновники, которые въ этомъ переселенiи видѣли единственный исходъ, распространяли это объявленiе, ободряли бѣдныхъ къ переселенiю, старались ихъ сузить деньгами на дорогу. Казалось, чуть не цѣлая половина населенiя страны собиралась выселиться. Объ Америкѣ и эмиграци у насъ еще не знали. И поднялась всѣ изъ родныхъ мѣстъ въ плодородную Венгriu, которую имъ представили страной обитованною. По дорогамъ потянулись толпы лѣшихъ, ряды повозокъ, на дальнiй Востокъ....

Велико было смятенiе въ нашей семьѣ когда промель

слухъ что тетя Лена съ мужемъ и сыномъ также собираются въ Венгрію. Дѣдушка подвѣлся было самъ къ ней отговорить ее. Мой отецъ нарушилъ свое слово не ѣздить къ сестрѣ безъ приглашенія и собрался въ путь. Онъ пріѣхалъ въ Прагу, взялъ меня съ собой (тогда была ваканція) и мы скоро отправились.

Мы нашли въ домикъ, который арендовала тетя Лена, уже другаго жильца. Отъ него узнали что семья Гебгарда въ маленькой, крытой рогожкой повозкѣ, въ одну лошадку, уѣхала только вчера.

Не трудно было на ларѣ нашихъ сильныхъ лошадей нагнать повозку. Отецъ мой не долго раздумывалъ; и мы въ тотъ день сѣдѣли еще пражку по указанному направленію. Отдохнувшія лошади шли крупною рысью. Наши путешественники должны были быть уже близко, и мы внимательно посматривали на дорогу. Много повозокъ и семей обогнали мы, но нашихъ не было видно. Около полудня увидали мы, наконецъ, въ сторонкѣ отъ дороги, въ тѣни кустовъ, повозку, которая, по соображеніямъ, должна была принадлежать нашимъ. Мы оставили лошадей и свою толпѣжку съ работникомъ на дорогѣ и чрезъ лѣсъ пошли къ этой повозкѣ.

Тропинка по которой мы шли спускалась въ оврагъ, и за кустами мы потеряли направленіе. Мы начали соображать такъ ли мы идемъ, когда услышали вѣжные звуки скралки. Мы остановились тихонько. Отецъ мой спрятался за дерево и—залакалъ. Да, я помню, онъ плакалъ. Тихіе, стройные звуки разносились по воздуху, когда отецъ мой тихо пошелъ, стараясь не шумѣть вѣтвями. Я шелъ за нимъ также безсознательно тихо, притаивъ дыханіе. Мы остановились шагахъ въ двадцати отъ нашихъ путешественниковъ, за кустами. Мы могли видѣть ихъ ясно.

Маленькая крестьянская рогожная повозка была приворочена въ тѣни кустовъ и близь нея паслась спутанная лошадка. Дальше въ лѣсу, въ тѣни огромнаго бука, пріютилось все семейство. Дядя Гебгардъ сидѣлъ на поваленномъ деревѣ и съ большимъ оживленіемъ игралъ чешскую старую пѣсню. Короткололая шалочка оттѣняла его смуглое, загорѣлое и обвѣтренное. Это лицо было попрежнему красиво, пожалуй еще красивѣе,—въ немъ появилось что-то сильное и мужественное. Онъ сбросилъ съ себя кафтанъ чтобы рукамъ было свободнѣе. Онъ положилъ ногу на догу и играя лѣсью смотрѣлъ на ребенка, который припавъ на колѣни

матери тихо дремала подъ игру. Тетя Лена положила одну руку на кудрявую головку своего ребенка, а другою подперла подбородокъ. Съ вѣжкою улыбкой глядѣла она на мужа и слегка покачивала головой въ тактъ лѣсни. Она удивительно мало перемѣнилась. Кромѣ повязки на головѣ и крестьянскаго синяго платья, я съ перваго взгляда узналъ мою прежнюю хорошенькую тетю Лену. Правда, она нѣсколько попожелѣла, свѣжесть ея щекъ не была такъ ярка какъ прежде. Но милыя очертанія лица были тѣ же и глаза были какъ прежде темны и блестящи, только взглядъ сталъ кротче и спокойнѣе. Между ними стояли въ травѣ остатки простаго завтрака и большая кружка. На эту картину, озаренную яркимъ солнцемъ, мы смотрѣли въ волненіи,—на эту картину мирнаго и спокойнаго счастья. Казалось у отца моего не хватало духу нарушить это удивленіе, онъ все прятался въ кустахъ. Я же увидѣвъ свою прежнюю тетю Лену, не дожидаясь отца, невольно выскочилъ изъ кустовъ и кинулся на шею къ тетѣ и дядѣ Гебгарду и разцѣловалъ своего маленькаго племянника.

Что мнѣ дальше разказывать? То были чудныя минуты человѣческой любви и прощенія. Тетя Лена съ моимъ отцомъ встрѣтилась какъ самая вѣжная сестра; она была счастлива что видѣла своихъ семейныхъ предъ отъѣздомъ въ Венгрію. Она не перемѣнила намѣренія и спокойно отказалась отъ всѣхъ предложеній моего отца и его проектовъ. Отецъ мой былъ растроганъ и смягчился. Ребенокъ тети Лены лѣнился брелоками на жилетѣ моего отца и получилъ ихъ въ подарокъ вмѣстѣ съ золотою цѣпочкой. Сердца наши были полны такой дружбы и любви взаимной. Да пошлетъ Господь много такихъ минутъ въ сердца людей!

Сцену эту никогда не забудетъ мое сердце. Мы сидѣли до вечерней зари. Тогда дядя Гебгардъ запрегъ своимъ лошаdkу, мы простились, и повозка поѣхала въ луть. Мы долго ихъ провожали; что мы говорили и какъ разставались, мнѣ этого не описать.

Пока были живы дѣдушка и бабушка, мы получали изъ Венгріи письма. Но старики успокоились подъ зеленымъ холмикомъ нашего деревенскаго кладбища и мы ничего уже не слыхали о нашей тетѣ Ленѣ.

Н. Б—Вѣ.

АННА КАРЕНИНА*

Р О М А Н Ъ.

XXVIII.

Какъ и во всѣхъ мѣстахъ гдѣ собираются люди, такъ и на маленькихъ нѣмецкихъ водахъ куда прѣехали Щербацкіе, совершилась обычная какъ бы кристаллизація общества, опредѣляющая каждому его члену опредѣленное и неизмѣнное мѣсто. Какъ опредѣленно и неизмѣнно частица воды на холодѣ получаетъ извѣстную форму снѣжнаго кристалла, такъ точно каждое новое лицо прѣзжавшее на воды тотчасъ же устанавливалось въ свойственное ему мѣсто.

Фюрстъ Щербацкій замѣтилъ гемалинъ инд тохтэр, и по квартирѣ которую заняли, и по имени, и по знакомымъ которымъ они нашли, тотчасъ же кристаллизовались въ свое опредѣленное и предназначенное имъ мѣсто.

На водахъ въ этомъ году была настоящая нѣмецкая фюрстиня, вслѣдствіе чего кристаллизація общества совершалась еще энергичнѣе. Княгиня непремѣнно пожелала представить принцессѣ свою дочь и на второй же день совершила этотъ

* См. Русск. Вѣстн. №№ 1, 2 и 3й.

обрядъ. Кити низко и граціозно присѣла въ своемъ выписанномъ изъ Парижа *очень простомъ*, то-есть очень нарядномъ лѣтнемъ платьѣ. Принцесса сказала: „надѣюсь что розы скоро вернутся на это хорошенькое личико“, и для Щербацкихъ тотчасъ же твердо утѣновились опредѣленные пути жизни, изъ которыхъ нельзя уже было выйти. Щербацкіе познакомились и съ семействомъ англійской леди, и съ нѣмецкою графиней и съ ея равнымъ въ послѣдней войнѣ сыномъ, и со Шведомъ ученымъ, и съ М. Сапнт и его сестрой. Но главное общество Щербацкихъ невольно составилось изъ московской дамы Марьи Евгеніевны Ртищевой съ дочерью, которая была неприятна Кити потому что заболѣла также какъ и она отъ любви, и московскаго полковника, котораго Кити съ дѣтства видѣла и знала въ мундирѣ и эполетахъ, и который тутъ со своими маленькими глазками и съ открытою шеей въ цвѣтномъ галстукѣ былъ необыкновенно смѣшонъ и скученъ тѣмъ что нельзя было отъ него отдѣлаться. Когда все это такъ твердо утѣновилось, Кити стало очень скучно, тѣмъ болѣе что князь уѣхалъ въ Карлсбадъ, и она осталась одна съ матерью. Она не интересовалась тѣми кого знала, чувствуя что отъ нихъ ничего уже не будетъ новаго. Главный же задушевный интересъ ея на водахъ составляли теперь наблюденія и догадки о тѣхъ которыхъ она не знала. По свойству своего характера, Кити всегда въ людяхъ предполагала все самое прекрасное, и въ особенности въ тѣхъ кого она не знала. И теперь дѣлая догадки о томъ кто—кто, какія между ними отношенія и какіе они люди, Кити воображала себѣ самыя удивительныя и прекрасныя характеры и находила подтвержденіе въ своихъ наблюденіяхъ.

Изъ такихъ лицъ въ особенности занимала ее одна русская дѣвушка, пріѣхавшая на воды съ больною русскою дамой, мадамъ Шталь, какъ ее всѣ звали. Мадамъ Шталь принадлежала къ высшему обществу, но она была такъ больна что не могла ходить и только въ рѣдкіе хорошіе дни появлялась на водахъ въ колясочкѣ. Но не столько по болѣзни, сколько по гордости, какъ объясняла княгиня, мадамъ Шталь не была знакома ни съ кѣмъ изъ Русскихъ. Русская дѣвушка ухаживала за мадамъ Шталь и, кромѣ того, какъ замѣчала Кити, сходилась со вѣрными тяжко-больными, которыхъ было много на водахъ, и самымъ натуральнымъ образомъ

улаживала за ними. Русская дѣвушка эта, по наблюденіямъ Кити, не была родня мадамъ Штааль и вѣроятно съ тѣмъ не была наемная помощница. Мадамъ Штааль звала ее „Варенька“, а другіе звали „Миле Варенька“. Не говоря уже о томъ, что Кити интересовалась наблюденія надъ отношеніями этой дѣвушки къ г-нѣ Штааль и къ другимъ незнакомымъ ей лицамъ, Кити, какъ это часто бываетъ, испытывала необъяснимую симпатію къ этой Миле Варенькѣ и чувствовала, по встрѣчающимся взглядамъ, что и она нравится.

Миле Варенька эта была не то что не первой молодости, но какъ бы существо безъ молодости: ей можно было дать и девятнадцать, и тридцать лѣтъ. Если разбирать ея черты, она несмотря на болѣзненный цвѣтъ лица была скорѣе красива чѣмъ дурна. Она была бы и хорошо сложена, слабы не слишкомъ большая сухость тѣла и несообразная голова, по среднему росту, но она не должна была быть привлекательна для мужчинъ. Она была похожа на прекрасный, хотя еще и полный лепестковъ, но уже отцвѣтшій безъ запаха цвѣтокъ. Кромѣ того она не могла быть привлекательною для мужчинъ еще и потому что ей не доставало того чего слишкомъ много было въ Кити—сдержаннаго огня жизни и сознанія своей привлекательности.

Она всегда казалась занятою дѣломъ въ которомъ не могло быть сомнѣнія, и потому, казалось, ничѣмъ постороннимъ не могла интересоваться. Этою противоположностью съ собою она особенно привлекала къ себѣ Кити. Кити чувствовала что въ ней, въ ея складѣ жизни, она найдетъ образецъ того чего теперь мучительно искала—интересовъ жизни, достоинства жизни, внѣ отвратительныхъ для Кити свѣтскихъ отношеній дѣвушки къ мужчинамъ, представлявшихся ей теперь позорною выставкой товара ожидающаго покупателей. Чѣмъ больше Кити наблюдала своего неизвѣстнаго друга, тѣмъ болѣе убѣждалась что эта дѣвушка есть то самое совершенное существо какимъ она ее себѣ представляла и тѣмъ болѣе она желала познакомиться съ ней.

Обѣ дѣвушки встрѣчались въ день по нѣсколько разъ, и при каждой встрѣчѣ глаза Кити говорили: „кто вы? чѣмъ вы? Вѣдь правда что вы то прелестное существо какимъ я воображаю васъ? Но ради Бога не думайте,“ прибавляла ея взглядъ, „что я позволяю себѣ навязываться въ знакомыя. Я просто люблю васъ и люблю васъ.“ — „Я тоже люблю васъ“

и вы очень, очень милы: И еще больше любила бы васъ слабая имѣла время," отвѣчала взгляда неизвѣстной дѣвушки. И действительно, Кити видѣла что она всегда занята: или она уводитъ съ собою дѣтей русскаго семейства, или несетъ пледъ для больной и укутываетъ ее, или старается развлечь раздраженнаго больного, или выбираетъ и покупаетъ печенье къ кофею для кого-то.

Скоро послѣ прїѣзда Щербацкихъ, на утреннихъ водахъ появились еще два лица обратившія на себя общее недружелюбное вниманіе. Это были: очень высокій, сутуловатый мужчина съ огромными руками, въ короткомъ, не по росту, и старомъ пальто, съ черными, наивыщими и вмѣстѣ страшными глазами, и рабоватая милостивая женщина, очень дурно и безвкусно одѣтая. Признавъ этихъ лицъ за Русскихъ Кити уже начала въ своемъ воображеніи составлять о нихъ прекрасный и трогательный романъ. Но княгиня узнавъ по Kugliste что это былъ Левинъ Николай и Марья Иванова, объяснила Кити какой дурной человѣкъ былъ этотъ Левинъ, и всѣ мечты объ этихъ двухъ лицахъ исчезли. Не столько по тому что мать сказала ей, сколько потому что это былъ братъ Константина, для Кити эти лица вдругъ показались въ высшей степени неприятны. Этотъ Левинъ возбуждалъ въ ней теперь, своею привычкою подергиваться головой, непреодолимое чувство отвращенія.

Ей казалось что въ его большихъ страшныхъ глазахъ, которые уперто слѣдили за ней, выражалось чувство ненависти и насмѣшки и она старалась избѣгать встрѣчи съ нимъ.

Былъ ненастный день, дождь шелъ все утро, и больные съ зонтиками толпились въ галлерей.

Кити ходила съ матерью и съ московскимъ полковникомъ, весело щеголявшимъ въ своемъ европейскомъ, кулаечномъ готовымъ во Франкфуртѣ сюртукѣ. Они ходили по одной сторонѣ галлерей стараясь избѣгать Левина ходившаго по другой сторонѣ. Варенька, въ своемъ темномъ платьѣ, въ черной, съ отогнутыми внизъ полями шляпѣ, ходила со слѣпою Француженкой во всю длину галлерей, и каждый разъ какъ она встрѣчалась съ Кити, онѣ перекидывались дружескимъ взглядомъ.

— Мама, можно мнѣ заговорить съ нею? сказала Кити, слѣдившая за своимъ незнакомымъ другомъ и замѣтившая что она подходитъ къ ключу и онѣ могутъ сойтись у него.

— Да, если тебѣ такъ хочется, я узнаю прежде о ней и сама подойду, отвѣчала мать. — Что ты въ ней нашла особеннаго? Компаньйонка должно-быть. Если хочешь я познакомлюсь съ мадамъ Шталь. Я знала ея belle-soeur, прибавила княгиня гордо поднимая голову.

Кити знала что княгиня оскорблена тѣмъ что гжа Шталь какъ будто избѣгала знакомиться съ нею. Кити не настаивала.

— Чудо какая милая! сказала она глядя на Вареньку, въ то время какъ та подавала стаканъ Французекъ. — Посмотрите какъ все просто, мило.

— Уморительны мнѣ твои engouements, сказала княгиня: — вѣтъ, пойдемъ лучше назадъ, прибавила она, замѣтивъ двигавшагося имъ на встрѣчу Левина съ своею дамой и съ нѣмецкимъ докторомъ, съ которымъ онъ что-то громко и сердито говорилъ.

Онѣ поворачивались чтобъ идти назадъ, какъ вдругъ услышали ужъ не громкій говоръ а крикъ. Левинъ остановившись кричалъ и докторъ тоже горячился. Толпа собиралась вокругъ нихъ. Княгиня съ Кити послѣшью удалились, а полковникъ присоединился къ толпѣ чтобъ узнать въ чемъ дѣло.

Черезъ нѣсколько минутъ полковникъ нагналъ ихъ.

— Что это тамъ было? спросила княгиня.

— Позоръ и срамъ, отвѣчалъ полковникъ. — Одного боишься, это встрѣчаться съ Русскими за границей. Этотъ высокій господинъ побранился съ докторомъ, наговорилъ ему дерзости за то что тотъ его не такъ лѣчитъ и замахнулся палкой. Срамъ просто!

— Ахъ какъ неприятно, сказала княгиня. — Ну чѣмъ же кончилось?

— Спасибо тутъ вмѣшалась эта... эта въ шляпѣ грибомъ. Русская кажется, сказалъ полковникъ.

— Mlle Варенька? радостно спросила Кити.

— Да, да. Она нашлась скорѣе всѣхъ, она взяла этого господина подъ руку и увела.

— Вотъ, мама, сказала Кити матери, — вы удивляетесь что я восхищаюсь ею.

Съ слѣдующаго дня наблюдая неизвѣстнаго своего друга, Кити замѣтила что Mlle Варенька и съ Левинымъ, и его женщиной находится уже въ тѣхъ отношеніяхъ какъ и съ

другими своими *protégés*. Она подходила къ нимъ, разговаривала, служила переводчицей для женщины, не умѣвшей говорить ни на одномъ языкѣ.

Кити еще болѣе стала умолять мать позволить ей познакомиться съ Варенькой. И какъ ни непріятно было княгинѣ какъ будто дѣлать первый шагъ въ желаніи познакомиться съ гжею Шталь позволявшей себѣ чѣмъ-то гордиться, она навела справки о Варенькѣ и узнавъ о ней подробности давшія заключить что не было ничего худого, хотя и хорошаго мало, въ этомъ знакомствѣ, — сама первая подошла къ Варенькѣ и познакомилась съ нею.

Выбравъ время когда дочь ея пошла къ ключу, а Варенька остановилась противъ булочника, княгиня подошла къ ней.

— Позвольте мнѣ познакомиться съ вами, сказала она съ своею достойною улыбкой. — Моя дочь влюблена въ васъ, сказала она. — Вы можете-быть не знаете меня. Я...

— Это больше чѣмъ взаимно, княгиня, послѣдно отвѣчала Варенька.

— Какое вы доброе дѣло сдѣлали вчера нашему жалкому соотечественнику, сказала княгиня.

Варенька покраснѣла. — Я не помню, я кажется ничего не дѣлала, сказала она.

— Какъ же, вы спасли этого Левина отъ непріятности.

— Да, за сопряге позвала меня, и я постаралась успокоить его: онъ очень боленъ и не доволенъ былъ докторомъ. А я имѣю привычку ходить за этими больными.

— Да, я слышала что вы живете въ Ментонѣ съ вашею тетужкой, кажется, Мше Шталь. Я знала ея *belle-soeur*.

— Нѣтъ, она мнѣ не тетка. Я называю ее маман, но я ей не родня; я воспитана ею, олять покраснѣвъ, отвѣчала Варенька.

Это было такъ просто сказано, такъ мило было правдивое и открытое выраженіе ея лица что княгиня поняла почему ея Кити полюбила эту Вареньку.

— Ну что же этотъ Левинъ? спросила княгиня.

— Онъ увѣзжаетъ, отвѣчала Варенька.

Въ это время, сіяя радостью о томъ что мать ея познакомилась съ ея неизвѣстнымъ другомъ, отъ ключа подходила Кити.

— Ну вотъ, Кити, твое сильное желаніе познакомиться съ Мше...

— „Варенькой“, улыбаясь подсказала Варенька: — такъ всѣ меня зовутъ.

Кити покраснѣла отъ радости и долго молча жала руку своего новаго друга, которая не отвѣчала на ея пожатіе, но неподвижно лежала въ ея рукѣ. Рука не отвѣчала на пожатіе, но лицо Мlle Вареньки просіяло тихою радостною, хотя и нѣсколько грустною улыбкой открывавшею большіе, но прекрасные зубы.

— Я сама давно хотѣла этого, сказала она.

— Но вы такъ заняты...

— Ахъ, напротивъ, я ничѣмъ не занята, отвѣчала Варенька. Но въ ту же минуту должна была оставить своихъ новыхъ знакомыхъ, потому что двѣ маленькія русскія дѣвочки, дочери больнаго, бѣжали къ ней.

— Варенька, мама зоветъ! кричали онѣ.

И Варенька пошла за ними.

XXIX.

Подробности которыя узнала княгиня о прошедшемъ Вареньки и объ отношеніяхъ ея къ мадамъ Шталь и о самой мадамъ Шталь были слѣдующія:

Мадамъ Шталь, про которую одни говорили что она замучила своего мужа, а другіе говорили что онъ замучилъ ее своимъ безнравственнымъ поведеніемъ, была всегда болѣзненная и восторженная женщина. Когда она родила, уже разведясь съ мужемъ, перваго ребенка, ребенокъ этотъ тотчасъ же умеръ, и родные гжи Шталь, зная ея чувствительность и боясь чтобъ это извѣстіе не убило ея, подмѣнили ей ребенка, взявъ родившуюся въ ту же ночь и въ томъ же домѣ въ Петербургѣ дочь придворнаго повара. Это была Варенька. Мадамъ Шталь узнала въ послѣдствіи что Варенька была не ея дочь, но продолжала ее воспитывать, тѣмъ болѣе что очень скоро послѣ этого родныхъ у Вареньки никого не осталось.

Мадамъ Шталь уже болѣе десяти лѣтъ безвыѣздно жила за границей на югѣ, никогда не вставая съ постели. И одни говорили что мадамъ Шталь сдѣлала себѣ общественное положеніе добродѣтельной, высоко-религіозной женщины; другіе говорили что она была въ душѣ то самое высоко нрав-

ственное существо, жившее только для добра ближняго, ка-
кихъ она представлялась. Никто не зналъ какой она рели-
гiи, католической, протестантской или православной; но одно
было несомнѣнно, она находилась въ дружескихъ связяхъ съ
самыми высшими лицами всѣхъ церквей и исповѣданiй.

Варенька жила съ нею постоянно за границей, и всѣ кто
знали мадамъ Штааль знали и любили Mlle Вареньку, какъ
всѣ ее звали.

Узнавъ всѣ эти подробности княгиня не нашла ничего пред-
осудительнаго въ оближенiи своей дочери съ Варенькой;
тѣмъ болѣе что Варенька имѣла манеры и воспитанiе самыя
хорошия: отлично говорила по-французски и по-англiйски, а
главное передала отъ гжи Штааль сожалѣнiе что она по бо-
лѣзни лишена удовольствiя познакомиться съ княгиней.

Познакомившись съ Варенькой, Кити все болѣе и болѣе
предъиздавалась своимъ другомъ и съ каждымъ днемъ находила
въ ней новыя достоинства.

Княгиня услыжавъ о томъ что Варенька хорошо поетъ
попросила ее придти къ нимъ пѣть вечеромъ.

— Кити играетъ и у насъ есть фортепьяно, нехорошее
правда, но вы намъ доставите большое удовольствiе, сказала
княгиня съ своею притворною улыбкой которая особенно не-
приятна была теперь Кити, потому что она замѣтила что
Варенькѣ не хотѣлось пѣть. Но Варенька однако пришла
вечеромъ и привнесла съ собою тетрадь нотъ. Княгиня при-
гласила Марью Евгеньевну съ дочерью и полковника.

Варенька казалась совершенно равнодушною къ тому что
тутъ были незнакомыя ей лица и тотчасъ же подошла къ
фортепьяно. Она не умѣла себя акомпанировать, но прекра-
сно читала ноты голосомъ. Кити, хорошо игравшая, акомпани-
ровала ей.

— У васъ необыкновенный талантъ, сказала ей княгиня,
любя того какъ Варенька прекрасно спѣла первую пiесу.

Марья Евгеньевна съ дочерью благодарили и хвалили ее.

— Посмотрите, сказалъ полковникъ глядя въ окно,—какая
лублика собралась васъ слушать. Дѣйствительно, подъ окнами
собралась довольно большая толпа.

— Я очень рада что это доставляетъ вамъ удовольствiе,
просто отвѣчала Варенька.

Кити съ гордостью смотрѣла на своего друга. Она восхи-
щалась и ея искусствомъ, и ея голосомъ, и ея лицомъ, но

болѣе всего восхищалась ея манерой, тѣмъ что Варенька очевидно ничего не думала о своемъ лѣтнѣи и была совершенно равнодушна къ похваламъ; она какъ будто спрашивала только: нужно ли еще лѣтъ или довольно?

„Еслибъ это была я, думала про себя Кити, какъ бы я гордилась этимъ! Какъ бы я радовалась глядя на эту толпу лодъ окнами! А ей совершенно все равно. Ее побуждаетъ только желаніе не отказать и сдѣлать пріятное *tata*. Что же въ ней есть? Что даетъ ей эту силу пренебрегать всѣмъ, быть независимо спокойною? Какъ бы я желала это знать и научиться отъ нея этому,“ вглядываясь въ это спокойное лицо, думала Кити. Княгиня попросила Вареньку слѣть еще, и Варенька слѣла другую піесу также ровно, отчетливо и хорошо, прямо стоя у фортепьяно и отбивая по нимъ тактъ своею худою смуглою рукою.

Слѣдующая затѣмъ въ тетради піеса была италіанская лѣсна. Кити сыграла прелюдію и оглянулась на Вареньку.

— Пропустимъ эту, сказала Варенька покраснѣвъ.

Кити испуганно и волпросительно остановила свои глаза на лицѣ Вареньки.

— Ну другое, послѣшню сказала она перевертывая листы, и тотчасъ же появлявъ что съ этою піесой было соединено что-то.

— Нѣтъ, отвѣчала Варенька положивъ свою руку на ноты и улыбаясь,—нѣтъ, слоюте это, и она слѣла это также спокойно, холодно и хорошо какъ и прежде.

Когда она кончила, всѣ опять благодарили ее и пошли пить чай. Кити съ Варенькой вышли въ садикъ бывшій подлѣ дома.

— Правда что у васъ соединено какое-то воспоминаніе съ этою лѣсной? сказала Кити.—Вы не говорите, послѣшню прибавила она,—только скажите—правда?

— Нѣтъ, отчего? я скажу просто, сказала Варенька, и не дожидаясь отвѣта продолжала: — Да, это воспоминаніе и было тяжелое когда-то. Я любила одного человѣка, и эту вещь я лѣла ему.

Кити съ открытыми большими глазами молча, умиленно смотрѣла на Вареньку.

— Я любила его и онъ любилъ меня, но его мать не хотѣла и онъ женился на другой. Онъ теперь живетъ не далеко отъ насъ и я иногда вижу его. Вы не думали что у меня тоже

былъ романъ, сказала она, и въ красивомъ лицѣ ея чуть брезжила тотъ огонекъ который Кити чувствовала когда-то освѣщавъ ее всю.

— Какъ не думать? Еслибъ я была мужчиною, я бы не могла любить никого послѣ того какъ узнала васъ. Я только не понимаю, какъ онъ могъ въ угоду матери забыть васъ и сдѣлать васъ несчастною; у него не было сердца.

— О нѣтъ, онъ очень хорошій человѣкъ, и я не несчастна, напротивъ я очень счастлива. Ну, такъ не будемъ больше лѣтъ маньче, прибавила она, направляясь къ дому.

— Какъ вы хороши, какъ вы хороши! вскрикнула Кити, и остановивъ ее поцѣловала.—Еслибъ я хоть немножко могла быть похожа на васъ!

— Зачѣмъ вамъ быть на кого-нибудь похожей. Вы хороши, какъ вы есть, улыбаясь своею кроткою и усталюю улыбкою, сказала Варенька.

— Нѣтъ, я совсѣмъ не хороша. Ну, скажите мнѣ... Постоите, посидимте, сказала Кити, усаживая ее опять на скамейку подлѣ себя.—Скажите, неужели не оскорбительно думать что человѣкъ пренебрегъ вашею любовью, что онъ не хотѣлъ...

— Да онъ не пренебрегъ; я вѣрю что онъ любилъ меня, но онъ былъ локорный сынъ...

— Да, но еслибъ онъ не по волѣ матери, а просто, самъ... говорила Кити, чувствуя что она выдала свою тайну и что лицо ея, горящее румянцемъ стыда, уже изобличило ее.

— Тогда бы онъ дурно поступилъ, и я бы не жалѣла его, отвѣчала Варенька, очевидно лоявъ что дѣло идетъ уже не о ней, а о Кити.

— Но оскорбленіе, сказала Кити.—Оскорбленія нельзя забыть, нельзя забыть, говорила она, вспоминая своей взглядъ на послѣднемъ балѣ, во время остаточки музыки.

— Въ чемъ же оскорбленіе? вѣдь вы не поступили дурно?

— Хуже чѣмъ дурно,—стыдно.

Варенька покачала головой и положила свою руку на руку Кити.

— Да въ чемъ же стыдно? сказала она:—Вѣдь вы не могли сказать человѣку который равнодушенъ къ вамъ что вы его любите?

— Разумѣется нѣтъ; я никогда не сказала ни одного слова, но онъ зналъ. Нѣтъ, нѣтъ; есть взгляды, есть манеры. Я буду сто лѣтъ жить, не забуду.

— Такъ что жь? Я не понимаю. Дѣло въ томъ, любите ли вы его теперь или нѣтъ, сказала Варенька, называя все по имени.

— Я ненавижу его; я не могу простить себѣ.

— Такъ что жь?

— Стыдъ, оскорбленіе.

— Ахъ! еслибы всё такъ было, какъ вы, чувствительны, сказала Варенька.—Нѣтъ дѣвушки которая бы не испытала этого. И все это такъ не важно.

— А что же важно? спросила Кити, съ любопытнымъ удивленіемъ вглядываясь въ ея лицо.

— Ахъ, многое важно, улыбаясь сказала Варенька.

— Да что же?

— Ахъ, многое важнѣе, отвѣчала Варенька, не зная что сказать. Но въ это время изъ окна послышался голосъ княгини: „Кити, свѣжо! Или шаль возьми, или иди въ комнату.“

— Правда, лора, сказала Варенька вставая:—мнѣ еще надо зайти къ Mme Berthe; она меня просила.

Кити держала ее за руку и съ страстнымъ любопытствомъ и мольбой спрашивала ее взглядомъ: Что же, что же это самое важное, что даетъ такое спокойствіе? Вы знаете, скажите мнѣ. Но Варенька не понимала даже того о чемъ спрашивалъ ее взглядъ Кити. Она помнила только о томъ что ей нынче нужно еще зайти къ Mme Berthe и послѣть домой къ чаю татап, къ 12ти часамъ. Она вошла въ комнату, собрала ноты и, простившись со всѣми, собралась уходить.

— Позвольте я провожу васъ, оказалъ полковникъ.

— Да какъ же одной идти теперь ночью? подтвердила княгиня:—Я пошлю хоть Парашу.

Кити видѣла что Варенька съ трудомъ удерживала улыбку при словахъ что ее нужно провожать.

— Нѣтъ, я всегда хожу одна и никогда сомной ничего не бываетъ, сказала она взявъ шаль и поцѣловавъ еще разъ Кити, и такъ не сказавъ что было важно, бодрымъ шагомъ съ ногами подъ мышкой скрылась въ полутьмѣ лѣтней ночи, унося съ собой свою тайну о томъ что важно и что даетъ ей это завидное спокойствіе и достоинство.

XXIX.

Кити познакомилась и съ гжою Шталь, и знакомство это, вмѣстѣ съ дружбою къ Варенькѣ, имѣло на нее сильное вліяніе. Кити никогда еще не встрѣчала такихъ людей какъ Варенька и мадамъ Шталь. Кити была несчастлива, искала утѣшенія и ни въ чемъ не находила его. Теперь же это утѣшеніе пришло само собою, благодаря тому что ей открылся совершенно новый міръ, не имѣющій ничего общаго съ ея прошедшимъ, міръ возвышенный, прекрасный, съ высоты котораго можно было спокойно смотрѣть на это прошедшее. То „что важно“ открылось для нея, и оно было то самое что она и предчувствовала; важно было то что кромѣ жизни инстинктивной, которой до сихъ поръ отдавалась Кити, была жизнь духовная, понятная для Кити. Жизнь эта открывалась религіей, но религіей не имѣющею ничего общаго съ тою которую съ дѣтства знала Кити,—религіей выражавшеюся въ обѣднѣ и всенощной во Вдовьемъ Домѣ, гдѣ можно было встрѣтить знакомыхъ, и въ изученіи съ батюшкой наизусть славянскихъ текстовъ; это была религія понятная, связанная съ жизнью и проникающая каждое мгновеніе жизни, вся основанная на любви, такая религія, въ которую не только можно было вѣрить, потому что такъ велѣно, но которую нельзя было не любить.

Кити узнала все это не изъ словъ. Мадамъ Шталь говорила съ Кити какъ съ милымъ ребенкомъ, на котораго любуешься какъ на воспоминаніе своей молодости, и только одинъ разъ уломянула о томъ что во всѣхъ людскихъ горестяхъ утѣшеніе даетъ лишь любовь и вѣра, и что для страдавша къ намъ Христа нѣтъ ничтожныхъ горестей, и тотчасъ же перевела разговоръ на другое. Но Кити въ каждомъ ея движеніи, въ каждомъ словѣ, въ каждомъ небесномъ, какъ называла Кити, взглядѣ ея, въ особенности во всеѣ исторіи ея жизни, которую она знала чрезъ Вареньку, во всемъ узнавала то „что было важно“ и чего она до сихъ поръ не знала. Кити видѣла въ гжѣ Шталь олицетвореніе христіанскаго терпѣнія и высоты душевной.

Но какъ ни возвышенъ былъ ея характеръ, какъ ни трогательна вся ея исторія, какъ ни возвышенна и нѣжна ея

рѣчь, какъ ни восхищалась ею Кити, она не полюбила бы ее сердцемъ, еслибы въ это время Кити могла смотрѣть на что-нибудь не глазами Вареньки. А для Вареньки ея маманъ была верхъ всякаго совершенства. Въ гжѣ Шталь Кити мевольно подмѣтила такія черты которыя смущали ее. Она замѣтила что разспрашивая про ея родныхъ мадамъ Шталь чуть не улыбнулась презрительно. Эта гордая насмѣшка смутила и оскорбила Кити. Еще больше смутило ее то что во второй разъ какъ она была у мадамъ Шталь она застала у нея католическаго священника, и мадамъ Шталь старательно держала свое лицо въ тѣни абажура. Какъ ни ничтожны были эти два замѣчанія, они смущали ее. Но за то Варенька, одинокая, безъ родныхъ, безъ друзей, съ грустнымъ разочарованіемъ ничего ни желавшая, ничего ни жалѣвшая, а отдававшаяся только своему чувству, была тѣмъ самымъ совершенствомъ, о которомъ только позволяла себѣ мечтать Кити. На Варенькѣ она поняла что стоило только забыть себя и любить другихъ и будешь спокойна, счастлива и прекрасна. И такую хотѣла быть Кити. Появъ теперь ясно что было *самое важное*, Кити не удовольствовалась тѣмъ чтобы восхищаться этимъ, но тотчасъ же всею душою отдалась этой новой, открывшейся ей жизни. По разказамъ Вареньки о томъ что дѣлала мадамъ Шталь и другія кого она называла, Кити уже составила себѣ планъ будущей жизни. Она, также какъ и племянница гжи Шталь, Аline, про которую ей много разказывала Варенька, будетъ, гдѣ бы ни жила, отыскивать несчастныхъ, помогать имъ сколько можно, раздавать Евангеліе, читать Евангеліе больнымъ, преступникамъ, умирающимъ. Мысль чтенія Евангелія преступникамъ, какъ это дѣлала Аline, особенно прельщала Кити. Но все это были тайныя мечты, которыхъ Кити не высказывала ни матери, ни Варенькѣ. Она видѣла что это прекрасно, что должно это дѣлать; но вмѣстѣ съ тѣмъ какой-то голосъ говорилъ ей что этого нельзя.

Впрочемъ, въ ожиданіи поры исполнять въ большихъ размѣрахъ свои планы, Кити и теперь, на водахъ, гдѣ было столько больныхъ и несчастныхъ, легко нашла случай прилагать свои новыя правила подражая Варенькѣ.

Сначала княгиня замѣчала только что Кити находится подъ сильнымъ вліяніемъ своего engouement, какъ она называла, къ госложѣ Шталь и въ особенности къ Варенькѣ.

Она видѣла что Кити не только подражаетъ Варенькѣ въ ея дѣятельности, но неволью подражаетъ ей въ ея манерѣ ходить, говорить и мигать глазами. Но потомъ княгиня замѣтила что въ дочери независимо отъ этого очарованія совершается какой-то серьезный душевный переворотъ.

Княгиня видѣла что Кити читаетъ по вечерамъ французское Евангеліе, которое ей подарила госпожа Шталь, чего она прежде не дѣлала; что она избѣгаетъ свѣтскихъ знакомыхъ и сходится съ большими находившимися подъ покровительствомъ Вареньки, и въ особенности съ однимъ бѣднымъ семействомъ больнаго живописца Петрова. Кити очевидно гордилась тѣмъ что исполняла въ этомъ семействѣ обязанности сестры милосердія. Все это было хорошо, и княгиня ничего не имѣла противъ этого, тѣмъ болѣе что жена Петрова была вполнѣ порядочная женщина, и что принцесса, замѣтившая дѣятельность Кити, хвалила ее, называя ангеломъ-утѣшителемъ. Все это было бы очень хорошо если бы не было излишества. А княгиня видѣла что дочь ея впадаетъ въ крайность, что она и говорила ей.

— *Il ne faut jamais rien outrer*, говорила она ей.

Но дочь ничего ей не отвѣчала; она только думала въ душѣ что нельзя говорить объ излишествѣ въ дѣлѣ христіанства. Какое же можетъ быть излишество въ слѣдованіи ученію, въ которомъ вѣрно подставить другую щеку, когда ударятъ по одной, и отдать кафтанъ, когда снимаютъ рубашку. Но княгинѣ не нравилось это излишество и еще болѣе не нравилось то что, она чувствовала, Кити не хотѣла открыть ей всю свою душу. Дѣйствительно, Кити таила отъ матери свои новые взгляды и чувства. Она таила ихъ не потому чтобъ она не уважала, не любила свою мать; но только потому что это была ея мать. Она всякому открыла бы ихъ скорѣе чѣмъ матери.

— Что-то давно Анна Павловна не была у насъ, сказала разъ княгиня про Петрову. — Я звала ее. А она что-то какъ будто недовольна.

— Нѣтъ, я не замѣтила, папан, вслыхнувъ сказала Кити.

— Ты давно не была у нихъ?

— Мы завтра собираемся сдѣлать прогулку въ горы, отвѣчала Кити.

— Что же, поѣзжайте, отвѣчала княгиня вглядываясь въ смущенное лицо дочери и стараясь угадать причину ея смущенія.

Въ этотъ же день Варенька пришла обѣдать, и сообщила что Анна Павловна раздумала ѣхать завтра въ горы. И княгиня замѣтила что Кити опять покраснѣла.

— Кити, не было ли у тебя чего-нибудь неприятнаго съ Петровыми? сказала княгиня когда онѣ остались однѣ.—От чего она перестала присылать дѣтей и ходить къ намъ?

Кити отвѣчала что ничего не было между ними, и что она рѣшительно не понимаетъ почему Анна Павловна какъ будто недовольна ею. Кити отвѣтила совершенную правду. Она не знала причины перемѣны къ себѣ Анны Павловны, но догадывалась. Она догадывалась въ такой вещи, которую она не могла сказать матери, которой она не говорила и себѣ. Это была одна изъ тѣхъ вещей, которыя знаешь, но которыя нельзя сказать даже самой себѣ; такъ страшно и постыдно ошибиться.

Опять и опять перебирала она въ своемъ воспоминаніи всѣ отношенія свои къ этому семейству. Она вспомнила наивную радость выражавшуюся на кругломъ добродушномъ лицѣ Анны Павловны при ихъ встрѣчахъ, вспомнила ихъ тайные переговоры о больномъ, заговоры о томъ чтобы отвлечь его отъ работы, которая была ему запрещена, и увести его гулять; привязанность меньшаго мальчика, называвшаго ее: „моя Кити“, не хотѣвшаго безъ нея ложиться спать. Какъ все было хорошо! Потомъ она вспомнила худую, худую фигуру Петрова, съ его длинною шеей, въ его коричневомъ сюртукѣ, его рѣдкіе, вьющіеся волосы, вопросительные, страшные въ первое время для Кити голубые глаза, и его болѣзненные старанія казаться бодрымъ и оживленнымъ въ ея присутствіи. Она вспомнила свое усиліе въ первое время чтобы преодолѣть отвращеніе которое она испытывала къ нему какъ и ко всѣмъ чахоточнымъ, и старанія съ которыми она придумывала что сказать ему. Она вспоминала этотъ робкій, умиленный взглядъ которымъ онъ смотрѣлъ на нее и странное чувство состраданія и неловкости и потомъ сознанія своей добродѣтельности которое она испытывала при этомъ. Какъ все это было хорошо! Но все это было первое время. Теперь же, нѣсколько дней тому назадъ, все вдругъ испортилось. Анна Павловна притворно встрѣчала Кити и не переставая наблюдала ее и мужа.

Неужели эта трогательная радость его при ея приближеніи была причиной охлажденія Анны Павловны?

Да, вспоминала она, что-то было не натуральное въ Аннѣ Павловнѣ и совсѣмъ не похожее на ея доброту когда она третьяго дня съ досадою оказала:

— Вотъ все дожидался васъ, не хотѣлъ безъ васъ пить кофе, хотя ослабѣлъ ужасно.

Да, можетъ-быть и это нехриятно ей было когда я подала ему пледъ. Все это такъ просто; но онъ такъ неловко это принялъ, такъ долго благодарилъ что и мнѣ стало неловко. И потомъ этотъ портретъ мой который онъ такъ хорошо сдѣлалъ. А главное этотъ взглядъ смущенный и нѣжный! „Да, да, это такъ!“ съ ужасомъ повторила себѣ Кити. „Нѣтъ, это не можетъ, не должно быть. Онъ такъ жалокъ“, говорила она себѣ вслѣдъ за этимъ.

Это сомнѣніе отравляло прелесть ея новой жизни.

XXX.

Уже предъ концомъ курса водъ, князь Щербачкій, вздвигнувшій послѣ Карлсбада въ Баденъ и Киссингенъ къ русскимъ знакомымъ набраться русскаго духа, какъ онъ говорилъ, вернулся къ своимъ.

Взгляды князя и княгини на заграничную жизнь были совершенно противоположны. Княгиня находила все прекраснымъ, и несмотря на свое твердое положеніе въ русскомъ обществѣ, старалась за границей походить на европейскую даму, чѣмъ она не была, потому что она была русская барыня, и потому притворялась, что ей было отчасти неловко. Князь же, напротивъ, находилъ за границей все сквернымъ, тяготился европейскою жизнью, держался своихъ русскихъ привычекъ и нарочно старался выказывать себя за границей менѣе Европейцемъ чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности.

Князь вернулся похудѣвшій, съ обвислыми мѣшками кожи на щекахъ, но въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Веселое расположеніе его еще усилилось когда онъ увидалъ Кити совершенно поправившуюся. Извѣстіе о дружбѣ Кити съ госложей Шталь и Варенькой и переданныя княгиней наблюденія надъ какой-то внутреннею работою, происшедшемъ въ душѣ Кити, смутили князя и возбудили въ немъ обычное чувство ревности ко всему что увлекало его дочь помимо его и страхъ чтобы дочь не ушла изъ подъ его вліянія въ

какія-нибудь недостающія ему области. Но эти непріятныя извѣстія потонули въ томъ морѣ добродушія и веселости которыя всегда были въ немъ и особенно усилились Карсбадскими водами.

На другой день по своемъ прѣѣздѣ, князь въ своемъ длинномъ пальто, со своими русскими морщинами и одутаватыми щеками, подпертыми крахмалеными воротничками, въ самомъ веселомъ расположеніи духа пошелъ съ дочерью на воды.

Утро было прекрасное: опрятные, веселые дома съ садиками, видъ краснолицыхъ, краснорукихъ, налитыхъ пивомъ, тяжело и весело работающихъ нѣмецкихъ служанокъ и яркое солнце веселили сердце; но чѣмъ ближе они подходили къ водамъ, тѣмъ чаще встрѣчались больные; и видъ ихъ казался еще плачевнѣе среди обычныхъ условій благоустроенной нѣмецкой жизни. Кити уже не поражала эта противоположность. Яркое солнце, веселый блескъ зелени, звуки музыки, были для нея естественною рамкой всѣхъ этихъ знакомыхъ лицъ и перемѣнъ къ ухудшенію или улучшенію, за которыми она слѣдила; но для князя свѣтъ и блескъ июнскаго утра и звуки оркестра игравшаго модный, веселый вальсъ, и особенно видъ здоровенныхъ служанокъ, казались чѣмъ-то неприличнымъ и уродливымъ въ соединеніи съ этими сравнимися со всѣхъ концовъ Европы увяло двигавшимися мертвецами.

Несмотря на испытываемое имъ чувство гордости и какъ бы возврата молодости, когда любимая дочь шла съ нимъ подъ руку, ему теперь какъ будто неловко и совѣстно было за свою сильную походку, за свои крутые, оббитые жиромъ члены. Онъ испытывалъ почти чувство челоуѣка не одѣтаго въ обществѣ.

— Представь, представь меня своимъ новымъ друзьямъ, говорилъ онъ дочери ложимаая локтемъ ея руку.—Я и этотъ твой гадкій Соденъ полюбилъ за то что онъ тебя такъ справилъ. Только грустно, грустно у васъ. Это кто?

Кити называла ему тѣ знакомыя и незнакомыя лица, которыя они встрѣчали. У самаго входа въ садъ, они встрѣтили слѣдную Mme Berthe съ проводницею, и князь поразился на умиленное выраженіе старой Француженки, когда она услышала голосъ Кити. Она тотчасъ съ французскимъ извѣществомъ любезности заговорила съ нимъ, хвала его за то что у него такая прекрасная дочь и въ глаза превозно-

ся до небесъ Кити и называя ее сокровищемъ, перломъ и ангеломъ-утѣшителемъ.

— Ну, такъ она второй ангелъ, сказалъ князь улыбаясь.— Она называетъ ангеломъ номеръ 14 Mlle Вареньку.

— Oh! Mlle Варенька, это настоящій ангелъ, allez, подхватила Mme Berthe.

Въ галереѣ они встрѣтили и самую Вареньку. Она поспѣшно шла имъ на встрѣчу неся элегантную красную сумочку.

— Вотъ и папа прѣхалъ! сказала ей Кити.

Варенька сдѣлала, какъ и все что она дѣлала, просто и естественно, движеніе среднее между поклономъ и присѣданіемъ, и тотчасъ же заговорила съ княземъ какъ она говорила со всѣми вестъсенно и просто.

— Разумѣется я васъ знаю, очень знаю, сказалъ ей князь съ улыбкой, по которой Кити съ радостью узнала что другъ ея понравился отцу.—Куда же вы такъ торолитесь?

— Маман здѣсь, сказала она, обращаясь къ Кити.—Она не спала всю ночь, и докторъ посоветовалъ ей выѣхать. Я несу ей работу.

— Такъ это ангелъ № 14, сказалъ князь, когда Варенька ушла.

Кити видѣла что ему хотѣлось посмѣяться надъ Варенькой, но что онъ никакъ не могъ этого сдѣлать, потому что Варенька понравилась ему.

— Ну, вотъ и всѣхъ увидимъ твоихъ друзей, прибавилъ онъ,—и мадамъ Шталь, если она удостоитъ узнать меня.

— А ты развѣ ее зналъ, папа? спросила Кити со страхомъ, замѣчая зажегшійся огонь насмѣшки въ глазахъ князя, при упоминаніи о мадамъ Шталь.

— Зналъ ея мужа и ее немножко, еще прежде чѣмъ она въ лѣтестки записалась.

— Что такое лѣтестка, папа? спросила Кити, уже испуганная тѣмъ что то что она такъ высоко цѣнила въ госпожѣ Шталь имѣло названіе.

— Я и самъ не знаю хорошенько. Знаю только что она за все благодаритъ Бога, за всякое несчастье, и за то что у ней умеръ мужъ благодаритъ Бога. Ну, и выходитъ смѣшно, потому что они дурно жили.

— Это кто? Какое жалкое лицо! спросилъ онъ, замѣтивъ сидѣвшаго на лавочкѣ невысокаго большаго въ коричневомъ

пальто и бѣлыхъ панталонахъ, дѣлавшихъ странныя складки на лишенныхъ мяса костяхъ его ногъ. Господинъ этотъ приподнял свою соломенную шляпу надъ вьющимися рѣдкими волосами, открывая высокій, болѣзненно покраснѣвшій отъ шляпы, лобъ.

— Это Петровъ, живолисецъ, отвѣчала Кити, покраснѣвъ.— А это жена его, прибавила она, указывая на Анну Павловну, которая, какъ будто нарочно, въ то самое время какъ они подходили, пошла за ребенкомъ отбѣжавшимъ по дорожкѣ.

— Какой жалкій и какое милое у него лицо, сказалъ князь.— Что же ты не подошла? Онъ что-то хотѣлъ сказать тебѣ?

— Ну, такъ подойдемъ, сказала Кити, рѣшительно поворачиваясь.— Какъ ваше здоровье нынче? спросила она у Петрова.

Петровъ всталъ, опираясь на палку, и робко посмотрѣлъ на князя.

— Это моя дочь, сказалъ князь.—Позвольте быть знакомымъ.

Живолисецъ поклонился и улыбнулся, открывая странно блестящія бѣлые зубы.

— Мы васъ ждали вчера, княжна, сказалъ онъ Кити.

Онъ пошатнулся, говоря это, и повторяя это движеніе, старался показать что онъ это сдѣлалъ нарочно.

— Я хотѣла придти, но Варенька сказала что Анна Павловна присылала сказать что вы не поѣдете.

— Какъ не поѣдемъ? покраснѣвъ и тотчасъ же закатлявшійся сказалъ Петровъ, отыскивая глазами жену.— Анета, Анета! проговорилъ онъ громко, и на тонкой бѣлой шеѣ его какъ веревки натянулись толстыя жилы.

Анна Павловна подошла.

— Какъ же ты послала сказать княжкѣ что мы не поѣдемъ! потерявъ голосъ, раздражительно прошепталъ онъ ей.

— Здравствуйте, княжна, сказала Анна Павловна съ приторною улыбкой, столь не похожею на прежнее ея обращеніе.—Очень пріятно познакомиться, обратилась она къ князю.—Васъ давно ждали, князь.

— Какъ же ты послала сказать княжкѣ что мы не поѣдемъ? хрипло прошепталъ еще разъ живолисецъ еще сердитѣе, очевидно раздражаясь еще болѣе тѣмъ что голосъ измѣняется ему и онъ не можетъ дать своей рѣчи того выраженія какое бы хотѣлъ.

— Ахъ, Боже мой! Я думала что мы не побѣдемъ, съ досадою отвѣчала жена.

— Какъ же, когда... Онъ закашлялся и махнулъ рукой.

Князь приподнял шляпу и отошелъ съ дочерью.

— О, охъ! тяжело вздохнулъ онъ:—о несчастные!

— Да, пала, отвѣчала Кити. — Но надо знать что у нихъ трое дѣтей, никого прислуги и почти никакихъ средствъ. Онъ что-то получаетъ отъ Академіи, оживленно разказывала она, стараясь заглушить поднявшееся въ ней волненіе вслѣдствіе странной въ отношеніи къ ней перемѣны Анны Павловны.

— А вотъ и мадамъ Шталь, сказала Кити, указывая на колясочку въ которой, обложенное подушками, въ чемъ-то сѣромъ и голубомъ подъ зонтикомъ лежало что-то. Это была гжа Шталь. Сзади ея стоялъ мрачный здоровенный работникъ Нѣмецъ, катавшій ее. Подлѣ стоялъ бѣлокурый шведскій графъ, котораго знала по имени Кити. Нѣсколько человѣкъ больныхъ медлили около колясочки, глядя на эту даму какъ на что-то необыкновенное.

Князь подошелъ къ ней. И тотчасъ же въ глазахъ его Кити замѣтила, смущавшій ее, огонекъ насмѣшки. Онъ подошелъ къ мадамъ Шталь и заговорилъ, на томъ отличномъ французскомъ языкѣ на которомъ столь немногіе уже говорятъ теперь, чрезвычайно учтиво и мило.

— Не знаю вслѣдуетъ ли вы меня, Madame, но я долженъ напомнить себя чтобы поблагодарить за вашу доброту къ моей дочери, сказалъ онъ ей, снявъ шляпу и не дѣвая ея.

— Князь Александръ Щербацкій, сказала мадамъ Шталь, поднимая на него свои небесные глаза, въ которыхъ Кити замѣтила неудовольствіе.—Очень рада. Я такъ полюбила вашу дочь.

— Здоровье ваше все не хорошо?

— Да я ужъ привыкла, сказала мадамъ Шталь, и познакомила князя со шведскимъ графомъ.

— А вы очень мало перемѣнились, сказалъ ей князь. — Я не имѣлъ чести видѣть васъ десять или одиннадцать лѣтъ.

— Да, Богъ даетъ крестъ и даетъ силу нести его. Часто удивляешься къ чему тянется эта жизнь?... Съ той стороны, съ досадою обратилась она къ Варенькѣ, не такъ завертывавшей ей пледомъ ноги.

— Чтобы дѣлать добро, вѣроятно, сказалъ князь, смѣясь глазами.

— Это не намъ судить, сказала госпожа Шталь, замѣтивъ откровенно выраженія на лицѣ князя.—Такъ вы пришлете мнѣ эту книгу, любезный графъ? Очень благодарю васъ, обратилась она къ молодому Шведу.

— А! вскрикнулъ князь, увидавъ московскаго полковника стоявшаго около, и поклонившись госпожѣ Шталь, отошелъ съ дочерью и съ присоединившимся къ нимъ московскимъ полковникомъ.

— Это наша аристократія, князь, съ желаніемъ быть насмѣшливымъ, сказалъ московскій полковникъ, который былъ въ претензіи на госпожу Шталь за то что она не была съ нимъ знакома.

— Все такая же, отвѣчалъ князь.

— А вы еще до болѣзни знали ее, князь, то-есть прежде чѣмъ она слегла?

— Да. Она при мнѣ слегла, сказалъ князь.

— Говорять, она десять лѣтъ не встаетъ....

— Не встаетъ, потому что коротконожка. Она очень дурно сложена....

— Пала, не можетъ быть, вскрикнула Кити.

— Дурные языки такъ говорятъ, мой дружокъ. А твоей Варенькѣ таки достается, прибавилъ онъ.—Охъ, эти большыя барыни!

— О, нѣтъ, лала, горячо возразила Кити.—Варенька обожаетъ ее. И потому она дѣлаетъ столько добра! У кого хочешь спроси. Ее и Аline Шталь всѣ знаютъ.

— Можетъ-быть, сказалъ онъ пожимая локтемъ ее руку.—Но лучше когда дѣлаютъ такъ что у кого ни спроси никто не знаетъ.

Кити замолчала, не потому что ей нечего [было говорить; но она и отцу не хотѣла открыть свои тайныя мысли. Однако, странное дѣло, несмотря на то что она такъ готовилась не подчиниться взгляду отца, не дать ему доступа въ свою святыню, она почувствовала что тотъ божественный образъ госпожи Шталь, который она мѣсяцъ цѣлый носила въ душѣ, безвозвратно исчезъ, какъ фигура составившаяся изъ брошеннаго платья исчезаетъ когда поймешь какъ лежитъ это платье. Осталась одна коротконогая женщина,

которая лежит потому что дурно сложена и мучаетъ безотвѣтную Вареньку за то что та не такъ подвертываетъ ей пледъ. И никакими усиліями воображенія нельзя уже было возвратить прежнюю мадамъ Шталь.

XXXI.

Князь передалъ свое веселое расположеніе духа и домашнимъ своимъ, и знакомымъ, и даже Нѣмцу-хозяину, у котораго стояли Цербацкіе.

Вернувшись съ Кити съ водъ и пригласивъ къ себѣ къ кофе и полковника, и Марью Евгеньевну, и Вареньку, князь велѣлъ вынести столъ и кресла въ садикъ, подъ каштанъ, и тамъ накрыть завтракъ. И хозяинъ, и прислуга оживились подъ вліяніемъ его веселости. Они знали его щедрость, и чрезъ полчаса больной гамбургскій докторъ, жившій наверху, съ завистью смотрѣлъ въ окно на эту веселую русскую компанію здоровыхъ людей, собравшуюся подъ каштаномъ. Подъ дрожащею кругами тѣнью листьевъ, у покрытаго бѣлою скатертью и уставленнаго кофейниками, хлѣбомъ, масломъ, сыромъ, холодною дичью, стола, сидѣла княгиня въ наколѣхъ съ лиловыми лентами, раздавая чашки и тартинки. На другомъ концѣ сидѣлъ князь, плотно кушая и громко и весело разговаривая. Князь разложилъ подлѣ себя свои покупки, рѣзные сундучки, бирюльки, разрѣзные ножики всѣхъ сортовъ, которыхъ онъ накупилъ кучу на всѣхъ водахъ, и раздаивалъ ихъ всѣмъ, въ томъ числѣ Лисхенъ, служанкѣ, и хозяину, съ которымъ онъ шутилъ на своемъ комическомъ дурномъ нѣмецкомъ языкѣ, увѣряя его что не воды выльчили Кити, но его отличныя кушанья, въ особенности супъ съ черносливомъ. Княгиня подсмѣивалась надъ мужемъ за его русскія привычки, но была такъ оживлена и весела какъ не была во все время жизни на водахъ. Полковникъ, какъ всегда, улыбался шуткамъ князя; но насчетъ Европы, которую онъ внимательно изучалъ, какъ онъ думалъ, онъ держалъ сторону княгини. Добродушная Марья Евгеньевна покатывалась со смѣху ото всего что говорилъ смѣшнаго князь, и Варенька, чего еще Кити никогда не видала, раскисала отъ слабого, но сообщающагося смѣха, который возбуждали въ ней шутки князя.

Все это веселило Кити, но она не могла не быть озабочена. Она не могла разрѣшить задачу, которую ей невольно задалъ отецъ со своимъ веселымъ взглядомъ на ея друзей и на ту жизнь которую она такъ любила. Къ задачѣ этой присоединилась еще пережѣва ея отношеній къ Петровымъ, которая нынче такъ очевидно и непріятно высказалась. Всѣмъ было весело, но Кити не могла быть веселою, и это еще болѣе мучило ее. Она испытывала чувство въ родѣ того которое испытывала въ дѣтствѣ когда подъ наказаніемъ была заперта въ своей комнатѣ и слушала веселыя смѣхъ сестеръ.

— Ну, на что ты накупилъ эту бездну? говорила княгиня улыбаясь и подавая мужу чашку съ кофеемъ.

— Пойдешь ходить, ну, подойдешь къ лавочкѣ, просить купить: „Эрлаухтѣ, эксцеленцѣ, дурхлаухтѣ“. Ну, ужь какъ скажутъ: „Дурхлаухтѣ,“ ужь я и не могу: десяти талеровъ и нѣтъ.

— Это только отъ скуки, сказала княгиня.

— Разумѣется отъ скуки. Такая скука, матушка, что не знаешь куда дѣться.

— Какъ можно скучать, князь? Такъ много интереснаго телерь въ Германіи, сказала Марья Евгеньевна.

— Да я все интересное знаю: суль съ черносливомъ знаю, гороховую колбасу знаю. Все знаю.

— Нѣтъ, но какъ хотите, князь, интересны ихъ учрежденія, сказалъ полковникъ.

— Да что же интереснаго? Всѣ они довольны какъ мѣдные гроши; всѣхъ побѣдили. Ну, а мнѣ-то чѣмъ же довольнымъ быть? Я никого не побѣдилъ, а только салоги снимаю самъ, да еще за дверь ихъ самъ выставляю. Утромъ вставай, сейчасъ же одѣвайся, иди въ салонъ чай скверный пить. То ли дѣло дома! Проснешься, не торолясь, посердишься на что-нибудь, поворчишь. Опомнишься хорошенько, все обдумаешь, не торолишься.

— А время деньги, вы забываете это, сказалъ полковникъ.

— Какое время! Другое время такое что цѣлый мѣсяцъ за полтинникъ отдашь, а то такъ что никакихъ денегъ за полчаса не возьмешь. Такъ ли, Катенька? Что ты какалъ скучная?

— Я ничего.

— Куда же вы? Посидите еще, обратился онъ къ Варенькѣ.

— Мнѣ надо домой, сказала Варенька вставая и опять задалась смѣхомъ. Оправившись, она простилась и пошла въ домъ чтобы взять шляпу.

Кити пошла за нею. Даже Варенька представлялась ей теперь другою. Она не была хуже, но она была другая чѣмъ та какою она прежде воображала ее себя.

— Ахъ, я давно такъ не смѣялась! сказала Варенька собирая зонтикъ и мѣшочекъ.—Какой онъ милый, вашъ папа.

Кити молчала.

— Когда же увидимся? спросила Варенька.

— Маман хотѣла зайти къ Петровымъ. Вы не будете тамъ? сказала Кити, испытывая Вареньку.

— Я буду, отвѣчала Варенька.—Они собираются уѣзжать, такъ я обѣщала помочь укладываться.

— Ну, и я приду.

— Нѣтъ, что вамъ?

— Отчего? отчего? отчего? широко раскрывая глаза, говорила Кити, чтобы не выпускать Вареньку, взявшись за ее зонтикъ. Нѣтъ, ластойте, отчего?

— Такъ; вашъ папа пріѣхалъ, и потомъ съ вами они стѣсняются.

— Нѣтъ, вы мнѣ скажите, отчего вы не хотите чтобы я часто бывала у Петровыхъ? Вѣдь вы не хотите? Отчего?

— Я не говорила этого, спокойно сказала Варенька.

— Нѣтъ, пожалуста скажите.

— Все говорить? спросила Варенька.

— Все, все, подхватила Кити.

— Да особеннаго ничего нѣтъ, а только то что Михаилъ Алексѣевичъ (такъ звали живописца) прежде хотѣлъ ѣхать раньше, а теперь не хочетъ уѣзжать, улыбаясь сказала Варенька.

— Ну! Ну! торопила Кити мрачно глядя на Вареньку.

— Ну, и почему-то Анна Павловна сказала что онъ не хочетъ оттого что вы тутъ. Разумѣется это было не кетати, но изъ-за этого, изъ-за васъ вышла ссора. А вы знаете какъ эти большыя раздражительны.

Кити, все болѣе хмурясь, молчала, и Варенька говорила одна, стараясь смягчить и усложнить ее, и вида собиравшейся взрыть, она не знала чего,—слезъ или словъ.

— Такъ лучше вамъ не ходить... И вы понимаете, вы не обижайтесь...

— И по дѣломъ мнѣ, и по дѣломъ мнѣ, быстро заговорила Кити, схватывая зонтикъ изъ рукъ Вареньки и глядя мимо глазъ своего друга.

Варенькѣ хотѣлось улыбнуться, глядя на дѣтскій гнѣвъ своего друга, но она боялась оскорбить ее.

— Какъ по дѣломъ? Я не понимаю, сказала она.

— По дѣломъ за то что все это было притворство, потому что это все выдуманное, а не отъ сердца. Какое мнѣ дѣло было до чужаго человѣка, и вотъ вышло что я причиной ссоры, и что я дѣлала то чего меня никто не просилъ. Оттого что все притворство! притворство! притворство!..

— Да съ какою же цѣлью притворяться? тихо сказала Варенька.

— Ахъ, какъ глупо, гадко! Не было мнѣ никакой нужды... Все притворство, говорила она, открывая и закрывая зонтикъ.

— Да съ какою же цѣлью?

— Чтобы казаться лучше, предъ людьми, предъ собой, предъ Богомъ; всѣхъ обмануть. Нѣтъ, теперь я уже не поддамся на это. Быть дурною, но по крайней мѣрѣ не живую, не обманщицей.

— Да кто же обманщица? укоризненно сказала Варенька:— вы говорите какъ будто...

Но Кити была въ своемъ припадкѣ вспыльчивости. Она не дала ей договорить.

— Я не объ васъ, совсѣмъ не объ васъ говорю. Вы совершенство. Да, да, я знаю что вы всѣ совершенство; но что же дѣлать что я дурная? Этого бы не было еслибъ я не была дурная. Такъ пускай я буду какая есть, но не буду притворяться. Что мнѣ за дѣло до Анны Павловны! Пускай они живутъ какъ хотятъ, и я какъ хочу. Я не могу быть другою... И все это не то, не то...

— Да что же не то? въ недоумѣннн говорила Варенька.

— Все не то. Я не могу иначе жить какъ по сердцу, а вы живете по правиламъ. Я васъ полюбила просто, а вы вѣрно только затѣмъ чтобы сласти меня, научить меня!

— Вы несправедливы, сказала Варенька.

— Да я ничего не говорю про другихъ, я говорю про себя.

— Кити! послышался голосъ матери:— пооди сюда, покажи лапа свои королюки.

Кити съ гордымъ видомъ, не помирившись съ своимъ другомъ, взяла со стола корольки въ коробочкѣ и пошла къ матери.

— Что съ тобой? Что ты такая красная? сказали ей мать и отецъ въ одинъ голосъ.

— Ничего, отвѣчала она, — я сейчасъ приду, и побѣжала назадъ.

„Она еще тутъ!“ подумала она. „Что я скажу ей, Божемой! что я надѣлала, что я говорила! За что я обидѣла ее? Что мнѣ дѣлать? Что я скажу ей?“ думала Кити, и остановилась у двери.

Варенька, въ шляпѣ и съ зонтикомъ въ рукахъ, сидѣла у стола, разсматривая пружину которую сломала Кити. Она подняла голову.

— Варенька, простите меня, простите, прошептала Кити, подходя къ ней. — Я не помню что я говорила. Я...

— Я право не хотѣла васъ огорчать, сказала Варенька улыбаясь.

Миръ былъ заключенъ. Но съ прїѣздомъ отца для Кити измѣнился весь тотъ миръ въ которомъ она жила. Она не отреклась отъ всего того что узнала, но поняла что она себя обманывала думая что можетъ быть тѣмъ чѣмъ хотѣла быть. Она какъ будто очнулась; почувствовала всю трудность безъ притворства и хвастовства удержаться на той высотѣ на которую она хотѣла подняться, и почувствовала всю тяжесть этого міра горя, болѣзней, умирающихъ, въ которомъ она жила, ей мучительны показались тѣ усилія которыя она употребляла надъ собою чтобы любить это, и поскорѣе захотѣлось на свѣжій воздухъ, въ Россію, въ Покровское, куда, какъ она узнала изъ письма, переехала уже ея сестра Долли съ дѣтьми.

Но любовь ея къ Варенькѣ не ослабѣла. Прощаясь, Кити упрашивала ее прїѣхать къ нимъ въ Россію.

— Я прїѣду когда вы выйдете замужъ, сказала Варенька.

— Я никогда не выйду.

— Ну, такъ я никогда не прїѣду.

— Ну, такъ я только для этого выйду замужъ. Смотрите жь, помните обѣщаніе, сказала Кити.

Предсказанія доктора оправдались. Кити возвратилась домой, въ Россію, излѣченная. Она не была такъ беззаботна и весела какъ прежде, но была спокойна. Московскія горести ея стали воспоминаемъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Сергѣй Ивановичъ Кознышевъ хотѣлъ отдохнуть отъ умственной работы, и вмѣсто того чтобъ отправиться по обыкновению за границу, пріѣхалъ въ концѣ мая въ деревню къ брату. По его убѣжденіямъ, самая лучшая жизнь была деревенская. Онъ пріѣхалъ теперь наслаждаться этою жизнью къ брату. Константинъ Левинъ былъ очень радъ, тѣмъ болѣе что онъ не ждалъ уже въ это лѣто брата Николая. Но несмотря на свою любовь и уваженіе къ Сергѣю Ивановичу, Константину Левину было въ деревнѣ не ловко съ братомъ. Ему не ловко, даже неприятно было видѣть отношеніе брата къ деревнѣ. Для Константина Левина деревня была мѣсто жизни, то-есть радостей, страданій, труда; для Сергѣя Ивановича деревня была, съ одной стороны, отдыхъ отъ труда, съ другой, полезное противудіе испорченности, которое онъ принималъ съ удовольствіемъ и сознаніемъ его пользы. Для Константина Левина деревня была тѣмъ хороша что она представляла полприще для труда несомнѣнно полезнаго; для Сергѣя Ивановича деревня была особенно хороша тѣмъ что тамъ можно и должно ничего не дѣлать. Кромѣ того, и отношеніе Сергѣя Ивановича къ народу вѣскольکو коробило Константина. Сергѣй Ивановичъ говорилъ что онъ любитъ и знаетъ народъ, и часто бесѣдовалъ съ мужиками, что онъ умѣлъ дѣлать хорошо, не притворяясь и не ломаясь, и изъ каждой такой бесѣды выводилъ общія данныя въ пользу народа и въ доказательство что знаетъ этотъ народъ. Такое отношеніе къ народу не нравилось Константину Левину. Для Константина народъ былъ только главный участникъ въ общемъ трудѣ, и несмотря на все уваженіе и какую-то кровную любовь къ мужику, всосанную имъ, какъ онъ самъ говорилъ, вѣроятно съ молокомъ бабы-кормилицы, онъ, какъ участникъ съ нимъ въ общемъ дѣлѣ, иногда приходившій въ восхищеніе отъ силы, кротости, справедливости этихъ людей, очень часто, когда въ общемъ дѣлѣ требовались другія качества, приходилъ въ озлобленіе на народъ за его безлечность, неряшливость, лъянство, ложь. Констан-

тинъ Левинъ, еслибъ у него спросили любить ли онъ народъ, рѣшительно не зналъ бы какъ на это отвѣтить. Онъ любилъ и не любилъ народъ, также какъ и вообще людей. Разумѣется, какъ добрый человекъ, онъ больше любилъ чѣмъ не любилъ людей, а потому и народъ. Но любить или не любить народъ, какъ что-то особенное, онъ не могъ, потому что не только жилъ съ народомъ, не только всѣ его интересы были связаны съ народомъ, но онъ считалъ и самого себя частью народа, не видѣлъ въ себѣ и народъ никакихъ особенныхъ качествъ и недостатковъ и не могъ противопоставлять себя народу. Кромѣ того, хотя онъ долго жилъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ мужикамъ, какъ хозяинъ и посредникъ, а главное какъ совѣтчикъ (мужики вѣрили ему и ходили версть за сорокъ къ нему совѣтоваться), онъ не имѣлъ никакого опредѣленнаго сужденія о народѣ, и на вопросъ: знаетъ ли онъ народъ, былъ бы въ такомъ же затрудненіи отвѣтить какъ на вопросъ: любить ли онъ народъ? Сказать что онъ знаетъ народъ было бы для него то же самое что сказать что онъ знаетъ людей. Онъ постоянно наблюдалъ и узнавалъ всякаго рода людей и въ томъ числѣ людей-мужиковъ, которыхъ онъ считалъ хорошими и интересными людьми, и безпрестанно замѣчалъ въ нихъ новыя черты, измѣнялъ о нихъ прежнія сужденія и составлялъ новыя. Сергѣй Ивановичъ напротивъ. Точно также какъ онъ любилъ и хвалилъ деревенскую жизнь въ противоположность той которую онъ не любилъ, точно также и народъ любилъ онъ въ противоположность тому классу людей котораго онъ не любилъ, и точно также онъ зналъ народъ какъ что-то противоположное вообще людямъ. Въ его методическомъ умѣ ясно сложились опредѣленные формы народной жизни, выведенныя отчасти изъ самой народной жизни, но преимущественно изъ противоположенія. Онъ никогда не измѣнялъ своего мнѣнія о народѣ и сочувственнаго къ нему отношенія.

Въ случавшихся между братьями разногласіяхъ при сужденіи о народѣ, Сергѣй Ивановичъ всегда любѣждалъ брата, именно тѣмъ что у Сергѣя Ивановича были опредѣленные понятія о народѣ, его характерѣ, свойствахъ и вкусахъ; у Константина же Левина никакого опредѣленнаго и неизмѣннаго понятія не было, такъ что въ этихъ спорахъ Константинъ всегда былъ уличаемъ въ противорѣчіи самому себѣ.

Для Сергѣя Ивановича меньшей братъ его былъ славный малый, съ сердцемъ *поставленнымъ хорошо* (какъ онъ выражался по-французски), но съ умомъ хотя и довольно быстрымъ, однако подчиненнымъ впечатлѣнιάмъ минуты и потому исполненнымъ противорѣчій. Со спускательностью старшаго брата, онъ иногда объяснялъ ему значеніе вещей; но не могъ находить удовольствія спорить съ нимъ, потому что слишкомъ легко разбивалъ его.

Константинъ Левинъ смотрѣлъ на брата какъ на человѣка огромнаго ума и образованія, благороднаго въ самомъ высочайшемъ значеніи этого слова и одареннаго способностью дѣятельности для общаго блага, и потому при всѣхъ разногласіяхъ съ нимъ, находя что источникъ разногласія ихъ лежитъ въ его, Константина Левина, неспособности принимать къ сердцу отвлеченное, общее благо, онъ смирялся. Но въ глубинѣ своей души, чѣмъ старше онъ становился и чѣмъ ближе узнавалъ своего брата, тѣмъ чаще и чаще ему приходило въ голову что эта способность дѣятельности для общаго блага, которой онъ чувствовалъ себя совершенно лишеннымъ, можетъ быть не есть качество, а напротивъ недостатокъ чего-то—не недостатокъ добрыхъ, честныхъ, благородныхъ желаній и вкусовъ, но недостатокъ силы жизни, того что называютъ сердцемъ, того стремленія которое заставляетъ человѣка изъ всѣхъ безчисленныхъ представляющихся путей жизни выбрать одинъ и желать этого одного. Чѣмъ больше онъ узнавалъ брата, тѣмъ болѣе Левинъ замѣчалъ что и Сергѣй Ивановичъ, и многіе другіе дѣятели для общаго блага не сердцемъ были приведены къ этой любви къ общему благу, но умомъ разсудили что заниматься этимъ хорошо, и только потому занимались этимъ. Въ этомъ предположеніи утвердилъ Левина еще и то замѣчаніе что братъ его нисколько не больше принималъ къ сердцу вопросы объ общемъ благѣ и о безсмертіи души чѣмъ о шахматной партіи или объ остроумномъ устройствѣ новой машины. Онъ замѣчалъ большее оживленіе въ братѣ только тогда когда затрогивалось его самолюбіе.

Кромѣ того, Константину Левину было въ деревнѣ не ловко съ братомъ еще и отъ того что Константинъ въ деревнѣ, особенно лѣтомъ, бывалъ постоянно занятъ хозяйствомъ, и ему не доставало длиннаго лѣтняго дня для того чтобы передѣлать все что нужно, а Сергѣй Ивановичъ отдыхалъ. Кон-

ставинъ Левинъ зналъ что Сергѣй Ивановичъ любилъ поговорить. Хотя онъ и отдыхалъ теперь въ деревнѣ, то есть не работалъ надъ своимъ сочиненіемъ, но такъ привыкъ къ умственной дѣятельности что любилъ высказывать, въ красивой, сжатой формѣ, приходившія ему мысли, и любилъ чтобы было кому слушать. Самый же обыкновенный и естественный слушатель его былъ братъ. И потому, несмотря на дружескую простоту ихъ отношеній, Константину не долго было оставлять его одного. Сергѣй Ивановичъ любилъ лечь въ траву на солнцѣ и лежать такъ жарясь, и лѣниво болтать.

— Ты не повѣришь, говорилъ онъ брату, — какое для меня наслажденіе эта хохлацкая лѣнь. Ни одной мысли въ головѣ, хоть шаромъ покати.

Но Константину Левину скучно было сидѣть и слушать его, особенно потому что онъ зналъ что безъ него взять навозъ на неразлѣщенное поле и навалить Богъ знаетъ какъ, если не посмотрѣть; и рѣзцы въ лаугахъ не завивтять, а поснимають, и потомъ скажутъ что лауги выдумка пустая, и то ли дѣло соха Андревна и т. п.

— Да будетъ тебѣ ходить по жарѣ, говорилъ ему Сергѣй Ивановичъ.

— Нѣтъ, мнѣ только на минутку забѣжать въ контору, говорилъ Левинъ, и убѣгалъ въ поле.

II.

Въ первыхъ числахъ іюня случилось что няня и экономка Агаея Михайловна понесла въ подвалъ баночку съ только-что посоленными ею грибками, поскользнулась, упала и свихнула руку въ кисти. Приѣхалъ молодой, болтливый, только-что кончившій курсъ студентъ, земскій врачъ. Онъ осмотрѣлъ руку, сказалъ что она не вывихнута, наложилъ компрессы, и оставшись обѣдать, видимо наслаждался бесѣдой со знаменитымъ Сергѣемъ Ивановичемъ Козышевымъ и разказывалъ ему, чтобы выказать свой просвѣщенный взглядъ на вещи, всѣ уѣздныя сплетни, жалуясь на дурное положеніе земскаго дѣла. Сергѣй Ивановичъ внимательно слушалъ, спрашивалъ, и возбуждаемый новымъ слушателемъ, разговорился и высказалъ нѣсколько мѣткихъ и вѣскихъ замѣчаній, почтительно оцѣненныхъ молодымъ докторомъ.

Когда докторъ уѣхалъ, Левинъ замѣтилъ что Сергѣй Ивановичъ пришелъ въ свое, знакомое брату, оживленное состояние духа, въ которое онъ обыкновенно приходилъ послѣ блестящаго и оживленнаго разговора, и пожелалъ ѣхать съ удочкой на рѣку. Сергѣй Ивановичъ любилъ удить рыбу, и какъ будто гордился тѣмъ что можетъ любить такое глупое занятіе.

Константинъ Левинъ, которому нужно было на ляхоту и на дуга, вызвался довести брата въ кабриолетѣ.

Было то время года, перевалъ лѣта, когда урожай нынѣшняго года уже опредѣлился, когда начинаются заботы о посѣвѣ будущаго года и подошли покосы, когда рожь вся выколосилась и, сѣрозеленая, не налитымъ еще легкимъ колосомъ волнуется по вѣтру, когда желтозеленые овсы съ раскиданными по нимъ кустами желтой травы неровно выкидываются по позднимъ посѣвамъ, когда ранняя гречиха уже долушится, скрывая землю, когда убитые въ камень скотиной пары съ оставленными дорогами, которыя не беретъ соха, вслаханы до половины; когда присохшія вывезенныя кучи навоза пахнутъ по зарямъ вмѣстѣ съ медовыми травами, и на нескошенныхъ буграхъ нѣжно свѣютъ расходящіяся фигуры незабудокъ, а въ низахъ, ожидая косы, стоятъ сплошнымъ моремъ бережные дуга съ чернѣющими кучами стеблей вылоловнаго щавельника.

Было то время, когда въ сельской работѣ наступаетъ короткая передышка предъ началомъ, ежегодно повторяющейся и ежегодно вызывающей всѣ силы, всю энергію народа, уборки. Урожай былъ прекрасный, и стояли ясные, жаркіе лѣтніе дни, съ росистыми, короткими ночами.

Братья должны были проѣхать чрезъ лѣсъ чтобы поѣхать къ дугамъ. Сергѣй Ивановичъ любовался все время красотой заглохшаго отъ листвы лѣса, указывая брату то на темную съ тѣнистой стороны, лестрѣющую желтыми прилистками, готовящуюся къ цвѣту, старую лилу, то на изумрудомъ блестящіе молодые побѣги деревъ нынѣшняго года. Константинъ Левинъ не любилъ говорить и слушать про красоты природы. Слова снимали для него красоту съ того что онъ видѣлъ. Онъ поддакивалъ брату, но невольно сталъ думать о другомъ. Когда они проѣхали лѣсъ, все вниманіе его поглотилось видомъ пароваго поля на бугрѣ, частію желтѣ-

ющаго травой, частію сбитаго и изрѣзаннаго клѣтками, частію удаленнаго кучами, и частію вслаханнаго. По полю ѣхали веревницей телѣги. Сосчитавъ телѣги и оставшіеся довольнымъ тѣмъ что вывезется все что нужно, мысли Левина перешли, при видѣ луговъ, на вопросъ о покосѣ. Левинъ всегда испытывалъ что-то особенно забирающее за живое въ уборкѣ сѣна. И теперь, спустившись внизъ и подѣхавъ къ лугу, Левинъ почувствовалъ приближеніе этого забирающаго чувства.

Утренняя роса еще оставалась внизу на густомъ подствѣтѣ травы, и Сергій Ивановичъ, чтобы не мочить ноги, попросилъ довести себя по лугу въ кабріолетѣ до того ракитоваго куста у котораго брались окуни. Какъ ни жалко было Константину Левину мять свою траву, онъ вѣхалъ въ лугъ. Высокая трава мягко обвивалась около колесъ и ногъ лошади, оставляя свои сѣмена на мокрыхъ спицахъ и стулицахъ.

Братъ сѣлъ подѣ кустомъ, разобравъ удочки, а Константинъ Левинъ отвелъ лошадь, привязалъ ее и вошелъ въ недвижимое вѣтромъ огромное сѣрозеленое море дуга. Трава была почти по поясъ на зачѣнномъ мѣстѣ, шелковистая, съ послѣдующими сѣменами, мягкая сверху и густая снизу.

Перейдя лугъ поперекъ, Константинъ Левинъ вышелъ на дорогу и встрѣтилъ старика съ олухшимъ глазомъ, несшаго роевню съ пчелами.

— Что? или поймалъ, Фомичъ? спросилъ онъ.

— Какое поймалъ, Константинъ Митричъ! Только бы своихъ уберечь. Ушелъ вотъ второй разъ другажъ... Спасибо ребята доскакали. У васъ лашутъ. Отпугали лошадь, доскакали.

— Ну что скажешь, Фомичъ, косить или подождать?

— Да что жъ! По нашему до Петрова дня подождать. А вы раньше всегда косите. Что жъ, Богъ дастъ, травы добрыя. Скотинѣ просторъ будетъ.

— А погода, какъ думаешь?

— Дѣло Божье. Можетъ и погода будетъ.

Левинъ подошелъ къ брату.

Ничего не дошло, но Сергій Ивановичъ не скучалъ и казался въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Левинъ видѣлъ что раззадоренный разговоромъ съ докторомъ, онъ хотѣлъ поговорить. Левину же напротивъ хотѣлось скорѣе домой чтобы распорядиться о вывозѣ косцовъ къ застрѣму и рѣшить одно сомнѣніе насчетъ покосовъ которое сильно занимало его.

— Что жь, повѣдемъ, сказалъ онъ.

— Куда жь торопиться? Посидимъ. Какъ ты измокъ однако! Хоть не ловится, но хорошо. Всякая охота тѣмъ хороша что имѣешь дѣло съ природой. Ну что за прелесть эта стальная вода, сказалъ онъ.

— Эти берега луговые всегда наломываютъ мнѣ загадку. Знаешь? Трава говоритъ водѣ: а мы лопатаемся, лопатаемся.

— Я не знаю эту загадку, умыло отвѣчалъ Левинъ.

III.

— А знаешь, я о тебѣ думалъ, сказалъ Сергій Ивановичъ. — Это ни на что не похоже что у васъ дѣлается въ вѣздѣ, какъ мнѣ поразказалъ этотъ докторъ; онъ очень негдушный малый. И я тебѣ говорилъ и говорю: не хорошо что ты не вѣдишь на собранія и вообще устранился отъ земскаго дѣла. Если порядочные люди будутъ удаляться, разумѣется все поидетъ Богъ знаетъ какъ. Деньги мы платимъ, онѣ идутъ на жалованья, а нѣтъ ни школъ, ни фельдшеровъ, ни ловивальныхъ бабокъ, ни аптекъ, ничего нѣтъ.

— Вѣдь я пробовалъ, тихо и неохотно отвѣчалъ Константинъ Левинъ, — не могу! ну что жь дѣлать!

— Да чего ты не можешь, я, признаюсь, не понимаю. Равнодушія, неумѣнья — я не допускаю; неужели просто лѣнь?

— Ни то, ни другое, ни третье. Я пробовалъ и вижу что ничего не могу сдѣлать, сказалъ Константинъ Левинъ.

Онъ мало вникалъ въ то что говорилъ братъ. Вглядываясь за рѣку на лашаю, онъ различалъ что-то черное; но не могъ разобрать: лошадь это, или прикащикъ верхомъ.

— Отчего же ты не можешь ничего сдѣлать? Ты сдѣлалъ попытку, и не удалось по твоему, и ты локоряешься. Какъ не имѣть самолюбія?

— Самолюбія, сказалъ Левинъ, задѣтый за живое словами брата, — я не понимаю. Когда бы въ университетѣ мнѣ сказали что другіе понимаютъ высшую математику, а я не понимаю, тутъ самолюбіе. Но тутъ надо быть убѣжденнымъ прежде что нужно имѣть извѣстныя способности для этихъ дѣлъ и главное въ томъ что воѣ эти дѣла важны очень.

— Такъ что жь! развѣ это не важно! сказалъ Сергій Ивановичъ, задѣтый за живое и тѣмъ что братъ его находилъ

неважнымъ то что его занимало, и въ особенности тѣмъ что онъ очевидно почти не слушалъ его.

— Мнѣ не кажется важнымъ, не забираетъ меня, что жъ ты хочешь?... отвѣчалъ Левинъ, разобравъ что то что онъ видѣлъ былъ прикащикъ, и что прикащикъ вѣроятно спустилъ мужиковъ съ лахоты. Они перевертывали сохи. „Неужели уже отпахались“, подумалъ онъ.

— Ну, послушай, однако, нахмутивъ свое красивое, умное лицо, сказалъ старшій братъ, — есть границы всему. Это очень хорошо быть чудакомъ и искреннимъ человѣкомъ и не любить фальшь, я все это знаю; но вѣдь то что ты говоришь или не имѣетъ смысла, или имѣетъ очень дурной смыслъ. Какъ ты находишь неважнымъ что тотъ народъ, который ты любишь, какъ ты увѣряешь...

„Я никогда не увѣрялъ“, подумалъ Константинъ Левинъ.

— ... Мреть безъ помоща, грубыя бабки замариваютъ дѣтей; и народъ коснѣетъ въ невѣжествѣ и остается во власти всякаго писаря, а тебѣ дано въ руки средство помочь этому, и ты не помогаешь, потому что по твоему это не важно.

И Сергѣй Ивановичъ поставилъ ему дилемму: или ты такъ не развить что не можешь видѣть всего что можешь сдѣлать, или ты не хочешь поступиться своимъ спокойствіемъ, тщеславіемъ, а не знаю чѣмъ, чтобъ это сдѣлать.

Константинъ Левинъ чувствовалъ что ему остается только покориться или призваться въ недостатокъ любви къ общему дѣлу. И его это оскорбило и огорчило.

— И то, и другое, сказалъ онъ рѣшительно; — я не вижу чтобы можно было....

— Какъ? Нельзя, хорошо размѣстивъ деньги, дать врачебную помощь?

— Нельзя, какъ мнѣ кажется... На четыре тысячи квадратныхъ верстъ нашего уѣзда, съ нашими зазорами, метелями, рабочею порой, я не вижу возможности давать повсемѣстно врачебную помощь. Да и вообще, не вѣрю въ медицину.

— Ну, позволь; это несправедливо.... Я тебѣ тысячи примѣровъ назову.... Ну, а школы?

— Зачѣмъ школы?

— Что ты говоришь? Развѣ можетъ быть сомнѣніе въ пользѣ образованія? Если она хороша для тебя, то и для всякаго.

Константинъ Левинъ чувствовалъ себя нравственно перлртымъ къ стѣнѣ и потому разгорячился и высказалъ неволью главную причину своего равнодушія къ общему дѣлу.

— Можетъ-быть все это хорошо; но мнѣ-то зачѣмъ заботиться объ учрежденіи пунктовъ медицинскихъ, которыми я никогда не пользуюсь, и школы, куда я своихъ дѣтей не буду посылать, куда и крестьяне не хотятъ посылать дѣтей, и я еще не твердо вѣрю что нужно ихъ посылать, оказалъ онъ.

Сергѣя Ивановича на минуту удивило это неожиданное возрѣніе на дѣло; но онъ тотчасъ составилъ новый планъ атаки.

Онъ помолчалъ, вынулъ одну удочку, перекинулъ, и улыбаясь, обратился къ брату.

— Ну, позволь.... Вопервыхъ, пунктъ медицинскій понадобился. Вотъ мы для Агаѣи Михайловны послали за земскимъ докторомъ.

— Ну, я думаю что рука останется кривою.

— Это еще вопросъ.... Потомъ грамотный мужикъ, работникъ, тебѣ же нужнѣе и дороже.

— Нѣтъ, у кого хочешь спроси, рѣшительно отвѣчалъ Константинъ Левинъ, — грамотный какъ работникъ гораздо хуже. И дороги починить нельзя; а мосты какъ оставлять, такъ и украдутъ.

— Впрочемъ, нахмурившись сказалъ Сергѣй Ивановичъ, не любившій противорѣчій, и въ особенности такихъ которая безпрестанно перескакивали съ одного на другое и безъ всякой связи вводили новые доводы, такъ что нельзя было знать на что отвѣчать, впрочемъ, не въ томъ дѣло. Позволь.

Признаешь ли ты что образованье есть благо для народа?

— Признаю, не могъ не сказать Левинъ. Онъ чувствовалъ что если онъ признаетъ это, ему будетъ доказано что онъ говоритъ пустяки не имѣющіе никакого смысла. Какъ это будетъ ему доказано, онъ не зналъ, но зналъ что это несомнѣнно логически будетъ ему доказано, и онъ ждалъ этого доказательства, впередъ уже придумывая новую постановку вопроса.

Доводъ вышелъ гораздо проще чѣмъ того ожидалъ Константинъ Левинъ.

— Если ты признаешь это благомъ, сказалъ Сергѣй Ивановичъ, — то ты какъ честный человекъ не можешь не любить и не сочувствовать такому дѣлу, и потому не можешь работать для него.

— Но я еще не признаю этого дѣла хорошимъ, покраснѣвъ сказалъ Константинъ Левинъ.

— Какъ? Да ты сейчасъ сказалъ....

— То-есть, я не признаю его возможнымъ.

— Этого ты не можешь знать не сдѣлавъ усилій.

— Ну, положимъ, сказалъ Левинъ, хотя вовсе не полагалъ этого,—положимъ что это такъ; но я все-таки не вижу для чего я буду объ этомъ заботиться.

— То-есть какъ?

— Нѣтъ, ужь если мы разговорились, то объясни мнѣ съ философской точки зрѣнія, сказалъ Левинъ.

— Я не понимаю къ чему тутъ философія, сказалъ Сергій Ивановичъ, какъ показалось Левину, такимъ тономъ какъ будто онъ не признавалъ права брата разсуждать о философіи. И это раздражило Левина.

— Вотъ къ чему, горячась заговорилъ онъ.—Я думаю что двигатель всѣхъ нашихъ дѣйствій есть все-таки личное счастье, личное или общее счастье массы, которой каждый изъ насъ чувствуетъ себя членомъ. Теперь въ земскихъ учрежденіяхъ я, какъ дворянинъ, не вижу ничего что бы содѣйствовало моему благосостоянію. Дороги не лучше и не могутъ быть лучше; лошади мои везутъ меня и по дурнымъ. Доктора и пункта мнѣ не нужно, мировой судья мнѣ не нуженъ, я никогда не обращаюсь къ нему и не обращаюсь. Школы мнѣ не только не нужны, но даже вредны, какъ я тебѣ говорилъ. Для меня земскія учрежденія просто повинность платить восемнадцать копѣекъ съ десятины, ѣздить въ городъ, ночевать съ клопами и слушать всякій вздоръ и гадости, а личный интересъ меня не побуждаетъ.

— Позволь, перебилъ съ улыбкой Сергій Ивановичъ,—личный интересъ не побуждалъ насъ работать для освобожденія крестьянъ, а мы работали.

— Нѣтъ, все болѣе горячась перебилъ Константинъ.— Освобожденіе крестьянъ было другое дѣло. Тутъ былъ личный интересъ. Хотѣлось сбросить съ себя это ярмо, которое давило насъ всѣхъ хорошихъ людей. Но быть гласнымъ, разсуждать о томъ сколько золотарей нужно и какъ трубы провести въ городѣ гдѣ я не живу, быть присяжнымъ и судить мужика укравшаго ветчину, и шесть часовъ слушать всякій вздоръ который мелютъ защитники и прокуроры, и какъ предсѣдатель спрашиваетъ у моего старика Алешки-

дурачка: „признаете ли вы, подсудимый, фактъ похищенія ветчины?“ „Ась?“

Константинъ Левинъ уже отвлекся, сталъ представлять предсѣдателя и Алешку-дурачка, ему казалось что это все идетъ къ дѣлу.

Но Сергѣй Ивановичъ пожалъ плечами.

— Ну, такъ что ты хочешь сказать?

— Я только хочу сказать что тѣ права которыя меня... мой интересъ затрогиваютъ, я буду всегда защищать всѣми силами; что когда у насъ у студентовъ дѣлали обыскъ и читали наши письма жандармы, я готовъ всѣми силами защищать эти права, защищать мои права образованія, свободы. Я понимаю военную повинность, которая затрогиваетъ судьбу моихъ дѣтей, братьевъ и меня самого, потому что мнѣ пріятно знать что я не имѣю никакихъ привилегій, не завѣдаю чужой хлѣбъ; я готовъ обсуждать и вообще то что меня касается близко, но судить куда распредѣлить сорокъ тысячъ земскихъ денегъ или Алешу-дурачка судить, я не понимаю и не могу.

Константинъ Левинъ говорилъ такъ какъ будто прорвалъ плотину его словъ. Сергѣй Ивановичъ улыбнулся.

— А завтра ты будешь судиться: что же, тебѣ пріятнѣе было бы чтобы тебя судили въ старой уголовной палатѣ?

— Я не буду судиться. Я никого не зарѣжу, и мнѣ этого не нужно. Ну, ужь, продолжалъ онъ, опять перескакивая къ совершенно неидущему къ дѣлу, — наши земскія учрежденія и все это похоже на березки которыя мы натыкали какъ въ Троицынъ день, для того чтобы было похоже на лѣсъ, который самъ выросъ въ Европѣ, и не могу я отъ души подивить и вѣрить въ эти березки.

Сергѣй Ивановичъ пожалъ только плечами, выражая этимъ жестомъ удивленіе тому откуда теперь явились въ ихъ спорѣ эти березки, хотя онъ тотчасъ же понималъ то что хотѣлъ сказать этимъ его братъ.

— Позволь, вѣдь такъ нельзя разсуждать, замѣтилъ онъ.

Но Константину Левину хотѣлось оправдаться въ томъ недостаткѣ который онъ зналъ за собой, въ равнодушіи къ общему благу, и онъ продолжалъ:

— Я думаю, сказалъ Константинъ, — что никакая дѣятельность, не можетъ быть прочна если она не имѣетъ основы въ личномъ интересѣ. Это общая истина, философская, ска-

залъ онъ съ рѣшительностью, повторяя слово *философская*, какъ будто желая показать что онъ тоже имѣетъ право, какъ и всякій, говорить о философіи.

Сергій Ивановичъ еще разъ улыбнулся. „И у него тамъ тоже какая-то своя философія есть на службу своихъ наклонностей,“ подумалъ онъ.

— Ну, ужъ о философіи ты оставь, сказалъ онъ. — Главная задача философіи всѣхъ вѣковъ состоитъ именно въ томъ чтобы найти ту необходимую связь которая существуетъ между личнымъ интересомъ и общимъ. Но это не къ дѣлу, а къ дѣлу то что мнѣ только нужно поправить твое сравненіе. Березки не патыканы, а которыя посажены, которыя посажены, и съ ними надо обращаться осторожнѣе. Только тѣ народы имѣютъ будущность, только тѣ народы можно назвать историческими которые имѣютъ чутье къ тому что важно и значительно въ ихъ учрежденіяхъ и дорожать ими.

И Сергій Ивановичъ перенесъ вопросъ въ область философски-историческую, недоступную для Константина Левина, и показалъ ему всю несправедливость его взгляда.

— Что же касается до того что тебѣ это не нравится, то извини меня, это наша русская лѣнь и барство, а я увѣренъ что у тебя это временное заблужденіе и пройдетъ.

Константинъ молчалъ. Онъ чувствовалъ что онъ разбитъ со всѣхъ сторонъ, но онъ чувствовалъ вмѣстѣ съ тѣмъ что то что онъ хотѣлъ сказать было непонято его братомъ. Онъ не зналъ только почему это было не понято: потому ли что онъ не умѣлъ сказать ясно то что хотѣлъ, потому ли что братъ не хотѣлъ, или потому что не могъ его понять. Это сомнѣніе раздражало его.

Сергій Ивановичъ замоталъ послѣднюю удочку, отвязалъ лошадь, и они поѣхали.

IV.

Сомнѣніе, занимавшее Левина во время разговора его съ братомъ, было слѣдующее: въ прошломъ году, пріѣхавъ однажды на покосъ и разсердившись на прикащика, Левинъ употребилъ свое средство услокоенія, — взялъ у мужика косу и сталъ косить.

Работа эта такъ понравилась ему что онъ нѣсколько разъ принимался косить; выкосилъ весь лугъ предъ домою и нынѣшній годъ съ самой весны составилъ себѣ планъ косить

съ мужиками цѣлые дни. Со времени прїѣзда брата онъ былъ въ раздумьи: косить или нѣтъ? Ему совѣстно было оставлять брата одного по цѣлымъ днямъ, и онъ боялся чтобы братъ не посмѣялся надъ нимъ за это. Но пройдясь по лугу, вспоминая впечатлѣнія косьбы, онъ уже почти рѣшилъ что будетъ косить. Послѣ же раздражительнаго разговора съ братомъ онъ уже оковчательно рѣшилъ что завтра пойдетъ косить съ мужиками.

„Нужно физическое движеніе, а то мой характеръ рѣшительно портится“ подумалъ онъ съ раскаяніемъ вспоминая споръ свой съ братомъ.

Съ вечера Константинъ Левинъ пошелъ въ контору, сдѣлалъ распоряженія о работахъ и послалъ по деревнямъ вызвать на завтра косцовъ съ тѣмъ чтобы косить Калиновыи лугъ, самый большой и лучшій.

— Да мою косу пошлите пожалуйста къ Титу чтобы онъ отбилъ и вынесъ завтра; я, можетъ-быть, буду самъ косить тоже, сказалъ онъ, стараясь не конфузиться.

Прикащикъ улыбнулся и сказалъ:

— Слушаю-съ.

Вечеромъ за чаемъ онъ сказалъ и брату.

— Кажется погода установилась, сказалъ онъ.—Завтра я начинаю косить.

— Я очень люблю эту работу, сказалъ Сергѣй Ивановичъ.

— Я ужасно люблю. Я самъ косилъ иногда съ мужиками и завтра хочу цѣлый день косить.

Сергѣй Ивановичъ поднялъ голову и съ любознательствомъ посмотрѣлъ на брата.

— То-есть какъ?

— Наравнѣ съ мужиками, цѣлый день. Это очень пріятно, сказалъ Левинъ.

— Это прекрасно какъ физическое упражненіе, только едва ли ты можешь это выдержать, безъ всякой насмѣшки сказалъ Сергѣй Ивановичъ.

— Я пробовалъ. Сначала тяжело, потомъ втягиваешься. Я думаю что не отстану....

— Вотъ какъ! но скажи, какъ мужики смотрятъ на это? Должно-быть посмѣиваются что чудить баринъ.

— Нѣтъ. Не думаю, но это такая веселая и вмѣстѣ трудная работа что некогда думать.

— Ну, какъ же ты обѣдать съ ними будешь? Туда лафиту тебѣ прислать и шашлыку жареную ужь неловко.

— Нѣтъ, я только въ одно время съ ихъ отдыхомъ прѣйду домой.

На другое утро Константинъ Левинъ всталъ раньше обыкновеннаго, но хозяйственныя распоряженія задержали его, и когда онъ прѣѣхалъ на локось, косцы шли уже по второму ряду. Еще съ горы открылась ему подъ горою тѣмная, уже скошенная часть луга съ сѣрбящими рядами и червыми кучками кафтаноу, снятыхъ косцами на томъ мѣстѣ откуда да они зашли первый рядъ.

По мѣрѣ того какъ онъ подѣвжалъ, ему открывались шедшіе другъ за другомъ, разставутою вереницей и различно махавшіе косами мужики, кто въ кафтанахъ, кто въ однихъ рубахахъ. Онъ насчиталъ ихъ сорокъ два человѣка.

Они медленно двигались по неровному низу луга, гдѣ была старая запруда. Нѣкоторыхъ своихъ Левинъ узналъ. Тутъ былъ старикъ Ермилъ въ очень длинной, бѣлой рубахѣ, согнувшись махавшій косою; тутъ былъ молодой малый Васыка, бывшій у Левина въ кучерахъ, съ размаха бравшій каждый рядъ. Тутъ былъ и Титъ, по косьбѣ дядька Левина, маленькій, худенькій мужичокъ. Онъ не сгибаясь шелъ передомъ, какъ бы играя косою сѣзывая свой широкій рядъ. Левинъ слѣзъ съ лошади, и привязавъ ее, у дороги сошелся съ Титомъ, который, доставъ изъ куста вторую косу, подалъ ее.

— Готова, баринъ, брѣть. Сама косить, сказалъ Титъ, съ улыбкой снимая шапку и подавая ему косу.

Левинъ взялъ косу и сталъ примѣриваться. Кончившіе свои ряды, потные и веселые, косцы выходили одинъ за другимъ на дорогу и, посмѣиваясь, здоровались съ баринкомъ. Они все глядѣли на него, но никто ничего не говорилъ до тѣхъ поръ пока вышедшій на дорогу высокій старикъ со сморщеннымъ и безбородымъ лицомъ, въ овчинной курткѣ, не обратился къ нему.

— Смотри, баринъ, взялся за гужъ, не отставать, сказалъ онъ, и Левинъ услышалъ сдержанный смѣхъ между косцами.

— Постараюсь не отстать, сказалъ онъ становясь за Титомъ и выжидая времени начинать.

— Мотри, повторилъ старикъ.

Титъ освободилъ мѣсто, и Левинъ пошелъ за нимъ. Трава была низкая, придорожная, и Левинъ, давно не косившій и

смущенный обращенными на себя взглядами, въ первые минуты косилъ дурно, хотя и махалъ сильно. Сзади его послышались голоса:

— Насажена неладно, рукоятка высока, вишь ему сгибаться какъ, сказалъ одинъ.

— Пяткой больше налягай, сказалъ другой.

— Ничего, ладно, настрывается, продолжалъ старикъ.— Вишь, пошелъ.... Широко рядъ берешь, умаешься.... Хозяинъ, нельзя, для себя старается. А вишь подрядье-то! За это нашего брата по горбу бывало.

Трава пошла мягче, и Левинъ, слушая, но не отвѣчая и стараясь косить какъ можно лучше, шелъ за Титомъ. Они прошли шаговъ сто. Титъ все шелъ не останавливаясь. Левину уже страшно становилось что онъ не выдержитъ: такъ онъ усталъ, дѣлая излишнія усилія.

Онъ чувствовалъ что махаетъ изъ послѣднихъ силъ и рѣшился просить Тита остановиться. Но въ это самое время Титъ самъ остановился и, нагнувшись, взялъ травы, отеръ косу и сталъ точить. Левинъ расправился и, вздохнувъ, огаянулся. Сзади его шелъ мужикъ и очевидно также усталъ, потому что сейчасъ же, не доходя Левина, остановился и принялся точить. Титъ наточилъ свою косу и косу Левина, и они пошли дальше.

На второмъ пріемѣ было то же. Титъ шелъ махъ за махомъ не останавливаясь и не уставая. Левинъ шелъ за нимъ стараясь не отставать, и ему становилось все труднѣе и труднѣе: наступала минута когда, онъ чувствовалъ, у него не остается болѣе силъ, но въ это самое время Титъ останавливался и точилъ.

Такъ они прошли первый рядъ. И длинный рядъ этотъ оказался особенно труденъ Левину; но за то когда рядъ былъ дойденъ, и Титъ, вскинувъ на плечо косу, медленными шагами пошелъ заходить по сѣздамъ оставленнымъ его каблуками по прокосу, и Левинъ точно также пошелъ по своему прокосу,—несмотря на то что потъ катилъ градомъ по его лицу и капалъ съ носа, и вся спина его была мокра какъ вымоченная въ водѣ,—ему было очень хорошо. Въ особенности радовало его то что онъ зналъ теперь что выдержитъ.

Его удовольствіе отравилось только тѣмъ что рядъ его былъ нехорошъ. „Буду меньше махать рукой, больше всѣмъ туловищемъ,“ думалъ онъ, сравнивая какъ по виткѣ обрѣ-

завный рядъ Тита со своимъ раскиданнымъ и не ровно лежащимъ рядомъ.

Первый рядъ, какъ замѣтилъ Левинъ, Титъ шель особенно быстро, вѣроятно желая попытаться барина, и рядъ попался длинень. Слѣдующіе ряды были уже дѣuche, но Левинъ все-таки долженъ былъ напрягать всѣ свои силы чтобы не отставать отъ мужиковъ.

Онъ ничего не думалъ, ничего не желалъ кромѣ того чтобы не отстать отъ мужиковъ и какъ можно лучше сработать. Онъ слышалъ только дязгъ косъ и видѣлъ предъ собой удаляющуюся, прямую фигуру Тита, выгнутый полукругъ прокоса, медленно и волнисто склоняющіяся травы и головки цвѣтовъ около лезвія своей косы и впереди себя конецъ ряда, у котораго наступить счастливая минута отдыха.

Не понимая что это и откуда, въ серединѣ работы онъ вдругъ испыталъ пріятное ощущеніе холода по жаркимъ вспотѣвшимъ плечамъ. Онъ взглянулъ на небо во время натачиванья косы. Набѣжала низкая, тяжелая туча, и шель крупный дождь. Одни мужики пошли къ кафтанамъ и нацѣли ихъ; другіе, точно также какъ Левинъ, только радостно пожимали плечами подъ пріятнымъ освѣженіемъ.

Прошли еще и еще рядъ. Проходили длинныя, короткіе, съ хорошею, съ дурною травой ряды. Левинъ потерялъ всякое сознаніе времени и рѣшительно не зналъ поздно или рано теперь. Въ его работѣ стала происходить теперь перемѣна доставлявшая ему огромное наслажденіе. Въ серединѣ его работы на него находили минуты во время которыхъ онъ забывалъ то что дѣлалъ, ему становилось легко, и въ эти же самыя минуты рядъ его выходилъ почти также ровень и хорошъ какъ и у Тита. Но только-что онъ вспоминалъ о томъ что онъ дѣлаеть, начиналъ стараться сдѣлать лучше, тотчасъ же онъ испытывалъ всю тяжесть труда и рядъ выходилъ дурень.

Пройдя еще одинъ рядъ, онъ хотѣлъ опять заходить, но Титъ остановился и, подойдя къ старику, что-то тихо сказалъ ему. Они оба поглядѣли на солнце. „О чемъ это они говорятъ и отчего онъ не заходить рядъ?“ подумалъ Левинъ, не догадываясь что мужики не переставая косили уже не менѣе четырехъ часовъ, и имъ пора завтракать.

— Завтракать, баринъ! сказалъ старикъ.

— Развѣ пора? Ну, завтракать.

Левинъ отдалъ косу Титу и, вмѣстѣ съ мужиками помещици къ кафтанамъ за хлѣбомъ, чрезъ забрызнутые дождемъ ряды ллнннаго скoшеннаго пространства пошелъ къ лошади. Тутъ только онъ понялъ что не угадалъ погоду и дождь мочилъ его сѣно.

— Испортить сѣно, сказалъ онъ.

— Ничего, баринъ, въ погоду коси, въ дождь гребн, сказалъ старикъ.

Левинъ отвязалъ лошадь и поѣхалъ домой пить кофе.

Сергѣй Ивановичъ только-что всталъ. Налитиись кофею, Левинъ уѣхалъ олять на покось прежде чѣмъ онъ успѣлъ одѣться и выйти въ столовую.

V.

Послѣ завтрака Левинъ попалъ въ рядъ уже не на прежнее мѣсто, а между шутникомъ-старикомъ, который пригласилъ его въ сосѣди, и молодымъ мужикомъ, съ осени только жеватымъ и лошедшимъ косить первое лѣто.

Старикъ шелъ впереди, ровно и широко передвигая развернутыя ноги и не сгибаясь, точнымъ и ровнымъ движеньемъ, не стоившимъ ему повидимому болѣе труда чѣмъ махать руками на ходьбѣ, какъ бы играя откладывая одиваковый, высокій рядъ. Точно не онъ, а одна острая коса сама по-звѣживала по сочной травѣ.

Сзади Левина шелъ молодой Митка. Миловидное, молодое лицо его, обвязанное по волосамъ жгутомъ сѣвжей травы, все работало отъ усилій; но какъ только взглядывали на него, онъ улыбаеся. Онъ видимо готовъ былъ умереть скорѣе чѣмъ признаться что ему трудно.

Левинъ шелъ между ними. Въ самый жаръ, косьба показалась ему не такъ трудна. Обливавшій его потъ прохлаждалъ его, а солнце, жегшее его спину, голову и засученную по докоть руку, придавало крѣпость и упорство въ работѣ, и чаще и чаще приходили тѣ минуты безсознательнаго состояння когда можно было не думать о томъ что дѣлаешь. Коса рѣзала сама собой. Но это были счастливыя минуты. Еще радостнѣе были минуты когда, подходя къ рѣкѣ въ которую утыкались ряды, старикъ обтираалъ мокрою, густою травой косу, полоскалъ ея сталь въ сѣвжей водѣ рѣки, зачерпывалъ брусницу и угощалъ Левина.

— Ну-ка, кваску моего! А, корень? говорил он подмигивая.

И действительно, Лезивъ иногда не чувствовал даже мажигана какъ эта теплая вода съ лавандовымъ эссенциемъ и ривинимъ отъ жестяной брусницы вкусомя. И тотчасъ послѣ этого наступала блаженная, медленная прогулка съ ружьей на косяхъ, во время которой можно было отереть лишній потъ, вложить полную грудь и огладѣть всю талущуюся веревочку косяковъ и то, что дѣлалось вокругъ, въ лѣсу и въ полѣ.

Чѣмъ долѣ Левинъ косилъ, тѣмъ чаще и чаще она чувствовала минуты забытья, при которыхъ уже не руки махали косой, а сама коса двигала за собой все соннающее себя, полное жизни тѣло, и какъ бы по волшебству, безъ мысли о ней, работа правильная и отчетливая дѣлалась сама собой. Это были самыя блаженныя минуты.

Трудно было только тогда когда надо было прекращать это, сдѣлавшееся безсознательнымъ, движеніе, и думать; когда надо бы скашивать кочку или вешающійся щавельникъ. Старикъ дѣлалъ это легко. Приходила кочка, онъ изгибалъ движеніе, и гдѣ ляткой, гдѣ концомъ косы, подбивалъ кочку съ обѣихъ сторонъ коротенькими ударами. И дѣлая это, онъ все разсматривалъ и наблюдалъ что открывалось предъ нимъ; то онъ срывалъ кочетокъ, събѣдалъ его или угощалъ Левина, то отбрасывалъ носкомъ косы, вѣтку, то оглаживалъ гнѣздышко перемеленное, съ котораго, изъ-подъ самой косы, вылетѣла самка, то ловилъ козюлю ползавшую на пути, и какъ вилкой поднималъ ее косой, показывалъ Левину и отбрасывалъ.

И Левину, и молодому малому свави его, эти перемѣны движеній были трудны. Они оба, дѣлавши одно, напряженное движеніе, находились въ азартѣ работы и не въ силахъ были видоизмѣнять движеніе, и въ то же время наблюдать что было предъ ними.

Левинъ не замѣчалъ какъ проходило время. Еслибы спросилъ его сколько времени онъ косилъ, онъ сказалъ бы что полчаса, а ужъ время подошло къ обѣду. Законя рядъ, старикъ обращалъ вниманіе Левина на дѣвочекъ и мальчишковъ, которые съ разныхъ сторонъ, чуть видные по высокой травѣ и по дорожкѣ, шли къ косякамъ, неся оттягивавшіе имъ ручонки узелки съ хлѣбомъ и заткнутые тралками кувшинчики съ квасомъ.

— Вишь козявки ползутъ, сказалъ онъ, указывая на нихъ, и изъ-подъ руки поглядѣлъ на солнце.

Прошли еще два ряда, старикъ остановился.

— Ну, баринъ, обѣдать, сказалъ онъ рѣшительно. И добѣда до рѣки, косцы направились черезъ ряды къ кафтанамъ, у которыхъ, дожидаясь ихъ, сидѣли дѣти привесствія обѣды. Мужики собрались—дальнѣе подъ телѣги, ближнѣе—подъ ракитовый кустъ, на который наклали травы.

Левинъ подѣлъ къ нимъ; ему не хотѣлось увязать.

Всякое стѣсненіе предъ бариномъ уже давно исчезло. Мужики приготавливались обѣдать. Одни мылись, молодые ребята купались въ рѣкѣ, другіе прилаживали мѣсто для отдыха, развязывали мѣшочки съ хлѣбомъ и оттыкали кувшинчики съ квасомъ. Старикъ крошилъ въ чашку хлѣба, размялъ его стеблемъ ложки, налилъ воды изъ брусницы, еще разрѣзавъ хлѣба, и посылавъ солью, сталъ на востокъ молиться.

— Ну-ка, баринъ, моей тюрки, оказалъ онъ, присаживаясь на колѣни предъ чашкой.

Тюрка была такъ вкусна что Левинъ раздумалъ ѣхать домой обѣдать. Онъ пообедалъ со старикомъ и разговорился съ нимъ о его домашнихъ дѣлахъ, принимая въ нихъ живѣйшее участіе, и сообщалъ ему все свои дѣла и все обстоятельства которыя могли интересовать старика. Онъ чувствовалъ себя болѣе близкимъ къ нему чѣмъ къ братьямъ, и невольно улыбался отъ нѣжности которую онъ испытывалъ къ этому казавшемуся ему прекраснѣйшимъ человеку. Когда старикъ опять всталъ, помолился и легъ тутъ же подъ кустомъ, положивъ себѣ подъ изголовье травы, Левинъ сдѣлалъ то же и, несмотря на липкихъ, шальныхъ, уморныхъ на солнцѣ мухъ и козявокъ, щекотавшихъ его потное лицо и тѣло, заснулъ тотчасъ же и проснулся только когда солнце зашло съ боку куста и достало его. Старикъ давно не спалъ и сидѣлъ отбивая косямъ молодыхъ ребятъ.

Левинъ оглянулся вокругъ себя и не узналъ мѣста. Такъ все перемѣнилось. Огромное пространство луга было скошено и блестяло особеннымъ, новымъ блескомъ, со своими уже лажущими рядами, на вечернихъ косыхъ лучахъ солнца. И окошенные кусты у рѣки, и сама рѣка, прежде не видная, а теперь блестящая сталью въ своихъ извилахъ, и движущійся и поднимающійся народъ, и крутая стѣна травы недоко-

шешнаго мѣста дуга, и ястреба вившіеся надъ оголеннымъ лугомъ, все это было ново и неожиданно прекрасно. Очувшись, Левинъ сталъ соображать сколько скошено, и сколько еще можно сдѣлать вынче.

Сработано было чрезвычайно много на сорокъ два человѣка. Весь большой дугъ, который кашивали два дня при барщинѣ въ тридцать косъ, былъ уже скошенъ. Нескошенными оставались углы съ короткими рядами. Но Левину хотѣлось какъ можно больше скосить въ этотъ день, и досадно было на солнце которое такъ скоро спускалось. Онъ не чувствовалъ никакой усталости; ему только хотѣлось еще и еще поскорѣе и какъ можно больше сработать.

— А что, еще скосимъ, какъ думаешь, Машкинъ Верхъ? оказалъ онъ старику.

— Какъ Богъ дастъ, солнце не высоко. Нечто водочки ребятамъ.

Во время полдника, когда опять сѣли, и куряціе закурили, старикъ объявилъ ребятамъ что „Машкинъ Верхъ скосить—водка будетъ“.

— Эка, не скосить! Заходи, Титъ! Живо смахнемъ! Натѣшься ночью. Заходи, посылайшея голоса и, доводя хлѣбъ, косцы пошли заходить.

— Ну, ребята, держись! сказалъ Титъ, и почти рысью пошелъ передомъ.

— Иди, иди, говорилъ старикъ сѣтя за нимъ и легко дроговая его,—срѣжу. Берегись!

И молодые и старые какъ бы на перегонку косили. Но какъ они ни торопились, они не портили травы, и ряды откладывались также чисто и отчетливо. Оставшіеся въ углу уголокъ былъ смахнутъ въ пять минутъ. Еще послѣдніе доходили ряды, какъ передніе захватили кафтаны на плечи и пошли черезъ дорогу къ Машкину Верху.

Солнце уже спускалось къ деревьямъ, когда они, побрякивая брусницами, вошли въ лѣсной овражекъ Машкина Верха.

Трава была по поясъ въ серединѣ лощины, и вѣжкая и мягкая, лопушчатая, кое-гдѣ по лѣсу пестряющая Иваномъ-да-Марьей.

Цосаъ короткаго совѣщанія вдомъ ли, полперекъ ли ходить, Прохоръ Ермидинъ, тоже извѣтный косецъ, огромный, черноватый мужикъ, перешелъ задомъ, прошелъ рядъ впередъ, повернулся назадъ и отвалилъ, и всѣ стали выдвигаться

за нимъ, ходя подъ гору по лощинѣ и на гору подъ самую опушку лѣса. Солнце зашло за лѣсъ. Роса уже пала, и коцы только на горкѣ были на солнцѣ, а въ низу, по которому поднимался паръ, и на той сторонѣ шли въ свѣжей, росистой тѣни. Работа кипѣла.

Подрѣзаемая съ сочнымъ звукомъ и ляно пахнущая трава ложилась высокими рядами. Тѣсннвшіеся по короткимъ рядамъ коцы со всѣхъ сторонъ лобрякивали брусьями и звучали то столкннвшимися косами, то свистомъ бруска по отщипываемой косѣ, то веселыми криками, подгоняя другъ друга.

Левинъ шелъ все также между молодыми малыми и стариками. Старикъ, надѣвнннн свою овчинную куртку, былъ также весель, шутивъ и свободенъ въ движеніяхъ. Въ лѣсу безпрестанно попадались березовые, разбухшіе въ сочной травѣ грибы, которые рѣзались косами. Но старикъ, встрѣчая грибы, каждый разъ отблался, подбиралъ и клалъ за лазуку. „Еще старухѣ гостинцу“, приговаривалъ онъ.

Какъ ни было легко косить мокрую и слабую траву, но трудно было спускаться и подниматься по крутымъ косогорамъ оврага. Но старика это не отвешало. Михай все также косил, онъ маленькимъ, твердымъ шагкомъ своихъ обутыхъ въ большіе чалти ногъ влѣзалъ медленно на кручь, и хотъ и трясся всѣмъ тѣломъ и отвешими ниже рубахи лортками, же пролускалъ на пути на одной травинкѣ, на одного гриба, а также шутивъ съ мужиками и Левинымъ. Левинъ шелъ за нимъ и часто думалъ что онъ непременно упадетъ поднимался съ косою на такой крутой бугоръ, куда и безъ кося трудно влѣзть. Но онъ влѣзалъ и дѣлалъ что надо. Онъ чувствовалъ что какая-то внѣшняя сила двигала имъ.

VI.

Машкинъ Верхъ скосили, додѣлали послѣдніе ряды, надѣли кафтаны и весело пошли къ дому. Левинъ свлѣ на лошадь и, съ сожалѣніемъ простившись съ мужиками, поѣхалъ домой. Съ горы онъ оглянулся; ихъ не видно было въ поднимающемся изъ низу туманѣ, были слышны только веселые, грубые голоса, хохотъ и звукъ сталкивающихся косъ.

Сергій Ивановичъ давно уже отблдалъ и лнлъ воду съ

лимономъ и льдомъ въ своей комнатѣ, просматривая только что полученные съ почты газеты и журналы, когда Левинъ, съ прилипшими отъ пота ко лбу спутанными волосами и почеркнвшею, мокрою сливою и грудью, съ веселымъ говоромъ ворвался къ нему въ комнату.

— А мы сработали везь лугъ! Ахъ, какъ хорошо, удивительно! А ты какъ проживалъ? говорилъ Левинъ, совершенно забывъ вчерашній неприятный разговоръ.

— Батюшки! за что ты похожъ, сказалъ Сергѣй Ивановичъ, въ первую минуту недовольно оглядываясь на брата.— Да дверь-то, дверь-то затворяй! вскрикнулъ онъ.— Непременно впустилъ десятокъ цѣлый.

Сергѣй Ивановичъ терпѣть не могъ мухъ и въ своей комнатѣ отворялъ окна только ночью и старательно затворялъ двери.

— Ей-Богу ни одной. А если впустилъ, я поймаю. Ты, не повѣришь какое наслажденіе! Ты какъ провелъ день?

— Я хорошо, но неужели ты цѣлый день косилъ? Ты, я думаю, голодень какъ волкъ. Андрей тебѣ все приготовилъ

— Нѣтъ, мнѣ и ѣсть не хочется. Я тамъ ловилъ. А вотъ лѣтду умоюсь.

— Ну, иди, иди, и я сейчасъ приду къ тебѣ, сказалъ Сергѣй Ивановичъ покачивая головой глядя на брата.— Иди же, иди скорѣй, прибавилъ онъ улыбаясь, и собравъ свои книги' приготовился идти. Ему самому вдругъ стало весело и не хотѣлось расставаться съ братомъ.— Ну, а во время дожда гдѣ ты былъ?

— Какой же дождь? чуть покралась. Такъ я сейчасъ приду. Такъ ты хорошо провелъ день? Ну и отлично.— И Левинъ ушелъ одѣваться.

Черезъ пять минутъ братья сошлись въ отодовой. Левинъ, хотя ему и казалось что не хочется ѣсть, и онъ сѣлъ за обѣдъ только чтобы не обидѣть Андрея, но когда началъ ѣсть, то обѣдъ показался ему чрезвычайно вкусенъ. Сергѣй Ивановичъ улыбаясь глядѣлъ на него.

— Ахъ да, тебѣ письмо, сказалъ онъ. — Андрей, привеси пожалуйста снизу. Да смотри, дверь затворяй.

Письмо было отъ Облонскаго. Левинъ вслухъ прочелъ его. Облонскій писалъ изъ Петербурга: „Я получилъ письмо отъ Долова, она въ Каскоткѣ, и у ней все не ладится. Съѣзди пожалуйста къ ней, помоги совѣтомъ, ты все знаешь. Она

такъ рада будетъ тебя видѣть. Она совсѣмъ одна, бѣдная. Тѣща со всеми еще за границей."

— Вотъ отлично! Непремѣнно съѣзжу къ нимъ, сказалъ Левинъ. — А то поѣдемъ вмѣстѣ. Она такая славная. Не правда ли.

— А они не далеко тутъ?

— Верстъ тридцать. Пожалуй и сорокъ будетъ. Но отличная дорога. Отлично съѣздимъ.

— Очень радъ, все улыбаясь сказалъ Сергѣй Ивановичъ.

Видъ меньшаго брата непосредственно располагалъ его къ веселости.

— Ну, аппетитъ у тебя, сказалъ онъ, глядя на его склоненное надъ тарелкой, буро-красно-загорѣлое лицо и шею.

— Отлично! Ты не повѣришь какой это режимъ полезенъ противъ всякой дури. Я хочу обогатить медицину новыми терминомъ: Arbeitscur.

— Ну, тебѣ-то это не нужно, кажется.

— Да, но разнымъ нервнымъ больнымъ.

— Да, это надо испытать. А я вѣдь хотѣлъ было яриати на локошь посмотрѣть на тебя, но жара была такая невыносимая что я не пошелъ дальше лѣса. Я посадилъ и лѣсомъ прошелъ на слободу, встрѣтилъ твою кормилицу и сощеривалъ ее насчетъ взгляда мужиковъ на тебя. Какъ я поглялъ, они не одобряютъ этого. Она сказала: „не господское дѣло“. Вообще мнѣ кажется что въ помятій народномъ очень твердо опредѣлены требованія на извѣстную, какъ они называютъ, „господскую“ дѣятельность. И она не допускаетъ чтобы господа выходили изъ опредѣлившейся въ ихъ помятій рамки.

— Можетъ-быть, но вѣдь это такое удовольствіе какого я въ жизнь свою не испытывалъ. И дурнаго вѣдь ничего нѣтъ. Не правда ли? отвѣчалъ Левинъ. — Что же дѣлать если имъ не нравятся. А впрочемъ я думаю что ничего. А?

— Вообще, продолжалъ Сергѣй Ивановичъ, — ты, какъ я вижу, доволенъ своимъ днемъ.

— Очень доволенъ. Мы скосили весь лугъ. И съ какимъ старикомъ я тамъ подружился! Это ты не можешь себе представить что за прелесть!

— Ну, такъ доволенъ своимъ днемъ. И я тоже. Волерякъ, я рѣшилъ двѣ шахматныя задачи, и одна очень мила, охотнѣ-

вается лѣшкой. Я тебѣ покажу; а потомъ думалъ о нашемъ вчерашнемъ разговорѣ.

— Что? о вчерашнемъ разговорѣ? сказалъ Левинъ, блаженно щурясь и отдуваясь послѣ оконченнаго обѣда и рѣшительно не въ силахъ вспомнить какой это былъ вчерашній разговоръ.

— Я нахожу что ты правъ отчасти. Разногласіе наше заключается въ томъ что ты ставишь двигателемъ личный интересъ, а я полагаю что интересъ общаго блага долженъ быть у всякаго человѣка стоящаго на извѣстной степени образованія. Можетъ-быть ты и правъ что желательнѣе была бы заинтересованная матеріально дѣятельность. Вообще ты натура слишкомъ ригидная, какъ говорятъ Французы; ты хочешь страстной, энергической дѣятельности или ничего.

Левинъ слушалъ брата и рѣшительно ничего не понималъ и не хотѣлъ понимать. Онъ только боялся какъ бы братъ не спросилъ его такой вопросъ по которому будетъ видно что онъ ничего не самизналъ.

— Такъ-то, дружокъ, сказалъ Сергій Ивановичъ трогая его по плечу.

— Да, разумѣется. Да что же! Я не стою за свое, отъчалъ Левинъ съ дѣтскою, выловатою улыбкой. „О чемъ бить я спорилъ,“ думалъ онъ. „Разумѣется, и я правъ, и онъ правъ, и все прекрасно. Надо только пойти въ контору распорядиться.“ Онъ всталъ потаиваясь и улыбаясь.

Сергій Ивановичъ тоже улыбнулся.

— Хочешь пройтись, пойдемъ вмѣстѣ, сказалъ онъ не желая разставаться съ братомъ, отъ котораго такъ и вѣдало свѣжестью и бодростью. — Пойдемъ, пойдемъ и въ контору, если тебѣ нужно.

— Ахъ, батюшки! вскрикнулъ Левинъ, такъ громко что Сергій Ивановичъ испугался.

— Что, что ты?

— Что рука Агаевы Михайловны? сказалъ Левинъ, ударяя себя по головѣ. — Я и забылъ про нее.

— Лучше гораздо.

— Ну, все-таки я сбѣгаю къ ней. Ты не устѣнешь шляпы надѣть, я вернусь.

И онъ какъ трещотка загремѣлъ каблуками сбѣгая съ двотницы.

VII.

Въ то время какъ Степанъ Аркадьевичъ прѣѣхалъ въ Петербургъ для исполненія самой естественной, извѣстной всѣмъ служащимъ, хотя и непонятной для неслужащихъ, нужнѣйшей обязанности, безъ которой нѣтъ возможности служить—напомнить о себѣ въ министерствѣ, и при исполненіи этой обязанности, взявъ почти всѣ деньги изъ дому, весело и приятно проводилъ время и на скачкахъ, и на дачахъ. Доля съ дѣтьми переехала въ деревню чтобы уменьшить сколько возможно расходы. Она переехала въ свою приданую деревню Илекотокъ, ту самую гдѣ весной бывалъ продаванъ яблъ, и которая была въ пятидесяти верстахъ отъ Покровскаго Лѣвина:

Въ Илекоткѣ большой старый домъ былъ давно сложенъ, и еще княземъ былъ отдѣланъ и увеличенъ флигель. Флигель нѣтъ двадцать тому назадъ, когда Доля была ребенкомъ, былъ помѣстителемъ и удобенъ, хоть и стоялъ, какъ тѣмъ флигеля; бокомъ къ выѣздной аллеѣ и къ югу. Но теперь флигель этотъ былъ старъ и гнилъ. Когда еще Степанъ Аркадьевичъ вѣдиль весной продавать яблъ, Доля просила его осмотрѣть домъ и велѣть поправить что нужно. Степанъ Аркадьевичъ, какъ и всѣ вышесказанные мужья, очень заботившійся объ удобствахъ жены, самъ осмотрѣлъ домъ и сдѣлалъ распоряженія обо всемъ по его помятому нужномъ. По его помятію, надо было перебить крестомъ всю мебель, повѣсить гардины, расчистить садъ, сдѣлать мостыкъ у пруда и посадить цвѣты; но онъ забылъ много другихъ необходимыхъ вещей, недостатокъ которыхъ потомъ измучилъ Дарью Александровну.

Какъ ни старался Степанъ Аркадьевичъ быть заботливымъ отцомъ и мужемъ, онъ никакъ не могъ помнить что у него есть жена и дѣти. У него были холостые вкусы, и только съ ними онъ соображался. Вернувшись въ Москву, онъ съ гордостію объявлялъ женѣ что все яриготовлено, что домъ будетъ игрушечка, и что онъ ей очень софѣтуетъ ѣхать. Степану Аркадьевичу отъѣздъ жены въ деревню былъ очень пріятенъ во всѣхъ отношеніяхъ: и дѣтямъ здорово, и расходовъ меньше, и ему свободнѣе. Дарья же Александровна

считала переjazd въ деревню на лѣто необходимымъ для дѣтей, въ особенности для дѣвочки, которая не могла поправиться послѣ скарлатины, а наконецъ чтобъ избавиться отъ мелкихъ униженій, мелкихъ долговъ дровеннику, рыбнику, батмачнику, которые смущали ее. Сверхъ того, отъѣздъ былъ ей приятенъ еще и потому что она мечтала залучить къ себѣ въ деревню сестру Кити, которая должна была возвратиться изъ-за границы въ серединѣ лѣта, и ей преданисимо было кулаше. Кити писала съ вѣдъ что ничто ей такъ не умлабается какъ провести лѣто съ Долли въ Кляковкѣ, полномъ дѣтскихъ воспоминаній для нихъ обихъ.

Первое время деревенской жизни было для Долли очень трудное. Она жила въ деревнѣ въ дѣтствѣ, и у ней осталось впечатлѣнне что деревня есть спасенье отъ всѣхъ городскихъ непрятностей, что жизнь тамъ хотя и не красива, не элегантна (съ этимъ Долли легко мирилась), за то дешева и удобна: все есть, все дешево, все можно достать, и лѣтнее хорошо. Но теперь, хозяйкой прѣихавъ въ деревню, она увидѣла что это все совсемъ не такъ какъ она думала.

На другой день по окъ прѣиздѣ пошелъ проливной дождь, и ночью потекло въ корридоръ и въ дѣтской, такъ что кровати перенесли въ гостиную. Кухарки людской не было; паз девяти коровъ оказались, по словамъ скотницы, однѣ теленыя, другія первыя теленкомъ, третьи стары, четвертыя тугосисы; ни масла, ни молока даже дѣтлякъ не доставало. Ядъ не было. Курицу нельзя было достать; жарилъ и жарилъ старыхъ, пловыхъ, жилистыхъ пугуновъ. Нельзя было достать бабъ чтобы вымыть полы, все было на картошкахъ. Кататься нельзя было, потому что одна лошадь заминалась и рвала въ дышлѣ. Кулаться было негда, весь берегъ рѣки былъ истоптанъ скотиной и открыть съ дороги; даже гулять нельзя было ходить, потому что скотина входила въ садъ черезъ сломанный заборъ, а былъ одинъ страшный быкъ который ревелъ и потому должно-быть бодался. Шкаловъ для лавтя не было. Какіе были тѣ не закрывались и сами открывались когда проходили мимо ихъ. Чугуновъ и корчагъ не было; котла для праичной и даже гладильной доски для дѣвчицей не было.

Первое время, вѣдето спокойствія и отдохна, помавъ на эти странныя, съ ея точки зрѣнія, бѣдствія, Дарья Александровна была въ отчаяннн: хлопотала что всѣхъ смл,

чувствовала безвыходность положенія, и каждую минуту удерживала слезы на вертывавшіяся ей на глаза. Управляющій, бывшій вахмистръ, котораго Степанъ Аркадьевичъ полюбилъ и опредѣлялъ изъ швейцаровъ за его красивую и почтительную наружность, не принималъ никакого участія въ бѣдствіяхъ Дарьи Александровны, говорилъ почтительно „никакъ невозможно, такой народъ скверный“, и ни въ чемъ не помогалъ.

Положеніе казалось безвыходнымъ. Но въ домѣ Облонскихъ, какъ и во всякъ семейныхъ домахъ, было одно незамѣтное, но важнѣйшее и полезнѣйшее лицо, Марья Филимоновна. Она успокоивала барыню, увѣряла ее что все *образуется* (это было ея слово, и отъ нея перенялъ его Матвѣй), и сама, не торопясь и не волнуясь, дѣйствовала.

Она тотчасъ же ошлаась съ прикащицей и въ первый же день пила съ нею и съ прикащикомъ чай подъ акаціями и обождала всѣ дѣла. Скоро подъ акаціями учредился клубъ Марьи Филимоновны, и тутъ, черезъ этотъ клубъ, состоявшій изъ прикащицы, старосты и конторщика, стали повсему уравниваться трудности жизни, и черезъ недѣлю дѣйствительно все *образовалось*. Крышу починили, кударку нашли, старостину куку, куръ купили, коровы стали давать молока; садъ загородили жердями; катокъ сдѣлали лютыакъ, къ шкаламъ придѣлали крючки, и они стали отворяться произвольно, и главное орудіе, гладильная доска, обернула солдатскимъ оукломъ, легла съ ручки кресла на комодъ, и въ двѣицѣй заняла уютномъ.

— Ну вотъ! а все отчаивались, сказала Марья Филимоновна указывая на доску.

Даже построили изъ соломенныхъ щитовъ купальню. Лишъ стала купаться, и для Дарьи Александровны сбылись хотя отчасти ея ожиданія: хотя не спокойной, но удобной деревенской жизни. Спокойною съ шестью дѣтьми Дарья Александровна не могла быть. Одинъ заболѣвалъ, другой могъ заболѣть, третьему не доставало чего-нибудь, четвертый выказывалъ признаки дурнаго характера и т. д. и т. д. Рѣдко, рѣдко выдавались короткіе спокойные періоды. Но холоты и безпокойства эти были для Дарьи Александровны единственно возможными снастьемъ. Еслибы не было этого, она бы оставалась одна со своими мыслями о мужѣ который не любилъ ее. Но кромѣ того, какъ ни тяжело были для матери страхъ болѣз-

ней, самая болѣзнь и горе въ виду признаковъ дурныхъ наклонностей въ дѣтахъ, сами дѣти выплачивали ей уже теперь мелкими радостями за ея горести. Радости эти были такъ мелки что онѣ незамѣтны были какъ золото въ пескѣ, и въ дурныя минуты она видѣла одиѣ горести, одиѣ лесокъ; но были и хорошія минуты, когда она видѣла одиѣ радости, одно золото.

Теперь, въ уединеніи деревни, она чаще и чаще стала сознавать эти радости. Часто глядя на нихъ, она дѣлала всевозможныя усилія чтобъ убѣдить себя что она заблуждается, что она, какъ мать, пристрастна къ своимъ дѣтямъ, все-таки она не могла не говорить себѣ что у нея прелестныя дѣти воѣ шестеро, воѣ въ разныхъ родахъ, но такіа какія рѣдко бывають, и была счастлива ими, и гордилась ими.

VIII.

Въ концѣ мая, когда уже все болѣе или менѣе устроилось, она получила отвѣтъ мужа на свои жалобы о деревенскихъ неустройствахъ. Онъ писалъ ей прося прощенія въ томъ что не обдумалъ всего, и обѣщалъ пріѣхать при первой возможности. Возможность эта не представлялась, и до начала іюня Дарья Александровна жила одна въ деревнѣ.

Петровками, въ воскресенье, Дарья Александровна ѣздила къ обѣднѣ причащать воѣхъ своихъ дѣтей. Дарья Александровна, въ своихъ задушевныхъ, философскихъ разговорахъ съ сестрой, матерью, друзьями, очень часто удивляла ихъ своимъ вольнодумствомъ относительно религіи. У ней была своя странная религія метафизическая, въ которую она твердо вѣрила, мало заботясь о догматахъ церкви. Но въ семьѣ она, — и не для того только чтобъ показывать прикѣръ, а отъ всей души, — строго исполняла воѣ церковныя требованія, и то что дѣти около года не были у причастія очень беспокоило ее, и съ ласковымъ одобреніемъ и сочувствіемъ Марья Филимоновна она рѣшила совершить это теперь, лѣтомъ.

Дарья Александровна за нѣсколько дней впередъ обдумала какъ одѣть воѣхъ дѣтей. Были сшиты, передѣланы и вымыты платья, вылучены рубцы и оборки, пришиты луговики и приготовлены ленты. Одно платье на Таню, которое взялась шить Англичанка, испортило много крѣпи Дарья Але-

Александровнѣ. Англичанка, перешивая, сдѣлала выточки не на швы, а слишкомъ вынула рукава и совсѣмъ было испортила платье. Тамъ подхватило плечи такъ, что видѣть было было не. Но Марья Филимоновна догадалась заставить клинья и сдѣлать пелеринку. Дѣло поправилось, но съ Англичанкой произошла было почти ссора. Наутро, однако, все устроилось, и къ девяти часамъ, срокъ до котораго просили батюшку подождать съ обѣдней, сіяющія радостью, разодѣтые дѣти стояли у крыльца предъ коляской, дожидаясь матери.

Въ коляску, вмѣсто защищающагося Ворона, залегла, по протекціи Марьи Филимоновны, прикащикова Бурого, и Дарья Александровна, задержанная заботами о своемъ туалетѣ, одѣтая въ бѣлое кисейное платье, вышла садиться.

Дарья Александровна причесывалась и одѣвалась съ заботой и волненіемъ. Прежде она одѣвалась для себя, чтобы быть красивой и нравиться; потомъ, чѣмъ больше она старилась, тѣмъ непріятнѣе ей становилось одѣваться; она видѣла какъ она подурнѣла. Но теперь она опять одѣвалась съ удовольствіемъ и волненіемъ. Теперь она одѣвалась не для себя, не для своей красоты, а для того чтобы она, какъ мать этихъ прелестей, не испортила общаго впечатлѣнія. И посмотрѣвшись въ послѣдній разъ въ зеркало, она осталась довольна собой. Она была хороша. Не такъ хороша какъ она, бывало, хотѣла быть хороша на балѣ, но хороша для той цѣли которую она теперь имѣла въ виду.

Въ церкви никого, кромѣ мужиковъ, дворниковъ и ихъ бабъ, не было. Но Дарья Александровна видѣла, или ей казалось что она видѣла, восхищеніе возбуждаемое ея дѣтми и ею. Дѣти не только были прекрасныя собой въ своихъ нарядныхъ платьицахъ, но они были миалы тѣмъ какъ хорошо они себя держали. Алеша, правда, стоялъ не совсѣмъ хорошо. Онъ все леворачивался и хотѣлъ видѣть озади свою курточку; но все-таки онъ былъ необыкновенно милъ. Тамъ стояла какъ большая и омурѣла за маленькими. Но меньшая, Лили, была прелестна своимъ наивнымъ удивленіемъ предъ всѣми, и трудно было не улыбнуться когда, причастившись, она сказала: „please some more“.

Возвращаясь домой дѣти чувствовали что что-то торжественное совершилось, и были очень смирны.

Все шло хорошо и леза; но за завтракомъ Грима сталъ свистать и, что было хуже всего, не послушался Англичанки

и былъ оставленъ безъ сладкаго пирога. Дарья Александровна не допустила бы въ такой день до наказанія, еслибъ она была тутъ; но надо было поддержать расстройство Англичанки, и она подтвердила ея рѣшеніе что Гришѣ не будетъ сладкаго пирога. Это испортило немного общую радость.

Гриша плакалъ, говоря что и Николайка свистала, но что вотъ его не наказали, и что онъ не отъ пирога плачетъ, ему все равно, но о томъ что съ нимъ несправедливы. Это было слишкомъ уже грустно, и Дарья Александровна рѣшилась, переговоривъ съ Англичанкой, простить Гришу и пошла къ ней. Но тутъ, проходя чрезъ залу, она увидала сцену наполнившую такую радостью ея сердце что слезы выступили ей на глаза, и она сама простила преступника.

Наказанный сидѣлъ въ залѣ на угловомъ окнѣ; податъ него стояла Таня съ тарелкой. Подъ видомъ желанія обѣда для куколъ, она попросила у Англичанки позволенія снести свою порцію пирога въ дѣтскую, и вмѣсто этого принесла ее брату. Продолжая плакать о несправедливости претерпѣннаго имъ наказанія, онъ былъ принесенный пирогъ и сквозь рыданія приговаривалъ: „вѣшь сама, вмѣстѣ будемъ вѣсть... вмѣстѣ“.

На Таню сначала подѣйствовала жалость за Гришу, потомъ сознаніе своего добродѣтельнаго поступка, и слезы у ней тоже стояли въ глазахъ, но она, не отказываясь, была своимъ долю.

Увидавъ мать, она испугалась, но взглянувъ въ ея лицо поняла что они дѣлаютъ хорошо, засмѣялись, и съ полными пирогомъ ртами, стали обтирать улыбающимися губы руками и измазали все свои сіяющія лица слезами и вареньемъ.

— Матушки! Новое, бѣлое платье! Таня! Гриша! поборила мать, стараясь спасти платье, но со слезами наглазкахъ улыбалась блаженною, восторженною улыбкой.

Новыя платья смяли, велѣли надѣть дѣвчонкамъ блузки, а мальчикамъ старыя курточки, и велѣли закладывать ливейку, опять, къ огорченію прищипки, Бураго въ дышло, чтобъ вѣхать за грибами и на купальню. Стовъ восторженнаго визга поднялся въ дѣтской и не умолкалъ до самаго отъѣзда на купальню.

Грибовъ набрали цѣлую корзину, даже Лили нашла березовый грибъ. Прежде бывало такъ что миесь Гуль найдетъ и покажетъ ей, но теперь она сама нашла большой березовый

шлюстикъ, и'быль общій восторженный крикъ: „Дила намъ шлюстикъ!“

Потомъ подвѣхали къ рѣкѣ, поставили лошадей подъ березками и пошли въ купальню. Кучеръ Терентій, привязавъ къ дереву отмахивающихся отъ оводовъ лошадей, легъ, ярминная траву, въ тѣни березы и курилъ тютюнь, а изъ купальни доносился до него неумолкавшій дѣтскій веселый визгъ.

Хотя и хлопотливо было смотрѣть за всеми дѣтьми и останавливать ихъ шалости, хотя и трудно было вспомнить и не перелутать всѣ эти чулочки, ланталончики, башмачки съ разныхъ ногъ, и развязывать, разстегивать и завязывать тесмочки и луговки, Дарья Александровна, сама для себя любившая всегда купанье, считавшая его полезнымъ для дѣтей, ничѣмъ такъ не наслаждалась какъ этимъ купаньемъ со всеми дѣтьми. Перебирать всѣ эти лухлявкїя ножки, натягивая на нихъ чулочки, брать въ руки и обкутать эти голенькія тѣльца, и слышать то радостные, то испуганные визги; видѣть эти задыхающіяся, съ открытыми, испуганными и веселыми глазами лица, этихъ брызгающихся своихъ херувимчиковъ, было для нея большое наслажденіе. Наслажденіе это увеличилось еще тѣмъ что къ купальнѣ, когда уже половина дѣтей были одѣты, подошли нарядныя бабы, ходившія за сныткой и молочникомъ и робко оставовившіяся у'купальни. Марья Филимоновна кликнула одну чтобы дать ей высушить уроненную въ воду простыню и рубашку, и Дарья Александровна разговорилась съ бабами. Бабы, сначала смѣявшіяся въ руку и не понимавшія вопроса, скоро осмѣлились и разговорились, тотчасъ же подкуливъ Дарью Александровну искреннимъ любованьемъ дѣтьми, которое онѣ выказывали.

— Ишь ты красавица, бѣленькая какъ сахаръ, говорила одна, любясь на Танючку и покачивая головой.—А худая...

— Да, больна была.

— Вишь ты, звать тебѣ купань, говорила другая на грудакаго.

— Нѣтъ, ему только три мѣсяца, отвѣчала съ гордостью Дарья Александровна.

— Ишь ты!

— А у тебя есть дѣти?

— Было четверо, двое осталось: мальчикъ и дѣвочка. Вотъ, въ прошлый мясоѣдъ отняла.

— А сколько ей?

— Да другой годокъ.

— Что же ты такъ долго кормила?

— Наше обыкновеніе три поста...

И разговоръ сталъ самый интересный для Дарьи Александровны. Какъ рожала? Чѣмъ былъ боленъ? Гдѣ мужъ? Часто ли бываетъ?

Дарья Александровнѣ не хотѣлось уходить отъ бабъ, такъ интересенъ ей былъ разговоръ съ ними, такъ совершенно одни и тѣ же были ихъ интересы. Пріятнѣе же всего Дарья Александровнѣ было то что она ясно видѣла какъ всѣ эти женщины любовались болѣе всего тѣмъ какъ много было у нея дѣтей и какъ они хороши. Бабы и насмѣшили Дарью Александровну и обидѣли Англичанку тѣмъ что она была причиною этого непонятнаго для нея смѣха. Одна изъ молодыхъ бабъ приглядывалась къ Англичанкѣ, одѣвавшейся послѣ всѣхъ, и когда она надѣла на себя третью юбку, то не могла удержаться отъ замѣчанія: „ишь ты, крутила, крутила, все не накрутить,“ сказала она, и всѣ разразились хохотомъ.

IX.

Окруженная всѣми выкупанными, съ мокрыми головами дѣтми, Дарья Александровна, съ обязанною платкомъ головой, уже подвѣзжала къ дому, когда кучеръ сказалъ: „Баринъ какой-то идетъ, кажется Покровскій“.

Дарья Александровна выглянула впередъ и обрадовалась увидавъ въ сѣрой шляпѣ и сѣромъ пальто знакомую фигуру Левина, шедшаго имъ на встрѣчу. Она и всегда рада ему была, но теперь особенно рада была что онъ видитъ ее во всей ея славі. Никто лучше Левина не могъ понять ея величія и въ чемъ оно состояло.

Увидавъ ее, онъ очутился предъ одною изъ картинъ своего когда-то воображаемаго семейнаго быта.

— Вы точно насѣдка, Дарья Александровна.

— Ахъ, какъ я рада! сказала она, протягивая ему руку.

— Рады; а не дали знать. У меня братъ живетъ. Ужь я отъ Стивы получилъ записочку что вы тутъ.

— Отъ Стивы? съ удивленіемъ спросила Дарья Александровна.

— Да, онъ пишетъ что вы переѣхали и думаетъ что вы позволите мнѣ помочь вамъ чѣмъ-нибудь, сказалъ Левинъ, и казавъ это вдругъ смутился, и прервавъ рѣчь, молча про-

должалъ идти подлѣ линейки, срывая липовые побѣги и перекусывая ихъ. Онъ смутился вслѣдствіе предположенія что Дарья Александровнѣ будетъ неприятна помощь посторонняго человѣка въ томъ дѣлѣ которое должно было быть сдѣлано ея мужемъ. Дарья Александровнѣ дѣйствительно не нравилась эта манера Степана Аркадьевича навязывать свои семейныя дѣла чужимъ. И она тотчасъ же поняла что Левинъ понимаетъ это. За эту-то тонкость пониманія, за эту деликатность и любила Левина Дарья Александровна.

— Я понималъ, разумѣется, сказалъ Левинъ,—что это только значитъ то что вы хотите меня видѣть, и очень радъ. Разумѣется, я воображаю что вамъ, городской хозяйкѣ, здѣсь дико, и если что нужно, я весь къ вашимъ услугамъ.

— О, нѣтъ! сказала Долли. — Первое время было неудобно, а теперь все прекрасно устроилось. Благодаря моей старой нянѣ, сказала она, указывая на Марью Филимоновну, повиновавшую что говорить о ней и весело и дружелюбно улыбавшуюся Левину. Она знала его, и знала что это хорошій женихъ барышнѣ, и желала чтобы дѣло сладилось.

— Извольте садиться, мы сюда потѣсимся, сказала она ему.

— Нѣтъ, я пройдуся. Дѣти, кто со мной на переговоры съ лошадьми?

Дѣти знали Левина очень мало, не помнили когда видели его, но не выказывали въ отношеніи къ нему того страннаго чувства застѣнчивости и отвращенія которое испытываютъ дѣти такъ часто ко взрослымъ притворяющимся людямъ и за которое имъ такъ часто и больно достается. Притворство въ чемъ бы то ни было можетъ обмануть самаго умнаго, пронацательнаго человѣка; но самый ограниченный ребенокъ, какъ бы оно ни было искусно скрывается, узнаетъ его и отвращается. Какіе бы ни были недостатки въ Левинѣ, притворства не было въ немъ и признака, и потому дѣти высказали ему дружелюбіе такое же какое они нашли на лицѣ матери. На приглашеніе его, два старшіе тотчасъ же соскочили къ нему и побѣжали съ нимъ также просто какъ бы они побѣжали съ няней, съ миссъ Гуль или съ матерью. Дядя тоже стала проситься къ нему, и мать передала ее ему; онъ посадилъ ее на плечо и побѣжалъ съ ней.

— Не бойтесь, не бойтесь, Дарья Александровна, говорилъ онъ весело улыбаясь матери,—невозможно чтобы я ушибъ или уронилъ.

И глядя на его ловкія, сильныя, осторожно-заботливыя

и слишком напряженные движенія, мать успокоилась, и весело и одобрительно улыбалась глядя на него.

Здѣсь, въ деревнѣ, съ дѣтьми и съ симпатичною ему Дарьей Александровной, Левинъ пришелъ въ то, часто находившее на него, дѣтски веселое расположеніе духа, котораго онъ стыдился и тщательно скрывалъ его въ обществѣ, но которое Дарья Александровна особенно любила въ немъ. Бѣгая съ дѣтьми, онъ училъ ихъ гимнастикѣ, смѣшилъ миссъ Гуль своимъ дурнымъ англійскимъ языкомъ, и разказывалъ Дарьѣ Александровнѣ свои занятія въ деревнѣ.

Послѣ обѣда, Дарья Александровна, сидя съ нимъ одна на балконѣ, заговорила о Кити.

— Вы знаете, Кити пріѣдетъ сюда и проведетъ со мною дѣто.

— Право? сказалъ онъ вспыхнувъ, и тотчасъ же, чтобы пережвнить разговоръ, сказалъ: — Такъ прислать вамъ двухъ коровъ? Если вы хотите считаться, то извольте заплатить мнѣ по пяти рублей въ мѣсяцъ, если вамъ не совѣстно.

— Нѣтъ, благодарствуйте. У насъ устроилось.

— Ну, такъ я вашихъ коровъ посмотрю, и если позволите, я распоряджусь какъ ихъ кормить. Все дѣло въ кормѣ.

И Левинъ, чтобы только отвлечь разговоръ, изложилъ Дарьѣ Александровнѣ теорію молочнаго хозяйства, состоящую въ томъ что корова есть только машина для переработки корма въ молоко и т. д.

Онъ говорилъ это, и страстно желалъ услышать подробности о Кити; но ему страшно было что разстроится то спокойствіе которое онъ начиналъ испытывать.

— Да, но впрочемъ за всѣмъ этимъ надо слѣдить, а кто же будетъ? неохотно отвѣчала Дарья Александровна.

Она такъ теперь наладила свое хозяйство черезъ Марью Филимоновну что ей не хотѣлось ничего мѣнять въ немъ; да, по правдѣ, она и не вѣрила знанію Левина въ сельскомъ хозяйствѣ. Разсужденія о томъ что корова есть машина для дѣланья молока были ей подозрительны. Ей казалось что такого рода разсужденія могутъ только мѣшать хозяйству. Ей казалось все это гораздо проще, что надо только, какъ объясняла Марья Филимоновна, давать Чернухъ и Пеструхъ больше корму и поила, и чтобы поваръ не уносилъ помои изъ кухни для прачкиной коровы. Это было ясно. А разсужденія о мучномъ и травяномъ кормѣ были сомнительны и не ясны. Главное же ей хотѣлось говорить о Кити.

— Кити пишетъ мнѣ что ничего такъ не желаетъ какъ уединенія и спокойствія.

— А что здоровье ея, лучше? съ волненіемъ спросилъ Левинъ.

— Слава Богу, она совсѣмъ поправилась. Я никогда не вѣрила чтобъ у нея была грудная болѣзнь.

— Ахъ, я очень радъ! сказалъ Левинъ, и что-то трогательное, безпомощное показалось Долли въ его лицѣ въ то время какъ онъ сказалъ это и молча смотрѣлъ на нее.

— Послушайте, Константинъ Дмитричъ, сказала Дарья Александровна, улыбаясь своею доброю и нѣсколько насмѣшливою улыбкой, — за что вы сердитесь на Кити?

— Я? Я не сержусь, сказалъ Левинъ.

— Нѣтъ, вы сердитесь. Отчего вы не заѣхали ни къ намъ, ни къ нимъ, когда были въ Москвѣ?

— Дарья Александровна, сказалъ онъ, краснѣя до корней волосъ, — я удивляюсь даже что вы, съ вашею добротой, не чувствуете этого. Какъ вамъ просто не жалко меня, когда вы знаете...

— Что я знаю?

— Знаете что я дѣлалъ предложеніе и что мнѣ отказано, проговорилъ Левинъ, и вся та нѣжность, которую минуту тому назадъ онъ чувствовалъ къ Кити, замѣнилась въ душѣ его чувствомъ злобы за оскорбленіе.

— Почему же вы думаете что я знаю?

— Потому что всѣ это знаютъ.

— Вотъ ужъ въ этомъ вы ошибаетесь; я не знала этого, хотя и догадывалась.

— А! ну такъ вы теперь знаете.

— Я знала только то что что-то было что ее ужасно мучило, и что она просила меня никогда не говорить объ этомъ. А если она не сказала мнѣ, то она никому не говорила. Но что же у васъ было? Скажите мнѣ.

— Я вамъ сказалъ что было.

— Когда?

— Когда я былъ въ послѣдній разъ у васъ.

— А знаете что я вамъ скажу, сказала Дарья Александровна, — мнѣ ее ужасно, ужасно жалко. Вы страдаете только отъ гордости.

— Можетъ-быть, сказалъ Левинъ, — но...

Она перебила его.

— Но ее, бѣдняжку, мнѣ ужасно и ужасно жалко. Теперь я все понимаю.

— Ну, Дарья Александровна, вы меня извините, сказалъ онъ вставая.—Прощайте, Дарья Александровна, до свиданья.

— Нѣтъ, постойте, сказала она, схватывая его костлявою рукою за рукавъ.—Постойте, садитесь.

— Пожалуста, пожалуста не будемъ говорить объ этомъ, сказалъ онъ садясь и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуя что въ сердцѣ его странно, какъ мертвецъ, поднимается и шевелится казавшаяся ему похороненною надежда.

— Еслибъ я васъ не любила, сказала Дарья Александровна, и слезы выступили ей на глаза.—Еслибъ я васъ не знала какъ я васъ знаю....

Мертвецъ надежды оживалъ все болѣе и болѣе, поднимался и завладѣвалъ сердцемъ Левина.

— Да, я теперь все поняла, продолжала Дарья Александровна,—вы этого не можете понять; вамъ, мужчинамъ, свободнымъ и выбирающимъ, всегда ясно кого вы любите. Но дѣвушка, въ положеніи ожиданія, съ этимъ женскимъ, дѣвичьимъ стыдомъ, дѣвушка, которая видитъ васъ, мужчину, издадека, принимаетъ все на слово; у дѣвушки бываетъ и можетъ быть такое чувство что она не знаетъ что сказать.

— Да, если сердце не говоритъ...

— Нѣтъ, сердце говоритъ, но вы подумайте, вы, мужчины, видите виды на дѣвушку, вы ѣздите въ домъ, вы сближаетесь, высматриваете, выжидаете, найдете ли вы то что вы любите, и потому, когда вы убѣждены что любите, вы дѣлаете предложеніе....

— Ну, это не совсѣмъ такъ.

— Все равно, вы дѣлаете предложеніе когда ваша любовь созрѣла или когда у васъ между двумя выбираемыми совершился перевѣсъ; а дѣвушку не спрашиваютъ. Хотятъ чтобъ она сама выбирала, а она не можетъ выбрать и только отвѣчаетъ: да и нѣтъ.

„Да, выборъ между мной и Вронскимъ“, подумалъ Левинъ, и оживавшій мертвецъ опять умеръ и только мучительно давилъ его сердце.

— Дарья Александровна, сказалъ онъ, — такъ выбираютъ платье или не знаю какую покулку, а не любовь. Выборъ сдѣланъ, и тѣмъ лучше.... И повторенья быть не можетъ.

— Ахъ, гордость и гордость! сказала Дарья Александровна, какъ будто презирая его за визость этого чувства въ сравненіи съ тѣмъ другимъ чувствомъ которое знаютъ одиѣ женщины.— Въ то время какъ вы дѣлали предложеніе Кити,

она именно была въ томъ положеніи когда она не могла отвѣчать. Въ ней было колебаніе. Колебаніе: вы или Вронскій. Его она видѣла каждый день, васъ давно не видала. Положимъ, еслибъ она была старше, для меня, напиримѣръ, на ея мѣстѣ не могло бы быть колебанья. Онъ мнѣ всегда противенъ былъ, и такъ и кончилось.

Левинъ вспомнилъ отвѣтъ Кити. Она сказала: *Нѣтъ, это не можетъ быть...*

— Дарья Александровна, сказалъ онъ сухо,—я цѣню вашу довѣренность ко мнѣ; я думаю что вы ошибаетесь. Но правъ я или неправъ, эта гордость, которую вы такъ презираете, дѣлаетъ то что для меня всякая мысль о Катеринѣ Александровнѣ невозможна, вы понимаете, совершенно невозможна.

— Я только одно еще скажу: вы понимаете что я говорю о сестрѣ которую я люблю какъ своихъ дѣтей. Я не говорю чтобъ она любила васъ, но я только хотѣла сказать что ея отказъ въ ту минуту ничего не доказываетъ.

— Я не знаю, вскакивая сказалъ Левинъ.—Еслибы вы знали какъ вы больно мнѣ дѣлаете! Все равно какъ у васъ бы умеръ ребенокъ, а вамъ бы говорили: а вотъ онъ былъ бы такой, такой и могъ бы жить, и вы бы на него радовались. А онъ умеръ, умеръ, умеръ....

— Какъ вы смѣшны, несмотря на волнение Левина, съ грустною усмѣшкой сказала Дарья Александровна.—Да, я теперь все больше и больше понимаю, продолжала она задумчиво.—Такъ вы не прійдете къ намъ когда Кити будетъ?

— Нѣтъ, не прійду. Разумѣется, я не буду избѣгать Катерины Александровны, но гдѣ могу постараюсь избавить ее отъ непріятности моего присутствія.

— Очень, очень вы смѣшны, повторила Дарья Александровна, съ вѣжностью вглядываясь въ его лицо.—Ну, хорошо, такъ какъ будто мы ничего про это не говорили. Зачѣмъ ты пришла, Таня? сказала Дарья Александровна по-французски вошедшей дѣвочкѣ.

— Гдѣ моя лопатка, мама?

— Я говорю по-французски, и ты также скажи.

Дѣвочка хотѣла сказать, но забыла какъ лопатка по-французски; мать ей подсказала, и потомъ по-французски же сказала гдѣ отыскать лопатку.

Все теперь казалось Левину въ домѣ Дарьи Александровны и въ ея дѣтяхъ совсѣмъ уже не такъ мило какъ прежде.

„И для чего она говорить по-французски съ дѣтьми“, подумалъ онъ: „какъ это, неестественно и фальшиво! И дѣти чувствуютъ это. Выучить по-французски и отучить отъ искренности,“ думалъ онъ самъ съ собой, не зная того что Дарья Александровна все это двадцать разъ уже передумала, и все-таки, хотя и въ ущербъ искренности, нашла необходимымъ учить этимъ путемъ своихъ дѣтей.

— Но куда же вамъ ѣхать? Посидите.

Левинъ остался до чая, но веселье его все исчезло, и ему было неловко.

Послѣ чая онъ вышелъ въ переднюю велѣть подавать лошадей, и когда вернулся, засталъ Дарью Александровну взволнованную, съ разстроеннымъ лицомъ и слезами на глазахъ. Въ то время какъ Левинъ выходилъ, случилось для Дарьи Александровны событіе разрушившее вдругъ все ея сегодняшнее счастье и гордость дѣтьми. Гриша и Таня подрались за мячикъ. Дарья Александровна, услышавъ крикъ въ дѣтской, выбѣжала и застала ихъ въ ужасномъ видѣ. Таня держала Гришу за волосы; а онъ, съ изуродованнымъ злобой лицомъ, билъ ее кулаками куда попало. Что-то оборвалось въ сердцѣ Дарьи Александровны, когда она увидала это. Какъ будто мракъ надвинулся на ея жизнь: она поняла что тѣ ея дѣти, которыми она такъ гордилась, были не только самыя обыкновенныя, но даже нехорошія, дурно воспитанныя дѣти, съ грубыми, звѣрскими наклонностями, злая дѣти.

Она ни о чемъ другомъ не могла говорить и думать и не могла не разказать Левину своего несчастья.

Левинъ видѣлъ что она несчастлива и постарался утѣшить ее, говоря что это ничего дурнаго не доказываетъ, что всѣ дѣти дерутся, но говоря это, въ душѣ своей Левинъ думалъ: „дѣть, я не буду ломаться и говорить по-французски со своими дѣтьми; но у меня будутъ не такія дѣти; надо только не портить, не уродовать дѣтей, и они будутъ прелестны. Да, у меня будутъ не такія дѣти“.

Онъ простился и уѣхалъ, и она не удерживала его.

Х.

Въ половинѣ іюля къ Левину явилася староста сестриной деревни, находившейся за двадцать верстъ отъ Покровскаго, съ отчетомъ о ходѣ дѣлъ и о покосѣ. Главный доходъ съ

имѣнія сестры получался за заливные луга. Въ прежніе года покосы разбирались мужиками по двадцати рублей за десятину. Когда Левинъ взялъ имѣнье въ управленіе, онъ, осмотрѣвъ покосы, нашелъ что они стоѣтъ дороже и назначилъ цѣну за десятину двадцать пять рублей. Мужики не дали этой цѣны и, какъ подозрѣвалъ Левинъ, отбили другихъ покупателей. Тогда Левинъ поѣхалъ туда самъ и распорядился убирать луга частію наймомъ, частію изъ доли. Свои мужики прелятствовали всѣми средствами этому приему, но дѣло пошло, и въ первый же годъ за луга было выручено почти вдвое. Въ третьемъ и прошломъ году продолжалось то же протизодѣйствіе мужиковъ, и уборка шла тѣмъ же порядкомъ. Въ нынѣшнемъ году мужики взяли всѣ покосы изъ третьей доли, и теперь староста пріѣхалъ объявить что покосы убраны и что онъ, любоявшись дожда, пригласилъ конторщика, при немъ раздѣлилъ и сметалъ уже одиннадцать господскихъ стоговъ. По неопредѣленнымъ отвѣтамъ на вопросъ о томъ сколько было сѣна на главномъ лугу, по послѣдності старосты раздѣлившаго сѣно безъ спросу, по всему тону мужика, Левинъ понялъ что въ этомъ дѣлѣ сѣна что-то не чисто, и рѣшился съѣздить самъ повѣрить дѣло.

Пріѣхавъ въ обѣдъ въ деревню и оставивъ лошадь у пріятеля-старика, мужа братниной кормилицы, Левинъ вошелъ къ старику на пчельникъ, желая узнать отъ него подробности объ уборкѣ покоса. Говорливый, благообразный старикъ Парменычъ радостно принялъ Левина, показалъ ему все свое хозяйство, разказалъ всѣ подробности о своихъ пчелахъ и о роевщинѣ нынѣшняго года; но на вопросы Левина о покосѣ говорилъ неопредѣленно и неохотно. Это еще болѣе утвердило Левина въ его предположеніяхъ. Онъ пошелъ на покосъ и осмотрѣлъ стога. Въ стогахъ не могло быть по пятидесяти возовъ, и чтобъ уличить мужиковъ, Левинъ велѣлъ сейчасъ же вызвать возившія сѣно подводы, поднять одинъ стогъ и перевезти въ сарай. Изъ стога вышло только тридцать два воза. Несмотря на увѣренія старосты о лухлявости сѣна, на его божбу о томъ что все было по-божески, Левинъ настаивалъ на своемъ что сѣно дѣлали безъ его приказа, и онъ не принимаетъ этого сѣна за пятьдесятъ возовъ въ стогу. Послѣ долгихъ споровъ, дѣло рѣшили тѣмъ чтобы мужикамъ принять эти одиннадцать стоговъ, считая по пятидесяти возовъ, на свою долю, а на господскую долю

выдѣлять вновь. Переговоры эти и дѣлежъ колень продолжались до полдня. Когда послѣднее сѣно было раздѣлено, Левинъ, поручивъ остальное наблюденіе конторщику, присѣлъ на отмигивной тычинкѣ ракичника колѣвъ, любясь на клящій народомъ лугъ.

Предъ нимъ, въ загибѣ рѣки, за болотцемъ, весело, треща звонкими голосами, двигалась пестрая вереница бабъ, и изъ растрясеннаго сѣна быстро вытягивались по свѣтлозеленой отавѣ сѣрые извилистые валы. Слѣдомъ за бабами шли мужики съ вилами, и изъ валовъ выростали широкія, высокія, лухлыя колны. Слѣва, до убранному уже лугу, гремѣли телеги, и одна за другою подаваемые огромными навиллинами исчезали колны, и на мѣсто ихъ навивались, нависающіе на зады лошадей, тяжелые воза душистаго сѣна.

— За погоду убрать! Сѣно же будетъ, сказалъ старикъ, присѣвшій подлѣ Левина.—Чай, не сѣно! Ровно утятъ зерна разсыль, какъ подбираютъ! прибавилъ онъ указывая на навиваемыя колны.—Съ обѣда половину добрую сvezли.

— Послѣднюю что ль? крикнулъ онъ на малаго, который, стоя на переду телѣжнаго ящика и помахивая концами пеньковыхъ вожжей, вѣхалъ мимо.

— Послѣднюю, батюшка! прокричалъ малый, придерживая лошадь и, улыбаясь, оглянулся на веселую, тоже улыбающуюся румяную бабу сидѣвшую въ телѣжномъ ящикѣ, и погналъ дальше.

— Это кто же? Сынъ? спросилъ Левинъ.

— Мой меньшенькій, съ ласковою улыбкой сказалъ старикъ.

— Какой молодецъ!

— Ничего малый.

— Ужь женатъ?

— Да третій годъ пошелъ съ Филиповокъ.

— Чтожь и дѣти есть?

— Какія дѣти? Совсе несмысленный былъ, отвѣчалъ старикъ. — Ахъ, хорошо сѣно! Чай, настоящій, повторишь онъ, желая перемѣнить разговоръ.

Левинъ внимательнѣе присмотрѣлся къ Ванькѣ Парменову и его женѣ. Они не далеко отъ него навивали колну Иванъ Парменовъ стоялъ на возу, принимая, разравнивая и оталтывая огромныя навиллины сѣна, которыя сначала охалками, а потомъ вилами ловко подавала ему его молодая красавица-хозяйка. Молодая баба работала легко,

ко, весело и ловко. Крупное, слежавшееся сѣно не бралось сразу на вилы. Она сначала расправляла его, всовывала вилы, потомъ улругимъ и быстрымъ движеніемъ налегала на нихъ всею тяжестью своего тѣла, и тотчасъ же, перегибая перетянутую краснымъ кушакомъ спину, выпрямляясь, и выставляя полную грудь изъ-подъ бѣлой занавѣски, съ ловкою ухваткой перехватывала руками вилы и вскидывала на вилыну высоко на возъ. Иванъ послѣдно, видимо стараясь избавить ее отъ всякой минуты лишняго труда, подхватывалъ, широко раскрывая руки, подаваемую охапку и расправлялъ ее на возу. Подавъ послѣднее сѣно граблями, баба отряхнула засылавшуюся ей за шею труху, и оправивъ сбившійся надъ бѣлымъ, незагорѣлымъ лбомъ красный платокъ, полѣзла подъ телѣгу увязывать возъ. Иванъ училъ ее какъ цѣплять за лисицу и чему-то сказанному ей громко расхотался.

Возъ былъ увязанъ. Иванъ спрыгнулъ и повелъ за поводъ добрую, сытую лошадь. Баба вскинула на возъ грабли и бодрымъ шагомъ, размахивая руками, пошла къ собравшимся хоровадомъ бабамъ. Иванъ, выѣхавъ на дорогу, вступилъ въ обозъ съ другими возами. Бабы съ граблями на плечахъ, блестя яркими цвѣтами и треща звонкими, веселыми голосами, шли позади возовъ. Одинъ грубый, дикій, но необыкновенно отчетливый бабій голосъ затянулъ лѣсною и долѣлъ ее до повторенья, и дружно, въ разъ, олять сначала подхватили ту же лѣсною полсотни разныхъ грубыхъ и тонкихъ могучихъ голосовъ, и Левину показалось что и копна, на которой овъ лежалъ, и земля, и небо, все заходило и заколыхалось подъ размѣры этой дикой, развеселой и стройной лѣсни, со вскриками, присвистами и ёканьями.

Хороводъ приближался и Левину, казалось что неудержимая туча съ громомъ веселья надвигалась на него. Туча надвинулась, захватила его и стала удаляться. Левинъ не могъ оторваться, смотрѣлъ и слушалъ, и когда народъ скрылся изъ вида и слуха, тяжелое чувство тоски за свое одиночество, за свою тѣлесную праздность, за свою враждебность къ этому міру охватило его.

Нѣкоторые изъ тѣхъ самыхъ мужиковъ, которые больше всѣхъ съ нимъ спорили за сѣно, тѣ которыхъ овъ обидѣлъ, или тѣ которые хотѣли обмануть его, эти самые мужики весело кланялись ему и очевидно не имѣли и не могли имѣть

къ нему никакого зла или никакого не только раскаянія, но и воспоминанія о томъ что они хотѣли обмануть его. Все это потонуло въ морѣ веселаго, общаго труда. Богъ далъ день, Богъ далъ силы. И день и силы посвящены труду, и въ немъ самомъ награда. А для кого трудъ? Какіе будутъ плоды труда? Это соображенія постороннія и ничтожныя.

Левинъ часто любовался на эту жизнь, часто испытывалъ чувство зависти къ людямъ живущимъ этою жизнью, но вынче въ первый разъ, въ особенности подъ впечатлѣніемъ той прелестной идилліи которую онъ видѣлъ въ отношеніяхъ Ивана Парменова къ его молодой женѣ, Левину въ первый разъ ясно пришла мысль о томъ что отъ него завистить перемѣнить ту столь тягостную его праздную, искусственную и личную жизнь, которою онъ жилъ, на эту трудовую, чистую и общую жизнь.

Старикъ, сидѣвшій съ нимъ, уже давно ушелъ домой; народъ весь разобрался. Ближніе уѣхали домой, а дальніе собрались къ ужину и ночлегу въ лугу. Левинъ, незамѣчаемый народомъ, продолжалъ лежать на колаѣ и смотрѣть, слушать и думать. Народъ оставшійся ночевать въ лугу не спалъ почти всю короткую лѣтнюю ночь. Сначала слышался общій веселый говоръ и хохотъ за ужиномъ, потомъ опять пѣсни и смѣхи.

Весь длинный, трудовой день не оставилъ въ нихъ другаго слѣда кромѣ веселости. Передъ утреннею зарей все затихло. Слышались только ночные звуки неумокаемыхъ въ болотѣ лягушекъ, бекаса блявшаго барашкомъ гдѣ-то въ вышинѣ или вблизи и лошадей фыркавшихъ по лугу въ поднявшемся предъ утромъ туманѣ и толтавшихся слутанными ногами у воды. Левинъ всталъ съ коламы, оглядѣвъ звѣзды и понявъ что прошла ночь.

„Ну, такъ что же я сдѣлаю? Какъ я сдѣлаю это?“ сказалъ онъ себѣ, стараясь выразить для самого себя все то что онъ передумалъ и перечувствовалъ въ эту счастливую, рѣшигельную для него ночь. Все что онъ передумалъ и перечувствовалъ раздѣлялось на три отдѣльные хода мысли. Одинъ, это было отреченіе отъ своей старой жизни, отъ своихъ бесполезныхъ знаній, отъ своего ни къ чему не нужнаго образованія, въ особенности отъ мечтаній семейной жизни, такъ онъ ее воображалъ себѣ прежде по образцу семейной жизни своего дѣтства. Это отреченье доставляло ему на-

наслажденъе и было для него легко и просто. Другія мысли и представленія касались той жизни которою онъ желалъ жить теперь. Простоту, чистоту, законность, несомнѣнность этой жизни онъ ясно чувствовалъ, и былъ убѣжденъ что онъ найдетъ въ ней то удовлетвореніе, успокоеніе и достоинство, отсутствіе которыхъ онъ такъ болѣзненно чувствовалъ. Но третій рядъ мыслей вертѣлся на вопросѣ о томъ какъ сдѣлать этотъ переходъ отъ старой жизни къ новой. И тутъ ничего яснаго ему не представлялось. „Имѣть жену—это первое и главное. Имѣть работу и необходимость работы. Оставить Покровское? Купить землю? Прилѣпиться въ общество? Жениться на крестьянкѣ? Какъ же я сдѣлаю это?“ олять спрашивалъ онъ себя и не находилъ отвѣта. „Впрочемъ я не спалъ всю ночь, и не могу дать себѣ яснаго отчета“, сказалъ онъ себѣ. „Я уясню послѣ. Одно вѣрно: эта ночь рѣшила мою судьбу. Всѣ мои прежнія мечты семейной жизни вздоръ, не то“, сказалъ онъ себѣ. „Все это гораздо проще и лучше...“

„Какъ красиво!“ подумалъ онъ глядя на странную и прелестную раковину изъ бѣлыхъ барашковъ-облачковъ, оставивавшуюся надъ самою головой его на серединѣ неба. „Какъ все прелестно въ эту прелестную ночь! И когда успѣла образоваться эта раковина? Недавно я смотрѣлъ на небо, и на немъ ничего не было—только двѣ бѣлыя полосы. Да, вотъ такъ-то незамѣтно измѣнилась и моя жизнь!“

Онъ вышелъ изъ луга и пошелъ по большой дорогѣ къ деревнѣ. Поднимался вѣтерокъ, и стало сѣро, мрачно. Наступила пасмурная минута предшествующая обыкновенно разсвѣту, полною побѣдѣ свѣта надъ тьмой.

Пожимаясь отъ холода, Левинъ быстро шелъ глядя на землю. „Это чтò, кто-то ѣдетъ“, подумалъ онъ, услыжавъ бубенцы, и поднималъ голову. Въ сорока шагахъ отъ него, ему навстрѣчу, по той большой дорогѣ-муравкѣ по которой онъ шелъ, ѣхала четверней карета съ важами. Дышловыя лошади жалась отъ колеи на дышло, но ловкій ямщикъ, бокомъ сидѣвшій на козлахъ, держалъ дышломъ по колеѣ, такъ что колеса бѣжали по гладкому.

Только это замѣтилъ Левинъ, и не думая о томъ кто это можетъ ѣхать, разсѣянно взглянулъ въ карету.

Въ каретѣ дремала въ углу старушка, а у окна, видимо только-что проснувшись, сидѣла молодая дѣвушка держась

бѣими руками за ленточки бѣлаго челчика. Свѣтлая и замутившая, вся исполненная изящной и сложной внутренней аботы жизни, она смотрѣла черезъ него на зарю восхода.

Въ то самое мгновение какъ видѣнье это ужь исчезало, радивые, нѣжные глаза взглянули на него. Она узнала его, удивленная радость вспыхнула въ ея лицѣ.

Онъ не могъ ошибиться. Только одни на свѣтѣ были эти глаза. Только одно было на свѣтѣ существо способное сосредоточивать для него весь свѣтъ и смыслъ жизни. Это была она. Это была Кити. Онъ понялъ что она ѣхала въ лекотокъ со станціи желѣзной дороги. И все то что волновало Левина въ эту бессонную ночь вдругъ исчезло. И тамъ только, въ этой быстро удалявшейся и переѣхавшей на другую сторону дороги каретѣ, тамъ только была возможность азрѣшенія столь мучительно-тяготившей его послѣднее ремя загадки его жизни.

Она не выглянула больше. Звукъ рессоръ пересталъ быть слышимъ, чуть слышны стали бубенчики. Лай собакъ показывалъ что карета проѣхала и деревню, и остались вокругъ ертыя, пустыя поля, деревня впереди, и онъ самъ одинокій и чужой всему.

Онъ взглянулъ на небо, надѣясь найти хоть тамъ ту равнину которую онъ любовался и которая выражала для него весь ходъ мыслей и чувствъ нынѣшней ночи. На небѣ не было болѣе ничего похожаго на раковину. Тамъ, въ недостигаемой тишинѣ, совершилась уже таинственная перемѣна. Не было и слѣда раковины, и былъ ровный, разстлавшійся по цѣлой половинѣ неба коверъ все уменьшающихся и уменьшающихся барашковъ. Небо поголубѣло и просіяло, и съ тою же нѣжностью, но и съ тою же недостигаемостью, отвѣтило на вопрошающій и умоляющій взглядъ.

„Нѣтъ, все вздоръ! Я могу себя понять только съ нею. Я переставалъ и не могу перестать любить ее.“

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ГРАФЪ ЛЕВЪ ТОЛСТОЙ.

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА ФРАНЦІИ

ЗА ПЕРВУЮ ЧЕТВЕРТЬ ГОДА.

Будущій историкъ, которому придется охарактеризовать настоящій періодъ политической жизни Франціи, будетъ вѣроятно поставленъ въ немалое затрудненіе. Какое качественное опредѣленіе прищеть онъ для этого страннаго періода? Въ жизни народовъ мы видимъ эпохи героическія, элическія, мрачныя, воинственныя; но какое прилагательное примѣнить для опредѣленія отличительнаго характера нынѣшней политической фазы Франціи? Какъ пойметъ будущій историкъ эти безпрестанныя перемѣны формъ правленія, эти безпрестанныя смѣны правительствъ; какъ пойметъ онъ этихъ случайныхъ правителей появляющихся вдругъ, неожиданно, у власти, и не увѣренныхъ 30го декабря такого-то года въ томъ, придется ли имъ принимать поздравленія на Новый Годъ; эти многочисленныя конституціи, не выслужившія, въ общей сложности, ни одна даже десятилѣтней давности, этихъ министровъ называющихъ себя съ первой же минуты *калифами на часъ*, и не рѣшающихся окончателно переѣзжать „всѣмъ домогъ“ на казенную министерскую квартиру; эти безцѣльныя парламентскія пренія, вращающіяся безплодно кругомъ одного и того же, какъ колесо около оси; эти палатскія представле-

нія начинающіяся громко и великолѣпно и заканчивающіяся убогими водевилями безъ развязки; эти случайные союзы, ссоры, сдѣлки, компромиссы, перемирія, разъединенія; эту скандальнѣйшую политико-парламентскую сплетню — продуктъ новѣйшаго издѣлія—пріобрѣтшую такое значеніе въ послѣднее время?

Что за странная панорама — этотъ восьмидесятипятнадцатилѣтній періодъ исторіи Франціи!

Законному королю, виновному въ томъ что онъ былъ либеральнѣе и добрѣе сорока предшествовавшихъ правителей, отрубаютъ голову. Монархическія эмблемы толчатыся въ грязь при изступленныхъ воляхъ народа, нахлобучившаго на себя фригійскій красный шутовской коллакъ. Появляются идолы — *богиня разума* — и народъ распивается въ грязи предъ этимъ разумнымъ кумиромъ. Царствуетъ паника и терроръ; головы валяются тысячами; стоитъ море крови. Изъ этого моря всплываетъ желѣзная фигура, гениальная и фатальная, и объявляетъ себя властелиномъ. Страна подобострастно преклоняется предъ этимъ новымъ кумиромъ, обнажаетъ голову и бросаетъ въ сторону свой фригійскій коллакъ. Съ тѣхъ которые не захотѣли расстаться съ этимъ головнымъ украшеніемъ, желѣзная фигура срываетъ его силою. Республканскія эмблемы толчатыся въ грязь при радостныхъ воляхъ народа; ихъ смѣняютъ императорскія. Пышный императорскій дворъ замѣняетъ бывшій королевскій; люди гибнутъ тысячами въ постоянныхъ битвахъ. Страна съ трепетнымъ восторгомъ взираетъ на эти гомерическія лобовища и провозглашаетъ властелина полубогомъ. Одна неудачная кампанія; нѣсколько проигранныхъ сраженій—побѣдоносный непріятель подступаетъ, въ свою очередь, подъ стѣны Парижа.... Страна вдругъ отворачивается отъ властелина, объявляетъ его тираномъ, кровопійцею, и съ восторженными волями встрѣчаетъ наследника законнаго короля, сложившаго нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ голову на плахѣ. Проходитъ пятнадцать лѣтъ—мигъ въ жизни народа—страна сваливаетъ снова короля и провозглашаетъ республику (на этотъ разъ безъ фригійскаго коллака), при восторженныхъ воляхъ народа. Нѣсколько недѣль спустя республика смѣняется новою монархіей, „конституціонною“. Нація восторженно привѣтствуетъ „конституціоннаго“ монарха. Проходитъ немного лѣтъ—валится и эта монархія; народъ съ восторженными

волями привѣтствуетъ республику. Наступаетъ 2е декабря 1851 года и государственный переворотъ Лудовика-Наполеона. Провозглашается вторая имперія. Нація присматривается и кончаетъ тѣмъ что восторженно привѣтствуетъ и этотъ режимъ. Два мѣсяца до Франко-Прусской войны семь милліоновъ пятьсотъ тысячъ человекъ, на десять милліоновъ избирателей, высказываются за имперію (плебисцитъ). Наступаетъ Седанскій погромъ; французскія арміи разлетаются въ прахъ, разбитыя Германцами. Нація предаетъ проклятію имперію и провозглашаетъ республику. Съ этихъ поръ всѣ ждутъ, одни имперію, другіе монархію, третьи — куріозное дѣло! — республику. Какую? спросите вы, если они уже имѣютъ счастье обрѣтаться въ республикѣ? — *Окончательную!*

Странно, дико звучитъ это прилагательное примѣняемое къ какому-нибудь изъ режимовъ провозглашаемыхъ во Франціи за послѣднія восемьдесятъ пять лѣтъ.

Скажутъ что періодъ этотъ переходный. Можетъ-быть.... Для всего на этомъ бѣломъ свѣтѣ, при нѣкоторомъ стараніи, можно подыскать отлустительныя формулы; но, во всякомъ случаѣ, этотъ „переходный“ періодъ несетъ характеръ самаго шаткаго отношенія Французскаго народа, отъ мала до велика, къ жизненнымъ вопросамъ своего политическаго бытія.

Взгляните на истекшую сессію. Началась она 30го ноября прошлаго года, закрылась 20го истекшаго марта. Эти сто восемь дней парламентскихъ засѣданій разбиваются на два періода поразительно разнствующихъ между собою по характеру дѣятельности семисотъ представителей страны.

Первый періодъ, отъ 30го ноября по 6е января, представляетъ благообразное и утѣшительное зрѣлище какой-то парламентской Аркадіи: тишина, спокойствіе, двадцатиминутныя засѣданія самаго мирнаго свойства; отсутствіе всякихъ острыхъ споровъ, бурныхъ преній, тщательное устраненіе всякихъ *incidents* могущихъ, по существу своему или по характеру затронутыхъ личностей, возбудить политическія страсти и подать поводъ къ парламентскимъ рѣзкостямъ. Словомъ, образцовыя, но въ высшей степени безсодержательныя засѣданія.

Второй періодъ, отъ 6го января по день закрытія сессіи, напротивъ, изобилуетъ бурными сценами, столкновеніями, преніями зачастую разнузданными до крайности, ознаменованъ паденіемъ кабинета, продолжительнѣйшимъ и залунав-

нѣйшимъ министерскимъ кризисомъ, и вообще напичканъ значительными событіями.

Почему эта рознь? — Почему?... это „почему“ такъ куріозно что подлежало бы величайшему сомнѣнію, еслибы неопровержимые документы не подтверждали его безусловно. Слушайте, но прежде позвольте напомнить вамъ слѣдующее:

Страна управляется учрежденіемъ называемымъ палатою или національнымъ собраніемъ. Этому учрежденію власть была, очевидно, вручена не для собственнаго удовольствія и забавы, а для того чтобы заботиться о странѣ и оказать возможно болѣе благотвѣтельное вліаніе на ея благосостояніе. Власть эта занялась возложеннымъ на нее дѣломъ, занялась... какъ вы знаете — мы уже довольно говорили съ вами объ этомъ. Положеніе страны, вслѣдствіе подобнаго управленія, не только не поправилось, но ухудшилось. Власть разбилась на нѣсколько частей, изъ которыхъ одна мечтала возродить одно, другая возстановить другое, третья провозгласить третье. Ни то, ни другое, ни третье не удалось. Убѣдили власть что не имѣя возможности организовать ни одной изъ трехъ вещей — монархіи, имперіи и республики — ей оставалось одно, сложить съ себя званіе и отказаться отъ миссіи вылоадить которую она, чуть ли не по собственному сознанію, была немооща. Власть отвѣтила на это нѣчто въ родѣ того что произнесъ маршалъ Макъ-Магонъ при взятіи Малакова Кургана: *J'y suis, j'y restel*. Странѣ отъ этого нисколько не лучше — хуже. Это довольно ясно напомнимають власти, которая рѣшается, ничего не рѣшивъ, разойтись... на время, *чтобы дать передышку странѣ*. Вотируется четырехмѣсячная вакація до декабря. За время этой вакаціи страна здохнула нѣсколько свободнѣе. На пятый мѣсяць, 30го ноября, власть снова собирается и хочетъ приступить къ „обычнымъ занятіямъ“. Всеобщая тревога.

Тутъ-то появляется то куріозное „почему“ о которомъ помянуто выше.

Готовой приступить къ „обычнымъ занятіямъ“ власти яворять слѣдующую необычайную вещь:

„Послушайте, скоро Новый Годъ, праздники. Вамъ конечно извѣстно что для мелкой торговли это самое бойкое время. Подумайте только, если вы приметесь теперь за ваше зло, вы убьете и эту торговлю, какъ успѣли уже убить худшую торговлю и промышленность. Поэтому, если можно,

отложите до поры до времени, до послѣ праздниковъ, ваши заботы о благоустройствѣ страны.“

На это удивительное предложеніе, власть отвѣтила что соглашается отложить въ сторону, до первыхъ чиселъ января, всѣ важнѣйшіе вопросы по благоустройству страны, а до тѣхъ поръ будетъ заниматься лишь *текущими или неполитическими дѣлами*.

Иначе говоря, власть согласилась сдѣлать для преуслѣванія торговли аляскинами и рождественскими грошовыми сюрпризами то что наша излишнимъ сдѣлать для жизненныхъ интересовъ страны. Вотъ причина по которой первый періодъ минувшей сессіи изображалъ какую-то парламентскую Аркадію.

По общему согласію членовъ палаты, законодательная власть въ теченіе всего декабря занялась исключительно вопросами неполитическими.

Замѣчательное дѣло! для власти, при такихъ условіяхъ, почти не нашлось занятій! Двадцатиминутныя или получасовыя засѣданія; трибуна стояла пустая; вопросы президента — вещь до сего невыслышанная — въ родѣ слѣдующихъ: „имѣетъ ли кто-нибудь что-нибудь сказать?“ и это чуть ли не вслѣдъ за чтеніемъ протокола прошедшаго засѣданія; пустая скамейка, пустая трибуна, пустыя засѣданія.

Наступаютъ рождественскіе праздники и разумѣется требуются для депутатовъ праздничныя вакаціи. Одинъ депутатъ, въ виду благодатнаго состоянія, производимаго бездѣйствіемъ палаты, предлагаетъ продлить вакаціи до 14го января; другой депутатъ находитъ еще болѣе удобнымъ разойтись до 1го февраля, а почтенный г. Малартръ, специалистъ по части вакацій палаты, полагаетъ за лучшее продлить рождественскія вакаціи до Пасхи, дабы „слить“ ихъ съ пасхальными!!

Наконецъ 24го декабря палата расходится на праздники, условившись почтить до 6го января отъ своихъ декабрьскихъ занятій.

Здѣсь начинается второй періодъ, бурный и калчканый событіями всякаго рода.

За декабрьское затихше, столь не сродное версальскому парламентаризму, палата вознаградила себя сразу, съ перваго же дня.

Чрезвычайно бурное засѣданіе, президентское посланіе и

паденіе министерства — таково балаясь перваго дня настоящих послѣдствіи трудовых палаты. Такой рѣшительный приступъ не преминулъ отозваться обычнымъ образомъ тотчасъ же на торговомъ и промышленномъ движеніи страны. Все вздрогнуло, тревожно прислушиваясь къ версальскимъ отголоскамъ, и приостановилось. Биржа, съ своей стороны, послѣдила отвѣтить на такой результатъ перваго дня парламентскихъ занятій. Отвѣтъ былъ коротокъ и ясенъ: курсъ понизился въ двадцать четыре часа на семьдесятъ сантимовъ.

Такой дебютъ втораго періода истекшей сессіи можно было впрочемъ предвидѣть почти навѣрняка, принимая во вниманіе, съ одной стороны, навязанное палатѣ декабрьское парламентское постычканіе, столь ей не сродное и непривычное, съ другой — несчастный результатъ сдѣланныхъ во время праздниковъ попытокъ къ соглашенію между обоими центрами.

Эти попытки были предприняты по личной инициативѣ маршала - президента. 30 декабря, къ президенту собрались звѣзды первой величины политическихъ группъ, усѣлись самымъ дружественнымъ, чуть ли не интимнымъ образомъ у чайнаго стола и говорили битыхъ пять часовъ. 31го декабря повторилось то же: собрались, усѣлись у чайнаго стола и поговорили пять часовъ съ лишнимъ. Изъ этихъ двухъ продолжительныхъ политическихъ бесѣдъ ничего рѣшительно не вышло, и не могло выйти. Звѣзды первой величины ни до чего не договорились, потому вѣроятно что не услѣли ни выслушать, ни понять другъ друга, по слѣдующимъ причинамъ часто мѣстнаго свойства.

Каждый изъ государственныхъ мужей Франціи имѣетъ свою собственную правительственную программу, свой собственный проектъ государственнаго переустройства, тщательно выработанную политическую линію. Каждый изъ нихъ, довольный своимъ твореніемъ, и слушать не хочетъ того что предлагаютъ другіе. Силень онъ, — онъ противится, любѣдель, бевсилень, нравственно любить, — онъ подчиняется привольно, оппозируя пассивно. Отсюда это мѣстное фигуральное выраженіе: *on nous l'impose*, говоря о какомъ-нибудь нелюбезномъ режимѣ. Самообожаніе это поразительно для свѣжаго человѣка. Всѣ положительно, начиная съ самыхъ даровитыхъ, дѣльныхъ — съ Тьера на примѣръ — всѣ заражены

этимъ. Говоря—они слушаютъ себя, саушая—они больше всего думаютъ о томъ что и какъ отвѣтить, какъ „блеснуть отвѣтомъ“. Проникнуться же тѣмъ что говорить оппонентъ, они считаютъ чѣмъ-то въ родѣ излишней траты времени. При такихъ условіяхъ дебаты и пренія могутъ затянуться на вѣчныя времена и кружиться безысходно около одного и того же, что впрочемъ и доказано какъ нельзя нагляднѣе тѣми результатами которые далъ французскій парламентаризмъ за послѣдніе три года. Короче говоря, каждая изъ звѣзд первой величины послѣдила заявить о томъ что *хочетъ дать*, вмѣсто того чтобы объявить что *можетъ принять* какъ *maximum* уступокъ.

Это праздничное безцѣльное переливаніе изъ пустаго въ порожнее было названо „послѣднею попыткою соединенія центровъ національнаго собранія“.

Вернемся къ первому дню парламентской сессіи послѣ рождественскихъ вакацій. Засѣданіе открылось чтеніемъ посланія президента собранію.

Въ этомъ блѣдномъ документѣ говорилось и настаивалось на томъ о чемъ не договорились участвовавшіе въ „послѣдней попыткѣ“, а именно объ утвержденіи чего-нибудь болѣе прочнаго, конечно въ отношеніи селтеаната. Президентское посланіе состояло изъ двухъ совершенно отдѣльных пунктовъ. Первый изъ этихъ пунктовъ можно назвать президентскимъ, второй—министерскимъ.

Въ первомъ маршалъ снова приглашаетъ приступить немедленно къ разсмотрѣнію конституціонныхъ законовъ (повтореніе того что было уже сказано 9го іюля прошлаго года). Во второмъ правительство настаиваетъ на томъ чтобы первенство въ дебатахъ было дано законопроекту касающемуся учрежденія сената.

Національное собраніе сразу и рѣзко раздѣлило посланіе президента, согласно обоимъ пунктамъ, на двѣ части. Первую оно приняло, давъ свое согласіе на немедленное разсмотрѣніе конституціонныхъ законовъ. Вторую оно отвергло, при большинствѣ полуторага голосовъ. Всѣ лѣвыя, крайнія права и группа воззванія къ народу (бонапартисты) вотировали противъ.

Предвидѣть такой результатъ можно было навѣрное. Что побудило правительство патронировать такъ рѣшительно „первенство“ для преній о второй палатѣ? Палата объявила

свое *veto*—что легко можно было предсказать за недѣлю; министерство поклоилось и подало въ отставку.

Наступившій такъ-называемый министерскій кризисъ былъ на этотъ разъ особенно затруднительнаго, ложнаго и остраго свойства. Положеніе которое натягивалось въ теченіе столькихъ мѣсяцевъ дошло повидимому до крайней степени возможной растяжимости. Струна на которой такъ долго наигрывались всевозможные компромиссы, сдѣлки, обходы, словомъ, болѣе или менѣе искусныя варіаціи на одну и ту же тему, угрожала наконецъ лопнуть. Хотя маршалъ-президентъ и объявилъ сгоряча въ первый день что не желаетъ помѣщать въ *Официальномъ Журналь* отставку министровъ пока новый кабинетъ не будетъ окончательно сформированъ (что давало поводъ предполагать о непродолжительности кризиса), но по мнѣнію опытныхъ людей заматорѣлыхъ въ сложной наукѣ политическихъ подвиговъ,* дѣло на этотъ разъ было особенно трудно, и надѣяться быстро покончить съ кризисомъ нельзя было. Уже одно то что самые спокойные и разумные политики, въ виду состава будущаго министерства, начали дѣлать окачки отъ Дюфора (съ программой лѣваго центра) къ круто-реакціонерному проекту кабинета Броль—Фурту, уже одно это доказываетъ до чего руководяція головы не знали ни какой политической линіи держаться, ни что дѣлать.

То же можно было сказать и о правительствѣ, потому что повидимому и президентъ, и ладшее министерство до послѣдней минуты своей жизни не знали что дѣлали. Два депутата, изъ двухъ совершенно разныхъ политическихъ лагерей, очень вѣрно опредѣлили это странное правительственное лаутаніе. Герцогъ д'Одифре-Пакье, правый централистъ,** на предложеніе вступить въ составъ кабинета, отвѣтилъ слѣдующее:

— Я вступаю только тогда въ кабинетъ когда буду знать куда „намѣрены идти“, а въ особенности куда намѣренъ идти маршалъ.***

* Между прочимъ, извѣстный лубащистъ и политическій пророкъ, Эмиль де-Жирарденъ, вечеромъ перваго же дня кризиса, оказалъ слѣдующее: *Pour cette fois vous êtes dedans; l'abcès est trop mur, il crevera quand même.*

** Нынѣ президентъ Версаальскаго національнаго собранія.

*** *Je n'entrerai dans un cabinet que lorsque je saurai ou l'on va et surtout ou veut aller le maréchal.*

Эрнестъ Пикарь (членъ лѣваго центра), на заявленіе депутата Галонда о необходимости отсрочить засѣданія палаты на нѣсколько дней (заявленіе въ которомъ между прочимъ говорилось слѣдующее: *въ виду положенія въ какое поставлено министерство...*) сдѣлалъ такое замѣчаніе:

— Вѣрнѣе было бы сказать: *въ виду положенія въ какое поставило себя министерство! (Общій смѣхъ.)*

Вообще роль и положеніе принятое правительствомъ во всемъ этомъ были такъ странны и неясны что на пораженіе кабинета смотрѣли не какъ на протестъ противъ министерства, а скорѣе какъ на протестъ противъ орлеанистской агитаціи, противъ орлеанистскаго элемента, задуманною мечтою котораго было именно учрежденіе второй палаты или сената (стоить вспомнить только 22е мая 1874 года). Этотъ взглядъ казался тѣмъ болѣе вѣрнымъ что во многочисленныхъ спискахъ разныхъ проектированныхъ кабинетовъ (спискахъ начавшихъ бѣгать по рукамъ съ перваго же дня кризиса) ни разу не встрѣчалось имени подавшаго въ отставку министра внутреннихъ дѣлъ, генерала де-Шабодатура, — считавшагося главнымъ двигателемъ по части орлеанистской агитаціи.

Вліяніе же бонапартистскаго элемента, напротивъ, видимо усилилось съ первой же минуты кризиса. Рузрь громко и рѣзко обсуждалъ положеніе, и его словамъ внимали. Имя бывшаго министра Фурту (завѣдомо расположеннаго сильно къ бонапартизму, *bouapartiste honteux*, какъ здѣсь говорится) стало появляться во всѣхъ кабинетныхъ комбинаціяхъ. Органы бонапартизма стали кричать громче и рѣшительнѣе чѣмъ когда-либо.

Это положеніе принятое бонапартистскою партіей подало поводъ къ нелѣпнымъ слухамъ, державшимся нѣсколько времени весьма упорно, о возможности чего-то въ родѣ государственнаго переворота который бы совершилъ маршалъ-президентъ въ пользу юнаго Наполеона, называемаго имперіалистами четвертымъ. Слухи эти въ особенноти усилились послѣ удачныхъ для бонапартистовъ выборовъ въ департаментъ Верхнихъ Пиреней (17го января). Казо, кандидатъ бонапартизма, получилъ 29.770 голосовъ и былъ избранъ, побивъ септенналиста-республиканца Алико 6.500 голосами. Бонапартистскіе органы заливовали и стали прямо кричать что огромное большинство страны ждетъ не дожидется возврата имперіи.

Кризисъ продолжался; никакія комбинаціи не приводили къ путному результату, отставки министровъ, продолжавшихъ править своими частями „лишь изъ чувства гражданскаго долга“, не появлялись въ *Официальномъ Журналь*, и неопредѣленность въ которой обрѣталась исполнительная власть угрожала затянуться на долго. Положеніе на этотъ разъ казалось безвыходнымъ: противъ конституціонныхъ законовъ (въ особенности же противъ учрежденія второй палаты) въ консервативномъ смыслѣ были всѣ лѣвыя, бонапартисты и крайніе монархисты; противъ тѣхъ же законовъ въ республиканскомъ смыслѣ — всѣ правыя и опять-таки бонапартисты, главною цѣлью которыхъ было именно дѣлать возможныя помѣхи утвержденію всякаго окончательнаго или по крайней мѣрѣ устойчиваго режима. Въ самую затруднительную и острую минуту кризиса вдругъ вслывается снова и начинаетъ дѣйствовать и агитировать все съ большею и большею силою слишкомъ извѣстная фигура герцога де-Броля, дѣйствовать и агитировать въ пользу образованія кабинета, котораго онъ, де-Броль, былъ бы премьеромъ.

Какимъ образомъ герцогъ де-Броль, конституціоналистъ и сторонникъ скорѣйшаго декретированія палатою учредительныхъ законовъ выработанныхъ подъ его неусыпнымъ надзоромъ комиссіею тридцати, герцогъ де-Броль свалившійся при первой попыткѣ представленія національному собранію этихъ законовъ (22го мая 1874 года), — какимъ образомъ герцогъ де-Броль могъ явиться въ такую анти-конституціонную минуту, какъ говорится, *l'homme de la situation*?

Это легко объяснимо. Когда правительство окончательно зарвалось и подступила минута министерской катастрофы, вліяніе герцога въ правительственныхъ кружкахъ сразу усилилось, потому что этотъ ловкій человекъ доказывалъ, такъ сказать *in anima vili*, что по части консервативныхъ политическихъ плаговъ, которыхъ держались анти-республиканцы національнаго собранія, его программа оказалась на дѣлѣ еще самою устойчивою, твердою и откровенною. Да, откровенною, потому что консервативныя стремленія болѣе опредѣленно и рѣзко противопоставлялись либерально-республиканской оппозиціи.

Когда рухнуло послѣднее министерство, де-Броль объявилъ во всеуслышаніе что образовать новое, могущее представить

какое-нибудь большинство въ палатѣ, не было возможно, пока палата не выскажется наконецъ рѣшительно на счетъ вопроса благодаря которому столько кабинетовъ приказало долго жить, а именно пока палата не выскажется рѣшительно на счетъ конституціонныхъ вопросовъ. Относительно послѣдняго благородный герцогъ былъ совершенно правъ, такъ какъ переживаемый кризисъ, по выраженію Эмиля де-Жирардена, былъ „не министерскій, а политическій“.

На основаніи этого, когда новая попытка маршала образовать министерство изъ элементовъ большинства одержавшаго побѣду 6го января (то-есть изъ лѣвыхъ и крайней правой: Дюфоръ—де-Ларси), не увѣчалась успѣхомъ, герцогъ принялъ на себя сформировать кабинетъ со слѣдующею программой:

„Подавшее въ отставку министерство временно управлять дѣлами, до того времени пока палата не выскажется окончательно на счетъ учредительныхъ законовъ.“

„Затѣмъ, если законы (въ проектированномъ видѣ) будутъ приняты — что въ высшей степени сомнительно, — политическій путь для новаго кабинета прямо и логично указавъ. Если же законы будутъ отвергнуты, новое министерство, не компрометтированное нисколько въ вопросѣ о законахъ, вступить въ управление своими вѣдомствами и имѣть держаться слѣдующей политики: возможно скорое раслученіе.“

Новое положеніе принятое герцогомъ являлось результатомъ глубокаго убѣжденія что всякія попытки организовать личный септеннатъ не должны были привести ни къ чему при настоящемъ составѣ и состояніи партій палаты.

Между тѣмъ національное собраніе, покончивъ съ нѣкоторыми законами второстепеннаго значенія, приступило наконецъ къ обсужденію конституціонныхъ законопроектовъ. 20го января начались дебаты.

Первыми выступили на поприще крайніе монархисты съ своими анти-конституціонными протестами. Одинъ изъ столповъ легитимизма, депутатъ Карейонъ-Латуръ, въ страстной и блестящей рѣчи силился доказать „невозможность республиканскаго режима во Франціи“.

— Всѣ республики имѣли на страну губельное вліяніе, сказалъ между прочимъ Карейонъ-Латуръ, — потому что всѣ вели къ имперіи, которая въ свою очередь приводила насъ

каждый разъ къ непріятельскому нашествію и чуть ли не крайней погибели.

Далѣе, депутатъ правой атакуетъ Тьера.

— Онь (Тьеръ) обѣщаль всѣмъ намъ быть строго нейтральнымъ, и не взирая на это клятвенное обѣщаніе, сдѣланное въ одну изъ торжественнѣйшихъ и печальнѣйшихъ минутъ нашей исторіи, *il a fait pencher la balance au profit de la république* (онъ далъ перевѣсъ республикѣ).

Карейонъ-Латуръ заключилъ свою рѣчь обѣщаніемъ, отъ имени крайней правой, вотировать законы „необходимые для огражденія власти маршала, но не основныя“.

Наконецъ, ораторъ объясняетъ что при вотированіи семилѣтнихъ правъ и полномочій маршалу Макъ-Магону, легитимисты были если не кругомъ обмануты герцогомъ де-Бролемъ, то по крайней мѣрѣ введены въ заблужденіе.

— Насъ обвиняють въ томъ что мы будто бы не держимъ данного слова. Это невѣрно; мы просимъ только чтобъ исполнили то что намъ обѣщано... Когда мы дали наше соглашеніе, мы не могли подозрѣвать того что происходитъ теперь.

На это докладчикъ конституціонной комиссіи Вантавонъ возразилъ слѣдующею фразой:

— *L'honneur commande de tenir la parole même témérement engagée* (честь повелѣваетъ держать слово даже неосторожно данное).

Странное сужденіе въ устахъ одного изъ тѣхъ которые, можно сказать, вытянули это „неосторожно данное слово“.

Другой ораторъ крайней правой, Люсіенъ Брель, также налегъ съ особенною силой на то что легитимисты были будто бы „обмануты кругомъ 20го ноября 1873 года“ (вотированіе септенната).

Понятно что герцогъ де-Броль, *Deus ex machina* септенналистской операціи 20го ноября, счелъ долгомъ явиться на трибунѣ чтобъ опровергнуть сылавшіяся на него со всѣхъ сторонъ обвиненія. Что могъ онъ сказать, не взирая на всю свою ложкость и умъ, въ опроверженіе вводимого на него обвиненія? Общія мѣста, ловкія фразы, маккиавеллическія, искусно излучистыя. На протестъ монархистовъ относительно того что семилѣтній срокъ выжидательнаго режима не можетъ и не долженъ касаться законной монархіи и законнаго короля, герцогъ отвѣтилъ:

— Коль скоро палата сама оталаа у себя право что-либо

измѣнить относительно срока полномочій маршала, это право нельзя было предоставить никому, ни въ средѣ собранія, ни внѣ его". *

Рауль Дюваль, одинъ изъ даровитѣйшихъ и независимѣйшихъ членовъ группы *voix élevées au peuple*, возражаетъ на упомянутое что онъ самъ, Рауль Дюваль, обращаясь къ герцогу съ вопросомъ: „будемъ ли мы имѣть право провозгласить монархію въ теченіе этихъ семи лѣтъ, и что на такой вопросъ герцогъ ничего не отвѣтилъ. Призванный къ порядку за сличкомъ рѣзка заключенія относительно „орлеанистской продѣлки“ 20го ноября, Дюваль мѣтко охарактеризовалъ слѣдующею фразой мнѣніе консервативныхъ фракцій, искусно вовлеченныхъ въ орлеанистскую интригу 20го ноября, относительно образа дѣйствій герцога де-Броль.

— *Je disais seulement que les explications fournies par M. le vice-président du conseil (Броль) du 20 novembre ont pour le moins manqué de lucidité.* **

За анти-конституціонными монархистами, на трибуну выступили республиканскіе ораторы. Атаковать законопроектъ выработанный комиссіею, доказать ихъ непригодность и требовать конституціи основанной на республиканскомъ началѣ, такова была цѣль всѣхъ рѣчей произнесенныхъ представителями республиканской идеи.

Первымъ началъ Жюль Фавръ. Рѣчь его, длинную, яркую, можно назвать аргументомъ рѣчи Карейонъ-Латура, потому что ораторъ доказывалъ непригодность и вредъ монархическаго режима для Франціи, необходимость республиканской формы правленія и пр. Рѣчь эта произвела странное впечатлѣніе. Всѣ, и монархисты и умѣренные республиканцы, востали противъ злосчастнаго оратора. Первые обвиняли Фавра въ клеветѣ, въ извращеніи исторической истины; вторые нашли, „оставая въ сторонѣ ораторскія первостепенныя достоинства рѣчи, что она ни на шагъ не подвинула вопроса, ничего не разъяснила, а только расправила новыя раны, разожгла

* Or, quand l'assemblée s'était retiré à elle même le droit de rien changer à la durée des pouvoirs du Maréchal, on ne pouvait le laisser à personne, ni au sein de cette assemblée, ni ailleurs.

** Я только сказала что объясненія даннымъ господиномъ вице-президентомъ совѣта 20го ноября грѣшили по меньшей мѣрѣ неясностью.

новыя страсти и, можетъ-быть, отстранила нѣкоторыхъ изъ *неръшительныхъ* отъ республики“ (Тетра).

Послѣ этой блестящей, но неудачной и неполитичной рѣчи, приступлено было къ баллотированію, и палата большинствомъ 557 голосовъ противъ 146 рѣшила перейти ко „второму чтенію“ законопроектовъ.

Послѣ такого принятія „въ ансамбль“ конституціонныхъ законовъ, начались чтенія отдѣльныхъ статей (первое чтеніе).

Законопроектъ о второй палатѣ прошелъ чрезвычайно легко, при „почтенномъ“ большинствѣ. Депутаты повидимому взглянули на этотъ разъ гораздо практичнѣе на дѣло и сочли совершенно излишнимъ терять время въ ненужныхъ спорахъ при первомъ чтеніи, когда всегда предстояла возможность забраковать и отвергнуть при второмъ и третьемъ чтеніи то чтѣ было принято при первомъ. Логика, правда, теряла нѣсколько въ этомъ, за то выигрывалось время.

Двадцать восьмага января состоялось второе чтеніе конституціонной статьи объ образѣ правленія. При этомъ произошло нѣчто чрезвычайно замѣчательное, съ одной стороны, дающее въ нѣкоторой степени ключъ къ неожиданной „Валлоновской развязкѣ“, * съ другой, указывающее на сколько умѣренный республиканизмъ можетъ, на самомъ дѣлѣ, разчитывать на радикализмъ какъ на союзную силу.

Послѣ нѣкоторыхъ республиканскихъ и консервативныхъ предложеній о редакціи статьи гласящей объ образѣ правленія, на трибунѣ появился лѣвый централистъ Лабулъ съ своимъ широко-развитымъ проектомъ. Ораторъ началъ съ того что доказалъ различнымъ монархическимъ фракціямъ палаты безплодность ихъ усилій для утвержденія любезнаго каждой изъ нихъ режима. „Вы пробовали утвердить монархію. Гдѣ же вашъ король? Онъ уклоняется и, наконецъ, развѣ онъ подчинится волѣ народной? Вы (легитимисты) это знаете. Почему же вы отказываетесь исполнить вашъ долгъ — организовать страну?“ Монархистамъ-конституціоналистамъ Лабулъ сказалъ что вслѣдствіе „слиянія“ (фузиі) сторонники июльской монархіи потеряли право и надежду на восстановление ихъ режима. „Что же касается бонапартизма,—продолжалъ ораторъ,—его возвратъ не можетъ дать ни slopesвѣстія, ни свободы. Воспоминаніе о Седанѣ слишкомъ живо и горько,

* Касательно принятія радикалами послѣдней конституціи.

чтобъ имперія не почувствовала немедленно необходимости начать войну и смыть прошедшее.“ *

Затѣмъ авторъ переходитъ къ восхваленію республики. „Пострадала ли собственность за это время? Угрожала ли какая-нибудь опасность религіи? Не возвратили ли орлеанскимъ принцамъ ихъ конфискованное наслѣдство? Напротивъ, республика поддержала порядокъ и защищала общество“, и пр.

Возраженія и протесты правой посыпались на оратора. „Правленіе о которомъ вы говорите не республика, кричатъ ему въ отвѣтъ на это мѣсто рѣчи:—иное было бы при радикалахъ!“

Лабулѣ заключаетъ предложеніемъ слѣдующей конституціонной статьи гласящей объ образѣ правленія:

„Правительство республики состоитъ изъ двухъ палатъ и президента.“ **

Рѣчь Лабулѣ произвела впечатлѣніе на нервѣшительныхъ консерваторовъ. Послѣ нея должны были приступить къ голосованію статьи о формѣ правленія. Монархисты сильно встревожились. Помимо невыгоднаго для нихъ вліянія рѣчи Лабулѣ, они замѣтили еще другое; многіе изъ депутатовъ правыхъ группъ палаты удалились изъ залы засѣданія въ томъ предположеніи что никакого голосованія не могло произойти въ тотъ день (по недостатку времени), такъ что республиканское большинство могло совѣмъ неожиданно осилить консерваторовъ, находившихся далеко не въ полномъ составѣ. Но тутъ на выручку монархистовъ явился..... Луи Бланъ, радикальный депутатъ.

Здѣсь надо вамъ припомнить что правительственные программы умѣреннаго республиканизма и радикализма разставовали между собою *du tout au tout*, какъ говорятъ Французы. Умѣренные республиканцы признавали двѣ палаты и президента какъ главу исполнительной власти. Радикалы же признавали лишь одну палату, безъ всякаго президента. Эта рознь была большою помѣхой для республиканцевъ,

* Le souvenir de Sedan est trop récent pour que l'Empire n'éprouve pas le besoin presque immédiat de recommencer la guerre et de laver le passé.

** Le gouvernement de la république est composé de deux chambres et d'un président.

такъ какъ ихъ конституціонный проектъ встрѣчалъ такимъ образомъ оппозицію не только въ консервативныхъ группахъ, но и въ радикальномъ лагерѣ. Поэтому всѣ усилія умѣренныхъ были направлены на то чтобъ убѣдить радикаловъ примкнуть къ лѣво-централистскому конституціонному проекту. Усилія эти къ началу января увѣчались полнымъ успѣхомъ: „Друзья наши созрѣли и поняли насъ наконецъ“, говорили умѣренныя газеты. „Намъ надо примкнуть во имя республики“,—говорили въ свою очередь радикальные листки. Словомъ, крайняя лѣвая согласилась подать голосъ за проектъ Дюфора или за какой другой составленный въ томъ же духѣ. На словахъ, *убѣжденія* играли главную роль въ этой политико-парламентарной аферѣ, на самомъ же дѣлѣ тутъ было совсѣмъ другое. Радикалы разумѣется внутренно не уступили ни на іоту своимъ случайнымъ политическимъ друзьямъ, но надѣялись, какъ не разъ уже случалось, что уступивъ имъ на время, они употребятъ ихъ подножкой когда представится случай и возможность.

Въ такомъ положеніи было это дѣло, когда послѣ рѣчи Лабуль, предъ самымъ голосованіемъ конституціонной статьи объ образѣ правленія, Луи Бланъ счелъ долгомъ появиться на трибунѣ и, къ величайшему негодованію *своихъ*, радикально разгромить „учрежденіе президентства“. Отъ собственнаго имени и отъ имени друзей своихъ, Эдгара Кинэ, Пейра, Мадье де-Монжо, Ординера, Марку и другихъ гражданъ-представителей столь же багроваго закала, Луи Бланъ объявляетъ что „по совѣсти“ они не могутъ вотировать за президентство, потому что „президентство ведетъ прямо къ диктатурѣ. *Наша совѣсть воспрещаетъ намъ это*“, закончилъ онъ.

При этихъ словахъ въ залѣ собранія произошло куріозное явленіе; правыя неистово аплодируютъ радикальному оратору, лѣвыя шикаютъ, кричатъ и требуютъ чтобы Луи Бланъ пересталъ говорить.

Поучительные аплодисменты, поучительное шиканье!

Голосованіе было отложено до слѣдующаго дня. Засѣданіе 29го января открылось голосованіемъ предложенія Лабуль. Оба лагеря, консервативный и республиканскій, явились въ полномъ составѣ на состязаніе. Началось собраніе голосовъ, за которыми съ обѣихъ сторонъ зорко слѣдили, дабы еще до

повѣрки приблизительно узнать результатъ. Вдругъ въ лѣвомъ лагерѣ все зашевелилось: разнесся слухъ что недостаетъ только трехъ голосовъ чтобы предложеніе Лабулэ было принято. Луи Блана, Пейра и Эдгара Кинэ окружаютъ и убѣждаютъ идти вотировать за конституціонный проектъ.

— Идите, ради Бога, вотируйте за предложеніе.

— Да какъ же намъ за него вотировать когда не раньше какъ вчера мы торжественно высказались противъ и объявили что наша совѣсть заставляетъ насъ такъ дѣйствовать?

— Ну пожалуста, для насъ.... Такъ вѣдь республика утвердится.... Только и не хватаетъ что трехъ голосовъ.

— Да вѣдь это будетъ не та республика которой мы желаемъ. Эта по нашему мнѣнію губельна для страны.

— Ну, для насъ! Ради Бога! не губите республику!

— Вы хотите чтобы мы шли противъ убѣжденій всей нашей жизни.

— Да вѣдь мы же идемъ, чѣмъ же мы хуже?

— Право нельзя.

— Ну что вамъ значить.

— Ахъ! какіе вы право!

И потащили Луи Блана, Пейра и Эдгара Кинэ подавать голоса. Эти три мужа ползали съ повуренными глазами и положили утвердительные бюллетени предложенію Лабулэ.

Увы! гражданскій подвигъ этотъ пропалъ даромъ. Счетчики ошиблись: предложенію Лабулэ не хватило еще двадцати чetyрехъ голосовъ чтобы быть принятымъ.

Послѣ неудачи постигшей предложеніе Лабулэ, президентъ національнаго собранія представляетъ текстъ соотвѣтствующей статьи законопроекта выработаннаго коммиссіею, приблизительно слѣдующаго содержанія:

„Законодательная власть состоитъ изъ двухъ палатъ,—палаты депутатовъ и сената. Палата депутатовъ избирается всеобщею подачею голосовъ. Сенатъ состоитъ изъ членовъ на половину избранныхъ всеобщею подачею голосовъ, на половину назначенныхъ главою исполнительной власти.“

Слово „республика“ ни разу не встрѣчается въ предложенной статьѣ. Благодаря этой искусной редакціи вышеизложенная статья была принята огромнымъ большинствомъ національнаго собранія.

Едва состоялось это голосованіе какъ на трибунѣ появи-

ся высокій, массивнаго сложенія старикъ, съ рѣзкими, энергическими чертами лица, сѣдою окладистою бородою и густыми нависшими бровями. Не говоря уже о лубайкѣ, имени этого человѣка не знали даже многіе изъ депутатовъ. Старикъ ровнымъ и спокойнымъ голосомъ предложилъ палатѣ такую добавочную статью къ только-что принятой:

„Президентъ республики избирается большинствомъ голосовъ соединенныхъ палатъ. Онъ избирается на семь лѣтъ. Онъ можетъ быть вновь избранъ.“

Эта статья заключала въ себѣ актъ признанія республиканскаго режима. Предложеніе не могло быть тутъ же положено на голоса: докладчикъ комиссіи Тридцати, Вантавонъ, появивъ опасность могущую произойти для монархическаго дѣла еслибы добавочная статья была принята палатою, просилъ отложить голосованіе ея до слѣдующаго дня, подъ предлогомъ дать время комиссіи разсмотрѣть внесенный проектъ, и въ томъ разчетѣ что консервативный лагерь услѣдетъ за это время собрать силы для образованія нужнаго большинства.

На другой день имя старика предложившаго „добавочную статью“ стало извѣстно Франціи и всему образованному міру. Это былъ г. Валлонъ, именемъ котораго и окрещена послѣдняя конституція Французскаго народа.

Въ этотъ слѣдующій день, 30го января, было баллотировано предложеніе Валлона и принято при большинствѣ *одного* голоса (352—353). Да еще при этомъ депутатъ Гену заявилъ что не положилъ отрицательнаго бюллетеня *по ошибкѣ!* Такимъ образомъ предложеніе Валлона имѣло счастье изобразить математическій центръ мнѣній палаты.

Это было откровеніемъ. Ищущіе какого-нибудь конституціоннаго исхода поняли наконецъ чего надо было приблизительно держаться, оставивъ совершенно въ сторонѣ анти-конституціонныя группы крайнихъ монархистовъ. Началась „пробы пера“: безчисленное множество проектовъ конституціонныхъ статей. Справа и слѣва рѣшились, какъ скоро опредѣлилось это благое движеніе къ развязкѣ, на нѣкоторыя обоюдныя уступки. Можно смѣло сказать, безъ всякой фигуральности, что съ этой минуты появившіеся одинъ за другимъ проекты представляли каждый смягченный полумомъ предшествовавшаго ему проекта. Появились умѣреннѣшія

предложенія Сезаяна, * Делакура, ** Ваддингтона, *** Вотрена **** и Клялье. † Но и на этотъ разъ преимущество осталось за Валлономъ, имѣвшимъ или счастье или природныя данныя чтобы снова попасть въ настоящую точку и сосредоточить около своего проекта наиболѣе голосовъ.

Но какъ странно все это вотировалось и чего-чего не успѣло быть принятымъ и отвергнутымъ въ эти двѣ недѣли, въ теченіе которыхъ разразился надъ депутатами этотъ градъ всяческихъ проектовъ и предложеній! Принятіе предложенія Валлона, иначе говоря, признанія республики, большинствомъ *одного* голоса; принятіе слѣдующей статьи того же Валлона большинствомъ *двадцати* голосовъ; принятіе всего законопроекта вообще (*l'ensemble de la loi*) большинствомъ *ста двадцати* голосовъ; принятіе закона о сенатѣ на чисто избирательномъ началѣ (предложеніе Пискаля Дюпра) большинствомъ *десяти* голосовъ; принятіе различныхъ организаціонныхъ статей этого сената, каждой при этомъ большинствѣ, все возраставшемъ, варьируя отъ *двадцати* до *ста тридцати* голосовъ, и наконецъ.... наконецъ, для увѣнчанія этихъ законодательныхъ усилій, отверженіе всего законопроекта о сенатѣ большинствомъ *двадцати двухъ* голосовъ. Не смотря на все это, чувствовалось тягостное влѣво и проекты Валлона приобрѣтали съ каждымъ днемъ болѣе шансовъ на успѣхъ.

* Предложеніе Сезаяна: „Сенаторы имѣютъ быть избраны всѣми членами законодательнаго корпуса составленнымъ изъ: 1) депутатовъ департаментовъ; 2) генеральныхъ совѣтниковъ; 3) отъ каждой коммуны по одному представителю избранному изъ среды муниципальнаго совѣта, или изъ него“.

** Предложеніе Делакура: „Сенаторы имѣютъ быть избраны генеральными совѣтниками и делегатами, по одному отъ каждой коммуны“.

*** Предложеніе Ваддингтона: „Сенатъ будетъ составленъ изъ 250 сенаторовъ избранныхъ слѣдующимъ образомъ: 195 избирательныхъ корпусовъ (генеральные совѣтники, окружные совѣтники) 45, назначенныхъ палатою, 15 Институтовъ“.

**** Предложеніе Вотрена: „Сенатъ имѣетъ быть избранъ лицами избранными въ свою очередь посредствомъ всеобщей подачи голосовъ (*election au second degré*)“.

† Предложеніе Клялье: „Треть сенаторовъ назначены президентомъ, двѣ трети—избраны всеобщей подачей голосовъ.“

Между тѣмъ кабинетная комбинація шла своимъ порядкомъ и не приводила ни къ чему, забирая то круто вправо, то влѣво, то приостанавливаясь на полуоборотѣ, то задерживаясь на срединѣ. Однако въ виду движенія влѣво, опредѣлившагося вдругъ въ палатѣ вслѣдствіе успѣха предложеній Валлона, присутствіе герцога де-Броля оказалось невысказаннымъ въ будущемъ кабинетѣ. Въ правительственныхъ кружкахъ убѣдились въ необходимости также принять влѣво. Съ этой минуты однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ выступаетъ Дюфоръ, лѣвый централистъ умѣреннѣйшаго отъ тѣнка; онъ является чѣмъ-то въ родѣ соединительнаго звена центровъ.

Усилія Дюфора не остались безплодными. Въ виду предстоящаго третьяго и послѣдняго чтенія конституціонныхъ законопроектовъ, чтенія рѣшительнаго, лѣвая предприняла сдѣлать нѣкоторые авансы правымъ конституціоналистамъ. Правая съ своей стороны (здѣсь, разумѣется, подразумѣвается только правый центръ) послѣдила искать какого-нибудь компромисса, надѣясь осуществить наконецъ вещь казавшуюся до тѣхъ поръ невозможною на практикѣ, а именно соединеніе центровъ. Маршалъ Макъ-Магонъ съ своей стороны объявлялъ что такъ какъ назначеніе части сената президентомъ есть единственный пунктъ на который не хотѣли сдаться лѣвые, то онъ готовъ отказаться отъ этой „личной прерогативы“, въ виду скорѣйшаго соглашенія. Конституціонное большинство, разнородное, движимое чуть ли не противоположными интересами, но тѣмъ не менѣе согласное по крайней мѣрѣ относительно одного, необходимости скорѣйшаго провозглашенія конституціи, повемному обрисовывалось и спланивалось.... на время, конечно, на самое короткое время.

Крайніе монархисты и бонапартисты были внѣ себя отъ неожиданнаго успѣха послѣднихъ попытокъ сліянія конституціонныхъ консерваторовъ съ республиканцами и употребили всѣ усилія дабы разстроить ненавистное имъ соглашеніе. Между прочимъ они пытались поселить снова раздоръ между срединными группами палаты посредствомъ интерпелляціи о правительствѣ 4го сентября. Они разчитывали что споръ приметъ особенно острый характеръ и что центры раздѣлятся во мнѣніяхъ и въ голосованіяхъ. Съ другой стороны, эти двѣ группы были чрезвычайно недовольны „уступчивостью“ маршала, и объявили что и знать не хотятъ

сената на тѣхъ началахъ на которыхъ были готовы принять его правительство и президентъ. Мало того, комиссія тридцати (большинство ея монархисты), въ виду движенія пролившагося въ палатѣ, а также вслѣдствіе положенія принятаго правительствомъ, объявила что сохраняетъ свой проектъ и что не приметъ во вниманіе ни предложенія Валлона, ни кого другаго. Иначе говоря, комиссія хотѣла сохранить маршалу право отъ котораго послѣдній самъ добровольно отказался, право назначать сенаторовъ. Правда что комиссія считала что дѣло здѣсь идетъ не о какомъ-нибудь правѣ, не о личномъ преимуществѣ, а объ интересахъ консервативныхъ идей.

Въ довершеніе всей этой политической сумятицы, въ послѣдніе дни предшествовавшіе третьему чтенію конституціоннаго законопроекта, проявилась и слѣва оппозиція противъ предложенія Валлона о сенатѣ. Гриви и его группа нашла этотъ проектъ слишкомъ благоприятнымъ бонапартизму.

Медиаторы удвоили усилія въ виду этихъ затрудненій и complicацій поднявшихся съ разныхъ сторонъ и услѣли, за два дня до срока назначеннаго для вотирования конституціонныхъ законовъ, снова кое-какъ слотить консервативные и республиканскіе „союзные“ элементы, разлѣзавшіеся было опять въ стороны.

Наконецъ наступило 22е февраля, день назначенный для окончательныхъ конституціонныхъ дебатовъ, и партіи схватились. Произошла жаркая парламентская битва. Анти-конституціоналисты не хотѣли сдаваться, отступали шагъ за шагомъ, яро отстаивая каждую лядъ, каждый клочокъ земли.

Послѣ чтенія проекта комиссіи, *—совершенно излишняя процедура, такъ какъ всѣ знали что послѣдній плодъ учредительныхъ трудовъ комиссіи не будетъ принятъ большинствомъ палаты,—на трибунѣ появляется Валлонъ. Онъ предлагаетъ измѣнить послѣднюю фразу статьи комиссіоннаго проекта ** слѣдующимъ образомъ: „сто несмѣняемыхъ сенаторовъ назначаются національнымъ собраніемъ“. Затѣмъ

* О второй палатѣ.

** Сенатъ состоитъ изъ 300 членовъ: 200 избранныхъ генеральными совѣтами и делегатами муниципальныхъ совѣтовъ на девяти-мѣсячный срокъ, 100 несмѣняемыхъ, назначаются президентомъ республики.

Валлонъ требуетъ для законопроекта безотлагательность, и коль скоро послѣдняя будетъ принята, немедленные дебаты.

Это было прологомъ баталіи. Первыми и на этотъ разъ выступили крайніе монархисты. Дюбоданъ, Белькастель и Делейръ бросаются одинъ за другимъ къ трибунѣ. Первый заявляетъ что не разслышалъ ни одного слова изъ прочитаннаго и требуетъ нѣсколько дней для размышленія,—обыкновенная парламентская уловка. Два другихъ требуютъ того же во имя устава національнаго собранія, одна изъ статей котораго гласитъ что „чтенія должны быть обдуманы обстоятельно“. За ними появляется Лоржериль, одинъ изъ столповъ легитимизма, и раздражается негодующею рѣчью. Президентъ Бюффе останавливаетъ слишкомъ зарвавшагося оратора.

— Вы всегда останавливаете меня когда я на трибунѣ восклицаю раздражительно Лоржериль.

— Призываю васъ къ порядку, отвѣчаетъ Бюффе.

— Это недостойно! раздаются крики въ легитимистской группѣ.—Въ такомъ случаѣ призывайте всѣхъ насъ къ порядку!

— Всѣхъ, всѣхъ! кричитъ неустово присутствовавшая публика въ отвѣтъ легитимистамъ.

За Лоржерилемъ появляется Ганиве и взываетъ къ какой-то статьѣ устава. Затѣмъ снова Белькастель, снова Делейръ. Всѣ эти усилія остаются втунѣ. Палата вотируетъ безотлагательность и немедленные дебаты для закона о сенатѣ.

Послѣ этого перваго пораженія анти-конституціоналистовъ пошли въ атаку бонапартисты. Рауль Дюваль, неутомимый ораторъ группы воззванія къ народу, появляется на трибунѣ и требуетъ чтобы весь сенатъ былъ избранъ всеобщимъ подачей голосовъ (предложеніе радикальнаго депутата Паскаля Дюпра, сперва принятое, потомъ отвергнутое палатою нѣсколько дней предъ тѣмъ). * Этимъ парламентскимъ маневромъ Дюваль надѣется оторвать крайнюю лѣвую отъ образовавшагося большинства. Онъ объясняетъ что возобновилъ въ настоящую минуту предложеніе Дюпра дабы видѣть какъ *господа радикалы подадутъ голоса противъ ихъ же проекта.* Для этого ловкій ораторъ требуетъ открытое голосованіе (*scrutin public*).

* Смори выше.

Увы! и усилія бонапартистовъ остаются тщетными. Президентъ объявляетъ Руаю Дювалю что уставъ воспрещаетъ открытое голосованіе какого-нибудь посторонняго предложенія, когда уже вотирована безотлагательность для другаго вопроса. Рауль Дюваль настаиваетъ, Бюффе опирается на уставъ, отказывается и запрашиваетъ палату *par assis et levé*. * Палата отвергаетъ просьбу Дюваля.

Противники конституціонныхъ законовъ не унываютъ послѣ новаго пораженія. Нѣсколько членовъ крайней правой требуютъ чтобы дебаты были отложены до завтра. Требованіе вотируется *par assis et levé*. Нѣсколько робкихъ головъ праваго центра, уstraшенныхъ этою отчаянною схваткой, отстаютъ отъ конституціоннаго большинства. Испытаніе *par assis et levé*, благодаря этому, объявляется сомнительнымъ; приступаютъ къ голосованію. Проходитъ полтора часа потеряннаго времени; наконецъ къ семи часамъ объявляютъ результатъ голосованія: продолженіе дебатовъ вотировано большинствомъ девяти голосовъ. Правая и бонапартисты неистовствуютъ, остальная часть палаты раздражена этими проволочками.

Наконецъ наступаетъ развязка. Является онъ же, Валлонъ, нежданый, негаданный *deus ex machina* конституціоннаго вопроса, и представляетъ свой проектъ. Новая атака крайнихъ монархистовъ, новыя усилія, новыя попытки отложить и задержать дебаты, усилія и попытки столь же тщетныя какъ предшествовавшія. Положенная на голоса, первая статья проекта Валлона принята 422 голосами противъ 261, то-есть при большинствѣ 161 голоса.

Главное было сдѣлано. Съ этой минуты можно было смѣло разчитывать что весь законопроектъ Валлона будетъ принятъ палатою. Дѣйствительно, не взирая на всѣ усилія анти-конституціоналистовъ, въ слѣдующіе два дня, 23го и 24го февраля, весь законъ о сенатѣ и двѣ первыя статьи Валлоновскаго проекта французской конституціи были вотированы національнымъ собраніемъ. Новое большинство съ каждымъ разомъ обрисовывалось все яснѣе и становилось день ото дня компактнѣе. Наконецъ въ четвергъ, 25го февраля,

* Кратчайшій способъ знать волю палаты относительно какого-нибудь второстепеннаго вопроса: одни вѣтаютъ, другіе продолжаютъ сидѣть. Если большинство сразу не очерчивается, приступаютъ къ голосованію.

въ пять часовъ полудни, Версальская палата 436 голосами противъ 262, то-есть при большинствѣ 174 голосовъ, провозгласила республиканскій образъ правленія для Франціи, снабдивъ предварительно послѣдую двума палатами и слѣдующею конституціей:

Статья 1я. Законодательная власть исполняется двума палатами: палатою и сенатомъ.

Палата депутатовъ избирается всеобщею подачей голосовъ, при условіяхъ опредѣленныхъ электоральнымъ закономъ.

Составъ, способъ назначенія и права сената будутъ опредѣлены спеціальнымъ закономъ.

Ст. 2я. Президентъ республики избирается абсолютнымъ большинствомъ голосовъ сената и палаты соединенныхъ въ національное собраніе. Онъ назначается на семь лѣтъ; онъ можетъ быть снова избранъ.

Ст. 3я. Президентъ республики можетъ, съ согласія сената, распустить палату депутатовъ до истеченія законнаго срока.

Въ этомъ случаѣ избиратели имѣютъ быть созваны для новыхъ выборовъ не позже какъ въ трехмѣсячный срокъ.

Ст. 4я. Министры солидарно отвѣтственны предъ обѣими палатами относительно правительственной политики вообще, и лично за ихъ личныя дѣйствія.

Президентъ республики отвѣтственъ только въ случаѣ государственной измѣны.

Ст. 5я. Для замѣщенія президента, въ случаѣ смерти или по какой другой причинѣ, обѣ палаты собираются немедленно и избираютъ новаго. Въ промежуткѣ времени до новаго избранія совѣтъ министровъ облеченъ исполнительною властью.

Ст. 6я. Палаты имѣютъ право, вслѣдствіе ли отдѣльныхъ рѣшеній принятыхъ въ каждой большинствомъ голосовъ или же по просьбѣ президента республики, объявить необходимость пересмотра конституціонныхъ законовъ.

Послѣ того что каждая изъ палатъ приметъ это рѣшеніе, онѣ соберутся для приступленія къ пересмотру.

Рѣшенія касающіяся пересмотра конституціонныхъ законовъ, всѣхъ вообще или только части оныхъ, должны быть приняты абсолютнымъ большинствомъ членовъ составляющаго національное собраніе. Однако, въ теченіи срока правъ

и полномочій предоставленныхъ маршалу Макъ-Магону закономъ 20го ноября 1873 года, этотъ пересмотръ можетъ не иначе состояться какъ по просьбѣ президента республики.

Ст. 7я. Мѣстопребываніе исполнительной власти и обѣихъ палатъ имѣеть быть въ Версалѣ.

Ст. 8я. Конституціонные законы будутъ декретированы только послѣ закона о сенатѣ.

Засѣданіе 25го февраля—по мнѣнію мѣстныхъ газетъ, историческое—ознаменовалось бурными сценами, до и послѣ голосованія вышериведенной конституціи. До голосованія лошли въ послѣдній разъ въ атаку легитимисты и бонапартисты. Д'Аббовиль, маркизь де-Франьяе, Ла-Рошетъ и Белькастель еще разъ взываютъ къ чувствамъ отгнавшихъ монархистовъ и умоляютъ ихъ одуматься. Неутомимый Рауль Дуваль, съ своей стороны, атакуеть каждую отдѣльную статью предложенной конституціи, анализуеть, критикуеть, предлагаеть измѣненія. Тщетны всѣ эти усилія. Конституціонное большинство не хочеть ничега слышать и ждетъ нетерпѣливо только одного—голосованія.

Послѣ принятія конституціи произошли сцены другаго рода. На трибунѣ появляется юный депутатъ Савари и читаетъ палатѣ докладъ объ избраніи бонапартистскаго депутата де-Бурговна, въ департаментъ Ньевры. Докладъ изоблачуеть розоблаченіями самаго остраго и недвусмысленнаго свойства относительно бонапартистской агитаціи въ Парижѣ и провинціи. Группа импералистовъ внѣ себя отъ этого чтенія.

— *C'est une infamie!*—вскрикуеть Аббатуччи, одинъ изъ депутатовъ этой группы.

Дѣвыя отвѣчаютъ свистками и шиканьемъ на это восклицаніе. Бонапартисты протестуютъ въ свою очередь. Словомъ, провозглашеніе республики ознаменовалось парламентскимъ скандаломъ.

Докладъ Савари произвелъ сильнѣйшее впечатлѣніе на палату. Въ присутствіи поразительныхъ фактовъ, подкрѣпленныхъ неопровержимыми доказательствами, и свѣдѣственная коммиссія по дѣлу избранія де-Бурговна и палата встревожились и поняли наконецъ что успѣвалъ сдѣлать бонапартизмъ въ странѣ пока они спорили и бранились въ палатѣ, и какихъ серіозныхъ и значительныхъ результатовъ достигла его пропаганда. Въ особенноти же поразилъ всѣхъ от-

казь министра юстиціи сообщить комиссіи главнѣйшіе документы по этому дѣлу. Но для одного дня всего этого было слишкомъ много—національное собраніе отложило рассмотрение доклада Савари.

На другой день послѣ „историческаго“ засѣданія, въ *Официальномъ Журналь* появилась слѣдующая правительственная записка:

„Послѣ вчерашняго сеанса, г. президентъ республики рѣшился поручить г. Бюффе образование министерства.

„Послѣ вотирования конституціонныхъ законовъ, какъ и до того, г. президентъ республики сохраняетъ твердую рѣшимость держаться консервативныхъ принциповъ, составляющихъ основу его политики съ тѣхъ поръ какъ ему вручена исполнительная власть національнымъ собраніемъ. Новый кабинетъ долженъ будетъ держаться этихъ принциповъ, которыми г. Бюффе преданъ не менѣе маршала Макъ-Магона. Его поддержать умѣренныя люди всѣхъ партій.“

Правительственное объявленіе произвело непріятное дѣйствіе на болѣе или менѣе радикальные элементы конституціонной лиги. Радикальные элементы возмечтали было что съ минуты вотирования конституціи, слово „консерватизмъ“ должно быть забыто правительствомъ.

Вслѣдствіе вотирования палатою конституціонныхъ законовъ, министерскій кризисъ вступилъ, какъ то свидѣтельствовала правительственная записка, въ новую фазу. Начались исканія Бюффе за новыми кабинетными комбинаціями.

Казалось что на этотъ разъ не должно было представиться никакихъ затрудненій для отысканія десятка людей олицетворявшихъ конституціонное большинство, но на дѣлѣ оказалось совсѣмъ другое. Оказалось что въ конституціонныхъ скрижаляхъ, въ мертвой буквы этихъ урѣзанныхъ, подточенныхъ, подпленныхъ, вывернутыхъ, перевернутыхъ отъ разъ и наконецъ кое-какъ прилаженныхъ фразъ, оказалось что въ этихъ восьми статьяхъ, никакого большинства не существовало. Согласившись, при помощи постеленныхъ обоюдныхъ уступокъ, и благодаря сочетанію нѣкоторыхъ обстоятельствъ, относительно такихъ-то и такихъ-то статей, разнородные элементы образовавшие конституціонную лигу очутились, коль скоро дѣло перешло на практичную почву, въ томъ же положеніи какъ и прежде. Республиканцы, притянутые искусственно къ центру, потянули за собою, консерваторы-

конституціоналисты—влраво. Цѣльмъ двѣ недѣли прошло въ тщетныхъ исканіяхъ, при крикахъ и протестахъ и республиканцевъ и консерваторовъ. И тѣ и другіе приписывали себѣ побѣду, и тѣ и другіе хотѣли первенствовать въ кабинетѣ. Первые находили что составъ министерства долженъ былъ быть чисто либеральный, лѣвоцентристскій; вторые, напротивъ, требовали продолженія той политики которой до тѣхъ поръ держалось министерство, и считали даже необходимымъ сохранить административный персоналъ герцога де-Броля. Надо было во что бы то ни стало торопиться съ образованіемъ кабинета, потому что, съ каждымъ днемъ, недавніе союзники все болѣе отшатывались другъ отъ друга и взаимныя ихъ отношенія становились натянутѣе.

Ко всему этому явилось новое затрудненіе въ сформированіи министерства, на сей разъ со стороны маршала-президента. Макъ-Магонъ объявилъ рѣшительно что желаетъ видѣть въ числѣ членовъ кабинета одного изъ депутатовъ побитаго анти-конституціональнаго меньшинства. Основываясь свое желаніе Макъ-Магонъ на томъ что считаетъ себя обязаннымъ предъ группами правой стороны палаты, вручившими ему власть въ 1873 году. Это было со стороны маршала очень благородно, но отнюдь не парламентарно.

Дюфоръ и другіе лѣвоцентристскіе кандидаты на министерствъ, узнавъ это, тотчасъ же отказались отъ предложенныхъ портфелей и объявили что не вступать въ кабинетъ одинъ изъ членовъ котораго принадлежалъ бы къ числу депутатовъ подавшихъ голосъ противъ конституціональныхъ законовъ. Въ виду упорнаго отказа лѣвыхъ центристовъ, Бюффе удалось убѣдить Макъ-Магона предоставить которе-нибудь изъ второстепенныхъ министерствъ *одному изъ депутатовъ правой, воздержавшихся отъ подачи голоса при востановленіи конституціи.*

Это замѣчательное предложеніе—злая иронія на воображаемую республиканско-консервативную лигу—было принято маршаломъ, и депутатъ правой Мо (одинъ изъ воздержавшихся при голосованіи конституціи) избранъ для вступленія въ кабинетъ. Лѣвые центристы уступили благородно въ этомъ случаѣ. Съ этой минуты образованіе кабинета не встрѣтило болѣе серьезныхъ препятствій, въ особенности же когда Бюффе, отказавшійся было въ началѣ отъ

портфеля, * согласился принять, съ вице-президентомъ совѣта, министерство внутреннихъ дѣлъ.

Наконецъ 11го марта, то-есть двѣ недѣли спустя послѣ окончательнаго вотированія конституціи, въ *Официальномъ Журналь* появился списокъ новаго министерства.

Вице-президентъ совѣта и министръ внутреннихъ дѣлъ Бюффе.

Министръ иностранныхъ дѣлъ—герцогъ Деказь.

Министръ юстиціи—Дюфоръ.

Министръ финансовъ—Леонъ-Се.

Военный министръ генераль—де-Сиссе.

Морской министръ—адмираль де-Монтаньякъ.

Министръ публичныхъ работъ—Кальйо.

Министръ народнаго просвѣщенія—Валлонъ.

Министръ земледѣлія и торговли—де-Мо.

Составъ этого кабинета, разбирая личность каждаго министра отдѣльно, замѣчательно блестящій: Дюфоръ и Бюффе государственные дѣятели выходящіе изъ ряду по своимъ способностямъ; Леонъ-Се замѣчательный финансистъ, герцогъ Деказь превосходный министръ иностранныхъ дѣлъ; генераль де-Сиссе, адмираль де-Монтаньякъ и Кальйо отличные еспециалисты по своимъ частямъ. Къ сожалѣнію, взятые всѣ вмѣстѣ эти блестящіе дѣятели далеко не внушаютъ того довѣрія которое внушаетъ каждый изъ нихъ взятый порознь. Можно ли надѣяться чтобъ эти люди, положившіе всю предыдущую свою жизнь на служеніе прямо противоположнымъ убѣжденіямъ и интересамъ, отрѣшились вдругъ отъ своего прошлаго, тѣсно, дружно сплотились и образовали то въ чемъ Франція, въ настоящую минуту, болѣе всего нуждается, а именно, однородное правительственное цѣлое.

Какъ только обнаругованъ былъ списокъ министерства 11го марта, почти всѣ мѣстныя газеты сочли долгомъ помѣстить на своихъ столбцахъ, подъ спискомъ министровъ, предполагаемую программу новаго кабинета. И что же, между этими пятнадцатью-двадцатью программами появившимися 12го марта въ разныхъ газетахъ, не было двухъ которыя сходились бы между собою! До того неясное, неопредѣленное, туманное впечатлѣніе произвелъ съ первой же минуты этотъ сборный кабинетъ.

* Онъ желалъ быть вице-президентомъ совѣта безъ портфеля.

Того же 12го марта, Бюффе прочелъ палатѣ „декларацию“, иначе говоря программу, министерства. Эта декларация, строго консервативная, вислолько не отступающая по предлаченной политической линіи отъ образа дѣйствій предыдущихъ кабинетовъ, возбудила величайшее негодованіе въ республиканскомъ и радикальномъ лагеряхъ.

— Стоило намъ взваливать себѣ на плечи подобную безобразную конституцію чтобы снова ничего не добиться! воскликнулъ при этомъ кто-то въ республиканскомъ лагерѣ.

Республиканскіе листки и всѣ группы лѣвой набросились на Бюффе и на его сторонниковъ. Консервативныя газеты—вчерашнія союзницы, и правые централисты набросились въ свою очередь на республиканцевъ. Началась жаркая полемика, споры и брань. Въ палатѣ, депутаты лѣвой выступили снова съ запросами правительству. Конституціонный консерватизмъ сталъ опять препираться съ республиканизмомъ. Словомъ, все пошло по старому и отъ пресловутаго консервативно-республиканскаго союза осталось только восемь статей послѣдней французской конституціи. Осталось впрочемъ также провозглашеніе *окончательной* республики во Франціи.

Двадцатаго марта палата разошлась, назначивъ 10е мая днемъ открытія будущей парламентской сессіи.

ПЕТРЪ ПЕТРОВЪ.

РЕАЛЬНАЯ БЕЛЛЕТРИСТИКА

Сочиненія Ф. М. Рѣшетникова. Изданіе К. Т. Солодатовскаго. Съ портретомъ автора. Два тома. Москва, 1874.

Никому изъ нашихъ беллетристовъ журналистика не оказала такой услуги, какъ Рѣшетникову. Про этого писателя можно сказать что онъ цѣликомъ выдуманъ журналистикою и навязанъ ею публикѣ. Извѣстность которою онъ пользуется основывается не на его произведеніяхъ — ихъ мало кто читалъ, — но на отзывахъ журнальной и газетной критики. Явленіе весьма замѣчательное, хотя оно и перестаетъ удивлять насъ, какъ скоро мы поставимъ его въ связь съ общимъ движеніемъ нашей литературы въ періодъ шестидесятихъ годовъ, къ которому относится дѣятельность Рѣшетникова. Тѣмъ не менѣе все-таки достойно вниманія что несмотря на долговременное и настойчивое возвеличиванье этой литературной посредственности, критика до сихъ поръ не сказала о ней ничего далѣе голословныхъ, общихъ фразъ, не сумѣла указать опредѣленнымъ образомъ тѣхъ предполагаемыхъ высокихъ достоинствъ на которыхъ основывается литературная репутація Рѣшетникова. Говорили обыкновенно что авторъ *Подлинскаго* вышелъ изъ народа, что онъ знаетъ народъ, что его разказы безыскусственны; но мало ли кто вышелъ изъ народа, знаетъ народъ и пишетъ безыскусственно, то-есть не литературно и не очень грамотно? Пого-

воривъ на эту тему, критика обыкновенно хваталась, какъ за послѣднюю опору, за извѣстную фразу г. Тургенева, выразившагося въ своихъ отрывкахъ изъ литературныхъ воспоминаній что произведенія Рѣшетникова отличаются *трезвою правдою*. Эта *трезвая правда* была радостно подхвачена нашею журналистикой и повторена ею безчисленное множество разъ. Поймавъ фразу г. Тургенева критика усложнилась, словно задача ея была рѣшена сама собою. Въ статьѣ г. Глѣба Успенскаго, предпосланной новому изданію сочиненій Рѣшетникова, опять все сводится ни къ чему иному, какъ къ тому же вердикту г. Тургенева о трезвой правдѣ. Біографъ Рѣшетникова ничѣмъ другимъ не находится помануть своего любимаго писателя, какъ „вѣчнымъ спасибо за простую и глубокую правду о простомъ русскомъ человѣкѣ“, хотя по его же собственному разъясненію правда эта зародилась въ Рѣшетниковѣ довольно страннымъ образомъ и въ довольно странномъ мѣстѣ, именно за дверью въ углу. „Цѣлый годъ, разказываетъ г. Успенскій о Рѣшетниковѣ, онъ провелъ въ домѣ дяди, сидя въ углу за дверью и думая о себѣ и о своемъ прошломъ, и здѣсь впервые зародилась въ немъ та симпатичная и дорогая черта его будущихъ произведеній, которую принято характеризовать словомъ *правда*.“ Но очевидно что правда, хотя бы зародившаяся въ углу за дверью, еще не даетъ достаточныхъ правъ на литературную репутацію. Правда есть только одинъ изъ элементовъ входящихъ въ авторскую индивидуальность, и сама по себѣ не составляетъ писателя. Притомъ, правда правдѣ розь. Если мы скажемъ что лѣтомъ жарко, а зимою холодно, что рыбы плаваютъ въ водѣ, а зайцы скачутъ по землѣ — это будетъ правда, совершенно трезвая правда, но литературы тутъ совсѣмъ не будетъ. Литературная правда заключается въ вѣрномъ и искреннемъ отношеніи автора къ изображаемой дѣйствительности и въ правдоподобности повѣстическаго вымысла, а не въ томъ чтобъ изображать дѣйствительность сырьемъ, отмѣчать безъ всякаго выбора составляющія ея подробности и разказывать человѣческую жизнь съ внѣшнею точностью и внутреннею безпорядочностью записной книжки.

Новое полное изданіе сочиненій Рѣшетникова, снабженное біографическимъ очеркомъ его жизни, подаетъ намъ поводъ провѣрить сложившуюся въ извѣстной части журналистики *оцѣнку* этого писателя и опредѣлить мѣсто занимаемое имъ

въ литературѣ. Мы предпринимаемъ эту попытку безъ всякаго предвзятаго отношенія къ названному писателю и будемъ разсматривать его произведенія совершенно независимо отъ того къ какому направленію примыкалъ авторъ и какъ пользовались имъ въ извѣстномъ литературномъ лагерѣ. Предъ нами будетъ просто беллетристическій матеріалъ, въ оцѣнкѣ котораго мы останемся вѣрны тѣмъ самымъ требованіямъ какія предъявляли къ другимъ беллетристическимъ произведеніямъ.

Пользуясь біографическою статьей г. Успенскаго, мы прежде всего постараемся дать отчетъ о тѣхъ умственныхъ и нравственныхъ средствахъ съ которыми Рѣшетниковъ вступилъ въ литературу. Если произведенія какого-нибудь писателя справедливо считаются результатомъ полученнаго имъ образованія и вынесенныхъ имъ жизненныхъ впечатлѣній, то понятно что предварительное знакомство съ духовнымъ матеріаломъ какимъ владѣлъ авторъ выступая на литературное поприще, чрезвычайно существенно для оцѣнки его литературной производительности.

Рѣшетниковъ былъ человѣкъ несомнѣнно и глубоко несчастный въ своей жизни. Въ послѣднее время критика наша очень много занимается разслѣдованіемъ крайне неблагоприятныхъ обстоятельствъ при которыхъ сложилась жизнь Бѣлинскаго и которыя безъ сомнѣнія роковымъ образомъ отравились на его журнальной дѣятельности. Но условія при которыхъ воспитался Рѣшетниковъ—неизмѣримо хуже. Бѣлинскій могъ бы считать себя баловнемъ судьбы и счастливымъ человѣкомъ, сравнительно съ Рѣшетниковымъ. Гнетущая бѣдность преслѣдовавшая знаменитаго критика въ его молодые годы не даетъ понятія о той абсолютной нищетѣ и умственной тѣмѣ которыя окружали юность Рѣшетникова. Авторъ *Подмитюцевъ* родился въ средѣ которую динъ изъ дядей его опредѣлялъ словами: „между нищими и редкими“, и такое опредѣленіе скорѣе свисходительно чѣмъ строго. Отецъ Рѣшетникова сначала былъ дьячкомъ въ Екатеринбургѣ и велъ нетрезвую жизнь; потомъ поступилъ въ почтаальоны и въ этомъ званіи кажется остался до конца, не измѣняя своей страсти къ спиртнымъ напиткамъ. Съ женой онъ жилъ такъ плохо что она ушла отъ него къ его брату въ Пермь, гдѣ скоро умерла, оставивъ девятимѣсячнаго сына на попеченіе дяди, служившаго также въ почтовой конторѣ.

Обстановка въ которую попалъ въ Перми будущій писатель была ужасна. Бѣдность доходила до того что несмотря на дешезвизну жизни, огурцы оказывались роскошью совершенно недоступною карману дяди. Жалованья его не хватало также чтобы позволить себѣ употребленіе чая. Въ этой жизни три копѣйки составляли сумму о которой писались письма и возможность найти которую возбуждала сомнѣнія. Кажется, единственною роскошью какую позволяли себѣ отецъ и дядя Рѣшетникова, была переписка: служба въ почтовой конторѣ, они могли посылать письма безплатно. За то и допекала же ихъ эта самая служба. „Не знаю—писалъ отецъ Рѣшетникова—за что преслѣдуетъ меня почтмейстеръ съ самаго моего прибытія. Живу какъ должно: какъ у дельщика, или у крѣпостнаго, сюртукъ не слѣзаетъ съ плечъ.... Я мѣсяца съ три всяко вытягался для почтмейстера, а онъ меня такъ уважилъ что лучше нельзя.“ Въ другомъ письмѣ читаемъ: „Почтмейстеръ проситъ чтобы меня перевели къ нему; но сохрани меня небесная сила отъ такого ига; онъ тамъ восталъ изъ меня оставшійся сокъ вытянетъ.“

Умственный и нравственный уровень этой среды былъ конечно не выше ея матеріальнаго положенія. Искусившіеся въ терпѣніи и покорности, дядя и тетка Рѣшетникова старались воспитать эти качества и въ своемъ племянникѣ. Средствами служили безпрестанное битье и дранье. „Били его—повѣствуетъ біографъ—положительно за все и притомъ всѣ, кто хотѣлъ и считалъ нужнымъ, а иной разъ и безъ всякой надобности. Ребенокъ вездѣ лѣзъ и колотилъ его тоже вездѣ. Дядя принесъ лубочную картинку и сталъ разсматривать—воспитанника разобрало любопытство, онъ потянулъ картину къ себѣ и разорвалъ пололамъ—, за это дядя меня такъ ударилъ что я ударился головой объ полъ, изо рта пошла кровь“. Одна *Самоземная Исторія* ветхаго и новаго завѣта съ картинками, книга единственная во всемъ домѣ, сколько неисчислимымъ бѣдъ причинила маленькому Рѣшетникову! Картинки постоянно привлекали къ ней его вниманіе, и постоянно, аккуратно каждый разъ какъ только книга попадала ему въ руки, онъ непремѣнно получалъ ударъ этой же книгой въ голову. Чтобы отдѣлаться отъ нея, онъ засунулъ ее въ лещку; книгу вытащили, но „за это, говоритъ Рѣшетниковъ, дядя долго дралъ меня ремнемъ“. Били его также и за то что любить сказки, а не молятся за отца и мать,

торыхъ никогда не видалъ. Захочетъ онъ, напимѣрь, подѣлаться къ дядѣ, оказать ему услугу, чтобы побжать за Каму „рыбачить“—примется чистить ему салоги: чистить и старается до тѣхъ поръ пока тетка не выхватитъ изъ его рукъ щетки и не ударитъ ею по головѣ. Нельзя, конечно, ожидать чтобъ эти воспитательные приемы благотворно дѣйствовали на мальчика: маленькій Рѣшетниковъ ожесточался и не находилъ выхода изъ окружавшей его нравственной тьмы. Онъ сталъ придумывать „удивительнѣйшія мерзости“, какъ выражается его биографъ, относящій впрочемъ эту злую изобрѣтательность къ „природной даровитости“ будущаго писателя. „Ему ничего, напимѣрь, не стоило—разказываетъ тотъ же писатель—засунуть въ квашню или кадку съ водою дохлаю кошку, измазать въ грязи чистое развѣшенное бѣлье, вытащить изъ самовара кранъ, забросить его черезъ заборъ и распаять самоваръ, и т. д.“ Онъ сдѣлался истиннымъ божескимъ наказаніемъ цѣлому двору, истиннымъ врагомъ всѣмъ и каждому; вскорѣ ему не было другаго имени, кромѣ „воръ“, „поганая рожа“; его вихры, уши и щеки сдѣлались общимъ достояніемъ. Били и ругали всѣ, и онъ ругалъ всѣхъ, воевалъ со всѣми, запуская камнями, кусался, билъ враговъ по лицу и въ то же время не уставалъ изобрѣтать еще новыя и новыя пытки врагамъ своимъ. „Меня отдеруть, говоритъ Рѣшетниковъ, я сяду куда-нибудь въ уголъ и думаю: что бы мнѣ еще такое сдѣлать, да такъ, чтобы никто не узналъ“. Развитіе ребенка въ этой темной средѣ было до такой степени ограничено что онъ съ удивленіемъ и любопытствомъ разсматривалъ мебель, платье, какія случалось ему увидѣть въ первый разъ....

Десяти лѣтъ отдали его въ бурсу, гдѣ продолжались тѣ же истязанія и тотъ же мракъ. Переносить бурсацкую жизнь стало ему невтерпѣжъ и онъ бѣжалъ, ночевалъ въ колокольнѣ; а поутру вышелъ на рѣку, гдѣ стояли рыбацкія лодки. Въ шалашѣ нашелъ онъ краюху хлѣба, и по пріобрѣтенной привычкѣ вредить кому можно и гдѣ можно, повертѣвъ въ лодкѣ дыру, распласталъ неводъ и обрѣзалъ нѣсколько удочекъ. Тогда бурсаковъ, вышедшая на поиски за нимъ, скоро нашла его и, связавъ, приволокла по кочкамъ въ бурсу. Тамъ ему была задана „баня“, послѣ которой бѣглець два мѣсяца пролежалъ пластомъ въ лазаретѣ. Оправившись, онъ вновь бѣжалъ, бросилъ въ воду своей бурсацкій сюртукъ, вымазался

грязью и пошелъ по заводскимъ домамъ и кабакамъ просить хлѣба „Христа ради“. Рабочіе были къ нему жалостливы. „Много, говоритъ онъ, увидѣлъ я здѣсь хорошаго. Мнѣ такъ понравилась простота ихъ, что я хотѣлъ на всю жизнь остаться у нихъ“. Бродяжничая, онъ попалъ въ руки нищихъ, которые насильно таскали его съ собою, заставляли плясать и поили водкой. Наконецъ одна женщина, часто бывавшая у его дяди, узнала его и привела домой, гдѣ ему задали новую „баню“. Послѣ этого-то втораго побѣга и просидѣлъ онъ цѣлый годъ въ углу за дверью въ домѣ дяди, и здѣсь-то и зародилась въ немъ, по свидѣтельству его біографа, „симпатичная и дорогая черта его будущихъ произведеній, которую принято характеризовать словомъ *правда*“. Біографъ свидѣтельствуется что въ это время, подъ вліяніемъ всеобщей ненависти и одиночества, въ десятилѣтнемъ Рѣшетниковѣ „начался процессъ глубокаго анализа окружающихъ, близкихъ къ нему людей“; къ сожалѣнію, мы не знаемъ никакихъ фактовъ объ этомъ процессѣ, а изъ послѣдующаго узнаемъ что еще много лѣтъ спустя Рѣшетниковъ находился на такой безпомощной степени умственнаго и нравственнаго развитія, которая устраняетъ всякую мысль о какомъ-нибудь „глубокомъ анализѣ“.

Чрезвычайно грустно то что передаетъ біографъ о первомъ свиданіи Рѣшетникова съ отцомъ. Это случилось вскорѣ послѣ возвращенія его въ домъ дяди. Однажды вечеромъ, когда ребенокъ уже легъ спать, „дядя привелъ съ собою какого-то человѣка въ почтальфонской одеждѣ, обрюзгаго, съ отекившимъ лицомъ. Человѣкъ этотъ постоянно болѣзненно кашлялъ и разказывалъ о томъ какъ онъ несчастливъ, какъ къ нему несправедливы, какъ его бьютъ. Страхъ и радость охватили Рѣшетникова при видѣ отца, но когда сынъ подошелъ къ нему, бѣдный отецъ не зналъ что сказать... „Большой выросъ“, произнесъ онъ. „Что жъ ты не цѣлуешь отца?“ „Да что мнѣ его цѣловать-то?“ И больше ничего. На другой день, разговорившись съ теткой о сынѣ, отецъ упрасивалъ ее: „Дери ты его... что есть мочи дери“.

Нельзя не удивляться настойчивости съ которою дядя, изнемогавшій въ нищетѣ, продолжалъ возиться съ племянникомъ, и употреблялъ всякія усилія чтобы вывести его по своему разумѣнію на надлежащую дорогу. Онъ заставилъ его ходить въ уѣздное училище, гдѣ продол-

жалось то же дрянье и гдѣ повидимому было также мало
 нищи для умственнаго развитія ребенка. Рѣшетниковъ уже
 не замышлялъ бѣготва, и „старался только стать въ концѣ
 шеренги предвзначенной къ свѣченію, потому что къ концу
 ея сторожъ уставалъ. Иногда онъ отдѣлялся гривенни-
 комъ, который зарабатывалъ, занимаясь въ почтовой конто-
 рѣ составленіемъ крестьянамъ писемъ.“ Учителей онъ дога-
 дался задобривать иначе: отправлялъ имъ задаромъ письма,
 доставлялъ получаемую на ихъ имя корреспонденцію и но-
 силъ къ нимъ тайкомъ съ почты газеты, которыя по про-
 чтенію закидывалъ за заборъ въ сѣвгъ. Разъ ему случилось
 закинуть такимъ образомъ одинъ казенный пакетъ и его от-
 дали подъ уголовный судъ. Дѣло тянулось два года, и по
 судебному рѣшенію малолѣтній преступникъ былъ отосланъ
 на покаяніе въ монастырь. Біографъ удостовѣряетъ что эти
 тяжкіе два года были весьма знаменательны въ жизни Рѣ-
 шетникова, такъ какъ сознаніе виновности въ немъ „возрос-
 ло до высшей степени“, „мысль его была возбуждена до выс-
 шей степени“. По соображеніямъ г. Успенскаго, „мысль ма-
 ленькаго Рѣшетникова должна была работать надъ всѣмъ
 механизмомъ окружавшей его жизни, вникать въ самыя мель-
 чайшія подробности этого механизма“. Къ сожалѣнію, мы
 опять не находимъ никакихъ свѣдовъ подобнаго внутрення-
 го процесса, и встрѣчаемъ Рѣшетникова въ послѣдствіи на
 той же невысокой стелени развитія, не допускавшей ника-
 кого подъема мысли.

Трехмѣсячное пребываніе въ монастырѣ не оказало на Рѣ-
 шетникова благотворнаго вліянія. Сначала въ немъ съ силою
 пробудилось религіозное чувство, но безпорядочная жизнь
 монаховъ охладила этотъ порывъ. Негодованіе противъ дур-
 ныхъ примѣровъ, съ какими встрѣчался онъ въ монастырѣ,
 также не долго тревожило его: къ концу своего пребыванія въ
 обители, онъ уже съ удовольствіемъ принимаетъ участіе въ
 грубыхъ развлеченіяхъ новыхъ друзей своихъ. „И такъ я чуд-
 но и весело проводилъ время съ монахами, писалъ онъ предъ
 отъѣздомъ изъ монастыря; они меня помилъ пивомъ и, а ча-
 сто приходилъ домой пьянымъ. Да и воѣ меня любили, сер-
 децво, и я тоже лпиталъ свою любовь къ нимъ. Иногда объ-
 далъ и спалъ въ кельяхъ... Словомъ, очень весело я проведъ
 время съ доброю братьею и въ особенности тогда какъ жили
 живо...“ Біографъ поясняетъ въ этомъ мѣстѣ что монастырь

ское ливо обмкновенно наставлялось на листовомъ табакѣ. „Ирочно и печально, продолжаетъ Рѣшетниковъ, что я разлучаюсь съ моими друзьями, истинными христианами. Но что дѣлать, дядя мой единокровный хочетъ этого. Но я еще когда-нибудь могу поступить въ монастырь и мнѣ хочется кончить жизнь тамъ, гдѣ живутъ только мирно.“

Рѣшетниковъ жилъ не въ самомъ монастырѣ, а на квартирѣ у родственниковъ, принадлежавшихъ также къ сословию почталіоновъ. Въ этой средѣ онъ также завелъ себѣ друзей и ходилъ съ ними въ почталіонскомъ смортуки выпрашивать *новогоднее*. Ему удалось добыть такимъ образомъ 1 р. 15 к. и потомъ еще 45 к. и на эти деньги онъ купилъ себѣ помады, за что и получилъ отъ дяди строгій выговоръ. „Освѣдомился я—писалъ ему дядя—что ты всталъ въ привычку шататься и въ карты играть съ почталіонами и примазывать помадой и свадьбы смотрѣть, а за этия откроются и другія пакости, за которыя ты подвергнешся хотя и не тяжкому, но все-таки наказанію и до смерти твоей нарицанію и пороку. Не лучше ли тебѣ было и будетъ заниматься науками, или ты хочешь быть и вести жизнь въ дурацкомъ положеніи, которое для тебя будетъ лучше—выбирай то или другое. Я ужъ не могу тебѣ дать заочно какое-либо наставленіе, потому что ты и въ глазахъ моихъ вотъ какъ уже насолилъ что я по гробъ не долженъ забыть сдѣланныя тобою пакости, за добродѣтель мою, не воспитаніе и хорошее содержаніе...“

По отбытіи трехмѣсячной элитиміи, Рѣшетниковъ возвратился въ Пермь. Ему было тогда шестнадцать лѣтъ отъ роду. Нельзя не обратить вниманія на то что въ послѣдніе два года совершились событія чрезвычайной важности. Россия жила лихорадочною жизнью, среди безпримѣрнаго напряженія всѣхъ силъ; подъ стѣнами Севастополя рѣшались самыя кровяныя ея интересы. Все это, повидимому, прошло совершенно безслѣдно для Рѣшетникова и для среды въ которой онъ вращался. Биографъ не указываетъ чтобы въ лисмахъ или дневникѣ его сохранились какіе-либо слѣды тяжелыхъ впечатлѣній подъ бременемъ которыхъ жилъ въ ту годину Русскій народъ. Событія проходили, оставаясь словно совершенно чуждыми этой темной средѣ.

Рѣшетниковъ опять поселился у дяди и сталъ ходить въ первый классъ уѣзднаго училища. О томъ, на какой отоме-

на развитіи стояла тогда его мысль и его литературные вкусы и приемы, можно судить по следующим строкамъ его дневника: „Не только въ позднѣе время, но даже и въ древнѣе времена, по заведенію иностранцевъ, открыто и у насъ въ Россіи играть въ карты. Этимъ основывается наша публика господь. Въ этотъ кругъ былъ и дядя мой, и онъ иногда для увеселенія скуки занимался симъ увеселеніемъ. Тетка очень не любила это. Странно очень то что тетка, лишь мужа ея не будетъ дома, скучаетъ и не спитъ, хотъ онъ приди въ восемь часовъ утра. Когда же онъ придетъ, она начинаетъ его ругать, зачѣмъ онъ игралъ въ карты... Кому такіе выговоры, особенно отъ женщины, понравятся? Подумать надобно, сколько тяжело сносить тому укоризны кто своимъ трудомъ кормитъ все семейство. Не одинъ мой дядя играетъ (онъ не играетъ, но еще учится), но и всѣ почтальоны и проч. Что же учить женамъ мужей, которые вполнѣ по своему образованію, частію отъ наставниковъ, частію отъ публики, могутъ дать тысячи наставленій и полезныхъ предметовъ своей женѣ.“ Вскорѣ потомъ воспитателю его пріѣхали въ Екатеринбургъ, а Рѣшетниковъ остался въ Перми, но уже на частной квартирѣ. Учился онъ мало, и для пополненія своихъ скудныхъ средствъ занимался во время бывшихъ въ городѣ пожаровъ караулить дома обывателей, получая по двадцати копѣекъ за ночь. Этимъ трудомъ онъ нажилъ 1 руб. 20 коп. Были впрочемъ развлеченія дѣйствовавшія на него болѣе благотворнымъ образомъ. Онъ любилъ ѣздить рыбачить за Каму, гдѣ ему случалось иногда проводить съ простымъ народомъ цѣлыя ночи. „Часто въ это время—говоритъ онъ—случалось что я сидя въ лодкѣ глядѣлъ куда-нибудь вдаль; глаза останавливались, въ головѣ чувствовалась тяжесть и вертѣлись слова: какъ же это? отчего это? И въ отвѣтъ—ни одного слова. Очнешься—и плюнешь въ воду. Начнешь удить и думаешь: ахъ, еслибъ я былъ богатъ, я бы накулилъ книгъ много... Я бы все выучилъ“...

Въ 1859 году Рѣшетниковъ кончилъ курсъ уѣзднаго училища и вернулся къ дядѣ въ Екатеринбургъ. Перспектива канцелярской службы въ уѣздномъ городѣ, подъ надзоромъ ворчливой родни, не очень манила Рѣшетникова; ему хотѣлось проѣхать лѣто на свободѣ и повидать одного изъ своихъ родственниковъ въ Тагилѣ. Но дядя рѣшительнымъ

образомъ положилъ преграду всѣмъ подобнымъ мечтамъ. „Теперь надо думать объ опредѣленіи твоёмъ, а не о гулянкѣ, писалъ онъ къ нему.—Тебѣ хочется повидать А. въ Тагилѣ, но что изъ этого выйдетъ, я напередъ скажу: то что ты на первый даже день долженъ имѣть свою пищу по случаю бѣдности и нетрезвости его. Думай-ка лучше о службѣ, а не о прогулкѣ своей.“ Племяннику оставалось признать благоразуміе дяди, такимъ образомъ Рѣшетниковъ вступилъ въ самостоятельную жизнь, въ качествѣ писца Екатеринбургскаго уѣзднаго суда, съ жалованіемъ по 3 р. въ мѣсяцъ.

„Мелкая чиновничья среда—разсказываетъ биографъ—не менѣе среды монастырской повредила его развитію. Мысль его должна была тратиться на пониманіе мелкихъ чиновничьихъ интересовъ, дрязгъ, заботъ, словомъ, всего подъяческаго обихода, въ то время, какъ извѣстно, залесневѣлаго, затхлаго. Мысли его стали волновать мелкія чиновничьи интриги, взятки, мелочныя и непрерывныя огорченія и обиды и т. д. Какъ бы презрительно ни смотрѣлъ онъ на все это, но какъ человѣкъ, поставленный въ эту среду необходимостью имѣть насущный кусокъ хлѣба, онъ невольно долженъ былъ проникаться ея интересами, долженъ былъ много терять отъ неразвитости и дикости новыхъ товарищей.“

Чтобы какъ-нибудь спастись отъ одолевавшей его скуки и вмѣстѣ удовлетворить зародившейся въ немъ потребности, Рѣшетниковъ принялся сочинительствовать. Первымъ литературнымъ опытомъ его была длинная поэма *Приговоръ*. Изъ того что сообщаетъ объ этомъ произведеніи г. Успенскій, видно что это было нѣчто совершенно нелѣпое и невозможное. Девятнадцатилѣтній авторъ однако не скоро пришелъ къ этому заключенію; онъ показывалъ свое произведеніе пріятелямъ, настойчиво прося ихъ сказать ему свое мнѣніе и отиѣтити недостатки. Пріятели однако мало удовлетворили его: одинъ подчеркнул два слова карандашомъ, другой написалъ сбоку: „это что-то серьезное“, третій выразилъ на словахъ весьма неопредѣленное замѣчаніе, въ родѣ того что „въ серединѣ много лишку“—„а что именно лишнее, того не потрудился указать“, жаловался на него Рѣшетниковъ. Поэтъ однако не унывалъ, и вслѣдъ за поэмой сочинилъ драму въ шести дѣйствіяхъ, тоже въ стихахъ. Онъ долженъ былъ однако догадаться что поэзія не его дѣло, и послѣ двухъ опытовъ бросилъ ее. Нельзя не признать что несмотря на крайне небла-

гопріятныя для развитія условія жизни и воспитанія, въ немъ шевелились порывы къ какому-то неопредѣленно и смутно сознаваемому добру. По словамъ біографа, сослуживцы по уѣздному суду главнымъ образомъ возмущали Рѣшетникова отсутствіемъ пониманія лежавшихъ на нихъ обязанностей.

„Какъ ни скучна была ему чиновничья жизнь, но въ то же время онъ гордился тѣмъ что служить въ такомъ мѣстѣ гдѣ рѣшаются дѣла о людяхъ, которымъ онъ можетъ (какъ онъ полагалъ) сдѣлать пользу, тогда какъ изъ канцелярскихъ братій никто объ этомъ и не думалъ.“ Въ предисловіи къ повѣи *Приговоръ* мы находимъ слѣдующія слова, въ которыхъ можно понять мысль, хотя дурно и неумѣло выраженную: „Человѣкъ любящій честность и правду, свидѣтель многихъ сценъ въ разныхъ бытахъ человѣчества, можетъ сказать что-нибудь о людяхъ достойныхъ или похвалы, или порицанія.“ Въ 1860 году, получивъ мѣсто помощника столоначальника въ томъ же уѣздномъ судѣ, онъ пытается откестись самостоятельнѣе къ своимъ обязанностямъ: „Мнѣ страшно казалось, рассказываетъ онъ, рѣшать участь человѣка, и я сталъ читать бумаги и дѣла, заглядывалъ въ разные мѣста, читалъ разные копии, реестры и все то что ни попадалось на глаза. Когда я бывалъ дежурнымъ, то рылся вездѣ гдѣ не залерто, и узналъ здѣсь очень многое.“ Правда, то что онъ узнавалъ такимъ образомъ, весьма мало могло поднять и расширить его мысль, но отвлекало его отъ прежнихъ вельвлыхъ мнимо-поэтическихъ фантазій къ дѣйствительности. Новыя произведенія его написанныя имъ въ 1860 и 1861 году представляли, какъ кажется, болѣе смысла, хотя въ литературномъ отношеніи конечно были все также невозможны. Содержаніе этихъ произведеній, какъ объясняетъ біографъ, было чисто обличительное и имѣло предметомъ разные судейскія и заводскія плутни.

Къ этому же времени относится одно письмо Рѣшетникова къ дядѣ, любопытное въ томъ отношеніи что въ немъ поразительно рисуется вся умственная безпомощность будущаго писателя. Рѣшетниковъ старается въ немъ опредѣлить самого себя, свое положеніе, свои отношенія къ дядѣ, свои виды на будущее. Съ матеріальной стороны онъ совершенно удовлетворенъ должностью помощника столоначальника въ уѣздномъ судѣ. „Съ свободившись отъ бѣдствій, находясь уже на службѣ, и чего бы кажется? всѣмъ доволенъ“, говоритъ

онъ. „Не знаю, отчего скучать молодому человѣку, огражденному всеми средствами довольства.“ — „Я освободился отъ несчастій посредствомъ васъ—обращается онъ къ своему воспитателю—направидь себѣ дорогу къ жизни вами, поступилъ въ общество людей себѣ равныхъ по образованію, служу съ ними... и заслуживаю любовь... Теперь я взрослый юноша и понимаю себя и другихъ, и хоть не обучался въ гордыхъ салонахъ и не знакомъ съ паркетами, однако могу по крайней мѣрѣ писать не хуже другихъ.“ Однако остаться въ этомъ положеніи, хотя бы и „огражденномъ всеми средствами довольства,“ Рѣшетникову не хотѣлось. У него разыгрывается честолюбіе: „служба въ судѣ, а кромѣ столоначальничества никакой не вижу впереди карьеры... Я вполнѣ понялъ службу уѣзднаго суда и она давно мнѣ наскучила.. Мнѣ желательнѣе знать больше въ другихъ мѣстахъ, служить въ виду губернскаго начальства... Въ низшей инстанціи не научишься доброду, кромѣ взятокъ, которыя мараютъ нашу честь и совѣсть. Итакъ вотъ въ какомъ положеніи я нахожусь.. Не знаю какъ мнѣ вырваться изъ этого хаоса!“

Ближайшимъ выходомъ представлялось ему перевестись въ Пермь, и продолжать службу „въ виду губернскаго начальства“. Дядя мало сочувствовалъ этимъ стремленіямъ, подозрѣвая въ нихъ заднюю мысль — удалиться отъ родныхъ чтобы пользоваться болѣею свободой и дѣлаться страсти къ сочинительству, отъ чего онъ не ожидалъ добра. Въ отвѣтномъ письмѣ племяннику онъ упрекаетъ его въ недостаткѣ благодарности и указываетъ на жившаго въ Тагилѣ родственника которому негдѣ преклонить голову. „А ты у меня“, продолжаетъ дядя, „отъ этого ига и бремя изъять, да еще жалуеться на провидѣніе Всевышняго и судьбу и на то самое что тебѣ данъ я образованіе въ низшемъ учебномъ заведеніи. Я не ладилъ и даже не желалъ сдѣлать изъ тебя поэта или какого-нибудь дурака, а всегда старался сдѣлать изъ тебя умнаго и образованнаго человѣка.“ Рѣшетниковъ не сдавался на эти утѣщанія и продолжалъ сочинять „черную юмочь“, какъ называлъ дядя его бумагомаранье. Последняго такое улюрное сочинительство стало серьезно смущать, и онъ съ грустью приговаривалъ: „смотри, парень, какъ бы тебѣ не было худо“. Наконецъ онъ рѣшился пригласить и угостить какого-то мѣстнаго критератора чтобы тотъ показалъ Рѣшетникову какъ

сочинять. Но мѣстный сочинитель оказался человекомъ коварнымъ: онъ не посоветовалъ юному поэту ничего хорошаго, да еще задумалъ, несмотря на угощеніе, описать его въ газетахъ, вмѣстѣ съ дядей и теткой. Разсерженный дядя сорвалъ гнѣвъ на племянникъ, „засвѣтилъ ему плауку“.

Рѣшетниковъ однако настоялъ на своемъ и въ половинѣ 1861 года переехалъ въ Пермь. Но губернской городъ встрѣтилъ его не ласково: два мѣсяца потерялъ онъ, тщетно отыскивая мѣста; и когда наконецъ допустили его въ канцелярію уголовной палаты, безъ жалованья, вдругъ достигла туда изъ Екатеринбургa вѣсть о прежней судимости Рѣшетникова и онъ долженъ былъ удалиться изъ палаты. Кое-какъ удалось ему однако зачислиться въ казенную палату. Новое положеніе его было далеко незавидное: „Меня посадили“, пишетъ онъ, „въ регистратуру. Вся моя работа не умственная, а машинная, состоитъ въ записываніи входящихъ бумагъ, надпискахъ на конвертахъ отправляемыхъ изъ палаты и печатаніи ихъ. Эта работа обременительна одному и приполученіи пяти или шести рублей жалованья кажется вдвойнѣ обременительной. Для ума же никакой нѣтъ пользы.“ Жизнь потекла вяло и тоскливо. Рѣшетниковъ поселился на хлѣбахъ у родственника, которому отдавалъ за содержаніе всѣ свои пять рублей. „Въ палатѣ мы сидимъ до 4го часа и выходимъ только тогда когда выходитъ председатель. Придешь домой, разумѣется послѣ шестичасоваго сидѣнья устанешь и какъ отбѣдаешь, невольно клонитъ тебя ко сну... Лжешь и пробудившись часу въ шестомъ. Тутъ чай и опять тѣлостъ. Сядешь у окна и думаешь... что бы дѣлать? Писать. И лишь станешь обдумывать, явится дѣдушка, начнетъ разказъ, или супруга его заведетъ съ нимъ какую-нибудь сцену, невольно принужденъ будешь слушать и прослушать до 10го часа, а тамъ темнота. Надо замѣтить что если дѣдушка начнетъ говорить, то вступленіямъ нѣтъ конца... Скучно слушать иной его разказъ, но должно слушать не огорчая старика. Только одно мнѣ непріятно что онъ смѣется надъ моими сочиненіями и совѣтуетъ ихъ бросить совсѣмъ. По его молвіямъ, я непременно долженъ сойти съ ума...“ Сочинительство оставалось попрежнему самымъ большимъ пунктомъ. Рѣшетниковъ продолжалъ писать прозой и стихами, и искать человека который могъ бы ему посоветовать въ этомъ дѣлѣ. Одна такой совѣтникъ нашелся: ждала автора, онъ не

выказалъ ему всей правды, но сказалъ что для того чтобы писать, необходимо прежде поднять свое образованіе. Но какимъ образомъ могъ бы Рѣшетниковъ послѣдовать этому совету? Онъ продолжалъ искать литературнаго суда надъ своими произведеніями, и между прочимъ прилоднесъ ихъ даже предсѣдателю казенной палаты, отъ котораго и получилъ за то строгое замѣчаніе. Юный авторъ очень пріиымалъ съ тѣхъ поръ, однако не переставалъ обращаться къ литературному суду своихъ сослуживцевъ. Одинъ изъ нихъ, нѣкто Т., оказался отчасти знакомъ съ литературой. Рѣшетниковъ показавъ ему свою новую драму *Два барина*, въ стихахъ; Т. объявилъ напрямикъ что сочиненіе крайне плохо и для печати никакъ не годится. Молодой поэтъ кажется не все ловилъ изъ того что говорилъ ему Т., по крайней мѣрѣ изъ отмѣтки его въ дневникѣ выходитъ будто Т. забракowałъ его драму потому что драмъ стихами никто еще у насъ въ Россіи не писалъ. Приговоръ Т. сильно опечалилъ Рѣшетникова и заронилъ въ немъ сомнѣніе въ своихъ силахъ. „Т. правъ“, записалъ онъ въ своемъ дневникѣ, „*Два барина* дрянъ. Она давно мнѣ самому такими казалась. Еще когда писалъ, то думалъ бросить. Однако попытаюсь послать (въ какую-нибудь редакцію), есть же и не занимательныя стихотворенія. Да! стихотворенія, стихи, а у меня-то что? Всѣ говорятъ: не стихи и не проза... Что же такое? Господи Боже мой! Какъ плохо быть сѣдному человѣку со способностями! Олять: „со способностями“. А кто знаетъ, есть ли во мнѣ способности? Можетъ-быть это бредъ, глупость, какъ говорить мой дядя... О, если это скажетъ мнѣ одинъ изъ будущихъ моихъ редакторовъ и рецензентовъ, я брошу все и уйду... буду жить въ одной любви ко Всеблагому Отцу моему и Творцу...“

Рѣшительный толчокъ послѣдовалъ въ судьбѣ Рѣшетникова два года спустя. Въ Пермь пріѣхалъ изъ Петербурга ревизоръ, у котораго Рѣшетниковъ сталъ заниматься перелискою бумагъ на дому. По обыкновенію, онъ и ему прилоднесъ для прочтенія свои драмы съ просьбою похлопотать о помѣщеніи ихъ въ какомъ-нибудь журналѣ. Ревизоръ пообѣтовалъ ему оставить всякія мечты о сочинительствѣ, но принималъ въ немъ участіе и обѣщавъ перевести его на службу въ Петербургъ. Въ 1863 году Рѣшетниковъ дѣйствительно переехалъ въ Петербургъ и получивъ нѣчто въ одномъ изъ департаментовъ Министерства Финансовъ, съ жалованья-

змъ по 9 руб. въ мѣсяцъ. Онъ сталъ писать небольшіе очерки для *Сѣверной Пчелы*, и наконецъ, по совѣту одного сослуживца, съѣхъ въ редакцію *Современника* только-что написанный очеркъ *Подлинность*.

Съ этого времени началось литературная извѣстность Рѣшетникова какъ беллетриста „вышедшаго изъ народа“ и умѣющаго разказывать съ „трезвою правдою“ о судьбахъ „простаго бѣднаго человѣка“.

Мы съ нагѣреніемъ остановились такъ долго на биографическомъ матеріалѣ представляемомъ статьей г. Глѣба Успенскаго. Намъ казалось существенно важнымъ, прежде оцѣнки произведеній Рѣшетникова, дать отчетъ о тѣхъ духовныхъ средствахъ, о томъ запасѣ впечатлѣній и наблюденій съ которыми этотъ писатель вступилъ въ литературу. Внутренняя высота произведеній всякаго писателя безъ сомнѣнія находится въ прямомъ отношеніи къ подъему его собственной мысли, къ ширинѣ и богатству жизни открытой его авторской наблюдательности. Подбирая грустные факты біографіи Рѣшетникова, мы были далеки отъ мысли искать въ нихъ чего-либо невыгоднаго для его литературной репутаціи. Напротивъ, мы должны сказать что біографія Рѣшетникова возбуждала въ насъ чувство участія, къ которому мы не были предрасположены его произведеніями. Въ переданныхъ нами фактахъ его жизни многое, безъ сомнѣнія, располагаетъ въ его пользу. Въ той темной, роковой обстановкѣ среди которой онъ выросъ, было заслугою сохранить до конца хотя бы смутное стремленіе къ чему-то лучшему; даже упорное желаніе Рѣшетникова сдѣлаться во что бы то ни стало „сочинителемъ“ было конечно своего рода порываніемъ изъ мрака къ свѣту, отъ духовной и матеріальной нищеты къ жизни болѣе отвѣчавшей его вкусамъ и осознанію своихъ природяемыхъ способностей. Но въ области мысли и искусства способности требуютъ непременно правильной культуры. Роковыя условія воспитанія таготѣли надъ Рѣшетниковымъ до конца его жизни; мы увидимъ даже что уровень его мысли, его понятій, мало возвысился вслѣдствіе обогащенія съ литературными кругами, и что внутреннее содержаніе его произведеній, стяжавшихъ ему такой успѣхъ въ нѣкоторыхъ журнальныхъ рядахъ, исчерпывается тѣмъ запасомъ идей съ которыми онъ вступалъ въ петербургскую литературу. Можно думать даже что онъ вообще не былъ прито-

товленъ къ перемѣнѣ происшедшей въ его положеніи, когда онъ изъ уѣзднаго канцелярскаго чиновника сдѣлался захваленнымъ петербургскимъ литераторомъ. Одинъ фактъ находимый въ біографическомъ очеркѣ г. Условскаго заставляетъ полагать что и въ Петербургѣ, при обстановкѣ неизмѣримо лучшей, Рѣшетниковъ сохранилъ многое что напоминало въ немъ человѣка жестоко обойденнаго судьбой, напоминало его прежнюю, темную жизнь. Фактъ этотъ такого рода. Между бумагами оставшимися послѣ смерти Рѣшетникова, сохранилось прошеніе къ Петербургскому оберъ-полицеймейстеру. „Въ прошеніи этомъ, передаетъ біографъ, Рѣшетниковъ разказываетъ слѣдующее: Вздумалось ему однажды пойти въ концертъ; прочитавъ афишу и не замѣтивъ что она вчерашняя, старая, онъ отправился въ Дворянское Собраніе, гдѣ вѣроятно въ это время происходило уже что-нибудь другое. Городовой не пустилъ Ѡ. М. въ подъѣздъ; онъ пошелъ въ другой, и тамъ не пустили, „прогнавъ прочь“, по собственному его выраженію. Ѡ. М. разсердился и отвѣтилъ; на него прикрикнули: — куда ты лѣзешь? кто ты такой? „Мастеровой!“ отвѣчалъ Ѡ. М. Результатомъ такого отвѣта было то что Рѣшетниковъ ночевалъ въ части, откуда вышелъ избитый, безъ денегъ и кольца. „Довожу объ этомъ до свѣдѣнія вашего превосходительства, писалъ онъ въ прошеніи. Я ничего не ищу. Я только объ одномъ сомнѣваюсь утруждать васъ, чтобы пристава, квартальные, цѣхъ подчаски и городовые не били народъ. Этому „народу“ и такъ придется много получить всякой всячины.“

Рѣшетниковъ вступилъ въ литературу безъ сомнѣнія съ большимъ запасомъ знанія народнаго быта. Суровая школа которую прошелъ онъ въ дѣтствѣ и въ ранней молодости ставила его лицомъ къ лицу съ нищетою, голодомъ, дикостью и злобой. Но знаніе приобретенное имъ этимъ путемъ было слишкомъ непосредственное, осязаемое; для того чтобы переработать его въ литературный матеріалъ, ему необходимо было самому отдѣлаться отъ этой жизни, подняться надъ нею, взглянуть на нее какъ на предметъ наблюденія, а не какъ на свое личное, кровное дѣло. Каждый крестьянинъ, мѣщанинъ, фабричный, конечно, до тонкости знаетъ свой бытъ, но изъ этого еще не слѣдуетъ чтобы каждый изъ нихъ могъ быть хорошимъ повѣствователемъ народной жизни. Для того чтобы этотъ сырой матеріалъ получилъ лите-

ратурную цѣнность, необходима довольно высокая степенъ культуры въ самомъ повѣствователѣ. Этой-то культуры недоставало Рѣшетникову, хотя сдѣлавшись писателемъ онъ и старался кое-какъ, путемъ чтенія и общенія съ образованными людьми, восполнить недостатки своего воспитанія. Дѣло это однако настолько труднее что рѣдко удается притѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ какими былъ окруженъ Рѣшетниковъ. Мысль его, просвѣилась очень немного; читая его произведенія, даже позднѣйшія, замѣчаешь что онъ остается на уровнѣ той самой жизни которую извѣдалъ личнымъ опытомъ. Притомъ надо замѣтить что самое знаніе народной жизни у Рѣшетникова было очень одностороннее. Настоящій русскій народъ, народъ пахарей, былъ ему, кажется, вовсе неизвѣстенъ. Ближайшее знакомство онъ имѣлъ съ заводскими инородцами, съ Мордвой, съ Черемисами, Зырянами, съ горнозаводскими бобылями, съ выброшенными изъ духовнаго званія причетниками, почтальйогами, съ мелкимъ приказнымъ чиновничествомъ, словомъ, съ самыми мутными слоями русскаго населенія. Въ этихъ по преимуществу паразитныхъ особяхъ и представлялся ему обликъ русскаго народа. Оттого этотъ обликъ никогда не рисуется у него съ тѣми положительными, глубокими чертами, которыя ему присущи. Можно сказать, не опасаясь власти въ вѣтяжку, что кореннаго русскаго мужика, русскаго крестьянина-пахара, Рѣшетниковъ вовсе не зналъ и не понималъ, какъ не знаетъ и не понимаетъ его вообще вся новѣйшая литература отрицательнаго направленія. Духъ русскаго народа совершенно неудовимъ въ произведеніяхъ Рѣшетникова и не вѣдетъ надъ ними. Оттого, несмотря на постоянно, настойчиво звучащую въ нихъ ноту любви къ народу, читатель чувствуетъ что вмѣсто народа ему подсовываютъ что-то другое — какое-то летучее, паразитное наслоеніе, далеко не заключающее въ себѣ тѣхъ здоровыхъ элементовъ которыми живетъ настоящій народъ. Къ этому летучему слою, плавающему на поверхности народной жизни, и обращены всѣ симпатіи „новой литературы“, тогда какъ дѣйствительное русло этой жизни остается постоянно въ сторонѣ отъ ея наблюденія и пониманія. Даже болѣе: дѣйствительная, настоящая жизнь, на верху и внизу, является какъ бы предметомъ озлобленія этой литературы....

Если мы позволили себѣ выразиться выше что перемѣна

обстановки, общеніе съ людьми болѣе или менѣе образованными, литературный успѣхъ, что все это очень мало отразилось на умственныхъ силахъ Рѣшетникова, мы имѣли въ виду подтвердить высказанное нами соыакою на произведенія этого писателя. Съ такою цѣлью мы прежде всего обратимся къ повѣсти *Между людьми*, представляющей для насъ особенный интересъ потому что изображаемая въ ней среда преимущественно близка автору. То что разказываетъ Рѣшетниковъ въ этой повѣсти, напоминаетъ весьма часто факты и условія его собственной жизни. Интересно слѣдовательно посмотрѣть какъ взглянулъ на эту жизнь Рѣшетниковъ, уже отдѣлившись отъ нея, уже не какъ воспитанникъ сортировщика уѣздной почтовой конторы, среди людащадной брани и подзатыльниковъ строчащій свою „черную немочь“, а какъ прославленный петербургскій литераторъ, положеніе котораго предполагается на самой вершинѣ отечественной интеллигенціи.

Авторъ начинаетъ съ того что ему „нравится ходить въ кабачки, какихъ въ Петербургѣ много“ и въ какіе, по его мнѣнію, ходитъ каждый петербургскій житель. „Пѣсни и пляски рабочихъ и мелкихъ торгашей слышались даже на улицѣ, повтому легко себѣ представить читателю что значить пѣсни и пляски въ самомъ трактирѣ, а это знаетъ, я думаю, каждый житель Петербурга“. Въ этомъ-то кабакѣ, за однимъ столомъ съ авторомъ оказался посѣтитель обратившій на себя его вниманіе. „Первое что бросается въ глаза, описываетъ авторъ, это растрепанные волосы, блѣдное лицо, разбитая бровь. Надѣто на немъ суконное пальто, грязное, продранное въ разныхъ мѣстахъ, изобличающее его въ томъ что онъ или драться любитъ, или его бьютъ. Пальто онъ не закрывается; повтому лопы пальто лежатъ на полу и видится грязная холщевая рубаха и сѣрые тиковыя коротенькія брюки; на ногахъ что-то въ родѣ калошъ.“ Господинъ этотъ обращается къ автору съ просьбой:

„— Одолжите мнѣ, если есть, палпироску.“

Авторъ даетъ и незнакомецъ обращается къ нему съ дальнѣйшимъ разговоромъ:

„— Не повѣрите ли какъ хорошо здѣсь.

„— Почему?

„— Народъ хорошій. Славный народъ. Выпьемте.“

Къ незнакомцу подходить полушьямый мущина въ краевой рубахъ и ударивъ его по плечу говорить:

„— Петька! слюй „возаъ рѣчки“.

Тотъ, поломавшись, соглашается. Поетъ онъ хорошо „какъ будто бы онъ былъ въ пѣвчихъ“. Спустя нѣкоторое время авторъ находитъ его въ Обуховской больницѣ уже мертвымъ. Умеръ онъ отъ безмѣрнаго пьянства. Послѣ него осталась тетрадка съ его автобиографіей, которую авторъ и предлагаетъ читателямъ.

Въ автобиографіи этого Петьки, какъ мы уже сказали, есть много извѣстнаго намъ изъ статьи г. Глѣба Успенскаго о жизни Рѣшетникова. Поэтому мы можемъ главное содержаніе ея передать вкратцѣ. Петька былъ сынъ дьячка, перешедшаго потомъ въ почтаальюны. Отецъ такъ пьянствовалъ что не могъ держать сына при себѣ; мать умерла чрезъ девять мѣсяцевъ послѣ рожденія ребенка, и Петьку взялъ на воспитаніе дядя, служившій также до почтовой части. Слѣдуютъ извѣстныя намъ подробности *Священной Истории*, которую Петька забрасываетъ въ печь, о картинкѣ разорванной имъ полосамъ, о свирѣломъ битѣ за всѣ эти проказы и пр. На почтовомъ дворѣ жило множество семействъ. „Мнѣ нравилось, рассказываетъ Петька, тереться у какой-нибудь семьи. А нравилось потому что я выглядывалъ тамъ вѣтъ ли хорошихъ картинокъ, хорошихъ книгъ съ картинками; мнѣ нравились платья, мебель и пр., и быть тамъ, казалось веселѣе. Увижу мѣдныя деньги, непременно ставу гризну или колѣвку. Если деньги были считаны, то жаловались теткѣ что я украдъ; я запирался; тетка говорила что на меня говорятъ напрасно. Если кто ругалъ меня или обижалъ, я самъ тому мстилъ такимъ образомъ: однажды на толькочто развѣшанномъ во дворѣ для сушенія бѣлья я намертилъ углемъ косые кресты, меня замѣтила одна женщина и привела къ теткѣ за уши. Когда мнѣ задали за это хорошую баню, я придумалъ новое средство къ своей мести: напѣлъ во дворѣ подохлаю кошку, принадлежавшую этой женщинѣ, и бросилъ ее въ кадку съ водой, принадлежавшую этой же женщинѣ. Подумали на меня; меня отодрали и пожаловались почтмейстеру, что отъ меня никому нѣтъ покоя. Почтмейстеръ сдѣлалъ выговоръ дядѣ. Послѣ этого мнѣ такъ нравилось злить почтовыхъ женщинъ что я почти каждый день придумывалъ какую-нибудь штуку. И болѣе нравились мнѣ

мои штуки, и больно мнѣ приходилось за нихъ. Липь только отдеруть меня, я сажусь куда-нибудь въ уголъ и думаю что бы мнѣ такое сдѣлать, да такъ чтобы не узналъ никто? Стоитъ въ корридорѣ чей-нибудь самоваръ. Самоваръ шумитъ. Я вытасу изъ него крайъ и заброшу куда-нибудь, а самъ спрячусь дома.“

Петьку отдали въ бурсу, гдѣ начальство драго его за дѣла а товарищи за кражу булокъ и лепешекъ. Слѣдуетъ разказъ о двухъ побѣгахъ изъ бурсы, шатаньи по селамъ и заводамъ, нащенствѣ и пр. Петьку приводятъ домой, гдѣ онъ въ теченіи цѣлаго года сидитъ въ углу за дверью. Олускаемъ подробности о первой встрѣчѣ Петьки съ отцомъ, о поступленіи его въ уѣздное училище, о кражѣ газетъ и пакетовъ съ почты, о томъ какъ за это онъ два года пробылъ подъ судомъ, былъ сосланъ въ монастырь и пр. Самые факты уже извѣстны намъ изъ статьи г. Успенскаго. Гораздо любопытнѣе взглянуть на тѣ попытки самоопредѣленія, самосознанія и анализа, которыя дѣлаетъ Петька: онъ всего лучше объясняетъ намъ отношенія самого автора къ изображаемой имъ средѣ и тѣ возрѣнія которыя онъ вывезъ изъ своего собственнаго жизненнаго опыта. „Мнѣ никто не нравился въ губернскаго городѣ; говорить герой повѣсти *Между людьми*, вѣроятно потому что о жителяхъ его разсуждали мои воспитатели, родня и знакомые очень худо. Аристократію дядя некавказъ и ругалъ ее при встрѣчѣ почти что вслухъ. Смотря на него не любилъ аристократію и я. Дядя говорилъ что въ уѣздномъ судѣ и въ прочихъ мѣстахъ берутъ взятки, этому вѣрилъ и я, вѣрилъ потому что всѣ говорили такъ. О своей конторѣ (почтовой) я думалъ что это самое лучшее мѣсто гдѣ только можно служить. Я видѣлъ что всѣ сколько ни есть въ городѣ людей, не могутъ обойтись безъ почты, всѣ ходятъ отпраивать и получать корреспонденцію, значить почитаютъ почту, и я гордился почтой, дядей, почтмейстеромъ, который ругалъ въ глаза даже равныхъ ему. Я видѣлъ что когда шелъ губернаторъ или какой-нибудь предсѣдатель, народъ сторонился, и этотъ же народъ не одобрялъ ихъ; я видѣлъ также что всѣ эти важные люди ѣздили въ каретахъ, приказывали брать въ часть пьяныхъ, распекали на улицахъ бѣдаыхъ людей; я видѣлъ что эти люди важничали, гордо говорили съ людьми ниже ихъ положеніемъ въ обществѣ, и какъ обѣгали ихъ тѣ которые небогато

одъвались. Я и товарищи мои по училищу всячески старались передразнить ихъ... Мнѣ досадно было что товарищи непрерывно разказываютъ городскіе скандалы, а мнѣ нечего было разказывать изъ почтового быта... Мнѣ часто случалось съ людьми заглядывать въ окна Дворянскаго Собранія, несмотря на то что насъ гнали прочь казаки палками. Мы смотрѣли изъ любопытства, какъ тамъ отплясываютъ, и это перекимали, стараясь также отплясывать на улицахъ или гдѣ-нибудь на вечеркахъ. Я даже заходилъ въ самое Собраніе, но меня всегда гнали прочь кулаками, и мнѣ больно было завидно что есть счастливицы, равные мнѣ по годамъ, которые удостоиваются быть тамъ, и этихъ счастливицъ какъ я такъ и товарищи мои не любили до того что не давали имъ прохода по городу. Попадется наприкѣръ баричъ, я ему языкъ высуну. Онъ обидится, я толкну его; онъ обзоветъ меня подлецомъ, я шалку съ него оброшу и убѣгу. Конечно, это дѣлалось одинъ на одинъ, или толпа нашего брата нападала на толпу баричей и тогда завязывалась драка, за которую насъ жестоко пороли... Я ходилъ въ училище четыре года, и въ это время ровно ничего не понималъ изъ задаваемыхъ уроковъ, да и мнѣ самому не до уроковъ было. Въ классѣ я сидѣлъ просто для своего удовольствія. Меня не драли, потому что я старался выслужиться предъ учителями и зрителемъ тѣмъ что записывалъ имъ сторожа: приносилъ имъ лясма, пакеты и сдавалъ ихъ корреспонденцію... Я постоянно мечталъ о себѣ много: лежу я, мнѣ хочется написать хоршее; во снѣ я бредилъ хорошиими знакомствами; шелъ куда-нибудь, я воображалъ себя очинителемъ; на службѣ ненавидѣлъ служащихъ и думалъ: погодите, будете вы бояться меня..."

Нѣтъ надобности останавливаться надъ этими стрелками: прекрасная подкладка подобныхъ извѣстій чувствуется сама собою. Петяка недоволенъ дѣйствительностью среди которой поставила его судьба; его мысль напрягается чтобы выразить какой-то смутный протестъ. Но это недовольство, этотъ протестъ исходить не изъ потребности совершеннаго совершенствованія, не изъ желанія стать лучше, чѣмъ его сдѣлали воспитаніе и обстановка. Совсѣмъ напротивъ: Петяка досадуетъ что надъ нимъ есть какая-то другая жизнь, болѣе заманчивая, болѣе удобная для счастливицевъ которые ею пользуются. Ему досадно, что есть какіе-то избранные,

живущіе, думающіе и чувствующіе иначе, чѣмъ обитатели жюджетоваго двора. Онъ не сознаетъ что къ этой жизни есть доступъ путемъ ученья, труда; даже та скромная доза образованья которая предлагается ему уѣзднымъ училищемъ для него и мелочлива, и противна. Ему хотѣлось бы разомъ, однимъ прыжкомъ подняться на самую веркушку — сдѣлаться, едва разумѣя грамотѣ, „знаменитымъ сочинителемъ“. Какія права имѣетъ онъ на то? что повѣдуетъ онъ міру съ этой высоты, на которую стремится? Подобные вопросы конечно не беспокоятъ его: сидя въ своемъ темномъ углу, онъ увѣренъ что изъ этой щели долженъ пролиться свѣтъ на всю вселенную, что для человѣчества нѣтъ ничего важнѣе, ничего любозытнѣе этого темнаго угла.

Вторая половина повѣсти *Между людьми* посвящена похождениямъ Петьки въ Петербургѣ. Продолжается все та же исторія нравственной и матеріальной нищеты, того же безпомощнаго блужданія въ потемкахъ. Сумракъ даже болѣе болѣе сгущается вокругъ и внутри этого злосчастнаго ситальца, по мѣрѣ того какъ судьба приводитъ его въ соприкосновеніе съ той самой жизнью къ которой онъ стремится изъ своего захолустья. Въ департаментѣ смѣются надъ его безграмотностью; въ редакціи газеты для которой онъ пишетъ (этого рода дѣятельности, какъ извѣстно, у насъ безграмотность мало препятствуетъ) ему не платятъ гонорара. Изъ службы его скоро выгоняютъ, онъ остается безъ всякихъ средствъ, шляется по кабакамъ и торгуется на толкучкѣ старыми салогами. Въ такомъ положеніи онъ адресуетъ къ редактору газеты слѣдующее письмо:

„Вы довели меня до нищеты, но я еще не нищій; а честнѣе васъ, потому что я достаю себѣ теплый уголъ и глѣбъ такимъ трудомъ надъ которымъ вы въ вашей маршивой газетѣ смѣетесь. Идите на плацъ и увидите нашего сотрудника съ салогами и сюртуками, кричащаго: салогичи хороши! Салогонъ купи, господишь редакторъ! Спросите Петьку Музыкина. Его всѣ знаютъ. Онъ по вашей милости лянцой сдѣлался.“

„Какъ-то я прочиталъ одинъ номеръ вашей маршивой газеты, и дозволяете мнѣ спросить: какое направленіе у вашей лянцовой газеты, какія вы идеи проводите? Въ одномъ мѣстѣ кто-то пишетъ что вотъ это бы хорошо сдѣлать для цивилизаціи нашего отечества, въ другомъ вы отвергаете

эту пользу, въ третьемъ говорите чортъ знаетъ о чемъ... Вы думаете, я ничего не понимаю? Эхъ вы, цивилизациа ларикмахерская. Ну, чего вамъ нужно? Кому вы навязываете свои недѣльные мыслишки, пропитанныя гнилью... Вы для денегъ заведи газету, славу себѣ хотите стяжать... Чѣмъ? А что говорить народъ (?) про вашу газету — даже мы, простые бѣдные люди, о которыхъ вы пишете въ газетѣ какъ о кошениикахъ и которыхъ вы стремитесь искоренить, сами не зная гдѣ зло, откуда оно заводится?

„Мнѣ стыдно что я писалъ у васъ“ и пр.

Хотя смыслъ повѣсти для насъ уже достаточно выяснился раньше, но это письмо Петьки къ редактору газеты не оставляетъ никакихъ сомнѣній на счетъ того что хотѣлъ сказать авторъ этимъ произведеніемъ. Очевидно, его отношенія къ своему герою вполне положительны. Петька признается къ себѣ его симпатію не только своей злосчастною судьбой, но и той форшой развитія которую раскрываетъ въ немъ авторъ. Его идеи — если позволительно употребить здѣсь такое слово — очевидно представляются Рѣшетникову гораздо выше и человѣчнѣе какой-то „ларикмахерской цивилизациа“, проповѣдуемой непріятною газетой. Не надо спрашивать что за идеи развившіяся въ темнотѣ, въ которой безпомощно напрягается мысль Петьки; мы уже знаемъ ихъ. Это протестъ темныхъ закулковъ жизни противъ окружающей дѣйствительности, на которую свѣтитъ солнце.

Мы остановились на повѣсти *Между людьми*, потому что она изображаетъ жизнь которой принадлежалъ Рѣшетниковъ, опредѣляетъ кругъ идей въ которомъ онъ вращался до котораго онъ „доразвился“. Но литературная репутація его основана не на этомъ произведеніи, а на этнографическомъ этюдѣ *Подлиповцы*, стяжавшемъ ему славу реального изображителя „трезвой правды“ и знатока народной жизни. Объ этомъ произведеніи здѣсь необходимо сказать нѣсколько словъ и представить изъ него кое-какія выдержки.

Для того кто, не читая *Подлиповцевъ*, привыкъ соединять съ заглавіемъ этого очерка понятіе о чемъ-то народномъ, о произведеніи съ замѣчательною правдивостью изобразившемъ самыя типическія черты нравовъ, обычаевъ и быта русскаго простолюдина — для того будетъ новостью узнать что въ этомъ произведеніи русскій простолюдинъ вовсе не выступаетъ на сцену. Герои его въ той же мѣрѣ русскіе люди

въ какой это названіе приличествуетъ Самоѣдамъ, пріѣзжающимъ зимой съ оленями въ Петербургъ, или оренбургскимъ Башкирамъ. Они не русскаго происхожденія, говорятъ не русскимъ языкомъ, и если считаются православными, то только потому что такъ значитъ въ метрикахъ и въ ревизскихъ сказкахъ. „Сколько священникъ ни толковалъ имъ о Богѣ, они ничего не могли понять; хотя имѣли образа, но прятали ихъ подъ лавки, и вынимали когда являлся священникъ; окрестившись, они изъ боязни стали отдавать крестить дѣтей; вѣнчались сначала по-своему, потомъ ѣхали въ село къ попу, везли къ нему покойниковъ... Ничего бы этого они не дѣлали, да священникъ становымъ ихъ пугалъ“... „Замкнулись въ своей деревнѣ и живутъ по-своему, какъ живетъ; вѣдь растеть же дерево, растутъ же лошади и коровы.... Знаютъ Подлиловцы что безъ жены неловко, надо бабу — и живутъ съ бабами... У нихъ своя любовь: играли вмѣстѣ, вмѣстѣ росли, вмѣстѣ и жить надо. Такъ и дѣлается въ Подлиловцѣ. Досадно имъ, зачѣмъ это дѣти рождаются отъ нихъ, и съ маленькими дѣтьми обращаются какъ люди съ котатами.“ Герой повѣсти, Пила, былъ самый развитой человѣкъ во всей мѣстности. „Онъ одинъ изъ Подлиловцевъ понималъ что ничего не дѣлая жить нельзя.“ Далѣе кажется не простиралось его развитіе, насколько можно судить по крайней мѣрѣ изъ слѣдующаго факта: „Онъ увидалъ въ городѣ крестьянина съ травами. Пила не понималъ для чего крестьянинъ травы продаетъ. — Это што? спросилъ Пила крестьянина.—Это лѣкарство. Слово „лѣкарство“ было для Пилы новостью; ему показалось что это что-то басное. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ собирать травы и давать ихъ больнымъ въ деревнѣ. „Больной ѣлъ, и ему становилось либо лучше, либо хуже, и все-таки всѣ просили у Пилы травы.“ Читатель замѣчаетъ что здѣсь самый развитой между Подлиловцами человѣкъ является уже на значительно низшемъ уровнѣ чѣмъ лѣсные звѣри и птицы, потому что тѣ, какъ извѣстно, понимаютъ цѣлебное свойство травъ и умѣютъ находить ихъ. „Священникъ требовалъ, продолжаетъ авторъ, чтобы крестьяне непременно крестили дѣтей, везли въ село умершихъ, вѣнчались; первое Подлиловцы не исполняли до тѣхъ поръ пока священникъ не пріѣзжалъ самъ за сборомъ; за умершихъ они боялись и везли всѣ покойника въ село; свадьбы вѣнчались рѣдко: Подлиловцы жили до тѣхъ поръ

лока опять не придетъ священникъ за оборотъ; а какъ привалъ—бѣда: возить съ собой штуку какую-то (метрическую книгу) и давай считать да лугать—бѣда!“ Семейныхъ отношеній у Подлиповцевъ разужвется никакихъ. Авторъ намекаетъ что Пила прижилъ отъ своей дочери Апроськи ребенка, а теперь Апроська спять должна скоро родить, и отецъ знаетъ что ребенокъ будетъ отъ его друга Сысойки. Старшаго сына, Ивана, Пила посылалъ къ Агашкѣ: „дубина ты, какъ я погляжу, не знаешь што баско... Пора тебѣ съ бабой жить.—А пошто!—Дурень ты! говорятъ, будетъ баско Ивану казалось смѣшно, онъ чего-то лугался, однако скоро уже постоянно ходилъ къ Агашкѣ. Эта любовь продолжалась полгода. Павелъ узналъ отъ брата что съ дѣвкой жить хорошо, тоже напелъ себѣ дѣвку.“ У Сысойки сумашедшая мать и маленькіе братъ и сестра, Петръ да Пашка. Нищета у нихъ лодная, такъ какъ Сысойка умѣетъ только лалти ллести, и живетъ подачками Пилы. Ему хотѣлось бы переселиться къ Пилѣ въ избу: „съ Апроськой баско, Пила хлѣбъ носить“, думаетъ онъ, но Пила не соглашается: изба маленькая, гдѣ помѣститъ Сысойку со старухой и ребятами? Вотъ, когда тѣ помрутъ, тогда можно. „Ужъ померли бы скорѣе, пользы-то отъ нихъ нѣтъ, только мука одна, думалъ про себя Пила и сообщалъ объ этомъ Апроськѣ и Сысойкѣ, которые съ своей стороны тоже соглашались въ этомъ мнѣнїи съ Пилой, и стали ждать да ждать чтобы тѣ умерли.“ Ждать имъ пришлось не долго. Разъ собрался Пила топить у Сысойки печь. Дѣти лежали въ печи, нагѣе. „Эй вы, дѣшїе! вылазайте! спалю ташко“, закричалъ Пила.

Изъ лѣчки не слышно было ни голоса, ни движенія.

Пила потащилъ изъ лѣчки за ногу мальчика. Мальчикъ былъ мертвый.

„— Ишь ты! сказалъ Пила и сталъ щупать мальчика.— Померъ.

„— Кто? спросилъ Сысойка.

„— Парень.

„— Ну и ладно. А дѣвка-то? спросилъ Сысойка и высунуль голову съ полатей.“

Пила вытащилъ за ногу и дѣвушку. Она была мертвая. Дѣвѣ високъ ея былъ чѣмъ-то проломленъ; лица ея незамѣтно было: все оно залеклось отъ крови и на немъ засохъ кусоръ отъ лѣчки.

„— Сысойка! гля! (смотри).

Сысойка плохо видѣлъ съ лошадей.

„— А што, померла?

„— Сдѣлъ ты, што ли? Гляди, убита!

„— Вре?!
 „Цапа положилъ мальчика и дѣвушку на лавку, и долго

осмотрѣлъ на нихъ жалобно.

„— Слышь, Сысойка? Ты убилъ дѣвуку-то?

„— А пошто?

„— Право ты?

„— Цуцело ты, Цапа! Што я, медвѣдь што ли, акъ ты...

Сысойка не сталъ и говорить больше, а спряталъ голову въ полушабокъ.“

Цапа осмотрѣлъ внутренность печки и догадался что дѣвочку убило отвалившимся камнемъ.— „Вотъ, Сысойка, и померли ребята!“ проговорилъ онъ.

„— Померли. Теперь я къ тебѣ пойду.

„— А мать?

„— Помретъ.

Цапа сердился что ребятъ опасно зарыть прямо въ лѣсу, а надо везти въ село къ священнику.

„— Ты не вози, сказалъ Сысойка.

„— Ишь ты! Какъ найдетъ — лучше будетъ? Нѣтъ ужъ свежу.“

Такова „трезвая правда“ о русскомъ наредѣ повѣствуемая Рѣшетниковымъ. Мы съ намѣреніемъ привели здѣсь эту сцену, такъ какъ большинство нашей читающей публики знакомо съ произведеніями Рѣшетникова лишь по наслышкѣ, и вводимое въ заблужденіе журнальною критикою, предполагаетъ въ нихъ чрезвычайную простоту, правдивость и непосредственность изображеній. Въ приведенномъ отрывкѣ, напротивъ, все придумано и сочинено ради заранѣе предложенной цѣли — представить жизнь русскаго простолюдина (насколько Подлиповцы русскіе люди, предоставляемъ судить читателю) въ невообразимо скотской обстановкѣ, а самихъ крестьянъ русскихъ — на той степені развѣтїа на которой человѣкъ почти ничѣмъ не отличается отъ животного. Какъ ни мало вѣроятною можетъ показаться жизнь изображаемая въ только-что приведенной сценѣ, эта сцена не самая „яркая“ въ *Подлиповцахъ*. Авторъ заставляетъ Ципу и Сысойку хоронить Апроську, которую

они считают умершею, хотя она только впаив въ оцѣвленіе. Оба Подлиповца присутствуютъ при отпѣваніи.

„Пилу и прежде и теперь одно занимало: зачѣмъ это священникъ какою-то штукой съ дымомъ такимъ баскимъ махать? Это занимало и дѣтей его, и Сысойку.

„— Батшко, ты не хлестни Апроську-то, сказалъ Пила.

„Священникъ молчалъ.

„— Право брось! Ишто вырвется....

„... Сысойка просилъ еще посмотрѣть на Апроську, а Пила хочетъ закрыть гробъ и увязать веревкой.

„— Пила, я ошто жогляжу!

„— Ишто не нагаадѣлся!

„— Пила, я Апроськѣ носъ откушу!

„— А это вишь? Пила показавъ Сысойкѣ кулакъ.

„— Пра, откушу!

„— Не тронь!

„— Да?!

„Сысойка расцалался съ Пилой. Дьячокъ и сторожъ выпроводили Подлиповцевъ изъ церкви, и съ двумя крестьянами вытащили гробъ за улицу.“

Насколько все это возможно въ дѣйствительности, хотя бы эту дѣйствительность мы искали на самомъ глухомъ инородческомъ сѣверѣ Пермской губерніи, гдѣ авторъ помѣщаетъ деревню Подлиповую—мы судить не беремся. Но вотъ что мы считаемъ безусловно невозможнымъ. Несмотря на то что въ трехъ верстахъ отъ Подлиповой была рѣчка, куда изъ деревни ходили кулаться, авторъ заставляетъ Подлиповцевъ не понимать что такое рѣчное течение и даже просто рѣка.

„— Это што? спросилъ Пила, указывая на большое пространство занимаемое рѣкой.

„— Это рѣка Кама.

„— Вре!“

Когда прошелъ ледъ и первая барка поплыла по теченію, „Подлиповцы ротъ разинули“. Поплыли и остальные барки. „Пила и Сысойка стояли посрединѣ коломенки, ничего не понимая. — Сысойка! сказалъ Пила съ боязнію, и видѣлся въ полу Сысойкина полустубка.—Воюсь, отвѣтилъ Сысойка.“

„Бурлаки сидятъ и удивляются что они плывутъ; впереди и позади тоже барки плывутъ. Много ихъ плуцено. Сидятъ они, смотря на деревня и дивуются: ровно коломенка-то

стоитъ, только деревья бѣгутъ, волъ и камни бѣгутъ, и мужикъ какой-то бѣжитъ. Чудно! Ничего не поймемъ!”

Сыновья Пилы, поставленные на барку къ водоливу, тоже изумляются.

„— Диво! Пошто это барка-то бѣжитъ? Вѣдь ее никто не везетъ?”

„— То-то и есть.

„Ребята старались сами узнать, почему это такъ? Спросить некого. Они заади что бурлаковъ не стѣитъ спрашивать. Вотъ они разъ бросили съ барки доску, доска поплыла; бросили камень, камень утонулъ. Спустили шестъ на воду, шестъ потянуло къ низу, и они никакъ не могли удержать его.—Эка сила!—Вотъ поэтому и тащитъ насъ.—А мы попробуемъ, зайдемъ въ рѣку—поплывемъ али нѣтъ?”

Такихъ обращиковъ множество въ повѣсти *Подлиповцы*. Представителю „трезвой правды“ въ новой нашей беллетристикѣ вѣроятно казалось что если Ньютонъ допытывался почему яблоко падаетъ книзу, а не кверху, то бурлакамъ и подавно простительно изумляться почему барки плывутъ по теченію. Впрочемъ наврядъ ли онъ зналъ о Ньютонѣ.

Подобрать цѣлый рядъ куріозовъ въ томъ же родѣ было бы весьма не трудно. Однѣ тѣ страницы гдѣ описываются похождения Подлиповцевъ въ губернскомъ городѣ могли бы доставать намъ обильный запасъ диковинокъ. Тамъ напримѣръ Пила, встрѣтивъ молодаго дьякона въ шелковой расѣ, „долго смотрѣлъ на него, разсуждая кто это; ему казалось что это женщина, и онъ хотѣлъ догнать дьякона, посмотреть на него, да товарищи отговорили“. Къ сожалѣнію, всѣ куріозы у Рѣшетникова похожи одинъ на другой, и приведенныхъ обращиковъ совершенно достаточно чтобы читатель могъ судить насколько *Подлиповцы* изображаютъ русскій народъ, и сколько во всемъ этомъ тенденціозномъ балагурствѣ трезвой правды.

Впрочемъ у Рѣшетникова есть разказъ карикатурностью вымысла далеко превосходящій *Подлиповцевъ*. Авторъ самъ смелъ необходимымъ объясниться въ началѣ его такимъ образомъ: „Я знаю что всякій изъ васъ скажетъ что этотъ разказъ небывальщина, и въ настоящее время пошлая вещь; но я васъ предупреждаю: многіе изъ васъ такихъ людей можетъ-быть не видали, да и по одной наружности нельзя судить о человѣкѣ.“ Хотя мудро поманъ что именно хотѣлъ

сказать авторъ этими путанными фразами, однако одно ясно, что онъ сильно опасался за правдоподобность своего разказа. И было чего опасаться. Разказъ называется *Никола Знаменскій*. Въ немъ повѣствуется объ одномъ сельскомъ священникѣ, въ одной сѣверной губерніи, населенной Черемисами, Телтерями и пр. Священникъ этотъ нигдѣ не учился и почти совсѣмъ не умѣлъ читать. Былъ онъ дьячкомъ, но вдругъ вызвали его къ архіерею—въ полы ставить. Приѣхавъ онъ въ городъ, спросилъ какъ къ владыкѣ пройти. „Поди, бають, къ набольшему дьякону, — разказываетъ самъ Никола, и дорогу показали. Я пошелъ. Сердитый такой, хайло у него побольше моего... „Што, баеть, тебѣ?“—Я баю, баю, Никола Знаменскій. — „Кто?“ спрашиваетъ. Кое-какъ растолковались.... „Отчево, баеть, ты безъ рясы?“ (авторъ вѣроятно позабылъ что Никола еще дьячокъ.) Я баю: а пошто ряса? Онъ какъ закричить; я ему хотѣлъ было дать масла, такъ не беретъ: „Мы, баеть, эту дрянъ не беремъ, намъ, баеть, дѣвать ее некуда. Давай деньги“. Ну, далъ я ему десять рублей—и спасибо не сказалъ. „Ну, баеть, я иду къ самому владыкѣ, айда со мной!“ На другой день его ставили въ соборѣ въ дьяконы. „Вотъ молодые дьякона, повѣствуетъ самъ Никола, што архирея одѣвали, повели меня грѣшнаго челоувѣка на средину церкви, да сперва одинъ, а потомъ другой, и давай толкать меня въ шею. Я смотрю на нихъ и дивлюсь, а они зовуть меня въ алтарь. Ну, какъ я пойду, когды въ большія двери полы ходять? а большой дьяконъ стоитъ въ большихъ дверяхъ и машеть меня. Ну, перекрестился и пошелъ.... Не оглядѣвса я, какъ большой дьяконъ подвелъ меня къ архирею, а онъ сидитъ. Ничего потомъ не помню окромя того какъ вдругъ большой дьяконъ рявкнетъ: ахъ-ти вошь! Ну я, братъ, больно испугался. А штучки-то эти у меня таки водились. Помню еще что волоса мнѣ стригли; ну да это куда ни шло. Послѣ обѣдни владыко брачилъ, брачилъ меня, и все-таки общалъ завтра попомъ сдѣлать, а отъ большого дьякона простѣ покою не было.... На другой день меня съ дьяконами поставили, ектенію заставляли сказывать. Спасибо дьяконъ, што рядомъ со мной стоялъ, сказалъ, да и лѣвчіе скоро лѣди.... Не легко, братецъ ты мой, попомъ сдѣлаася.... Послѣ этого меня двѣ недѣли учили, да плохо я понималъ. Маялись, маялись и послали домой.“

Водворившись въ своемъ приходѣ, Никола сталъ звать крестьянъ въ церковь. „Я лѣтъ стану. Баско слою, какъ у наибольшаго поля поютъ“.

Церковь была полна, Никола читалъ громко, пропуская то чего не могъ разобрать. Когда онъ кланялся народу или кадиль, то кто-нибудь кричалъ:

— А мнѣ што не кланяешься?

— Погоди, и тебѣ будетъ. Не всяко лыко въ строкѣ, отвѣчалъ полъ.

Никола не зналъ ни когда постъ, ни когда праздникъ, и справлялся объ этомъ въ городѣ у сестры Матрены. „А Петро-Павла скоро?“ спросить бывало у нея. Еще недѣля. „А теперь што?“ Постъ. „А я ужь отгулялъ Петро-Павла“.

Пріѣхалъ къ нему новый благочинный и спрашиваетъ:

„— Я слышалъ што ты сегодня обѣдню не служилъ?“

„— Я-то?... А пошто ее служить-то? Развѣ праздникъ какой?“

„— А ты развѣ не знаешь этого?“

„— А поцемъ мнѣ знать-то.... Вонъ я вѣчера изъ лѣсу пришелъ съ Сергунькой. Мелвѣдвѣ-то нонѣ маловато, а рабковъ да гаухарей это благодать.“

„— Ты стрѣляешь? Развѣ дозволено священнику проливать кровь?“

„— Эко слово сказали! Да я всегда этимъ занимаюсь, потому кору бы глодалъ. Зачѣмъ! А ты батшко благочинный, залѣзай въ избу-то, я те ливкомъ полоштую да гаухарей дамъ.“

Какъ ни мало знаемъ мы о глухихъ захоластьяхъ нашего дальняго Сѣвера, все-таки ни одилъ читатель не можетъ принять подобныхъ разказовъ иначе какъ за шутку, не особенно замысловатую и не совсѣмъ умѣстную. Въ литературѣ допускаются даже каррикатурныя преувеличенія, но у Рѣшетникова эти преувеличенія отличаются лоразительнымъ отсутствіемъ остроумія и юмора. Все что мы успѣли привести на этихъ страницахъ, нисколько не смѣшно; да Рѣшетниковъ кажется и не имѣлъ въ виду разсмѣшить читателя. У него просвѣчиваетъ какъ бы единственная мысль, единственное стараніе, представить всякое лицо или явленіе изображаемой имъ дѣйствительности въ такомъ опаскуженномъ видѣ чтобы читателю самому сдѣлалось гадко. Эта фатальная потребность обнаруживается у него даже тамъ гдѣ изображаемый имъ предметъ всѣмъ очень хорошо извѣстенъ.

как например Петергофскіе сады. Описывая ихъ въ одномъ небольшомъ отрывкѣ, Рѣшетниковъ сумѣлъ представить ихъ, вмѣстѣ съ гуляющею въ нихъ публикой, въ какомъ-то такомъ невозможно гадкомъ видѣ что бывавшіе въ Петергофѣ должны съ удивленіемъ спросить себя: да почему же однако намъ все это никогда не казалось такимъ противнымъ, и никогда мы не видѣли тамъ такой публики и не слышали такихъ разговоровъ, какіе находимъ у автора?

Здѣсь, конечно, вина лежитъ уже не на недостаткѣ литературнаго дарованія, а на той жизни которая воспитала Рѣшетникова и на его культурномъ уровнѣ.

Читатели, конечно, не потребуютъ отъ насъ чтобы мы дали здѣсь отчетъ о всѣхъ многочисленныхъ произведеніяхъ Рѣшетникова. Сознаемся откровенно, мы не были въ силахъ прочесть и половины ихъ. Да едва ли это и было бы нужно. Рѣшетниковъ принадлежалъ къ числу тѣхъ писателей авторскій горизонтъ которыхъ остается навсегда въ однихъ и тѣхъ же предѣлахъ. Сфера наблюдений его повидному нисколько не расширилась въ теченіи его литературной карьеры. Переездъ въ Петербургъ очень немного помогъ его развитію, потому что и въ Петербургѣ его интересовала и была омыта ему только та же самая среда которую онъ наблюдалъ въ провинціи. *Подлиннымъ* остались до конца лучшимъ его произведеніемъ; за ними по крайней мѣрѣ то преимущество что недостатки автора сказались въ нихъ впервые, не съ отбѣжка нѣкоторой оригинальности, между тѣмъ какъ въ послѣдующихъ повѣстяхъ и разказахъ Рѣшетниковъ уже вно повторялъ самого себя. Въ послѣднемъ романѣ онъ стается на томъ же самомъ уровнѣ понятій и вкуса въ которомъ стоялъ при первомъ появленіи въ литературѣ: да же Пилы и Сысойки ему очевидно уже нечего было оказывать своимъ читателямъ. Даже высшіе литературные приемы его и мало не усовершенствовались, не выработались. Сравнивая повѣсти съ выделенными отрывками изъ его дневника, нельзя не предположить что первая являлись въ печати уже значительно выправленными редакціей или литературными пріятелями автора; но даже и послѣ такихъ поправокъ, слогъ Рѣшетникова обнаруживаетъ крайнее незнаніе литературнаго языка и какую-то беспомощную дутавность мысли. Даже самыя простыя описанія не удаются ему; они грешатъ даже массою совершенно излишнихъ подробностей

и слова сочѣтаются часто такимъ образомъ что читатель становится въ тупикъ. Вотъ, напримеръ, въ послѣднемъ романѣ *Свой альбъ*, онъ описываетъ старый залустѣлый домъ. „Говорятъ что въ немъ прежде жилъ намѣстникъ (?) города и въ нижнемъ этажѣ помѣщалась городская тюрьма въ которую сажали воровъ и другихъ обвиняемыхъ въ какихъ-нибудь преступленіяхъ людей и изъ другихъ мѣстъ (?)... Въ (?) пустыхъ площадкахъ на полуразвалившихся печахъ и стѣнахъ обитали голуби, гапки и вороны, и деревенскіе жители не имѣвшіе въ городѣ пристанища частенько ночевали тамъ“ (на стѣнахъ?)... Захочетъ Рѣшетниковъ описать рядъ дѣвушки, и вдругъ скажетъ: „подъ платьемъ не было криволиня“. Вообще впрочемъ все то что говоритъ авторъ о женщинахъ не изъ мѣщанскаго круга представляетъ сплошной рядъ куріозовъ. Роковое тяготѣніе среды чувствуется здѣсь въ такой степени что становится тяжело и какъ-то стыдно за автора. Вотъ напримеръ какъ описываетъ Рѣшетниковъ въ упомянутомъ романѣ красивую губернскую львицу: „Волосы у нея густыя, но къ нимъ на затылокъ подъ сѣтку она прибавляетъ еще комокъ фальшивыхъ волосъ, для приданія себѣ больше красоты; съ этою же цѣлью она и лицо свое натираетъ масломъ... Она часто ужимается губами, какъ бы стараясь этимъ передать себѣ грацію, кокетливо встряхиваетъ головой и постоянно поправляетъ свое платье, оборачивая голову назадъ. Такъ и видна въ ней дама привыкшая бывать въ кругу аристократовъ-поклонниковъ, любящая танцы и вообще женщина желающая всѣмъ понравиться. Какъ женщина выросшая въ губернскомъ городѣ и считающая себя губернской львицей, она съ шикомъ раскладываетъ съ гостями, подавъ каждому руку“... и т. д.

Читатели могутъ замѣтить что толь и стиль этого отрывка довольно близко напоминаютъ приведенныя гораздо раньше строки изъ дневника Рѣшетникова о томъ что „по заведенію иностранцевъ открыто у насъ играть въ карты, и этимъ основывается наша лубянка гесподъ“... Восемь лѣтъ проведенныя авторомъ въ Петербургѣ, въ званіи первостепеннаго русскаго литератора, очевидно не много помогли его образованію и воспитанію.

Мы остановились на романѣ *Свой альбъ*, потому что это произведеніе, какъ самое послѣднее по времени, должно дать

оняте о наличности силъ съ которыми Рѣшетниковъ подаетъ литературное явлѣнiе. Какъ оказывается, эти силы е приумножились претивъ того итога съ которымъ онъ ступилъ въ литературу. Оскорѣ можно даже сказать что нѣ потеряли довольно значительный ущербъ. Какъ ни плохо написаны *Поддьяковы*, въ нихъ есть кое-какой свѣтлй матеріалъ, чувствуется нѣкоторая безпритязательная простота примовъ, хотя грубая и неуклюжая, но не лишенная отѣнка оригинальности. При невоспитанности нашихъ литературныхъ вѣкусовъ, при безпринципности нашей критикъ, эта неуклюжая грубость могла даже быть принята за силу. Ничего такого въ романѣ *Свой хлѣбъ* уже не встрѣчается. Хотя среда изображаемая въ этомъ произведенiи—среда сѣлаго чиновничества и мѣщанства—близко знакома автору, но романъ сомнѣвъ по извѣстному рецепту новейшей тенденціозной литературы. Дочь провинціального чиновника не хочетъ жить на счетъ своихъ родителей и ностуляетъ швей въ модный магазинъ, чтобы зарабатывать „свой хлѣбъ“. Въ этомъ главное содержаніе романа. Почему такая мысль владаетъ на умъ героини, остается загадкою для читателя, какъ какъ героиня ловидимому ничѣмъ не возвышается надъ окружающею средой, и какого-нибудь посторонняго вліянія также не испытываетъ. Рѣшетникову очевидно просто задали тему и посовѣтовали написать романъ въ „современномъ духѣ“. Ради того же „современнаго духа“ авторъ заставилъ свою героиню бѣжать изъ монастыря — обстоятельство ничѣмъ не связанное съ остальнымъ разказомъ. Безконечно длинный и скучный романъ этотъ состоитъ изъ утомительныхъ подробностей о прелатствіяхъ и лишеніяхъ претерпѣваемыхъ героиней въ погонѣ за „своимъ хлѣбомъ“. Прелатства и лишенія эти самаго матеріальнаго свойства: то ей есть нечѣго, то въ коморкѣ у нея холодно и сыро, то башмаки потрелились. Для образца приведемъ одну небольшую выдержку. Знакомая старушка дала Дарѣ Андреевнѣ, героинѣ романа, поѣсть киселя: „Варугъ Дарья Андреевна взглянула на ложку. Въ ложкѣ оказалось нѣсколько разбухшихъ таракановъ. Она не могла больше ѣсть.

„— Что же ты умничаешь? Ышь!

„— Тараканы, Ольга Герасимовна!

„— Гдѣ?

„— Въ кисель.

„— Не можетъ быть!

„Ольга Герасимовна засуетилась, зажгла салную свѣчку, поставила ее надъ горшкомъ и стала мѣшать въ немъ жирность ложкой. Въ жидкости оказалось множество таракановъ. Дарью Андреевну передернуло, но Ольга Герасимовна, устроивъ въ ложкѣ двухъ таракановъ, хладнокровно спустила ихъ назадъ въ горшокъ.

„— Экіе вѣдь право негодяи! киселя захотѣли кушать! Вотъ Господь ихъ и наказалъ — подокал. Я то же чувствовала что какъ будто немного кисловато. Испортится киселью кажется не отъ чего, вчера варила. А вонъ-оно какіе екавія-то. Тьфу! А много ихъ въ горшкѣ-то?

„— Да, столько сколько и ягодъ.

„— Ну, слава Богу! теперь ихъ у меня меньше будетъ. А то недѣлю тому назадъ, такъ въ оба уха по таракану залезло. Насилу деревяннымъ масломъ ихъ оттуда выжала. А ты, мать моя, извини меня слѣпую старуху что я тебя тѣмъ кушаньемъ угостила. И не думай о нихъ, еще пожить будетъ. Поди шалей воды—все пройдетъ.“

Проемъ у читателей извиненія за такую вылиску: рецензентъ обязанъ показывать самыя характеристическія особенности разбираемаго произведенія, а характеристичныя этой исторіи съ тараканами не многое можно найти даже у Рѣшетникова.

Прибаваятъ что-нибудь къ немалочисленнымъ выдержкамъ сдѣланнымъ нами изъ упомянутаго писателя кажется не зачѣмъ. Мы старались показать Рѣшетникова такимъ какимъ онъ является самъ въ своихъ произведеніяхъ. Читатель располагаетъ всеми данными чтобы самому опредѣлить его мѣсто въ литературѣ.

Не знаемъ, читаетъ ли кто-нибудь теперь сочиненія Рѣшетникова. Но тѣмъ кто во время оно услѣлъ съ нимъ познакомиться, мы приглашаемъ вспомнить о знаменитой, еще недавней эпохѣ, когда этимъ произведеніямъ отводилось почетное мѣсто въ нашей беллетристикѣ, когда критика вѣдала въ нихъ новое слово — „трезвую правду о простомъ русскомъ человѣкѣ“. Явленіе это лучше многихъ другихъ можетъ объяснить какое удивительное время мы пережили.

ПАМЯТИ

ПАВЛА МИХАЙЛОВИЧА ЛЕОНТЬЕВА.

24го марта, послѣ непродолжительной болѣзни, неожиданно для близкихъ, до послѣдней минуты не терявшихъ надежды, скончался, на пятьдесятъ третьемъ году отъ рожденія, директоръ Лицея Цесаревича Николая, издатель *Московскихъ Вѣдомостей*, заслуженной профессоръ Павелъ Михайловичъ Леонтьевъ.

Въ послѣдніе годы Павелъ Михайловичъ часто страдалъ катарромъ дыхательныхъ путей; но несмотря на болѣзнь онъ обыкновенно не прерывалъ своихъ многочисленныхъ и тяжелыхъ занятій, продолжалъ посѣщать Лицей, и только при крайнемъ ожесточеніи болѣзни оставался въ постели. 11го марта, вечеромъ, Павелъ Михайловичъ простудился. На другой день, чувствуя уже сильную боль въ лѣвомъ боку, онъ продолжалъ свои занятія въ Лицеѣ. 13го марта, во время урока, онъ почувствовалъ потрясающій ознобъ и едва могъ говорить, но не прервалъ урока. Вслѣдствіе простуды развилось воспаление лѣваго легкаго и легочной плевры. Но и при страданіяхъ смертельной болѣзни, думы и заботы о Лицеѣ не оставляли покойнаго; несмотря на всѣ просьбы окружающихъ, онъ не прекращалъ занятій лицейскими дѣла-

ми, и еще въ пятницу, 21го марта, трудился надъ контрактомъ по устройству церкви въ Лицевъ. Организмъ изнуренный непомерными трудами оказался не въ силахъ перенести болѣзнь. Въ субботу, 22го, онъ приобщился Св. Таинъ, а 24го, въ понедѣльникъ, въ шестомъ часу полудни, скончался такъ тихо что окружавшіе его долгое время думали что онъ заснулъ.

Павелъ Михайловичъ, сказано въ краткомъ автобіографическомъ очеркѣ помѣщенномъ въ *Биографическомъ Словарѣ преподавателей Московскаго Университета* (1855 года, по случаю столѣтняго юбилея университета), родился въ городѣ Туль, 18го августа 1822 года. Первую молодость провелъ онъ въ деревнѣ Елифанскаго уѣзда Тульской губерніи, въ домѣ родителей, употреблявшихъ всѣ средства своего весьма небольшого состоянія для хорошаго воспитанія дѣтей. Съ ранняго возраста онъ привыкъ видѣть постоянныя занятія людей окружавшихъ его: отца, любящаго чтеніе и хозяйство, мать, приготовляющую лѣкарства для окрестныхъ простолюдиновъ, со всѣхъ сторонъ стекавшихся къ ней за пособіями домашней медицины, и употреблявшую досугъ съ особенною охотою на руководѣлія трудныя и изысканныя. * Любознательное уваженіе къ книгамъ получилъ онъ вмѣстѣ съ первыми впечатлѣніями младенчества; дома было книгъ много и еще болѣе у прапрадѣда его по матери, Андрея Тимофеевича Болотова, къ которому каждый годъ его возили родители до смерти почтеннаго старца въ 1832 году. Первое обученіе получилъ онъ отъ матери и трехъ домашнихъ учительницъ, изъ которыхъ одна была воспитанница Московскаго Екатерининскаго Института и двѣ иностранки. Въ началѣ 1833 года его отдали въ Пансіонъ, который г. Бегагель содержалъ въ Туль; въ этомъ же году скончалась мать его. Пансіонское ученье шло не совсѣмъ удовлетворительно, но въ латинскомъ языкѣ и математикѣ

* Ею былъ, напримѣръ, сдѣланъ чепецъ изъ паутинки, обрацавшій на себя вниманіе въ собраніи г. Свинына. Она любила также рисовать на паутинѣ.

лучше нежели въ другихъ предметахъ: математику преподавалъ г. Сытинъ, учитель гимназій, бывшій потомъ инспекторомъ. Лѣтомъ 1834 года Леонтьевъ вышелъ изъ пансіона и продолжалъ заниматься дома въ деревнѣ подъ надзоромъ родителя, а въ январѣ 1835 года поступилъ въ Дворянскій Институтъ, въ Москвѣ, въ четвертый классъ. Вслѣдствіе особыхъ распоряженій тогдашняго директора института С. Я. Унковскаго онъ оставался по полугодю въ четвертомъ, пятомъ и шестомъ классахъ (классовъ было восемь), успѣвая особенно въ латинскомъ языкѣ, подъ руководствомъ Т. П. Сирикова, и въ математикѣ, которую преподавалъ А. И. Мохтинъ. Лѣтомъ 1836 года институтъ былъ преобразованъ. Ученіе, сдѣлавшееся гимназическимъ, по выходѣ изъ восьмаго класса послѣднихъ воспитанниковъ бывшаго Университетскаго Благороднаго Пансіона, было распределено по особому плану и раздѣлено на шесть годовыхъ курсовъ. Вслѣдствіе того Леонтьевъ былъ переведенъ изъ прежняго шестаго класса въ шестой новый, соотвѣтствовавшій седьмому классу гимназій. Въ преподавателяхъ произошли также перемѣны; латинскій языкъ въ двухъ высшихъ классахъ былъ порученъ профессору Московскаго университета Д. Л. Крюкову, который однимъ своимъ появленіемъ въ Институтъ сильно подѣйствовалъ на учениковъ. По его совѣту, Леонтьевъ сталъ брать у г. Клива, теперь преподавателя въ Московскомъ университетѣ, частныя уроки въ греческомъ языкѣ, который не преподавался въ Дворянскомъ Институтѣ. Курсъ окончилъ онъ первымъ ученикомъ и получилъ серебряную медаль лѣтомъ 1837 года, когда ему не исполнилось еще 15 лѣтъ. Вступленіе въ университетъ представляло трудности: тогдашнее собственное желаніе вело его въ математическое отдѣленіе; но ислечитель Московскаго учебнаго округа, графъ С. Г. Строгановъ, постоянно слѣдившій за успѣвающими не только въ университетѣ, но и въ гимназіяхъ, совѣтовалъ ему избрать словесное отдѣленіе и на томъ же настаивалъ профессоръ Крюковъ. Представляя себѣ что отъ исполненія

этого совѣта зависитъ принятіе его въ университетъ ранѣе установленнаго возраста, Леонтьевъ рѣшился вступить въ словесное отдѣленіе тогдашняго философскаго факультета. Будучи студентомъ, онъ занимался преимущественно подъ руководствомъ профессора Крюкова, которому наиболѣе обязанъ своимъ филологическимъ образованіемъ.

Окончивъ курсъ въ 1841 году, былъ опредѣленъ графомъ С. Г. Строгановымъ въ должность помощника бібліотекаря, которую занималъ до конца 1843 года. По выдержаніи магистерскаго экзамена, отправленъ за границу на казенномъ иждивеніи въ январѣ 1843 года, слушалъ лекціи въ Кенигсбергскомъ (профессоровъ Лобека и Розенкранца), Лейпцигскомъ (Готфрида Германа, Гаулта, Штильбаума), Берлинскомъ (Бёка, Ламана, Шеллингга, Гергарда) и другихъ университетахъ и посетилъ замѣчательнѣйшіе города Италіи. Возвратившись оттуда, былъ опредѣленъ исправляющимъ должность адъюкта (въ сентябрѣ 1847 года) и экстраординарнаго профессора (въ маѣ 1851 года) по кафедрѣ римской словесности и древностей.

Началась та славная учная, литературная и общественная дѣятельность покойнаго, главные черты которой еще у всѣхъ въ свѣжей памяти....

Отпѣваніе и погребеніе тѣла Павла Михайловича происходило въ пятницу, 28го марта. Уже къ 9 часамъ утра, къ дому Университетской Типографіи собирались лица желавшія отдать послѣдній долгъ усопшему. Предъ домомъ стояла густая толпа народа, постепенно возрастающая. Въ 9½ час. карета преосвященнаго Леонида медленно подѣхала къ крыльцу среди толпы наполнявшей дворъ и улицу. Послѣ краткой литіи совершенной преосвященнымъ, студенты и воспитанники высшихъ классовъ Лицея и друзья Павла Михайловича на своихъ рукахъ понесли гробъ въ Университетскую церковь. Открылось величественное погребальное шествіе. Впередѣ поѣзда шли ряды рабочихъ и служащихъ въ типографіи.

а за ними попарно воспитанники Лицея. Когда шедшие впереди процессіи были уже близъ Охотнаго Ряда, отъ дома Университетской Типографіи едва начали двигаться экилажи замыкавшіе процессію; по улицамъ переставшимъ путь шествія прекращалось движеніе; по обѣимъ сторонамъ стояли толпы, по временамъ, присоединявшіяся къ процессіи и умножавшія число провожавшихъ. На Большой Дмитровкѣ, предъ зданіемъ гдѣ нынѣ помѣщается Лицей, была совершена литія.

У дверей храма тѣло было встрѣчено преосвященнымъ Леонидомъ съ прочимъ духовенствомъ. Храмъ, лѣстница и обширныя сѣны были переполнены лицами собравшимися отдать послѣдній долгъ покойному, между которыми замѣтную долю составляли родители и родственники воспитанниковъ Лицея. Гробъ окружали лица близкія покойному и Лицей во всемъ его составѣ. Собралось все что есть въ Москвѣ наиболѣе замѣтнаго въ правительственныхъ и общественныхъ кругахъ. Въ числѣ присутствовавшихъ были: московскій генералъ-губернаторъ, князь В. А. Долгоруковъ, неоднократно присутствовавшій, какъ и многія другія изъ почетнѣйшихъ лицъ столицы, и при домовыхъ паннихидахъ надъ тѣломъ; командующій войсками Московскаго военного округа А. И. Гильденштубе, также не пропускавшій почти ни одной паннихиды; московскій комендантъ А. К. Фридрихсъ, начальникъ первой гренадерской дивизіи Э. А. Моллеръ, почетные олекуны: Д. Н. Бѣлевцевъ, В. А. Дашковъ, графъ А. Н. Ламздорфъ, московскій оберъ-полицеймейстеръ Н. У. Араловъ, бывшій плечитель Виленскаго учебнаго округа П. Н. Батюшковъ, начальникъ Архива иностранныхъ дѣлъ баронъ Э. А. Бюлеръ, московскій городской голова Д. Д. Шумахеръ и весьма многіе другіе. Учебное вѣдомство, которому главнымъ образомъ принадлежала дѣятельность покойнаго, было представлено полно. Присутствовали: плечитель Московскаго учебнаго округа князь Н. П. Мещерскій, находившійся въ самыхъ близкихъ дружескихъ отношеніяхъ къ покойному и нынѣ проводившій его лѣшкомъ почти

весь длинный путь до мѣста погребенія; помощникъ попечителя С. С. Ивановъ, ректоръ университета С. М. Соловьевъ, прибывшіе изъ Петербурга друзья покойнаго: предсѣдатель ученаго комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, А. И. Георгіевскій, редакторъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* Е. М. Θεоктистовъ, завѣдующій реальными училищами А. М. Гензель, профессеры, директоры и преподаватели гимназій, начальственныя и учащія лица другихъ учебныхъ заведеній, въ томъ числѣ начальница женской классической гимназіи С. Н. Фишеръ и нѣсколько ученицъ этой гимназіи, многіе студенты и воспитанники гимназій. Послѣ литургіи преждосвященныхъ даровъ совершенной архіерейскимъ служеніемъ, настоятель Университетской церкви Н. А. Сергіевскій произнесъ слово. Отпѣваніе тѣла совершали преосвященный Леонидъ, архимандритъ Златоустовскаго монастыря Аванасій, протоіерей Н. А. Сергіевскій, профессоръ университета, протоіерей А. М. Иванцовъ-Платоновъ, редакторъ *Православнаго Обозрѣнія* священникъ П. А. Преображенскій, законоучителя Лицея: протоіерей Я. Д. Головинъ, протоіерей Д. В. Разумовскій, священникъ Н. Г. Малиновскій и приходскій священникъ А. В. Остроглазовъ.

Гробъ былъ наполненъ цвѣтами, которые и во время богослуженія приносились и полагались на его тѣло чтилцами его памяти.

Послѣ отпѣванія, законоучитель Лицея, Яковъ Даниловичъ Головинъ произнесъ теплое слово, слѣдующаго содержанія:

„У неожиданнаго гроба глубоко чтимаго директора Лицея Цесаревича Николая, незабвеннаго Павла Михайловича, наша рѣчь, безъ сомнѣнія, будетъ о немъ. О чемъ же и о комъ и въ Божьемъ храмѣ говорить намъ, какъ не о томъ кто теперь въ устахъ всѣхъ насъ и дома, и въ Лицеѣ, и составляетъ невольный предметъ глубокихъ и искреннихъ сѣтованій и соболѣзнованій, кто такъ близокъ нашему сердцу и кого мы провожаемъ въ путь далекій, далекій.... Скорѣе мы придемъ къ нему, — когда Владыка жизни и спасенія найдетъ наилучшую минуту

призвать насъ къ Себѣ, какъ призвалъ его,—чѣмъ онъ къ намъ. Съ того берега высшего и совершеннѣйшаго бытія уже не возвращаются сюда, въ область жизни переходной и приготовительной, грѣшной, и потому не легкой и часто страдальческой.

„Послѣ перваго потрясающаго впечатлѣнія вѣстію о несчастіи постигшемъ наше юное училище, можетъ-быть не намъ одавать пришелъ на память священный текстъ: *Аще и мнози пѣстуми имате о Христѣ, но не мнози отцы* (1 Кор. 4, 15), и наведъ на мысль, что мы, лицеисты, въ лицѣ почившаго о Господѣ лишаемся не учителя только, хотя бы наилучшаго и даже главнаго, не просто директора, искренно чтимаго и горячо любимаго всеми, но *отца* и притомъ въ высокомъ значеніи слова.

„Отъ печальнаго зрѣлища на минуту перенесемся къ тому благословенному времени когда впервые засіялъ свѣтъ Евангельскій, когда закладывались основанія христіанской семьи, дѣйствительно семьи человѣческой и образованія истинно гуманнаго. Въ Коринѣ Св. Апостолъ основалъ Церковь Христову единую и нераздѣльную. Но послѣ него въ цвѣтущей церкви Коринѣской явилось много учителей, которые, руководясь не чисто христіанскими побужденіями, произвели въ ней раздѣленія. Тогда-то Св. Павелъ, возстановляя пошатнувшуюся Церковь, между прочимъ пишетъ Коринѣянамъ: „Хотя и многихъ наставниковъ вы имѣете, но отцовъ не многихъ“,—и тѣмъ полагаетъ глубокое и рѣзкое различіе между отцами и людьми не имѣющими отеческихъ чувствъ и свойств. Отецъ—это лицо изъ четы, Богомъ соединенной, которую, благославляя дѣтьми, Господь надѣляетъ пламенною и чистою любовію къ нимъ, заботами безкорыстными о благѣ ихъ, то-есть такими чувствами какихъ не отцы совсѣмъ не имѣютъ или имѣютъ очень рѣдко.

„Незабвенный Павелъ Михайловичъ, вмѣстѣ съ богатствомъ другихъ даровъ, и умственныхъ и нравственныхъ, былъ надѣленъ отъ Бога истинно отеческимъ сердцемъ, хотя и никогда не былъ отцомъ въ тѣсномъ смыслѣ. Особенно для Лицея онъ былъ отецъ. Скажемъ болѣе. Для дѣтей-лицейцевъ онъ замѣнялъ мѣсто матери.

„Павелъ Михайловичъ—отецъ Лицея уже и потому что онъ былъ учредителемъ и основателемъ его, хотя и не одинъ, какъ Апостолъ былъ основателемъ Церкви Коринѣской. Онъ основалъ это училище, съ единственною и высокою цѣлію дать или указать дорогому отечеству нашему способъ наилучшаго и дѣйствительнаго

развитія и образованія молодыхъ силъ Россіи, будущихъ ея дѣателей. Но онъ—еще больше отецъ нашего Лицея по своимъ чувствамъ къ нему, по заботамъ о немъ и трудамъ для него. Онъ, какъ отецъ, любилъ Лицей горячо, неизмѣнно, безкорыстно, отдавъ ему свое мягкое и нѣжное сердце, богатое сокровище своихъ знаній и опытности и въ послѣднее время всѣ свои силы и время,—ласкалъ дѣтей, радовался на нихъ, какъ мать, особенно когда дѣти возвращались изъ домовъ родителей цвѣтущими и съ бодрыми силами. Говоримъ какъ очевидцы, радовавшіеся на это свѣтлое зрѣлище. Отъ крупнаго до мелочей, отъ преподаванія до приготовленія лица,—во весь бытъ дѣтей проникали его заботы. Онъ не только не искалъ интереса въ матеріальномъ смыслѣ отъ своего учрежденія, но жертвовалъ для него собственнымъ своимъ достоинствомъ. Онъ работалъ для Лицея дни и ночи, и одинъ Богъ знаетъ когда отдыхалъ онъ. Новое помѣщеніе для лицеистовъ, по грандіозности достойное заведенія и соответствующее любви къ нему учредителя, еще не совершенно отдѣлкой, но въ немъ все уже размѣрено, исчислено и опредѣлено собственной рукою его чтобы всѣмъ и во всемъ было удобно. При недостаткѣ времени днемъ, на эти труды съ строителями посвящались часы послѣ полуночи. Какъ отецъ, какъ мать, онъ желалъ перелить свою любовь къ Лицею во всѣхъ служащихъ при немъ и сдѣлалъ многое для того чтобы, обезпеченные въ содержаніи, они свободно могли посвятить свои силы и время дѣтямъ лицейскимъ. Онъ поставилъ себѣ трудную задачу воспитать своихъ любимцевъ чистыми и нравственно непорочными какъ дѣвицы и невѣсты. Къ этому направлены и непримѣрный въ нашихъ училищахъ надзоръ и внушеніе, и наставленіями и примѣромъ любви къ труду вообще, и въ частности къ труду научному. Кто, кромѣ матери и отца, пожелаетъ такого воспитанія и столько потрудится для дѣтей нашихъ?

„Глубоко и искренно любимый нашъ директоръ былъ доступенъ дѣтямъ всегда и вездѣ. Начальническая суровость была чужда ему и невѣдома. Наблюдателя поражало въ немъ удивительное сочетаніе высокаго, всегда себѣ равнаго достоинства съ неизмѣннымъ спокойствіемъ духа и мягкостію обращенія. Дѣти не боялись его какъ боятся начальниковъ въ школахъ; они шли къ нему со всѣми своими нуждами смѣло и свободно и въ стѣнахъ Лицея и за стѣнами, среди улицы, когда встрѣчались, и, конечно, съ любовью были удовлетворены тутъ

же, выражая по-дѣтски свою радость, какъ предъ отцомъ и матерью. Съ Павломъ Михайловичемъ и дѣтская гроза, экзамены, казалась легче, несмотря на то что почившій былъ безусловно справедливъ въ оцѣнкѣ отвѣтовъ и положительно строгъ. Извѣстны его высокія требованія отъ учениковъ трудолюбія и разумнаго знанія. Въ чемъ же тайна? Въ тихомъ, кроткомъ обращеніи экзаминатора и его безпристрастіи, равномъ для всѣхъ. Особенно къ новичкамъ умѣлъ подходить почившій такъ что экзаменующійся не чувствовалъ экзамена и все ждалъ его впереди. Все это олять передаемъ какъ свидѣтели фактовъ.

„Лицейсты-наставники и дѣти! Мы знаемъ что сказанное нами извѣстно вамъ, и даже лучше и короче нашего. Знаемъ также, какъ и вы знаете, что мы не кончили бы нашей рѣчи еслибы захотѣли изображать всѣ неоцѣненные педагогическія достоинства Павла Михайловича. И это говоримъ не для похвалы почившему. Чтò ему въ человѣческихъ похвалахъ и славѣ, когда онъ предсталъ на судъ всевидящаго Бога, все оцѣнивающаго лучше всякаго человѣка и прославляющаго Своихъ труженниковъ, какъ *солнце въ царствѣ Своемъ*? Говоримъ для того чтобы напомнить вамъ о подражаніи отцу Лицея въ его трудолюбіи, къ которому онъ такъ ждалъ приучить всѣхъ насъ, и большихъ и малыхъ, въ его обращеніи, кроткомъ и тихомъ, въ его любви къ Лицею, безпристрастіи и пр. Если въ цѣломъ характерѣ Павелъ Михайловичъ неподражаемъ, то возможно подражаніе хоть въ частыхъ чертахъ, какъ и Апостолъ убѣждалъ Коринѳяны подражать ему въ его отеческихъ чувствахъ.

„Еще одно слово: у каждаго изъ насъ и у васъ, дѣти, есть въ сердцѣ тепленькій уголокъ гдѣ помѣщаются ваши близкіе и дорогіе. Присоедините къ нимъ навсегда и отца Лицея, незабвеннаго Павла Михайловича. И когда вы возносите ваши вздохи и сердце къ Тому Кто объемлетъ и внимаетъ вздохамъ цѣлаго міра, не забывайте вздохнуть и о немъ чтобы милосердіе Божіе покрыло неизбѣжныя немощи и прегрѣшенія его, и улокомило въ миръ и свѣтъ радости того кто не зналъ здѣсь покоя для васъ. Аминь.“

Умилительно и трогательно было послѣднее цѣлованіе... Наконецъ, дорогая ноша снова поднята на руки. Гробъ несли лицейскіе студенты и воспитанники, часто смѣнялась не отъ усталости, а отъ рвенія. Непосредственно за гробомъ, смѣшиваясь съ толпою сопровождавшихъ,

шли родственники, друзья и близкіе знакомые покойнаго; изъ нихъ многіе лѣшкомъ совершили весь путь до Алексѣевского монастыря. Затѣмъ ѣхала пустая погребальная колесница и за нею длинная вереница экипажей. Поездъ такуся на такомъ протяженіи что движеніе на Тверской было прервано почти на полчаса, и линия процессіи занимала длину нѣсколькихъ бульваровъ. Предъ зданіями Университета, Лицея и Типографіи были отслужены литіи. Отъ зданія Типографіи гробъ несла наборщица и рабочіе; но близъ монастыря лицеисты снова привали на себя дорогу вожу.

Во святыхъ воротахъ монастыря гробъ былъ встрѣченъ преосвященнымъ Леонидомъ, и въ сопровожденіи прибывшихъ московскаго генераль-губернатора князя В. А. Долгорукова и московскаго оберъ-полицеймейстера и всѣхъ повъжанъ, отнесенъ на кладбище къ склепу, съ приготовленнымъ свинцовымъ гробомъ. На могилѣ, когда возглашена была *свѣчая память*, учитель исторіи въ Лицеѣ Цесаревича Николая, В. В. Назаревскій, сказалъ слѣдующее:

„Моисею, воспитавшему новое племя въ народъ, не суждено было ввести это племя въ обѣтованную землю и самому жить на ней съ тѣми кого онъ воспитывалъ. Ему дозволено было однако издалека увидѣть предметъ пламенныхъ желаній его сердца. Онъ покинулъ здѣшній міръ со скорбнымъ и вмѣстѣ радостнымъ чувствомъ, когда раскрылась его взору величественная картина обѣтованнаго края съ его зелеными нивами и лажитями, съ его свѣтлыми потоками, его виноградниками и лѣсами кипарисовъ.

„Не съ такимъ ли чувствомъ оставилъ этотъ міръ и твоей мощной духъ, нашъ почившій учитель и руководитель?

„Изоцривъ свои рѣдкія дарованія глубокимъ изученіемъ культуры великихъ народовъ древности Грековъ и Римлянъ въ произведеніяхъ ихъ литературы и въ самой ихъ исторіи, приготовивъ себя къ высокому призванію долговременною дѣятельностію на полѣ высшаго научнаго образованія, ты сталъ руководителемъ не обольстительнаго на видъ, но истиннаго просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ. Ты создалъ свою школу въ образецъ для дру-

гихъ, и для нея не щадилъ ни труда, ни силъ, ни зло-
ровья. Это знаютъ ночи проведенныя тобою безъ сна,
знаютъ стѣны твоей школы. Своєю рукою, слабѣвшею
день ото дня, ты клалъ, можно сказать, каждый камень
для величественнаго новаго зданія твоего Лицея. И вотъ
когда наше училище развилось до значительныхъ раз-
мѣровъ, когда оно привлекло къ себѣ сочувствіе и на-
дежды, когда рива, воздѣланная твоею рукою, орошен-
ная лотомъ твоего труда, покрылась колосьями, ждущими
серпа и жнеца, когда воспитанники твои гото-
вы выйти на жизненное поле, и самыя стѣны Лицея уже
высятся надъ окружающими ихъ зданіями Москвы, ко-
гда предъ твоими глазами открывалась земля обтѣван-
ная, сильный духъ твой оставилъ слабое тѣло, не мог-
шее болѣе служить его энергіи.... Грустно было душѣ
твоей покидать созрѣвающую риву....

„Но въ насъ живетъ убѣжденіе что при всей грусти на
разставаньи съ этимъ міромъ твоего труда, душа твоя
глубоко утѣшалась сознаніемъ прочности твоего дѣла,
вѣрою въ счастливую его будущность, убѣжденіемъ что
твои питомцы будутъ вѣрны направленію какое ты далъ
имъ. Поручкой этой вѣрности исконныя слезы твоихъ
учениковъ, ослорой этой прочности — глубокое сочув-
ствіе и уваженіе представителей общества сопровож-
дающихъ твой прахъ до могилы гдѣ тебѣ опредѣ-
лено успокоиться отъ изумительныхъ твоихъ трудовъ...
Твоею предсмертною заботой было устроить храмъ Бо-
жій въ новомъ монументальномъ зданіи твоей школы.
Но тебѣ довелось только положить первые камни этого
храма и видѣть его издалека въ очертаніяхъ плана,—а
самъ ты уже не будешь молиться въ немъ вмѣстѣ съ
нами за дорогое и великое дѣло воспитанія молодыхъ
поколѣній. За то твой дорогой для насъ прахъ, надѣем-
ся мы, будетъ храниться подъ алтаремъ Лицея въ за-
логъ его благосостоянія, и какъ свидѣтельство что твой
духъ, духъ знанія, мудрости, труда и энергіи, будетъ
жить въ немъ какъ великая несокрушимая сила.“

Затѣмъ прочтена была рѣчь одного изъ старшихъ учи-
телей Лицея, А. Г. Кудрявцева, который не былъ въ
силахъ самъ произнести ее:

„Почій въ мирѣ, вѣчная память тебѣ, великій труже-
никъ, незабвенный основатель Лицея! Воспоминаніе о
тебѣ никогда не угаснетъ въ сердцахъ всѣхъ которые
предстоятъ здѣсь и олакиваютъ твою безвременную
кончину. Пройдутъ года, и всѣ предстоящіе здѣсь въ

свою череду сойдуть въ могилу, время сложеть мраморъ великолѣпныхъ монументовъ, но память о тебѣ будетъ и тогда жить въ отдаленномъ потомствѣ. Ты воздвигъ себѣ нерушимый памятникъ: созданный и возлелѣванный тобою Лицей, оскѣненный Августѣйшимъ, незабвеннымъ для Россіи именемъ Цесаревича Николая, будетъ передавать отъ поколѣнія къ поколѣнію и славное имя своего основателя. Черезъ много, много лѣтъ будутъ указывать на тебя какъ на образецъ неустаннаго, безкорыстнаго служенія великому, благородному дѣлу воспитанія юныхъ поколѣній. Наставники Лицея будутъ разказывать своимъ питомцамъ преданіе о томъ какъ ты, одолевая силою духа тѣлесныя немощи, неустанно трудился съ утра до поздней ночи, самъ уча дѣтей и постоянно руководя, возбуждая и ободряя наставниковъ. Безвременно застигла тебя смерть среди тяжкихъ заботъ и великихъ помысловъ о завершеніи твоего созданія, и всѣ мы, воспитатели и воспитанники, проливаемъ слезы, вызванныя сердечнымъ горемъ и сознаніемъ важности нашей утраты. Но не одними слезами должны мы почитать твою память, великій труженникъ. Всего лучше докажемъ мы міру какъ дорого намъ воспоминаніе о тебѣ если безъ слезъ, безъ унынія, бодро приложимъ всѣ свои силы къ дѣлу тобою начатому и тобою же въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ съ безпримѣрнымъ успѣхомъ веденному. Воодушеви и благослови насъ, духъ великаго труженника, на дѣятельность тобою предначертанную, на пути тобою предуказанномъ.

„Почій въ мирѣ, вѣчная тебѣ память!“

Рѣдко похороны сопровождаются такимъ выраженіемъ общественнаго участія какъ похороны Павла Михайловича, а онъ при жизни не искалъ, а убѣгалъ популярности. Достоинства и заслуги его, и вся важность утраты причиненной его кончиною въ минуту когда такъ неожиданно и несвоевременно была прервана нить его жизни, вдругъ стали ясны для всѣхъ.

Невознаградима понесенная утрата. Тяжелъ ударъ обрушившійся на любившихъ и чтившихъ покойнаго. Но съ похоронностью склоняясь предъ волей Провидѣнія, они въ эти дни лечили имѣли великое и укрѣпляющее силы утѣшеніе въ знакахъ общаго сочувствія, а болѣе всего въ томъ умилительномъ зрѣлищѣ какое представляла тѣсная семья воспитанниковъ Лицея. За первую же пан-

нихидой, чрезъ нѣсколько часовъ послѣ кончины Павла Михайловича, уже составился вѣнокъ вокругъ его тѣла изъ преданныхъ и благодарныхъ юношей. Исполненные искренняго чувства, три дня и четыре ночи смѣнялись они у его гроба, молясь за него со слезами, и передавая другъ другу для чтенія святую *Книгу Хвалений*.

„Былъ я, говорить авторъ письма изъ Москвы помѣщеннаго въ № 14 *Гражданина*, на лавникахѣ, когда покойный лежалъ въ гробу еще въ домѣ. Молодежь Лицея день и ночь смѣнялась у гроба. Я всматривался въ ихъ лица. Почести отдаваемые по заказу видны сейчасъ; здѣсь я не могъ не обратить вниманія на выраженіе этой молодежи. Приносимая покойному дань благодарности читалась въ этомъ выраженіи лицъ, гдѣ было столько дѣтской скорби и столько сердечной сосредоточенности на роковой мысли: ужь овъ не встанетъ и не заговоритъ съ своими милыми друзьями. Во время лавничиды я видѣлъ юношей плачущихъ: душѣ какъ-то легче и телѣе стало при видѣ этихъ слезъ; я старъ уже, и я не помню плачущихъ лицъ между подчиненными у гроба начальника; я помолодѣлъ въ эту минуту при видѣ этихъ слезъ; душа захотѣла молиться не только за улокой души лежавшаго въ гробѣ, который, чувствовалось, заработалъ себѣ этотъ покой въ лотѣ лица своего, но въ особенности за эту новую по духу молодежь, да дастъ Богъ этимъ ученикамъ, оллакивающимъ своего учителя, помнитъ его во всю жизнь въ соблюденіи ученія его: да не соблазнятъ и не смутятъ ихъ юныхъ душъ ажеучители, которыхъ теперь у насъ легіоны! Богъ оттого-то преждевременная смерть въ рядахъ такихъ людей, которыхъ маленькая горсть, такъ безусловно безотраднѣ.“

Вечеромъ въ четвергъ 27го марта, когда еще тѣло Павла Михайловича не было предано землѣ, Московское отдѣленіе Общества Классической Филологіи и Педагогики, котораго покойный состоялъ председателемъ, имѣло, по случаю его кончины, экстренное засѣданіе въ обычномъ мѣстѣ своихъ собраний, въ одной изъ залъ Лицея Цесаревича Николая. Засѣданіе это, посвященное исключительно памяти „одного изъ главнѣйшихъ учредителей и достойнѣйшихъ представи-

телей Общества“, привлекло многочисленныхъ членовъ и стороннихъ посѣтителей.

По открытіи засѣданія, предсѣдатель Общества Классической Филологіи и Педагогики, А. И. Георгіевскій, прибывшій въ Москву изъ Петербурга по случаю кончины Павла Михайловича, произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Мм. гг.—Кнжъ предсѣдатель Общества Классической Филологіи и Педагогики, я просилъ васъ собраться сегодня вмѣсто обычной у васъ для такихъ собраній послѣдней субботы каждаго мѣсяца. Я полагаю что первое засѣданіе ваше послѣ постигшей всѣхъ насъ невозвратимой потери будетъ исключительно посвящено памяти одного изъ главнѣйшихъ учредителей и достойнѣйшихъ представителей нашего Общества, и мнѣ, обязанному по дѣламъ службы неминуемо выѣхать завтра обратно въ Петербургъ, хотѣлось лично принять участие въ этомъ вашемъ засѣданіи подъ тѣмъ самымъ гостепріимнымъ кровомъ, гдѣ почти два года тому назадъ мы собирались чтобы подъ руководствомъ нашего дорога Павла Михайловича положить начало нашему Обществу здѣсь въ Москвѣ, хотѣлось принять участие въ воспоминаніяхъ объ этомъ общемъ нашемъ руководителѣ въ томъ мѣстѣ которое было послѣднимъ полрищемъ его самоотверженной дѣятельности на пользу общую, на пользу науки, просвѣщенія и добраго воспитанія нашего юношества, и въ кругу тѣхъ лицъ которыя въ послѣднее время были ближайшими свидѣтелями и соучастниками этихъ его трудовъ. Надѣюсь, мм. гг., что вы извините мнѣ это мое желаніе и не посѣтуете на меня за это нарушеніе обычныхъ вашихъ порядковъ. Позвольте мнѣ вмѣстѣ съ тѣмъ первому начать рядъ нашихъ воспоминаній о только-что отшедшемъ въ вѣчность незабвенномъ и незамѣнимомъ устроителѣ этого перваго въ Россіи общественнаго учебнаго заведенія.

„Въ виду еще и землѣ не преданнаго праха его, подъ тяжестью всѣхъ насъ удручающей скорби о неожиданной нашей утратѣ, я, конечно, не въ силахъ буду собрать всѣ мои о немъ воспоминанія и изложить ихъ въ надлежащемъ порядкѣ, и еще менѣе буду въ состояніи свести въ одинъ живой нравственный образъ всѣ выдѣлавшіяся такъ рельефно черты его характера; но высокое достоинство лица составляющаго предметъ нашей бесѣды да покроетъ всѣ недостатки слабого моего слова.

„Я узналъ покойнаго почти 28 лѣтъ тому назадъ, осенью

1847 года, тотчас по возвращеніи его изъ-за границы. Какъ теперь помню первое его появленіе предъ огромною массою студентовъ, собравшихся на первую вступительную лекцію его въ большой словесной аудиторіи здѣшняго университета. Предметъ этой лекціи и теперь еще, чрезъ 28 лѣтъ, не утратилъ своего великаго, современнаго значенія для Россіи. Она была посвящена раскрытію предъ нами, его слушателями, важности всесторонняго изученія классической древности. Она была какъ бы программю; осуществленію которой была посвящена затѣмъ вся дальнѣйшая жизнь его какъ профессора, какъ публициста, какъ дѣятельнаго соучастника въ учебной реформѣ 1871 года, какъ учредителя, устроителя и перваго директора этого разсадника научнаго образованія. Лекція эта заслуживала бы того чтобы быть теперь перепечатанною во главѣ сочиненій покойнаго, которыя было бы такъ желательно собрать и издать вновь въ свѣтъ, дополнивъ ихъ его незабвенными, въ высокой степени полезными по своей глубокой и многосторонней основательности лекціями.

„Не знаю какъ теперь, а тогдашніе студенты были очень чутки и воспріимчивы къ живому, исполненному глубокаго пониманія сущности предмета слову своихъ наставниковъ, и послѣ первой же лекціи Павла Михайловича, межъ нами, студентами, не было сомнѣнія что въ лицѣ его мы приобрѣли истинно достойнаго представителя науки, и что онъ не замедлитъ стать честью и украшеніемъ нашего университета. Надежды наши сбылись вполнѣ, и даже выше нашихъ ожиданій. Особенно высоко цѣнили мы его лекціи по реальнымъ предметамъ классической филологіи. Его лекціи о римскихъ государственныхъ древностяхъ, въ которыхъ живыми чертами воссоздавался предъ нами государственный бытъ древняго Рима въ послѣдовательномъ его развитіи, и притомъ съ оцѣнкою всѣхъ характеристическихъ его явленій, при свѣтѣ политическихъ воззрѣній Платона, Аристотеля, Цицерона, не только глубоко вводили насъ въ древній классическій міръ, но и были школою высшаго политическаго разумѣнія. Лекціи эти вскорѣ стали привлекать многочисленныхъ слушателей даже съ юридическаго факультета. Его лекціи по исторіи и археологіи древняго искусства были для многихъ изъ насъ первымъ школою эстетическаго образованія, а въ вѣкоторыхъ заронили плодотворное сѣмя любви къ археологическимъ изысканіямъ, къ собиранію произведеній древняго искусства какъ отечественнаго, такъ и иноземнаго, а всѣхъ болѣе

или менѣе ввелъ въ обяательный міръ античнаго художества. Его лекціи по исторіи древнихъ языческихъ религіозныхъ вѣрованій ввели насъ впервые въ доисторическую пору рода человѣческаго, и могли наглядно убѣдить что истинная наука можетъ служить надежною опорою для истинной религіи. Только эти три курса мѣвъ и удалось самому слышать у нашего достойнѣйшаго представителя классической филологіи въ Московскомъ университетѣ, достойнѣйшаго, смѣю сказать, за все время существованія нашего университета.

„Но вліяніе его на насъ, студентовъ, не ограничивалось только чтеніемъ лекцій. Съ лучшими изъ нихъ, со всѣми кто желалъ дѣйствительно чему-нибудь научиться, онъ всегда готовъ былъ дѣлиться всѣми сокровищами своей глубокой и многосторонней учености въ неизсякаемыхъ, отличавшихся величайшею непринужденностью бесѣдахъ, въ которыхъ молодыми собесѣдникамъ нисколько не стѣснительно было своими вопросами и разспросами обнаруживать недостатокъ своихъ познаній. Говорить ли еще что своими заботами онъ не оставлялъ своихъ учениковъ и за предѣлами ихъ студенчества, а при случаѣ готовъ былъ имъ помогать и матеріальными своими средствами?

„Года четыре тому назадъ у меня зашла рѣчь съ Павломъ Михайловичемъ о нынѣшнемъ настроеніи студентовъ и объ ихъ отношеніяхъ къ профессорамъ. Можно себя представить какъ сокрушало его, глубоко проникнутаго высшими идеальными стремленіями, то отсутствіе подобныхъ стремленій которое еще недавно такъ отличало нашихъ учащихя юношей и которое страшило его за ближайшее двадцатилѣтіе Россіи. Единственное цѣлебное средство противъ язвы матеріализма видѣлъ онъ въ восстановленіи серіознаго классическаго образованія, вмѣстѣ съ подъемомъ религіознаго и патріотическаго чувства.

„Павелъ Михайловичъ, при всей своей глубокой и основательной учености, менѣе всего былъ человѣкомъ только теоріи, только слова; онъ былъ человѣкомъ дѣла въ лучшемъ смыслѣ слова. Покойный товарищъ его П. Н. Кудрявцевъ нерѣдко высказывалъ свое удивленіе къ его практичности, къ тому умѣнью съ которымъ онъ приводилъ свои замыслы въ исполненіе, тогда какъ другіе, въ виду встрѣчаемыхъ затрудненій и препятствій, оставались бы при однихъ разговорахъ. Въ самый разгаръ разгрома нашей ученой школы, когда число университетскихъ слушателей было ограничено тремя ста-

ми, а въ связи съ этимъ древніе языки почти вовсе были изгнаны изъ гимназій, Павелъ Михайловичъ задумалъ и блистательнымъ образомъ осуществилъ свою мысль объ изданіи *Пропилеесъ*, сборника статей по классической древности, долженствовавшаго поддержать интересъ въ публикѣ къ изгнаннымъ въ то время изъ школы предметамъ классической филологіи.

„Въ послѣдствіи организаторскій талантъ его проявился въ значительно высшей степени и значительно бѣльшимъ размѣрахъ въ трудахъ его по изданію *Русскаго Вѣстника*, *Современной Лѣтописи*, *Московскихъ Вѣдомостей* и особенно по устройству Лицея Цесаревича Николая и построекѣ для него истинно образцоваго, монументальнаго училищнаго зданія. Павелъ Михайловичъ не былъ скоръ на рѣшенія, долго обдумывалъ напередъ и соображалъ прежде чѣмъ принять не только рѣшеніе, но и дать совѣтъ или выразить мнѣніе по важному дѣлу; но какъ только рѣшеніе было имъ принято, онъ не терялъ ни минуты для его исполненія, и поистинѣ изумительна, почти невѣроятна та внутренняя энергія мысли и та сила глубокаго воодушевленія своею идеей, которая дѣлала его въ продолженіе всей его жизни самымъ неутомимымъ, не знавшимъ ни отдыха, ни развлеченія, ни усталости труженникомъ. Другіе бывають слободны по временамъ къ провлеченію не меньшей энергіи, но я не зналъ никого кто могъ бы такъ неослабно, такъ неутомно трудиться изо дня въ день, изъ ночи въ ночь, кто бы обладалъ въ такой мѣрѣ постоянствомъ въ трудѣ какъ Павелъ Михайловичъ, тѣмъ качествомъ которое Нѣмцы называютъ *Ausdauer* и для котораго въ русскомъ лексиконѣ, кажется, нѣтъ и слова. Мнѣ нрѣдко случалось быть свидѣтелемъ этого изумительнаго качества Павла Михайловича и въ пору моего участія въ редакціи *Московскихъ Вѣдомостей*, и въ ту пору когда только-что зарождался нынѣшній уставъ гимназій. Это было ровно шесть лѣтъ тому назадъ, 27го, 28го и 29го марта 1869 года, когда Павелъ Михайловичъ, прибывъ въ Петербургъ по вызову министра народнаго просвѣщенія, по шести и семи часовъ сряду участвовалъ въ самыхъ оживленныхъ преніяхъ усиленнаго нѣсколькими членами ученаго комитета совѣта министра, подъ предсѣдательствомъ И. Д. Делянова, а по ночамъ выработывалъ главныя черты новаго проекта устава и объяснительной къ нему записки, послужившихъ основаніемъ для всего дальнѣйшаго хода этого дѣла. Но уставъ гимназій, это

одна сторона дѣла; другая, соответствующая ему, уставъ реальныхъ училищъ. Я пораженъ былъ тяжкою бользвнью когда надобно было писать представленіе объ этомъ уставѣ въ Государственный Совѣтъ. Павелъ Михайловичъ явился на помощь, и добрая, самая трудная половина дѣла была имъ сдѣлана. Какъ часто бывалъ я тогда свидѣтелемъ какъ этотъ неустанный борецъ за добрую русскую школу, изнемогши подъ тяжестью труда и бессонныхъ ночей, засыпалъ на какіе-нибудь четверть часа откинувшись на спинку стула! Всѣ дальнѣйшіе и важнѣйшіе шаги на пути учебной реформы были сдѣланы при дѣятельномъ его участіи, какъ-то: первая предначертанія по осуществленію учебной реформы, установленіе учебныхъ плановъ и въ особенности по древнимъ языкамъ, окончательное установленіе правилъ объ испытаніяхъ, причемъ этому домоству, всегда тяжелою на подъемъ, два раза еще приходилось на болѣе или менѣе долгій срокъ времени покидать любезный его сердцу Лицей и отправляться къ намъ въ Петербургъ. Заслуги его Министерству Народнаго Просвѣщенія поистинѣ неоцѣнимы, и наша обновленная школа не можетъ не считать его своимъ благодѣтелемъ.

„Дѣятельности его по Лицею найдутся болѣе близкіе свидѣтели. Я же изумлялся всегда тому какъ онъ умѣлъ соединить величайшую для учениковъ авторитетность съ чрезвычайною мягкостью обращенія съ ними, и какъ онъ умѣлъ внушить имъ и надлежащій страхъ къ себѣ, и полное, непринужденное довѣріе. Не менѣе изумляло меня то терпѣніе, та снисходительность, то вниманіе съ которыми онъ выслушивалъ насъ, всегда болѣе или менѣе докучливыхъ родителей дѣтей вѣранныхъ его почительности.

„У него были только двѣ радости въ жизни: честное неутомимое служеніе наукѣ, просвѣщенію, доброму воспитанію юношества, всѣмъ драгоцѣннѣйшимъ интересамъ отечества, и поистинѣ трогательная дружба къ неразлучному соучастнику во всѣхъ трудахъ его и заботахъ...

„Заключу мое слабое слово безсмертными словами Тацита, которые истолковывалъ намъ въ первый же годъ своей профессорской дѣятельности въ университетѣ нашъ дорогой, нашъ незабвенный Павелъ Михайловичъ. Слова эти напомнимся мнѣ теперь, когда его не стало. Я нашелъ въ нихъ нѣкоторое для себя облегченіе и надѣюсь что и вы почерпнете въ нихъ утѣшеніе. Позволю себѣ примѣнить ихъ къ доро-

гому для всѣхъ насъ, такъ внезапно утраченному нашему руководителю нашему: „Покойся въ мирѣ, и насъ, твоихъ сродичей *по духу*, обрати отъ безсильной тоски по тебѣ и отъ женскаго плача къ созерцанію твоихъ добродѣтелей, о которыхъ нельзя скорбѣть, нельзя сокрушаться. Лучше почтѣмъ тебя удивленіемъ, непреодоляемыми хвалами и если станетъ силъ — подражаніемъ: таковъ истинный почетъ, такова *должна быть* благоговѣйная преданность каждаго изъ самыхъ близкихъ къ тебѣ людей... Великія души не угасаютъ вмѣстѣ съ тѣломъ... Правственный образъ *человѣка* вѣченъ: сохранить и запечатлѣть его ты можешь не съ помощью чуждаго матеріала и искусства, а самъ въ своей жизни, въ своихъ словахъ. Все что мы любили, чему удивлялись въ *Леонтьевѣ*, остается и останется въ умахъ людей, въ вѣчности времени, въ *исторіи нашей науки, нашего просвѣщенія, нашего учебно-воспитательнаго дѣла.*“ *

„Да, милостивые государи, почтѣмъ его, нашего дорогаго наставника и руководителя, удивленіемъ и если возможно подражаніемъ. Постараемся сохранить и запечатлѣть правственный его образъ въ собственныхъ нашихъ дѣйствіяхъ, въ такомъ же честномъ, добросовѣстномъ, неуклонномъ служеніи наукъ, просвѣщенію, учебно-воспитательному дѣлу. Чѣмъ тяжеле и незамѣнимѣе утрата такого дѣятеля для всѣхъ этихъ драгоценнѣйшихъ интересовъ, тѣмъ значительнѣе должны быть наши усилія для ихъ сохраненія. И прежде всего усугубимъ наши усилія, по мѣрѣ нашихъ средствъ и способностей, на сохраненіе, поддержаніе и развитіе всего что было такъ дорого и такъ близко сердцу покойнаго въ послѣдніе годы его жизни: нынѣшней нашей учебной системы, созданнаго и устроеннаго имъ Лицея Цесаре-

* Tac. Agr., 46: Placide quiescas, nosque domum tuam ab infirmo desiderio et muliebribus lamentis ad contemplationem virtutum tuarum voces, quas nec lgeri, nec plangi fas est; admiratione te potius et immortalibus laudibus et si natura suppeditet, imitando colamus: is verus honos, ea conjunctissimi cujusque pietas.... Ut sapientibus placet, non cum corpore extinguuntur magnae animae.... Forma mentis aeterna, quam tenere et exprimere non per alienam materiam et artem, sed tuis ipse moribus possis. Quidquid ex Agricola amavimus, quidquid mirati sumus, manet mansurumque est in animis hominum, in aeternitate temporum, in fama rerum....

вича Николая, а также и нашего Общества Классической Филологіи и Педагогикѣ, въ которомъ покойный вѣдѣлъ одинъ изъ залоговъ прочности и преуспѣванія нашего учебно-воспитательнаго дѣла, нашей доброй русской школы, устроенной на общечеловѣческихъ, испытанныхъ вѣками основахъ."

По выслушаніи этой рѣчи, принятой всѣми съ живѣвшимъ сочувствіемъ, собраніе занялось обсужденіемъ способовъ къ изданію въ свѣтъ ученыхъ сочиненій Павла Михайловича; уломянутой выше вступительной его лекціи, которая была тогда же напечатана въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, сочиненій о поклоненіи Зевсу въ древней Греціи, о судьбѣ земледѣльческаго населенія въ древней Римской Имперіи, его статей напечатанныхъ въ *Проплемахъ* и пр., и пр. Что же касается до курсовъ о римскихъ государственныхъ древностяхъ, объ исторіи и археологіи древняго искусства и объ исторіи языческихъ религиозныхъ вѣрованій, то А. И. Георгіевскій заявилъ что у него имѣются довольно хорошо составленныя лекціи П. М. Леонтьева по этимъ предметамъ, но что желательнее было бы привести въ извѣстность, не сохранилось ли собственныхъ записокъ покойнаго, а также не сохранилось ли записокъ и у другихъ его слушателей, а затѣмъ составить особую комиссію для изданія въ свѣтъ какъ этихъ курсовъ, такъ и прочихъ всѣхъ сочиненій П. М. Леонтьева. Постановлено принять намѣщенія къ тому мѣры.

Засѣданіе 30го марта Общества Любителей Россійской Словесности при Московскомъ университетѣ открылось рѣчью временнаго предсѣдателя Общества, Д. И. Иловайскаго, посвященною памяти П. М. Леонтьева:

"Милостивые государи! Настоящее засѣданіе наше всего достойнѣе, в сего справедливѣе начать словомъ о той недавней чувствительной утратѣ, которую понесло все образованное русское общество. Я говорю о Павлѣ Михайловичѣ Леонтьевѣ, хотя онъ, къ сожалѣнію, и не былъ членомъ Общества Любителей Россійской Словесности. Такъ началъ свою рѣчь г. Иловайскій. Затѣмъ ораторъ

говорилъ о видномъ значеніи покойнаго въ новѣйшей исторіи русскаго просвѣщенія, съ которымъ тѣсно связаны интересы и задачи Общества Любителей Россійской Словесности. Говорилъ о необычайной энергіи, которою запечатлѣна вся дѣятельность покойнаго и о его побѣдоносной борьбѣ за классическую школу. Г. Иловайскій уломалъ о томъ что, хотя по нѣкоторымъ частнымъ сторонамъ вопроса онъ и высказывалъ другое мнѣніе, но въ существѣ самаго дѣла, во взглядахъ на великое значеніе обще-европейской школы и ея классической основы не должно быть разногласія между людьми истинно просвѣщенными и патриотически настроенными.

Затѣмъ на кафедре взошелъ дѣйствительный членъ **Ө. Б. Миллеръ** и произнесъ слѣдующее:

„Позвольте и мнѣ, мм. гг., сказать нѣсколько словъ о покойномъ **П. М. Десюльевѣ**.“

„Хотя онъ, какъ замѣтилъ нашъ почтенный предсѣдатель, не былъ къ сожалѣнію членомъ нашего Общества, но онъ половину своей жизни провелъ на служеніи Московскому университету, наше же Общество именуется „состоящимъ при Московскомъ университетѣ“, а потому я полагаю что оно, въ своемъ засѣданіи въ стѣнахъ этого Университета, не только въ правѣ, но *обязано* почтить память такого замѣчательнаго дѣятеля какимъ былъ **Павель Михайловичъ**.“

„Правда, онъ имѣлъ враговъ, да у кого же ихъ нѣтъ? Но и самые враги его всегда отдавали должное его обширному уму, его глубокой учености, его энергіи и неутомимой дѣятельности: и они, забывъ вражду, собрались у его гроба чтобы отдать послѣдній, священный долгъ усопшему, а непритворныя слезы воспитанниковъ основаннаго имъ Лицея ясно показали всѣмъ какъ дорогъ былъ онъ для нихъ и какъ высоко цѣнили они его о нихъ заботы. Да, эти заботы, быть-можетъ, болѣе чѣмъ самая болѣзнь были причиною его преждевременной кончины. Онъ до послѣдней минуты своей жизни былъ занятъ мыслью о судьбѣ дорогаго для него заведенія и о его питомцахъ, о которыхъ заботился онъ такъ какъ можетъ заботиться только нѣжный отецъ о своихъ дѣтяхъ....“

Такъ да поцѣтеть мужъ труда,
Примѣрный дѣятель науки!
На голова его, ни руки
Не отдышавъ никогда!

Онъ трудъ цѣнилъ, онъ трудъ любилъ,
Ему свою всю отдалъ силу;
Но этотъ трудъ его сломилъ
И свелъ безвременю въ могилу!...

Да успокоится онъ тамъ,
Гдѣ вѣтъ ни горя, ни страданья!
Свою жизнью далъ онъ намъ
Примѣръ достойный подражанья!

Рѣчи Д. И. Иловайскаго и Ф. Б. Миллера вызвали выраженія общаго сочувствія.

Память покойнаго чествовалась не въ одной Москвѣ, но и во многихъ другихъ городахъ:

„Въ нашемъ городѣ, лишетъ изъ города Лубны, Полтавской губерніи въ *Московскія Вѣдомости* (№ 93) отецъ протоіерей Алексѣй Дамаскинъ, 29го марта, отслужена была въ городскомъ соборѣ ланнихида по усопшемъ Павлѣ Михайловичѣ Леонтьевѣ. Такому молитвенному воспоминанію, въ числѣ другихъ „почитателей покойнаго, способствоваль помѣщикъ Х. Что другое выражала наша молитва какъ не искреннюю давь „привнательности, уваженія и благодарной памяти къ заслугамъ, блггимъ намѣреніямъ и самымъ честнымъ трудамъ усопшаго Леонтьева, на пользу отечеству нашему и нашей наукѣ и воспитанію нашего юношества?“

„Съ глубокимъ уваженіемъ къ трудамъ покойнаго и вообще къ его личности, я долгомъ считаю сообщить редакціи *Московскихъ Вѣдомостей* объ этихъ изъявленіяхъ общественной признательности и почтенія къ памяти Леонтьева, коихъ удалось мнѣ быть свидѣтелемъ въ Лубнахъ.“

30го марта въ Костромской гимназіи, по просьбѣ бывшихъ воспитанниковъ Павла Михайловича Леонтьева, была отслужена по немъ ланнихида законоучителемъ той же гимназіи, протоіереемъ П. Т. Виноградскимъ. На ланнихидѣ присутствовали: г. вице-губернаторъ, директоръ, инспекторъ, наставники и довольно значительное число воспитанниковъ гимназіи.

Ланнихиды по П. М. Леонтьевѣ были отслужены въ Московскихъ, Тульской, Тверской и другихъ гимназіяхъ.

Окружный инспектор Московского учебного округа Я. И. Вейнбергъ бывшій въ послѣдніе годы, по дѣламъ округа, въ весьма частыхъ сношеніяхъ съ покойнымъ, помѣстилъ въ № 98 *Московскихъ Вѣдомостей* слѣдующія строки:

„Недавняя кончина Павла Михайловича произвела на всѣхъ знавшихъ его, на всѣхъ слѣдившихъ за многоплодною и разнообразною его дѣятельностью глубокое и тяжелое впечатлѣніе. Всѣми чувствуется что не стало неутомимаго труженика, человѣка всецѣло преданнаго своему дѣлу, дѣятеля — подобнаго которому весьма и весьма рѣдко встрѣтить можно. Какъ-то не вѣрится что нѣтъ болѣе Павла Михайловича, того самаго Павла Михайловича, къ которому бывало обращалось такъ много людей съ такимъ множествомъ вопросовъ и который всегда готовъ былъ помогать другому и дѣломъ и совѣтомъ, проводя за работой дни и ночи, никогда не зная покоя; не вѣрится что изумительная дѣятельность этого человѣка прекратилась, и прекратилась именно въ то время когда всего менѣе того ожидали, когда она такъ много и такъ многимъ была нужна!... Какъ общественный дѣятель, покойный имѣлъ много горячихъ поклонниковъ, много друзей, имѣлъ и противниковъ (кто же ихъ не имѣеть?); но тѣ и другіе одинаково не могутъ не признать въ немъ личность съ умомъ необыкновеннымъ, съ энергіей изумительною; даже недруги не могли не сознаться что этотъ человѣкъ всею силою души преданъ своей идеѣ и неуклонно стремился къ тому что по искреннему, глубокому его убѣжденію должно было служить на пользу другимъ. Павелъ Михайловичъ во всемъ и всегда оставался вѣрнымъ самому себѣ; онъ работалъ для другихъ, а самъ какъ бы ступевывался; свою личность онъ всегда ставилъ на послѣднемъ планѣ. Работать для другихъ, жертвовать своимъ временемъ, своимъ трудомъ, (даже здоровьемъ, казалось ему дѣломъ весьма естественнымъ: въ его глазахъ тутъ не было никакой жертвы. Таковъ былъ девизъ всей его жизни, и въ этомъ заключается

одна изъ причинъ того глубокаго уваженія, почти благоговѣнія, которое покойный вселялъ во всѣхъ близко знавшихъ его или же имѣвшихъ случай ознакомиться съ его изумительно-разностороннею дѣятельностью. Было какъ-то странно и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко-поучительно видѣть какъ непрерывно и неустанно работала мысль этого человѣка, какъ духовная его природа постоянно одерживала верхъ надъ физическою. Онъ могъ работать по цѣлымъ днямъ и ночамъ, не чувствуя ни голода, ни усталости; немногихъ минутъ дремоты въ креслѣ было достаточно чтобы подкрѣпить его на цѣлыя сутки; обѣду онъ удѣлялъ весьма мало времени и то не всегда, довольствуясь зачастую кускомъ хлѣба или чашкою давно остывшаго чая. Людей близко знавшихъ Павла Михайловича поражала легкость съ какою бывало переходилъ онъ отъ одного занятія къ другому, совершенно разнородному; но еще болѣе удивлялись они необыкновенной его способности анализировать каждый вопросъ со всѣхъ сторонъ, такъ что могло казаться будто именно этотъ, а не иной вопросъ составлялъ предметъ спеціальныхъ его занятій. Павелъ Михайловичъ находилъ время для всего, а между тѣмъ никто не видалъ чтобы онъ когда-либо торопился или выражалъ нетерпѣннѣе, или возвышалъ голосъ; всегда совершенно спокойный, онъ неторопливо и глубоко вникалъ во все, одинаково внимательно выслушивалъ тысячи разнообразныхъ дѣлъ, каждому давалъ отвѣтъ и отвѣтъ до того обстоятельный и исчерпывающій всѣ подробности что въ невольномъ изумленіи каждый спрашивалъ себя: когда же этотъ человѣкъ находитъ время для всего, какъ можетъ онъ все это припоминать, какъ можетъ интересоваться столь многими?

Нерѣдко можно встрѣтить усиленную дѣятельность, не рѣдкость также и отличная память; но едва ли кто обладалъ такою способностію сосредоточиваться на данномъ вопросѣ какъ Павелъ Михайловичъ. Въ эту минуту для него исчезало все кромѣ предстоящаго вопроса, который онъ старался освѣтить всѣмъ блескомъ сво-

его ума, всею силой своего знанія, всѣмъ авторитетомъ громадной своей опытности; но стоило лишь явиться новому посѣтителю чтобы на очередь стало совершенно иное дѣло и чтобы Павелъ Михайловичъ, безъ малѣйшаго почти замедленія или усталости, перешелъ къ занятію новымъ предметомъ съ тою же энергіей. Такъ продолжалъ онъ дѣйствовать многіе годы безъ отдыха, часто безъ сна и безъ лица. Всю ночь проработавъ въ тиши кабинета, онъ утромъ являлся совершенно бодрымъ въ Лицей, которому въ послѣдніе годы, какъ известно, покойный отдавался всецѣло. Тутъ всякій незнакомый съ дѣятельностью Павла Михайловича могъ бы подумать что у него никакихъ занятій кромѣ Лицея нѣтъ и никогда не было: то давалъ онъ по нѣскольку уроковъ къ ряду, то долго бесѣдовалъ съ родителями учащихся, то разспрашивалъ тупоровъ и наставниковъ, вникая во всѣ подробности касающіяся воспитанниковъ, то съ любовью разговаривалъ съ лицеистами объ ихъ занятіяхъ, то по нѣскольку часовъ обсуживалъ съ архитекторомъ планъ новаго Лицейскаго зданія, или же разговаривалъ со множествомъ лицъ, пользовавшихся двухчасовымъ перерывомъ уроковъ чтобы посоветоваться съ Павломъ Михайловичемъ о своихъ дѣлахъ.

„Въ числѣ послѣднихъ довольно часто случалось бывать и мнѣ. По служебнымъ своимъ обязанностямъ озаченный пріисканіемъ лицъ для замѣщенія учительскихъ вакансій въ гимназіяхъ Московскаго учебнаго округа, я часто прибѣгалъ къ совѣтамъ покойнаго, который всегда чрезвычайно обязательно помогалъ мнѣ указаніемъ на знакомыхъ ему лицъ для замѣщенія этихъ вакансій, въ особенности по древнимъ языкамъ. Тутъ приходилось мнѣ неоднократно удивляться громадной его памяти и знанію всѣхъ подробностей относящихся къ рекомендуемымъ имъ лицамъ, даже къ домашнимъ обстоятельствамъ послѣднихъ. Такъ, бывало, припомнилъ онъ что такой-то не рѣшится оставить Москву, имѣя большую мать; другой, напротивъ, охотно приметъ предлагаемое ему мѣсто въ такомъ-то городѣ, такъ какъ

тамъ у него родня; третьему было бы лучше поручить такіе-то уроки въ такихъ-то классахъ, потому что это будетъ ему полезно при дальнѣйшихъ его занятіяхъ. Должно признаться что всякое такое посѣщеніе Павла Михайловича въ Лицеѣ бывало для меня весьма тягостно: какъ-то совѣстно было отнять время у этого труженника, обремененнаго такимъ множествомъ работъ! Я высказывалъ ему это неоднократно, но встрѣчалъ каждый разъ съ его стороны самую любезную готовность оказать мнѣ свое содѣйствіе. Онъ уводилъ меня обыкновенно въ свою маленькую комнатку, гдѣ едва могли усесться двое, такъ она была завалена множествомъ книгъ, тетрадей, чертежей, картъ, плановъ и т. д. Тутъ покойный начиналъ перечислять всѣ имѣющіяся учительскія вакансіи, и по скольку уроковъ и въ какихъ именно классахъ предстоитъ новому преподавателю въ каждой гимназіи—все это наизусть, безъ малѣйшаго труда. Въ моей записной книжкѣ я имѣлъ обыкновеніе записывать распредѣленіе уроковъ между преподавателями каждаго учебнаго заведенія и, слѣдя за этою книжкой, мнѣ оставалось лишь ложиться на плечи слыша какъ безошибочно Павелъ Михайловичъ помнитъ всѣ даже маловажныя обстоятельства. Разъ однакоже мнѣ показалось что онъ ошибся: въ моей книжкѣ значилось что въ такой-то гимназіи учитель Б. имѣетъ 29 уроковъ, а Павелъ Михайловичъ утверждалъ что онъ имѣетъ лишь 27. — „Вы ошибаетесь, П. М., сказалъ я. — Б. имѣетъ 29 уроковъ древнихъ языковъ въ такихъ-то классахъ.“ — „Нѣтъ, спокойно отвѣтилъ П. М., не 29, а только 27.“ — „Да вотъ у меня въ книжкѣ подробно обозначено...“ — „Вы забыли, возразилъ онъ своимъ тихимъ, неторопливымъ голосомъ, — что Б. уступилъ Д. два урока. — И дѣйствительно, теперь я вспомнилъ что учитель Д. въ VI классѣ съ учениками читалъ Виргилія, на чтѣ назначалось 2 урока; другой же преподаватель Б. читалъ съ ними Цицерона и Тита Ливія, и стало-быть имѣлъ въ этомъ классѣ не 6, а только 4 урока. Это обстоятельство я какъ-то позабылъ обозначить въ книжкѣ, а Павелъ Ми-

Михайловичъ зналъ и помнилъ все: его изумительная память не нуждалась ни въ какихъ книжкахъ, — а между тѣмъ этотъ человекъ въ одномъ Лицеѣ только-что проработалъ часовъ шесть непрерывно, и чего, чего только не передѣлалъ онъ въ это время! Бесѣда наша длилась довольно долго, какъ раздался стукъ въ дверяхъ; вошли два лицейскіе тьютора и обратились къ Павлу Михайловичу со множествомъ разнообразныхъ вопросовъ (это было наканунѣ праздника и стало-быть — отгулка воспитанниковъ). Онъ не только далъ имъ весьма подробныя указанія, но просилъ не забывать что такого-то воспитанника слѣдуетъ отпустить до такого-то часа; другому слѣдуетъ дать лѣкарство чрезъ два часа; третій обязанъ предъ отпускомъ повторить урокъ; четвертый долженъ передѣлать extempore, гдѣ встрѣчаются такія-то ошибки; пятого слѣдуетъ тепло укутать, такъ какъ онъ подверженъ простудѣ и т. д. Я сталъ процѣплять. „Выйдемте вмѣстѣ, сказалъ П. М., я ѣду домой, мнѣ спать пора.“ Оказалось что онъ всю ночь проработалъ и даже спать не ложился, и лишь теперь (въ четвертомъ часу пополудни) чувствовалъ себя *немного утомленнымъ*. А сколько такихъ бессонныхъ ночей провелъ покойный, и едва ли кто зналъ объ этомъ, такъ какъ о себѣ онъ любилъ говорить всего меньше!

„Не могу забыть еще одинъ случай. Въ концѣ іюля прошлаго года я имѣлъ надобность видѣться съ Павломъ Михайловичемъ въ Москвѣ, куда обыкновенно раза три въ недѣлю прѣзжалъ онъ съ дачи; сначала заѣзжалъ онъ въ Университетскую Типографію, а оттуда отправлялся на Остоженку, въ бывшій Михайловскій дворецъ, гдѣ нынѣ воздвигается громадное зданіе для Лицея. Покойный въ послѣднее время особенно много занимался этою постройкой, и смѣло можно сказать что мельчайшія подробности касающіяся ея не ускользнули отъ его вниманія. Нужно ли говорить что къ этому дѣлу онъ относился съ тою же сосредоточенностью и глубокою обдуманностью съ какою обыкновенно относился ко всему? Онъ разказывалъ мнѣ нерѣдко ка-

кія мѣры приняты имъ для надлежащей вентиляціи зданія, а также для того чтобы воздухъ былъ достаточно влаженъ. Онъ наизусть перечислялъ величину классныхъ комнатъ, длину трубъ для водянаго отопленія, количество свѣжаго воздуха потребнаго для вентиляціи и т. д. На письменномъ столѣ его въ послѣднее время можно было видѣть нѣсколько плановъ нарисованныхъ имъ карандашомъ и исписанныхъ множествомъ цифръ. Казалось что онъ весь превратился въ архитектора: мы однакоже не сомнѣваемся что еслибы для пользы Лицея потребовалось воздухоплаваніе, онъ слѣдовалъ бы авроратомъ, причемъ конечно болѣе ознакомился бы съ этою наукой и вѣроятно высказалъ бы не мало дѣльныхъ замѣчаній. Я былъ увѣдомленъ что Павелъ Михайловичъ придетъ на Остоженку около пяти часовъ вечера. Приѣхавъ туда въ шесть часовъ, я засталъ его на стройкѣ всего покрытаго пылью и известью, тяжело дышавшаго и окруженнаго мастеровымъ людомъ и надсмотрщиками которымъ онъ что-то толковалъ. А между тѣмъ ему предстояло произвести экзаменъ двумъ юношамъ пожелавшимъ поступить въ число воспитанниковъ Лицея. Экзаменъ этотъ онъ производилъ долго, потомъ имѣлъ продолжительный разговоръ съ отцомъ будущихъ лицеевцевъ, причемъ весьма подробно разспрашивалъ объ ихъ характерѣ, наклонностяхъ и т. д. Только-что окончился экзаменъ какъ пріѣхалъ одинъ господинъ, а вслѣдъ за нимъ молодой ученый З., долженствовавшій на слѣдующій день отправиться за границу для приготовленія себя къ званію профессора древнихъ языковъ. Попросивъ у меня извиненія и прося обождать чтобы потомъ переговорить на досугъ, Павелъ Михайловичъ занялся разговоромъ съ г. З. и подробно указалъ ему въ чемъ должны будутъ состоять его занятія, какихъ надлежитъ ему слушать профессоровъ,—словомъ, вникалъ въ малѣйшія подробности академической жизни г. З., что, конечно, со стороны послѣдняго вызвало самую искреннюю благодарность. Наконецъ, въ десять часовъ вечера, очередь дошла до меня, и Павелъ Михайловичъ, какъ ни въ

чемъ не бывало, тотчасъ же по обыкновенію своему углубился въ предложенные мною ему вопросы; онъ сталъ предлагать мнѣ всевозможныя комбинаціи, и притомъ съ такою ясностію и отчетливостію, съ такою свѣжею памятью и такъ бодро что оставалось только удивляться. Послѣ продолжительной бесѣды, замѣтивъ уже около полуночи что Павелъ Михайловичъ дышетъ тяжело и кажется весьма утомленнымъ, я началъ собираться въ путь. „А вы уже торопитесь, оказалъ онъ мнѣ съ легкимъ упрекомъ;—вѣдь еще рано, а дѣло это нужно хорошо обдумать!“ Я опять съѣлъ и помню что ушелъ далеко за полночь. На мое пожеланіе ему спокойной ночи, П. М. легко улыбнулся, но ничего не сказалъ; а какъ только я вышелъ изъ кабинета, меня замѣнилъ лицейскій тьюторъ, съ огромною кучею тетрадей въ рукахъ. Я узналъ потому что бесѣда ихъ длилась до четырехъ часовъ утра!

„Такъ способенъ былъ работать этотъ труженникъ на пользу дѣла которому посвящалъ онъ почти всю жизнь. На послѣднемъ лицейскомъ актѣ, истомленный лихорадкой и едва держась на ногахъ, Павелъ Михайловичъ изложилъ предъ слушателями всѣ подробности касающіяся хода учебно-воспитательнаго дѣла; чрезвычайно подробно говорилъ о ходѣ постройки новаго зданія Лицея, привелъ множество цифръ и тутъ же показалъ планы. Во все это время въ немъ замѣтно было крайнее изнеможеніе; но какъ одушевился онъ когда пришлось ему говорить о воспитанникахъ окончившихъ курсъ гимназическихъ классовъ и удостоенныхъ званія студентовъ! Съ какою любовью указалъ онъ на молодыхъ людей заслужившихъ похвалу! На истомленномъ лицѣ отразилась душевная радость, и голосъ сталъ звучнѣе. Оправившись отъ болѣзни, онъ сталъ заниматься дѣлами попрежнему, съ обычною энергіей, хотя организмъ ослабѣвалъ все болѣе и болѣе, и никакія просьбы, ни совѣты не могли побудить его хоть вѣсколько уменьшить занятія. На смертномъ одрѣ, несмотря на совершенный упадокъ силъ, онъ продолжалъ заниматься дѣ-

лами, и за день до кончины разсматривалъ и обсуждалъ проектъ Лицейской церкви. Надѣялся ли онъ дожить до вождельнаго для него дня открытiя новаго зданiя или же чувствовалъ близкую кончину, но скрывалъ ее, дабы не огорчить окружающихъ — остается неизвѣстнымъ; извѣстно только то что какъ тихо и невозмутимо трудился онъ при жизни, такъ тихо и безмятежно отошелъ и въ вѣчность. Провѣдѣнiе судило ему видѣть многіе плоды трудовъ своихъ, но многого, чѣмъ особенно дорожилъ Павелъ Михайловичъ, ему не суждено было довести до конца“....

Въ № 97 *Московскихъ Вѣдомостей* отъ имени издателя этой газеты и *Русскаго Вѣстника* сказано слѣдующее:

„Подъ страшнымъ поразившимъ меня ударомъ, у меня не было словъ обращаться къ публикѣ съ моимъ личнымъ горемъ или оцѣнивать повесенную всѣми утрату. Я и теперь едва въ силахъ говорить объ этой утратѣ. Человѣкъ котораго мы всѣ лишились былъ для меня не то что для всѣхъ. Въ немъ потерялъ я и не просто близкаго человѣка, товарища, друга. Я потерялъ въ немъ часть своего существа, и притомъ лучшую. Во мнѣ нѣтъ ничего что не было бы съ нимъ связано и что не болѣло бы теперь съ его утратой. Въ продолженіе всей зрѣлой поры нашей жизни мы были неразлучны съ нимъ до послѣднихъ тайниковъ мысли и 'сердечныхъ движеній. Прошло около тридцати лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ мы узнали другъ друга. Симпатическія отношенія установились между нами сразу, и до конца ни на мгновеніе не поколебались. Въ теченіе почти двадцати лѣтъ насъ соединяла совокупная дѣятельность, и семнадцать лѣтъ мы жили, почти не разставаясь, подъ однимъ кровомъ. Между нами не было никакой розни. Мысль возникавшая въ одномъ непосредственно продолжала дѣйствовать и зрѣть въ другомъ. Онъ былъ истиннымъ хозяиномъ моего дома, душой моей семьи; всѣ дѣти мои его крестники, и ничего' у насъ безъ его благословенiя и согласiя

не дѣлалось. Между имъ и мною не было ни разу не только ссоры, но и серьезнаго разногласія. Единственнымъ поводомъ къ горячимъ объясненіямъ между нами были мои усилія оторвать его отъ чрезмѣрныхъ трудовъ которые онъ налагалъ на себя. Всегда спокойный и невозмутимый, онъ въ этихъ случаяхъ, при настойчивости съ моей стороны, обнаруживалъ необычное ему раздраженіе. Онъ готовъ былъ принять на себя всякій трудъ для другихъ, но ни чье вліяніе не было сильно убѣждать его чтобъ онъ облегчилъ себя въ трудѣ. Бывали и еще споры, которые забавляли нашихъ друзей, когда я протестовалъ противъ пристрастій его дружбы ко мнѣ, противъ преувеличеннаго мнѣнія о моихъ способностяхъ и достоинствахъ, не позволявшаго ему, несмотря на всѣ мои настоянія, что-нибудь измѣнить или исправить въ моихъ лисаніяхъ и заставлявшаго его пассивно подчиняться моей инициативѣ, между тѣмъ какъ я, напротивъ, нуждался гораздо болѣе въ его указаніяхъ и совѣтахъ.

„Смерть открыла его всѣмъ и дала всѣмъ почувствовать его цѣну. Теперь всѣ признаютъ его высокія умственныя и нравственныя достоинства, всѣ отдають справедливость его заслугамъ.

„Но долгъ близкихъ къ нему, мой долгъ по преимуществу, засвидѣтельствовать о младенческой чистотѣ и кѣжности его души, о безпредѣльной преданности его любви. Вотъ человекъ который никогда ни при чемъ не думалъ о самомъ себѣ. Мысль о себѣ ни къ чему у него не примѣшивалась. Онъ никогда не раздвоился между собою и дѣломъ которое занимало его, между собою и тѣми кого любилъ. Онъ никогда ничего не искалъ для себя и ничего за себя не боялся. Отсюда спокойствіе его духа, его самообладаніе, отсюда энергія съ которою онъ овладѣвалъ всякимъ дѣломъ; оттого всякое дѣло такъ удивительно спорилось въ его рукахъ. Оттого у него совсѣмъ не было того что обыкновенно называютъ нервною. Оттого онъ никогда не приходилъ въ уныніе, и мучительная физическая боль не сильна была прерывать теченіе его мыслей и отвлекъ его отъ занятія.

Бывало въ этихъ случаяхъ только взглядъ близкаго человека могъ усмотрѣть на его лицѣ черту страданія и изъ легкаго, чуть слышнаго покрехтыванія заключить о силѣ боли. Самоотверженность которою были запечатаны всѣ движенія его души, всѣ его дѣйствія не была у него плодомъ усилій и борьбы; ему никогда не приходилось подавлять въ себѣ инстинкты самолюбія и себялюбія: такихъ инстинктовъ въ немъ вовсе не было. Самоотверженность была благодатью его природы. Онъ былъ счастливъ счастьемъ другихъ. Не было для него большей радости какъ услыхъ тѣхъ кого онъ любилъ. Ему было пріятно оставаться въ тѣни и неизвѣстности, и во всемъ онъ выбиралъ себѣ что потяжелее и похуже. Никакая хвала обращенная лично къ нему не дѣйствовала на него, но друзья наши знаютъ какъ легко было подкупить его добрымъ словомъ о его товарищѣ. Достоинство любви не зависитъ отъ того на что она обращается, и она остается свята при всемъ недостоинствѣ ея предметовъ.

„Съ другой стороны, истинное, не преходящее достоинство дѣлъ человѣческихъ опредѣляется любовью. „Если я, говоритъ Апостолъ (Коринѣ. I, 13), раздамъ все имѣніе мое и отдамъ тѣло мое на сожженіе, а любви не имѣю; вѣтъ мнѣ въ томъ никакой пользы.“ Апостолъ исчисляетъ признаки любви. „Любовь долготерпитъ, милосердствуетъ, любовь не завидуетъ, любовь не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своего, не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется неправдѣ, а радуется истинѣ, все покрываетъ, всему вѣритъ, всего надѣется, все переноситъ...“ Таковъ именно былъ человекъ котораго мы лишились. Таковы были черты его духовнаго облика. Любовь, которая, по слову Апостола, и въ вѣчности сохраняетъ свою силу, тогда какъ другія совершенства человѣческія упраздняются, перенесъ онъ съ собою въ другой міръ какъ свое неотъемлемое достояніе, покинувъ суету земной дѣятельности и предметы своей любви.

„Онъ былъ незлобивъ какъ младенецъ, и если у него были враги, то развѣ по ошибкѣ и недоразумѣнію. Илюг-

да онъ могъ казаться слишкомъ мнительнымъ и недо-
вѣрчивымъ. Но если онъ былъ иногда мнителенъ, то
единственно по отношенію къ дѣлу которому служилъ;
во всемъ же что касалось его лично онъ былъ младен-
чески довѣрчивъ. Онъ могъ казаться слишкомъ расчет-
ливымъ, и онъ дѣйствительно былъ таковъ въ интересѣ
общественномъ или другихъ людей; но во всемъ что ка-
салось его лично, онъ былъ само безкорыстіе, сама до-
брота. Руки его всегда были открыты для благодѣяній,
и не только руки, но и сердце. Самъ онъ довольствовался
безконечно малымъ; привычки его отличались почти
аскетическою умѣренностію. Благодѣяній своихъ онъ не
считалъ, и никогда не услаждался ихъ оуміаномъ. До-
брота дѣла свои онъ дѣлалъ не оглядываясь на себя и
не вмѣняя ихъ себѣ въ заслугу. На немъ поистинѣ
сбывалось евангельское слово о десницѣ не вѣдающей
что творитъ шуйца. Благодѣянія его сопровождались
живымъ личнымъ участіемъ и заботливостію, безъ кото-
рыхъ простая раздача денегъ, по слову Апостола, не
приноситъ пользы дающему и не имѣетъ нравственной
цѣнности. Всякому кто имѣлъ въ немъ надобность отда-
валъ онъ себя въ полное распоряженіе. Кому былъ ну-
женъ его совѣтъ или содѣйствіе, могъ брать у него сколько
хотѣлъ времени какъ будто это былъ самый праз-
дный на свѣтѣ человѣкъ; всякій находилъ въ немъ пол-
ное, всегда свѣжее, всегда заботливое вниманіе, какъ
будто никакихъ другихъ дѣлъ у него не было. Съ уди-
вительнымъ терпѣніемъ выслушивалъ онъ всякаго и
самъ затягивалъ рѣчь чтобы глубже войти въ подроб-
ности дѣла, какъ бы оно ни было чуждо ему и какъ бы
съ общей точки зрѣнія ни казалось мелкимъ. Онъ обла-
далъ нелобѣдимымъ здравомысліемъ и тонкостью всегда
основательнаго практическаго сужденія; но онъ былъ
способенъ къ самому возвышенному энтузіазму, и вѣтъ
высоты на которую не восходилъ бы его умъ. Онъ былъ
глубоко вѣрующій человѣкъ, и религиозныя убѣжденія
самаго положительнаго свойства были у него не въ раз-
ладѣ, но въ полномъ согласіи съ его разумомъ.

„Въ тишинѣ и смиреніи своего сердца, онъ не былъ чловѣкомъ начинаній. Онъ не любилъ опираться на свою волю. Его дѣятельность, къ чему бы ни приступалъ онъ, была всегда какъ бы подвигомъ послушанія. Но войдя въ дѣло, онъ весь отдавался ему, не колебался, не оглаживался, не медлилъ, не откладывалъ. За принятымъ рѣшеніемъ тотчасъ же слѣдовало у него исполненіе, и вступалъ въ дѣйствіе его необыкновенный организаторскій даръ. Мысль тотчасъ же принимала у него дѣловой оборотъ. Отдавшись дѣлу, онъ запрягался въ него и становился его чернорабочимъ, и въ дѣлѣ его служенія не было для него неважныхъ мелочей. Но въ подробностяхъ никогда не терялась имъ идея цѣлаго; она одушевляла его во всемъ и постоянно направляла его дѣятельность, придавая всѣмъ развѣтвленіямъ ея высокій смыслъ и цѣну.

„Стройка лицейскаго дома показала до какихъ подробностей могъ доходить онъ въ своемъ трудѣ. Взявшись, по порученію совѣта Лицея, за веденіе этого дѣла, онъ не ограничивался общимъ бдительнымъ надзоромъ надъ ходомъ работъ и распредѣленіемъ занятій между представленными лицами; онъ, еслибы можно было, самъ положилъ бы каждый кирпичъ въ стѣнахъ зданія. Съ архитекторами онъ былъ архитекторъ, какъ будто весь вѣкъ специально занимавшійся строительнымъ дѣломъ. Ни одна подробность при составленіи плановъ не ускользнула отъ его вниманія; все имъ предугадывалось, направлялось, поправлялось. Всѣ техническія производства связанныя съ постройкой зданія, системы отопленія, вентиляціи, волопроводовъ, были изучены имъ съ отчетливостію изумлявшею мастеровъ, которые едва могли послѣдовать за нимъ. Заводчики и подрядчики съ которыми онъ имѣлъ дѣло по изготовленію строительныхъ матеріаловъ и производству работъ не лучше его знали все относящееся къ ихъ промысламъ и въ техническомъ, и въ экономическомъ отношеніи.

„Въ послѣдніе годы своей жизни, онъ посвятилъ Лицею не только всю свою дѣятельность, но всю душу свою.

„Мысль объ учрежденіи этого учебнаго заведенія была вызвана въ насъ вопросомъ объ общей учебной реформѣ въ нашемъ отечествѣ. Проникнутые убѣжденіемъ что безъ этой реформы тщетны были бы всѣ обновляющія движенія въ нашей народной жизни, что только путемъ образованія можетъ совершиться наше народное обновленіе и что для обезпеченія судебъ нашего отечества необходимо прежде всего поставить будущихъ учителей и руководителей народа въ правильныя условія воспитанія, мы посвящали этому предмету всю энергію къ какой только были способны. „Надобно было не только „разъяснять, но и бороться“, писали мы въ 1867 году (*Моск. Вѣд.* № 209). „Въ эту борьбу положили мы свою „душу; мы слѣдили за ея перелетіями съ трепетомъ и „сердечною болью. Чѣмъ яснѣе представлялось намъ „дѣло, чѣмъ глубже были убѣждены мы въ жизненной „важности вопроса подлежащаго рѣшенію, тѣмъ вос- „пріимчивѣе были мы ко всему что могло возбуждать „опасеніе за благополучный исходъ его. То была истин- „ная мука Сизифа. Сколько разъ дѣло казалось выигран- „нымъ, и сколько разъ снова подвергалось сомнѣнію и „замѣшательству! Вскорѣ мы увидѣли себя въ положе- „ніи людей которые, приложивъ свое плечо къ общему „дѣлу, вдругъ почувствовали на себѣ чуть ли не всю „его тяжесть. Само собою развилось въ насъ чувство „какъ бы нравственной отвѣтственности предъ этимъ „дѣломъ, подъ тяжестію котораго мы не разъ изнемогали. „Оно стало для насъ какъ бы фактомъ нашей жизни, и „мы невольны не принимать сердечнаго участія въ судь- „бахъ его.“

Мы почувствовали тогда что одной аргументаціи, сколько бы мы ни влагали въ нее нашего разумія и энергіи, было недостаточно, что отъ людей предавшихъ дѣлу требовались еще другія усилія. И вотъ возникла у насъ мысль устроить учебное заведеніе которое не было бы нашею частною собственностію, но было бы такъ организовано чтобы управленіе его имѣло полную свободу дѣйствій. Мы принимали на себя всю отвѣтствен-

ность въ направленіи дѣла по плану давно нами обдуманному, и въ выборѣ лицъ достойныхъ и способныхъ нести педагогическія обязанности, и предоставляли себѣ право распорядиться въ немъ по своему усмотрѣнію въ предѣлахъ утверждаемаго законодательствомъ устава. Но у насъ не было и мысли о томъ чтобы тому или другому изъ насъ взять на себя обязанности главнаго учителя или директора. Отвѣтственность за выборъ директора и за его дѣятельность брали мы на себя, но никто ни другой изъ насъ не предполагалъ взять на себя самое это званіе, не потому только что другія наши обязанности и занятія не давали намъ возможности сосредоточить на этой должности столько времени и силъ сколько она, по нашему разумѣнію, требовала, но еще болѣе потому что ни тотъ ни другой изъ насъ тогда не чувствовалъ себя призваннымъ и готовымъ къ практической дѣятельности педагога.

„Когда мы обдумывали планъ Лицея, мы ишли въ виду одно изъ близкихъ къ намъ тогда лицъ на директорскую должность, чѣмъ и было ускорено наше рѣшеніе. Но предположеніе это не состоялось; не сбылись потомъ и другія предложенія. А между тѣмъ жизнь начиналась заведенія уже втянула въ себя душу нашего друга своими призывами къ труду, самоотверженію и дѣламъ любви. Здѣсь онъ сразу почувствовалъ себя въ своей стихіи, и вскорѣ весь отдался ей.

„Да и какое иное дѣло могло такъ соответствовать природѣ, всѣмъ способностямъ и влеченіямъ его души? Его высокое научное образованіе, его умъ методически воспитанный и навѣянный въ правильномъ трудѣ, его филологическая спеціальность при обширныхъ и основательныхъ познаніяхъ по всѣмъ предметамъ общаго образованія, его почти тридцатилѣтняя опытность въ университетскомъ преподаваніи, практической смелости его мысли, невозмутимое спокойствіе, самообладаніе и всегдашняя ясность его духа, непоколебимая твердость его нравственныхъ и политическихъ правилъ, глубоко искренняя, совершенно положительная вѣра, наконецъ

та святая любовь которую была исполнена его душа, — удивительное сочетаніе качествъ для того чтобъ упрочить и одушевить учебно-воспитательное заведеніе такихъ размѣровъ и такого характера какъ нашъ Лицей, восходящій отъ приготовительнаго класса съ восьмилѣтними малютками до высшихъ степеней научнаго образованія по университетскимъ факультетамъ. Здѣсь открывался безграничный просторъ его дѣятельности; здѣсь находило себѣ примѣненіе все чѣмъ душа его, въ своей скромности, была такъ неистощимо богата... Какъ основатель и членъ правленія Лицея, онъ былъ въ немъ хозяиномъ и не пуждался въ званіи директора для того чтобы дѣлать все то добро къ которому былъ способенъ. Дѣятельность его съ самаго начала простерлась во всѣ стороны и обняла все сверху до низу. Онъ разомъ несъ на себѣ всѣ службы учебно-воспитательнаго заведенія. Онъ былъ всѣмъ въ заведеніи, и замѣщаль собою всякое отсутствіе, восполнялъ всякій недостатокъ. Наконецъ, въ 1872 году, открылся старшій классъ Лицея, и Павелъ Михайловичъ, оставивъ университетъ, формально принялъ на себя должность главнаго учителя или директора, которая въ его лицѣ, какъ основателѣ заведенія, имѣла особое значеніе.

„Всѣ въ Лицеѣ и окрестъ его, воспитатели, воспитанники, ихъ родители, знаютъ чѣмъ былъ онъ для этого заведенія. Внутреннее существо его, что жило и дѣйствовало втайнѣ и проявлялось лишь въ негласныхъ отношеніяхъ человѣка къ человѣку, то стало фактомъ общественнымъ и очевиднымъ. Положеніе въ которомъ онъ очутился выдало тайну его души и огласило его. Всѣ чувствовали себя въ присутствіи чего-то необыкновеннаго. Предъ всѣми, изо дня въ день, приносилъ себя въ жертву человѣкъ не по вынужденію обстоятельствъ, не по принятому правилу, не въ исполненіе наложеннаго долга, но изъ чистой любви, въ простотѣ и смиреніи. Почтительное, можно сказать благоговѣйное чувство невольно возбуждалось у всѣхъ, и вотъ оно сказалось когда человѣка не стало. Не всѣ однако могли

знать какъ глубоко простиралась заботливость покойнаго не только объ общихъ дѣлахъ Лицея, но о каждомъ изъ юныхъ существъ, ему ввѣренныхъ, какъ принималъ онъ къ сердцу ихъ благосостояніе и совершенствованіе. Они не знали, эти дѣти и юноши, какъ тяжело обходился ему всякій дурной поступокъ кого-либо изъ нихъ, какихъ мучительныхъ заботъ стоила ему всякая замѣченная имъ неодобрительная наклонность или порча. Но я могу свидѣтельствовать объ этомъ; мнѣ онъ повѣрялъ свои наблюденія, со мною дѣлился своими заботами, ища совѣта и опоры для своихъ рѣшеній. Черезъ него я близко узнавалъ всѣ особенности характера и умственнаго склада воспитанниковъ выдающихся и въ хорошемъ и въ дурномъ смыслѣ. Онъ вводилъ меня въ тайники ихъ дѣтскихъ душъ, раскрывавшихся предъ зоркостью его любви. Бывало, возвратившись изъ Лицея, онъ проводилъ цѣлые часы, урывая ихъ у своего сна, въ обсужденіи какого-нибудь случая школьной жизни, какого-нибудь признака замѣченнаго имъ въ характерѣ мальчика или мѣры которую требовалось принять относительно виновнаго. Въ этихъ случаяхъ, наединѣ съ человекомъ которому онъ все повѣрялъ, онъ нерѣдко измѣнялъ своему характеру, всегда спокойному и твердому: онъ колебался, волновался, возвращался на свои рѣшенія, и окончательное рѣшеніе его выходило пережитое и провѣренное всѣмъ существомъ его.

„Но если юные питомцы Лицея не знали какъ много мѣста занимали они въ заботахъ и думахъ своего воспитателя, то они должно-быть хорошо чувствовали это. Да, они это чувствовали, и мы видѣли какъ сказалось это чувство у его гроба. Каждый изъ нихъ, на комъ останавливался его взглядъ, чувствовалъ себя живымъ существомъ, не исчезающимъ въ массѣ, цѣлью мысленной, предметомъ вниманія и заботъ. Онъ не баловалъ ихъ, онъ не старался приобрести ихъ привязанность уступками и поблажками; напротивъ, онъ былъ требователемъ и строгъ, но выходило нерѣдко такъ что кто-боже испыталъ на себѣ его требовательность и стро-

гость, тотъ болѣе и глубже полюбилъ его. У его гроба рыдали и горячо молились юноши, быть-можетъ не разъ ролтавшіе на него при жизни.

„Посѣтителямъ Лицея было странно видѣть массу дѣтей безцеремонно рѣзвившихся въ то время какъ между ними залпосто проходилъ, слѣша отъ дѣла къ дѣлу, главный начальникъ заведенія. Можно было счесть его за незначащее должностное лицо при заведеніи, или подумать что заведеніе находится въ разстройствѣ, что въ немъ нѣтъ ни лорядка, ни дисциплины. Но для внимательнаго наблюдателя вскорѣ оказывалось что этотъ человекъ пользуется здѣсь безграничнымъ авторитетомъ, что одного имени его достаточно чтобы смирить самаго непокорнаго; что это мнимо дезорганизованное заведеніе создано по образу доброй семьи гдѣ господствуетъ полная непринужденность и гдѣ не требуется условныхъ правилъ, гдѣ дозволяется все кромѣ дурнаго. Но для того чтобъ осуществить въ большомъ общественномъ учебномъ заведеніи образъ семейства, требуются необыкновенныя качества отличавшія покойнаго, и прежде всего его святое самозабвеніе въ заботахъ о другихъ.

„Особенно надо было видѣть его въ лазаретѣ заведенія, у постели опасно больнаго. Досточтимый отецъ Головинъ, законоучитель Лицея, воздававшій хвалу усопшему надъ его еще незакрывшимся гробомъ въ церкви, сказалъ что покойный былъ не только отцомъ, но и матерью вѣренннхъ его полеченію дѣтей. Въ этихъ выразительныхъ словахъ нѣтъ преувеличенія. И нѣжность материнской любви всего болѣе обнаруживалась въ его уходѣ за опасно больными дѣтьми. Сами матери, которымъ случалось заставить его въ такихъ заботахъ о ихъ дѣтяхъ, съ благоговѣйнымъ удивленіемъ узнавали въ немъ свое чувство, и сознавались что онѣ не могли бы съ большимъ самозабвеніемъ, съ большею зоркостью, нѣжностью и чуткостью ходить за своими дѣтьми. Святая любовь которая жила въ его душѣ дѣйствительно соединяла въ немъ дальновидную полечительность добраго отца съ тонкостью и нѣжностью материнскаго чув-

ства. Лицей не разъ посѣщали опасныя болѣзни, но благодареніе Богу, въ стѣнахъ его не было ни одного смертнаго случая между воспитанниками. Мы много обязаны искусству и заботливости состоящаго при заведеніи врача. Но всѣмъ въ Лицеѣ извѣстно съ какою неутомимою энергіей боролся покойный съ опасностію угрожавшею больному, какъ неистощимо изобрѣтателевъ, и какъ стоику, какъ неуступчиву, какъ непобѣдимо упорену былъ онъ въ этой борьбѣ....

„Что будетъ теперь, спрашиваютъ иные, съ осиротѣвшимъ Лицеємъ? Устоитъ ли онъ? Кто замѣнитъ отшедшаго? Замѣнитъ его никто не можетъ; но дѣло въ которое внесена святыня его любви, не можетъ не быть прочно, — дѣло подъ которымъ похоронилъ себя этотъ поистинѣ праведный человекъ, не можетъ не устоять, какъ бы ни слабы были руки которымъ достанется поддерживать его.

„Внутреннее устройство Лицея можетъ считаться завершеннымъ; память которую оставилъ въ немъ усопшій устроитель пребудетъ руководящимъ и направляющимъ началомъ для дальнѣйшей жизни этого заведенія. На обязанности болѣе прочихъ близкаго и болѣе всѣхъ осиротѣвшаго человекъ лежитъ собрать всѣ слѣды его на землѣ и возстановить всѣ черты его духовнаго облика.

„Будемъ надѣяться что Богъ пошлетъ намъ средства докончить къ назначенному сроку и самое зданіе воздвигнутое имъ для Лицея съ неизмовѣрною быстротой. Эта колоссальная постройка, удивительная по своимъ приспособленіямъ къ педагогическому дѣлу, послужитъ усопшему достойнымъ памятникомъ.

„Ежедневно церковь молится о „безболѣзненной, непостыдной и мирной кончинѣ“. Смерть человекъ котораго мы оплакиваемъ была поистинѣ такою кончиною. Она достойно завершила его земную жизнь.... М. К.“

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТОМЪ СТО ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

М А Р Т Ъ

	<i>Стр.</i>	
Война и революція. Очерки нашего времени. Продолженіе. <i>В. П. Безобразова</i>	6	
Осада Коринѳа. Поэма лорда Байрона. <i>Д. Е. Мина</i>	36	✓
Университетскій вопросъ. Гл. XIV—XX. <i>Н. А. Любимова</i>	69	✓
Законъ и женщина. Романъ. Вилки Коллинза. Переводъ съ англійскаго. Часть вторая. Гл. XXXV—XLII.	124	✓
Таити. Листки изъ записной книжки. <i>Тишанскаго</i>	188	
Парижскіе силуэты. <i>Петра Петрова</i>	213	
Церковище. Стихотвореніе. <i>М. А. Хитрово</i>	243	
Анна Каренина. Романъ. Часть вторая. Гл. XI—XXVII. <i>Гр. Л. Н. Толстаго</i>	246	✓
Новыя сочиненія Всеволода Крестовскаго: 1) <i>Кровавый Путь</i> . Хроника о новомъ смутномъ времени государства Россійскаго. С.-Петербургъ, 1875. 2) <i>Изъ походныхъ очерковъ</i> . С.-Петербургъ, 1872. 3) <i>На западъ и на востокъ</i> . С.-Петербургъ, 1872. А.....	317	
По поводу одной новой повѣсти. <i>Т. Н.</i>	343	

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

- Парижане. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. Переводъ съ англійскаго. Книга одиннадцатая, гл. I—III.
- Военныя дѣйствія на Оксусѣ и паденіе Хивы. Макъ-Гахана. Переводъ съ англійскаго (съ рисунками). Часть первая, гл. XIV—XXI. Часть вторая, гл. I—V.

А П Р Ъ Л Ъ.

	Стр.
✓ Какъ установилось единодержавіе Петра. <i>М. П. Погодина</i>	357
О правахъ нейтральныхъ. <i>Ю. А. Новосильцева</i>	416
✓ Законъ и женщина. Романъ Вилки Коллиаза. Переводъ съ англійскаго. Окончаніе.	453
Отецъ и сынъ. Опытъ культурно-біографической хроники. Гл. I—II. <i>М. Θ. Де-Пуле</i>	494
✓ Тетя Лева. Разказъ изъ чешской народной жизни Моррица Гартмана. Переводъ <i>Н. Б—ва</i>	545
✓ Анна Каренина. Романъ. Часть вторая. Гл. XXVIII—XXXI. Часть третья. Гл. I—X. <i>Гр. Л. Н. Толстаго</i> .	572
Внутренняя политика Франціи за первую четверть года. <i>Петра Петрова</i>	642
Реальная беллетристика. <i>А.</i>	671
✓ Памяти Павла Михайловича Леонтьева.....	705

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

- ✓ Парижане. Романъ. Эдуарда Булвера, лорда Литтона. Переводъ съ англійскаго. Книга одиннадцатая. гл. IX—XIII.
- ✓ Военныя дѣйствія на Оксусъ и ладеніе Хивы. Макъ-Гахана. Переводъ съ англійскаго (съ рисунками). Часть вторая, гл. VI—XI.

Сего 1го апрѣля 1875 года вышла и разослана подлищикамъ IVя, апрѣльская, книга ежемѣсячнаго историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА.“

Содержаніе книги: I. С.-Петербургскій Воспитательный Домъ подъ управленіемъ Бецкаго, историческое изслѣдованіе А. П. Пятковского. — II. Кн. Григорій Александровичъ Потемкинъ-Тавричскій, біографическій очеркъ по неизданнымъ матеріаламъ: переписка и событія 1779—1786 гг. — III. Дѣти правительницы Анны Леопольдовны въ Даніи, разказъ по датскимъ извѣстіямъ. Сообщ. Ак. Я. К. Гротъ. — IV. Василий Назаровичъ Каразинъ, основатель Харьковскаго университета; мысли его о народномъ просвѣщеніи въ Россіи. — V. Воспоминанія перваго камеръ-лажа великой княгини (императрицы) Александры Ѳеодоровны, 1817—1819 гг. К. Ѳ. Багговутъ; — Пажескій корпусъ шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ; — начальство и обученіе пажей; — служба камеръ-лажей при дворѣ; — императрица Марія Ѳеодоровна и жизнь ея въ Павловскѣ; — бракосочетаніе великаго князя Николая Павловича; — первые мѣсяцы, проведенные новобрачными въ Павловскѣ; — отъѣздъ въ Москву и пр. — VI. Воспоминанія П. А. Каратыгина: театры и общество въ Петербургѣ въ царствованіе Александра Павловича; — разовыя свѣчки; — артистки Е. Семенова и Валберхова; — смерть актера Кондакова въ Москвѣ; — нѣмецкій театръ 1820хъ гг.; — Александръ Якубовичъ; — 14е декабр. — VII. Атаманъ Войска Донскаго Алексѣй Васильевичъ Иловайскій, 1821—1827 гг.: столкновеніе атамана съ генераломъ А. И. Чернышевымъ; — записка поданная Иловайскимъ въ 1826 г., объясненіе Чернышева и пр. — VIII. А. И. Тургеневъ, нѣсколько о немъ припоминаній. (Окончаніе.) Акад. И. И. Срезневскаго. — IX. А. С. Даргомыжскій и пребываніе его за границей въ 1864—1865 гг. — X. Неизданное стихотвореніе М. Ю. Лермонтова: въ альбомъ товарищу по Московскому Университету Н. Поливанову, 1831 года. — XII. Листки изъ записной книжки *Русской Старины*: 1) Ширяй, эпизодъ изъ царствованія Павла. — 2) Письмо поэта Веневитинова, 1826 г. — Проводы княгини М. Н. Волконской въ Сибирь, 27го декабря 1826 г., — изъ дневника Веневитинова. — 4) Заключение предсказателя монаха Авеля въ Спасо-Евфимі-

евъ монастырь, въ 1826 г.—5) Пожаръ балагана Лемана въ 1836 г.—XIII. Петербургская Старина: рѣшенія императора Павла на всеподданнѣйшія прошенія въ 1798 г.—XIV. Библиографическій листокъ новыхъ книгъ.

Къ этой книгѣ приложенія: I. Портретъ В. Н. Каразина, основателя Харьковского университета, гравировалъ Акад. Л. А. Сярковъ. — II. Азбучный указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ XII томѣ *Русской Старины*; и III. Залески генерала Маяштейна о Россіи, 1727—1744 гг., переводъ съ французскаго, съ подлинной рукописи автора. Глава I—IV, событія 1727—1732 гг.

При этой книгѣ разсылается годовой отчетъ о *Складчина* изданіе русскихъ писателей въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая въ 1874 г.

Русская Старина изд. 1870, 1871, 1873 и 1874 годовъ разошлась сполна по подпискѣ.

Русская Старина 1872 года, изданіе второе, можно получить всѣ 12 книгъ съ приложеніями. Цѣна восемь рублей съ пересылкой. (Осталось 52 экземпля.)

Подписка на *Русскую Старину* изд. 1875 г. продолжается. 12 книгъ, съ портретами, рисунками и пр. приложеніями.

ЦѢНА 8 РУБ. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ *Русской Старины*—въ книжномъ магазинѣ А. Θ. Базунова (Невскій, 30); въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ Ив. Григорьевича Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Гг. *иногородныхъ* подписчиковъ просятъ *исключительно* обращаться въ редакцію *Русской Старины* въ С.-Петербургѣ Надеждинская, въ домѣ Трута, кв. № 12.

Примѣчаніе. Въслѣдствіе многократныхъ требованій, редакція приступила къ печатанію новаго (третьяго) изданія *перваго* года *Русской Старины*, т.-е. 1870 г., двѣнадцати книгъ со всѣми приложеніями и рисунками; желающіе получить это изданіе благоволятъ присылать восемь рублей, дабы своевременно получить это изданіе по его отпечатанію. Цѣна 8 руб. съ пересылкой.

3.547.

Вышла и раздается гг. подписчикамъ АПРѢЛЬСКАЯ книжка историческаго, иллюстрированнаго сборника „ДРЕВНЯЯ И НОВАЯ РОССІЯ“.

Содержаніе ея слѣдующее:

Текстъ: I. Станиславъ Лещинскій. Историко-біографическій очеркъ. *Ө. М. Уланца.*—II. Малорусскія народныя думы и кобзарь Остапъ Вересай. Проф. *О. Ө. Миллера.*—III. А. С. Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ.—*А. С. Суворина.*—IV. Два лалпдарныхъ памятника. *А. Н. Савельева.*—V. Черты изъ жизни графа Аракчеева. III. Сельское хозяйство и порядки, введенныя Аракчеевымъ въ Грузинской волости. *И. К. Отто.*—VI. Восхождение на Денежинъ камень, въ 1873 году. VII. Библиографія. 1) А. Т. Болотовъ. Памятникъ протекшихъ временъ или краткія записки о бывшихъ происшествіяхъ и носившихся въ народѣ слухахъ. М. 1875. *Б. Гно.*—2) Очеркъ русской морской исторіи. *Ө. Веселаго.* Ч. I. Спб. 1875. *Е. А. Бьлова.*—VIII. Воспоминаніе объ А. И. Артемьевѣ и письма его. *К. И. Тихомирова.*—IX. Нѣсколько свѣдѣній о дѣятельности М. Л. Магницкаго по отношенію къ Симбирской гимназіи. *Н. Н. Соболева.*—X. Городища и курганы въ Минской губерніи.—XI. Указатель книгъ по русской исторіи, географіи и этнографіи, вышедшихъ съ 1го января по 8е марта 1875 года. *Рисунки:* 1) Станиславъ Лещинскій.—2) Кобзарь Остапъ Вересай.—3) А. С. Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ (храмолитографія съ картины профес. Н. Н. Ге).—4) Снимокъ съ одного изъ лалпдарныхъ памятниковъ.—5) Крестьянскіе дома въ селѣ Грузинъ при графѣ Аракчеевѣ.—6) Ворота на Денежиномъ камнѣ.

Первыя три книжки Сборника вышли своевременно. Содержаніе ихъ слѣдующее:

ЯНВАРЬСКАЯ КНИЖКА.

Текстъ: I. В. Н. Татищевъ, администраторъ и историкъ первой половины XVIII столѣтія. Гл. I—IV. Проф. *К. Н. Бестужева-Рюмина.*—II. Сенатъ въ началѣ царствованія императрицы Екатерины II. Профессора *С. М. Соловьева.*—III. Царевичъ Алексій Петровичъ. Проф. *Н. И. Костомарова.*—IV. Эпизодъ изъ литературы тридцатыхъ годовъ. (Три повѣсти Пав-

лова.) Академ. *М. И. Сухомлинова*. — V. Очерки Восточной Сибири: I. Общая характеристика Восточной Сибири. *П. А. Ровинскаго*. — VI. А. И. Артемьевъ. Некрологъ. *П. Н. Петрова*. — VII. Черты изъ жизни графа Аракчеева: I. Родственнику графа Аракчеева. *И. К. Отто*. — VIII. Библиографія. *Рисунки*: 1. В. Н. Татищевъ. — 2. Петръ I и царицѣй Алексѣй Петровичъ. (Съ картины проф. Ге.) — 3. Кронпринцесса Шарлота-Софія (супруга царицѣй Алексѣя Петровича). — 4. Бирюса, пограничное селеніе Иркутской губерніи, послѣ злонаго пожара и наводненія. — 5. Видъ Тельминской фабрика. — 6. А. И. Артемьевъ. — 7. Шлемъ великаго князя Ярослава Всеволодовича.

ФЕВРАЛЬСКАЯ КНИЖКА.

Текстъ: I. Воспитаніе Екатерины II. Академ. *Я. К. Гротъ*. — II. В. Н. Татищевъ, администраторъ и историкъ первой половины XVIII столѣтія. Гл. V и VI. Проф. *К. Н. Бестужева-Рюмина*. — III. Царицѣй Алексѣй Петровичъ. (Окончаніе.) Проф. *Н. И. Костомарова*. — IV. Эллино-скиевскій міръ на берегахъ Понта. Историко-этнографическій очеркъ. Гл. I—III. Проф. *Д. И. Иловайскаго*. — V. Иоасафъ Батуричъ. Эпизодъ изъ исторіи царствованія императрицы Елисаветы Петровны, по архивнымъ документамъ. *А. П. Барсукова*. — VI. Каліостро въ Петербургъ, въ 1779 году. *Е. П. Карновича*. — VII. Очерки Восточной Сибири: I. Иркутскъ, его настоящее и прошлое. *П. А. Ровинскаго*. — VIII. Библиографія. — IX. Историческіе матеріалы. *Рисунки*: 1. Императрица Екатерина II (въ молодости). — 2. Принцъ Христианъ Ангальтъ-Цербстскій (отецъ Екатерины II). — 3. Принцесса Иоанна-Елисавета Ангальтъ-Цербстская (мать Екатерины II). — 4. Царица Евдокія Федоровна. — 5 и 6. Двѣ древнія вазы съ изображеніями Скивовъ. — 7. Каліостро. — 8. Видъ Иркутска.

МАРТОВСКАЯ КНИЖКА.

Текстъ: I. Графъ П. А. Толстой. 1645—1729. Биографическій очеркъ. Проф. *Н. А. Попова*. — II. Безвѣстный герой смутнаго времени. *И. Е. Забѣлина*. — III. В. Н. Татищевъ, администраторъ и историкъ первой половины XVIII столѣтія. Гл. VII и VIII. Проф. *К. Н. Бестужева-Рюмина*. — IV. Князь-инокъ Вассіанъ Патрикѣевъ. Историко-литературный очеркъ. *И. П. Хруцова*. — V. Эллино-скиевскій міръ на берегахъ Понта. Историко-этнографическій очеркъ. Гл. IV—VI. (Окончаніе.) Проф. *Д. И. Иловайскаго*. — VI. Черты изъ жизни графа Аракчеева. II. Настасья Минкина и Михаилъ Шумскій. *Н. К. Отто*. — VII. Очерки Восточной Сибири. II. На Кругобайкальской дорогѣ. — Нѣсколько словъ о климатѣ и

погодъ.—Ангара и ея вліяніе на жизнь.—На перевозѣ.—Кая.—Прелестный уголокъ въ долину Иркутка и зобатые.—Картинны природы.—Рабочіе на дорогѣ.—У Байкала. *П. А. Ровинскаго.*—VIII. Библиографія. Архивъ князя Воронцова. Кн. 7я. М. 1875 г. *Е. А. Бьлова.*—IX. Русская театральная публика во времена Сумарокова. *Д. Н. Дмитріева.*—X. Смѣсь. Городища и курганы въ Минской губерніи. *Рисунки:* 1. Графъ П. А. Толстой.—2. Крестъ преп. Иринарха.—3 и 4. Два вида пещеры и гробницы въ курганѣ Юзь-Оба.—5. Рабочіе изъ селенія Тунки на Кругобайкальской дорогѣ. (Большая хромо-литографія.)

ПОДПИСКА НА СБОРНИКЪ ДРЕВНЯЯ И НОВАЯ РОССІЯ принимается: *въ Петербургѣ:* въ главной конторѣ редакціи, на Невскомъ проспектѣ, рядомъ съ Пассажемъ, домъ № 46й; при типографіи и хромолитографіи издателя В. И. Граціанскаго, и въ книжныхъ магазинахъ: А. Θ. Базунова, на Невскомъ просп., д. № 30й, и И. Г. Мартынова, на Вознесенскомъ просп., д. № 15й. *Въ Москвѣ:* въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, домъ Алексѣевыхъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ДВѢНАДЦАТЬ КНИЖЕКЪ ВЪ ГОДЪ 12 руб., съ доставкой на домъ 12 руб. 50 коп., съ пересылкой 13 руб. 50 коп. 3.465.

ВАЖНАЯ ЗАМѢТКА.

№ 116й ИЛЛЮСТР. НЕДѢЛИ выйдетъ 27го апрѣля, вмѣстѣ съ юмористич. альбомомъ: **ВОЯЖЪ Г. НЕЗАБУДКИ ВЪ ПЯТИГОРСКЪ**, князя *Федора Николаевича Туркестанова*.

Такъ какъ послѣдній назначенъ для всѣхъ нашихъ подлищиковъ *безъ исключенія*, то мы покорнѣе просимъ каждаго изъ нихъ, при полученіи означеннаго номера, удостовѣриться прежде всего находится ли въ немъ альбомъ, въ противномъ случаѣ не принимать его, а затѣмъ *немедленно* увѣдомить насъ дабы мы могли обратиться съ жалобой въ газетную экспедицію.

Въ скоромъ времени въ ИЛЛЮСТР. НЕДѢЛИ будутъ помѣщены ПТИЦЫ НЕБЕСНЫЯ, очерки *В. И. Нелмировича Данченко* и РАЗКАЗЪ ПРЕСТУПНИКА, *А. А. Шкляревскаго*.

ИЛЛЮСТР. НЕДѢЛЯ съ ИЛЛЮСТР. ВѢСТНИКОМЪ даютъ ежегодно матеріаловъ для чтенія болѣе чѣмъ на 50 томовъ обыкновенной печати. Журналъ этотъ, по разнообразію содержанія, смѣло можно назвать журналомъ для всѣхъ и обо всѣхъ.

Головая цѣна ИЛЛЮСТР. НЕДѢЛИ съ перес. 6 руб., съ ИЛЛЮСТР. ВѢСТНИКОМЪ 9 руб. Всѣ новые подлищики получаютъ его, начиная съ первыхъ номеровъ, а вмѣстѣ съ ними и премію *Иллюстр. семейный календарь* и юмористич. альбомъ. Адрес. *А. О. Бауману*, Захарьевская, 27, въ Петербургѣ. 4.413.

Въ крѣпости найдено было пять или шесть пушекъ — въ роутѣ тѣ самыя что были въ дѣлѣ при Шейхъ-армы; здѣсь оказалось также множество фалькометовъ и большое количество очень хорошаго пороха, сваленнаго по сторонамъ безо всякаго призора.

Послѣ двухчасоваго отдыха, генералъ Клауфманъ оставилъ въ Хазарь-Аслѣ маленкій гарнизонъ подъ начальствомъ полковника Иванова, прибывшаго наканунѣ съ полковникомъ Веймарномъ, а самъ пошелъ назадъ и сталъ лагеремъ въ садахъ, на полудорогѣ къ рѣкѣ. Онъ предполагалъ здѣсь дожидаться прибытія всего отряда прежде чѣмъ нѣтъ на пристулъ столицы.

Лагерь нашъ расположился посреди фруктовыхъ деревьевъ и вазонъ; вокругъ насъ по всѣмъ направленіямъ разливались потоки воды; мѣстность эта, послѣ лустыни, казалась намъ настоящимъ раемъ.

Сосѣдніе дома были всѣ покинуты ихъ обитателями, и мы не нашли въ нихъ ничего изъ домашняго добра, кромѣ небольшого количества кухонной посуды, да глиняныхъ кувшиновъ. Но за то почти въ каждомъ домѣ была одна или двѣ комнаты наполненныя шелкоичными червями; многія тысячи этихъ несчастныхъ прядильщиковъ, я думаю, погибли съ голода, такъ какъ пищи имъ не было никакой.

Однажды я свѣлъ на коня и отправился въ Хазарь-Аслѣ, гдѣ былъ радушно принятъ полковникомъ Ивановымъ. Во время обѣда ему доложили что пришла женщина съ жалобой.

— Поищите со мной, сказалъ полковникъ, обращаюсь къ вамъ: — Увидите любопытную вещь.

Такъ какъ обычай порядокъ судопроизводства былъ прерванъ бѣгствомъ губернатора, то обыватели Хазарь-Асла стали приходять для разбирательства своихъ споръ и съ просьбами о защитѣ къ полковнику Иванову, который облеченъ былъ здѣсь высшею властью. Мы вышли въ большой портикъ, который, какъ я уже говорилъ, служилъ приемною залой, возсѣли на ковръ, и полковникъ вступилъ въ роль судьи съ приличнымъ случаю выраженіемъ серьезности и даже важности на лицѣ. Женщину ввели во дворъ, который былъ футовъ на три ниже портика гдѣ мы сидѣли. Просительница вошла держа за руку олуховатаго на видѣ парня лѣтъ 14ти и, кланаясь на каждомъ шагѣ чуть не до земли, обрати-

лась къ полковнику, принимая его за Кауфмана и называя его Ярымъ-ладшадомъ; титулъ этотъ полковникъ принялъ съ полнымъ достоинствомъ. Это была старуха прикрытая невзрачнымъ хивинскимъ халатомъ. Единственная принадлежность туалета отличающая костюмъ ея отъ мужскаго былъ высокій бѣлый тюрбанъ который носится всеми хивинскими женщинами. Она съ низкими поклонами подавала полковнику небольшой подарокъ, состоящій изъ хлѣба и фруктовъ, и стала излагать свою жалобу.

Дѣло было въ томъ, какъ объясняла она, что у сына ея,— указывая на приведеннаго съ собою неуклюжаго малаго, — украли невѣсту.

— Кто же укралъ? спрашиваетъ полковникъ.

— Да воръ собака-Персіянинъ; мой собственный рабъ; онъ свелъ моего же осла и на немъ увезъ дѣвчонку. Чтобъ изчухнуть ему, окаянному!

— Такъ онъ, значитъ, совершилъ три кражи: укралъ осла, дѣвушку и самого себя, перечелъ полковникъ съ дѣловымъ видомъ. — Ну, какъ же онъ укралъ дѣвушку? Силою ее увезъ?

— Ужь конечно силою; развѣ она не была невѣстой моему сыну? Да развѣ какая дѣвушка доброю волею убѣжитъ отъ своего жениха съ собакою-рабомъ?

— А кто она? Какъ вы ее обручили съ сыномъ?

— Она также Персіянка. Я купила ее у Туркмена который ее только-что привезъ изъ Астрабада, и заплатила за нее пятьдесятъ тиллъ. Должно-быть собака-рабъ приворожилъ ее, потому что какъ только она его увидѣла, такъ бросилась ему на шею, плача, рыдая и увѣряя что онъ былъ ея товарищемъ и другомъ съ самаго дѣтства. Я, конечно, побѣла ее хорошенько за эти бредни. Желать на ней сына я хотѣла черезъ нѣсколько дней; но какъ только подошли Русскіе, такъ хитрая дѣвчонка и подговорила раба бѣжать съ ней. Теперь ужъ они вѣрно поженались.

— Ну такъ что же я могу для васъ сдѣлать?

— Разыщите и отдайте жему моему сыну, а мнѣ раба и осла.

Полковникъ сказалъ ей съ улыбкой что посмотритъ что можетъ для нея сдѣлать, а теперь она можетъ идти. Она ушла, лютясь все время назадъ и кланяясь на каждомъ шагѣ до земли самымъ почтительнымъ образомъ какъ при дворѣ. Видно было что не въ первый разъ пришлось ей приносить жалобу судѣ.

Но сынъ ея не получалъ никогда обратно своей невѣсты, ни ей не разыскали ни раба, ни осла.

Во время нашей трехдневной стоянки близъ Хазаръ-Асла, генералъ Кауфманъ дѣятельно занялся наборомъ лошадей и телегъ для перевозки обоза и для замѣны верблюдовъ выславныхъ войскамъ на Хала-Ату и Аагы-Кудукъ. Этими днями подошелъ весь отрядъ; уже извѣстно было что генералъ Веревкинъ взялъ Куаградъ и быстро подвигался къ столицѣ.

Мы поднялись съ мѣста 27го мая (6го июня), а къ вечеру 28го (9го) были верстахъ въ 15 отъ Хивы. По всему этому переходу на дорогу высылали народъ группами отъ 20 до 30 человекъ, заявляя главнокомандующему свою покорность, и принося въ знакъ мира хлѣбъ, абрикосы, а иногда агнать и барановъ.

Ханъ все это время не оставлялъ генерала Кауфмана безъ извѣстій о своей особѣ. Главнокомандующій уже раза три или четыре, со времени переправы черезъ рѣку, получалъ письма отъ хана, въ которыхъ этотъ послѣдній выражалъ подлѣйшее удивленіе по поводу этого внезапнаго нашествія Русскихъ на его владѣнія. Затѣмъ онъ сталъ требовать объясненія этихъ враждебныхъ дѣйствій, и наконецъ предлагалъ незванымъ гостямъ немедленно, по добру по здорову, убираться во-свои.

Едва успѣли разбить лататки на вечерней стоянкѣ 28го мая (9го июня), какъ пришло послѣднее посланіе струсишаго владыки, въ которомъ онъ уже заявлялъ свою покорность, готовность сдаться на какихъ угодно условіяхъ, и поручалъ себя великодушію генерала Кауфмана.

Теперь я долженъ немного пріостановиться въ этомъ разказѣ чтобы пояснить какимъ путемъ доведенъ былъ ханъ до такого смиреннаго образа мыслей.

VI. Оренбургскій и Киндерландскій отряды

Когда, въ половинѣ декабря, походъ на Хиву былъ рѣшенъ въ Петербургѣ, то для обезпеченія успѣха предпріятія, назначено было четыре отдѣльныя экспедиціи которыя должны были двинуться въ ханство различными путями. Одному отряду назначено было выступить съ Кавказа, подъ начальствомъ полковника Моркозова, другому изъ Оренбурга,

и начальство надъ нимъ было поручено генералу Крыжановскому, а этимъ послѣднимъ передано генералу Веревкину; еще одинъ отрядъ долженъ былъ идти отъ Киндерлинской бухты, съ полковникомъ Ломакинымъ во главѣ; и наконецъ четвертый отрядъ изъ Туркестана, предводимый самимъ генераломъ Кауфманомъ.

Такъ какъ экспедиціонный отрядъ Маркозова совсѣмъ не дошелъ до Хивы, то я скачала скажу нѣсколько краткихъ словъ о немъ.

Исходнымъ пунктомъ этого отряда былъ Чакишляръ, въ долинѣ Атрежа, а не Красноводскъ, какъ въ началѣ было назначено. Эта линія была выбрана въ томъ предположеніи что на ней легко будетъ набрать верблюдовъ; но перемѣна оказалась гибельною для отряда, вслѣдствіе значительнаго увеличенія перехода. Когда колонна подошла къ колодцамъ Бала-Ишемъ, войска уже страдали неизмѣрно. Жара была ужасная, говорятъ, доходила до 149° по Фаренгейту; колодцы попадались рѣдко, люда чуть не мерли отъ жажды. Наконецъ верблюды и лошади, влолѣвъ обезсиленные длиннымъ переходомъ, стали падать цѣлыми сотнями. А отрядъ все еще былъ въ 180 верстахъ отъ Хивы—впередѣ предстояла самая тяжелая часть пути. Колодцы попадались чрезвычайно рѣдко, а верблюды положительно не въ силахъ были переносить достаточно воды для всего отряда. Итакъ 22го апрѣля (4го мая), именно когда генералъ Кауфманъ былъ на Хаа-Атъ, а генералъ Веревкинъ дошелъ до западнаго прибрежья Аральскаго моря, полковникъ Марковъ вынужденъ былъ вернуться назадъ.

Отчетъ о дѣйствіяхъ Оренбургскаго и Киндерлинскаго отрядовъ будетъ тѣмъ болѣе умѣстенъ здѣсь что не только на ихъ долю выпало наибольшее число стычекъ съ непріателемъ, но ими, собственно, и взята была Хива. Да и самую незначительность противодѣйствія оказаннаго ханомъ Туркестанскому отряду надо приписать отсутствію въ то же время на его территоріи этихъ двухъ колоннъ, Киндерлинской и Оренбургской.

Отряды эти подошли къ самымъ стѣнамъ Хивы, когда генералъ Кауфманъ былъ въ пятнадцати верстахъ отъ нея; и тотъ фактъ что различныя колонны выступившія съ противоположныхъ пунктовъ, отдѣленныя почти полуторатысячнымъ разстояніемъ одна отъ другой, все-таки сошлись

педь Живой чуть ли не въ одинъ день—составляетъ не полную любопытную особенность этой замѣчательной кампаніи.

Факты касающіеся отрядовъ Оренбургскаго и Киндерлинскаго собраны мною изъ различныхъ источниковъ; частію сообщены мнѣ русскими офицерами, частію получены отъ поручика Штумма, прусскаго офицера, сопровождавшаго сначала Киндерлинскую колонну, а потомъ соединенный отрядъ Оренбургскій и Киндерлинскій. Это единственный иностранецъ который, кромѣ меня, добрался въ эту кампанію до Живы. Появившійся уже въ печати трудъ г. Штумма—отличающійся чрезвычайною точностью и занимательностью—оказалъ мнѣ большую помощь въ нѣкоторыхъ справкахъ.

Генералъ Крымжановскій, оренбургскій генералъ-губернаторъ, получилъ приказъ снарядить Оренбургскую экспедицію только во второй половинѣ декабря мѣсяца; тотъ фактъ что всѣ перевозочныя средства, вооруженіе, фуражъ, провізія, палатки и достаточное количество теплой одежды на время самыхъ трескучихъ морозовъ для перехода въ 1.650 верстѣ, по странѣ совершенно невѣдомой, что все это, говорю я, было готово къ 15му (27му) февраля, можетъ служить обращеніемъ той послѣдственности съ какою Русскіе могутъ приготовиться къ войнѣ въ случаѣ необходимости.

Войска этого отряда собирались на трехъ различныхъ пунктахъ, въ Оренбургѣ, Уральскѣ и Орскѣ, и выступили въ походъ около 15го (27го) февраля, съ тѣмъ чтобы стѣнуться у Эмбенскаго укрѣпленія, при рѣкѣ того же имени. Это укрѣпленіе составляетъ русскій аванпостъ въ Киргизскихъ степяхъ, и отстоитъ верстѣ на 600 или около того отъ всѣхъ вышеупомянутыхъ пунктовъ.

Трудности этой первой части перехода были ужасны; холода доходили до -25° по Реомюру; войска подвергались сильнѣйшимъ метелямъ, о силѣ которыхъ можно имѣть понятіе только побывавъ въ этихъ степяхъ, гдѣ вѣтеръ, на разстояніи нѣмыхъ сотенъ верстѣ, не встрѣчаетъ на пути серьезнѣе ни малѣйшей преграды; налегкою задачей было двигаться впередъ и въ тихую погоду по снѣгу дождлившему иногда до фуза глубиною.

Несмотря однако на всѣ эти препятствія—которые признаны были бы непреодолимыми всякою другою, не русскою, арміею—три отряда сошлись въ половинѣ марта у Эмбенскаго

укрѣпленія, съ обозомъ, перевозочными средствами, аммуницией и провизіей. Конечно, такой удачный переходъ не могъ быть совершенъ на авось, безъ необходимыхъ приготовленій. Солдаты были снабжены полушубками и высокими теплыми салогами; по всему пути разставлены были войлочные кубитки, на разстояніи одного дня пути; заранее набрано топливо, заготовлено сѣно для лошадей и верблюдовъ; словомъ, всѣ предосторожности были приняты для того чтобъ избѣжать несчастія какое постигло Перовскаго въ 1840 году. И результатъ увѣнчалъ эти труды блистательнымъ образомъ: всѣ части отряда стянулись на Эмбѣ, не потерявъ на пути ни одного человѣка, хотя, вслѣдствіе страшныхъ холодовъ, эта часть похода была самая тяжелая. На Эмбѣ такимъ образомъ собралось: девять ротъ пѣхоты—около 1.600 человѣкъ; девять казачьихъ сотень—1.200 человѣкъ; при нихъ восемь орудій легкой артиллеріи, ракетная батарея и четыре мортиры, снабженныя тройнымъ противъ обыкновеннаго количествомъ снарядовъ. Обозъ состоялъ изъ пяти тысячъ верблюдовъ, нанятыхъ у Киргизовъ по 15 рублей за каждаго верблюда въ зимніе мѣсяцы и по 12 рублей лѣтомъ. Солдаты получали только обыкновенныя порціи: 2 фунта чернаго хлѣба, $\frac{1}{2}$ фунта мяса на день, чай съ сахаромъ поутру и вечеромъ, два стакана водки въ недѣлю, и кромѣ того овощи, сыръ, уксусъ и другія противоцинготныя вещества. Запасы всѣ разочтены на $2\frac{1}{2}$ мѣсяца, и войлочные кубитки, достаточной величины для помѣщенія въ каждой 20 человѣкъ, были припасены для всего отряда. 26го марта (7го апрѣля) отрядъ вышелъ съ Эмбы, направился къ югу, подошелъ къ Аральскому морю 20го апрѣля (2го мая) и продолжалъ идти по западному берегу его на югъ къ Айбугирскому заливу. Заливъ этотъ, обозначенный на всѣхъ картахъ, и дѣйствительно существовавшій 15 лѣтъ тому назадъ, найденъ былъ отрядомъ генерала Веревкина совершенно пересошимымъ. Каракаллаки даже начали воздѣлывать часть его бывшего дна. Походъ генерала Веревкина былъ очень замѣчательенъ: это чуть ли не самый длинный переходъ изъ числа уломинаемыхъ въ исторіи—болѣе 1.500 верстъ.

2го (14го) мая онъ подошелъ уже къ Яны-Калъ, въ Хивинскомъ ханствѣ, тогда какъ генералъ фонъ-Кауфманъ все еще былъ на Алты-Кудукѣ, по ту сторону рѣки, и самый трудный переходъ предстоялъ еще ему впереди.

20го мая (1го іюня) генералъ Веревкинъ вошелъ въ покинутый Хивицами городъ Куяградъ.

Походъ Киндерлинскаго отряда былъ также однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ изъ числа замесенныхъ въ историческія вѣтолси. Переходъ предстоялъ динный; путь лежалъ пустынными песками, на которыхъ колодцы попадались въ очень дальнемъ другъ отъ друга разстояніи, а перевозочныя средства отряда были совершенно несоразмѣрны съ предстоящими трудностями. Даже, по весьма странной непредусмотрительности, захвачено было очень мало турсуковъ и другой посуды для перевозки воды.

Эта колонна должна была сойтись съ отрядомъ генерала Веревкина у Айбугирскаго залива. Оренбургскій отрядъ былъ уже въ походѣ цѣлыхъ 14 дней, когда колонна Киндерлинская тронулась съ мѣста. Помощниками полковника Ломакина, командующаго отрядомъ, были: подполковникъ Поляровъ, капитанъ Ала-Ханъ, по собственной охотѣ присоединившійся къ экспедиціи, полковникъ Окобелевъ, майоръ Навроцкій и нѣсколько другихъ офицеровъ. Силы этого отряда состояли изъ 12ти сотенъ кавказскихъ Горцевъ, въ 120 человекъ каждая—всего около 1.800 человекъ. При нихъ было 10 пушекъ и ракетная батарея.

По сдѣланному разчету для отряда требовалось 1.300 верблюдовъ, но число набранныхъ животныхъ далеко не достигало этой цифры. Мангышлакскіе Киркизы положительно отказывались ставить тѣ шесть сотенъ верблюдовъ которыя съ нихъ требовались, и майоръ Навроцкій высланъ былъ съ наказомъ захватить верблюдовъ силой. Послѣ нѣсколькихъ дней гонки за Киргизами и небольшой перестрѣлки майору удалось захватить 380 верблюдовъ, 110 лошадей и около 3.000 козъ и барановъ. Переходъ по безводной пустыни съ такимъ небольшимъ количествомъ вьючныхъ животныхъ, изъ которыхъ еще ежедневно магія падала, казалось, долженъ былъ привести отрядъ къ неминуемой гибели.

Уже въ теченіе первыхъ пяти дней перехода люди встрѣтились на пути своимъ всѣмъ ужасъ пустыни. Жара была страшная: раскаленные пески палили ноги и ослабляли глаза. Вѣтеръ не только не приносилъ никакого облегченія, но еще увеличивалъ страданія, обдавая людей точно жаромъ какого-то адекаго горющаго. Отъ этихъ враговъ не было спасенія: песокъ и жара проникали и въ палатки. Скоро стали

чувствоваться недостатокъ воды. Колодцы, изрѣдка попадавшіеся, были всѣ солоноваты, мутны и подлы на вкусъ. Солдаты бодро, даже весело переносили всѣ невзгоды, и хотя верблюды и лошади ладали цѣлыми отрядами, здоровье людей было въ очень хорошемъ состояніи.

Первая продолжительная стоянка была сдѣлана на Кунды, куда передовая часть отряда пришла 14го (26го) апрѣля. Переходъ отсюда до Сенека — разстояніе 90 верстъ — былъ чрезвычайно мучителенъ для солдатъ; жара была ужасная, воды почти не было, и люди съ жадностью накидывались на попадавшіяся нѣсколько капель отвратительной, вонючей и черной какъ чернила воды. Появились и больные, преимущественно между пѣхотой. Кавалерія уступила лошадей больнымъ; часто приходилось измученному казѣку вести своего изнемогающаго коня отагощаемаго больнымъ пѣхотинцемъ. Въ одинъ день, послѣ полудня, отрядъ лишился 150 верблюдовъ, которые частью попадали, частью же совершенно обезсили. Главныя болѣзни которымъ подвергались люди были: солвачный ударъ, диссентерія и общее изнеможеніе. Горячка сдѣлалась вещью обыкновенною, на нее почти не обращали даже вниманія. Нѣкоторые изъ штабныхъ офицеровъ подвергались тремъ и даже четыремъ горячечнымъ припадкамъ во время перехода отъ Кундерли до Сенеки.

20го апрѣля (2го мая) дошли до Бишъ-Акты. Этотъ пунктъ отстоитъ верстъ на 135 отъ Каспійскаго моря, затерянъ въ пескахъ и окруженъ низкими известковыми холмами. На этомъ мѣстѣ построено было маленькое укрѣпленіе такимъ образомъ что находящіяся тутъ шесть колодцевъ приналежатъ внутри форта.

Переходъ отъ Бишъ-Акты ко второму форту на Ильге-Идже, да и весь путь до Кунграда, былъ чрезвычайно затрудненъ песками и вѣтромъ. Разъ даже случился такой ураганъ что на ночь оказалось невозможнымъ разбить палатки. Порядокъ движенія былъ слѣдующій: авангардъ состоялъ изъ казачьей сотни, а по обѣ стороны, на разстояніи около трехъ тысячъ футовъ, шелъ патруль изъ двухъ всадниковъ. Затѣмъ шло штабъ eskortуемый конницей, съ патрулями изъ четырехъ конныхъ солдатъ съ каждой стороны. Далѣе казачья сотня, также защищенная боковыми патрулями. Арьергардъ былъ подъ прикрытіемъ роты пѣхоты, которая въ то же время вела 20 верблюдовъ, навьюченныхъ

фуражекъ для штабныхъ лошадей. Главная же часть отряда слѣдовала на нѣкоторомъ разстояніи. Такимъ образомъ проходили отъ 30 до 45 верстъ въ день. Съ ночныхъ стоянокъ сжимались въ пять и шесть часовъ утра и шли до полудня. Отъ двѣнадцати до трехъ часовъ дѣлали привалъ, такъ какъ этимъ временемъ стояла такая жара что неммыслимо было никакое движеніе, даже установка палатки. Въ три часа движеніе возобновлялось и продолжалось до десяти, одиннадцати, а иногда и до двухъ часовъ утра. Лошадей кормили и поили разъ въ сутки, иногда итъ приходилось даже быть часовъ по тридцати безъ воды.

Дни 27го (9го мая) и 28го апрѣля (10го мая) прошли въ невообразимыхъ страданіяхъ. Одно время даже всему отряду грозила неминуемая гибель отъ жажды. Молодець Колы-Куниръ, къ которому подошли вечеромъ 27го апрѣля (9го мая), былъ такъ глубоко что вода могла вытягиваться изъ него чрезвычайно медленно, и только весьма незначительная часть отряда могла налиться. Съ самаго полудня войска не получала воды, да не откуда было ее и достать до прибытія въ Аллаи-Масъ, лежащій слишкомъ въ 50 верстахъ дальше. Вечеръ 27го апрѣля (9го мая) и все утро 28го (10го мая) солдаты и лошади должны были обойтись безъ питья. При такихъ-то обстоятельствахъ пошли по направленію къ Аллаи-Масу. Къ полудню 28го апрѣля (10го мая), подъ самымъ спавшимъ прилекомъ, лошади стали изнемогать, люди выбились изъ силъ и даже штабные офицеры стали терять всякую надежду на спасеніе, такъ какъ до Аллаи-Маса все еще оставалось 28 версты, то-есть четырехчасовой переходъ.

Полковникъ Ломакинъ приказалъ сдѣлать привалъ, и весь отрядъ — солдаты и офицеры — свалился въ изнеможеніи на раскаленный песокъ. При колоннѣ не оставалось уже ни капли воды; кругомъ, до самаго горизонта, не видно было ничего, кромѣ бѣлаго песка. Передавая мнѣ эту сцену, поручикъ Штумицъ говорилъ что тутъ и у него голова закружилась, и онъ почувствовалъ приближеніе горячечнаго бреда. Тѣмъ временемъ какъ всѣ тутъ лежали обезсиленные, показались вдали, на песчаномъ холмѣ, два Киргиза посланные полковникомъ Ломакинымъ впередъ; они валили на маленькій колодезь, Курукъ, въ разстояніи полуторы версты къ северу, и теперь возвращались съ радостною вѣстью къ отряду.

Едва услъли солдаты и офицеры нѣсколько оживиться

какъ пришло извѣстiе что часть войска, оставленная позади подъ командой поручика Гродикова, въ пяти верстахъ отъ Иайте-Идже, не въ страхъ идти дальше и полегла въ изнеможенiи на пескѣ. Тотчасъ выслали обратное вѣдѣ животнохъ могущихъ вынести переходъ, навьючивъ ихъ всею посудою способною держать въ себѣ воду; когда и оставшiе были такимъ образомъ нанеены, пошли дальше, едва избѣгнувъ лютой смерти.

Около часа полудни 2го (14го) мая отрядъ дошелъ до Кызыль-Атира, а такъ какъ слѣдующимъ днемъ надѣялись дойти въ Бей-Шагиръ, къ самымъ границамъ Хивы, то созванъ былъ военный совѣтъ. Рѣшено было выслать впередъ къ озеру Айбугиру авангардъ подъ начальствомъ полковника Скобелева, что и было немедленно приведено въ исполненiе. Но такъ какъ не думали чтобы генералъ Веревкинъ подошелъ къ этому мѣсту раньше пяти-шести дней, то рѣшено также было выслать небольшой рекогносцировочный отрядъ къ югу до Куля-Ургенча и даже, если окажется необходимымъ, занять этотъ городъ. Главныя же силы отряда должны были дожидаться генерала Веревкина у Айбугирскаго озера.

4го (16го) мая отъ генерала Веревкина получены были извѣстiя измѣнявшiя весь этотъ планъ. Посланный изъ Оренбургскаго отряда сообщилъ что пятнадцать дней тому назадъ генералъ Веревкинъ уже былъ всего въ двухъ переходахъ отъ Айбугирскаго озера, и что 6го (18го) мая онъ надѣялся дойти до мыса Урча, при Аральскомъ морѣ. Полковнику Ломакину присланы были инструкцiи идти не на югъ къ Айбугирскому озеру, а на сѣверъ, чтобы сойтись съ генераломъ Веревкинымъ на Урчѣ. Оттуда же соединившимся отрядамъ предполагалось идти вѣдѣть на Айбугиръ, къ укрѣпленному хивинскому городу Кунграду.

Сообразно съ этими инструкцiями, полковникъ Ломакинъ послалъ воротить Скобелева; но Скобелевъ получалъ приказъ этотъ слишкомъ поздно: 5го (17го) мая у него уже была схватка съ большимъ туркменскимъ отрядомъ. Туркмены эти направлялись въ Хиву съ большимъ караваномъ. Въ завязавшейся схваткѣ нѣсколько человекъ Туркменъ было убито, пятнадцать ранено, захвачено полтораста верблюдовъ съ большимъ количествомъ разнообразныхъ припасовъ. Но и то самъ Скобелевъ, другой офицеръ и нѣсколько казаковъ были ранены.

Колонна направилась къ Урчѣ, на сѣверъ; но бго (17го) мая прибылъ другой посланный отъ генерала Веревкина съ извѣстіемъ что этотъ послѣдній вышелъ съ Урчи и шелъ уже въ Кунградъ, куда приказывалъ слѣдовать и полковнику Ломакину. Такимъ образомъ дорога была еще разъ совершенно измѣнена. Полковникъ Ломакинъ пришелъ теперь къ заключенію что надо идти очень скоро чтобы послѣтъ на встрѣчу непріятеля въ одно время съ генераломъ Веревкинымъ. Потому онъ рѣшилъ оставить главныя силы отряда слѣдовать за собою подъ начальствомъ подполковника Поярова, а самому идти впередъ къ Кунграду съ однимъ своимъ штабомъ и кавалеріей ускореннымъ маршемъ, подвергаясь даже риску не встрѣтить на пути ни одного колодца.

Слѣдующій затѣмъ трехдневный переходъ былъ тяжелѣе всѣхъ предыдущихъ. Все время не было воды; единственный на дорогѣ колодезь былъ отравленъ Туркменами, бросившими туда разлагающіеся трупы животныхъ. Пытались было идти ночью 10го (22го) мая чтобы дойти до Кунграда днемъ раньше, но темнота была такая что войска, несмотря на множество факеловъ, постоянно сбивались съ пути. Волей-неволей пришлось остановиться и провести ночь посреди песковъ безъ ѣды и безъ питья.

Утромъ 11го (23го) мая дошли до русла Айбугира, стали встрѣчать кибитки кунградскихъ Киргизовъ и впервые вступили на хивинскую территорію. Весело прошло утро 12го (24го) мая: этимъ днемъ впервые выѣхали на цвѣтущіе луга и зеленыя пастбища, впервые послѣ двухмѣсячнаго перехода набрали на свѣжую, хорошую воду.

Въ тотъ же день достигли Кунграда и встали тамъ большую партію казаковъ, оставленную генераломъ Веревкинымъ, который наканунѣ пошелъ на столицу ханства.

Городъ и крѣпость Кунградъ найдены были въ самомъ печальномъ, разоренномъ состояніи, вслѣдствіе непрерывныхъ почти войнъ, а въ особенности вслѣдствіе выдержанной имъ осады лѣтъ 15 тому назадъ, когда городъ этотъ возсталъ противъ Хивы. Нѣсколько разъ Кунградцы ставили у себя собственныхъ хановъ, предписывали законамъ самой Хивѣ. Теперь же этотъ городъ совершенно опустошенъ, и едва ли когда-нибудь удастся ему собраться съ силами для борьбы съ торжествующимъ врагомъ.

До этого пункта ни генералъ Веревкинъ, ни полковникъ

Домакинъ ни разу еще не встрѣчали сопротивленія со стороны Хивинцевъ. Они показывались нѣсколько разъ, но никогда не представляли серьезнаго сопротивленія. Они ограничивались посылками въ отрядъ дерзкихъ посланій, советуя Русскимъ удалиться во-своди пока еще время и грозить сильными гнѣвомъ хана въ случаѣслушанія. По большей части генералъ Веревкинъ отправлялъ пословъ обратно безо всякаго отвѣта. Одно изъ этихъ посланій до того оригинально и такъ хорошо обрисовываетъ первобытную живность Хивинцевъ что объ немъ стоить упомянуть. Наканунѣ того дня въ который генералъ Веревкинъ занялъ Кунградъ, къ нему прибылъ посолъ отъ кунградскаго губернатора съ самымъ необыкновеннымъ требованіемъ: пусть же Рускіе повременятъ три дня, пока привезутъ губернатору пушку для защиты города. Если же Рускіе, говорилось дальше, будутъ слѣпо настаивать на своемъ, пока онъ еще не приготовился, то онъ, губернаторъ, просто откажется сражаться! Рускіе, конечно, слѣпо настояли на своемъ, а основникъ, вѣрный своему слову, бѣжалъ изъ Кунграда не давъ по намъ ни одного выстрѣла.

За Кунградомъ, однако, Туркмены стали показываться значительными массами, и уже не проходило ни одного дня безъ перестрѣлки, ни одной ночи безъ тревоги. Иногда они тревожили войска съ флаговъ въ теченіе цѣлыхъ дней, скачки кругомъ съ дикими криками и гиканьемъ, притворяясь нападающими, а иногда и дѣйствительно нападая на обозъ, отбѣгая изъ-за стѣны и деревень то по арьергарду, то по авангарду, не давая войскамъ передохнуть, мучая ихъ съ утра до ночи и съ ночи до утра.

Въ особенноти утомительнымъ были ночныя тревоги, благодаря которымъ войска ни на минуту не могли спокойно сомкнуть глазъ и отдохнуть послѣ дневныхъ трудовъ. Во время кампаніи противъ Туркменъ я самъ увидѣлъ какъ невыносимы эти ночныя нападенія: весь ужасъ ихъ можетъ быть понятенъ только человѣку который самъ ихъ испытывалъ.

Около двухъ часовъ кавалерія выѣхала изъ Кунграда къ югу, и наконецъ, къ девяти часамъ того же вечера добралась до колонны генерала Веревкина, не сдѣлавъ ни одного привала. Штабъ ѣхалъ съ пяти часовъ утра до девяти вечера, подъ ллывшими лучами солнца, не останавливаясь ни

лоить, ни кормить лошадей, не давая ни минуты отдыха людямъ.

Тѣмъ временемъ главныя силы экспедиціи, состоящія преимущественно изъ лѣхоты, подъ начальствомъ подполковника Поярова, слѣдовали за штабомъ и кавалеріей, выносясь подвѣсными же, а можетъ-быть и одними изъ худшихъ, все съ тѣмъ же героическимъ терпѣніемъ. Пояровъ раздѣлилъ внутреннихъ ему людей еще на два отряда, одинъ изъ которыхъ, подъ начальствомъ майора Аварскаго, пошелъ тѣмъ же путемъ какъ и штабъ. Самъ же Пояровъ, отдохнувъ однимъ днемъ у колодца Аламъ, выступилъ дальше 8го (20го) мая въ два часа утра. Первый день его людямъ пришлось пить солоноватую, почти негодную къ употребленію воду. Всѣ колодцы попадавшіеся на слѣдующій день были отравлены животными трупами, и войску пришлось довольствоваться тѣмъ количествомъ воды которое удалось захватить съ собою. Въ два часа утра 10го (22го) мая отрядъ вышелъ изъ Кара-Кудука и къ семи часамъ того же вечера подошелъ къ западному берегу Айбугурскаго озера. На сорокалети-верстномъ переходѣ ему не попалось ни одного колодца.

Въ два часа утра 11го (23го) мая онъ вышелъ съ Айбугура и дошелъ до Ирали-Кочкакъ къ тремъ часамъ полудни. На этомъ тридцативерстномъ переходѣ также не было колодцевъ, и такимъ образомъ войска прошли около 75 верстъ въ тридцать семь часовъ, оставаясь всю дорогу безъ воды. Заласаъ воды, который могли захватить съ собою, весь былъ истраченъ въ первые два дня этого пятисуточного перехода. Хотя и этимъ временемъ количество выдаваемой воды было крайне недостаточно, но все-таки героизмъ лѣхоты доходилъ до того что она рѣшилась дѣлиться ею съ артиллеріей.

Повторяю, это одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ походовъ въ исторіи.

VII. Движеніе соединенныхъ колоннъ.

Пока происходили разказанныя событія, калитанъ Ситииковъ, командиръ Аральской флоталии — имя котораго, надѣюсь, читатель припомнитъ — отплылъ съ флоталией изъ Казалы Аральскимъ моремъ къ устью Аму-Дарья. Ему велѣно было подняться какъ можно выше по рѣкѣ чтобы дѣйстви-

вать заодно съ сухопутными войсками, если того потребуютъ обстоятельства.

Въ концѣ апрѣля флотилія напала на сильно укрѣпленный хивинскій фортъ Акъ-Кала, на Улкулъ-Дарьѣ, одномъ изъ рукавовъ Аму-Дарьи, и разрушила его, потерявъ при этомъ четырехъ человекъ убитыми и троихъ или четверыхъ ранеными. Послѣ того она поднялась на 60 верстъ вверхъ по Аму. Тутъ пришелъ къ капитану Ситникову Киргизъ и сообщилъ что видѣлъ отрядъ генерала Веревкина и можетъ служить проводникомъ, если капитанъ Ситниковъ желаетъ имѣть сообщеніе съ арміею. Киргиза взяли проводникомъ и отправили съ нимъ одного офицера и одиннадцать матросовъ съ письмами къ генералу Веревкину.

Утромъ 5го (17го) мая Оренбургскій отрядъ напалъ подъ Кунградомъ на обвѣженные и обезглавленные тѣла двѣнадцати русскихъ моряковъ. Повидимому, вызвавшійся въ проводники Киргизъ былъ подосланъ непріателемъ и завелъ Русскихъ въ западню. Этимъ оканчиваются дѣйствія флотиліи въ эту кампанію. Вслѣдствіе прелютствій воздвигаемыхъ Хивинцами по рѣкѣ, капитанъ Ситниковъ не могъ достаточно далеко по ней подняться чтобы помогать войскамъ.

12го (24го) мая соединившіеся отряды генерала Веревкина и полковника Ломакина тронулись въ дальнѣйшій путь. Въ это время генералъ Кауфманъ дошелъ до Учъ-Учака.

Въ 5 часовъ утра 14го (26го) мая соединенный отрядъ подошелъ къ Кара-Баули, а около полудня сдѣлалъ привалъ на берегу маленькой рѣчки, намѣреваясь простоять часа два для завтрака. Не прошло однако и четверти часа какъ вдругъ раздались нѣсколько выстрѣловъ. Тутъ же прискакали казакъ съ извѣстіемъ что на офицера высланнаго на рекогносцировку съ десяткомъ казаковъ напала большая масса непріателей. Двѣ казачьихъ сотни стремительно бросились на выручку; но Туркмены уже исчезли съ мѣста дѣйствія, захвативъ нѣсколькихъ лошадей, убивъ одного казака и ранивъ трехъ-четырехъ другихъ. Какъ ни было послѣшво ихъ обѣство, они успѣли отрубить голову убитому казаку. Казаки гнались съ полчаса по направленію куда исчезъ непріатель, но его и сдѣлъ простылъ. Едва успѣли они вернуться какъ раздались выстрѣлы съ фланга отряда, на который теперь напалъ возвратившійся непріатель. Здѣсь также Туркменамъ удалось убить двухъ верблюдовъ и двухъ сол-

дѣть. Преслѣдованіе возобновилось. На этотъ разъ однако непріятель собрался въ кучу, выжидая нападенія. Русскіи захвачено было нѣсколько лошадей, побито и ранено много Туркменъ. Одинъ изъ захваченныхъ Туркменъ, который былъ раненъ лѣтью пулями въ бедро и со стоическою твердостью переносилъ свои страданія, послѣ долгихъ убѣждений сообщилъ нѣкоторыя свѣдѣнія. Отъ него узнали что вокругъ арміи телерь развѣжало 400 или 500 человекъ Туркменъ, припадающихъ къ большому отряду конницы въ 6.000 человекъ, высланному ханомъ для защиты Ходжебаи. Большая часть отряда выжидала нападенія у города, а самъ ханъ рѣшился защищаться до послѣдней крайности.

Вскорѣ затѣмъ непріятель показался большою массою. Сначала было думали что они хотятъ напасть сами, но потомъ оказалось что они выжидаютъ нападенія. Выслана была впередъ кавалерія съ одной батареей рикетъ и послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ непріятель разбѣлся.

Около часа спустя онъ опять показався огромными толпами, которыя подошла на 2.000 или 3.000 футовъ къ Русскимъ, остановились и, надумавшись, медленнѣе стали отступать къ Ходжебаи. Четыре-пять посланыхъ имъ всадъ гранатъ заставили ихъ нѣсколько послѣпить.

Началось наступленіе на городъ. Нѣкоторое время непріятель продолжалъ развѣжать предъ войсками, прибавляясь иногда на очень близкое разстояніе, но скоро послѣдніе его фланкеры скрылись за городскими садами и уже больше не показывались.

Когда отрядъ подошелъ на полверсты къ городскимъ воротамъ, отсюда выступила большая депутація мѣстныхъ старшинъ, проса пощады и обѣщая покориться всѣмъ требованіямъ Русскихъ. Тутъ же выданъ былъ задержанный по повелѣнію хана Киргизъ, котораго генералъ Веревкинъ послалъ еще мѣсяцъ тому назадъ съ дѣшевыми къ генералу Кауфману.

Войска встопанили два дня предъ городомъ и завели самую дружескія сношенія съ обывателями. На второй день открыты были всѣ лавки и базаръ и закинула торговля съ солдатами.

Двинувшись далѣе этотъ отрядъ достигъ береговъ Аму-Дары 19го (31го) мая.

Утромъ 16го (28го) Хивяны дали нѣсколько выстрѣловъ по арміи, что и послужило началомъ общей оккупки.

Непріятель ставилъ свои ошмы въ долину, поросшей тростникомъ и высокою травой. Они заняли позицію на многочисленныхъ песчаныхъ холмахъ предъ городомъ Мангитомъ, къ которому приближались русскія войска. Когда показавалась русская армія, массами ихъ конницы бросались на нее съ дикими криками. Развернувшись въ атакію веротъ въ 10—12 дальною, они атаковали Русскихъ со всѣхъ сторонъ: главною цѣлью нападений послужила обезъ верблюдовъ назади.

Генералъ Веревкинъ, занимавшій центръ, направилъ на непріятеля четыре пушки и высылалъ три орудія на лѣвый флангъ. Но непріятель не переставалъ повторять отчаянные нападеныя на кавалерію, и разъ даже приблизился на какую-нибудь сотню сажень къ самому штабу генерала Веревкина. Особенно сильно тѣснилъ онъ левый флангъ, бывший подъ начальствомъ полковника Леонтьева, и невозможно было остановить его движенія впередъ; засакавъ кругомъ онъ сдѣлалъ нападеніе съ тылу, думая что всѣ пушки выставлены во главѣ колонны и разчитывая напасть на слабую сторону отряда. Встрѣченное сопротивленіе неказанно ихъ изорвало; замѣшательство ихъ еще болѣе увеличилось когда они увидѣли что главныя толпы ихъ собственныхъ силъ отступали за холмы Мангита. Поаредивъ ошолько могли обезу, они послѣдовали за бѣгущими товарищами.

Черезъ нѣсколько времени однако непріятель опять возобновилъ нападеніе. Тактика ихъ была та же что и прежде, но скоро имъ пришлось отступить подъ мѣткимъ огнемъ артиллеріи и подъ сильнымъ напоромъ кавалеріи. Они ушли за городъ Мангитъ и болѣе не показывались. Тогда войска двинулись впередъ и сожгли деревню, занятую предъ тѣмъ непріятелемъ. После короткой стоянки, въ 3 часа пополудни армія подошла къ городу и немедленно заняла его. Когда Русскіе проходили по улицамъ, то нѣсколько человекъ изъ непріятельскаго войска, скрывавшіеся въ домахъ, стали по нимъ стрѣлять; возбужденные этимъ солдаты обратили городъ въ пепелъ. Въ этотъ день Русскіе потеряли убитыми—одного капитана и 8 рядовыхъ; ранено же было 10 человекъ спешно, и нѣсколько слегка.

Потеря непріятеля должна была быть очень велика; съ этого времени онъ, казалось, потерялъ послѣднюю надежду на благопріятный для себя исходъ. Сопротивленіе Живинцевъ стало весьма слабо; дѣйствія ихъ, потерявъ всякое един-

ство плана, мало-по-малу свелось къ простымъ разбойническимъ набѣгамъ. Еслибы Хивинцы въ состояніи были оцѣнить собственныя выгоды, то могли бы безъ большаго труда и безо всякихъ потерь для себя представить Русскимъ во время ихъ движенія неодолимая препятствія, они могли бы вѣроятно даже залереть самый проходъ въ Хиву. Имъ легко было разрушить всѣ мосты; а такъ какъ при колоннахъ имѣлся всего одинъ мостъ, то Русскіе никакъ не были бы въ состояніи переправиться черезъ каналы, которые были очень быстры и глубоки, и часто достигали отъ 40 до 100 футовъ ширины. А между тѣмъ по всему пути мосты не только нигдѣ не были разрушены, но еще оказывались такими крѣпкими что подъ нихъ требовалось не болѣе двухъ-трехъ подпорокъ изъ древесныхъ стволовъ чтобы переправлять самыя тяжелыя пушки. Теперь однако непріятель приступилъ къ сожиганію мостовъ. На первое время это очень было затруднило движеніе Русскихъ, но спустя нѣкоторое время они стали высматывать впередъ кавалерію, которой удавалось почти всегда подѣзжать вовремя къ подоженнымъ мостамъ и тушить огонь прежде чѣмъ онъ могъ причинить значительныя поврежденія.

Въ слѣдующіе дни нѣсколько разъ завязывалась перестрѣлка съ непріателемъ, который, какъ всегда, нападалъ на верблюдовъ и обозъ съ фуражемъ.

Армія шла теперь чрезвычайно плодородною страной. Однажды, когда войска проходили съѣтью безчисленныхъ ручьевъ, каналовъ, густыхъ садовъ и глиняныхъ построекъ, они внезапно были окружены со всѣхъ сторонъ. Положеніе ихъ, посреди тѣсно застроеннаго узбекскаго селенія, сначала казалось весьма критическимъ. Но пробили нѣсколько глиняныхъ стѣнъ, пѣхота установила пушки и непріятель былъ отбитъ и потерпѣлъ большую потерю. У Русскихъ же былъ тяжело раненъ одинъ офицеръ и одинъ солдатъ, да трое солдатъ легко ранены.

Во время дальнѣйшаго слѣдованія отряда къ нему выходили на встрѣчу жители окрестныхъ деревень, многіе съ окровавленными головами. Они говорили что ихъ собственныя земляки избили ихъ и ограбили, и просили помощи и защиты Русскихъ. По ихъ словамъ, Хивинцы не только потерпѣли огромныя потери, но многіе изъ нихъ, попрятавшіеся по домамъ въ страхъ отъ приближенія пѣхоты, были заживо

ожжены Русскими солдатами, не подозрѣвавшими что Хивинцы засѣли внутри.

23го мая (4го іюня) около полудня въ отрядѣ было получено посланіе отъ хана съ предложеніемъ перемирія. Генералъ Веревкинъ тотчасъ понялъ что единственною цѣлью хана было выгнать время, и ловятное дѣло, отвергъ это предложеніе.

Это ханское посланіе было чрезвычайно замѣчательнаго произведеніемъ, и возбудило не мало смѣху въ лагерѣ Русскихъ. Начиналось оно заявленіемъ что и генералу фонъ-Кауфману высланъ былъ документъ такого же содержанія. Далѣе, ханъ самымъ дружескимъ и наивнымъ образомъ просилъ командующихъ русскими отрядами считать себя по вступленію въ Хиву его гостями. Самъ онъ, говорилось въ любезномъ посланіи, всегда былъ очень дружески расположенъ къ Русскимъ войскамъ и почтетъ теперь за счастье принять ихъ у себя и угостить ихъ роскошнѣйшимъ образомъ въ своей столицѣ. Онъ просилъ дать ему только три или четыре дня сроку чтобъ устроить достаточно великолѣпный приемъ для дорогихъ гостей. Нѣсколько разъ въ этомъ посланіи повторялъ ханъ увѣренія въ своемъ дружескомъ расположеніи къ Русскимъ начальникамъ, проса ихъ отсюда не судить объ немъ по дѣйствіямъ варваровъ и грабителей Туркменъ, которые имѣли несмысленную дерзость прелютствовать движенію русскаго отряда. У него, хана, съ этими разбойниками вѣтъ ничего общаго; напротивъ того, онъ даже считаетъ ихъ своими злѣйшими врагами.

26го мая (7го іюня) колонна подошла къ обширнымъ сѣдамъ ханскаго загороднаго дворца Шанахъ-Тчикъ, лежащимъ всего въ четырехъ верстахъ отъ сѣверныхъ городскихъ воротъ. Здѣсь простояли Русскіе три дня и имѣли нѣсколько большихъ и малыхъ стычекъ съ хивинскими войсками. Въ одной изъ этихъ встрѣчъ непріятель потерялъ отъ четырехсотъ до пятисотъ человѣкъ.

Между тѣмъ о приближеніи генерала Кауфмана не получалось никакихъ извѣстій; напротивъ того, еще ходили слухи что Туркестанскій отрядъ принужденъ былъ, за недостаткомъ провизіи и подводъ, возвратиться къ рѣкѣ, и былъ еще во ста верстахъ отъ Хивы. Этотъ фактъ имѣетъ съ утомительнымъ дѣйствіемъ на людей и лошадей ежечасныя стычекъ съ непріятелемъ, да наконецъ и распространившійся

слухъ что ханъ готовится дать большое сраженіе подъ стѣнами города, довели генерала Веревкина до убѣжденія что неблагоразумно было бы еще дальше откладывать нападеніе на Хиву.

Итакъ, вечеромъ 27го мая (8го іюня) были сдѣланы необходимыя распоряженія для рекогносцировки города на слѣдующій день.

Утромъ 28го мая (9го іюня) пошли къ городу. Генералъ Веревкинъ со штабомъ, по обыкновенію, былъ во главѣ колонны. Непріятель высыпалъ большими толпами, во наладать не пытался. Наконецъ войско вышло на узкую дорогу, не болѣе двухъ сажень шириною. Она была огорожена стѣнами, и вездѣ кругомъ раскинулись непроницаемой сѣтью дома, сады и каналы.

Стали тихо и осторожно подвигаться по этой узкой тропинкѣ, поднимая на ходу такое густое облако пыли что ни одинъ человѣкъ въ отрядѣ не былъ въ состояніи разсмотрѣть своего сосѣда. Вдругъ слухъ ихъ былъ пораженъ, какъ громовымъ ударомъ, ружейными выстрѣлами и грохотомъ артиллерійскихъ орудій; засвистали надъ головами ружейныя пули и пронеслось тяжелое ядро, всѣвшее въ глиняную стѣну тотчасъ за ними. Это была нечаянность, чуть ли не западня. Благодаря окружающимъ ихъ стѣнамъ, деревьямъ и пыли, они подошли, сами того не замѣтивъ, на сотню шаговъ къ городской стѣнѣ, и Хивинцы открыли по нимъ огонь въ упоръ.

Залпы слѣдовали одинъ за другимъ, но къ счастью Русскихъ, Хивинцы дѣлались слишкомъ высоко и большая часть пуль проносилась надъ головами отряда. Однако люди стали падать; приходилось дѣйствовать со всевозможною поспѣшностью.

Отступленіе становилось уже невысказимо еслибы того и желали. Единственнымъ исходомъ было идти къ стѣнамъ лодъ огнемъ, который съ каждымъ минутой дѣлался все смертоноснѣе.

Генералъ Веревкинъ отдалъ войскамъ приказъ подвигаться бѣгомъ. Черезъ минуту они очутились на открытомъ мѣстѣ противъ однихъ изъ городскихъ воротъ. Прямо предъ ними, саженьяхъ въ пятидесяти и въ такомъ же разстояніи отъ городскихъ стѣнъ воздвигнуто было что-то въ родѣ землянаго укрѣпленія, которое пересѣкало дорогу и было защи-

щено четырьмя пушками. Артиллеріи данъ приказъ выдвигнуться впередъ, но тѣмъ временемъ огонь непріятельской батареи до того усилился что генералъ Веревкинъ рѣшился сперва взять ее. На приступъ посланы были двѣ роты пѣхоты подъ начальствомъ майора Буровцева. Минуту спустя люди съ крикомъ стремительно бросились впередъ по пыльной дорогѣ. Но не доходя нѣсколько шаговъ до бруствера, они встрѣтили глубокой и широкой канавъ съ узкимъ мостомъ перекинутымъ черезъ него. Странное дѣло—непріятель не подумалъ уничтожить этотъ мостъ. Перебѣжали черезъ него подъ градомъ непріятельскихъ пуль, сылавшихся на нихъ съ городскихъ стѣнъ, воротъ и самаго бруствера, съ крикомъ перескочили черезъ всѣ препятствія и ударили въ штыки на пушкарей. Русскіе уже завладѣли пушками; но на обратномъ пути было такъ много препятствій и такъ былъ смертоносенъ непріятельскій огонь что оттащить ихъ съ мѣста было задачей весьма трудной. Они принуждены были спрятаться за берегомъ канала и, приставъ тутъ, стали отвѣчать огнемъ на непріятельскіе выстрѣлы со стѣнъ. Ихъ пули почти не имѣли никакого дѣйствія при непріятельской защищенной позиціи. Еслибы при нихъ были лѣстницы, то безопаснѣе оказалось бы штурмовать стѣны нежели отступать. Артиллерія горячо принялась за дѣло, а маленькому отряду Русскихъ, очутившемуся такимъ образомъ между двухъ огней, теперь оставалось только прислушиваться къ свисту хивинскихъ ядеръ и русскихъ гранатъ, которыя такъ близко пролетали надъ ихъ головами что чуть-чуть ихъ не задѣвали.

Такъ продолжалось съ четверть часа; когда же русская артиллерія заставила непріятеля на минуту прекратить огонь, то и сама перестала стрѣлять, чтобы дать возможность людямъ ходившимъ на приступъ батареи отступить. Эти послѣдніе послѣдствовали воспользоваться представившимся случаемъ, схватили пушки и стали тянуть ихъ съ мѣста. Но Хивинцы немедленно возобновили пальбу и Русскіе принуждены были подъ ихъ огнемъ перетаскивать пушки одну за другою по узкому мосту и дорогѣ, на разстояніи сотни сажень, прежде чѣмъ дошли до прикрытія. Имъ удалось оттащить только три пушки; одну пришлось оставить на мѣстѣ.

Тѣмъ временемъ генералъ Веревкинъ былъ раненъ выстрѣломъ прямо надъ лѣвымъ глазомъ; рана эта едва не

оказалась смертельною. Давъ приказъ установить батарею чтобы сдѣлать брешь въ стѣнѣ, оны удалился, передавъ начальство полковнику Саранчеву.

Теперь открыта была правильная бомбардировка, подъ руководствомъ полковника Скобелева, и продолжалась до четырехъ часовъ.

Въ это время прибылъ отъ хана посланный, прося прекратить бомбардировку чтобы вступить въ переговоры объ условіяхъ капитуляціи.

Полковники Саранчевъ и Ломакинъ согласились пріостановить непріязненные дѣйствія на нѣсколько часовъ; но едва посланный удалился отъ Русскихъ, какъ Хивинцы опять стали стрѣлять. Русскіе немедленно возобновили бомбардировку.

Опять явился посоль отъ хана съ увѣреніемъ что оны не былъ виноватъ въ этой стрѣльбѣ, которая продолжалась вопреки его желанію и давнымъ приказаніямъ, непокорными слушниками Туркменами. Заявленіе это принято было за свое нахальное безстыдство со стороны хана, и бомбардировка продолжалась. Послѣ, однако, оказалось что ханъ говорилъ правду: оны дѣйствительно не имѣлъ никакой власти надъ Туркменами.

Подъ вечеръ отъ генерала Кауфмана, съ которымъ установлено было сообщеніе, пришелъ приказъ прекратить бомбардировку; хотя и неохотно, но приказу этому повиновались. Этимъ и закончились дѣйствія 28го мая (9го іюня).

VIII. Вступленіе въ городъ.

Какъ я уже говорилъ въ одной изъ предыдущихъ главъ, оны прислалъ генералу Кауфману письмо, въ которомъ заявилъ свою покорность и просилъ прекратить бомбардировку. Надо вспомнить что въ это время генералъ Кауфманъ стоялъ въ пятнадцати верстахъ отъ города. Оны немедленно послалъ курьера къ генералу Веревкину съ приказаніемъ прекратить бомбардировку, а хану написалъ чтобы тотъ выѣхалъ на слѣдующее утро съ сотней своихъ приближенныхъ за городскія ворота, и что тамъ ему будутъ объявлены условія сдачи.

На слѣдующее утро съ восходомъ солнца выступили мы въ городъ. Ходили несообразнѣйшіе слухи о томъ что произошло въ Хивѣ за эту ночь.

Народъ, высылавшій толпами на дорогу съ своими приво-
шеніями въ знакъ мира, сообщилъ намъ что когда обывате-
ли узнали о намѣреніи хана сдать городъ непріятелю, то при-
шли въ совершенное бѣшенство, прогнали своего влѣстелина
и поставили на его мѣсто брата его, рѣшившись оборонять-
ся à outrance. Словомъ, это было другое 4е сентября, устро-
енное по послѣдней французской модѣ. Радость распро-
странившаяся въ отрядѣ при перспективѣ даво-желанной
битвы не знала границъ; но не долго суждено было ей
длиться. Верстахъ въ пяти подѣ Хивой мы были встрѣ-
чены депутаціей съ Сеидъ-Эмиръ-Уль-Умаромъ, дядей ха-
на, во главѣ, о которомъ я уже упоминалъ, какъ о гу-
бернаторѣ Хазаръ-Аспа. Онъ вышелъ сдавать городъ и со-
общилъ генералу Кауфману что народъ и не думалъ про-
тягать хана, но что послѣдній бѣжалъ самъ. Женамъ и рабамъ
своимъ онъ оставилъ приказъ слѣдовать за собою, но народъ
не выпустилъ женщинъ изъ дворца, а содержалъ ихъ подъ
карауломъ въ томъ же гаремѣ, думая сдѣлать въ лицѣ ихъ
пріятный подарокъ на мировую генералу Кауфману. Бѣ-
ство хана произошло слѣдующимъ образомъ.

Какъ оказалось, Туркмены рѣшились защищаться до во-
слѣдней возможности. Несмотря на запрещеніе хана, она про-
должали стрѣлать по войскамъ генерала Верекина, подошед-
шимъ къ стѣнамъ. При отвѣтномъ огнѣ Русскихъ битва воз-
обновилась съ перерывами. Наконецъ Русскіе принялись
опять бомбардировать городъ; бомбардировка продолжалась,
съ нѣкоторыми промежутками, цѣлую ночь. Нѣсколько гра-
натъ даже попадало во дворецъ; въ послѣдствіи Русскіе на-
шли въ ханскихъ конюшняхъ одну не разорвавшуюся гра-
нату. Эта постоянная бомбардировка такъ перепугала хана
что онъ бѣжалъ въ сопровожденіи сотенъ двухъ-трехъ Турк-
мевъ въ Имуқчиръ, близъ Иліали. Городскіе же обывате-
ли ни мало не желали продолженія битвы; напротивъ того,
рады были сдаться.

Сеидъ-Эмиръ-Уль-Умару было на видѣ лѣтъ семьдесятъ.
Отвисшая нижняя челюсть и открытый ротъ—слѣдствіе упо-
требленія опиума, какъ объяснили мнѣ, придавали лицу его со-
вершенно идиотское выраженіе. Однако онъ вовсе не былъ
такъ глупъ; здравый расудокъ его видимъ уже въ томъ что
онъ цѣлые годы томъ назадъ уговаривалъ хана согласиться

на требованія Русскихъ, въ предупрежденіе ихъ нападенія. Долгое время находился онъ даже въ опалѣ, благодаря своему миролюбивому расположенію къ Русскимъ; вслѣдствіе этихъ же политическихъ соображеній, однако, былъ онъ посланъ ханомъ въ настоящемъ случаѣ чтобы сдать городъ и ходатайствовать предъ непріателемъ за провинившагося племянника. Одѣтъ онъ былъ въ яркій зеленый халатъ, на головѣ у него была высокая хивинская баранья шапка, а на ногахъ большіе сапоги изъ нечерной кожи, загнутые вверхъ на носкахъ и украшенные высокими и узкими каблуками.

Генераль фонъ-Кауфманъ разказывалъ мнѣ что когда Сеидъ-Эмиръ-Уль-Умаръ уговаривалъ настоящаго хана согласиться на требованія Русскихъ, то въ дѣло вмѣшался другой ханскій совѣтникъ, говоря: „Когда я былъ еще маленькимъ мальчикомъ, то помню всѣ говорилъ что Русскіе на насъ идутъ, но они не пришли. Съ тѣхъ поръ чуть ли не каждый годъ слышалъ я что они идутъ. Вотъ я уже успѣлъ состарѣться, а Русскіе все еще не пришли, да я думаю никогда и не придутъ.“ Аргументъ этотъ показался совершенно убѣдительнымъ, и ханъ созналъ его ошибочность только тогда когда Русскіе стали громить его столицу.

Меньшой братъ хана, Ата-Джанъ, содержавшійся послѣдніе два года въ заключеніи и только теперь освобожденный, сопровождалъ Сеидъ-Эмиръ-Уль-Умара и, какъ тутъ оказалось, былъ кандидатомъ на престолъ. Генераль Кауфманъ принялъ его ласково, но ханомъ обѣщано посадить его только въ такомъ случаѣ если старшій его братъ не вернется. Ата-Джанъ былъ высокій, худощавый, немного олуховатый на видъ юноша, вовсе, казалось, неспособный держать въ рукахъ свои кормило правленія. Однако говорятъ что онъ гораздо умѣе чѣмъ кажется съ перваго взгляда, и очень любимъ народомъ.

Было уже около девяти часовъ, и колонна двинулась дальше. Сеидъ-Эмиръ-Уль-Умаръ и Ата-Джанъ присоединились къ штабу. День становился жарокъ, пыль была мезообразная; она поднималась вокругъ насъ такимъ густымъ столбомъ что минутами нельзя было различить ѣхавшаго рядомъ сосѣда. Въ десять часовъ, верстахъ въ двухъ отъ Хивы, мы были встрѣчены частью Оренбургскаго отряда, выѣхавшей намъ на встрѣчу въ полной парадной формѣ. Весело сошлись здѣсь войска въ первый разъ по

выступленіи своемъ чуть ли не съ разныхъ частей земнаго шара; но самого генерала Верекина тутъ не было для встрѣчи Кауфмана: оказалось что будучи раненъ онъ не въ состояніи былъ выйти изъ своей палатки.

Главнокомандующій свернулъ съ дороги подъ деревья чтобы тамъ выслушать донесеніе Оренбургскаго отряда. Этимъ временемъ опять раздалось со стороны города нѣсколько выстрѣловъ, что показалось мнѣ нѣсколько страннымъ послѣ того какъ городъ уже сдался на капитуляцію. Объяснить себѣ этого обстоятельства я не могъ въ теченіе всѣхъ послѣдующихъ дней, такъ какъ, по какой-то непонятной причинѣ, офицеры нашего отряда скрывали отъ меня правду на этотъ счетъ. До истины добрался я только тогда когда познакомился съ офицерами Оренбургскаго отряда.

Вотъ въ чемъ было дѣло. Туркмены, не довольные такимъ смиреннымъ окончаніемъ войны, рѣшились продолжать сопротивленіе. Генералъ фонъ-Кауфманъ подвигался по дорогѣ отъ Хазаръ-Асла къ городскимъ воротамъ того же имени, тогда какъ генераломъ Верекинскимъ наканунѣ было произведено нападеніе на сѣверныя, Хазаватскія ворота, лежащія верстахъ въ двухъ дальше. Хотя Сеидъ-Эмиръ-Уль-Умаръ и вышелъ сдавать городъ со стороны Хазаръ-Асла, но это не помѣшало Туркменамъ время отъ времени продолжать отстрѣлять по войскамъ генерала Верекина, противъ которыхъ у нихъ была какая-то злоба. Я не могу достаточно надивиться на этотъ народъ и жалобоваться на него. Долгое время спустя послѣ того какъ самъ ханъ и остальные обитатели оазиса отказались отъ всякаго сопротивленія, они все продолжали сражаться; есаубы всѣ прочіе хивинскіе народы выказали такую же отвагу и настойчивость какъ Туркмены, то результатъ кампанія былъ бы совершенно другой. Русскіе, конечно, взяли бы городъ, но понесли бы такой уронъ что положеніе ихъ въ странѣ было бы чрезвычайно ненадежно.

Подковникъ Саранчевъ, которому пришло послѣ генерала Верекина командовать отрядомъ, чуть ли не былъ также расположенъ сражаться какъ и сами Туркмены. Да и окруженъ онъ былъ молдыми, пылыми офицерами, подобными полковнику Скобелеву и графу Шувалову, которые съ радостію схватывались за представившійся предлогъ для продолженія битвы.

ХИВА и ВОРОТА ХОЗАРАСПЪ. (Съ рисунка капитана Федорова.)

Хотя генераль Кауфманъ уже самымъ мирнымъ образомъ входилъ въ городъ съ противоположной стороны, они, разгоряченные туркменскимъ огнемъ, рѣшились взять, съ своей стороны, городъ приступомъ.

Направили нѣсколько гранатъ на ворота Хазавата, пробити ихъ, и полковникъ Скобелевъ съ графомъ Шуваловымъ во главѣ тысячи человекъ солдатъ, бросались на приступъ подъ градомъ выстрѣловъ изъ ручныхъ орудій, сылавшихся на нихъ съ городскихъ стѣнъ. Какъ только Русскіе овладѣли воротами, Туркмены сошли со стѣнъ и разбѣжались по улицамъ и домамъ, все еще продолжая стрѣлять. Русскіе же стали расчищать себѣ дорогу ракетами и шлю, сражаясь все время на ходу, пока не достигли ханскаго дворца.

Не успѣли они здѣсь простоять и пяти минутъ, какъ пришло извѣстіе что Туркестанскій отрядъ входитъ воротами Хазаръ-Асла. Полковникъ Скобелевъ немедленно далъ приказъ отступать тѣмъ же воротами какими вошли. Въ дѣлѣ этомъ графъ Шуваловъ былъ такъ сильно контуженъ упавшимъ бревномъ что не совсѣмъ еще оправился и увѣзая изъ Хивы; ранено было 14 солдатъ.

Мы же тѣмъ временемъ стояли съ другой стороны города, выжидая результата переговоровъ съ Сеидъ-Эмиръ-Уль-Умаромъ. Когда все было устроено по обоюдному соглашенію, генераль Головачовъ двинулся дальше. Впереди колонны выступали двѣ роты пѣхоты сопровождаемая четырьмя полевыми орудіями; за ними слѣдовали еще двѣ роты и 200 казакъ.

Время уже близилось къ полудню когда впервые открылся предъ нами знаменитый городъ. Завидѣли мы его всего за полверсты, благодаря массамъ деревьевъ которыя совершенно заслоняли его отъ насъ. Наконецъ мы различили его въ облакѣ поднятой нами пыли. Высокія, зубчатая стѣны изъ убитой глины съ массивными круглыми контрафорсами, окруженныя ровомъ, частью пересохшимъ, частью еще наполненнымъ водою, съ виднѣвшимися за ними верхушками деревьевъ, высокими минаретами, куполами мечетей и, посреди всего этого, огромная круглая башня, какъ фарфоръ отражающая солнечные лучи. Мы были предъ воротами Хазаръ-Асла. Крытый ходъ десяти футовъ ширины при двадцати вышины, съ выложенными кирпичомъ сводами; по бокамъ двѣ тяжелыя башни съ бойницами; таковы были ворота

открытыя теперь предъ нами и сами по себѣ представляющія маленькое укрѣпленіе. Мы вошли въ городъ въ такомъ густомъ облакѣ пыли что я не могъ разлучить головы своей собственной лошади; знамена развѣвались высоко надъ головами, а военный оркестръ Оренбургскаго отряда игралъ русскій національный гимнъ: *Боже Царя храни*. Пройдя ворота, мы оставили пыль за собою и увидели наконецъ самый городъ.

Я думаю, каждый изъ насъ испыталъ нѣкоторое чувство равночуждества въ эту первую минуту. Мы, конечно, не надѣялись встрѣтить въ Хивѣ величественныхъ архитектурныхъ красоть, но все-таки думали увидать что-нибудь поразительное, живописное; ожиданія наши были жестоко обмануты. Хива представляетъ очень живописный видъ, но не съ той стороны съ которой мы вошли въ нее; когда мы подошли ближе, то даже самый оригинальный ея пунктъ — большая изразцовая башня — скрылась за ближайшими деревьями и стѣнами. Прямо предъ нами, вдоль внутренней части стѣны, разстилалось большое открытое мѣсто съ разбросанными по немъ деревьями, глиняными домами и сараями, не боѣе десяти-пятнадцати футовъ вышины; немного вправо, множество круглыхъ, полусферическихъ гробницъ — каадице находится почти въ центрѣ города, — дальше опять дома изъ глины, повыше и съ большими претензіями, съ высокими лертиками и разбросанными между ними деревьями; затѣмъ глиняная стѣна цитадели, изъ-за которой виднѣлись верхи минаретовъ. При входѣ не встрѣтилось намъ ни одной живой души, но когда мы въѣхали въ длинную, узкую, изогнутую улицу, обнесенную безобразными, голыми стѣнами, то стали различать въ боковыхъ улицахъ людей въ грязныхъ, оборванныхъ халатахъ, которые снимали шапки и робко отвѣщивали намъ поклоны. Это были городскіе обыватели не знавшіе еще перерѣзку ихъ всѣмъ поголовно или помилуютъ. Съ какими, должно-быть, чувствомъ страха и даже сущаго ужаса смотрѣли они намъ въ лицо, когда мы тутъ проходилимъ грязные и грязные, послѣ девятиотверстного перехода лустиней, считавшейся ими непроходимымъ для вѣйска. Суровыми, пронырливыми и необходимыми должны мы были казаться имъ, какъ какіе-то страшные, могущественные обитатели невѣдомаго имъ міра.

Затѣмъ мы проѣхали мимо толпы рабовъ-Персіянъ, кото-

рые встрѣтили насъ ликующими криками, со слезами радости. Они положительно обезумѣли отъ счастья. И сюда дошелъ слухъ что куда ни проникали Русскіе, оттуда всегда исчезало рабство, и они не сомнѣвались что такъ будетъ и здѣсь. Нѣкоторые уже сами освободились, и теперь сшибали дѣла съ нѣсколькихъ другихъ несчастныхъ, крича, смѣясь и плача въ одно и то же время самыми дикими образомъ.

Я воспользуюсь этимъ случаемъ чтобы досказать начатую мною прежде исторію одного изъ хивинскихъ рабовъ. Людямъ моимъ посчастливилось встрѣтить молодого Киргиза мать котораго приходила въ кибитку Бей-Табука просить меня освободить ея сына захваченнаго въ рабство. Его нашли закованннмъ въ тяжелыя дѣла за попытку къ бѣгству, и немедленно освободили. Я послѣ встрѣтилъ его совершеннымъ щеголемъ, въ красномъ халатѣ, съ мечомъ и ружьемъ, на хорошей лошади, по всей вѣроятности захваченной имъ у прежняго хозяина.

Узкая, пыльная и кривая улица привела насъ къ цитадели, въ которую входъ былъ длинными кирличными воротами со сводомъ. Когда вступили за ворота, то могли ближе рассмотреть большую башню, выступившую теперь предъ нами во всемъ блескѣ своихъ яркихъ, разноцвѣтныхъ узоровъ. Повернувъ прямо на башню въ узкую улицу не болѣе десяти футовъ шириною, мы скоро выѣхали на четырехугольное открытое мѣсто, сажень въ двадцать лять шириною, при сорока длины, которое и оказалось большою городскою площадью предъ ханскимъ дворцомъ. Одна сторона этой площади была занята дворцомъ, состоящимъ изъ тяжелыхъ, растянутыхъ строеній съ зубчатыми глиняными стѣнами около двадцати футовъ вышины; на противоположной сторонѣ стояла новая, еще нестроенная медресе; двѣ остальные стороны окружены были сараями и частыми домами, у юго-восточнаго же угла дворца возвышалась, красивая и величественная, знаменитая хивинская башня.

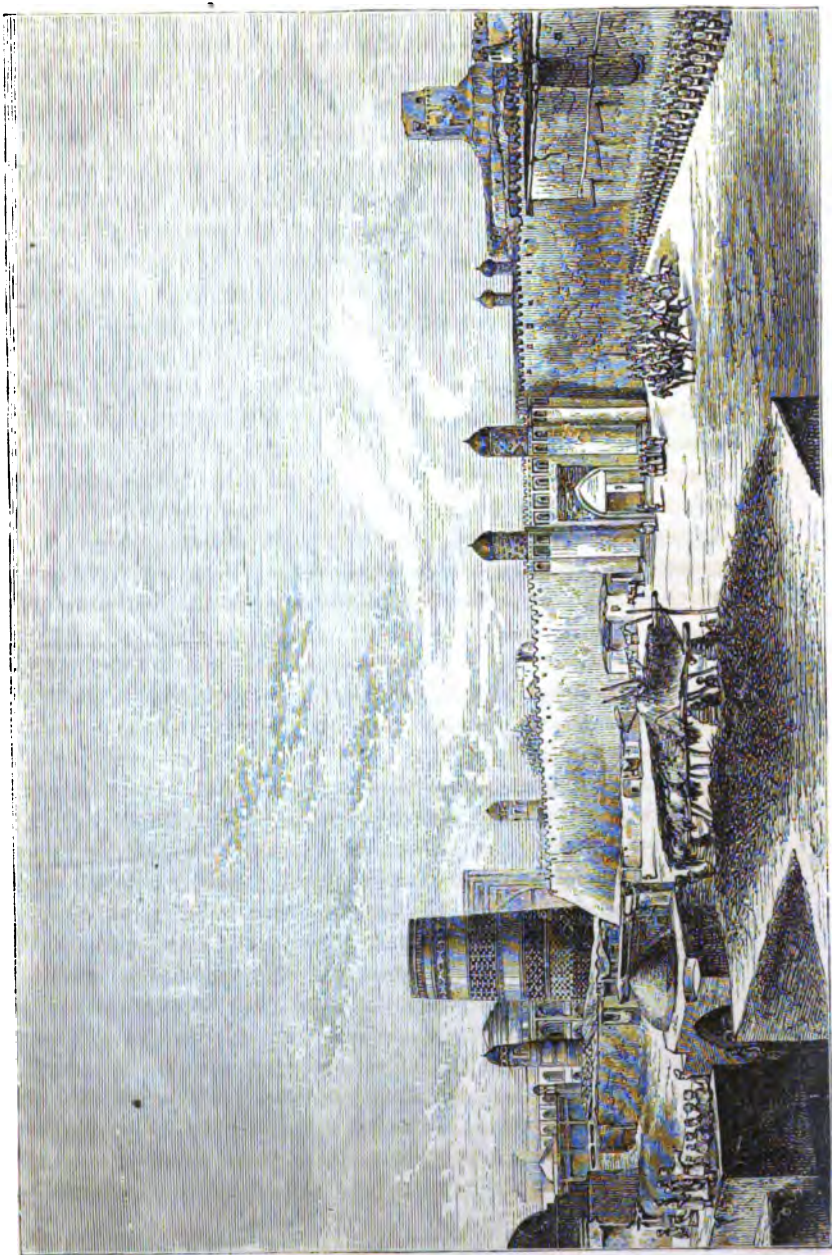
Она была футовъ тридцати въ діаметрѣ при основаніи и, постепенно суживаясь къ вершинѣ, казалось, была тамъ, на высотѣ 125 футовъ, всего футовъ лятнадцати въ діаметрѣ. Она не имѣла ни льдестала, ни капители, ни какого другаго украшенія, стояла на землѣ безо всякихъ затѣй—простая круглая башня—но поверхность ея вся была покрыта шрапшами голубаго, зеленаго, пурпуроваго и бурога цвѣтовъ,

выложенными по свѣжно-бѣлому грунту самыми разнообразными пелосами и фигурами; въ цѣломъ это производило самый блестящій и прекрасный эффектъ. Башня эта испещрена изреченіями изъ Корана и пользуется большимъ почетомъ Хивинцевъ; съ вершины ея ежедневно на закатѣ солнца раздается рѣзкій, пронзительный голосъ муллы, призывающаго правоверныхъ къ молитвѣ.

Вершины двухъ боковыхъ башенъ у дворцовыхъ воротъ были обдѣланы подобно большой башнѣ, также часть фасада новой, еще не оконченной медресе предполагалось, повидимому, украсить такимъ же образомъ. Почти по серединѣ площади былъ четырехугольникъ, футовъ десяти въ квадратѣ и углубленный футовъ на шесть въ землю, что, какъ я узналъ послѣ, было мѣстомъ казни преступниковъ.

Выѣхавъ на эту площадь, мы развѣстались вокругъ нея, въ ожиданіи прибытія генерала Кауфмана. Онъ вѣхалъ сопровождаемый Великимъ Княземъ Николаемъ Константиновичемъ, Княземъ Лейхтенбергскимъ, всѣмъ штабомъ, и былъ встречемъ громкимъ ура. Мы всѣ сошли съ коней и вошли въ дворцовыя ворота, частію заслоненныя тяжелою мѣдною пушкой. Ими прошли мы въ длинный, узкій, неправильный дворъ. Влѣво отъ него шла вѣтвь ведущая къ комошнякъ; направо были двѣ высокія тяжелыя деревянныя двери гарема, а прямо предъ нами возвышалась масса низкихъ, неправильныхъ глиняныхъ строевій. Въ нихъ-то теперь направляемся мы темнымъ узкимъ корридормъ и входимъ въ полутемную комнату футовъ восьми ширины при шестнадцати длины, въ которую свѣтъ проникалъ всего чрезъ одно отверстіе въ потолокъ; отсюда переходимъ въ другой темный корридоръ и выходимъ на главный дворцовый дворъ. Онъ около сорока футовъ въ квадратѣ, вымощенъ кирпичомъ, освѣщенъ тѣнью одного вяза и окруженъ стѣнами футовъ двадцати вышиною, надъ которыми, съ сѣверной стороны высилась четырехугольная башня гарема. На южной же сторонѣ расположена была большая пріемная зала, гдѣ ханъ дѣлалъ свои аудіенціи.

Представьте себѣ родъ портика, совершенно открытый ко двору, тридцати футовъ вышины, двадцати ширины, десяти въ глубину, съ башнями по бокамъ, украшенными подобно большой башнѣ на площади; полъ, возвышенный футовъ на шесть надъ дворомъ; потолокъ, подпертый двумя высокими

деревянными рѣзными столбами — общій видъ весьма напоминаящій театральныя подмостки — и вы будете имѣть весьма вѣрное понятіе о большой приемной залѣ, въ которой возсѣдаетъ Хивинскій ханъ, изрекая свои приговоры, казни и милуя народъ. Мы всѣ поднялись по ступенькамъ на это подобіе сцены — генералъ Кауфманъ, генералъ Головачовъ, Великій Князь Николай Константиновичъ, Князь Лейхтенбергскій, офицеры штаба и всѣ остальные, и разсѣлись на ней отдыхать; въ это время военный оркестръ игралъ разные піесы. Когда раздалось въ ушахъ нашихъ старыя, давно извѣстные мотивы присутствующая молодежь подняла дружный крикъ восторга, который раздался по всему дворцу.

Старый Якубъ-Бекъ, одинъ изъ ханскихъ министровъ, принесъ намъ воды со льдомъ, чего мы никогда и не воображали найти въ Хивѣ, лешничныхъ лепешекъ, абрикосовъ, вишенъ, и мы весело приступили къ этому угощенію. Самъ хивинскій властелинъ, Сеидъ - Мохамедъ - Рахимъ-Богалуръ-Ханъ, бѣжалъ, его дворецъ и гаремъ были теперь во власти Русскихъ. Такъ-то пала великая твердая цѣлама въ Центральной Азіи, славная Хива, послѣ цѣлаго ряда направленныхъ противъ нея несчастныхъ экспедицій, обнимающихъ собою, съ промежутками, періодъ въ двѣсти лѣтъ.

IX. Предшествовавшія экспедиціи противъ Хивы.

Не безынтересно теперь будетъ бросить бѣглымъ взглядъ на прежнія экспедиціи направленные противъ Хивы.

Первая изъ нихъ была предпринята Джикскими или Уральскими казаками. Она была задумана, подготовлена и приведена въ дѣйствіе однимъ знаменитымъ казацкимъ атаманомъ и, въ сущности, была не болѣе какъ грабительскимъ набѣгомъ, организованнымъ въ обширныхъ размѣрахъ. Атаману этому дѣйствительно удалось завоевать ханство. Захвативъ хана врасплохъ, не подготовленнымъ къ войнѣ, онъ самого его прогналъ, занявъ его столицу, захватилъ его казну и его женъ. Затѣмъ объявилъ себя ханомъ и, говорятъ, правилъ страной два или три мѣсяца, обратилъ этимъ временемъ ханскую жену въ христіанство и женился на ней. Наконецъ, убѣдившись что ему долѣе въ Хивѣ не продержаться,

онъ забралъ всю награбленную добычу и пошелъ обратно на Уралъ.

Тѣмъ временемъ ханъ услѣлъ обратъ большое войско и пустился преслѣдовать казаковъ, замышляя кровавую месть, и наконецъ нагналъ ихъ. Завязалась страшная битва, въ которой казаки потерпѣли рѣшительное пораженіе и были перерѣзаны. Спаслось ихъ всего пять или шесть человекъ, которые возвратясь домой и разказали о происшествіи. Видя что нѣтъ спасенія, казакскій атаманъ убилъ свою молодую обращенную въ христіанство жену, чтобы ей не быть жертвою взыскавшаго хана, а затѣмъ умеръ самъ съ мечомъ въ рукахъ, окруженный гекатомбой перебитыхъ мусульманъ.

Нѣсколько лѣтъ спустя, другая казачья экспедиція напала на Кува-Ургеньчъ, захватила около 1.000 женщинъ себѣ въ жены и пошла назадъ съ богатою добычей. Ханъ преслѣдовалъ ихъ, нагналъ и перебилъ почти до послѣдняго человека. Еще одна казачья экспедиція была также несчастлива. Эти даже и не дошли до оазиса, но были на подорогѣ встрѣчены и разбиты толпами Хивинцевъ, значительно превосходившими ихъ численностію.

Слѣдовавшія затѣмъ дѣйствія Русскихъ противъ Хивы состояли изъ экспедиціи Бековича-Черкаскаго, въ 1717 году, въ царствованіе Петра Великаго. Въ 1700 году къ Петру явился посолъ отъ хивинскаго хана Шахъ-Ніаза, который, не будучи въ состояніи справиться со своими возставшими подданными, прибѣгалъ подъ могущественную защиту Русскаго монарха. Шахъ-Ніазъ просилъ Петра принять ханство въ свое подданство. Такъ какъ Петръ, несмотря на непрестанныя свои заботы связать Россію съ остальною Европой, никогда не упускалъ также и случая усилить торговля сношенія своего государства съ Азіей, то онъ письмомъ отвѣтилъ хану что принимаетъ подданство Хивы.

Но никакихъ другихъ мѣръ не было принято для скрѣпленія этого добровольнаго соглашенія. Наконецъ, въ 1714 году, одинъ Туркменъ по имени Хофа-Нефеть, бывший въ Хивѣ, доложилъ разъ Петру, при личномъ свиданіи съ монархомъ, что въ странѣ лежащей по теченію Аму-Дарьи находится золото; и что рѣка, владѣвшая прежде въ Каспійское море, переведена Хивинцами, изъ страха предъ Русскими, въ море Аральское, но легко можетъ опять быть проведена въ старое

русло, если разрушить всего одну дамбу. Въ этомъ же послѣднемъ дѣлѣ, говорилъ Туркменъ, народы его племени охотно помогутъ Русскимъ.

Чтобы провѣрить это извѣстіе, Петръ Великій послалъ князя Бековича-Черкаскаго изслѣдовать берега Каспійскаго моря, а также и посмотреть какіе могутъ предстать шансы успѣха если направить экспедицію по берегамъ предполагаемаго стараго русла Аму къ Хивѣ. Бековичъ провелъ три года надъ этою задачею, разслѣдуя восточное побережье Каспійскаго моря и строя форты для защиты страны занятой здѣсь Русскими, убѣдился въ справедливости словъ Туркмена что Аму-Дарья первоначально текла въ Каспійское море. Вернувшись, Бековичъ доложилъ о результатѣ своихъ изслѣдованій Петру, и императоръ послалъ въ Хиву экспедицію, чтобы водворить тамъ свою власть, основываясь на выраженной ханомъ Шахъ-Ніазомъ 17 лѣтъ тому назадъ покорности. Бековичемъ была немедленно снаряжена для этой экспедиціи армія изъ 4.000 человекъ регулярныхъ и иррегулярныхъ войскъ.

Экспедиція вышла изъ Гурьева, при устьи Урала, въ началѣ іюня. Обогнула Каспійское море по сѣвернымъ его берегамъ, нашла на старыи караванныи путь къ Хивѣ и пошла на перерѣзъ лустыни. Походъ этотъ, предпринятый во время лѣтнихъ жаровъ, былъ ужасенъ. Пока отрядъ дошелъ до Хивы, одна четверть людей уже вымерла. Прошли они въ 65 дней 1.350 верстъ по голой, безводной лустынѣ, въ самую жаркую пору года, и вышли въ половинѣ августа къ дельтѣ Оксуса, въ 150 верстахъ отъ Хивы.

Не доходя еще до этого мѣста, Бековичъ отправилъ хану письмо, увѣряя его что онъ пришелъ не воевать, а съ дружескимъ посланіемъ отъ Русскаго государя, сущность же дѣла объяснить при свиданіи. Этимъ временемъ, однако, прежній ханъ, Шахъ-Ніазъ, скончался, и его мѣсто занялъ ханъ Ширъ-Гази, взглядъ котораго на Русскихъ совершенно расходился со взглядомъ его предшественника. Посланные отъ Бековича, по прибытіи въ Хиву, брошены были въ темницу, ханъ послѣшно собралъ большую армію изъ Хивинцевъ, Туркменъ, Киргизовъ, Кара-Каллаковъ, и рѣшился встрѣтить Русскихъ съ оружіемъ въ рукахъ.

Въ тотъ день какъ Русскіе вступили въ предѣлы оазиса, ихъ встрѣтила хивинская конница и, не пускаясь ни въ

какіе переговоры, бросилась на русскій лагерь. Битва, завязавшаяся такимъ образомъ, продолжалась до самой ночи; тогда Хивинцы отступили. Предвидя новое нападеніе, Бековичъ въ теченіе ночи укрѣпилъ свой лагерь и выставилъ въ позицію свои шесть полевыхъ орудій. На слѣдующее утро битва возобновилась и длилась цѣлыхъ два дня, по прошествіи которыхъ Хивинцы, видя что имъ не отбить Русскихъ, прибѣгли къ переговорамъ. Прибылъ отъ хана посолъ съ заявленіемъ что нападеніе на Русскихъ произведено было безъ его вѣдома и что, если Бековичъ дѣйствительно прибылъ въ Хиву въ качествѣ дружескаго посла, то ему нечего бояться вражды Хивинцевъ. Вступили въ личныя переговоры и пришли къ соглашенію, которое и было изложено въ предварительномъ договорѣ и скрѣплено присягой: ханъ поцѣловалъ Коранъ, а Бековичъ крестъ.

Затѣмъ Бековичъ принялъ предложеніе хана идти съ нимъ въ его столицу; оставляя главныя силы отряда позади, подъ начальствомъ полковника Франкенбурга, онъ велѣлъ этому послѣднему слѣдовать за собою въ некоторомъ разстояніи, а самъ пошелъ впередъ, всего съ одной тысячею солдатъ. Когда до столицы оставалось два два пути Бековичъ остановился и имѣлъ продолжительный разговоръ съ ханомъ. Ссылаясь на трудность снабженія такого большого Русскаго отряда квартирами и провизіей въ самой столицѣ, ханъ сталъ при этомъ свиданіи уговаривать Бековича раздѣлить состоявшій при немъ конвой и колонну оставленную позади на нѣсколько небольшихъ отрядовъ, которые легко бы было размѣстить по ближнимъ къ столицѣ городамъ.

Такое необыкновенное предложеніе не могло бы не возбудить подозрѣнія всякаго другаго человѣка; но Бековичъ, очевидно, уже не былъ этимъ временемъ въ своемъ умѣ. Въ самый день его выступленія изъ Астрахани утонула его жена съ двумя дочерьми, и это, вмѣстѣ съ тяжелымъ переходомъ по пустынѣ, потерей такого количества людей и сознаниемъ страшной отвѣтственности лежащей на немъ, довело его почти до сумашествія. Онъ не только не обнаруживалъ никакой подозрительности относительно чистосердечія ханскаго предложенія, но, ни мало не медля, отправилъ полковнику Франкенбургу приказъ раздѣлить войска; когда тотъ три раза отказывался исполнить этотъ приказъ, Бековичъ послалъ къ нему четвертый разъ, грозя

ему военнымъ судомъ въ случаѣ ослушанія. Тогда Франкенбургъ раздѣлилъ все войско на пять частей, которыя и разставили по городамъ сообразно инструкціямъ хана. Свой собственный конвой Бековичъ сократилъ до двухсотъ человекъ.

Едва все это было приведено въ исполненіе, какъ Хивинцы напали на Бековича. Часть его людей была перерѣзана, часть взята въ плѣнъ. Самого его съ состоявшими при немъ офицерами бросили въ темницу, подвергли жесточайшимъ пыткамъ и наконецъ обезглавили. Въ то же время, по данному сигналу, поднялось все хивинское населеніе и перерѣзало разбросанные по странѣ маленькіе Русскіе отряды. Изъ четырехъ тысячъ войска что выступили въ эту экспедицію, спаслось всего 40 человекъ. Продержавъ долгое время этихъ послѣднихъ въ плѣну, Хивинцы наконецъ выпустили ихъ на свободу, взявъ за нихъ большой выкупъ. Любопытно что въ числѣ выпущенныхъ плѣнныхъ были два брата Бековича. Таковъ былъ конецъ четвертой экспедиціи противъ Хивы.

Въ теченіе слѣдовавшихъ за тѣмъ 120 лѣтъ Хивинцы помѣнялись ролями съ казаками. Прежде казаки нападали на Хивинцевъ и грабили ихъ—теперь же Хивинцы стали нападать на казаковъ. Ежедневно почти производились Хивинцами нападеныя на Русскіе торговые караваны, проходившіе по Центральной Азіи, причемъ захватывали цѣлыя тысячи казаковъ и другихъ Русскихъ и уводили въ рабство въ Хиву.

Въ 1839 году разбойничество это дошло до невозможныхъ размѣровъ. Много было сдѣлано попытокъ чтобы мирнымъ путемъ заставить хана положить конецъ этому грабительству. Но, не добившись ничего этимъ путемъ, Русскіе опять принуждены были послать свои войска на Хиву.

Эта экспедиція была снаряжена въ Оренбургѣ генераломъ Перовскимъ. Приготовленія къ ней длились цѣлый годъ; наконецъ, въ началѣ декабря 1839 года вышелъ изъ Оренбурга отрядъ изъ пяти тысячъ человекъ съ 22 полевыми орудіями и обозомъ изъ 10.000 верблюдовъ. Перейти пустыню лѣтомъ считалось невозможнымъ, по недостатку воды, потому и рѣшились выступить въ походъ зимой.

Въ половинѣ декабря термометръ Реомюра стоялъ на 32° ниже точки замерзанія, и самая ртуть наконецъ замерзла въ трубкѣ. Несмотря на это, однако, войска добрались до Эмбы

въ хорошемъ состояніи; ни одного человѣка не замерзло и не умерло. Но зима эта оказалась необыкновенно суровою. Снѣгъ дошелъ до глубины невиданной до тѣхъ поръ даже въ степи. Начиная съ этого времени верблюды стали падать въ такомъ множествѣ что не доходя полулуги къ Хивѣ при войскѣ осталось всего 5.000 верблюдовъ изъ тѣхъ десяти тысячъ что выступили въ походъ: цѣлая половина ихъ падала въ изнеможеніи на снѣгу. Страданія выпавшія на долю солдатъ были ужасны. Чтобы облегчить насколько возможно оставшихся животныхъ, лѣхотѣ пришлось подвигаться впередъ четырьмя рядами чтобы протолтать дорогу верблюдамъ. Когда снѣгъ былъ уже слишкомъ глубокъ, кавалерія проѣзжала нѣсколько разъ назадъ и впередъ по одному мѣсту; а въ другихъ мѣстахъ лѣхотѣ приходилось лопатами разгребать снѣгъ. Несмотря однако на всѣ эти предосторожности, верблюды продолжали падать во множествѣ.

Потеря всякаго верблюда причиняла не мало затрудненій людямъ. Надо было перетаскивать вьюкъ съ лавшаго животного и распределять его между другими, а затѣмъ и самого его оттаскивать съ дороги чтобы дать проходъ всему отряду. Люди доводились до изнеможенія подобными работами, при которыхъ сами уходили по колѣна, а иногда и по поясъ въ снѣгъ. Мѣстами снѣгъ былъ твердъ какъ ледъ и способенъ выдерживать всякую тяжесть; въ другихъ же мѣстахъ онъ былъ совершенно рыхлый, и людямъ стоило неимоверныхъ трудовъ вытаскивать изъ него лошадей, верблюдовъ и орудія. Въ иные дни, послѣ всей этой усталости, всей этой борьбы съ препятствіями, оказывалось что подвинулись впередъ всего на какія-нибудь три, четыре версты.

Во время ужасныхъ степныхъ бурановъ не было уже никакой возможности идти впередъ; приходилось останавливаться и на мѣствъ ждать пока утихнетъ метель. Морозы съ каждымъ днемъ усиливались. Даже на ночныхъ стоянкахъ войска почти не знали отдыха: при каждой остановкѣ приходилось разбирать 19.000 тюковъ и надо было выкапывать изъ жесткой, мерзлой почвы топливо для костровъ. Затѣмъ приходилось разчищать отъ снѣга мѣсто для лошадей и верблюдовъ, и бѣднымъ солдатамъ не приходилось никогда остановиться самимъ на отдыхъ раньше восьми или девяти часовъ вечера. Въ два, три часа слѣдующимъ утромъ прихо-

дилось опять выступать въ путь. Въ такіе морозы не было никакой возможности стирать бѣлье и поддерживать какую-нибудь чистоплотность. Многие не только не мѣняли бѣлья, но и платья не снимали въ теченіе всей кампаніи. Наконецъ обезсиленные работами и голодомъ, покрытые грязью и всякаго рода гадами, солдаты стали подвергаться болѣзнямъ.

Къ 1му февраля отрядъ дошелъ до источника Акъ-Булакъ, на окраинѣ возвышеннаго плоскогорья Усть-Урта, почти на полупути къ Хивѣ. Тутъ оказалось что число ладавшихъ въ день верблюдовъ доходило до цѣлой сотни; ихъ оставалось даже меньше пяти тысячъ, а тѣ что могли двигаться впередъ не были въ состояніи нести болѣе четверти обыкновеннаго вьюка. Число же больныхъ при отрядѣ возрастало съ быстротой ужасающею. 236 человекъ уже умерли; 528 было больныхъ, тогда какъ много также людей было оставлено гарнизономъ на Эмбѣ. За вычетомъ всего этого дѣйствительныя силы отряда сводились всего къ 2.000 человекъ. А впередъ оставалось еще перейти цѣлыхъ 500 миль до вступленія въ обитаемую часть Хивы. Генералъ Перовскій рѣшился отступить.

На возвратномъ пути пришлось бороться съ тѣми же препятствіями; морозы продолжались, термометръ колебался между 15 и 20 градусами Реомюра. Кромѣ того свѣжныя вихри свѣдальсь чаще, воды было мало, топливо же какъ и прежде приходилось выкалывать изъ мерзлаго грунта. Обратный походъ былъ также тяжелъ какъ и движеніе впередъ; да кромѣ того и люди лали духомъ при отступленіи. Весь путь былъ усыпанъ трулами верблюдовъ оставленными войскомъ позади, и кости этихъ животныхъ были обступлены стаями алчныхъ волковъ и лисицъ.

Число больныхъ все увеличивалось, цынготная болѣзнь распространилась какъ между солдатами, такъ и въ средѣ офицеровъ. Павшія духомъ и вполне изнеможенные войска дошли 20го февраля до Эмбенскаго укрѣпленія и здѣсь стали дожидаться возвращенія весны.

Такова-то была печальная судьба пятой экспедиціи противъ Хивы. снаряженная генераломъ фонъ-Кауфманомъ была по счету шестюю.

X. Во дворцѣ.

Главнокомандующій пробылъ въ ханскомъ дворцѣ около двухъ часовъ, а затѣмъ отправился вмѣстѣ съ Великими Князьями въ лагерь Оренбургскаго отряда навѣстить генерала Веревкина, который, надо вспомнить, былъ раненъ въ дѣлѣ предыдущаго дня.

Во дворцѣ остался генералъ Головачовъ съ тремя или четырьмя ротами солдатъ, которые частью расположились во дворцѣ, а частью на площади предъ ханскимъ дворцомъ.

Соснувъ часа два на полу въ большой пріемной залѣ, я выпилъ стаканъ чая съ яшеничными лепешками и пошелъ осматривать дворецъ.

Время близилось къ вечеру, и душливый дневной жаръ начиналъ повемногу спадать. Дворецъ, какъ я уже замѣтилъ прежде, состоялъ изъ множества галляныхъ построекъ, сгруппированныхъ въ одно большое неправильное зданіе, окруженное тяжелою галляною стѣной, футовъ около двадцати въ вышину, съ довольно красивыми воротами и нѣсколькими сторожевыми башнями. Слѣва, при входѣ, были конюшни, которыя мы застали уже пустыми; на той же сторонѣ множество маленькихъ комнатъ или жилыхъ отдѣленій, а при каждомъ отдѣленіи свой маленькій дворикъ, обнесенный стѣнами 10ти — 15ти футовъ вышиной, на который и выходили эти комнаты. На одной сторонѣ дворовъ былъ всегда устроенъ портикъ, очень высокій, воздушный и открытый съ сѣверной стороны — особенность хивинской архитектуры. Комнаты были полутемныя, получавшія весь свѣтъ черезъ дверь или черезъ маленькое квадратное отверстіе прорубленовъ въ стѣнѣ, у потолка; онѣ, можетъ-быть, были даже комфортабельныя, когда были убраны яркими коврами, одѣлами и подушками, но теперь, лустыя и оголенные, съ галляными стѣнами, онѣ болѣе походила на коровья стойла, чѣмъ на покои ханскаго дворца. Были комнаты въ которыхъ намъ, однако, попадались нѣкоторыя вещи, какъ-то: одѣлаа, ковры, кухонная посуда, разбросанная повсюду при послѣднемъ бѣгствѣ. Я, впрочемъ, не могу сказать навѣрное сами ли обитатели этой части дворца нашли время при бѣгствѣ за-

хватить съ собою самыя цѣнныя свои вещи, или народа по отъѣздѣ хана ворвался во дворецъ и ограбилъ его.

Прямо противъ главнаго входа была высокая и тяжелая двойная дверь, ведущая въ гаремъ, а немного влѣво близкимъ корридормъ шелъ ходъ въ главный дворцовый дворъ. Въ комнатахъ окружающихъ этотъ дворъ жили главные сановники ханской свиты; та же комната что непосредственно слѣдовала за большимъ портикомъ или пріемною залой, которая, какъ я говорилъ, напоминала театральныя подмостки, была ханскою сокровищницей.

Въ теченіе дня генераль Головачевъ приказалъ отпереть эту комнату; она оказалась низкою, со сводами, и одного размѣра съ портикомъ; стѣны и потолокъ были покрыты фресками, изображающими, но большей части, цвѣты и виноградныя лозы самыхъ грубыхъ и несообразныхъ оттѣнковъ, какіе только можно себѣ представить. Въ одномъ концѣ этой комнаты, на квадратномъ возвышеніи въ родѣ платформы, помѣщалась тронъ—широкое кожаное кресло съ низкою спинкой, хорошей работы и, повидимому, не хивискаго произведенія. На верхней части спинки этого кресла была овальная серебряная пластинка съ надписью: „Во времена Магомедъ-Рахима, шаха Харазма, въ 1231 году. Издѣліе вѣдостоящаго Магомета“. Въ другомъ концѣ комнаты стояло нѣсколько огромныхъ сундуковъ окованныхъ желѣзомъ, съ тяжелыми висюльчатыми замками; сундуки эти были открыты и совершенно пусты, кромѣ двухъ, изъ которыхъ въ одномъ найдено рублей на 250 хивискаго серебра, а въ другомъ — сѣдло, уздечка и сбруя, почти сплошь покрытыя золотыми бляхами, изумрудами, рубинами и бирюзой, но большей части низкаго достоинства, но которыя тѣмъ не менѣе должны были на сценѣ производить большой эффектъ.

Насколько я могъ замѣтить во время моего пребыванія въ Хивѣ, въ этой странѣ попадаются очень крупныя драгоценныя камни, но почти все съ изъяномъ: или вся поверхность изрыта маленькими дырочками, или самый цвѣтъ камня такъ блѣденъ что отнимаетъ большую половину его цѣны.

У стѣны и на полу лежало кучами всякаго рода оружіе — мечи, кинжалы, ружья, пистолеты, револьверы всевозможныхъ цѣвъ и размѣровъ. Здѣсь было нѣсколько великолѣп-

ныхъ старыхъ фетильныхъ ружій съ изогнутыми рукоятками, длинными тонкими стволами, постепенно суживающимися къ концу, богато выложенные золотомъ; также много было ружей болѣе современнаго образца и одна великолѣпная англійская охотничья двуствольная винтовка, заряжающаяся съ казенной части, нумеръ 12 или 16, съ большимъ запасомъ патроновъ и каласолей, при ней формы для круглыхъ пуль и всѣ инструменты для наполненія патроновъ. Винтовка эта, какъ мы потомъ узнали, была подаркомъ Лорда Нортбрука, сопровождавшимъ его отвѣтное посланіе хану на просьбу этого послѣдняго о помощи противъ Русскихъ. Кромѣ того тутъ была еще полевая зрительная труба, табакерка съ музыкой и еще нѣсколько бездѣлицъ — все подарки Остъ-Индскаго вице-короля, и его письмо, отъ сентября 1872 года. Кажется, письмо это было напечатано въ англійскихъ газетахъ. Пистолеты были здѣсь всевозможныхъ родовъ, начиная самыми старинными съ кремневыми замками и кончая чѣмъ-то напоминающимъ револьверъ Кольта; тутъ же нашлась весьма плохая русская поддѣлка револьвера Смитта и Вестона, что показывало что ханъ имѣлъ уже понятіе о новѣйшемъ усовершенствованномъ оружіи. Мечи также были самые разнообразные: двѣ или три сабли англійскаго произведенія; широкіе, красивые, слегка изогнутые хорасанскіе клинки, выложенные золотомъ, нѣсколько тонкихъ, изогнутыхъ персидскихъ сабель, въ ножнахъ украшенныхъ изумрудами и бирювой, короткіе, толстые, изогнутые авганистанскіе киялзы и ножи; всѣ богато обдѣланные и вложенные въ ножны почти сплошь покрытыя драгоценными камнями. Тутъ же найдены были великолѣпные ковры, шелковыя одеяла самыхъ яркихъ цвѣтовъ, подушки, халаты и множество кашмирскихъ шалей, разбросанные въ величайшемъ беспорядкѣ, свидѣтельствовавшее о роскоши ханскаго бѣгства.

Въ концѣ этой комнаты было нѣсколько стульевъ, ведущихъ въ другую. Эта послѣдняя была низкая и маленькая комната, служившая хану и библіотекой и кладовой вмѣстѣ. Здѣсь свалено было около трехсотъ томовъ книгъ, посреди всякаго хама, кольчуги и латы, пыльные и заржавленные, съ помянутой вилкуды негодныхъ телескоповъ, изъ которыхъ одна очень большаго размѣра, луки и стрѣлы; немало тамъ также было старой посулы, лопатнаго желѣза и свинца.

Многія изъ книгъ, какъ я слышалъ отъ г. Куна, ориента-

листа экспедиціи, были очень любопытны и цѣнны; всѣ оны были въ рукописяхъ, нѣкоторыя даже писаны съ артистическимъ изяществомъ, и въ кожаныхъ переплетахъ. Въ числѣ этихъ книгъ была одна—*Всемирная Исторія*, и одна—*Исторія Хивы*, начиная съ древнѣйшихъ временъ. Всѣ оны были отправлены въ С.-Петербургскую Императорскую Публичную Библіотеку.

Между военскими дослѣхами попадались нѣкоторыя съ великолѣпнымъ золотымъ наборомъ; оны вѣроятно перешли сюда отъ крестоносцевъ черезъ Сарациновъ. На одной парѣ великолѣпныхъ рыцарскихъ перчатокъ, напримѣръ, была начертана золотомъ лилія, а подлѣ нея полумѣсяцъ, уже позвнѣйшаго и много грубѣйшаго издѣлія. Эти перчатки, повидимому, потеряны были въ отчаянномъ единоборствѣ, гдѣ какой-нибудь благородный французскій рыцарь палъ подъ острымъ кинжаломъ Сарацина.

Во время осмотра внутреннихъ покоевъ дворца, мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ любопытнаго примѣра проворства рабовъ Персіянъ въ воровствѣ. Двое или трое изъ этихъ рабовъ, помогавшихъ открывать двери, вошли за нами, нѣкимъ не замѣченныя. Въ ту минуту какъ мы готовились выйти и залереть комнату, я замѣтилъ что одинъ изъ Персіянъ проворно стянулъ кинжалъ и сунулъ его подъ полу своего халата. Никто изъ присутствующихъ, кромѣ меня, не замѣтилъ этой проделки, хотя въ комнатѣ толпились съ полдюжины офицеровъ; я же продолжалъ наблюдать за Персіяниномъ.

Немного спустя оны вышелъ во дворъ, нѣсколько минутъ походилъ тамъ, а потомъ преспокойно пошелъ своею дорожкой. Я слѣдовалъ за нимъ пока оны не вошелъ въ другой дворъ, гдѣ не было офицеровъ, тутъ я его остановилъ выразительнымъ жестомъ со словомъ *бир!* — *отдай*. Первымъ его дѣломъ было притвориться ничего не понимающимъ, и оны распахнулъ халатъ, показывая что у него ничего нѣтъ; но лишь только я ему пригрозилъ револьверомъ, оны немедленно вытащилъ кинжалъ изъ своего рукава. Я взялъ кинжалъ, а ему сдѣлалъ знакъ убираться. Оны ускользнулъ какъ вьюкъ, съ переувлеканнымъ еще отъ страха лицомъ, но вполнѣ довольный что такъ дешево отдѣлался. Двѣ причины побудили меня отпустить его вмѣсто того чтобы выдать русскимъ офицерамъ. Вопервыхъ, я не хотѣлъ

чтобъ его разстрѣляли, что неминуемо случилось бы еслибъ я на него донесъ, а ввоторыхъ, меня самого прельстилъ этотъ кинжалъ. Впрочемъ, мнѣ на этомъ же кинжалѣ пришлось убѣдиться въ справедливости поговорки что грѣхому написано—въ прокъ пойдетъ: не прошло и двухъ недѣль, какъ этотъ злополучный кинжалъ былъ у меня украденъ вмѣстѣ съ лучшею моею лошадыю, и, какъ я полагаю, тою же искусною рукой. Единственное мщеніе оставшееся мнѣ было искренно пожелать чтобъ этотъ Персіянинъ находился въ числѣ тѣхъ несчастныхъ которые, на возвратномъ пути въ свою страну, были захвачены и перерѣзаны Туркменами.

Начинало смеркаться, и я сталъ поглядывать, не покажется ли кто изъ моихъ людей, которыхъ я не видалъ еще со вступленія въ городъ. Не находя никого изъ нихъ, я начиналъ уже безпокоиться, когда вниманіе мое было привлечено совершенно постороннимъ обстоятельствомъ, которое оказалось настолько занимательнымъ что тутъ же заставило меня позабыть свои поиски. Двери въ гаремъ, у котораго было выставлено двое часовыхъ, были приотворены, а за ними видѣлась толпа женщинъ и дѣтей, которыя кричали, плакали и вопили, точно ожидая что вотъ-вотъ сейчасъ ихъ поведутъ на смертную казнь. Старыя и молодыя, хорошенькія и безобразныя, дѣти и взрослые, молоденькія пятнадцатилѣтнія дѣвушки и беззубыя старухи чуть ли не полуторасти лѣтъ отъ роду—все онѣ ломали себѣ руки и рыдали самымъ отчаяннымъ образомъ. Такъ какъ невозможно было ловить чего онѣ требовали, то доложили офицеру поставленному начальникомъ надъ ханскимъ дворцомъ и привели его на мѣсто въ сопровожденіи переводчика. Оказалось что женщины просто ждали выбраться изъ гарема въ городъ, утѣрая что имъ страшно тутъ оставаться. Въ этомъ имъ, впрочемъ, было рѣшительно отказано. Тогда онѣ стали жаловаться что имъ нечего ѣсть и нѣтъ даже воды для питья. Офицеръ немедленно приказалъ приготовить огромное количество пилава и сказалъ чтобъ онѣ выставили у дверей свои кувшины и кружки и вода будетъ имъ принесена. Этимъ онѣ, повидимому, удовольствовались, пилавъ былъ принесенъ, вода также, онѣ возвратились во дворъ, и двери за ними были залерты. Офицеръ приказалъ никого въ гаремъ непускать, и ушелъ чтобы выслатъ сюда ночной караулъ.

Присутствіе женщинъ во дворцѣ очень меня удивило, такъ

какъ я предполагалъ что онѣ послѣдовали за ханомъ. Впрочемъ, какъ оказалось въ послѣдствіи, ханомъ былъ данъ приказъ гарему слѣдовать за нимъ въ его бѣгствѣ; но тѣ самыя Хивинцы которые освободили его брата, не допустили исполненія этого приказанія, а удержали женщинъ силой во дворцѣ, думая сдѣлать въ лицѣ ихъ пріятный подарокъ побѣдителю.

Я сказалъ что женщины всѣ плакали, но это не совсемъ вѣрно: вскорѣ я замѣтилъ что между ними была одна которая оставалась совершенно спокойна; другія относились къ ней съ почтениемъ и послушаніемъ, точно ставоясь подъ ея покровительство. На видѣ ей было лѣтъ 18; бѣлая кожа изобличала ея кавказское происхожденіе; она была средняго роста; круглолицая, съ низкимъ лбомъ и темными волосами; главная же прелесть ея лица заключалась въ глубокихъ, темныхъ съ поволокою глазахъ. Всѣ ея движенія были проникнуты какою-то спокойною твердостью; къ другимъ она обращалась съ такимъ спокойнымъ видомъ власти и благородства, всѣ остальные женщины относились къ ней съ такимъ уваженіемъ что нельзя было не узнать въ ней владычицу ханскаго гарема, несмотря на старый истасканный халатъ, вакинутый на ея плечи и голову. Она не плакала и не визжала подобно прочимъ, а вела переговоры съ офицеромъ такимъ смѣшаннымъ и разсудительнымъ образомъ что сразу завоевала наше общее расположеніе. Но мнѣ она повертывалась нѣсколько разъ съ какимъ-то полумолящимъ взоромъ, точно подозрѣвая что я не Русскій, и собиралась меня о чемъ-то просить. Никогда, кажется, въ жизнь мою не досадовалъ я такъ на свое непониманіе чужаго языка какъ въ эту минуту. Я сталъ опять посматривать, не покажется ли гдѣ Акъ-Маматовъ, съ намѣреніемъ привести его къ ней и черезъ него узнать что могу я для нея сдѣлать. Но старый Акъ-Маматовъ положительно исчезъ; какъ послѣ оказалось, онъ послѣдовалъ за генераломъ Кауфманомъ въ Оренбургскій лагерь, предполагая что и я туда отправился.

Между тѣмъ я не могъ отвязаться отъ преслѣдующаго меня молящаго взгляда ханской жены даже послѣ того какъ она скрылась за дверями гарема; не могъ забыть я ея лица, проникнутаго такою женственностью посреди враговъ ея племени и религіи и всѣхъ этихъ женщинъ и дѣтей, отъ нея одной, какъ видно, ожидающихъ помощи и совѣта. Я

рѣшился свидѣться съ нею опять и, если возможно, ей помочь. На горе мое, я никогда до тѣхъ поръ не видалъ офицера которому былъ порученъ присмотрѣть за дворцомъ, и не могъ луститься въ разспросы не возбуждая его подозрѣній. Искренно проклиналъ я Акъ-Маматова, который не слѣдовалъ за мною, какъ ему было приказано; но такъ какъ ясно было что его нѣтъ нигдѣ ни во дворцѣ ни по близости, то я рѣшился дѣйствовать одинъ.

XI. Приключеніе въ гаремѣ.

Первою заботой моею было отыскать другой входъ въ гаремъ. Я зналъ что былъ еще входъ съ главнаго двора, но и тамъ стояли часовые.

Побродивъ нѣкоторое время кругомъ, пройдя двумя маленькими дворами и цѣлымъ рядомъ комнатъ, непосредственно за главнымъ дворомъ, я наконецъ набрелъ на узкую, крутую и темную лѣстницу, ведущую вверхъ. Я поднялся по ней и очутился на вершинѣ наружной дворцовой стѣны. Дворецъ, оказалось, примыкалъ прямо ко внутренней сторонѣ стѣны цитадели; посмотрѣвъ внизъ между зубцовъ стѣны, я увидалъ что вышина ея тутъ была отъ 40 до 50 футовъ. Я направился къ большой четырехугольной башнѣ, зная что въ той сторонѣ долженъ быть гаремъ.

Скоро дошелъ я до мѣста съ котораго открывался видъ на главный дворъ гдѣ генералъ Головачевъ спалъ сномъ усталаго воина. Я былъ на крылѣ башни, образующемъ здѣсь платформу футовъ въ десять вышины, почти на одномъ уровнѣ съ высокими стѣнами цитадели.

Внимательно прислушавшись, я различилъ неясный говоръ человѣческихъ голосовъ, долетавшій ко мнѣ сверху. Въ башнѣ были часовые.

Время близилось къ полуночи, и городъ лежалъ въ тихомъ, сонномъ спокойствіи, весь залитый яркимъ потокомъ луннаго свѣта. Вся мѣстность преобразилась. Плоскія главныя крыши казались мраморными; точно великаны часовые поднимались надъ городомъ неясныя очертанія высокихъ, стройныхъ минаретовъ. Мѣстами разоглазились черными пятнами маленькіе дворы и густые сады, изъ которыхъ высились тѣмныя массы вазовъ, да тянулись къ небу

бу стройные толпы. Вдали обрисовывались неясныя очерта- нія наружныхъ городскихъ стѣнъ съ ихъ зубцами и башня- ми, совсѣмъ казалось уходящими въ небо и сливающимися съ туманнымъ горизонтомъ. Это уже не былъ дѣйствительный, обитаемый городъ, а скорѣе мѣсто дѣйствія волшебныхъ арабскихъ сказокъ изъ *Тысячи и одной ночи*.

Большой дворъ гарема, лежавшій у моихъ ногъ, былъ на половину освѣщенъ мѣсяцемъ, тогда какъ остальная его часть была покрыта густою зубчатою тѣнью стѣны. Изъ это- го мрака повременамъ выбѣгала женская фигура и промельк- нувъ на дворѣ быстро исчезала въ другой сторонѣ, а въ ло- кояхъ, расположенныхъ вокругъ двора, изрѣдка мелькали огни. Я вошелъ въ башню и напалъ на дверь запертую ви- сячимъ замкомъ; впрочемъ, кесаки такъ слабо держались у стѣнъ что оказалось весьма не труднымъ снять ее не производя почти никакого шума. За дверью оказалась каменная лѣстница безъ перилъ, ведущая въ освѣщен- ный мѣсяцемъ дворъ; одна только стѣна гарема и отдѣляла его отъ двора гдѣ расположилась генералъ Головачевъ. Слу- ствавшись въ этотъ дворъ, я увидѣлъ предъ собою два вы- хода, одинъ—ведущій къ главному входу, у котораго стояли часовые, а другой—по всей вѣроятности, во внутреннія ком- наты гарема. Подумавъ немного и прислушавшись, я на- правился къ этому послѣднему. Не могу, впрочемъ, сказать чтобъ я вошелъ совершенно спокойно. Темнота была непро- ницаемая, я же не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о томъ куда попаду, какія могутъ представиться мнѣ препятствія, на ка- кія западни я могу наткнуться въ этомъ мракѣ; я могъ встрѣтиться и съ вооруженными людьми, которымъ легко еще было здѣсь скрываться, или съ охранителями гарема, и зналъ чего могу ожидать въ такомъ случаѣ; могъ, на- коонецъ, просто заблудиться въ этомъ лабиринтѣ корридоровъ, не найти до утра дороги обратно, а быть найденнымъ здѣсь Русскими вовсе не представлялось мнѣ пріятнымъ окончані- емъ моихъ походовъ.

Темерь, впрочемъ, было уже слишкомъ поздно отступать, и взявъ револьверъ въ одну руку, и ощупывая дорогу другой, я вступилъ въ корридоръ, который, казалось мнѣ, долженъ былъ идти по направлению того двора гдѣ я видѣлъ предъ- тѣмъ мелькавшія въ лунномъ свѣтѣ женскія фигуры.

Ощупывая дорогу по стѣнѣ, такъ какъ часто заш-

гать спички я избѣгалъ, боясь привлечь чье бы то ни было вниманіе, я скоро набрелъ на дверь, которая подавалась при первомъ прикосновеніи, и вышелъ на открытое, освѣщенное луною мѣсто; первую мою мыслью было что я оялъ вышелъ на прежній дворъ, но осмотрѣвшись кругомъ я увидаль что это совсѣмъ не то. Дворъ этотъ былъ гораздо меньше, корридоръ продолжается у стѣнъ, отдѣленный отъ двора низкою перегородкой, тогда какъ на вышинѣ футовъ пятнадцати выдавалась надъ нимъ дворцовая крыша, что и образовало такимъ образомъ нѣчто въ родѣ высокаго юртка. Осторожно обхожу я вкругъ двора, стараюсь, насколько возможно, держаться въ тѣни, пока не подхожу къ другому корридору. Здѣсь опять прихотилось подвигаться во тьмѣ крошечной, пока я не вошелъ въ высокую комнату, слабо освѣщенную мѣсяцемъ черезъ маленькія квадратныя отверстія потолка. Изъ этой комнаты нашелъ я не одинъ выходъ, а цѣлыхъ пять или даже шесть, ведущихъ по разнымъ направленіямъ: припоминая впрочемъ, насколько могъ, положеніе большаго двора, я выбралъ ту дверь которая, по моимъ соображеніямъ, всего вѣроятнѣе могла привести меня въ его сторону. Но должно-быть частыя повороты и темнота совершенно сбили меня съ толку, такъ какъ я попалъ въ совершенный лабиринтъ самыхъ запутаннѣйшихъ проходовъ и крошечныхъ комнатъ, которыми не предвидѣлось конца. Я захватилъ съ собою на всякій случай огарокъ свѣчи и коробку спичекъ. Чаше и чаще сталъ я теперь зажигать спички, думая что при свѣтѣ ихъ найду какое-нибудь указаніе настоящей дороги; но и это не привело ни къ чему: я окруженъ былъ одними голыми стѣнами и ничто не изобличало недавняго пребыванія здѣсь мушкетъ или женщинъ. Кладушки эти были величиной отъ восьми до пятнадцати квадратныхъ футовъ и должны были быть совершенно темны даже днемъ, такъ какъ мнѣ не подалось въ нихъ ни одного отверстия черезъ которое могъ бы проходить свѣтъ. Можно бы принять ихъ за темницы, еслибы не глиняныя стѣны, не допускавшія этой мысли. Какъ послѣ оказалось изъ обыска произведеннаго по распоряженію генерала Кауфмана, въ кавказскомъ дворцѣ вовсе не существовало темницъ. Въ сущности, темничное заключеніе есть уже наказаніе изобрѣтенное угнетенною жестокостію, неизвѣстною въ Хивѣ. Тамъ людямъ рѣжутъ носы, уши или головы, подосуютъ бичами, доби-

ваютъ каменьями, но въ темницы не запираютъ никогда; во всей Хивѣ нѣтъ даже на одного зданія гдѣ бы и недѣлю можно было продержатъ заключеннаго.

Опустя немного времени, я попадаю въ большую низкую комнату съ нѣсколькими старомодными глиняными печами, въ родѣ тѣхъ что можно встрѣтить въ домѣ почти каждаго американскаго фермера, на каждой печи было по большому чугунаому котлу, а кругомъ были разбросаны всякаго рода кухонныя принадлежности. Это была, повидимому, дворцовая кухня.

Еще нѣсколько шаговъ и я очутился въ комнатѣ съ такимъ мокрымъ и грязнымъ поломъ что я сталъ жечь спичку за спичкой чтобы хорошенько оглядѣться. Каковъ же былъ мой ужасъ когда я увидалъ что стою на самомъ краю колодца, огороженнаго одною низкою закраиной.

Сильно перелуганный, я зажегъ имѣвшійся при мнѣ огарокъ и рѣшился лучше встрѣтиться лицомъ къ лицу со всѣми Хивинцами которые могли здѣсь скриваться, нежели еще далѣе подвергаться риску упасть въ воду или въ какую-нибудь ужасную яму. Колодезь находился въ маленькой, закрытой и низкой комнатѣ, проникнутой особеннымъ запахомъ, присущимъ скелетамъ, и никакъ не могъ я сообразить почему такое необыкновенное мѣсто было выбрано для колодца. Вода въ немъ должна была отстоять футовъ на 50 отъ поверхности, насколько я могъ заключить бросивъ туда комъ земли.

Опять сталъ я внимательно прислушиваться—и опять безо всякаго результата. Это безмолвіе начинало уже меня тяготить; неестественность всего окружающаго возбуждала какое-то жуткое, непріятное чувство. Повидимому, я былъ теперь далеко отъ жилой половины гарема, и не могъ даже сообразить въ какой сторонѣ она можетъ находиться. Впрочемъ, дѣлать было нечего, и я пустился на дальнѣйшіе поиски, но уже съ зажженою свѣчей. Скоро, однако, пришлось мнѣ убѣдиться что свѣча могла быть еще опаснѣе для меня, чѣмъ темнота. Войдя въ маленькую и низкую комнату, я замѣтилъ въ одномъ изъ угловъ большую кучу черной земли. Повинуясь какому-то непонятному побужденію, котораго теперь я не могу себѣ объяснить, я наклонился чтобы захватить въ горсть немного этой земли, но едва успѣвъ я къ ней прикоснуться, какъ отдернулъ руку и отскочилъ въ ужасѣ.

Это былъ порохъ. Пробѣжавъ двѣ-три комнаты, я прислонился къ стѣнѣ, еще весь дрожа отъ страха.

Этотъ примѣръ безопасности Туркменъ въ обращеніи съ порохомъ былъ уже не первымъ на моихъ глазахъ; во дворцѣ Хазарь-Асла точно также нашли мы порохъ рассыпаннымъ во многихъ мѣстахъ безо всякаго призора. Въ этой одной маленькой комнатѣ его было достаточно чтобы взорвать весь ханскій дворецъ, а я уже въ продолженіи цѣлаго часа рассказывалъ по сосѣдству, зажигая спички и бросая по сторонамъ тлѣвшіе еще остатки ихъ. Можетъ-быть, думалось мнѣ, ханъ и нарочно наложилъ этотъ порохъ чтобы взорвать все это мѣсто, какъ часто дѣлается въ этихъ странахъ. Мнѣ припомнился ужасный разказъ о гибели китайскаго правителя Кульджи. Предвидя что магометане скоро возьмутъ городъ, онъ собралъ весь свой штатъ, совѣтниковъ, министровъ, женъ и дѣтей, какъ бы для переговоровъ о томъ что лучше предпринять. Во время засѣданія этого совѣта слышались крики входящихъ въ городъ побѣдителей; не долго думая, правитель потихоньку опустилъ свою трубку съ огнемъ около себя на полъ, куда была проведена дорожка пороха отъ пороховаго магазина, находившагося вверху, и тѣмъ разомъ положилъ конецъ всѣмъ своимъ заботамъ и недоразумѣніямъ. Исторія эта, пришедшая на умъ въ подобную минуту, не могла быть очень успокоительною. Все это похожденіе мое начало мнѣ представляться несообразнымъ и глупымъ до нельзя; я даже не могъ и понять какимъ путемъ дошелъ я до такого пидіотизма чтобы предпринять его.

Однако, у меня не было лишняго времени на раскаяніе, я взялъ свѣчу чтобы возвратиться назадъ, рѣшаясь предоставить гаремной царцѣ самой, какъ знаетъ, распутываться со своими дѣлами. Я уже два раза какимъ-то чудомъ избѣжалъ, казалось, неминуемой смерти, и этого было для меня слышкомъ достаточно.

На дѣлѣ, впрочемъ, оказалось что выбраться отсюда не такъ-то легко. Проходя въ болѣе получаса по этому лабиринту комнатъ и не находя никакого выхода, я уже начиналъ думать что заблудился окончателно, когда судьба сжалилась надо мною, и я очутился въ широкомъ корридорѣ. Не имѣя ни малѣйшаго понятія въ которой сторонѣ можетъ быть выходъ, я повернулъ наугадъ направо, рѣшившись, впрочемъ, немедленно возвратиться, если не найду его въ этой сторонѣ,

и искать съ другой, но ни въ какомъ случаѣ не углубляться олять въ эти залутанныя каморки.

У конца корридора нашель я залертую дверь. Думая что мнѣ посчастливилось напасть на выходъ, я уже собираюся толкнуть ее, когда меня внезапно поразилъ звукъ голосовъ, долетавшихъ изъ-за нея. Послѣшно задулъ я свѣчу и, притавъ дыханіе, сталъ внимательно прислушиваться. Одного момента достаточно было чтобы разпознать что голоса были женскіе, а черезъ нѣсколько минутъ я уже почти былъ убѣжденъ что мушинъ въ этой комнатѣ не было.

Повидимому, я подошелъ къ гарему именно въ ту минуту когда меньше всего объ немъ думалъ, и теперь меня отдвляла отъ него одна деревянная дверь. Къ удивленію моему, доносившіеся до меня голоса болтали и смѣялись самымъ веселымъ и беззаботнымъ образомъ, хотя и въ нѣсколько сдержанномъ тонѣ. Изъ-за двери можно было принять ихъ за голоса толпы лавсіонерокъ, устроившихъ себѣ ночной ляръ вопреки всѣмъ лавсіонскимъ уставамъ и подъ самымъ носомъ беззаботно почивающей начальницы: женщины же, видѣнная мною въ началѣ вечера у дверей, всѣ ломали себѣ въ отчаяніи руки и плакали самымъ неутѣшнымъ образомъ: да и поводъ имѣли онѣ къ тому настолько основательный что мнѣ въ голову не приходило залодозрить искренность ихъ горя. Обстоятельство это нѣсколько сбивало меня съ толку, но сообразивъ что въ началѣ онѣ готовились къ тому что Русскіе по меньшей мѣрѣ порубятъ имъ головы, а теперь убѣдились что никто и не думаетъ, имъ дѣлать никакого вреда, я помялъ ихъ веселость, и уже не находилъ ее странною.

Я повернулъ ручку двери, но она не подавалась; толкнулъ ее также безъ успѣха: повидимому она была приперта изнутри.

Я рѣшилъ наконецъ постучаться. Но находившіеся за дверью были, повидимому, такъ заняты своимъ дѣломъ что не услышали стука въ дверь; я принужденъ былъ повторить его нѣсколько разъ прежде нежели онѣ привлекутъ ихъ вниманіе. Тогда, вдругъ, всѣ голоса смолкли и воцарилась мертвая тишина.

Я тихо постучался олять.

Черезъ минуту у самыхъ дверей послышался шопоть и сдержанное хихиканье. Я олять постучался, и на этотъ

разъ изъ-за двери раздался мягкій женскій голосъ и сказалъ мнѣ что-то на татарскомъ нарѣчїи, напоминавшемъ нѣчто среднее между щебетомъ птицы и журчаньемъ воды. Я, конечно, не понималъ ни слова, но не трудно было догадаться что она спрашиваетъ „кто тамъ“. Я отвѣчалъ „аманъ“, что значитъ „миръ вамъ“, обыкновенное привѣтствіе въ подобныхъ случаяхъ, и опять мысленно отправилъ Акъ-Маматова въ преисподнюю за его способность исчезать именно въ ту минуту когда я всего болѣе въ немъ нуждался. Послышался тотъ же сдержанный хохотъ, а затѣмъ тѣ же слова „аманъ, аманъ“ повторяются изъ-за двери нѣсколько разъ вопросительнымъ тономъ, точно съ требованіемъ подтвержденія моихъ миролюбивыхъ намѣреній. Я не замѣдлалъ повторить заветное слово; послышался стукъ задвижки, дверь распахивается и меня привѣтствуютъ взрывомъ самаго веселаго хохота.

Сознаюсь, никогда не былъ я болѣе удивленъ во всю свою жизнь. Я готовился къ тому что всѣ въ страхѣ разбѣгутся увидавъ кто я такой, что мнѣ будетъ стоить величайшаго труда ихъ уговорить и успокоить, онѣ же не только не выказывали никакого страха, но какъ будто бы ждали меня какъ приглашеннаго гостя. Ихъ было человекъ восемь — нѣкоторыя старыя и уродливыя, другія молодыя и хорошенькія. Одѣтыя въ свои странныя костюмы, онѣ всѣ столпились у двери, и я тутъ же распозналъ между ними ту что привлекла мое вниманіе еще въ началѣ вечера. Она сама отпирала задвижку, и теперь стояла держась одною рукою за дверь, а другою держа немного надъ головою каменную лампу отъ которой падалъ мерцающій свѣтъ на всю эту сцену. Она пристально всматривалась въ меня своими глубокими глазами, и только сдержанно улыбалась, тогда какъ другія продолжали хохотать.

Придя немного въ себя, я также не могъ не разсмѣяться, проговорилъ: „саламъ“, и попросилъ у нихъ чаю. Это онѣ поняли немедленно, и та которую я еще прежде называлъ ихъ повелительницей выступила впередъ, взяла меня за руку и вывела сначала на крошечный дворикъ, въ восемнадцать квадратныхъ футовъ, а оттуда уже на большой дворъ, освѣщенный мѣсяцемъ. Остальныя слѣдовали за ними, болтая самымъ оживленнымъ образомъ.

Это былъ главный дворъ гарема; для Хивы онъ былъ очень

О подпискѣ на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ въ 1875 году.

Годовое изданіе РУССКАГО ВѢСТНИКА, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, будетъ стоить въ 1875 въ Москвѣ и Петербургѣ, безъ доставки, **пятнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ**, съ доставкою на домъ въ Москвѣ и Петербургѣ **шестнадцать рублей** и съ почтовою пересылкою во всѣ мѣста Россіи **семнадцать рублей**.

Заграничные высылаютъ за доставку въ государство Германскаго Почтоваго Союза—18 р.; въ Италію, Бельгію, Нидерланды, Швейцарію, Сербію и Румынію—19 р.; въ Англію, Данію, Швецію, Грецію, Европейскую Турцію и Францію—20 р. 50 к.; въ Испанію, Португалію, Норвегію и Сѣверно-Американскіе Соединенные Штаты—21 р. 60 к. Въ прочія мѣста за границей по предварительному соглашенію съ редакціей.

Подписка на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ принимается:

ВЪ МОСКВѢ:

Въ конторѣ Университетской Типографіи на Страстномъ Бульварѣ; въ книжной лавкѣ И. Г. Соловьева (бывшей Базулова), на Страстномъ Бульварѣ, въ домѣ Алексѣева.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ книжной лавкѣ Базулова, на Невскомъ Проспектѣ, у Казанскаго моста, домъ № 30.

Въ почтовыхъ мѣстахъ Имперіи подписка на Русскій Вѣстникъ не принимается.

Иногородные адресуются исключительно: въ редакцію РУССКАГО ВѢСТНИКА, въ Москвѣ.

О подпискѣ на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ въ 1875 году.

Цѣна за МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ на 1875 годъ: въ Москвѣ, безъ доставки на домъ, на 12 мѣсяцевъ, безъ казенныхъ объявленій **тринадцать рублей сер.**; съ доставкою на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкою во всѣ мѣста Россіи **шестнадцать рублей сер.**; съ казенными объявленіями, издаваемыми особо три раза въ недѣлю, цѣна безъ доставки **пятнадцать рублей**; съ доставкою и пересылкою **восемнадцать рублей сер.**

Подписка на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской типографіи, на Страстномъ Бульварѣ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°.)
на Страстномъ Бульварѣ.

